This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

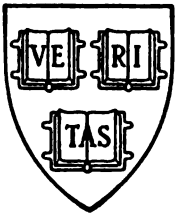
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4341.1.5



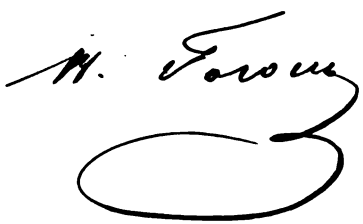
Harvard College Library

FROM

George R. Noyes

G. R. Noyes

Грав. на стали Ф.А.Брокгаузъ въ Лейпцигѣ.



Изданіе А.Ф.Маркса въ СПБ. Печ.въ арт. зав.А.Ф.Маркса въ СПБ.

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ

10

ИЗДАНІЕ ДЕСЯТОЕ

Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній

Николаемъ Тихонравовымъ
и
Владиміромъ Шенрокомъ

Съ приложеніемъ портрета Гоголя, гравированнаго на сталн Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, и 3-хъ снимковъ съ собственноручныхъ рисунковъ Гоголя

6

ТОМЪ ШЕСТОЙ

МОСКВА и С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА
1896

Slav 4341.1.5

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Принявъ на себя большой и отвѣтственный трудъ по окончанію настоящаго изданія сочиненій Гоголя, остановившагося за смертью Н. С. Тихонравова на первой половинѣ предлагаемаго шестаго тома (покойнымъ были отпечатаны только первые двадцать листовъ), мы поставили своей задачей, сохраняя вполнѣ прежній планъ и программу, исполнить дѣло, насколько могли, такъ, какъ, казалось намъ, было бы оно исполнено покойнымъ. Нашъ взглядъ на достоинства и значеніе образцоваго изданія Н. С. Тихонравова мы имѣли уже случай выразить публично въ посвященномъ памяти послѣдняго торжественномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности 13 марта 1893 года — въ рѣчи, напечатанной потомъ, въ дополненномъ видѣ, въ сборникѣ: „Памяти Тихонравова“ (стр. 92—122). Позволимъ себѣ въ виду этого остановиться здѣсь *исключительно* на нѣкоторыхъ соображеніяхъ, заставившихъ насъ по разнымъ причинамъ допустить въ частностяхъ незначительныя отступленія отъ установленнаго или предположеннаго порядка.

Первое замѣчаніе касается карманныхъ записныхъ книжекъ Гоголя, относительно которыхъ въ оставшихся послѣ покойнаго Тихонравова конспектахъ и программахъ замѣчается нѣкоторое колебаніе, помѣстить ли ихъ въ полномъ видѣ, или въ выдержкахъ, и, наконецъ, въ послѣднемъ, предсмертномъ, экземплярѣ программы этотъ пунктъ оказывается почему-то совершенно пропущеннымъ, — вѣроятно, вслѣдствіе той же причины. Хотя въ „Предувѣдомленіи“ къ названному тому Н. С. Тихонравовъ писалъ между прочимъ: „въ шестомъ томѣ предполагается помѣстить *выдержки* изъ записныхъ книжекъ Гоголя“ (см. т. I, стр. XXII) и въ изданіи „Царь-Коло-

колъ“ тоже были напечатаны *только* выдержки, но уже позднѣе въ нѣкоторыхъ конспектахъ намѣчено изданіе въ VI томѣ „*полнаго текста* карманныхъ записныхъ книжекъ“. Въ виду этого недоумѣнія, мы рѣшаемся, съ согласія издателя, А. Ѳ. Маркса, помѣстить текстъ записныхъ книжекъ въ полномъ видѣ. Затѣмъ нами внесено вновь въ программу VI тома небольшое дружеское шутливое пари Гоголя, сохранившееся въ той части бумагъ наслѣдниковъ великаго писателя, которая находится въ нашемъ распоряженіи съ 1887 года: пари это случайно осталось неизвѣстнымъ Н. С. Тихонравову, хотя мы предполагали сообщить его покойному въ копіи, подобно тому какъ нами сообщенъ былъ ему также списокъ книгъ историческаго содержанія, подаренныхъ Гоголемъ своему другу, А. С. Данилевскому, и сообщенный намъ вдовой послѣдняго. (Спискомъ этимъ, впрочемъ, покойный Николай Саввичъ не успѣлъ воспользоваться). Далѣе опредѣленіе иностранныхъ источниковъ, которыми пользовался Гоголь при составленіи своихъ лекцій по исторіи, мы предполагаемъ отложить до особаго изслѣдованія, такъ какъ вопросъ этотъ потребуетъ много времени и мѣста; послѣднее особенно представляетъ серьезныя трудности въ виду необыкновенно разрастающагося матеріала. Мы позволили себѣ далѣе, въ соотвѣтствіе предназначеннымъ Н. С. Тихонравовымъ къ напечатанію въ настоящемъ томѣ наброскамъ Гоголя, относящимся къ древней исторіи и сохранившимся въ одной изъ его записныхъ книгъ, помѣстить рядомъ съ ними также и тѣ немногіе, разрозненные собственноручные наброски по русской исторіи, которые встрѣтились намъ въ его бумагахъ. Основаніемъ для такого незначительнаго расширенія программы послужило для насъ то соображеніе, что если наброски эти составлены по коекакимъ сдѣланнымъ Гоголемъ *выпискамъ* изъ разныхъ источниковъ, то, подобно этому, и наброски изъ древней исторіи составлены также по указаннымъ нами въ примѣчаніяхъ редактора выдержкамъ изъ Геродота (см. выше, стр. 786—790); разница лишь въ томъ, что эти послѣдніе наброски сосредоточены въ одной и той же записной книгѣ, тогда какъ выдержки изъ русской исторіи сильно разбросаны. Полагаемъ, что, приступая къ обработкѣ для печати этого отдѣла VI тома, Н. С. Тихонравовъ обратилъ бы на нихъ вниманіе и помѣ-

стилъ бы ихъ. Особенно же слѣдуетъ намъ оговориться относительно помѣщенія на ряду съ Гоголевскимъ текстомъ полстраницы сдѣланныхъ имъ выдержекъ изъ разныхъ книгъ (см. выше, стр. 440—441). Это было допущено нами въ связи съ заглавіемъ наброска Гоголя: „Мысли и замѣтки собственныя“: уже такое заглавіе побуждало насъ дать мѣсто вызвавшимъ его выпискамъ изъ чужихъ сочиненій, тѣмъ болѣе, что *послѣднія,* напечатанныя притомъ болѣе мелкимъ шрифтомъ, не могли слишкомъ обременить книгу. Остальныя же выписки будутъ отмѣчены нами въ слѣдующемъ томѣ, въ отдѣлѣ описанія рукописей.

Единственное, сдѣланное нами, намѣренное отступленіе отъ традиціи Н. С. Тихонравова касается орѳографіи. Какъ видно изъ отпечатанныхъ первыхъ двадцати листовъ, покойный ученый старался сохранить въ своемъ изданіи тѣ изъ особенностей Гоголевскаго правописанія, которымъ великій писатель оставался вѣренъ постоянно. Такъ Гоголь всегда писалъ: „всякой“, „мѣлкій“ и проч. Но какъ показало дѣло, сохранить въ данномъ случаѣ безусловную послѣдовательность оказалось рѣшительно невозможнымъ; укажемъ напр. на 15 страницѣ предлагаемаго тома въ VI явленіи „Жениховъ“ въ одной и той же репликѣ Жевакина: „пожалуйста, душинька“, „спасибо, душинька“ и „благодарю, душенька“. И дѣйствительно, такую же точно непослѣдовательность мы встрѣчаемъ и въ подлинной рукописи. Въ виду этого, не находя возможнымъ установить строгую границу между нѣкоторыми прихотливыми особенностями Гоголевскаго правописанія и случайными орѳографическими ошибками нашего писателя, мы находимъ болѣе удобнымъ отмѣчать то и другое въ варіантахъ, удерживая лишь, по примѣру Н. С. Тихонравова, такія особенности Гоголевской транскрипціи, какъ напр. щекатурка, сурьезный. Сохраненіе же своеобразностей Гоголевскаго правописанія можетъ иногда производить на читателя непріятное впечатлѣніе частыхъ опечатокъ; такъ на стран. 4-й встрѣчаемъ слѣдующія точно воспроизведенныя по рукописи ошибочныя начертанія: „безъотчетный, суботній, мѣлкій“; очень часто встрѣчается также у Гоголя невѣрное начертаніе: „мелодрамма“ (но иногда и правильно съ однимъ м) и проч. Лично, впрочемъ, мы не склонны придавать значеніе собственно *правописанію* Гоголя.

Послѣднее замѣчаніе — о цыфрахъ, которыми въ Гоголевскомъ текстѣ отмѣчены соотвѣтствующіе имъ въ концѣ книги варіанты. Въ двухъ послѣднихъ томахъ ихъ гораздо больше, нежели въ предыдущихъ, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ далеко не выработаннымъ текстомъ. Въ виду этого при сверсткѣ листовъ изъ формъ неизбѣжно вкрадывались опечатки. Чтобы не сбивать читателя, мы приняли за правило въ варіантахъ выставлять строго соотвѣтствующія цыфры находящимся въ текстѣ, хотя бы порядокъ ихъ былъ не вполнѣ вѣренъ[1]).

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ отмѣтить, что, кромѣ первыхъ двадцати печатныхъ листовъ, которыхъ редакція принадлежитъ всецѣло покойному Н. С. Тихонравову, мы воспользовались составленными имъ варіантами къ статьямъ: „Непогода“, „Хромой чортъ“, „О поэзіи Козлова“ и къ „Женитьбѣ“; всѣ же остальные варіанты и примѣчанія редактора (кромѣ „Очерка исторіи текста „Ревизора“), составлены нами.

Считаемъ долгомъ принести нашу искреннюю благодарность слѣдующимъ лицамъ, способствовавшимъ полученію нами рукописей Гоголя, необходимыхъ для изданія: академику А. Ѳ. Бычкову, профессору Алексѣю Н. Веселовскому, директору Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института Ѳ. Ѳ. Гельбке, а равно и Конференціи означеннаго института и товарищу предсѣдателя Московскаго Историческаго Музея И. Е. Забѣлину.

В. Шенрокъ.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ варіантахъ для краткости, въ виду обширнаго объема книги, опущены объясненія, что приводимыя слова стояли въ текстѣ — до замѣны ихъ соотвѣтствующими словами, вошедшими въ печатную редакцію.

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ

ТОМЪ VI

НЕПОГОДА.

„Невеселъ ты?“ — „Я веселъ былъ“,
Такъ говорю друзьямъ веселья:
„Но радость жизни пережилъ
И грусть зазвалъ на новоселье. —
Я молодъ былъ, и свѣтлый взглядъ
Былъ непечаленъ: съ тяжкой мукой
Не зналось с[ердце]; . . . . . ый садъ
И голу . . . . . .
Не . . . . . .
. . . . . .
[Тепе]рь, какъ осень, вянетъ младость;
Угрюмъ; не веселится мнѣ,
И я тоскую въ тишинѣ
Одинъ, и радость мнѣ не радость.
Смѣясь, мнѣ говорятъ друзья:
„Зачѣмъ расплакался? погода
И разгулялась, и ясна,
И не темна, какъ ты природа“.
А я въ отвѣтъ: „Мнѣ все равно,
Какъ день, всѣ измѣненья года;
Свѣтло ль, темно ли, — все одно,
Когда въ семъ сердцѣ непогода“.

ХРОМОЙ ЧОРТЪ.

Малороссіяне той вѣры, что (въ пеклѣ=)[1] въ адѣ хитрѣе всѣхъ и умнѣе хромой [крывый][2] чортъ. Думаю, всякому малороссіянину извѣстенъ анекдотъ про солдата, попавшагося, за грѣхи, по смерти въ пекло и насолившаго такъ крѣпко чертямъ (обитателямъ его)[3], что они не находили никакихъ средствъ выгнать его. Вотъ гурьбою обратились къ крывому чорту, жалуясь[4]: „що проклятый москаль усе пыше по стинамъ хрести та монастыри, такъ що доброму человѣку ни якъ не можно жить у пекли“. Хромой чортъ на другой день надѣлъ барабанъ[5], ударилъ подъ пекломъ зорю — солдатъ, услышавши объ этомъ[6] и схвативши амуницію, въ одно мгновеніе выбѣжалъ вонъ, и такимъ образомъ избавились черти отъ такого неугомоннаго гостя.

О ПОЭЗІИ КОЗЛОВА.

Свѣтлый, полный, — раздольное море жизни, — міръ древнихъ грековъ не властенъ былъ дать направленіе поэзіи[7] Козлова. Когда весь блескъ, все разнообразіе постоянно-свѣтлой, въ безчисленныхъ формахъ проявляющейся жизни природы[8] слилось для него въ одну ужасную единицу — въ мракъ, могла ли душа жить прежними ясными[9] явленьями? — Какъ будто въ изступленіи, какъ будто подавляемая горестью, съ порывомъ, съ немолчною жаждою — торжествовать, возвыситься надъ собственнымъ несчастіемъ, она искала другой встрѣчи и въ изумленіи остановилась предъ Байрономъ, такъ чудно обхватившимъ гигантскою мрачною душою всю жизнь

міра и такъ дерзостно посмѣявшемуся (sic) надъ нею, можетъ быть, отъ безсилія передать ея индивидуальную свѣтлость и величіе. Душѣ нашего поэта желалось обвиться около этой гордо-одинокой души, исполински замышлявшей заключить въ себѣ, въ замѣну отвергнутаго, собственный, ею же созданный, нестройный и чудный міръ, и, обвившись около нея, горько улыбнуться уже несуществующей для нея прежней Иліадѣ жизни. Кроткое христіанское величіе вѣры, такъ доступное человѣку въ то страшное мгновеніе перерожденія его, проникло и облекло чистымъ сіяніемъ своимъ все, полученное имъ въ сообществѣ съ душою этого исполина, съ которымъ мѣряться не имѣлъ онъ достаточныхъ силъ[1], и сообщило ему индивидуальность, безъ которой онъ былъ бы только безсильнымъ подражателемъ. Но даже и въ тихомъ порывѣ религіозной души своей, когда благословляетъ онъ тяжкій крестъ несчастій, вырывается у него скорбь, какое-то, можно сказать, даже злобное наслажденіе души собственными муками. Онъ сильно даетъ чувствовать всѣ великія, горькія траты свои, (иногда=)[2] часто собираетъ въ одинъ моментъ все исчезнувшее, живо представляетъ его во всемъ ослѣпительномъ блескѣ, чтобы показать вмѣстѣ (съ тѣмъ)[3], чего стоитъ ему позабыть (о немъ)[4] и удалить мысль о немъ. Глядя на радужные цвѣта и краски, которыми кипятъ и блещутъ его роскошныя картины природы, тотчасъ узнаешь съ грустью, что они уже утрачены для него навѣки: зрящему никогда бы не показались бы (sic!) они въ такомъ яркомъ и даже увеличенномъ блескѣ. Они могутъ быть достояніемъ только такого человѣка, который давно уже не любовался ими, но вѣрно и сильно сохранилъ объ нихъ воспоминаніе, которое росло и увеличивалось въ горячемъ воображеніи и блистало даже въ неразлучномъ съ нимъ мракѣ. Но и въ сихъ созданіяхъ, въ которыхъ, кажется, онъ стремится позабыть все грустное, касающееся собственной души, и ловитъ невидимыми очами видимую природу — и здѣсь, и подъ цвѣтами, горитъ тихая печаль. Онъ весь въ себѣ. Весь нераздѣльный міръ свой носитъ въ душѣ и не властенъ оторваться отъ него. Иногда стремленіе его центробѣжно и будто хочетъ разлиться во внѣшнемъ, но для того только, чтобы снова съ большею силою устремиться къ своему центру — самому себѣ, какъ будто угадывая, что тамъ только его жизнь, что

тамъ только найдетъ отвѣтъ себѣ. Если онъ долго останавливается[1] на внѣшнемъ какомъ-нибудь предметѣ, онъ уже лишаетъ его индивидуальности: онъ проявляетъ уже въ немъ самого себя, видитъ и развиваетъ въ немъ міръ собственной души. Мнѣ кажутся и донынѣ странными замѣчанія и упреки многихъ Козлову, что въ поэмахъ у него вѣчное тожество и однообразіе жизни, что лица его не имѣютъ полной романической отдѣлки и не живутъ собственною жизнью, что „Безумная“ нимало не похожа на русскую крестьянку, — словомъ, требуютъ отъ Козлова того, чего только вправѣ мы требовать отъ Пушкина, забывая, что для Козлова полная разнообразія внѣшняя жизнь не существуетъ, что весь міръ его сосредоточился въ немъ самомъ и его одного силенъ онъ слѣдить въ многоразличныхъ измѣненіяхъ[2], а лица и герои у него только образы, условные знаки, въ которые облекаетъ онъ явленія души своей, что обнять во всей полнотѣ внутреннюю и внѣшнюю жизнь — удѣлъ генія всемірнаго и что наконецъ Козловъ относится къ Пушкину такъ, какъ часть къ цѣлому. Поэтъ понимаетъ все достоинство послѣдняго. Оно лестнѣе жаркой душѣ его и кадилъ, и безъотчетныхъ хвалъ. И для кого не блистательна, кому незавидна участь: быть частью необъятнаго Пушкина!! *)

---

*) Новыя прелестныя стихотворенія Козлова: „Суботній вечеръ“, переводъ и мѣлкія съ трогательнымъ „Посвященіемъ“ — прекраснымъ цвѣткомъ, брошеннымъ на гробъ

Той красотѣ, которой много
Россійскій жертвовалъ Парнассъ,
Когда туманною дорогой
Брела поэзія у насъ[3].

Находится въ такихъ-то книжныхъ лавкахъ. Продается по такой-то цѣнѣ.

КЪ ИСТОРІИ ТЕКСТА КОМЕДІИ

„ЖЕНИТЬБА“.

I.

ЖЕНИХИ

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Комната.

[ЯВЛЕНІЕ 1-е].

Авдотья Гавриловна (*одна*).

Авдотья Гавриловна. Что это, Господи Боже мой, долго ли я буду въ дѣвкахъ оставаться? Нѣтъ да и нѣтъ жениховъ! Вымерли, какъ будто отъ чумы. Бывало прежде благовоспитанные люди сами отправляются искать невѣстъ, а теперь ищи ихъ. Ей Богу, никакого уваженія къ женскому полу![1] Я послала Марѳу Ѳоминишну, не сыщетъ ли хоть на ярманкѣ: былъ бы только дворянинъ[2] да порядошной фамиліи. Да вотъ и ея что-то нѣтъ до сихъ поръ. Ухъ![3] и страшно, какъ подумаешь: ну вотъ, пріѣдетъ женихъ. У меня такъ[4] сердце и бьется! Да ничего, пусть пріѣзжаетъ: не будетъ страшно.

[ЯВЛЕНІЕ 2-е].

Марѳа. Здравствуй, свѣтъ мой, Авдотья Гавриловна!

[Авдотья Гавриловна]. Ахъ! что ты это, мать, куда такъ долго запропастилась?

[Марѳа]. Охъ, позволь матушка съ духомъ собраться. За твоими порученьями такъ изъѣздилась, такъ изъѣздилась, что и поясница, и бокъ, и все болитъ. Два раза кони[5] били: такіе звѣри! Засѣдатель обывательскихъ: таратайка моя вся такъ и разсыпалась. Ну, да за то ужъ могу похвастаться: какихъ я тебѣ жениховъ припасла! Вотъ, какъ орѣхи каленые,

всѣ на подборъ: одинъ другаго лучше. Сегодня, можетъ быть, они и будутъ къ тебѣ. Я нарочно спѣшила тебя предувѣдомить.

[**Авдотья Гавриловна**]. Сегодня! Ухъ![1]

[**Марѳа**]. И не пугайся, мать моя. Дѣло житейское: посмотрютъ, больше ничего; и ты посмотришь ихъ: не понравятся — ну, и уѣдутъ.

[**Авдотья Гавриловна**]. А сколько ихъ, душинька ты моя?

[**Марѳа**]. Да штукъ шесть, кажется, будетъ.

[**Авдотья Гавриловна**] Ухъ, какъ много!

[**Марѳа**]. Ну, что жъ? Лучше выбрать можно: одинъ не придется, другой придется.

[**Авдотья Гавриловна**]. Разскажи же, моя голубушка: какіе они?

[**Марѳа**]. А славные, хорошіе такіе всѣ, акуратные; напримѣръ первый — Дорофей Балтазаровичъ Жевакинъ. Такой славный! На флотѣ служилъ и такой учтивый. Какъ разъ по тебѣ придется. „Мнѣ, говоритъ, нужно, чтобы невѣста была въ тѣлѣ, а поджаристыхъ я не люблю“. А Иванъ-то Петровичъ? То такой помѣщикъ, что и приступу нѣтъ. Такой видной изъ себя, толстый! Какъ закричитъ на меня: „Ты мнѣ не толкуй пустяковъ, что невѣста такая и такая; ты скажи мнѣ напрямикъ: сколько за ней крѣпостнаго, движимаго, рухляди?“ — „Столько-то и столько-то, отецъ!“ — „Ты врешь, собачья дочь!“ Да еще, мать моя, влѣпилъ такое словцо, что (ужъ)[2] непристойно и тебѣ сказать. Я такъ въ мигъ и спознала: У! да это долженъ быть важный господинъ!

[**Авдотья Гавриловна**]. Ну, а еще кто?

[**Марѳа**]. Никаноръ Ивановичъ Онучкинъ. Это ужъ деликатесъ! Губы, мать моя, малина, совершенная малина. А самъ такой славный. „Мнѣ, говоритъ, нужно не то, чтобы невѣста[3] была такая-то и разстакая, а чтобъ хороша собой, воспитанная и чтобы по-французски умѣла говорить“. Да, онъ такой! А самъ такой субтильный, ножки узенькія, тоненькія.

[**Авдотья Гавриловна**]. О, нѣтъ, Марѳа Ѳоминишна! Знаю я этихъ субтильныхъ. Нѣтъ, ты подавай мнѣ того, который поплотнѣе.

[**Марѳа**]. А если поплотнѣе, такъ Ивана Петровича — ужъ лучше нельзя выбрать никого. Ужъ тотъ, нечего сказать, ба-

ринъ такъ баринъ: мало въ эти двери не войдетъ. Такой славный!

[**Авдотья Гавриловна**]. А сколько лѣтъ ему?

[**Марѳа**]. А человѣкъ-то еще молодой: лѣтъ 50, да и 50 еще нѣтъ.

[**Авдотья Гавриловна**]. Еще кто?

[**Марѳа**]. Акинфъ Степановичъ Пантелѣевъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ: такой скромный и тихій!

[**Авдотья Гавриловна**]. Да онъ выпить, я думаю, гораздъ?

[**Марѳа**]. А пьетъ[1]; не прекословлю: пьетъ. Что жъ дѣлать? Пьетъ — на то титулярный совѣтникъ. За то .....[2] такой тихой, какъ шолкъ!

[**Авдотья Гавриловна**]. Нѣтъ, Марѳа Ѳоминишна, я не хочу, чтобъ мой мужъ пилъ.

[**Марѳа**]. Твоя воля, мать моя. Не хочешь этого[3], возьми другихъ. Впрочемъ что жъ, что онъ выпьетъ лишнее? Вѣдь онъ не всю таки недѣлю бываетъ пьянъ: попадается такой день, что совсѣмъ трезвый.

[**Авдотья Гавриловна**]. Ѳекла Ѳоминишна! посмотри-ка въ окно: что собаки лай-то подняли?

[**Марѳа**]. Ахъ, сударыня, да это онъ!

[**Авдотья Гавриловна**]. Кто онъ?

[**Марѳа**]. Женихъ — Иванъ Петровичъ Яичница.

[**Авдотья Гавриловна**]. Ахъ, Боже! Вотъ тебѣ на! Я чуть не въ одной рубашкѣ. Слушай, голубушка Ѳекла Савишна, посиди тутъ да не пускай, если станетъ пробираться въ мою комнату. А я наскоро одѣнусь. Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! *(Уходитъ).*

[ЯВЛЕНІЕ 3-е].

[**Марѳа и Яичница**].

Яичница *(входитъ и останавливается у дверей).* А! а! Ты уже здѣсь. Экъ легка [какъ]! Стой, стой, не уходи! А что жъ барышня?

[**Марѳа**]. Ушла принарядиться, лучше жениху показаться.

[**Яичница**]. Ну, *(садится въ кресла)* разскажи, старуха: что и какъ?

[**Марѳа**]. Что жъ тебѣ, отецъ мой, разсказывать?

[**Яичница**]. Ну, разскажи про приданое: что именно? — Ты мнѣ сказала, что двадцать душъ рабочихъ. А что же бабъ? Сколько всѣхъ бабъ?

[**Марѳа**]. А много, отецъ: штукъ до двадцати пяти.

[**Яичница**]. И все уже взрослыя или малолѣт[нія]?

[**Марѳа**]. Да всякихъ есть: и великорослыя, и малорослыя.

[**Яичница**]. А рухляди-то?

[**Марѳа**]. Рухляди-то, я изволила вамъ докладывать: двѣ лисьихъ шубы да заячихъ, кацавейка горностаевая.

[**Яичница**]. Ну, далѣе.

[**Марѳа**]. Перинъ пуховыхъ большихъ четыре да малыхъ двѣ.

[**Яичница**] Да, можетъ быть, перьемъ набиты, а не пухомъ?

[**Марѳа**]. Нѣтъ, пухомъ. Ей Богу! Съ тѣмъ возьмите, что пухомъ — самый первый сортъ!

[**Яичница**]. Ну, а скотъ и тамъ прочее?

[**Марѳа**]. Рогатой скотины штукъ 15, четыре коровы дойныхъ.

[**Яичница**]. Ну, и свиньи есть?

[**Марѳа**]. Есть, батюшка, и свиньи: четыре чухонскихъ съ поросятами, такія славныя!

[**Яичница**]. А другія-то хозяйственныя заведенія, какъ напримѣръ: рыбы въ прудахъ, ...[1], пчелы?

[**Марѳа**]. Все есть, батюшка, у насъ. Я вамъ говорю, что останетесь довольны.

[**Яичница**]. Слушай, старуха: Боже тебя сохрани, если ты чего прибавила! Больно поколочу тебя.

[**Марѳа**]. Ничего, отецъ, не прибавила; все правда.

[**Яичница**]. Птицы же домашней: куръ, гусей и прочаго?

[**Марѳа**]. Сотня[2], отецъ мой; всего по сотнѣ. Ахти! опять чей-то возокъ дребезжитъ! *(Глядитъ въ окно)*. А, Никаноръ Ивановичъ, здравствуйте! Пожалуйте скорѣе сюда.

[**Яичница**]. Какой тамъ Никаноръ? Постой, я посмотрю. *(Подбѣгаетъ)*.

[ЯВЛЕНІЕ 4-е].

[Тѣже и **Никаноръ Ивановичъ**].

Никаноръ Ивановичъ *(входитъ, раскланивается)*. Здравствуйте, Ѳекла Ѳоминишна! Какъ поживаете?

Фекла Фомишна *(кланяясь)*. Слава Богу! Слава Богу! Живемъ, живемъ. А невѣста пошла принаряжаться, чтобы получше принять васъ.

[**Яичница**]. Позвольте узнать[1] вашъ чинъ и отчество, государь!

[**Онучкинъ**]. Никаноръ Ивановъ сынъ Онучкинъ, отставной поручикъ 42-го егерскаго[2] полку.

[**Яичница**]. Ну, иной и мушкетерской не уступитъ егерскому. А пріѣхали по своей охотѣ или по надобности?

[**Онучкинъ**]. Нѣтъ, такъ, прогуляться.

[**Яичница**]. Гм! вретъ.

[**Онучкинъ**]. А вы позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

[**Яичница**]. Я дворянинъ, помѣщикъ — Иванъ Петровъ Яичница, портупей-юнкеръ въ отставкѣ мушкатерскаго полка.

[**Онучкинъ**]. Имѣете ли надобность или собственно по пріятности провожденія времени?

[**Яичница**]. Да такъ, пріѣхалъ прогуляться. Что отвѣдалъ? Нѣтъ, голубчикъ. Васъ сейчасъ можно узнать: этакъ не наряжаются, какъ ты для прогулки. Жениться, подлецъ, хочетъ! —

[ЯВЛЕНІЕ 5-е].

Тѣ же и **Авдотья Гавриловна**[3].

[**Авдотья Гавриловна**]. Извините меня, дорогіе гости, что немного позамѣшкалась.

[**Яичница**]. Ничего, сударыня. *(Подходя къ ручкѣ)*. Мы слышали, что вы изволили принаряжаться?

[**Авдотья Гавриловна**]. А, это уже Фекла изволила провраться. Нѣтъ, только что подралась съ кухаркою.

[**Яичница**]. О, хозяйка! Я, сударыня[4], честь имѣю доложить, есть дворянинъ и помѣщикъ и юнкеръ въ отставкѣ мушкетерскаго полку — Иванъ Петровичъ Яичница. Лично будучи подвинутъ добродѣтелями вашего пола, пріѣхалъ изъявить готовность съ своей стороны.

[**Авдотья Гавриловна**]. Милости просимъ.

[**Яичница**]. Вы не смотрите, сударыня, что у меня плѣшь

на головѣ: это отъ лихорадки. Это выростетъ, это ничего. *(Въ сторону).* Не слишкомъ однакожъ казиста.

[Онучкинъ]. А я, сударыня, Никаноръ Ивановъ Онучкинъ, отставной поручикъ 42-го егерскаго полку. *(Въ сторону).* Что-то однакожъ есть.... такое.... не то.

[Яичница]. Впрочемъ, сударыня, что мушкетерскій, что егерскій — это совершенно все равно.

[Авдотья Гавриловна]. Не прогнѣвайтесь[1], почтенные гости, если не по чинамъ угощу васъ[2]. Если бы я знала о вашемъ пріѣздѣ, я бы приготовила рыбій соусъ или хоть бараній бокъ съ кашею[3]; но вмѣсто того за столомъ будетъ только щи да кулебяка да грибы жареные, да дроченое. Право, мнѣ ужъ и совѣстно.

[Яичница]. Ничего, сударыня; не безпокойтесь: всѣмъ будемъ довольны.

[Онучкинъ]. Ничего.

[Яичница]. Вы благое дѣло вздумали, сударыня, что рѣшились упрочить судьбу свою. И подлинно, если разсудить хорошенько, то состояніе дѣвичье есть самое непріятное. Жена безъ мужа — все телѣга безъ колесъ: ѣздить безъ колесъ, какъ вамъ извѣстно, никакъ нельзя. Да и самое положеніе ея притомъ: всякій можетъ обидѣть, всякій можетъ обидѣть.

[Онучкинъ]. Да, совершенно безъ всякой защиты.

[Яичница]. А мужа непремѣнно должно имѣть[4]: это, сударыня, законъ велитъ.

[Онучкинъ]. Притомъ въ супружескомъ состояніи столько удовольствій, пріятнаго препровожденія времени съ женою образованною, утонченною...

[Яичница]. Да, сударыня[5]. Только нужно выбирать супруга степеннаго, дебелаго, опору твердую, а эдакихъ не смотрите — худощавенькихъ и длинныхъ: такой сей часъ переломится.

[Онучкинъ]. Мужъ долженъ быть[6] образованный.

[Яичница]. Да, да, образованный и потолще собою.

[Онучкинъ]. Утонченный.....

[Яичница]. Да, утонченный и собою поплотнѣе.

[Онучкинъ]. Который былъ бы[7] любезенъ въ обществѣ и въ пріятномъ обращеніи.

[Яичница]. Да, въ обращеніи и въ обществѣ и чтобы притомъ имѣлъ солидность и достаточную толщину.

Фекла. Сударыня! еще ѣдетъ одинъ.

[Авдотья Гавриловна]. Вотъ тебѣ на! Ахъ, Боже мой! *(Бѣжитъ)*[1].

[Яичница]. Куда вы, сударыня?

[Авдотья Гавриловна]. Нужно, очень нужно. *(Уходитъ).*

[Онучкинъ]. Невѣста впрочемъ довольно развязная[2]; носъ только очень длиненъ.

[Яичница]. Ну, нельзя сказать, чтобы очень. Нѣтъ, хорошая, красавица.

[Онучкинъ]. Не то, совсѣмъ не то.

[Яичница]. А что жъ такое?

[Онучкинъ]. Вотъ, позвольте, я вамъ покажу. Брови должны быть у хорошей красавицы узенькія *(проводитъ пальцемъ по его бровямъ)*, дугою и тутъ, между ними, немножко, самый небольшой промежутокъ.

[Яичница] *(стоитъ и мигаетъ глазами)*. Да, я съ вами согласенъ: у ней и носъ-то не такъ казистъ. Однако, впрочемъ....

[Онучкинъ]. (Это еще не все впрочемъ)[3]. Произношеніе у ней... ужъ нѣтъ.... не то... совсѣмъ не то...

[Яичница]. Произношеніе у ней хорошее[4]: она выговариваетъ довольно твердо.

[Онучкинъ]. Ну.... совершенно не то.... Я тотчасъ узналъ: она не знаетъ по-французски[5].

[Яичница]. По-французски? А чортъ ли въ этомъ, что знаетъ по французски?

[Онучкинъ]. Нѣтъ, хорошо воспитанная жена должна знать непремѣнно по-французски.

[Яичница]. Нѣтъ, я не возьму этого въ толкъ. Что вы знаете по-французски, такъ и жена ваша должна знать по-французски?

[Онучкинъ]. Что вы говорите: я знаю по-французски? Нѣтъ, меня несчастная судьба не допустила воспользоваться такимъ воспитаніемъ[6]. Мой отецъ былъ скотина, мерзавецъ: онъ не думалъ объ томъ, чтобы меня выучить французскому. Я былъ тогда ребенокъ — меня бы легко можно было выучить: стоило бы только разъ по пяти на день, а, можетъ быть, и того

даже меньше, посѣчь хорошенько, и я бы зналъ, я бы все зналъ.

[Яичница]. Ну, да теперь же вѣдь вамъ уже нельзя разговаривать по-французски?

[Онучкинъ]. Да, я согласенъ. Но жена — другое дѣло: нужно, чтобы она непремѣнно говорила по-французски, а безъ того уже у ней... ни то... *(показываетъ руками)* ни это... ужъ все не то...[1]

[Яичница]. Позвольте: я съ вами не могу согласиться. *(Про себя)*. Да впрочемъ чего я спорю? Вѣдь для меня же лучше, что она не нравится. *(Вслухъ)*. Вы правду говорите.

[Онучкинъ]. Ну, и красота ея — не то, совсѣмъ не то.

[Яичница]. Кой чортъ, красота! У ней (одинъ)[2] носъ, я вамъ говорю, въ три аршина. Этакая машинища! За это впрочемъ я таки поколочу старуху: она[3], вѣдьма, мнѣ объ этомъ ни слова не сказала. Но оставимъ красоту въ сторону[4]. Вы посмотрите-ка на приданое: вѣдь двадцать душъ! Да вѣдь какихъ! Это не то, что одинъ трехъ-лѣтній, другой беззубой. Нѣтъ, милостивый государь, двадцать душъ однихъ рабочихъ, рабочихъ годныхъ хоть куды! Да съ чего это[5] однакожъ я ему съ дуру разсказываю? Это, пожалуй, онъ, выслушавши, да и женится. Между ними однакоже[6] много калѣкъ; а если разсмотрѣть хорошенько, такъ и все почти калѣки, или слѣпые, или кривые и подобная дрянь. *(Въ сторону)*. Да, дрянь! Нѣтъ, не дрянь.

Фекла *(проходя театръ)*. Что, батюшки, Еліазара Еліазаровича не было?

Ив. Стой, стой, старуха!

[Фекла]. Чего изволишь, мой родимой?

[Яичница]. Что ты, старуха, — .....[7] тебѣ въ горло, — не сказала мнѣ прежде, что у невѣсты носъ въ сажень длиною?

[Фекла]. Ахъ, перекрестись, отецъ мой! Какую ты околесину несешь!

[Онучкинъ]. Да вы и мнѣ изволили сказать, Ѳекла Ѳоминишна, что невѣста знаетъ по-французски, а между тѣмъ, сколько я могу судить, кажется, что нѣтъ.

[Ѳекла]. Знаетъ, родимой, и по нѣмецкому и по всякому: какіе хочешь мансры, все знаетъ.

[ЯВЛЕНІЕ 6-е].

[Тѣ же и Жевакинъ].

Жевакинъ *(входитъ)*. А здравствуй, Θекла Θоминишна! Какъ поживаешь? Здорова ли? А? Пожалуйста, душинька, почисть меня немножко вотъ здѣсь. Я сидѣлъ на телѣгѣ, ковра-то не было, такъ, я думаю, сѣнца-то довольно ко мнѣ пристало. Вонъ тамъ, пожалуйста, сними пушинку, *(поворачивается)* вотъ здѣсь. Такъ. Спасибо, душинька. Вотъ еще посмотри сзади: тамъ, кажется, немножко.... а? Нѣтъ? Ну, ничего. По воротнику вонъ, кажется, какъ будто паукъ лазитъ? А на подборахъ то сзади нѣтъ ли грязи? Спасибо, родимая. Пожалуйста, еще посмотри хорошенько. *(Гладитъ рукавъ фрака)*. Суконцо-то вѣдь аглицкое. Я купилъ его въ Сициліи, когда была наша эскадра. Вѣдь каково носится? Въ 97-мъ году я, будучи мичманомъ, сшилъ съ[1] него мундиръ; въ 801-мъ въ блаженное царствованіе Павла Петровича я былъ сдѣланъ лейтенантомъ, и сукно было совсѣмъ новехонькое; въ 814-мъ году сдѣлалъ экспедицію вокругъ свѣта и вотъ только по швамъ немножко протерлось; въ 815-мъ вышелъ въ отставку передѣлалъ изъ него фракъ[2], и вотъ скоро десять лѣтъ ношу — и почти что новый. Благодарю, душенька, м... м... раскрасоточка! *(Дѣлаетъ ручку. Осматривается, подходитъ къ зеркалу, оправляется, выдвигаетъ воротнички къ манишкѣ, ерошитъ волосы рукою, съ гримасами посматриваетъ на одного, потомъ на другаго)*.

[Онучкинъ]. Скажите пожалуйста: вы изволили упомянуть о Сициліи. Хорошая это земля Сицилія?

[Жевакинъ]. А прекрасная. Мы (были) 34 дня тамъ пробыли: видъ прекрасный[3]. Это все, вообразите себѣ, такія горы, внизу вездѣ такіе домики (такъ это все хорошо)[4], тутъ этакъ деревцо или кипарисное, или гранатное, или другое какое-нибудь. И тутъ этакія Италіяночки, такіе розанчики (хорошенькія, этакъ одѣтыя)[5] такъ вотъ и хочется сорвать поцѣлуй.

[Онучкинъ]. И образованныя?

[Жевакинъ]. Отличнѣйше образованныя. Бывало, такъ идешь по улицѣ — ну, русскій лейтенантъ, этакъ здѣсь эполеты,

мундиръ тамъ, золотое шитье, и эдакія красоточки черномазенькія. У нихъ вѣдь у домиковъ балкончики и крыши, вотъ какъ полъ, совершенно плоскія. Такъ это бывало тамъ сидитъ какой [нибудь][1] розанчикъ, ну..... .....[2] чтобы не ударить лицомъ въ грязь, ну, раскланяешься, и она этакъ *(кланяется и размахиваетъ рукою)*. Ну, натурально, этакъ одѣта: здѣсь у ней тафтица и тамъ прочія дамскія украшенія, шнуровочка... такъ это все.

[**Онучкинъ**]. А языкъ-то? На какомъ языкѣ они говорятъ?..

[**Жевакинъ**]. Языкъ? Ну, языкъ, разумѣется, французскій.

[**Онучкинъ**]. И барышни всѣ по-французски говорятъ?

[**Жевакинъ**]. Всѣ, безъ исключенія. Вы, можетъ быть, не повѣрите тому, что я вамъ скажу; но вотъ я готовъ сей же часъ клясться, чѣмъ угодно: мы жили 34 дня[3] и во всѣ тридцать четыре дня ни одного слова не слышалъ отъ нихъ порусски.

[**Онучкинъ**]. Что вы говорите?

[**Жевакинъ**]. Я васъ увѣряю сурьезно. Да чего, ужъ я не говорю о дворянахъ, ну и о прочихъ синьорахъ или ихъ офицерахъ. Но возьмите нарочно простаго тамошняго мужика, который таскаетъ[4] на шеѣ всякую дрянь; попробуйте, ему скажите: „Дай, братецъ, хлѣба!“ не пойметъ; ей Богу, не пойметъ. А нужно для этого непремѣнно сказать ему пофранцузски.

[**Яичница**]. А позвольте узнать... вотъ вы упомянули про мужиковъ тамошнихъ.... что, тамошніе мужики, такъ же, какъ и наши, землю пашутъ и на оброкѣ состоятъ или нѣтъ?

[**Жевакинъ**]. Не могу вамъ сказать; не замѣтилъ; пашутъ или нѣтъ, не знаю. Но насчетъ нюханья табаку, я вамъ скажу, что не только нюхаютъ, но даже и за губу кладутъ, такъ, какъ моряки. Перевозка тоже очень дешева: тамъ все почти вода, и этакъ гондолы. Ну, тутъ натурально, ѣдетъ этакъ Италіаночка, такой розанчикъ и такъ одѣта: тутъ на ней этакая манишечка.... Съ нами были и Англичане. Ну, народъ такъ же.....[5], какъ и наши моряки. И сначала точно было очень странно: ну, не понимаешь другъ друга! Послѣ того, этакъ какъ хорошенько обзнакомились[6], такъ и начали совершенно свободно понимать другъ друга. Покажешь этакъ на бутылку или стаканъ, ну, тотчасъ и знаетъ, что это зна-

чить выпить. Приставишь эдакъ кулакъ ко рту и сдѣлаешь губами: „пафъ, пафъ“, значитъ: хочешь трубку выкурить. Я вамъ скажу, что сначала казалось трудно, а потомъ — языкъ довольно легкій. Даже матросы наши впослѣдствіи такъ выучились по французски, что, бывало, только дастъ бутылку да скажетъ .....[1], тотчасъ его понимаютъ. А! Гм! Это самая[2] невѣста.

[ЯВЛЕНІЕ 7-е].

[Тѣ же и Авдотья Андреевна].

Авдотья Андреевна *(входитъ)*.

[**Жевакинъ**]. Сударыня! Я почелъ за долгъ лично засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе. Тѣмъ болѣе для меня пріятно, что вы очень обожаемая особа. Вы имѣете, сударыня, такую свѣжесть румянца, такой розанчикъ... что я, такъ сказать, приношу вамъ мое сердце[3].

[**Авдотья Андреевна**]. Мнѣ очень пріятно видѣть такого пріятнаго гостя. Я извиняюсь только, что полъ не вымытъ: Ѳетинья дѣвка, перелѣзая черезъ плетень, перекувыркнулась.

[**Ѳекла**] *(вбѣгая)*. Сударыня! Сударыня! *(Шопотомъ)* Еще одни пріѣхали.

[**Авдотья Андреевна**]. Ахъ, Боже мой! Пойти заказать хоть вотрушки.

[**Яичница**]. Что вы, сударыня?

[**Авдотья Андреевна**]. Нужда, большая нужда.

[**Яичница**] *(ударивъ по плечу Жевакина)*. Любезнѣйшій! кажется, изъ одного горшка хотимъ щи хлебать?

[**Жевакинъ**]. Какъ изъ одного?

[**Яичница**]. То есть, вы, какъ я замѣчаю[4], подъѣзжаете къ хозяйкѣ дома.

[**Жевакинъ**]. А, признаюсь, она мнѣ очень нравится. Эдакой розанчикъ, букетецъ въ устахъ! (Весьма прекрасная)[5] и здѣсь на груди эдакъ платочикъ, и тутъ обыкновенно такіе дамскіе уборы. Это все очень хорошо, я это люблю.

[**Яичница**]. И вамъ нужда еще[6] лѣзть туда же. Да посмотрите на себя: какая у васъ гнусная фигура. Право, наводитъ уныніе.

[Жевакинъ] *(поворачивается)* Нѣтъ, фигура хороша.

[Яичница]. Можно ли, чтобы у морскаго офицера была хорошая фигура?

[Жевакинъ] *(вытягивается)* Какъ такъ?

[Яичница]. Да конечно; это всякому извѣстно.

[Жевакинъ]. Что такое извѣстно?

[Яичница]. Вотъ новости! Извѣстно, что такое морякъ: старый качанъ капусты.

[Жевакинъ]. Позвольте. Мнѣ, можетъ быть, такъ послышалось? Мнѣ кажется, какъ будто вы употребляете неприличныя выраженія?

[Яичница]. Какія выраженія? Просто, старый, труглой, никуда не годящійся качанъ[1], который выбрасываютъ въ помойную яму.

[Жевакинъ] *(вытягиваетъ лицо еще длиннѣе прежняго, ерошитъ на головѣ волоса, кривляется и дергаетъ плечами)* Позвольте: честь моя обижена въ лицѣ всего морскаго общества. Я вамъ предлагаю дуэль.

[Яичница]. Я не прочь отъ дуэли.

[Жевакинъ]. Я по обычаю моряковъ держусь обыкновенія драться на кортикахъ.

[Яичница]. Нѣтъ, я не хочу: кортиками только лягушекъ колять.

[Жевакинъ] *(вытягиваетъ лицо)*. Такъ на чемъ же?

[Яичница]. Я дерусь на кулаки *(засучиваетъ руки)*.

[Жевакинъ]. Нѣтъ, я на такой дуэль не соглашаюсь. Я къ вамъ обращаюсь, милостивый государь: вы видѣли?

[Онучкинъ]. Я съ своей стороны не могу точно опредѣлить, потому что въ 42-мъ егерскомъ полку, къ несчастью, въ бытность мою, мнѣ не удавалось видѣть ни одного дуэля. Но образованность и утонченное обращеніе требуетъ на благородномъ оружіи; на кулаки же неприлично въ высшемъ обществѣ. Человѣкъ, который знаетъ по французски ужъ не пойдетъ на кулаки, нѣтъ!

[Яичница]. Мнѣ дѣла нѣтъ ни до какихъ обществъ. Я давно былъ въ военной-то, и меня выгоняли два раза только въ полкъ во время смотру, да притомъ оружіе, Богъ знаетъ, гдѣ еще искать, а кулаки всегда при себѣ.

[ЯВЛЕНІЕ 8-е].

Тѣ же и Пантелѣевъ (*раскланивается со всѣми*).

Жевакинъ. Вотъ я къ вамъ, сударь, обращаюсь.... (*Пантелѣевъ наклоняетъ голову слушаетъ*). Вы лицо стороннее, по крайней мѣрѣ я васъ въ первый разъ вижу. Я получилъ смертельную обиду, то есть, которую признаетъ всякой офицеръ.

Яичница (*отворачиваетъ въ сторону Пантелѣева*). Послушайте: все пустяки. Я не нанесъ никакой обиды; назвалъ только именемъ, какимъ слѣдуетъ.

[**Жевакинъ**] (*схватываетъ Пантелѣева за руку на свою сторону*). Я спрашиваю васъ; скажите по совѣсти, вотъ такъ, какъ передъ Богомъ: похожъ морской офицеръ на тюленя?

[**Яичница**]. Вотъ большая важность — морской офицеръ! (Не слушайте)[1]. Что жъ тутъ за невидаль? Есть, на что глядѣть! Да не только на тюленя, просто на протухлый[2] качанъ капусты.

[**Жевакинъ**]. Га! А! Качанъ капусты! А! Лейтенантъ не качанъ капусты. (*Дергаетъ за руку, позабывшись, Пантелѣева*). Я спрашиваю васъ, сударь, развѣ такъ можно снесть?

[**Яичница**][3] (*схватываетъ за другую руку*). Чортъ возьми! Я говорю это прямо и плюю на всѣхъ моряковъ и на ихъ честь.

[**Пантелѣевъ**]. Пустите! (*Дергая со всѣхъ силъ за руку*).

[**Жевакинъ**]. Чортъ возьми! Вы видите, сударь, лейтенантъ.....[4] старымъ качаномъ капусты. Я не снесу этой обиды.

[**Яичница**] (*дергаетъ*). Я согласенъ на кулаки. И въ самомъ дѣлѣ меня беретъ задоръ... Я не хочу ни на чемъ, кромѣ кулаковъ.

Жевакинъ (*дергая руку Пантелѣева къ себѣ*). Я не снесу этого.

[**Яичница**] (*дергаетъ Жевакина*). Я не хочу никакихъ другихъ инструментовъ.

[ЯВЛЕНІЕ 9-е].

[Тѣ же и Авдотья Андреевна].

Жевакинъ *(оправляется и подходитъ)*. Позвольте узнать, сударыня: мое исканіе[1] не будетъ противно вамъ? Смѣю ли льстить себя пріятною надеждою, что любовь удостоится быть принятою вами?

[**Яичница**]. Э! Да онъ уже лѣзетъ прямо.

[**Авдотья Андреевна**]. Напротивъ мнѣ весьма пріятно.

Яичница *(слегка отталкивая его)*. Сударыня, я предлагаю вамъ свою любовь и руку: угодно ли принять ихъ?

[**Авдотья Андреевна**]. Мнѣ весьма пріятно.

Жевакинъ *(въ сторону)*. Ну, дѣло хорошо.

[**Онучкинъ**]. Я съ своей стороны никакъ не смѣю льстить себя надеждою, чтобы мои исканія удостоились....

[**Авдотья Андреевна**]. Напротивъ, мнѣ очень пріятно.....

[**Пантелѣевъ**]. Я, сударыня, отъ сего генваря 3-го вашей ру....ру...ру...ки... и се...е...рдца....

[**Авдотья Андреевна**]. Мнѣ очень пріятно отвѣчать вашимъ исканіямъ.

[**Яичница**]. Да который же изъ насъ всѣхъ пріятнѣе? Сударыня, этакъ нельзя. Вѣдь насъ четыре человѣка: нужно вамъ объявить, кого лучше любите.

[**Авдотья Андреевна**]. Вы мнѣ всѣ очень нравитесь, и я васъ всѣхъ люблю.

[**Яичница**]. Да вѣдь это все[2] не то. Что жъ, если мы всѣ четыре женимся на васъ? Вѣдь это чортъ знаетъ что такое выйдетъ!

[**Жевакинъ**]. Да, сударыня, вы просто объявите, кому изъ насъ, такъ сказать, ваше сердце... ваши.....[3] болѣе относятся. Кто такова эта счастливая особа, кому достанется вашъ.....[4], всѣ украшенія достанутся?

[**Яичница**, *въ сторону*]. Онъ какъ разъ влѣзетъ ей въ душу. *[Вслухъ]*. Просто скажите: кого выбираете вы?

[**Авдотья Андреевна**]. Вы всѣ очень хорошіе молодые люди, и мнѣ весьма нравитесь.

[**Яичница**]. Но кого же вы предпочитаете прочимъ?.....

II.

[ЖЕНИХИ

Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ.]

ДѢЙСТВІЕ I-е.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Комната въ квартирѣ Подколесина.

Подколесинъ *(одинъ, лежитъ на диванѣ въ халатѣ, съ трубкою)*. Вотъ эдакъ какъ начнешь одинъ на досугѣ подумывать, такъ, точно, нужно современемъ, наконецъ, жениться. Такая, право, скверность становится, чѣмъ болѣ живешь. Впрочемъ, все какъ-то выходитъ по пословицѣ: „бился, колотился, мясоѣдъ прошелъ, а все не женился“. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Подколесинъ, Степанъ.

Подколесинъ. Не приходила сваха?

Степанъ. Никакъ нѣтъ.

Подколесинъ. А у портнаго былъ?

Степанъ. Былъ.

Подколесинъ. Что жъ онъ, шьетъ фракъ?

Степанъ. Шьетъ.

Подколесинъ. И много уже нашилъ?

Степанъ. Да ужъ довольно. Началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ. А не спрашивалъ онъ, на что, молъ, нуженъ барину фракъ?

Степанъ. Нѣтъ, не спрашивалъ.

Подколесинъ. Можетъ быть, не говорилъ ли: не хочетъ-ли баринъ жениться?

Степанъ. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ. Ты видѣлъ, однакожъ, у него и другіе фраки? Вѣдъ онъ и для другихъ тоже шьетъ?

Степанъ. Да, фраковъ у него много виситъ.

Подколесинъ. Однакожъ сукно на нихъ, я думаю, будетъ хуже, нежели на моемъ?

Степанъ. Да, это будетъ приглядистѣе, что на вашемъ.

Подколесинъ. Что ты говоришь?

Степанъ. Говорю: это приглядистѣе, что на вашемъ.

Подколесинъ. Хорошо. Ну, а не спрашивалъ: для чего, молъ, баринъ изъ такого тонкаго сукна шьетъ себѣ фракъ?

Степанъ. Нѣтъ.

Подколесинъ. Не говорилъ ничего объ томъ, не хочетъ ли, дискать, жениться?

Степанъ. Нѣтъ, объ этомъ не заговаривалъ.

Подколесинъ. Ты, однакоже, сказалъ, какой на мнѣ чинъ и гдѣ служу?

Степанъ. Сказывалъ.

Подколесинъ. Что жъ онъ на это?

Степанъ. Говоритъ: „буду стараться“.

Подколесинъ. Хорошо. Теперь ступай. *(Степанъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Подколесинъ *(одинъ).* Я того мнѣнія, что черный фракъ какъ-то солиднѣе. Цвѣтные больше идутъ секретарямъ, титулярнымъ и прочей разной мелузгѣ. Какъ-то не респектабельно, молокососно что-то. Мнѣ кажется, что тѣ, которые уже чиномъ повыше (надворные и другіе совѣтники)[1], должны больше наблюдать, какъ говорится..... Вотъ, позабылъ слово! и хорошее слово — да позабылъ. Да, это совершенно другая пѣсня: кто[2] что ни говори — тотъ же полковникъ, только что мундиръ безъ эполетъ. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Подколесинъ, Степанъ.

Подколесинъ. А ваксу купилъ?

Степанъ. Купилъ.

Подколесинъ. Гдѣ купилъ? Въ той лавочкѣ, про которую я тебѣ говорилъ, — что̀ на Вознесенскомъ проспектѣ?

Степанъ. Да, въ этой самой.

Подколесинъ. Что жъ, хороша вакса?

Степанъ. Хороша.

Подколесинъ. Ты пробовалъ чистить сапоги?

Степанъ. Пробовалъ.

Подколесинъ. Что жъ, блеститъ?

Степанъ. Блестѣть-то она блеститъ хорошо.

Подколесинъ. А когда онъ отпускалъ тебѣ ваксу, не спрашивалъ, для чего, молъ, барину нужна такая вакса?

Степанъ. Нѣтъ.

Подколесинъ. Можетъ быть, не говорилъ ли: не затѣваетъ ли баринъ жениться?

Степанъ. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ. Ну, хорошо; ступай.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Подколесинъ *(одинъ)*. Кажется, пустая вещь сапоги — но если дурно сшиты, или рыжая вакса, то ужъ въ хорошемъ обществѣ не будутъ имѣть того уваженія. Вотъ еще гадко, если мозоли. Готовъ вытерпѣть Богъ знаетъ что, только бы не мозоли. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Подколесинъ, Степанъ.

Степанъ. Чего изволите?

Подколесинъ. Ты говорилъ сапожнику, чтобы не было мозолей?

Степанъ. Говорилъ.

Подколесинъ. Что жъ онъ говоритъ?

Степанъ. Говоритъ: „хорошо“.

Подколесинъ. Хорошо, ступай.

(Степанъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Подколесинъ, потомъ Степанъ.

Подколесинъ. Хлопотливая, чортъ возьми, вещь — женитьба! Занятіе — не занятіе, обыкновеніе — не обыкновеніе, а требуетъ большаго разсужденія. Чрезвычайно стран.....[1] Эй, Степанъ! *(Степанъ входитъ).* Я тебѣ еще хотѣлъ сказать.....

Степанъ. Старуха пришла.

Подколесинъ. А, пришла! Зови ее сюда. *(Степанъ уходитъ).* Услышимъ, услышимъ, что скажетъ старуха. Она мнѣ, правда, наговорила съ три короба про всякихъ невѣстъ. Кажется, хороши, а впрочемъ чортъ его знаетъ. Самъ-то я не знатокъ. Никакъ не разберешь, которая выглядитъ, какъ слѣдуетъ.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Подколесинъ и Ѳекла Ивановна.

Подколесинъ. Здравствуй, Ѳекла Ивановна! Что скажешь хорошаго?

Ѳекла. А что сказать хорошаго? Все хорошо.

Подколесинъ. Новостей, новостей-та.

Ѳекла. Э, коли молодой человѣкъ, то ему все новость, а старому-то — все старое.

Подколесинъ. Степанъ! Набей мнѣ трубку трехъ-рублевымъ табакомъ. *(Ѳеклѣ).* Такъ что жъ она? Какъ бишь ее? Меланья?

Ѳекла. Агафья Петровна.

Подколесинъ. Да, да, Агафья Петровна[2]. И, вѣрно, какая-нибудь сорокалѣтняя дѣва?

Ѳекла. Ужъ вотъ нѣтъ, такъ, ей Богу, нѣтъ; то есть, какъ женитесь, каждый день будете похваливать да благодарить.

Подколесинъ. Да ты врешь, Ѳекла Ивановна.

Ѳекла. Устарѣла я, отецъ мой, чтобы врать; песъ вретъ.

Подколесинъ. Вотъ ужъ и обидѣлась! Что жъ за нею приданаго?

Ѳекла. Каменной домъ[3] Московской части о двухъ этажахъ —

ужъ такой прибыточной, что, истинно, удовольствіе! Одинъ лабазникъ платитъ семьсотъ рублей за лавочку; пивной погребъ тоже большое общество привлекаетъ. Два деревянныхъ флигеря: одинъ флигерь совсѣмъ деревянный, другой — на каменномъ фундаментѣ: каждый рублевъ по триста приноситъ доходу. Огородъ есть еще на Выборгской сторонѣ: третьяго года купецъ нанималъ подъ капусту, и такой купецъ трезвый, совсѣмъ не беретъ хмѣльнаго въ ротъ, и трехъ сыновей имѣетъ: двухъ ужъ поженилъ, а „третій“, говоритъ, „еще молодой, пусть посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговлю было полегче отправлять: я ужъ“, говоритъ, „старъ, такъ пусть сынъ посидитъ въ лавкѣ, чтобы шла торговля получше“.

Подколесинъ. Да хороша ли собой?

Ѳекла. Какъ рефинатъ! Бѣлая, какъ кровь съ молокомъ: сладость такая, что и разсказать нельзя! Ужъ будете вотъ по этихъ поръ довольны *(показываетъ на горло);* то есть, и пріятелю, и непріятелю скажете: „Ай да Ѳекла Ивановна! Спасибо!“

Подколесинъ. Да что она, званія какого? штабъ-офицерскаго или мѣщанскаго?

Ѳекла. Купца третьей гильдіи дочь, да ужъ такая, что и генералу обиды не нанесетъ. О купцѣ и слышать не хочетъ. „Мнѣ“, говоритъ, „какой бы ни былъ мужъ, хоть и собой-то не взраченъ, да былъ бы дворянинъ“. Такой великатесъ! Къ воскресному дню какъ надѣнетъ шолковое платье — фу ты! такъ и шумитъ.

Подколесинъ. Видишь, я потому и спрашиваю: я вѣдь тоже надворный совѣтникъ, такъ мнѣ.... понимаешь?

Ѳекла. Да ужъ обнаковенно. Какъ не знать? Былъ у насъ и надворный совѣтникъ, да отказали: не понравился. Такой ужъ у него нравъ-та странной былъ: что ни скажетъ слово, то и совретъ; а такой на взглядъ видный! Что жъ дѣлать? Такъ ужъ ему Богъ далъ: онъ и то и самъ-то не радъ, да ужъ не можетъ, чтобы не прилыгнуть: такая ужъ на то воля Божія.

Подколесинъ. А кромѣ Агафьи Петровны, нѣтъ ли еще какой?

Ѳекла. Да какой же тебѣ еще хочется? Ужъ всѣхъ перебрала, подъ конецъ что̀ ни есть лучшую оставила.

Подколесинъ. Будто это ужъ самая лучшая?

Өекла. По всему свѣту исходи, такой не найдешь.

Подколесинъ. Подумаемъ, подумаемъ, матушка; разсудимъ. Приходи послѣ завтра; мы съ тобой еще потолкуемъ.

Өекла. Да помилуй, отецъ мой! Вотъ скоро ужъ мѣсяцъ, какъ я тебѣ каждый день толкую и, что утро, прихожу къ тебѣ, да все что-то мало проку: все сидишь въ халатѣ да трубку, знай себѣ, покуриваешь.

Подколесинъ. Да ты-то что̀ такъ расхорохорилась? Ты думаешь, что женитьба все равно, что: „эй, Степанъ, подай сапоги!“ натянулъ на ноги да и пошелъ? Эхъ, ты! Нужно поразсудить да поразсмотрѣть.

Өекла. Ну, такъ что жъ? Коли смотрѣть, то и смотри: на то товаръ, чтобы смотрѣть. Вотъ прикажи-ка подать кафтанъ, да теперь же, благо утреннее время, и поѣзжай.

Подколесинъ. Куда жъ теперь ѣхать? Видишь, какъ пасмурно: выйду, а тутъ вдругъ дождь. Да притомъ какъ-то сегодня нездоровится.

Өекла. А тебѣ же худо. Вѣдь въ головѣ-та ужъ сѣдой волосъ сталъ выглядывать, скоро совсѣмъ не будешь годиться для супружескаго дѣла. Невидаль какая, что онъ придворный совѣтникъ! Да мы такихъ жениховъ приберемъ, что и не посмотримъ на тебя!

Подколесинъ. Вотъ ужъ опять понесла свое![1] Послушай: гдѣ жъ ты нашла у меня сѣдой-то волосъ, а? *(Беретъся за голову).*

Өекла. Какъ не быть сѣдому волосу? На то живетъ человѣкъ. Смотри ты! Той ему не угодишь, другой не угодишь. Да у меня есть на примѣтѣ такой капитанъ, что ты ему и подъ плечо не подойдешь; а говоритъ-то, какъ труба; по министеріи служитъ.

Подколесинъ. Да послушай: гдѣ жъ сѣдой волосъ?[2] Вѣдь ты врешь! Эй, Степанъ! Степанъ! *(Продолжая рыться въ головѣ).* Принеси-ка мнѣ маленькое зеркало. Пойду-ка я въ спальню, разсмотрю хорошенько. Это — чортъ возьми, если сѣдой волосъ![3]

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Кочкаревъ *(вбѣгая)*. Что, Подколесинъ дома? Ба, старая ящерица! Ты какъ сюда пролѣзла?

Фекла. Богъ далъ ноги, башмаки купила на Щукиномъ по милости добрыхъ людей, потому и пришла.

Кочкаревъ. Послушай, скажи, пожалуста: ну, зачѣмъ ты меня женила, на кой чортъ?

Фекла. Э! вѣдь самъ же ты напрашивался: „жени, бабушка, да и полно“. Ужъ я не знаю: вѣрно, тебѣ было такъ нужно.

Кочкаревъ. И врешь: совсѣмъ не было нужно; такъ вдругъ, съ-дуру, схватила и женила.

Фекла. Чѣмъ же худо? Законъ исполнилъ.

Кочкаревъ *(смотритъ на нее презрительно)*. Ахъ ты корга! Ну, а сюда зачѣмъ притащилась?

Фекла. Навѣстить, погостить, про здоровье спросить.

Кочкаревъ. Врешь, врешь, ты за этимъ не придешь. Ну, признайся: свадебку затѣваешь? А?

Фекла. Не потаю: Богъ благодать послалъ.

Кочкаревъ. Нѣтъ? Каковъ же Подколесинъ! Мнѣ, небось, объ этомъ ни слова! — Ну, послушай: что жъ она? изъ какихъ? богата? А?

Фекла. Да, богата.

Кочкаревъ. Нѣтъ? Смотри ты, мнѣ небось такой не выбрала! Это однакожъ, чортъ возьми, любопытно. Ай да Подколесинъ! Ну, послушай, гдѣ жъ она живетъ?

Фекла. А тебѣ-то что знать?

Кочкаревъ. „А тебѣ что?“ Языка лѣнь поворотить, чтобы сказать, что ли? Или, думаешь, перебью? Эхъ, ты! Жены-то одной съ меня развѣ мало?

Фекла. Да на что жъ вамъ по-пустому знать?

Кочкаревъ. Мнѣ-та зачѣмъ знать? Ахъ ты, крыса! Да я развѣ допущу тебя безъ меня женить? Ты, пожалуй, еще такъ его поддѣнешь, женишь на такой королевѣ, что морозъ по кожѣ подеретъ. Вѣдь я знаю, гдѣ она живетъ. Вѣдь это въ Коломнѣ, или, то бишь, въ Фонарномъ переулкѣ?

Фекла. Анъ нѣтъ, неподалече отъ Пяти угловъ — во Владимірской.

Кочкаревъ. Ну, да — тотчасъ за лавочкою.

Өекла. И не за лавочкой, а за пивнымъ погребомъ.

Кочкаревъ. Какъ же это не[1] за лавочкой? Вотъ этого я что-то не возьму въ толкъ.

Өекла. А вотъ, какъ поворотишь въ проулокъ, такъ будетъ тебѣ прямо будка; и какъ будку минешь, свороти налѣво, и вотъ тебѣ такъ прямо въ глаза, такъ совсѣмъ прямо — деревянной-то домъ. Тутъ живетъ швея, что жила прежде съ сенатскимъ оберъ-секретаремъ. Ты къ швеѣ-та не заходи, а сейчасъ за нею будетъ второй домъ — каменной. Вотъ этотъ-то домъ и есть ея, въ которомъ, то-есть, она живетъ, Агафья Петровна.

Кочкаревъ. Найду, найду. Теперь, послушай, ты ужъ ни во что не вмѣшивайся. Я ужъ самъ, я ужъ самъ все это обдѣлаю: сегодня же его свезу. А тебѣ, матушка, нечего здѣсь больше дѣлать: ты себѣ убирайся.

Өекла. Да что вы, батюшка, неужъ-то въ правду хотите-то этимъ заняться?

Кочкаревъ. Да, да. Это ужъ мое дѣло.

Өекла. Да вѣдь, батюшка, сами-то посудите: мужская ли это забота? Отступитесь, батюшка; ей Богу, отступитесь! Вѣдь, право, не съумѣете повести дѣло.

Кочкаревъ. Знаю, знаю. Пожалуста, не суйся: ты только перегадишь и перепортишь. Ты не имѣешь никакого понятія, а это моя главная часть.

Өекла. Ахъ, безстыдникъ какой! *(Всплеснувши руками.)*

Кочкаревъ. Да, да, матушка, дѣла не смыслишь, такъ не совайся. Знай, сверчокъ, свой шестокъ! Убирайся!

Өекла. Стыдно, батюшка, у людей-то хлѣбъ отнимать. Какъ бы я-то была на твоемъ мѣстѣ, стала бы я въ такую дрянь мѣшаться! Безбожникъ такой! Кабы знала, не сказывала бы, гдѣ живетъ. *(Уходитъ въ сердцахъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Подколесинъ, Кочкаревъ.

Подколесинъ *(выходитъ съ зеркаломъ въ рукахъ)*. И солгала старуха! Вовсе нѣтъ сѣдаго волоса. Одинъ только немножко побѣлѣлъ: вѣрно, какъ-нибудь сидѣлъ противъ солнца — его и припекло. *(Продолжаетъ глядѣться въ зеркало.)* А вѣдь

рожица-та смазливая; ей Богу, смазливая! Чортъ возьми, никакъ не заведу, чтобы бакенбарды съѣхали немного пониже со щеки, какъ теперь носятъ. *(Надуваетъ щеки, глядя въ зеркало, и сталкивается съ Кочкаревымъ.)* Ба! *(смутившись.)*

Кочкаревъ. Здравствуй, братъ!

Подколесинъ. Здравствуй!... А я смотрѣлъ въ зеркало... брился, такъ немного обрѣзалъ щеку.

Кочкаревъ. Да полно, братецъ, тебѣ прикидываться! Что за бритье! Задумалъ жениться! Будто я не знаю? Вѣдь я встрѣтилъ старуху.

Подколесинъ. Ну, да; старуха приходила, приносила всякой вздоръ — перочинные ножики, да сказалъ: „не нужно".

Кочкаревъ. Ну, ну, еще! Эхъ ты — министръ внутреннихъ дѣлъ! Какъ будто я не знаю, что такое перочинные ножики! Приносила она и ко мнѣ перочинные ножики, да не прошло двухъ дней, какъ женила, чортъ бы ее побралъ! Впрочемъ здѣсь ничего дурнаго нѣтъ. Тутъ, братъ, незачѣмъ стыдиться. Это — доброе дѣло. Изволь, изволь, я съ удовольствіемъ, съ большимъ удовольствіемъ берусь хлопотать о тебѣ. Ты никакъ не воображай, что этимъ меня побезпокоишь — ничуть: для друга нѣтъ круга.

Подколесинъ. Да вѣдь я только подумалъ; я еще ничего не рѣшилъ[1].

Кочкаревъ. Это вздоръ; за этимъ дѣло не станетъ.

Подколесинъ. Да вѣдь какъ же? Вѣдь это дѣло замысловатое.

Кочкаревъ. Пустяки, пустяки! Положись на меня: я тебя женю, такъ что и не услышишь; ей Богу, не услышишь! Мы съ тобою сейчасъ ѣдемъ къ невѣстѣ, и ты увидишь, какъ дѣло пойдетъ.

Подколесинъ. Какъ же ѣхать сейчасъ?

Кочкаревъ. Да такъ просто. Ну, что̀ изъ того, что ты неженатый? Разсуди хорошенько[2]. Посмотри на свою комнату: ну, что̀ въ ней? Невычищенный сапогъ стоитъ, вонъ — лаханка для умыванія, вонъ — цѣлая куча табаку на столѣ, и самъ ты[3] лежишь, какъ байбакъ, весь день на боку.

Подколесинъ. Это правда: порядка-то у меня, я самъ знаю, что нѣтъ.

Кочкаревъ. Ну, а какъ будетъ жена у тебя, ты самъ не узнаешь ни себя, ни своей комнаты: здѣсь у тебя будетъ сто-

ять диванъ, тамъ прекрасный столъ, собаченка, или птичка въ клѣткѣ, или что-нибудь этакое разное рабочее, прочее[1]. Вообрази себѣ: ты сидишь на диванѣ, и вдругъ къ тебѣ подсядетъ жена[2], и положитъ на тебя ручку, и сама такая хорошенькая, и такъ это все... А?

Подколесинъ. А ручка такая бѣленькая, мякинькая![3]

Кочкаревъ. Куды тебѣ! Какъ будто только всего ручка! У нихъ, братецъ, есть и то, и то[4].... чортъ знаетъ, что̀ такое у нихъ есть! Ну, да что и толковать объ этомъ!

Подколесинъ. А я люблю, если возлѣ меня сядетъ хорошенькая.

Кочкаревъ. Ну, видишь! самъ раскусилъ. Теперь нужно распорядить все, какъ слѣдуетъ. Ты ужъ ни объ чемъ не заботься. Нужно подумать только о свадебномъ обѣдѣ. Я ужъ все самъ — это мое дѣло.... Шампанскаго нужно взять дюжину. Этихъ маркобруновъ, фронтиньяковъ и тому подобныхъ гадостей не нужно. Бургонскаго, какъ[5] ты себѣ хочешь, шесть бутылокъ непремѣнно. А что до рейнвейна, то Богъ съ нимъ, а? Неправда ли? Киселъ, чортъ возьми! На щотъ же обѣда у меня есть на примѣтѣ придворный оффиціантъ: то есть, такъ, собака, готовитъ, что не встанешь изъ-за стола.

Подколесинъ. Помилуй, ты такъ горячо взялся, какъ будто сегодня свадьба.

Кочкаревъ. А что жъ? зачѣмъ откладывать? Вѣдь ты согласенъ.

Подколесинъ. Я? Ну, нѣтъ... я не согласенъ.

Кочкаревъ. Какъ не согласенъ? Вотъ тебѣ на! Да вѣдь ты сейчасъ объявилъ, что хочешь.

Подколесинъ. Я говорилъ только, что не дурно бы...

Кочкаревъ. Ну, отчего жъ.... ну, отчего жъ ты не хочешь? Развѣ тебѣ не нравится женатая жизнь?

Подколесинъ. Нѣтъ.... нравится.

Кочкаревъ. Ну, да что жъ такое другое?

Подколесинъ. Что жъ другое? Другаго нѣтъ, а странно какъ-то.

Кочкаревъ. Что жъ странно? Что жъ странно?

Подколесинъ. Да какъ же: все былъ не женатый, а теперь вдругъ женатый.

Кочкаревъ. Ну, вотъ! чортъ знаетъ, что̀ такое! Послушай, я буду говорить съ тобою откровенно, какъ отецъ съ сыномъ.

Ну, посмотри, посмотри на себя внимательно, такъ вотъ, какъ, напримѣръ, ты теперь смотришь на меня. Ну, что ты теперь такое? Вѣдь, просто, бревно: никакого значенія не имѣешь. Ну, для чего ты живешь? Ну, взгляни въ зеркало: что ты видишь? Глупое лицо, больше ничего. А тутъ, вообрази, около тебя будутъ ребята, вѣдь не двое или трое, а, можетъ быть, цѣлыхъ шестеро: всѣ на тебя будутъ какъ двѣ капли похожи. Ты теперь одинъ, надворный совѣтникъ, а тогда, вообрази себѣ, около тебя будутъ все маленькіе канальчонки, надворные совѣтничонки, и какой-нибудь пострѣленокъ, протянувши ручонки, будетъ тебя теребить за бакенбарды, а ты только будешь говорить: авъ, авъ, авъ! Ну, есть ли что-нибудь этого лучше? скажи самъ.

Подколесинъ. Да вѣдь они только шалуны большіе: будутъ все портить, разбросаютъ бумаги.

Кочкаревъ. Пусть шалятъ, да вѣдь всѣ на тебя похожи — вотъ штука!

Подколесинъ. Оно конечно пріятно, когда вокругъ тебя соберутся сверчонки.

Кочкаревъ. Натурально. Ну, такъ ѣдемъ!

Подколесинъ. Пожалуй, поѣдемъ.

Кочкаревъ. Эй, Степанъ! давай скорѣе своему барину одѣваться.

Подколесинъ *(снявши халатъ и подходя къ зеркалу)*. Я думаю, нужно въ бѣломъ жилетѣ?

Кочкаревъ Пустяки! все равно.

Подколесинъ *(надѣвая воротнички)*. Проклятая прачка! такъ скверно накрахмалила воротнички — никакъ не стоятъ. Ты скажи, Степанъ, что если она, глупая, такъ будетъ гладить[1] бѣлье, то я найду другую. Она, вѣрно, съ любовниками проводитъ время, а не гладитъ. *(Кочкареву)*. Послушай, Алексѣй Ѳомичъ, какъ же мы поѣдемъ? Вѣдь я не знаю, гдѣ невѣста живетъ.

Кочкаревъ. Все равно, я знаю. Старуха мнѣ все разсказала. Только одѣвайся поскорѣе.

Подколесинъ. Сейчасъ, сейчасъ. *(Надѣваетъ фракъ и садится)*. Послушай, Иванъ Ѳомичъ, поѣзжай-ка ты самъ[2].

Кочкаревъ. Ну, вотъ еще: съ ума сошелъ! Мнѣ ѣхать? Да кто изъ насъ женится, ты или я?

Подколесинъ. Право, что-то не хочется; пусть лучше завтра.

Кочкаревъ. Ну, есть ли въ тебѣ капля ума? Ну, не олухъ ли ты? Собрался совершенно — и вдругъ не нужно! Ну, скажи пожалуста: не свинья ли ты, не подлецъ ли ты послѣ всего этого?

Подколесинъ. Ну, что жъ ты бранишься? Съ какой стати? Что я тебѣ сдѣлалъ?

Кочкаревъ. Дуракъ, дуракъ набитый! Это тебѣ всякій скажетъ. Глупъ, вотъ просто глупъ, хоть и чиновникъ. Вѣдь о чемъ стараюсь? О твоей пользѣ: изо рта выманятъ кусъ. Лежитъ, проклятый холостякъ! Ну, скажи, пожалуста: ну, что ты себѣ думаешь? Ну, ну.... дрянь, колпакъ! Сказалъ бы такое слово.... да неприлично только. Баба глупая! Хуже бабы!

Подколесинъ. И ты въ самомъ дѣлѣ! *(Почти шопотомъ).* Въ своемъ ли ты умѣ? Тутъ стоитъ крѣпостной человѣкъ, а онъ при немъ бранится, да еще эдакими словами! Не нашелъ другаго мѣста!

Кочкаревъ. Да какъ же тебя не бранить? скажи пожалуста. Кто можетъ тебя не бранить? У кого достанетъ духа тебя не бранить? Вѣдь вотъ, какъ порядочный человѣкъ, задумалъ жениться и вдругъ — просто съ-дуру, бѣлены объѣлся, деревянный чурбанъ!...

Подколесинъ. Ну, полно, я ѣду — чего жъ ты раскричался,

Кочкаревъ. Ѣду! Конечно, что жъ другое дѣлать, какъ не ѣхать? *(Степану).* Давай ему шляпу и шинель!

Подколесинъ *(въ дверяхъ).* Такой, право, странный человѣкъ! Съ нимъ никакъ нельзя водиться: выбранитъ вдругъ ни за что, ни про что. Не понимаетъ никакого обращенія.

Кочкаревъ. Ну, вѣдь кончено, теперь ужъ не браню. *(Оба уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Комната въ домѣ Прасковьи Тихоновны.

Прасковья Тихоновна *раскладываетъ карты. Поодаль, изъ-за руки глядитъ* тетка Ирина Пантелеймоновна[8].

Прасковья Тихоновна. Опять, тетушка, дорога. Интересуется какой-то бубновый король. Слезы, любовное письмо; съ лѣвой стороны трефовый король такое, тетушка, изъявляетъ большое участіе, но какая-то злодѣйка мѣшаетъ.

Ирина Пантелеймоновна. А кто бы, ты думала, былъ трефовый король?

Прасковья. Не знаю. Только ужъ, навѣрно, не простой человѣкъ[1].

Ирина. А я знаю, кто.

Прасковья. А кто?

Ирина. А хорошій торговецъ, что по суконной-то[2] линіи, Алексѣй Дмитріевичъ Стариковъ.

Прасковья. О, совсѣмъ не онъ[3].

Ирина. Не спорь, Прасковья[4] Тихоновна: онъ. Волосъ ужъ такой русый — нѣтъ другого трефоваго короля.

Прасковья. Совсѣмъ нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Купецъ не можетъ быть трефовымъ королемъ[5]. Это, вѣрно, дворянинъ.

Ирина. Эхъ, Прасковья Тихоновна! А вѣдь не то бы ты сказала, какъ покойникъ-то, Тихонъ-то, батюшка, Пантелеймоновичъ пожилъ-то: тяжеленекъ былъ старикъ. „Купецъ знай аршинъ, а въ дворяне не суйся“, бывало, говоритъ. „Дворянинъ“, говоритъ, „на то родился на свѣтъ, чтобы покупать, а купецъ — чтобы продавать. Дворянинъ глупъ: соритъ да бросаетъ, а купецъ себѣ на умѣ: копитъ да собираетъ. Что“, говоритъ, „не видалъ я, что ли, офицеровъ, за которыхъ купцы отдаютъ дочерей своихъ? Да что бы я“, говоритъ, „да за свои деньги, да и сталъ бы еще“, говоритъ, „и кланяться? Да я....“, говоритъ[6] — да кулакомъ-то по столу и прихлопнетъ. „Борода“, говоритъ, „бритому“, говоритъ, „не товарищъ“ — да кулакомъ-то по столу и прихлопнетъ. А кулакъ-то былъ такой, что и вспомнить страшно. Какъ замахнется, бывало, на покойницу твою матушку — ухъ, страсти такія! Вѣдь онъ-то, по правдѣ сказать, и усахарилъ покойницу. Она бы подольше прожила.

Прасковья. Да чтобы я послѣ всего этого вышла за купца — Боже меня сохрани!

Ирина. Почему жъ, свѣтъ мой, не выти? Это еще ничего, коли немного поколотитъ: это значитъ — любитъ жену. Вотъ плохо, коли на-смерть угомозитъ.

Прасковья. Ни за что, ни за что не выйду за купца.

Ирина. Да вѣдь Алексѣй-то Дмитріевичъ ужъ такой человѣкъ, такой политичный, такъ авантажно держится, а сукно-то на кафтанѣ самое нѣмецкое. Женѣ-то у него быть въ такомъ довольствѣ.

Прасковья. У, такой гадкой! Здѣсь борода: что ни начнетъ ѣсть, все это будетъ течь по бородѣ.....

Ирина. Ну, дожидайся, пока дворянина-то достанешь. Вѣдь, слава Богу, подбирается чуть ли не подъ третій десятокъ.....

Прасковья. О, найдутся! Θекла Ивановна, вотъ ужъ недѣли три, какъ хлопочетъ: ужъ, вѣрно, есть такой, какъ слѣдуетъ. Ей бы, однакожъ, пора ужъ и быть[1].

Ирина. Да вѣдь она лгунья, мой свѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же и Θекла Ивановна.

Θекла *(входя)*. Анъ нѣтъ, Ирина Пантелеймоновна, грѣхъ вамъ понапрасну[2] поклепъ взводить.

Прасковья. Ахъ, это ты, Θекла Ивановна! Ну, что, говори, гдѣ ты запропастилась?[3] Ну, разсказывай: что, какъ?[4] есть или нѣтъ?[5]

Θекла. Есть, есть; дай только прежде съ духомъ собраться. Такъ ухлопоталась! По твоей коммиссіи всѣ дома исходила. Ужъ, Богъ мой, гдѣ не была! По канцеляріямъ, по министеріямъ истаскалась, въ караульни (захаживала)[6] наслонялась. Знаешь ли ты, мать моя, вѣдь меня чуть-было не прибили. Ей Богу! Старуха-та, что тѣхъ-то женила... какъ бишь ихъ? — Аферовыхъ... такъ было приступила ко мнѣ! „Ты такая и этакая, только хлѣбъ перебиваешь. Знай свой кварталъ“, говоритъ. „Да что жъ“, сказала я напрямикъ: „я для своей барышни, не прогнѣвайся, все готова удовлетворить“. За то ужъ какихъ жениховъ я тебѣ припасла! то-есть, и стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а такихъ еще не было. Сегодня нѣкоторые и пріѣдутъ; я нарочно поспѣшила тебя предварить[7].

Прасковья Тихоновна. Какъ же можно сегодня! Душечка, Θекла Ивановна, я боюсь....

Θекла. И, не пугайся, мать моя! Дѣло житейское: пріѣдутъ, посмотрятъ — больше ничего; и ты посмотришь ихъ: не понравятся — ну, и уѣдутъ.

Ирина. Ну, ужъ, я чай, хорошихъ приманила?

Прасковья Тихоновна. А сколько ихъ, моя душенька, будетъ?

Окла. Да человѣкъ шесть есть.

Прасковья Тихоновна *(вскрикиваетъ)*. Ухъ!

Окла. Ну, что жъ ты, мать моя, такъ вспорохнулась? Лучше выбирать: одинъ не придется — другой придется.

Прасковья Тихоновна. Что жъ они.... изъ дворянъ?

Окла. Всѣ, какъ на подборъ. Ужъ такіе дворяне, что еще и не было такихъ.

Прасковья Тихоновна. Скажи жъ, моя голубушка, какіе же они?[1]

Окла. А славные, всѣ такіе хорошіе, аккуратные[2]. Первый — Ерофей Балтазаровичъ Жевакинъ: такой славный, во флотѣ служилъ. Какъ разъ по тебѣ придется; говоритъ, что ему нужно, чтобы невѣста была въ тѣлѣ, а поджаристыхъ совсѣмъ не любитъ. А Иванъ-то Павловичъ[3], что служитъ по министеріи экзекухторомъ, такой важный, что и приступу нѣтъ. Такой видный, изъ себя толстый. Какъ закричитъ на меня: „Ты мнѣ не толкуй пустяковъ, что невѣста такая и такая; ты скажи напрямикъ: „сколько за нею крѣпостныхъ, движимой и недвижимой[4] рухляди?“ — „Столько-то и столько-то, отецъ мой“. — „Ты врешь, собачья дочь!“ Да еще, мать моя, вклеилъ такое словцо. что и неприлично тебѣ сказать. Я такъ вмигъ и сповнала: „Э, да это долженъ быть важный господинъ!“

Прасковья Тихоновна. Ну, а еще кто?

Окла. Никаноръ Ивановичъ Онучкинъ. Это ужъ такой великатный! А губы, мать моя, малина, совсѣмъ малина[5] — такой славный! „Мнѣ“, говоритъ, „нужно, чтобы невѣста была хороша собой, воспитанная, чтобы и по французскому умѣла говорить“. Да, тонкаго поведенія человѣкъ! Нѣмецкая штука! А самъ-то такой субтильный, и ножки узенькія, тоненькія.

Прасковья Тихоновна. Нѣтъ, мнѣ эти субтильные.... не знаю.... какъ-то не того....

Окла. А коли хочешь поплотнѣй, такъ возьми Ивана Павловича:[6] ужъ лучшаго нельзя выбрать никого. Ужъ тотъ, неча сказать, баринъ такъ баринъ! Мало въ эти двери не войдетъ, такой славный!

Прасковья Тихоновна. А сколько ему лѣтъ?

Окла. А (лѣтъ пятьдесятъ)[7] человѣкъ еще молодой: лѣтъ пятьдесятъ, да и пятидесяти нѣтъ.

Прасковья. А фамилія какъ?

Өекла. А фамилія — Иванъ Павловичъ[1] Горшокъ.

Прасковья. Это фамилія?

Өекла. Фамилія.

Агафья[2] **Тихоновна.** Ахъ, Боже мой! Послушай, Өеклуша: какъ же я буду называться, если, напримѣръ, выйду за него за мужъ? Агафія Тихоновна Горшокъ! Богъ знаетъ, что такое!

Өекла. И, мать моя! Да на Руси есть такія содомныя прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, какъ услышишь. А пожалуй, коли не нравится прозвище, то возьми Балтазара Балтазарыча Жевакина — славный женихъ.

Агафья Тихоновна. Да каковъ же онъ? Какіе у него волосы?

Өекла. Хорошіе волоса.

Агафья. А носъ?

Өекла. Э.... и носъ хорошій; все на своемъ мѣстѣ, и самъ такой славный. Только не погнѣвайся: ужъ на квартирѣ одна только трубка и стоитъ, больше ничего нѣтъ, никакой мебели.

Агафья Тихоновна. А еще кто?

Өекла. Акинфъ Степановичъ Пантелѣевъ, чиновникъ, тильтулярный совѣтникъ. Немножко заикается только, за то ужъ такой скромный.

Агафья Тихоновна. Да не любитъ-ли онъ выпить?

Өекла. А пьетъ, не прекословлю — пьетъ. Что жъ дѣлать? На то титулярный совѣтникъ, и такой тихій, какъ шелкъ.

Агафья Тихоновна. Нѣтъ, я не хочу, чтобъ мужъ мой былъ пьяница.

Өекла. Твоя воля, мать моя! Не хочешь одного — возьми другого. Впрочемъ, что жъ тутъ такого, что иной разъ выпьетъ лишнее? Вѣдь онъ не всю же недѣлю бываетъ пьянъ: иной день выберется и трезвый.

Агафья. Ну, а еще кто?

Өекла. Да есть еще одинъ, да тотъ только такой.... Богъ съ нимъ![3] Эти, что я тебѣ сказала[4], будутъ почище.

Агафья. Ну, да кто жъ онъ?

Өекла. А не хотѣла бы и говорить про него. Онъ-то, пожалуй, надворный совѣтникъ и петлицу носитъ, только на подъемъ тяжеленекъ — не скоро выманишь изъ дому[5].

Агафья. Ну, а еще кто? Вѣдь тутъ только всего пять, душенька[6], а ты говорила, что[7] шесть. Гдѣ же шестой?

Окла. Эхъ, какъ тебя-то, мать моя, разобрало теперь! А вѣдь давича такъ было перепугалась.

Анфиса Карповна. Довольно тебѣ, родная, ужъ полно; поди-ка лучше да постарайся, какъ бы получше принарядиться, чтобы... Вѣдь гости, того гляди, пріѣдутъ.

Агафья. Ахъ, точно-съ; иду, иду. Вы послушайте, тетушка.... Вы знаете.... лучше бы вамъ не показываться передъ гостями.

Анфиса Карповна. А почему бы нѣтъ?

Агафья. Да такъ, тетушка: у васъ на головѣ платокъ — это такъ... по-купечески, и вы, какъ говорите, открываете ротъ, какъ ворона. *(Уходитъ).*

Анфиса. Ай да племянница-та! Смотри-тка, тетушку-та ужъ съ вороной сравнила! Нѣтъ, моя красавица, и сама я, какъ была въ дѣвкахъ, ужъ куды какъ была великатна: бывало, слово скажешь, да языкомъ губку тотъ же часъ и лизнешь.

ЯВЛЕНІЕ [12-е].

Окла и Анфиса Карповна.

Окла. А и въ правду, Анфиса Карповна, вѣдь въ наше время, ей Богу, было лучше. Бывало, такая манерная сидишь, такъ вотъ совсѣмъ какъ святая: ни суставчикомъ не шелохнешь..... Такой великатесъ! Пойдешь ли — платье такъ на тебѣ и шумитъ, а мигачи-то, бывало, ножку-то какъ начнутъ подставлять, чтобъ уронить тебя, и такъ, бывало, закричишь: „Уймитеся, невѣжи, ночные потаскуны! Что вы, такіе и такіе!“.... Такъ, ей Богу, совсѣмъ княгиня.

Анфиса. Кто что ни говори, а вѣдь купцы-то наши, ей Богу, лучше-та жили, чѣмъ теперь-то всѣ эти благородія. Вотъ и твои-та женихи, что понабирала: дворяне, дворяне, а вѣдь что толку-то въ томъ?[1]

Окла. А нѣтъ, Анфиса Карповна, ужъ это, не прогнѣвитесь, не извольте говорить[2]: дворянинъ будетъ попочтеннѣе.

Анфиса. Да вѣдь что въ томъ?[3] А вотъ Алексѣй-то Дмитріевичъ да въ собольей шапкѣ въ санкахъ-то какъ прокатится!

Окла. А дворянинъ-то съ аполетой или съ петлицей[4] пройдетъ навстрѣчу, скажетъ: „Что ты, купчишка? сверотя съ до-

рога!“ Или: „покажи, подлецъ[1], бархату самаго лучшаго!“ А купецъ: „Извольте, батюшка!“ — „А сними-ка свою шляпу, невѣжа!“ Вотъ что скажетъ дворянинъ.

Анфиса. А купецъ, если захочетъ, не дастъ сукна, а вотъ дворянинъ-то и голенькой, и не въ чемъ ходить дворянину.

Окла. А дворянинъ зарубитъ купца.

Анфиса. А купецъ пойдетъ въ полицію.

Окла. А дворянинъ полиціи кукишъ покажетъ. Полиція знай свое дѣло; полиція хватай черный народъ[2].

Анфиса. А купецъ-то прямо пожалуется[3] губернахтору.

Окла. А дворянинъ-то къ сенахтору[4].

Анфиса. Врешь, врешь! Губернахторъ больше, чѣмъ сенахторъ. Разносилась съ своимъ дворяниномъ! Дворянинъ, дворянинъ! — а только и славы, что имя. Такой же холопъ, только что предъ чернымъ народомъ дуется, а чуть только кто немного починовнѣе его — знай, такъ покланивается, что инда еле шеи не сломитъ.

Окла. А купецъ....

Анфиса. Не хочу, не хочу ничего слышать! Купецъ хоть и обманетъ, да себѣ въ прибыль, а дворянинъ что ни выподличаетъ, ни себѣ, ни другимъ (не достанется)[5], а только растранжиритъ мошенникамъ. *(Уходитъ).*

Окла. Ахъ, Анфиса-то Патрикѣевна какъ вспѣтушила! А по мнѣ, всякій человѣкъ чѣмъ не женихъ, былъ-бы дороденъ, къ дѣлу способенъ. Ужъ такъ Богъ, то есть, создалъ: ужъ коли родился на свѣтъ, то ужъ конечно на то, чтобы съ него былъ женѣ мужъ. *(Уходитъ.)*[6]

ЯВЛЕНІЕ [13-е].

Петръ Ивановичъ[7] **Горшокъ** *(входитъ и осматривается).* Никого нѣтъ. Хозяйка-то тово... знать, занята[8]. Разсмотрѣть на досугѣ роспись придзнаго; всего никакъ нельзя сообразить въ умѣ. *(Читаетъ бумагу).* „Домъ на каменномъ фундаментѣ съ мезонинами“. *(Оглядывается).* Есть! *(Продолжаетъ читать).* „Флигеля два: флигель на каменномъ фундаментѣ, флигель деревянный...“ Ну, деревянный плоховатъ! „Дрожки, сани парныя съ рѣзьбой, подъ большой коверъ и подъ малый“. Можетъ

быть, такія, что въ ломъ годятся; старуха, однакожъ, увѣряетъ, что первый сортъ. Хорошо, пусть первый сортъ. *(Продолжаетъ читать)*. „Двѣ дюжины серебряныхъ ложекъ...“ Конечно это для дома нужно. „Двѣ лисьихъ шубы...“ Гм! „Четыре большихъ пуховика и два малыхъ...“ Гм! *(значительно сжимаетъ губы)*. „Шесть паръ шелковыхъ платьевъ и шесть паръ ситцевыхъ...“ Ну, это статья пустая! „Бѣлье, салфетки...“ Это пусть будетъ, ей какое хочется.... *(Складываетъ бумагу)*. Нужно, впрочемъ, подвергнуть строгому изысканію. Въ теперешнія времена ухо востро держи [1]: обѣщаютъ и домы, и экипажи, а какъ женишься — только и найдешь, что пуховики, да перины.

ЯВЛЕНІЕ [14-е].

Герасимъ Петровичъ и Анучкинъ.

Анучкинъ *(кланяясь)*. Мое почтеніе [2].

Герасимъ Петровичъ. Мое почтеніе.

Анучкинъ. Позвольте узнать, хозяйка дома?...

Герасимъ Петровичъ. Еще не выходила. Мнѣ подозрительна немного физіогномія этого человѣка. Я полагаю, чуть ли и онъ не за тѣмъ пришелъ, за чѣмъ и я. *(Вслухъ)*. Позвольте узнать: вы, вѣрно, имѣете какое-нибудь дѣло къ хозяйкѣ дома?

Анучкинъ. Нѣтъ, я такъ только, съ прогулки.

Герасимъ Петровичъ *(въ сторону)*. Жениться, подлецъ, хочетъ! [3]

ЯВЛЕНІЕ [15-е].

Тѣ же, Жевакинъ и Ѳекла *(которая отворяетъ ему двери)*.

Жевакинъ *(Ѳеклѣ)*. Здравствуй, душенька! Какъ поживаешь? здорова ли? а? Пожалуста, душенька, почисть меня. Вотъ здѣсь... Пыли-то, знаешь, довольно — много всего попристало. Вонъ тамъ, пожалуста, сними пушинку *(поворачивается)*; такъ. Спасибо, душенька! Вотъ еще посмотри, какъ будто паучекъ лазитъ. А на подборахъ-то сзади нѣтъ ли грязи? Спасибо, родимая! Вотъ тутъ еще, кажется. *(Гладитъ рукою рукавъ фрака и посматривая на Анучкина и Герасима Петровича)*. Суконце-то, вѣдь, аглицкое. Я купилъ его въ Сициліи, когда была наша эскадра. Каково носится?

Въ 95 году, будучи мичманомъ, сшилъ съ[1] него мундиръ; въ 801 году, за Павла Петровича, я былъ сдѣланъ лейтенантомъ — сукно было совсѣмъ новехонькое; въ 814 году сдѣлалъ экспедицію вокругъ свѣта, и вотъ только по швамъ немного протерлось.

ЯВЛЕНІЕ [16-е].

Тѣ же, Кочкаревъ и Подколесинъ.

Кочкаревъ *(входя)*. Ты, братъ, помни только куражъ, куражъ — и больше ничего.

Подколесинъ. Да, чортъ возьми, это-то я самъ знаю, что куражъ.

Кочкаревъ. Здравствуйте, господа! *(Въ сторону.)* Набито биткомъ: у невѣсты ворота, знать, не на запорѣ. У, у, какой народъ![2] Чортъ побери, если это все пришло за тѣмъ, за чѣмъ и мы. *(Увидя Феклу.)* А! а! ты ужъ здѣсь! Съ которыхъ сторонъ понабирала воронъ? А?[3]

Фекла. Тутъ тебѣ воронъ нѣтъ, все честные люди.

Кочкаревъ. А вѣдь гости-то несчитанные, кафтаны общипанные.

Фекла. Гляди налетъ на свой полетъ. А и похвастать-то нечѣмъ: шапка въ рубль, а щи безъ крупъ.

Кочкаревъ. Небось, у твоихъ-та есть за душой.

Фекла. А и притóманно есть.

Кочкаревъ. Разсказывай, разсказывай[4]. Ну, что невѣста? а? еще не выходила? *(Подходитъ къ дверямъ и смотритъ въ замочную скважину).*

Фекла. Бесстыдникъ! Говорятъ тебѣ, еще одѣвается.

Кочкаревъ. Что жъ, это не бѣда, коли одѣвается. Теперь-то лучше всего и можно высмотрѣть. *(Продолжаетъ смотрѣть).*

Горшокъ. Пойти и мнѣ взглянуть. *(Подходитъ къ щелкѣ).*

Жевакинъ. Позвольте полюбопытствовать! *(Продирается тоже).*

Кочкаревъ. Чортъ возьми! Какая-то толстая баба, платье проклятое, такое широкое...

Горшокъ. Посторонитесь на одну минуточку только!

Кочкаревъ. Идутъ, идутъ! *(Всѣ второпяхъ летятъ прочь отъ дверей, толкая другъ друга)*[5].

ЯВЛЕНІЕ [17-е].

Тѣ же, Н[евѣста][1] и тетка.

(Поклоны.)

Горшокъ *(отправляясь)*. Я, сударыня, признаться сказать, пришелъ къ вамъ по одному дѣлу. На дняхъ, читая въ газетахъ, я узналъ[2], что вы желаете вступать въ подряды насчетъ лѣсовъ и дровъ; а такъ какъ это по моей части, будучи экзекуторомъ при Казенной палатѣ, такъ я рѣшился теперь отправиться къ вамъ узнать, какого рода лѣсъ и въ какомъ количествѣ, и къ какому времени вы можете его поставить?

Н[евѣста]. Нѣтъ, я въ подряды совсѣмъ не вступала и лѣсу совсѣмъ нѣтъ; а, можетъ, это другой кто?

Пав[елъ Ивановичъ]. Я такъ, признаюсь, и думалъ, что[3] у васъ лѣсу нѣтъ (и что это не вы сдѣлали объ этомъ вызовъ)[4], и пришелъ именно съ тѣмъ только, чтобы въ этомъ удостовѣриться.

Тетка. А какъ по фамиліи?

П[авелъ Ивановичъ]. Коллежскій ассесоръ, Павелъ Ива[новичъ] Горшокъ; нахожусь[5] экзекуторомъ при Казенной палатѣ.

Тетка. Прошу покорнѣйше садиться. *(Обращается и глядитъ на Жевакина)*.

Жевакинъ. Я, признаюсь, сударыня, тоже что-то слышалъ въ газетахъ. Думаю себѣ, дай-ка, пойду. Погода здакъ по утру: солнышко, травка, знаете, этакъ зеленѣетъ; время веселое[6].

Тетка. А какъ по фамиліи?

Жевакинъ. Лейтенантъ морской службы, Балтазаръ Балтазаровъ Жевакинъ 2-й. Былъ у насъ еще другой Жевакинъ, да этотъ еще прежде моего выступилъ въ отставку[7].

Тетка. Прошу покорнѣйше садиться.

[Анучкинъ]. Что касается до меня, сударыня, то я почелъ съ своей стороны очень неучтивымъ, живя такъ близко, будучи, такъ сказать, сосѣдомъ — и чтобы при этомъ не познакомиться съ вами[8].

Н[евѣста]. А вы, вѣрно, живете въ сосѣднемъ домѣ?

Анучкинъ. То есть, я, сударыня, живу на Пескахъ, но имѣю намѣреніе въ скоромъ времени переселиться на этотъ конецъ города.

Тетка. А какъ по фамиліи?

Анучкинъ. Анучкинъ, отставной поручикъ-съ.

Тетка. А прошу покорнѣйше садиться.

Кочкаревъ. Скажите, сударыня: вы не нуждались ли въ управляющемъ для вашего дома?

Агафья И..... Нѣтъ-съ.

Кочкаревъ. А мнѣ сказали то, что вы имѣете нужду; я именно пришелъ затѣмъ: у меня на примѣтѣ былъ одинъ; онъ канцелярскій чиновникъ, выгнанъ изъ службы, но очень хорошій человѣкъ. Вы, сударыня, на меня пристально смотрите. Вѣрно, не узнаете?[1]

Агафья. Кажется, сколько могу припомнить, совсѣмъ не имѣла чести васъ знать.

Кочкаревъ. Припомните, однакожъ, гдѣ вы меня видѣли?

Агафья. Не знаю-съ; развѣ у Бирюшкиныхъ?

Кочкаревъ. Именно, у Бирюшкиныхъ.

Агафья. Вы знаете ли, съ нею анекдотъ случился.

Кочкаревъ. Какъ-же-съ; она переломила ногу.

Агафья. Нѣтъ? А я слышала, что она вышла за-мужъ.

Кочкаревъ. Не могу навѣрно сказать: или вышла за-мужъ, или переломила ногу — что-то въ родѣ этого[2].

Тетка. А какъ по фамиліи?

Кочкаревъ. Кочкаревъ, Илья Ильичъ[3]. Жена моя, сударыня, о васъ тоже[4] безпрестанно говоритъ. А теперь позвольте мнѣ рекомендовать пріятеля моего, надворнаго совѣтника, прекраснѣйшаго человѣка. Онъ теперь занимается еще покуда за особеннымъ столомъ въ канцеляріи, но черезъ три дня непремѣнно будетъ начальникомъ отдѣленія. Директоръ департамента, начальникъ его, такъ его любитъ, что даже вмѣстѣ съ нимъ спитъ на одной и той же кроватѣ.

Тетка. А какъ по фамиліи?

Кочкаревъ. А. Ив...[5] Подколесинъ, сударыня.

Тетка. Извините, батюшка; такъ-съ, такъ-съ! Прошу покорнѣйше садиться.

ЯВЛЕНІЕ [18-е].

Тѣ же и Стариковъ.

Стариковъ *(кланяясь живо и скоро, по-купечески, и слегка берясь въ боки)*. Здравствуйте, матушка! Ребята на Гостиномъ дворѣ сказывали, что продаете шерсть, матушка.

Н[евѣста] *(съ пренебреженьемъ)*. У меня нѣтъ вовсе шерсти, и я не занимаюсь никакой продажей.

Стариковъ. Такъ-съ, матушка. Ребята-то, видно, солгали. Намъ-то было сказано, что у Агафьи де Ивановны шерсть самая лучшая и ужъ совсѣмъ, то есть, мытая шерсть.

Тетка. Нѣтъ, шерсти на продажу нѣтъ, Илья Ильичъ, а приходу-то вашему рады; прошу садиться[1].

(Подаютъ гостямъ по рюмкѣ вина. Текла подноситъ). *Здѣсь Кочкаревъ со свахой пикируются острыми словами. Какимъ образомъ пикируются, я ужъ не помню; объ этомъ слѣдуетъ узнать у Щепкина и Сосницкаго, — такъ, какъ и объ обрядахъ, какіе при этомъ употребляются у купцовъ. Они могутъ, пожалуй, посовѣтоваться объ этомъ съ Погодинымъ, знающимъ этотъ бытъ, и пополнить такимъ образомъ эту сцену. (Послѣ молчанія)*[2].

Пе[тръ] И[вановичъ]. Странная погода нынче: поутру совершенно было похоже на дождикъ, а теперь — нѣтъ.

Н[евѣста]. Да, эта погода чрезвычайно странная бываетъ: иногда ясно, а въ другое время совершенно дождливая. Такая непріятность!

Жевакинъ. Вотъ въ Сициліи, сударыня, иногда точно бываетъ такъ, что выйдешь, этакъ, напримѣръ изъ дому, видишь — день солнечный; а потомъ этакъ вѣтерокъ заиграетъ, и смотришь: точно, какъ будто, дождикъ.

Ге[расимъ] Пе[трович]. Непріятнѣе всего, когда въ такую погоду сидишь одинъ. Но если человѣкъ семейный, то все ужъ развлеченіе: мужъ играетъ на (скрыпкѣ)[3] какомъ [нибудь][4] инструментѣ или роется въ бумагахъ, а жена около вышиваетъ или вяжетъ карпетки для дому. Все время проходитъ[5] съ пріятностью.

Стариковъ. Да, вотъ его благородіе справедливо, то есть, замѣтили насчетъ-то супружескаго-то дѣла. Коли, то есть,

женатый человѣкъ, ужъ совсѣмъ другой примѣръ. До вечера сидишь по коммерціи, а въ вечеру лавку запрешь, идешь домой. И вечеромъ ужъ не таскаешься по Невскому или по Мѣщанской, потому что знаешь, что въ домѣ, то есть, сожительница есть.

Ж[евакинъ]. Скажите, сударыня, какъ эдакъ, то есть, напримѣръ, по вашему образу сужденія, какая вамъ жизнь, эдакъ, больше предпочительной, то есть, кажется: женатая, или холостая?

Ан[учкинъ]. Позвольте, сударыня, вамъ сдѣлать вопросъ: кого бы избрали болѣе въ сопутники: человѣка съ высокимъ образованіемъ, съ сердцемъ и съ душой, какъ говорятъ?...

Ж[евакинъ]. Да, сударыня, штатской ли, то есть, службы, или, этакъ, по военной? флотскаго, напримѣръ?

[Герасимъ Петровичъ]. Не правда ли, сударыня, что для мужа чинъ 8 или 7 класса есть самый лучшій и солидный?

Н[евѣста] *(закрывается платкомъ)*.

Ѳекла. Отвѣчай же, мать моя!

Агафья. Ахъ, Ѳеклуша, мнѣ, право, стыдно; я не знаю, что мнѣ дѣлать.

[Герасимъ Петровичъ]. Такъ, какъ же, матушка Агафья Ивановна?[6]

[Анучкинъ]. Какъ вы полагаете насчетъ этого?

[Кочкаревъ]. Скажите только, какое ваше мнѣніе.

Ж[евакинъ]. Просто, сударыня, объявите ваши эдакія мысли.

Аг[афья] И[вановна]. Ѳекла, я уйду, право, уйду!

Ѳекла. И, мать, сохрани тебя Богъ! Скажи: рада, молъ, рада, за честь благодарна.

Аг[афья] И[вановна]. Не могу! *(Вдругъ подымается со стула и поспѣшно уходитъ; за нею уходятъ тетка и сваха)*.

ЯВЛЕНІЕ [19-е].

Кромѣ ушедшихъ.

[Герасимъ Петровичъ]. Вотъ тебѣ на! и ушли всѣ! Это что значитъ?

Коч[каревъ]. Въ самомъ дѣлѣ, чортъ возьми, это что-то странно; по необходимой, знать, причинѣ.

Ж[евакинъ]. Что-нибудь насчетъ эдакихъ разныхъ дамскихъ

туалетцовъ: манишечку эдакъ какъ-нибудь поправить, или такъ, эдакъ пришпилить что-нибудь.

[**Герасимъ Петровичъ**]. Ну, что, какъ вамъ кажется хозяйка дома?

Кочкаревъ. Да такъ себѣ, не слишкомъ.

[**Герасимъ Петровичъ**]. Великъ носъ страшно, вотъ что худо.

Ж[евакинъ]. Ну, я этого, признаюсь, не примѣтилъ, насчетъ носа; а въ лицѣ, впрочемъ, много эдакого... въ щечкахъ румянецъ, эдакой розанчикъ... Нѣтъ, мнѣ нравится.

[**Герасимъ Петровичъ**]. Нѣтъ, носъ великъ; старуха проклятая прежде объ этомъ ничего не сказала.

А[нучкинъ]. Насчетъ носа, позвольте доложить, — это еще ничего, но въ ней, нѣтъ, знаете, этой манеры высшаго общества. Я, признаться вамъ, сомнѣваюсь даже въ томъ, знаетъ ли она по-французски.

[**Герасимъ Петровичъ**]. А чортъ ли въ этомъ, что она не знаетъ по-французски.

А[нучкинъ]. Ну, знаете[1], хорошая жена должна знать по-французски, а безъ того въ ней и то.... и это.... все ужъ не то.

[**Герасимъ Петровичъ**]. Я не вижу никакой совершенно въ этомъ причины: что вы знаете по-французски, такъ и жена ваша должна знать?[2]

А[нучкинъ]. Вы думаете, я знаю по-французски? Нѣтъ, судьба меня не допустила воспользоваться такимъ воспитаніемъ. Мой отецъ былъ мерзавецъ, скотина: онъ и не думалъ о томъ, чтобы выучить меня французскому языку. Я тогда былъ еще ребенкомъ; меня было легко пріучить: стоило бы посѣчь разъ пять на день — и я бы зналъ, я бы непремѣнно зналъ.

Кочкаревъ.[3] Но, впрочемъ, вѣдь вы теперь не можете разговаривать съ нею по-французски.

[**Анучкинъ**]. Я не могу[4], но жена другое дѣло: нужно, чтобы она непремѣнно знала по-французски. А безъ этого у ней и то, и это.... *(показываетъ жестомъ)*... все ужъ будетъ не то. Я всегда говорилъ, что пѣхота до тѣхъ поръ не сравнится съ кавалеріей, покамѣстъ офицеры не будутъ знать по-французски.

[Герасимъ Петровичъ] *(про себя)*. Ну, объ этомъ хлопочи другой, а я пойду, разсмотрю хорошенько, прочно ли строеніе. Лѣвый флигель обсмотрѣть нужно хорошенько да и въ кладовыя мимоходомъ нужно заглянуть. *(Уходитъ)*.

[ЯВЛЕНІЕ 20-е].

[Тѣ же, кромѣ Герасима Петровича].

Подколесинъ. Пойти и мнѣ. Пора уже домой.

Кочкаревъ. Куды? Вотъ тебѣ на! Что ты?

Подколесинъ. Да такъ; мнѣ, признаться сказать, невѣста не нравится.

Кочкаревъ. Вотъ-те разъ! А сію минуту что говорилъ?

Подколесинъ. Носъ, Богъ знаетъ, какой длинный.

Кочкаревъ. Еще и носъ перебирать, такой или другой носъ! Тебѣ что въ этомъ? Была бы невѣста: на голую ногу всякій башмакъ въ-пору.

Подколесинъ. Ну, я не голая нога: я хочу, чтобы у меня хорошій былъ башмакъ[1].

Кочкаревъ. Длинный носъ! Экъ, нашелъ въ чемъ изъянъ! Небось, хороша курносая? Ужъ выдумалъ: курносая! Вонъ *(подпираетъ себѣ пальцемъ носъ)*, чортъ знаетъ, что такое!

Подколесинъ. И по-французски не знаетъ.

Кочкаревъ. Это что за новости? Тебѣ-то что за прибыль съ французскаго языка?

Подколесинъ. Ну, хорошая невѣста должна знать по-французски, а безъ того.....

Кочкаревъ. Что — безъ того?

Подколесинъ. Да безъ того все.... я ужъ не знаю, что, только не хорошо.

Кочкаревъ. Ну, вотъ! Дураки толкуютъ, а онъ и себѣ! И вздоръ, совершенный вздоръ. Во-первыхъ, носъ совсѣмъ не великъ, глаза и все это, какъ слѣдуетъ: прекрасная и прелюбезная дѣвица.

Подколесинъ. Мнѣ и самому сначала такъ казалось, но послѣ, какъ начали всѣ говорить, что длинный носъ, длинный носъ — теперь и самъ вижу, разсмотрѣвъ, что длиненъ.

Кочкаревъ. Экія глупости! Они на поди толковать, чтобы

тебя отвадить. Я, просто, не видалъ такой дѣвицы: глаза у ней говорятъ, дышутъ; а носъ — я не знаю, что это за носъ! Это рѣдкость удивительная! Бѣлизна какъ алебастръ; и алебастръ не всякій сравнится; а улыбка обвороженіе. Ну, скажи по совѣсти, отвергнувши всѣ предразсудки: не правду ли я тебѣ говорю?

Подколесинъ. Теперь-то конечно[1] я самъ вижу, что она хороша.

Кочкаревъ. Ну, послушай: теперь, какъ только она появится, намъ мѣшкать никакъ не нужно, сейчасъ къ ней: „сударыня, ваша красота и качества“... и всѣ эти каперсы... „прошу вашей руки“, — чтобы, знаешь, и концы въ воду за однимъ разомъ.

Подколесинъ. Этого-то я никогда не сдѣлаю.

Кочкаревъ. Отъ чего такъ?

Подколесинъ. Да ты развѣ не видишь, сколько у ней жениховъ? Куда мнѣ! Да все еще такіе..... Нѣтъ, я боюсь..... Нѣтъ, я ни за что при нихъ не соглашусь.

Кочкаревъ. Возгрякъ! Что тебѣ глядѣть? Было бы что, въ самомъ дѣлѣ, такое! Чего[2] бояться? Одинъ толстъ, какъ сундукъ; другой похожъ на пѣтуха; третій чортъ знаетъ что такое: тоньше зубочистки, которою ковыряютъ зубы.

Подколесинъ. Ну, какъ ты себѣ хочешь, только, покамѣстъ они будутъ волочиться, я ни за что не откроюсь.

Кочкаревъ. Ну, не дуракъ ли ты? Ну, что съ[3] тебя за надворный совѣтникъ? Ну, отъ чего жъ ты не хочешь? ну, отъ чего? Дуракъ такой! Телепень! Глупѣе барана!

Подколесинъ. Ну, что жъ ты бранишься, да еще въ чужомъ домѣ?

Кочкаревъ. Да съ тобой, право, нѣтъ мочи. Еще и надворный совѣтникъ, и въ начальники отдѣленія мѣтитъ! Я бы тебя въ курятникѣ сдѣлалъ начальникомъ отдѣленія.

Подколесинъ. Ну, я уйду сейчасъ домой.

Кочкаревъ *(хватаетъ его за руку)*. Куда? куда? *(Въ сторону)*. Этакой мерзавецъ, такая бестія! Вѣдь упрямъ, какъ чортъ, не смотря на это, глупъ, какъ бревно. Ну, постой, постой! Я съ тобой пошутилъ только, а онъ и въ самомъ дѣлѣ. Ну, послушай: хочешь, я отважу всѣхъ жениховъ и ты останешься одинъ?

Подколесинъ. Какъ же ты отвадишь?

Кочкаревъ. Ну, это ужъ не твое дѣло; дай мнѣ только слово, что ты откладывать не будешь и сейчасъ приступишь къ дѣлу.

Подколесинъ. Почему жъ не дать?[1] Я вѣдь готовъ жениться.

Кочкаревъ. Ну, смотри, чуръ, послѣ не отступаться! *(Въ сторону).* Ужасная дрянь! Жениховъ-то я всѣхъ отгоню. Это мнѣ ни почемъ: я, ужъ не знаю, какъ-то такъ родился. Дарованій бездна: иной разъ начнешь говорить — Цицеронъ такой слетитъ съ языка, что, просто, поразитъ хоть кого. Пыли подпустить или прилгнуть — это мое дѣло. Вѣдь нужно прибавить, что вѣдь и учился на мѣдныя деньги: только катихизисъ да первую часть ариѳметики, да еще учили тогда книгу „О должностяхъ человѣка и гражданина“; а въ риторику и не заглядывалъ[2].

[ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.]

ЯВЛЕНІЕ...

Тѣ же и Гарасимъ[1] Петровичъ.

Г[ерасимъ] П[етровичъ] *(самъ въ себѣ).*[2] Одинъ флигель меня очень безпокоитъ: совсѣмъ плохъ, и дворъ слишкомъ ужъ тѣсенъ; боюсь даже, чтобы эта часть, гдѣ свинушникъ[3] и маленькій сарайчикъ, совсѣмъ не отошла. *(Громко, обращаясь къ Кочкареву).* Что, хозяйка дома еще до сихъ поръ не выходила?

Кочкаревъ. Нѣтъ, еще не выходила.

Г[ерасимъ] П[етровичъ]. Какъ это странно, право! Я до сихъ поръ не могу понять, отчего она ушла. Знаете ли что? Я думаю, что она дура. Какъ вы думаете?[4] У ней въ головѣ, — это замѣтно съ перваго раза, — чего-то недостаетъ.

Кочкаревъ. А вы замѣтили! Да, признаюсь, этотъ грѣшокъ есть.

Г[ерасимъ] П[етровичъ]. Я полагаю, что ее съ-измала загоняли[5] слишкомъ.

Кочкаревъ. И я вамъ скажу даже, что вы угадали[6]. Вообразите: дѣвушка молодая, ну, ничего еще не знаетъ, сложенья слабаго — и вдругъ, кто ни есть въ семьѣ, — всѣ бьютъ, кто чѣмъ ни попало: тотъ стуломъ, тотъ рукомойникомъ, тотъ башмакомъ — ну, и сдѣлали съ[7] нея дуру.

Г[ерасимъ] П[етровичъ]. Такъ вы ее знаете еще съ-измала?

Кочкаревъ. Еще бы! Вмѣстѣ мальчишками были. Я самъ, признаюсь, былъ виноватъ: иной разъ вижу, что другіе колотятъ, ну, и себѣ тоже — иной разъ пинкомъ или хлыстомъ.

Г[ерасимъ] П[етровичъ]. Такъ вы, можетъ быть, знаете и насчетъ ея состоянія? Я, признаться вамъ сказать, въ разсужденіи[8] этой статьи очень безпокоюсь. По мнѣ, будь она глупа, какъ

себѣ хочь, — это въ семьѣ ничего, — но если при ней капитальной живности немного, то нечего и рукъ марать.

Кочкаревъ. О, да за ней ничего нѣтъ!

П[етръ] Г[ерасимовичъ]. Какъ ничего? Вотъ тебѣ разъ! Однакожъ, вѣдь у меня есть роспись; тамъ говорится именно: домъ, два флигеля.

Кочкаревъ. Ну да, одинъ домишка, чортъ знаетъ какой.

П[етръ] Г[ерасимовичъ]. Какъ чортъ знаетъ какой? Вѣдь онъ каменный. Да дурно развѣ[1] выстроенъ, что ли?

Кочкаревъ. Очень дурно, отвратительно даже дурно выстроенъ[2].

П[етръ] Г[ерасимовичъ]. Однакожъ онъ, надѣюсь, проченъ?

Кочкаревъ. Въ томъ-то и дѣло, что и нѣтъ. Вѣдь стѣны въ немъ строены въ одинъ кирпичъ, а въ серединѣ всякая дрянь: мусоръ, пыль[3], стружки, тряпки.

П[етръ] Г[ерасимовичъ]. Нѣтъ?

Кочкаревъ. Разумѣется. Будто не знаете, какъ теперь строятъ домы? лишь бы только въ ломбардъ заложить.

П[етръ] Г[ерасимовичъ]. Однакожъ, вѣдь домъ не заложенъ, въ два этажа и родственниковъ ни души.

Кочкаревъ. А кто это вамъ сказалъ? Заложенъ, и вотъ уже больше года проценты не платятся; а что до родственниковъ, то я вамъ скажу, что въ сенатѣ служитъ братъ, такой сутяга, какого свѣтъ не производилъ[4]: съ родной матери снялъ юбку, безбожникъ.

П[етръ] Г[ерасимовичъ]. Нѣтъ, чортъ возьми! Я, право, это въ первый разъ слышу. Вѣдь экая проклятая эта старуха сваха![5] Если бы вы знали, какъ она, бестія, все это расписывала! Домъ, говоритъ, съ мезонинами и чортъ знаетъ съ чѣмъ; лавочки, огороды, сани; останетесь, говоритъ, довольны;[6] и все это такъ, бестія, краснорѣчиво, какъ иногда попадется, знаете, въ романахъ иная страница. Право![7] какъ ораторъ, карга проклятая! Вѣдь и зубовъ нѣтъ!

Анучкинъ. Позвольте васъ побезпокоить, съ моей стороны, вопросомъ. Признаюсь, не зная французскаго языка, чрезвычайно трудно судить самому, знаетъ ли женщина по-французски. Скажите, пожалуста, знаетъ ли она дѣйствительно, или.....

Кочкаревъ. Ни бельмеса!

Анучкинъ. Въ правду-съ?

Кочкаревъ. Какъ же? Она училась вмѣстѣ съ моей женой въ пансіонѣ. Это была извѣстнѣйшая лѣнивица: вѣчно, бывало, сидитъ въ дурацкой шапкѣ; а французскій учитель ее просто билъ палкой.

Анучкинъ. Представьте себѣ: вѣдь у меня было какое-то предчувствіе, что она, точно, не знаетъ по-французски.

Г[ерасимъ] П[етровичъ]. Ну, чортъ возьми, знай она себѣ хоть по-татарски, но здѣсь главное — обманъ. Посудите вы сами: я человѣкъ служащій; мнѣ нужно.... что мнѣ нужно? Мнѣ нужна жена. Какая жена? Жена, какъ обыкновенно, то есть, въ свѣтѣ; то есть, жена, имѣющая состояніе...[1] да! Какое состояніе? Такое состояніе, чтобы мужу и себѣ можно было безбѣдно и прилично вести жизнь — капиталъ или тамъ какое-нибудь недвижимое имѣніе: казеннымъ жалованьемъ не разживешься. И вдругъ, вмѣсто всего этого[2] — домъ выстроенъ, чортъ знаетъ какъ, въ одинъ кирпичъ, въ серединѣ тряпки, заложенъ въ ломбардъ....[3]

Кочкаревъ. Вы совершенно правы: по моему мнѣнію, невѣста безъ приданаго — это что-то[4] такое странное; чортъ знаетъ, что такое... стаканъ воды, и больше ничего[5].

К[упецъ].[6] Позвольте васъ, батюшка, эдакъ, то есть, обезпокоить: мнѣ показалось, что... насчетъ ихъ нрава, то есть, Агафьи-та Ивановны. По приблизительности, то есть, смотря, онѣ оченно съ душкомъ, какъ говорятъ, что касается до купеческаго званія.

Кочкаревъ. О, да! Купцовъ терпѣть не можетъ: одному даже просто наплевала въ бороду.

К[упецъ]. Ай да дворянка! А за что, напримѣръ сказать?

Кочкаревъ. Я ужъ не знаю, право, за что. Наѣлся капусты, что ли — не слюбился запахъ.

К[упецъ]. Ай да спѣсивица-то! А вѣдь батюшка-то ихъ, бывало, такъ покушивалъ, что только, бывало[7], приглаживаетъ бороду да приговариваетъ: „Душа съ Богомъ разговариваетъ“[8].

П[етръ] Г[ерасимовичъ]. Больше всего[9] меня бѣситъ эта бестія сваха. Если бы вы знали, какими она красными словами все это... такъ вотъ, какъ рѣкой, отливаетъ... Живописецъ, совершенный живописецъ! „И флигеля“, говоритъ, „на фун-

даментахъ, и серебряныя ложки, экипажи такіе, хоть сейчасъ садись да и катайся. Вѣдь вотъ не предувѣдоми, вѣдь и женился бы, право, женился бы. (Нужно сказать, что)[1] правительство рѣшительно ни за чѣмъ (у насъ)[1] не смотритъ. Вѣдь долго ли бѣды? Вѣдь (вотъ)[1] былъ бы несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Я, однакожъ, (попаду эту)[1] сваху, (я ее)[1] допрошу хорошенько, я ее распеку, я на нее донесу прямо въ полицію.

ЯВЛЕНІЕ...

Тѣ же и сваха.

Всѣ вдругъ.

П[етръ] Г[ерасимовичъ]. А подойди сюда, старая грѣховодница! А подойди-ка сюда!

Анучкинъ. Такъ-то, Ѳекла Ивановна, вы обманули?

Кочкаревъ. Ну-ка ступай, Варвара, на расправу!

К[упецъ]. Аль отвѣтъ-то, что ли?

Ѳекла. И ни слова не разберу: оглушили совсѣмъ, мои дорогіе.

П[етръ] Г[ерасимовичъ]. Домъ строенъ въ одинъ кирпичъ, старая подошва! А ты наврала: и съ мезонинами, и чортъ знаетъ съ чѣмъ!

Ѳекла. А не знаю, не я строила. Можетъ быть, такъ нужно было — въ одинъ кирпичъ, отъ того такъ и построили. .....[2]

[ЯВЛЕНІЕ...]

.....

[Кочкаревъ]. Я знаю, что не сдѣлаютъ. *(Подколесину тихо)*. Смотри, смотри, братъ, не ударь лицомъ въ грязь! *(Уходитъ)*.

Подколесинъ. Пожалуста, я ужъ безъ тебя знаю.

Голосъ Кочкарева *(за сценою)*. Не то, не то! Совсѣмъ не такъ! Свѣчей восковыхъ, а не сальныхъ![3]

ЯВЛЕНІЕ...

Подколесинъ и Агафья Петровна.

Агаф[ья]. Прошу покорнѣйше садиться.

(Садятся и молчатъ.)

Подколесинъ. Вы, сударыня, любите кататься?

Агафья П[етровна]. Какъ-съ кататься?

Подколесинъ. На дачѣ, очень пріятно лѣтомъ кататься въ лодкѣ.

Агафья П[етровна]. Да-съ, иногда съ знакомыми прогуливаемся.

Подкол[есинъ]. Какое-то лѣто будетъ, неизвѣстно.

Аг[афья] П[етровна]. А желательно, чтобы хорошее.

(Оба молчатъ.)

Подк[олесинъ]. Вы, сударыня, какой цвѣтокъ больше любите?

Агафья П[етровна]. Который побольше[1] пахнетъ-съ — гвоздику-съ.

Подк[олесинъ]. Дамамъ очень идутъ цвѣты.

Аг[афья] П[етровна]. Да, пріятное занятіе.

(Молчаніе.)

Агаф[ья] П[етровна]. Вы въ какую церковь ходите слушать обѣдню?[2]

Подк[олесинъ]. Въ Вознесенскую, а по праздникамъ[3] иногда въ Казанскій соборъ. Впрочемъ, молиться все равно, въ какой бы ни было церквѣ. Въ той только украшеніе лучше.

(Молчатъ.)

Подк[олесинъ]. Вотъ, скоро будетъ Екатерингофское гулянье.

Аг[афья] Пет[ровна]. Да чрезъ мѣсяцъ, кажется.

Подк[олесинъ]. Даже и мѣсяца не будетъ.

Агафья Петровна. Должно быть, веселое будетъ гуляніе.

Подк[олесинъ]. Сегодня 8-е число, *(считаетъ по пальцамъ)* девятое, десятое, одиннадцатое.... чрезъ двадцать два дни.

Агаф[ья] Петр[овна]. Представьте, какъ скоро!

Подк[олесинъ]. Я сегоднишняго дня даже не считаю.

(Молчаніе.)

Подк[олесинъ]. Какой это смѣлый русскій народъ!

Агаф[ья] Петр[овна]. Какъ?

Подк[олесинъ]. А работники: стоитъ на самой верхушкѣ... я проходилъ мимо дома, такъ щекотурщикъ[1] щекоturитъ и не боится ничего,

Агафья Петр[овна]. А вы проходились[2] мимо него?

Подк[олесинъ]. Да, это моя дорога: по ней я хожу каждое утро на должность, въ департаментъ, гдѣ служу[3].

(Молчаніе).

Подколесинъ *(берется за шляпу и раскланивается).*

Агаф[ья] П[етровна]. Вы ужъ уходите?

Подкол[есинъ]. По необходимости, требуетъ необходимость. Покорнѣйше благодарю васъ, сударыня, за пріятную бесѣду, которою удостоили.

Аг[афья] Пет[ровна]. Не за что-съ. Прошу покорнѣйше жаловать въ свободное время. Всегда доставите пріятное препровожденіе времени.

Подкол[есинъ]. Почту за пріятнѣйшій долгъ! Прощайте, сударыня!

Аг[афья] П[етровна]. Прощайте![4]

(Подколесинъ уходитъ.)

Агаф[ья]. Какой достойный человѣкъ! Я теперь только его узнала хорошенько. Право, нельзя никакъ, чтобъ не полюбить: и скромный, и разсудительный. Да, пріятель его справедливо о немъ отозвался[5]. Жаль только, что онъ такъ скоро ушелъ, а хотѣла бы очень послушать его еще. Какъ пріятно съ нимъ говорить! И вѣдь то главное, что совсѣмъ не пустословитъ — вотъ что хорошо. Признаться, я было хотѣла ему насчетъ этого сказать, (то есть, какое удовольствіе)[6], словца два, да, признаюсь, оробѣла: сердце-то ужъ слишкомъ сильно стало биться[7].

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ...

Подколесинъ и Кочкаревъ.

Кочкаревъ. Да зачѣмъ домой? Вздоръ какой! Зачѣмъ домой?

Подколесинъ. Да что жъ мнѣ здѣсь больше дѣлать? Я ужъ все сдѣлалъ.

Кочкаревъ. Нѣтъ? Браво! Такъ ты ужъ, стало быть, сердце ей открылъ, а?

Подкол[есинъ]. Нѣтъ, сердца еще не открылъ.

Кочкаревъ *(пожимая плечами)*. Ахъ, Боже мой! Почему жъ? отчего?

Подкол[есинъ]. Однакожъ, и ты, въ самомъ дѣлѣ, странный человѣкъ! Какъ же вдругъ, не поговоривши ни о чемъ, прямо, съ-бухты-барахты, сказать: „Дайте-ка, сударыня, я на васъ женюсь“?

Кочк[аревъ]. Да о чемъ же, о какомъ вздорѣ вы здѣсь толковали битыхъ полчаса?

Подкол[есинъ]. Я все сдѣлалъ, что только можно было, только развѣ что сердца не открылъ; а мы переговорили впрочемъ обо всемъ: о пріятномъ препровожденіи времени и потомъ еще о многихъ разныхъ предметахъ, и я провелъ съ большимъ удовольствіемъ полчаса.

Кочкаревъ. О препровожденіи времени! Чортъ знаетъ что! Нашелъ матерію, о чемъ говорить! Этотъ человѣкъ въ самую рѣшительную минуту испортитъ все дѣло. Зачѣмъ же ты не объяснился ей въ любви? Зачѣмъ ты не признался тутъ же? Зачѣмъ ты упустилъ такой случай?

Подколесинъ. Да ужъ какъ ты себѣ хочешь, братецъ. На одномъ гвоздѣ всего не повѣсишь — за однимъ разомъ нельзя все кончить.

Кочк[аревъ]. Отчего жъ нельзя?

Подк[олесинъ]. Покамѣстъ то, да то.... ну, недѣли двѣ и протянется. Раньше недѣли, признаюсь, и мнѣ нельзя....

Кочк[аревъ]. Отчего? почему?

Подк[олесинъ]. У меня еще ничего не готово.

Кочк[аревъ]. Мать ты моя пресвятая, что это за человѣкъ! Послушай, Иванъ Кузьмичъ, вѣдь я для твоей пользы все дѣлаю. Разсуди — ты увидишь.... Ну, пожалуста, душенька, не упрямься.

Подк[олесинъ]. Нѣтъ, ей Богу, братецъ, нельзя.

Кочк[аревъ]. Послушай, Иванъ Кузьмичъ, ну, пожалуста; если не хочешь для себя, то для меня.

Подк[олесинъ]. Право, братецъ, нельзя.

Кочк[аревъ]. Вѣдь это я прошу!

Подк[олесинъ]. Право, братецъ, для тебя радъ бы, да что жъ дѣлать? Ты самъ видишь: нельзя.

Кочкаревъ. Иванъ Кузьмичъ! Ну, посуди, душенька, самъ:

вѣдь ты человѣкъ умный. Я тебѣ говорю это не изъ лести, не потому, что ты надворный совѣтникъ и будешь, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, начальникомъ отдѣленія; по мнѣ, хоть будь ты самъ раздиректоръ департамента и носи развязѣзду на груди — вотъ видитъ Богъ, изъ любви, изъ одной безкорыстной любви къ тебѣ.... Ну, полно, душенька, рѣшись сегодня! Взгляни окомъ благоразумнаго человѣка.

Подкол[есинъ]. Ей Богу, братецъ, нельзя: ужъ сталъ ли бы я тебѣ отказывать?[1]

Кочк[аревъ]. Иванъ Кузьмичъ! лапушка, милочка! Ну, я прошу тебя!

Подкол[есинъ]. Эхъ, братъ, какой ты, право, странный!

Кочкар[евъ]. Ну, хочешь ли, я на колѣни стану?

Подк[олесинъ]. Да зачѣмъ напрасно?..

Кочкар[евъ] *(становясь на колѣни)*. Ну вотъ, я и на колѣняхъ прошу тебя! Вѣкъ не позабуду твоей услуги; не упрямься, душенька!

Подк[олесинъ]. Вѣдь я сказалъ разъ ужъ, что нельзя.

Кочкар[евъ]. *(подымаясь, въ сердцахъ)*. Свинья!

Подк[олесинъ]. Пожалуй, бранись себѣ!

Кочкаревъ. Глупый человѣкъ! Между надворными совѣтниками никогда еще не было такого дурака[2].

Подк[олесинъ]. Бранись.

Кочкаревъ. Я для кого же старался? изъ чего бился? Все о твоей, дуракъ, пользѣ. Вѣдь что мнѣ? Я сейчасъ брошу тебя. Мнѣ какое дѣло?

Подк[олесинъ]. Да кто жъ просилъ тебя хлопотать? Пожалуй, бросай!

Кочк[аревъ]. Да вѣдь ты пропадешь. Вѣдь ты безъ меня ничего не сдѣлаешь. А не жени тебя, вѣдь ты вѣкъ останешься дуракомъ.

Подк[олесинъ]. Тебѣ что до того?

Кочкар[евъ]. О тебѣ, деревянная голова, стараюсь.

Подк[олесинъ]. Я не хочу твоихъ стараній.

Кочкар[евъ]. Ну, такъ ступай же просто къ чорту!

Подкол[есинъ]. И пойду.

Кочк[аревъ]. Туда тебѣ и дорога!

Подкол[есинъ]. Что жъ, и пойду.

Кочкар[евъ]. Ступай, ступай! И чтобы ты себѣ сейчасъ же

переломилъ тамъ ногу! Вотъ отъ души посылаю тебѣ желаніе. Чтобы тебѣ пьяный извощикъ въѣхалъ дышломъ въ самую глотку, глупая ты телятина! Упрямый чортъ! Тряпка, а не чиновникъ! Вотъ, клянусь тебѣ, что теперь между нами все кончилось. И на глаза мнѣ больше не показывайся!

Подкол[есинъ]. И не покажусь! *(Уходитъ.)*

Кочкар[евъ]. Къ дьяволу, къ своему старому пріятелю! *(Отворяя дверь, кричитъ ему въ слѣдъ.)* Дуракъ!

ЯВЛЕНІЕ...

Кочкаревъ *(одинъ, ходитъ въ сильномъ движеніи взадъ и впередъ).*

Ну, былъ ли когда видѣнъ на свѣтѣ подобный человѣкъ? Эдакой дуракъ! Да если ужъ пошло на правду, то и я хорошъ. Ну, скажите, пожалуста, вотъ я на васъ всѣхъ ссылаюсь, не олухъ ли я? Не глупъ ли я? Изъ чего я бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Вѣдь вотъ, точно, какъ будто меня часа три сряду на кордѣ гоняли. Ну, съ какой стати, желалъ бы я знать, я хлопочу такъ? Ну, скажите сами: что онъ мнѣ? Родня, что ли? Нянька развѣ я ему, или тетка? Изъ чего же я бьюсь? изъ чего? *(Останавливается немного и потомъ пожимаетъ плечами).* А чортъ его знаетъ, изъ чего! *(Послѣ минутнаго молчанія).* Эдакой мерзавецъ! Какая противная и подлая рожа! Взялъ бы тебя, глупую животину, да щелчками бы тебя, въ носъ, въ уши, въ ротъ, въ зубы, вездѣ! *(Въ сердцахъ даетъ нѣсколько щелчковъ на воздухъ).* Вѣдь вотъ что досадно: вышелъ себѣ, и горя ему мало. Съ него все это такъ, какъ съ гуся вода. Вотъ что нестерпимо! Пойдетъ къ себѣ на квартиру и будетъ лежать да покуривать трубку. О, мерзавецъ! Пойти, воротить его. Экое противное созданіе! Вѣдь бываютъ плуты, мошенники и подлецы, но вѣдь этакого, просто, еще никогда не бывало. Пойти воротить его, бездѣльника! Что жъ онъ въ самомъ дѣлѣ? Сей же часъ пойду, приведу его[1]. *(Убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ...

Агафія Петровна (*входя*).

Ужъ такъ, право, бьется сердце, что изъяснить трудно: вотъ, право, такъ, какъ будто бы выпрыгнуть хочетъ. Вездѣ, куда ни поворочусь, такъ вотъ вездѣ и стоитъ Иванъ Кузьмичъ. Ей Богу, правда! Вѣдь справедливо говорятъ, что отъ судьбы никакъ нельзя уйти. Давича хотѣла было совсѣмъ думать о другомъ, но, чѣмъ ни займусь, о чемъ ни хлопочу, въ кладовую ли загляну, или такъ просто передъ окномъ: пробовала даже скатывать клубокъ съ нитками; словомъ, къ чему ни обращусь, Иванъ Кузьмичъ такъ вотъ совершенно, какъ сонъ, такъ и лѣзетъ въ руку. Итакъ вотъ, наконецъ, мнѣ приходится, какъ говорятъ, перемѣнить состояніе. Ухъ, какъ страшно! Возьмутъ меня, повезутъ въ церковь.... потомъ оставятъ одну съ мущиною.... Ухъ, какъ страшно! Прощай навѣки, моя дѣвичья жизнь! Столько лѣтъ провела въ спокойствіи! (*Начиная плакать*). Вотъ жила, жила, а теперь приходится и за-мужъ выходить. Однихъ хлопотъ сколько! Дѣти мальчишки, народъ шаловливый, подерутся, ступай — разнимай ихъ. А тутъ и дѣвочки .....
.....[1]

[ЯВЛЕНІЕ...][2]

[Кочкаревъ].... двери, работы чортова пропасть.

Подк[олесинъ]. Какая прекрасная ручка! Отчего у васъ, сударыня, такая прекрасная ручка? Да позвольте, сударыня, я хочу, чтобы сегодня же было непремѣнно вѣнчаніе, непремѣнно!

Агаф[ья]. Какъ можно сегодня!

Подк[олесинъ]. Непремѣнно, непремѣннѣйше! И слышать не хочу! Сію же минуту!

Кочкаревъ. Браво! Вотъ когда хорошо, такъ хорошо. Вчужѣ пріятно видѣть такую похвальную черту. Вы, суда-

рыня, ступайте одѣваться, и сей же часъ въ церковь. Карета стоитъ у подъѣзда. Ужинъ я приказалъ накрыть на двѣнадцать кувертовъ, потому что кое-кто будетъ изъ нашихъ пріятелей, потому что я, признаюсь, уже нѣкоторыхъ пригласилъ. Они прямо отправятся въ церковь. Итакъ, я васъ прошу, пожалуста, туалетъ тамъ и прочее — все это какъ можно поскорѣе. Мы васъ подождемъ здѣсь.

Агаф[ья] П[етровна]. Я въ одну минуточку. *(Уходитъ.)*[1]

ЯВЛЕНІЕ [19-е].

Кочкаревъ и Подколесинъ.

Подкол[есинъ]. Ну, братецъ, благодарю! Теперь я вижу всю твою услугу: отецъ родной не сдѣлалъ бы для меня того, что ты сдѣлалъ[2]. Вижу, что ты дѣйствовалъ изъ одной только дружбы и желанія сдѣлать добро[3]. Спасибо, братъ, вѣкъ буду помнить твою услугу. Это именно такое благодѣяніе[4]..... *(Трогнутый).* Навѣщу непремѣнно съ будущею весною могилу отца твоего и помолюсь о душѣ его[5].

Кочкаревъ. Нечего, нечего, братецъ, благодарить![6] Я радуюсь твоему счастью. Ну, подойди теперь, дай я тебя поцѣлую[7]. *(Цѣлуетъ его въ одну щеку и потомъ въ другую).* Дай Богъ, чтобы вы жили хорошо и благополучно, прожили бы весело....[8] *(цѣлуются)* въ довольствіи и достаткѣ, дѣтей бы нажили[9] цѣлую кучу, пріятелей бы своихъ любили. *(Цѣлуются).* Ну, Богъ тебя благослови!

Подколесинъ. Отъ всей души и отъ всего сердца[10] благодарю, братъ. Именно, наконецъ, теперь только я узналъ, что такое жизнь. Теперь передо мною открылся совершенно новый міръ. Теперь я вотъ вижу, что все это движется, живетъ, чувствуетъ, этакъ какъ-то испаряется, какъ-то этакъ не знаешь даже[11], что дѣлается. А прежде я ничего этого не видѣлъ, не понималъ, то есть, просто былъ лишенный всякаго свѣдѣнія человѣкъ; не разсуждалъ, не углублялся и жилъ, вотъ, какъ и всякій другой человѣкъ живетъ.

Кочкаревъ. Душевно, душевно радъ. Теперь тебя оставлю. Мнѣ нужно разставить сюрпризы. Тамъ безъ меня этотъ каналья принесъ бланманже и не знаетъ, куда поставить. Посмотрѣть нужно вина и прочее. Я буду къ вамъ прямо въ церковь. Вы можете ѣхать сей же часъ въ церковь; а мои гнѣдыя птицы, чортъ возьми, хоть кого обгонятъ[1].

ЯВЛЕНІЕ...

Подколесинъ *(одинъ)*.

Въ самомъ дѣлѣ, что я былъ до сихъ поръ? Понималъ ли я значеніе жизни? Не понималъ, ничего не понималъ. Ну, каковъ былъ мой холостой вѣкъ? Что я значилъ, что я дѣлалъ? Жилъ, жилъ, служилъ, ходилъ въ департаментъ, обѣдалъ, спалъ. — Словомъ, что я былъ въ свѣтѣ? Обыкновенный пустой человѣкъ. Только теперь видишь, какъ глупы всѣ тѣ, которые не женятся. А вѣдь, если разсмотрѣть, вѣдь какое множество людей находится въ такой слѣпотѣ! Если бы я былъ государь, я бы издалъ непремѣнное повелѣніе жениться всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, чтобы у меня въ государствѣ не было ни одного холостого человѣка. — Итакъ, чрезъ нѣсколько минутъ и я буду женатъ. Не могу даже изъяснить, сообразить, какое это будетъ блаженство. Буду ужъ не одинъ проводить время, но съ женою самъ-другъ, и проводить чуднымъ образомъ — ни словами разсказать, ни перомъ описать[2]. *(Послѣ нѣкотораго молчанія)*. Однакожъ, если подумать, немножко страшно. На всю жизнь, на весь вѣкъ какими бы то ни было [узами], хоть, конечно, и пріятными, но все-таки связать себя, и ужъ послѣ ни отговорки, ни раскаянія, ничего, ничего! Ужъ все кончено! Все ужъ сдѣлано! Ужъ теперь нельзя и отказаться[3]: черезъ минуту и подъ вѣнецъ. Уйти даже нельзя: тамъ ужъ и карета, и все стоитъ въ готовности. А будто, въ самомъ дѣлѣ, нельзя уйти? Какъ же, натурально, нельзя. Тамъ въ дверяхъ и вездѣ стоятъ, ну, спросятъ: зачѣмъ? Нельзя, нѣтъ. А вотъ окно открыто... Что,

если бы въ окно? Нѣтъ, нельзя. Какъ же, высоко[1]. *(Подходитъ къ окну)*. Ну, еще не такъ высоко[2]. Но нѣтъ: какъ же, со мною даже нѣтъ картуза. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, безъ шляпы? Нельзя? А что, въ самомъ дѣлѣ, попробовать? Улизнуть! Ей Богу, улизнуть![3] *(Становится на окно и, сказавши:* „Господи благослови!“ *соскакиваетъ на улицу. За сценой, кряхтя и охая):* Охъ! однакожъ, высоко! Эй, извощикъ!

Голосъ извощика. Подавать, что ли?

Голосъ Подколесина. На канавку, возлѣ Семеновскаго мосту.

Голосъ извощика. Да гривенничекъ, безъ лишняго.

Голосъ Подкол[есина]. Давай! Пошелъ! *(Уѣзжаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ...

Агаф[ья] Ал..... *(входитъ въ вѣнчальномъ платьѣ робко и потупивши голову)*. И сама не знаю, что дѣлается со мною. Такъ, право, стыдно. Я вся дрожу[4]. Ахъ, если бы его на это время не было въ комнатѣ! Если бы онъ на минуточку куды-нибудь вышелъ! Молчитъ! Смѣлѣе, смѣлѣе![5] *(Вдругъ оглядывается)*. Да гдѣ жъ это онъ? Никого нѣтъ. Вотъ тебѣ на![6] Это что значитъ? *(Отворяетъ дверь въ прихожую и говоритъ туда)*. Ѳекла! куда ушелъ Иванъ Кузьмичъ?

Голосъ Ѳеклы. Никуды не уходилъ: онъ тамъ.

Агафья И..... Гдѣ жъ тамъ? Его здѣсь нѣтъ[7]. А, вѣрно, онъ гдѣ-нибудь спрятался и хочетъ сыграть со мною какую-нибудь шутку. Шутникъ какой! *(Вслухъ)*. Иванъ Кузьмичъ, не обманете меня. Знаю, все знаю: вы спрятались. Молчитъ. Знаю... Гдѣ жъ онъ, въ самомъ дѣлѣ? Ему некуда спрятаться. Эй, тетушка! Ивана Кузьмича здѣсь нѣтъ?

Тетка Анфиса. Да нѣтъ. Онъ тамъ. Ему-то нельзя было пройти: я все у дверей была. Онъ, вѣрно, какъ-нибудь въ комнатѣ запрятался. *(Подходитъ и переставляетъ всякій стулъ и смотритъ подъ него)*. Нѣтъ, и тутъ нѣтъ. Ужъ, Господи прости, не (духъ ли онъ какой)[8] оборотень ли какой? Да вотъ окошко-то отворено.

Өекла Ивановна *(подходитъ къ окну)*. Да вотъ и платочекъ его виситъ. Махнулъ черезъ окно.

Агафья Ал..... Какъ! улизнулъ въ окно! Фю, фю! *(Слегка посвистываетъ, какъ обыкновенно дѣлается въ случаѣ несбывшихся надеждъ. Занавѣсъ опускается)*[1].

КЪ ИСТОРІИ ТЕКСТА КОМЕДІИ

„РЕВИЗОРЪ“.

I.

Первоначальный набросокъ „Ревизора“.

ДѢЙСТВІЕ I.

Комната въ д[омѣ] Городничаго.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Городничій, Попечитель богоугодныхъ заведеній, Антонъ (Игнатьевичъ)[1], Смотритель училищъ, Судья, Частный приставъ, два квартальныхъ, Лѣкарь.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа... вотъ и Антона Антоновича, и Григорія Петровича, и Христіана Ивановича, и всѣхъ васъ для того, чтобы сообщить одно чрезвычайно важное извѣстіе, которое, признаюсь вамъ, чрезвычайно меня потревожило[2]. И вдругъ сегодня неожиданное извѣстіе[3], что отправился изъ Петербурга чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать все, относящееся по части управленія, и именно въ нашу губернію, что уже выѣхалъ 10 дней назадъ тому и съ часу на часъ долженъ быть, если не дѣйствительно уже находится инкогнито, въ нашемъ городѣ[4].

Попечитель. Что вы говорите?

Смотритель. Неужъли?

Судья. Нѣтъ?

Христ. Иван. Онъ будетъ сюда?

[Городничій]. Я признаюсь вамъ откровенно, что я очень потревожился. Я какъ будто предчувствовалъ. Сегодня мнѣ всю ночь[5] снились какія-то собаки; право, какія-то эдакія необыкновенныя собаки: чорныя, съ большими ушами и съ человѣческими мордами. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Пшикина, котораго вы, Антонъ Антоновичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: „Любез-

ный другъ, кумъ и благодѣтель! *(Бормочетъ въ полголоса, пробѣгая глазами)* ...увѣдомить тебя..." А вотъ: „Спѣшу между прочимъ увѣдомить [тебя][1], что пріѣхалъ сюда чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ осмотрѣть всѣ губерніи, а болѣе всего нашу. У насъ даже губернаторъ узналъ его послѣ выѣзду[2]. Это я узналъ отъ самыхъ вѣрныхъ людей, хотя онъ больше представляетъ себя частнымъ лицомъ... *(Городничій оборачивается и осматриваетъ всѣхъ)* частнымъ лицомъ... Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ (человѣкомъ)[3] водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки; то я совѣтую тебѣ взять предосторожность и удержаться[4] на время отъ прибыточной стрижки, какъ называешь взносы со стороны просителей и непросителей: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякой часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито. Вчерашняго дни я"... Ну, тутъ[5] пошли ужъ семейныя дѣла... „Сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ. Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ" и проч., и проч. Ну, такъ вотъ какое обстоятельство. У меня просто голова идетъ кругомъ. Я съ своей стороны сдѣлалъ кое-какія распоряженія въ отношеніи[6] собственно моей части, то-есть преимущественно полицейской: насчетъ пожарныхъ трубъ, чистоты улицъ и проч. — предметъ головоломный, несмотря на то, что, повидимому, кажется незатруднительный. Проклятые обыватели домовъ насыпали такія навозныя кучи подъ окнами, какъ будто селитреныя бурты[7]. Ну, сами знаете, что можно въ такое короткое время сдѣлать. Теперь я почитаю необходимымъ[8] дать нѣкоторые совѣты и наставленія относительно вашихъ частей. И, во-первыхъ, вы, господинъ попечитель богоугодныхъ заведеній: приближтесь немного, Антонъ Антоновичъ! Статься можетъ, что прежде всего, какъ обыкновенно и дѣлается, пріѣзжій ревизоръ захочетъ осмотрѣть больницы и заведенія, состоящія подъ вашимъ[9] вѣдомствомъ, и потому-то вамъ болѣе всего нужно обращать главное вниманіе[10], чтобы на больныхъ колпаки были чистые и такъ, какъ слѣдуетъ, написать по латыни или на какомъ другомъ языкѣ, какъ заблагоразсудится, — это уже по вашей части, Христіанъ Ивановичъ, — всякую болѣзнь и когда заболѣлъ. Само

по себѣ, что вы это уже можете обратить въ свою пользу, какъ найдете лучше. Но вообще я долженъ замѣтить, что не хорошо, если больныхъ слишкомъ много; лучше, если ихъ меньше, потому что это тотчасъ отнесутъ или къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

Антонъ Антоновичъ. О! у насъ никогда больные не залеживаются долго... Мы разсудили съ Христіаномъ Ивановичемъ, что черному человѣку, напримѣръ[1], инвалиду, солдату, или другому кому незачѣмъ убыточиться въ выписываніи дорогихъ лѣкарствъ: человѣкъ простой — если умретъ, то умретъ и такъ; если выздоровѣетъ, то выздоровѣетъ и такъ. Лучше сберегу я казенный интересъ и уменьшеніемъ расходовъ увеличу сумму. Тогда начальство[2], видя мое усердіе, безъ сомнѣнія представитъ меня[3] къ Станиславу или Аннѣ, *(обращаясь къ Христіану Ивановичу)* т. е. я разумѣю, что при этомъ и вамъ будетъ какое-нибудь благоволеніе.

[**Городничій**]. Ну, тамъ ужъ, какъ знаете вы, такъ и дѣлайте. Я свой долгъ исполнилъ. — Теперь пожалуйте вы, Макаръ Николаевичъ. Я совѣтую вамъ, какъ предсѣдателю суда, обратить тоже вниманіе на ваши присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусятами, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально и почему жъ сторожу и не завести его? Только, знаете, все въ этакомъ мѣстѣ какъ-то неприлично. Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то[4] позабывалъ... Не хорошо! Также[5] этотъ народъ имѣетъ обыкновеніе развѣшивать на дверяхъ для сушки свои онучки и листья табаку, называемаго бакуномъ. Отъ того, — нѣсколько разъ я хотѣлъ вамъ замѣтить это, — воздухъ въ присутственныхъ мѣстахъ очень, очень густъ. Также подсудокъ вашъ — онъ, можетъ быть, и очень хорошій человѣкъ и свѣдущій въ своемъ дѣлѣ, — я этого ничего не отнимаю у него, — но все-таки, знаете, оно непріятно, что дворянство всего только три дня, какъ выбрало въ это званіе, а онъ въ тотъ же день такъ нагрузился, что проспалъ на стулѣ все время, запѣпшись[6] ноздрею за свой мезинной палецъ. Я тогда же хотѣлъ вамъ это замѣтить, но какъ-то[7], не помню, былъ развлеченъ чѣмъ-то. И я послѣ

этого тоже не разъ замѣтилъ, что отъ него всегда шелъ тяжелый запахъ — такъ, какъ бы на винокуренномъ заводѣ. Знаете, это тоже нехорошо. Есть этакія средства, которыя могутъ это нѣсколько поправить: можно ему для этого посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или другое что-нибудь[1]. Вотъ въ этомъ случаѣ можетъ Христіанъ Ивановичъ что-нибудь присовѣтовать.

[**Макаръ Николаевичъ**]. Нѣтъ, я самъ буду за нимъ смотрѣть.

[**Городничій**]. Ну, насчетъ внутренняго распоряженія[2]: это ужъ вы сами знаете, какъ поступать. Желательно бы побольше порядку въ разсужденіи дѣлъ: знаете, понумеровать ихъ и проч. — Теперь я обращусь къ вамъ, господинъ попечитель училищъ. Хотя, конечно, вы имѣете совершенно особенное свое управленіе, но такъ, какъ глава города, я обязанъ сдѣлать вамъ нѣсколько полезныхъ замѣчаній. Я не знаю, обратится ли господинъ ревизоръ прежде въ судъ, — что однакожъ мнѣ кажется сомнительно, — что обыкновенно всѣ жалуются[3] на большую запутанность уѣздныхъ судовъ: будто бы ошеломитъ такъ всякаго нововходящаго, что онъ едва находитъ дверь вытти, — чего я не сужу, потому по этой части никогда не служилъ, и мой судъ, какъ вы сами знаете, больше словесный... Но что касается до васъ, господинъ смотритель училищъ, то вѣроятно, что послѣ богоугодныхъ заведеній онъ вздумаетъ носѣтить[4] училище и приходскія школы, и потому я вамъ совѣтую особенно обратить вниманіе на нѣкоторыя мои замѣчанія, которыя мнѣ удалось сдѣлать. Во-первыхъ объ учителяхъ. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ[5], но имѣютъ многіе странные поступки, натурально, неразлучные со всякимъ ученымъ человѣкомъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ... вотъ этотъ, что имѣетъ очень толстое лицо... не вспомню его фамиліи... никакъ не можетъ, взошедши на каѳедру, обойтись безъ того, чтобы не сдѣлать рожу — вотъ этакъ *(дѣлаетъ гримасу)*, и потомъ потретъ по щекѣ кулакомъ. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ этакую рожу, то оно еще ничего; можетъ быть, оно такъ тамъ и нужно, — я этого не знаю; но вы посудите сами, если онъ это сдѣлаетъ посѣтителю. Это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ или кто другой можетъ это принять на свой счетъ. — Или тамъ другой, который читаетъ краснорѣчіе, или

реторику, — тоже имѣетъ странную привычку. Онъ, напримѣръ, читаетъ: „Прекрасное, гм! гм! тфу!“ и плюнетъ.... „Изящное, гм! гм! тфу!“ и плюнетъ. Оно ничего, для науки, конечно, не вредитъ, но со стороны совершенно другое, и я, признаюсь, когда стоялъ по близости, то онъ мнѣ весь мундиръ обчихалъ; хорошо, что тогда мундиръ былъ на мнѣ старый. — Или учитель по исторической части — ученая голова, это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму[1]; но только[2] читаетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я одинъ разъ слушалъ его. Ну, покамѣстъ еще говорилъ объ Ассиріянахъ и Вавилонянахъ, еще ничего; а какъ добрался до Грековъ — и началъ бѣгать съ каѳедры: сначала къ одной сторонѣ доски прибѣжитъ, потомъ къ другой, потомъ опять къ одной. .....[3] говоритъ: „Александръ македонскій!“ выпрямится и, что есть силъ, хватитъ стуломъ о каѳедру. Оно конечно, Александръ македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать?

[**Смотритель училищъ**]. Да, это правда. Я это самъ замѣчалъ: очень горячъ.

[**Городничій**]. Да, это ужъ такъ Богомъ устроено: чуть только умный человѣкъ, то или косолапый, или гримасу состроитъ жалостную, или запоемъ пьетъ — что-нибудь изъ трехъ. Вообще, что касается до преподаванія, то я совѣтую вамъ приказать, чтобы все это было, какъ можно, знаете, удовлетворительнѣе, чтобы этакъ было — какъ требуется. Онъ долженъ вотъ какъ говорить: „Любезныя дѣти! я намѣренъ... или я имѣю намѣреніе предложить вамъ вотъ то-то, вотъ то-то и вотъ то-то“. Вотъ этакимъ образомъ нужно, и послѣ тамъ, какъ у кого[4] слѣдуетъ: „Вавилоняне“... или: „Прекрасное“, или: „Грамматика научаетъ искусству говорить“, и тому подобное. Я распространился, потому что на это обращаютъ теперь[5] вниманіе. Впрочемъ вы сами можете знать это лучше

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

[Тѣ же] и **Почтмейстеръ**.

Городничій. Здравствуйте, Иванъ Кузьмичъ! Я нарочно посылалъ за вами, чтобы сообщить вамъ очень важную новость.

Почтмейстеръ. Я слышалъ уже отъ Петра Ивановича Бобчинскаго: онъ былъ у меня сегодня въ почтовой конторѣ.

[**Городничій**]. Этотъ болтунъ успѣлъ уже вездѣ побывать! Я не знаю, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ, а я чувствую такъ, какъ будто мурашки по всему тѣлу...

[**Почтмейстеръ**]. Да что, развѣ вамъ никогда не случалось видѣть ревизора?

[**Городничій**]. Случалось, да, знаете, теперь ужъ черезъ чуръ нахваталъ. Городокъ таки, нечего сказать, прикрутилъ изрядно. Вѣдь вотъ что худо, что онъ-то инкогнито; это, я вамъ скажу, просто прескверно: онъ можетъ услышать такое, чего бы не хотѣлось, чтобъ онъ услышалъ[1]. Купцы и мѣщане на меня страхъ озорятся. Позвольте, Иванъ Кузьмичъ, пожалуйте сюда — я вамъ кое-что скажу. *(Отводитъ его ближе къ зрителямъ)*. Вотъ въ чемъ дѣло. Можетъ быть, онъ даже пріѣхалъ и живетъ здѣсь. Я, признаюсь вамъ, имѣю основательныя причины думать: не жаловался ли кто-нибудь на меня? Отчего же въ самомъ дѣлѣ божья напасть, и именно на нашъ городъ? Можетъ быть, — чего Боже сохрани и думать! — впрочемъ можетъ быть, онъ уже присталъ гдѣ-нибудь и живетъ въ самомъ городѣ, хотя по донесеніямъ квартальнымъ никого не оказалось. Какъ бы то ни было, только я прошу васъ, особенно для общей нашей выгоды и пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать. Весьма можетъ быть, что тамъ какой-нибудь или доносъ содержится, или, можетъ быть, просто переписка. А если нѣтъ, то можно опять запечатать, — для этого есть разныя глиняныя формы, — или можно такъ отдать письмо — распечатанное...

[**Почтмейстеръ**]. Почему жъ не распечатать? Вѣдь отъ этого никакого худа не можетъ быть получателю; правда, немножко позже только получитъ[2]. Что жъ? это все равно[3]... Въ этомъ вы не учите уже меня: я и безъ того имѣю этотъ обычай, не то чтобы изъ предосторожности какой-нибудь, а такъ просто хочется узнать, что̀ есть новаго на свѣтѣ[4]... Я вамъ скажу, что это[5] очень интересное чтеніе. Ей Богу! Иное письмо съ большимъ удовольствіемъ прочтешь[6]: такъ хорошо описываются разные этакіе пассажи!... Нравоучительно даже, ей Богу! Гораздо лучше, нежели въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“

и даже вонъ въ томъ толстомъ журналѣ. А вы никогда не читали?

[Городничій]. Нѣтъ. Я впрочемъ очень[1] радъ, что вы наблюдаете этотъ обычай. Что жъ, скажите, ничего тамъ вы до сихъ поръ не встрѣчали о ревизорѣ? Не упоминаетъ ли кто къ кому въ частномъ письмѣ?

[Почтмейстеръ]. Нѣтъ, объ этомъ еще ничего никто не пишетъ. А жаль, что вы не читали никогда писемъ: есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно читалъ: одинъ поручикъ пишетъ къ одному пріятелю своему въ[2] городѣ и описалъ балъ... и такими красками[3]... такъ знаете... очень хорошо... „Барышень", говоритъ, „было много, и музыка, и все это"... съ большимъ чувствомъ написалъ... Вотъ, если хотите, я вамъ дамъ и теперь его прочесть. Я нарочно оставилъ, чтобы прочесть нѣкоторымъ знакомымъ.

[Городничій]. Нѣтъ, покорнѣйше благодарю: ей Богу, мнѣ не до того теперь. Такъ, право, все кажется, какъ будто вотъ-вотъ отворятся двери — вотъ и входитъ ревизоръ[4]. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: какъ только какое-нибудь извѣстіе, сейчасъ ко мнѣ, и письма покамѣстъ не отдавайте. Также, если какая-нибудь жалоба или доносъ, задержите...

[Почтмейстеръ]. Очень хорошо, я непремѣнно удержу...

[Городничій]. Я не знаю, у меня въ ушахъ такъ, какъ будто сверчки трещатъ. Вамъ, Антонъ Антоновичъ, не случалось этого?

[Антонъ Антоновичъ]. Случалось (Иванъ Тимоѳеевичъ)[5], все случалось: иногда какъ будто барабанъ бьетъ, а тамъ, смотришь, стрѣльба, или какъ будто танцуетъ кто-то.

[Городничій]. Я думаю, я не простудился ли какъ-нибудь[6]. Право, такъ вотъ и представляется, что двери сейчасъ отворятся, и входитъ ревизоръ.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

[Тѣ же,] **Бобчинскій и Добчинскій.**

Бобчинскій. Чрезвычайное происшествіе!

Добчинскій. Неожиданная[7] новость!

Бобчинскій. Здравствуйте, Антонъ Антоновичъ! Здравствуйте,

Иванъ Кузьмичъ! Мое почтеніе, Степанъ Васильевичъ! Никакимъ образомъ непредвидѣнное дѣло!

[Городничій]. Что, что такое?

Добчинскій. Мы приходимъ въ гостинницу...

[Бобчинскій]. Въ гостинницу...

[Добчинскій]. Э, позвольте, позвольте, Петръ Ивановичъ... Позвольте по порядку.

Городничій. Садитесь, вотъ стулъ! .... Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ! *(Бьетъ за стульями)*. Господа, садитесь! Сдѣлайте милость, садитесь! Вотъ стулъ, Иванъ Петровичъ — садитесь. *(Всѣ усаживаются въ кружокъ около Петровъ Ивановичей)*.

Бобчинскій. Какъ только я вышелъ отъ васъ, то поспѣшилъ тогда же зайти къ Фертоновичу, и никого не засталъ дома. Какъ вдругъ, вотъ на дорогѣ встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Добчинскій. Возлѣ будки, противъ Вознесенскихъ воротъ...

[Бобчинскій]. Возлѣ будки, противъ Вознесенскихъ воротъ... „Слышали ли вы“, говорю я Петру Ивановичу, „о новости, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма?“ А Петръ Ивановичъ услышали уже объ этомъ отъ вашей ключницы Авдотьи, которая приходила къ нимъ зачѣмъ-то[1].

[Добчинскій]. За сушеною мятою для простуды..

Бобчинскій. За сушеною мятою для простуды... Вотъ мы пошли вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ къ протопопу. Да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говорятъ мнѣ: „Теперь, я знаю, привезли въ городъ свѣжей семги, такъ зайдемъ[2] въ трактиръ, да закусимъ и позавтракаемъ. Входимъ въ гостинницу, вдругъ.....

Добчинскій *(перебивая)*. Молодой человѣкъ, недурной наружности....

Бобчинскій *(перебивая)*. Молодой человѣкъ, недурной наружности, ходитъ этакъ по залѣ, и въ лицѣ видно разсужденіе.... такіе важные поступки... *(вертитъ рукою)* и такъ много, много всего.... Петръ Ивановичъ, ихъ какъ увидѣли, сейчасъ пожелали узнать, кто таковъ этотъ молодой человѣкъ, — кому, то есть, принадлежатъ всѣ эти важные поступки. И потому Петръ Ивановичъ подозвали къ себѣ трактирщика, — трактирщика Власа: у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой хорошій очень мальчикъ; должно быть[3], тоже

будетъ когда-нибудь держать трактиръ. Подозвавши трактирщика, Петръ[1] Ивановичъ спросилъ: „кто таковъ этотъ молодой человѣкъ, и какъ давно имѣетъ пребываніе въ трактирѣ?“ А трактирщикъ говоритъ, что фамилія его Хласковъ, служитъ въ Петербургѣ, ѣдетъ для свиданія съ родителями въ Екатеринославскую губернію, но остановился; уже три [недѣли][2], какъ живетъ здѣсь; дальше не ѣдетъ и денегъ не плотитъ. Я сейчасъ, какъ услышалъ это, говорю: „Э!“ *(Подымаетъ палецъ).*

Добчинскій. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ! Это я сказалъ: „э!“

Бобчинскій. Да, сначала вы сказали: „э!“[3] а потомъ однакожъ и я сказалъ: „э!“ Да, такъ мы сейчасъ сказали: „Э! дальше не ѣдетъ!“[4] Отчего же онъ живетъ здѣсь, когда ему дорога Богъ знаетъ куда, — въ Екатеринославскую губернію? Отчего же онъ не ѣдетъ?

[Городничій]. Что вы? *(Въ испугѣ).* И онъ все тамъ живетъ?

Добчинскій. Тамъ и живетъ въ гостинницѣ, въ 5-мъ номерѣ подъ[5] лѣстницей, сейчасъ подъ[6] лѣстницей.

Бобчинскій. „Ну, пусть, это еще ничего“, подумали мы съ Петромъ Ивановичемъ, „что онъ дальше не ѣдетъ — положимъ, онъ простой человѣкъ; отчего жъ онъ денегъ не плотитъ?“

[Городничій]. Что вы говорите? Этотъ самый молодой человѣкъ.... да я[7] его видѣлъ: онъ нѣсколько разъ прохаживался съ тросточкой. Ну, хорошъ и я: ему ни одинъ разъ даже шляпы не снялъ! Ну, признаюсь, господа, мы всѣ въ порядочныхъ, какъ называется[8], дуракахъ! Онъ, можетъ быть, что-нибудь уже и посмотрѣлъ, и заглянулъ куда-нибудь. Признаюсь, я таки припугнулъ кое кого хорошенько[9]. Право, такъ, какъ будто бы опять въ ухѣ сверчки[10]. Какъ вы, господа, какъ? Вить я во всеобщемъ собраніи вашемъ теперь... Какъ вы присовѣтуете? Что, то есть, что намъ дѣлать? Какъ, то есть, какъ приступить къ этому?

Почтмейстеръ. Я того же мнѣнія, чтобы теперь намъ всѣмъ, такъ, какъ главнымъ чиновникамъ города, нужно бы отправиться тотчасъ же въ гостинницу. — Вы, какъ первенствующее лицо, впередъ, а мы тоже, какъ хорошіе люди,[11] за вами; само собою разумѣется, что въ мундирахъ[12].

Попечитель богоугодныхъ заведеній. Если.....[13], то въ мундирахъ.

[Попеч. богоуг. зав.]. Нѣтъ,...[1] нужно побольше обряду: вызвать цѣховыхъ, находящихся въ городѣ, и гражданство, хоть они и мошенники и ѣдятъ (всякую дрянь), какъ[2] и простой народъ; впереди пустить Голову: онъ же и на видъ не ударитъ лицемъ въ грязь[3]: и толстый, и не глупый человѣкъ; изъ духовенства также...[4]

[Городничій]. Нѣтъ, нѣтъ! уже позвольте. Не такъ, совсѣмъ не такъ должно. Онъ, видите, инкогнито, то есть, какъ говорится[5], скрытно; стало быть, онъ никакъ не хочетъ, чтобы мы знали, кто онъ. И потому-то мы вотъ что̀ сдѣлаемъ. Я одинъ, или хоть съ кѣмъ-нибудь, — вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, — поѣду къ нему на домъ и такъ, знаете, подкачу къ нему съ турусами на колесахъ подъ самое крыльцо. А вамъ я совѣтую, господа, сей же часъ отправиться и привести въ порядокъ[6], что можно, на скорую руку, потому что статься можетъ, что онъ сей же часъ захочетъ отправиться осматривать ваши заведенія.

Артемій Филипповичъ. Ахъ, Мать пресвятая! помоги, чтобы мимо прошла туча эта, чтобы тамъ себѣ и зацѣпила когонибудь и потрепала хорошенько, да только не здѣсь[7].

[Городничій]. Эй, Свистуновъ! *(Квартальные побѣгутъ).* Ступай, скорѣй сюда ко мнѣ частнаго! Слышишь, ухо?

[Судья]. Пойдемъ, пойдемъ, Филиппъ Артемьевичъ!

[Артемій Филипповичъ]. Что вы такъ?

[Судья]. Да ничего, я такъ только. Признаться, такъ самъ не знаю, отчего ногти вотъ и на этой, и на этой рукѣ совсѣмъ посинѣли — такъ, какъ будто лихорадка.

[Городничій]. Кополовъ! что, дрожки мои стоятъ?

[Квартальный]. Стоятъ.

[Городничій]. Ступай же скорѣй въ комнату, сыщешь тамъ новую шпагу и шляпу. Ну, Петръ Ивановичъ *(обращаясь къ Добчинскому)*, такъ мы съ вами поѣдемъ.

Бобчинскій. И я! и я! Позвольте ужъ и мнѣ, Антонъ Антоновичъ!

[Городничій]. Да какъ же втроемъ? Неловко какъ-то, да, полагаю, и въ дрожки не помѣстимся.

Бобчинскій. Ничего, ничего, я такъ, пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ такъ только посмотрѣть въ щелочку, такъ, знаете, изъ-за дверей.... Гдѣ мнѣ![8] Только

видѣть, какъ тамъ онъ... этакъ больше сущность и поступки, а то я ничего[1]....

Городничій *(къ квартальному, несущему шпагу и коробку съ шляпою)*. Тоскашовъ! бѣги сейчасъ, займи десятскихъ.... Чортъ возьми! тутъ еще нѣтъ, какъ нарочно, никого. Скажи, чтобы взяли въ руки.... Эхъ, шпага исцарапана! Ты поцарапалъ?

[Квартальный]. Нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

[Городничій]. Проклятый купчишка Авиндулинъ! Видитъ, каналія, что у городничаго старая уже шпага, а не прислалъ, мерзавецъ! О, народъ лукавый! А такъ, мошенники, я думаю, тамъ ужъ просьбы изъ-подъ полы готовятъ. Скажи тамъ, слышишь, чтобы десятскіе.... Чортъ возьми! и частнаго до сихъ поръ нѣтъ! Скажи, чтобы взяли по большой улицѣ въ руки да хорошенько бы всю метлу-то, всю, всю, что идетъ къ трактиру, поскорѣе вымели бы начисто.

[ЯВЛЕНІЕ 4-е].

Тѣ же и частный.

[Городничій]. Что вы? Гдѣ вы были? Что вы не знаете своей должности?

[Частный]. Помилуйте, Антонъ Антоновичъ, тутъ сейчасъ на крыльцѣ былъ.

[Городничій]. Да, развѣ сейчасъ! Скажите тамъ: порядку, порядку (побольше)[2]. Да не выпускайте солдатъ на улицу безъ всего: эта дрянная гарниза имѣетъ обыкновеніе — такъ только сверхъ рубашки надѣнетъ мундиръ, а тамъ внизу ничего нѣтъ. Да тамъ протянуть шнуръ.....[3] Скорѣй, скорѣй, лети, Свистуновъ!... Протянуть шнуръ отъ избы дьяка до дому протопопа, такъ, какъ будто бы тамъ новая улица прокладывается. Да выгнать какого-нибудь народа: что бы нибудь дѣлали, хоть бы такъ только руками шевелили. Да, если спроситъ службу: „довольны ли?“ чтобы всѣ говорили: „всѣмъ довольны, ваше благородіе, хорошее начальство“. А который будетъ недоволенъ, то я ему такого послѣ дамъ неудовольствія, что онъ позабудетъ, которою рукою и креститься нужно[4]. Ѣдемъ, ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! О, Боже мой,

Господи! дай, чтобы все сошло хорошо! Вотъ поставлю свѣчу, такъ поставлю свѣчу! Выше колокольни! На каждый кварталъ наложу привезти по пяти пудъ воску! *(Беретъ коробку вмѣсто шляпы)*. Ѣдемъ, ѣдемъ! Ступай же скорѣе! Квартальный Пуговицынъ пусть стоитъ на мосту, для порядку, да онъ же виднаго росту. Охъ, Боже мой! Ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! *(Беретъ коробку на голову)*. Ѣдемъ!

[**Частный**]. Ваше высокоблагородіе! у васъ коробка.

[**Городничій**] *(бросаетъ ее)*. Чортъ съ ней! Гдѣ шляпа?[1] *(Говоритъ въ дверяхъ)*. Да если спроситъ ревизоръ: „давно ли строится Домъ призрѣнія убогихъ?“ сказать, что недавно, что еще только вчера, или третьяго дня начали, чтобъ онъ ничего и не зналъ, что его строютъ 12 лѣтъ.

[ЯВЛЕНІЕ 5-е].

Анна Андреевна *вбѣгаетъ съ* Марьей[2] Антоновной.

Анна Андреевна. Гдѣ жъ, гдѣ жъ онъ? Ахъ, Боже мой! *(Отворяетъ дверь)*. Мужъ! Антоша! Антонъ! Вотъ и ушли! *(Говоритъ скоро)*. А все ты, а все за тобой! И пошла копаться: „я булавочку, я сейчасъ! Маминька, маминька! погодите, зашпилю сзади косынку“. *(Бѣжитъ къ окну)*. Вотъ и „сейчасъ“! А все проклятое кокетство![3] Узнала, что почтмейстеръ здѣсь, чтобы ему глазки.... Воображаетъ, что онъ за ней волочится, а онъ просто дѣлаетъ тебѣ рожу, какъ отвернешься. *(Кричитъ въ окно)*. Антонъ! куда? куда же? Что, пріѣхалъ ревизоръ? Что онъ статскій? Какъ? Съ усами?

[**Городничій**]. Послѣ, послѣ, матушка.

[**Анна Андреевна**]. Какъ послѣ? Вотъ еще! Я не хочу. Антоша! Антошка! Уѣхалъ! Проклятый мужикъ Антошка! Антошища глупый! Грубіянъ какой! Машетъ рукою? Постой ты, Антошка, я тебѣ вспомню это[3]. А все ты: „Я сейчасъ“. Вотъ тебѣ и „сейчасъ“![4] Вотъ тебѣ не узнали ничего!

[**Марья Антоновна**]. Да что дѣлать, маминька? Все равно, черезъ два часа мы все узнаемъ.

[**Анна Андреевна**]. „Черезъ два часа!“ Покорнѣйше благодарю. Я и безъ васъ знаю, что черезъ два часа буду все знать. Одолжила очень отвѣтомъ! *(Свѣшивается въ окно)*.

Эй, Авдотья! А? Что? Авдотья! ты слышала, кто тамъ пріѣхалъ, что ли? А? Генералъ?

Голосъ Авдотьи. Ей Богу, сударыня, ничего не услышала. Поткнулась было къ квартальному — руками только машетъ, какъ угорѣлый.

[**Анна Андреевна**]. Ахъ, какая ты глупая! Да ты все бы таки разспросила. Ну, вотъ не могла этого узнать, потому что у тебя и въ умѣ только женихи сидятъ. А? Ты бы побѣжала за дрожками. Хотя бы знать, куда они поѣхали! Ступай, ступай! Слышишь? Побѣги, разспроси, куда они поѣхали; да разспроси хорошенько, подсмотри въ щелку. Слышишь? И узнай все: какъ[1] онъ собой, и узнай, какіе глаза — черные, или нѣтъ. Слышишь? И сію минуту воротись назадъ: я буду поджидать тебя у окна.

ДѢЙСТВІЕ II.

Маленькая комната въ гостинницѣ. Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и проч.

[ЯВЛЕНІЕ 1-е].

Осипъ *(сидитъ на барской постели)*.

Чортъ побери! ѣсть такъ хочется и въ животѣ, право, какъ на волторнахъ играютъ[1]. Вотъ, Мать моя ты Божья, не доѣдемъ, да и только, домой! Что ты прикажешь дѣлать! Вѣдь ужъ и всего треть верстовъ осталось. Эхъ, деньги, деньги! Небось, теперь онъ и самъ пляшетъ. Просвисталъ дорогою, и сидитъ, и хвостъ подвернулъ и не горячится. А стало бы, и очень стало бы на прогоны. Такъ, вишь ты, нужно въ каждомъ губернскомъ городѣ показать себя! Комнату въ трактирѣ спроситъ самую лучшую. Да извощика ему сейчасъ давай лихача кататься. Куда какъ нужно кататься! Давай сейчасъ съ проѣзжающимъ знакомиться, а потомъ въ картишки. Вотъ теперь и посвистывай! Эхъ, право, надоѣла такая жизнь! Чортъ возьми! Иной разъ хорошо наѣшься, а педѣлю голодаешь. Ей Богу, на деревнѣ лучше! Оно хоть нѣтъ публичности, да заботности меньше: возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на полатяхъ, да ѣшь пироги. Конечно, если сказать правду, противъ жизни въ Петербургѣ ничего нѣтъ лучше. Деньги бъ только бъ (sic!) были, а жизнь тонкая и политичная: пойдешь въ комедь, о масленой на горы — удовольства много, и собаки тебѣ танцуютъ: все, что хочешь[2]. Весь житель съ уваженіемъ разговариваетъ. Пойдешь на Щукинъ — кущы тебѣ кричатъ: „Почтенный, сюда! Сукна тебѣ?“. На перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь. Въ растеряціи.....[3] Въ мелочную лавочку пойдешь — всякаго компанства сыщешь: туда зайдетъ и артельщикъ, и кавалеръ такой, что у него медалей и сосчитать не сосчитаешь, и золотой позументъ на

рукѣ носитъ; и горничная дѣвка, такая нарядная, что въ нашемъ уѣздѣ и барышни такъ не ходятъ; и старуха чиновница зайдетъ туда. И ты невѣжливаго слова никогда не услышишь, обращенье самое политичное: тебѣ всякій говоритъ „вы“. Наскучило итти куда—берешь извощика и такъ сидишь себѣ на дрожкахъ, какъ баринъ.... А если не хочешь заплатить ему, то почти у каждаго дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя, никакой дьяволъ не сыщетъ. — Эхъ, канальство! Одно плохо, что иной разъ случалось недѣли двѣ не ѣсть ничего, кромѣ хлѣба. Вѣдь все онъ-то самъ виноватъ. Что съ нимъ сдѣлаешь? Батюшка пришлетъ денежки — чѣмъ бы ихъ попридерживать, а онъ и вдругъ и кутитъ такъ: ѣздитъ на извощикѣ, въ театръ ты ему доставай билетъ. А тамъ черезъ недѣлю, глядь, и посылаетъ на толкучій продавать фракъ или жилеты. Ей Богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! Рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ и спуститъ рублей за двадцать; а о брюкахъ и говорить нечего: ни по чемъ идутъ. А почему? Потому что дѣломъ не занимается: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту[1], въ картишки играетъ; извощиковъ надуваетъ. Въ магазей пойдетъ, а въ магазеѣ что̀ пуговица — то и пять рублей. Эхъ, еслибъ узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотритъ на то, что ты чиновникъ, а просто[2] подыметъ тебѣ рубашенку, да засыплетъ тебѣ такихъ березовыхъ прутиковъ[3], что и думать позабудешь объ своемъ чиновничествѣ. Коли служить, такъ служи, долгъ исполняй свой, (а за дѣвчонками)[4] не бѣгай; друзей не угощай, да! Они-то, пожалуй, будутъ ѣсть, да... А вотъ теперь не подаютъ ѣсть: трактирщикъ сказалъ, что „ничего не дамъ: баринъ вотъ ужъ двѣ недѣли не плотитъ“. Ахъ, ты, Боже ты мой! Хоть бы какіе-нибудь щи! Такъ, кажись бы, теперь весь свѣтъ съѣлъ! Вотъ стучитъ ужъ: это онъ идетъ. *(Вскакиваетъ съ кровати).*

[ЯВЛЕНІЕ 2-е].

Осипъ и Хлестаковъ.

[Хлестаковъ]. *(Входитъ, скидаетъ картузъ, испускаетъ вздохъ усталости).* Что здѣсь? Гм, гм! Ничего?

[Осипъ]. Ничего.

[Хлестаковъ] *(подходитъ къ кровати)*. А! Вѣрно, лежалъ на кровати? Вся искомкана.

[Осипъ]. Да начто жъ бы мнѣ лежать? Не видалъ я[1] кровати!

[Хлестаковъ]. Врешь, дуракъ, лежалъ: запачкана грязнымъ.

[Осипъ]. Да я и не дотрогивался до вашей кровати[2]. Что, развѣ у меня ногъ нѣтъ, что ли? Я и постою себѣ. Что мнѣ кровать?

[Хлестаковъ] *(ходитъ по комнатѣ)*. Тамъ табаку нѣтъ?

[Осипъ]. Да гдѣ жъ табакъ? Вы еще четвертаго дни послѣднее выкурили.

[Хлестаковъ] *(сквозь зубы)*. Хм! Хм! *(Напѣваетъ)*. Послушай, эй, Осипъ!

[Осипъ]. Чего извольте?

[Хлестаковъ]. Ты ступай туда!

[Осипъ]. Куда?

[Хлестаковъ]. Внизъ, въ буфетъ.... Тамъ скажи.... чтобы мнѣ дали пообѣдать: что тамъ — супъ, соусъ и еще что-нибудь... поскорѣй!

[Осипъ]. Да нѣтъ, я и ходить не хочу.

[Хлестаковъ]. Какъ ты смѣешь? Дуракъ ты!...

[Осипъ]. Да такъ; все равно, хоть и пойду, то ничего изъ этого не будетъ[3]: хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать[4].

[Хлестаковъ]. Какъ онъ смѣетъ дуракъ?

[Осипъ]. Да такъ; говорилъ, что и къ городничему пойдетъ, что вотъ третья недѣля баринъ не плотитъ. „Вы де съ бариномъ“, говоритъ, „мошенники, и баринъ твой плутъ. Мы де“, говоритъ, „этакихъ широмыжниковъ уже видали“[5].

[Хлестаковъ]. Какъ онъ смѣетъ такъ говорить? Ты скажи ему, что мнѣ нужно обѣдать.

[Осипъ]. Говоритъ: „пріѣзжій такъ обживется и задолжается, что послѣ и выгнать нельзя. Я“, говоритъ, „шутить не буду, а[6] возьметъ его городничій, широмыжника, въ тюрьму“....

[Хлестаковъ]. Ну, ну, полно.... Ступай, скажи, что я... мнѣ нужно обѣдать.

[Осипъ]. Да я.... лучше я самого хозяина....

[Хлестаковъ]. Да на что жъ хозяйна? Ты, поди, самъ скажи, ну.... э..... что мнѣ ѣсть хочется.... что я хочу обѣдать....

[Осипъ]. Да, право, сударь....

[Хлестаковъ]. Ну, ступай, позови хозяина. *(Осипъ уходитъ).*

[ЯВЛЕНІЕ 3-е].

[Хлестаковъ, *одинъ*].

[Хлестаковъ]. Канальство! Ужасно ѣсть хочется![1] Такъ немножко прошелся, думалъ, не пройдетъ ли аппетитъ — нѣтъ, чортъ возьми, не проходитъ! Ахъ! если бы въ Тулѣ я не кутнулъ, стало бы доѣхать домой. Да пѣхотный капитанъ поддѣлъ меня больше всего, славно, бестія, штосы срѣзываетъ! Нужно когда-нибудь поучиться. Я думаю только, не случится съ нимъ встрѣтиться больше. *(Зѣвая).* Чортъ возьми, какъ бы въ самомъ дѣлѣ уже скорѣе доѣхать домой! Надоѣло въ дорогѣ. Такой скверный городишка — ничего совершенно нѣтъ! Хоть бы кондиторскія были, то можно бы еще перехватить того-сего[2] и выпить, не плативши. Я заходилъ во всѣ овошенныя лавки и пробовалъ балыка — и еще балыки хороши, да проклятые сидѣльцы такъ мало даютъ на пробу... *(Свиститъ).* Тошнитъ немного... А! вотъ идетъ кто-то.

[ЯВЛЕНІЕ 4-е].

Хлестаковъ, Осипъ и Трактирный слуга.

Слуга. Хозяинъ приказалъ спросить, что̀ вамъ угодно.

[Хлестаковъ]. А, здравствуй, братецъ! Ну, что, какова погода на дворѣ?

[Слуга]. Погода хороша[3], только немного сыровато.

[Хлестаковъ]. Отчего жъ это сыровато?

[Слуга]. Не могу знать, должно быть, нужно дождя ожидать.

[Хлестаковъ]. Ну, что, много у васъ проѣзжающихъ?

[Слуга]. Да достаточно.

[Хлестаковъ]. Это хорошо... Послушай, любезный: тамъ мнѣ до сихъ поръ обѣдать не приносятъ, такъ, пожалуйста, поторопи, чтобы поскорѣе, потому что мнѣ нужно послѣ обѣда кое-чѣмъ заняться...

[Слуга]. Нѣтъ-съ; хозяинъ сказалъ, что онъ не будетъ больше ничего отпускать вамъ, и онъ сегодни идетъ самъ жаловаться городничему.

[Хлестаковъ]. Вотъ вздоръ!... Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ мнѣ дать обѣдать... Мнѣ жъ нельзя умереть... Хм! хм! Ты самъ посуди...

[Слуга]. Такъ-съ; да онъ сказалъ, что „пойди“, говоритъ, „скажи, что у меня“, говоритъ, „нѣтъ для него стола и что я пойду жаловаться“.

[Хлестаковъ]. Ну, пусть онъ идетъ[1] жаловаться. Какъ же, мнѣ вѣдь ѣсть нужно....

[Слуга.] Такъ-съ. Онъ говоритъ: „я ему обѣдать не дамъ, покамѣстъ онъ не заплотитъ мнѣ“. Таковъ, то есть, ужъ отвѣтъ его былъ.

[Хлестаковъ]. Да мнѣ что дѣлать? Ты, поди, скажи ему. *(Слуга уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

[Хлестаковъ, *одинъ*].

[Хлестаковъ]. Чортъ возьми! А скверно, если мнѣ онъ совсѣмъ не дастъ ничего ѣсть:[2] такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Что тутъ дѣлать? Развѣ продать шелковый жилетъ, который я сдѣлалъ передъ выѣздомъ? Фрака-то новаго нельзя, потому что въ чемъ же явлюсь въ деревню? Вѣдь Ручъ работалъ — вотъ что важно! Чортъ побери! и жилета жаль: я нарочно выбралъ самый блестящій и богатый, какихъ въ провинціи никогда не видали. Какъ же въ самомъ дѣлѣ, гдѣ-нибудь на балѣ случится — и вдругъ этакой жилетъ... Нѣтъ, лучше потерплю, лучше поголодаю немножко. Если бы раза два его показать гдѣ-нибудь на балѣ, тогда бы я ужъ не постоялъ. Какъ, право, можно (блеснуть)[3] въ провинціи! Тамъ вѣдь ни у кого нѣтъ петербургскаго фрака; никто и толку не знаетъ въ немъ, а фраки у нихъ больше похожи на шапки[4] или на халаты, нежели на фраки. Жаль, что (проклятый)[5] Іохимъ не повѣрилъ кареты на прокатъ. А славно бы пріѣхать въ деревню въ каретѣ! Вдругъ эдакъ подъѣзжаешь... все это, и лакей сзади сидитъ — этого тамъ нигдѣ нѣтъ, даже въ городѣ, у губернатора. И вдругъ этакъ *(вскакиваетъ и*

бѣжитъ) говоритъ: „изъ Петербурга чиновникъ Хлестаковъ“; и (тамъ)[1] тотчасъ поднимается такая суматоха: они еще и не видывали никогда, чтобы кто прежде объявлялъ[2] о себѣ, а потомъ уже выходилъ изъ кареты и этакъ, канальство, выходилъ по ступенькамъ! Ахъ, чертовскіе вы богачи проклятые! Эхъ, если бъ мнѣ вашего хоть десятую долю! Я однакожъ взялъ съ собою визитныя карточки: далъ нарочно двадцать пять рублей, чтобъ были хорошія. Тамъ еще нигдѣ нѣтъ визитныхъ карточекъ. Я однакожъ не писалъ: „губернскій секретарь“: это вздоръ — губернскій секретарь. Я просто написалъ: „Служащій въ министерствѣ финансовъ Александръ Васильевичъ Хлестаковъ“. И эдакъ вдругъ лакей подаетъ: „Александръ Васильевичъ Хлестаковъ!“ Тьфу! *(плюетъ)* даже тошнитъ — такъ ѣсть хочется! Эхъ! если бы карету, совсѣмъ бы не то было. А, право, хорошо и въ деревнѣ. Оно-то послѣ, можетъ быть, и прискучитъ въ деревнѣ: все ужъ нѣтъ образованности, ни кондиторскихъ, ни театровъ; но на первыхъ порахъ можно задать тону. *(Насвистываетъ).*

[ЯВЛЕНІЕ 6-е].

Тѣ же и Осипъ (*входитъ*).

[Хлестаковъ]. А что?

[Осипъ]. Несетъ обѣдъ.

[Хлестаковъ]. Несетъ! Ну, хорошо.

Слуга *(съ тарелками)*. Хозяинъ послѣдній разъ ужъ даетъ.

[Хлестаковъ]. Ну, давай сюда! Что это?

[Слуга]. Супъ и жаркое.

[Хлестаковъ]. Какъ? только два блюда?

[Слуга]. Только-съ.

[Хлестаковъ]. Какъ же можно этакъ? Какъ же онъ смѣетъ?

[Слуга]. Нѣтъ, хозяинъ говоритъ, что еще много.

[Хлестаковъ]. А соуса жъ почему нѣтъ?

[Слуга]. Соуса нѣтъ.

[Хлестаковъ]. Отчего жъ нѣтъ? Экой вздоръ! Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, какъ готовилась рыба и котлеты.

[Слуга]. Это не для васъ.

[Хлестаковъ]. Для кого жъ?

[Слуга]. Это для тѣхъ, которые почище-съ.

[Хлестаковъ]. Что за вздоръ! Дуракъ какой ты!

Слуга. Да-съ.

[Хлестаковъ]. Какое же имѣютъ они право? Отъ чего же я такъ же не могу? Развѣ не такіе, какъ я?

Слуга. Не такіе.

[Хлестаковъ]. Какіе же?

[Слуга]. Они деньги платятъ. Да-съ.

[Хлестаковъ]. Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать. *(Наливаетъ супъ и ѣстъ.)* Что это за супъ? Ты просто воды налилъ въ чашку — никакого вкуса нѣтъ, только воняетъ! Я не хочу этого супа, ты мнѣ дай другаго.

Слуга. Мы примемъ-съ; хозяинъ сказалъ: коли не хотите, то для него лучше.

[Хлестаковъ]. Оставь, дуракъ! *(Ѣстъ.)* Боже мой, какой супъ![1] *(Продолжаетъ ѣсть)*[2]. Я думаю, еще ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не ѣдалъ такого супа. Какія-то перья плаваютъ вмѣсто масла. *(Рѣжетъ курицу).* Ай! ай! какая курица! — Давай жаркое! Тамъ супу немного осталось — Осипъ, возьми себѣ! *(Рѣжетъ жаркое).* Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что жъ, если не жаркое?

[Хлестаковъ]. Чортъ его знаетъ, что, — только не жаркое. Это топоръ, зажаренный вмѣсто говядины.

[Слуга]. Нѣтъ, жаркое-съ.

[Хлестаковъ] *(ѣстъ)*. Мошенники! Канальи! Чѣмъ они кормятъ! И зуба не останется[3], если съѣсть такой кусокъ. *(Ковыряетъ пальцемъ въ зубахъ).* Совершенно, какъ кора деревянная — ничѣмъ и вытащить нельзя. И челюсти заболятъ послѣ этихъ блюдъ, какія они, подлецы, даютъ. Мошенники! *(Вытираетъ ротъ).* Больше ничего нѣтъ?

[Слуга]. Нѣтъ.

[Хлестаковъ]. Канальи! Подлецы!

(Слуга убираетъ и уноситъ тарелки[4] вмѣстѣ съ Осипомъ).

[ЯВЛЕНІЕ 7-е].

[Хлестаковъ, потомъ Осипъ].

[Хлестаковъ]. Право, какъ[1] будто и не ѣлъ; только что разохотился. Если бы была мелочь, послать бы на рынокъ купить хотя булокъ.

Осипъ *(возвращается)*. Тамъ городничій пріѣхалъ — освѣдомляется объ васъ и спрашиваетъ.

[Хлестаковъ]. Городничій! Вотъ тебѣ на! Это скверно однакожъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ[2] меня потащитъ въ тюрьму. О, вздоръ! Какъ же онъ можетъ меня потащить! Онъ, можетъ быть, такъ только дастъ выговоръ. Впрочемъ, если благороднымъ образомъ, это еще ничего: я, пожалуй, пойду — что жъ дѣлать? Но, чортъ возьми, если онъ вздумаетъ меня повесть такъ, чтобы завязать на рукѣ веревочку, да на веревочкѣ повесть — нѣтъ, я ни за что не пойду! Что жъ? Развѣ онъ смѣетъ? Какъ онъ можетъ? Не смѣетъ[3]. Нѣтъ, не поддаваться! Ей Богу, не поддаваться!

[ЯВЛЕНІЕ 8-е].

Входитъ **Городничій** *боязливо и останавливается въ дверяхъ вмѣстѣ съ* **Добчинскимъ**.

[Городничій]. Вы извините меня, что я осмѣлился безпокоить... Моя обязанность, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

[Хлестаковъ]. Да что жъ дѣлать? Я не виновенъ. Ну, будутъ деньги, я сейчасъ ему заплачу. У меня есть состояніе... мнѣ пришлютъ изъ деревни... У меня доходъ большой, порядочный, хорошій... Какое право? Зачѣмъ долженъ? Онъ меня, мерзавецъ, кормилъ такъ гадко: говядину онъ мнѣ подаетъ такую, какую только можно собакѣ выбросить — протухлую и такую твердую[4], какъ дерево. А супъ — только что названіе *супъ:* я...[5] ни одной ложки не ѣлъ его супу, я долженъ былъ его выбросить[6]. Да притомъ и.....[7] онъ меня морилъ по цѣлымъ днямъ. Чай онъ мнѣ даетъ такой, который воняетъ

рыбой, а не чаемъ. Да за что жъ? Да я еще долженъ и отвѣчать!... Я ему заплачу, объ этомъ нечего безпокоиться...

[Городничій]. Право, я не виноватъ. Вѣрите, что точно... Вы сами знаете, что должность моя мало относится къ тому... то есть, къ частной.....[1] гражданина: обязанность моя смотрѣть за порядкомъ, чистотою города и заведеній[2], полиціею, заведеніями разными въ городѣ. Право, я не знаю, откуда онъ береть такую говядину. На рынкѣ всегда у меня хорошая... Я осмѣлюсь просить васъ[3] со мною ко мнѣ: тутъ, какъ вы видите, вамъ очень неприлично оставаться.

[Хлестаковъ]. Нѣтъ, я не хочу: я знаю, что значитъ „къ вамъ“: то есть, это — въ тюрьму. Нѣтъ, я не хочу въ тюрьму... Зачѣмъ же меня въ тюрьму?... Я... я... ему... я заплачу... Меня вы не имѣете права... Я имѣю видъ... я вамъ и подорожную... Я чиновникъ — я губернскій секретарь. Я ѣду въ мою собственную деревню, въ екатеринославскую губернію, чтобы видѣться съ отцомъ. Я служу по министерству финансовъ. Я... меня представятъ скоро къ ордену... Ей Богу, не поддаваться! Нужно взять эту бутылку и, если... Вы меня не смѣете... Я буду жаловаться на васъ министру...

[Городничій] *(въ сторону)*. У, какой сердитый! Вѣрно, пронюхалъ про мои грѣхи: донесли проклятые купцы!

[Хлестаковъ]. Да какъ вы меня смѣете?... Я хоть вамъ и кажусь такимъ, однакожъ меня самъ министръ знаетъ. Мнѣ къ новому году выйдетъ прибавка жалованья... Да... А вы... Нѣтъ, я не пойду! Ей Богу, не пойду! Вотъ вамъ перекрещусь! Хоть вы съ своей всей командой...

Городничій *(вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ)*. Помилуйте! Не погубите! Жена, дѣти маленькія... Не сдѣлайте несчастнымъ человѣка...

[Хлестаковъ]. Нѣтъ, я не хочу. Вотъ еще! Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ итти въ тюрьму... Нѣтъ... благодарю покорно. Я не хочу...

[Городничій]. Виноватъ, точно виноватъ. Приношу повинную голову: есть небольшіе грѣхи, точно есть. По неопытности; ей Богу, по неопытности!... Недостаточность состоянія... Казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если жъ и были какія взятки, то самая малость — къ столу что-нибудь, на пару платья... А что касается до

унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купеческимъ званіемъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета: ей Богу, клевета! Она пьяница и неприличнаго поведенія; ей нельзя вѣрить: она можетъ все всклепать. Это обнесли меня, ей Богу! Обнесли мои злодѣи[1]: они не то, чтобы изъ ревности, но[2] изъ злобы на жизнь мою покушались[3].

[Добчинскій] *(тоже)*. Я ничего, ничего, совершенно ничего... Я Петръ Ивановичъ Добчинскій[4].

[Хлестаковъ]. Ну, вотъ видите: вы и сами говорите, что иногда позволяете себѣ взятки, хотя и не понимаю, съ какой стати вы говорите мнѣ о нихъ, такъ же и о[5] какой-то унтеръ-офицерской женѣ. Мнѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла. Отъ чего жъ съ меня требуете непремѣнно денегъ? Я заплачу, заплачу.... У меня теперь нѣтъ.... Я потому и живу здѣсь, что у меня нѣтъ денегъ[6].

Городничій *(въ сторону)*. О, тонкая штука! Никакъ не хочетъ показать, зачѣмъ пріѣхалъ. Помилуйте! Если вы нуждаетесь въ деньгахъ или въ чемъ другомъ, я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность — помогать проѣзжающимъ, останавливающимся въ подвѣдомственномъ мнѣ городѣ.

[Хлестаковъ]. А вотъ если деньги, то... я сейчасъ готовъ расплатиться. Сдѣлайте одолженіе, мнѣ хоть рублей этакъ двѣсти[7] — только расплатиться съ трактирщикомъ, а тамъ я вамъ, какъ только въ деревню, сейчасъ и пришлю: у меня это вдругъ.

[Городничій]. Помилуйте, я готовъ ждать, сколько угодно: какъ можно, чтобъ я сталъ назначать срокъ! Вотъ тутъ ровно 200 рублей, хотя и не трудитесь считать[8].

[Хлестаковъ]. А, хорошо! Покорнѣйше васъ благодарю. *(Беретъ ассигнаціи, и скомкавши, кладетъ ихъ въ карманъ)*[9].

[Городничій]. *(Въ сторону)*. Ну, слава Богу! по крайней мѣрѣ деньги взялъ! Теперь дѣло, можетъ быть, на ладъ пойдетъ. Я таки ему, вмѣсто двухъ сотъ, четыреста ввернулъ.

[Хлестаковъ]. Эй, Осипъ! *(Осипъ входитъ.)* Позови сюда трактирнаго слугу! *(Осипъ[10] пошелъ.)* Что жъ вы[11] стоите? Сдѣлайте милость, садитесь. Садитесь, прошу покорнѣйше.

Городничій *(осматривая комнату)*. Кажется, помѣщеніе здѣсь у васъ не слишкомъ удобное?

[Хлестаковъ]. Да, очень скверная комната. Я никогда еще

въ жизни не останавливался въ такой дурной комнатѣ. Тамъ, по дорогѣ, гдѣ я проѣзжалъ, хорошо: живопись и люстры; здѣсь ничего нѣтъ.

[Городничій]. И темновато немножко.

[Хлестаковъ]. Да, совсѣмъ темно, и хозяинъ завелъ такое скверное обыкновеніе — не отпускать совсѣмъ свѣчей мнѣ. Такъ что-нибудь хочется иногда сдѣлать: почитать или такъ иногда придетъ фантазія эдакъ сочинить что-нибудь, — совсѣмъ темно.

[Городничій]. Мнѣ странно, какъ вы рѣшаетесь оставаться въ такой дурной квартирѣ, тѣмъ болѣе, что здѣсь, — о чемъ вы уже изволили объявить свое неудовольствіе, — очень дурно кормятъ. Вамъ бы прилично имѣть лучшую квартиру.

[Хлестаковъ]. Да гдѣ жъ она? Нѣтъ ея. Я самъ чувствую это, да нѣтъ другой.

[Городничій]. Я бы осмѣлился.... натурально, если бъ я былъ такъ счастливъ, чтобы могъ просить васъ къ себѣ, хотя вы изволили отвергнуть вначалѣ предложеніе мое.... У меня сегодня готовятся щи и русской сытной обѣдъ. Конечно, не то[1], что въ столицѣ; но все гораздо лучше, нежели въ здѣшнемъ трактирѣ.

[Хлестаковъ]. А извольте... съ большою пріятностью. Я очень радъ: я люблю съ обществомъ вмѣстѣ обѣдать; а здѣсь чрезвычайно скучно: такъ сидишь одинъ, право, совсѣмъ нечего дѣлать.

[Городничій]. У меня комната чистая, и вамъ ужъ совершенно будетъ покойно.

[Хлестаковъ]. Очень хорошо. Я очень люблю въ хорошей комнатѣ: гораздо лучше, чѣмъ въ дурной.

[ЯВЛЕНІЕ 9-е].

Тѣ же и Трактирный слуга, Осипъ тоже.

[Слуга]. Изволили спрашивать?

[Хлестаковъ]. Да, счетъ подай.

[Слуга]. Я-съ уже вамъ другой-съ счетъ подалъ.

[Хлестаковъ]. Я ужъ не помню[2].

[**Слуга**]. Вы изволили въ первый день спросить двѣ бутылки шампанскаго, обѣдъ и ужинъ, а на другой день[1] одинъ обѣдъ только, на третій день только закусили семги, и потомъ пошли все въ долгъ брать.

[**Хлестаковъ**]. Ну, да сколько жъ тебѣ слѣдуетъ?

Городничій. Да вы не извольте безпокоиться: онъ подождетъ. *(Слугѣ.)*[2] Пошолъ вонъ! Тебѣ пришлютъ.

Хлестаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, и то правда. *(Слуга уходитъ).*

[ЯВЛЕНІЕ 10-е].

Городничій, Хлестаковъ, Добчинскій.

[**Городничій**]. А еще хотѣлъ предложить: не угодно ли будетъ вамъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ-то: богоугодныя заведенія.

[**Хлестаковъ**]. Съ большимъ удовольствіемъ.

[**Городничій**]. Я хотѣлъ также, если будетъ ваше желанье, оттуда (поѣхать)[3] въ уѣздное училище, посмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

[**Хлестаковъ**]. Извольте, извольте.

[**Городничій**]. Какъ, въ своемъ экипажѣ намѣрены, или со мною на дрожкахъ?

[**Хлестаковъ**]. Да, я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

[**Городничій**]. Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь нѣтъ мѣста.

[**Добчинскій**]. Ничего, я такъ.

[**Городничій**]. Вы побѣгите наскоро ко мнѣ и скажите женѣ... или лучше я дамъ вамъ записочку... Осмѣлюсь ли я попросить позволенія у васъ написать въ вашемъ присутствіи одну только строчку къ женѣ, чтобы она бы (sic!) приготовилась къ принятію почтеннаго гостя?[4]

[**Хлестаковъ**]. О, помилуйте! Зачѣмъ безпокоиться? Впрочемъ извольте, напишите, какъ вамъ угодно — вотъ тутъ и чернила есть. Вотъ только бумаги, не знаю... Развѣ на этомъ счетѣ?

[**Городничій**]. Ничего, ничего! Я здѣсь напишу. *(Пишетъ и отдаетъ. Добчинскій подходитъ къ двери, но въ это время дверь обрывается и подслушивавшій Бобчинскій летитъ вмѣстѣ съ нею на сцену. Всѣ издаютъ восклицанье: „Ухъ!“ Бобчинскій подымается).*

Хлестаковъ. Что, не зашибли ли вы чего-нибудь?

[**Бобчинскій**] *(держась за носъ)*. Ничего, ничего, ваше ство! Только носъ немного. Я забѣгу къ Христіану Ивановичу, онъ дастъ мнѣ пластырю, и все пройдетъ. *(Городничій дѣлаетъ ему урывкою укорительный знакъ*[1]*)*.

[**Городничій**] *(къ Хлестакову)*. Прошу покорнѣйше, пожалуйте. А слугѣ вашему я скажу, чтобы перенесъ чемоданъ. Любезнѣйшій! ты переноси все ко мнѣ, къ городничему: тебѣ всякой покажетъ. Прошу покорнѣйше! *(Пропускаетъ впередъ Хлестакова*[2] *и дѣлаетъ вновь укорительную мину Бобчинскому, идетъ; за нимъ Добчинскій и Бобчинскій. Занавѣсъ опускается)*.

ДѢЙСТВІЕ III-е.

Комната у городничаго.

[ЯВЛЕНІЕ 1-е].

Анна Андреевна и Марья Антоновна *(стоятъ у окна въ тѣхъ же самыхъ положеніяхъ).*

Анна Андреевна. Я говорила ей, я повторяла ей: „Машенька, скорѣй!“ — Нѣтъ! „Маменька, маменька, позвольте то да то“. Вотъ тебѣ! Вотъ ужъ цѣлый часъ дожидаемся!

[**Марья Антоновна**]. Да, право, маменька, вотъ черезъ минуточки двѣ все узнаемъ: Авдотья ужъ скоро должна притти.

[**Анна Андреевна**]. Узнаемъ, какъ вся дворня узнаетъ. Эта дура, ей ужъ сорокъ, а она еще бѣжитъ этакъ вывертывается, финтитъ: воображаетъ, что кто-нибудь на нее изъ-за воротъ смотритъ... Негодная вертопрашка! Я ее сошлю въ деревню.

[**Марья Антоновна**]. Маменька! Маменька! идетъ кто-то[1] вонъ въ концѣ улицы[2].

[**Анна Андреевна**]. Гдѣ идетъ? У тебя вѣчно фантазіи какія-нибудь... Ну да, идетъ. Кто жъ это идетъ? Небольшаго росту. Кто жъ это такой? Во фракѣ. Кто жъ это? А? Это однакожъ досадно. Кто жъ бы такой былъ? Размахиваетъ руками...

[**Марья Антоновна**]. Это Добчинскій, маменька.

[**Анна Андреевна**]. Какое Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ вообразится эдакое! Совсѣмъ не Добчинскій. *(Машетъ платкомъ).*

[**Марья Антоновна**]. Право, маменька, Добчинскій.

[**Анна Андреевна**]. Ну, вотъ такъ, чтобы только поспорить! Говорятъ тебѣ[3]: не Добчинскій.

[**Марья Антоновна**]. А что, что, маменька? Видите, что Добчинскій.

[**Анна Андреевна**]. Ну да, Добчинскій — теперь я вижу: изъ чего жъ ты споришь? *(Кричитъ въ окно).* Скорѣе! скорѣе!

Голосъ издали. А?

[Анна Андреевна]. Я говорю: скорѣе! скорѣе! Вы тихо идете.

[Голосъ Добчинскаго]. Нѣтъ, я не тихо иду.

[Анна Андреевна]. Ну что? Гдѣ онъ? Пріѣхалъ? А? Что жъ тамъ? Что тамъ такое? Да говорите оттудова. Что, строгой? А? А мужъ, мужъ? Такой глупый: до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ комнату, ничего не разскажетъ.

[ЯВЛЕНІЕ 2-е].

Тѣ же и Добчинскій.

[Анна Андреевна]. Ну, скажите пожалуста: ну, не совѣстно вамъ? Я на васъ однихъ полагалась. Всѣ вдругъ выбѣжали, и вы туда жъ за ними! И я вотъ ни отъ кого толку никакого не доберусь. Не стыдно ли вамъ? Я у васъ крестила вашего Ваничку, а вы вотъ какъ со мною поступили![1] Ну, что? ну?

Добчинскій. Ухъ! Позвольте, кумушка, такъ[2] бѣжалъ[3] засвидѣтельствовать почтеніе, какъ будто бы собаки гнались за мною. Здравствуйте, Марья Антоновна!

[Анна Андреевна]. Ну что? Ну, разсказывайте: какъ?

[Добчинскій]. Вотъ Антонъ Антоновичъ прислалъ записочку.

[Анна Андреевна]. Ну, да онъ кто? какой? Генералъ?[4]

[Добчинскій]. Нѣтъ, не генералъ, а не уступитъ генералу: такое образованіе и важные поступки.

[Анна Андреевна]. Ну, разскажите жъ: что? какъ?

[Добчинскій]. Да, слава Богу, все благополучно. Сначала, знаете, онъ принялъ было Антона Антоновича немного сурово, сердился и говорилъ, что и въ гостинницѣ все не хорошо, и къ нему не поѣдетъ, что онъ не хочетъ за него въ тюрьмѣ сидѣть; а потомъ, какъ узналъ невинность Антона Антоновича и какъ покороче разговорился съ нимъ, тотчасъ перемѣнилъ мысли[5], и, слава Богу, все пошло....[6] Они теперь поѣхали осматривать богоугодное заведеніе. А то, признаюсь, уже Антонъ Антоновичъ думали, не было ли тайнаго доноса. Я самъ тоже перетрухнулъ.

[Анна Андреевна]. А вамъ же отчего? Вы не служите.

[Добчинскій]. Да такъ, знаете: когда вельможа говоритъ, то чувствуешь страхъ.

[Анна Андреевна]. Ну, что жъ?... Это все вздоръ. Разскажите: каковъ онъ собою? Что, старъ или молодъ?

[Добчинскій]. Молодой, молодой человѣкъ, лѣтъ 27-ми, а совсѣмъ такъ говоритъ, какъ старикъ. „Извольте“, говоритъ, „я поѣду и туда, и туда“. Такъ это все славно. „Я“, говоритъ, „и пописать, и почитать люблю, только мѣшаетъ, что въ комнатѣ“, говоритъ, „очень темно“.

[Анна Андреевна]. Ну, что? Какъ онъ: брюнетъ или блондинъ?

[Добчинскій]. Нѣтъ.....[1] и глаза такіе быстрые, какъ звѣрки, такъ въ смущеніе даже приводитъ.

[Анна Андреевна]. Что онъ пишетъ мнѣ въ запискѣ? „Спѣшу тебя увѣдомить, душенька, что состояніе мое было сначала весьма печальное, но, уповая[2] на милосердіе божіе, кажется, все будетъ къ хорошему концу[3]. Душенька, поскорѣе приготовить[4] комнату для важнаго гостя; къ обѣду кое-что прибавить.....[5] За два соленые огурца особенно и полпорціи икры — рубль двадц“.... Я ничего не понимаю: какъ же[6] это? къ чему это икра?

[Добчинскій]. А это Антонъ Антоновичъ писали на черновой бумагѣ: тамъ какой-то счетъ былъ.

[Анна Андреевна]. А! Такъ вотъ что нужно читать. „Приготовить комнату, — ту, что желтыми бумажками обита. Къ обѣду прибавлять ничего не трудись, потому что закусимъ въ богоугодномъ заведеніи у Ар. Филипповича. А винъ вели побольше. Скажи купцу Афендулину, чтобы прислалъ лучшихъ, а не то я перетрушу весь его погребъ. Цѣлуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой Антонъ Сквозникъ-Прочуханскій“. Ахъ, Боже мой! это однакожъ нужно поскорѣе. Эй, кто тамъ? Мишка!

Петръ Ивановичъ *(бѣжитъ и кричитъ въ двери)*. Мишка! Мишка! *(Мишка входитъ)*.

[Анна Андреевна]. Послушай: бѣги къ купцу Афендулину... или нѣтъ, постой, я лучше дамъ тебѣ записку. *(Садится, пишетъ записку и говоритъ)*. Эту записку ты отдашь кучеру Сидору, чтобы онъ пошелъ съ ней къ купцу Авендулину (sic!) и привезъ оттуда вина. Пусть возьметъ для этого съ собою коробку у Авдотьи. На. А ты сейчасъ прибери хорошенько комнату для гостя: тамъ поставить все, что слѣдуетъ — рукомойникъ и прочее.

[Добчинскій]. Ну, Анна Андреевна, я побѣгу теперь поскорѣе посмотрѣть, какъ тамъ онъ обозрѣваетъ.

[Анна Андреевна]. Ступайте, ступайте! Я не держу васъ.

[ЯВЛЕНІЕ] 3-е.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

[**Анна Андреевна**]. Ну, Машенька, намъ нужно подумать теперь о томъ, какъ бы намъ одѣться этакъ, знаешь, со вкусомъ, — съ тонкимъ вкусомъ, потому что гость — столичный житель. Но еще не столько костюмъ, какъ нужны самые манеры, пріемы: это важная вещь, душенька, пріемы. Я не знаю, а, лучше, не помню: умѣешь ли ты дѣлать глазки?

[**Марья Антоновна**]. Какъ глазки, маменька? Это такъ, какъ вы дѣлаете, когда бываютъ у насъ молодые офицеры?

[**Анна Андреевна**]. Да, я... Тебѣ еще, я думаю, трудно умѣть это хорошо дѣлать; тебѣ еще многому нужно учиться въ свѣтѣ. Однакожъ какъ ты находишь: не правда ли у меня это?...

[**Марья Антоновна**]. Ну, маменька, мнѣ кажется, какъ у васъ, это выходитъ уже слишкомъ приторно.

[**Анна Андреевна**]. Это ты говоришь, потому что не имѣешь никакого понятія; а всякой человѣкъ со вкусомъ — онъ бываетъ очарованъ. Когда жила еще у насъ въ городѣ полковница, она мнѣ нѣсколько разъ говорила: „Сдѣлайте милость, Анна Андреевна, откройте мнѣ эту тайну: отъ чего ваши глаза просто говорятъ?“[1] И всѣ бывало въ одинъ голосъ[2]: „Анна Андреевна, съ вами довольно побыть минуту, чтобы отъ вашей любезности позабыть всѣ свои обстоятельства“. А стоявшій въ то время штабъ-ротмистръ Ставрокопытовъ хотѣлъ даже застрѣлиться да, говорятъ, какъ-то въ разсѣянности позабылъ зарядить пистолетъ и отъ того только остался живъ, а то бы непремѣнно его бы давно не было на свѣтѣ.

[**Марья Антоновна**]. Я не знаю, маменька.... мнѣ однакожъ кажется, что у васъ нижняя часть лица гораздо лучше нежели глаза.

[**Анна Андреевна**]. Совсѣмъ нѣтъ[3]. Вотъ этого ужъ никогда нельзя сказать. Что вздоръ, то[4] вздоръ.

[**Марья Антоновна**]. Нѣтъ, право, маменька! Какъ вы этакъ говорите или сядете въ профиль, — у васъ этакъ губы и все...

[**Анна Андреевна**]. Вотъ именно говоришь для того, чтобы поспорить! Все изъ зависти: что у матери ея хорошіе глаза, такъ ей уже и завидно — ужъ она и это хотѣла бы отнять[5].

Вотъ отецъ твой, а мой мужъ, онъ въ этомъ.....[1] брусила и глупъ... Впрочемъ я говорю это не для того, чтобы и ты такъ его называла: ты должна его уважать, потому что онъ отецъ твой, хотя онъ и похожъ нѣсколько на дюжаго печника. У него же впрочемъ такая натура, что онъ не можетъ много чувствовать. Но я тебѣ говорю, что просто весь міръ, не то чтобы шутя, говорилъ, что просто весь міръ говорилъ въ одно слово, что глазъ такихъ, гдѣ бы больше было огня, чувства и жизни... о, нѣтъ! нѣтъ! Да никто, да куда, какъ можно![2] Ты говоришь: „глазки“. Оно кажется легко. Меня учила двоюродная сестра моя. Я вотъ тебѣ говорю, что я больше двухъ мѣсяцевъ не отходила отъ зеркала, пока выучилась[3]. Я его, натурально, не любила, да къ тоту жъ еще не была за нимъ[4]. Тогда былъ поручикъ у насъ... я не помню полка... бѣлый, бѣлый, румяненькій, какъ вотъ я не знаю что...[5] глаза темные. Все, бывало, сидитъ и усики покручиваетъ. Воротнички рубашки его — это батистъ такой, какого никогда еще наши купцы не подносили намъ. Батюшка былъ строгъ ужасно. Онъ не любилъ военныхъ, пряничными человѣчками.....[6] Онъ ему отказалъ совсѣмъ, и ворота наши всегда запирались. Я хожу разъ въ саду, глядь — за рѣшеткой стоитъ поручикъ. Говоритъ: „Если деньщикъ что принесетъ къ вашему батюшкѣ, скажите, чтобы подхватили и отнесли на вашу половину“. Какъ въ вечеру, точно, приноситъ деньщикъ преогромный куль съ перепелками отъ полковника въ подарокъ, а полковникъ хотѣлъ занять тогда у батюшки деньги. Батюшка уже тогда легъ въ постелю и велѣлъ куль тотчасъ отнести на кухню; дѣвушки мои подхватили. Какъ только открыли: вверху были перепелки, а внизу поручикъ.... Ты однакожъ этого никакъ не бери себѣ въ примѣръ. Боже тебя сохрани! И никакого куля, ни съ перепелками, ни безъ перепелокъ, не бери. Мнѣ — совсѣмъ другое дѣло; мнѣ можно, а тебѣ — Боже сохрани! Я бы тебѣ этого вовсе не разсказывала, но именно для того только, чтобы показать, что̀ мнѣ говорилъ поручикъ. На мнѣ тогда была тюлевая пелеринка — вышиты виноградные листья съ колосками. Это, просто, было прелесть! И платье было палевое[6], тонкая талійка — и это все, при свѣтѣ, это было просто[7] очаровательно. Слушай же, что̀ сказалъ поручикъ: „Клянусь вамъ, Анна Андреевна, что не

только не видалъ, не начитывалъ даже такихъ глазъ. Я не знаю, что со мною дѣлается, когда я гляжу на васъ. Я чувствую, что въ меня другая[1] жизнь вливается". И я ужъ не помню, какъ тамъ онъ далѣе... но такъ хорошо изъяснялся! „Біеніе жизни... что я говорю: біеніе жизни? вся душа моя такою", говоритъ, „исполнена нѣжнѣйшею любовію и такое", говоритъ, „чувствуетъ блаженство"....

[**Марья Антоновна**]. Ахъ, маменька! Вѣдь это совершенно другое дѣло. Вѣдь вамъ тогда было, можетъ быть, только восемнадцать лѣтъ, не больше...

[**Анна Андреевна**]. Ахъ, Боже мой! Что жъ я теперь? Мнѣ только еще 32 года. Такъ вотъ, право, ей досадно, что мать ея еще молода: она бы хотѣла, чтобы она скорѣе была старухою. Но за тобою я совершенно заговорилась и позабыла, что пора давно одѣваться. Такая, право, несносная! О чемъ бы съ нею ни говорила, вѣчно дѣло окончится споромъ, и это — всегда. *(Идетъ).*

Марія Антоновна. Право, маменька, я никогда не спорю: это[2] вамъ такъ кажется.

[**Анна Андреевна**]. Покорнѣйше благодарю. Это тебѣ такъ кажется. *(По уходѣ ихъ отворяется дверь, и Мишка съ щеткою въ рукахъ выбрасываетъ оттуда пыль).*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Мишка и **Осипъ** *(съ чемоданомъ на плечахъ).*

Осипъ. Куда тутъ?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда!

Осипъ. Постой, прежде дай отдохнуть. Ахъ, ты горемышное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

[**Мишка**]. Что, дядюшка, скажите пожалуста: скоро будетъ генералъ?

[**Осипъ**]. Какой генералъ?

[**Мишка**]. Да баринъ вашъ.

[**Осипъ**]. Баринъ? Да какой онъ генералъ?

[**Мишка**]. А развѣ не генералъ?

[**Осипъ**]. Генералъ, да только съ другой стороны.

[**Мишка**]. Что же это[3], больше или меньше настоящаго генерала?

[**Осипъ**]. Больше.

[**Мишка**]. Вишь ты, какъ! То-то у насъ сумятицу подняли.

[**Осипъ**]. Послушай, малой! Ты, я вижу, проворный парень: приготовь-ка тамъ чего-нибудь поѣсть.

[**Мишка**]. Да для васъ, дядюшка, еще ничего не готово; простого блюда вы не будете кушать. Вотъ, какъ баринъ вашъ сядетъ за столъ, такъ того же кушанья и вамъ отпустятъ.

[**Осипъ**]. Ну, а простого-то что жъ есть у васъ?

[**Мишка**]. Щи, каша да пироги.

[**Осипъ**]. Давай ихъ: щи, кашу и пироги. Ничего: все будемъ ѣсть. Ну, понесемъ чемоданъ. Что тамъ выходъ другой есть?

[**Мишка**]. Есть.

[**Осипъ**]. Ну, пойдемъ! *(Несутъ чемоданъ въ боковую комнату).*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Квартальные отворяютъ обѣ половинки дверей. Входятъ: **Хлестаковъ**, *за нимъ* **Городничій**, *за нимъ* **Попечитель богоугоднаго заведенія, Христіанъ Ивановичъ, Добчинскій и Бобчинскій**, *съ краснымъ носомъ и пластыремъ* (**Городничій** *указываетъ на полу бумажку, квартальный бѣжитъ).*

Хлестаковъ. Очень, очень хорошо, господа! Покорнѣйше благодарю васъ за то, что вы мнѣ показали разныя заведенія ваши — я люблю это. Я самъ большой охотникъ до просвѣщенія и порядка; только что иногда нѣтъ времени, а то я всегда занимаюсь, какъ пріятнымъ занятіемъ. Мнѣ тоже по дорогѣ этакъ встрѣтилось когда что обсмотрѣть, я всегда этакъ, съ своей стороны, готовъ поощрить[1] этакъ совѣтомъ своимъ. Я по....[2] И завтракъ тоже очень недуренъ былъ. Что это, каждый день бываетъ въ богоугодныхъ заведеніяхъ такой завтракъ?

[**Городничій**]. Нѣтъ, это собственно для такого пріятнаго гостя. Наша обязанность и долгъ — споспѣшествовать всѣми мѣрами правительству и болѣе всего заслужить лестнаго вниманія такого почтеннаго[3] гостя.

Хлестаковъ. Я доволенъ, я съ своей стороны очень доволенъ. Скажите, пожалуста, и много бываетъ у васъ больныхъ въ годъ?

[Попечитель богоугоднаго заведенія]. Тридцать три человѣка.

[Хлестаковъ]. Это каждый годъ?

Попечитель. Акуратъ каждый годъ.

[Хлестаковъ]. И сколько изъ нихъ выздоравливаетъ?

[Попечитель]. Всѣ, всѣ до одного; и не столько медикаментами, сколько чистотою и порядкомъ содержанія.

Христіанъ Ивановичъ. И что чистота? Лѣкарствами много мужики здоровы.

[Попечитель]. Да и лѣкарствами.

Городничій. Конечно, верховный надзоръ надъ всѣмъ этимъ лежитъ на градоначальникѣ, и я могу сказать, — не то, чтобы хвастаться своими трудами, — но если бъ вы изволили за 10 лѣтъ быть назадъ, ничего бы узнать не могли. Оно, хотя, можетъ быть, съ виду кажется должность немногосложная, но въ самомъ дѣлѣ премноготрудная. Такъ каждый день передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, все думаешь, какъ бы все это лучше сдѣлать, такъ чтобы правительство увидѣло наконецъ твою ревность. Ну, наградитъ меня или нѣтъ — это, разумѣется, въ его волѣ. Думаю, что̀ мнѣ?[2] Мнѣ стараться о себѣ нечего, пусть же я ассигную жизнь свою на службу, чтобы капля[3] крови моей не осталась втунѣ.

[Хлестаковъ]. Хорошо, хорошо. Я, знаете, люблю этакъ иногда заумствоваться самъ. Иной разъ, право, такими Цицеронами все говоришь.

[Попечитель богоугоднаго заведенія]. Экъ ты, какъ говоритъ! Вотъ и получитъ, если не Станислава, то Анну[4].

Полицмейстеръ[5]. Эге, ге! Знаемъ, голубчикъ, куда это перо летитъ! Да, иногда — невинное препровожденіе времени, конечно, почему жъ не заняться? Но, признаюсь, я никогда не бралъ въ руки карту.

Начальникъ училищъ[6]. А у меня, подлецъ, вчера сто рублей выигралъ.

[Городничій]. Боже ты мой! думаю я самъ себѣ: такое драгоцѣнное время, котораго человѣку такъ немного, и такъ тратить! Лучше жъ я употреблю это время на пользу государственную[7].

Бобчинскій *(Добчинскому)*. Справедливо, все справедливо говоритъ — столичное воспитаніе, и философскимъ наукамъ обучался.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Марья Антоновна, Анна Андреевна, тѣ же.

Городничій. Имѣю честь рекомендовать вамъ: это жена моя, а это дочь.

Хлестаковъ *(подходитъ, раскланиваясь).* Мнѣ очень пріятно, сударыня, встрѣтить въ васъ, можно сказать, этакой цвѣтокъ среди пустыни и дурной дороги.

[**Анна Андреевна**]. Мы съ своей стороны должны почитать за несравненно большую пріятность.... Вамъ послѣ столицы должно быть очень скучно?[1]

[**Хлестаковъ**]. Да, признаюсь, какъ выѣхалъ, я замѣтилъ ощутительную перемѣну,— даже вамъ, можетъ, нѣсколько странно[2],— въ воздухѣ этакъ въ городахъ...[3] Все какъ-то говоритъ: „Да это не то!“ Напримѣръ, общества какого-нибудь, бала великолѣпнаго, гдѣ была бы музыка, на дорогѣ ужъ вы не сыщете. Ну, конечно, разсѣяніе, развлеченіе.... Зрѣніе, можно сказать, очаровано: съ одной стороны этакъ вдругъ являются горы, какое-нибудь этакъ пріятное мѣстоположеніе, проѣзжающіе въ коляскахъ и каретахъ; этакъ что-нибудь васъ вдругъ займетъ: проѣзжающіе экипажи.... игра природы.... все видишь — а недоволенъ[4].

[**Анна Андреевна**]. Какъ пріятно путешествовать! Прошу покорнѣйше садиться.

[**Хлестаковъ**]. Да, я очень люблю. Я никогда почти не могу сидѣть: у меня ужъ такой характеръ, что на одномъ мѣстѣ трудно побыть. Вотъ...[5] ну какъ, напримѣръ принятъ во всѣхъ высшихъ обществахъ; ну, на службѣ тоже множество имѣю выгодъ. Это правда, что на мнѣ небольшой чинъ — ужъ никакъ не больше коллежскаго ассессора, кажется, даже немножко меньше. Впрочемъ это все равно, потому что только что не утвержденъ. Министръ меня очень любитъ; я у него почти домашній человѣкъ; очень часто этакъ случается: ударитъ по плечу и говоритъ: „Здравствуй, братецъ; приходи ко мнѣ обѣдать“. И такъ даже странно иногда: въ передней стоятъ начальники отдѣленія и даже директора, и всѣ дожидаются иногда до самаго вечера, а какъ только лакей скажетъ: „Иванъ Григорьевичъ!“ и тотчасъ старикъ

подбираетъ шлафоръ: „А! проси, проси!“[5] И въ департаментѣ этакъ какъ бы начальникъ отдѣленія: мнѣ этакъ и кресло стоитъ въ сторонѣ, хотя я дѣлаю только, что́ и обыкновенные столоначальники. И такъ, знаете, меня досадуютъ писцы: иной разъ Богъ знаетъ какъ напишутъ бумагу! Я уже нѣсколько разъ бывало говорю: „Право, господа, какъ хотите: я буду на васъ жаловаться министру“. Да думаю себѣ: зачѣмъ дѣлать людей несчастными? Такъ все и остается. *(Обращаясь къ городничему).* Что вы, господа, стоите? Пожалуста, садитесь. Я не люблю церемоній.

Всѣ *(въ одинъ голосъ).* Ничего, мы постоимъ.

[**Хлестаковъ**]. Безъ чиновъ, безъ чиновъ! Я прошу васъ: садитесь.

[**Анна Андреевна**]. Какъ должно быть весело въ столицѣ!

[**Хлестаковъ**]. Да; мнѣ такъ ужъ, знаете, весело-то, конечно, весело; я живу очень хорошо. У меня квартира на Фонтанкѣ — двѣ тысячи плачу. Я держу двѣ лошади и карету. Да, очень весело. Въ театрѣ я каждый день, знаете, такъ, какъ свой. И я знакомъ со всѣми актрисами. Для меня ужъ тамъ и ложа стоитъ[1]. Я самъ тоже пишу иногда театральныя піесы, водевили — право! Многіе давались, и съ большимъ успѣхомъ, такъ что вся публика вызывала меня[2]. И съ Булгаринымъ знакомъ: обѣдаю съ нимъ вмѣстѣ. Меня всѣ уже знаютъ, и такъ, если ѣду куда-нибудь, то говорятъ: „Вонъ карета Ивана Григорьевича поѣхала!“ Я хоть говорилъ[3], что держу двѣ лошади, но у меня своихъ есть еще шесть[4]. Меня разъ даже, когда я шелъ пѣшкомъ, приняли за Дибича Забалканскаго, право! и всѣ солдаты выскочили изъ обвахты и сдѣлали честь. Послѣ ужъ офицеръ говоритъ мнѣ, очень хорошо знакомый: „Ну, братецъ, мы тебя приняли совсѣмъ за Дибича“[5].

[**Анна Андреевна**]. Скажите, такъ вы пишете? Какъ это должно быть пріятно сочинителю! Ваши.....[6] вѣрно и въ журналахъ помѣщаются?

[**Хлестаковъ**]. Въ журналахъ очень много[7]. Я занимаюсь литературой, и такъ странно иногда: вдругъ напишешь и прозу, и стихи. Я участвую въ „Телеграфѣ московскомъ“, въ „Библіотекѣ для чтенія“ участвую. Да если сказать по правдѣ, то я по большей части и издаю ихъ, хотя и стоитъ въ

заглавіи другое имя. Мнѣ Смирдинъ платитъ 25 тысячъ. Вотъ тоже карьеръ составилъ человѣкъ: у него 6 домовъ на одномъ Невскомъ проспектѣ[1]. Мнѣ даже не хотѣлось заняться этимъ, да Смирдинъ присталъ. „Ну", говоритъ: „жена, дѣти маленькія".... однимъ словомъ присталъ такъ, какъ съ ножомъ къ горлу — просилъ убѣдительнѣйшимъ образомъ, чтобъ я написалъ Брамбеуса. Ну, я взялся написать Брамбеуса и всего три дня, никакъ не больше, посидѣлъ[2].

[**Анна Андреевна**]. Скажите, такъ это ваше!

[**Хлестаковъ**]. Да, Брамбеуса это, Марлинскаго, также, Свадьба Фигаро, Фенелла, Робертъ — это я все написалъ и все такъ, больше по случаю. Театральная дирекція говоритъ: „Пожалуста, братецъ, напиши что-нибудь". Думаю себѣ: „Пожалуй, изволь, братецъ!" Взялъ перо, и тутъ же въ канцеляріи[3]...

[**Анна Андреевна**]. Такъ, вѣрно, это и Юрій Милославскій ваше сочиненіе?

[**Хлестаковъ**]. Да, это мое.

[**Анна Андреевна**]. Я сейчасъ узнала.

[**Марья Антоновна**]. Ахъ, маменька! тамъ написано: это Загоскина сочиненіе.

[**Анна Андреевна**]. Вотъ еще! будешь спорить и здѣсь.

[**Хлестаковъ**]. Да, это правда: это точно Загоскина. А есть еще другой Юрій Милославскій, такъ тотъ уже мой.....[4]

[**Анна Андреевна**]. Это, вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

[**Хлестаковъ**]. Я за словесность получаю 40 тысячъ въ годъ. У меня у самого 4 дома въ Петербургѣ *(кладетъ одну ногу на стулъ)*, и квартира у меня въ собственномъ домѣ, — такая, что за 10 нельзя имѣть. И передъ лѣстницею я нарочно заказалъ себѣ зеркальныя двери: три тысячи стали. Нельзя, знаете: ну, ѣздишь къ другимъ, нужно и самому тоже принять и дать тоже балъ.

[**Анна Андреевна**]. Я думаю, съ какимъ вкусомъ и великолѣпіемъ даются[5] тамъ балы.

[**Хлестаковъ**]. Да, хорошіе балы бываютъ. Я всегда бываю у графа у Кочубея[6]. Тамъ ужъ у насъ такъ и составился вистъ: три министра и я. И какъ только этакъ иногда какънибудь замешкаешь, то ужъ министры и говорятъ: „Гдѣ жъ

Иванъ Григорьевичъ? Послать за Иванъ Григорьевичемъ!“ И какъ начнемъ играть, то иногда два дни играютъ, и такъ уморишься, такъ уморишься, что какъ взбѣжишь наконецъ къ себѣ по лѣстницѣ на второй этажъ, то просто сбросишь шинель свою кухаркѣ и скажешь только: „На, матушка!“ А потъ такъ въ три ручья и льется. И на другой день такъ ужъ въ должность совсѣмъ не хочется итти. „Осипъ“, я говорю: „и не буди: ей Богу, не пойду!“ Впрочемъ у меня должность на домѣ, и ко мнѣ приходятъ чиновники[1]. И какъ проснешься, такъ графы и князья такъ и лѣзутъ въ переднюю, — ужъ и несносно становится. „Что“, говорятъ, „Иванъ Григорьевичъ всталъ? всталъ?“ „Да подите себѣ!“ думаю *(кладетъ другую ногу на стулъ)*: „мнѣ совсѣмъ не до васъ“. Ну, нечего дѣлать однакожъ, выйдешь — и какъ же не вытти? Иной разъ министръ даже пріѣдетъ, — конечно, не всегда, а иногда заѣдетъ. Того другаго гибель ужъ такая, что и не считаю *(Городничій и прочіе поднимаются со страхомъ на ноги)*: всѣмъ нужда ко мнѣ. Я вѣдь самое прибыточное мѣсто[2] имѣю, и хоть не имѣю генеральскаго чина[3], но мнѣ однакожъ такъ, какъ и генераламъ, пишутъ: „Ваше превосходительство“; да, я васъ увѣряю. И къ звѣздѣ хотѣли меня представить — думать какъ-то не хотѣлось. Думаю себѣ: что̀ кавалерія? — суета[4], больше ничего. Право! Я управлялъ даже министерствомъ, когда эдакъ министръ куда-то уѣзжалъ на время: и меня очень боялись и такъ являлись, какъ будто къ самому министру[5]. *(Городничій и весь уѣздъ трясется.)* Да и во дворецъ я ѣздилъ, и всѣ въ мундирахъ, а послѣ того я самъ сдѣлался..... *(Занавѣсь опускается)*[6].

Городничій *(дрожа, не можетъ выговорить слова)*. А ва... ва... ва... ва... ва... ва...

[**Хлестаковъ**]. Что такое? Вы что-то говорите?

[**Городничій**]. А ва... ва... ва... ва... ва...

[**Хлестаковъ**]. Не разберу ничего.

[**Городничій**]. А ва... шество. Если у... угодно... отдохнуть... вотъ и комната... и все, что нужно...

[**Хлестаковъ**]. Ахъ, хорошо, хорошо! Мнѣ, точно, что-то немного зѣвается. *(Встаетъ)*. Завтракъ у васъ былъ хорошъ, очень хорошъ. *(Уходитъ въ боковую комнату)*.

[ЯВЛЕНІЕ 7-е].

[Тѣ же, кромѣ Хлестакова и Городничаго].

Бобчинскій *(Добчинскому)*. А что, Петръ Ивановичъ, мнѣ такъ, я вамъ скажу, даже страшно сдѣлалось, ей Богу! Еще никогда не былъ я въ присутствіи такой персоны. А что, какъ вы думаете, онъ генералъ? А[1] я думаю самъ, что онъ больше, чѣмъ всякой генералъ. Хоть и не толстый собою, высокій, какъ бываютъ генералы, а однакожъ ихъ всѣхъ загоняетъ. Это такой, что еще никогда не бывало: и во дворецъ[2], и всѣ такія министерскія штуки отправляетъ[3].

[**Добчинскій**]. Я и самъ такъ думаю, Петръ Ивановичъ.

[**Бобчинскій**]. Пойдемъ, Петръ Ивановичъ, разскажемъ Евплу Евпловичу и Растаковскому: они еще ничего объ этомъ не знаютъ.

[**Добчинскій**]. Прощайте, кумушка.

[**Анна Андреевна**]. Прощайте.

[**Бобчинскій**]. Прощайте, Анна Андреевна.

[**Анна Андреевна**]. Прощайте.

[ЯВЛЕНІЕ 8-е].

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

[**Анна Андреевна**]. А онъ меня понравилъ и, я замѣтила, все на меня поглядывалъ.

[**Марья Антоновна**]. Маменька! Ну, вотъ видите ли, какія вы! Онъ больше на меня глядѣлъ.

[**Анна Андреевна**]. Полно вздоръ толковать! Какая въ самомъ дѣлѣ странная! Конечно, ему неловко же дѣлать замужней женщинѣ глазки, а особливо, когда и мужъ тутъ стоитъ.

[**Марья Антоновна**]. Нѣтъ, маменька...

[**Анна Андреевна**]. Пожалуста, не толкуй этакой вздоръ! Гдѣ ему смотрѣть на тебя? И съ какой стати смотрѣть на тебя?

[**Марья Антоновна**]. Право, маменька, все смотрѣлъ: и какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня, и по-

томъ, когда разсказывалъ, какъ онъ игралъ въ вистъ съ министромъ, и тогда посмотрѣлъ на меня.

[Анна Андреевна]. Ну, можетъ быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ ужъ, вѣрно, лишь бы... „А“, говоритъ себѣ, „дай ужъ посмотрю на нее“.

[Марья Антоновна]. Ей Богу, маменька, на васъ меньше глядѣлъ, чѣмъ на меня. Вы, можетъ быть, не видѣли и оттого вамъ такъ кажется.

[Анна Андреевна]. Сама ты „кажется“. Вдругъ начнетъ этакъ разсказывать...[1] Ты, просто, дура — и больше ничего. Во-первыхъ, тебѣ не слѣдуетъ эдакъ мнѣ говорить: ты можешь это сказать своей Парашкѣ... Конечно, можетъ быть, разъ какъ-нибудь взглянулъ; нельзя жъ ему дѣлать мнѣ прямо глазки: онъ знаетъ, что я женщина замужняя, да притомъ и дуракъ мужъ мой тутъ же стоялъ...

[ЯВЛЕНІЕ 9-е].

[Тѣ же и Городничій].

Городничій *(выходитъ)*. Тс... тс!...

[Анна Андреевна]. Что?

[Городничій]. Прилегъ отдохнуть. Боже васъ сохрани тутъ какъ-нибудь шумѣть!

[Анна Андреевна]. Послушай, да зачѣмъ пригласилъ его въ свою комнату? Вѣдь нужно жъ обѣдать сейчасъ: обѣдъ готовъ...

Городничій *(разставляя руки и раздумывая)*. Обѣдать?...

[Анна Андреевна]. Да, какой же резонъ, что ты его пригласилъ спать?

[Городничій]. Ну, матушка, признаюсь, я и самъ не знаю, отъ чего я пригласилъ его спать. Такъ совсѣмъ ошеломило, страхъ такой напалъ: еще такого никогда не было ревизора[2]. *(Размышляетъ)*. И съ министрами играетъ, и во дворецъ ѣздитъ. Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... не знаешь, что̀ и дѣлается въ головѣ[3]: или такъ, какъ будто стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

[Анна Андреевна]. А я, право, не ощутила никакой робости. Я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человѣка, а о чинахъ его...

[Городничій]. Ну, ужъ вы женщины! Ужъ кончено дѣло! Ужъ вы узнаете человѣка! Вдругъ брякнуть ни съ сего, ни съ другаго словцо — васъ высѣкуть только, а мужа и поминай, какъ звали. Да. Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ же свободно, какъ будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

[Анна Андреевна]. Объ этомъ-то я уже не совѣтую вамъ безпокоиться... Мы знаемъ кое-что такое. *(Поглядываетъ на дочь)*. Не правда-ли, Машенька? Пойдемъ, душенька, я тебѣ еще что-то скажу, что̀ я замѣтила у гостя такое, что намъ только вдвоемъ можно сказать.

[ЯВЛЕНІЕ 10-е].

[Городничій, *одинъ*.]

[Городничій]. О, ужъ тамъ наговорятъ! Только, я думаю, пойди да послушай, и уши потомъ заткнешь. До сихъ поръ не могу очнуться отъ страху. Эй, кто тамъ! *(Въ дверь)*. Миша! Позови квартальнаго Свистунова и Держиморду: они, я думаю, теперь у крыльца стоятъ. Плохо[1], что теперь все завелся на свѣтѣ такой тоненькій и невысокій народъ — вначалѣ никакъ не узнаешь, что онъ важная особа, благородный человѣкъ. Вначалѣ однакожъ онъ долго скрывался и какъ будто ничего.... А! Вотъ слуга — нужно къ нему подъѣхать.

[ЯВЛЕНІЕ 11-е].

Городничій и Осипъ.

Городничій.....[2]

[Осипъ]. Нѣтъ еще, только потягивается; скоро заснетъ.

[Городничій]. Послушай, любезнѣйшій: ну что, тамъ тебя накормили?

[Осипъ]. Покорнѣйше благодарю, хорошо накормили.

[Городничій]. Ну, что, братъ, вѣдь, я думаю, въ дорогѣ не то, что?... Что тамъ какъ у васъ, въ Петербургѣ? Я думаю, тамъ всего, чего просишь — работы гибель? Вѣдь къ твоему барину, я думаю, столько тамъ наѣдетъ генераловъ?

[Осипъ]. Да[3], всего бываетъ[4]: и генералы, и полковники пріѣзжаютъ, и графы, и протопопы — всѣ бываютъ.

[Городничій]. Такъ, много? Вишь ты, какія дѣла![1] Ну и что жъ это? На баринѣ твоемъ какой чинъ?

[Осипъ]. Да чинъ побольшой что-то[2]: такъ не меньше полковника, коли еще не больше....

[Городничій]. А что, какъ онъ тамъ? строгъ? любитъ эдакъ распекать или нѣтъ?[3]

[Осипъ]. Да, порядокъ любитъ: ужъ все чтобъ было ему въ исправности.

[Городничій]. Въ исправности?... А мнѣ очень нравится твое лицо, любезнѣйшій — долженъ быть хорошій человѣкъ. Ну, что? какъ? Имѣешь ты хозяйку?

[Осипъ]. Нѣтъ, ваше.....[4], еще не женатъ.

[Городничій]. Право, мнѣ ты очень нравишься.... Послушай, любезный! Знаешь, въ дорогѣ все-таки не мѣшаетъ выпить лишній стаканчикъ[5], такъ вотъ пара цѣлковиковъ на чай.

Осипъ *(принимаетъ деньги)*. А покорнѣйше благодарю, сударь. Дай Богъ вамъ всякаго здоровья! Бѣдный человѣкъ — помогли ему.

[Городничій] Да ну скажи: какъ? что больше любитъ твой баринъ?

[Осипъ]. Да онъ-то любитъ, пожалуй[6], по разсмотрѣнію, какъ что ему придется. Больше-то всего любитъ, чтобы его приняли хорошо, угощеніе чтобы было удовлетворительное...

[Городничій]. Удовлетворительное?..

[Осипъ]. Вотъ ужъ на что я, крѣпостной человѣкъ, а и то смотритъ, чтобъ и мнѣ было все хорошо. Ей Богу! Вотъ, бывало, заѣдемъ куда-нибудь: „Что, Осипъ, хорошо тебя угостили?“ — „Плохо, ваше высокоблагородіе“.— „Эхъ, погоди же“, говоритъ: „это нехорошій человѣкъ; ты“, говоритъ, „напомни, какъ пріѣдемъ....“ *(Махнувъ рукою)*. А, думаю себѣ, что жъ? я человѣкъ простой.

[Городничій]. Да. Гмъ![7] Вотъ тамъ я далъ тебѣ на чай, такъ вотъ ужъ, одно къ одному, на баранки цѣлковенькой.

Осипъ. Да за что жалуете, ваше благородіе? *(Прячетъ деньги)*. Такъ ужъ развѣ за ваше здоровье выпить!

(Входятъ квартальные).

[Городничій]. Хорошо, хорошо! Тамъ, что нужно для барина, ты все на домѣ требуй. Ну, не держу тебя: приготовляй тамъ, что слѣдуетъ для барина. *(Осипъ уходитъ)*.

[ЯВЛЕНІЕ 12-е].

[Городничій и квартальные.]

[**Городничій**] Послушайте: вы — стоять на крыльцѣ и никого не впускайте — ни одного просителя! Боже васъ сохрани! Какъ только увидите, что у кого въ рукахъ бумага, а хоть и нѣтъ бумаги, да самъ онъ такой, что пожелаетъ подать на меня бумагу, то прямо такъ въ зашей и толкайте! Говорите, что вельможѣ некогда, что почиваетъ — слышите? Ну, ступайте![1] Боже васъ сохрани кого-нибудь впустить, кромѣ почетныхъ особъ въ городѣ! Особенно купцовъ ни подъ какимъ видомъ не впускайте!

ДѢЙСТВІЕ 4-е.

[ЯВЛЕНІЕ I.]

[Хлестаковъ *(одинъ)*].

Мнѣ нравится здѣшній городокъ: гостепріимства я такого нигдѣ не видалъ. Право! И шампанскимъ поятъ, и все, что̀ хочешь. Вотъ этакъ я люблю жить. Вотъ какъ много значитъ побыть хотя немного въ Петербургѣ! Хоть даже не будь помощникомъ столоначальника, а просто канцелярскимъ чиновникомъ[1], а ужъ всѣ къ тебѣ чувствуютъ почтеніе. И городничій такъ и бѣгаетъ, услужливаетъ! Всѣ тебѣ заведенія показываютъ и все, что̀ хочешь. И разговоришься — тебя никто не останавливаетъ[2]. Право, духу придаетъ: чувствуешь, какъ будто въ самомъ дѣлѣ значишь что-нибудь важное. И дочка хороша у него. Право! Такая свѣжинькая, губки розовыя. Я къ ней неравнодушенъ, чортъ возьми! Если признаться, я даже влюбленъ. Право, не дурна! Да и матушка уже такая, что еще можно бы.... Я люблю этакъ проводить время[3]. А городничій долженъ быть совсѣмъ разсѣянный и, я думаю, глуповатъ немножко: вмѣсто двухсотъ рублей, какъ я разсмотрѣлъ теперь, онъ мнѣ далъ четыреста. Я думаю, объ этомъ нечего сказывать ему. Да и къ чему же?[4] Вѣдь что жъ ему?[5] Вѣдь у него, вѣрно, есть кромѣ этого деньги. Чортъ возьми! теперь станетъ доѣхать до самаго дому. Нужно однакожъ еще попросить у него взаймы: опять, можетъ быть, на дорогѣ случится опять (sic!), каналь̀ство, попробовать счастья! Вѣдь не всѣ жъ...[6] такъ удачливо, какъ этотъ капитанъ. Можетъ быть, наскочу на такого, какого еще никто не видывалъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Хлестаковъ и **Почтмейстеръ** *(входитъ, вытянувшись, въ мундирѣ, придерживая шпагу).*

[**Почтмейстеръ**]. Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ.

[**Хлестаковъ**]. А, хорошо. Прошу покорнѣйше садиться. *(Почтмейстеръ садится на кончикъ стула).* Я знакомъ съ вашимъ начальникомъ въ Петербургѣ; очень часто обѣдаю у него. Хорошій очень человѣкъ. И въ вистъ онъ отлично играетъ; съ нимъ никто не можетъ играть: онъ знаетъ впередъ еще.... еще вы не пойдете, а онъ уже вамъ скажетъ, съ чего вы пойдете. „Вы", говоритъ, „вотъ съ дамы пойдете", и точно.... И не то, чтобы какъ-нибудь накрашены карты— нѣтъ! вы съ собою принесите[1]... Мнѣ очень часто случалось съ нимъ.... „Пожалуста", говоритъ, „Александръ Ивановичъ, возьми карету и поѣзжай.... *(смотритъ ему въ глаза)* поѣзжай куда-нибудь", говоритъ.... *(Въ сторону).* Мнѣ кажется, у этого гуся можно бы занять денегъ. — Да, я съ нимъ хорошо знакомъ. Гм.... гм! Онъ на дорогу мнѣ далъ маршрутъ и открытый листъ, да гдѣ-то мой дуракъ затерялъ.... Я хотѣлъ у васъ попросить: не случилось ли у васъ съ собою какъ-нибудь теперь денегъ? Мнѣ понадобилось[2] на дорогу.

[**Почтмейстеръ**]. Сколько прикажете?

[**Хлестаковъ**]. Да мнѣ рублей сто только. Я вамъ какъ...[3], и пришлю ихъ вдругъ этакъ завтра или послѣ завтра, а, можетъ быть, раньше.

[**Почтмейстеръ**]. Вотъ извольте-съ.

[**Хлестаковъ**]. Пожалуйте. Хорошо. Очень благодарю.

[**Почтмейстеръ**]. *(встаетъ, вытягиваясь[4] и придерживая шпагу).* Не смѣю долѣе безпокоить своимъ присутствіемъ. Не будетъ ли какого замѣчанія по почтовой части?[5]

[**Хлестаковъ**]. А, прощайте, прощайте! Хорошо, хорошо.

(Выпровожаетъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ и Филиппъ Артемьевичъ[1] *(въ мундирѣ, придерживая шпагу)*.

[**Филиппъ Артемьевичъ**]. Имѣю честь представиться: смотритель уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ Землюника.

[**Хлестаковъ**]. А, сдѣлайте милость, садитесь. Я очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ: хорошій очень человѣкъ. Да, это прекрасная часть, и всѣ, которые тамъ служатъ, очень хвалятся: тамъ каждый столоначальникъ каждый годъ по три ордена получаетъ и кромѣ того отъ казны еще выдается ложа въ театрѣ, право! и сани — этакъ чтобы куда-нибудь ѣздить. Я прежде самъ очень много занимался просвѣщеніемъ и литературою, теперь какъ-то[2] надоѣло. Да, вѣдь теперь.... Я вспомнилъ, что я васъ видѣлъ, кажется, вчера.

[**Филиппъ Артемьевичъ**]. Такъ точно, когда изволили заѣзжать въ училище[3].

[**Хлестаковъ**]. Да, точно, я былъ въ училищѣ. Только вы, кажется, какъ будто немножко ниже были ростомъ — не правда ли?

[**Филиппъ Артемьевичъ**]. Очень можетъ быть, ваше ...ство[4].

[**Хлестаковъ**]. Училище... училище... Да ужъ не помню: кажется, тамъ все было хорошо. Въ Петербургѣ есть одно училище — самое главное. Директоръ его.... вотъ позабылъ фамилію.... тоже мнѣ большой пріятель. Мы съ нимъ вмѣстѣ волочились за одной хорошенькой.... Ну, натурально, кудажъ ему? — старикъ. Бывало всегда, какъ встрѣтитъ меня.... я иду ещѣ у Полицейскаго моста, онъ у Аничкина... подниметъ бывало палецъ и кричитъ: „Злодѣй! счастливецъ! каналья!“ — Да, въ вечеру если пойдешь по Невскому проспекту, много встрѣтишь хорошенькихъ. *(Мгновенное молчаніе).*

[**Филиппъ Артемьевичъ**]. Не смѣя безпокоить (долѣе)[5] присутствіемъ, имѣю честь засвидѣтельствовать....

[**Хлестаковъ**]. А, прощайте, прощайте. *(Выпровожаетъ, потомъ подбѣгаетъ къ дверямъ и кричитъ:)* Послушайте! На минуточку! Какъ васъ?

Филиппъ Артемьевичъ *(входитъ)*[6]. Вы изволили кричать?[7]

[**Хлестаковъ**]. Да, я хотѣлъ съ вами поговорить еще насчетъ того... Сдѣлайте милость, дайте мнѣ взаймы рублей

полтораста денегъ. Я вамъ ихъ завтра или около этого времени возвращу.

[**Филиппъ Артемьевичъ**]. Извольте-съ.

[**Хлестаковъ**]. Очень благодарю васъ. *(Поспѣшно прячетъ).*

[ЯВЛЕНІЕ IV].

Тѣ же и Судья.

[**Судья**]. Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій совѣтникъ Припекаевъ.

[**Хлестаковъ**]. А! сдѣлайте милость, садитесь. Мнѣ очень хорошо знакомъ вашъ начальникъ. Что вы давно тутъ занимаете мѣсто?

[**Судья**]. Съ 816-го года: былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства, продолжалъ должность до сего времени.

[**Хлестаковъ**]. Это хорошо. Я тоже долго очень служу, особливо, когда есть товарищи. Что, вы получали награды?

[**Судья**]. За три трехлѣтія[1] получилъ Владиміра 4-й степени и одобреніе со стороны начальства.

[**Хлестаковъ**]. Да, это не дурно. А скажите, пожалуста: не можете ли вы дать мнѣ взаймы этакъ рублей... рублей сто?

[**Судья**]. Сейчасъ. *(Вынимаетъ поспѣшно бумажникъ).*

[**Хлестаковъ**]. Я такъ, знаете... У меня какъ-то не случилось... Я вамъ завтра пришлю. Очень благодарю. Что, какая сегодня погода?

[**Судья**]. Хорошая.

[**Хлестаковъ**]. Гм? Трала ла....

[**Судья**]. Не смѣя безпокоить моимъ присутствіемъ...[2], имѣю честь пребыть къ услугамъ.

[**Хлестаковъ**]. Прощайте. Покорнѣйше васъ благодарю за то, что посѣтили меня.

[ЯВЛЕНІЕ V.]

Тѣ же и Ляпкинъ-Тяпкинъ.

[**Ляпкинъ-Тяпкинъ**]. Имѣю честь представиться: попечитель богоугодныхъ заведеній, надворный совѣтникъ Ляпкинъ-Тяпкинъ. Имѣлъ честь вчера сопровождать и фриштикать въ богоугодномъ заведеніи...

[**Хлестаковъ**]. А да, какъ же! Вы очень хорошимъ завтракомъ угостили насъ...

[**Ляпкинъ-Тяпкинъ**]. Радъ стараться на службу отечеству.

[**Хлестаковъ**]. Да и вина были очень хороши. Я послѣ того ничего не могъ обѣдать. За обѣдомъ выпилъ только всего рюмки двѣ и ужъ не знаю что — такъ въ головѣ все поворотилось. Какъ ваша фамилія? Я все позабываю.

[**Ляпкинъ-Тяпкинъ**]. Надворный совѣтникъ — Ляпкинъ-Тяпкинъ.

[**Хлестаковъ**]. А да, Ляпкинъ-Тяпкинъ.... Что, скажите пожалуста, нѣтъ ли у васъ при себѣ денегъ?

[**Ляпкинъ-Тяпкинъ**]. А сколько угодно-съ?

[**Хлестаковъ**]. Рублей полтораста, а если есть[1], то двѣсти — это еще лучше.

[**Ляпкинъ-Тяпкинъ**]. Сейчасъ, съ большимъ удовольствіемъ. *(Даетъ)*. Я могу сказать, что должность свою такъ исполняю — ночей не сплю. И ужъ не такъ, какъ, напримѣръ, здѣшній почтмейстеръ, который только болтаетъ[2], или судья, который ѣздитъ за зайцами и завелъ въ судѣ цѣлую псарню: все беретъ съ просителей взятки борзыми собаками — щенками, и поведенія, если признаться предъ вами, — конечно, для пользы отечества я долженъ это сдѣлать, хоть онъ мнѣ и родня, и пріятель, — поведенья самаго развратнаго. Вотъ тутъ есть одинъ помѣщикъ Добчинскій, котораго вы изволили видѣть[3]; то какъ только этотъ Добчинскій уйдетъ, онъ ужъ тамъ сидитъ у жены его: вотъ присягнуть готовъ. И нарочно посмотрите на дѣтей: ни одно изъ нихъ на Добчинскаго не похоже; но всѣ, дѣвчонка маленькая[4], — всѣ какъ двѣ капли судья.

[**Хлестаковъ**]. Скажите, пожалуста! Это интересно. Я никакъ не думалъ[5].

[**Ляпкинъ-Тяпкинъ**]. Право! Это все такіе люди. Вотъ смотритель здѣшняго училища... *(Слышенъ голосъ Филиппа Артемьевича: „У себя полковникъ?“ — „У себя“)*.

Артемій Филипповичъ.[6] *(подымаясь и раскланиваясь)*. Я надѣюсь, что вы не оставите вѣрной службы моей, которой конечно[7] не похваливаюсь[8].

[**Хлестаковъ**]. А, прощайте! Прощайте! Очень радъ съ вами познакомиться.

[ЯВЛЕНІЕ VI].

Хлестаковъ и Растаковскій.

[Растаковскій]. Имѣю честь рекомендоваться: житель здѣшняго города, помѣщикъ, отставной маіоръ Растаковскій.

[Хлестаковъ]. А, прошу, покорнѣйше прошу садиться — сдѣлайте милость. Я очень радъ. Я очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ.

[Растаковскій]. А, такъ вы знали графа Задунайскаго?

[Хлестаковъ]. Какого Задунайскаго?

[Растаковскій]. Графа Румянцева-Задунайскаго, Петра Александровича: вѣдь это мой бывшій начальникъ.

[Хлестаковъ]. А, такъ вы служили уже давно!... Очень радъ, мнѣ очень пріятно.

[Растаковскій]. Находился во время осады подъ Силистріей въ 773-мъ. Очень жаркое было дѣло. Турокъ... какъ бы вамъ сказать?... вотъ такъ, какъ этотъ столъ[1] передъ нами. Я былъ тогда сержантомъ, а секундъ-маіоромъ въ нашемъ полку былъ — не изволите ли вы знать? — Гвоздевъ Петръ Васильевичъ.

[Хлестаковъ]. Гвоздевъ? Какой это?

[Растаковскій]. Петръ Васильевичъ: онъ былъ по высочайшему повелѣнію покойной императрицы переведенъ[2] послѣ въ драгуны.

[Хлестаковъ]. Нѣтъ, не знаю.

[Растаковскій]. Я и самъ такъ полагалъ, что не знаете, потому что уже больше тридцати лѣтъ будетъ, какъ онъ умеръ. Вотъ здѣсь недалеко, верстахъ въ 20, осталась его внучка, что̀ вышла за Ивана Васильевича[3] Рогатку... Но, прошу простить мнѣ, я отдалился немного отъ настоящаго предмета... Такъ, Турокъ стоялъ передъ нами вотъ такъ, какъ бы этотъ столъ — никакъ не дальше. А время было такое, какого я давно не помню: сумятица такая, снѣгъ не снѣгъ, а нехорошо[4] — вотъ совершенно, какъ во время двѣнадцатаго года. Въ нашемъ полку былъ тогда.....[5] похода тоже секундъ-маіоромъ Фухтель-Кнабе — нѣмецъ. Звали его, кажется, Сихфридъ Ивановичъ; но генералъ-аншефъ Кублицынъ[6] велѣлъ переименовать: „Ты“, говоритъ, „не Сихфридъ, а Супъ; будь ты Супомъ Ивановичемъ“. И съ той поры такъ и оста-

лось ему имя[1] — „Супъ Ивановичъ“. Такъ этотъ Супъ Ивановичъ и секундъ-маіоръ Гвоздевъ, о которомъ я упоминалъ уже, — видной мущина, русый волосъ, волотой эксельбантъ, ловко, каналья, танцовалъ польской: онъ прямо у генерала отобьетъ, бывало, пару, хлопнетъ... кричитъ и строгій... за нимъ волочились, — были посланы за фуражомъ. Къ нимъ былъ прикомандированъ я и еще квартермистръ тоже, если изволите знать, Трепакинъ Автономъ Павловичъ — тоже будетъ ужъ лѣтъ 20, какъ умеръ... И какъ только дѣвушки... *(смѣется)* хе, хе, хе... Палатки вездѣ стояли, и какъ только заглянешь къ нему въ палатку... хе, хе, хе... тамъ ужъ и сидитъ... И какъ только утро, деньщикъ выводитъ... какъ будто драгуна... ххе, хе... треугольная шляпа, на плечѣ и портупея виситъ... хе, хе, хе...

[Хлестаковъ]. Ахъ, я вспомнилъ.....[2]

Растаковскій *(продолжаетъ)*. А что такого? И такая была тогда слякоть въ ноябрѣ мѣсяцѣ.....

[Хлестаковъ]. Позвольте васъ на минуту...

[Растаковскій]. На мнѣ былъ тонкій камзолъ и еще.....[3]

[Хлестаковъ]. Позвольте васъ на минуточку... Я долженъ объявить вамъ.....[4] одно, очень важное.

[Растаковскій]. А что такое?

[Хлестаковъ]. Сдѣлайте милость, займите мнѣ триста рублей денегъ.

[Растаковскій]. А вамъ развѣ нужны деньги?

[Хлестаковъ]. Да, вотъ только этакъ на десять минутъ. Я завтра вамъ отдамъ.

[Растаковскій]. Позвольте, я посмотрю, сколько мнѣ казначей выдалъ — если.....[5] Это пенсіонъ мой. И такъ всегда водятъ: мѣсяца по три не выдаютъ! Да вотъ теперь, благодаря вашему пріѣзду, вдругъ выдали. Вотъ извольте триста рублей.

[Хлестаковъ]. Покорнѣйше благодарю.

[Растаковскій]. Я къ вамъ нарочно пришелъ съ убѣдительною просьбою.

[Хлестаковъ]. А что? О чемъ?

[Растаковскій]. Да вотъ должно бы по пенсіоннымъ постановленіямъ прибавочнаго пенсіону мнѣ получить, такъ я бы просилъ, чтобы замолвили вы министру.

[Хлестаковъ]. А извольте, извольте!

[Растаковскій]. Я и самъ подавалъ просьбу, можетъ, только не туда, куда слѣдуетъ.

[Хлестаковъ]. А когда вы подавали?

[Растаковскій]. Я подавалъ въ 1801-мъ; да вотъ ужъ тридцать лѣтъ, какъ никакой резолюціи. Я послалъ черезъ Сосулькина Ивана Петровича, который ѣхалъ тогда въ Петербургъ, да онъ-то не слишкомъ[1] надежный человѣкъ: выпить любитъ; такъ, можетъ, онъ просьбу совсѣмъ не туда отнесъ, куда нужно. А оно-то уже немного и ждать остается: тридцать лѣтъ прошло, то теперь уже, вѣрно, скоро.

[Хлестаковъ]. Да, конечно... разумѣется... Будьте спокойны: я самъ тамъ все это прикажу разыскать.

[ЯВЛЕНІЕ VII-е].

Тѣ же и Погоняевъ.

[Погоняевъ]. Имѣю честь представиться: житель здѣшняго города, помѣщикъ Погоняевъ.

[Хлестаковъ]. А, прошу покорнѣйше садиться. Очень радъ.

Растаковскій *(встаетъ и раскланивается)*. Позвольте благодарить за милостивое вниманіе и не забудьте моей просьбы.

[Хлестаковъ]. А, прощайте! Я объ васъ буду докладывать. *(Провожаетъ его)*.

(Погоняевъ встаетъ со стула).

Хлестаковъ *(садится)*. Садитесь. *(Молчаніе)*.

[Хлестаковъ]. Что вы здѣсь и живете?

[Погоняевъ]. Такъ точно-съ.

[Хлестаковъ]. Гм!... Скажите, пожалуста: какъ же вы? У васъ и дѣтки есть?

[Погоняевъ]. Есть: двое уже учатся, а прочія живутъ еще при мнѣ дома.

[Хлестаковъ]. И что жъ? Какъ они? Здоровы?

[Погоняевъ]. Да слава Богу! Меньшой только немножко прихворнулъ.

[Хлестаковъ]. Прихворнулъ! скажите, пожалуста.

[Погоняевъ]. Да, выше пупка сдѣлался чирей.

[Хлестаковъ]. Ахъ, какъ это непріятно! И что жъ однакожъ?

[Погоняевъ]. Ну, это.....[2]

[Хлестаковъ]. А сколько у васъ всѣхъ дѣтокъ?

[Погоняевъ]. Всѣхъ пять: Николай, Иванъ, Яковъ, Марья и Перепетуя.

[Хлестаковъ]. Это хорошо, хорошо! Пожалуста, одолжите мнѣ пятьсотъ рублей.

[Погоняевъ]. Извольте-съ.

[ЯВЛЕНІЕ VIII-е].

[Хлестаковъ и Люлюковъ].

[Люлюковъ]. Имѣю честь рекомендоваться[1]: помѣщикъ Люлюковъ, штабсъ-капитанъ.

[Хлестаковъ]. А, мнѣ очень пріятно... Пожалуста, дайте мнѣ взаймы четыреста рублей.

[Люлюковъ]. Извольте, съ большимъ удовольствіемъ... Вотъ я сейчасъ. *(Отсчитываетъ).*

[Хлестаковъ]. Такъ здѣсь ровно четыреста?

[Люлюковъ]. Четыреста.

[Хлестаковъ]. Это хорошо, что четыреста.

[Люлюковъ]. Я осмѣливаюсь васъ безпокоить моею просьбою.

[Хлестаковъ]. А что такое?

[Люлюковъ]. Я хочу ставить подрядъ въ казенные магазины овсомъ, по 9 рублей четверть. Оно немножко выше противъ прежнихъ цѣнъ, но за то овесъ сравнительно, безъ всякой мѣры къ прежнему, очень хорошъ.

[Хлестаковъ]. Я радъ объ этомъ стараться съ своей стороны. Вѣдь это нужно къ министру морскихъ силъ?

[Люлюковъ]. Нѣтъ, въ главный коммиссаріатъ.

[Хлестаковъ]. Да, или въ коммиссаріатъ. Очень хорошо. Извольте, извольте! Я готовъ.

[Люлюковъ]. Въ благодарности моей не извольте сомнѣваться. *(Раскланивается).*

[Хлестаковъ]. Извольте, извольте! Я объ васъ скажу государю.

[ЯВЛЕНІЕ IX-е].

[Хлестаковъ, Бобчинскій и Добчинскій].

.....[1]

[Добчинскій]. Я объ одномъ очень важномъ для меня обстоятельствѣ осмѣливаюсь просить васъ.

[Хлестаковъ]. Объ чемъ же?

[Добчинскій]. Дѣло оно очень тонкое и состоитъ вотъ въ чемъ: старшій сынъ мой рожденъ мною еще до брака.

[Хлестаковъ]. Да?

[Добчинскій]. То есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракѣ; все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ законными узами супружества[2]. Такъ я хочу теперь, чтобы онъ былъ совершенно законный мой сынъ и также носилъ, какъ и я, названіе Добчинскимъ. Теперь это запретили, я знаю; да больше потому, что все люди маленькіе просятъ объ этомъ. А если человѣкъ большой, вотъ такъ какъ вы, то оно сейчасъ все это сдѣлается.

[Хлестаковъ]. А, хорошо; я объ этомъ буду говорить. *(Бобчинскому)*. Что, не имѣете ли и вы чего-нибудь сказать?

[Бобчинскій]. Я прошу покорнѣйше: какъ поѣдете въ Петербургъ, такъ скажите всѣмъ вельможамъ разнымъ, что вотъ живетъ въ городѣ такомъ-то Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите, что „живетъ Петръ Бобчинскій“...

[Хлестаковъ]. Очень хорошо.

[Бобчинскій]. Да если этакъ и государю придется, такъ скажите, что „живетъ Петръ Бобчинскій“.

[Хлестаковъ]. Очень хорошо.

[Добчинскій и Бобчинскій]. Мы не смѣемъ долго...[3] своимъ присутствіемъ.[4]

.....

[Добчинскій]. Ахъ, извините, такой суммы, ей Богу, нѣтъ! Оно есть, да въ.....[5] А вотъ нѣтъ ли у васъ, Петръ Ивановичъ?

[Бобчинскій]. Нѣтъ.

[Хлестаковъ]. Ну, дайте въ такомъ случаѣ сто рублей.

[Бобчинскій]. У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ли? У меня только 60 рублей.

[Добчинскій]. У меня 20 рублей.

[Хлестаковъ]. Хорошо, будетъ и этого; дайте ихъ сюда. .....[1]

[Добчинскій]. Я бы и не безпокоилъ васъ, да жаль: очень такой мальчишка.... большія надежды подаетъ: наизусть стихи разные говоритъ и эдакъ, если ему дать ножикъ, то сдѣлаетъ маленькія дрожечки такъ искусно, какъ лучшій штукарь[2]. Вотъ и Петръ Ивановичъ знаетъ....

[ЯВЛЕНІЕ X-е].

[Хлестаковъ, *одинъ*].

[Хлестаковъ]. Это однакожъ удивительно: не успѣешь заикнуться о деньгахъ, сейчасъ и вынимаютъ бумажники! Право, пречудный городъ! Въ Петербургѣ совсѣмъ этого нѣтъ. Тамъ Ручъ тебѣ ни за что въ долгъ не сошьетъ фрака, а здѣсь даютъ, сколько ни назначаютъ.[3] Право, удивительно! Отчего это такъ? Вѣдь эко въ самомъ[4] дѣлѣ какіе дураки! Какъ теперь у меня около двухъ тысячъ рублей — прямо какъ будто бы съ неба упали![5] Ей Богу! Нарочно напишу объ этомъ къ Притишкину[6]; онъ тамъ что-то пописываетъ по словесности, какія-то статейки и въ журналы помѣщаетъ. Напишу ему все это: пусть онъ ихъ обкритикуетъ, когда бъ только, с...нъ сынъ, меня не задѣлъ! А то онъ такой, что для краснаго словца не пожалѣетъ и роднаго отца. Право! Эй, Осипъ! подай мнѣ бумагу и чернила.

[Осипъ]. Сейчасъ. *(Приноситъ бумагу и чернила).*

[Хлестаковъ]. Ну, вотъ, дуракъ, ты ворчалъ тамъ; теперь денегъ станетъ доѣхать хоть опять въ Петербургъ. Видишь, дуракъ: ты не знаешь, кто я такой, а у меня какъ принимаютъ!

[Осипъ]. Да, слава Богу, пріемъ хорошій.

[Хлестаковъ] *(пишетъ)*. Нужно объ себѣ этакъ поосторожнѣе, а то онъ, хоть и другъ, а такъ оббрѣетъ, что и непріятель иной не найдется[5]. Послушай, Осипъ: ты вотъ, какъ напишу я письмо, отнесешь его сейчасъ на почту, да возьми подорожную и потребуй лошадей самыхъ лучшихъ; а ямщикамъ скажи, что я имъ теперь буду по полтиннику каждому

давать на водку, да чтобы лихо ѣхали — такъ, какъ фельдъегеря скачутъ. *(Пишетъ).* „Почтмейстеръ и .....Ляпкинъ-Тяпкинъ и какой-то училищный директоръ Земляника“... Подай свѣчу сургучъ! *(Пишетъ. Запечатываетъ).*

[Осипъ]. Я, сударь, отправлю черезъ человѣка, а самъ тѣмъ временемъ дѣло имѣю.

[Хлестаковъ]. Хорошо, отдай и черезъ человѣка.

Осипъ *(выходя).* Эй! послушай, братъ! Отнеси вотъ это письмо. Скажи почтмейстеру, чтобы онъ принялъ письмо.....[1] безъ денегъ. Такъ скажи, что это, молъ, отъ того полковника, что у городничаго стоитъ. Да скажи, чтобы сейчасъ привели барину самую лучшую тройку, курьерскую; а „прогону“, скажи, „баринъ не плотитъ“; скажи: „казенный прогонъ“. „Чтобы живо, молъ, было, а то баринъ сердится, какъ что нескоро дѣлается“. *(Хлестакову).* Сказалъ; мальчишка побѣжалъ.

[Хлестаковъ]. Хорошо! *(Пускаетъ дымъ изъ трубки).*

За сценой голосъ квартальнаго Держиморды: Куда лѣзешь, борода? Говорятъ тебѣ: не велѣно никого пускать.

Голосъ купцовъ. Допустите, батюшка! Допустите! Вы не можете не допустить: мы за дѣломъ пришли.

[Голосъ Держиморды]. Говорятъ вамъ: нельзя. Подите, подите! Не принимаетъ, никого не принимаетъ: спитъ.

[Голосъ купцовъ]. Да мы ужъ слышали[2] это, батюшка, со вчерашнаго дни, да дѣло-то такой важности, что намъ нужно видѣть его милость.

[Голосъ Держиморды]. Ну, чего жъ ты, брюхатый дуракъ, лѣзешь? Хочешь, чтобы тебѣ поставилъ тумака въ затылокъ?

[Голосъ купца]. Нѣтъ, не бранись, братъ: и я тебя такъ ругну, что выплюнешь. Ишь ты, кварташка длиннохвостый! Я те не посмотрю, что у тебя портупея.

[Голосъ Держиморды]. Ну, пошелъ, пошелъ! говорятъ тебѣ.

[Голосъ купца]. Пошелъ ты самъ, коровій пометъ! Ребята, не отставай! *(Стукъ въ калитку).*

[Хлестаковъ]. Что тамъ такое? Посмотри, Осипъ.

[Осипъ]. Купцы какіе-то хотятъ войти, да не пускаетъ квартальный. Машутъ бумагами... Вѣрно, васъ хотятъ видѣть.

Хлестаковъ *(подходя къ окну).* А что вы, любезные?

[Голосъ купцовъ]. Къ твоей милости прибѣгаемъ. Прикажи, государь, просьбу принять.

Хлестаковъ. Пустите ихъ! Пустите: пусть идутъ. *(Принимаетъ изъ окна просьбы. Читаетъ:)* „Его высокоблагородному сіятельству, Обліотельству[1], Господину Финансову, государю и кавалеру отъ купца[2] Арбахузина“. Чортъ знаетъ что! Этакого и чина совсѣмъ нѣтъ. Какое длинное прошеніе! Не хочется читать.

ЯВЛЕНІЕ XI-е.

Хлестаковъ и купцы.

[**Хлестаковъ**]. А что вы, любезные?

[**Купцы**]. Челомъ бьемъ вашей милости...

[**Хлестаковъ**]. А что вамъ нужно?

[**Купцы**]. Не погуби, государь! Обижательство терпимъ совсѣмъ понапрасну.

[**Хлестаковъ**]. А отъ кого?

[**Купцы**]. Да все отъ городничаго здѣшняго. Такого городничаго, государь, еще никогда не было. Такія обиды чинитъ, что описать нельзя. Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай. И не только насчетъ того, что ему, то есть, долженъ принесть, а сверхъ того самъ еще беретъ все, что̀ ни вздумается, и такъ поступаетъ, что и разсказать страшно[3]. За бороды таскаетъ. „А, ты татаринъ!“ говоритъ. Ей Богу! И ужъ на что больше? — порядокъ всегда исполняемъ — все, что слѣдуетъ: его милости на пару платья подаритъ каждый купецъ-отъ, — ужъ это дѣло извѣстное, — и супружницѣ его и дочкѣ. Ужъ мы ничего противъ... Это дѣло ужъ извѣстное. Ну, почему жъ не поднесть? Нѣтъ, вишь ты, ему все это мало. Ей Богу! Придетъ въ лавку и беретъ[3] все, что ни попадетъ: „А, милый! это суконцо добротное, снеси-ка его ко мнѣ“.....[4] всю штуку; а въ штукѣ-то будетъ сто аршинъ. Ей Богу!

[**Хлестаковъ**]. Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!

[**Купцы**]. Вотъ еще[5], давно не запомнятъ такого городничаго. Право! Такъ и прячешь все въ лавкѣ, когда его завидишь. Всякую дрянь беретъ: черносливъ такой, что ужъ лѣтъ 10 лежитъ въ бочкѣ, что у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, онъ такъ цѣлую горсть и запуститъ. Такой характеръ.....[6] Именины его бываютъ на Антона, и ужъ, кажется, всего

нанесешь, ни въ чемъ не нуждается. Нѣтъ! Ему все еще подавай. Кромѣ Антона, говоритъ, и на Онуфрія его именины, ей Богу! И на Онуфрія несешь подарки.

[Хлестаковъ]. Да это просто разбойникъ!

[Купцы]. Ей Богу! А попробуй — не послушай[1], такъ и мѣста не найдешь: къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой назначитъ. Позоветъ къ себѣ, да и двери велитъ тебѣ запереть. „Я тебя“, говоритъ, „не буду“, говоритъ, „бить или пыткой пытать, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки“. Да пристукнетъ ногой: „Нѣтъ, ѣшь!“ говоритъ. Да послѣ, какъ дня два, заперши, не дастъ пить, то это, я вамъ доложу, такое средство, что сейчасъ согласишься на что ни захочетъ. Ей Богу!

[Хлестаковъ]. Ай, ай, ай! Какой мошенникъ! Да за это просто въ Сибирь его!...

[Купцы]. Да ужъ куды милость твоя ни запровадитъ, все будетъ хорошо, лишь бы его, то есть, отъ насъ подальше. Не побрезгай, отецъ нашъ, хлѣбомъ и солью: кланяемся тебѣ сахарцомъ и вина кулемъ[2].

[Хлестаковъ]. Нѣтъ! нѣтъ! Вы этого не думайте: я не беру совсѣмъ никакихъ взятокъ[3]. А вотъ есть ли у васъ взаймы мнѣ тысячи полторы денегъ, то я, пожалуй, возьму.

[Купцы]. Изволь, отецъ нашъ; не оставь только просьбы нашей. Если ты не поможешь въ напасти нашей... *(Подносятъ ему на серебряномъ подносѣ деньги)*. Ужъ, пожалуста, съ подносикомъ вмѣстѣ.

[Хлестаковъ]. А, хорошо; пожалуй, я возьму съ подносикомъ.

[Купцы]. Такъ ужъ возьмите, за однимъ разомъ, сахару.

[Хлестаковъ]. О, нѣтъ! нѣтъ! Я взятокъ никакъ...[4]

Осипъ. Ваше высокоблагородіе! зачѣмъ вы не берете? Возьмите: въ дорогу все сход...[5]. Давай сюда головы и кулекъ подавай! Все пойдетъ въ прокъ. Что тамъ? веревочка? Давай и веревочку — и веревочка въ дорогѣ пригодится: телѣжка обломается или что-нибудь тамъ выпадетъ, подвязать можно.

[Купцы]. Такъ ужъ сдѣлайте милость, ваше сіятельство, не откажите-съ въ просьбѣ.

[Хлестаковъ]. О, будьте увѣрены; я ужъ объ этомъ не-

премѣнно... *(Купцы идутъ. Въ дверяхъ слышенъ крикъ женскій:* Нѣтъ, ты не смѣешь не допустить меня: я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся такъ больно!)

[Хлестаковъ]. Кто тамъ? *(Женщина подходитъ къ окну).* А что ты, матушка?

[Унтеръ-офицерская жена]. Милости твоей, отецъ мой, прошу. Повели, государь, выслушать.

[Хлестаковъ]. Пропустите ее.

[ЯВЛЕНІЕ XII-е].

[Хлестаковъ и Унтеръ-офицерская жена.]

[Хлестаковъ]. А что скажешь, матушка?

[Унтеръ-офицерская жена] *(валится въ ноги).* Помилуй, государь, окажи такую милость! Милости твоей прошу, государь!

[Хлестаковъ]. Ну, вставай! Ну, вставай! Разсказывай: что такое? Ты сама-то кто?

[Унтеръ-офицерская жена]. Мѣщанка здѣшняго города, унтеръ-офицерская жена Макрина Иванова.

[Хлестаковъ]. Ну, что же скажешь?

[Унтеръ-офицерская жена]. Обиду, отецъ мой, учинили, — большую обиду.

[Хлестаковъ]. Кто жъ такой?

[Унтеръ-офицерская жена]. Да кто такой? Вѣстимо, городничій здѣшній. Кому ужъ больше другому?

[Хлестаковъ]. Ахъ, какой же плутъ этотъ городничій! Какую жъ обиду?

[Унтеръ-офицерская жена]. Высѣкъ, мой кормилецъ.

[Хлестаковъ]. Какъ? За что?

[Унтеръ-офицерская жена]. А Богъ его знаетъ, за что. Говоритъ, что будто бы для порядку, а оно-то совсѣмъ за другое дѣло, и я въ немъ ни душою, ни тѣломъ[1]. Тутъ было квартировалъ одинъ офицеръ, и женился на купеческой дочери — здѣшняго купца. Такъ городничій говоритъ: „Это ты, каналія, всему причиною. Если бъ“, говоритъ, „не ты, то онъ бы женился на моей дочери“. А ему, слышь ты, донесъ кто-то, что будто бы я была свахой и сосватала купе-

ческую дочь[1]. А я вовсе, родимой, и заикать не заикалась; да совсѣмъ и не знала, что его милости нуженъ женихъ. И какъ приказалъ онъ, кормилецъ мой, взять меня десятскимъ, и такъ больно отрапортовалъ меня, что три недѣли сидѣть не могла. Ей Богу!

[Хлестаковъ]. Ахъ, какой мошенникъ! Да за это на каторгу.

[Унтеръ-офицерская жена]. Ей Богу! Если не вѣришь, кормилецъ, я тебѣ, пожалуй, и знаки покажу.

[Хлестаковъ]. Не нужно, не нужно, матушка! Я и безъ того вѣрю. Хорошо, я ему объ этомъ скажу; будь покойна. Ступай себѣ![2]

[ЯВЛЕНІЕ XIII-е].

[Хлестаковъ, Анна Андреевна и Марья Антоновна.]

[Анна Андреевна]. Не помѣшали ли мы вамъ?[3]

[Хлестаковъ]. Какъ можно, сударыня! Не только не помѣшали, даже.....[4]

[Анна Андреевна]. Вы были заняты, безъ сомнѣнія, важными дѣлами.

[Хлестаковъ]. Да, у меня дѣлъ бываетъ много, да такъ какъ-то скучно знаете. Со мной, какъ нарочно, нѣтъ секретаря, а у меня, вѣрите ли, сударыня, у меня и секретарь есть свой, да только остался въ Петербургѣ — титулярный совѣтничекъ. Право! И жалованье хорошее отъ меня получаетъ. Я бы даже ему больше далъ, но, знаете, оно... *(Вдругъ падаетъ на колѣни)*. Я къ вамъ, сударыня, такую чувствую любовь, какой еще и на свѣтѣ никогда еще не было.

[Анна Андреевна]. Ахъ, Боже мой! Какъ это можно! Вы стоите передъ нами на колѣняхъ.

[Хлестаковъ]. Да, сударыня, я къ вамъ чувствую большую[5] любовь — осчастливьте меня. Я буду самымъ, самымъ счастливѣйшимъ человѣкомъ.

[Анна Андреевна]. Ахъ Боже! Мнѣ право... Я не знаю, куда дѣваться. Какъ можно! Да позвольте узнать, къ кому больше относятся слова ваши: ко мнѣ или...

[Хлестаковъ]. Къ вамъ, вамъ, сударыня! Если вы не дадите мнѣ руки своей, то вы... не знаете, что я могу сдѣлать. Я застрѣлюсь! Ей Богу, застрѣлюсь! Я рѣшительный человѣкъ.

[Анна Андреевна]. Право, я не знаю, что̀ вамъ и сказать. Я нѣкоторымъ образомъ замужемъ, вѣдь у меня есть мужъ...

[Хлестаковъ]. Все равно. Если вы не дадите мнѣ руки вашей, то я не могу жить. Право! Вѣдь мнѣ жизнь копѣйка.

[Анна Андреевна]. Ахъ, Боже мой! какъ вы пугаете меня... Вѣдь я, право, замужемъ.

[Хлестаковъ] *(вставая и вытирая платкомъ колѣно)*. Ахъ, да! Вѣдь вы въ самомъ дѣлѣ замужемъ. Въ такомъ случаѣ, сударыня, я все таки[1].... Я такую чувствую любовь къ вашей любезной дочери. Марья Антоновна, я васъ такъ люблю съ той самой минуты, какъ васъ увидѣлъ, что, ей Богу, даже выразить нельзя! Осчастливьте меня вашею рукою. Анна Андреевна, сдѣлайте меня самымъ благополучнѣйшимъ человѣкомъ!...

[Анна Андреевна]. Ахъ, Боже мой! Я не смѣю и подумать о такомъ лестномъ для насъ союзѣ.[2]

[Хлестаковъ] *(обращается къ Маріи Антоновнѣ)*. Рѣшите: жизнь или смерть? Ей Богу, я рѣшительный человѣкъ: если не согласитесь, застрѣлюсь, сейчасъ застрѣлюсь!

[Анна Андреевна]. Ахъ, Боже мой! Какъ вы меня пугаете![3] Мы никакъ не можемъ и думать о такомъ счастьи. Какъ можно, чтобы мы, простые дворяне, могли удостоиться такой чести!.. У васъ есть богатыя, достойныя партіи... Вамъ нужна графиня или княжна...

[Хлестаковъ]. Все равно, сударыня, совершенно все равно; это все одно и то же. Я на это нимало не смотрю. Иная не графиня[4], а у ней все такое же, какъ у графини. А у васъ, Марья Антоновна, еще больше качествъ[5], нежели у графини.... Ей Богу, я не могу жить больше, если не согласитесь.

[Анна Андреевна]. Ахъ, Боже! Встаньте только поскорѣе![6] Я не могу никакъ видѣть, что вы при.....[7] вашихъ стоите на колѣняхъ. Я согласна: вотъ вамъ мое благословеніе[8]...

[Хлестаковъ]. Покорно благодарю васъ, маменька! *(Цѣлуетъ ей руку)*. Вы теперь меня совсѣмъ осчастливили.....

[Анна Андреевна]. Я только еще не знаю: нужно будетъ, я думаю, объ этомъ моему мужу сказать?

[Хлестаковъ]. Хорошо; скажите, скажите! Я, Марья Антоновна, теперь могу[1] назвать васъ своею. Пожалуйте мнѣ вашу

ручку. Маменька, я очень благодаренъ за Марью Антоновну. Марья Антоновна, я съ нетерпѣніемъ ожидаю, чтобы и батюшка вашъ изъявилъ согласіе, и чтобы скорѣе наша свадьба, чтобы совершенно[2] были въ моихъ объятіяхъ.... Маменька, Анна[3] Андреевна! Вѣдь я теперь могу Марью Антоновну цѣловать, какъ мнѣ угодно?

[ЯВЛЕНІЕ XIV-е].

[Тѣ же и Городничій].

Городничій *(вбѣгаетъ впопыхахъ и бросается на колѣни)*. Ваше превосходительство, не погубите! Не погубите! Не погубите!

[**Хлестаковъ**]. Что такое? Что съ вами?

Анна[3] **Андреевна** *(на ухо)*. Встань! Встань!

Городничій. Перем.....[4] гнѣвъ на милость! Отъ неопытности все произошло.

[**Хлестаковъ**]. Да что такое?

[**Городничій**]. Купцы жаловались вашему превосходительству — лгутъ они; ей Богу, лгутъ! На половину того не было, что они говорятъ. Они сами, разбойники, обманываютъ и обмѣриваютъ народъ. Я встрѣтилъ и унтеръ-офицерскую жену[5]: она, вѣрно, жаловалась вамъ, что я высѣкъ. Ей Богу, не сѣкъ! Ей Богу, не сѣкъ! Она сама себя высѣкла — вотъ какъ Богъ святъ! И перекрещусь.

[**Анна Андреевна**]. Да встань!

[**Хлестаковъ**]. Объ этомъ не безпокойтесь. Встаньте! Я ничему не вѣрю.

[**Городничій**] *(встаетъ)*. Не вѣрьте! Ей Богу, не вѣрьте! Это такіе лгуны — имъ уже вотъ этакой ребенокъ не вѣритъ. Право! Что ни слово, то и совретъ. Они ужъ и по всему городу извѣстны за лгуновъ.... А мошенниковъ такихъ еще свѣтъ не производилъ.

[**Хлестаковъ**]. Да, я знаю, что они плуты. Вы объ этомъ не думайте[6].

[**Анна Андреевна**]. Знаешь ли, какой чести удостоиваетъ насъ знатный гость нашъ?

[Городничій]. Какой чести? Ужъ нѣтъ бо́льшей чести, какъ то, что изволили милостиво простить и не повѣрить плутамъ.

[Анна Андреевна]. Ты себѣ и думать, и представить не можешь, и во снѣ тебѣ ничего подобнаго никогда не снилось!

Городничій. Что это? Ужъ не награжденіе ли?! О Боже! подкрѣпи меня къ перенесенію знаковъ милости начальства! Не смѣю и подумать о какой-нибудь мздѣ труда на пользу отечества.

[Анна Андреевна] *(смотря на Ивана Александровича и Марью Антоновну)*. Гость нашъ такую дѣлаетъ честь — однимъ словомъ, онъ предлагаетъ руку свою нашей Машенькѣ и хочетъ на ней жениться.

[Городничій]. Что, что ты, жена, бѣлены объѣлась? Ваше превосходительство! не сердитесь: она еще съ-измала была съ придурью.

[Хлестаковъ]. Нѣтъ, ваша супруга говоритъ правду: я въ самомъ дѣлѣ хочу жениться на Марьѣ Антоновнѣ; и если вы не согласитесь, то я могу сейчасъ сойти съ ума, потому что я очень влюбленъ.

[Городничій]. Что вы? Вотъ тебѣ на! Я не знаю, жена, у меня какъ будто въ головѣ что-то стало ворочаться. Право, все вотъ двигается передъ глазами.

[Анна Андреевна]. Чему жъ ты не вѣришь? Ну, произноси свое согласіе, произноси!

[Городничій]. Ей Богу, я сталъ совсѣмъ дуракъ, такъ что и самъ не знаю, что со мною дѣлается. Да не изволите ли вы шутить?

[Хлестаковъ]. Помилуйте! Какъ можно!

Анна Андреевна. Кто жъ станетъ шутить этимъ?

[Городничій]. Если такъ, то да будетъ воля божія! Такъ, видно, самъ Богъ захотѣлъ наградить меня, недостойнаго раба! Анна Андреевна, эко привалило счастье! Чортъ побери! хе хе хе....

Анна Андреевна. Чш!

[Хлестаковъ]. Ну, любезнѣйшій мой тесть, благословите же меня. Итакъ, вы тоже согласны?

[Городничій]. Давайте ваши руки. Вивать! Растаканье[2], канальство.

[ЯВЛЕНІЕ XV-е].

Тѣ же и Осипъ.

[**Осипъ**]. Лошади готовы.

[**Хлестаковъ**]. А, хорошо, хорошо! Я сейчасъ.

[**Городничій**]. А что это? вы ѣдете?

[**Хлестаковъ**]. Да, ѣду.

[**Городничій**]. Какъ же? А насчетъ[1] свадьбы?

[**Хлестаковъ**]. Да только вѣдь на одинъ день къ дядѣ моему: тутъ онъ недалеко живетъ. Богатый человѣкъ, знаете, глупый — старику дать знать. Завтра я и буду назадъ.

[**Городничій**]. Не смѣемъ никакъ удерживать. Только не загоститесь.

[**Хлестаковъ**]. О, нѣтъ! Я вѣдь человѣкъ очень акуратный. Я, Марія Антоновна, съ вами на минутку теперь разстаюсь; а потомъ мы будемъ съ вами такъ близко другъ отъ друга, какъ и выразить трудно. Прощайте, душенька! Прощайте! *(Цѣлуетъ руки).*

[**Городничій**]. Да не нужно ли вамъ на дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться въ деньгахъ....

[**Хлестаковъ**]. Нѣтъ... а впрочемъ не худо....

[**Городничій**]. Сколько угодно вамъ?

[**Хлестаковъ**]. Да вотъ вы тогда, кажется, дали мнѣ четыреста, такъ, пожалуй, и теперь столько же, чтобъ уже ровно восемьсотъ.

[**Городничій**]. Вотъ я сію минуту. *(Вынимаетъ).* Еще, какъ нарочно, и новенькими бумажками.

[**Хлестаковъ**]. А да, это хорошо: вѣдь это, говорятъ, новое счастье, какъ новенькими бумажками.

[**Городничій**]. Да.

[**Хлестаковъ**]. Ну, такъ прощайте, любезный будущій тестюшка! Прощайте, маменька! Прощайте, душенька моя! *(Уходитъ вмѣстѣ съ Городничимъ и Марьею Антоновною).*

За сценой.

[**Голосъ Хлестакова**]. Прощайте, красоточка моя, Марья Антоновна!

[**Голосъ Городничаго**]. Какъ же это вы — прямо на перекладной и ѣдете?

[Голосъ Хлестакова]. Да, знаете, я привыкъ ужъ! Да притомъ такой[1] экипажъ ломается, да и отъ ресоръ голова болитъ.

[Голосъ Городничаго]. Такъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь застлать, хоть бы коврикомъ. Не прикажете ли, я прикажу подать коврикъ?

[Голосъ Хлестакова]. Нѣтъ, зачѣмъ? Это — пустое. А впрочемъ, пожалуй, пусть даютъ коврикъ.

[Голосъ Городничаго]. Эй, Аксинія! Ступай въ кладовую, возьми коверъ самый лучшій, — что по голубому полю, персидской. — Такъ когда же прикажете ожидать васъ?

[Голосъ Хлестакова]. Завтра или послѣ завтра непремѣнно.

[Голосъ Осипа]. А, это коверъ. Давай его сюда, клади вотъ такъ! Теперь сюда давай сѣна.

Голосъ ямщика. Тпру.... трр!...

[Голосъ Осипа]. Вотъ съ этой стороны!... Теперь съ этой!... Хорошо... Важно будетъ. *(Бьетъ рукою по ковру)*. Теперь садитесь, ваше благородіе!

[Голосъ Хлестакова]. Прощайте, будущій тестюшко! Прощайте, моя прелесть!

[Голосъ Марьи Антоновны]. Прощайте, Александръ Ивановичъ!

[Голосъ Хлестакова]. Прощайте, маменька!

[Голосъ ямщика]. Эй вы, разбойники! *(Колокольчикъ: Телень тлень, телень тлень)*.

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ 5-е.

[ЯВЛЕНІЕ I-е.]

Городничій, Марья Антоновна и Анна Андреевна.

[**Городничій**]. Что, Анна Андреевна? А? Думала ли ты что-нибудь объ этомъ? Этакой призъ богатый, канальство!... Каково благословенье божіе? А? Ну, признайся откровенно: тебѣ и во снѣ не снилось это? Какая-нибудь просто городничиха — и вдругъ... фу ты, канальство!... съ какимъ дьяволомъ породнилась!

[**Анна Андреевна**]. Совсѣмъ нѣтъ; я давно это знала. Это тебѣ все въ диковинку, потому что простой человѣкъ, никогда не видѣлъ порядочныхъ людей.

[**Городничій**]. Да я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Ужъ тебя лучше никто не удовлетворитъ [1]. Эка, канальство, какія мы теперь съ тобою птицы сдѣлались! А, Марья Андреевна? Большаго полета, канальство! Эй, кто тамъ? Зови, дуракъ, сюда квартальнаго. А, вотъ и онъ! Купцовъ сюда, братъ, купцовъ подавай! Вотъ я ихъ каналій! Такъ жаловаться на меня? Жаловаться! Вишь ты, Іудово племя проклятое! [2] Зови ихъ сюда. Вотъ я имъ теперь дамъ знать! Аршинники, [3] самоварники, бородачи проклятые! Объяви тамъ всѣмъ, всѣмъ, чтобы всѣ знали, что вотъ дискать какую честь Богъ послалъ городничему, что не то, чтобы за какого-нибудь выдаетъ [4] дочку свою, а за такого чиновника, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ и въ тюрьму посадить и все, что хочетъ. Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали! Кричи во весь народъ! Валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужъ когда торжество, такъ торжество! *(Квартальный уходитъ).* Такъ вотъ какъ, Анна [5] Андреевна! А? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить: здѣсь или въ Петербургѣ?

[**Анна Андреевна**]. Натурально, въ Петербургѣ... Какъ можно тутъ оставаться!

[Городничій]. Ну, въ Петербургѣ, такъ въ Петербургѣ. Оно бы хорошо и тутъ. Что вѣдь, я думаю, ужъ городничество тогда къ чорту? А, Анна[1] Андреевна?

[Анна Андреевна]. Натурально; что за городничество!

[Городничій]. Вѣдь оно можно большой чинъ зашибить тогда, Анна Андреевна? Вѣдь онъ за панибрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ, такъ поэтому можетъ такое производство сдѣлать, что со временемъ и въ генералы влѣзешь. А? Какъ ты думаешь, Анна Андреевна, можно влѣзть въ генералы?

[Анна Андреевна]. Еще бы! Конечно, можно.

[Городничій]. А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше[2], Анна Андреевна, красную или голубую?

[Анна Андреевна]. Ужъ, конечно, голубую лучше.

[Городничій]. Вишь, чего захотѣла! Хорошо и красную[3]: и до красной далеко. Вѣдь только однимъ генераломъ быть, а тамъ ужъ все другое-то уже[4] ничего. Эхъ, канальство! Поѣдешь куда-нибудь — тебѣ лошадей. А тамъ ужъ смотрители до твоего пріѣзда никому не даютъ; тамъ всѣ дожидаются: титулярные, капитаны и всѣ оберы, а ты себѣ и въ усъ не дуешь: обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ... ... ...[5] стоятъ голубчики на станціяхъ. Стой, титулярные совѣтники! хе, хе, хе! Вотъ что, канальство, вотъ что хорошо, заманчиво!

Городничиха. Тебѣ все такое грубое нравится. Ты подумай о себѣ, — о томъ, что ужъ жизнь нужно тебѣ совсѣмъ перемѣнить, что твои уже знакомые будутъ не то, что какой-нибудь судья собачникъ, съ которымъ ты ѣздишь иногда травить зайцевъ, или Ляпкинъ-Тяпкинъ: тамъ твои знакомые будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ — все или графы, или другіе свѣтскіе люди. Только я страшно боюсь за тебя: ты тамъ вдругъ влѣпишь такое словцо, какое только въ кучерской услышишь.

[Городничій]. Что жъ? Вѣдь слово не повредитъ.

[Анна Андреевна]. Да, хорошо, когда ты былъ городничимъ[6], а тамъ вѣдь жизнь совершенно другая.

[Городничій]. Да, тамъ, говорятъ, есть рябушка и корюшка, — такія рыбки, что только слюнка потечетъ.

[Анна Андреевна]. Вотъ ему все рыбки! Я иначе никакъ

несогласна какъ, чтобы нашъ домъ былъ первый въ столицѣ. Я заранѣе восхищена, что ужъ не буду больше ѣздить въ нашей скверной тряской бричкѣ, въ которой ты любишь такъ кататься, а буду имѣть карету самую модную. Какъ хорошо ѣздить въ модной каретѣ! И нарочно прикажу сдѣлать ее малиновымъ цвѣтомъ: я очень люблю малиновый цвѣтъ.

[**Марья Антоновна**]. Ахъ, маменька! такъ лучше ужъ голубой, — такъ, какъ у той полковницы.

[**Анна Андреевна**]. Вотъ потому-то я и не хочу, что у полковницы: я не полковница; я на полковницъ и смотрѣть не хочу.

[ЯВЛЕНІЕ II-е].

[Тѣ же и купцы.][1]

[**Городничій**]. А, аршинники! самоварники проклятые! Что? Жаловаться? Жаловаться, протоканалiи? Жаловаться, козлы бородатые? Что взяли? Взяли, мошенники, барышники? Вотъ, думаютъ, такъ въ тюрьму его засадятъ. Знаете ли, — семь чертей[2] вамъ въ зубы....

[**Анна Андреевна**]. Ахъ, Боже мой, какія ты, Антоша, слова отпускаешь!

[**Городничій**]. А! не до словъ теперь.... Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? А? Теперь я васъ всѣхъ скручу такъ, что ни одного волоска въ вашихъ бородахъ не останется. Вы только обманываете народъ, мошенники! Еще и медали даютъ вамъ! Я бы вамъ канчуковъ вмѣсто медали! За что вы получаете медали? Вы сдѣлаете подрядъ съ казною, да на[3] сто тысячъ надуешь ее, поставивши гнилаго сукна, да потомъ пожертвуешь, каналья, 20 аршинъ: тебѣ и медаль даютъ; а если бы знали, такъ бы тебѣ петлю дали. Мошенники! А кто тебѣ доставилъ медаль? Я доставилъ. Еще и „почтенный“, и брюхо суетъ впередъ: онъ первой гильдіи купецъ — его не тронь. „Мы“, говоритъ, „и дворянамъ не уступимъ“. Да дворянинъ что? Дворянинъ учится наукамъ; его хоть и сѣкутъ въ школѣ, да за дѣло — чтобы онъ зналъ полезное. А ты что? Ты, мальчишкой, аршиномъ да плутнями начинаешь[5];

тебя бьетъ хозяинъ за то, что не умѣешь обманывать[1]. „Отче наша“ не знаешь, а ужъ обмѣриваешь. А потомъ, какъ раздметъ тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и „почтенный“. Да отчего ты почтенный? — Оттого, что 16 самоваровъ въ день выдуешь — такъ оттого и почтенный? Гм! Почтенный! Я бы тебя....

[Купцы]. Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ! Лукавый попуталъ.

[Городничій]. А, жаловаться! А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ[2] и написалъ дерева на 20 тысячъ тогда, когда его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода![3] Ты это и позабылъ. Я, показавши это[4], могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь. Что? А?

[Купцы]. Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ! Лукавый попуталъ. И закаемся впередъ жаловаться. Вотъ те Христосъ! Всякое удовлетвореніе, какое хошъ, готовы сдѣлать, не гнѣвись только!

[Городничій]. Не гнѣвись! Вотъ ты теперь валяешься[5] у ногъ, а отчего? Оттого, что мое взяло. А будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втоптalъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ, аршинникъ бородатый!

[Купцы]. Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

[Городничій]. Ну, вставайте, полно! Я не памятозлобенъ. Хотя бы васъ стоило поморить въ темной, а, да ужъ такъ и быть! Богъ васъ проститъ! Только смотрите: теперь ухо востро! Я теперь выдаю дочку не за какого-нибудь простаго дворянина[6] — чтобъ поздравленіе было приличное: это не то, что отбояриться какимъ-нибудь балычкомъ и головкою сахару. Понимаешь? Ну, ступайте съ Богомъ!

[ЯВЛЕНІЕ III-е].

[Тѣ же и Артемій Филипповичъ].

[Городничій]. А, здравствуйте, Артемій Филипповичъ!

[Артемій Филипповичъ]. Здравствуйте, почтенный Антонъ Антоновичъ, и вы, Анна Андреевна! Правда ли, что, говорятъ, на домъ вашъ снизошло благословеніе божіе, и что

именитый гость нашъ будто бы изволилъ, по заслугамъ вашимъ, обручиться на любезной дочери вашей Марьѣ Антоновнѣ?

[Городничій]. Да.

Анна Андреевна. Да, самъ предложилъ, даже изволилъ стать на[1] колѣни и просить руку.

[Артемій Филипповичъ]. Благодареніе Богу! Нѣтъ власти большей божіей. *(Обращая глаза къ небу.)* „Возвеличу мужа праведна и вознесу", сказалъ Богъ. *(Въ сторону.)* Эко привалило какое добро[2] этой бестіѣ! Вотъ не родись пригожъ, а родись счастливъ.

[Анна Андреевна]. И очень убивался, когда я вздумала было привесть резоны.

[Артемій Филипповичъ]. Скажите, какъ! Да, добродѣтель не остается безъ награды ни въ сей жизни, ни въ будущей. Какъ же, сударыня, вамъ понравился женихъ вашъ?

[Марья Антоновна]. Да, очень...

[Анна Андреевна]. О! она просто въ восторгѣ.

[Артемій Филипповичъ]. Конечно, какъ и не быть? Судьба высокая, назначеніе великое!

[ЯВЛЕНІЕ IV-е].

Тѣ же и Земляника.

[Земляника]. Антонъ Антоновичъ! вѣрить ли тому, о чемъ слухъ носится по городу[3], — что вамъ такое притекло благополучіе, какое рѣдко дается смертному: что будто именитый гость...

[Городничій]. Вѣрьте, вѣрьте: все справедливо. Знаменитый гость дѣйствительно предложилъ руку нашей дочери.

Анна Андреевна. Даже на колѣни становился и просилъ убѣдительнѣйшимъ образомъ; угрожалъ, что жизни лишится, если откажемъ ему въ просьбѣ.

[Земляника]. Такъ позвольте въ такомъ случаѣ поздравить и попросить васъ не оставить[4] своими милостями всегдашняго вашего покорнаго слугу: если что случится по службѣ или по какому-нибудь въ жизни случающемуся случаю, то не откажите въ вашемъ покровительствѣ.

[Городничій]. Да вотъ видите, очень много прибѣгаютъ съ просьбами; это все чрезвычайно утруждаетъ. Но впрочемъ по старой связи и прежней службѣ въ городѣ можно что-нибудь сдѣлать.

[ЯВЛЕНІЕ V-е].

Тѣ же и Судья.

[Судья]. Здравствуйте, Антонъ Антоновичъ! Здравствуйте, сударыня! Скажите, пожалуста: точно гость нашъ женится на Марьѣ Антоновнѣ?

[Городничій]. Да, сподобилъ Богъ.

[Судья]. Эка, чортъ возьми! Вѣдь кто бы могъ подумать объ этомъ! Поздравляю. Дай Богъ потомства вамъ большаго, хлѣба-соли хорошихъ урожаевъ! Теперь вы, Антонъ Антоновичъ, сдѣлаетесь такимъ важнымъ, что къ вамъ и подступу не будетъ.

[Городничій]. Да, зять важный, такъ и самому нужно быть важнымъ.

[Судья]. Я радъ; ей Богу, радъ. Это хорошо. Отъ души поздравляю васъ, Марья Антоновна, и желаю, чтобы на другой же годъ родили вы сынка, вотъ этакого *(показываетъ руками)*, никакъ не больше ладони, и такъ только будетъ кричать: ува, ува, ува!...

[ЯВЛЕНІЕ VI-е].

[Тѣ же и] Растаковскій съ женою.

[Растаковскій]. Антона[1] Антоновича и Анну[2] Андреевну имѣю честь поздравить съ божьимъ благословеніемъ. Дай Богъ, чтобы новый союзъ былъ въ надлежащемъ счастіи и благополучіи и чтобы молодые были долговѣчны, прожили бы многіе вѣки въ здравіи и благоденствіи! *(Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны, потомъ къ Марьѣ Антоновнѣ.)* Желаю вамъ, сударыня, всякаго счастья, богатства побольше, долговѣчной жизни, чтобы видѣли внуковъ и потомковъ вашихъ на службу отечеству, и чтобы внуки ваши всѣ были въ вѣрѣ

крѣпки и не слушались бы француза или другихъ якобинцевъ. Да ниспошлетъ Богъ вамъ благодать!

Жена [Растаковскаго]. Поздравляю васъ, Марья Антоновна! Дай Богъ вамъ и внуковъ дождаться!

[ЯВЛЕНІЕ VII-е].

[Тѣ же и] Мацапуръ съ женою.

[Мацапуръ]. Мое почтеніе Антону Антоновичу! Я поспѣшилъ скорѣе, чтобы поздравить васъ. Говорятъ, Богъ послалъ счастіе на весь домъ вашъ, что вы соединяетесь съ знаменитою фамиліею, — такою фамиліею, что еще никогда и на свѣтѣ не было. Говорятъ, что у жениха четыре однихъ золотыхъ кареты и что онъ какъ-то тамъ такая приближеннѣйшая особа. Я очень сожалѣю, что не имѣлъ чести представиться ему лично.

[Городничій]. Да, первый человѣкъ при дворѣ: онъ тамъ все завѣдываетъ и распоряжается.

Жена [Мацапура]. Скажите, какое счастье! Я такъ, право, обрадовалась. Говорятъ мнѣ: „Анна[1] Андреевна выдаетъ дочку“. — „Ахъ, Боже мой!“ думаю себѣ, и такъ обрадовалась, что говорю: „Послушай, Ясунъ Никифоровичъ, вотъ какое счастье Аннѣ Андреевнѣ! Ну, слава Богу!“

[ЯВЛЕНІЕ VIII-е].

[Тѣ же и] Погонявъ съ женою.

[Погонявъ]. Имѣю честь поздравить съ приключившимся благополучіемъ; *(подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны[2])* и васъ, сударыня; *(подходитъ къ ручкѣ Марьи Антоновны)* и васъ, сударыня.

[Жена Погонява]. Поздравляю васъ, Марья Антоновна[3], съ хорошенькимъ мужемъ, *(Аннѣ Андреевнѣ)*[4] и васъ также! *(Цѣлуется)*.

[ЯВЛЕНІЕ IX-е].

[Тѣ же и Люлюковъ].

Люлюковъ *(подходитъ прямо къ Аннѣ Андреевнѣ)*. Правда ли, Анна Андреевна? Вѣрить ли тому, что слышимъ? Вы выдаете Марью Антоновну за пріѣзжаго гостя?[1]

[**Анна Андреевна**]. Да. Самъ предложилъ, стоялъ на колѣняхъ и говорилъ, что на жизнь покусится, если не отдамъ.

[**Люлюковъ**]. Такъ пожалуйте вашу ручку; поздравляю васъ. Продлите и впредь вашу ласку. Да только вы не располагаете уже больше жить здѣсь?

[**Анна Андреевна**]. Мы сейчасъ переѣзжаемъ въ Петербургъ[2]; мужу моему тамъ откроется мѣсто, потому что нашъ будущій зять тамъ большой вѣсъ имѣетъ. Да и, признаюсь, что за жизнь тутъ? Съ кѣмъ жить здѣсь? съ медвѣдями?

[**Жена Погонялева**]. Слышите, Аграфена Ѳедоровна?

[**Гостья**]. Слышу, Анастасія Ивановна. Она всегда такая была: посади свинью за столъ, такъ она и ноги на столъ.

[ЯВЛЕНІЕ X-е.]

[Тѣ же,] **Бобчинскій и Добчинскій.**

Бобчинскій и Добчинскій *(кричатъ еще въ дверяхъ оба)*. Честь имѣемъ поздравить Антона Антоновича и Марью[3] Андреевну! Антона Антоновича и Марью[3] Андреевну!

[**Добчинскій**]. Мы какъ узнали объ этомъ съ Петромъ Ивановичемъ, то такъ спѣшили скорѣе поздравить, да около церкви[4] напали судейскія собаки, такія злыя, особенно черной кобель: у[5] Петра Ивановича откусалъ даже всю полу у сертука, и оттого мы забѣжали, чтобъ перемѣнить. Я и говорю еще Петру Ивановичу: „Вотъ увидите, Петръ Ивановичъ, если не успѣютъ другіе прежде нашего поздравить“. Ей Богу! Марья Антоновна, честь имѣю! Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! Теперь вы будете въ большомъ, большомъ счастьи: въ золотомъ платьѣ ходить и деликатные разные супы кушать и всякихъ много.... очень забавно будете проводить время.

[ЯВЛЕНІЕ XI-е].

Тѣ же и купцы.

[Купцы]. Поздравляемъ батюшку Антона Антоновича, матушку Анну Андреевну и дщерицу ихъ Марью Антоновну: тебя, батюшка Антонъ Антоновичъ, поздравляемъ сукномъ тонкимъ[1] и бархатомъ; а тебя, матушка, золотою парчею и шолкомъ, а ихъ милость кисеею. Прикажите принять поздравленіе!

[Городничій]. Хорошо, хорошо! Тамъ скажите Аксиньѣ: пусть приметъ. *[Купцы уходятъ.]*

[ЯВЛЕНІЕ XII-е].

Тѣ же, частный приставъ и квартальные.

[Частный приставъ]. Имѣемъ честь поздравить ваше благородіе и пожелать благоденствія и благополучія.

[Артемій Филипповичъ]. А что жъ, Антонъ Антоновичъ, гдѣ вельможа теперь? Я слышалъ, что онъ куда-то уѣхалъ на время.

[Городничій]. Да, онъ на одинъ день отправился по весьма важному дѣлу[2].

Анна Андреевна. Къ своему дядѣ, чтобы испросить позволенія....

[Городничій]. Чтобы испросить благословенія и повидаться.... *(Чихаетъ)*.

[Голоса][3]. Желаю здравствовать! Многія лѣта! Здравія желаемъ вашести! многихъ лѣтъ[4] счастья! Здравствуйте, Антонъ Антоновичъ!

[Городничій]. Да, съ тѣмъ, чтобы увидѣться, но завтра[5], можетъ быть, и назадъ... *(Чихаетъ)*.

[Голосъ Частнаго пристава][6]. Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

[Голосъ Бобчинскаго]. Сто лѣтъ и куль червонцевъ!

[Голосъ Судьи]. Здравствуйте, Антонъ Антоновичъ!

[Голосъ Добчинскаго]. Продли, Боже, на сто лѣтъ жизни!

[Голосъ Артемія Филипповича]. Чтобы ты пропалъ!

[Голосъ жены Погоняева][1]. Чтобы тебя взяли черти!

Анна Андреевна. Онъ такъ лестно отзывался о Машенькѣ: говорилъ, что „мнѣ все равно, что хоть она и не княжна, но у ней все такое[2], какъ и у княжны, какъ и у графини; и если", говоритъ мнѣ, „не отдадите мнѣ Машеньки, то мнѣ, говоритъ, жизнь копѣйка, и я уже нигдѣ счастья не[3] найду".

Жена Погоняева. Ну, скажите, пожалуста, Настасья Кузьминишна[4], скажите по совѣсти: кто же лучше — ея ли дочка или моя Дуничька?

Жена Мацапура. Натурально[5], ваша Дуничька лучше — и сравнить нельзя этой[6]: у этой лицо совершенно какъ бы веретено, ухватъ, которымъ...

Жена Растаковскаго. Я, Анна Андреевна, узнала теперь секретъ, какъ на нѣмецкій манеръ квасить капусту[7]: нужно прежде всего обложить бочку дубовыми листьями и потомъ взять соли...

Анна Андреевна. Признаюсь, Ан.....[8], я теперь такими подлыми дѣлами не намѣрена заниматься. Да и состояніе мое совсѣмъ не дозволяетъ[9] того. Я и никогда не занималась, и не любила, и не знала даже, о какой вы дряни тамъ говорите... Что это — капуста?[10] Я и не слышала никогда объ этомъ. Во-первыхъ, я намѣрена жить въ столицѣ, потому что я и рождена для того, а вовсе не для того, чтобы жить съ какими-нибудь медвѣдями. Вотъ и мужъ мой: онъ непремѣнно получитъ генеральскій чинъ.

[Городничій]. Да, признаюсь, господа: я, чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

[Артемій Филипповичъ]. И дай вамъ Богъ быть имъ! Тогда и насъ, Антонъ Антоновичъ, не забудьте[11].

[Судья]. Да, если по службѣ придется хлопотать, то не оставьте вашею помощью[12].

[Городничій]. Я готовъ, готовъ стараться; извольте, я готовъ.

[Анна Андреевна]. Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать...[13] Тамъ тебѣ будетъ столько дѣлъ, что и подумать некогда[14].

[Городничій]. Нѣтъ, душа моя, почему жъ? Иногда можно.

[Анна Андреевна]. Право, вѣдь этакой странный — будетъ спорить! Гдѣ же можно? Совсѣмъ не можно и не выберется просто времени.

[Городничій]. А мнѣ кажется, иногда...

[Анна Андреевна]. Да нѣтъ, говорю тебѣ, нельзя. Вѣдь экой въ самомъ дѣлѣ безтолковый!

[Городничій]. Ну, Богъ съ тобою! Я не буду больше спорить.

[ЯВЛЕНІЕ XIII-е].

[Тѣ же и Почтмейстеръ.]

[Почтмейстеръ]. Удивительное дѣло, господа!

[Нѣкоторые]. А что?

[Почтмейстеръ]. Богъ знаетъ, я и самъ не знаю, что[1] сказать вамъ, а всѣ мы такъ, какъ будто въ дуракахъ.

[Городничій]. Какъ въ дуракахъ? Вы позабываете, что и я тутъ сижу.

[Почтмейстеръ]. Да, и вы. Я, господа, признаюсь вамъ, по любопытству люблю иногда почитать иныя письма, которыя приходятъ ко мнѣ на почту. Къ тому же вотъ самъ Антонъ Антоновичъ просилъ меня не оставлять, не распечатавши, каждаго письма. Какъ вдругъ сегодня приносятъ ко мнѣ на почту письмо отъ этого чиновника, которому мы показывали[2] всѣ заведенія въ городѣ. Я, признаюсь вамъ, не утерпѣлъ; ей Богу, не утерпѣлъ: со страхомъ, съ большимъ страхомъ, а распечаталъ.

[Городничій]. Какъ же осмѣлились вы[3], милостивый государь, распечатать письмо такой уполномоченной особы?

[Почтмейстеръ]. Да онъ, Антонъ Антоновичъ, и не уполномоченный и не особа, а просто....[4]

[Городничій]. А что, просто?...[5]

[Почтмейстеръ]. Чортъ знаетъ! Ни се, ни то.

[Городничій]. Какъ вы смѣете это сказать? Знаете ли, что я велю васъ въ острогъ взять?

[Почтмейстеръ]. Кто? Вы?

[Городничій]. Да, я. *(Почтмейстеръ[6] двигается плечомъ, какъ будто пляшетъ и наигрываетъ)*[7]. Такъ знайте жъ, что этотъ самый чиновникъ женится на моей дочери и что я теперь самъ могу быть вельможей, что я васъ законопачу[8] въ Сибирь сейчасъ.

[Почтмейстеръ]. А вотъ этого не хотите? *(Показываетъ палецъ)*.

[Городничій]. Какъ вы смѣете мнѣ показывать палецъ? — Господа! протестую. Будьте всѣ свидѣтели: г. почтмейстеръ показалъ мнѣ при всѣхъ палецъ.

[Почтмейстеръ]. Господа! позвольте же и мнѣ прежде всего прочитать письмо вамъ. На пакетѣ написано: „Его Благородію Аркадію Ивановичу Тряпичкину“.[1] Признаюсь, это меня больше и понудило: если бъ еще къ какой-нибудь важной особѣ, то, признаюсь, можетъ быть, я бы и устрашился; но какъ увидѣлъ, что къ благородію, то такъ сильно полюбопытствовалъ, о чемъ такая важная особа пишетъ къ простому благородію, что никакъ не могъ удержаться не распечатать[2]. — „Здравствуй, душа моя Тряпичкинъ! Спѣшу исполнить мое обѣщаніе писать къ тебѣ. Ты, я думаю, теперь думаешь: „Гдѣ-то нашъ Скакуновъ? Гдѣ носится, что дѣлаетъ, о чемъ мечтаетъ? Чудныя, братецъ, дѣла! Во-первыхъ, на каждой станціи любовная исторія — прехорошенькая дѣвушка, и вездѣ по уши влюбляются такъ, что я, братецъ, на каждой станціи утопалъ въ блаженствѣ. А во-вторыхъ, такое счастье со мной, какого никогда не бывало. Заѣхалъ я, братецъ, къ такимъ дуракамъ, какихъ еще отъ роду не видывалъ. Такое раздолье! Помнишь, какъ мы[3] съ тобою въ Петербургѣ заходили въ одинъ трактиръ пообѣдать на счетъ аглицкаго короля, да хозяинъ взялъ наши шляпы и не повѣрилъ, подлецъ, 3 рублей въ долгъ? Но тутъ просто рай. Пріѣзжай и ты, душа Тряпичкинъ! Вообрази себѣ, что всѣ тебѣ даютъ взаймы[4] въ одну минуту![5] Мнѣ показывали и богоугодныя заведенія[6], и чортъ знаетъ еще что такое, всего даже не припомнишь. Городничій такой дуракъ, судья тоже, а почтмейстеръ тоже изрядный.....[7] и чрезвычайно похожъ на осла; кромѣ того какой-то казначей Ляпкинъ и смотритель училища — Земляника: словомъ, умора, такая пища для твоего пера! Ты тамъ пописываешь какую-то литературу[8] для „Библіотеки для чтенія“: пожалуста, помѣсти ихъ въ свою литературу и окритикуй хорошенько, только обо мнѣ, сдѣлай милость, полегче и лучше такъ, какъ бы меня и совсѣмъ не было. Я вѣдь тебя знаю: ты и роднаго отца не пожалѣешь. Помнишь того автора, что выпускалъ какую-то книгу и кормилъ тебя по ф.....[9] и кондитерскимъ, а ты послѣ того ругнулъ его такъ, что онъ и мѣста не нашелъ[10]. Прощай, душа Тряпичкинъ! Спѣшу до-

мой; послалъ за лошадьми. Теперь, по милости этихъ телѣшней, у меня не только на дорогу, но даже будетъ чѣмъ и дома покутить. А то, признаюсь, было дошло до.....[1] Не забывай и пиши ко мнѣ. Твой Скакуновъ".

Городничій. Не можетъ быть, тамъ нѣтъ этого, не писано....

[**Почтмейстеръ**]. Прочитайте сами, Антонъ Антоновичъ.

Городничій. „Городничій такой дуракъ".... Не можетъ быть; это вы сами написали.

[**Почтмейстеръ**]. Вотъ такъ! Что я — сумашедшій, чтобы сталъ шутить такимъ дѣломъ?

[**Городничій**]. Ну, читайте далѣе.

[**Почтмейстеръ**] *(читаетъ)*. „Городничій такой дуракъ"....

[**Городничій**]. Ну, да зачѣмъ же повторять? Ужъ когда тамъ стоитъ „дуракъ", къ чему жъ его произносить вновь?

[**Почтмейстеръ**] *(читаетъ)*. „Судья тоже и почтмейстеръ".... Ну, тутъ обо мнѣ онъ неприлично отозвался...

[**Городничій**]. Э, нѣтъ! Ужъ когда читать, такъ читать! *(Беретъ письмо)*.

[**Почтмейстеръ**]. Испорченный мальчишка — больше ничего! Посѣчь розгами нужно.

Городничій. Чортъ его знаетъ! Такъ все какъ будто во снѣ; не знаю, вѣрить...

[.....][2] Я и самъ не знаю, точно ли мы всѣ въ дуракахъ или нѣтъ....

[**Городничій**][3]. Убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Весь духъ потерялъ; ничего не вижу: ну, просто, стоятъ какія-то свиныя рыла, вмѣсто лицъ, а больше ничего нѣтъ. Однакожъ, чортъ возьми, вѣдь какъ же этакъ? Онъ надулъ всѣхъ. Послать, послать за нимъ! Воротить его, подлеца, мошенника! Не мѣшкать! Еще можно.

Почтмейстеръ. Э, нѣтъ, господа! Я[4] на бѣду свою приказалъ смотрителямъ на станціяхъ отпускать тройку лихихъ курьерскихъ — одна только тройка, а то все лошади, извѣстно ужъ, почтовыя: хворостиной нужно гнать, ...[5] идутъ.

[**Земляника**]. Да какъ же это такъ и останется? Вѣдь у меня онъ полтораста рублей взялъ.

[**Погонялевъ**]. Я не спущу этого: онъ у меня взялъ 500 рублей ассигнаціями и обѣщалъ на минуту.

[**Ляпкинъ-Тяпкинъ**]. А у меня полтораста.

[Почтмейстеръ]. У меня сто, все синенькими бумажками.

[Растаковскій]. А у меня весь пенсіонъ взялъ: только что получилъ, какъ все и отдалъ съ бумажникомъ.

[Добчинскій]. У меня восемьдесятъ; ей Богу, послѣднія[1].

[Бобчинскій]. И у меня, и у меня, ей Богу, двадцатипятирублевую бумажку и три двугривенныхъ взялъ!

[Городничій]. Да что̀ толковать?[1] Ужъ хуже всего: я ему далъ четыреста и еще самъ, дуракъ, навязался, и на дорогу угораздилъ чортъ предложить опять четыреста и коверъ дать. Чортъ его.....[2] Вѣдь вотъ дуракъ, такъ дуракъ! Старый дуракъ! Безъ малаго сорокъ лѣтъ на службѣ: никакой купецъ, ни подрядчикъ не обманулъ, а теперь дрянь... Ступай, ищи его, чортъ побери! Я думаю, только колокольчикъ заливается...

[Анна Андреевна]. Какъ же, душа моя, вѣдь онъ совсѣмъ ужъ обручился съ нашею дочерью? Вѣдь они и кольцами размѣнялись.

[Городничій]. А развѣ ты не видишь, что онъ сбухты барахты? У него все это... Пустѣйшій человѣкъ! Вѣдь вотъ подлинно: Богъ захочетъ наказать — отниметъ...[3] Ну, что въ немъ было такого, чтобъ можно было принять за вельможу или важнаго человѣка? Чортъ знаетъ что! Дрянь, вошь, щепка этакая, тоньше сѣрной спички, мочалка! Ну, гдѣ были у насъ глаза? Чтобы чортъ побралъ всѣхъ насъ вмѣстѣ![4] Хоть бы имѣлъ онъ уже толщину въ тѣлѣ или важный видъ какой-нибудь, а то дрянь — соплей перешибешь.

[Земляника]. А кто первый сказалъ, что онъ настоящій?...

[Городничій]. Да кто первый? Чортъ его знаетъ!

[Земляника]. Вотъ эти два Петра Ивановича разсказали.

Бобчинскій. Ей Богу, ей Богу, нѣтъ! И не думалъ.

[Земляника]. Какъ? конечно вы!

[Городничій]. Разумѣется, вы! Сплетники городскіе! Лгуны проклятые!

[Попечитель богоугодныхъ заведеній]. Пузыри свиные! Колпаки!

[Городничій]. Болтуны негодные! Вы только рыскаете по городу да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя![5] Сплетни свѣте, сороки короткохвостыя!

[Бобчинскій]. Ей Богу, это не я; это Петръ Ивановичъ говорили.

[Добчинскій]. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ! Это вы говорили.

[Бобчинскій]. Э, нѣтъ; ей Богу, вы!

[Городничій]. Нашли важную птицу!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и жандармъ.

[Жандармъ]. Пріѣхавшій чиновникъ требуетъ городничаго и всѣхъ чиновниковъ къ себѣ: онъ остановился въ гостинницѣ. *(Всѣ остаются съ разинутыми ртами въ разныхъ положеніяхъ. Нѣмая сцена. Занавѣсъ опускается).*

II.

Наброски, дополняющіе или замѣняющіе отдѣльныя сцены предшествующаго текста.

1.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Скакуновъ. Куда вы хотѣли итти?

[Марья Антоновна][1]. Я шла по одному дѣлу для маменьки. Я право не знала, что вы тутъ сидите. Я вамъ помѣшала — вы меня извините.

[Скакуновъ]. Куда же? Куда вы?

[Марья Антоновна]. Право, мнѣ нужно сказать кое объ чемъ нашей....[2]

[Скакуновъ]. Зачѣмъ? Это ничего не нужно. Куда и для чего вамъ итти? *(Беретъ ее за руку)*. И зачѣмъ итти? Къ чему итти? *(Подходитъ поближе)*.

[Марья Антоновна]. Право, мнѣ нужно приказать нашей ключницѣ....

[Скакуновъ]. Къ чему приказывать? Вы не приказывайте ничего. Что такое приказаніе? Что такое ключница? Ключница — пустяки.

[Марья Антоновна]. Право, я и вамъ помѣшала: вы важными[3] дѣлами занимаетесь.

[Скакуновъ]. А ваши глазки еще лучше, чѣмъ важныя дѣла.

[Марья Антоновна]. Я совсѣмъ не знаю, что́, о чемъ даже вы говорите...

[Скакуновъ]. Скажите, сударыня: ну, что вы думаете обо мнѣ? Какія ваши мысли?

[Марья Антоновна]. Что жъ мнѣ думать? Я ничего не думаю.

[Скакуновъ]. О, нѣтъ! Вы, вѣрно, обо мнѣ думаете.

[Марья Антоновна]. Да что жъ такое? Я не понимаю.

[Скакуновъ]. А мнѣ кажется, что вы понимаете[1]. Какое на васъ хорошее платье!

[Марья Антоновна]. Вы насмѣшники только надъ провинц...[2]

[Скакуновъ]. Я[3], сударыня, желалъ бы быть вашимъ платьемъ, чтобы обнять все, что ни есть у васъ.

[Марья Антоновна]. Я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы говорите. Какое-то платье... Я ничего этого не знаю... Вонъ, какая сегодня хорошая погода!

[Скакуновъ]. А ваши губки, сударыня, лучше нежели всякая погода на дворѣ.

[Марья Антоновна][4]. Вы бы лучше пропѣли, или проиграли на фортепіанахъ, или проговорили бы какіе-нибудь стишки хорошенькіе. Я очень люблю стихи. Вѣрно, зна...[5] много.

[Скакуновъ]. Въ угодность вашу — все, что хотите[6]. Требуйте, какіе стишки вамъ.

[Марья Антоновна]. Какіе-нибудь хорошіе.

[Скакуновъ]. Да что — стишки? Я много ихъ знаю.

[Марья Антоновна]. Ну, скажите же.

[Скакуновъ]. Да къ чему же говорить? Я и такъ ихъ знаю.

[Марья Антоновна]. Я люблю очень... (Скажите[7]).

[Скакуновъ]. Да у меня много всякихъ сти....[8] „О ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь, человѣкъ!“... Ну, и множество другихъ. (Я ужъ)[9] теперь не могу припомнить... Да что? Это все вздоръ![10] Я очень счастливъ, что сижу теперь...[11], но если бъ я могъ, сударыня, напечатлѣть поцѣлуй въ ваши губки...

[Марья Антоновна]. Вы все говорите нарочно такое, котораго я не понимаю. Я думаю, вы въ Петербургѣ такъ часто бываете въ театрѣ? Я думаю, тамъ какъ хорошо играютъ комедіи?

[Скакуновъ]. Комедіи? А что это такое комедіи?

[Марья Антоновна]. Вотъ, какъ будто вы не знаете!

[Скакуновъ]. Право, не знаю.

[Марья Антоновна]. О, какъ будто я не знаю, что вы нарочно такъ говорите!

[Скакуновъ]. Право, не знаю. Что жъ это такое комедія? Это, вѣрно, звѣрь какой-нибудь или чиновникъ?

[Марья Антоновна]. Вы, право, меня воображаете за такую провинціалку...

[**Скакуновъ**]. Право, не знаю... А! теперь вспомнилъ: комедія — это все равно, что артиллерія.

[**Марья Антоновна**]. Нѣтъ, такихъ насмѣшекъ... Конечно, мы здѣсь не имѣемъ столичнаго воспитанія... Что жъ дѣлать? Не всѣмъ быть ученымъ людямъ!...

[**Скакуновъ**]. Ну, вотъ, сударыня, вы сердитесь... Куда же вы идете?[1]

[**Марья Антоновна**]. Что жъ дѣлать! Я знаю, вамъ скучно съ нами[2].

[**Скакуновъ**]. Ахъ, нѣтъ, сударыня! Останьтесь! Право, я... *(цѣлуетъ руки)*. Вы такъ воспитаны хоть бы въ столицѣ.

[**Марья Антоновна**] *(садится)*. Что жъ дѣлать!

[**Скакуновъ**]. Ну, вотъ[3] видите, какъ вы памятозлобны! Ну, разсмѣйтесь, разсмѣйтесь! Я самъ къ вамъ чувствую большую любовь, а вы пренебрегаете[4].

[**Марья Антоновна**]. Вы напрасно мнѣ разсказываете. Любовь... Что любовь?[5] Я никогда о любви не говорила. Я не...[6] *(отдвигаетъ стулъ)*.

[**Скакуновъ**] *(придвигается)*. Отъ чего жъ вы такъ отдвигаетесь? Мы лучше будемъ близко.

[**Марья Антоновна**]. Да къ чему жъ близко? Это все равно и далеко. *(Отдвигается.)*

[**Скакуновъ**] *(придвигается)*. Да отчего жъ, если и далеко все равно и близко?... Какія у васъ хорошенькія плечики! Вотъ бы чортъ знаетъ что готовъ былъ дать, чтобы поцѣловать васъ въ губки.

[**Марья Антоновна**] *(смотритъ въ окно)*. Что это такъ, какъ будто что-то летитъ? Ворона или...

[**Скакуновъ**]. А да, въ самомъ дѣлѣ что-то полетѣло. *(Приближается къ щекѣ ея и цѣлуетъ)*. Это ворона, вѣрно...

[**Марья Антоновна**] *(вставая)*. Подите прочь! Какъ вы можете это дѣлать? Вы, вѣрно, воображаете со мной шутить?[7]

[**Скакуновъ**]. Что же такое? Я васъ еще поцѣлую. *(Цѣлуетъ ее въ рукавъ.)*

[**Марья Антоновна**]. Безстыдникъ! *(Хочетъ уйти)*.

[**Скакуновъ**] *(удерживая ее)*. Нѣтъ, я васъ не пущу. *(Становится на колѣни)*. Что жъ?[8] Вѣдь это только такъ[9], въ воображеніи...[10]

2.

[Бобчинскій]. Какъ только вышелъ я отъ васъ... Э, не мѣшайте жъ, Петръ Ивановичъ! не говорите ужъ ничего, сдѣлайте милость: я ужъ самъ знаю... Какъ только вышелъ я отъ васъ, то побѣжалъ тотчасъ къ Растаковскому, а не заставши Растаковскаго дома, побѣжалъ къ Погоняеву, а не заставши Погоняева дома, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему эту новость, да, идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

[Добчинскій]. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

[Бобчинскій]. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. „Слышали ли“ — я говорю Петру Ивановичу — „о новости, которую получилъ Антонъ Антоновичъ?“ А Петръ Ивановичъ услышали объ этомъ [отъ][1] ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю зачѣмъ-то, была послана[2] къ Погоняеву...

[Добчинскій]. За боченкомъ для французской водки.

[Бобчинскій]. За боченкомъ для французской водки. Вотъ мы пошли съ Петромъ Ивановичемъ... Э, сдѣлайте одолженіе, Петръ Ивановичъ, ужъ не перебивайте же! Пожалуста, не перебивайте!... Пошли къ Погоняеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ: „Сегодня, я знаю, привезли въ трактиръ свѣжей семги, такъ пойдемъ, закусимъ“. Только жъ что мы вошли въ гостинницу, какъ вдругъ молодой...

[Добчинскій]. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ...

[Бобчинскій]. Въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ по комнатѣ, и въ лицѣ такое разсужденіе и физіономія, такіе важные поступки, и такъ здѣсь *(вертитъ рукою около лба)* много, много всего... У меня такъ, какъ будто предчувствіе[3]: „Э, что-нибудь да не даромъ!“[4] А Петръ Ивановичъ тотчасъ потихоньку мигнули пальцемъ и подозвали къ себѣ трактирщика... трактирщика [Власа][5]. Такъ Петръ Ивановичъ, подозвавши Власа, и спросилъ потихоньку: „Кто такой этотъ молодой человѣкъ?“ А Власъ говоритъ: „Это“, говоритъ... Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ! Пожалуйста, не перебивайте! Вы, ей Богу, не разскажете: у васъ вѣдь немножко язычекъ... вы шепеляете... что „этотъ[6] молодой человѣкъ — чиновникъ, ѣдущій

изъ Петербурга, Иванъ Александровичъ Перепелкинъ, а ѣдетъ въ саратовскую губернію, въ городъ Белебей, и что, говоритъ, чрезвычайно странно себя аттестуетъ: ужъ недѣли двѣ живетъ, дальше не ѣдетъ, беретъ все на боръ и денегъ совсѣмъ не плотитъ". Меня такъ, ей Богу, въ одну минуту вразумило! „Э!" говорю я Петру Ивановичу: „ни денегъ не плотитъ, ни дальше не ѣдетъ..."

[Добчинскій]. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ!...[1]

[Бобчинскій]. Вотъ это жъ и есть тотъ самый чиновникъ, ко...[2]

[Городничій]. Что вы говорите? Не можетъ быть! *(Придвигая поближе стулъ).*

Доб[чинскій]. Помилуйте, какъ не онъ! И денегъ не плотитъ, и не ѣдетъ никуда! Да кто[3], что бы не онъ былъ? Съ какой же бы стати жилъ онъ здѣсь? Вѣдь ему прописано въ подорожной: „въ Саратовъ".

Бобч[инскій]. Онъ, онъ, ей Богу, онъ! Я ставлю Богъ знаетъ что. Такой наблюдательный: все обсмотрѣлъ, и по угламъ вездѣ, и даже заглянулъ въ тарелки намъ — полюбопытствовать[4], что̀ мы ѣдимъ[5]. Такой осмотрительный[6], что Боже сохрани!

[Городничій]. Гдѣ жъ онъ тамъ — въ гостинницѣ до сихъ поръ?

Добч[инскій]. Въ пятомъ номерѣ подъ[7] лѣстницею.

[Бобчинскій]. Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались пріѣзжіе офицеры.

[Городничій]. И давно живетъ?

[Добчинскій]. Да ужъ больше будетъ, чѣмъ двѣ недѣли: передъ Воздвиженіемъ пріѣхалъ.

[Городничій][8]. Только ты, Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Прочуханскій, и свѣта божья видѣлъ! Въ эту недѣльку столько я настроилъ дѣлъ, что хоть возьми крѣпкаго каната! Полторы недѣли? Что вы! *(Въ сторону).* Ай, ай, ай! Полторы недѣли![9] Въ эти полторы недѣли высѣчена *совсѣмъ напрасно*[10] унтеръ-офицерская жена! Ай, ай, ай! Въ эти полторы недѣли[11] *арестантамъ никакой провизіи не выдавали. Ай, ай! На улицахъ кабакъ и нечистота. Ай, ай, ай! О Боже мой! Боже мой!*[12]

3.

[**Хлестаковъ**]. Очень благодаренъ вамъ, господа, за то, что показали мнѣ свои заведенія. Хорошія заведенія! У васъ ужъ такъ, вѣрно, всегда водится, чтобы показывать проѣзжающему заведенія. Это хорошо. Вотъ въ другихъ городахъ мнѣ совсѣмъ ничего не показывали.

[**Городничій**]. Въ другихъ городахъ, — осмѣлюсь просить позволенія доложить, — градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользѣ, а здѣсь, можно сказать, и другаго помышленія нѣтъ, кромѣ того, чтобы благочиніемъ[1] и бдительностью заслужить вниманіе начальства.

[**Хлестаковъ**]. Да, и завтракъ тоже былъ очень не дуренъ. Что у васъ это каждый день бываетъ такой завтракъ или только по нѣкоторымъ днямъ?

[**Городничій**]. Нарочно для такого пріятнаго гостя.

[**Хлестаковъ**]. Покорно благодарю. Если ко мнѣ пріѣдете въ деревню, я тоже..... Вина были очень хороши[2]. А что это какая рыба была? Вѣдь это не лососина, кажется?

Городничій. Лабарданъ.

[**Хлестаковъ**]. Очень, очень вкусная; я давно такой не ѣлъ. Въ какомъ это мы зданіи завтракали? Въ больницѣ, что-ли?

[**Поп. богоуг. зав.**]. Такъ точно-съ, въ богоугодномъ заведеніи.

[**Хлестаковъ**]. Да, то-то я замѣтилъ, стояло нѣсколько кроватей. Что, больные, вѣрно, выздоровѣли? Тамъ что-[то][3], кажется, я не замѣтилъ ихъ.

[**Попечитель бог. зав.**]. Такъ точно[4]: человѣкъ десять осталось, не больше, а прочіе всѣ выздоровѣли. Это ужъ такъ устроено. Съ тѣхъ поръ, [какъ я][5] принялъ начальство, — даже невѣроятно, можетъ, быть, покажется, — всѣ какъ мухи выздоравливаютъ. Больной не успѣетъ[6] войти въ лазаретъ, какъ ужъ и здоровъ — и не столько медикаментами, сколько честностью и порядками.

[**Городничій**]. Ужъ на что, осмѣлюсь доложить вамъ, многотрудна и головоломна обязанность здѣшняго градоначальника! Столько лежитъ всякихъ дѣлъ относительно чистоты, починки, поправки, такъ [что][7] у иного голова бы повернулась. Но,

благодареніе Богу, всѣ идетъ благополучно, и въ 10 лѣтъ столько сдѣлано для блага общества, что узнать нельзя. И если бъ изволили навѣстить прежде нашъ городъ, то возъимѣли бы самое дурное понятіе. Конечно, иной, будучи въ моей должности, бралъ бы взятки и составилъ бы себѣ состояніе; но я рѣшился обречь всего себя (на службу отечества)[1], можно сказать. Вѣрите ли, что даже, когда ложишься спать, все думаешь: «Господи Боже ты мой! какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно?.... Наградитъ ли оно, или нѣтъ, конечно, это въ его волѣ; по крайней мѣрѣ я буду спокоенъ. Когда въ городѣ — во всемъ порядокъ: улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало, то чего жъ мнѣ больше? Ей Богу, и почестей никакихъ не хочу: оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета.

Хлестаковъ. Да, я самъ люблю этакъ иногда заумствоваться и пофилософствовать. Такъ, знаете, иногда недурные стишки напишутся къ какому-нибудь ходатаю[2].

Бобчинскій *(Добчинскому)*. Справедливо, справедливо, все справедливо говоритъ. Видно, что философскимъ наукамъ обучался.

Хлестаковъ. Скажите, пожалуста: есть ли у васъ тутъ такія общества, чтобы можно было поиграть въ карты?

Городничій. Эхе, хе! Знаемъ, голубчикъ, куда это перо летитъ!

4.

[**Городничій**]. Осмѣлюсь имѣть честь представить вашему благорасположенію мое семейство: это — моя жена, а это — одиночка дочь моя.

[**Хлестаковъ**]. Какъ я счастливъ, сударыня[3], что имѣю удовольствіе васъ видѣть!

[**Анна Андреевна**]. Намъ еще пріятнѣе[4] видѣть уполномоченную особу. *(Городничій мигаетъ)*.

[**Хлестаковъ**]. А мнѣ, сударыня, еще пріятнѣе встрѣтить въ васъ этакую свѣтскую любезность.... Какъ вы хотите, сударыня, я долженъ вамъ сказать...

[Анна Андреевна]. Прошу покорнѣйше садиться.

[Хлестаковъ]. О, помилуйте, сударыня! при васъ и стоять уже есть счастье. Впрочемъ, если вы мнѣ приказываете, я сяду. Какъ я счастливъ, что нахожусь теперь въ такомъ близкомъ отъ васъ разстояніи!...

[Анна Андреевна]. Помилуйте, мы не смѣемъ этого никакъ принять на свой счетъ. Какъ вамъ кажется вояжъ вашъ? Я думаю, послѣ удовольствій столицы вамъ очень скучно показалось?

[Хлестаковъ]. Чрезвычайно скучно; я всю дорогу скучалъ. Знаете, сдѣлавши привычку жить въ свѣтѣ[1], пользоваться всѣми удобствами, и вдругъ послѣ этого въ какой-нибудь скверной дорогѣ! Вездѣ такая чепуха; не встрѣтишься съ образованнымъ человѣкомъ, чтобы поговорить о чемъ-нибудь. Станціонные смотрители такіе невѣжи! И если бы, признаюсь, не случилось такого случая какъ [тотъ][2], который меня вознаградилъ совершенно, то я не знаю, что̀ бы со мною было.

[Анна Андреевна]. Я воображаю, какъ вы должны были скучать.

[Хлестаковъ]. Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту я могу назваться[3] блаженнѣйшимъ въ мірѣ, и я бы желалъ всегда находиться въ такомъ положеніи.

[Анна Андреевна]. Вы изволите дѣлать мнѣ очень много чести; я никакъ этого не заслуживаю.

[Хлестаковъ]. Отчего не заслуживаете? Вы, сударыня, очень заслуживаете.

[Анна Андреевна]. Ну, знаете, живя въ деревнѣ....

[Хлестаковъ]. Да, конечно.... Ну, да что жъ? Деревня или не деревня — все вздоръ. Иногда, знаете, пріятно отдохнуть этакъ на берегу ручейка, заняться близь хижинки. А въ городѣ люди за каменной оградой. Я самъ тоже.... Я бываю тамъ во всѣхъ лучшихъ обществахъ....

[Анна Андреевна]. Какъ должно быть тамъ весело![4] Вездѣ, говорятъ, въ магазинахъ все самыя модныя вещи.

[Хлестаковъ]. О, да! Тамъ въ магазинахъ все, что вы [захотите][5], найдете. Портные тамъ всѣ удивительно шьютъ, и все — вдругъ. Если вамъ понадобится[6], напримѣръ, сдѣлать себѣ фракъ и панталоны, то вы только придите и скажите: «вотъ мнѣ нужно фракъ и панталоны», — и вы можете быть увѣрены, что вамъ ужъ такого фрака здѣсь никто не сошьетъ.

5.

[Хлестаковъ]. Мнѣ вотъ теперь только приключился случай такой, что оказалась нужда въ деньгахъ, а то у меня много денегъ. У.....[1] имѣть очень много, и въ Петербургѣ мнѣ такъ просто приходится, что совершенно некуда дѣвать денегъ; такъ бывало, просишь кого-нибудь: „Возьми, пожалуста, братецъ, у меня деньги взаймы — право, не знаю, что съ ними дѣлать“. И точно, знаете, опасно даже держать, потому что мошенниковъ въ городѣ очень много. Вотъ недавно у насъ въ департаментѣ случилось мошенничество: украли у начальника отдѣленія шубу рублей въ четыреста. Да нѣтъ; если по правдѣ сказать, то и не у начальника отдѣленія, а эта шуба была больше моя. Когда я подошелъ: „А, чортъ возьми“, подумалъ я себѣ: „это досадно!“ Я бы, господа, васъ попотчивалъ и трубкою, да здѣсь прескверный табакъ, я потому и не покупалъ.

[Городничій]. Помилуйте, какъ можно, чтобы мы въ такомъ пріятномъ присутствіи вашемъ[2] осмѣлились курить![3]

6.

[Хлестаковъ]. Какой странный со мною случай на дняхъ случился въ гостинницѣ! Пріѣзжаю около этого времени... можетъ быть, немножко... или, правда, нѣтъ, около вечера это было. Только, вижу, тамъ ужъ дожидается лошадей, знаете, эдакой молодой человѣкъ, которыхъ называютъ *(вертитъ рукою)* фу, фу! въ козырькѣ какомъ-то эдакомъ залихвацкомъ. Я ужъ, какъ только вошелъ: „ну“, думаю себѣ, „хорошъ ты, гусь!“ Нужно вамъ знать, что мнѣ ѣсть страшнымъ образомъ хотѣлось. Только трактирщикъ приходитъ и говоритъ: „Ну, господа, какъ хотите, только и есть всего одна куропатка: когда хотите, подѣлитесь поровну, а нѣтъ — такъ который-нибудь одинъ долженъ съѣсть.“ — „Ну, дѣлить-то я“, — думаю себѣ, — „ни за что не хочу“[4]. А къ тому жъ аппетитъ — проклятый просто. Вотъ я думаю: „Постой же ты,

голубчикъ: я тебя подбрёю". — „Ну, милостивый государь, видите ли[1]: кому-нибудь изъ насъ нужно съѣсть. Не хотите ли, мы вотъ какъ сдѣлаемъ: пусть каждый изъ насъ заснетъ теперь, и кто увидитъ изъ насъ лучшій сонъ — того и куропатка?" — „Пожалуй! пожалуй!" Вотъ трактирщикъ сейчасъ прибѣжалъ: „Не прикажете ли диванъ.....?[2] Помилуйте, помилуйте, какъ такъ спать, Иванъ Александровичъ! Иванъ Александровичъ, вамъ будетъ неловко". — „Ничего", говорю себѣ: „я человѣкъ походный, — привыкъ ужъ". Только, мой молодчикъ въ ковырьку, смотрю я, растянулся на всемъ диванѣ и свою венгерку... и венгерку ему шилъ какой-то дрянной портнишка, совсѣмъ не Ручъ.... храпитъ, такъ что мочи....[3] А я, нужно сказать, облокотился на стулѣ и такъ сдѣлалъ знакъ, совершенно какъ будто сплю... Только жъ замѣтилъ, что онъ совсѣмъ спитъ, я сейчасъ потихоньку накинулъ на себя халатъ[4], потихоньку къ шкапу и преспокойно съѣлъ себѣ куропатку. Только по утру просыпается мой молодецъ въ венгеркѣ, будитъ меня: „Вставайте! Я видѣлъ сонъ такой, какого вамъ никогда не удастся видѣть", и вретъ чепуху мнѣ такую...[5] дмется, такъ расписываетъ, что его и на небо подняли и въ самый рай внесли. „Ну, братецъ", я говорю ему: „я какъ увидѣлъ, что тебя подняли въ рай, такъ подумалъ, что ты ужъ совсѣмъ не воротишься на землю да и съѣлъ куропатку". И если бы вы увидѣли, въ какое бѣшенство впалъ мой франтъ! „Ужъ этотъ", говоритъ, „этотъ Хлестаковъ! Всегда онъ для такихъ штукъ!"

[**Анна Андреевна**]. Какъ это забавно! Какой простакъ этотъ вашъ пріятель!

[**Хлестаковъ**]. Да, знаете, этакихъ молодчиковъ много есть на свѣтѣ... Мнѣ часто случалось съ ними имѣть дѣло... Въ Петербургѣ бываю во всѣхъ лучшихъ обществахъ.

7.

Спѣшу писать къ тебѣ, душа Тряпичкинъ, по обѣщанію и увѣдомить о моемъ вояжѣ. Выѣхавши изъ Петербурга и разставшись съ тобою, я, какъ помнишь, выѣхалъ съ непріятными[6]

мыслями. Думаю себѣ: какъ въ самомъ дѣлѣ заѣхать въ глушь, гдѣ никакой совершенно образованности, да притомъ и батюшка?... До него дошли слухи, будто я дурно служу, играю даже въ карты... Ну, человѣкъ онъ, какъ ты уже знаешь, непросвѣщенный: у него все такія неблагородныя[1], грубыя средства. Однимъ словомъ, мои мысли были непріятныя. Ну, все это еще ничего. Проѣздомъ этакъ въ губернскихъ городахъ чѣмъ-нибудь займешься[2]: сдѣлаешь, знаешь, этакъ наблюденія[3] надъ нравами. Все бы это ничего. Но вообрази, душа Тряпичкинъ, что я продулся на дорогѣ страшнымъ образомъ, такъ что рѣшительно спустилъ все, что̀ ни есть. Пріѣзжаю въ Пензу. Тамъ какой-то пѣхотный капитанъ, на видъ этакъ ничего не обѣщающій и даже, судя по пріемамъ, большой Mauvais ton, я замѣтилъ, мечетъ самъ себѣ банкъ — меня подзадорило. Я присѣлъ; думаю: „чортъ побери! попробую на удачу“. — Только вообрази, душа Тряпичкинъ, что съ ряду... можетъ быть, ты не повѣришь, но Богомъ клянусь, что съ ряду пятерка, восьмерка, девятка, тройка, валетъ, тузъ.... Ты будешь сомнѣваться, но вотъ какъ честной человѣкъ, — послѣ этого ты мнѣ ни въ чемъ ужъ не вѣрь, — вообрази: дама, двойка — всѣ до одной были убиты. Я такого счастья еще никогда, братецъ, не видывалъ.... Пріемы у него лучше нежели у какого-нибудь[4] Кропотова: круглымъ штосомъ срѣзываетъ и по три угла вдругъ заламываетъ, такъ что онъ меня обчистилъ всего[5], такъ что еслибъ, къ счастію, Осипъ не догадался припрятать моей новой пары платья, которую сдѣлалъ мнѣ Ручъ передъ выѣздомъ, то я бы не знаю, какъ я бы показался батюшкѣ[6]. Во фракѣ у меня осталась красненькая бумажка и на прогоны стало мнѣ всего доѣхать только до этого городка, изъ котораго теперь пишу къ тебѣ, да одинъ разъ только заплатить за обѣдъ. Тутъ я прожилъ больше чѣмъ полторы недѣли и задолжалъ страшно; такъ ужъ[7] трактирщикъ, братъ, мнѣ даже ничего ѣсть не давалъ, и хозяинъ грозилъ жаловаться и посадить меня въ тюрьму. Но вмѣсто того, братецъ, все вышло противуположнымъ манеромъ. Городничій и всѣ жители здѣшняго города сейчасъ предложили мнѣ свои услуги — экипажъ, и все это съ такимъ добродушіемъ![8] Городничій самъ, хотя и дуракъ, но предобрѣйшій человѣкъ, съ добродушіемъ и гостепріимствомъ па-

тріархальнымъ. Я живу теперь у нихъ въ домѣ и, знаешь, какая у него жена и дочка, братецъ! Прелесть, братецъ! Ты бы самъ позавидовалъ такому[1] счастью. Я за ними ухаживаю, — и довольно успѣшно; только не выбралъ еще за которою....[2] Я думаю впрочемъ, что лучше за матушкою: дочка еще неизвѣстно... знаешь, все какъ-то доступъ труднѣе, а матушка кажется, такая, что сію минуту готова въ тебя влюбиться. Я надѣюсь, если не сегодня, то завтра, поставить городничему препорядочные рога.... А какъ, душа моя Тряпичкинъ, здѣсь на деньги всѣ щедры! Такого добродушія я нигдѣ не видалъ....[3]

8.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Но скажите, пожалуста, Антонъ Антоновичъ, какъ это началось: постепенный ходъ, то есть, всего дѣла.

Городничій. Ходъ дѣла самый чрезвычайный: изволилъ собственноличо сдѣлать предложеніе.

Анна Андреевна. Очень почтительнымъ и самымъ тонкимъ образомъ. Говоритъ: „Я, Анна Андреевна, не посмотрю на то, что есть и графини, и княгини: я именно изъ одного уваженія къ вашимъ достоинствамъ и дочери вашей“. И такой прекрасный и воспитанный человѣкъ, самыхъ благороднѣйшихъ [правилъ]![1] „Мнѣ, — вѣрите ли, Анна Андреевна? — мнѣ жизнь копѣйка; но именно потому только, что уважаю ваши рѣдкія качества, я прошу, я умоляю руки вашей, и, если вы будете такъ жестоки....

Марья Антоновна. Ахъ, маменька! вѣдь это онъ мнѣ говорилъ.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не въ свое дѣло не мѣшайся. „Вы, Анна Андреевна, вы повѣрьте, что я потому только ищу руки вашей дочери, что чувствую самую сердечную любовь и уваженіе къ достоинствамъ вашимъ....“ И въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ! И когда я хотѣла сказать: „Помилуйте! мы никогда не можемъ надѣяться на такую честь“; то онъ тутъ же упалъ на колѣни и такимъ, самымъ благороднѣйшимъ образомъ: „Анна Андреевна! не

сдѣлайте меня несчастнѣйшимъ. И если вы не согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, то я смертью кончу жизнь свою".

Марья Антоновна. Ахъ! ей Богу, маменька, онъ обо мнѣ это говорилъ.

Анна Андреевна. Да, конечно, и объ тебѣ было.... Я жъ этого не отвергаю.

Городничій. И такъ даже напугалъ насъ: говоритъ, что застрѣлится....

Многіе изъ гостей. Скажите, пожалуста!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Въ самомъ дѣлѣ чрезвычайное произшествіе!

Лука Лукичъ. Вотъ подлинно, судьба ужъ такъ вела.

Артемій [Филипповичъ]. По заслугамъ и благословеніе божіе. „Возвеличу мужа праведна и вознесу его", сказалъ Богъ.... *[Въ сторону]*[1]. Вотъ этакой свиньѣ такъ и лѣзетъ въ самый ротъ счастье!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я, пожалуй, Антонъ Антоновичъ, продамъ вамъ того кобелька, котораго торговали.

[Городничій]. Нѣтъ, мнѣ теперь не до кобельковъ.

[Аммосъ Ѳедоровичъ]. Ну, не хотите, на другой собакѣ сойдемся.

Жена Коробкина. Ахъ, какъ, Анна Андреевна, [я][2] рада вашему счастью! Вы не можете представить себѣ.

III.

РЕВИЗОРЪ

КОМЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Прочухановскій[1], городничій.
Анна Андреевна, жена его.
Марья Антоновна, дочь его[2].
Аммосъ Ѳедоровичъ Прикпекаевъ[3], судья.
Артемій Филипповичъ Лапкинъ-Тяпкинъ[4], попечитель богоугодныхъ заведеній.
Лука Лукичъ Земляника, директоръ училищъ[5].
Иванъ Кузьмичъ Пчелкинъ[6], почтмейстеръ.
Петръ Ивановичъ Добчинскій } городскіе помѣщики.
Петръ Ивановичъ Бобчинскій }
Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга.
Осипъ, слуга его.
Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лѣкарь.
Ѳедоръ Андреевичъ Люлюковъ }
Иванъ Лазаревичъ Растаковскій } отставные чиновники, почетныя лица въ го-
Степанъ Ивановичъ Коробкинъ } родѣ.
Илья Ильичъ Погонкевъ[7] }
Игнатій Ильичъ Уховертовъ, частный приставъ.
Квартальные[8] { Свистуновъ.
Пуговицынъ.
Кнутъ.
Держиморда[9].
Мавриня Иванова, унтеръ-офицерская вдова[10].
Февронья Петрова Пашлепкина, слѣсарша.
Мишка, слуга городничаго.
Слуга трактирный.
Гости[11], купцы, мѣщане, просители.

ДѢЙСТВІЕ I.

Комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа.... вотъ и Артемія Филипповича, и Аммоса Ѳедоровича, Луку Лукича и Христіана Ивановича....[1] съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ одно пренепріятное извѣстіе. Меня увѣдомляютъ, что отправился инкогнито изъ Петербурга чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать въ нашей губерніи все относящееся по части гражданскаго управленія.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Что вы говорите? Чиновникъ, инкогнито?[2]

Артемій Филипповичъ *(въ испугѣ)*. Изъ Петербурга[3], съ секретнымъ предписаніемъ?

Лука Лукичъ Обревизовать гражданское устройство?[4]

Городничій. Я признаюсь вамъ откровенно, что я очень потревожился.... Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня во снѣ[5] мнѣ всю ночь снились какія-то собаки[6]. Право, какія-то этакія необыкновенныя собаки: черныя, не борзыя, однакожъ и не лягавыя[7]: пришли, понюхали и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Пшекина[8], котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: „любезный другъ, кумъ и благодѣтель *(бормочетъ въ полголоса, пробѣгая скоро глазами)*..... и увѣдомить тебя“. А! вотъ[9]: „спѣшу между прочимъ увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ. Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ больше[10] представляетъ себя частнымъ лицемъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за

всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки, то совѣтую тебѣ взять предосторожность и поудержаться на время отъ прибыточной[1] стрижки, какъ называешь ты взносы со стороны просителей и непросителей, ибо онъ можетъ пріѣхать во всякой часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ нибудь инкогнито.... Вчерашняго дня я..." Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: „сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ", и прочее, и прочее.... Такъ вотъ какое обстоятельство! А что, какихъ вы мыслей объ этомъ, господа?[2]

Артемій Филипповичъ. Я думаю, что это просто скверно[3].

Аммосъ Ѳедоровичъ. Въ самомъ дѣлѣ чрезвычайное происшествіе!

Лука Лукичъ. Скажите, пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, отъ чего это? Зачѣмъ это[4] къ намъ ревизоръ? Вѣдь нашъ городъ ужъ, кажется, такъ далеко ото всего, что объ немъ бы и заботиться нечего.

Городничій *(испуская вздохъ)*. Говорите же вы! До сегодняшняго дни Богъ миловалъ. Случалось, правда, по газетамъ слышать, что въ такомъ-то мѣстѣ того-то посадили за взятки, того-то отдали въ судъ за потворство и воровство или за подлогъ, но все это случалось, благодареніе Богу, въ другихъ мѣстахъ; а къ намъ до сихъ поръ никто не пріѣзжалъ и никакихъ ревизовокъ не было.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ, Россія хочетъ вести войну съ Турками или съ Австрійцами, и потому министерія нарочно отправляетъ чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій. Изъ вашихъ словъ видѣть можно, что и умный человѣкъ можетъ ошибиться. Куда нашему уѣздному городишкѣ! Другое дѣло, если бы онъ былъ пограничнымъ, тогда бы еще было такъ и сякъ; но будучи въ такой глуши, чортъ знаетъ гдѣ: двадцать тысячъ верстъ, я думаю будетъ отъ Турціи или Австріи....[5]

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, я вамъ скажу: начальство имѣетъ тонкіе виды. Даромъ что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій. Ну, теперь и намъ нужно поостеречься. По крайней мѣрѣ я сдѣлалъ свое дѣло и нарочно собралъ васъ объявить вамъ объ этой новости, дабы вы могли хорошенько обдумать, что̀ и какъ вамъ нужно поступать. Я съ своей стороны почитаю необходимымъ сообщить вамъ кое-какія замѣчанія. Я уже по своей части, то есть, въ отношеніи устройства городоваго и полиціи, сдѣлалъ приказаніе; совѣтую и вамъ также поступить[1]. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ. Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія, и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему въ будни; и тамъ, какъ слѣдуетъ, надписать предъ каждою кроватью по-латынѣ или на какомъ другомъ языкѣ... какъ признается нужно.... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ... всякую болѣзнь: и когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа, какъ найдете лучше. Но вообще я долженъ замѣтить, что не хорошо, если больныхъ слишкомъ много. Лучше, если ихъ меньше, потому что это тотчасъ отнесутъ или къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

Артемій Филипповичъ. Мы ужъ съ Христіаномъ Ивановичемъ такъ распорядились на счетъ этотъ, какъ нужно. Да и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ убыточиться и выписывать дорогія лѣкарства для какого-нибудь инвалида? Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ; притомъ и Христіану Ивановичу очень затруднительно бы было съ ними изъясняться, потому что онъ не знаетъ по-русски. Лучше же сберегу я казенный интересъ и уменьшеніемъ расходовъ увеличу сумму. Тогда и начальство, видя мое усердіе, безъ сомнѣнія представитъ меня къ ордену[2] въ поощреніе прочимъ *(обращаясь къ Христіану Ивановичу)*, то есть, я разумѣю, что[3] при этомъ и вамъ будетъ какое-нибудь благоволеніе.

Христіанъ Ивановичъ *(издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву* **и**, *нѣсколько....*[4]*)*

Городничій. Ну, какъ знаете. Теперь я[5] вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ ма-

ленькими гусятами, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально и почему жъ сторожу и не завесть его, только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично.... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ. Также этотъ народъ имѣетъ обыкновеніе развѣшивать на дверяхъ для сушки свои онучки и листья табаку, называемаго бакуномъ. Оно, конечно, дѣлается для того, чтобы высушить, но я нѣсколько разъ хотѣлъ вамъ замѣтить, что воздухъ въ присутственныхъ мѣстахъ очень густъ... Кромѣ того дурно, что виситъ у васъ въ самомъ присутствіи охотничій арапникъ и рогъ; конечно, я знаю, вы любите охоту; но все, знаете, на время его лучше принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, такъ вы опять его можете повѣсить. Также подсудокъ вашъ: онъ, можетъ быть, очень хорошій человѣкъ и свѣдущій въ своемъ дѣлѣ, но отъ него, знаете, такой запахъ, какъ будто бы онъ только что вышелъ изъ винокуреннаго завода. Это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, развлеченъ чѣмъ-то. Есть этакія средства, которыя могутъ это нѣсколько поправить[1]. Можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными средствами или медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать. Впрочемъ, это у него ужъ природный запахъ[2]: онъ говоритъ[3], что какъ-то его[4] въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ того времени отдаетъ отъ него совершенно какъ водкою[5].

Городничій. Да я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчетъ же[6] внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать; да и странно говорить, потому что нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Какъ же вы говорите, Антонъ Антоновичъ, грѣшки?[7] Грѣшки грѣшкамъ рознь. У меня если есть грѣшки, то самые невинные. Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно[8], беру взятки борзыми щенками.

Городничій. Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Э, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ, это совсѣмъ не то. Вотъ у васъ, напримѣръ, шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да...[1]

Городничій. Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? За то вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите; а я, по крайней мѣрѣ, въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церквѣ. А вы... я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, то просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій. Ну, въ этомъ случаѣ Богъ знаетъ: ежели слишкомъ много ума, то бываетъ иной разъ хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а оно врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно насчетъ учителей: они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально, неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, вотъ этотъ... какъ его?...[2] что имѣетъ очень[3] толстое лицо... не вспомню его фамилію... пикакъ не можетъ обойтись, взошедши на каѳедру, чтобы не сдѣлать гримасу — вотъ этакъ *(дѣлаетъ гримасу)*, и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего, можетъ быть, оно тамъ и нужно такъ, я этого не знаю[4]; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю. Это можетъ быть очень худо. Г. ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ — изъ этого чортъ знаетъ что можетъ произойти[5]. Или тотъ бишь, который читаетъ краснорѣчіе и риторику, тоже имѣетъ странную привычку. Онъ, напримѣръ, читаетъ: „прекрасное есть, гм. гм. тфу“!... и плюнетъ; „изящное, гм. гм. тфу“!... и плюнетъ. Оно, конечно, для науки не вредитъ, но со стороны совершенно другое, и я признаюсь, когда стоялъ въ классѣ по близости, то онъ мнѣ обчихалъ весь мундиръ. Хорошо, что тогда мундиръ былъ на мнѣ старый[6]. То же я долженъ вамъ замѣтить

и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова, это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ объ ассиріянахъ и вавилонянахъ — еще ничего; а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что̀ съ нимъ дѣлалось: я думалъ, что пожаръ, ей Богу: сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хвать стуломъ объ полъ. Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? Отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ. Да, онъ горячъ, я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Право, я не знаю, что̀ и дѣлать. Развѣ его привязать немного къ столу?[1]

Городничій. Ну, пожалуй, можно и привязать; только нужно такъ, чтобъ это не было замѣтно[2]. Да, таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ, что умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую состроитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ. Эко право хлопотливое дѣло!

Городничій. Это бы еще ничего, хлопоты; худо, что не знаешь, съ которой стороны ожидать его, когда и въ какое время. Вдругъ заглянетъ: „А кто здѣсь?“ Анъ тутъ мы, голубчики[3]. „А кто[4] въ богоугодномъ заведеніи начальникъ?“ — „Ляпкинъ-Тяпкинъ“[5]. — „А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!“[6] — „А кто здѣсь[7] смотритель училищъ?“ — „Земленика[8]“. — „А подайте сюда Земленику!“[9] Вотъ что худо!

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Городничій. Здравствуйте, Иванъ Кузьмичъ! Я нарочно посылалъ за вами, чтобы сообщить вамъ очень важную новость.

Почтмейстеръ. Я слышалъ уже отъ Петра Ивановича Бобчинскаго[10]. Онъ былъ у меня сегодня въ почтовой конторѣ[11].

Городничій. Ну, что, какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ. А что думаю? война съ турками будетъ[12].

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не то.

Почтмейстеръ. Право, война съ турками. Это все французы гадятъ[1].

Городничій. Какая тутъ война съ турками! Гдѣ тутъ турки? Тутъ, просто, намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это уже извѣстно: меня увѣдомляетъ достовѣрный человѣкъ, что именно ѣдетъ чиновникъ съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть въ нашемъ городѣ все гражданское устройство.

Почтмейстеръ. А можетъ быть, очень можетъ быть, и это правда.

Городничій. Ну, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ? А меня даже немного по кожѣ подираетъ.

Почтмейстеръ. Да я и самъ чувствую небольшую какъ будто лихорадку[2]. А вы боитесь?[3]

Городничій. Чего жъ бояться! Боязни нѣтъ, а такъ какъ то неловко, чортъ знаетъ, какъ неловко! Я, признаться сказать, ужъ слишкомъ подстригъ здѣшнее купечество и гражданство, такъ что врядъ ли и ножницы такія въ свѣтѣ найдутся, которыя бы могли еще что-нибудь захватить; на меня-то они всѣ теперь... такъ вотъ бы съѣли, попадись я только имъ[4]. Пожалуйте сюда, Иванъ Кузьмичъ, я вамъ кое-что скажу *(отводитъ его въ сторону)*. Вотъ въ чемъ дѣло: можетъ быть, онъ если не пріѣхалъ, то находится близко отсюда. Я, признаюсь вамъ, имѣю основательныя причины думать, не жаловался ли кто-нибудь на меня: отчего жъ такая напасть на нашъ городъ? Да притомъ еще инкогнито! Чортъ знаетъ, что такое инкогнито! Вѣдь начальство же есть въ городѣ, къ чему жъ тутъ инкогнито? Такъ вамъ нужно, Иванъ Кузьмичъ, для общей нашей пользы всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, — входящія и исходящія, — знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать: не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или просто переписки? Если же нѣтъ, то можно опять запечатать. Для этого снять какъ-нибудь изъ глины слѣпокъ, или даже можно и такъ отдать письмо — распечатанное.

Почтмейстеръ. Объ этомъ не безпокойтесь[5]. Я это дѣлаю всегда[6] и безъ того, — не то, чтобы изъ предосторожности, а больше изъ любопытства. Я[7], признаюсь, очень люблю узнать, что̀ есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это весьма интересное чтеніе. Ей Богу! Иное письмо съ большимъ удо-

вольствіемъ прочтешь: такъ хорошо описываются разные этакіе пассажи... назидательные даже. Ей Богу! Гораздо лучше нежели въ Московскихъ Вѣдомостяхъ[1]. А вы никогда не читали?

Городничій. Нѣтъ, не читалъ. Я однакожъ радъ, что вы это дѣлаете: это въ жизни хорошо. Скажите: тамъ вы до сихъ поръ ничего не начитывали[2] о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтмейстеръ. О петербургскихъ ничего нѣтъ, а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль однакожъ, что вы никогда не читали писемъ: есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно читалъ я: одинъ поручикъ пишетъ къ одному пріятелю своему и описалъ балъ и жизнь свою съ такимъ искусствомъ... очень хорошо! „Барышень“ говоритъ, „много, музыка играетъ, штандаръ скачетъ“; съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ! Вотъ, если хотите, я вамъ дамъ его прочесть[3]. Я нарочно оставилъ его у себя.

Городничій. Покорнѣйше благодарю. Теперь, ей Богу, мнѣ не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ, какъ только получите какое-нибудь извѣстіе, сейчасъ ко мнѣ[4]; также если какая-нибудь жалоба или донесеніе, то задержите[5].

Почтмейстеръ. Съ удовольствіемъ[6].

Аммосъ Ѳедоровичъ. Эка, въ самомъ дѣлѣ какое печальное, непредвидѣнное извѣстіе! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчивать васъ собаченкою: родная сестра этому кобелю, котораго вы знаете. У меня теперь завели тяжбу два помѣщика-сосѣда, и я теперь[7] могу травить зайцевъ на земляхъ и у того и у другова.

Городничій. Богъ съ ними теперь, со всякими зайцами! У меня, право, въ ухѣ такъ, какъ будто бы сверчокъ[8]. Такъ право[9] и ожидаешь, что вдругъ отворятся двери, и войдетъ онъ самъ...[10]

ЯВЛЕНІЕ III-е.

Тѣ же Бобчинскій и Добчинскій *(оба входятъ запыхавшись)*[11].

Бобчинскій. Чрезвычайное ухъ.... ухъ.... ухъ...[12] происшествіе!

Добчинскій. Неожиданное извѣ... ухъ, ухъ...[13] стье!

Всѣ[1]. Что, что такое?[2]

Добчинскій. Непредвидѣнное дѣло! Приходимъ въ гостинницу...

Бобчинскій *(перебивая)*. Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостинницу...

Добчинскій. Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разскажу.

Бобчинскій. Э, нѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте, вы ужъ и слога такого не имѣете...

Добчинскій. А вы не помните всѣхъ обстоятельствъ, вы сейчасъ собьетесь.

Бобчинскій. Э, нѣтъ! Помню, помню! Ей Богу, помню! Ужъ не мѣшайте, пусть я разскажу![3]

Городничій. Да что такое? Говорите, ради Бога: что такое?[4] Садитесь, господа! Сдѣлайте милость, садитесь! Возьмите стулья, пожалуйста, садитесь! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулъ! *(Всѣ усаживаются вокругъ обѣихъ Петровъ Ивановичей)*. Ну, что такое?

Бобчинскій. Позвольте, я сейчасъ по порядку: какъ только вышелъ я отъ васъ... Э, не мѣшайте, Петръ Ивановичъ! Не говорите ужъ ничего, сдѣлайте милость! Я ужъ самъ знаю... Какъ только вышелъ я отъ васъ, то побѣжалъ тотчасъ къ Коробкину, а не заставши Коробкина дома, побѣжалъ[5] къ Растаковскому; а не заставши Растаковскаго, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему эту[6] новость, да, идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Добчинскій. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бобчинскій. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Слышали ли вы, говорю я Петру Ивановичу, о той новости, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма? А Петръ Ивановичъ уже услышали объ этомъ отъ ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю зачѣмъ-то, была послана къ Филиппу Антиповичу Мартоплясу...[7]

Добчинскій. За боченками для французской водки.

Бобчинскій. За боченками для французской водки... Вотъ мы пошли съ Петромъ Ивановичемъ къ Мартоплясу...[7] Э, сдѣлайте одолженіе, Петръ Ивановичъ, не перебивайте! Пожалуйста, не перебивайте!... Пошли къ Мартоплясу[7], да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ мнѣ: „Сегодни, я знаю, привезли въ трактиръ свѣжей семги, такъ пойдемъ, закусимъ“.

Только что мы въ гостинницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ...

Добчинскій. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ...

Бобчинскій. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ[1], ходитъ по комнатѣ, и въ лицѣ такое разсужденіе и физіономія, такіе важные поступки и такъ здѣсь *(вертитъ рукою около лба)* много, много всего. Я такъ, какъ будто предчувствовалъ, и говорю себѣ: здѣсь что-нибудь да не даромъ. А Петръ Ивановичъ тотчасъ мигнули пальцомъ и подозвали трактирщика... трактирщика Власа... У него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой хорошій мальчикъ, большія подаетъ надежды, и со временемъ такъ же, какъ отецъ, будетъ содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ спросилъ потихоньку: „кто такой этотъ молодой человѣкъ?“ А Власъ говоритъ: „Это“, говоритъ... Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ! Пожалуйста, не перебивайте! Вы не разскажете; ей Богу, не разскажете: вы немного шепеляете, у васъ одинъ зубъ съ свистомъ... „что этотъ молодой человѣкъ — чиновникъ, ѣдущій изъ Петербурга, Иванъ Александровичъ Перепелкинъ[2], и что чрезвычайно странно себя аттестуетъ: больше полторы недѣли живетъ, дальше не ѣдетъ, беретъ все на боръ, денегъ совсѣмъ не плотитъ“. Меня въ одну минуту вразумило[3]. „Э!“ говорю я Петру Ивановичу...

Добчинскій. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ: „э!“

Бобчинскій. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. „Э!“ сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ, съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ Богъ знаетъ куды: въ саратовскую губернію, въ городъ Белебей?[4] Это вѣрно не кто другой, какъ самый тотъ чиновникъ“...

Городничій[5]. Что вы говорите? Не можетъ быть! *(Придвигаетъ поближе стулъ)*[6]. Это вамъ такъ показалось. Это кто-нибудь другой.

Добчинскій. Помилуйте, какъ не онъ! И денегъ не плотитъ и не ѣдетъ! Кому же бы быть, какъ не ему! И съ какой стати жилъ бы онъ здѣсь, когда ему прописана подорожная въ Саратовъ?

Бобчинскій. Онъ, онъ, ей Богу, онъ! Я ставлю Богъ знаетъ что... Такой наблюдательный: все обсмотрѣлъ, и по угламъ вездѣ и даже заглянулъ въ тарелки къ намъ[7] — полюбо-

пытствовать, что ѣдимъ. Такой осмотрительный, что Боже сохрани!

Городничій. И онъ тамъ въ гостинницѣ до сихъ поръ?[1]

Добчинскій. Въ 5 № подъ[2] лѣстницей.

Бобчинскій. Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались пріѣзжіе офицеры.

Городничій. И давно живетъ?[3]

Добчинскій. Ужъ будетъ полторы недѣли. Пріѣхалъ на Василья Египтянина.

Городничій. Полторы недѣли! Что вы! *(Въ сторону).* Ай, ай, ай! *(Почесывая ухо).* Въ эти полторы недѣли высѣчена офицерская жена! Ай, ай, ай![4] Въ эти полторы недѣли арестантамъ никакой провизіи не выдавали! О Боже мой, Боже мой! На улицахъ кабакъ[5] и нечистота! О Боже мой, Боже мой!...

Артемій Филипповичъ. Мнѣ кажется, Антонъ Антоновичъ, намъ теперь поскорѣй одѣться въ мундиры и сей же часъ ѣхать прямо къ нему въ гостинницу.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ[6], нужно больше параду. Нужно пригласить купечество, впередъ пустить голову: онъ человѣкъ видный. Недурно бы тоже и священство: это имѣетъ глубокое и тайное значеніе; вотъ и въ книгѣ: „Дѣянія Іоанна Массона“...

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ; позвольте ужъ мнѣ самому это обдѣлать. *(Обращаясь къ Бобчинскому).* Вы говорите, что онъ человѣкъ молодой?

Бобчинскій. Молодой, лѣтъ 23 или четырехъ съ небольшимъ.

Городничій. Ну, это хорошо, что молодой человѣкъ. Мы вотъ какъ сдѣлаемъ: вы теперь приготовляйте[7] каждый по своей части наскоро, что̀ можете, къ принятію; а я отправлюсь самъ, или вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, — такъ, какъ бы просто для прогулки, или[8] будто бы навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе какихъ-нибудь недостатковъ или непріятностей въ гостинницѣ[9]. А вамъ совѣтую сей же часъ воспользоваться временемъ. Эй, Свистуновъ!

Свистуновъ. Что угодно?

Городничій. Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ... или нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда. *(Квартальный бѣжитъ впопыхахъ).*

Артемій Филипповичъ. Идемъ, идемъ, Аммосъ Ѳедоровичъ! Въ самомъ дѣлѣ, можетъ случиться бѣда.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вамъ-то еще ничего: у васъ вѣдь все въ исправности.

Артемій Филипповичъ. Кой чортъ, въ исправности! Плохо, чрезвычайно плохо![1]

(Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмейстеръ уходятъ и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Городничій, Бобчинскій, Добчинскій и квартальный.

Городничій. Что, дрожки тамъ стоятъ?

Квартальный. Стоятъ.

Городничій. Ступай на улицу... или нѣтъ, постой! Ступай принеси.....[2] Да другіе-то гдѣ? Неужели ты только одинъ здѣсь? Вѣдь я приказывалъ, чтобы и Кнутъ[3] былъ здѣсь. Гдѣ Кнутъ?[3]

Квартальный. Кнутъ[4] въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ.

Городничій. Какъ такъ?

Квартальный. Да такъ: привезли его по утру мертвецки. Вотъ ужъ два ушата воды вылили, до сихъ поръ не протрезвился.

Городничій. Ахъ, Боже мой, Боже мой! Ступай скорѣе на улицу... или нѣтъ, бѣги прежде въ комнату, слышь, и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петръ Ивановичъ, поѣдемъ!

Бобчинскій. И я, и я! Позвольте и мнѣ, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, нельзя! Втроемъ не годится[4], да и въ дрожки не помѣстимся.

Бобчинскій. Ничего, ничего: я такъ, пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ такъ только, посмотрѣть въ щолочку, такъ, знаете, изъ дверей только увидѣть, какъ тамъ онъ эдакъ... больше сущность и поступки его...[5] а я ничего.

Городничій *(принимая шпагу, къ квартальному)*. Бѣги сейчасъ, займи десятскихъ, да пусть каждый изъ нихъ возьметъ... Экъ шпага какъ исцарапалась! Проклятый купчишка Авдулинъ — видитъ, что у городничаго старая шпага, не прислалъ новой! О, лукавый народъ! А такъ, мошенники, я думаю, тамъ ужъ просьбы изъ-подъ полы и готовятъ... Пусть каждый возьметъ въ руки по улицѣ... чортъ возьми: по улицѣ! — по метлѣ, и вымели бы всю улицу, что идетъ къ трактиру, и вымели бы начисто. Слышишь? Да смотри: ты, ты!... Я знаю тебя: ты тамъ кумаешься да крадешь въ ботфорты серебряныя ложечки... Смотри: у меня, ухо востро!... Что ты сдѣлалъ съ купцомъ Черняевымъ, а? Онъ тебѣ на мундиръ далъ два аршина сукна, а ты стянулъ всю штуку. Ты, дуракъ, съ меня примѣра не бери! Ступай!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и частный приставъ.

Городничій. А, Степанъ Ильичъ, скажите, Бога ради, куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный приставъ. Я былъ тутъ сейчасъ за воротами.

Городничій. Ну, слушайте же, Степанъ Ильичъ. Вамъ теперь нужно все ужъ прежнее бросить: вѣдь чиновникъ-то изъ Петербурга пріѣхалъ. Какъ вы тамъ распорядились?

Частный приставъ. Да такъ, какъ приказывали: квартальнаго Пуговицына я послалъ съ десятскими подчищать тротуаръ.

Городничій. А Держиморда гдѣ?

Частный приставъ. Держиморда поѣхалъ на пожарной трубѣ.

Городничій. А Кнутъ[1] пьянъ?

Частный приставъ. Пьянъ.

Городничій. Какъ же вы это такъ допустили?

Частный приставъ. Да Богъ его знаетъ. Вчерашняго дня случилась за городомъ драка — поѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ.

Городничій. Послушайте жъ, вы сдѣлайте вотъ что: квартальный Пуговицынъ... онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ для благоустройства на мосту. Да развалить[2] наскоро старый

заборъ, что возлѣ сапожника, и поставить соломенную вѣху, чтобъ было похоже на планировку. Оно чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градоправителей. Ахъ, Боже мой! Боже мой![1] Я и позабылъ, что возлѣ того забора навалено на сорокъ телѣгъ всякаго сору. Что это за скверный городъ! Только гдѣ-нибудь поставь какой-нибудь заборъ или памятникъ[2], — чортъ ихъ знаетъ, откудова, и нанесутъ всякой дряни! Охъ, Боже мой, Боже мой! *(Вздыхаетъ).* Да если пріѣзжій чиновникъ будетъ спрашивать службу: „довольны ли?“ чтобы говорили: „всѣмъ довольны, ваше благородіе“; а который будетъ не доволенъ, то ему послѣ дамъ такого неудовольствія... О, Боже мой! Боже мой! Грѣшенъ, во многомъ грѣшенъ. *(Беретъ вмѣсто шляпы коробку).* Дай только, Боже, чтобы сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ-то я поставлю ужъ такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ: каждому бестіи купцу[3] наложу доставить по три пуда воску. О, Боже мой! Боже мой! Ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! *(Надѣваетъ вмѣсто шляпы коробку на голову).* Ѣдемъ!

Частный приставъ. Ваше высокоблагородіе! у васъ на головѣ коробка.

Городничій *(бросаетъ ее).* Чортъ съ ней! Да если спросятъ, отчего не выстроена церковь при богоугодномъ заведеніи, на которую назадъ тому пять лѣтъ была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что началась строиться, но сгорѣла. Я объ этомъ и рапортъ представлялъ, что большущій былъ пожаръ. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись[4], скажетъ, что она и[5] совсѣмъ не начиналась. Да сказать Держимордѣ, чтобы не слишкомъ давалъ воли кулакамъ своимъ: я знаю, онъ[6] имѣетъ обычай для порядка всѣмъ ставить фонари подъ глазами — и правому, и виноватому. Ѣдемъ, ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! *Уходитъ и возвращается).* Да не выпускать солдатъ на улицу безъ всего: эта дрянная гарниза надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ.

(Всѣ уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI-е.

Анна Андреевна и **Марья Антоновна** *(вбѣгаютъ на сцену)*.

Анна Андреевна. Гдѣ жъ, гдѣ жъ они? Ахъ, Боже мой!... *(Отворяя дверь)*. Мужъ! Антоша! Антонъ! *(Говоритъ скоро)*. А все ты, а все за тобой! И пошла копаться: „я булавочку, я косынку, я сейчасъ, я сейчасъ!...“ Вотъ тебѣ и „сейчасъ“![1] *(Подбѣгаетъ къ окну и кричитъ)*. Антонъ, куда? куда? Что, пріѣхалъ? Ревизоръ? Что онъ, статской? Съ усами? Съ какими усами?

Голосъ Городничаго. Послѣ, послѣ, матушка!

Анна Андреевна. Послѣ? Вотъ новости: послѣ! Я не хочу послѣ... Мнѣ только одно слово: что онъ, полковникъ? А? *(Съ пренебреженіемъ)*. О, глупой! уѣхалъ! Постой же ты, проклятый Антошка! Дрянь такую надвинулъ на глупыя уши, треугольную свою шляпу, и уѣзжаетъ со двора,— такъ, какъ будто и не онъ! А носъ — какъ картофель. Я тебѣ вспомню это[2]. А все эта[3]: „Маменька, маменька! погодите, зашпилю сзади косынку! Я сейчасъ!“ Вотъ тебѣ и „сейчасъ!“ Вотъ тебѣ ничего не узнали! А все проклятое кокетство: услышала, что почтмейстеръ здѣсь, и давай передъ зеркаломъ жеманиться: и съ той стороны, и съ этой стороны подойдетъ. Воображаетъ, что онъ за ней волочится, а онъ просто тебѣ дѣлаетъ рожу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна. Да что дѣлать, маменька? Все равно: вѣдь чрезъ 2 часа мы все узнаемъ.

Анна Андреевна. Черезъ 2 часа! Покорнѣйше благодарю. Вотъ одолжила отвѣтомъ! Какъ ты не догадалась сказать, что черезъ мѣсяцъ еще лучше можно узнать? *(Свѣшивается въ окно)*. Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала: тамъ пріѣхалъ кто-то? А? Генералъ?

Голосъ Авдотьи. Ей Богу, сударыня, ничего не услышала.

Анна Андреевна. Глупая какая!

Голосъ Авдотьи. Подкинулась было къ квартальному: руками только машетъ, какъ угорѣлый.

Анна Андреевна. Ну что жъ? Пусть машетъ, а ты все бы таки его разспросила. Не могла этого узнать! Въ головѣ че-

пуха: все женихи сидятъ. А? Что? Скоро уѣхали? Да ты бы побѣжала за дрожками. Ступай, ступай сейчасъ! Слышишь, побѣги, разспроси, куда поѣхали. Да разспроси хорошенько: что̀ за пріѣзжій, какой онъ, — слышишь! Подсмотри въ щелку и узнай все, и глаза какіе — черные или нѣтъ; и сію же минуту возвращайся назадъ, — слышишь! *(Обѣ остаются смотрящими въ окно; занавѣсъ опускается).*

ДѢЙСТВІЕ II.

Маленькая комната въ гостинницѣ.

Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

Осипъ *(лежитъ на барской постели).* Чортъ побери, ѣсть такъ хочется и въ животѣ трескотня такая, какъ будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы! Вотъ, мать моя ты божія, не доѣдемъ да и только домой! Что ты прикажешь дѣлать? Второй мѣсяцъ пошелъ, какъ[1] изъ Питера; всего вѣдь треть верстъ осталось[2]. Профинтилъ дорогою денежки, голубчикъ, теперь сидитъ, и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы и очень бы стало на прогоны. Нѣтъ, вишь ты, нужно въ каждомъ губернскомъ городѣ[3] показать себя! „Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату лучшую, да обѣдъ спроси самый лучшій: я не могу ѣсть дурнова обѣда, мнѣ нуженъ лучшій обѣдъ“. Добро бы было въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное, а то вѣдь елистратишка простой. Вотъ тебѣ и дообѣдался! Съ проѣзжающимъ знакомится, а потомъ въ картишки — вотъ тебѣ и доигрался! Эхъ, надоѣла такая жизнь! Ей Богу, на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше: возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на полатяхъ да ѣшь пироги. Ну, кто жъ споритъ, конечно, если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кѣятры, собаки тебѣ танцуютъ, и все, что хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству не уступитъ[4]. Пойдешь на Щукинъ — купцы тебѣ кричатъ: „почтенный!“ На перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь.

Компаніи захотѣлъ — ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявитъ, что всякая звѣзда значитъ на небѣ — такъ вотъ, какъ на ладонѣ, все видишь. Старуха офицерша забредетъ[1]; горничная иной разъ заглянетъ такая... фу! фу! фу! *(Усмѣхается и вертитъ головою)*. Растаканье, канальство! Галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь; всякой тебѣ говоритъ: *вы*. Наскучило итти — берешь извощика, и сидишь себѣ, какъ баринъ; а не хочешь заплатить ему, — изволь: у каждаго дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ другой чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь, напримѣръ. А все онъ виноватъ. Что съ нимъ сдѣлаешь? — Батюшка пришлетъ денежки, чѣмъ бы ихъ попридерживать, и куды!... пошелъ кутить: ѣздить на извощикѣ, каждый день ты ему доставай въ кѣятръ билетъ. А тамъ черезъ недѣлю — глядь, и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки продастъ, такъ что на немъ всего останется сертучишка да шинельчонка. Ей Богу, правда! И сукно такое важное — аглицкое. Рубліовъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать; а о брюкахъ и говорить нечего — нипочемъ идутъ; карпетки 10 коп. за пару[2]. А отчего? — оттого, что дѣломъ не занимаешься[3]: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту, въ картишки играетъ, извощиковъ надуваетъ[4]. Эхъ, если бъ узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а, поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бъ четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи! Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что „не дамъ вамъ ѣсть, пока не заплотите за прежнее“. Ну, а коли не заплотимъ? *(Со вздохомъ)*. Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія-нибудь щи! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ. Стучится; вѣрно, это онъ идетъ[5]. *(Поспѣшно схватывается съ постели.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Осипъ и Хлестаковъ[1].

Хлестаковъ *(ходитъ по комнатѣ)*. Посмотри, тамъ въ картузѣ табаку нѣтъ?

Осипъ. Да гдѣ жъ ему быть, табаку! Вы еще четвертаго дни послѣднее выкурили.

Хлестаковъ *(насвистываетъ, потомъ, обращаясь къ нему, говоритъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ)*. Послушай, эй, Осипъ!

Осипъ. Чего изволите?

Хлестаковъ *(громкимъ, но не столь рѣшительнымъ)*. Ты ступай туда...

Осипъ. Куда?

Хлестаковъ *(голосомъ не рѣшительнымъ[2] и не громкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ)*. Внизъ, въ буфетъ... Тамъ скажи... чтобы мнѣ дали пообѣдать: супъ, соусъ или еще что-нибудь... поскорѣй!

Осипъ. Да нѣтъ, я и ходить не хочу.

Хлестаковъ. Какъ ты смѣешь, дуракъ?

Осипъ. Да такъ: все равно, хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать.

Хлестаковъ. Это вздоръ! Ты скажи ему, что онъ не можетъ этого сдѣлать[3].

Осипъ. „Еще“, говоритъ: „и къ городничему пойду, третью недѣлю баринъ денегъ не платитъ. Вы де съ бариномъ“, говоритъ, „мошенники, и баринъ твой — плутъ. Мы де“ говоритъ, „этакихъ широмыжниковъ уже видали“.

Хлестаковъ. Ну, онъ дуракъ, больше ничего.

Осипъ. Говоритъ: „Этакъ всякій пріѣдетъ, обживется, задолжается, послѣ и выгнать нельзя. Я“, говоритъ, „шутить не буду, я прямо съ жалобой, чтобы на съѣзжую да въ тюрьму“...

Хлестаковъ. Ну, ну, ну!... А ты ужъ всякой вздоръ радъ пересказывать. Ступай, скажи, что я... Ступай, ступай, скажи ему...

Осипъ. Да я лучше самого хозяина позову къ вамъ.

Хлестаковъ. На что жъ хозяинъ? Ты поди, самъ скажи...
Осипъ. Да право, сударь...
Хлестаковъ. Ну, ступай, чортъ съ тобой, позови хозяина!
(Осипъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ *(одинъ)*.

Ужасно какъ хочется ѣсть! Такъ немножко прошелся; думаю[1], не пройдетъ ли аппетитъ, — нѣтъ, чортъ возьми, не проходитъ! Да, если бъ въ Пензѣ я не покутилъ такъ[2], то очень бы стало денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ больше всего меня поддѣлъ. Однакожъ, нечего сказать, кто что ни говори, а удивительно, бестія, штосы срѣзываетъ. Чортъ его знаетъ: всего только двѣ таліи прокинулъ, и все забралъ. Нужно когда-нибудь поучиться у него. Да, впрочемъ, какъ же поучиться? Когда же случай доведетъ съ нимъ встрѣтиться?[3] Охъ, когда бы въ самомъ дѣлѣ уже скорѣе доѣхать домой! Надоѣло въ дорогѣ! И какъ нарочно такой мерзкой городишка: въ другихъ по крайней мѣрѣ что-нибудь бываетъ, а здѣсь ничего совершенно нѣтъ. Въ овошенной лавкѣ балыки еще сносны, да проклятые сидѣльцы очень мало даютъ на пробу. *(Насвистываетъ сначала изъ „Роберта“, потомъ изъ русской пѣсни, а наконецъ ни се, ни то)*[4].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ, Осипъ и трактирный слуга.

Слуга. Хозяинъ приказалъ спросить, что вамъ угодно?
Хлестаковъ. Здравствуй, братецъ! Ну что, ты здоровъ?
Слуга. Слава Богу!
Хлестаковъ. Ну, что, какъ у васъ въ гостинницѣ? Хорошо ли все идетъ?
Слуга. Да, слава Богу, все хорошо.
Хлестаковъ. Много проѣзжающихъ?
Слуга. Да, достаточно.

Хлестаковъ. Послушай, любезный, тамъ мнѣ до сихъ поръ обѣда не приносятъ, такъ, пожалуйста, поторопи, чтобы поскорѣе: видишь, мнѣ сейчасъ послѣ обѣда нужно кое-чѣмъ заняться.

Слуга. Да хозяинъ сказалъ, что не будетъ больше отпускать. Онъ никакъ хотѣлъ итти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаковъ[1]. Вотъ вздоръ какой![2] По крайней мѣрѣ онъ долженъ мнѣ дать ѣсть. Ты посуди самъ, любезный другъ, какъ же мнѣ быть безъ обѣда: вѣдь этакъ я могу отощать совсѣмъ.

Слуга. Такъ-съ. Да онъ приказалъ, что „поди", говоритъ, „скажи, что у меня", говоритъ, „нѣтъ для него стола и что я пойду жаловаться".

Хлестаковъ. Да что жъ, жаловаться? Ну, жаловаться пусть идетъ, пожалуй. Но онъ мнѣ не смѣетъ не дать обѣдать. Я, ей Богу, не шутя хочу ѣсть, сильно хочу ѣсть.

Слуга. Такъ-съ. Онъ говорилъ: „я ему обѣдать не дамъ, покамѣстъ онъ не заплотитъ мнѣ за прежнее". Таковъ ужъ отвѣтъ его былъ.

Хлестаковъ. Ты пойди, ему скажи, урезонь его.

Слуга. Да что жъ такое ему говорить?

Хлестаковъ. Ну, разскажи все то, вотъ[3] что отъ меня слышалъ... чтобъ онъ мнѣ далъ... что онъ долженъ дать... А о деньгахъ пусть не безпокоится: деньги сами собою... Такъ просто и скажи, что онъ не смѣетъ не дать, потому-что я точно хочу ѣсть[4].

Слуга. Пожалуй, я скажу.

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ *(одинъ)*.

Это скверно однакожъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Что тутъ, право, дѣлать?[5] Развѣ изъ платья что-нибудь продать?[6] Что жъ бы такое? Жилетъ, панталоны? Нѣтъ... нѣтъ... ужъ[7] лучше поголодаю, но за то, по крайней мѣрѣ[8], пріѣду домой въ пе-

тербургскомъ костюмѣ. Ну, одна только эта мысль какъ-нибудь еще утѣшительна[1]. А вѣдь какъ[2], если посудить[3], просвѣщеніе въ губернскихъ городахъ отстало отъ столичнаго! Вѣдь[4] эти свиньи[5] помѣщики, я знаю[6], носятъ мѣшки вмѣсто фраковъ. Я ставлю Богъ знаетъ что, если не буду между ими одинъ только въ модномъ костюмѣ. Эхъ, если бы какую-нибудь теперь котлетку! Хоть вотъ этакой бы кусочекъ говядины! Нѣтъ, чортъ побери, лучше какъ-нибудь поголодаю[7]. Жаль, что Іохимъ не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы пріѣхать домой[8] въ каретѣ! Очень бы не дурно было подкатить[9] къ какому-нибудь сосѣду помѣщику съ фонарями подъ крыльцо, а Осипа сзади одѣть въ ливрею. Господи Боже мой, какъ бы переполошилось все! „Кто такой? что такое?“ А лакей входитъ: „Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга; прикажете принять?“ Они, свиньи[10], и не знаютъ, что такое значитъ: „прикажете принять?“ Къ нимъ если пріѣдетъ какой-нибудь телепень помѣщикъ[11], ту же минуту вылазитъ изъ брички и, не говоря ни слова, такъ прямо, медвѣдь, и валится въ гостиную. *(Подходитъ къ зеркалу, смотритъ въ него и дѣлаетъ одобрительный знакъ).* Гм. гм! хорошо, хорошо! Да оно, если разсудить, есть таки на что заглядѣться! Кусишко довольно лакомый! Гм. хорошо, хорошо! Когда бы только добраться скорѣй домой![12] Тфу *(плюетъ)*, даже тошнитъ — такъ ѣсть хочется.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ, Осипъ, потомъ слуга.

Хлестаковъ. А что?

Осипъ. Несетъ обѣдъ.

Хлестаковъ. Несетъ? Ну, хорошо.

Слуга *(съ тарелками и салфеткой).* Хозяинъ въ послѣдній разъ ужъ даетъ.

Хлестаковъ. Ну, давай сюда. Что тамъ такое?

Слуга. Супъ и жаркое.

Хлестаковъ. Какъ, только два блюда?

Слуга. Только-съ.

Хлестаковъ. Вотъ вздоръ какой! Я это не принимаю...

Ты скажи ему, что̀ это въ самомъ дѣлѣ такое... Этого мало.

Слуга. Нѣтъ, хозяинъ говоритъ, что еще много.

Хлестаковъ. А соуса почему нѣтъ?

Слуга. Соуса нѣтъ.

Хлестаковъ. Отчего же нѣтъ? Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, какъ готовилась рыба и котлеты.

Слуга. Да это, можетъ быть, для тѣхъ, которые почище-съ.

Хлестаковъ. Ахъ, ты дуракъ!

Слуга. Да-съ.

Хлестаковъ. Вотъ прекрасно!...[1] Какое же они имѣютъ право? Отчего же я не могу? Да что, чортъ возьми[2], развѣ они не такіе же проѣзжающіе, какъ и я?

Слуга. Да ужъ извѣстно, что не такіе.

Хлестаковъ. Какіе же?

Слуга. Они деньги платятъ.

Хлестаковъ. Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать. *(Наливаетъ супъ и ѣстъ)*. Что это за супъ? Ты просто воды налилъ въ чашку: никакого вкуса нѣтъ, только воняетъ. Я не хочу этого супа, дай мнѣ другова.

Слуга. Мы примемъ-съ; хозяинъ сказалъ: коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаковъ. Ну, ну, ну... оставь, дуракъ! Ты привыкъ тамъ обращаться съ тѣми[3]; я, братъ, не такого рода! Со мной, братецъ, я шутокъ не совѣтую тебѣ дѣлать[4]. *(Ѣстъ)*. Боже мой, какой супъ! *(Продолжаетъ ѣсть)*. Я думаю, еще ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не ѣдалъ такова супа. Какія-то перья плаваютъ вмѣсто масла. *(Рѣжетъ курицу)*. Ай, ай, ай, какая курица! Давай жаркое! Тамъ супу немного осталось — Осипъ, возьми себѣ. *(Рѣжетъ жаркое)*. Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что жъ такое?

Хлестаковъ. Чортъ его знаетъ, что такое, только не жаркое: это топоръ, зажаренный вмѣсто говядины. *(Ѣстъ)*. Мошенники! Каналья! Чѣмъ они кормятъ! И зубовъ не останется, если съѣшь одинъ такой кусокъ. *(Ковыряетъ пальцемъ въ зубахъ)*. Совершенно какъ деревянная кора — ничѣмъ вытащить нельзя! И челюсти заболятъ послѣ этихъ блюдъ, какія они,

подлецы, дають мнѣ. Мошенники! *(Вытираетъ ротъ салфеткой)*. Больше ничего нѣтъ?

Слуга. Нѣтъ.

Хлестаковъ. Канальи! Подлецы! И даже больше ничего нѣтъ![1]

(Слуга убираетъ и уноситъ тарелки, вмѣстѣ съ Осипомъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хлестаковъ, потомъ Осипъ.

Хлестаковъ. Право, какъ будто и не ѣлъ, только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынокъ и купить хотя сайку.

Осипъ *(входитъ)*. Тамъ чего-то городничій пріѣхалъ, освѣдомляется и спрашиваетъ о васъ.

Хлестаковъ *(испугавшись)*. Вотъ тебѣ на! Бездѣльникъ трактирщикъ не шутилъ![2] Я, ей Богу, никакъ не думалъ про это! Непріятно, очень непріятно, если онъ въ самомъ дѣлѣ потащитъ въ тюрьму. О, вздоръ! Какъ же онъ смѣетъ меня потащить?...[3] Впрочемъ, если благороднымъ образомъ, еще ничего: я, пожалуй, пойду... Что жъ дѣлать? Но вотъ худо, если онъ вздумаетъ такъ, чтобы завязать на рукѣ веревочку, да на веревочкѣ повесть, чортъ съ нимъ!...[4] Тамъ вчера, когда я прохаживался, смотрѣли на меня двѣ хорошенькія купеческія дочки[5], ну, и вѣроятно, — гдѣ жъ имъ увидѣть другаго изъ Петербурга? — вѣроятно влюбились; а тутъ вдругъ меня поведутъ, можетъ быть, передъ ихъ же окнами... это ужъ очень! Нѣтъ, онъ этого не смѣетъ сдѣлать, или ужъ онъ будетъ такая скотина... Зачѣмъ мнѣ ужъ было надѣвать тогда новаго фрака и франтить такъ? Было бы потихоньку пройтить подъ стѣнкою!... О, вздоръ! Онъ меня никакъ не смѣетъ и не можетъ: вѣдь я дворянинъ.... Я изъ Петербурга, служу тамъ: онъ побоится. Да вѣдь чиновника нельзя вести на веревочкѣ, это можно какого-нибудь мѣщанина или ремесленника. О, не поддаваться! Ей Богу, не поддаваться![6] *(Показываетъ однакожъ[7] движеніе подлѣзть подъ столъ, но въ это время отворяется дверь[8]).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Входитъ городничій и Добчинскій.

(Городничій, взошедъ, останавливается. Оба смотрятъ въ испугъ одинъ на другаго, выпучивъ глаза).

Городничій *(немного оправившись и протянувъ руки по швамъ).* Желаю здравствовать!

Хлестаковъ[1]. Слава Богу, ѣлъ, ѣлъ...[2]

Городничій. Извините, что осмѣлился...

Хлестаковъ. Ничего, ничего!

Городничій. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

Хлестаковъ *(перебивая; сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко).* Да что жъ дѣлать? Я не виноватъ... Я, право... я заплачу: мнѣ пришлютъ изъ деревни[3] — у меня доходъ большой... Онъ больше виноватъ: онъ меня, мерзавецъ, кормилъ такъ гадко; говядину онъ мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ только названіе носитъ супа, а я ни одной ложки не ѣлъ его, долженъ былъ выбросить за окошко. Онъ меня морилъ голодомъ по цѣлымъ днямъ. Чай даетъ такой странный: воняетъ рыбою, а не чаемъ. Вотъ новости! Да я еще[4] долженъ и отвѣчать?... Я ему заплачу, объ этомъ нечего безпокоиться.

Городничій *(робѣя).* Извините, я, право, не виноватъ. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую говядину: на рынкѣ у меня всегда хорошая. Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру

Хлестаковъ. Нѣтъ, я не хочу: я знаю, что значитъ „на другую квартиру“, то есть, это — въ тюрьму. Нѣтъ, я не хочу... Зачѣмъ же меня?... Я, я... я заплачу. Вы не имѣете права меня... Я покажу вамъ и подорожную: я чиновникъ, я[5] губернскій секретарь. Я ѣду въ собственную мою деревню въ екатеринославскую[6] губернію, я служу по Министерству Финансовъ. Я... Вы меня не смѣете... Я буду жаловаться на васъ министру.

Городничій *(въ сторону).* Ай, ай, ай, какой сердитый! Вѣрно, узналъ что-нибудь! Донесли проклятые купцы![7].

Хлестаковъ *(храбрясь)*. Да какъ вы смѣете? Я хоть вамъ и кажусь... однакожъ меня самъ министръ знаетъ... Я и по службѣ получаю отличія, мнѣ къ новому году выйдетъ... прибавка жалованья...[1] Да... Нѣтъ, я не пойду! Ей Богу, не пойду, вотъ вамъ перекрещусь, хоть вы со всей своей командой... Не поддаваться! Ей Богу, не поддаваться! Взять въ руки эту бутылку *(беретъ рукою сзади бутылку)*, и если что, то, ей Богу, бутылкою...[2]

Городничій *(вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ)*. Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... Не сдѣлайте несчастнымъ человѣка!...

Хлестаковъ. Нѣтъ, я не хочу... Вотъ еще! Мнѣ какое дѣло! Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ итти въ тюрьму![3] Нѣтъ... благодарю покорно, я не хочу.

Городничій[4]. Перемѣните гнѣвъ на милость. По неопытности, ей Богу, по неопытности!... Недостаточность состоянія.... Казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если жъ и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь да на пару платья; что же до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей Богу, клевета! Это выдумали злодѣи мои, ей Богу! Это такой народъ, что готовы покуситься на жизнь мою[5].

Хлестаковъ. Да... конечно... *(Въ размышленіи)*. Я не знаю однакожъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ... Я не знакомъ съ нею. Да мнѣ и дѣла нѣтъ къ ней. Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь. До этого вамъ далеко... Я заплачу, я заплачу вамъ деньги... У меня только теперь нѣтъ... Я потому и сижу здѣсь такъ долго, что ни копѣйки нѣтъ денегъ.

Городничій *(въ сторону)*. О, тонкая штука! Экъ куда метнулъ! Какого тумана напустилъ! Разбери, кто хочетъ! Теперь я вижу, что̀ значитъ столичныя доки[6]. Боже упаси![7] Никакъ не хочетъ показать, зачѣмъ пріѣхалъ: и о деньгахъ говоритъ, и увѣряетъ, что заплотитъ — Богъ его знаетъ, что! Ну, какъ не потерять ума? Именно не знаешь, какъ и хватиться. Однакожъ попробовать на авось...[8] Если вы, точно, имѣете нужду въ деньгахъ, или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить

сію минуту. Моя обязанность — помогать проѣзжающимъ, останавливающимся въ подвѣдомственномъ моему распоряженію городѣ.

Хлестаковъ. А, такъ вы согласны дать мнѣ взаймы! О, если такъ, то[1] я сейчасъ готовъ расплатиться. Сдѣлайте милость[2], мнѣ хоть[3] двѣсти рублей — раздѣлаться только[4] съ трактирщикомъ; а тамъ я, какъ только въ деревню, я вамъ сейчасъ пришлю. У меня это вдругъ[5].

Городничій. Помилуйте, я готовъ ждать, сколько угодно. Какъ можно, чтобы я осмѣлился назначать срокъ! Вотъ тутъ ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаковъ[6]. А, хорошо! Покорнѣйше васъ благодарю[7]. *(Беретъ ассигнаціи и, скомкавши, кладетъ ихъ въ карманъ).*

Городничій *(въ сторону).* Ну, слава Богу, по крайней мѣрѣ деньги взялъ! Теперь дѣло, можетъ быть, на ладъ пойдетъ. Я таки ему, вмѣсто двухъ сотъ, четыреста ввернулъ.

Хлестаковъ. Эй, Осипъ! *(Осипъ входитъ).* Позови сюда трактирнаго слугу! *(Къ городничему и Добчинскому).* А что жъ вы стоите? Сдѣлайте милость, садитесь! *(Добчинскому).* Садитесь, прошу покорнѣйше.

Городничій. Ничего, я и такъ постою.

Хлестаковъ. Садитесь, пожалуйста, я васъ прошу. *(Къ Добчинскому).* Садитесь! *(Городничій и Добчинскій садятся)*[8].

Городничій *(въ сторону).* Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Нужно такъ прикинуться, какъ будто бы совсѣмъ не знаешь[9], что онъ за человѣкъ. *(Вслухъ).* Мы такъ сегодня по утру прохаживались здѣсь: все утро[10] хлопотали по должности, и потомъ вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостинницу, чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе[11], потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего и дѣла нѣтъ, лишь бы ему было хорошо; но я кромѣ должности еще по христіянскому человѣколюбію хочу, чтобы всякому смертному оказывался хорошій пріемъ, и потому зашелъ тотъ же часъ въ гостинницу и обязанъ этому пріятнымъ знакомствомъ съ вами.

Хлестаковъ. Да я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: я, право, совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Городничій *(въ сторону)*. Да, разсказывай себѣ! *(Вслухъ)*. Осмѣлюсь ли спросить, куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Хлестаковъ. Я ѣду въ саратовскую губернію, въ собственную деревню.

Городничій *(въ сторону, дѣлая ироническую гримасу)*. Въ саратовскую губернію!... Хе, хе, хе! Да, какъ разъ![1] *(Вслухъ)*. Да, пріятная прогулка для ума и сердца. Въ дорогѣ способности хорошо развиваются... И вы, вѣрно, такъ только, по своей охотѣ, ѣдете туда, для своего удовольствія?

Хлестаковъ. Да, батюшка[2] меня требуетъ: хочетъ меня видѣть возлѣ себя.

Городничій *(въ сторону, смѣясь и прищуривъ глазъ)*. Батюшка требуетъ! Хе, хе, хе!... *(Вслухъ)*. И на долгое время изволите ѣхать туда?

Хлестаковъ. Да я полагаю, навсегда. Я ужъ давно подалъ отставку: хочется пожить на волѣ.

Городничій *(въ сторону, дѣлая гримасу[3])*. Подалъ въ отставку![4] *(Вслухъ)*. Это хорошо вы дѣлаете, очень хорошо! Что служба? Однѣ хлопоты: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда неизвѣстно еще когда будетъ. *(Окидываетъ глазами комнату)*. Что это, какъ будто бы тамъ въ углахъ пятна — похожи нѣсколько на течь? Вѣрно, бываетъ сыро? Вотъ стѣны[5] ужъ слишкомъ низенькія. Мнѣ кажется, эта комната для васъ не слишкомъ удобна.

Хлестаковъ. Да, очень скверная комната. Я никогда не останавливался въ такой дурной комнатѣ. Тамъ вездѣ по дорогѣ, гдѣ проѣзжалъ я, было хорошо: живопись и[6] люстры; а здѣсь ничего нѣтъ, и клопы такіе, какихъ еще не видывалъ нигдѣ[7]: такъ, канальи[8], какъ собаки кусаютъ!

Городничій. Да вонъ и паутина виситъ! Кажется, и мухи нѣсколько опачкали, и такъ[9],— сколько на мои слабые глаза, — даже нѣсколько темновато[10].

Хлестаковъ. Да, совсѣмъ темно, и хозяинъ завелъ такое скверное обыкновеніе — не отпускать совсѣмъ свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать, почитать, или такъ придетъ фантазія сочинить что-нибудь; но никакъ не можно, оттого, что вовсе темно[11].

Городничій. Позвольте попросить васъ переѣхать ко мнѣ въ домъ[12]. У меня есть для васъ очень удобная комната.

Хлестаковъ. А, я очень радъ. А что, у васъ развѣ хорошая комната?[1]

Городничій. Прекрасная комната; и столъ тоже вы будете у меня имѣть, хоть не такой, какъ въ столицѣ[2]: припасы все свѣжіе, — не такіе, какіе отпускаютъ въ трактирѣ за деньги. Не откажите![3] А я ужъ такъ буду радъ[4] гостю! У меня такой нравъ — гостепріимство съ самаго дѣтства: все, что ни есть, радъ предложить, особливо, если еще притомъ гость такой образованный[5]. Я, признаюсь, сейчасъ ощутилъ къ вамъ самую сильную привязанность[6].

Хлестаковъ. Покорно благодарю васъ. Мнѣ тоже вы очень понравились.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и трактирный слуга, *сопровождаемый Осипомъ*. **Бобчинскій** *выглядываетъ въ дверь*.

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаковъ. Да, подай счетъ.

Слуга. Я ужъ давича подалъ вамъ другой счетъ.

Хлестаковъ. Я ужъ не помню.

Слуга. Вы изволили въ первый день спросить двѣ бутылки шампанскаго, обѣдъ и ужинъ, а на другой день одинъ обѣдъ, на третій день только закусили семги и потомъ пошли все въ долгъ брать.

Хлестаковъ. Ну, да всего-то сколько слѣдуетъ?

Городничій. Да вы не извольте безпокоиться: онъ подождетъ. *(Слугѣ).* Пошелъ вонъ! тебѣ пришлютъ.

Хлестаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, и то правда[7]. *(Слуга уходитъ; въ дверь выглядываетъ Бобчинскій).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Городничій, Хлестаковъ, Добчинскій.

Городничій. Не угодно ли будетъ вамъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ-то: богоугодныя и другія?

Хлестаковъ. А что тамъ такое?

Городничій. А такъ, посмотрите, какой у насъ порядокъ, какъ у насъ идетъ все это[1] теченіе дѣлъ... Знаете, это для наблюдательнаго ума хорошо: тутъ можно вывести много полезнаго.

Хлестаковъ. Извольте, съ большимъ удовольствіемъ; я готовъ.

(Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь).

Городничій. Также, если будетъ ваше желаніе, оттуда въ уѣздное училище — осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

Хлестаковъ. Извольте, извольте.

Городничій. Потомъ, если пожелаете, посѣтить острогъ и городскія тюрьмы, — разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

Хлестаковъ. Нѣтъ... тюрьмы и острогъ... я не... Лучше я посмотрю богоугодныя заведенія.

Городничій. Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ своемъ экипажѣ, или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

Хлестаковъ. Да я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

Городничій *(Добчинскому)*. Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь нѣтъ мѣста.

Добчинскій. Ничего, я такъ...

Городничій. Вы побѣгите наскоро ко мнѣ и скажите женѣ моей... или лучше я дамъ вамъ записочку. *(Хлестакову)*. Осмѣлюсь ли я попросить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну только строчку къ женѣ, чтобы она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя?

Хлестаковъ. О, помилуйте, зачѣмъ безпокоиться! Впрочемъ, извольте, напишите: вотъ тутъ и чернила есть[2], только бумаги не знаю... Развѣ на этомъ счетѣ?...

Городничій. Я здѣсь напишу. *(Пишетъ и отдаетъ Добчинскому, который подходитъ къ двери; но въ это время дверь обрывается и подслушивавшій съ другой стороны Бобчинскій летитъ вмѣстѣ съ нею на сцену. Всѣ издаютъ восклицанія: „Ухъ!“[3] Бобчинскій подымается).*

Хлестаковъ. Что, не зашиблись ли вы гдѣ-нибудь?

Бобчинскій. Ничего, ничего, вашество![4] Только сверху носа небольшая нашлепка. Я забѣгу къ Крестьяну Ивановичу: онъ дастъ мнѣ пластырь, и все пройдетъ.

Городничій *(дѣлаетъ Бобчинскому укорительный знакъ; Хлестакову)*. Прошу покорнѣйше, пожалуйте! А слугѣ вашему я скажу, чтобы перенесъ чемоданъ. *(Осипу)*. Любезнѣйшій! ты переноси все ко мнѣ, къ городничему; тебѣ всякой покажетъ. Прошу покорнѣйше! *(Пропускаетъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за нимъ; но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Бобчинскому)*. Ужъ и вы! Не нашли другаго мѣста упасть!

(Уходитъ, за нимъ Бобчинскій. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ III.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Андреевна и Марья Антоновна *(стоятъ у окна въ тѣхъ же самыхъ положеніяхъ)*.

Анна Андреевна. Ну, вотъ ужъ цѣлый часъ дожидаемся. А все глупое это жеманство: одѣлась вѣдь[1], совершенно одѣлась — нѣтъ, еще нужно: „я, маменька, косыночку[2], я булавочку...“ Было не слушать ее вовсе! Экая досада! Какъ нарочно ни души! Какъ будто вымерло все. Хотя бы по крайней мѣрѣ что-нибудь узнать теперь — одно слово только! Ну[3], по крайней мѣрѣ, кто пріѣхалъ!

Марья Антоновна. Да, право, маменька, черезъ минуты двѣ все узнаемъ: ужъ скоро Авдотья должна притти[4].

Анна Андреевна. Черезъ минуту, мнѣ хочется — черезъ минуту! Я и безъ того уже часъ битой дожидаюсь. Желательно знать, что эта сквернавка тамъ дѣлаетъ. Вѣдь сорокъ лѣтъ, если не больше, а если послать куда, ни за что не побѣжитъ, какъ слѣдуетъ: и начнетъ финтить и этою рукою, и другою, и назадъ поворачивается: воображаетъ, что позадь забора стоитъ Земляникинъ[5] кучеръ. И кучеръ такой негодный пьяница! Я ей скажу, чтобъ она и въ умъ ничего не забирала себѣ. Негодная вертопрашка! Какъ, право, до сихъ поръ... Хоть бы что-нибудь узнать![6]

Марья Антоновна. Маменька, маменька! Кто-то идетъ, вонъ въ концѣ улицы.

Анна Андреевна. Гдѣ идетъ? У тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи. Ну, да, идетъ. Кто жъ это идетъ? Небольшаго роста... во фракѣ... Кто жъ это? А? Это однакожъ досадно! Кто жъ бы это такой былъ?

Марья Антоновна. Это Добчинскій, маменька.

Анна Андреевна. Какое Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое! Совсѣмъ не Добчинскій. *(Машетъ платкомъ).* Эй, вы, ступайте сюда скорѣе!

Марья Антоновна. Право маменька, Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, вотъ; такъ[1] нарочно, чтобы только поспорить. Говорятъ тебѣ: не Добчинскій.

Марья Антоновна. А что? А что, маменька? Видите, что Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну да, Добчинскій; теперь я вижу; изъ чего же ты споришь? *(Кричитъ въ окно).* Скорѣй, скорѣй! *(Слышенъ издали невнятный голосъ:* А?). — Я говорю: скорѣе, скорѣе! Вы тихо идете.

Голосъ Добчинскаго. Нѣтъ, я не тихо иду.

Анна Андреевна. Ну, что, гдѣ они? Пріѣхалъ? А? Что жъ тамъ? что тамъ такое? Да говорите же оттуда, все равно. Что? Строгой?[2] А? А мужъ, мужъ? *(Немного отступя отъ окна, съ досадою).* Такой глупый: до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ комнату, ничего не разскажетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, скажите, пожалуйста: ну, не совѣстно ли вамъ? Я на васъ однихъ полагалась, какъ на порядочнаго человѣка: всѣ вдругъ выбѣжали, и вы туда жъ за ними! И я вотъ ни отъ кого до сихъ поръ толку не доберусь. Не стыдно ли вамъ! Я у васъ крестила вашего Ваничку и Лизаньку, а вы вотъ какъ со мною поступили!

Добчинскій. Ей Богу, кумушка, такъ бѣжалъ засвидѣтельствовать почтеніе, что не могу духу перевесть. Мое почтеніе, Марья Антоновна!

Марья Антоновна. Здравствуйте, Петръ Ивановичъ!

Анна Андреевна. Ну, что? Ну, разсказывайте: что и какъ тамъ?

Добчинскій. Антонъ Антоновичъ прислалъ вамъ записочку.

Анна Андреевна. Ну, да онъ кто такой? Генералъ?

Добчинскій. Нѣтъ, не генералъ, а не уступитъ генералу: такое образованіе и важные поступки!

Анна Андреевна. А, такъ это точно тотъ чиновникъ, про котораго мужу писано?

Добчинскій. Настоящій. Я это первый открылъ — вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ.

Анна Андреевна. Ну, разскажите: что, какъ?

Добчинскій. Да, слава Богу, все благополучно. Сначала онъ принялъ было Антона Антоновича немного сурово, сердился и говорилъ, что и въ гостинницѣ все не хорошо, и къ нему не поѣдетъ, и что онъ не хочетъ сидѣть за него въ тюрьмѣ; но потомъ, какъ узналъ невинность Антона Антоновича и какъ покороче разговорился съ нимъ, тотчасъ перемѣнилъ мысли и, слава Богу, все пошло... хорошо пошло. Они теперь поѣхали осматривать богоугодныя заведенія... А то, признаюсь, уже Антонъ Антоновичъ думали, не было ли тайнаго доноса. Я самъ тоже перетрухнулъ немножко.

Анна Андреевна. Да вамъ-то отчего бояться? Вѣдь вы не служите.

Добчинскій. Да такъ, знаете: когда вельможа говоритъ, то чувствуешь страхъ.

Анна Андреевна. Ну, что жъ... Это все однакожъ вздоръ. Разскажите, каковъ онъ собою: что, старъ или молодъ?

Добчинскій. Молодой, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ; а совсѣмъ такъ говоритъ, какъ старикъ. „Извольте“, говоритъ, „я поѣду туда и туда...“ Такъ это все славно! „Я“, говоритъ, „и пописать[1], и почитать люблю, но мѣшаетъ, что въ комнатѣ“, говоритъ, „очень темно“.

Анна Андреевна. Ну, что, какъ онъ: брюнетъ или блондинъ?

Добчинскій. Нѣтъ, больше шантретъ, и глаза такіе быстрые, какъ звѣрки, такъ въ смущеніе даже приводятъ.

Анна Андреевна. Что тутъ пишетъ онъ мнѣ въ запискѣ? — „Спѣшу тебя увѣдомить, душенька, что состояніе мое было

весьма печальное, но, уповая на милосердіе божіе... за два соленые огурца особенно и полпорціи икры — рубль двадцать пять копѣекъ..." *(Останавливается)*. Я ничего не понимаю: къ чему же тутъ соленые огурцы и икра?

Добчинскій. А! это Антонъ Антоновичъ писали на черновой бумагѣ по скорости: тамъ какой-то счетъ былъ написанъ.

Анна Андреевна. А, да, да, точно; такъ, стало быть, нужно читать, что́ написано чернилами потемнѣе. *(Продолжаетъ читать)*. „Но, уповая на милосердіе божіе, кажется, все будетъ къ хорошему концу. Приготовь поскорѣе комнату для важнаго гостя, — ту, что выклеена желтыми бумажками; къ обѣду прибавлять не трудись, потому что закусимъ въ богоугодномъ заведеніи у Артемія Филипповича. А вина вели побольше; скажи кущу Авдулину, чтобы прислалъ самаго лучшаго, а не то я перерою весь его погребъ. Цѣлуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антонъ Сквозникъ-Прочуханскій". Ахъ, Боже мой! Это однакожъ нужно поскорѣй! Эй, кто тамъ? Мишка!

Добчинскій *(бѣжитъ и кричитъ въ дверь)*. Мишка! Мишка! Мишка! *(Мишка входитъ)*.

Анна Андреевна. Послушай, бѣги къ кущу Авдулину... постой, я дамъ тебѣ записку. *(Садится къ столу, пишетъ записку и между тѣмъ говоритъ)*. Эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтобы онъ пошелъ съ нею къ кущу Авдулину и привезъ оттуда вина. А самъ поди, сейчасъ прибери хорошенько эту комнату для гостя: тамъ поставить кровать, и скажи Авдотьѣ — приставить все, что слѣдуетъ: рукомойникъ и прочее.

Добчинскій. Ну, Анна Андреевна, я побѣгу теперь поскорѣе посмотрѣть, какъ тамъ онъ обозрѣваетъ.

Анна Андреевна. Ступайте, ступайте! Я не держу васъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, намъ нужно теперь заняться туалетомъ. Онъ — столичная штука: Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмѣялъ! Тебѣ приличнѣе всего надѣть твое голубое платье съ мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маменька, голубое! Мнѣ совсѣмъ не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходитъ въ голубомъ, и дочь Земляники тоже въ голубомъ. Нѣтъ, я лучше цвѣтное...

Анна Андреевна. Цвѣтное!... Право, говоритъ лишь бы только на перекоръ! Оно тебѣ будетъ гораздо лучше, потому что и я хочу надѣть палевое: я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, вамъ нейдетъ палевое!

Анна Андреевна. Мнѣ палевое нейдетъ?

Марія Антоновна. Нейдетъ; я, что угодно, даю, нейдетъ: для этого нужно, чтобы глаза ужъ слишкомъ были хороши[1], и совсѣмъ темные.

Анна Андреевна. Вотъ хорошо! А у меня глаза развѣ не темные? — самые темные. Какой вздоръ говоритъ! Какъ же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму?

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, вы больше червонная дама!

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. А что касается до того, хороши ли мои глаза, то я и теперь скажу смѣло, что никогда и не было ни у кого и не будетъ такихъ глазъ; пусть другое что-нибудь не такъ и не хорошо, — я съ этимъ не буду спорить, — но что до глазъ моихъ, то извините, сударыня! Это можно только сказать человѣку безтолковому, а всякой со вкусомъ бываетъ совершенно очарованъ[2]. Когда жила у насъ полковница, которая ужъ такая была модница, какой я именно не знаю, — выписывала все платье изъ Москвы, — бывало мнѣ нѣсколько разъ повторяетъ: „Сдѣлайте милость, Анна Андреевна, откройте мнѣ эту тайну, отчего ваши глаза просто говорятъ“. — И всѣ, бывало[3], въ одинъ голосъ: „Съ вами, Анна Андреевна, довольно побыть минуту, чтобы отъ вашей любезности позабыть всѣ дѣла и[4] обстоятельства“. А стоявшій въ то время штабъ-ротмистръ Ставрокопытовъ, — онъ не помню, проживалъ за ремонтомъ, что ли?... Красавецъ! Лицо свѣжее, румянецъ — какъ я не знаю что, глаза черные-черные, а воротнички рубашки его — это батистъ такой, какова никогда еще купцы наши не подносили намъ.... онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ: „Клянусь вамъ, Анна Андреевна, что не только не видалъ, не начитывалъ даже такихъ глазъ! Я

не знаю, что̀ со мною дѣлается, когда гляжу на васъ...“ На мнѣ еще тогда была тюлевая пелеринка, вышитая виноградными листьями съ колосками, обложенная тонкою, не больше, какъ въ палецъ, блондою[1]: это просто было обворожені̀е! Такъ говорить, бывало: „Я, Анна Андреевна, такое чувствую удовольстві̀е, когда гляжу на васъ, что самая страсть моя изнываетъ и...[2]“ Я ужъ не могу теперь припомнить, что̀ онъ мнѣ говорилъ. Куды жъ! Онъ послѣ того такую поднялъ исторію: хотѣлъ непремѣнно застрѣлиться, да, говорятъ, какъ-то въ разсѣянности позабылъ зарядить пистолетъ, да и порохъ тотъ часъ куда-то запропастился, потому только и остался живъ[3]; а случись порохъ[4], его давно бы уже не было на свѣтѣ.

Марья Антоновна. Я не знаю, маменька... Мнѣ однакожъ кажется, что у васъ нижняя часть лица гораздо лучше, нежели глаза.

Анна Андреевна. Никогда, никогда! Вотъ этого уже нельзя сказать! Что вздоръ, то вздоръ.

Марья Антоновна. Нѣтъ, право, маменька!... Когда вы этакъ говорите или сидите въ профили, у васъ губы все...

Анна Андреевна. Пожалуйста, не толкуй этакого вздора![5] Такая несносная! Боже сохрани, какъ-нибудь не поспорить! Хоть что-нибудь на перекоръ![6] Вотъ, что у матери ея хороші̀е глаза, такъ ужъ ей и завидно. За этими спорами[7] я заболталась съ тобой. Того и гляди[8], что онъ пріѣдетъ и застанетъ насъ одѣтыми, Богъ знаетъ какъ. *(Поспѣшно уходитъ, за ней Марья Антоновна).*

По уходѣ ихъ отворяются двери, и Мишка выбрасываетъ изъ нихъ щеткою соръ. Изъ другихъ дверей входитъ Осипъ съ чемоданомъ на головѣ[9].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мишка и Осипъ.

Осипъ. Куда тутъ?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда!

Осипъ. Постой, прежде дай отдохнуть. Ахъ, ты горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дядюшка, скажите пожалуйста: скоро будетъ генералъ?

Осипъ. Какой генералъ?

Мишка. Да баринъ вашъ.

Осипъ. Баринъ? Да какой онъ генералъ?

Мишка. А развѣ не генералъ?

Осипъ. Генералъ, да только съ другой стороны.

Мишка. Что жъ, это больше или меньше настоящаго генерала?

Осипъ. Больше.

Мишка. Вишь ты какъ! То-то у насъ сумятицу подняли.

Осипъ. Послушай, малой: ты, я вижу, проворный парень — приготовь-ка тамъ чего-нибудь поѣсть.

Мишка. Да для васъ, дядюшка, еще ничего не готово: простова блюда вы не будете кушать; вотъ, какъ баринъ вашъ сядетъ за столъ, такъ и вамъ того же кушанья отпустятъ.

Осипъ. Ну, а простова-то что есть у васъ?...

Мишка. Щи, каша, да пироги.

Осипъ. Давай ихъ: щи, кашу, пироги! Ничего: все будемъ ѣсть. Ну, понесемъ чемоданъ! Что, тамъ другой выходъ есть?

Мишка. Есть. *(Оба несутъ чемоданъ въ боковую комнату).*

ЯВЛЕНІЕ V.

(Квартальные отворяютъ обѣ половинки дверей. Входитъ Хлестаковъ; за нимъ городничій, далѣе попечитель богоугоднаго заведенія, смотритель училищъ, Добчинскій и Бобчинскій съ краснымъ носомъ и пластыремъ. Городничій указываетъ квартальному на полу бумажку, который бѣжитъ и снимаетъ ее[1]*).*

Хлестаковъ. Очень благодаренъ вамъ, господа, за то, что показали мнѣ свои заведенія. Хорошія заведенія! Скажите, пожалуйста: у васъ ужъ, вѣрно, такъ водится, чтобы показывать проѣзжающимъ все въ городѣ? Это хорошо. Въ другихъ городахъ мнѣ ничего не показывали.

Городничій. Въ другихъ городахъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользѣ. А здѣсь, можно сказать, нѣтъ другаго помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностію заслужить вниманіе начальства.

Хлестаковъ. Завтракъ тоже былъ очень не дуренъ. Что,

у васъ каждый день бываетъ такой завтракъ или по нѣкоторымъ днямъ?

Городничій. Нарочно для такого пріятнаго гостя.

Хлестаковъ. Покорнѣйше благодарю. Я тоже васъ прошу, господа, если пріѣдете ко мнѣ въ деревню... Вина тоже были у васъ очень хороши. Я никакъ не полагалъ, чтобы въ уѣздномъ городишкѣ могли быть онѣ. А это какая была рыба? Кажется, не лососина?[1]

Артемій Филипповичъ. Лабарданъ[2].

Хлестаковъ. Очень, очень[3] вкусная; я давно такой не ѣлъ. Гдѣ это мы завтракали? Кажется, въ больницѣ?

Артемій Филипповичъ. Такъ точно-съ, въ богоугодномъ заведеніи.

Хлестаковъ. Да, именно, тамъ стояли кровати. Что, больные вѣрно выздоровѣли? Тамъ что-то ихъ было немного.

Артемій Филипповичъ. Человѣкъ десять осталось, не больше, а прочіе всѣ выздоровѣли. Это ужъ такъ устроено, такой порядокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ начальство, — можетъ быть, вамъ покажется невѣроятнымъ, — но всѣ, какъ мухи, выздоравливаютъ. Больной не успѣетъ войти въ лазаретъ, какъ уже и здоровъ, и не столько медикаментами, сколько честностью и порядкомъ содержанія[4].

Городничій. Ужъ на что, осмѣлюсь доложить вамъ, многотрудна и головоломна обязанность здѣшняго градоначальника! Столько лежитъ всякихъ дѣлъ относительно одной чистоты, починки, поправки, такъ что у иного голова бы перевернулась; но, благодареніе Богу, все идетъ благополучно, и въ 10 лѣтъ столько сдѣлано для блага общественнаго, что узнать нельзя. Если бы изволили навѣстить прежде нашъ городъ, то возъимѣли бы самое дурное понятіе. Конечно, иной, будучи въ моей должности, бралъ бы взятки и составилъ бы тѣмъ себѣ состояніе; но я имѣю совсѣмъ другой образъ мыслей. Вѣрите ли, что когда ложусь даже спать, все думаешь: „Господи Боже ты мой! какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно?....“ Наградитъ ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, по крайней мѣрѣ я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало.... то чего же мнѣ больше? Ей

Богу, и почестей никакихъ не хочу! Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета.

Артемій Филипповичъ *(въ сторону)*. Эка, бездѣльникъ, какъ расписываетъ! Далъ же Богъ этакой[1] даръ!

Хлестаковъ. Да, я и самъ люблю этакъ иногда заумствоваться и пофилософствовать — такъ, знаете, иногда прозой, а иногда напишешь стишки — хоть и въ водевиль[2].

Бобчинскій *(Добчинскому)*. Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ! Замѣчанія такія.... видно, что наукамъ учился.

Хлестаковъ. Скажите, пожалуйста: нѣтъ ли у васъ тутъ такихъ обществъ, гдѣ бы можно было, напримѣръ, этакъ поиграть въ карты?

Городничій *(въ сторону)*. Эге! Знаемъ, голубчикъ, куда это перо летитъ! *(Вслухъ.)* Боже сохрани! Здѣсь и слуха нѣтъ о такихъ обществахъ. Я карты въ руки никогда не бралъ, ей Богу! и даже не знаю, какъ тамъ[3] играть въ эти карты. Даже никогда не могъ смотрѣть на нихъ[4]; и если случится увидѣть этакъ какого-нибудь бубноваго короля и что-нибудь другое, то такое омерзеніе нападетъ, что просто плюнешь *(плюетъ)*. Разъ какъ-то, случилось, выстроилъ, забавляя дѣтей, будку изъ картъ, да послѣ того всю ночь снились, проклятыя. Богъ съ ними! Какъ можно, чтобы такое драгоцѣнное время убивалъ на нихъ!

Лука Лукичъ *(въ сторону)*. А у меня, подлецъ, вчера сто рублей выигралъ[5].

Городничій. Лучше жъ я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаковъ. Да, конечно... Впрочемъ, вы напрасно говорите: иногда очень заманчиво поиграть въ карты. Мнѣ случалось.....[6]

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій. Осмѣлюсь представить вамъ семейство мое: жена и дочь.

Хлестаковъ *(раскланиваясь)*. Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю удовольствіе васъ видѣть!

Анна Андреевна. Намъ еще болѣе пріятно видѣть... такую особу.....

Хлестаковъ. Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе встрѣтить въ васъ такую свѣтскую любезность[1], и, ужъ какъ вы хотите, я долженъ вамъ сказать.....

Анна Андреевна. Прошу покорнѣйше садиться.

Хлестаковъ. Возлѣ васъ стоять уже есть счастіе; впрочемъ, если вы такъ уже непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что наконецъ сижу возлѣ васъ такъ близко!...

Анна Андреевна. Я никакъ не смѣю подумать или принять на свой счетъ....[2] Я думаю, вамъ послѣ столицы дорога ваша показалась очень скучною?

Хлестаковъ. Чрезвычайно скучна. Знаете, сдѣлавши привычку жить въ свѣтѣ, пользоваться всѣми удобствами, и вдругъ послѣ этого въ какой-нибудь скверной дорогѣ! Вездѣ такая чепуха; не встрѣтишься съ образованнымъ человѣкомъ, съ которымъ бы можно поговорить о чемъ-нибудь; станціонные смотрители такіе невѣжи, народъ безъ воспитанія... Если бы, признаюсь, не случай такой[3], который меня вознаградилъ совершенно *(посматриваетъ на Анну[4] Андреевну)*, то я не знаю, что̀ бы со мною было.

Анна Андреевна. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть непріятно!

Хлестаковъ. Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

Анна Андреевна. Вы дѣлаете много чести... Я этого не заслуживаю.

Хлестаковъ. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, очень заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу въ деревнѣ...

Хлестаковъ. Да, конечно, это не то, что въ городѣ[5]. Впрочемъ, деревня тоже пріятно: ручейки, хижинки, зефиры....[6]

Анна Андреевна. А тамъ зато, я думаю, все въ магазинахъ самыя модныя вещи и съ самымъ тонкимъ вкусомъ.

Хлестаковъ. О, да, тамъ вы найдете все, что̀ захотите. Одѣнутъ васъ. Портные тамъ удивительно шьютъ. Если вамъ понадобится, напримѣръ, сдѣлать себѣ фракъ и панталоны, вы просто приходите къ нему и скажите: „Вотъ мнѣ нужны

фракъ и панталоны", и можете быть увѣрены, что фрака такого вамъ нигдѣ не сошьютъ.

Анна Андреевна. Скажите, какъ скоро![1]

Хлестаковъ. Да, я служу тамъ съ большою выгодою[2]. Это правда, что на мнѣ небольшой чинъ: ужъ никакъ не больше коллежскаго ассессора, даже немножко меньше. Но за то меня ужъ вся канцелярія знаетъ, и начальникъ отдѣленія совершенно со мной на дружеской ногѣ: этакъ ударитъ по плечу: „приходи, братецъ, обѣдать!" Я, можно сказать, одинъ у насъ завѣдываю всѣми дѣлами[3]. Въ канцеляріи безъ меня былъ бы страшный ералашъ[4]. А я, знаете, только приду, скажу: „это вотъ такъ, это вотъ этакъ"; тотчасъ наскоро напишу отношеніе изъ одного отдѣленія въ другое — все это такъ живо![5] Мнѣ тамъ ужъ и кресло стоитъ особенно, какъ будто столоначальнику, право![6] *(Городничему).* Что вы, господа, стоите? Пожалуста, садитесь. Я не церемонный[7].

Вмѣстѣ { **Городничій.** Чинъ такой, что еще можно постоять.
Артемій Филипповичъ. Мы постоимъ.
Лука Лукичъ. Не извольте безпокоиться!

Хлестаковъ. Безъ чиновъ прошу садиться. *(Городничій и всѣ садятся).* А какой странный со мною анекдотъ случился во время проѣзда въ гостинницѣ. Пріѣзжаю я, вотъ въ этакую самую пору... только нѣтъ, правда, это было около вечера... Только вижу, въ гостинницѣ ужъ дожидается какой-то этакой молодой человѣкъ[8], [которыхъ называютъ *(вертитъ рукою)* фу, фу! въ козырькѣ какомъ-то эдакомъ залихвацкомъ. Я ужъ, какъ только вошелъ: „ну", думаю себѣ, „хорошъ ты гусь!" Нужно вамъ знать, что мнѣ ѣсть страшнымъ образомъ хотѣлось. Только трактирщикъ приходитъ и говоритъ: „Ну, господа, какъ хотите, только и есть всего одна куропатка: когда хотите подѣлитесь поровну, а нѣтъ — такъ который-нибудь одинъ долженъ съѣсть". — „Ну, дѣлить-то я", думаю себѣ, „ни за что не хочу". Зачѣмъ же дѣлить, чортъ возьми! Ему дать даромъ куропатку! А къ тому жъ аппетитъ — проклятый просто. Вотъ я думаю: „Постой же ты, голубчикъ, я тебя подбрѣю". — „Ну, милостивый государь, видите ли: кому-нибудь изъ насъ нужно съѣсть. Не хотите ли, мы вотъ какъ сдѣлаемъ: пусть каждый изъ насъ заснетъ теперь, и кто увидитъ изъ насъ лучшій сонъ — того и куро-

патка?“ — „Пожалуй, пожалуй“! Вотъ трактирщикъ сейчасъ прибѣжалъ: „Не прикажете ли диванъ....?“ — „Да зачѣмъ?“ — „Помилуйте, помилуйте, какъ такъ спать, Иванъ Александровичъ! Иванъ Александровичъ, вамъ будетъ неловко“. — „Ничего“, говорю себѣ: „я человѣкъ походный — привыкъ ужъ“. Только, мой молодчикъ въ козырьку, смотрю я, растянулся на всемъ диванѣ и свою венгерку... и венгерку ему шилъ какой-то дрянной портнишка, совсѣмъ не Ручъ.... храпитъ такъ, что мочи... А я, нужно сказать, облокотился на стулѣ и такъ сдѣлалъ знакъ, совершенно какъ будто сплю. Только жъ замѣтилъ, что онъ совсѣмъ спитъ, я сейчасъ потихоньку накинулъ на себя халатъ, потихоньку къ шкапу и — преспокойно съѣлъ себѣ куропатку. Только по утру просыпается мой молодецъ въ венгеркѣ, будитъ меня: „Вставайте! Я видѣлъ сонъ такой, какого вамъ никогда не удастся видѣть“. И вретъ чепуху мнѣ такую... дмется такъ, росписываетъ, что его и на небо подняли и въ самый рай внесли. „Ну, братецъ“, я говорю ему: „я какъ увидѣлъ, что тебя подняли въ рай, такъ подумалъ, что ты ужъ совсѣмъ не воротишься на][1] землю да и съѣлъ куропатку“. Если бы вы увидѣли, въ какое бѣшенство впалъ мой франтъ! „Ужъ этотъ“, говоритъ, „Хлестаковъ! Всегда онъ надѣлаетъ такихъ штукъ“. *(Городничій и всѣ почтительно смѣются).*

Анна Андреевна. Какъ это забавно! Какой простакъ вашъ пріятель!

Хлестаковъ. Да, этакихъ молодчиковъ много есть на свѣтѣ; мнѣ часто случалось имѣть съ ними дѣло... Я въ Петербургѣ бываю во всѣхъ лучшихъ обществахъ[2]. Меня даже разъ, когда я шелъ пѣшкомъ, приняли за Дибича-Забалканскаго[3], право! И удивительно то, что даже на мнѣ не было военной шинели: всѣ солдаты выскочили изъ гауптвахты и сдѣлали ружьемъ. Послѣ уже ихъ[4] офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: „Ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за Дибича-Забалканскаго“[5].

Анна Андреевна. Скажите, какъ!

Хлестаковъ. Да, меня уже вездѣ знаютъ. Я на всѣхъ гуляньяхъ бываю, въ театрѣ... Съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже литературою занимаюсь; на сцену разные водевильчики даю и довольно, знаете, этакъ удачно. Ли-

тераторовъ часто вижу. А какъ странно сочиняетъ Пушкинъ! Вообразите себѣ: передъ нимъ стоитъ въ стаканѣ ромъ, славнѣйшій ромъ, — рублей по сту бутылка, какова только для одного австрійскаго императора берегутъ[1], — и потомъ, ужъ какъ начнетъ писать, такъ перо только: тр... тр... тр... Недавно онъ такую написалъ піесу: „Лѣкарство отъ холеры“, что просто волосы дыбомъ становятся. У насъ одинъ чиновникъ[2] съ ума сошелъ, когда прочиталъ: того же самаго дня пріѣхала за нимъ кибитка и взяли его въ больницу. Съ Булгаринымъ обѣдаю.

Анна Андреевна. Такъ вы и пишете? Какъ это должно быть пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлестаковъ. Да, какъ же, я помѣщаю разные водевили и такія разныя театральныя штучки[3]. Моихъ впрочемъ много есть сочиненій: *Женитьба Фигарова, Сумбека*... Вотъ и *Фенелла* — тоже мое сочиненіе, *Робертъ*...[4] И все это такъ, по случаю. Я даже не хотѣлъ ихъ, признаюсь, писать, но театральная дирекція говоритъ: „Пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь“. Думаю себѣ: „пожалуй, изволь, братецъ“; и тутъ же, въ канцеляріи, началъ одну изъ нихъ[5]. Да и въ журналахъ помѣщаю сочиненія: въ Московскомъ Телеграфѣ и въ Библіотекѣ для чтенія. Да, если сказать правду, то я самъ почти все тамъ дѣлаю[6]. Вотъ эти всѣ статьи, что были тамъ Брамбеуса, это все[7] мои.

Анна Андреевна. Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ!

Хлестаковъ. Да, это все[7] мои: и Марлинскіе[8], и другія разныя сочиненія. Мнѣ Смирдинъ двадцать пять тысячъ платитъ. Какъ же! Я тамъ главный распорядитель въ его журналѣ. У меня все это.... Безъ меня ничто тамъ не помѣщается; я тамъ всѣ статьи переправляю.

Анна Андреевна. Такъ, вѣрно, это Юрій Милославскій ваше сочиненіе?

Хлестаковъ. Да, это мое сочиненіе.

Анна Андреевна. Да[9], я сейчасъ догадалась.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, тамъ написано: это г. Загоскина сочиненіе.

Анна Андреевна. Ну вотъ, я такъ и знала: даже здѣсь будетъ спорить!

Хлестаковъ. Ахъ, да, это правда, это точно Загоскина; а есть другой Юрій Милославскій, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андреевна. Ну, это, вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

Хлестаковъ. Да, я за словесность получаю сорокъ тысячъ въ годъ[1]. Я этимъ составилъ себѣ состояніе. У меня два дома есть въ Петербургѣ и если бы вы подошли къ моему дому, то вы бы подумали, что дворецъ. А я нарочно ужъ такъ велѣлъ архитектору, чтобы далъ самый лучшій видъ: такъ вездѣ колонны и вазы[2]. Я самъ даю балы даже иногда.

Анна Андреевна. Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даются балы!

Хлестаковъ. Да, балы тамъ такіе!... Вотъ, напримѣръ, балъ у графа Кочубея: ему кушанье присылаютъ прямо изъ Лондона, даже этакъ какъ принесутъ съ корабля, то маленькой паръ еще слышенъ. Да, батюшка, тамъ каждая десертная тарелочка, такъ это, я вамъ скажу, просто объяденіе![3] Одинъ рябчикъ стоитъ восемь сотъ рублей, да какая-нибудь перепелка рублей тысячу. Подадутъ вамъ[4] какой-нибудь этакой пирогъ, что самъ онъ горячъ такъ, что вы не можете взять въ ротъ, а въ серединѣ мороженое, холодное, вотъ какъ ледъ. Да, я каждый разъ бываю на этихъ балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ финансовъ, министръ юстиціи, французскій посланникъ[5] и я. И какъ только иногда какъ-нибудь замѣшкаюсь, то ужъ министры говорятъ[6]: „Да гдѣ жъ Иванъ Александровичъ? Послать за Иваномъ Александровичемъ!“ И какъ начнемъ играть, то, просто, я вамъ скажу, что ужъ ни на что не похоже: дня два, не сходя со стула, играемъ! И[7] такъ уморишься, такъ уморишься, что какъ взбѣжишь къ себѣ на лѣстницу въ четвертый этажъ, то просто сбросишь съ себя шинель кухаркѣ и скажешь только: „На, Маврушка!“[8] А потъ такъ въ три ручья и льется! И на другой день въ должность ужъ никакъ не хочешь итти. „Осипъ, и не буди меня“! бывало, говорю: „ей Богу, не пойду!“ Впрочемъ, я это такъ только говорю, а у меня должность тутъ же на дому, и чиновники всегда ко мнѣ приходятъ. А любопытно очень видѣть, если бы нарочно заглянули, когда я проснусь: въ передней у меня графы и князья толкутся и жужжатъ такъ, какъ шмели; только слышно:

ж... ж... ж.... „Да подите“, думаю себѣ, „къ....“ Ну, нечего дѣлать, нужно однакожъ вытти къ нимъ. И нельзя впрочемъ: иной разъ министръ, не то, чтобы всегда, а иногда заѣдетъ. *(Городничій и прочіе съ робостію встаютъ съ своихъ стульевъ).* Всѣмъ нужда ко мнѣ: я вѣдь имѣю самое прибыточное мѣсто. Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ иногда: „Ваше Превосходительство“; у меня и звѣзда есть: небольшая только, маленькая — вотъ такая *(показываетъ рукою на фракъ)*[1]. Я одинъ разъ даже управлялъ министерствомъ, право! И такъ это странно случилось! Министръ куда-то уѣхалъ[2], всѣ думали: кому дать исправлять должность? кто будетъ? какъ и что? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ, бывало: — „нѣтъ, мудрено!“ Кажется и легко на видъ, а разсмотришь — нѣтъ, чортъ возьми, трудно! Да послѣ видятъ, что нечего дѣлать — ко мнѣ. „Иванъ Александровичъ“, говорятъ, „можетъ это сдѣлать“. И тотчасъ фельдъегерь скачетъ: „Иванъ Александровичъ! Иванъ Александровичъ! ступайте министерствомъ управлять!“ Я, признаюсь, немного смутился: вышелъ въ халатѣ — ну, ужъ отказаться, да думаю себѣ: дойдетъ до государя... непріятно. Ну, да и не хотѣлось испортить свой послужной списокъ. „Извольте“, говорю, „господа, я принимаю должность, только ужъ у меня прошу не такъ, ужъ теперь ни, ни, ни!... Ужъ у меня ухо востро держите!... Я ужъ...“ И точно: бывало, какъ прохожу, то у меня чиновники всѣ вотъ такъ трясутся. *(Городничій и прочіе трясутся отъ страха).* Я и въ Государственномъ Совѣтѣ присутствую, и во дворецъ: если тамъ иногда маленькіе[3] балы случатся, то за мной ужъ посылаютъ. Да меня даже хотѣли сдѣлать... *(не могши придумать, останавливается).* Да! А какія есть хорошенькія магазинщицы на Невскомъ проспектѣ!...[4]

Городничій. *(подходя и трясясь всѣмъ тѣломъ, силится выговорить).* А ва ва ва... ва....

Хлестаковъ. Что такое? Вы что-то говорите?

Городничій. А ва ва ва... ва...

Хлестаковъ. Не разберу ничего.

Городничій. Ва ва ва.....шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?... Вотъ и комната, и все, что̀ нужно...

Хлестаковъ. А, хорошо, хорошо! Мнѣ точно что-то немного зѣвается[1]. *(Встаетъ).* Вы меня извините, сударыня: право, чрезвычайно хочется спать. Завтракъ былъ у васъ хорошъ. *(Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, кромѣ Хлестакова и городничаго.

Бобчинскій *(Добчинскому).* Вотъ это, Петръ Ивановичъ, какой важный человѣкъ! Я, ей Богу, никогда еще не былъ въ присутствіи такой важной персоны. Я чуть не умеръ со страху, ей Богу! Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой?

Добчинскій. Я думаю, что чуть ли не генералъ.

Бобчинскій. А я такъ думаю, что генералъ ему и въ подметки не станетъ; а когда генералъ, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ, ей Богу! И во дворецъ ѣздитъ!... Пойдемъ, Петръ Ивановичъ, разскажемъ объ этомъ Аммосу Ѳедоровичу и Коробкину: они еще ничего объ этомъ не знаютъ. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинскій. Прощайте, кумушка!

Артемій Филипповичъ *(Лукѣ Лукичу).* Шутите! Съ этакою молодостію да такія должности отправляетъ! Я еще, признаюсь, никогда такова ревизора не видѣлъ. Прощайте, сударыня! *(Уходитъ, за нимъ Лука Лукичъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ахъ, какой пріятный!

Марья Антоновна. Ахъ, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращеніе! Сейчасъ можно увидѣть столичную штучку: пріемы и все это такое... Ахъ, какъ хорошо! Я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! Я просто безъ памяти... Онъ однакожъ меня очень понравилъ: я замѣтила, все на меня поглядывалъ.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, видите ли, какія вы! Онъ больше на меня глядѣлъ.

Анна Андреевна. Пожалуйста, съ своимъ вздоромъ подальше! Это здѣсь вовсе неумѣстно.

Марья Антоновна. Нѣтъ, маменька, право...

Анна Андреевна. Ну, вотъ! Боже сохрани, чтобъ не поспорить! Нельзя, нельзя, да и полно! Гдѣ ему смотрѣть на тебя? И съ какой же стати ему смотрѣть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маменька, все смотрѣлъ: и какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня, и потомъ, когда разсказывалъ, какъ игралъ въ вистъ съ министромъ[1], и тогда посмотрѣлъ на меня.

Анна Андреевна. Ну, можетъ быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ ужъ, вѣрно[2], лишь бы только... „А!“ говоритъ себѣ: „дай ужъ посмотрю на нее!“

Марья Антоновна. Ей Богу, маменька, на васъ меньше глядѣлъ, чѣмъ на меня. Вы, можетъ быть, не видали и оттого вамъ такъ кажется.

Анна Андреевна. Сама ты „кажется“. Досаднѣе всего, когда начнетъ этакія разсужденія... Ты просто дура — и больше ничего. Тебѣ не слѣдуетъ мнѣ этакъ говорить; ты можешь это сказать своей Парашкѣ. Какія въ самомъ дѣлѣ глупости! Нельзя же ему дѣлать мнѣ прямо глазки: онъ знаетъ, что я женщина замужняя, да притомъ и дурачина мужъ мой тутъ же стоялъ[3].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Городничій.

Городничій *(входитъ на цыпочкахъ)*. Тс... тс...

Анна Андреевна. Что?

Городничій. Прилегъ отдохнуть. Боже васъ сохрани тутъ какъ-нибудь шумѣть!

Анна Андреевна. Послушай, да зачѣмъ ты пригласилъ его въ комнату? Вѣдь нужно обѣдать сейчасъ: обѣдъ готовъ.

Городничій *(разставляя руки и задумываясь)*. Обѣдать?

Анна Андреевна. Да какъ же! Съ какой стати ты предложилъ ему спать?

Городничій. Ну, матушка, признаюсь, я и самъ не знаю, отчего я ему предложилъ спать[1]. Такъ совсѣмъ ошеломило! Страхъ такой напалъ: еще такова никогда не было ревизора. *(Задумывается).* Съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаетъ, не знаешь, что̀ и дѣлается въ головѣ: какъ будто стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости. Я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человѣка; а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

Городничій. Ну, ужъ вы женщины — все кончено: одного этого слова достаточно. Вамъ все это — тралала. Вдругъ бряknутъ ни изъ того, ни изъ другого словцо — васъ высѣкутъ да и только, а мужа и поминай, какъ звали! Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

Анна Андреевна. Объ этомъ я ужъ совѣтую вамъ не безпокоиться. Мы кой-что знаемъ такое...[2]

Городничій. Ну, ужъ съ вами говорить!... Эка въ самомъ дѣлѣ оказія! До сихъ поръ не могу очнуться отъ страха. *(Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь).* Мишка, позови квартальныхъ Свистунова и Держиморду: они тутъ недалеко гдѣнибудь за воротами. *(Послѣ небольшаго молчанія).* Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: народъ все тоненькой, поджаристый такой — никакъ не узнаешь, что онъ важная особа. Однакожъ какъ онъ ни скрывался, а наконецъ таки не выдержалъ и все разсказалъ: видно, что человѣкъ молодой.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и **Осипъ**. *(Всѣ бѣгутъ къ нему навстрѣчу и кивaютъ ему пальцемъ).*

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничій. Чш!... Что, что? спитъ?

Осипъ. Нѣтъ еще, немножко потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, какъ тебя зовутъ?

Осипъ. Осипъ, сударыня.

Городничій[3]. Полно, полно вамъ! Ну, что, другъ, тебя накормили хорошо?

Осипъ. Накормили, покорнѣйше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну, что, скажи: къ твоему барину слишкомъ, я думаю, много ѣздитъ графовъ и князей?

Осипъ *(въ сторону)*. А что говорить! Коли теперь накормили хорошо, значитъ, послѣ еще лучше накормятъ. *(Вслухъ)*. Да, бываютъ графы и князья[1].

Анна Андреевна. А какою каретою баринъ твой ѣздитъ, если случится, во дворецъ — голубою или желтою?[2]

Марья Антоновна. Душенька Осипъ! Какой твой баринъ хорошенькой!

Анна Андреевна. А государь къ нему ѣздитъ?[3]

Городничій. Да перестаньте, пожалуйста! Вы этакими пустыми рѣчами только мнѣ мѣшаете... Ну, что, другъ?...

Анна Андреевна. А чинъ какой на твоемъ баринѣ?

Осипъ. Чинъ обыкновенно какой; извѣстно, что ужъ чинъ важный[4].

Городничій. Ахъ, Боже мой! Вы все съ своими глупыми разспросами! Не дадите ни слова поговорить о дѣлѣ. Ну, что, другъ, что? Какъ тамъ твой баринъ?... Что, строгъ? Любитъ этакъ распекать или нѣтъ?

Осипъ. Да, порядокъ любитъ. Ужъ ему чтобы все было въ исправности!

Городничій. А мнѣ очень нравится твое лицо, другъ; ты долженъ быть хорошій человѣкъ. Ну, что?...

Анна Андреевна. А маскерады?...[5]

Городничій. Полно вамъ, право! Трещотки какія! Здѣсь нужная вещь; дѣло идетъ о жизни человѣка... *(Къ Осипу)*. Ну, что, сосѣдъ[6], имѣешь ты хозяйку?

Осипъ. Нѣтъ, сударь, еще не женатъ.

Городничій. Право, мнѣ ты очень нравишься. Послушай: въ дорогѣ не мѣшаетъ, знаешь, чайку выпить лишній стаканчикъ, — оно теперь холодновато, — такъ вотъ тебѣ пара цѣлковиковъ на чай.

Осипъ *(принимая деньги)*. А покорнѣйше благодарю, сударь. Дай Богъ вамъ всякаго здоровья! Бѣдный человѣкъ, помогли ему.

Городничій. Хорошо, хорошо, я и самъ радъ. А что, другъ?...

Анна Андреевна. Послушай, Осипъ, а какіе глаза больше всего нравятся твоему барину?...

Марья Антоновна. Осипъ, душенька!...

Городничій. Да постойте, дайте мнѣ! *(Къ Осипу).* А что, другъ, скажи пожалуйста: на что больше баринъ твой обращаетъ вниманіе, то есть, что ему на дорогѣ больше всего нравится?

Осипъ. Любитъ онъ по разсмотрѣнію, что̀ какъ придется. Больше всего любитъ, чтобы его приняли хорошо, угощеніе чтобъ было хорошее.

Городничій. Хорошее?

Осипъ. Вотъ ужъ на что я — крѣпостной человѣкъ, но и то смотритъ, чтобъ и мнѣ было хорошо. Ей Богу! Бывало, заѣдемъ куда-нибудь: „Что, Осипъ, хорошо тебя угостили?“ — „Плохо, ваше высокоблагородіе!“ — „Э“, говоритъ: „это нехорошій человѣкъ — хозяинъ; ты“, говоритъ, „напомни мнѣ, какъ пріѣду“. А, думаю себѣ, *(махнувъ рукою)* Богъ съ нимъ! Я человѣкъ простой.

Городничій. Хорошо, хорошо, и дѣло ты говоришь. Тамъ я тебѣ далъ на чай, такъ вотъ еще сверхъ того на баранки.

Осипъ. За что жалуете, ваше высокоблагородіе! *(Прячетъ деньги).* Развѣ ужъ выпью за ваше здоровье.

Анна Андреевна. Приходи, Осипъ, ко мнѣ, тоже получишь.

Марья Антоновна. Осипъ, скажи пожалуйста... *(Слышенъ изъ другой комнаты небольшой кашель Хлестакова).*

Городничій. Чш!... *(Поднимается на цыпочки. Вся сцена въ полголоса).* Боже васъ сохрани шумѣть! Идите, идите себѣ! Полно ужъ вамъ...

Анна Андреевна. Пойдемъ, Машенька! Я тебѣ скажу: что-то такое я замѣтила у гостя такое, что намъ вдвоемъ только можно сказать.

Городничій. О, ужъ тамъ наговорятъ! Я думаю, поди только да послушай, и уши потомъ заткнешь. *(Обращаясь къ Осипу).* Ну, другъ...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, **Держиморда** и **Свистуновъ**.

Городничій. Чш! Экіе косолапые медвѣди стучатъ ногами[1]! Такъ и валится, какъ будто сорокъ пудъ сбрасываетъ кто-нибудь съ телѣги! Гдѣ васъ чортъ таскаетъ?

Держиморда. Былъ по приказанію...

Городничій. Чш! *(Закрываетъ ему ротъ).* Экъ какъ каркнула ворона! *(Дразнитъ его).* „Былъ по приказанію!“ Какъ изъ бочки, такъ рычитъ. *(Къ Осипу).* Ну, другъ, ты ступай, приготовляй тамъ, что нужно для барина: все, что ни есть на дому, требуй. *(Осипъ уходитъ).* А вы — стоять на крыльцѣ и ни съ мѣста! И никого не впускать въ домъ сторонняго, Боже васъ сохрани! особенно купцовъ. Какъ только одного изъ нихъ впустите — то... я даже и говорить не хочу, что вамъ за это достанется[2]. Какъ только увидите, что идетъ кто-нибудь съ просьбою, а хоть и не съ просьбой, да похожъ на такого человѣка, что хочетъ подать на меня просьбу, то взашей такъ прямо и толкайте! Такъ его, хорошенько! *(Показываетъ ногою).* Слышите, Боже васъ сохрани! Чш... чш... *(Уходитъ на цыпочкахъ вслѣдъ за квартальными).*

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

Хлестаковъ *(одинъ)*.

Мнѣ нравится здѣшній городокъ: жители такіе гостепріимные... Этакъ я люблю жить. А много значитъ побыть нѣсколько времени въ Петербургѣ: даже не будь помощникомъ столоначальника, а просто канцелярскимъ чиновникомъ, а всѣ ужъ къ тебѣ чувствуютъ почтеніе[3]. Городничій бѣгаетъ[4], услуживаетъ, всѣ[5] заведенія показываетъ. И[6] если что говоришь, то говоришь отъ души: ничѣмъ не связанъ; никто тебя не перебьетъ — именно духу придаетъ; чувствуешь, какъ будто точно

значишь что-нибудь важное. Дочка у него очень хорошенькая: такая свѣженькая, розовыя губки... такъ у ней и то... и то... *(вертитъ рукою)* — изрядный каленкоръ[1]. Да и матушка такая, что еще можно бы...[2] Я люблю этакъ проводить время! А городничій долженъ быть совсѣмъ разсѣянный, я думаю даже— глупъ: вмѣсто двухсотъ рублей[3], какъ я разсмотрѣлъ теперь, онъ мнѣ далъ четыреста. Не худо[4]. Будетъ чѣмъ домой доѣхать[5]. А если ужъ онъ такъ глупъ[6], то не мѣшало бы еще попробовать: авось либо онъ еще дастъ взаймы. Дорога вѣдь такая вещь, что на всякой случай не худо запастись деньгами. Можетъ быть, придется опять, канальство, попробовать счастія! Вѣдь не всѣ жъ такіе, какъ пѣхотный капитанъ! Можетъ быть, наскочу на такого простофилю, что рубашенку только ему оставлю[7].

ЯВЛЕНІЕ II.

Хлестаковъ и почтмейстеръ *(входитъ, вытянувшись, въ мундирѣ, придерживая шпагу)*.

Почтмейстеръ. Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ[8].

Хлестаковъ. А, хорошо! Прошу покорнѣйше садиться... Я знакомъ съ вашимъ начальникомъ: славный человѣкъ! А какъ въ вистъ отлично играетъ! Съ нимъ никто не можетъ ....[9]: онъ знаетъ впередъ — еще вы не пойдете, а онъ ужъ вамъ скажетъ, съ чего вы пойдете. „Вы“, говоритъ „съ дамы пойдете“; и точно. И не то, чтобы какъ-нибудь были накраплены карты — нѣтъ, вы съ собою принесите новую колоду... *(Въ сторону)*. У этого, мнѣ кажется, у[10] почтмейстера можно занять денегъ взаймы! *(Вслухъ)*. Такъ вы здѣшній почтмейстеръ?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Вообразите, какой странный случай со мною! Выѣхавши изъ Петербурга, я разсчиталъ, какъ нарочно, все это самымъ аккуратнѣйшимъ образомъ. — „Вотъ это“, думаю себѣ, „на прогоны, это на издержки для себя, это ямщикамъ на водку, это для моего крѣпостнаго человѣка“, — и все какъ нельзя лучше. Но, къ величайшему изумленію, стало мнѣ всего

только на половину дороги и теперь недостаетъ какой-нибудь бездѣлицы. Не можете ли вы мнѣ снабдить на самое короткое время сколько-нибудь денегъ?

Почтмейстеръ. Сколько прикажете?

Хлестаковъ. Да рублей хоть сто на первый случай. Я завтра даже... или очень скоро возвращу.

Почтмейстеръ. Сейчасъ. *(Вынимаетъ изъ бумажника деньги и подаетъ Хлестакову.)*

Хлестаковъ. Покорнѣйше благодарю! *(Въ сторону).* Почтмейстеръ, кажется, хорошій человѣкъ.

Почтмейстеръ *(встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу).* Не смѣя долѣе безпокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

Хлестаковъ. Прощайте, прощайте! Хорошо, хорошо!...

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ и Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ мундирѣ, вытянувшись и придерживая рукою шпагу).*

Аммосъ Ѳедоровичъ. Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій ассессоръ Припекаевъ.

Хлестаковъ. А, сдѣлайте милость, садитесь! Мнѣ очень хорошо знакомъ вашъ начальникъ[1]. Что, вы давно занимаете тутъ мѣсто?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Съ 816-го былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ. Это хорошо. Я самъ тоже служу. Что, вы получали[2] награды?

Аммосъ Ѳедоровичъ. За три трехлѣтія удостоенъ Владиміра 4 степени и одобренія со стороны начальства.

Хлестаковъ. Да это, впрочемъ[3], еще довольно счастливо. У насъ есть одинъ такой, что пятнадцать лѣтъ служитъ и только получилъ одну пряжку. Скажите, пожалуйста... мнѣ, право, нѣсколько и совѣстно, да нечего дѣлать... Со мною странный случай: въ дорогѣ совершенно истратился... Не можете ли вы одолжить мнѣ на малое время рублей сто? Я вамъ, можетъ быть, завтра же отдамъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Сейчасъ. *(Вынимаетъ поспѣшно изъ бумажника деньги.)*

Хлестаковъ. Очень[1] вамъ благодаренъ[2]. Въ дорогѣ, знаете, этакъ разныя потребности могутъ случиться — нельзя[3] предвидѣть: въ одномъ мѣстѣ захочешь поѣсть, въ другомъ купить что-нибудь. Оно хоть и бездѣлица, а все составляетъ счетъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(раскланиваясь)*. Не смѣя безпокоить своимъ присутствіемъ, имѣю честь пребыть...

Хлестаковъ. А вы уже идете? Зачѣмъ же такъ рано? Посидите еще! Мнѣ очень пріятно съ вами побесѣдовать.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Не смѣю безпокоить...

Хлестаковъ. Ну, когда такъ, то прощайте. Покорно благодарю васъ за то, что навѣстили меня. *(Выпровожаетъ Аммоса Ѳедоровича.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ и Артемій Филиппо́вичъ *(въ мундирѣ, со шпагою)*.

Артемій Филиппо́вичъ. Имѣю честь представиться: попечитель богоугодныхъ заведеній, надворный совѣтникъ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ. Здравствуйте, прошу покорно садиться. Я знакомъ съ вашимъ начальникомъ...[4]

Артемій Филиппо́вичъ. Имѣлъ честь вчера сопровождать васъ и принимать лично во ввѣренныхъ моему смотрѣнію богоугодныхъ заведеніяхъ.

Хлестаковъ. А, да, помню. Вы очень хорошо угостили насъ завтракомъ.

Артемій Филиппо́вичъ. Радъ стараться на службу отечеству.

Хлестаковъ. Да и вина были очень хороши. Послѣ того я хотя и отдохнулъ немного, но никакъ не могъ обѣдать, и за обѣдомъ ужъ почти ни одной рюмки не пилъ, а въ головѣ все, чортъ знаетъ, какъ ходенемъ, пошло! Скажите, пожалуйста: какъ ваша фамилія? Я все позабываю[5].

Артемій Филиппо́вичъ. Надворный совѣтникъ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ. А, да, Ляпкинъ-Тяпкинъ... Ляпкинъ-Тяпкинъ... У васъ, вѣрно, и родственники есть?

Артемій Филипповичъ. Никакъ нѣтъ.

Хлестаковъ. Что же это мнѣ показалось, какъ будто у васъ есть родственники?

Артемій Филипповичъ. Можетъ быть, вы изволили о комъ другомъ слышать.

Хлестаковъ. А, да, точно, можетъ быть![1] *(Издаетъ небольшую отрыжку).*

Артемій Филипповичъ Изволили что-то сказать?

Хлестаковъ. Ничего. *(Помолчавъ).* А впрочемъ, если ужъ вамъ такъ послышалось, то я попросилъ бы у васъ[2] взаймы нѣсколько денегъ.

Артемій Филипповичъ *(беретъ за карманъ).* Сколько прикажете?

Хлестаковъ. Рублей полтораста, а если въ случаѣ при васъ отыщется и двѣсти, то, конечно, лучше ужъ двѣсти.

Артемій Филипповичъ. Сейчасъ. *(Вынимая и вручая деньги.)* Могу сказать, что должность свою исполняю ревностно. *(Придвигая стулъ ближе, говоритъ въ полголоса.)* Вотъ здѣшній почтмейстеръ совершенно ничего не дѣлаетъ. Всѣ дѣла въ большомъ запущеніи, посылки задерживаются,—вотъ[3] извольте сами нарочно розыскать. Судья тоже,— который только что былъ передъ моимъ приходомъ,— ѣздитъ только за зайцами, въ присутственныхъ мѣстахъ держитъ собакъ, и поведенія, если признаться передъ вами,— конечно для пользы отечества я долженъ это сдѣлать, хотя онъ мнѣ родня и пріятель,— поведенія самаго предосудительнаго: тутъ есть одинъ помѣщикъ Добчинскій, котораго вы изволили видѣть: и какъ только этотъ Добчинскій куда-нибудь выдетъ изъ дому, то онъ тамъ ужъ и сидитъ у жены его. Я присягнуть готовъ... И нарочно посмотрите на дѣтей: ни одно изъ нихъ не похоже на Добчинскаго; но всѣ, даже дѣвочка маленькая, какъ вылитый судья.

Хлестаковъ. Скажите, пожалуйста! А я никакъ этого не думалъ.

Артемій Филипповичъ. Да и безбожникъ: больше десяти лѣтъ, какъ не исповѣдывался. Вотъ и смотритель здѣшняго училища Земленика... Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность: онъ хуже, чѣмъ якобинецъ, и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что если бы только узнали...

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ и Лука Лукичъ *(въ мундирѣ, при шпагѣ)*.

Лука Лукичъ. Имѣю честь представиться: смотритель здѣшняго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ Земленика.

Артемій Филипповичъ. Позвольте мнѣ удалиться. Я лучше послѣ зайду къ вамъ и постараюсь изъяснить все это на бумагѣ[1].

Хлестаковъ. Хорошо, прощайте[2]. *(Къ Лукѣ Лукичу.)* Прошу покорно садиться. Я очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ...[3] Теперь я вспомнилъ, что вчера васъ видѣлъ.

Лука Лукичъ. Такъ точно, когда изволили заѣзжать въ училище.

Хлестаковъ. Да, я былъ въ училищѣ. Только вы, кажется, были какъ будто немножко ниже ростомъ — не правда ли?

Лука Лукичъ. Очень можетъ быть.

Хлестаковъ. Вашъ начальникъ, любезный старичекъ — такой добрякъ! Мы съ нимъ... вѣдь это по Адмиралтейству вы служите?[4] Да, я его знаю... Мы даже, если сказать вамъ, волочились вмѣстѣ за одною прехорошенькою. Ну, натурально, куды жъ ему? — старикъ. Бывало всегда, какъ встрѣтитъ меня... я ужъ у Полицейскаго моста, а онъ еще у Аничкина... подниметъ палецъ и кричитъ: „Злодѣй! счастливецъ, каналья!“ А тамъ хорошо[5]: въ вечеру если пойдешь[6] по Невскому проспекту, иногда очень много встрѣтишь хорошенькихъ[7].

(Небольшое молчаніе.)

Лука Лукичъ. Не смѣя безпокоить присутствіемъ, имѣю честь засвидѣтельствовать почтеніе. *(Откланивается.)*

Хлестаковъ. Прощайте, прощайте! *(Выпровожаетъ его, потомъ подбѣгаетъ къ дверямъ и кричитъ.)* Эй вы! Какъ васъ? Позвольте на одно слово... Я все позабываю ваше имя.

Лука Лукичъ *(возвращаясь)*. Лука Лукичъ.

Хлестаковъ. Лука Лукичъ? Посмотрите, сдѣлайте милость, Лука Лукичъ, въ бумажникъ вашъ: нѣтъ ли при васъ рублей полтораста денегъ? Я вамъ на дняхъ и возвращу. А что, есть?

Лука Лукичъ. Есть. *(Вынимаетъ изъ бумажника.)*

Хлестаковъ. А, скажите, какъ кстати![8] А я думалъ сегодня по утру: гдѣ бы мнѣ взять? — Очень благодарю васъ; прошу и впредь продолжать знакомство. *(Выпровожаетъ Луку Лукича)*[9].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ и Растаковскій *(въ екатерининскомъ мундирѣ, съ эксельбантомъ)*.

Растаковскій. Имѣю честь рекомендоваться: житель здѣшняго города, помѣщикъ, отставной секундъ-маіоръ Растаковскій.

Хлестаковъ. А, прошу покорнѣйше садиться; очень радъ. Я очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ.

Растаковскій *(сѣлъ)*. А, такъ вы изволили знать Задунайскаго?

Хлестаковъ. Какого Задунайскаго?

Растаковскій. Графа Румянцева-Задунайскаго, Петра Александровича: вѣдь это мой бывшій начальникъ.

Хлестаковъ. А[1], такъ вы служили уже давно? Очень радъ... Мнѣ очень пріятно[2].

Растаковскій. Находился во время осады подъ Силистріей въ 773 году. Очень жаркое было дѣло. Турокъ былъ вотъ такъ, какъ этотъ столъ передъ нами. Я былъ тогда сержантомъ, а секундъ-маіоръ былъ въ нашемъ полку, — не изволите ли вы знать? — Гвоздевъ Петръ Васильевичъ.

Хлестаковъ. Гвоздевъ? Какой это?

Растаковскій. Петръ Васильевичъ. Онъ былъ по Высочайшему повелѣнію покойной Императрицы переведенъ потомъ въ драгуны.

Хлестаковъ. Нѣтъ, не знаю.

Растаковскій. Я такъ и полагалъ, что вы не знаете, потому что ужъ больше тридцати лѣтъ, какъ онъ умеръ. Вотъ здѣсь недалеко, верстахъ въ двадцати отъ города, осталась его внучка, что̀ вышла замужъ за Ивана Васильевича Рогатку.

Хлестаковъ. За Рогатку? скажите! Я этого совсѣмъ не полагалъ.

Растаковскій *(не слыша)*. Такъ турокъ стоялъ передъ нами вотъ такъ, какъ бы этотъ столъ. Зима и снѣгъ, и сумятица была такая, какъ въ томъ году, когда французъ подступалъ подъ Москву. Въ нашемъ полку былъ тоже секундъ-маіоромъ— Фухтель-Кнабе, нѣмецъ. Звали его Сихфридъ Ивановичъ, но генералъ-аншефъ тогдашній, Потемкинъ, велѣлъ переименовать: „ты“, говоритъ, „не Сихфридъ, а Супъ; такъ будь ты Супомъ Ивановичемъ“; и съ той поры такъ и осталось ему имя — Супъ Ивановичъ. Такъ этотъ Супъ Ивановичъ и се-

кундъ-маіоръ Гвоздевъ, о которомъ я говорилъ, были посланы за фуражемъ. Къ нимъ былъ прикомандированъ я и еще квартермистръ, если изволите знать, Трепакинъ Автономъ Павловичъ: онъ также, я думаю, уже будетъ лѣтъ двадцать[1], какъ умеръ.

Хлестаковъ. Трепакинъ? Нѣтъ, не знаю. А вотъ я хотѣлъ бы...[2]

Растаковскій *(не слушая)*. Видной мущина, русый волосъ, золотой эксельбантъ!... Ловко танцовалъ польскій: хлопнетъ бывало рукою и отобьетъ пару у самого полковника. И какъ только дѣвушки... хе, хе, хе... У насъ бывали тогда палатки, и какъ только заглянешь къ нему въ палатку... хе, хе, хе... тамъ ужъ сидитъ; и на утро деньщикъ выводитъ какъ будто драгуна въ треугольной шляпѣ... хе, хе, хе... и портупея виситъ... хе, хе, хе!

Хлестаковъ. Я хотѣлъ васъ попросить...

Растаковскій *(наставляя ухо)*. А?

Хлестаковъ. Я хотѣлъ попросить у васъ взаймы....

Растаковскій *(не разслушавъ)*. Полковой квартермистръ.

Хлестаковъ. Да, рублей триста... на десять минутъ... взаймы триста рублей — я вамъ завтра отдамъ.

Растаковскій. Триста рублей? Можетъ, и есть триста рублей. *(Вынимая)*. Сегодня казначей выдалъ пенсіонъ — и не считалъ еще, сколько... Иногда водятъ мѣсяца по три, не выдаютъ, да теперь, благодаря вашему пріѣзду, вдругъ выдали. Вотъ триста рублей.

Хлестаковъ. Покорнѣйше благодарю.

Растаковскій. Я къ вамъ пришелъ съ убѣдительною просьбою[3].

Хлестаковъ. А что, о чемъ?

Растаковскій. Долженъ получить прибавочнаго пенсіона, такъ я просилъ бы, чтобы замолвили тамъ сенаторамъ или кому другому.

Хлестаковъ. Извольте, извольте.

Растаковскій. Я самъ подавалъ просьбу, да только, можетъ, не туда, куда слѣдуетъ.

Хлестаковъ. А какъ давно вы подавали просьбу?

Растаковскій. Я-то подавалъ еще[4] въ 1801 году, да вотъ ужъ тридцать лѣтъ нѣтъ никакой резолюціи. Я послалъ чрезъ Сосулькина Ивана Петровича, который ѣхалъ тогда въ Петербургъ; да онъ-то не слишкомъ надежный человѣкъ: выпить любитъ. Можетъ быть, онъ просьбу не туда отнесъ, куда нужно[5].

А оно, правда, уже немного и ждать остается: тридцать лѣтъ прошло, стало быть, теперь скоро дѣло рѣшится.

Хлестаковъ. Да, натурально, разумѣется. Будьте спокойны: я тамъ прикажу все это розыскать[1].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хлестаковъ, Бобчинскій и Добчинскій.

Бобчинскій. Имѣю честь представиться: житель здѣшняго города Петръ Ивановъ Бобчинскій.

Добчинскій. Помѣщикъ Петръ Ивановъ Добчинскій.

Хлестаковъ. А, да я ужъ васъ видѣлъ. Вы, кажется, тогда упали. Что, какъ вашъ носъ?

Добчинскій. Слава Богу! Не извольте безпокоиться: присохъ, теперь совсѣмъ присохъ.

Хлестаковъ. А, хорошо, что присохъ. Я радъ... *(Вдругъ и отрывисто).* Денегъ нѣтъ у васъ?

Бобчинскій. Денегъ? Какъ денегъ?

Хлестаковъ *(громко и скоро).* Взаймы рублей тысячу.

Бобчинскій. Такой суммы, ей Богу, нѣтъ! А нѣтъ ли у васъ, Петръ Ивановичъ?

Добчинскій. Нѣтъ; а если есть, то въ Приказѣ общественнаго призрѣнія.

Хлестаковъ. Досадно... Ну, если тысячи нѣтъ, въ такомъ случаѣ хоть рублей сто.

Бобчинскій. У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня только двадцать пять.

Добчинскій *(смотря въ бумажникъ).* Сорокъ ассигнаціями.

Бобчинскій. А у меня двадцатипятирублевая. А вотъ, можетъ быть, есть мелочь... Сейчасъ поищу. *(Копается въ карманахъ.)* Три двугривенныхъ!

Хлестаковъ. Ну, толковать объ этомъ впрочемъ нечего. Какъ случилось; я не буду слишкомъ досчитываться[2]. Давайте ихъ[3]— все равно. *(Принимаетъ деньги.)* Я вамъ завтра...[4]

Добчинскій. Я осмѣливаюсь попросить васъ относительно одного очень тонкаго обстоятельства.

Хлестаковъ. А что это?

Добчинскій. Дѣло очень тонкаго свойства: старшій сынъ рожденъ мною еще до брака.

Хлестаковъ. Да?

Добчинскій. То есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракѣ; и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ законными узами супружества. Такъ я хочу, чтобы онъ теперь уже былъ совсѣмъ законнымъ моимъ сыномъ и назывался бы такъ, какъ я: Добчинскій. Теперь это запрещено, я знаю, но потому только, что объ этомъ просятъ большею частію маленькіе люди; а если большой человѣкъ попроситъ, то оно сейчасъ сдѣлается.

Хлестаковъ. Хорошо, я...

Добчинскій. Я бы и не безпокоилъ васъ, да жаль очень: такой мальчишка... большія надежды подаетъ: наизусть стихи разные разскажетъ и этакъ, если гдѣ попадетъ[1] ножикъ, то сейчасъ сдѣлаетъ маленькія дрожечки, — такъ искусно, какъ лучшій фокусникъ. Вотъ и Петръ Ивановичъ знаетъ.

Бобчинскій. Да, большія способности имѣетъ.

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо! Я объ этомъ постараюсь, я буду говорить... и вы надѣйтесь, что все будетъ сдѣлано — я скажу министру. *(Обращаясь къ Бобчинскому.)* Не имѣете ли и вы чего-нибудь сказать мнѣ?

Бобчинскій. Какъ же, имѣю очень нижайшую просьбу.

Хлестаковъ. А что, о чемъ?

Бобчинскій. Я прошу васъ покорнѣйше: какъ поѣдете въ Петербургъ, такъ скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ, что вотъ живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите, что живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ. Очень хорошо.

Бобчинскій. Да если этакъ и государю придется, то скажите и государю, что „вотъ, молъ, Ваше Императорское Величество, въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій“.

Хлестаковъ. Очень хорошо.

Добчинскій. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Бобчинскій. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Хлестаковъ. Ничего, ничего! Мнѣ очень пріятно. *(Выпроваживаетъ ихъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ и Гибнеръ.

Гибнеръ. Ich habe die Ehre mich zu rekommandiren: Doktor der Armen-Anstalten, Hiebner.

Хлестаковъ. Прошу покорнѣйше садиться.

Гибнеръ. Es freuet mich sehr die Ehre zu haben einen so würdigen Mann zu sehen, den die hohe Obrigkeit bevollmächtigt hat.

Хлестаковъ. Нѣтъ, я по-нѣмецки... не такъ...[1] Лучше по-русски. Скажите, пожалуйста: теперь вообще время хорошее на все[2] — не обзавелись ли вы деньгами?

Гибнеръ. Денгъ?... Ишто денги?...

Хлестаковъ. Да. Если вы обзавелись, то я бы попросилъ у васъ[3]. Вы мнѣ giebt взаймы[4], а я вамъ послѣ назадъ отгибаю.

Гибнеръ. Денг... Нѣтъ деньги... *(Вынимаетъ бумажникъ и вытряхиваетъ).* Sehen Sie! Нѣтъ... Одна сигаръ... большъ нѣтъ.....

Хлестаковъ. Ну, нечего дѣлать! На нѣтъ и суда нѣтъ.

Гибнеръ *(прячетъ бумажникъ, потомъ опять беретъся за карманъ).* Wollen Sie eine Cigarre[5] rauchen? *(Вынимаетъ и подаетъ сигару.)*

Хлестаковъ. А, хорошо, gut! Дайте сюда, giebt! *(Беретъ и раскуриваетъ.)* Хорошая сигарка: это, вѣрно, изъ Петербурга? *(Пускаетъ дымъ).*

Гибнеръ. Нѣтъ... изъ... Рига.

Хлестаковъ. Изъ Риги? Да, я такъ и думалъ.

Гибнеръ *(вставая со стула и кланяясь).* Ich darf Sie nicht mehr zu beunruhigen und Ihnen die theure Zeit zu berauben, die Sie den Staatsgeschäften widmen. *(Откланивается.)*

Хлестаковъ. Прощайте, радъ познакомиться.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Хлестаковъ *(одинъ).*

Хлестаковъ. Хорошо и цигарку выкурить. Какъ много здѣсь чиновниковъ! Городишка таки населенъ довольно[6]. *(Разсматриваетъ ассигнаціи.)* Эка, чортъ возьми, сколько денегъ! Думалъ прежде, гдѣ бы достать; теперь не знаешь, куда дѣ-

вать. Удивительно, какой щедрый народъ здѣсь! Я думаю, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ такова нѣтъ. А какая, право, разница въ нравахъ здѣсь и въ Петербургѣ! Тамъ какой-нибудь Ручъ ни за что не сошьетъ тебѣ въ долгъ фрака; а здѣсь, заикнись только — ужъ всѣ тебѣ вынимаютъ бумажники. Даже срока не назначаютъ![1] Должны быть, впрочемъ, дураки большіе: въ головѣ только посвистываетъ[2]. Нужно, право, написать объ этомъ къ Тряпичкину. Онъ тамъ сочиняетъ по словесности разныя статейки — пускай-ка ихъ обкритикуетъ[3] хорошенько! Это будетъ славно. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернила!

Осипъ *(выглянувъ изъ-за дверей)*. Сейчасъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

Хлестаковъ и Осипъ *(съ чернилами и бумагой)*.

Хлестаковъ *(пишетъ)*. Послушай, Осипъ! *(Продолжаетъ писать.)* Ты вотъ, какъ я напишу письмо, отнесешь его сей же часъ на почту, да возьми подорожную и потребуй лошадей, самыхъ лучшихъ... А ямщикамъ скажи, что я буду теперь давать по цѣлковому на водку — съ тѣмъ[4], чтобы только[5] везли лихо и пѣсни затягивали бы самыя залихвацкія, — такъ, какъ фельдъ-егеря скачутъ. *(Продолжая писать.)* Воображаю, какъ Тряпичкинъ будетъ смѣяться: онъ вѣдь такой остроумный! *(Запечатываетъ и надписываетъ адресъ)*. Не съѣхалъ ли съ квартиры? Онъ вѣдь тоже любитъ переѣзжать и недоплачивать. На, отдай поскорѣе.

Осипъ. Я, сударь, отправлю чрезъ человѣка, а самъ лучше буду укладываться, чтобы не пропало понапрасну время.

Хлестаковъ. Хорошо, отдай чрезъ человѣка.

Осипъ *(уходитъ и говоритъ за сценой)*. Эй, послушай, братъ! Отнеси вотъ это[6] письмо на почту и скажи почтмейстеру, чтобы онъ принялъ его безъ денегъ. Да скажи, чтобы сейчасъ привели къ барину самую лучшую тройку — курьерскую; „а прогону“, скажи: „баринъ не плотитъ; прогонъ молъ“, скажи, „казенный“. Да скажи тамъ, чтобы все живѣе, а не то баринъ сердится, что не скоро дѣлается. *(Входя)*. Сказалъ.

За сценой.

Голосъ квартальнаго Держиморды. Куда лѣзешь, борода? Говорятъ тебѣ: никого не велѣно впускать.

Голосъ купцовъ. Допустите, батюшка, допустите! Вы не можете не допустить: мы за дѣломъ пришли.

Голосъ Держиморды. Говорятъ вамъ: нельзя. Подите, подите! Не принимаетъ, никого не принимаетъ: спитъ.

Голосъ купцовъ. Да мы ужъ слышали это, батюшка, со вчерашняго дни, да дѣло-то такой важности, что намъ нужно видѣть его милость.

Держиморда. Ну, чего жъ ты, брюхатый дуракъ, лѣзешь? Хочешь, такъ тебѣ поставлю тумака въ затылокъ?

Купецъ. Ты не бранись, братъ: и я тебя такъ ругну, что выплюнешь. Ишь ты, кварташка длиннохвостый! Я тѣ не посмотрю, что у тебя портупея.

Держиморда. Ну, пошелъ, пошелъ! говорятъ тебѣ.

Купецъ. Пошелъ ты самъ, коровій пометъ!

Голоса купцовъ. Ребята, не отставай! *(Стукъ въ калитку).*

Хлестаковъ. Что тамъ такое? Посмотри, Осипъ!

Осипъ *(смотря въ окно).* Купцы какіе-то хотятъ войти, да не допускаетъ квартальный... Машутъ бумагами: вѣрно, васъ хотятъ видѣть.

Хлестаковъ *(подходя къ окну).* А, что вы, любезные?

Голосъ купцовъ. Къ твоей милости прибѣгаемъ. Прикажи, государь, просьбу принять.

Хлестаковъ. Впустите ихъ, впустите! Пусть идутъ! *(Принимаетъ изъ окна просьбы, разворачиваетъ одну изъ нихъ и читаетъ:)* „Его Высокоблагородному Свѣтлости, Господину Кавалеру Финансову отъ купца Арбахузина“... Чортъ знаетъ, что такое: и чина такого совсѣмъ нѣтъ! Взять нарочно для смѣху.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и купцы.

Хлестаковъ. А, что вы, любезные?

Купцы. Челомъ бьемъ вашей милости.

Хлестаковъ. А что вамъ нужно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпимъ совсѣмъ понапрасну[1].

Хлестаковъ. Отъ кого?

Купцы. Да все отъ городничаго здѣшняго. Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинитъ, что описать нельзя! Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай. И не только насчетъ того, что ему, то есть, долженъ принесть, а сверхъ того самъ еще беретъ все, что ни вздумается[2], и такъ поступаетъ, что разсказать страшно. Схватитъ за бороду, говоритъ: „Ахъ, ты татаринъ!“ Ей Богу! Если бъ мы, то есть, чѣмъ-нибудь не уважили его; но мы[3] ужъ порядокъ всегда исполняемъ и все, что̀ слѣдуетъ: каждой подаритъ[4] на пару платья, — это ужъ дѣло извѣстное, — супружницѣ его и дочкѣ[5] — мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты[6], ему всего этого мало! Ей Богу! Придетъ въ лавку, и, что ни попадется ему, все беретъ. Сукна увидитъ штуку, говоритъ: „Э, милый, это хорошее суконцо, снеси-ка его ко мнѣ“. Нечего дѣлать, и несешь[7]; а въ штукѣ-то будетъ безъ малаго аршинъ пятьдесятъ.

Хлестаковъ. Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!

Купцы. Ей Богу! Такого никто не запомнитъ городничаго, право! Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То есть, не то ужъ говоря, чтобъ какую деликатность, — всякую дрянь беретъ: черносливъ такой, что лѣтъ уже[8] по семи лежитъ въ бочкѣ, что̀ у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, а онъ цѣлую горсть туда запуститъ. Именины его бываютъ на Антона[9], и ужъ, кажись, чего ему больше? всего нанесемъ, ни въ чемъ не нуждается. Нѣтъ, ему еще подавай: говоритъ, и на Ануфрія его именины. Ей Богу! Что дѣлать? И на Ануфрія несешь подарки.

Хлестаковъ. Да это просто разбойникъ!

Купцы. Ей Богу! А попробуй прекословить — наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой[10]. Позоветъ къ себѣ, да и двери велитъ запереть. „Я тебя“, говоритъ, „не буду“, говоритъ, „подвергать тѣлесному наказанію или пыткой пытать — это“, говоритъ, „запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки!“ Да пристукнетъ ногой. „Нѣтъ“, говоритъ, „ѣшь!“ Да послѣ[11] дня на два запретъ и не дастъ пить, то это, я вамъ скажу, такое средство, что сейчасъ согласишься, на что ни захочетъ. Ей Богу!

Хлестаковъ. Ахъ, какой мошенникъ! Да за это просто въ Сибирь![1]

Купцы. Да ужъ куда милость твоя ни запровадитъ его, все будетъ хорошо, лишь бы, то есть, отъ насъ подальше. Не побрезгуй, отецъ нашъ, хлѣбомъ и солью. Кланяемся тебѣ сахарцомъ и кузовкомъ вина.

Хлестаковъ. Нѣтъ, нѣтъ! Вы этого не думайте: я не беру совсѣмъ никакихъ взятковъ. Вотъ, если бы вы, напримѣръ, предложили мнѣ взаймы рублей 300, — ну, тогда совсѣмъ другое: взаймы я могу взять.

Купцы. Изволь, отецъ нашъ! *(Вынимаютъ деньги).* Да что триста! Ужъ лучше пятьсотъ возьми, помоги только.

Хлестаковъ. Извольте, взаймы — я ни слова: я возьму.

Купцы *(подносятъ ему на серебряномъ подносѣ деньги).* Ужъ, пожалуйста, и подносикъ вмѣстѣ возьмите.

Хлестаковъ. Ну, и подносикъ можно.

Купцы *(кланяясь).* Такъ ужъ возьмите за однимъ разомъ и сахару.

Хлестаковъ. О нѣтъ, нѣтъ! Я взятковъ никакихъ...

Осипъ. Ваше высокоблагородіе! зачѣмъ вы не берете? Возьмите: въ дорогѣ все пригодится. Давай сюда головы и кулекъ, подавай все! Все пойдетъ въ прокъ. Что тамъ? Веревочка? Давай и веревочку! И веревочка въ дорогѣ пригодится: телѣжка обломается или что другое — подвязать можно.

Купцы. Такъ ужъ сдѣлайте такую милость, ваше сіятельство! Если уже вы, то есть, не поможете въ нашей просьбѣ, то ужъ не знаемъ, какъ и быть: просто хоть въ петлю полѣзай!

Хлестаковъ. Непремѣнно, непремѣнно! Я ужъ не люблю шутить, обманывать. Ступайте съ Богомъ. *(Купцы идутъ; въ дверяхъ слышенъ крикъ женскій:* „Нѣтъ, ты не смѣешь не допустить меня! Я на тебя пожалуюсь ему самому. Ты не толкайся такъ больно)!“

Хлестаковъ. Кто тамъ? *(Подходитъ къ окну).* А что ты, матушка?

Унтеръ-офицерская жена. Милости твоей, отецъ мой, прошу. Повели, государь, выслушать!

Хлестаковъ. Пропустите ее.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Хлестаковъ, унтеръ-офицерша и слесарша[1].

Унтеръ-офицерша и слесарша *(обѣ валятся въ ноги)*. Помилуй, отецъ нашъ! Милости твоей просимъ, государь!

Хлестаковъ. Вставайте, вставайте! Что тамъ? Кто вы таковы?

Унтеръ-офицерша. Мѣщанка здѣшняго города, унтеръ-офицерская жена Мокрина Иванова.

Слесарша. Слесарша, здѣшняя мѣщанка Февронья Петрова Пошлепкина, отецъ мой.

Хлестаковъ. Ну, зачѣмъ же вы пришли?

Обѣ вмѣстѣ *(кланяясь)*. Обиду, отецъ мой, обиду...

Хлестаковъ. Ну, стой, по порядку. Ты первая. Ну, кто тебѣ тамъ обиду?

Унтеръ-офицерша. Да кто такой! Вѣстимо городничій здѣшній: кому же больше другому?

Хлестаковъ. Ахъ, какой плутъ этотъ городничій!

Унтеръ-офицерша. Тяжкую обиду нанесъ: высѣкъ, мой кормилецъ!

Хлестаковъ. Какъ? За что?

Унтеръ-офицерша. А Богъ его знаетъ, за что. Говоритъ, что будто бы для порядка; а оно-то совсѣмъ за другое, и я въ немъ ни душою, ни тѣломъ. Тутъ было квартировалъ одинъ офицеръ и женился на купеческой дочери — здѣшняго купца. Такъ городничій говоритъ: „Это ты, каналья, всему причиною: если бы“, говоритъ, „не ты, то онъ бы женился на моей дочери“. А ему, слышь ты, донесъ кто-то, что будто бы я была свахой и сосватала купеческую дочь; а я вовсе и заикать[2] не заикалась и совсѣмъ не знала, что его милости нуженъ женихъ. И какъ приказалъ онъ, кормилецъ мой, взять меня десятскимъ и такъ больно отрапортовалъ меня кругомъ, что три дня не могла сидѣть. Ей Богу!

Хлестаковъ. Ахъ, какой мошенникъ! Да его за это на каторгу!

Унтеръ-офицерша. Ей Богу! Если не вѣришь, кормилецъ, я тебѣ, пожалуй, знаки покажу.

Хлестаковъ. Не нужно, не нужно, матушка! Я и безъ того вѣрю. Ну, а ты?

Слесарша. Милости прошу вашей. На городничаго челомъ бью! Пошли ему Богъ всякое зло — чтобы ни дѣтямъ его, ни ему, мошеннику, ни дядямъ, ни теткамъ его ни въ чемъ никакого прибытку не было!

Хлестаковъ. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказалъ забрить лобъ въ солдаты. И очередь-то на насъ не припадала, мошенникъ такой! да и по закону нельзя: онъ женатый.

Хлестаковъ. Какъ же онъ могъ это сдѣлать?

Слесарша. Сдѣлалъ, мошенникъ, сдѣлалъ! Побей Богъ его и на томъ, и на этомъ свѣтѣ! Чтобы ему, если и тетка есть, то и теткѣ всякая пакость; и отецъ если живъ у него, то чтобы и онъ, каналья, околѣлъ или поперхнулся на вѣки, мошенникъ такой! Слѣдовало взять сына портнаго, онъ же и пьянюшка былъ, да родители богатый подарокъ дали, такъ онъ и присыкнулся къ сыну купчихи Пантелѣевой; а Пантелѣева тоже подослала къ супругѣ полотна три штуки, такъ онъ ко мнѣ. „На что“, говоритъ, „тебѣ мужъ? онъ ужъ тебѣ не годится“. — Да я то знаю, годится или не годится; это мое дѣло, мошенникъ такой! „Онъ“, говоритъ, „воръ: хоть онъ теперь и не укралъ, да все равно“, говоритъ, „онъ украдетъ, его и безъ того на слѣдующій годъ возьмутъ въ рекруты“. Да мнѣ-то каково безъ мужа, мошенникъ такой! Я слабый человѣкъ, подлецъ ты такой! Чтобъ всей роднѣ твоей не довелось видѣть свѣта божіяго! И если есть теща, то чтобы и тещѣ...

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо, матушка! Ступайте, ступайте! Я ему это все... Ступайте съ Богомъ! *(Выпроваживаетъ старухъ).*

Обѣ вмѣстѣ *(уходя).* Не позабудь, отецъ нашъ! Будь милосливъ!

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо! *(Въ окно высовываются руки съ просьбами).* Да кто тамъ еще? *(Подходитъ къ окну).* Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! *(Отходя).* Надоѣли, чортъ возьми! Не впускай, Осипъ.

Осипъ *(кричитъ въ окно).* Пошли, пошли! Не время, завтра приходите! *(Дверь отворяется и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели съ небритою бородою, и раздутою губою, и перевязанною щекою).*

Осипъ. Пошелъ, пошелъ! Чего лѣзешь? *(Упирается ему руками въ брюхо и выпирается вмѣстѣ съ нимъ въ прихожую, захлопнувъ за собою дверь).*

Голосъ Анны Андреевны. Право, какъ будто никому дѣла нѣтъ![1]

Хлестаковъ. А!

Голосъ Анны Андреевны. Тамъ набрело просителей полонъ дворъ, а[2] мужа нѣтъ! И зачѣмъ, куда онъ зашелъ? Хотя бы ты что-нибудь... вѣдь ты здѣсь сидишь.

Голосъ Марьи Антоновны. Ахъ, право, маменька, какія вы странныя!

Хлестаковъ. А!

Голосъ Марьи Антоновны. Что жъ мнѣ дѣлать?

Голосъ Анны Андреевны. О, ты всегда права! Ей Богу, такой безпорядокъ! И эти квартальные мерзавцы! *(Входитъ на сцену и, увидѣвъ Хлестакова, вскрикиваетъ)*[3].

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Хлестаковъ и Анна Андреевна.

Анна Андреевна. Я совсѣмъ не знала, что вы тутъ сидите... Я вамъ помѣшала въ занятіяхъ.

Хлестаковъ. Вы никогда не можете помѣшать. Куда вы спѣшили?

Анна Андреевна. Вы извините меня: мнѣ, право, очень нужно приказать ключницѣ.[4]..

Хлестаковъ. Да это все суета[5]: и приказаніе, и ключница. Ключница — пустякъ! Вы останьтесь здѣсь[6].

Анна Андреевна. Я, право, помѣшала вамъ заниматься важными дѣлами.

Хлестаковъ. А ваши глазки, сударыня, еще лучше, нежели важныя дѣла[7].

Анна Андреевна. Я никакъ не беру на свой счетъ... Я скоро къ вамъ приду.

Хлестаковъ. Ну, не ходите, Анна Андреевна, сдѣлайте милость! Сядьте со мной вотъ здѣсь[8].

Анна Андреевна. Право, я не знаю... мнѣ такъ нужно[9].

Хлестаковъ. Какое у васъ прекрасное платье!

Анна Андреевна. Вы насмѣшники, лишь бы только посмѣяться надъ провинціальными.

Хлестаковъ. Какъ бы я желалъ, сударыня, быть вашимъ платьемъ, чтобы обнимать все, что ни есть у васъ![1]

Анна Андреевна. Я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы говорите: какое-то платье, а больше я ничего не поняла... Сегодня какая хорошая погода![2]

Хлестаковъ. А ваши губки, сударыня, лучше нежели всякая погода на дворѣ.

Анна Андреевна. Вы все говорите такое, чего я никакъ не понимаю. Вы бы лучше пропѣли или проиграли на фортепіяно, или проговорили бы какіе-нибудь хорошіе стихи. Я очень люблю стихи[3]; вы, вѣрно, ихъ знаете много.

Хлестаковъ. Въ угодность вашу все, что хотите![4] Требуйте, какіе стихи вамъ.

Анна Андреевна. Какіе-нибудь этакіе хорошіе, новые.

Хлестаковъ. Да что стихи! Я много ихъ знаю.

Анна Андреевна. Ну, скажите же[5]...

Хлестаковъ. Да къ чему же говорить? Я и такъ ихъ знаю.

Анна Андреевна. Я очень люблю ихъ...

Хлестаковъ. Да у меня много ихъ всякихъ:[6] „О ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь, человѣкъ!...“ Ну, и множество другихъ, теперь я не могу припомнить. Впрочемъ это все вздоръ. Я такъ счастливъ, что сижу теперь возлѣ васъ! Если бы я могъ, сударыня, напечатлѣть поцѣлуй въ ваши губки[7]...

Анна Андреевна. Вы, какъ нарочно, говорите все такое, чего я совсѣмъ никакъ не могу понимать... Я думаю, какъ тамъ хорошо въ Петербургѣ играютъ разныя комедіи.

Хлестаковъ. Комедіи? А что это такое — комедія?

Анна Андреевна. Вотъ, какъ будто вы не знаете!

Хлестаковъ. Право, не знаю. Что жъ бы это такое — комедія? Это какой-нибудь звѣрь или чиновникъ?

Анна Андреевна *(обидѣвшись)*. Вы, вѣрно, воображаете меня ужъ такою провинціалкою... что и...

Хлестаковъ. Право, не знаю. А! теперь вспомнилъ: комедія это все равно, что артиллерія?

Анна Андреевна. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Конечно, мы

здѣсь не имѣемъ столичнаго воспитанія... Что жъ дѣлать? не всякому быть ученымъ и премудрымъ.

Хлестаковъ. Вотъ видите, сударыня, вы ужъ и сердитесь. Куда же вы это... Сидите здѣсь!

Анна Андреевна *(садясь)*. Я вижу, что вамъ скучно у насъ.

Хлестаковъ. Вотъ видите, какія вы! Я пошутилъ. Прошу садиться. Вѣрите ли, сударыня, что моя любовь къ вамъ...

Анна Андреевна. Вы напрасно мнѣ это говорите[1]. Любовь! Я не понимаю любовь... Я никогда и не знала, что̀ это за любовь. *(Отодвигаетъ стулъ.)*

Хлестаковъ *(придвигая стулъ)*. Отчего жъ вы такъ отодвигаете свой стулъ? Намъ лучше будетъ сидѣть близко другъ къ другу.

Анна Андреевна[2]. Для чего жъ близко? Все равно и далеко.

Хлестаковъ *(придвигаясь)*. Отчего жъ далеко? Вѣдь все равно и близко. Это вѣдь все только въ воображеніи кажется, что близко: оно все равно, что далеко. Если бъ я былъ такъ счастливъ, сударыня, что могъ бы прижать васъ въ свои объятія.

Анна Андреевна *(смотритъ въ окно)*. Что это, такъ, какъ будто бы полетѣло? Ворона или какая другая птица?

Хлестаковъ *(скоро цѣлуетъ ее въ плечо и смотритъ въ окно)*. Это ворона.

Анна Андреевна *(встаетъ)*. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Вы меня почитаете за какую-нибудь...

Хлестаковъ. Простите, сударыня! Я это сдѣлалъ отъ любви; ей Богу, отъ любви!

Анна Андреевна. Вы это можете дѣлать съ другой, а не со мной. *(Хочетъ итти)*.

Хлестаковъ *(удерживая ее)*. Я долженъ признаться вамъ въ самой страстной любви. Люблю васъ такъ, какъ не можете вообразить — осчастливьте меня! *(Падаетъ на колѣни)*.

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой! Я, право... Встаньте, сдѣлайте милость... Какъ же это такъ: вдругъ и на колѣни! Я, ей Богу, никакъ и не думала объ этомъ.

Хлестаковъ *(на колѣняхъ)*. Сдѣлайте меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ! Руки вашей прошу, а не то — умру, сію же минуту умру[3].

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой! Вѣдь я нѣкоторымъ образомъ замужемъ.

Хлестаковъ. Мнѣ все равно, я ничего не хочу знать. Если вы не согласитесь отдать руки вашей[1], то застрѣлюсь, какъ ни въ чемъ не бывало: я рѣшительный человѣкъ.

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой! Я право не знаю, что дѣлать. У меня, право, есть мужъ; развѣ въ Синод...

Хлестаковъ *(поднимая одно колѣно)*. А да, точно: у васъ есть мужъ, у меня изъ ума...[2]

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Марья Антоновна.

Марья Антоновна *(увидѣвъ Хлестакова, не успѣвшаго встать на ноги, и всплеснувъ руками)*. Ахъ, какой посажъ!

Хлестаковъ *(вставая)*. А, чортъ возьми!

Анна Андреевна[3]. Ну, что жъ?... Къ чему тутъ?... Съ какой стати такъ вбѣжала?

Марья Антоновна *(смутившись)*. Я, маменька, хотѣла увидѣть, гдѣ вы.

Анна Андреевна. Такая вѣтреность во всемъ!... Я не понимаю: девятнадцать лѣтъ, и она все еще совершенно какъ дитя. Вдругъ вбѣжитъ сбухты барахты, а зачѣмъ, Богъ ее знаетъ! Я не понимаю, что̀ будетъ изъ тебя, какъ доживешь моихъ лѣтъ. Никакой совершенно степенности, чтобы можно было видѣть, что она воспитанная, благородная дѣвица; нѣтъ, у ней напротивъ все это такъ, на вѣтеръ только.

Хлестаковъ. Какъ вы давно лишали насъ удовольствія васъ видѣть! Гдѣ вы были?

Марья Антоновна. Право, нигдѣ... Я была въ своей комнатѣ.

Хлестаковъ. Какъ бы я счастливъ былъ, сударыня, если бы я былъ ваша комната! *(Въ сторону)*. А она очень недурна: щечки свѣженькія такія... *(Вслухъ)*. Для меня нѣтъ ничего больше въ мірѣ, какъ видѣть васъ, потому что, признаться, я съ перваго взгляда, какъ только увидалъ васъ, ощутилъ въ сердцѣ любовь. *(Послѣ небольшаго молчанія)*. Смѣю ли надѣяться, Марья Антоновна, что вы примете благосклонно мои сердечныя чувства?

Марья Антоновна. Я не знаю, право...

Анна Андреевна. Да... ну, что жъ? Ты и скажи или... *(Въ сторону).* Я и сама не знаю, что такое.

Хлестаковъ. Рѣшите мою участь, Марья Антоновна. Я прошу васъ на колѣняхъ. Если вы не согласитесь отвѣтствовать, то сдѣлаете меня несчастливѣйшимъ человѣкомъ, и я принужденъ буду сей же часъ застрѣлиться.

Марья Антоновна. Ахъ, Боже мой!... Маменька!

Хлестаковъ *(обращаясь къ Аннѣ Андреевнѣ).* Склонитесь[1], Анна Андреевна, на мою просьбу: не могу жить безъ вашей дочери. Если же не согласитесь, то сей же часъ беру пистолетъ и стрѣляюсь. О, я рѣшительный человѣкъ! Мнѣ жизнь копѣйка[2].

Анна Андреевна. Я, право, не могу еще притти въ себя... Мы никакъ и не думаемъ о такой чести. Вамъ нужна графиня или княгиня.

Хлестаковъ. О, мнѣ все равно! Я не слишкомъ гляжу на графинь; мнѣ нужно достоинство[3]. Сударыня[4], если вы не рѣшитесь исполнить моей просьбы, то вы не можете представить, что̀ со мною случится; какъ честной человѣкъ, увѣряю[5].

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой, какъ вы меня пугаете! Встаньте... Я согласна, только встаньте.

Хлестаковъ. Вы мнѣ возвратили жизнь; я теперь самый счастливѣйшій изъ смертныхъ. *(Цѣлуетъ руки Марьи Антоновны).* Теперь, Марья Антоновна, мнѣ за васъ порфиры не нужно; ей Богу, не нужно![6]

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и **Городничій** *(впопыхахъ).*

Городничій. Ваше превосходительство, не погубите! не погубите!

Хлестаковъ. Что съ вами?

Городничій. По неопытности... Ей Богу, безъ всякаго умыслу!

Хлестаковъ. Да что?[7]

Городничій. Тамъ купцы жаловались вашему превосходительству — честью увѣряю, и на половину нѣтъ того, что они говорятъ. Они сами обманываютъ и обмѣриваютъ народъ.

Унтеръ-офицерская вдова налгала тоже вамъ, что будто я ее высѣкъ... Ей Богу, не сѣкъ! Ей Богу, не сѣкъ![1] Она сама себя высѣкла. Вотъ какъ Богъ святъ! И перекрещусь.

Хлестаковъ. О! объ этомъ не безпокойтесь: я имъ не вѣрю.

Городничій. Не вѣрьте; ей Богу, не вѣрьте! Это такіе лгуны... имъ вотъ этакой ребенокъ не повѣритъ. Они ужъ и по всему городу извѣстны за лгуновъ. А насчетъ мошенничества, то я вамъ скажу:[2] это такіе мошенники, какихъ свѣтъ не производилъ.

Хлестаковъ. О, да, бездѣльники — я это сейчасъ увидѣлъ.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоиваетъ насъ Александръ Ивановичъ? Онъ проситъ руки нашей дочери.

Городничій. Куда! куда! Богъ съ тобой![3] *(Креститъ ее).* Не извольте гнѣваться, ваше превосходительство: она немного съ придурью, таковая же была и мать ея.

Хлестаковъ. Нѣтъ, Анна Андреевна говоритъ правду: я точно прошу васъ осчастливить меня рукою Марьи Антоновны[4].

Городничій. Не могу вѣрить, ваше превосходительство.

Анна Андреевна. Да когда говорятъ тебѣ?...

Хлестаковъ. Я не шутя вамъ говорю... Если вы не согласитесь, то сдѣлаете меня несчастнѣйшимъ[5] человѣкомъ.

Городничій. Не смѣю вѣрить: не достоинъ такой чести.

Хлестаковъ. Сдѣлайте милость, не приводите меня въ отчаяніе. Если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я, признаюсь, на чортъ знаетъ что готовъ.

Городничій. Не могу вѣрить; изволите шутить, ваше превосходительство.

Анна Андреевна. Ахъ, какой чурбанъ въ самомъ дѣлѣ! Ему толкуютъ... Ну, что ты съ своимъ носомъ стоишь? Только мотаетъ имъ — радъ, что толстый носъ!

Городничій. Не смѣю[6]...

Хлестаковъ. Отдайте руку вашей дочери, я говорю въ послѣдній разъ. А не то, ей Богу... я отчаянный человѣкъ, я рѣшусь на все. Когда застрѣлюсь, то васъ подъ судъ отдадутъ.

Городничій. Боже, Боже мой![7] Я, ей Богу, не виноватъ ни душою, ни тѣломъ. Не извольте гнѣваться! Извольте поступать... такъ, какъ вашей милости угодно: у меня, ей Богу, въ головѣ теперь... я и самъ не знаю, что дѣлается[8]. Такой дуракъ теперь сдѣлался, какимъ еще никогда не бывалъ.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаковъ *подходитъ съ Марьей Антоновной.*

Городничій. Да благословитъ Богъ!... А я не виноватъ, ей Богу!

Хлестаковъ *цѣлуется съ Марьей Антоновной.*

Городничій *(смотритъ на нихъ).* Что за чортъ! Въ самомъ дѣлѣ! Эка, счастье какое привалило![1]

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Осипъ.

Осипъ. Лошади готовы.

Хлестаковъ. А, хорошо, хорошо... я сейчасъ.

Городничій. Изволите ѣхать?

Хлестаковъ. Да, ѣду.

Городничій. А когда же насчетъ свадьбы?[2]

Хлестаковъ. Да я вѣдь только на одинъ день къ дядѣ моему; тутъ онъ недалеко живетъ, богатый человѣкъ. Завтра я буду назадъ.

Городничій. Не смѣемъ никакъ удерживать; соблаговолите только показать намъ въ скоромъ времени опять ваше свѣтлое лицо[3].

Хлестаковъ. О, нѣтъ! Я вѣдь человѣкъ очень аккуратный[4]. Прощайте, Марья Антоновна, нѣжнѣйшій предметъ моей страсти! Я съ вами на минуточку только разстаюсь[5]. Прощайте, душенька! *(Цѣлуетъ ея руки).*

Городничій. Да не нужно ли вамъ въ дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться въ деньгахъ?

Хлестаковъ. О нѣтъ, къ чему это?[6] А впрочемъ не худо.

Городничій. Сколько угодно вамъ?

Хлестаковъ. Да вотъ тогда, кажется, дали мнѣ четыреста,[7] такъ, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсотъ.

Городничій. Вотъ я сію мунуту. *(Вынимаетъ изъ бумажника.)* Еще, какъ нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаковъ. А, да.[8] Это хорошо: вѣдь это, говорятъ, новое счастіе, когда новенькими бумажками?

Городничій. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Ну, такъ прощайте, любезный будущій тестюшка! Прощайте, маменька! Прощайте, душенька моя! Я не замѣшкаюсь: завтра же, можетъ быть, назадъ буду.

За сценой.

Голосъ Хлестакова. Прощайте, ангелъ души моей Марья Антоновна!

Голосъ городничаго. Какъ же это вы — прямо такъ на перекладной и ѣдете?

Голосъ Хлестакова. Да, я привыкъ ужъ такъ. У меня всегда голова болитъ отъ рессоръ.

Голосъ ямщика. Тпр....

Голосъ городничаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь застлать, хотя бы коврикомъ. Не прикажете ли, я велю подать коврикъ?

Голосъ Хлестакова. Нѣтъ, зачѣмъ? Это пустое; а впрочемъ, пожалуй, пусть даютъ коврикъ.

Голосъ городничаго. Эй, Авдотья! Ступай въ кладовую, вынь коверъ самый лучшій, что по голубому полю, персидскій. Скорѣй!

Голосъ ямщика. Тпр.

Голосъ городничаго. Такъ когда же прикажете ожидать васъ?

Голосъ Хлестакова. Завтра или послѣ-завтра непремѣнно.

Голосъ Осипа. А, это коверъ? Давай его сюда, клади вотъ такъ! Теперь давай-ка съ этой стороны сѣна.

Голосъ ямщика. Тпр.

Голосъ Осипа. Вотъ съ этой стороны еще! Сюда еще! Хорошо! Славно будетъ. *(Бьетъ рукою по ковру.)* Теперь садитесь, ваше благородіе!

Голосъ Хлестакова. Прощайте, будущій тестюшка!

Голосъ городничаго. Прощайте, ваше превосходительство!

Голосъ Хлестакова. Прощайте, маменька!

Женскіе голоса. Прощайте, Александръ Ивановичъ!

Голосъ ямщика. Эй вы, залетные! *(Колокольчикъ звенитъ. Занавѣсъ опускается).*

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій. Что, Анна Андреевна, а? Думала ли ты что-нибудь объ этомъ? Экой богатый призъ, канальство! Каково благословеніе божіе, а? Ну, признайся откровенно, тебѣ и во снѣ не видѣлось это, чтобы какая-нибудь просто изъ[1] городничихи и вдругъ, фу ты канальство, съ какимъ дьяволомъ породнилась!

Анна Андреевна. Совсѣмъ нѣтъ, я давно это знала. Это тебѣ въ диковинку, потому что ты простой человѣкъ, никогда не видѣлъ порядочныхъ людей.

Городничій. Да я самъ, матушка, порядочный человѣкъ: ужъ лучше моего никто не удовлетворитъ тебя. Эко, канальство, какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! А, Анна Андреевна? Высокаго полета, чортъ побери! Теперь забираетъ меня охота отдѣлать всѣхъ этихъ мерзавцовъ, которые смѣли подавать на меня доносы[2]. Эй, кто тамъ? *(Входитъ квартальный.)* А, это ты, Иванъ Карповичъ. Призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ каналій! Такъ жаловаться на меня? жаловаться? Ишь ты, проклятый іудейскій народъ! Я имъ теперь дамъ знать, аршинники! И объяви тамъ всѣмъ, чтобы знали[3], что вотъ, дескать, какую честь Богъ послалъ городничему. — что выдаетъ дочь свою не то, чтобы за какого-нибудь простаго человѣка, а за такого чиновника, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, въ тюрьму посадить и все, что хочетъ. Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали. Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужъ когда торжество, такъ торжество! *(Квартальный уходитъ).* Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить: здѣсь, или въ Петербургѣ?

Анна Андреевна. Натурально, въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь оставаться!

Городничій. Ну, въ Петербургѣ, такъ въ Петербургѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Что, вѣдь, я думаю, уже городничество тогда къ чорту? А, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально; что за городничество!

Городничій. Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ за панибрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ: такъ поэтому можетъ такое производство сдѣлать, что со временемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна: можно влѣзть въ генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! Конечно, можно.

Городничій. А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше[1], Анна Андреевна: красную или голубую?

Анна Андреевна. Ужъ, конечно, голубую лучше.

Городничій. Э! вишь чего захотѣла! Хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ? Потому, что, случится, поѣдешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: „лошадей!“ И тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, всѣ дожидаются: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь. Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ стой — городничій! Хе, хе, хе! *(Заливается и помираетъ со смѣху)*. Вотъ что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ помнить, что жизнь тебѣ нужно совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, чтобы какой-нибудь судья собачникъ, съ которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, или Ляпкинъ-Тяпкинъ; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда влѣпишь такое словцо, какое только въ кучерской услышишь.

Городничій. Что жъ, вѣдь слово не повредитъ.

Анна Андреевна. Да, хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ вѣдь жизнь совершенно другая.

Городничій. Да, тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: рябушка и корюшка, — такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Анна Андреевна. Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтобы нашъ домъ былъ первый въ столицѣ и чтобы у меня въ комнатѣ такое было анбре, чтобы нельзя было войти въ комнату, и нужно бы только этакъ зажмурить глаза. *(Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ.)* Ахъ, какъ хорошо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и купцы.

Городничій. А! Здорово, соколики!

Купцы *(кланяясь)*. Здравія желаемъ, батюшка!

Городничій. Что, голубчики, какъ поживаете? Какъ товаръ идетъ вашъ? Что, самоварники, аршинники проклятые, жаловаться? Жаловаться, протоканальи! Жаловаться, архибестіи! Жаловаться, козлиныя[1] бороды! Что, много взяли? Вотъ, думаютъ, такъ въ тюрьму его и засадятъ!... Знаете ли вы, — семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, — что...

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой, какія ты, Антоша, слова отпускаешь!

Городничій *(съ неудовольствіемъ)*. А, не до словъ теперь! Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? А? Что теперь скажете? Теперь я васъ всѣхъ скручу такъ, что ни одного волоска не останется въ вашихъ бородахъ. Мошенники! Вы только обманываете народъ, мошенники! Еще и медали даютъ имъ! Я бы вамъ канчуковъ вмѣсто медалей. За что вы получаете медали? Вы сдѣлаете подрядъ съ казною, да на сто тысячъ надуете ее, поставивши гнилаго сукна, да потомъ пожертвуешь, каналья, двадцать аршинъ — тебѣ и медаль даютъ! А если бы знали, такъ бы тебѣ петлю навѣсили вмѣсто медали! Мошенники! А кто вамъ доставилъ медали? — Я! Что, позабыли? Еще и „почтеннымъ“ его называютъ, и брюхо суетъ впередъ: онъ первой гильдіи купецъ — его не тронь! „Мы“, говоритъ: „и дворянамъ не уступимъ“. Да дворянинъ... Ахъ ты рожа! Дворянинъ учится наукамъ и его хоть и сѣкутъ въ школѣ, да за дѣло: чтобы онъ зналъ полезное. А ты что? Ты начинаешь аршиномъ да плутнями; тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать; ты мальчишка, еще „Отче-наша“ не знаешь, а ужъ обмѣриваешь. А тамъ какъ разодметъ тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и „почтенный!“ Почтенный! Оттого, что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ оттого и почтенный? Почтенный! Да я плевать на твою голову и на твое почтеніе!

Купцы *(кланяясь)*. Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. Жаловаться? А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда, какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также, каналья, спровадить въ Сибирь. Что скажешь, а?

Одинъ изъ купцовъ. Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ: лукавый попуталъ. И закаемся впередъ жаловаться. Вотъ те Христосъ! Всякое удовлетвореніе, какое хошь, готовы сдѣлать, не гнѣвись только.

Городничій. Не гнѣвись! Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отчего? Оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

Купцы *(кланяются въ ноги)*. Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. „Не погуби!“ Теперь: „не погуби!“ А прежде что? Я бы васъ въ тюрьму![1]... Ну, да Богъ проститъ! Вставайте, полно! Я не памятозлобенъ. Только теперь, смотрите, ухо востро! Я выдаю теперь[2] дочку свою не за какого-нибудь простаго дворянина, — смотрите же, чтобъ поздравленіе было приличное: не то, чтобы отбояриться какимъ-нибудь балычкомъ или головою сахару — понимаешь? Ну, ступайте съ Богомъ! *(Купцы уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, потомъ Растаковскій.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(еще въ дверяхъ)*. Вѣрить ли слухамъ, Антонъ Антоновичъ?[3] Къ вамъ привалило необыкновенное счастіе.

Артемій Филипповичъ. Имѣю честь поздравить съ необыкновеннымъ счастіемъ. Я душевно обрадовался, когда услышалъ... *(Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны)*.

Растаковскій *(входя)*. Антона Антоновича поздравляю съ новымъ счастіемъ:[4] да продлитъ Богъ жизнь вашу и новой четы, и дастъ вамъ потомство многочисленное, внучатъ и правнучатъ! Анна Андреевна! *(Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны)*. Марья Антоновна! *(Подходитъ къ ручкѣ Маріи Антоновны)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Коробкинъ съ женою, Люлюковъ.

Коробкинъ. Имѣю честь поздравить Антона Антоновича и Анну Андреевну! *(Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны).* Марья Антоновна! *(Подходитъ къ ея ручкѣ).*

Жена Коробкина. Душевно васъ поздравляю, Анна Андреевна, съ новымъ счастіемъ.

Люлюковъ. Имѣю честь поздравить васъ, Анна Андреевна! *(Подходитъ къ ручкѣ и потомъ, обратившись къ зрителямъ, щелкаетъ языкомъ съ видомъ удальства).* Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! *(Подходитъ къ ручкѣ и обращается къ зрителямъ съ тѣмъ же удальствомъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Лука Лукичъ съ женою.[1]

Лука Лукичъ. Имѣю честь. ..

Жена Луки Лукича *(бѣжитъ впередъ).* Поздравляю васъ, Анна Андреевна! *(Цѣлуются).* А я такъ, право, обрадовалась! Говорятъ мнѣ: „Анна Андреевна выдаетъ дочку". — „Ахъ, Боже мой!" думаю я себѣ и такъ обрадовалась, что говорю мужу: „Послушай, Лукунчикъ: вотъ какое счастіе Аннѣ Андреевнѣ!" — „Ну", думаю себѣ: „слава Богу!" И говорю ему: „Послушай[2], я такъ восхищена, что сгараю нетерпѣніемъ изъявить лично Аннѣ Андреевнѣ"... „Ахъ, Боже мой!" думаю себѣ: „Анна Андреевна именно ожидала хорошей партіи для своей дочери, а вотъ теперь такая судьба: именно такъ сдѣлалось, какъ она хотѣла". И такъ, право, обрадовалась, что не могла говорить: плачу, плачу, вотъ просто рыдаю. Уже Лука Лукичъ говоритъ: „Отчего ты, Настенька, рыдаешь?" — „Лукунчикъ", говорю: „я и сама не знаю, такъ слезы вотъ рѣкой и льются".

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Погоняевъ съ женою и множество гостей въ сюртукахъ и фракахъ и Богъ знаетъ въ чемъ, нѣсколько офицеровъ, потомъ Бобчинскій и Добчинскій.

Погоняевъ. Слухъ дошелъ къ намъ, что вы вступаете въ родство съ знаменитою фамиліею. Сожалѣю, что не имѣлъ чести представиться будущему зятю вашему.

Жена Погоняева. Поздравляю, Анна Андреевна! Мнѣ сказывала Капитолина Ивановна. Говорятъ, что за именитымъ гостемъ шесть каретъ пріѣхало, и всѣ съ какими-то необыкновенными форейторами, по восьми лошадей въ рядъ. *(Множество гостей[1] подходятъ попеременно сначала къ Аннѣ Андреевнѣ, потомъ къ Маріи Антоновнѣ, произнося попеременно: „Анна Андреевна! Марья Антоновна!“ Бобчинскій и Добчинскій продираются сквозь толпу.)*

Бобчинскій. Имѣю честь поздравить.

Добчинскій. Антонъ Антоновичъ, имѣю честь поздравить!

Бобчинскій. Съ благополучнымъ происшествіемъ!

Добчинскій. Анна Андреевна!

Бобчинскій. Анна Андреевна! *(Оба подходятъ въ одно время къ рукѣ и сталкиваются лбами.)*

Добчинскій. Марья Антоновна! *(Подходитъ къ ея ручкѣ).* Честь имѣю поздравить. Теперь вы будете въ большомъ, въ большомъ счастіи, въ золотомъ платьѣ ходить и деликатные разные супы кушать — очень забавно будете проводить время...

Бобчинскій *(перебивая).* Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! Дай Богъ вамъ всякаго богатства, червонцевъ и сынка такого маленькаго, вотъ этакого *(показываетъ рукою),* чтобы можно было на ладоньку посадить, и такъ только все будетъ кричать: уа, уа!

Городничій. Прошу покорнѣйше садиться, господа! Эй, Мишка! принеси сюда побольше стульевъ. *(Гости садятся).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и купцы.

Одинъ изъ купцовъ. Поздравляемъ батюшку Антона Антоновича, и матушку Анну Андреевну, и дщерицу ихъ Марью Антоновну: тебя, батюшка Антонъ Антоновичъ, поздравляемъ

штукой тонкаго сукна, пятнадцатью аршинами бархата на халатъ, а ея милость — кисейкой на пару платья, парчою золотою.

Городничій. Хорошо, хорошо! Тамъ скажите Авдотьѣ: пусть приметъ. *(Купцы уходятъ)*[1].

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, частный приставъ и квартальные.

Частный приставъ. Имѣю честь поздравить ваше высокоблагородіе и пожелать благоденствія на многія лѣта.

Городничій. Спасибо, спасибо![2]

Аммосъ Ѳедоровичъ. Но скажите, пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, какимъ образомъ все это началось: постепенный ходъ всего, то есть, дѣла.

Городничій. Ходъ дѣла чрезвычайный: изволилъ собственнолично сдѣлать предложеніе.

Анна Андреевна. Очень почтительнымъ и самымъ тонкимъ образомъ. Все чрезвычайно хорошо говорилъ. Говоритъ: „Я, Анна Андреевна, не посмотрю на то, что она не графиня и не княгиня — я именно изъ одного уваженія къ вашимъ достоинствамъ и вашей дочери...“ И такой прекрасный и воспитанный человѣкъ, самыхъ благороднѣйшихъ правилъ! „Мнѣ, вѣрите ли, Анна Андреевна, мнѣ жизнь копѣйка; но именно за то только, что уважаю ваши рѣдкія качества, я прошу, я умоляю руки вашей; если вы будете такъ жестоки...

Марья Антоновна. Ахъ, маменька! Вѣдь это онъ мнѣ говорилъ.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не въ свое дѣло не мѣшайся! „Я, Анна Андреевна, — вы повѣрите ли это, — я потому только ищу руки вашей или вашей дочери, что чувствую сердечную любовь и изумляюсь вашимъ достоинствамъ“. Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ!... И когда я хотѣла сказать: „Мы никогда не смѣемъ надѣяться на такую честь“, тогда онъ, не говоря ни слова, вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: „Анна Андреевна, не сдѣлайте меня несчастнѣйшимъ! И если вы не согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, тогда я смертію окончу жизнь свою“.

Марья Антоновна. Ахъ, ей Богу, маменька, онъ обо мнѣ это говорилъ!

Анна Андреевна. Да, конечно... и объ тебѣ было... я ничего этого не отвергаю.

Городничій. И такъ даже напугалъ: говоритъ, что онъ застрѣлится[1].

Многіе изъ гостей. Скажите, пожалуйста!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайное произшествіе!

Лука Лукичъ. Вотъ подлинно, судьба ужъ такъ вела!

Артемій Филипповичъ. По заслугамъ и благословеніе божіе. „Возвеличу мужа праведна и вознесу его“, сказалъ Богъ... *(Въ сторону).* Вотъ, этакой свиньѣ такъ и лѣзетъ въ самый ротъ счастье!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я, пожалуй, Антонъ Антоновичъ, продамъ вамъ того кобелька, котораго торговали.

Городничій. Нѣтъ, мнѣ теперь не до кобельковъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Ну, не хотите — на другой собакѣ сойдемся.

Жена Коробкина. Ахъ, какъ, Анна Андреевна, я рада вашему счастію! Вы не можете себѣ представить.

Жена Погоняева. Я, Анна Андреевна, узнала теперь секретъ, какъ на нѣмецкій манеръ квасить капусту: нужно прежде всего обложить бочку дубовыми листьями, потомъ взять...

Анна Андреевна *(съ видомъ пренебреженія).* Фи! капуста! Я не знаю, какъ вы можете говорить объ этомъ!... Я, признаюсь... такой предметъ... капуста! Фи! Я никогда и не знала, что̀ это за капуста. Ѣла, правда, въ кушаньѣ что-то такое, но никогда и не любопытствовала узнать, что это за капуста.

Жена Погоняева *(одной гостьѣ).* Вы слышали, какъ она отзывается о насъ?

Гостья. Да она такова, я ужъ ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги...[2]

Коробкинъ. Гдѣ жъ теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышалъ, что онъ уѣхалъ зачѣмъ-то.

Городничій. Да, онъ отправился на одинъ день по весьма важному дѣлу.

Анна Андреевна. Къ своему дядѣ, чтобы испросить благословеніе.

Городничій. Испросить благословеніе, но завтра же... *(Чихаетъ).*

Поздравленія сливаются въ одинъ гулъ. Слышнье другихъ слѣдующіе голоса:

Артемія Филипповича. Желаю здравствовать!

Коробкина. Многія лѣта!

Частнаго пристава. Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Аммоса Ѳедоровича. Здравствуйте, Антонъ Антоновичъ![1]

Городничій. Много благодаренъ!... Но завтра же и назадъ... *(Чихаетъ).*

Поздравительный гулъ; слышнье другихъ голоса:

Частнаго пристава. Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Бобчинскаго. Сто лѣтъ и куль червонцевъ!

Добчинскаго. Продли, Боже, на сорокъ сороковъ!

Артемія Филипповича. Чтобъ ты пропалъ!

Жены Коробкина. Чортъ тебя побери![2]

Анна Андреевна. Мы теперь въ Петербургѣ намѣрены жить. А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ... очень спертый...[3] Вотъ, и мужъ мой: онъ тамъ получитъ генеральскій чинъ.

Городничій. Да, признаюсь, господа, я, чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

Лука Лукичъ. И дай Богъ получить!

Растаковскій. Отъ человѣка невозможно, а отъ Бога все возможно.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Большому кораблю большое плаванье.

Артемій Филипповичъ. По заслугамъ и честь.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ сторону).* Вотъ выкинетъ штуку, когда, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлается генераломъ! Вотъ ужъ кому пристало генеральство, какъ къ коровѣ сѣдло! Нѣтъ, до этого еще далека пѣсня: тутъ и почище тебя есть, да до сихъ поръ еще не генералы.

Артемій Филипповичъ *(въ сторону).* Эка, чортъ возьми, ужъ и въ генералы лѣзетъ! Чего добраго, можетъ, и будетъ, свинья, генераломъ! Вѣдь у него солидности, голосу[4] и важности, лукавый не взялъ бы его, довольно. *(Обращаясь къ нему).* Тогда, Антонъ Антоновичъ, и насъ не позабудьте.

Аммосъ Ѳедоровичъ. И если что случится, напримѣръ, какая-нибудь надобность по дѣламъ, не оставьте покровительствомъ.

Коробкинъ. Въ слѣдующемъ году повезу сынка въ столицу на пользу государства, такъ сдѣлайте милость ему вашею протекціею: мѣсто отца заступить сироткѣ.

Городничій. Я готовъ, съ своей стороны, готовъ стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во-первыхъ, тебѣ не будетъ времени и думать объ этомъ. И какъ можно, и съ какой стати себя обременять этакими хлопотами?[1]

Городничій. Почему жъ, душа моя? Иногда можно.

Анна Андреевна. Можно! Ты это себѣ воображаешь. Пожалуй, весь уѣздъ нагрянетъ обо всѣхъ вздорахъ и пустякахъ просить и затруднять насъ — нѣтъ, на это я не согласна: я это напередъ говорю всѣмъ. Право, эти господа воображаютъ, что люди важные должны непремѣнно...[2]

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Почтмейстеръ. Я, господа, пришелъ объявить вамъ удивительное дѣло.

Городничій. А, напримѣръ, что такое? Послушаемъ.

Почтмейстеръ. Я и самъ не знаю, что̀ сказать вамъ: такое странное обстоятельство, что я...

Нѣкоторые. Какое? что?

Почтмейстеръ. Просто удивительное[3]. Я долженъ васъ предувѣдомить, господа, что по любопытству люблю иногда почитать иное письмо изъ приходящихъ ко мнѣ на почту; притомъ же самъ Антонъ Антоновичъ просилъ меня не оставлять, не распечатавши, писемъ, чтобы имѣть свѣдѣніе о ревизорѣ. Какъ вдругъ сегодня приносятъ ко мнѣ на почту письмо отъ этого самаго чиновника, которому мы показывали въ городѣ всѣ заведенія! Я, признаюсь, не утерпѣлъ: со страхомъ, съ большимъ страхомъ, а распечаталъ...

Городничій. Какъ же вы смѣли распечатать?

Почтмейстеръ. Что жъ дѣлать? Рѣшился, такъ ужъ на пропало рѣшился. Меня, признаюсь, подзадорило больше то, что

на пакетѣ было написано: „Его Благородію, какому-то Тряпичкину“. Если бы къ какому-нибудь превосходительству, то я бы никакъ не осмѣлился; но какъ увидѣлъ, что къ благородію, то такое почувствовалъ любопытство, какого еще никогда не помню. Я даже приказалъ затворить ставни, чтобы никто не могъ подсмотрѣть, и самъ зажегъ свѣчу...

Городничій. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстеръ. Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный и не особа!

Городничій. Что жъ онъ по вашему такое?

Почтмейстеръ. Ни сё, ни то; чортъ знаетъ, что такое!

Городничій *(запальчиво)*. Какъ вы смѣете это сказать? Знаете ли, что я велю васъ подъ арестъ взять?

Почтмейстеръ. Кто? Вы?

Городничій. Да, я.

Почтмейстеръ. Фи!...

Городничій. Знаете ли, что этотъ самый чиновникъ женится теперь на моей дочери. Я самъ скоро буду вельможа и если захочу, то васъ въ Сибирь законопачу.

Почтмейстеръ. А вотъ этого не хотите? *(Показываетъ ему палецъ)*.[1]

Городничій. Господа, протестую; будьте свидѣтелями: почтмейстеръ показалъ мнѣ при всѣхъ шишъ.

Почтмейстеръ. Господа, позвольте же и мнѣ прочитать вамъ письмо, а потомъ можете сказать свое мнѣніе. *(Читаетъ)*. „Маія такого-то числа и проч.... и проч.... и проч.... Я уже писалъ къ тебѣ, душа Тряпичкинъ, въ прежнемъ письмѣ, какъ я былъ обыгранъ въ Пензѣ пѣхотнымъ капитаномъ. Если бы Осипъ не догадался припрятать новой пары платья, то и платья бы не было. Добравшись кое-какъ до этого городка, я, къ изумленію, не могъ даже заплатить и задолжался въ трактирѣ, по волѣ Зевеса, до такой степени, что трактирщикъ, — ты только, пожалуйста, не разсказывай никому, — хотѣлъ меня потащить даже въ тюрьму. Къ батюшкѣ я не смѣлъ писать: у него, знаешь, такія неблагородныя средства... Помнишь, какъ онъ обѣщалъ въ письмѣ своемъ даже розгами... словомъ, человѣкъ, не имѣющій благородныхъ чувствъ. Такими мѣрами ничего нельзя теперь, а осо-

бенно при теперешнемъ просвѣщеніи; онъ можетъ это дѣлать съ своими мужиками. Но, вообрази, вдругъ сцена перемѣнилась. Я живу теперь у городничаго въ домѣ и наслаждаюсь всѣми пріятностями жизни, жирую, отпускаю бонъ-мо[1]... Вообрази, братецъ! Жена и дочка у него прелесть. Я строю курбеты имъ обѣимъ, но еще не рѣшился, съ которой начать прежде. Думаю, лучше съ матушки: къ дочкѣ еще, неизвѣстно, можетъ быть, труденъ доступъ, а матушка такая, что сію минуту готова облагодѣтельствовать, и я сегодни или завтра намѣренъ поставить городничему препорядочные рога. Самъ городничій преблагороднѣйшій человѣкъ, съ гостепріимствомъ патріархальнымъ, но глупъ, какъ сивый меринъ..."

Городничій. Не можетъ быть: тамъ этого не писано.

Почтмейстеръ *(показывая письмо)*. Читайте сами.

Городничій *(читая)*. „Какъ сивый меринъ". Не можетъ быть; это вы сами написали.

Почтмейстеръ. Какъ же бы я сталъ писать?

Артемій Филипповичъ. Читайте!

Лука Лукичъ. Читайте!

Почтмейстеръ *(продолжая читать)*. „Городничій преблагороднѣйшій человѣкъ и съ гостепріимствомъ патріархальнымъ, но глупъ, какъ сивый меринъ..."

Городничій. О, чортъ возьми, нужно еще повторять! Какъ будто бы тамъ и безъ того нѣтъ...

Почтмейстеръ *(продолжая читать)*. „Но..." хм, хм, хм, хм... „сивый меринъ..." „Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ..." *(Оставляя читать)*. Ну, тутъ и обо мнѣ неприлично выразился.

Городничій. Нѣтъ, читайте!

Почтмейстеръ. Да къ чему жъ?

Городничій. Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать! Читайте все!

Артемій Филипповичъ *(читаетъ)*[2]. „Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ и чрезвычайно похожъ на нашего[3] пьяницу департаментскаго сторожа: должно быть, тоже, подлецъ, пьетъ горькую..."

Почтмейстеръ *(къ зрителямъ)*. Ну, скверный мальчишка, котораго нужно посѣчь — больше ничего!

Артемій Филипповичъ *(продолжая читать)*. „Кромѣ того

надзиратель надъ богоугоднымъ заведеніемъ, какой-то Ляпкинъ-Тяп...“ *(Заикается).*

Коробкинъ. А что жъ вы остановились?

Артемій Филипповичъ. Да нечеткое перо... Впрочемъ видно, что негодяй.

Коробкинъ. Дайте мнѣ! Вотъ[1] у меня, я думаю, получше глаза. *(Беретъ письмо).*

Артемій Филипповичъ.[2] Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Коробкинъ. Да позвольте! Э, скажите, господа, чтобы Артемій Филипповичъ отдалъ.

Городничій. Отдайте!

Всѣ *(приступаютъ къ нему).* Отдайте, отдайте! Читайте![3]

Коробкинъ *(читая).* „Кромѣ того, надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ, какой-то Ляпкинъ-Тяпкинъ: вообрази себѣ чухонскую свинью въ картузѣ[4], съ пребольшими ушами“.

Артемій Филипповичъ *(къ зрителямъ).* И нимало не остроумно! Богъ знаетъ что: свинья въ картузѣ![4] Совсѣмъ неправдоподобно: гдѣ жъ свинья въ картузѣ[4] бываетъ?

Коробкинъ *(продолжая читать).* „А отъ смотрителя училищъ страшно воняетъ лукомъ“.

Лука Лукичъ *(къ зрителямъ).* Ей Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку!

Коробкинъ *(продолжая читать).* „Словомъ, братъ, все ужасной моветонъ[5]. Но при всемъ томъ мнѣ чрезвычайно нравится здѣшнее добродушіе: такъ, знаешь, просто[6], безъ всякихъ претензій[7], такъ что я истинно тронутъ. Денегъ здѣсь занять можно, сколько хочешь. Помнишь, какъ мы хотѣли пообѣдать у Палкина на счетъ англинскаго короля, да мерзавецъ мальчишка придержалъ за шинель? — Вотъ сюда, братецъ, пріѣзжай; вообрази: даютъ взаймы, сколько хочешь, бумажками и серебромъ! На этотъ счетъ у нихъ чрезвычайно благородно. Меня возили по всѣмъ заведеніямъ и являлись ко мнѣ въ мундирахъ, даже просили о многомъ замолвить о нихъ въ Петербургѣ. По моей физіогноміи они, вѣрно, почли меня за военнаго генералъ-губернатора. Я таки съ своей стороны подпустилъ имъ пыли порядочной. Вѣришь ли, душа Тряпичкинъ, я съ грустію помышляю объ отъѣздѣ. Пріятность времени, проведеннаго съ здѣшними

жителями, у меня долго останется въ сердцѣ. Впрочемъ, это однакожъ нимало не помѣшаетъ тебѣ воспользоваться такими предметами для твоего остроумнаго пера. Ты пишешь тамъ разныя статейки для „Библіотеки для чтенія“: пожалуйста, ихъ помѣсти туда и обкритикуй. Не чинись таки нимало, и хорошенько ихъ отбрѣй; обо мнѣ только упоминай полегче и съ хорошей стороны, а то вѣдь, я тебя знаю, ты роднаго отца не пожалѣешь. Прощай, душа Тряпичкинъ! Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братецъ, такъ жить: ищешь пищи для души, а свѣтская чернь тебя не понимаетъ — хочешь наконецъ чѣмъ-нибудь эдакимъ высокимъ заняться. Прощай! Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку“. *(Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ:)* „Его Благородію, Милостивому Государю Ивану Васильевичу Тряпичкину.“

Одна изъ дамъ. Ахъ, какой странный пассажъ!

Жена Луки Лукича. Какой репримандъ неожиданный!

Городничій. Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ![1] Убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу; вижу какія-то свиныя рыла вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить его, воротить! *(Машетъ рукою).*[2]

Жена Погоняева. Вотъ въ самомъ дѣлѣ безпримѣрная конфузія!

Анна Андреевна. Не вѣрю, ничему не вѣрю...

Коробкинъ. Экъ, какой казусъ![3]

Аммосъ Ѳедоровичъ. Однакожъ, чортъ возьми, господа, вѣдь онъ у меня взялъ деньги взаймы.

Артемій Филипповичъ. У меня тоже занялъ двѣсти рублей — сказалъ: „только до завтра“[4].

Почтмейстеръ. У меня у самого сто рублей выпросилъ.

Лука Лукичъ. У меня полтораста, всѣ — ассигнаціями.[5]

Вобчинскій. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ семьдесятъ пять ассигнаціями и три двугривенныхъ.

Растаковскій. У меня триста. Впрочемъ, Богъ съ нимъ, лишь бы только не обманулъ да постарался о дѣлѣ; только, правда, вѣтреный человѣкъ, то, можетъ быть, и обманетъ.[6]

Аммосъ Ѳедоровичъ. Экое въ самомъ дѣлѣ!... *(Въ недоумѣніи разставляетъ руки).* Какъ же это мы такъ?...[7]

Городничій *(бьетъ себя по лбу).* Какъ я?... Нѣтъ, какъ я,

старый дуракъ?... Выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!... Тридцать лѣтъ живу на службѣ: ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести меня; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ; пройдохъ и плутовъ такихъ, что̀ весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ![1]... А теперь... вертопрахъ какой-нибудь, мальчишка, на губахъ молоко еще не обсохло... Ступай, ищи его, чортъ побери! Я думаю, такъ удираетъ по столбовой дорогѣ, что колокольчикъ заливается.

Анна Андреевна *(мужу)*. Какъ же?... Вѣдь это не можетъ быть: онъ совсѣмъ вѣдь обручился уже съ нашей Машенькой.

Городничій *(съ досадою)*. А развѣ ты не видишь, что у него все это: тра ла ла[2]. Пустѣйшій человѣкъ![3] Вотъ подлинно, если Богъ захочетъ наказать, такъ отниметъ разумъ. Ну, что въ немъ было такого, чтобы можно было принять за важнаго человѣка или вельможу? Былъ бы онъ хотя, по крайней мѣрѣ, толстъ въ тѣлѣ, какъ прилично знатному человѣку, или говорилъ бы громкимъ голосомъ, внушающимъ уваженіе[4]; а то, чортъ знаетъ что: дрянь, сосулька, тоньше сѣрной спички! И какимъ это образомъ случилось? Съ чего, откуда взялось это?[5] Кто первый вынесъ, что онъ чиновникъ, присланный для того, чтобы ревизовать?...

Артемій Филипповичъ. А кто вынесъ? Вотъ кто вынесъ! Эти молодцы! *(Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго)*.

Бобчинскій. Ей Богу, ей Богу, нѣтъ! и не думалъ.

Добчинскій. Я ничего, совсѣмъ ничего...

Артемій Филипповичъ. Конечно, вы.

Лука Лукичъ. Разумѣется. Вы первые прибѣжали, какъ сумашедшіе, изъ трактира: „пріѣхалъ, пріѣхалъ ревизоръ, и денегъ не платитъ...“ Нашли, чортъ бы васъ побралъ, важную птицу!

Городничій. Натурально, вы! Сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Чтобы васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и росказнями!

Городничій. Только рыскаете по городу да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя! Сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Пачкуны проклятые!

Лука Лукичъ. Колпаки!

Артемій Филипповичъ. Сморчки короткобрюхіе! *(Всѣ обступаютъ ихъ).*

Бобчинскій *(закрываясь рукою).* Ей Богу, это не я! Это Петръ Ивановичъ.

Добчинскій. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ! Это вы говорили.

Бобчинскій. Э, нѣтъ; ей Богу, вы прежде...

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и жандармъ.

Жандармъ. Пріѣхавшій чиновникъ требуетъ всѣхъ васъ сей же часъ къ себѣ: онъ остановился въ гостинницѣ.

Всѣ открываютъ въ изумленіи рты и въ разныхъ положеніяхъ минуту остаются неподвижны[1]. *Въ такомъ состояніи закрываетъ ихъ опускающаяся занавѣсъ.*

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

для тѣхъ, которые пожелали бы съиграть, какъ слѣдуетъ,

„РЕВИЗОРА“.

1.

Полный черновой текстъ.

Больше всего надобно опасаться впасть въ карикатуру. Ничего не должно быть карикатурнаго. Чѣмъ больше простоты въ игрѣ, тѣмъ.....[1] Чѣмъ меньше будетъ думать актеръ о томъ, чтобы смѣшить и быть смѣшнымъ, тѣмъ болѣе самое лицо выдетъ смѣшнымъ. Въ сурьезности всѣхъ лицъ, съ какой[2] каждое изъ нихъ занято своимъ дѣломъ[3], сдѣлается.....[4] Прежде, чѣмъ схватить причуды и мелкія внѣшнія особенности всякаго лица, актеръ долженъ поймать общечеловѣческое выраженіе роли. (Прежде самаго характера лица)[5] нужно разсмотрѣть призваніе: зачѣмъ оно призвано, въ чемъ состоятъ[6] заботы и хлопоты всякаго лица, на которые издерживается его.....,[7] около чего именно ворочается его жизнь, къ чему и куда стремятся постоянно всѣ его мысли и стремленія. Поймавши эту главную заботу выведеннаго[8] лица, актеръ долженъ самъ наполниться этою заботою, усвоить себѣ всѣ мысли и стремленья такъ, чтобы они были[9] въ его головѣ неотлучно во все время представленія; о частныхъ сценахъ онъ не долженъ даже и думать: они выльются[10] сами собою хорошо, если только онъ будетъ занятъ сурьезно и жарко тѣмъ самымъ[11] дѣломъ, которымъ, не шутя, занято выведенное лицо.

Одна изъ главныхъ ролей есть Городничій, человѣкъ, больше всего озабоченный[12] тѣмъ, чтобы не пропускать[13], что плыветъ въ руки. Изъ-за этой заботы ему некогда было взглянуть построже на жизнь или осмотрѣться на себя. Изъ-за этой заботы онъ, можетъ быть, и самъ не чувствуя какъ[14], сдѣлался

и самъ притѣснителемъ, потому что злобнаго желанія притѣснять въ немъ нѣтъ. Въ немъ есть только желанье прибирать въ руки все, что ни видятъ глаза[1]. Онъ позабылъ, что отъ этого трещитъ спина у ближняго[2]. Временами онъ однакожъ чувствуетъ, что грѣшенъ[3]: молится[4], ходитъ[5] въ церковь, думаетъ[6] даже, что въ вѣрѣ твердъ и думаетъ даже[7] когда-нибудь покаяться. Но великъ соблазнъ того[8], что плыветъ въ руки, и велика вабитая привычка[9]. Его поразилъ распространившійся слухъ о Ревизорѣ; еще болѣе поразило его то[10], что этотъ Ревизоръ — incognito: неизвѣстно, когда будетъ, съ которой стороны подступитъ. Онъ находится, отъ начала до конца піесы, въ положеніяхъ свыше тѣхъ[11], въ которыхъ ему случалось бывать въ другіе дни жизни. Нервы его[12] напряжены. Переходя отъ страха къ надеждѣ и радости, взглядъ его нѣсколько распаленъ отъ того, и онъ сталъ податливѣе на обманъ, и его, котораго въ другое время не скоро можно бы было...[13], обмануть становится возможнымъ. Увидѣвши, что Ревизоръ въ его рукахъ, не страшенъ и даже съ нимъ вступилъ въ родню, онъ предается буйной радости при одной мысли о томъ, какъ понесется отнынѣ его жизнь среди пированій, попоекъ, какъ будетъ онъ раздавать мѣста, требовать на станціяхъ лошадей и заставлять ждать, въ передникъ, городничихъ, важничать, задавать тонъ. Поэтому-то внезапное объявленіе о пріѣздѣ настоящаго Ревизора для него больше, чѣмъ для всѣхъ другихъ, громовый ударъ, и положенье становится истинно трагическимъ.

Судья — человѣкъ меньше грѣшный въ взяткахъ; онъ даже не охотникъ[14] творить неправду, но (велика)[15] страсть ко псовой охотѣ.... Что жъ дѣлать! у всякаго человѣка есть какая-нибудь страсть.... Изъ за нея онъ надѣлаетъ множество разныхъ неправдъ, не подозрѣвая самъ того. Онъ занятъ собой и умомъ своимъ, и безбожникъ только потому, что на этомъ поприщѣ просторъ ему выказать себя. Для него всякое событіе, даже и то, которое навело страхъ для другихъ, есть находка, потому что даетъ пищу его догадкамъ и соображеніямъ, которыми онъ доволенъ, какъ артистъ своимъ трудомъ. Это самоуслажденье должно выражаться на лицѣ актера: онъ говоритъ и въ то же время смотритъ, какой эфектъ производятъ на другихъ его слова. Онъ ищетъ выраженій.

Земляника — человѣкъ толстый[1], но плутъ тонкой. Не смотря на необъятную толщину свою, имѣетъ много увертливаго и льстиваго въ оборотахъ[2], поступкахъ. На вопросъ Хлестакова: „какъ называлась съѣденная рыба?“ онъ подбѣгаетъ съ легкостью 22-лѣтняго франта, за тѣмъ, чтобы у самаго его носа сказать: „Лабарданъ-съ“[3]. Онъ[4] принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые, желая[5] вывернуться сами, не находятъ другаго средства, (какъ)[6] чтобы топить другихъ, и потому торопливы на всякія каверзничества и доносы[7], не принимая въ стр....[8] ни кумовства, ни дружбы, помышляя только о томъ, какъ бы вынести себя[9]. Не смотря на неповоротливость и толщину, всегда поворотливъ. А[10] умный актеръ не пропуститъ[11] всѣхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ услуга толстаго человѣка будетъ особенно смѣшна въ глазахъ зрителей безъ всякаго желанья сдѣлать изъ этого карикатуру.

Смотритель училищъ — ничего болѣе, какъ только напуганный человѣкъ частыми ревизовками и выговорами, неизвѣстно за что; а потому боится, какъ огня, всякихъ посѣщеній и трепещетъ, какъ листъ, при вѣсти о Ревизорѣ[12], хотя и не знаетъ самъ, въ чемъ грѣшенъ. Играющему это лицо актеру остается только выразить одинъ постоянный страхъ.

Почтмейстеръ — простодушный до наивности человѣкъ, глядящій на жизнь, какъ на собраніе интересныхъ исторій, для препровожденія времени, которыя онъ начитываетъ въ распечатываемыхъ письмахъ. Это лицо доступно съ перв...[13] Ничего больше не остается дѣлать актеру, какъ быть простодушну, сколько возможно.

Но два городскіе болтуна Бобчинскій и Добчинскій (требуютъ особенно, чтобы)[14] были сыграны хорошо. Ихъ долженъ себѣ очень хорошо опредѣлить актеръ. Это люди, которыхъ жизнь заключилась вся въ бѣганьяхъ по городу съ засвидѣтельствованіемъ почтенья (всѣмъ до единаго)[15] и въ размѣнѣ вѣстей. Все у нихъ стало.....[16] Страсть разсказать поглотила всякое другое занятіе[17]. И эта страсть стала ихъ движущею страстью и стремленьемъ жизни[18]. Нужно, чтобы видно было то удовольствіе[19], когда наконецъ добьется того, что ему позволятъ о чемъ-нибудь разсказать. Торопливость и суетливость у нихъ единственно отъ боязни, чтобы кто-нибудь не перебилъ и не помѣшалъ ему разсказать. Любопытны

отъ желанья имѣть о чемъ разсказать. Отъ этого Бобчинскій даже немножко заикается (отъ желанья пересказать скорѣе)[1]. Они оба низенькіе, коротенькіе, чрезвычайно похожи другъ на друга, оба съ небольшими брюшками. Оба круглолицы, одѣты чистенько, съ приглаженными волосами. У Добчинскаго даже небольшая лысинка[2], на серединѣ головы; видно, что онъ не холостой человѣкъ, какъ Бобчинскій, но уже женатый. Но при всемъ томъ Бобчинскій беретъ верхъ надъ нимъ по причинѣ большей живости и даже нѣсколько управляетъ его умомъ. (Всѣ мелкіе атрибуты)[3] долженъ бросить въ сторону актеръ, если хочетъ хорошо исполнить эту роль, и представлять себѣ только то, что онъ самъ боленъ необыкновенной чесоткой языка[4]. Словомъ, это люди, выброшенные судьбою для чужихъ надобностей, а не для своихъ собственныхъ[5].

Всѣ прочія лица: купцы, гости[6], полицейскіе и просители всѣхъ родовъ суть ежедневно проходящія предъ нашими глазами лица, а потому могутъ быть легко схвачены всякимъ, умѣющимъ замѣчать особенности въ рѣчахъ и ухваткахъ человѣка всякаго сословія. То же самое можно сказать и о слугѣ, не смотря на то, что эта роль значительнѣе прочихъ[7]. Русской слуга пожилыхъ лѣтъ, который смотритъ нѣсколько внизъ, грубитъ барину, смекнувши, что баринъ щелкоперъ и дрянцо, и который любитъ себѣ самому читать нравоученье для барина, который молча плутъ, однако очень умѣетъ воспользоваться въ такихъ случаяхъ, когда можно мимоходомъ поживиться[8], — извѣстенъ всякому. Потому эта роль игралась всегда хорошо. Равномѣрно всякой можетъ почувствовать, какое впечатлѣніе способенъ пріѣздъ Ревизора произвести на каждое изъ этихъ лицъ[9].

Не нужно только позабывать того, что въ головѣ всѣхъ сидитъ Ревизоръ[10]. Всѣ заняты Ревизоромъ[11]. Около Ревизора кружатся страхи и надежды всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. У однихъ — надежда на избавленіе отъ дурныхъ городничихъ и всякаго рода хапугъ[12]. У другихъ паническій страхъ при видѣ того, что главнѣйшіе сановники и передовые люди общества въ страхѣ[13]. У прочихъ же, которые смотрятъ на всѣ дѣла міра спокойно, чистя у себя въ носу, любопытство, не безъ нѣкоторой тайной боязни, увидѣть наконецъ то лицо, которое причинило столько тревогъ и, стало быть, неминуемо должно быть слишкомъ необыкновеннымъ и важнымъ лицомъ.

Всѣхъ труднѣе роль того, который принятъ испуганнымъ городомъ[1] за Ревизора. Хлестаковъ, самъ по себѣ, ничтожный человѣкъ. Даже пустые люди называютъ его пустѣйшимъ. Никогда бы ему въ жизни не случилось сдѣлать дѣла, способнаго обратить чье-нибудь вниманіе[2]. Но сила всеобщаго страха создала изъ него замѣчательное комическое лицо. Страхъ, отуманивши глаза всѣхъ, далъ ему поприще для комической роли. Обрываемый и обрѣзываемый доселѣ во всемъ[3], даже и въ замашкѣ пройтись козыремъ по Невскому проспекту, онъ почувствовалъ просторъ и вдругъ развернулся неожиданно[4] для самого себя. Въ немъ все сюрпризъ и неожиданность[5]. Онъ даже весьма долго не въ силахъ догадаться, отъ чего къ нему такое вниманіе, уваженіе. Онъ почувствовалъ только пріятность и удовольствіе, видя, что его слушаютъ, угождаютъ, исполняютъ все, что онъ хочетъ, ловятъ съ жадностью все, что ни произноситъ онъ. Онъ разговорился, никакъ не зная въ началѣ разговора, куда поведетъ его рѣчь. Темы для разговоровъ ему даютъ вывѣдывающіе[6]. Они сами какъ бы кладутъ ему все въ ротъ[7] и создаютъ разговоръ. Онъ чувствуетъ только то, что вездѣ можно хорошо порисоваться[8], если ничто не мѣшаетъ. Онъ чувствуетъ, что онъ и въ литературѣ господинъ, и на балахъ не послѣдній, и самъ даетъ балы и, наконецъ, что онъ — государственный человѣкъ. Онъ ни отъ чего не прочь, о чемъ бы ему ни.....[9] Обѣдъ со всякими лабарданами и винами далъ словоохотность[10] и краснорѣчіе его языку. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе входитъ всѣми чувствами[11] въ то, что говоритъ и потому выражаетъ многое почти съ жаромъ. Не имѣя никакого желанья надувать, онъ позабываетъ самъ, что лжетъ[12]. Ему уже кажется, что онъ дѣйствительно все это производитъ[13]. Поэтому[14] сцена, когда онъ говоритъ о себѣ, какъ о государственномъ человѣкѣ, (и навела такой)[15] страхъ (на всякаго)[16] чиновника[17]. Вотъ отъ чего особенно въ то время, когда онъ разсказываетъ, какъ распекалъ всѣхъ до единаго въ Петербургѣ, является въ лицѣ важность и всѣ атрибуты и все, что угодно. Будучи самъ неоднократно распекаемъ[19], онъ это долженъ мастерски изобразить въ рѣчахъ[3]: онъ почувствовалъ въ это время особенное удовольствіе (распечь наконецъ и самому)[20] другихъ, хотя въ (разсказахъ)[20]. Онъ бы и подальше добрался въ рѣчахъ своихъ, но языкъ его уже не оказался

больше годнымъ; по какой причинѣ чиновники нашлись принужденными отвести его, съ почтеньемъ и страхомъ, на отведенный ночлегъ. Проснувшись, онъ тотъ же Хлестаковъ, какимъ и былъ прежде. Онъ даже не помнитъ, чѣмъ[1] напугалъ всѣхъ. Въ немъ по прежнему никакого соображенія и глупость во всѣхъ поступкахъ. Влюбляется онъ и въ мать, и въ дочь почти въ одно....[2] Проситъ денегъ, потому что это какъ-то само собой срывается съ языка и потому, что уже у перваго онъ попросилъ, и тотъ съ готовностью предложилъ. Только къ концу акта онъ догадывается, что его принимаютъ за кого-то повыше. Но если бы не Осипъ, которому кое-какъ удалось ему нѣсколько растолковать[3], что такой обманъ не долго можетъ продолжаться, онъ бы преспокойно дождался толчковъ[4] и проводовъ со двора не съ честью. Словомъ, это — фантасмагорическое лицо, которое, какъ лживый, олицетворенный обманъ, унеслось[5], вмѣстѣ съ тройкою, Богъ вѣсть куда. Но тѣмъ не менѣе нужно, чтобъ эта роль[6] досталась лучшему актеру, какой ни есть, потому что она всѣхъ труднѣе. Этотъ пустой человѣкъ и ничтожный характеръ заключаетъ въ себѣ собраніе многихъ тѣхъ качествъ, которыя водятся и не за ничтожными людьми. Актеръ особенно[7] не долженъ упустить изъ виду это желанье порисоваться, которымъ болѣе или менѣе заражены всѣ люди и которое больше всего отразилось[8] въ Хлестаковѣ, — желанье ребяческое, но оно (бываетъ)[9] у многихъ умныхъ и старыхъ людей, такъ что рѣдкому на вѣку своемъ не случалось въ какомъ либо дѣлѣ от.....[10] его. Словомъ, актеръ для этой роли долженъ имѣть очень многосторонній талантъ, который бы умѣлъ выражать[11] разныя черты человѣка, а не какія-нибудь постоянныя, одни и тѣ же. Онъ долженъ быть очень ловкимъ свѣтскимъ человѣкомъ[12], иначе не будетъ въ силахъ выразить наивно и простодушно ту пустую свѣтскую вѣтренность, которая несетъ человѣка во всѣ стороны поверхъ всего, которая въ такомъ значительномъ количествѣ досталась Хлестакову[13].

Послѣдняя сцена „Ревизора“ должна быть особенно съиграна умно. Здѣсь уже не шутка, и положенье многихъ лицъ почти трагическое. Положеніе Городничаго всѣхъ разительнѣй[14]. Какъ бы то ни было, но увидѣть себя вдругъ обманутымъ такъ грубо[15] и притомъ пустѣйшимъ, ничтожнѣйшимъ мальчишкой, который

даже видомъ и фигурой не взялъ, будучи похожъ на спичку[1] (Хлестаковъ, какъ извѣстно, тоненькой, прочіе всѣ толсты), — быть имъ обманутымъ: это не шуточное. Обмануться такъ грубо тому, который умѣлъ проводить умныхъ людей и даже искуснѣйшихъ плутовъ! Возвѣщенье о пріѣздѣ наконецъ настоящаго Ревизора для него громовый[2] ударъ. Онъ окаменѣлъ. Распростертыя его руки и закинутая назадъ голова остались неподвижны, и вокругъ него вся дѣйствующая группа составляетъ въ одно мгновенье окаменѣвшую группу въ разныхъ положеньяхъ.

Вся эта[3] сцена есть нѣмая картина, а потому должна быть такъ же составлена, какъ составляются живыя картины. Всякому лицу должна быть назначена поза, сообразная съ его характеромъ, со степенью боязни его и съ потрясеніемъ, которое должны произвести слова, возвѣстившія о пріѣздѣ настоящаго Ревизора. Нужно, чтобы эти позы никакъ не встрѣтились между собою и были бы разнообразны и различны; а потому слѣдуетъ, чтобы каждый помнилъ свою и могъ бы вдругъ ее принять, какъ только поразится его слухъ роковымъ извѣстіемъ. Сначала выйдетъ это принужденно и будетъ походить на автоматовъ; но потомъ, послѣ нѣсколькихъ репетицій, по мѣрѣ того, какъ каждый актеръ войдетъ поглубже[4] въ положеніе свое, данная поза ему усвоится и станетъ естественной, принадлежащей ему[5]. Деревянность и неловкость автоматовъ исчезнетъ, и покажется, какъ бы сама собой вышла онѣмѣвшая картина.

Сигналомъ перемѣны положеній можетъ послужить тотъ небольшой звукъ, который исходитъ изъ груди у женщинъ при какой-нибудь внезапности. Одни[6] понемногу приходятъ въ положеніе, данное для нѣмой картины, начиная (переходить)[7] въ него уже при появленіи вѣстника съ роковымъ извѣстіемъ: это — которые меньше, другіе вдругъ — это тѣ, которые больше поражены. Не дурно[8] первому актеру оставить на время свою позу и посмотрѣть самому нѣсколько разъ на эту картину въ качествѣ зрителя, чтобы[9] видѣть, что̀ нужно ослабить, усилить, смягчить, дабы вышла картина естественнѣй.

Картина должна быть установлена почти такъ[10]:

По срединѣ Городничій, совершенно онѣмѣвшій и остолбе-

нѣвшій. По правую его руку жена и дочь, обращенныя къ нему съ испугомъ въ лицѣ[1]. За ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ. За нимъ Лука Лукичъ, весь блѣдный, какъ мѣлъ. По лѣвую сторону Городничаго Земляника съ приподнятыми къ верху бровями и пальцами, поднесенными ко рту, какъ человѣкъ, который чѣмъ-то сильно обжегся. За нимъ судья, присѣвшій почти до земли и сдѣлавшій губами гримасу, какъ бы говоря: „Вотъ тебѣ, бабушка и“.....[2] За ними Добчинскій и Бобчинскій, уставивши глаза и разинувши ротъ, глядятъ другъ на друга. Гости раздѣляются на двѣ группы по обѣимъ сторонамъ[3]: одна соединяется въ одно общее движенье[4], (стараясь)[5] заглянуть въ лицо Городничаго[6]. Чтобы завязалась[7] группа ловче и непринужденнѣй[8], всего лучше поручить художнику[9], умѣющему сочинять группы, сдѣлать рисунокъ и держать рис.....[10] Если только каждый изъ актеровъ вошелъ, хоть сколько нибудь, во всѣ положенія ролей своихъ во все продолженіе представленія піесы, то они выразятъ также и въ этой нѣмой сценѣ положенье разительное ролей своихъ, увѣнчая этой сценой еще болѣе совершенство игры своей. Если же они пребывали холодны и натянуты во время представленія, то останутся такъ же и холодны, и натянуты и[11] здѣсь, съ тою разницею, что въ этой нѣмой сценѣ еще болѣе обнаружится ихъ неискусство.

2.

Начальныя страницы, переписанныя набѣло.

Больше всего надобно опасаться, чтобы не впасть въ карикатуру. Ничего не должно быть преувеличеннаго или тріяльнаго даже въ послѣднихъ роляхъ. Напротивъ, нужно особенно стараться актеру быть скромнѣй, проще и какъ бы благороднѣй, чѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ есть то лицо, которое представляется. Чѣмъ меньше будетъ думать актеръ о томъ, чтобы смѣшить и быть смѣшнымъ, тѣмъ болѣе обнаружится[12] смѣшное взятой имъ роли. Смѣшное обнаружится само собою именно въ той сурьезности, съ какою занято своимъ дѣломъ каждое изъ лицъ, выводимыхъ въ комедіи.

Всѣ они заняты хлопотливо, суетливо, даже жарко своимъ дѣломъ, какъ бы важнѣйшею задачею своей жизни. Зрителю только со стороны виденъ пустякъ ихъ заботы. Но они сами совсѣмъ[1] не шутятъ[2] и ужъ никакъ не думаютъ о томъ, что надъ ними кто-нибудь смѣется[3]. Умный актеръ, прежде чѣмъ схватитъ мелкія причуды и мелкія особенности внѣшнія доставшагося ему[4] лица, долженъ стараться поймать общечеловѣческое выраженіе роли[5].... долженъ разсмотрѣть, зачѣмъ призвана эта роль; долженъ разсмотрѣть главную и преимущественную[6] заботу каждаго лица, на которую издерживается жизнь его, которая составляетъ постоянный предметъ мыслей[7], вѣчный гвоздь, сидящій въ головѣ[8]. Поймавши эту главную заботу выведеннаго лица, актеръ долженъ въ такой силѣ исполниться ею самъ[9], (чтобы)[10] мысли и стремленія взятаго имъ лица[11] какъ бы усвоились ему самому и пребывали бы въ головѣ его неотлучно во все время представленія піесы. О частныхъ сценахъ и мелочахъ онъ не долженъ много[12] заботиться: они выдутъ сами собою удачно и ловко, если только онъ не выброситъ ни на минуту изъ головы[13] этого гвоздя, который засѣлъ въ голову его героя. Всѣ эти частности и разныя мелкія принадлежности, — которыми такъ счастливо умѣетъ пользоваться даже и такой актеръ, который умѣетъ дразнить и схватывать походку и движенье, но не создавать цѣликомъ роли, — суть не болѣе какъ краски, которыя нужно класть уже тогда, когда рисунокъ сочиненъ и сдѣланъ вѣрно. Они[14] — платье и тѣло роли, а не душа ея. Итакъ, прежде[15] слѣдуетъ схватить именно эту душу роли, а не платье ея.

Одна изъ главныхъ ролей есть Городничій. Человѣкъ этотъ болѣе всего озабоченъ тѣмъ, чтобы не пропускать того, что плыветъ въ руки. Изъ-за этой заботы ему некогда было взглянуть построже на жизнь или же осмотрѣться получше на себя. Изъ-за этой заботы онъ сталъ притѣснителемъ и очерствѣлъ почти непримѣтно для самого себя[16], потому что злобнаго желанья притѣснять въ немъ нѣтъ; есть только просто[17] желанье прибирать все, что ни видятъ глаза[18].

Просто онъ позабылъ, что это въ тягость другому и что отъ этого трещитъ у иного спина. Онъ вдругъ простилъ купцовъ, замышлявшихъ погубить его, когда тѣ предложили заманчивое предложеніе, потому что эти[19] заманчивыя блага жизни обуяли

имъ и сдѣлали то, что въ немъ очерствѣло и огрубѣло чутье слышать положенье и страданье другого. Онъ[1] чувствуетъ, что грѣшенъ; онъ ходитъ въ церковь; онъ думаетъ даже, что въ вѣрѣ твердъ; онъ даже помышляетъ когда нибудь потомъ покаяться. Но великъ соблазнъ всего того, что плыветъ въ руки, и заманчивы блага жизни и хватать все, не пропуская ничего, сдѣлалось у него уже какъ бы просто привычкой[2].

Русской человѣкъ[3], который не то, чтобы былъ извергъ, но въ которомъ извратилось понятье правды, который сталъ весь ложь, уже даже и самъ того не замѣчая. Поэтому онъ и резонерствуетъ, степененъ и даже важенъ и даже не безъ одушевленья скажетъ иное слово. Можетъ быть, онъ даже одинъ изъ тѣхъ людей, который, если бы увидѣлъ, что всѣ вокругъ его стали честны, что честность этого требов.....[4]

ДОПОЛНЕНІЕ

къ

„РАЗВЯЗКѢ РЕВИЗОРА“.

Семенъ Семеновичъ. Что это, Михалъ Михалчъ, что вы говорите, какой душевный городъ?

Михалъ Михалчъ. Мнѣ такъ показалось. Мнѣ показалось, что это мой же душевный городъ, что послѣдняя сцена представляетъ послѣднюю сцену жизни, когда совѣсть заставитъ взглянуть вдругъ на самого себя во всѣ глаза и испугаться самого себя. Мнѣ показалось, что этотъ настоящій Ревизоръ, о которомъ одно возвѣщенье въ концѣ комедіи[1] наводитъ такой ужасъ, есть та настоящая наша совѣсть, которая встрѣчаетъ насъ у дверей гроба. Мнѣ показалось, что этотъ вѣтреникъ Хлестаковъ, плутъ, или какъ хотите назвать, есть та поддѣльная вѣтреная свѣтская наша совѣсть, которая, воспользовавшись страхомъ нашимъ, принимаетъ вдругъ личину настоящей и даетъ себя подкупить страстямъ нашимъ, какъ Хлестаковъ — чиновникамъ, и потомъ пропадаетъ такъ же, какъ онъ, неизвѣстно куда. Мнѣ показалось, что это безотрадно-печальное окончанье, отъ котораго такъ возмутился и потрясся зритель, предстало передъ меня[2] въ напоминанье, что и жизнь, которую привыкаемъ понемногу считать комедіей, можетъ имѣть такое же печально-трагическое окончаніе. Мнѣ показалось, какъ будто вся комедія совокупностью своею го-

---

Примѣчаніе автора. «Піеса подъ заглавіемъ «Заключенье Ревизора» предназначалась въ послѣдній[3] бенефисъ одному изъ лучшихъ[4] актеровъ нашего театра. А потому не мѣшаетъ помнить, что первый комическій актеръ, который есть главное лицо въ этой комедіи, взятъ въ ту минуту, когда, прослуживши законное число лѣтъ, сходитъ онъ со сцены, прощаясь навсегда съ публикою, которую занималъ такъ долго, и съ товарищами, которымъ ужъ больше не товарищъ».

воритъ мнѣ о томъ, что слѣдуетъ вначалѣ взять того Ревизора, который встрѣчаетъ насъ въ концѣ, и съ нимъ такъ же, какъ правосудный государь ревизуетъ свое государство, оглядѣть свою душу и вооружиться такъ же противъ страстей, какъ вооружается государь противу продажныхъ чиновниковъ; потому что они также крадутъ сокровища души нашей, какъ тѣ грабятъ казну и достоянье государства, — съ настоящимъ Ревизоромъ: потому что лицемѣрны наши страсти и не только страсти, но даже малѣйшая пошлая привычка умѣетъ такъ искусно подъѣхать къ намъ и ловко передъ нами изворотиться, какъ не изворотились передъ Хлестаковымъ проныры[1] чиновники, такъ что готовъ даже принять ихъ за добродѣтели, готовъ даже похвастаться порядкомъ душевнаго своего города, не принимая и въ мысль того, что можешь остаться обманутымъ, какъ городничій. Мнѣ такъ показалось.

Петръ Петровичъ. Михалъ Михалчъ! Все то, что вы говорите, краснорѣчиво; но гдѣ здѣсь вы нашли подобіе? Какое сходство Хлестакова съ вѣтреной свѣтской совѣстью или настоящаго Ревизора съ настоящею совѣстью? Николай Николаичъ! скажите мнѣ поистинѣ: находите вы здѣсь какое-нибудь сходство?

Николай Николаичъ. Признаюсь, никакого.

Семенъ Семенчъ. И я тоже; какъ ни таращу свои глаза, но ничего не вижу.

Ѳедоръ Ѳедорычъ. Сознаюсь вамъ, Михалъ Михалчъ, откровенно; не смотря на то, мысль не дурна и могла бы послужить даже предметомъ сочиненья художественнаго; но я не думаю, чтобы авторъ ее имѣлъ въ виду.

Николай Николаичъ *(рѣшительно)*. Вздоръ! Онъ и въ помышленьи этого не имѣлъ!

Михалъ Михалчъ. Да развѣ я вамъ говорю, что авторъ имѣлъ ее въ виду? Я вамъ впередъ сказалъ: „Авторъ не давалъ мнѣ ключа, я вамъ предлагаю свой“. Авторъ, если бы даже и имѣлъ эту мысль, то и въ такомъ случаѣ поступилъ бы дурно, если бы ее обнаружилъ ясно. Комедія тогда бы сбилась на аллегорію, могла бы изъ нея вытти какая-нибудь блѣдная, нравоучительная проповѣдь. Нѣтъ, его дѣло было изобразить просто ужасъ отъ безпорядковъ вещественныхъ не въ идеальномъ городѣ, а въ томъ, который на землѣ, — собрать

въ кучку все, что есть похуже въ нашей землѣ, чтобы его поскорѣй увидали и не считали бы этого за то необходимое зло, которое слѣдуетъ допустить и которое такъ же необходимо среди добра, какъ тѣни въ картинѣ. Его дѣло изобразить это темное такъ сильно, чтобы почувствовали всѣ, что съ нимъ надобно сражаться, чтобы кинуло въ трепетъ зрителя, и ужасъ отъ безпорядковъ пронялъ бы его насквозь всего. Вотъ, что онъ долженъ былъ сдѣлать. А это ужъ наше дѣло выводить нравоученье. Мы, слава Богу, не дѣти. Я подумалъ о томъ, какое нравоученье могу вывести для самого себя, и напалъ на то, которое вамъ теперь разсказалъ.

Петръ Петровичъ. Михалъ Михалычъ! Комедія пишется для всѣхъ. Изъ нея должны вывести нравоученье всѣ, — нравоученье ближайшее, доступное всѣмъ, а не то отдаленное, которое можетъ вывести для себя какой-нибудь оригинальный, не похожій на прочихъ человѣкъ. Спрашиваю: зачѣмъ этого нравоученія никто не вывелъ, а только одни вы?

Николай Николаичъ *(постыдно)*. Именно! Вотъ настоящій вопросъ! Разрѣшите-ка прежде это: зачѣмъ одни вы это вывели, а не всѣ?

Семенъ Семенычъ. Да, Михалъ Михалычъ, зачѣмъ одни вы это вывели? Зачѣмъ одни вы это вывели?

Михалъ Михалычъ. Во-первыхъ, почему вы знаете, что это нравоученье вывелъ одинъ я? А во-вторыхъ, почему вы считаете его отдаленнымъ? Я думаю, напротивъ, ближе всего къ намъ собственная наша душа. Я имѣлъ тогда въ умѣ душу свою, думалъ о себѣ самомъ, потому и вывелъ это нравоученье. Если бы и другіе имѣли въ виду прежде себя, вѣроятно, и они вывели бы то же самое нравоученье, какое вывелъ и я. — Но развѣ всякъ изъ насъ приступаетъ къ произведенью писателя, какъ пчела къ цвѣтку? — затѣмъ чтобъ извлечь изъ него нужное себѣ. Нѣтъ, мы ищемъ во всемъ нравоученья для[1] *другихъ*, а не для себя. Мы готовы ратовать и защищать все общество, дорожа заботливо нравственностью другихъ и позабывши о своей. Вѣдь посмѣяться мы любимъ надъ другими, а не надъ собою; увидѣть недостатки вѣдь мы любимъ въ другихъ, а не въ себѣ. Какъ бы то ни было, но взгляните: три тысячи вѣдь людей пришло въ театръ; всѣ знаютъ, что пришли за тѣмъ, чтобы посмѣяться, и всякой изъ

этихъ трехъ тысячъ увѣренъ, что придется надъ другимъ посмѣяться, а не надъ нимъ. Малѣйшій намекъ, что онъ можетъ быть похожъ самъ на того, надъ кѣмъ посмѣялся, можетъ привести его въ гнѣвъ и онъ готовъ уже въ бѣшенствѣ повторять: „да развѣ у меня рожа крива?“

Семенъ Семенычъ. Михалъ Михалчъ, я говорю не въ томъ смыслѣ.

Михалъ Михалчъ *(прерывая)*. Позвольте, Семенъ Семенчъ! Вы человѣкъ благородный, человѣкъ истинно русскій въ душѣ, человѣкъ, наконецъ, который глядитъ уже глазами христіанина на жизнь — зачѣмъ вы произносите рѣчи, противныя вашему собственному образу мыслей?[1] Прежде всего, зачѣмъ вы всякій разъ позабываете, что предметъ комедіи и вообще сатиры не достоинство человѣка, а презрѣнное въ человѣкѣ; что чѣмъ больше она выставила презрѣнное презрѣннымъ, чѣмъ больше имъ возмутила и привела отъ него въ содроганье[2] зрителя, тѣмъ больше она выполнила свое значеніе. Зачѣмъ вы всякой разъ это позабываете и всякой разъ хотите сатирѣ навязать предметы, приличные трагедіи?[3] Нѣтъ, оставьте сатиру въ покоѣ: она дѣло свое дѣлаетъ. Дурнаго не слѣдуетъ щадить, гдѣ бы оно ни было. Но если хотите ужъ поступать христіански, обратите ту же сатиру на самого себя и примѣните всякую комедію [лично къ самому себѣ][4], прежде чѣмъ замѣчать отношенье ея къ цѣлому обществу. Нѣтъ, кто хочетъ нравоученья, тотъ возьметъ его себѣ; кто глядитъ въ душу себѣ, тотъ изъ всего возьметъ то, что нужно: тотъ и въ этомъ вещественномъ городѣ увидитъ душевный свой городъ; тотъ увидитъ, что съ большей силой слѣдуетъ вооружиться противъ лицемѣрія[5]. Ужъ ежели дѣйствовать по-христіански, такъ всякое сочиненье, гдѣ ни поражается дурное, слѣдуетъ лично обратить къ самому себѣ, какъ бы оно прямо на меня было написано. Вы сами знаете, что нѣтъ порока, замѣченнаго нами въ другомъ, котораго хотя отраженья не присутствовало бы и въ насъ самихъ — не въ такомъ объемѣ, въ другомъ видѣ, въ другомъ платьѣ, поприличнѣй и поблагообразнѣй, принарядившись, какъ Хлестаковъ. Чего не отыщешь, если только заглянешь въ свою душу съ тѣмъ неподкупнымъ Ревизоромъ, который встрѣтитъ насъ у дверей гроба! Сами это знаемъ, а знать не хочемъ! Кипитъ

душа страстями, говоримъ всякой день, а гнать не хотимъ. И бичъ въ рукахъ, данный на то, чтобы гнать ихъ.

[Семенъ Семенычъ]. Да гдѣ жъ бичъ? Какой бичъ?

[Михалъ Михалычъ]. А смѣхъ развѣ не бичъ? Или, думаете, даромъ намъ данъ смѣхъ, когда его боится и послѣдній негодяй, котораго ничѣмъ не проймешь? боится даже и тотъ, кто ничего не боится! Значитъ, онъ данъ на доброе дѣло[1]. Скажите: зачѣмъ намъ данъ смѣхъ? за тѣмъ ли чтобы такъ, попусту смѣяться? Если онъ данъ намъ на то, чтобы поражать имъ все, позорящее высокую красоту человѣка, зачѣмъ же прежде всего не поразимъ мы то, что порочитъ красоту собственной души каждаго изъ насъ? Зачѣмъ не обратимъ его вовнутрь самихъ себя — изъ государства не изгоняемъ имъ собственныхъ нашихъ взяточниковъ? Зачѣмъ одинъ намекъ о томъ, что вы надъ собой смѣетесь, можетъ привести во гнѣвъ? Какъ бы то ни было, но всякая страсть, всякая низкая наклонность наша, все-таки хочетъ съиграть сколько-нибудь благородную роль, принять благородную наружность и только подъ этой личиной пробирается намъ въ душу, потому что благородна наша природа и не допуститъ ея къ себѣ въ безстыдной наготѣ. Но, повѣрьте, когда выставишь передъ самимъ собою ее на смѣхъ и, не пощадя ничего, поразишь такъ, что отъ стыда весь сгоришь, не зная, куда скрыть собственное лицо свое, — тогда эта страсть не посмѣетъ остаться въ душѣ нашей и убѣжитъ, такъ что и слѣда ея не отыщешь.

Семенъ Семенчъ. Признаюсь, ваши слова заставили меня задуматься. Вы думаете, возможенъ этотъ поворотъ смѣха на самого себя, противу собственнаго [лица][2]?

Петръ Петровичъ. Я думаю только, что это возможно для человѣка, который[3] почувствовалъ благородство природы и омерзѣніе къ своимъ недостаткамъ.

Михалъ Михалычъ. Я думаю только, что если онъ сверхъ [того][4] и русскій въ душѣ, тогда ему возможнѣй[5]. Согласитесь: смѣхъ у насъ есть у всѣхъ; свойство какого-то безпощаднаго сарказма разнеслось у насъ даже у простаго народа. Есть также у насъ и отвага оторваться отъ самого себя и не пощадить даже самого себя. Стало быть, у насъ однихъ[6] только можетъ быть возможенъ поворотъ смѣха на его законную дорогу. Опровергните меня, докажите мнѣ, что я лгу; уничтожьте, раз-

рушьте убѣжденье мое, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрушьте уже и меня, бѣднаго скомороха, который живетъ этимъ убѣжденьемъ, которое испробовалъ на собственномъ своемъ тѣлѣ. Семенъ Семенычъ, развѣ у меня не такая же русская кровь, какъ и у васъ? Развѣ я могу почувствовать въ мои высшія минуты иное что, какъ не то же, что способны почувствовать и вы въ такія? Развѣ я не стою теперь передъ вами въ мою высшую минуту? Служба моя кончилась; я схожу съ театра, на которомъ служилъ 20 лѣтъ. Вы сами меня увѣнчали вѣнками, сами меня растрогали. Вы сами меня почти вынудили сказать то, что я теперь сказалъ. Смотрите же: я плачу. Комическій актеръ, я прежде смѣшилъ васъ — теперь я плачу. Дайте же мнѣ почувствовать, что и мое поприще такъ же честно, какъ и всякаго изъ васъ; что я также служилъ землѣ своей, что не пустой я былъ скоморохъ, но честный чиновникъ великаго Божьяго Государства, и возбудилъ въ васъ не тотъ пустой смѣхъ, которымъ пересмѣхаетъ человѣкъ человѣка, но смѣхъ, родившійся отъ любви къ человѣку. Николай Николаичъ! Ѳедоръ Ѳедорчъ! Семенъ Семенычъ и вы всѣ товарищи, съ которыми дѣлилъ я время труда, время наставительныхъ бесѣдъ, отъ которыхъ я многому поучился и съ которыми разстаюсь теперь! Друзья! публика любила талантъ мой, но вы любили меня самого. Отнимите, отнимите послѣ меня этотъ смѣхъ, — отнимите у тѣхъ, которые обратили его въ кощунство надъ всѣмъ, не разбирая ни хорошаго, ни дурнаго! Говорю вамъ, — вѣрьте этимъ словамъ[1] —: онъ добръ, онъ честенъ, этотъ смѣхъ. Онъ данъ именно на то, чтобы умѣть посмѣяться надъ собой, а не надъ другимъ. И въ комъ ужъ нѣтъ духа посмѣяться надъ собственными недостатками своими, лучше тому вѣкъ не смѣяться! Иначе смѣхъ обратится въ клевету[2] и, какъ за преступленье, дастъ онъ за него отвѣтъ!...

АЛЕКСАНДРЪ.

Блистательный характеръ съ эстетическою душою. Окружалъ себя щедростью, чтобы ослѣпить чернь. Искренекъ; какъ ровный съ друзьями; веселый предсѣдатель пиршествъ — для тщеславія, чтобы слышать дивящихся его остротѣ, веселости, уму и непринужденности. Въ отношеніи къ поступкамъ своимъ, сначала — строгъ, и ученъ съ мудрымъ. Словомъ, во всемъ и надо всѣмъ хотѣлъ онъ быть царемъ. Ненасыщаемая жажда быть хвалиму, властвовать разомъ — надъ міромъ вакхическихъ блюдъ за чашей, надъ стоиками, надъ чернью, въ кругу поэтовъ.

Называя себя богомъ, для того, чтобы скорѣе заставить покориться всѣ народы, дорожилъ дружбою Аѳинянъ, писалъ самъ письма ко всѣмъ друзьямъ своимъ.

Великое намѣреніе — соединить тѣснѣе міръ и разнесть вездѣ греческое просвѣщеніе; завязать сильнѣе торговлю и устремить со всѣхъ сторонъ въ одно мѣсто народы (для этого — Александрія); если не изгладить, то уменьшить разность въ нравахъ между персами и греками, мирить европеизмъ съ востокомъ: отсюда утрата національности; пламенная религіозность исчезла и вмѣсто ея — одни суевѣрія, шаткая философія, начало схоластизма.

ПРОГРАММА ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Такъ какъ учебный годъ состоитъ изъ двухъ полугодичныхъ курсовъ, то я полагаю приличнымъ лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ раздѣлить на двѣ части: *до крестовыхъ походовъ* и *послѣ крестовыхъ походовъ*. Итакъ,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

До крестовыхъ походовъ.

Отдѣленіе I.

Отъ разрушенія Западной Имперіи до Карла и Гарунъ-аль-Рашида.

Прежде всего необходимо разсмотрѣть статистическое состояніе Западной[1] Имперіи за 50 лѣтъ до ея разрушенія; механизмъ правленія ея; силы и средства; состояніе войскъ[2]; образъ управленія дальнихъ и ближнихъ провинцій[3]; состояніе христіанства; образъ мыслей того времени; вліяніе наукъ; вліяніе варваровъ, занимавшихъ первыя должности въ государствѣ. Средства для защиты. Невозможность существованія Имперіи и причины разрушенія ея.

Потомъ силы и средства дикихъ и свѣжихъ народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ варваровъ[4]. Невозможность отраженія

ихъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Причины и силы, побуждавшія ихъ къ нападенію; вліяніе характера ихъ, ихъ обычаевъ, образа жизни.

Состояніе Италіи по занятіи ея Герулами. Состояніе бывшихъ провинцій Имперіи: Франціи, Испаніи, Англіи, Швейцаріи, Германіи подъ распоряженіемъ новыхъ властелиновъ. Въ чемъ состояло различіе правленій отъ Римскихъ намѣстниковъ.

Время царствованія Ѳеодорика и вліяніе его на Европу[1]. Нравы, законы, постановленія новыхъ народовъ. Различные виды феодализма у Франковъ, Алемановъ, Бургундовъ, Готтовъ[2]. Что происходитъ между тѣмъ въ уцѣлѣвшей Восточной имперіи. Завоеванія Юстиніановы и составленіе греческаго Экзархата. Образъ управленія Экзархатомъ. Причины появленія Ломбардовъ въ Италіи и завоеваніе Экзархата и другихъ земель Италіи[3]. Мѣры Восточныхъ императоровъ къ удержанію Экзархата. Причины бунтовъ въ Римѣ и хитрые поступки первыхъ папъ къ возвышенію своего достоинства.

Возрастаніе силы Франковъ правленіемъ палатныхъ меровъ[4]. Стараніе[5] папъ воспользоваться могуществомъ[6] меровъ и съ помощью ихъ утвердить власть свою надъ Римомъ. Опасенія, произведенныя въ Европѣ появленіемъ Аравитянъ. Разсмотрѣніе этого новаго народа, разсмотрѣніе его отечества — Аравіи. Какое вліяніе имѣла чудная и ужасная страна ихъ. Обстоятельства и причины, вдохнувшія въ нихъ такой сверхъестественный энтузіазмъ. Разсмотрѣніе новой религіи: ея духъ и сила, ея вліяніе. Быстрыя завоеванія Аравитянъ въ Азіи, въ Африкѣ и наконецъ въ Европѣ; завоеваніе Испаніи и встрѣча съ Франками. Франція подъ правленіемъ короля Пипина; его постановленія и перемѣны.

Отдѣленіе II.

Вѣкъ Аравійскаго просвѣщенія отъ Карла и Гарунъ-аль-Рашида до крестовыхъ походовъ[1].

Періодъ I. Вѣкъ Аравійскаго просвѣщенія.

1. Быстрое преобразованіе Аравитянъ изъ завоевателей въ просвѣтители. Способность къ этому Арабовъ. Вліяніе, произведенное правленіемъ Гарунъ-аль-Рашида. Характеръ правленія его. Характеръ Арабовъ того времени. Аравійская роскошь. Арабскіе философы. Состояніе наукъ и искусствъ. Направленіе арабскихъ познаній. Арабская архитектура. Статистическое[2] состояніе государства Гарунова.

Управленіе западомъ императора Карла Великаго. Его войны. Его цѣль и намѣренія. Характеръ его правленія. Противоположность его государства государству Гаруна. Европейскія силы. Медленное теченіе просвѣщенія. Вліяніе Карла Великаго.

2. Время раздѣленія, разстройства и разрушенія двухъ великихъ силъ въ мірѣ — Арабской и Франковъ. Безсильные[3] наслѣдники Карла. Начертанія и намѣренія Карловы стираются ими, и новые герцоги и графы становятся почти независимыми отъ короля. Упадокъ[4] государства Гарунова. Средства, употребляемыя къ отвращенію сего: войска изъ турокъ. Силы[5], произведшія паденіе: слабость калифовъ, отдѣленіе независимыхъ владѣльцевъ, новые секты и расколы и тѣ же турецкія войска. Разсмотрѣніе отдѣльныхъ калифатовъ въ Аравіи. Возрождающійся блескъ калифата въ Испаніи.

Періодъ II. Время Нормандскихъ набѣговъ.

Эпоха появленія Норманновъ. Ихъ происхожденіе. Изображеніе сѣвера Европы и отечества ихъ — Скандинавіи и вліяніе, которое могла имѣть на нихъ дикая сѣверная природа. Сила дикой религіи ихъ. Ихъ нравы, обычаи. Причины, побудившія ихъ оставить сѣверныя .....[6] Образъ войны и напа-

деній ихъ. Ужасъ[1] въ Европѣ, производимый ихъ нападеніями; вторженія ихъ во Францію, въ Англію; встрѣча съ Альфредомъ; мудрыя распоряженія этого государя къ отраженію и польза, принесенная государству. Составленіе войскъ въ Европѣ изъ Норманновъ; путешествованія ихъ въ Константинополь на службу греческимъ императорамъ. Состояніе тогдашней Восточной Имперіи. Завоеванія ихъ въ Россіи и основаніе княжествъ.

Отдѣленіе и возвышеніе Германіи. Отонъ провозглашается Западнымъ императоромъ и становится первымъ лицомъ въ Европѣ. Выгоды, доставленныя папамъ императорами[2]. Внутреннее управленіе Германіи. Причины постепеннаго пріобрѣтенія духовенствомъ вліянія и власти въ государствахъ. Бенедиктинскія аббатства. Степень невѣжества, варварства и суевѣрія. Обращеніе генуэзскихъ утесовъ и венеціанскаго болотца въ удобное жительство для промышленности.

Періодъ III. Время споровъ между императоровъ и папою.

Состояніе Германіи при малолѣтнихъ государяхъ. Вліяніе папской политики въ Европѣ. Намѣреніе папы Гильдебранта освободить духовенство отъ власти государей и подчинить своей. Причины, побудившія его къ этому. Гильдебрантова цѣль и орудія. Новыя строгія постановленія для духовенства. Власть императора совершенно пересиливается папскою. Замѣчательныя происшествія въ остальной Европѣ. Англія сильно и упорно осаждается Нормандскими корсарами. Правленіе Датчанина Канута. Деспотизмъ Вильгельма Завоевателя и ниспроверженіе прежнихъ законовъ и нравовъ Англосаксовъ.

Усилившаяся власть Турокъ и первыя стычки съ войсками Константинопольскаго императора.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отъ крестовыхъ походовъ до открытія Америки и сокрушенія папской власти.

Отдѣленіе I.

До окончанія крестовыхъ походовъ и появленія Монголовъ.

Періодъ I. Первый крестовый походъ.

Причины и естественность этого необыкновеннаго явленія, соединившаго народы Европы въ одно. Первый крестовый — порожденіе одного[1] чистаго энтузіазма безъ всякихъ посторонникъ цѣлей и корыстолюбія. Стихіи, составлявшія это вооруженіе, средства, образъ войны. Состояніе силы[2] королевства Іерусалимскаго. Острова христіанскіе среди[3]... и невозможность удержаться среди магометанскихъ сосѣдей, между которыми грознѣе другихъ становится Саладинъ, и по поводу сего составленіе крестоваго похода.

2-й крестовый[4] — съ тѣмъ же энтузіазмомъ, съ большими еще силами, но уже съ корыстолюбивыми и политическими видами папъ. Препятствія со стороны грековъ, турковъ, моровыхъ повѣтрій, климата и истребленіе войскъ Конрадомъ и Людовикомъ VII. Паденіе Іерусалима во власть Саладина и вліяніе этого событія на Европу, возбудившаго энтузіазмъ, месть и третій крестовый походъ.

3-й походъ вооруженъ[5] подъ начальствомъ Филиппа Августа и Ричарда, разстроившаго Англію. Присоединеніе къ прежнимъ препятствіямъ, останавливавшимъ успѣхи крестоносцевъ, несогласія ихъ предводителей[6]. Папа выигрываетъ одинъ. Всеобщее рвеніе охладѣваетъ къ сожалѣнію немногихъ ревностныхъ энтузіастовъ, рѣшающихся составить братства, независимыя общества, мимо условій гражданскихъ. Положеніе, права и вліяніе этихъ обществъ — рыцарскихъ орденовъ. Еще нѣсколько крестовыхъ походовъ поднимается, но уже главная цѣль не та. Освобожденіе гроба Христа только предлогъ; но завоеваніе Константинополя, Египта, и страсть къ странствованіямъ приманиваетъ крестоносцевъ. Послѣднее неудачное предпріятіе Людовика IX.

Слѣдствія крестовыхъ походовъ, состоящія — первое, въ со-

единенiи и сближенiи народовъ Европы между собою и отъ того взаимная шлифовка и образованiе; путешествiя и странническая жизнь и отъ того расширенiе свѣдѣнiй о мірѣ и людяхъ. Перенесенiе восточныхъ нравовъ, обычаевъ, аравiйскаго просвѣщенiя и византiйскаго и отъ того — происхожденiе рыцарства, новой готической архитектуры, облагороженной арабскою. Облегченiе участи людей военныхъ въ 4-хъ.....[1], долгое время не видавшихъ своихъ грозныхъ повелителей; захватываніе духовенствомъ многихъ свѣтскихъ владѣнiй и размноженiе нищенствующихъ монаховъ: францискановъ, доминиканцевъ, августиновъ, кармелитовъ, трубадуровъ, ро.....[2] и проч.

Отдѣленiе II.

До сокрушенiя папской власти.

Перiодъ I. Время завоеванiй монгольскихъ и верховнаго величiя папы.

Происхожденiе народовъ монгольскихъ. Изображенiе средней Азiи. Ея недоступность и вліяніе на обитавшiе въ ней народы. Первоначальная религiя, образъ жизни, характеръ, страсти Монголовъ. Средства, давшiя возможность Чингисъ-Хану сдѣлаться ихъ верховнымъ повелителемъ. Развитiе войскъ[3] Чингисъ-Хановыхъ тремя полосами: одна объ..... Китай, Корею и, кажется, Японію; другая протекаетъ Россію и Польшу; взглядъ на тогдашнее состоянiе Россiи, не имѣвшей возможности противиться имъ. Третiя обращаетъ въ пепелъ цвѣтущiй югъ Азiи, овладѣваетъ Багдадомъ, Персiей, Индiей. Раздѣленiе огромнаго монгольскаго государства на многiя и причины кратковременности.

Обозрѣнiе всемiрной монархiи папъ. Средства къ увеличенiю власти [папъ][4] — постоянствомъ и мудростью. Деспотическое правленiе Иннокентiя III; введенiе новыхъ положенiй въ церковь и страшной инквизицiи. Безжалостные поступки съ европейскими владѣтелями. Намѣренiе папъ истребить весь Швабской домъ императоровъ, оказавшихъ упорство; войны Гвельфовъ и Джибеллиновъ.

Ослабленiе феода.....[5] Въ какомъ видѣ является Европа послѣ крестовыхъ походовъ. Венецiя вдругъ показывается пе-

редъ глазами всей Европы сильнѣйшею своимъ богатствомъ и всемірною торговлею, и выводитъ за собою другія республики: Геную и Флоренцію. Остальная Италія — гнѣздилище заговоровъ, интригъ, бунтовъ и отъ того образовавшійся хитрый, мстительный,.....[1] характеръ итальянцевъ. Города болѣе или менѣе возвышаются торговлей. Вся морская торговля захвачена Венеціей, сухопутная Ганзейскимъ союзомъ, постоянно останавливая покушенія быстро образовавшагося португальскаго.....[2] перехватить торговлю[3].

Формы управленія обработываются основательно въ Германіи. Государи мимо папскаго покровительства становятся сильнѣе, потому что получаютъ мало по малу непосредственное управленіе народомъ, благодаря крестовымъ походамъ, истребившимъ множество сильныхъ вассаловъ. Во Франціи Филиппъ Августъ и Людовикъ кладутъ крѣпкое основаніе монархической власти; возрастаетъ вдругъ до неограниченной власти волею страннаго и мудраго тирана Людовика XI; и совершенное униженіе феодализма. Испанія освобождается совершенно отъ Магометанъ и посредствомъ браковъ совокупляется въ одну монархію. Монархи глубокою религіозностью облекаютъ свою власть и дѣлаютъ ее неограниченною. Австрійскій домъ тоже посредствомъ браковъ усиливается и непомѣрно превышаетъ прочихъ германскихъ феодаловъ[4]. Все сливается въ крупныя массы. Всеобщее усиліе поднять гражданъ и унизить феодаловъ. Въ Англіи — парламентъ и депутаты. Вотъ причины ослабленія феодализма.

Время покушеній на низверженіе папскаго ига.

Избраніе разомъ двухъ папъ, и раздоры отъ этого объемлютъ Европу и ослабляютъ всеобщее мнѣніе. Университеты, алхимики и начало возрождающихся знаній быстро помогаютъ тому и приготавливаютъ Европу къ всеобщему взрыву. Образъ преподаванія, вліяніе ихъ на Европу. Алхимики; вліяніе занятій ихъ. Суевѣріе, раздуваемое нищенствующими монахами; ихъ корыстолюбіе и жадность. Первое негодованіе противъ нихъ и противъ множества несправедливыхъ положеній. Богемія извергаетъ первыхъ реформаторовъ; костры и мщеніе папъ и слѣдствія этого.

БИБЛІОГРАФІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Источники для исторіи среднихъ вѣковъ трехъ родовъ:

Одни[1], обнимающіе вполнѣ всѣ событія, — собственно всеобщія исторіи среднихъ вѣковъ.

2. Отдѣльныя исторіи государствъ, событій и явленій среднихъ вѣковъ.

3. Современныя лѣтописи, матеріалы, требующіе ученой разработки.

Что касается до первыхъ, то ихъ очень немного. Почти нѣтъ такого сочиненія, которое бы представило полную исторію среднихъ вѣковъ въ строгомъ порядкѣ и планѣ, съ высокою художественною отдѣлкою и вообще съ достоинствами совершенно классическаго созданія. Причиною этому необыкновенное обиліе и разнообразіе[2] предметовъ, изъ которыхъ сложена[3] средняя исторія, обнять которыхъ вполнѣ почти невозможно и требуетъ глубокаго многосторонняго генія. Однакоже многими, исполненными таланта и большихъ свѣдѣній[4], были сдѣланы попытки, замѣчательныя и важныя во многихъ отношеніяхъ[5], для исторіи среднихъ вѣковъ. Прежде всего должно упомянуть о Гиббонѣ, котораго „Исторія упадка римской имперіи“, — сочиненіе, означенное глубокою ученостью, увлекательною силою повѣствованія и многостороннимъ умомъ, — первая проложила путь для созданія исторіи среднихъ вѣковъ, объяснила и открыла начала ея еще въ нѣдрѣ древняго міра[6]. — Гизо въ своей „Исторіи европейской цивилизаціи“ раскрылъ первоначальныя стихіи гражданственности среднихъ вѣковъ и сдѣлалъ много изслѣдованій въ отношеніи.....[7] Сочиненіе Гюльмана „Исторія городовъ въ средніе вѣки“ исполнено съ необыкновенною отчетливостію и бросаетъ свѣтъ на всю средину среднеі исторіи — на сильнѣйшій пунктъ ихъ гражданственнаго развитія[8]. Исторія Галлама, подъ названіемъ: „Европа въ средніе вѣки“, замѣчательна въ отношеніи конституціонныхъ перемѣнъ[9]. Исторія средняя Демишеля, которой вышло два тома, показываетъ въ авторѣ много начитанности, вмѣщаетъ много фактовъ, но не имѣетъ вы-

сокаго единства и достоинствъ историка[1]. Его „Сокращеніе средней исторіи", изданное въ одной книгѣ, вмѣщаетъ почти всѣ событія, хотя въ сухомъ[2] и сжатомъ видѣ. Присоединивъ сюда исторію среднюю Лудена, замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ „Записки" (Іоанна)[3] Миллера, можно окончить небольшой итогъ собственно всеобщихъ исторій среднихъ вѣковъ[4].

Итакъ[5], чтобы обширнѣе и полнѣе узнать средніе вѣки, непремѣнно нужно прибѣгнуть къ источникамъ втораго рода — къ отдѣльнымъ исторіямъ государствъ и событій. Этими источниками средняя исторія очень богата. Начнемъ по порядку съ каждаго государства.

Исторія среднихъ вѣковъ Италіи[6] разработана съ бо́льшею отчетливостью, нежели исторія другихъ государствъ. Причина[7]: въ Италіи жизнь ученаго была нераздѣльна съ жизнью государственною; историки ея большею частію сами были участниками въ политическихъ переворотахъ своихъ государствъ. Отъ того въ ихъ сочиненіяхъ обстоятельнѣе[8] являются тогдашнія отношенія, удовлетворительнѣе опредѣлены (всѣ)[9] элементы дѣятельной жизни. Изъ сочиненій, относящихся къ общей исторіи Италіи, болѣе всего замѣчательны два сочиненія Муратори: Scriptores rerum Italicarum и Antiquitati (sic!) Italicae medii aevi, раскрывающія ясно существованіе городовъ и республикъ италіянскихъ въ средніе вѣки. Кромѣ того исторію Италіи среднихъ в. обработывали: Денина (Rivoluzioni d'Italia), оба Вильяни, Гвичіардини и наконецъ изъ новѣйшихъ Симонъ Сисмонди [Histoire des républiques Italiennes au moyen âge]. Сверхъ[10] того въ Италіи каждое государство и городъ имѣетъ своихъ историковъ. Такъ, исторію Венеціи обработывали Андрей Навагіеро, Марино Сануто, Барцони, Петръ Бембо[11] и другіе, а въ послѣдующее время графъ Дарю, котораго „Исторія Венеціи" есть очень удовлетворительное сочиненіе[12]. Исторію Генуи писали Жюстиніани, Уберто Фоліето; Флоренціи — Сципіонъ Аммирато и особенно Махіавель; Неаполя — Жіанонъ, Доминико Дегравіана; Сіэны — Орландо Малавольти и проч. Исторію и жизнеописаніе папъ писали Брюи, Боверъ, Анастазій и множество другихъ; собственно же церковную исторію — Орзи, Райнальди, Флёри, Мозгеймъ.

Исторія Франціи была обработываема въ разныя времена

вполнѣ и по частямъ[1], но эпоха ея[2] началась съ XIX столѣтія. Изъ принесшихъ ей[3] болѣе услугъ[4] нужно замѣтить слѣдующихъ: Гизо, развившій очень много новаго въ отношеніи къ феодальнымъ временамъ Франціи и въ отношеніи ко всей средней исторіи[5] въ двухъ сочиненіяхъ: Histoire de la civilisation de France и Essais sur l'histoire de France; Сисмонди (полнѣйшая исторія)[6]; Тьери, бросившій много замѣчательныхъ мыслей въ своемъ сочиненіи: „Lettres sur l'histoire de France“[6], Капфигъ (издавшій нѣсколько сочиненій о разныхъ эпохахъ[7] Франціи), Барантъ (Исторію герц. бург.), Монтель, Мишеле и другіе.

Исторія Англіи можетъ похвалиться историками сильнаго таланта[8]: Юмомъ, Робертсономъ, отчасти Галламомъ въ его „Конституціонной исторіи Англіи“[9], Лингартомъ и особенно Тіери въ его „Исторіи завоеванія Англіи Норманнами“[10].

Исторія Испаніи обширнѣйшая и полнѣйшая другихъ[11] — Маріяна; кромѣ того занимались ею Кардонъ, Биглондъ и пр.

Исторію Германіи обработывали Струвіусъ, Шмитъ, Луденъ, Менцель и Раумеръ (въ своей[12] „Исторіи Гогенштауфеновъ“).

Швейцарія имѣетъ полную исторію свою въ сочиненіи Іоаннеса Мюллера, — сочиненіи, исполненномъ великаго историческаго достоинства[13].

Исторія византійская состоитъ изъ безпрерывной хроники, веденной современными лѣтописцами. Замѣчательные изъ нихъ: Зонара, Кедринъ и др.; по искусству[14] изложенія: Прокопій, Константинъ Багрянородный, Анна Комнина[15]. Но сочиненіе, которое болѣе всего можетъ представить въ ясномъ видѣ все существованіе византійской имперіи, это есть — сочиненіе Гиббона.

Исторіей аравитянъ занимались многіе ученые, хотя совершенно полной и удовлетворительной[16] до сихъ поръ нѣтъ. Изъ арабскихъ писателей замѣчателенъ Абулфеда и Абулгараджъ[17]. Изъ европейскихъ древнѣйшій — Гербелотъ[18] („Восточная Библіотека“); извѣстный оріенталистъ — Гаммеръ, Оклай[19], Кардонъ, Мильцъ и др.

Исторія сѣверной Европы болѣе всего разработана геніальными трудами Шлецера; Швеція имѣетъ очень (полную и)[20] обширную исторію Олофа Далина.

Сверхъ этихъ сочиненій, отдѣльно изданныхъ, нужно упомянуть еще о большихъ собраніяхъ исторій разныхъ государствъ[1], предпринимаемыхъ съ середины XVIII столѣтія разными учеными обществами. Изъ нихъ лучшая — Гальская „Всемірная исторія“ въ 70 томахъ, а нынѣ издающаяся подъ именемъ[2] „Исторіи европейскихъ государствъ“ (еще не оконченная)[3].

Слѣдуетъ упомянуть о сочиненіяхъ, которыя обнимали только нѣкоторыя явленія и событія среднихъ вѣковъ. Такъ, напримѣръ, исторія крестовыхъ походовъ имѣла многихъ писателей; изъ нихъ замѣчательнѣе Геренъ (О вліяніи крестовыхъ походовъ)[4], Мишо (Bibliographie des croisades). Кромѣ того замѣчательны: „Исторія рыцарства“ Сентъ-Пале, „Исторія ганзейскихъ городовъ“ Сарторіуса, „Исторія инквизиціи“ Морента, „Исторія состоянія римскаго права въ средніе вѣки“ Савиньи и др.

Третій разрядъ источниковъ собственно лѣтописи, веденныя епископами, монахами, обыкновенными историками среднихъ вѣковъ. Они большею частію находятся неизданныя, въ рукописяхъ, въ ученыхъ архивахъ европейскихъ столицъ; болѣе всего находится въ Парижѣ — въ Королевской Библіотекѣ, много въ Ватиканѣ и, относительно народовъ славянскихъ, въ Имп. Пуб. Библіотекѣ въ Петербургѣ и др. Были предпринимаемы попытки издать ихъ, но полныхъ хорошихъ собраній доселѣ не было. Во Франціи Гизо предпринялъ изданіе всѣхъ французскихъ лѣтописцевъ, начиная отъ Григорія Турскаго и до средины XIII вѣка; но это изданіе еще до сихъ поръ не вышло. Датское „Общество“ издало нѣсколько сагъ и эддъ норманскихъ, объясняющихъ начало сѣверной исторіи.

Сверхъ всѣхъ указанныхъ источниковъ, важны для среднихъ вѣковъ, относительно духа времени, жизни частной, сочиненія, относящіяся не прямо къ исторіи; какъ то: частныя біографіи, извѣстія о состояніяхъ[5] тогдашнихъ искусствъ, ремеслъ, наукъ и проч.

Сюда можно включить также[6] созданія поэтическія, выражающія вѣрно минувшій бытъ народный: историческія баллады, народныя пѣсни, которыми особенно богата христіанская Испанія, Шотландія, народы славянскіе, — народы, терпѣвшіе большія потрясенія[7] и не имѣвшіе гражданскаго образованія.

Сюда можно отнесть памятники и развалины временъ феодальныхъ, которыхъ множество находится по Рейну, Дунаю, въ Испаніи, Италіи, Франціи и вообще въ государствахъ, гдѣ жизнь и начала образованности гражданской долго боролись съ неукротимымъ[1] невѣжествомъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

I.

Взглядъ на состояніе римской имперіи въ послѣднее время ея существованія и на причины, произведшія разрушеніе ея.

Всѣ извѣстные народы и земли къ концу древняго міра[2] были совокуплены въ одну монархію — римскую. Ее составляли греки, сиріяне, египтяне, карфагене, всѣ еллинскіе и малоазійскіе и другіе народы, давно утратившіе свою національность и свой прежній образъ въ политическихъ потрясеніяхъ и переворотахъ, и народы, еще не начинавшіе образованной и политической жизни, — народы европейскіе: галлы, бритты и другіе. Политическія тѣла, образованныя этими націями, составляли[3]: 1) придворные, преданные интригамъ, неразлучнымъ съ серальнымъ правленіемъ государства, 2) честолюбивые и корыстолюбивые правители провинцій, поступавшіе съ ними какъ съ арендами, 3) люди, занятые торговлей, всемірные граждане, равнодушные къ выгодамъ націи, 4) ученые и философы, погруженные въ занятія, совершенно отвлеченныя отъ жизни, 5) сибариты, равнодушные ко всему кромѣ своихъ чувственныхъ наслажденій и жизни совершенно частной[4], 6) народъ, почти вездѣ находившійся въ состояніи рабства подъ деспотизмомъ сатраповъ, вовсе не входившій въ связь государственную. Словомъ, ничто не обнаруживало въ нихъ здравой политической связи и прочной государственной жизни. Изъ такихъ частей составилась римская имперія. Всѣ эти части, не имѣя въ себѣ

ничего цѣлаго, никакой связи, тѣмъ менѣе могли составить во взаимномъ соединеніи общее цѣлое.

Націю преобладающую составляли римляне, — народъ, проведшій суровую воинственную жизнь, съ простыми республиканскими, грубыми и мужественными доблестями, еще не имѣвшій времени и не достигшій развитія жизни гражданственной[1]. Все, что заимствовалъ онъ у побѣжденныхъ народовъ, было блестящее и наружное — роскошь, безъ утонченнаго образа мыслей, понятій и жизни этихъ народовъ. Онъ сократилъ свой собственный переходъ и, не испытавъ мужества, прямо изъ юношескаго состоянія перешелъ къ старости. Отсюда — жадность къ богатству, къ мѣстамъ и почестямъ, доставлявшимъ богатство; спорящіе правители провинцій, консулы, сражающіеся за богатыя земли и верховную власть въ республикѣ[2]; наконецъ совершенная невозможность республиканской формы правленія.

Управленіе такою имперіею могло быть только въ рукѣ[3] одного, и съ оружіемъ въ рукахъ. Это было осуществленно императоромъ[4] Августомъ. Осторожный и опытный умъ его ввелъ правленіе совершенно военное: увеличилъ войска, установилъ префектовъ съ правомъ давать высшій судъ въ городахъ, которые имѣли свою представляемость и продолжали управляться своими магистратами; провелъ военныя дороги, разставилъ войска во всѣхъ мѣстахъ имперіи, завелъ четыре флота: равенскій, мизненскій, понтійскій и юліевъ, и такимъ образомъ облекъ имперію въ самовластное и твердое управленіе. Слабость, недостатокъ душевной твердости послѣдующихъ кесарей, оглушенныхъ приливомъ роскоши и страшнаго изобилія имперіи, ихъ серальная жизнь была причиною, что образъ правленія Августа обратился въ деспотизмъ. Начальники преторіанскаго войска увидѣли наконецъ, что имѣютъ власть низводить и свергать императоровъ. Императоры для утвержденія своего стали употреблять два опасныя средства — льстить войску и усыплять чернь зрѣлищами и раздачею денегъ. Отсюда ввелась въ Римъ ужасная праздность, искоренившая всѣ правила въ народѣ, жажда къ наслажденіямъ настоящимъ, начиная отъ двора до низшихъ сословій. Правители богатыхъ провинцій, восточныхъ, африканскихъ, европейскихъ, думали только о своемъ обогащеніи: эгоизмъ сдѣлался всеобщимъ, и

жизнь эпикурейская стала выраженіемъ всего общества. Политеизмъ обезсиленный, давно сокрушенный въ своихъ началахъ, исполнялся только наружно. Философія лишилась практическаго примѣненія къ жизни, обременилась терминами, сухими изложеніями[1] и осталась въ школахъ. Мистицизмъ, суевѣріе и даже колдовство воцарились въ нѣдрѣ этого странно-смѣшаннаго общества. Весь міръ римскій обратился въ какое-то усыпленіе, жизнь, преданную настоящему, не означавшуюся никакими сильными порывами. Отнятіе оружія у гражданъ имперіи отняло у нихъ все самочувствіе и унизило духъ ихъ. Уже войска не набирались изъ южныхъ изнѣженныхъ провинцій; но ограничивались Галліей, Испаніей и вообще сѣверной Европой.

Христіанство произвело сильное внутреннее движеніе и потрясло многосложный составъ имперіи. Христіанство было принято низшимъ сословіемъ, угнетеннымъ, безотвѣтнымъ. Принявшіе его имѣли другія обязанности, другую власть и вовсе отдѣлились отъ языческаго правительства, и такимъ образомъ положено было начало разъединенію государственныхъ стихій; гоненія еще болѣе усилили это разъединеніе[2]. Между тѣмъ правленіе, чѣмъ далѣе, становилось менѣе исполненнымъ твердости и связи: уничтоженіе престолонаслѣдованія, быстрыя перемѣны императоровъ и безсильная ничтожная жизнь ихъ,— словомъ, всѣ элементы, означающіе паденіе; и если что спасало всемірную имперію, то это неизмѣримая ея огромность и недостатокъ внѣшнихъ силъ, могущихъ дѣйствовать наступательно.

Между тѣмъ изъ-за Рейна и Дуная начинались уже небольшія нападенія на границы, — нападенія народовъ, нѣкогда трепетавшихъ римскаго оружія. Эти нападенія заставили римскихъ императоровъ почти всѣ войска изъ внутри государства обратить на границы. Потребность безопасности и охраненія границъ такого необъятнаго государства требовала увеличенія войскъ. Увеличеніе войскъ произвело непомѣрные налоги и подати. Механизмъ правленія становился сложнѣе и сложнѣе. Императоръ Константинъ наконецъ рѣшился произвести сильный переворотъ: переворотъ въ образѣ мыслей — торжественнымъ принятіемъ христіанства; переворотъ въ правленіи — преобразованіемъ имперіи въ четыре великія провинціи:

восточную, иллирійскую, гальскую, италіанскую, подъ начальствомъ четырехъ префектовъ съ властью почти неограниченною (безъ апелляцій); переворотъ въ состояніи государства — установленіемъ другой столицы, въ Византіи. Принятіе христіанства, спасительное для всего міра, производитъ въ Римѣ противоположное дѣйствіе: языческій, эпикурейскій, изнѣженный образъ мыслей римлянъ, не постигшій высокихъ правилъ христіанства, произвелъ безконечные споры, занявшіе все государство, образовавшіеся въ партіи, равнодушныя къ жизни и выгодамъ государственнымъ.

Установленіе четырехъ неограниченныхъ префектовъ отдаляетъ провинціи отъ непосредственной зависимости императора и вручаетъ ихъ болѣе власти правителей[1]. Установленіе другой столицы и пребываніе въ ней императора поселяетъ незамѣтное начало политическаго раздѣла между восточными и западными провинціями[2]. Гоненія, воздвигнутыя на язычниковъ, пробудили усыпленную жизнь внутри государства и взаимное сильное ожесточеніе между гражданами и заставили Константина вызвать войска, находившіяся на границахъ, и размѣстить ихъ во внутрь государства для прекращенія мятежей. И такимъ образомъ границы имперіи остались открытыми для нападеній. Императоръ Юліанъ новымъ переворотомъ увеличилъ всеобщее разстройство. Ненависть къ прежнему правительству, утѣснявшему его въ юности, заставила его дѣйствовать совершенно противоположно. Введеніемъ язычества онъ ожесточилъ еще болѣе внутреннюю борьбу уже слишкомъ потрясенной монархіи. Стремленіе европейскихъ варваровъ, накопившихся вслѣдствіе разныхъ переворотовъ еще въ большемъ количествѣ, становится сильнѣе; правленіе такимъ обширнымъ тѣломъ — рѣшительно[3] невозможнымъ при такихъ обстоятельствахъ. И Ѳеодосій, твердымъ характеромъ правленія своего сдержавшій на время его существованіе, рѣшился передъ смертію произвесть новый переворотъ раздѣленіемъ имперіи на восточную и западную, — раздѣленіемъ, давшимъ новое средство и силы европейскимъ варварамъ ее разрушить. Но слѣдуетъ теперь обратиться къ народамъ, причинившимъ ея паденіе.

II.

О движеніяхъ народовъ германскихъ, причинившихъ разрушеніе западной римской имперіи[1].

Вся неримская Европа заселена двумя великими семействами народовъ: германскимъ и славянскимъ. Народы германскіе занимали западъ, народы славянскіе — востокъ. Эти двѣ части Европы совершенно противоположны одна другой: восточная — вся изъ равнинъ и большею частію открытыхъ пространствъ; западная пересѣкается множествомъ горъ, рѣкъ, лѣсовъ вся состоитъ изъ рубежей. Это имѣло разительное вліяніе на образованіе двухъ великихъ поколѣній народовъ.

Восточно-славянская половина долго оставалась неузнанною для римлянъ, давшихъ ей имя Сарматіи. Западно-германская половина, близостью границъ къ Риму, стала узнаваться ранѣе и наконецъ обратила къ себѣ всю дѣятельность римлянъ. Римляне уже различали разныя наименованія племенъ. По Дунаю они встрѣчали гермундуровъ, квадовъ, маркоманновъ, по Рейну отъ устья и до впаденія его въ море: вангіоновъ, трибоковъ, неметовъ, матіаковъ, убіевъ, тенктеровъ, узипетровъ и наконецъ батавовъ и фризовъ, въ срединѣ Германіи: хатовъ, херусковъ (обитателей Гарца), фозовъ, сигамбровъ, бруктеровъ, ангриваріевъ, хазуаріевъ и на востокѣ, въ пограничности съ Европой славянской, свевовъ. Это были племена германскія, которыхъ можно привесть въ одно подъ именемъ обожателей Туиста или Тевта, сына Герты.

Племена по морю Балтійскому сдѣлались извѣстными римлянамъ уже послѣ. Ихъ можно назвать племенами Одиновыми, по имени чтимаго ими героя. Они были: саксоны, кимвры (гольштины), готы, ругіи, бургунды, ломбарды и герулы. Гдѣ же Европа славянская граничила съ германскою, находились племена, носившія въ себѣ смѣсь двухъ поколѣній. Такимъ образомъ въ вандалахъ, ругіяхъ, свевахъ замѣтно много славянскаго.

Всѣ эти германскія племена имѣли фамильное[2] между собою сходство и рѣзко отличались физическимъ образованіемъ сво-

имъ отъ народовъ южныхъ. Они были хорошо сложены, имѣли свѣтлые глаза и волосы и атлетическую крѣпость членовъ. Всѣ они находились на грубой степени нравственнаго развитія и пребывали долго въ одинаковомъ положеніи по причинѣ дикости страны, отсутствія образованныхъ сосѣдей, образа жизни и занятій.

Жили они разсѣянно, племенами. Иногда племена соединялись въ конфедеративныя общества, но безъ всякаго пожертвованія свободою или имуществомъ. Вся связь состояла въ собраніяхъ при новолуніи или полнолуніи, предсѣдаемыхъ старѣйшинами, жрецами и бардами. Вожди имѣли только власть во время войны; одна личная храбрость возводила его въ это достоинство, оставшееся потомъ навсегда въ его фамиліи; власть его состояла въ исполненіи всеобщаго желанія, доходы — подарки, которые изъ уваженія къ его храбрости присылали ему племена.

Дикое положеніе Европы съ лѣсами и суровымъ климатомъ должны были вдохнуть имъ склонность къ войнѣ. Эта склонность была велика. Подвиги, сила и искусство владѣть оружіемъ были единственною ихъ цѣлію. Храбраго окружали всегда дружины, которыя составлялись иногда въ значительномъ количествѣ и почти никогда не бросали оружія. Время безъ войны посвящалось звѣриной охотѣ и праздности. Поля обрабатывались рабами и не обращались въ постоянную собственность; но каждый годъ бросаемый жребій перемѣнялъ владѣльцевъ.

Жилища ихъ были землянки, или хижины изъ высушенной на солнцѣ грязи, обыкновенно на берегу рѣки или на рубежѣ лѣса; одежда — звѣриныя кожи. Ихъ пиршества вокругъ пылающихъ дубовъ, на которыхъ они опивались своимъ ячменнымъ напиткомъ или римскимъ виномъ, оканчивались междоусобными бранями и нападеніями на сосѣдей. Азартная игра, въ которую проигрывали они себя и семейства свои, показывала слѣпую стремительность воли ихъ дикой природы. Преступленія у нихъ были трусость и пороки, происходившіе отъ слабости души.

Религія ихъ, какъ народа не вполнѣ осѣдлаго, была однозложна. Прославившійся битвами получалъ по смерти божескую почесть, и первый вождь ихъ Тевтъ, сынъ Герты, былъ главное божество. Будущая жизнь въ Валгалѣ составляла продолженіе

битвъ и подвиговъ; нѣкоторыя божества были потомъ перенятъ отъ римлянъ.

Такое воинственное развитіе германскихъ племенъ было очень опасно Риму, гдѣ обиліе роскоши, доставленной насильственнымъ образованіемъ, произвело уже слишкомъ сильное разслабленіе нравственное и физическое. Въ продолженіе четырехъ вѣковъ римляне употребляли разныя средства защищенія: ссорили между собою германскихъ вождей, подкупали ихъ, дѣйствовали оружіемъ и хитростью. Адріянъ, Маркъ Аврелій и Каракалла силою оружія потѣснили ихъ далѣе за Рейнъ и Дунай. Эти пораженія заставили племена и отдѣльныя дружины вождей германскихъ соединяться въ большіе союзы, изъ которыхъ прежде показалось соединеніе племенъ придунайскихъ подъ именемъ алемановъ, потомъ прирейнскихъ подъ именемъ франковъ. Съ этихъ поръ движенія ихъ имѣли болѣе единства, а потѣсненіе съ сѣвера сдѣлало нападенія ихъ еще стремительнѣе.

Потрясеніе, произведшее первое большое движеніе народовъ, было сдѣлано племенами Оденоваго происхожденія и прежде всего готами, долго, до того времени, безпокойно блуждавшими въ странахъ Скандинавіи, прибалтійскихъ и финскихъ. Подъ предводительствомъ вождей своихъ они поворотили на востокъ, вытѣснивъ[1] прежде вандаловъ и свевовъ, и вступили въ обширныя равнины Европы славянской; неудерживаемые преградами мѣстоположенія ни упорствомъ славянскихъ племенъ, они распространились по всему славянскому востоку и утвердили власть отъ Балтійскаго до Чернаго моря; Тревожили[2] римско-дунайскія провинціи, пиратствовали[3] на Черномъ морѣ и Босфорѣ и опустошали[4] Малую Азію. Ихъ было три отдѣленія: на востокъ отъ Днѣпра — остроготы, на западъ — визиготы и еще западнѣе — гепиды, тоже готская вѣтвь. Это переселеніе произвело то, что многія племена прибалтійскія показались въ срединѣ Европы, и римляне уже изъ нихъ начали принимать на жалованье въ свои войска, а между тѣмъ франки опустошили части Галліи.

Новый переворотъ произвелъ новое движеніе и всеобщую перемѣну мѣстъ. Переворотъ этотъ произведенъ[5] уже силою азіатскою. Гунны, народъ монголо-калмыцкаго образованія, вслѣдствіе разныхъ переворотовъ въ Средней Азіи, изгнаны[6]

къ Каспійскому морю и откочевываютъ оттуда въ славянскую Европу. Сильною конницею, новостью и дикостью своихъ нападеній ниспровергли обширную власть готовъ и столѣтняго короля ихъ Германриха, утвердивъ на ихъ земляхъ[1] свое владычество. Большая часть визиготовъ съ вождями своими, не желая покориться, выпросили позволеніе императора Валенса перейти Дунай съ условіемъ принять аріанство. Они поселились въ двухъ Мизіяхъ, но, недовольные поступками императорскихъ намѣстниковъ, опустошительно прошли владѣніе императора до Адріанополя и умертвили его[2]. Тогда же были сдѣланы нападенія на имперію западную отъ алеманъ и другихъ племенъ, сдвинутыхъ съ мѣстъ своихъ.

Необходимость защиты противъ гунновъ, противъ бунтовавшихъ правителей, противъ императоровъ - самозванцевъ были причиною, что Имперія терпѣла въ нѣдрѣ[3] своемъ эти дикія орды, давала[4] имъ привилегіи и употребляла въ войска[5].

Въ это время произошло важное событіе собственно въ римскомъ мірѣ. Императоръ Ѳеодосій, благоразуміемъ и твердостью характера поддержавшій во все время своего царствованія угрожаемую со всѣхъ сторонъ Имперію, наконецъ раздѣлилъ ее между двумя несовершеннолѣтними сыновьями. Восточная, съ греческимъ населеніемъ, утонченною роскошью, ученостью и теологическими спорами досталась старшему — Аркадію; западная, съ преобладаніемъ римскаго населенія, уже мѣшавшимся съ народами варварскими, видѣвшая въ границахъ своихъ когорты германскихъ народовъ, — Гонорію. Верховный надзоръ былъ порученъ Стиликону, зятю императора, происхожденіемъ вандалу, но обладавшему большими достоинствами правителя и полководца. Воспитатель Аркадія Руфимъ, подъ именемъ слабаго государя своего, управлялъ востокомъ: жадностью, скупостью, тиранствомъ и отвлеченіемъ Аркадія отъ верховнаго попечителя Стиликона, жившаго въ Римѣ, онъ вызвалъ его на мщеніе и былъ по тайному его приказанію умерщвленъ. Безсильнаго Аркадія окружили другіе любимцы, разстроившіе Имперію, и открыли поле дѣйствія визиготамъ и честолюбивому вождю ихъ Алариху, который съ толпами своими опустошилъ Ѳракію, Македонію, разрушилъ многіе віотійскіе и пелопоннезскіе города, но былъ разбитъ пришедшимъ на помощь Стиликономъ, обратился на Эпиръ и оттуда

заставилъ устрашеннаго императора избрать себя начальникомъ имъ же ограбленныхъ провинцій съ титломъ военачальника иллирійской префектуры. Вслѣдъ за тѣмъ всѣ вестготы провозгласили его своимъ королемъ.

Облеченный этою двоинственною властью, тайно вспомоществуемый византійскимъ дворомъ, Аларихъ обратился на Италію,—Италію, выставившую всѣ войска свои подъ начальствомъ Стиликона защищать Ретію отъ нападенія алемановъ. Онъ безпрепятственно опустошилъ италіянскія провинціи и осадилъ Гонорія въ Миланѣ и потомъ въ Асти, куда императоръ бѣжалъ изъ Милана. Прибывшій Стиликонъ освободилъ своего государя, разбилъ Алариха при Поленціи (403); хитростью, угрозами и снисхожденіемъ заставилъ его удалиться изъ Италіи съ титломъ генерала Гоноріева. Съ этого времени Римъ былъ оставленъ императорами. Гонорій для безопасности перенесъ резиденцію свою въ Равенну, снабженную выгоднымъ портомъ, укрѣпленіями и неприступными болотами.

Между тѣмъ племена свевовъ, а съ ними вандаловъ и другихъ народовъ, предводимые вождемъ своимъ Родогастомъ, перешли тирольскія Альпы и ринулись въ Италію, но, отраженные Стиликономъ, остановились на время между Дунаемъ и Альпами и, усилившись племенами аланъ и бургундовъ, устремились на Галлію, опрокинули союзныхъ Риму рипуарскихъ франковъ, ограбили Майнцъ, опустошили Галлію, гдѣ бунтовали римскіе правители, и прошли Испанію, наполнивъ ея цвѣтущія провинціи дикими своими толпами. Такимъ образомъ, Испанія населилась свевами, вандалами, аланами. Въ это время Имперія лишилась послѣдней своей защиты: обвиняемый въ честолюбивыхъ видахъ на императорскую корону, Стиликонъ былъ умерщвленъ по повелѣнію слабодушнаго Гонорія. Этимъ скоро воспользовался Аларихъ и вступилъ съ своими визиготами снова въ Италію, взялъ голодомъ Римъ, провозгласилъ городоваго префекта Приска Отала[1] императоромъ; но, склоненный льстивыми обѣщаніями Гонорія, свергъ Отала. Раздраженный вѣроломствомъ Гонорія[2], взялъ въ третій разъ всемірную столицу, обратилъ цѣлыя толпы жителей въ рабовъ и уже располагалъ отплыть въ Африку для завладѣнія богатыми римскими провинціями, но на этомъ намѣреніи постигла его смерть (въ 411). Гонорій и равенскій дворъ льстивыми

обѣщаніями, отдачею руки дочери Ѳеодосія и сестры Гонорія Плацидіи, умѣли преклонить новаго предводителя визиготовъ Атольфа и отправить его въ Галлію противъ возставшихъ одинъ за другимъ похитителей (Константина, потомъ Іовина), которымъ не въ силахъ былъ противиться храбрый Констансъ. Партія цезарей-самозванцевъ была уничтожена Атольфомъ, и Констансъ искусно умѣлъ избавиться его вліянія, направивъ силы его въ Испанію противъ свевовъ, аланъ и вандаловъ. Тамъ началась долгая борьба между варварскими народами, въ продолженіи которой сильно опустошены римскіе города въ Испаніи, совершенно истреблены алане, прогнаны въ горы астуріи и свевы, сильно прижаты къ морю вандалы, а король визиготовъ Валлія, провозглашенный послѣ убитаго Атольфа, простеръ свои владѣнія по обѣимъ сторонамъ Пиринеевъ: въ южной Франціи и сѣверовосточной Испаніи, между тѣмъ какъ Констансъ съ согласія императора позволилъ бургундамъ (въ 415) поселиться въ земляхъ въ юговосточной части Франціи и южной Германіи.

При такомъ положеніи дѣлъ умеръ Гонорій. Плацидія, дочь Ѳеодосія, прежде супруга Атольфа, потомъ Констансова, вступила въ правленіе подъ именемъ малолѣтняго императора Валентіяна III[2], своего сына, раздѣляя попечительную власть свою съ двумя сенаторами: патриціемъ Аэціемъ, начальникомъ войскъ, и Бонифаціемъ, правителемъ Африки,— людьми, исполненными достоинствъ и вмѣстѣ личной ненависти другъ къ другу. Проникнувъ намѣреніе Аэція сокрушить его власть и не имѣя силъ противустать, Бонифацій призвалъ въ Африку испанскихъ вандаловъ подъ начальствомъ предпріимчиваго вождя ихъ Гензериха. Кочевыя племена независимыхъ мавровъ усилили его войска и помогли ему произвести ужасное грабительство богатыхъ африканскихъ провинцій. Раскаявшійся Бонифацій рѣшился противиться; восточная и западная имперіи выслали въ одно время свои флоты противъ этихъ варваровъ, но ихъ силы были разсѣяны: вандальскій вождь обратилъ Карѳагенъ въ свою столицу, непросвѣщенныя толпы сдѣлалъ обладателями опустошенныхъ городовъ, и Африка погибла для Рима безвозвратно.

Лишившись Африки, западная имперія лишилась житницы, снабдѣвавшей продовольствіемъ разворенныя провинціи Италіи,

и пріобрѣла страшнаго сосѣда. Гензерихъ покрылъ Средиземное море своими кораблями[1], захватилъ острова Балеарскіе, Сицилію, Корсику, Сардинію и пиратствами своими преграждалъ всякое плаваніе. Еще болѣе могъ онъ грозить и содержать въ страхѣ обѣ имперіи своимъ союзомъ съ остроготами и визиготами, а потомъ[2] съ Аттилою, предводителемъ гунновъ. Но обратимся къ гуннамъ.

Въ славянской Европѣ произошло много перемѣнъ. Покорители ея, гунны, мало были связаны съ покоренными народами: кочевали отдѣльно, не смѣшиваясь съ другими племенами, довольствуясь ихъ данью. Но власть ихъ стала[3] обширнѣе, когда предводителемъ ихъ явился Аттила. Проницательный, не смотря на варварскую свою природу и наружность, онъ въ малое время оружіемъ и переговорами успѣлъ[4] покорить всѣ сопредѣльные народы съ славянами, даже татаръ и азіатскія орды до Китая и тѣмъ составляетъ огромное собраніе кочевыхъ и земледѣльческихъ народовъ; обратилъ независимыхъ королей и князей въ исполнителей своихъ намѣреній и придворныхъ[5]; заставилъ вѣрить войска въ неотразимость своего оружія[6], собиралъ[7] дань съ греческаго императора и грозился[8] потопить его владѣніе несмѣтными силами. Заговоры византійскаго двора и покушенія на жизнь его не имѣли[9] успѣха. Только оружіе Марціана на время отразило[10] его. Отказъ руки сестры императора Валентіяна и тайное приглашеніе Гензериха обратили[11] силу его на западъ. Римлянъ обманулъ[12] онъ извѣстіемъ, что идетъ на вестготовъ, но начальникъ римскихъ войскъ Аэцій проникнулъ[13] его намѣреніе, собралъ[14] послѣдніе остатки войскъ въ Галліи, наемниковъ въ Италіи и союзно съ вестготами, франками и бургундами поражаетъ его при Шалонѣ на Марнѣ[15] (451). Обладатель полуміра отступилъ съ своими королями, данниками и ордами; чрезъ годъ мстительно ворвался въ Италію, разворилъ Аквилею, обратилъ въ прахъ Падуу, Верону, Виченцу, заставивъ убѣжавшихъ жителей основать въ болотахъ при Адріатическомъ морѣ Венецію, но склоненный св. папою Львомъ Великимъ, подарками и обѣщаніями императора, оставилъ Италію. Смерть (453) избавила[16] римлянъ отъ сего[17] опаснаго сосѣда.

Связь, содержавшая вмѣстѣ покоренныя племена, разрушилась съ его смертью. Славяне, остроготы, гепиды возвратили

свою независимость; кочевой остатокъ гунновъ снова перешелъ въ Азію, предводимый (455) Ирнакомъ, юнѣйшимъ изъ сыновей Аттилы.

А между тѣмъ императоръ Валентіянъ самъ своею рукою убилъ единственнаго защитника имперіи Аэція, и имѣлъ такую же участь отъ оскорбленнаго имъ патриція Максима, который провозгласилъ себя императоромъ и женился на вдовѣ его; но мстительная императрица тайно пригласила Гензериха. Вандальскій пиратъ прибылъ съ своимъ флотомъ — и все, что было пощажено Аларихомъ и Аттилою, было предано наконецъ совершенному разрушенію. Все, что можно было взять, Гензерихъ увезъ вмѣстѣ съ толпами невольниковъ въ Африку. Ограбленная Италія уже вовсе не была похожа на государство. Нѣсколько римскихъ сенаторовъ и предводителей[1] наемныхъ войскъ провозглашались императорами и свергались, но это уже не имѣло почти[2] никакого вліянія и даже было незамѣтно. Бывшій при Аттилѣ сенаторъ Орестъ свергнулъ Іюлія Непоса, поставленнаго дворомъ византійскимъ, и доставилъ императорство сыну своему Ромулу Момулу[3], прозванному за малолѣтство Августуломъ; но, не имѣя чѣмъ заплатить небольшому наемному войску, состоявшему изъ геруловъ, ругіевъ, турцелинговъ, и, отказавъ имъ въ 3-ей части италіянскихъ земель, былъ убитъ предводителемъ ихъ Одоакромъ, который сослалъ въ заточеніе малолѣтняго Ромула, корону императорскую и регаліи отправилъ въ Константинополь и, испросивъ отъ восточнаго императора титло римскаго патриція, управлялъ въ качествѣ короля поселившимися на италіянской землѣ варварскими войсками. Такъ (476) окончилась западная римская имперія, существовавшая только по имени[3].

III.

Взглядъ на земли западной имперіи по занятіи ихъ народами германскими. Отношенія Германцевъ къ оставшимся римлянами и первыя стихіи новой жизни.

Опустошительныя наводненія варварскихъ народовъ совершенно измѣнили видъ земель, составлявшихъ западную рим-

скую имперію. Цвѣтущія римскія деревни, загородные дома, жилища римскихъ патриціевъ были истреблены. Все высшее сословіе, составлявшее классъ privilegii, большею частію выселилось въ разныя времена въ Византію, провинціи восточныя или отчасти вступило въ число обитателей городовъ. Весь низшій классъ былъ или истребленъ, или проданъ и обращенъ въ рабство, или тоже поступилъ въ число обитателей городовъ. Итакъ единственные остатки римской гражданственности находились въ городахъ, пользовавшихся вначалѣ своимъ городовымъ правленіемъ съ правами республиканскихъ кантоновъ въ отношеніи къ внутреннему бытію[1], избиравшихъ изъ себя правителей: дуумвировъ, квадруумвировъ, преторовъ, эдилловъ, потомъ ограниченныхъ въ своей власти, зависящихъ совершенно отъ префектовъ провинцій, потомъ утѣсненныхъ контрибуціями, сильно ограбленныхъ римскими и варварскими войсками и, наконецъ, оставленныхъ на произволъ и возвратившихъ вновь свое старое правленіе. Болѣе сохранилась римская образованность въ трехъ главныхъ городахъ Италіи: Римѣ, Неаполѣ и Равеннѣ, въ городахъ по Рейну и близъ него: Вормсѣ, Майнцѣ, Спирѣ, Страсбургѣ, также въ Тулузѣ, Сарагоссѣ и другихъ[2] городахъ Испаніи. Образованность эта была на низшей степени. Ученые, художники, даже высшія ремесла удалились въ Константинополь; только духовенство было уважено германскими завоевателями[3], уже принимавшими христіанство. Пребываніе епископовъ въ городахъ доставило покровительство городамъ и обитателямъ ихъ.

По разрушеніи западной имперіи, земли ея являются въ такомъ видѣ: Испанія была занята вестготами, захватившими южную половину Франціи. Свевы удержали сѣверо-западный уголъ Испаніи; Франція была занята въ срединѣ еще оставшимися римскими обитателями и войсками, на юго-востокѣ — бургундами, на сѣверо-востокѣ — франками, на сѣверо-западѣ — арморикапами; бургундское королевство занимало Швейцарію и часть юго-восточной Франціи, отъ Базеля и до самаго моря; аллеманы или швабы составляли королевство отъ Базеля вдоль до Кёльна. Бавары занимали земли на римской сторонѣ Дуная; остроготы — въ Паннонiи и Норикѣ, перешедшіе оттуда въ Италію; къ Нѣмецкому морю — фризы и саксоны. Славяне, ворвавшіеся въ пространство отъ Дуная до Балтійскаго моря

и занимавшіе безчисленными племенами всплошь[1] всю юго-восточную Европу. Въ концѣ V вѣка уже во всѣхъ земляхъ прежней римской имперіи была христіанская вѣра.

Занявши земли, бродящіе воины сдѣлались осѣдлыми и обладателями помѣстьевъ, ихъ вожди — королями. Земли вездѣ почти были раздѣлены поровну и розданы по жребію. Оттуда произошло названіе аллодіальныхъ земель, отъ слова loos — жребій (оттуда alod)[2]. Прежнимъ жителямъ были оставлены нѣкоторыя части земель, хотя не вездѣ въ одинаково равномъ количествѣ: визиготы и бургунды завладѣли двумя третями земель, половиною лѣсовъ, садовъ, домовъ и третьею частію рабовъ; остроготы и герулы — одною третью; англосаксы раздѣлились съ бритами поровну. Жители городовъ были почти свободны, состоя въ управленіи епископовъ, и только платили небольшія дани королямъ. Занявши земли, германскія племена не перемѣнили своихъ обычаевъ: занимались только охотою и праздностію. Земледѣльцами были покоренные оружіемъ прежніе рабы или римляне, доставшіеся въ рабство.

Механизмъ правленія почти нигдѣ еще не образовался. Всѣ аллодіальные владѣтели были совершенно независимы, не связаны никакими обязанностями и общественными повинностями и только собирались по прежнему на совѣщанія національныя одинъ разъ въ годъ, въ началѣ весны. Короли имѣли власть во время военныхъ предпріятій и никакой власти надъ имѣніемъ каждаго. Они довольствовались подарками во время годичныхъ собраній и продовольствіемъ во время пребыванія своего въ провинціяхъ. Но власти имъ много прибавляло титло патриція и намѣстниковъ восточныхъ императоровъ, которыхъ они жадно искали для приданія себѣ болѣе значенія между племенами. Увеличенію власти короля способствовало желаніе сохранить свои владѣнія отъ нападеній, и уже при самомъ началѣ ввелись конфискаціи имѣній въ пользу короля. Римскія земли, занятыя германскими племенами, были раздѣлены, хотя безпорядочно, на провинціи, которыя подраздѣлились на графства, у иныхъ даже на сотни и десятки. Каждая провинція имѣла свои частныя собранія всякій мѣсяцъ для совѣщанія, произнесенія суда и рѣшенія частныхъ споровъ. Въ провинціяхъ предсѣдали герцоги, въ графствѣ — графы и такъ далѣе. Они вмѣстѣ и предсѣдали на собраніяхъ, и вели

на войну. Всеобщія національныя собранія бывали разъ въ годъ и состояли изъ всѣхъ сословій народа, гдѣ предсѣдательствовали старѣйшіе герцоги и графы, а вмѣсто прежнихъ друидовъ и жрецовъ — епископы, положившіе такимъ образомъ начало своего сильнаго вліянія.

Законодательство носило въ себѣ прежніе обычаи германцевъ. Искъ оканчивался штрафомъ или примиреніемъ. Денежный штрафъ былъ положенъ на всѣ преступленія; убійство каралось по прежнему наслѣдственнымъ мщеніемъ, но исполнялось во всей силѣ только у бургундовъ; у другихъ оно замѣнилось платою weregild[1]. Плата соразмѣрялась достоинству убитаго: былъ ли онъ епископъ, король, герцогъ, графъ, вольный, рабъ. Вообще[2] нація побѣдительная имѣла преимущество надъ побѣжденными. Перемѣна жизни, владѣніе землями и множество происшедшихъ оттуда новыхъ отношеній сдѣлали уже совершенно невозможнымъ прежнее немногосложное управленіе и простоту германскихъ обычаевъ. И потому многіе короли рѣшились составить небольшіе письменные кодексы, взятые большею частію изъ кодекса Ѳеодосіева и примѣненные къ національнымъ обычаямъ довольно безпорядочно. Самыя древнѣйшія собранія были: законы салическіе, законы бургундовъ и аллемановъ.

Всеобщее смѣшеніе римлянъ съ народами преобладавшими, не смотря на родъ занятій, совершенно отдѣлявшій двѣ стихіи, произвело однакожъ смѣсь въ обычаяхъ и въ языкѣ: вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, они приняли и латинскій языкъ въ церковнослуженіяхъ и даже въ законы. Такое соединеніе римскаго съ преобладающимъ тевтоническимъ произвело испорченное смѣшеніе нарѣчія, названное простонароднымъ или деревенскимъ (rustique)[3], а впослѣдствіи романскимъ, изъ котораго уже произошли всѣ европейскіе языки.

Но разсмотримъ порознь прежнія провинціи римской имперіи и жизнь новыхъ, на лицѣ ихъ образовавшихся, націй до времени, когда Карлъ Великій соединилъ ихъ воедино подъ громкимъ названіемъ „западной имперіи[4]“.

IV.

Состояніе Италіи подъ владычествомъ готовъ, греческаго экзархата, ломбардовъ; ихъ вліянія и отношенія къ римлянамъ.

Италія послѣ всѣхъ означенныхъ переворотовъ явилась къ концу V вѣка опустошенною, лишенною почти всѣхъ средствъ существованія для небольшаго числа обѣднѣвшихъ ея жителей. Одоакръ роздалъ своимъ войскамъ третью часть земель; для правленія составилъ сенатъ изъ одиннадцати сенаторовъ и въ продолженіи 14 лѣтъ былъ королемъ геруловъ, отражая на сѣверѣ Италіи небольшіе отряды безпокойныхъ[1] племенъ. Между тѣмъ на востокѣ императоръ Зенонъ, желая избавиться отъ новыхъ сосѣдей своихъ, остроготовъ, установившихся въ Паннонiи, еще съ позволенія Марціана, для защиты Дуная, въ 455, обратилъ предводителя ихъ Ѳеодорика на Италію съ правомъ завоевать ее. Вспомоществуемый вестготами, личнымъ искусствомъ и храбростью, онъ овладѣлъ Вероной, Римомъ, разбилъ при рѣкѣ Адижѣ Одоакра, осадилъ его въ Равеннѣ, согласился съ нимъ на миръ и половинный раздѣлъ земель, потомъ умертвилъ его и провозгласилъ себя обладателемъ Италіи. Его успѣхи и слава доставили ему[2] въ одинъ годъ Иллирію, Паннонію, Норикъ, Ретію. Баварцы сдѣлались его данниками, у бургундовъ отнялъ часть Нарбонна, у вестготовъ Провансъ и часть Септиманіи. Резиденція его была въ Равеннѣ. Остроготы получили третью часть земель и единственное право нести службу военную; мѣста гражданскія были предоставлены римлянамъ. Въ городахъ были римскіе префекты, въ округахъ и провинціяхъ готскіе графы. Такимъ образомъ въ самомъ началѣ было замѣтно различіе[3] между двумя націями, римскою и готскою; различіе исповѣданій еще болѣе увеличило раздѣлъ: римская нація была католическая, готская — аріанская. Оттого Италія во все пребываніе готовъ состояла изъ двухъ неслившихся стихій, и ничего готскаго не вошло въ смѣшеніе, составившее италіянскую націю[4]. Ѳеодорикъ строгимъ безпристрастіемъ содержалъ въ согласіи обѣ націи, не смотря на свой аріанизмъ. Воспитанный при дворѣ греческомъ, онъ окружилъ себя просвѣщенными римлянами и запре-

тилъ просвѣщеніе готамъ; былъ возродителемъ исчезнувшей въ Италіи образованности; исправилъ разрушавшіеся памятники. Ученый Боэцій, префектъ Кассіодоръ, Симмахъ, епископъ Эннодій были его сподвижники. Его умъ и слава дали ему значительный перевѣсъ надъ всею Европою. Государи новыхъ королевствъ искали его союза и покорялись его вліянію. Тридцать четыре года правилъ онъ готами и, очернивъ послѣдніе дни свои подозрительностію и гоненіемъ прежнихъ друзей своихъ, умеръ въ Равеннѣ 28-го августа 526. Италія давно не наслаждалась такимъ спокойствіемъ. Ссоры въ его фамиліи, интриги и убійства, ослабившія готовъ, дали средство императору Юстиніану воспользоваться такимъ состояніемъ Италіи для присоединенія ея къ восточной имперіи. Полководецъ его Велизарій, разрушившій въ Африкѣ царство вандаловъ, прибылъ съ войскомъ въ Италію. Король Витигесъ, а послѣ него Тотила сильно отстаивали владѣнія остроготовъ, но все было разсѣяно или разбито. Евнухъ Нарцесъ послѣ битвы при Лентаріо окончилъ покореніе Италіи. Вся Италія была обращена въ провинцію восточной римской[1] имперіи подъ именемъ экзархата. Власть императора восточнаго признавалась во всѣхъ городахъ, его имя упоминалось при церковнослуженіяхъ, изображеніе его было въ правительственныхъ мѣстахъ, его монеты[2] обращались по всей Италіи. Экзархъ представлялъ собою вице-императора и имѣлъ власть почти неограниченную: утверждалъ папу, назначалъ герцоговъ въ города; Равенна была его резиденція. Нарцесъ, первый экзархъ, управлялъ 15 лѣтъ и, наконецъ, раздраженный немилостью византійскаго двора, тайно пригласилъ въ Италію ломбардовъ, занявшихъ со времени Юстиніана прежнія жилища остроготовъ въ Панноніи. Предводителемъ націи былъ тогда Албоинъ, побѣдитель[3] гепидовъ. При вступленіи ломбардовъ въ Италію неукрѣпленные города сдавались почти добровольно, и скоро болѣе половины земель было въ ихъ власти. Равенну спасли неприступныя болота, Римъ — мужество префектовъ[4]. Албоинъ установилъ свою столицу въ Павіи. 36 первыхъ сподвижниковъ его раздѣлили завоеванныя земли на 36 герцогствъ, изъ которыхъ значительнѣе были Сполето, Фріуль и Беневентъ. Отношенія къ туземнымъ жителямъ остались въ тѣхъ же правахъ, какъ и при готахъ. Такимъ образомъ, они владѣніями своими разорвали надвое

владѣнія греческихъ императоровъ. Экзархи удержали пространство Италіи отъ устья По до Арно: Равенну съ городами Генуей, Кремоной и другими, а на другомъ концѣ Италіи[1] Римъ, Неаполь съ окружностями и берегами Кампаніи и Луканіи. По смерти Албоина въ земляхъ ломбардскихъ произошла аристократическая анархія: 30 герцоговъ, обратившихъ свое достоинство въ наслѣдственное, тиранствовали каждый въ своей провинціи, окружили себя военными дружинами своихъ соотечественниковъ, установили въ большихъ городахъ, на мѣсто римскихъ[2] префектовъ, ломбардскихъ графовъ, въ малыхъ — капеляновъ, и въ 10 лѣтъ такого правленія опустошили города, возстановленные Ѳеодорикомъ, и разогнали множество христіанскихъ жителей въ Сицилію и Корсику. Когда одна половина Италіи страдала подъ игомъ ломбардскимъ, другая, составлявшая владѣніе императора греческаго, съ отвращеніемъ покорялась утѣснительному правленію экзарховъ, означившихъ себя жадностію, корыстолюбіемъ, скупостію и пренебрежительнымъ обращеніемъ съ римлянами. Положеніе ея становилось еще тягостнѣе отъ безпрестанно тревожившихъ ее безпокойныхъ сосѣдей — ломбардскихъ герцоговъ. Наконецъ, императоръ Константъ II рѣшился освободить италіянскія владѣнія свои отъ ломбардовъ, но, разбитый ими, вмѣсто того ограбилъ Римъ и другіе города и съ похищенными сокровищами искусствъ и художествъ отплылъ изъ Италіи. Жестокость Юстиніана II и другихъ императоровъ становила съ каждымъ годомъ нестерпимымъ ихъ правленіе.

Ломбардскіе герцоги, наскучивъ безпорядочностію своей аристократіи, избрали, наконецъ, короля Отариса. При Агилульфѣ начался переходъ ломбардовъ къ нѣкоторой образованности: была принята христіанская вѣра — событіе, послужившее къ тѣснѣйшему слитію націй римской и ломбардской; показалась всеобщая наклонность къ земледѣлію. Король Ротарисъ уже выдалъ свой кодексъ законамъ на собраніи въ Павіи (643), умноженный потомъ Гримуальдомъ и Луитпрандомъ. Луитпрандъ сильно увеличилъ владѣнія и власть ломбардцевъ. Ломбарды совершенно прикрѣпились къ италіянской землѣ постоянными занятіями и земледѣліемъ. Развалины древней Италіи покрылись пажитями, особенно въ сосѣдствѣ монастырей Монтъкассина, Новалеза и Нонантула. Ломбардскіе нравы и обычаи

пустили глубокіе корни въ составъ италіянской націи. Луитпрандъ былъ слишкомъ опасенъ для греческаго экзархата своимъ благоразуміемъ, своими союзами и честолюбивыми предпріятіями. Но увеличивавшіяся неудовольствія италіянцевъ противъ императора дали значительный перевѣсъ ломбардамъ, и король Астольфъ, вступившій въ Равенну (въ 752), почти добровольно отворившую ему ворота, окончилъ существованіе греческаго экзархата. Послѣдній экзархъ Евтихій убѣжалъ въ Неаполь, и съ тѣхъ поръ императорскіе герцоги подъ слабою зависимостію сицилійскаго патриція правили Неаполемъ, Гаетою, Амальфи и другими городами, составившими область подъ именемъ Калабріи. Между тѣмъ Астольфъ, а послѣ него Дидіеръ стремились простереть владычество свое и на Римъ, но были остановлены могуществомъ франкскихъ королей, утвердившихъ свое верховное владычество въ Италіи.

V.

Взглядъ на состояніе Рима и начало духовной и свѣтской власти папъ.

Римъ, прежняя столица всего древняго міра, совершенно опустѣлъ[1]. Пребываніе главнаго епископа, стеченіе пилигримовъ, приходившихъ поклониться гробу апостоловъ Петра и Павла, очень мало и медленно споспѣшествовали къ возобновленію ограбленныхъ[2] дворцовъ его и храмовъ. Вліяніе римскаго первосвященника[3], избираемаго епископами, уже съ самаго начала было сильнѣе, нежели герцога, поставленнаго экзархомъ. Нѣсколько епископовъ[4] святостію своею и примѣрною жизнію увеличили это вліяніе. Григорій Святой и Великій, которому первому приписываютъ принятіе имени папы, ревностью къ вѣрѣ, краснорѣчивыми поученіями, которыя слушала вся Италія, обращеніемъ въ христіанство лонбардовъ, миссіями къ англо-саксамъ и другимъ племенамъ распространилъ духовную власть римскихъ епископовъ. Нѣсколько императоровъ, принявшихъ разныя ереси, встрѣтили оппозицію въ римскихъ папахъ. Ихъ гоненія и жестокіе поступки, мученическая смерть папы Мартына — все это мало по малу возрастило нерасположеніе къ нимъ папъ, а утѣсненіе гер-

цоговъ предало ихъ покровительству народъ, ожидавшій только случая отложиться отъ императора. Наконецъ, истребленіе иконъ, произведенное императоромъ Леономъ III, вспомоществуемымъ патріархомъ константинопольскимъ Фотіемъ, возстановило уже явно противъ него папу Григорія II (726), за нимъ весь Римъ и всю Италію. Римляне изгнали изъ города императорскихъ чиновниковъ, установили правленіе, похожее на древнее республиканское, и главою республики провозгласили папу. Такимъ образомъ римскій первосвященникъ сдѣлался одинъ правителемъ Рима съ правомъ независимаго герцога, и произошло совершенное отдѣленіе западной церкви. Только опасеніе слишкомъ возросшей власти ломбардовъ заставляло папъ признавать по имени владычество императоровъ; но когда византійскій дворъ не въ силахъ былъ доставить никакого вспомоществованія, тогда папа Захарій, а послѣ него Стефанъ II обратились къ власти болѣе сильнѣйшей — къ королю франковъ.

VI.

Состояніе франковъ подъ начальствомъ королей-предводителей. Ихъ отношенія къ завоеваннымъ провинціямъ. Анархія при неимѣющихъ власти короляхъ и владычество меровъ.

Племена германскія, составившія союзъ франковъ, вслѣдствіе опасеній безпрерывныхъ нападеній еще неустановившихся народовъ, слились совершенно въ одну націю. Всѣ имѣли королей-предводителей изъ одной царственной линіи (Меровинговъ) и до Кловиса находились почти постоянно въ границахъ, назначенныхъ имъ императоромъ Іуліаномъ для защиты Рейна; при Кловисѣ сдѣлали нападеніе (486) въ расторгнутую по частямъ Галлію. Тогда сѣверо-западною частью Галліи владѣли арморикане и бретоны, прежніе данники римлянъ; средина Галліи, между Сеной и Лоарой, гдѣ замѣтны были остатки римской цивилизаціи, занята была римляно-галлами и войсками подъ начальствомъ римскаго генерала Сіагрія, правившаго въ качествѣ намѣстника восточнаго императора; бургунды занимали сѣверо-восточную часть отъ устья

Лоары до Альпъ; вестготты — юго-западную, собственно три Аквитаніи и часть Нарбонна. Изъ такихъ разнородныхъ началъ составилось впослѣдствіи французское государство.

Франки, подъ начальствомъ Кловиса, разбили Сіагрія при Соассонѣ (486), а потомъ при Толбіакѣ аллемановъ, напавшихъ на земли франковъ рипуарскихъ, и приняли вмѣстѣ съ вождемъ своимъ христіанскую вѣру. Это облегчило Кловису завоеваніе римскихъ городовъ и приклонило на его сторону духовенство. Нѣсколько разъ поразилъ онъ бургундовъ и, наконецъ, подъ предлогомъ религіозной ревности, повелъ франковъ на аріанъ вестготовъ, отнялъ у нихъ три Аквитаніи, оставивъ имъ только Септиманію. Побѣжденныя націи остались почти на прежнихъ правахъ, но салическіе законы, принесенные Кловисомъ, давали во всемъ преимущество франкамъ предъ римлянами; римляне аквитанскіе пользовались большею независимостью, нежели обитатели Сены и Лоары, гдѣ Кловисъ установилъ центръ своей власти. Безпрерывное начальство надъ войсками и рядъ блестящихъ побѣдъ дали ему средство сохранить власть гораздо болѣе, нежели сколько имѣли ее короли у франковъ. Желая сдѣлать неограниченнѣе эту власть, онъ истребилъ родственниковъ своихъ, получившихъ при раздѣлѣ богатыя земли, и испросилъ у восточнаго императора титло патриція, увеличившее достоинство его въ глазахъ народа и давшее ему право раздѣлить впослѣдствіи Францію между четырьмя своими сыновьями: Тьери[1] царствовалъ въ Мецѣ, въ землѣ восточныхъ франковъ (въ Остразіи), Клодомиръ въ Орлеанѣ, Шильдебертъ[2] въ Парижѣ, Клотарь въ Соассонѣ. Сыновья распространили покореніе: Тьери завоевалъ Турингію и присоединилъ ее къ Остразіи, другіе три соединенными силами покорили и присоединили Бургундію, оставивъ въ ней прежнее правленіе, законы и обычаи; воевали съ вестготами и остроготами и смертью своею доставили Клотарю одному всю власть надъ Франціей (558)[3]. Онъ присоединилъ еще нѣсколько земель къ Бургундіи, покорилъ часть южной Саксоніи и раздѣлилъ земли франковъ вновь между четырьмя сыновьями (561): Зижебертъ былъ король Остразіи, Шильперикъ — Соассона, Карибертъ — Парижа, Контранъ[4] — Орлеана и Бургундіи. Раздѣленіе было чрезвычайно безпорядочно: земли были черезполосныя, и даже самые го-

рода были раздѣлены пополамъ. Это было впослѣдствіи причиною междоусобныхъ войнъ. Смерть Кариберта произвела новое раздѣленіе; вся Франція тогда состояла изъ трехъ частей: Остразіи, принадлежавшей Зижеберту, Нейстріи — Шильперику и Бургундіи — Контрану.

Жены двухъ королей, Зижебертова Брунгильда и Шильперикова Фредегонда, личною ненавистію своею произвели междоусобную народную войну, продолжавшуюся 40 лѣтъ, которую попеременно возжигали неспокойные подданные, любимецъ[1] Брунгильды, римлянинъ Протадіусъ, желавшій унизить франкскихъ аллодіаловъ, и мелочныя распри полудикихъ завоевателей Франціи[2]. Въ продолженіи этой войны было перерѣзано и отравлено происками обѣихъ королевъ множество лицъ королевской фамиліи и сильно увеличили власть свою аллодіалы. Война кончилась перевѣсомъ аристократической, или франкской, партіи, — партіи вассаловъ Остразіи, надъ римско-галльскою, или гото-римскою. — И престарѣлая Брунгильда, преданная остразійскими вассалами сыну Фредегонды Клотарю II, была привязана къ дикой лошади и пущена въ поле.

Клотарь II, склонившій на свою сторону остразійскихъ вассаловъ, сдѣлался правителемъ всей Франціи (613). Но уже прежніе аллодіалы много усилили власть свою добытыми на войнѣ и жалованными землями королей. Клотарь для большаго привлеченія къ себѣ далъ и вассаламъ Нейстріи почти такія же права. Все это вело къ тому, что власть королей видимо ослабѣла, а между тѣмъ избираемые во время малолѣтства ихъ попечители или министры двора изъ знатнѣйшихъ левдовъ, или вассаловъ, называвшіеся палатными мерами (majordomes), нечувствительно заняли ихъ мѣсто[3], предсѣдали въ судилищахъ во время мира и предводили войсками на войнѣ. Короли со времени Дагоберта I, называемые празднолюбцами, почти были невидимы для народа. Одинъ только разъ въ годъ показывались они на всеобщемъ національномъ собраніи, пріѣзжая туда въ германской колесницѣ, запряженной быками, украшенные длинными волосами и бородой, единственными знаками ихъ королевскаго достоинства. Дѣятельность меровъ сдѣлала власть ихъ необходимою. Палатный меръ Эброинъ долго боролся съ левдами Остразіи, желая ограничить ихъ независимость. Пипинъ Геристаль, происхо-

дившій изъ знаменитаго епископскаго дома въ Мецѣ, умѣлъ достоинство мера оставить въ своей фамиліи наслѣдственно. Военныя доблести побочнаго сына его Карла Мартела, его побѣды надъ сарацинами (въ долинахъ между Пуатье и Туромъ), надъ фризами и саксонами прибавили значительность мерскому достоинству. Сынъ его, Пипинъ Короткій, меръ Остразіи, а впослѣдствіи и Нейстріи, исполненный личной храбрости, дальновидности и честолюбія, привлекшій на свою сторону папу Захарія, духовенство и сильныхъ вассаловъ, заставилъ себя провозгласить королемъ въ національномъ собраніи на Мартовскомъ полѣ[1] (752) и вывелъ вмѣстѣ съ собою новую династію Карлоинговъ. Послѣдній Меровингъ Шильдерикъ III окончилъ дни свои въ монастырѣ, но отпрыски царственной фамиліи его сохранились донынѣ въ домѣ Монтескю. Призванный папою Стефаномъ II, Пипинъ явился въ Италіи, побѣдами своими усмирилъ короля ломбардскаго Астольфа и принудилъ уступить захваченныя земли папѣ, и когда Астольфъ отступился отъ своего слова, онъ явился во второй разъ въ Италіи и оставилъ для безопасности своихъ коммиссаровъ. Послѣ этого отнялъ у одного изъ потомковъ Кловиса, Вефра[2], Аквитанію (769). Пользуясь несогласіемъ арабовъ въ Испаніи, присоединилъ къ Франціи Септиманію (759). Для увеличенія власти своей раздробилъ нѣкоторыя массивныя владѣнія: въ Бургундіи замѣстилъ древнихъ герцоговъ и патриціевъ графами; въ землѣ аллемановъ уничтожилъ единство герцога. Честолюбивыхъ дѣйствій его некому было остановить: начинавшіе образовываться владѣтели земель были чужды дѣйствіямъ государственнымъ. Епископы тоже вели жизнь частныхъ франковъ, были заняты небольшими войнами, охотою, домашними отношеніями. Такимъ образомъ Пипинъ[3] оставилъ сыновьямъ своимъ, Карлу и Карломану, такое пространство земель и власти, какого никогда не имѣли Меровинги[4].

VII.

Состояніе королевства вестготовъ въ Испаніи и завоеваніе ея арабами.

Испанія издавна отличалась смѣшеніемъ націй, разнообразіемъ колоній, трудолюбіемъ жителей, изобиліемъ блестящихъ

талантовъ даже во время упадка имперіи. Христіанство, окружевное язычниками и жидами, отличалось стремительною ревностію. Послѣ нѣсколькихъ годовъ гражданственной тишины, она вдругъ наводнилась вандалами, свевами и аланами, опустошившими ея провинціи, не смотря на самое упорное сопротивленіе жителей. Готы мужествомъ своихъ предводителей и великимъ соединеніемъ силы получили послѣ долгихъ битвъ преобладаніе надъ Испаніей. Вандалы были вытѣснены въ Африку, аланы истреблены, свевы выдвинуты къ сѣверо-западной приморской сторонѣ Испаніи. Король Валлія, первый испановестготскій король, имѣлъ владѣнія по обѣимъ сторонамъ Пиринеевъ: почти всю Испанію и южную Галлію. Тулуза была столицею. Но, по взятіи франками Аквитаніи, она была перенесена въ Толедо. Вестготы взяли отъ туземныхъ жителей двѣ трети земель; законы, организмъ правленія, обычаи остались тѣ же, и обѣ націи пользовались равными правами. Король Аларихъ II (506) поручилъ составить двумъ юрисконсультамъ, одному римскому, другому готскому, кодексъ законовъ (сбивчивый, неудовлетворительный); но, не смотря на это, двѣ націи долго не могли ужиться, и католическіе христіане не могли сносить терпѣливо владычество аріанъ. Король Леовигильдъ, отнявшій у свевовъ послѣднія земли, не могъ совершенно принудить покориться своихъ римскихъ подданныхъ, пока наконецъ Рекаредъ не принялъ католической вѣры (527). Тогда епископы получили значительный перевѣсъ въ правленіи, и католики съ энтузіазмомъ начали преслѣдовать аріанъ, жидовъ и язычниковъ, убѣжавшихъ въ горы Астуріи, гдѣ издревле укрывались непокорившіяся банды туземцевъ, христіане, язычники, изгнанники, анахореты. Государство вестготовъ было нестройно, безпорядочно и не составляло политическаго тѣла. Короли были низвергаемы и убиваемы, дворъ исполненъ интригъ. Законы были передѣлываемы нѣсколько разъ при Бернудо II и Бернудо III, подъ вліяніемъ епископовъ; исполнены нетерпимости, сильнаго вліянія духовенства, отозвавшагося впослѣдствіи инквизиціею. Часто дѣла государственныя были рѣшаемы на епископскихъ соборахъ. Безпечность вестготскихъ вассаловъ и графовъ, покоренныхъ жаркимъ испанскимъ климатомъ, изобиліемъ страны, были причиною, что владѣнія вестготовъ не образовывали связаннаго политическаго тѣла и менѣе всего

могли представить сильный отпоръ предпріимчивому покорителю. Графъ Юліанъ, правитель города Цеуты, оскорбленный королемъ Родригомъ, похитителемъ престола, и убійствомъ короля Витицы, соединился противъ него съ сыновьями прежняго короля и епископомъ севильскимъ и призвалъ съ запада на помощь аравитянъ. Намѣстникъ эмира Музы Тарикъ прибылъ въ Испанію съ войсками изъ арабовъ, мавровъ и другихъ африканскихъ племенъ и, приставши къ Кальпской скалѣ, далъ ей свое имя: Гибралтаръ, и, не смотря на все упорство, оказанное религіозною ревностію христіанъ и мужествомъ Родрига, разбилъ совершенно готовъ при Ксересѣ и Гвадалетѣ[1] (713); взялъ Толедо и въ качествѣ намѣстника эмировъ африканскихъ правилъ Испаніей. Арабы завели колоніи на опустѣлыхъ земляхъ. Покоренные оружіемъ вестготы должны были платить пятую часть своихъ доходовъ, а покорившіеся добровольно десятину. Несмотря на такое неотяготительное положеніе, владычество магометанъ казалось христіанамъ невыносимымъ. Часть вестготовъ, не хотѣвшая покориться, отступила съ оружіемъ въ рукахъ къ горамъ астурійскимъ, скрывалась долго въ пещерахъ нотрдамскихъ[2] и кабадонгскихъ, превратилась въ горскихъ наѣздниковъ, подъ предводительствомъ Пелагія и другихъ безпрестанно тревожила владѣнія мусульманъ. Религіозный фанатизмъ положилъ совершенное раздѣленіе между двумя націями. Бандитская и вмѣстѣ пустынническая жизнь, исполненная безпрерывныхъ приключеній, оставила глубокіе слѣды въ характерѣ испанской націи.

VIII.

Состояніе Европы неримской и народовъ, основавшихся на земляхъ, не принадлежавшихъ римской имперіи.

Половина европейскихъ народовъ за Рейномъ и Дунаемъ была еще въ грубомъ и хаосномъ состояніи, почти не показывала признаковъ своего образованія въ политическія тѣла, и причина была та, что они занимали земли, на которыхъ не было никогда еще гражданственной жизни. Изъ германскихъ племенъ сильнѣйшія были остававшіеся въ сосѣдствѣ франковъ

при Нѣмецкомъ морѣ — саксоны, фризы, и въ срединѣ Германіи — бавары. Саксоны были многочисленнѣе и сильнѣе всѣхъ другихъ. Всѣ стремительныя страсти прежнихъ германцевъ сохранились въ нихъ долго вмѣстѣ съ прежнею вѣрою въ Одена. Звѣриная, рыбная ловля и пиратство были ихъ занятія. Въ половинѣ V вѣка часть саксоновъ и англовъ съ нѣсколькими вождями переселились въ Англію, основали нѣсколько королевствъ и показали признаки образованности, но саксоны, остававшіеся въ Германіи, долго оставались въ первобытной дикости. Въ половинѣ VIII столѣтія германскій апостолъ англичанинъ Винфридъ, извѣстный подъ именемъ святаго Бонифація, проповѣдывалъ между саксонами, фризами и баварами христіанство и установилъ для того свое епископство въ Майнцѣ, бывшемъ почти на границѣ саксонскихъ и франкскихъ земель; но обращеніе въ христіанство, особенно между саксонами, было чрезвычайно медленно, и онъ былъ умерщвленъ упорными язычниками.

Славяне. Славяне были самые древніе обитатели восточной Европы. Доказательство этого въ ихъ религіи, довольно многосложной, порожденной долгою осѣдлостію. Разсѣянная жизнь, открытыя пространства Россіи, неимѣніе никакихъ союзовъ и взаимной связи между племенами были причиною ихъ безпрерывныхъ покореній многочисленными націями, умѣвшими повиноваться одному вождю. Въ продолженіи двухъ или трехъ столѣтій безпрестанно перемѣнялись властители славянъ, совершенно скрывавшіе ихъ отъ Европы преобладаніемъ своихъ націй. По уничтоженіи гунновъ, когда уже всѣ почти племена германскія ворвались въ предѣлы прежней западной имперіи, племена славянскія постепенно занимали мѣста, оставляемыя германскими, и наполнили Европу отъ Рагузы до Балтійскаго моря и Даніи. Ихъ можно раздѣлить на западныхъ, восточныхъ и южныхъ. Сѣверо-западные или венедскіе—между Эльбою и Балтійскимъ моремъ. Первоначальныя ихъ племена: ободриты въ Мекленбургіи, померяне или вильцы отъ Одера до Вислы, зорбы въ Верхней Саксоніи и лузиціане. Далѣе слѣдуютъ племена юго-западныя: ляхи или поляци въ нынѣшней Польшѣ, чехи — въ землѣ маркомановъ. Южные славяне находились большею частію по Дунаю и назывались антами и дунайскими славянами. Восточные славяне, которыхъ можно

раздѣлить на южныхъ, уже занимавшихся земледѣліемъ и стадами, имѣвшихъ религію, занесенную изъ древней языческой Греціи, отличавшихся кроткими нравами и называвшихся разными именами отъ рѣкъ и мѣстъ жительствъ, составившихъ Малую Россію, и сѣверныхъ, ведшихъ суровую жизнь въ срединѣ лѣсовъ, занимавшихся звѣриной ловлей, уже смѣшанныхъ съ племенами финскими, образовавшихъ Великую Россію...[1]

Въ такомъ положеніи находились славяне до того времени, покамѣстъ новый народъ татарскаго или турецкаго происхожденія—авары не вступили въ Европу. Вторженіе ихъ въ срединѣ VI вѣка подвергло славянъ юго-восточныхъ, южныхъ и юго-западныхъ, а также и болгаръ, ихъ владычеству. Ханъ ихъ Баянъ, которому платили дань всѣ означенныя племена, покорилъ гепидовъ, тревожилъ греческаго императора безпрестанными нападеніями и, наконецъ, былъ имъ разбитъ подъ стѣнами Константинополя въ 626 году. По смерти Баяна начались раздоры между аварскими вождями; тогда многія славянскія племена начали отдѣляться и въ томъ числѣ славяне дунайскіе или анты получили отъ императора Ираклія позволеніе поселиться въ Иллиріи и съ этихъ поръ начали называться славянами иллирійскими. Такимъ образомъ произошло начало древнихъ королевствъ или банатовъ Кроаціи, Далмаціи, Славоніи, Босніи и Сербіи. Иллирійскіе славяне пиратствовали по морю Адріатическому и въ Архипелагѣ; славяне венедскіе хищническими нападеніями тревожили владѣнія франковъ; восточные не простирали своихъ дѣйствій внѣ земель своихъ и скоро были вновь покорены народомъ турецкаго происхожденія — козарами.

IX.

Состояніе восточной римской имперіи во время религіозныхъ споровъ, битвъ съ персами и завладѣній[2] арабовъ.

Въ римской восточной имперіи сохранилась еще образованность древняго міра, умноженная выходцами, бѣжавшими изъ западныхъ земель. Верховное величество императора, многолюдный дворъ, проконсулы провинцій, полномочные императорскіе любимцы, цирки, всенародныя зрѣлища, многолюд-

ство черни, непомѣрное богатство и совершенная бѣдность напоминали римскій міръ и представляли рѣзкую противуположность полудикой и младенчественной жизни государствъ, основавшихся на земляхъ прежней западной имперіи.

Восточную имперію составляли три счастливые берега трехъ частей свѣта: Европы, Азіи и Африки съ теплымъ и роскошнымъ климатомъ. Азія, великая и малая, доставляла всѣ нѣжныя произведенія людямъ, клонившимся къ утонченной роскоши; кромѣ того, она доставляла искусныхъ ристальщиковъ, художниковъ, комедіантовъ и все, что могло удовлетворить прихоти того вѣка; ея верховная митрополія была Антіохія, первая зиждительница христіанства. Египетъ доставлялъ самую нужную потребность для всей имперіи: хлѣбъ; его митрополія была Александрія, самый шумный и дѣятельный городъ, бывшій издавна узломъ торговли, прибѣжищемъ сектъ и разнородныхъ мнѣній, школъ, ученыхъ, кладовая всей имперіи. Греческая Европа была только потребительницею всѣхъ этихъ богатствъ. Городъ Аѳины былъ воспитателемъ и разсадникомъ всего юношества римско-греческаго. Константинополь былъ жилищемъ придворныхъ[1], императорскихъ охранительныхъ войскъ, праздной черни, увеселеній и празднествъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на жизнь и мысли, занимавшія общество имперіи. Съ востока, отъ странъ персидскихъ и индѣйскихъ, нечувствительно наносились мнѣнія гностиковъ втѣснявшіяся въ тогдашнее христіанство, уже положившія начало сектъ. Споры и пренія становились любопытнѣе и заманчивѣе. Каждый патріархъ производилъ какое-нибудь измѣненіе въ догмахъ, имѣлъ жаркихъ противниковъ и защитниковъ. Эта область споровъ невольно заняла мысли и занятія высшаго класса. Низшій классъ народа обратилъ всю жизнь свою на ристалища и кровавыя представленія со всею силою пристрастія.

Опасные непріятели въ восточной римской имперіи были: съ востока — персы, отдѣленные почти открытыми, не защищенными землями, а съ сѣверной или римской стороны — европейскіе варвары, попеременно занимавшіе земли Паннонія и Дакія.

Таково было состояніе имперіи восточной римской, когда Аркадій, слабый и безхарактерный, началъ собою рядъ импе-

раторовъ византійскихъ. Воспитатель его Руфинъ, начальникъ войскъ готъ Кайнасъ[1] и евнухъ Эвтропій, одинъ за другимъ, правили имперіей, производя всеобщій ропотъ жадностію, корыстолюбіемъ и деспотизмомъ. Супруга его Евдокія превратила дворъ въ жилище забавъ и разврата. Іоаннъ Златоустъ, вооружившійся громомъ краснорѣчія противъ всеобщаго развращенія двора, заплатилъ изгнаніемъ и заточеніемъ. Аркадій оставилъ престолъ такъ же слабому сыну Ѳеодосію II (408), бывшему все время подъ опекою евнуховъ-любимцевъ и впослѣдствіи умной сестры своей Пульхеріи. Составленные при немъ законы юрисконсультомъ Антіохомъ, подъ именемъ Ѳеодосіева кодекса, были приняты въ обѣихъ имперіяхъ и распространены между варварскими народами. Духовное преніе и споры приняли жаркое направленіе по поводу новаго мнѣнія патріарха константинопольскаго Несторія, дерзко отвергавшаго божественность Дѣвы Маріи; это вооружило сильную оппозицію, предводимую св. Кирилломъ, патріархомъ александрійскимъ. Соборъ, созванный Ѳеодосіемъ въ Ефесѣ, ниспровергъ Несторія, но скоро новый ересеначальникъ Евтихій провозгласилъ новое ученіе, отстранявшее два естества въ Іисусѣ, вооружилъ снова противъ себя могущественную партію православныхъ, но искусно увернулся на второмъ ефесскомъ соборѣ, прозванномъ соборомъ разбойниковъ. Среди этихъ преній, угрожаемый съ сѣвера нападеніями Аттилы, умеръ Ѳеодосій. Сестра его Пульхерія, предложивъ руку свою храброму генералу Марціану, возвела его на престолъ кесарей. Твердостію своею онъ отразилъ Аттилу и халкидонскимъ соборомъ ниспровергнулъ Евтихія. Съ его смертію прервалась Ѳеодосіева линія на востокѣ и на западѣ. Сынъ ѳракійскаго мясника, дослужившійся почестей съ помощію Аспара, начальника войскъ, провозгласилъ себя императоромъ подъ именемъ Леона I-го, и вооружепіемъ огромнаго флота противъ вандаловъ, стоившаго несмѣтныхъ суммъ и разбитаго Гензерихомъ, нанесъ сильный уронъ имперіи. Послѣ ничѣмъ не замѣчательнаго Зенона вступилъ (491) Анастасій, ѳеологъ и покровитель еретиковъ. Низверженіе православнаго патріарха Македонія и принятіе стороны Евтихіевой усилило ожесточеніе между сектами до того, что уже принимались за оружіе, и битвы между гражданами происходили даже въ улицахъ Константинополя. Уничтоживши кровавыя зрѣлища

и сраженія звѣрей, Анастасій далъ мѣсто циркамъ и бѣгамъ на колесницахъ, къ которымъ устремилась вся жизнь общественная. Участіе, принятое въ двухъ спорящихъ[1] ристателяхъ, было такъ сильно, что цвѣтъ платьевъ ихъ, голубаго и зеленаго, сдѣлался девизомъ двухъ партій, къ которымъ присоединились и религіозныя причины. Партію голубыхъ большею частію составляли православные; на сторонѣ зеленыхъ были еретики. А между тѣмъ персы, управляемые царями Сассанидами (свергнувшими въ 223 году владычество Парѳовъ-Аршакидовъ[2]), уже начинали вторгаться въ римскую Арменію, тогда какъ съ сѣвера вторгались славяне въ Иллирію и Ѳракію. Противъ персовъ Анастасій употребилъ войска, противъ славянъ выстроилъ стѣну между Мраморнымъ и Чернымъ моремъ. Послѣ него Юстинъ Ѳракіянинъ, необразованный солдатъ, сдѣлавшись государственнымъ казначеемъ, купилъ престолъ на похищенныя изъ казны деньги у евнуха и завѣщалъ государство племяннику своему Юстиніану, государю честолюбивому, получившему блестящее воспитаніе, тщеславному, исполненному мыслей о величіи кесарскаго достоинства. Вступивши на престолъ, онъ велѣлъ собрать воедино всѣ законы и постановленія прежнихъ августовъ. Квесторъ Трибоніанъ съ помощію другихъ юрисконсультовъ составилъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ: *Кодексъ* — собраніе постановленій всѣхъ императоровъ (528), *Институціи* — сокращеніе римскихъ законовъ для преподаванія въ школахъ (533), *Пандекты или дигесты* (50 кн.), вмѣщавшіе всѣ прежнія собранія законовъ: Грегоріяново, Ѳеодосіево, Гермогеново, и 2000 трактатовъ разныхъ юрисконсультовъ; *Новеллы* — собственно Юстиніановы постановленія. Разстроенное состояніе варварскихъ государствъ, занявшихъ земли западной имперіи, дали ему мысль о возвращеніи ихъ снова подъ владычество августовъ. Велизарій, уже прославившійся храбрымъ защищеніемъ восточныхъ провинцій противъ персовъ, былъ отправленъ съ 50-ю кораблями и войскомъ, не болѣе 5000, въ Африку для завоеванія царства вандаловъ. Изнеможеніе вандаловъ подъ вліяніемъ африканскаго климата, неимѣніе укрѣпленныхъ городовъ и личное искусство и распоряженіе Велизарія дали ему средства овладѣть Африкой и начать покореніе остроготовъ, оконченное Нарцесомъ. Африка и Италія составили провинцію восточнаго императора, все

Средиземное море очутилось вновь во владѣніи римскомъ. Между тѣмъ императоръ рѣшилъ прекратить партіи сектъ, уже составившихъ жизнь государства, остріемъ оружія и силою законовъ, но истощилъ свои собственные и обезлюдилъ провинціи. Принятое имъ покровительство въ циркѣ партіи голубыхъ, дало имъ всю дерзость производить разбойничества и притѣсненія. Зеленые, лишенные покровительства законовъ, составили ожесточеную оппозицію уже противъ самого[1] императора и правительства. Бунтъ и сраженіе, произведенное ожесточеніемъ партій, страшно опустошили Константинополь, истребивъ около 30 тысячъ жителей и обративъ въ пепелъ лучшія зданія въ городѣ. Начавшіяся оборонительныя войны противъ персидскаго Хозроя и на сѣверѣ противъ болгаръ и славянъ такъ истощили казну, что Юстиніанъ долженъ былъ приняться за налоги, несправедливости, и законодатель-императоръ издалъ нѣсколько безчестныхъ законовъ. Взятая имъ изъ театра супруга Ѳеодора еще болѣе усилила несправедливости развратнымъ поведеніемъ своимъ и вмѣшательствомъ въ дѣла правленія. Дряхлый Юстиніанъ, покрытый славою и безславіемъ, умеръ въ 565 году. Его расточительность, страсть къ нововведеніямъ, постройкамъ, перемѣнамъ, слабое, подозрительное и часто жестокое правленіе оставило въ совершенномъ разстройствѣ имперію. При племянникѣ его, Юстинѣ, ломбарды отняли большую часть Италіи, персы опустошительнѣе стали вторгаться въ Сирію. Вступившій послѣ него императоръ Тиберій съ помощію храбрыхъ генераловъ Маврикія и Юстиніана отразилъ Персовъ и далъ на время правильное теченіе внутреннему управленію, вновь возмущенному нападеніемъ персовъ при Маврикіѣ и бунтомъ войскъ, возведшихъ похитителя Фоку, котораго низвергъ Ираклій[2] (610) въ то самое время, какъ Хозрой II наводнилъ войсками Сирію и предалъ пламени Антіохію, Дамаскъ, Іерусалимъ и грозилъ ввести на мѣсто христіанства религію маговъ. Послѣ перемѣнъ счастія и многихъ потерь Ираклій перешелъ за Тавръ; соединившись съ хозарами, два раза разбилъ Хозроя при Иссѣ и Моссулѣ и предписалъ сыну его Сирою миръ (628). Этимъ миромъ навсегда окончились брани съ персами. Но скоро новый непріятель, несравненно опаснѣйшій, сталъ на восточныхъ границахъ импе-

рін. Въ 632 году вступили въ Сирію войска аравитянъ, предводимыя двумя Абубекровыми полководцами: Абу-Обеидахомъ и Каледомъ. Жители, занятые сектами и преніями, облегчили имъ входъ; измѣна намѣстниковъ предала имъ лучшіе города. Многочисленное войско, высланное устрашеннымъ Ираклiемъ, подъ начальствомъ Манунла, все было разбито. Ираклій, лишенный средствъ отразить ихъ, видѣлъ, какъ взята была Антіохія и вся Сирія. Аравитскіе завоеватели перешли въ Африку, взяли Александрію, гдѣ ожесточеніе сектъ было такъ велико, что многіе перешли на сторону непріятелей. Ираклій однимъ годомъ пережилъ ея паденіе и умеръ въ 641 году. Имперія осталась безъ Африки, питавшей все ея народонаселеніе, безъ Александріи, разливавшей дѣятельность и промышленность во всѣ направленія ея, безъ Сиріи и Антіохіи, безъ денегъ, безъ доходовъ и заключалась только въ одной Европѣ да на берегахъ мало-азійскихъ. Два императора изъ Ираклiевой фамилiи въ тотъ же годъ были возведены и умерщвлены. Юстинъ II удержался на престолѣ. Вмѣсто того, чтобы отнять завоеванныя арабами провинціи, онъ съ помощію тягостныхъ налоговъ сооружилъ флотъ и отправился съ нимъ въ Италію, не приносившую никакихъ почти доходовъ, съ намѣреніемъ очистить ее отъ ломбардовъ и даже перенести столицу свою въ Римъ изъ боязни къ мятежному Константинополю; но, разбитый ломбардами, онъ ограбилъ италіянскія провинціи; награбленная добыча вмѣстѣ съ флотомъ досталась арабамъ, и самъ онъ умеръ вдали Константинополя, убитый въ Сиракузахъ возмутившимся войскомъ. При сынѣ его Константинѣ Погонатѣ уже арабскія суда показались подъ стѣнами Константинополя; но огонь, принесенный Калиникомъ, спасъ его. Юстиніанъ II безразсудною жестокостью довершалъ внутреннее разстройство имперіи. Филиппъ[1] Варданъ, умертвившій его (711), былъ въ свою очередь свергнутъ тогда же. Арабы овладѣли уже и послѣднею, вандальскою, Африкою. Анастасій-Артемій (713) хотѣлъ еще употребить всѣ силы противъ похитителей-арабовъ, но былъ убитъ войсками, возведшими простаго гражданина Ѳеодосія III. Аравитяне вновь съ несравненно большимъ флотомъ показались подъ стѣнами Константинополя и осадили его; храбрый полководецъ Леонъ

въ продолженіи двухъ лѣтъ выдерживалъ осаду: чума и голодъ истребили около 300.000 жителей въ имперіи, но осада была выдержана, арабы отражены, и храбрый Леонъ III провозглашенъ былъ императоромъ. Не смотря на всѣ достоинства свои, онъ произвелъ слишкомъ сильное потрясеніе въ изнеможенномъ государствѣ истребленіемъ иконъ. Прежнія пренія были вытѣснены новыми, все государство раздѣлилось на двѣ стороны. Манихеяне, евтихіянцы, несторіяне, яковиты перестали быть дѣйствователями, были только партіи за иконы и противъ иконъ: православные принадлежали къ первой, еретики держались второй, а Леонъ противъ воли сдѣлался сподвижникомъ еретиковъ. Сынъ его Константинъ V Копронимъ даже уничтожилъ было монастыри. Гоненіе противъ иконъ продолжалось и при наслѣдникѣ его, Леонѣ IV, и было причиною совершеннаго уничтоженія власти императоровъ въ Италіи и раздѣла церквей латинской, греческой. Наконецъ, съ восшествіемъ на престолъ императрицы Ирины (747), открывшей себѣ путь злодѣяніями и привлеченіемъ на сторону свою монаховъ, было прекращено это гоненіе и обращено на противную партію. Такимъ образомъ къ концу этого времени въ Константинополѣ образовалось совершенно духовное государство: монахи засѣдали въ совѣтахъ и вмѣсто важныхъ гражданскихъ дѣлъ были предлагаемы пренія о предметахъ религіозныхъ, отлученія и проскрипціи.

X.

Первобытная жизнь арабовъ. Переворотъ на образованіе націи, произведенный Магометомъ, и завоеванія ихъ.

На образованіе арабовъ[1] произвели глубокое вліяніе почва и климатъ страны. Полуостровъ аравійскій представляетъ сліяніе двухъ сильныхъ противоположностей: растительной и губящей силъ природы. Безводіе, кипящіе пески, каменныя пустыни, смертоносный вѣтеръ самумъ дѣлаютъ почти три четверти земель его вовсе необитаемыми. Оазы очень рѣдки и своимъ небольшимъ пространствомъ земли могли только служить временнымъ убѣжищемъ. Берега Краснаго моря, королевство Іеменъ, берега Персидскаго моря удобны для жизни.

Главное произведеніе: ладонъ, кассія, финиковая пальма, кофе, бальзамовое дерево. Рука завоевателя не могла здѣсь найти пищи, и только одна торговля въ отдаленной древности пролагала незамѣтный путь чрезъ пустынный полуостровъ. Уже давно находились города: Саака, или Сааба, Мока, Ятребъ и, среди пустынь, Мекка.

Жители Аравіи отличались рѣзкою особенностью. Они были стройны, худощавы, оливковаго цвѣта, съ глазами и волосами угольной черноты[1]. Прерываемая пустынями и необитаемыми мѣстами земля должна была создать разсѣянную и бродящую жизнь. Обитатели были двухъ родовъ: жители городовъ въ Іеменѣ и вообще въ южной Аравіи, называемые хадрами, и пустынные, бродящіе: бедеви, или бедуины. Арабы жили отдѣльными племенами подъ начальствомъ своихъ шейковъ, избираемыхъ изъ благородныхъ фамилій. Иногда нѣсколько шейковъ съ ихъ племенами признавали надъ собою власть одного независимаго эмира. Взаимной связи между ними было мало. Наслѣдственное мщеніе, подъ тропическимъ вліяніемъ климата, достигало высшей степени; брани были часто съ ожесточеніями, и часто многія племена[2], боясь мести, удалялись изъ полуострова. Такъ населилась арабами часть Сиріи, а въ Египтѣ Абиссинія. Ихъ отличительныя черты: быстрая воспламеняемость, великодушіе, гостепріимство, заглушаемыя мщеніемъ и жадностію къ корысти, гордость, и чувство независимости, вдохнутое необозримымъ пространствомъ пустынь, наконецъ, сильное воображеніе, можетъ быть, воздвигнутое рѣзкою противуположностію страны.

Религія. Единства религіи не было въ Аравіи. Гоненія и нетерпимость были причиною множества изгнанниковъ разныхъ сектъ, поселившихся въ Аравіи. Эти изгнанныя религіи были: сабеяне, или древніе халдеи, почитавшіе семь боговъ, или ангеловъ, правящихъ семью планетами, производящими вліяніе на міръ; маги, послѣдователи Зороастра; іудеи, имѣвшіе въ нѣкоторыхъ городахъ свои синагоги, и, наконецъ, христіане, состоявшіе изъ разныхъ угнетенныхъ сектъ: марціонитовъ, манихеянъ, яковитовъ, несторіанъ и др. Всякій арабъ слѣдовалъ своему произволу въ принятіи вѣры. Въ городахъ и южныхъ плодотворныхъ странахъ болѣе преобладала идолопоклонническая, въ пустыняхъ болѣе духовная. Храмъ Кааба въ Меккѣ,

гдѣ находился знаменитый черный камень, былъ во всеобщемъ уваженіи и привлекалъ толпы поклонниковъ. Надзоръ надъ нимъ былъ порученъ знаменитой фамиліи шейковъ Корейшитовъ[1], древнихъ правителей Мекки. Таково было состояніе религіи народа до Магомета, произвевшаго всеобщій переворотъ и преобразовавшаго всю Аравію въ одну націю.

Магометъ былъ изъ знаменитой фамиліи Корейшитовъ (род. въ Меккѣ 571)[2], его дѣдъ Гашемъ былъ стражемъ камня Каабы. До 40[3] лѣтъ своего возраста онъ былъ бѣденъ, путешествовалъ съ чужими караванами. Поперемѣнно обращаясь съ христіанами, іудеями, магами[4], находясь то въ городахъ сирійскихъ среди людной греческой жизни, то въ раскаленныхъ пустыняхъ Аравіи, склонный къ мечтательности, онъ получилъ идею о преобразованіи религіи, видя съ соболѣзнованіемъ слабое вліяніе ея надъ арабами и раздробленіе ихъ націи. Онъ началъ проповѣдывать о единствѣ Бога, о своемъ посланничествѣ на земли, проповѣдывалъ имъ правила, занятыя у христіанъ, сабеянъ, маговъ, іудеевъ, смѣшанныя съ собственными мечтаніями. Желая сильнѣе дѣйствовать на пламенную[5], чувственную природу арабовъ, обѣщалъ рай, облеченный всею роскошью восточныхъ красокъ[6], и сопровождалъ все это рѣчами, исполненными энтузіазма, и звучными стихами. Ему вѣрили сначала жена его Кадиша, невольникъ его Саитъ и двоюродный братъ его 15-лѣтній Али, впослѣдствіи Абубекеръ, одинъ изъ уважаемыхъ гражданъ Мекки, наконецъ, множество народа. Всѣ почти Корейшиты вооружились противъ нововводителя, но Магометъ избѣгнулъ смерти бѣгствомъ въ Ятребъ (Медину), положившимъ начало магометанской эры. Медина, соперница и непріятельница Мекки, приняла его съ восторгомъ. Послѣдователи возросли. Тогда пророкъ взялъ въ руки оружіе и повелъ новыхъ почитателей Мослима на непризнававшую его Мекку. Послѣ многихъ битвъ, гдѣ Корейшиты употребляли всѣ силы противустать ему, Магометъ получилъ верхъ. Король іеменскій отдался ему добровольно; многіе шейки и эмиры подчинили себя его власти, и Аравія увидѣла надъ собою одного повелителя. Пророкъ умеръ (на 63 году), но нація осталась послѣ него соединенною силою религіи и энтузіазма.

Толпы родственниковъ Магометовыхъ изъявляли притязаніе

занять его мѣсто. Ближе всѣхъ былъ Али, женатый на дочери его, Фатимѣ, первый изъ правовѣрныхъ и самый жаркій его послѣдователь; но множество противниковъ и вліяніе послѣдней супруги Магомета, Аеши, было причиною, что шейки и эмиры провозгласили мудраго Абубекера калифомъ, или намѣстникомъ пророка. Абубекеръ собралъ всѣ мысли и правила Магомета, его стихи, мечтанія, видѣнія, записанныя въ разное время учениками[1], въ одну книгу, называемую „Коранъ“.

Главныя положенія Корана были: Богъ единъ, безъ всякаго раздѣленія власти; Его министры, исполнители воли — ангелы и небесныя силы; власть Его проявлялась въ мірѣ чудесами и видѣніями; возвѣстители Его воли на землѣ — пророки, изъ которыхъ главнѣйшіе четыре: Авраамъ, Моисей, Іисусъ и Магометъ, послѣдующій былъ выше предыдущаго[2]. Должно было вѣрить въ безсмертіе души, въ воскресеніе, послѣдній судъ, въ наказаніе добрыхъ и злыхъ. Правила, приспособленныя къ жизни и климату, полагались для всякаго правовѣрнаго слѣдующія: молитва пять разъ на день, милостыня, омовеніе, обрѣзаніе, постъ рамадана, воздержаніе крѣпкихъ напитковъ и нѣкоторыхъ мясъ. Алкоранъ состоялъ изъ двухъ частей; къ нимъ послѣ прибавлены сказанія и анекдоты о Магометѣ, составившіе третью часть, подъ именемъ Сунны; это произвело двѣ секты: принявшіе всѣ три назывались суннитами, принявшіе только двѣ первыя — шіитами.

Смерть пророка усилила энтузіазмъ и желаніе распространить защищаемую имъ вѣру. Полководцы Абубекера Абу-Обеидахъ и Каледъ, „Божій Мечъ“, вступили въ Сирію и начали покореніе взятіемъ города Бостры. Изнѣженность жителей Сиріи, занимавшія ихъ секты, пренія и партіи, измѣна и малодушіе намѣстниковъ открыли свободное поле ихъ дѣйствіямъ. Абубекеръ умеръ; Али опять былъ отстраненъ, взошелъ Омаръ, также тесть Магомета (634). Каледъ окончилъ завоеваніе Сиріи. Дамаскъ, Антіохія были взяты, Омаръ вступилъ во Іерусалимъ и заложилъ мечеть. Другой полководецъ его, Амру, перешелъ въ Африку и осадилъ Александрію, занятую ожесточенными преніями и партіями. Копты и яковиты, преслѣдуемые дворомъ византійскимъ, приняли его сторону. Многочисленное народонаселеніе, необыкновенные источники богатства и морской силы дали возможность Александріи безъ

помощи императора выдержать 14-мѣсячную осаду, послѣ чего она была взята (640), и весь Египетъ призналъ власть калифа. Третій полководецъ Омара Заидъ вступилъ въ Персію, разбилъ войска визиря Рустана, разрушилъ столицу Ктезифонъ и основалъ города Куфу и Бассору. Арабы ниспровергали всѣ идолы, статуи, образа, храмы, разрушили 4000 церквей, взяли 36000 городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ. Послѣ Омара опять былъ отстраненъ Али, не смотря на множество приверженцевъ, и провозглашенъ калифомъ слабый и престарѣлый Отманъ, но фанатизмъ придавалъ силу аравитянамъ. Полководецъ Абдала продолжалъ завоеванія въ западной Африкѣ взятіемъ Триполи; другой эмиръ, Моавія, изъ рода Омміадовъ, покорилъ Нубію, овладѣлъ частью Архипелажскихъ острововъ и разрушилъ колоссъ Родосскій. Покореніе Персіи продолжалось. Персидскій царь Ездежертъ долженъ былъ бѣжать изъ столицы своей Истакара[1] (Персеполя). Персія обратилась въ область калифа. Персы приняли исламизмъ, и арабы, преимущественно партизаны Али, поселились во множествѣ на персидской почвѣ. Отманъ былъ убитъ. Партія Али сдѣлалась уже слишкомъ сильною и возвела его въ званіе калифа. Исканіе честолюбиваго Моавіи и множество противниковъ возобновили старую вражду. Али былъ умерщвленъ тайно. Моавія провозглашенъ былъ намѣстникомъ пророка. Мученическая смерть Али и сыновей его, почитаемыхъ за истинно правовѣрныхъ, произвела множество новыхъ энтузіастовъ; всѣ шіиты приняли сторону Али. Фамилія Али осталась въ сильномъ уваженіи: многіе искали родства съ ними, чтобы имѣть право на уваженіе и на престолъ. Зеленый цвѣтъ былъ отличительнымъ ихъ девизомъ.

Моавія началъ собою рядъ калифовъ Омміадскихъ и перенесъ столицу изъ пустынной Аравіи въ Дамаскъ: отселѣ начало перехода арабовъ къ новой гражданственности. На новой почвѣ, подъ новымъ небомъ, Моавія уже началъ оставлять суровую жизнь прежнихъ калифовъ. Доселѣ калифы даже среди цвѣтущихъ покоренныхъ странъ сохраняли простые обычаи: калифъ на расходы получалъ всего пять золотыхъ монетъ, хотя всѣ родственники Магометовы получали на содержаніе большія суммы; остатокъ доходовъ раздавалъ онъ добродѣтельнѣйшимъ людямъ въ государствѣ и

нищимъ. Власть калифа была велика, потому что соединяла въ себѣ власть религіозную и свѣтскую: калифъ былъ папа и государь вмѣстѣ. Власть его не была ограничена ни національными собраніями, ни вліяніемъ дворянства, ни привилегіями духовенства, ни конституціями вольныхъ городовъ. Не смотря на разбросанность владѣній арабовъ и отдаленность эмировъ, строгое исполненіе законовъ Корана давало единство далеко раскинутому государству и утверждало верховность калифа. Арабы, принявши во владѣніе земли восточной имперіи, означили ихъ совершеннымъ преобразованіемъ, разрушеніемъ многихъ старыхъ городовъ и постройкою новыхъ въ аравійскомъ вкусѣ. Всѣ[1] туземцы платили арабамъ только десятую долю своихъ доходовъ. Внутреннее правленіе въ городахъ, законы, обычаи и религія остались неприкосновенными; гоненіе арабовъ было только противъ жидовъ. Просвѣщеніе покоренныхъ провинцій произвело глубокое впечатлѣніе на побѣдителей, и они мало по малу входили въ жизнь подданныхъ прежней греческой имперіи и начали узнавать языкъ и обычаи ихъ. Моавія въ началѣ царствованія долженъ былъ бороться съ партіей Али; между тѣмъ въ Африкѣ взятъ былъ Карѳагенъ, и эмиръ Акбахъ, доходившій до Атлантическаго океана, построилъ Кайроанъ[2], оставшійся метрополіей западной Африки. Корабли арабовъ подступали подъ Константинополь, но были отражены. При калифѣ Валидѣ Муза окончилъ покореніе Африки; посланный отъ него намѣстникъ Тарикъ покорилъ Испанію, и только мужество Карла Мартела остановило разлитіе арабскаго владычества въ западной Европѣ. Между тѣмъ покоренія продолжались на востокѣ: эмиръ Котанбъ[3] прошелъ Транзоксіану, оттуда въ Туркестанъ и установилъ резиденцію свою въ Самаркандѣ, въ сосѣдствѣ владѣній императора китайскаго; Казимъ[4], намѣстникъ Котанба, вторгнулся въ Индію и овладѣлъ правымъ берегомъ рѣки Инда. Въ Малой Азіи арабы встрѣчали болѣе сопротивленія, и покореніе ея было медленно отъ гористыхъ мѣстоположеній и мужественныхъ жителей; однакожъ арабы остались обладателями горы Тавра и части Арменіи, сосѣдственной съ Кавказомъ. Всѣ покушенія противъ Константинополя были тщетны, и сильный, многочисленный флотъ калифа Солимана былъ совершенно разбитъ греческимъ огнемъ и храбростью Леона Изаврянина. Цар-

ственный домъ Омміадовъ былъ ненавидимъ и почитаемъ за похитителей калифскаго престола; кромѣ партіи Али усилилась еще партія Аббассидовъ, приверженная къ поколѣнію Аббаса, одного изъ дядей пророка. Притязанія Аббассидовъ на престолъ произвели внутреннюю борьбу и частыя брани между черными и бѣлыми, т. е. между Аббассидами и Омміадами, кончившіяся совершеннымъ истребленіемъ Омміадовъ. Только одинъ изъ нихъ, Абдерамъ, убѣжалъ въ Африку, сыскалъ тамъ себѣ приверженцевъ и, пользуясь раздорами испанскихъ арабовъ, утвердилъ тамъ свою власть, отдѣливъ это государство вовсе отъ калифата. Домъ Омміадовъ, продолжавшійся 90 лѣтъ, окончился убіеніемъ 14-го калифа Мервана II. Аббу-Аббасъ-Абдалахъ-Эль-Сафахъ началъ рядъ калифовъ Аббассидовъ. Послѣдовавшій ему братъ его Абу-Джафаръ-Алъ-Манзоръ построилъ Багдадъ и перенесъ туда столицу свою изъ Дамаска, обширнаго своего калифата, и вліяніемъ своимъ сильно двинулъ гражданственное развитіе арабовъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СЦЕНА ВЪ 1835/6 Г.

Балетъ и опера завладѣли совершенно нашей сценой. Публика слушаетъ только оперы, смотритъ только балеты. Говорятъ только объ оперѣ и балетѣ. Билетовъ чрезвычайно трудно достать на оперу и балетъ. А между тѣмъ живетъ еще въ мысляхъ каждаго мнѣніе, что есть родъ зрѣлищъ, можетъ быть[1], болѣе возвышенный, болѣе отвѣчающій глубоко обработанному вкусу; что есть драма высокая, вдыхающая невольное присутствіе высокихъ волненій въ сердца согласныхъ зрителей; что есть комедія высокая, вѣрный сколокъ съ общества, движущагося[2] передъ нами, — комедія, производящая смѣхъ глубокостью своей ироніи, — не тотъ смѣхъ, который производитъ[3] на насъ легкія впечатлѣнія, который раждается бѣглою остротою, мгновеннымъ каламбуромъ, не тотъ пошлый смѣхъ, который движетъ грубою толпою общества, для произведенія котораго нужны конвульсія, гримасы природы; но тотъ электрическій, живительный смѣхъ, который исторгается[4] невольно и свободно, который разноситъ по всѣмъ нервамъ освѣжающаго наслажденія, раждается изъ спокойнаго наслажденія души и производится высокимъ и тонкимъ умомъ.

Итакъ, права ли наша публика, что оставила драму и уступила преимущественно пристрастіе свое къ оперѣ и балету? Можетъ быть, это ошибка ея?[5] Можетъ быть, вкусъ ея такъ одностороненъ, что можетъ...[6] только однимъ. — Но рѣдко масса публики ошибается въ дѣлѣ, котораго она есть судья. Общій голосъ почти всегда бываетъ правъ[7]. По этому самому публика права, что устремила исключительное вниманіе свое на оперу и балетъ. — Итакъ, первый вопросъ мы должны перемѣнить вторымъ: стоила ли въ это время наша драматическая сцена того, чтобы ее можно было предпочесть оперѣ и балету? Что такое игралось на нашей сценѣ? — мелодрамма и водевиль, эти незаконныя дѣти ума нашего девятнадцатаго столѣтія, совершенныя отступленія отъ природы, введшія[8] множество мелкихъ несообразностей. Но какіе были эти водевили? Они, водевили[9], были переводы

съ французскаго. Въ Петербургѣ есть французскій театръ и очень изрядный. Итакъ, кто же захочетъ смотрѣть французскую піесу въ переводѣ, играющемся русскими актерами, не видавшими французскаго общества, тогда какъ онъ можетъ на французскомъ театрѣ видѣть ту же самую въ оригиналѣ, игранную природными французами, которые и потому уже вообще могутъ лучше выполнить свое дѣло, что имъ вовсе не стоитъ труда? во Франціи больше смѣшаны между собою сословія. Итакъ высшій классъ общества былъ совершенно правъ, что оставлялъ русскую сцену. Очень былъ почувствованъ этотъ недостатокъ оригинальности. Нѣсколько піесъ появилось оригинальныхъ. Но какія были эти піесы? Эти піесы были водевили — русскіе водевили! Это немножко смѣшно. Во первыхъ, потому[1], что эта легкая безцвѣтная игрушка могла родиться только у французской націи, не имѣющей въ характерѣ своемъ глубокой физіогноміи, если сказать сильно — національности. Но что же теперь вышло, когда нашъ русскій, да еще нѣсколько суровый и отличающійся[2] своеобразною національностью, характеръ съ своею тяжелой фигурою началъ поддѣлываться подъ шарканье петиметра, и нашъ тучный, но сметливый и умный купецъ съ широкою бородою, не знававшій[3] на ногѣ своей ничего[4] кромѣ тяжелаго сапога, надѣлъ бы, вмѣсто него, узенькой башмачокъ и чулки à jour, а другую, еще лучше, оставилъ бы въ сапогѣ и сталъ бы въ первую пару во французскую кадриль. — А вѣдь почти тоже наши національные водевили. — Не странно ли, напримѣръ, что нашей публикѣ русскій судья, которыхъ чрезвычайно много въ водевиляхъ, начинаетъ пѣть куплетъ въ обыкновенномъ разговорѣ? Въ французскомъ театрѣ мы прощаемъ эти выходки противъ естественности, ибо намъ извѣстно, что французскій судья — и танцоръ, и куплеты сочиняетъ, играетъ хорошо на флажеолетѣ, можетъ быть, даже рисуетъ въ альбомахъ. Но если начнетъ все это дѣлать нашъ уѣздный судья[5] и съ такою грубою наружностью, съ какою обыкновенно его выставляютъ на нашихъ водевиляхъ, то... Судью заставляютъ пѣть! Да если нашъ уѣздный судья запоетъ, то зрители такой услышатъ ревъ, что, вѣрно, въ другой разъ и не покажутся въ театръ.

Но разсмотримъ вообще, что такое мелодрамма и водевиль; разсмотримъ, какъ родились эти незаконныя дѣти на-

шего девятнадцатаго столѣтія. Ихъ называютъ изверженіями романтизма. Но что такое романтизмъ? О немъ толковали во все окончаніе первой четверти 19-го[1] столѣтія и даже сдѣлали его какимъ-то родомъ сочиненій, такъ что называли: „это піеса романтическая, а это — не романтическая“. Ему въ противуположность противупоставляли классицизмъ. Странную несообразность этого всякой знаетъ. Но что такое то, что называли романтизмомъ? Это было[2] больше ничего, какъ стремленіе подвинуться ближе къ нашему обществу, отъ котораго мы были совершенно отдалены[3] подражаніемъ обществу и людямъ, являвшимся въ созданіяхъ писателей древнихъ, — тоже самое стремленіе, которое имѣли всѣ государства[4] древняго и новаго міра. — Переходъ къ этому стремленію, то есть, первые взрывы и попытки производятся обыкновенно людьми отчаянными, дерзкими, какими производятся мятежи въ обществахъ. Они видятъ несвойственныя формы, несоотвѣтствующія нравамъ и обычаямъ правила, и ломятся на проломъ чрезъ всѣ преграды.[5] Они не по....[6] границъ, ломаютъ безъ разсужденія все и всегда и, желая исправить неправед....[7], они въ обратномъ количествѣ наносятъ столько же зла. Они падаютъ первые, какъ жертвы въ произведенномъ ими хаосѣ. Ихъ имя не остается въ числѣ чистыхъ воспоминаній. Но они произрастивъ[8] хаосъ, изъ котораго потомъ великій творецъ спокойно и обдуманно творитъ новое зданіе, обнимая своимъ мудрымъ двоинственнымъ взглядомъ ветхое и новое[9]. Много писателей въ твореніяхъ своихъ этою романтической смѣлостью даже изумляли оглушенное новымъ языкомъ, не имѣвшее время одуматься общество. Но какъ только изъ среды ихъ выказывался талантъ великій, онъ уже обращалъ романтическое, съ великимъ вдохновеннымъ спокойствомъ художника, въ классическое или, лучше сказать, въ отчетливое, ясное, величественное созданіе. Такъ совершилъ это Вальтеръ Скоттъ и, имѣй столько же размышляющаго, спокойнаго ума, совершилъ бы Байронъ въ колоссальнѣйшемъ размѣрѣ. Такъ совершитъ и изъ нынѣшняго броженія вооруженный тройною опытностью будущій поэтъ.

Публика была права, писатели были правы, что были недовольны прежними піесами. Піесы точно были холодны. Самъ Мольеръ[10], талантъ истинный, — талантъ, который, явившись

въ нынѣшнее время, изгналъ бы нынѣшнюю бродящую беззаконную драму, — самъ Мольеръ на сценѣ теперь длиненъ, на сценѣ скученъ. Его планъ обдуманъ искусно, но онъ обдуманъ по законамъ старымъ, по одному и тому же образцу; дѣйствіе піесы слишкомъ чинно, составлено независимо отъ вѣка и тогдашняго времени, а между тѣмъ характеры многихъ именно принадлежали къ его вѣку. Нѣтъ ни одного анекдота, случившагося въ его время, въ такомъ же точно видѣ, какъ онъ случился, какъ дѣлалъ это Шекспиръ. — Онъ напротивъ сюжетъ составлялъ самъ по плану Теренція и давалъ разыгрывать его лицамъ, имѣвшимъ странности и предразсудки его вѣка. Это не имѣло уже послѣ живости для зрителей, могло только нравиться пріятелямъ, которые могли замѣтить всѣ мелочи, и могло выполняться только слишкомъ искусными актерами; но то и другое является рѣдко, стало быть ихъ успѣхъ...[1]

Нынѣшняя драма показала стремленіе вывести законы дѣйствій изъ нашего же общества. Чтобы замѣтить общіе элементы нашего общества, двигающія его пружины, — для этого нужно быть великому таланту. Но то, что служитъ исключеніемъ, что странно и поражаетъ среди стройности всего цѣлаго своимъ безобразіемъ, то бросается въ глаза всякому. Писатели, порожденные новымъ стремленіемъ, не были таланты и[2] могли замѣтить одни только эти исключенія. Странность сюжета выносила ихъ имя и дѣлала извѣстнымъ, и вездѣ почти рѣшительно въ нихъ сюжетъ беретъ самъ за себя: въ исполненіи его не видно никакого таланта, кромѣ механическаго привыкшаго[3] знанія сцены.

Итакъ, идея созданія нынѣшнихъ драмъ непремѣнно разсказать какой либо новый случай, непремѣнно странный, непремѣнно еще никѣмъ невиданный[4], неслыханный... Стремленіе къ странному произвело до такой степени несообразность и сверхъестественность[5] театральныхъ сюжетовъ, произвело въ такой степени неправильное отступленіе въ драмѣ, какого не произвели прежніе классическіе писатели педантическою акуратностью и отчетливостью.

Главное въ мелодраммахъ эффектъ — оглушить вдругъ чѣмъ нибудь зрителей, хотя на одно мгновеніе, — что сильнѣе бросается въ глаза: каторга, убійство, чѣмъ можно испугать

и произвести судороги, что движетъ эшафотъ кровавою тѣнью. Вся мелодрамма состоитъ изъ убійствъ и преступленій и между тѣмъ ни одно лицо не возбуждаетъ участія. Никогда еще не выходилъ зритель растроганный въ слезахъ, но въ какомъ-то растревоженномъ состояніи и пугливо садился въ свою карету, долго не могшій собрать и сообразить своихъ мыслей. Какое странное явленіе! Въ нашъ вѣкъ, когда во всякомъ обществѣ существуетъ число людей, исполненныхъ тонковозвышеннаго вкуса, и вдругъ такія зрѣлища — эффекты тѣ, которыя дѣйствуютъ на грубую черствую и притомъ притупленную площад[ною] [1] развратностью природу! —Передвигаются предъ глазами тѣ кровавыя зрѣлища и боевыя ристалища, на которыя собиралась смотрѣть вся римская чернь, стало быть — властительная масса государства. Но, слава Богу, мы еще не римляне, и не на закатѣ существованія, но только еще на зарѣ его стоимъ мы. Еще молодъ нашъ народъ и служитъ вѣчнымъ матеріаломъ для писателя, поражая его множествомъ разнообразныхъ степеней образованія, — и всѣ стихіи нашего государства [2] — стихіи могущества и юности.

Итакъ, неудивительно, что среди этихъ безобразныхъ случайныхъ явленій балетъ и опера представляютъ намъ что-то утѣшительное. Въ оперѣ зритель, заслушиваясь музыки, уже наслаждается внутри себя; онъ уже въ спокойномъ состояніи; его даже растянутость, общій недостатокъ оперъ, не наскучаетъ [3]. Онъ въ покойномъ состояніи и въ балетѣ. Балетъ и опера сдѣлали большіе успѣхи. Въ прошедшей четверти текущаго года появилась на русской сценѣ „*Семирамида*“, которую, не знаю, могли ли поставить прежде на нашей сценѣ; она установилась и поддержана двумя пѣвцами [4]. Ничего не скажу о двухъ неподдѣльныхъ талантахъ: о Петровѣ и о Воробьевой. Они составляютъ условіе оперы и безъ нихъ ее нельзя поставить. Объ оркестрѣ и музыкѣ странно говорить, и мнѣ кажется, что всѣ музыкальные трактаты, критики и рецензіи также скучны для самыхъ записныхъ музыкантовъ. Глубокое въ музыкѣ такъ же невыразимо и безотчетно, какъ и въ поэзіи. Музыкальныя страсти — не житейскія страсти. Музыка иногда только выражаетъ или, лучше сказать, поддѣлывается подъ голосъ нашихъ страстей для того, чтобы, опершись на ихъ, устремиться огненнымъ фонтаномъ другихъ страстей въ дру-

гую сферу. Замѣчу, что меломанія[1], чѣмъ дальше, чрезвычайно распространяется въ Петербургѣ. Люди такіе, которыхъ до того[2] времени никто бы не подозрѣвалъ въ музыкальномъ образѣ мыслей[3], сидятъ неотлучно въ „Робертѣ“ и „Нормѣ“, „Фенеллѣ“ и „Семирамидѣ“[4]. Оперы даются почти два раза въ каждую недѣлю, выдержали несчетное множество представленій, и все-таки трудно достать билетъ. — Это не наша ли славянская пѣвучая природа такъ дѣйствуетъ? И не есть ли стремленіе это — возвратъ къ нашей старинѣ[4] послѣ путешествія по чужой землѣ европейскаго просвѣщенія, гдѣ около насъ говорили все непонятнымъ для насъ[5] языкомъ и мелькали незнакомые люди, — возвратъ[6] на русской тройкѣ, съ заливающимся колокольчикомъ, съ которой мы, привставая[7] на бѣгу, помахиваемъ шляпою и говоримъ: „Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше“[8]. Въ самомъ дѣлѣ, какую оперу, какую музыку можно составить изъ нашихъ народныхъ мотивовъ! Покажите мнѣ народъ, у котораго больше было бы пѣсенъ! Малороссія кипитъ[9] пѣснями. По всей Волгѣ[10] влекутся, звенятъ бурлацкія пѣсни. Подъ пѣсни рубятся изъ бревенъ избы по всей Руси, метаютъ[11] изъ рукъ въ руки кирпичи, и подымаются домы[12]. Подъ пѣсни работаетъ вся Русь. У Чернаго моря безбородый, смуглый, съ смолистыми усами козакъ любитъ[13], заряжая пищаль, пѣть старинную пѣсню. На другомъ концѣ, у Морознаго моря[14], верхомъ на пловущей льдинѣ русскій промышленникъ бьетъ острогой кита, затягивая пѣсню... Что? У насъ ли не изъ чего составить оперы своей? Нѣтъ, погодите, люди чужеземные: прежде [пріосамтесь немного, пріодѣньтесь] немного почище!

Обстановка балетовъ великолѣпна[16]. Дирекція не жалѣетъ никакихъ съ своей стороны средствъ, и врядъ ли гдѣ такъ богато ставятся балеты, какъ въ Петербургѣ. (Нужно только пожелать, чтобы артисты умѣли пользоваться тѣми средствами, которыя предлагаютъ имъ)[17]. Удивительно только, что никогда на русской сценѣ не было такой счастливой поры для талантовъ, а между тѣмъ они лѣниво являются[18]. Всѣ сословія жадны до театра. Петербургъ большой охотникъ наслаждаться прекраснымъ. Чиновникъ идетъ въ театръ, купецъ идетъ въ театръ, даже нѣмецъ часто идетъ въ русскій театръ, не смотря на то, что[19] въ Петербургѣ есть и нѣмецкій театръ. Еще болѣе замѣчательно то, что во всемъ Петер-

бургъ соблюдаетъ строгое приличіе, что вообще вкусъ его жаждетъ прекраснаго, спокойнаго наслажденія — добрый знакъ![1] Вспомните мое слово: когда-нибудь изъ такихъ началъ разовьется чисто эстетическій вкусъ. Это не тревожный[2] Парижъ, гдѣ стихія — перемѣна, а вкусъ — крайности[3]. Не сравню его я и съ нѣмецкими городами: слишкомъ ужъ холодны и разсчетливо они скупы на[4] наслажденія. Если взять, напримѣръ, наше сословіе, среднее, въ всей его массѣ, — то есть, сословіе малоденежное или живущее жалованіемъ, стало быть, самое многочисленное и чисто русское, — то (нѣтъ нужды, что попадется другой, третій чиновникъ, совершенно похожій на то отношеніе, которое онъ пишетъ)[5], въ немъ есть много очень замѣчательнаго: и русская[6] дворянская рѣшительность и при этомъ терпѣніе, и толкъ, и соль, — однимъ словомъ: стихіи новаго характера. Ничего дурнаго[7], никакого пристрастія, только развѣ, по старой славянской привычкѣ, небольшаго пристрастія къ стеклянной посудѣ; но и это уже наконецъ оставляется однимъ только купцамъ да извощикамъ[8]. Когда вы будете гулять свѣжимъ морознымъ утромъ по Невскому проспекту, во время котораго небо золотисто-розоваго, нѣжнаго цвѣта и перемежаетъ золотистыми сквозными облаками дыма, а домы, въ концѣ уличной перспективы въ голубомъ свѣтѣ, и въ морозномъ воздухѣ дрожа звенитъ: „Говядина свѣжая!“[9] — зайдите въ это время въ сѣни *Александринскаго* театра, вы будете поражены тамъ упорнымъ терпѣніемъ, съ которымъ собравшійся народъ грудью осаждаетъ раздавателя билетовъ, высовывающаго только одну руку свою изъ окошка. Сколько только шинелей всякаго рода! сколько лакейства всякаго рода, начиная отъ того, который пришелъ въ сѣрой шинели съ шелковымъ цвѣтнымъ галстукомъ и безъ шапки, до того, у котораго трехъ-этажный воротникъ ливрейной шинели[10] такъ пестръ, какъ суконная бабочка для вытиранія перьевъ! Тутъ протираются сухо[щавые], геморроидальные чиновники, у которыхъ чиститъ сапоги кухарка, и потому они должны сами хлопотать билетъ. Тутъ вы увидите, какъ русскій офицеръ, потерявъ наконецъ терпѣніе, доходитъ, къ необыкновенному изумленію всѣхъ, по плечамъ къ окошку и получаетъ билетъ. Вы тогда только увидите, въ какой степени видна у насъ любовь къ театру[11]. И что же дается на нашихъ.....?[12] Какія-

нибудь мелодрамы и водевили! Охъ мнѣ эти мелодрамы! „Какое смѣшное, неприличное названіе — мелодрама! Что̀ это за нехристь такая — мелодрама?“ я думаю, говоритъ про себя русскій купецъ, сидя въ ложѣ 3-го яруса и развернувъ предъ собою аршинную афишу: „но.... посмотримъ мелодрамы“. Давалась[1] *Венеціанская актриса,* драма Гюго[2], отъ котораго еще не такъ давно была безъ (ума) Франція, начинали восхищаться студенты въ Германіи и превозносили выше Вальтеръ-Скотта отважные[3] журналисты на Руси. „Венеціанская актриса“ составлена[4] по образцу мелодрамъ съ немного бо́льшимъ талантомъ и съ меньшимъ знаніемъ сцены. — Въ этой драмѣ, какъ во всѣхъ другихъ, показалъ Гюго въ полной мѣрѣ молодость и незрѣлость своего таланта, — таланта, который несравненно зрѣлѣе виденъ въ его немногихъ лирическихъ произведеніяхъ[5]. На русской сценѣ удержалась драма только игрою Каратыгиной. Дали три большія мелодрамы съ пожарами, убійствами и другими эффектами: „Мономанъ“, „Живая покойница“, „Честолюбецъ“ и еще, кажется, что-то. Нечего разсказывать[6] о каждой изъ нихъ, потому что нужно говорить почти одно и то же. — Мелодрама нынѣшняя есть никакъ не болѣе[7], какъ программа для балета: она говоритъ только, о чемъ должно итти дѣло, что̀ такое есть въ піесѣ, а разрѣшать ее и создавать должны актеры сами. — Она установилась[8] и держится на нашей сценѣ не пожарами и убійствами, но игрою Каратыгина.

Всеобщія жалобы на недостатокъ таланта въ актерахъ. Но гдѣ же развиться талантамъ? На чемъ развиться? Развѣ попадается имъ хоть одно лицо русское[9], которое могли бы они живо представить себѣ? Кого играютъ наши актеры? Какихъ-то нехристей, людей — не французовъ и не нѣмцевъ, но Богъ знаетъ кого, какихъ-то взбалмошныхъ людей — иначе и трудно назвать героевъ мелодрамы, не имѣющихъ рѣшительно никакой точно опредѣленной страсти, а тѣмъ болѣе видной физіогноміи. Не странно ли? Тогда какъ мы больше всего говоримъ теперь о естественности, намъ какъ нарочно подносятъ подъ носъ верхъ уродливости[10]. — Русскаго мы просимъ! Своего давайте намъ! Что̀ намъ французы и весь заморскій людъ? Развѣ мало у насъ нашего народа? Русскихъ характеровъ![11] своихъ характеровъ![12] Давайте насъ самихъ! Давайте намъ

нашихъ плутовъ, которые тихомолкомъ употребляютъ въ зло благо, изливаемое на насъ правительствомъ нашимъ, которые превратно толкуютъ наши законы[1], которые подъ личиною кротости подъ рукою дѣлаютъ дѣлишки не совсѣмъ кроткія. Изобразите намъ нашего честнаго, прямаго человѣка, который среди несправедливостей, ему наносимыхъ, среди потерь и тратъ, чинимыхъ ему.....[2] и остается неколебимъ въ своихъ положеніяхъ, безъ ропота[3] на безвинное правительство и исполненъ той же русской, безграничной любви къ Царю своему[4], для котораго бы онъ и жизнь, и домъ, и послѣднюю[5] каплю благородной крови готовъ принесть, какъ незначащую[6] жертву.— Пусть онъ не въ общихъ театральныхъ фразахъ говоритъ это,— нѣтъ! Пусть онъ явится, весь проникнутый этою русскою стихіею: ни слова не говоритъ[7], не разглагольствуетъ объ этихъ чувствахъ, но упорно хранитъ въ душѣ ихъ, какъ старую свою святыню, вдохнутую въ него еще съ давнихъ вѣковъ, еще съ смиренныхъ предковъ, воспитанную тысящелѣтіемъ. Но пусть онъ молчаливо кидается въ волны, равнодушно несетъ свои помыслы; самъ носитъ повинную голову и дѣлаетъ, какъ русскій обыкновенно, — на дѣлѣ[8], а не на словахъ[9]. Бросьте долгій взглядъ во всю длину и ширину животрепещущаго населенія нашей раздольной...[10]: — сколько есть у насъ добрыхъ людей, но сколько есть и плевелъ, отъ которыхъ житья нѣтъ добрымъ и за которыми не въ силахъ слѣдить никакой законъ. На сцену ихъ! Пусть видитъ ихъ весь народъ! Пусть посмѣется имъ! О, смѣхъ великое дѣло! Ничего болѣе не боится человѣкъ такъ, какъ смѣха. Онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія у виновнаго; но онъ ему силы[11] связываетъ[12] и, боясь смѣха, человѣкъ удержится отъ того, отъ чего бы не удержала его никакая сила. Но мы такъ заслушались во Франціи[13] безцвѣтныхъ піесъ, что намъ все теперь боязливо видѣть свое. Если только намъ представятъ какой-нибудь живой характеръ, то ужъ и думаемъ: „не личность ли это? потому что лицо совсѣмъ не похоже на французскія лица“. Если сказать, что въ такомъ-то управленіи былъ, напримѣръ, одинъ надворный совѣтникъ пьяница, то всѣ надворные совѣтники, сколько ни есть въ Россіи, примутъ на свой счетъ. — Если сказать, что одинъ безсмысленный[14] предсѣдатель завелъ въ присутственной залѣ псарню, то сейчасъ слышишь: „псарню?! вѣдь

это присутственное мѣсто!“ не разсуждая о томъ, что именно затѣмъ это выведено, чтобы всѣ видѣли и брали.....[1] Если выведенъ даже квартальный плутъ, то сейчасъ найдутся люди, которые будутъ говорить: „Какъ же можно выводить квартальныхъ? Вѣдь они тутъ же находятся въ городѣ!“ А другой прибавитъ: „Я самъ знаю одного квартальнаго, который — хорошій человѣкъ“. — Да развѣ одинъ человѣкъ порочитъ все сословіе? Положимъ: я воинъ, украшенный орденами; я доказалъ любовь къ государю своему и заслугу отечеству моими безчисленными ранами; но долженъ ли я разсердиться за то, если выводится на сцену офицеръ, пустой человѣкъ, бѣгающій за вечерними нимфами, или вмѣсто обязанностей службы дебошничающій гдѣ-нибудь въ неприличномъ для русскаго офицера мѣстѣ? Развѣ черезъ это оскорбляется моя личность? Не долженъ ли я напротивъ того смотрѣть на это съ тайною радостью, потому что послѣ такого примѣра, вѣрно, уже трудно будетъ найти товарищей моихъ съ такою нравственностью? Когда я скажу: „случился[2] одинъ генералъ, гордый человѣкъ, черствый въ обращеніи, который не сумѣлъ привязать къ себѣ своихъ подчиненныхъ или который совсѣмъ распустилъ своихъ подчиненныхъ и, вмѣсто своихъ занятій, спускивалъ бумажку или вязалъ дамскій чулокъ“, — развѣ должны обидѣться наши храбрые генералы, цвѣтъ Россіи и примѣръ Европѣ, которыхъ у насъ болѣе, нежели гдѣ-либо? Нѣтъ! Благосклонно склонится око Монарха къ тому писателю, который, движимый чистымъ желаніемъ добра, предпріиметъ уличить низкій порокъ, недостойныя слабости и привычки въ слояхъ нашего общества и этимъ подастъ отъ себя помощь и крылья Его правдивому закону. Театръ — великая школа, глубоко его назначеніе[3]: онъ цѣлой толпѣ, цѣлой тысячѣ народа за однимъ разомъ читаетъ живой полезный урокъ и при блескѣ торжественнаго освѣщенія, при громѣ музыки показываетъ смѣшное привычекъ и пороковъ или высокотрогательное достоинствъ и возвышенныхъ чувствъ человѣка. — Нѣтъ! театръ не то, что̀ сдѣлали изъ него теперь. Нѣтъ! Онъ не долженъ возбудить тѣхъ тревожныхъ и безпокойныхъ движеній души. Нѣтъ! Пусть зритель выходитъ изъ театра въ счастливомъ расположеніи, помирая отъ смѣха или обливаясь сладкими слезами, и понесшій съ собою какое-нибудь доброе намѣреніе[4].

Балетъ значительно сдѣлался блестящѣе[1] въ постановкѣ. Его выносятъ[2] чрезвычайно много декораціи и костюмы, которые богаты. Явившійся въ текущую четверть года балетъ „Возстаніе въ сералѣ“ былъ обставленъ съ такою роскошью[3], съ какою, кажется, не ставились балеты[4]. Великолѣпіе для балета нужно, необходимо: онъ этимъ только можетъ прикрыть вообще сухость содержанія. Балетные композиторы дѣлаютъ ошибку, являя въ программахъ своихъ чрезвычайно мало дѣйствія. Дѣйствіе только сильное и быстрота движенія[5] — то, что̀, можно сказать, очевидно для глазъ, то нужно въ балетѣ; но[6] какъ нарочно теперь помѣщаются въ балетную сферу очень длинныя изъясненія[7] въ любви и разсказы; кажется, лица даже разсказываютъ другъ другу анекдоты. — Вообще для балета лучше комическое: въ комическомъ болѣе можетъ выразиться дѣйствіе; въ дѣйствіи можетъ быть больше комическаго въ сравненіи съ трагическимъ[8]. И въ трагическомъ тоже можетъ быть дѣйствіе; сколько случалось лаконическихъ[9] высокихъ[10] сценъ, которыхъ никто не беретъ въ балетъ! Это, я думаю, произошло отъ того, что движеніе[11] всегда считается главное; главное танцы. Это настоящая его поэтическая сторона. Если бы и танцамъ придать такое же разнообразіе, какое придается въ оперѣ дѣйствію съ музыкою, то балетъ сталъ бы выше. Мнѣ кажется, въ танцахъ вообще меньше характерности. Смотрите, въ какомъ безчисленномъ (разнообразіи)[12] являются танцы въ разныхъ (углахъ міра)[13]. Они, такъ же какъ народъ, отлились каждый въ свою форму. (Вотъ русскій — плавный, напряженный и тихій танецъ, почти восточный танецъ. Вотъ танецъ западныхъ славянъ вольный[14], необузданный; шотландскій — вольный и живописный танецъ; швейцарскій — чистый, веселый; французскій...)

У каждаго народа они тоже слѣдствіе жизни: у одного буйной, у другаго — тихой; у другаго безстрастіе, у другаго — пламень живой страсти: тяжелый и легкій, многосложный и односложный. Не можетъ ли нѣкоторымъ образомъ создатель балета явить это различіе для нѣкотораго опредѣленія характера дѣйствующихъ лицъ? Изъ элементовъ каждаго натурально можетъ онъ создать тоже утонченное и обработанное, возведенное до высшаго искусства. По крайней мѣрѣ (это дало бы ему) и больше средствъ образнообразить этотъ легкій воздушный языкъ, которому мы даемъ названіе танцевъ.

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ СТАТЬИ

„О ДВИЖЕНІИ ЖУРНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ 1834 и 1835 г.“

I.

Наброски первоначальные.

А. Журнальная литература, эта живая, пестрая, яркая, говорливая литература[1], такъ же необходима въ области наукъ и художествъ, какъ всѣ чугунныя дороги и пути сообщенія для государства, какъ[2] ярмарки, торги[3] и биржи для[4] купечества и торговли. Она ворочаетъ вкусами цѣлыхъ толпъ, и обращаетъ и пускаетъ въ ходъ все, выходящее въ области наукъ и литературы[5], которое безъ нея, въ обоихъ смыслахъ, было бы похоже на стоячій[6] капиталъ. Она — быстрый и въ особенности своенравный размѣнъ всеобщихъ мнѣній, живой разговоръ всего выжимаемаго типографскими станками. Ея всеобщій голосъ есть вѣрный представитель мнѣній цѣлой эпохи и вѣка, — мнѣній, которыя бы исчезли безъ нея вовсе[7]. Она захватываетъ и увлекаетъ въ свою область $^{9}/_{10}$, часто волею и неволею дѣлающихся принадлежностью литературы.

Сколько людей теперь судятъ, говорятъ и толкуютъ, потому что[8] всѣ сужденія, почти готовыя, поднесены къ ихъ глазамъ и очкамъ, какъ приготовленныя блюда къ ихъ рту, какъ правильно сдѣланный абрисъ рисовальнымъ учителемъ подносится лѣнивому ученику, и которые всѣ не толковали бы, не судили, не говорили сами собою. Итакъ, журнальная литература, какъ движеніе и дѣятельность ученаго міра, должна обратить особенное вниманіе. (Ея дѣятели и двигатели уже не живутъ безусловно для себя, а (для) потомства:[9] они принадлежатъ толпѣ, принадлежатъ движущейся современности, остаются въ потомствѣ, какъ теорія).[10] Она у насъ на Руси еще болѣе, нежели гдѣ-либо, должна обратить непрерывающееся вниманіе наблюдателя, какъ воспитаніе едва вступающей въ юношескій возрастъ національности[11], — возрастъ, гдѣ всякая ошибка и неправильный вкусъ воспитателя утверждаются почти вдругъ корнемъ[12], которые впослѣдствіи[13] входятъ въ составъ

жизни и характера и котораго уже трудно искоренить. Можетъ быть, этотъ приступъ еще болѣе приличенъ былъ при полной исторіи журнальной литературы; но, покамѣстъ составится эта трудная и важная статья, я почелъ необходимымъ сказать это при обозрѣніи ея въ два послѣдніе года.

Истинное намѣреніе мое было представить только движеніе ея за прошлый годъ; но такъ какъ причина всего этого движенія заключается еще въ 1834 году, то (намъ показалось)[1] необходимо бросить взглядъ на оба эти года[2].

В.[3] Можетъ быть, давно на Руси не было такъ рѣзко замѣтно отсутствіе журнальной дѣятельности и живаго литературнаго (современнаго)[4] движенія, какъ въ послѣдніе два года. Мертвенность и безцвѣтность была общимъ выраженіемъ журналовъ, не имѣвшихъ никакой опредѣленной физіогноміи. Многіе старые прекратились, продолжавшіеся тянулись медленно и вяло. Новыхъ, кромѣ „Библіотеки для чтенія“ и впослѣдствіи „Наблюдателя“, не появилось никакихъ, между тѣмъ, какъ въ это именно время была слишкомъ явно замѣтна потребность ихъ, и значительно возросло число читающихъ[5]. Но во всякомъ случаѣ эта безплодная, тощая эпоха также должна привлечь вниманіе наблюдателя, какъ и самая живая, кипящая движеніемъ. Разсмотримъ направленіе этого небольшаго числа журналовъ, вліяніе, произведенное ими, и что прибавили они въ листы нашей исторіи литературы. „Телеграфъ“ давно потерялъ ту рѣзкость и тотъ смѣлый тонъ, который давало ему прежде его оппозиціонное положеніе въ отношеніи журналовъ петербургскихъ, издаваемыхъ Гречемъ и Булгаринымъ. Другія занятія издателя заставляли его совершенно небречь о внутреннемъ[6], и выдавать какъ-нибудь. Онъ давно уже наполнялся грамотами какого-нибудь курскаго игумена, статьями, имѣющими нѣкоторое достоинство, но совершенно не журнальное, записками, — особенно довольно сухими записками о Сибири. Читали его тѣ, которые сдѣлали привычку читать и которые читать что-нибудь положили для себя такъ же необходимымъ, какъ заснуть два часа или выбриться два раза въ недѣлю. „Телескопъ“ тоже потерялъ свой прежній видъ и наполнялся вялыми статьями, переводами французскихъ повѣстей и не показывалъ никакого почти голоса. Однимъ словомъ, въ этихъ журналахъ ничего не было животрепещущаго.[7]

Въ 1834 г. нашъ[1] книгопродавецъ Смирдинъ, давно уже извѣстный своею дѣятельностью и добросовѣстностью[2], рѣдкою между нашими книгопродавцами, который одинъ только, къ стыду прочихъ корыстолюбивыхъ и недальновидныхъ своихъ товарищей, показалъ предпріимчивость довольно смѣлую и двинулъ книжную торговлю своими большими оборотами, — книгопродавецъ Смирдинъ рѣшился на довольно смѣлое и огромное предпріятіе — издавать журналъ обширный, энциклопедическій, завоевать всѣхъ литераторовъ, сколько ни есть ихъ на Руси, и заставить ихъ всѣхъ принять участіе своими трудами. Въ программѣ были выписаны всѣ почти пишущія русскія имена. Профессоръ арабской словесности, г. Сенковскій, взялся быть полнымъ распорядителемъ русской литературы и редакторомъ журнала; къ нему[3] присоединенъ былъ въ товарищи г. Гречъ, извѣстный уже постояннымъ изданіемъ двухъ журналовъ: „Сѣверной Пчелы“ и „Сына Отечества“. Неизвѣстно, сами ли они взялись быть редакторами, упрошены ли были Смирдинымъ[4]; но въ томъ и другомъ случаѣ Смирдинымъ[5] поступлено нѣсколько неосмотрительно. Собравши такое множество литераторовъ, изъ которыхъ многіе давностью уже удержали почетное право гражданства въ литературѣ, онъ долженъ былъ предоставить ихъ суду и единодушному избранію редактора. Я думаю, что въ этомъ случаѣ никто другой не имѣлъ на это болѣе права, какъ конгрессъ всѣхъ приглашенныхъ литераторовъ. Множество выставленныхъ именъ ослѣпили глаза подписчиковъ, и публика съ нетерпѣніемъ ждала журнала.

Но никто тогда не позаботился о весьма важномъ вопросѣ: „долженъ ли журналъ имѣть одинъ какой-нибудь опредѣленный тонъ, одно уполномоченное мнѣніе, или онъ долженъ быть складочнымъ мѣстомъ всѣхъ мнѣній, всѣхъ толковъ, составить какую-то[5] разнохарактерную ярмонку, гдѣ каждый хлопочетъ о своемъ?“ Журналъ на этотъ счетъ отозвался[6] очень глухо сказаннымъ извѣстіемъ въ программѣ, — обыкновеннымъ казеннымъ объявленіемъ, что критика будетъ самая благонамѣренная и безпристрастная, чуждая всякой личности и неприличной брани, — объявленіе, которое завелъ обыкновеніе говорить всякій журналистъ, объявляя о своемъ журналѣ.— Съ выходомъ перваго номера публика ясно увидѣла, что въ жур-

налѣ господствуетъ тонъ, мнѣнія и мысли одного; что имена писателей[1], которыхъ блестящая шеренга наполнила полстраницы перваго номера, взяты только напрокатъ для привлеченія большаго числа[2], какъ великолѣпная вывѣска съ львами, тиграми и барсомъ надъ звѣринцемъ, въ которомъ, можетъ быть, всѣхъ звѣрей — обыкновенные медвѣди да пара обезьянъ; что отъ писателей взято по одной небольшой статейкѣ, но что всегда господствуетъ мнѣніе и тонъ одного. Что жъ дѣлать? Это набѣгъ. Это явленіе, часто происходящее въ природѣ[3], и охуждать этого нельзя. Всегда исторія извиняла счастливыхъ завоевателей, если они только умѣли утвердить и упрочить за собою эти завоеванія силою твердаго, достойнаго ума.

И потому разсмотримъ теперь, выполнилъ ли этотъ журналъ опредѣлившую[4] себѣ цѣль, совершенно уклонившуюся отъ прежде объявленной, или той, которую составило воображеніе читателей его.

Книгопродавецъ Смирдинъ исполнилъ съ своей стороны все, что слѣдовало, и не заслуживаетъ совершенно никакого упрека. Ту же самую честность и исправность, которая отличала его во все время полезнаго его поприща, онъ показалъ и въ изданіи журнала. — Журналъ выходилъ съ необыкновенною исправностью: подписчики встрѣчали[5], вмѣстѣ съ 1-мъ числомъ каждаго мѣсяца, толстую книжку, которую прежде на Руси одна типографія не могла бы поставить въ два мѣсяца. Честный книгопродавецъ даже не хотѣлъ воспользоваться[6] необыкновенною прибылью, которую предоставляло ему изданіе: вмѣсто обѣщаннаго числа 18 листовъ для каждой книжки онъ иногда выдавалъ книжки вдвое больше, стало-быть, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ цѣлою сотней тысячъ, можетъ быть, жертвовалъ собственнаго чистаго барыша. Итакъ, онъ больше, [нежели][7] исполнялъ свой долгъ. Теперь разсмотримъ, исполнили (ли)[8] долгъ тѣ, которымъ онъ ввѣрилъ внутреннее распоряженіе журнала. Мы должны (быть)[9] тѣмъ болѣе справедливы и осмотрительны въ разборѣ этого журнала, что ни одинъ изъ періодическихъ журналовъ въ Россіи не имѣлъ этакого большаго и повсемѣстнаго распространенія. Онъ распространился по неизмѣримому лицу всей Россіи, по всѣмъ ея огромнымъ, не равнымъ своимъ образованіемъ провинціямъ. Въ каж-

домъ не только губернскомъ, но даже уѣздномъ городкѣ явилось по нѣскольку подписчиковъ. Всѣ тѣ, которыхъ жизнь въ провинціи, иногда совершенно недѣятельная, осуждала на скуку, бросились съ жадностью на огромный журналъ, сулившій имъ постоянное чтеніе на весь годъ. Помѣщики, чиновники въ городахъ, рѣдко бравшіе дотолѣ книгу въ руки, принялись за новое, длинное и разнообразное чтеніе въ огромныхъ книгахъ. Только однѣ столицы, которыхъ вѣчно торопящееся[1] движеніе избѣгало, какъ чумы, большихъ книгъ, встрѣтили равнодушно явленіе новаго журнала.

Итакъ, разсмотримъ, какъ[2] онъ исполнилъ предположенную себѣ цѣль, — редакторъ и единственный двигатель этого журнала, профессоръ арабской словесности Сенковскій, потому что имя Греча выставлено было только для проформы: никакого дѣйствія со стороны его не было замѣчено во все существованіе журнала. Г. Гречъ давно уже сдѣлался почетнымъ и необходимымъ редакторомъ, котораго вошло въ обычай приглашать для всякаго предпринимаемаго[3] періодическаго (или носящаго форму періодическаго) изданія, какъ обыкновенно приглашаютъ почтеннаго пожилаго[4] человѣка въ посаженые отцы на всѣ свадьбы.

Но какая цѣль была редактора этого журнала? Какую задачу предположилъ онъ разрѣшить своимъ журналомъ?[5] Здѣсь, поневолѣ, пишущій эту статью долженъ задуматься, что̀, безъ сомнѣнія,[6] сдѣлаютъ и всѣ читающіе ее... Въ программѣ ничего не сказалъ отъ себя Сенковскій, не объявилъ даже и впереди нумера своего журнала ни одного слова[7] о томъ, какой онъ начерталъ для себя путь, что̀ такое избралъ онъ девизомъ, какая свѣтлая мысль, какое доброе, радушное, увлекающее слово скажетъ онъ на воспитаніе всеобщее молодаго и великаго[8] нашего отечества[9]. Ничего не сказалъ господинъ Сенковскій. Всѣ увидѣли только, что онъ взошелъ незамѣтно въ первый номеръ этой „Библіотеки“ и въ концѣ ея развернулся, какъ полный дворянинъ[10].

На это нельзя[11] вполнѣ нападать, даже на самоуправство. Положимъ, для журналиста необходимъ рѣзкій тонъ и нѣкоторая даже наглость, — (которую впрочемъ мы отвергаемъ), — и хотя, къ сожалѣнію, только[12] журналы имѣли всегда успѣхъ по старому правилу, понятному очень простому народу, что

кто кричитъ, тотъ значитъ больше (знаетъ)[1] другихъ[2]; положимъ это, допустимъ это. Но что̀ такое показалъ редакторъ своего? На что̀ преимущественно было обращено вниманіе? Какая мысль его пересиливала всѣ прочія и давала себя видѣть публикѣ? Къ чему видно было его пристрастіе? Къ чему больше всего направлено? Были ли гдѣ замѣтны тѣ неподвижныя правила[4], которыя бываютъ во всякомъ человѣкѣ, безъ чего онъ считается безхарактернымъ и которыя сообщаютъ ему оригинальность и опредѣляютъ его физіогномію?

Прочитавши всѣ статьи, помѣщенныя въ этомъ журналѣ, слѣдуя за всѣми словами, сказанными имъ, невольно остановишься въ изумленіи: что̀ это такое? что̀ заставляло писать этого человѣка, когда его не мучило ни одно желаніе сказать еще несказанное свѣту? Ищемъ разгадки этому въ другой, уже совершенно прозаической, причинѣ: предполагаемъ, не предложилъ ли для себя редакторъ другой цѣли, болѣе существенной цѣли: завести себѣ прекрасный домъ, хорошій экипажъ. Но и этого нельзя сказать, потому что видимъ человѣка, который беретъ ужъ совершенно не даромъ, который трудится до поту лица, который бьется до упаду, хлопочетъ,..... каменья[3] изъ угла въ уголъ, не только заботится о своихъ, но даже переправляетъ чужія піесы — однимъ словомъ, является самымъ дѣятельнымъ человѣкомъ. Въ чемъ же состоитъ эта дѣятельность?

Но для того, чтобы[4] подтвердить справедливость нашего мнѣнія, мы должны разсмотрѣть[5] точнѣе и обстоятельно и безпристрастнѣе всѣ качества этого лица. Это священный долгъ, потому что половина Россіи еще, можетъ быть, до сихъ поръ въ заблужденіи, и въ провинціяхъ до сихъ поръ еще восхищаются Брамбеусомъ, подъ фирмою котораго часто является Сенковскій.

Онъ является въ журналѣ своемъ[6], какъ критикъ, какъ повѣствователь, какъ ученый, какъ сатирикъ: является то въ видѣ Брамбеуса, въ видѣ Морозова, то въ видѣ Тютюнджоглу, то въ видѣ какого-то А. Бѣлкина, — въ подражаніе П. Бѣлкину, изданному А. Пушкинымъ, — то наконецъ въ собственномъ видѣ. Причину этихъ безпрестанныхъ переодѣваній трудно разрѣшить. Для чего? къ чему? Богъ знаетъ. У всякаго барона... Да это впрочемъ и не идетъ къ дѣлу.

Въ доказательство своей учености онъ помѣстилъ, подъ именемъ Сенковскаго, довольно большую статью о сагахъ, статью, исполненную ипотезъ, представляющихъ даже не собственные выводы, но схваченные на удачу изъ разныхъ бѣгло прочитанныхъ книгъ, ипотезъ вовсе (не соотвѣтствующихъ)[1] Русской исторіи. Эти саги, которыя великій и проницательный Шлецеръ[2], не имѣвшій донынѣ равнаго, обладавшій строгимъ и глубокимъ критическимъ взглядомъ, призналъ за басни,— эти саги онъ ставитъ краеугольнымъ камнемъ[3] и ни одного доказательства не приводитъ, повѣреннаго критикою. Не говоримъ о томъ, что онъ вовсе[4] не опредѣлилъ ихъ настоящаго достоинства, какъ созданій народа, игравшаго великую историческую роль. И эта статья, напыщенная риторическими фигурами, понравилась добрымъ и ограниченнымъ людямъ. Булгаринъ даже написалъ такую[5] рецензію, въ которой поставилъ Сенковскаго выше Гумбольдта, Шлецера и всѣхъ когда-либо бывшихъ ученыхъ. Другое важное притязаніе Сенковскаго и настоящій конекъ его это есть Востокъ. Здѣсь онъ всегда возвышаетъ голосъ выше, и какъ-только выходитъ какое-нибудь сочиненіе о Востокѣ или упоминается гдѣ-нибудь о Востокѣ, хотя бы даже (въ стихотвореніи)[6] это было, онъ выходитъ въ статьѣ своей внѣ себя и утверждаетъ, что авторъ не можетъ судить и не долженъ судить Востока, что онъ не знаетъ Востока. Рѣзкій тонъ и слово, сказанное съ сердцемъ, очень извинительны въ человѣкѣ, влюбленномъ[7] въ свой предметъ и видящемъ между прочимъ, какъ другіе его не понимаютъ. Но этотъ человѣкъ уже долженъ по крайней мѣрѣ утвердить за собою авторитетъ прочно, чтобы имѣть право издать: Сенковскому слѣдовало бы прежде издать самому книгу о Востокѣ. Ничего не дѣлавшему человѣку трудно вѣрить, — особенно, когда его сужденія и такъ непро.....[8] и облечены притомъ духомъ нетерпимости. Притомъ во всемъ сказанномъ имъ о Востокѣ, видно то же самое, въ чемъ онъ охуждаетъ другихъ, т.-е. помнитъ недурно прочитанныя книги, несмотря на то, что онъ самъ былъ на Востокѣ. Быть еще ничего не значитъ; для этого нуженъ тотъ наблюдательный, все замѣчающій умъ, который дается одному таланту: сколько есть путешественниковъ, которые путешествовали, Богъ знаетъ, гдѣ, а результатъ представили изъ чужихъ книгъ! Нельзя никакъ отвергать, чтобы

г. Сенковскій не имѣлъ свѣдѣній. Напротивъ видно, что онъ имѣетъ ихъ, что онъ много читалъ, но онъ не знаетъ самъ, на что[1], куда употребить. У него нѣтъ этой движущей, царствующей силы, которая бы умѣла направить его къ какой-нибудь цѣли. Всѣ эти свѣдѣнія находятся у него въ какомъ-то хаотическомъ броженіи, другъ другу противорѣчатъ, между собою не уживаются, какъ самые безпокойные республиканцы[2]. Но обратимся на тѣ слова и дѣла г. Сенковскаго, которыя имѣли большое вліяніе и заняли большинство писателей.

Разсмотримъ его мнѣнія чисто относительно къ текущей изящной литературѣ[3], разсмотримъ въ его сочиненіяхъ, гдѣ онъ является подъ именемъ Брамбеуса, Тютюнджоглу, Морозова, Бѣлкина—и не знаю, можетъ, и еще подъ какими-нибудь именами. Въ критикѣ г. Сенковскій показалъ чрезвычайно странное явленіе — неимѣніе совершенно никакого такта, такъ что ни одинъ изъ читателей не можетъ сказать навѣрно[4], что больше нравится рецензенту[5], что болѣе потревожило[6] и заняло его душу, что пришлось по его чувствамъ[7]. Это развѣ Богъ одинъ знаетъ[8]. Хотя бы какой-нибудь вкусъ былъ виденъ въ его рецензіяхъ, но вкуса рѣшительно въ немъ не было никакого, даже дурнаго. То, что ему сегодня нравится, онъ завтра же надъ тѣмъ смѣется[9]. Онъ растерялся весь въ похвалахъ Кукольнику, поставилъ его выше Гёте, а спустя нѣсколько времени онъ же въ разборѣ „Притчей“ Круммахера объявилъ[10], что онъ это такъ сказалъ, лишь бы только потому, что вздумалось поднять такого-то автора. Писатель, какой бы ни было, если только въ немъ есть самороднаго искра чувства и мысли, всегда бываетъ проникнутъ чувствомъ благоговѣнія къ великому собрату своему, которому принесли дань изумленія протекшія или текущія поколѣнія[11]. Онъ одного кого-нибудь избираетъ идеаломъ себѣ, котораго[12] онъ произноситъ съ священнымъ благоговѣніемъ[13]. Этотъ идеалъ его, — каково бы ни было его поклоненіе, — слѣдствіе правильнаго и глубокаго или неправильнаго и односторонняго вкуса. Но спрашиваю: какой идеалъ былъ у г. Сенковскаго? Къ кому стремился его сердечный вниманъ? Чье имя упоминалось, облеченное безграничнымъ уваженіемъ? Ничье; по крайней мѣрѣ, нигдѣ этого не замѣтно.

Вальтеръ-Скоттъ, этотъ огромный геній,[14] каждый романъ

котораго дивитъ совершенствомъ созданія, который возвелъ романъ до высшаго рода литературы и поставилъ его[1] на высшую точку, какъ созданіе[2], объемлющее полнѣе и обширнѣе другихъ жизнь, — Вальтеръ-Скоттъ, къ необыкновенному изумленію даже прежнихъ почитателей г. Сенковскаго, названъ имъ почти шарлатаномъ. Его романы названы величайшими ошибками. И это все расходилось по всей Руси. Это все читала Русь. Это все говорилось русскимъ, уже образованнымъ, уже читавшимъ Вальтеръ-Скотта. Я увѣренъ, что, можетъ быть, г. Сенковскій и самъ опомнился, потому что именно сказано такъ, какъ пришлось. — Впрочемъ[3] странно то, что онъ никогда не заботится о томъ, что̀ говоритъ, и даже въ слѣдующей статьѣ уже совершенно не помнитъ о томъ, что̀ сказалъ въ прежней.

Въ разборахъ и критикахъ г. Сенковскій никогда не говорилъ о внутреннемъ, настоящемъ достоинствѣ писателя и никогда не опредѣлялъ точными, вѣрными характеристическими чертами это достоинство[4]. (Этого не было; этому доказательство всякій можетъ сыскать, развернувши любой № „Библіотеки для чтенія“)[5]. Въ критикѣ[6] была или безусловная похвала, гдѣ рецензентъ отъ всей души занимался собственными фразами, безпрестанно варіируя ими обветшалыя мысли, или хула, которая отзывалась часто желчью и завистью: читатели помнятъ разборы Н. Гоголя. Но зависть и желчь можно извинить. Что̀ жъ дѣлать? Это расположеніе характера[7]. Пусть бы этотъ разборъ былъ слѣдствіе узнанія разбираемаго предмета, тогда бы читатели извинили это расположеніе несчастнаго характера, какъ долгъ всякаго благороднаго человѣка извинять слабости другимъ. Но всѣ эти разборы состояли въ самыхъ мелочахъ, ограничивались больше всего выпискою двухъ, трехъ фразъ, насмѣшкою надъ ними — и ничего[8] о внутреннемъ достоинствѣ книгъ, ничего о томъ, что̀ такое предложилъ себѣ авторъ книги выполнить, какъ онъ выполнилъ: если не выполнилъ, какъ долженъ былъ выполнить. [Все сказанное я говорю о разборахъ [его] важныхъ книгъ и никакъ не отношу къ разборамъ мелочей][9].— Въ томъ и другомъ случаѣ г. Сенковскій чаще всего прибѣгалъ къ остротамъ и шуткамъ; но отшучиваться тогда, когда нужно говорить о дѣлѣ, очень неприлично, тѣмъ болѣе

для г. Сенковскаго, человѣка уже немолодыхъ лѣтъ, до сихъ поръ извѣстнаго какъ профессора восточныхъ языковъ. Эти шутки часто доходятъ до того, что очень походятъ на тѣ, которыя говорятъ народу съ балаганныхъ балконовъ[1]. Въ этомъ величайшая неосмотрительность была сдѣлана Сенковскимъ. Онъ публику свою почелъ чернью и позабылъ, что, можетъ быть, уже цѣлая половина читателей Россіи стоитъ выше этого языка, которымъ онъ говорилъ съ ними. Больше всего Сенковскій занимался разборами разнаго литературнаго сора: множество всякаго роду пустыхъ книгъ; надъ ними шутилъ и трунилъ и показывалъ остроуміе, нравившееся многимъ читателямъ.

Правда, онъ поставилъ въ одномъ разборѣ выше всего въ литературѣ романъ Греча „Черная женщина“; но, если это его идеалъ и тотъ богъ, передъ которымъ онъ преклоняется благоговѣйно, то я спрашиваю[2], какое мнѣніе должны мы составить о томъ человѣкѣ, у котораго нѣтъ ничего выше, какъ „Черная женщина?“ — Романъ „Черная женщина“ имѣетъ[3] свои достоинства. Небольшая честь тому человѣку, на чей вкусъ она пришлась лучше всего, что̀ ни есть въ литературѣ. Стало-быть, у него рецензія, какъ онъ самъ признается, не есть дѣло убѣжденія и чувства, а просто слѣдствіе расположенія его духа и обстоятельствъ.

Не смотря на то, что онъ помѣщалъ въ одной и той же книжкѣ повѣсти[4] подъ однимъ именемъ, рецензіи объ ученомъ сочиненіи подъ другимъ именемъ[5], — показавши такую неутомимую дѣятельность, онъ успѣвалъ еще заняться цѣлою лѣтописью всѣхъ выходящихъ книгъ и на длинной шеренгѣ ихъ подъ каждою подписывалъ свои замѣчанія[6], шутилъ довольно остроумно о дюжинѣ ничтожныхъ книгъ и веселилъ читателей, охотниковъ до подобныхъ шутокъ. Но и здѣсь поступилъ довольно неосторожно, принявшись за такое жалкое занятіе[7], которое должно было, соединясь съ другими, совершенно отнять у него все время; и вообще человѣкъ, издерживающій все время на мелочное[8], встрѣчаетъ почти всегда противъ себя небольшое предубѣжденіе. Многіе стали чрезъ это сомнѣваться и насчетъ арабской учености[9] г. Сенковскаго, предполагая, что человѣкъ, который издерживаетъ все время на подобныя ничтожныя занятія[10], безъ сомнѣнія, не слишкомъ

силенъ въ своемъ предметѣ или не любитъ его и не имѣетъ мысли усовершенствоваться. — Итакъ, духъ критики „Библіотеки для чтенія“ не управляемъ былъ никакими правилами; онъ совершенно зависѣлъ отъ одного. И этотъ одинъ дѣйствовалъ совершенно, какъ приходилось. Ему ничего не значило вдругъ пожаловать кого-нибудь въ Байроны, а потомъ разжаловать.

Его собственныя сочиненія — повѣсти, извѣстныя, особенно подъ коими была подписываема фирма Брамбеусовъ[1], хотя совершенно нѣтъ никакихъ причинъ, почему онъ назвалъ себя такимъ страннымъ и изысканнымъ именемъ[2]. Правда, говорятъ иногда въ простонародьи: „Ахъ ты, Брамбеусъ!“ но только въ самомъ неприличномъ для сочинителя смыслѣ. Но разсмотримъ повѣсти и разныя такъ называемыя имъ фантастическія путешествія[3], писанныя этимъ Брамбеусомъ. — Эти повѣсти тоже составляютъ чрезвычайно странное явленіе[4]. Никакой (почти мысли)[5], никакой отдѣлки плана, никакого труда: видно, что они въ минуту выходили изъ-подъ пера автора, читавшаго въ это время сторонніе книги.

Вездѣ[6] они созданы человѣкомъ, читавшимъ всѣ произведенія, всегда преувеличенныя и неестественныя, писателей нынѣшней французской школы, и между тѣмъ не сумѣвшимъ замѣтить въ нихъ того, что̀ имѣютъ они въ себѣ истинно хорошаго, и схватившимся за одну наружную оболочку. И тѣмъ болѣе явленіе это странно, что самъ г. Сенковскій во всѣхъ книжкахъ журнала всегда являлся громомеч(ущимъ)[7] противъ французской литературы, подсмѣивался надъ Бальзакомъ, Жане(номъ)[8], Сю, Гюго, между тѣмъ какъ старался всѣми силами писать въ ихъ духѣ; и, если бы онъ владѣлъ какимъ-нибудь талантомъ и вкусомъ, весьма можетъ быть, его имя осталось бы въ лѣтописяхъ литературы послѣ именъ имъ же позоренныхъ наставниковъ[9] его. Но всѣ его повѣсти, мы должны искренно признаться, больше ничего, кромѣ пародіи на повѣсти писателей французской школы[10]. То, что̀ въ его оригиналахъ преувеличено и неестественно, то является у него карикатурно[11], и вездѣ[12] въ нихъ прорывается вовсе неприличный[13] тонъ неумѣстной шутки и наконецъ такая грязная и непристойная кисть, что я не знаю, какъ читали его дамы, если только читали его. По крайней мѣрѣ ни у кого

не достанетъ духа пересказать ихъ печатно, напримѣръ: какъ герой повѣсти головою внизъ попалъ губернаторшѣ... нѣтъ, этого... никакъ нельзя окончить; какъ чортъ вертѣлся нѣсколько часовъ...[1] — и этого никакъ невозможно сказать. Любопытныхъ я отсылаю къ одному изъ №№ „Литературныхъ Прибавленій“, гдѣ г. Воейковъ выписалъ всѣ эти мѣста, которыя заняли нѣсколько столбцовъ его газеты. Признаюсь, это удивительно, какъ Сенковскій, человѣкъ впрочемъ довольно умный, не разсчелъ этого, что очень непростительная ошибка стараться нравиться какому-нибудь грубому[2] сидѣльцу книжной лавки или какому-нибудь читателю, только фракомъ своимъ отличающемуся отъ простой черни. Вездѣ[3] видно, что г. Сенковскій именно выѣзжалъ на этихъ мѣстахъ и думалъ ими сорвать улыбку и даже смѣхъ съ публики. Во всякомъ случаѣ это поступлено совершенно безъ всякаго размышленія: онъ далъ своимъ критикамъ противъ себя еще одно оружіе. Любопытно, что этотъ же самый г. Сенковскій, показавшій въ такой степени неопрятность своихъ выраженій, напалъ очень жарко на г. Гоголя[4] и, доказывая[5], именно нападалъ на дурной вкусъ, на неопрятность выраженій.

В. .....[6] почитаютъ съ своей стороны священнымъ долгомъ[7] предувѣдомить публику[8]. — Эта тактика забѣжать зайцемъ впередъ прежде своего противника всегда имѣла большое вліяніе на безчисленныхъ подписчиковъ[9], которые не хотѣли и развертывать книги[10] и рецензіи, получивши такое предостереженіе.

Итакъ, выходка „Наблюдателя“ скользнула[11] какъ пуля по толстой кожѣ[12] носорога, отъ которой даже не чихнулъ тучный четвероногій. Пославши передовую пулю, „Московскій Наблюдатель“ замолчалъ, — доказательство, что онъ не начерталъ для себя вовсе никакого обдуманнаго плана дѣйствій и что редакторъ рѣшительно не зналъ, какъ и что̀ начать, какъ плохой актеръ, который никакъ не знаетъ, куда дѣть свои руки на сценѣ. Эта ошибка чрезвычайно важна. Нужно или не начинать, или если начать, то уже[13] не отставать. Если они съ перваго номера начали нападеніемъ, то должны уже заботиться о томъ, чтобы всякій ударъ своего противника отражать, на каждое слово отвѣтить словомъ. Это тѣмъ бо-

лѣе нужно въ нынѣшнемъ положеніи, въ какомъ находится русская публика, гдѣ именно беретъ то мнѣніе, чье лежитъ наверху. Такимъ только постоянствомъ дѣйствій[1] могъ „Наблюдатель“ дать себѣ (характеръ)[2] и ходъ, возрастить число подписчиковъ и сдѣлать имя свое извѣстнымъ многочисленной публикѣ, какъ сдѣлалъ его извѣстнымъ „Телеграфъ“, дѣйствуя такимъ образомъ и почти при такихъ же обстоятельствахъ, когда союзъ двухъ друзей Булгарина и Греча располагалъ всеобщимъ мнѣніемъ. Нѣсколько номеровъ выпустилъ вслѣдъ за тѣмъ „Наблюдатель“ въ защиту и подкрѣпленіе мнѣній своей статьи, и ни въ одномъ изъ нихъ ничего (не сказалъ)[3] ни въ защиту, ни въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній. Черезъ нѣсколько номеровъ показалась наконецъ статья, посвященная Барону Брамбеусу, по поводу одной давно напечатанной въ „Библіотекѣ“ и чрезвычайно странной статьи подъ именемъ: „Брамбеусъ и юная словесность“, въ которой, къ необыкновенному изумленію, Брамбеусъ назвалъ самъ себя законодателемъ какой-то новой школы и вводителемъ новой эпохи въ русскую литературу. Это бывало чрезвычайно чудно. — Правда, похваливали себя многіе литераторы, но похваливали все же таки довольно искусно или подъ видомъ друзей своихъ, или сами говорили, но все, по крайней мѣрѣ[4], съ нѣкоторою застѣнчивостью, краснѣя, и послѣ сами старались все это сверху какъ-нибудь загресть своими же руками, чувствуя, что ужъ нѣсколько проговорились. Но никогда еще авторъ не хвалилъ самого себя такъ свободно, непринужденно, безъ всякой совершенно робости, какъ въ этой статьѣ Баронъ Брамбеусъ. Онъ здѣсь ужъ совершенно безъ всякихъ чиновъ[5], кажется, какъ будто бы вышелъ онъ въ публику въ своемъ домашнемъ халатѣ съ трубкою въ зубахъ, сѣлъ и облокотился[6] передъ нею довольно свободно въ вольтеровскихъ креслахъ. Эта оригинальная статья слишкомъ была ярка. Ею занялся и „Телескопъ“ и подтрунилъ по-своему, что-то намекнулъ вскользь и г. Воейковъ. Наконецъ она возродила статью и въ „Московскомъ Наблюдателѣ...“ Цѣль этой статьи была доказать, откуда Баронъ Брамбеусъ почерпнулъ свою знаменитость, какими чужими твореньями[7] онъ пользовался какъ своими, другими словами: изъ какихъ лоскутковъ Баронъ Брамбеусъ сшилъ себѣ халатъ. Изъ этой статьи оказа-

лось, что халатъ сшитъ изъ разныхъ кусковъ: очень много есть Рабеле, не мало Бальзака, довольно изъ Жанена, и что эти куски сшиты, не слишкомъ заботясь приличнымъ подборомъ, такъ что въ одномъ и томъ же халатѣ есть кусокъ и суконный, и матерчатый, и изъ простой холстинки, — какъ пришлось. Работа была скорая, стало-быть, разсматривать было некогда.

Все это не худо, и статья вообще была очень нужная для публики, но ее нужно было написать короче, живѣе, яснѣе, стало быть, болѣе доступно для публики, которая всегда торопится читать, и если критическія статьи лишены соли или[1] такихъ шутокъ, какъ въ „Библіотекѣ для чтенія“, то она не заставитъ себя читать[2], потому что многочисленная часть публики[3], если любитъ длинное, то развѣ только романы.

С.....Ничего объ этомъ, рѣшительно ничего. Какой-то эгоизмъ сдѣлался духомъ критики (въ журналахъ этого времени)[4]. Я сдѣлалось главною статьею[5] и сюжетомъ. Всякій говорилъ о себѣ или дѣлалъ мелкія выписки, придирки къ своему товарищу, не значившія рѣшительно ничего. — Это *я* началось съ „Московскимъ Телеграфомъ“ и „Сѣверной Пчелой“, и съ тѣхъ поръ сдѣлалось господиномъ въ русской литературѣ. Посмотрите, гдѣ, напримѣръ, хвалятся романы Булгарина, Греча и Сенковскихъ? — въ журналахъ, издаваемыхъ Гречемъ и Булгаринымъ, и Сенковскимъ. — И вѣдь какъ хвалятъ? Не то, что „этотъ романъ хорошъ“, или „книга хороша“. Нѣтъ! совсѣмъ не такъ. „Это — книга“, говорятъ, „чудная, прекрасная, удивительная, необыкновенная, неслыханная, геніальная, первая на Руси; продается по пятнадцати рублей; авторъ выше Вальтеръ-Скотта, Гумбольдта, Гёте, Байрона; возьмите, переплетите ее, поставьте ее въ библіотеку, также и второе изданіе купите: хорошаго не мѣшаетъ и по два экземпляра, также поставьте въ библіотеку ее“[6]. Вотъ какимъ образомъ дѣлается дѣло. Если кто незнающій возьметъ въ руки, напримѣръ, хоть петербургскіе журналы, то выведетъ итогъ, что на Руси никого больше и нѣтъ, какъ только Булгаринъ, Гречъ и Сенковскій. Этотъ эгоизмъ виденъ былъ болѣе особенно въ послѣдніе два года — тѣмъ болѣе, что всѣ противники были без-

сильны: указать рѣшительно некого, и нынѣшніе автобіографы знали, что безсильнаго голоса [1] ихъ никто не услышитъ.

За два года до того или еще раньше какъ-то все еще господа эти боялись нѣсколько[2], — боялись, потому что тогда критика приняла тоже какое-то[3] чрезвычайно странное выраженіе. Вмѣсто того, чтобы говорить о дѣлѣ или говорить о литературныхъ трудахъ[4] автора, рецензенты говорили совершенно о другихъ обстоятельствахъ: разсказывали разные труды автора на поприщѣ вовсе нелитературномъ: гдѣ былъ онъ прежде, нежели сдѣлался авторомъ, что дѣлалъ, что теперь дѣлаетъ литераторъ, къ кому ходитъ, гдѣ кушалъ чай[5], любитъ ли выпить или не любитъ, женатъ или не женатъ, и какая у него жена, и тому подобное. Этотъ семейственный духъ критики былъ совершенно безтолковъ и неприличенъ для публики, да едва ли и не для самихъ рецензентовъ. Это сердило больше никого кромѣ ихъ самихъ. На одно слово отрѣзывали десять, и каждый изъ противниковъ[6] всегда публику выбиралъ третьимъ лицомъ, спрашивалъ у ней: „не такъ ли?“ и, не дожидаясь отвѣта, обращался къ своему противнику съ словами: „вотъ, видите, и публика говоритъ то же со мною“. — А противникъ, съ своей стороны, забѣгалъ такимъ же порядкомъ, такъ что у бѣдной публики кружилась голова, и она, наконецъ, не будучи въ состояніи понять, въ чемъ дѣло, бросала газету или журналъ.

Теперь въ журналахъ, по крайней мѣрѣ въ журналахъ распространяющихся, господствуетъ единство[7]. Нѣтъ ни противниковъ, ни болтуновъ, разсказывающихъ домашнія тайны, и издатели не воюютъ ни съ кѣмъ, но зато безъ умолку говорятъ о себѣ.

Въ московскихъ журналахъ менѣе видно этого эгоизма. Но зато всегда почти рецензентъ въ критикахъ своихъ старается выказать свою ловкость и удальство[8], какъ будто приглашаетъ другихъ посмотрѣть, какъ онъ ловко изъясняется; въ мелочныхъ статейкахъ какъ-то въ Москвѣ виденъ еще нѣсколько прежній семейственный духъ критики; онъ же прокрадывается отчасти въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“.

Болѣе и прямѣе относятся къ дѣлу критики...[9] Здѣсь по крайней мѣрѣ видно, что авторъ говоритъ по собственному внушенію, передаетъ все это такъ, какъ приняла душа его.

Въ нихъ виденъ вездѣ мыслящій человѣкъ, часто увлекающійся первымъ впечатлѣніемъ, отъ нетерпѣнія можетъ быть [1] скорѣе изъявить его.

Въ критикахъ Бѣлинскаго, помѣщающихся въ „Телескопѣ“, виденъ [2] вкусъ, хотя еще не образовавшійся, молодой и опрометчивый, но служащій порукою за будущее развитіе, потому что основанъ на чувствѣ и душевномъ убѣжденіи. При всемъ этомъ въ нихъ много есть въ духѣ прежней семейственной критики, что̀ вовсе неумѣстно и неприлично, а тѣмъ болѣе для публики.

D. (Вообще въ нынѣшнихъ критикахъ распространилось страшное литературное безвѣріе)[3].

Если извлечь изъ этого всего духъ нашей критики и, стало-быть, ея характеристику, то увидимъ два, хотя не вездѣ рѣзко [4] выказывающіяся направленія, — увидимъ ясно: духъ петербургскихъ журналовъ [5] совершенно отличенъ отъ московскихъ. Въ большей части критики журналовъ московскихъ (видишь) [6] все же вкусъ, сообщающій живость, видишь какую-нибудь любовь къ искусству [7]; въ Петербургѣ, напротивъ, критики, такъ называемыя благопристойныя, чрезвычайно холодны. Разбираемое сочиненіе превозносится выше Байрона, Гёте и проч.; но нигдѣ не отыщетъ читатель, чтобы это было признакомъ чувства, признакомъ пониманія и истекало [8] изъ глубины признательной, растроганной души. Часто [9] эти критики принимаютъ живость и даже горячій слогъ, но только тогда, когда рецензентъ задѣтъ за живое. Иногда дѣло относится къ его личному достоинству. Притомъ главный характеръ нашей критики нынѣшней есть страшное литературное безвѣріе. Нигдѣ вы не встрѣтите, чтобы упоминались имена нашихъ уже окончившихъ поприще писателей, которые, какъ съ облаковъ, взираютъ на насъ, осѣненные лучами своей славы. Ни одинъ изъ критиковъ не поднялъ благоговѣйно глазъ своихъ, чтобы увидѣть, но, напротивъ, они хлопочутъ совершенно о себѣ. Никогда почти не стоятъ въ журнальныхъ страницахъ нашихъ имена Державина, Ломоносова, Фонъ-Визина, Богдановича, Батюшкова; никогда, ничего о духѣ ихъ, о вліяніи, можетъ быть, еще остающемся, еще замѣтномъ; никогда даже въ сравненіе съ нынѣшнею эпохою не берутся. Стало-быть, ни одно изъ этихъ соображе-

ній и сравненій, — вѣрное и ясное слѣдствіе, можетъ быть, разрѣшить чрезвычайно много въ нашей литературѣ, — не имѣетъ чрезъ то мѣста въ нашей критикѣ, такъ что въ нашихъ критикахъ[1] наша эпоха совершенно кажется какъ будто отрубленною отъ прежнихъ, какъ будто не истекшею[2], не рожденною ею, какъ будто у насъ нѣтъ вовсе начала[3], какъ будто прошедшее и исторія для насъ не существуетъ. Это литературное невѣжество чрезвычайно распространяется между разными молодыми (что̀ замѣтно изъ опрометчивыхъ и рѣзкихъ мнѣній) рецензентами[4]. Такъ наша критическая литература нынѣшняя чрезвычайно похожа на наносную, такъ что не успѣваютъ наступить два-три года, какъ мнѣнія и толки ея, довольно громкіе, совершенно умираютъ, какъ звукъ, не повторенный отголоскомъ, какъ цѣлыя фразы[5], сказанныя на[6] вечерахъ и балахъ, которыхъ никто не имѣетъ надобности записывать и помнить. — Примѣръ Сенковскаго возродилъ множество молодыхъ партизановъ въ Петербургѣ, которые въ своихъ рецензіяхъ также крикливы и заносчивы: судятъ и рядятъ о томъ и другомъ, не смотря ни направо, ни налѣво, и хвалятъ взапуски своего патрона. Имена писателей[7], уже укрѣпившихъ свою славу, и писателей[8], еще требующихъ ее[9], сдѣлались совершенно игрушкою. Желая чѣмъ-нибудь отмстить своему противнику, рецензентъ роняетъ[10] тѣхъ, которыхъ поднялъ его противникъ. Тотъ говоритъ, что первый[11] — Калашниковъ, Масальскій и проч. и проч.; другой, что — Вельтманъ, Лажечниковъ, Павловъ, кн. Одоевскій и проч. безъ всякаго разбору о томъ, что иногда имена эти вовсе не придутся и не идутъ вмѣстѣ. Иное имя своею славою часто бываетъ обязано ссорѣ двухъ рецензентовъ[12]. Не говоря никогда о писателяхъ отечественныхъ, не упоминая ни слова о достоинствахъ ихъ, рецензентъ, о чемъ бы ни говорилъ, хотя бы о какой-нибудь пустѣйшей книжкѣ, непремѣнно начнетъ Шекспиромъ[13], котораго между прочимъ онъ вовсе не читалъ, а хоть и читалъ, но[14] и верхушки не понялъ, потому что понять Шекспира — тоже нужно таланту. Но о Шекспирѣ пошло въ моду говорить — подавай сюда Шекспира, и отголосокъ журнальнаго европейскаго ума еще неудачнѣе[15] и безсвязнѣе повторяется, такъ что на „здравствуй“ уже рѣшительно отвѣчаетъ[16] у насъ: „къ вашимъ услугамъ“; и объ этомъ тоже не заботятся наши

рецензенты и повторяютъ со всею свободою ловкаго обращенія пошлые, уже старые толки о Шекспирѣ. Такимъ образомъ, сказавши о Шекспирѣ, или о комъ-нибудь другомъ, рецензентъ продолжаетъ: „съ сей точки начнемъ мы теперь разбирать открытую предъ нами [1] книгу; посмотримъ, какъ авторъ нашъ соотвѣтствовалъ Шекспиру“. А между тѣмъ разбираемая книга — чепуха, и страшная, и писана, откинувъ всякія претензіи на Шекспира, и совершенно въ духѣ г. рецензента.

Итакъ вотъ наша критика!

Вотъ кто наши строгіе цѣнители и судьи!

Сказалъ ли въ эти два года мнѣніе свое кто-нибудь изъ почетныхъ гражданъ нашего Парнасса, изъ тѣхъ, чьи творенія составили нашу литературу[2], чьи труды дали право возвысить свой голосъ и требовать всеобщаго къ нему вниманія? Сказалъ ли что-нибудь Жуковскій, Пушкинъ, князь Вяземскій, Крыловъ? [3] Сказалъ ли изъ молодыхъ, но чьи труды уже пріобрѣтаютъ имъ мѣсто въ литературѣ, — сказалъ ли мнѣніе свое Языковъ [4], Гоголь? [5]

Но кто говорилъ у насъ, судилъ и рядилъ? Говорила у насъ вмѣсто этого цѣлая русская азбука, цѣлый легіонъ безыменныхъ критиковъ подъ разными буквами и подложными именами, иногда даже подъ самою короткою фирмою: „сообщено“, — а откуда, Богъ его знаетъ. Одинъ только Шевыревъ подалъ раза два голосъ свой, — голосъ, получившій авторитетъ критиками, заслуживающими назваться замѣчательными [6] и оригинальными явленіями, да еще, можетъ, два или три слегка отозвались съ двумя, тремя мыслями и потомъ замолчали.

Странно требовать, чтобы писатели съ большимъ талантомъ [7] опустились и погрязли въ низкую журнальную сферу, гдѣ бойцы всякаго рода завели свой рынокъ: талантъ всегда чуждается [8] этого безсвязнаго шума. Но [9] съ другой стороны на талантахъ лежитъ ничѣмъ незагладимый упрекъ, если они совершенно закрыли глаза на мнѣнія, безпрестанно родящіяся и обращающіяся [10] повсюду, занимающія всѣхъ, потому что эти мнѣнія, какъ бы то ни было, созидаютъ и воспитываютъ большинство читающей публики, и неправильное испорченное воспитаніе должно лежать на душѣ великихъ писателей, если они не подали своего голоса.

(По этому-то самому меня обрадовало такъ объявленіе[1] о новомъ журналѣ, подъ которымъ подписано было Ваше, знакомое всей Россіи, имя. Это объявленіе было причиною рожденія посылаемой къ вамъ статьи)[2].

Да и никогда[3] важныя сочиненія[4] не составляли цѣли и предмета рецензента. Вниманіе многихъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ было устремлено на цѣлую шеренгу пустыхъ книгъ, которыхъ набравши въ кучу, рецензентъ подшучивалъ надъ ихъ неопрятностью и говорилъ[5] именно для того, чтобы показать свою остроту и чтобы смѣялись его собственнымъ каламбурамъ и любезности[6]. Эти остроты достигали своей цѣли; но спрашивается: „развѣ это критика?“ Въ сурьезномъ, въ важномъ зато дѣло дошло до величайшихъ пустяковъ. Г. Сенковскій завязалъ цѣлое дѣло о двухъ мѣстоименіяхъ: *сей* и *оный*, которое вообразилось ему неумѣстнымъ въ русскомъ стилѣ и, смѣшно сказать, (онъ объ этихъ мѣстоименіяхъ)[7] писалъ цѣлыя статьи, и каждая статья его, о какомъ бы ни было предметѣ, оканчивалась всегда тѣмъ, что мѣстоименія *сей* и *оный* неприличны въ русской литературѣ. Это напомнило главный конекъ писателя 18-го столѣтія Тредьяковскаго[8], который съ такимъ же ожесточеніемъ стоялъ за десятеричное *і* и ижицу. Книга, въ которой встрѣчалъ онъ эти два мѣстоименія, уже считалась нестоющею. Итакъ, вотъ до чего дошла русская критика!

Сверкала ли когда та радость, съ которой привѣтствуется талантъ?...

На талантѣ еще лежитъ другая мысль, сильно бременящая его своею тяжестью. Окинувъ духовными глазами итогъ мнѣній, существующихъ и обращающихся въ толпѣ, — мнѣній, составленныхъ о писателяхъ, его предшественникахъ, мнѣній неправильныхъ, невѣжественныхъ, безсмысленно повторяемыхъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, онъ долженъ быть пораженъ[9] собственною, ожидающею его впереди, участью. И эта опасность уже налагаетъ на него обязанность быть менѣе равнодушнымъ къ текущимъ мнѣніямъ.

Критика, основанная на глубокомъ вкусѣ и умѣ, критика высокаго таланта имѣетъ достоинство также замѣчательное и оригинальное, какъ[10] собственное твореніе. Въ ней открываются читателю два важныя явленія[11]: въ ней виденъ разбираемый писатель; въ ней[12] виденъ еще болѣе самъ разбираю-

щій, опредѣляющій здѣсь собственный сгибъ ума[1], характеръ и физіогномію и выраженіе[2] образомъ воззрѣнія своего. Критика, начертанная талантомъ, переживаетъ эфемерность журнальнаго существованія и составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ въ собраніи[3] его твореній[4], — страницъ, гдѣ могущественнѣе и глубже отражается[5] умъ его. Для исторіи же литературы такая критика ничѣмъ неоцѣнима, какъ найденныя древности — въ историческомъ, какъ открытія земли — въ географическомъ мірѣ[6]. Наша литература молода; корифеевъ ея было немного, но для критика мыслящаго она представляетъ цѣлое поле, работу на цѣлые годы. Писатели наши отлились совершенно въ особенную форму, нежели писатели другихъ земель, и, несмотря на[7] общую черту нашей литературы[8], — подражанія опередившимъ насъ европейцамъ, — они заключаютъ въ себѣ чисто русскіе элементы и подражаніе наше носитъ совершенно своеобразный характеръ, представляетъ явленіе замѣчательное, явленіе даже для европейской литературы. У насъ есть нѣсколько писателей, которые принадлежатъ собственнымъ своимъ мыслямъ. Гдѣ вы найдете похожаго на нашего Державина? Это не Горацій, не Пиндаръ[9]: но европейскій, означенный спокойнымъ лиризмомъ поэтъ. У него своя, самородная, дикая, сверкающая поэзія, не Оссіановская, не германская, не италіанская, — текущая, колоссально разливаясь, какъ Россія. — Что такое нашъ Фонъ-Визинъ? Это не Мольеръ, не Шериданъ, не Бомарше, не Гольдони; юморъ его не аглицкій, не французскій. Что такое нашъ Жуковскій? Это одно изъ замѣчательныхъ явленій[10], поэтъ, явившійся оригинальнымъ въ переводахъ, возведшій всѣ сильные и малосильные оригиналы до себя[11], создавшій новый, совершенно оригинальный родъ — быть оригинальнымъ. Возьмите нашего Крылова. Поэтъ, явившійся чисто русскимъ и національнымъ: и гдѣ же русскимъ? — въ басняхъ, всеобщемъ выраженіи, гдѣ ни одинъ поэтъ еще не вонзаетъ[12] ума своего, — жизни и образа мыслей своего народа. И въ баснѣ у него выразился чисто русскій сгибъ ума, новый юморъ, незнакомый ни французамъ, ни нѣмцамъ, ни англичанамъ и ни итальянцамъ. — И какъ всѣ эти поэты различны между собою! какія сильныя противоположности представляютъ[13] въ собраніи своемъ воедино! какія многообразныя стороны русскаго духа они представляютъ! Какъ широко раскинутъ фундаментъ колоссальнаго зданія будущей русской литературы!

И послѣ этого кто можетъ сказать, что мало трудовъ для русской критики? Видите ли эти зарождающіеся атомы какихъ-то новыхъ стихій? Видите ли эту движущую, снующуюся кучу[1] прозаическихъ повѣстей и романовъ, еще блѣдныхъ, неопредѣленныхъ, но уже сверкающихъ изрѣдка искрами свѣта, показывающими скорое зарожденіе чего-(то)[2] оригинальнаго: колоссальное, можетъ быть, совершенно новое, неслыханное въ Европѣ явленіе[3], предвѣщающее[4] будущее законодательство Россіи въ литературномъ мірѣ, — что должно осуществиться непремѣнно, потому что стихіи слишкомъ колоссальны и рамы для картины сдѣлались слишкомъ огромны.

Бросьте взглядъ отъ начала до нашего времени. Видите ли вы, какъ духомъ подражанія двигалась масса русской литературы и какъ русскій духъ выбрасывался вверхъ[5] самороднымъ сверкающимъ ключемъ собственнаго вдохновенія и при новомъ перемѣнномъ вѣтрѣ подражанія выражался новыми оригинальными чертами, оббирая[6], что можетъ представить для критики одна эта безпрестанная перемѣна иностранныхъ чуждыхъ вліяній и слѣдствія, производимыя ими на нашихъ писателей и литературу.

Но довольно этого, чтобы видѣть, какъ важна у насъ критика, какъ рѣдко занимаются ею вообще наши журналы и какое мелкое дѣлаютъ изъ нея употребленіе[7]. Но, можетъ быть, съ текущимъ годомъ болѣе покажется дѣятельности; можетъ быть, болѣе появится журналовъ, а съ ними независимости мнѣній, разнообразія и оригинальности. Соревнованіе родитъ и въ старыхъ болѣе желанія соотвѣтствовать своей цѣли.

Выразимъ по крайней мѣрѣ съ своей стороны чистое желаніе...[8]

По крайней мѣрѣ уже замѣтно какое-то утѣшительное стремленіе къ этому: нѣкоторые журналы обѣщаютъ[9] издаваться съ большимъ противу прежняго раченіемъ. Издатели „Сына Отечества“ и издатель „Телескопа“ заговорили объ улучшеніяхъ. Нельзя и сомнѣваться, чтобы при большемъ стараніи невозможно было сдѣлать большаго. По крайней мѣрѣ[10] со всѣмъ чистосердечіемъ и жаркою молитвою ниспосылается желаніе отъ пишущаго эту статью: старанія всѣхъ и каждаго...[11] сторицею, и чѣмъ безкорыстнѣе и добросовѣстнѣе ихъ старанія, тѣмъ болѣе да будетъ онъ награжденъ заслуженнымъ вниманіемъ и благодарностію!

2.

Наброски позднѣйшіе.

А. Итакъ, вотъ въ чемъ состояли ихъ взаимныя дѣйствія. Что же такое внесли они въ эти два года въ архивъ литературы нашей? Что опредѣлили, что доказали? Чему дали вѣсъ, установили неизмѣнную цѣну? Эти пункты довольно важны, потому что для нихъ существуютъ журналы. Множество разнаго рода статей еще не составляетъ журналъ. Существованіе журнала составляетъ одна критика; здѣсь только видна цѣль его[1]. Вообще наши журналисты думаютъ, что цѣль ихъ достаточно видна изъ того[2], если они напишутъ длинную программу и выставятъ побольше число статей, заключавшихся въ ихъ журналѣ. „Сынъ Отечества“ въ продолженіи десяти лѣтъ печаталъ разнообразныя заглавія статей, изъ которыхъ видно было, что въ журналѣ помѣщается Исторія, Исторія русская, Исторія вообще, Этнографія, Географія, Статистика, Политика, Правовѣдѣніе[3] и Иностранная словесность, Изящная словесность, Археологія и проч. и проч. Иной[4] ахнетъ, прочитавши такую ужасную программу — подумаетъ: „что это въ самомъ дѣлѣ за огромное изданіе?“ Ничего не бывало: въ каждую недѣлю являлась тоненькая книжка, чрезвычайно скромная, гдѣ первая статья была — разсужденіе о болѣзняхъ, которую не читали даже медики, какая-то[5] неопредѣленная статья въ родѣ повѣсти, да „смѣсь“, въ которой помѣщалось два анекдота изъ „Сѣверной Пчелы“. Вотъ что значитъ у насъ программа! „Библіотека для чтенія“ первая носитъ доказательство, что значитъ журналъ, не имѣющій никакой цѣли. Какое огромное множество статей! И между ними есть даже много замѣчательныхъ. Но что значитъ весь журналъ? Критики, произведенной вкусомъ, нѣтъ, и весь журналъ кажется пустъ. Вкуса нѣтъ, — и въ журналѣ помѣщается рядомъ съ хорошимъ нестерпимо дурное... „Наблюдатель“ какую выставилъ тоже программу? Какъ онъ обстоятельно разсказалъ, что въ немъ[6] будетъ и то и то помѣщать въ своемъ журналѣ! И какъ все это солидно, благородно! А между тѣмъ какъ онъ издавался? Два, три стихотворенія Языкова и Баратынскаго да критика, помѣщенная Павловымъ, заставляютъ

только жалѣть, что попали сюда. Что же такое поставляютъ обыкновенно цѣлью своей критики журналы?[1] Журналы почитаютъ обыкновенно, что дали совершенно понятіе о цѣли критики своей, стало-быть, вмѣстѣ и журнала, тѣмъ, что скажутъ: „Критика наша чужда всякихъ литературныхъ партій, сужденія свои будетъ изъявлять безпристрастно, съ умѣренностію и благоразуміемъ“, — словомъ, они приводятъ то, чего бы не должно приводить[2] вовсе и что, само собою разумѣется, долженъ сохранить всякій критикъ. При этомъ, это — внѣшняя, можно сказать, наружная форма, все равно, какъ бы я, вмѣсто того, чтобы показывать всѣ доблестныя качества человѣка, ограничился бы только тѣмъ, что разсказалъ, какой у него носъ и какъ онъ бреетъ свою бороду. — Отложивши всякія претензіи, я предлагаю вопросъ: схватите нить котораго-нибудь изъ этихъ журналовъ и найдите[3] мнѣ, къ чему направлена она, на чемъ стоитъ. (Что такое каждый изъ этихъ журналовъ предположилъ себѣ сдѣлать? Для какой любимой мысли онъ дѣйствуетъ, и что такое хочетъ доказать, когда издавался, и проч. и проч.?)[4] Но этой-то нити и не отыщете въ нашихъ журналахъ. Можетъ быть, они имѣли какое-нибудь[5] иное намѣреніе при изданіи журнала; по крайней мѣрѣ, этого главнаго намѣренія[6] не выказывается въ кучѣ статей, въ выборѣ ихъ, ни въ своихъ сочиненіяхъ. Разсмотрите[7], гдѣ возвышался ихъ голосъ: былъ ли онъ истолкователемъ какого-нибудь великаго изъ литературныхъ всеобщихъ явленій, на которое глядятъ со всѣхъ сторонъ люди, и каждый видитъ подъ своимъ угломъ зрѣнія съ той стороны, такъ что видитъ стороны, незримыя для другаго. Вы увидите, что голосъ ихъ расточался на мелочи, а слова то никакого не видите. Исполнили они[8], или нѣтъ свое дѣло,— по крайней мѣрѣ стремленіе къ этому проявлялось[9] сквозящимъ[10] сквозь всю толпу ихъ. А что было стремленіемъ этихъ журналовъ? Заниматься бѣглымъ разборомъ мелочей[11], отпускать остроты, гдѣ ихъ не нужно[12], а вмѣсто мыслей ставить только восклицательные знаки — не значитъ исполнять обязанности журналиста. Привести мѣста изъ текущей[13] словесности иностранной и присовокупить къ ней свою эпиграмму — не значитъ дать идею о европейскихъ трудахъ. Журналистъ не есть паяцъ, который обязанъ смѣшить публику. Перевернувши за эти два года

журналы, подумаешь, что вообще[1] явленія, совершавшіяся[2] въ это время, были чрезвычайно малозначительны. А между тѣмъ въ это время.....[3]

О чемъ же говорили[4] наши журналы? Они говорили о ближайшихъ и любимыхъ предметахъ: они говорили о себѣ. Сочиненія[5] Булгарина, Сенковскаго и Греча говорились и хвалились очень критикою[6] въ журналахъ, издаваемыхъ Булгаринымъ, Сенковскимъ и Гречемъ[7] — и вѣдь какъ хвалились! выставляли на видъ себя, защищали только себя, говорили горячо только противъ тѣхъ, которые судили ихъ.....

Они довели до того, что журнальная критика рѣшительно стала незначительною[8]. Если авторъ съ книжкою подъ мышкою являлся къ журналисту и представлялъ ее въ презентъ, какъ проситель представляетъ куль муки взяточнику-судьѣ, то онъ могъ быть увѣренъ, что книга его будетъ расхвалена. Словомъ, у нашихъ журналистовъ есть беззаботность[9]: имъ и дѣла нѣтъ до того, что̀ будутъ говорить потомки. Ни одного не видѣла публика неподкупнаго строгаго судьи, въ чью мысль вѣрилъ бы.....

2). Въ сужденіяхъ распространилось чрезвычайное литературное безвѣріе. Большая часть книгъ хвалились безъ всякаго разбора[10]. Если счесть итогъ всѣхъ книгъ, пожалованныхъ въ первоклассныя, то кто-нибудь подумаетъ, что нѣтъ въ мірѣ богаче русской литературы, и только чрезъ нѣсколько времени противоположные толки тѣхъ же самыхъ рецензентовъ о тѣхъ же самыхъ книгахъ заставятъ его задуматься и приведутъ его въ недоумѣніе[11]. — Зато половина рецензій есть такого рода, въ которомъ читатель можетъ читать характеръ рецензента, особливо если дѣло шло до разбора сочиненія его непріятеля. Такъ, рецензентъ позволялъ себѣ увлекаться первою минутою гнѣва. Этотъ гнѣвъ часто до такой степени силенъ, что не давалъ ему видѣть всѣхъ недостатковъ соперника, выражался....[12] неприличными выходками, недостойными человѣка образованнаго — —[13], который бы видѣлъ[14] передъ глазами своими сочиненіе, а не автора.

В. Распространилось въ[15] большой степени чтеніе оригинальныхъ романовъ, холодныхъ, скучныхъ повѣстей и вообще[16]

равнодушіе къ поэзіи и созданіямъ поэтическимъ. Явственнѣе, нежели когда-либо прежде, стало расположеніе публики; доказательство этого[1].....

Показались[2] изданія Державина, Карамзина, которые гласно требовали своего опредѣленія[3], какъ и всѣ другіе наши старые писатели, потому что въ литературѣ нѣтъ смерти: они гласно требовали (исправленія)[4] неправильно составившихся о нихъ мыслей. Но сказали ли журналы съ великою обдуманностію и размышленіемъ, кто такой былъ Вальтеръ-Скоттъ? Опредѣлили ли, что̀ такое французская литература? изъ чего, откуда она произошла? отчего поэзія на насъ меньше дѣйствуетъ нынѣ? что̀ такое русская публика, для (которой)[5] мы пишемъ? въ чемъ состоитъ оригинальность и характеръ нашихъ писателей? Объ этомъ (sic) и не занялась наша журналистика: Вальтера-Скотта побранили; французскую литературу одну приняли.....[6] Вопросомъ: отчего читаютъ у насъ водяные романы? — не занялись[7], даже не задали себѣ. Объ Державинѣ, Карамзинѣ не сказали ничего, и если сказали, — то, что̀ говоритъ уѣздный учитель своему ученику, и отдѣлались обветшалыми мнѣніями.

С. Отъ чего же все это произошло, — что критика наша, журнальныя мнѣнія наши были такъ незначительны, такъ мало отвѣчали требованіямъ просвѣщеннаго, образованнаго читателя? Для этого нужно разсмотрѣть, кто занимался нашею литературою. Занимались ею г. Булгаринъ, г. Гречъ и г. Сенковскій, люди очень умные[8], — писатели, которые сдѣлались литераторами уже въ лѣтахъ преклонныхъ, которые не были извѣстны никакими литературными трудами въ то время, когда мало было еще читателей и писатели писали только.....[9] будучи внутренними побужденіями передать кому бы то ни было свои мысли. Они же сдѣлались писателями уже въ наше время — тогда, когда литература стала приносить значительный доходъ. Взгляни[10] безпристрастно на ихъ[11] труды. Г. Гречъ очень полезный для насъ писатель и началъ раньше другихъ трудиться; но его труды состояли въ занятіяхъ русскою грамматикою, — занятіяхъ очень полезныхъ для нашего языка[12], за которыя ему, вѣрно, всѣ благодарны[13]. Но никогда ни

въ чемъ (не былъ), не показалъ онъ критическаго ума и эстетическаго вкуса. Изданная имъ „Литература“ — очень важная, нужная книга въ томъ отношеніи, что она — обстоятельный указатель изданныхъ у насъ сочиненій, точный[1] формулярный списокъ авторовъ, требовавшій ему большихъ трудовъ и усилій; но она никого не опредѣляетъ, никакой степени эстетическаго достоинства писателей. (Итакъ, естественное дѣло, г. Гречъ не могъ дѣйствовать своимъ мнѣніемъ на этомъ поприщѣ, какъ журналистъ, одаренный быстрымъ умомъ, свѣжимъ вкусомъ, пламенною любовію къ созданіямъ таланта)[2]. Г. Булгаринъ явился на нашу.....[3], какъ разсказчикъ, занявшій нѣкоторое время публику, потому что г. Гречъ былъ очень скупъ: ничего не выпускалъ изъ-подъ[4] пера своего и въ журналѣ своемъ „Сынъ Отечества“ подносилъ[5] читателямъ только суровыя статистическія статьи. Но г. Булгаринъ, какъ всякому извѣстно, (нравился тѣмъ, что человѣкъ умный и смѣтливый; но не имѣетъ въ себѣ никакой поражающей оригинальности).[6] Ни одного не издалъ онъ критическаго[7] такого сочиненія, въ которомъ бы былъ виденъ эстетическій вкусъ. Онъ началъ писать у насъ русскіе романы, которые очень понравились, потому что были новость, потому что у насъ очень немного было русскихъ романовъ, да и тѣ были мало извѣстны публикѣ. Но въ романахъ этихъ, какъ всякій знаетъ, нѣтъ вѣрнаго[8] изображенія[9] чисто-русской природы. Они были задуманы.....[10] Они были небольшаго искусства. Они были писаны человѣкомъ умнымъ, но не имѣвшимъ таланта. Они были длинны и скучны и лишены той живости, которую сообщаетъ одинъ только эстетическій вкусъ)[11]. — Г. Сенковскій до сихъ поръ занимался арабскою словесностью. Какъ онъ занимался ею, объ этомъ никто не можетъ судить изъ насъ, потому что никто не знаетъ по-арабски; должно быть, впрочемъ, хорошо. Въ отношеніи же русской литературы онъ рѣшительно не сдѣлалъ до того времени ничего и въ первый разъ заговорилъ такимъ страннымъ нарѣчіемъ[12], — смѣсью такихъ странныхъ[13] восточныхъ и всякихъ фразъ, — и такъ въ каждомъ словѣ поперечилъ самъ себѣ, что рѣшительно въ немъ не замѣтили никакого вкуса — ни эстетическаго, ни неэстетическаго. Въ Москвѣ напротивъ предпринимали журналы писатели молодые, стало-быть, люди большею частію свѣжіе, изъ кото-

рыхъ многіе проявили признаки хорошаго вкуса.....[1] Они не могли имѣть никакого терпѣнія и, не докончивши, тотчасъ бросали свои начала. Они не могли имѣть того терпѣнія и опытности (которыя имѣли пожилые петербургскіе журналисты)[2] и познанія прозаическаго[3] пружинъ движенія, механическаго обращенія журнала. И потому журналы московскіе наполняли статьями тѣ писатели[4], которымъ уже рѣшительно было нечѣмъ другимъ заниматься, которыхъ мысль[5] не отличалась никакимъ направленіемъ и вкусомъ, и было все невѣрно[6]. Литературный корпусъ ограничивался только слабою перестрѣлкою небольшихъ, самовольно поднявшихся эскадроновъ..... .....[7] мелочныхъ за невинными дѣйствіями ихъ[8]. Заняты ли были въ это всеобщее движеніе главныя силы? Кто были тѣ, которые сдѣлались[9] высшею принадлежностью нашей литературы, показавшіе въ твореніяхъ своихъ глубокій эстетическій вкусъ, стало-быть, могущіе сказать свое мнѣніе?[10] Высокій, образованный эстетическій вкусъ показалъ въ твореніяхъ своихъ Жуковскій, Крыловъ, князь Вяземскій. Присутствіе вкуса и обдуманности показали Павловъ[11], поэтъ Языковъ. Но развѣ сказали они хоть одинъ разъ мнѣнія свои въ журналахъ? И такъ, причины ясны, и очевидно, почему у насъ[12] журнальная литература достигла до такого состоянія.

РЕЦЕНЗІИ,

написанныя для

СОВРЕМЕННИКА ПУШКИНА.

„Недовольные“, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе М. Н. Загоскина. Москва, въ тип. Степанова, 1836, въ 8, 147 стр.

Планъ задуманъ довольно слабо[1]. Дѣйствія нѣтъ вовсе. (Стало-быть, условія сценическія не выполнены)[2]. Стихи (довольно легки)[3] мѣстами хороши, вездѣ почти непринужденны, но комическаго [и это-то главное] почти нѣтъ. Лица не взяты съ природы.

Лѣтописи Русской славы со временъ воцаренія на русскомъ престолѣ Благословеннаго Дома Романовыхъ. С.-П-бургъ 1835, въ тип. Хр. Гинце, въ 16, 87 стр. съ портретами.

Памятная книжка[4] въ родѣ календаря, въ которыхъ подъ каждымъ числомъ[5] каждаго мѣсяца означены случившіяся въ тотъ день сраженія и всѣ подвиги (русскаго)[6] нашего побѣдоноснаго войска. При ней находятся портреты императоровъ и великихъ генераловъ.

Указатель губернскихъ и уѣздныхъ дорогъ въ Россійской имперіи, составленный по новѣйшему учрежденію почтовыхъ дорогъ и станцій г. Савинковымъ, съ приложеніемъ дорожной карты. С.-Пв. 1836, въ в. осьмушку, 36 грав. страницъ.

Книжка издана довольно укладисто для дороги, хотя бы можно издать еще укладистѣе[7]. Карту не нужно особенно и въ большомъ видѣ. Въ дорогѣ нечего разворачивать — лучше[8] придумать какъ-нибудь помѣстить ее въ страницахъ самой книги[9], хотя по частямъ, а еще лучше соединить (описаніе съ топографіею)[10].

Правила построенія мореходныхъ и рѣчныхъ пароходовъ. Переведенъ съ англійскаго мореходный мастеръ Василій Берковъ. С.-Пет., 1836 года, въ тип. Вингебера.

Довольно обстоятельное[1] наставленіе въ строеніи пароходныхъ судовъ, (съ)[2] небольшимъ взглядомъ на[3] начало и усовершенствованіе этого искусства.

Дѣтскій Карамзинъ, или Русская исторія въ картинахъ, издаваемая Андреемъ Прево, Коммиссіонеромъ Общества Поощренія художествъ, выходитъ тетрадями. С.-П-бургъ, въ тип. Гинце, 1836, въ 8 д. листа.

Издается періодически, въ мѣсяцъ до двухъ тетрадей[4]. Литографія незавидная, но для дѣтей годится.

Онъ и она. Романъ. Москва, въ тип. Селивановскаго. 1836, въ 12, 4 части, 169—170, 183 стр.

Романы въ нашей литературѣ завелись теперь трехъ родовъ[5]: романы пятнадцатирублевые, всегда почти толстые, длинные, солидные, въ 4-хъ частяхъ, по 300 страницъ въ каждой; другіе романы — средней руки[6], романы восьми- и шести-рублевые, тоже иногда въ четырехъ частяхъ, но бываютъ и въ двухъ: въ этихъ частяхъ бываетъ уже только по 160 страницъ, а иногда и меньше. Этого сорта дешевые[7] романы пишутся обыкновенно людьми молодыми[8]; въ нихъ много романтическаго, (сценическаго)[9], не бываетъ недостатка въ восклицаніяхъ и чрезвычайно много точекъ.— Наконецъ, слѣдуютъ романы пяти- и четырех-рублевые: эти состоятъ большею частію изъ трехъ частей, иногда изъ двухъ; но эти части уже никакъ не бываютъ больше 60 или 90 страницъ, а иногда иная часть удается такъ странно, что въ ней всего на всего бываетъ страницъ 36. Пишутъ большею частію люди пожилые, вовсе не должностные. Это русскій.....[10] своего рода и предводитель сего послѣдняго инвалиднаго войска есть А. А. Орловъ, надъ которымъ[11] очень любятъ подшучивать петербургскіе журналисты.

Разбираемый романъ принадлежитъ къ первому роду, то-есть къ романамъ пятнадцатирублевымъ, хотя авторъ[12], какъ видно изъ первыхъ страницъ, часто бываетъ очень

нетерпѣливъ и никакъ не посидитъ на мѣстѣ и не займется долго однимъ лицомъ. Ничего не осталось въ головѣ послѣ прочтенія половины первой части. Помнится только, что какой-то графъ и какой-то студентъ таскаются по улицамъ[1] въ какомъ-то городѣ, чуть ли не въ Москвѣ, берутъ Катю и увозятъ; потомъ опять берутъ Катю и, кажется, опять увозятъ. Впрочемъ, кто охотникъ, тотъ можетъ прочесть самъ и узнать, что̀ дѣлается дальше...

Описаніе Прусскаго государства въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, составленное Ардаліономъ Ивановымъ, воспитателемъ и наставникомъ въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія. С.-Пв., въ тип. И. Глазунова, 1836, въ 8. Часть первая, стр. 201.

Книга[2] въ родѣ тѣхъ географій, какихъ[3] расходится на Руси много, и по которымъ учатъ у насъ дѣтей. Кто захочетъ имѣть полное статистическое удовлетворительное понятіе о Пруссіи, тотъ его не отыщетъ въ этой книгѣ. Она что-то среднее: какъ книга для учащагося, она велика[4]; для выучившагося (она) пахнетъ указкою.

Прекрасная Астраханка, или хижина на берегу Оки. Романъ, взятый изъ истиннаго происшествія. Россійское сочиненіе. Москва, въ Универ. тип., 1836, въ 12, двѣ части, стр. IV и 42+76.

Не романъ, а развѣ романчикъ, потому что въ I-й части 42 страницы, а во II-й—76.

Русскіе классики. Часть I. Кантемиръ. 1836, С.-Пв., въ тип. Гинце.

Намѣреніе[5] очень хорошее — издать Кантемира и другихъ старыхъ писателей нашихъ. Но издается[6] это очень странно: въ мѣсяцъ выходитъ одинъ или два печатныхъ листа. За эти два листа и за обертку[7] къ нимъ, въ которой читателю рѣшительно нѣтъ никакой надобности, читатель платитъ[8] рубль — довольно дорого и неудобно: дорого, потому что небольшой томъ Кантемира будетъ стоить гораздо дороже десяти рублей; неудобно, потому что у насъ не привыкли къ такому мелкому разсчету[9], и всякій будетъ

ожидать лучше[1] всей книги, чтобы купить. На тетрадки обыкновенно разлагаются въ Европѣ огромныя[2] изданія, для того чтобы облегчить взносъ денегъ для читателей, которые — NB всѣ почти люди бѣдные. Притомъ ливрезоны, выпускаемые французами, никогда не издаются по одному листу, но за 1 рубль они представятъ такое количество буквъ, какого не составитъ весь Кантемиръ. Плюшаръ издаетъ „Путешествіе вокругъ свѣта“ Дюмонъ Дюрвиля: въ мѣсяцъ выходитъ тетрадь изъ 10 печатныхъ листовъ[3] довольно густой печати; при нихъ (болѣе)[4] множество картинокъ,— и вся тетрадь обходится по два рубли. Это можно назвать у насъ дешевымъ[5].

Притомъ издатели очень длятъ это изданіе. Кантемиръ, котораго можно отпечатать всего въ двѣ недѣли, будетъ печататься[6] полгода: кому охота каждый мѣсяцъ (ждать)[7] одного печатнаго листа.

Убійственная встрѣча. Повѣсть Я. А. С.-Пб., 1836 года, въ тип. Артил. Департ. Воен. Мин., въ 8, 113 стр.

(Такъ какъ романы бываютъ у насъ разныхъ родовъ, такъ точно и повѣсти)[8]. Эта книжечка вышла, стало-быть гдѣ-нибудь сидитъ же на бѣломъ свѣтѣ и читатель ея.

Полная ручная кухмистерская книга, выбранная изъ книжекъ: 1) Прибавленіе къ опытному повару; 2) Полный Кухмистеръ и кандитеръ (sic.), и 3) Приложеніе къ книгѣ Полный Кухмистеръ и Кандитеръ; со многими прибавленіями; содержащая объясненіе поварскихъ терминовъ, и рисунковъ печи для Московскихъ калачей, составленная изъ собственныхъ опытовъ Герасимомъ Степановымъ. Москва, въ Универ. тип. 1835, въ 12, стр. VII и 310.

Если воспользоваться всѣми этими рецептами, наставленіями, то можно сварить такую кашу, на которую и охотника не найдешь.

Путешествіе къ святымъ мѣстамъ, совершенное въ XVII столѣтіи Іеродіакономъ Троицкой Лавры. Издано М. Коркуновымъ. Москва, въ Универ. тип., 1836, въ 8, стр. 39.

Путешествія[9] въ Іерусалимъ производятъ дѣйствіе[10] магическое въ нашемъ народѣ[11]. Это одна изъ тѣхъ книгъ, [ко-

торыя][1] больше всего и благоговѣйнѣе всего читаются. Почти такое производитъ на нихъ впечатлѣніе путешествіе[2] въ Цареградъ[3],— какъ будто невольная признательная черта, сохранившаяся въ русскомъ элементѣ[4], за тотъ свѣтъ, который нѣкогда [истекалъ] оттуда[5]. Нерѣдко русскій мѣщанинъ, промышленникъ, сколько-нибудь[6] знающій, [бросалъ дѣла][7], отправлялся самъ въ Іерусалимъ и Цареградъ и даже издавалъ книгу, которую жадно покупали у разносчиковъ, пропуская множество картинъ, висящихъ[8] на шнурочкѣ у него на плечахъ, несмотря на то, что многія изъ нихъ разрисованы всякими красками[9]. Прочія книги[10] русскій народъ (уже рѣшительно)[11] читаетъ для того только, чтобы прочитать что-нибудь въ случаѣ[12] показать себѣ и другимъ, что онъ можетъ[13] прочесть по верхамъ[14] то, что̀ другой читаетъ по складамъ,— безъ малѣйшаго вниманія къ содержанію книги. И потому для народа нашего чрезвычайно трудно выбрать чтеніе.

Торговый Адресъ-Календарь, или Всеобщій Коммерческій указатель Россійскаго Государства на 1836 годъ, составленный Викентіемъ Жгерскимъ, чиновникомъ для особыхъ порученій въ Министерствѣ Финансовъ, разныхъ ученыхъ обществъ и иностранныхъ академій дѣйствительнымъ членомъ. Спв., 1836, въ тип. Вингебера, въ 8, стр. 128.

Торговый Адресъ-Календарь, какъ адресъ-календарь[15], очень (не полонъ) и неудовлетворительно составленъ. При этомъ сюда [вошли][16] статьи по части промышленности, представлены[17] и даже проекты не безъ достоинствъ, но здѣсь представляющіеся совершенно отрывками, не показывающими именно плана въ изданіи. (Цѣна, 10 рублей, очень дорога для книжки, въ которой только 120 страницъ)[18]. Продается очень дорого по объему, [какой имѣетъ] книжка.

Исторія поэзіи. Чтеніе Адъюнкта Московскаго Университета Степана Шевырева. Томъ первый, содержащій въ себѣ Исторію поэзіи Индѣйцевъ и Евреевъ, съ приложеніемъ двухъ вступительныхъ чтеній о характерѣ образованія и поэзіи главныхъ народовъ Западной Европы. Москва, въ тип. Семена, 1835, въ 8, стр. 111—333.

Замѣчательное[1] явленіе въ нашей литературѣ. Въ первый разъ является у насъ въ Россіи оригинальный[2] курсъ Исторіи всемірной поэзіи[3],—курсъ, написанный мыслящимъ[4], исполненнымъ критическаго ума писателемъ. Изъ всѣхъ доселѣ[5] исключительно занимавшихся у насъ критикою писателей нашихъ[6] безспорно Шевыревъ — первый, котораго имя останется въ лѣтописяхъ нашей литературы[7]. Въ слѣдующемъ томѣ[8] помѣстимъ обстоятельный разборъ этого важнаго сочиненія.

Основаніе Москвы, смерть боярина Степана Ивановича Кучки. Историческій романъ, взятый изъ временъ княженія Изяслава Мстиславовича. Сочиненіе Н.... К.....ва. С.П.Б., въ типографіи Вингебера, 1836. Четыре части, стр. VII и 189—149—168—162.

Одинъ изъ тѣхъ романовъ, въ родѣ которыхъ выходитъ очень много, и особенно[9] въ Москвѣ[10]. Сюжетъ[11] ихъ обыкновенно взятъ изъ отечественной исторіи. Они обыкновенно бываютъ худенькіе, тоненькіе, но раздѣлены на четыре части; продаются очень дешево. Авторы ихъ — часто робкіе, молодые, еще не обжегшіеся на огнѣ писатели, и потому выставляютъ часто однѣ только заглавныя литеры своего имени и[12] оканчиваютъ его точками[13]. Авторъ обыкновенно заставляетъ говорить своихъ героевъ слогомъ русскихъ мужичковъ и купцовъ, потому что у насъ[14] въ продолженіе десяти послѣднихъ лѣтъ[15], со времени появленія романовъ въ русскомъ кафтанѣ, возникла мысль, что наши историческія лица и вообще всѣ герои прошедшаго должны непремѣнно говорить языкомъ нынѣшняго[16] простаго народа и отпускать какъ можно побольше пословицъ. Въ послѣдніе года два или три новая французская школа[17], выразившаяся у насъ во многихъ переводныхъ отрывкахъ и мелодрамахъ въ театрѣ, проявила замѣтное свое вліяніе даже и на нихъ. Отъ этого произошло чрезвычайно много самыхъ странныхъ явленій въ нашихъ романахъ. Иногда русскій мужичекъ отпуститъ такую театральную штуку, что и римлянинъ не сдѣлаетъ. Подымется съ палатей или съ своей печки и выступитъ такимъ[18].... Какой-нибудь Василій Угличкій или Степанъ Ивановичъ Кучка, (брякнувши чисто рус-

скую поговорку)[1], послѣ какой-нибудь русской замашки, отпустивши народную поговорку, закричитъ вдругъ: „смерть и адъ!“

Въ другомъ мѣстѣ[2] читатель приготовленъ къ тому, что эти мужики засучатъ рукава и потузятъ другъ друга, но вмѣсто того[3] видитъ, что они кинули одинъ на другаго мрачный взглядъ, — „и“... Тутъ обыкновенно авторъ поставитъ нѣсколько точекъ и прибавитъ: „и поняли другъ друга“. (А) иногда даже прибавитъ: „и въ этомъ безмолвіи произошла страшная драма“, и тому подобное[4]. Въ этомъ уже и упрекать нельзя, что лицо немного похоже на испанца, или француза (или кого-нибудь)[5]: этого грѣха не могли избѣгнуть и большіе наши романы и... Общій[6] характеръ этихъ маленькихъ романовъ, которые въ такомъ изобиліи и такъ скоро вырастаютъ на Руси, есть совершенная дѣтскость. Это будетъ очень несправедливо, еслибъ мы сказали, что въ нихъ видна глупость [одна], въ чемъ часто упрекаютъ ихъ наши журналисты. Совсѣмъ нѣтъ: не глупость, но созданіе самаго незрѣлаго дитяти, котораго и то занимаетъ, и другое; и того хочется ему, и другаго: никакой постоянности![7] Оттуда у него на одной[8] страницѣ столько несообразностей, сколько у другаго въ цѣломъ томѣ. Каждая строчка у него (или)[9] ниже цѣлой октавой, или выше другой. У безталаннаго, но опытнаго человѣка, набившаго руку на писаньи, несообразности становятся явны по прочтеніи только многихъ страницъ; у безталаннаго, но неопытнаго и молодаго[10], ихъ въ одной страницѣ наберется столько, что читатель по нимъ можетъ вывести безошибочно мнѣніе обо всемъ сочиненіи.

Если бы мы привели въ примѣръ оттуда нѣсколько страницъ, они могли бы заставить читателей усмѣхнуться; но зачѣмъ наполнять листокъ нашего журнала плохимъ тогда, когда можно занять[11] мѣсто выпискою чего-нибудь хорошаго[12]? Во всѣхъ этихъ книгахъ видно невинное желаніе написать непремѣнно какой-нибудь романчикъ. Да проститъ Богъ невольныя ихъ прегрѣшенія! Намъ нечего досадовать на нихъ и сердиться, что они неопрятно изданы и тому подобное. И здѣсь потому только[13] почтено необходимымъ сказать о нихъ нѣсколько словъ, чтобы (при)[14] другомъ по-

добномъ романѣ имѣть случай не говорить о немъ вовсе и сослаться на сказанныя нами нынѣ слова.

Дѣтскій павильонъ. Книжка, содержащая въ себѣ черты изъ Русской Исторіи, разныя повѣсти, разговоры, анекдоты, стихотворенія, сказочки и проч., составленная на 1836 годъ Б. Федоровымъ. С. П. Б., въ тип. Гинце, 1836, въ 16, стр. 320.

Дѣтскій альманахъ, небольшой магазинъ, безъ сомнѣнія, очень пріятныхъ для нихъ вещей.... Б. М. Федоровъ — одинъ изъ старыхъ нашихъ литераторовъ: писалъ трагедіи, романы, писалъ и переводилъ стихотворенія[1] во многихъ родахъ; но наконецъ, почувствовавши, что все на свѣтѣ суета и что нужно имѣть слишкомъ много, чтобы расшевелить взрослое наше поколѣніе, принялся издавать книжки для дѣтей. И изъ нашихъ писателей никто въ этомъ отношеніи не исполнялъ своего дѣла съ такимъ стараніемъ, какъ онъ: онъ издавалъ довольно исправно и постоянно дѣтскій журналъ, всегда къ новому году готовилъ намъ какой-нибудь подарокъ въ видѣ альманаха. Академія Россійская[2] избрала его въ свои члены, хотя онъ и не написалъ такого ученаго разсужденія[3] на шести страницахъ, въ которомъ[4] говорится обыкновенно, что такой-то говоритъ вотъ то-то, такой-то вотъ то-то[5], а я полагаю, что этотъ предметъ требуетъ разъясненія. Но при всемъ томъ труды его были полезны и сочиненія его раскупались. Его имя не заслужило никакого упрека. Альманахъ его нынѣшній имѣетъ[6] тѣ же (замѣчательныя)[7] достоинства, какъ и предыдущіе, и дѣти могутъ всѣ изъ него составить себѣ пріятное чтеніе.

Обозрѣніе сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній въ 1832 и 1833 годахъ, изданное Департ. Удѣловъ. С.-П-бургъ, въ тип. Д. Внѣшней Торговли, 1836, въ 8, 138, съ 4 чер.

Книжка замѣчательная во многихъ отношеніяхъ тѣмъ, что проливаетъ нѣкоторый статистическій свѣтъ на среднія губерніи нашей Россіи[8]. (Книжка для статистики замѣчательна въ томъ отношеніи, что подаетъ нѣкоторую идею о земледѣліи въ разныхъ нашихъ губерніяхъ и отчасти можетъ возродить вопросъ о причинахъ различнаго его положенія въ разныхъ полосахъ государства и, можетъ быть, о сред-

ствахъ, какимъ образомъ[1] эта статья должна разрабатываться[2]). Всѣ удѣльныя имѣнія[3] нынѣ округлены и заключены въ средней полосѣ; ихъ нѣтъ ни на югѣ, ни на сѣверѣ. Они большею частію[4] начинаются узкимъ клиномъ отъ Москвы и тянутся на востокъ до Уральскаго хребта[5], захватывая земли губерній: московской, владимірской, костромской, нижегородской, казанской, симбирской, пензенской, саратовской, вятской, пермской и оренбургской. — Кромѣ того (на западѣ отъ Москвы)[6] есть еще удѣльныя имѣнія въ губерніяхъ остзейскихъ[7].

Упомянемъ слова два о почвѣ этой земли (какъ о главной основѣ всей промышленности)[8], какъ первыхъ естественныхъ законахъ организаціи государственнаго хозяйства. Центральныя земли, то-есть земли губерній московской[9], владимірской, отчасти земли костромской и нижегородской, содержатъ почву песчаную, глинистую, [пересѣкаемую] тундрами, [иломъ], кочками; черноземъ почти не встрѣчается, — земли, требующія болѣе всего воздѣлки[10]. Далѣе на югъ-востокъ характеръ почвы измѣняется: южная часть имѣній костромской и нижегородской и сѣверная губерній[11] казанской, симбирской и пензенской составляютъ другой отдѣлъ: въ почвѣ меньше глины, меньше тундръ, чаще черноземъ, и углубляется въ землю онъ несравненно далѣе, на шесть вершковъ[12]. Эта почва менѣе требуетъ воздѣлки предыдущей. Южныя имѣнія губерній казанской, симбирской и пензенской и особенно вся саратовская составляютъ почти степныя пространства: почва уже чистый черноземъ, тучный, углубляющійся[13] далеко въ землю; пески и солончаки уже исключенія и находятся только въ саратовской губерніи; земля производитъ почти безъ всякаго удобренія. Земли[14] трехъ колоссальныхъ[15] губерній: пермской, вятской и оренбургской представляютъ отличительный совершенно отдѣлъ почвы: въ пермской и вятской владычествуетъ лѣсъ, въ оренбургской[16] сила растительной природы мечетъ дикія кормовыя[17] травы по всему своему огромному пространству[18]. Близость Урала и [разрушающаяся] горная природа даютъ новыя силы растительности. Большое количество[19] мергеля представляетъ[20] средство для удобренія. Почва, при небольшихъ трудахъ, можетъ [превзойти] ожиданія.

Но разсматривая въ этой замѣчательной[1] (книгѣ)[2] работящія силы людей, мы видимъ еще глубокое младенческое состояніе земледѣлія, не смотря на средства, доставляемыя правительствомъ. Усилія рукъ[3] безъ сравненія малы относительно пространства земли. Орудія еще много не облегчены[4]; привычка[5] и давность обыкновенія еще держитъ мѣсто испытующаго опыта. Плугъ еще донынѣ тяжелъ; лѣнивый, медленный серпъ[6], безсильный противъ такихъ огромныхъ пространствъ, еще не изгнанъ[7] косою.

Усилія труда болѣе видны въ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ бѣднѣе почва; онѣ слабѣютъ, гдѣ почва богаче, и наконецъ почти не дѣйствуютъ[8] въ губерніяхъ: пермской, вятской и оренбургской, гдѣ[9] люда мало противъ земли, гдѣ дикая природа почвы кладетъ печать дикости и на[10] [самого][11] человѣка.

Итакъ, что̀ причина такого состоянія земледѣлія? Эта причина заключается, *во-первыхъ,* въ землѣ, — не въ почвѣ земли, но въ необыкновенномъ пространствѣ ея, еще несоразмѣрно [пересиливающемъ] населеніе. На тѣсномъ уголкѣ земли, хотя бы почва была безплодна[12], земледѣліе возникаетъ и развивается[13] быстро; вначалѣ, вслѣдствіе[14] первой необходимости, оно въ возрастающей степени дѣлается необходимо: его развиваютъ потребности. Какъ и человѣкъ[15] идетъ въ ровной прогрессіи, земля, пробуя всѣ силы его, образуетъ и утрояетъ его развитіе[16]; человѣкъ, получая посредствомъ ея новыя (средства)[17], находитъ безпрестанно средства обогащать его. Итакъ, естественное дѣло, что земледѣліе въ Россіи еще долго будетъ итти[18] медленно, несмотря на всѣ введенныя мѣры правительства, потому что это дѣло вѣковъ...

Вторая главная причина заключается въ людяхъ. Что̀ же такое русскій крестьянинъ? Онъ раскинутъ[19], или, лучше сказать, разсѣянъ[20], какъ сѣмена, по обширному полю, изъ котораго (sic) будетъ густой хлѣбъ, но только не скоро. Онъ живетъ уединенно въ деревняхъ, отдѣленныхъ большими пространствами, удаленныхъ отъ городовъ, — и городовъ мало чѣмъ богатѣе иныхъ деревень. Лишенный живаго, быстраго сообщенія, онъ еще довольно грубъ, мало развитъ и имѣетъ самыя бѣдныя потребности. Возьмите жизнь[21]

земледѣльца — скверна и вредна. У него пища однообразна: ржаной хлѣбъ и щи, — однѣ и тѣ же щи, которыя онъ ѣстъ[1] каждый день. Возлѣ дома его нѣтъ даже огорода. У него нѣтъ никакой потребности наслажденія. Много ли ему нужно трудовъ и усилій, чтобы достать такую пищу? И какое другое желаніе можетъ занять его по удовлетвореніи этой первой нужды, когда окружающая его глубокая[2] простота никакой не можетъ подать идеи. Онъ способенъ[3] перемѣнить [тотчасъ] свою жизнь, но только когда[4] вокругъ его явятся улучшенія, а побывавши въ городѣ, русскій поселянинъ[5] уже бросаетъ земледѣліе и дѣлается промышленникомъ[6], и тутъ вдругъ развивается[7] его дѣятельность и оказывается его живая, хлопотливая природа; съ помощью живости и смѣтливости онъ въ непродолжительное время дѣлается богачемъ. — Такимъ образомъ русскій мужикъ дѣлается рѣшительно гражданиномъ всей Руси, не укрѣпляясь ни въ какомъ мѣстѣ.

Итакъ, должно ли удивляться, что у насъ земледѣліе въ младенческомъ состояніи? Часто[8] слышны вопросы: отъ чего у насъ хуже земледѣліе[9], нежели въ Европѣ, и [мнѣнія], какъ легко[10] сравниться (въ этомъ скоро)[11] съ Европой. Это легко сказать особливо тѣмъ, чей умъ не видитъ страшнаго преобладанія европейскаго населенія надъ землею и страшнаго преобладанія земли надъ жителями въ Россіи. Во всякомъ случаѣ правительство дѣйствуетъ, руководимое глубокою мудростью: оно обращаетъ преимущественное вниманіе на земледѣліе[12]. Земледѣлъ — добрый, крѣпкій корень государства[13] въ политическомъ[14] и нравственномъ отношеніи. Купецъ человѣкъ продажный[15]; всякій промышленникъ человѣкъ подвижный: сегодня здѣсь, завтра тамъ; но земледѣльческій[16] неподвижный элементъ государства. Одно изъ лучшихъ дѣйствій правительства въ этомъ отношеніи есть издаваемые отъ него результаты хозяйственныхъ отчетовъ, къ какимъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, можно причислить и эту книгу. Онѣ всегда ясно покажутъ дѣло и наведутъ[17] на мысли, что̀ и какъ нужно предпринять для улучшенія дѣла.

Картины міра, или полезное и пріятное чтеніе для юношества. Часть 2. С.-Петербургъ, 1836 г. (?).

Заглавіе этой книги показываетъ, что она ошибкою попала въ [нынѣшнюю] литературу.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ на Руси, такъ же какъ и въ Европѣ, замѣтна была вообще охота[1] къ чтеніямъ нравственнымъ[2], являвшимся въ видѣ длинныхъ разсужденій и трактатовъ. Психологическія сочиненія[3], печатавшіяся въ цѣлыхъ огромныхъ томахъ, имѣли значительный перевѣсъ надъ всѣмъ прочимъ. Читатели требовали назидательныхъ, питательныхъ сочиненій[4]. Все прочее, все практическое, все легкое, взятое изъ жизни, считалось пустымъ и недостойнымъ. У насъ въ Россіи въ это время вышло[5] чрезвычайное множество подобныхъ книгъ[6]. Это былъ вѣкъ солидный[7]. Впрочемъ замѣчательно[8] здѣсь то, что при всемъ этомъ нравственность этого вѣка была не очень чиста, и тѣ, которые читали питательныя книги, дѣлали подъ рукою[9] такія шашни и проказы, которыя[10] теперь бы слишкомъ бросились[11] всѣмъ въ глаза. Замѣчательно, что въ одно время[12] съ такимъ множествомъ нравственныхъ сочиненій появлялись такія безнравственныя, что теперь даже отважнѣйшіе изъ французскихъ писателей посовѣстились бы написать. Всѣ старики тогда[13] читали душеспасительныя книги; вся молодежь напротивъ читала Фоблазовъ и другихъ, и при внимательномъ разсмотрѣніи оказывалось даже, что едва ли старики[14] не обгоняли молодежь въ своихъ домашнихъ дѣлахъ. Такой раздоръ теоріи съ практикою былъ явенъ,[15] повсемѣстенъ въ концѣ 18 столѣтія. Въ 19 столѣтіи масонскія и другія секты, отвлеченныя мистицизмомъ, поддержали существованіе подобныхъ философскихъ сочиненій, разсужденій, увѣщаній и трактатовъ, хотя облеченныхъ уже въ другія формы. Они, можно сказать, были виною такого распространенія охоты къ чтенію въ нашемъ обществѣ, потому что требовали постоянства вниманія, нѣкотораго напряженія ума, и потому были удѣломъ немногихъ. Когда Кантъ, Шеллингъ, Гегель, Оккенъ, какъ художники, обрабатывали науку[16], облекая ее точными опредѣлительными терминами[17], дробя, раздѣляя и соединяя въ единство вели-

кую[1] область мышленія, ихъ мнѣнія распространялись только въ кругу небольшомъ ихъ слушателей, понимавшихъ трудный, немногословный, почти математическій языкъ ихъ. Но когда мысли ихъ начали [разсѣиваться][2], германскіе писатели, если можно такъ выразиться, средняго класса, люди бо́льшею частію довольно умные, но безъ орлиной мысли и таланта; когда начали они эти мысли плодить, одѣвать[3] собственнымъ мѣриломъ пониманія; когда они облекли эти разсужденія краснорѣчивыми фразами, общеупотребительнымъ[4] языкомъ, часто даже лирическимъ пыломъ души: то эти творенія ихъ распространились повсемѣстно между всѣмъ читающимъ кругомъ, и пріученные мистицизмомъ читатели брались охотно за эти книги. — Въ нашъ вѣкъ почти общимъ сочувствіемъ была признана необходимость воплощенія всякой мысли практически. Они(?) всегда должны торжествовать, какъ прекрасную эпоху[5], это начинающееся[6] соединеніе теоріи съ практикою, слѣдуя великой, но простой истинѣ, что дѣла болѣе значатъ, нежели слова. Живой примѣръ сильнѣе разсужденія, и никогда мысль не кажется намъ такъ высока, такъ поразительно высока, такъ оглушительна своимъ величіемъ, какъ когда облечена она (видимой формою, олицетворена),[7] когда разрѣшается предъ нами живымъ, знакомымъ [міромъ][8], когда она, можно сказать, читается духовными нашими глазами изъ цѣлаго[9] созданія поэта. Божественный Учитель и Спаситель нашъ первый открылъ (на землѣ)[10] эту высокую[11] тайну, облекши святыя, божественныя мысли свои въ притчи, которыя слушали и понимали тысячи народовъ[12]. Итакъ мы, сдѣлавши такіе великіе тысящелѣтніе (sic) обходы, наконецъ возвращаемся къ той истинѣ, которая была сказана еще въ глубинѣ младенческихъ сердецъ нашихъ. И вотъ уже исторія показываетъ усилія соединиться[13] съ философіей и образуетъ великое зданіе. И вотъ уже вездѣ, во всѣхъ нынѣшнихъ попыткахъ романовъ и повѣстей, видно стремленіе осуществить, окрылить или доказать какую-нибудь мысль, и только посредственность [бываетъ][14] виною, что изысканная и неправильная мысль иногда предпочитается глубокой и простой.

КОЛЯСКА

повѣсть

(въ первоначальной редакціи).

Городокъ Б. очень повеселѣлъ, когда началъ въ немъ стоять ***кавалерійскій полкъ, а (до)[1] того времени бывало въ немъ страхъ скучно. Бывало проѣзжаешь, невольно чувствуешь на сердцѣ какую-то тоску. Домики низенькіе, мазаные[2]; (иной)[3] глядитъ на улицу такъ кисло; глина на нихъ обвалилась отъ дождя, и стѣны, вмѣсто бѣлыхъ, кажутся пѣгими; крыши большею частью очеретяныя[4], какъ въ южныхъ городахъ нашихъ; садики для лучшаго вида городничій давно приказалъ вырубить. На улицахъ ни души не встрѣтишь, развѣ только пѣтухъ перейдетъ черезъ мостовую[5], мягкую какъ пуховикъ, отъ лежащей въ четверть аршина пыли[6], которая при[7] маленько(мъ) дождѣ, какъ посредствомъ волшебнаго прутика, въ одну минуту превратится въ грязь, и тогда улицы города Б. наполнятся тѣми[8] животными, доставляющими намъ превосходные окорока, и прохожій слышитъ такое страшное хрюканье, съ которымъ никогда не сравнится звукъ[9], издаваемый городничимъ во время сна послѣобѣденнаго. Самая рыночная площадь имѣетъ немного печальный видъ. Домъ портнаго выходитъ чрезвычайно глупо, не фасадомъ, а угломъ; противъ него строится лѣтъ пятнадцать какое-то каменное строеніе о двухъ окнахъ; далѣе стоитъ безъ всего модный дощатый заборъ, выкрашенный сѣрою краской, который, на образецъ другимъ строеніямъ, выстроилъ городничій во время своей молодости, когда[10] не имѣлъ обыкновенія играть въ бостонъ и отдыхать послѣ обѣда[11]. Въ другихъ мѣстахъ все почти плетень. По срединѣ площади небольшія лавочки, и глазъ прохожаго можетъ только увидѣть связку баранковъ, бабу въ красномъ платкѣ, пудъ мыла, нѣсколько фунтовъ

горькаго миндалю, дробь для стрѣлянія, домикотонъ и двухъ купеческихъ прикащиковъ, играющихъ въ свайку./Но, какъ сталъ въ уѣздномъ городкѣ кавалерійскій полкъ, все перемѣнилось: запестрѣли улицы, оживились; — однимъ словомъ, все приняло другой видъ. Черезъ улицу брелъ уже не пѣтухъ, но офицеръ въ треугольной[1] шляпѣ съ перьями шелъ на квартиру къ другому поговорить о производствѣ, объ отличнѣйшемъ табакѣ, а иногда[2] поставить на карточку дрожки, которыя назывались полковыми, потому что успѣвали, не выходя изъ полку, обходить всѣхъ: сегодня катался въ нихъ маіоръ, завтра—глядь—онѣ очутились въ поручичьей конюшнѣ, а черезъ недѣлю снова маіорскій денщикъ подмазывалъ ихъ масломъ. Деревянный плетень былъ весь убранъ солдатскими фуражками; въ городскихъ закоулкахъ иногда попадались солдаты съ такими жесткими усами, какъ сапожныя щетки[3]. Соберутся ли на рынкѣ съ ковшиками мѣщанки, изъ-за плечъ ихъ глядятъ усы. На [лобномъ][4] мѣстѣ ужъ вѣрно солдатъ усатый мылилъ бороду[5] мужика, который, сидя молчаливо, разсуждалъ объ остротѣ бритвы служиваго. Посмотришь въ ворота какого-нибудь дома: на дворѣ усы лежатъ противъ самаго солнца и грѣются. Словомъ, городокъ Б. сдѣлался усатымъ городомъ. Офицеры составили довольно пріятное общество, особливо послѣ судьи, жившаго съ какою-то діаконшею въ одномъ домѣ, и городничаго, разсудительнаго человѣка, но спавшаго рѣшительно весь день, начиная отъ обѣда, который былъ въ одиннадцать часовъ утра. Общество еще болѣе сдѣлалось занимательнымъ[6], когда переѣхалъ въ городокъ Б. бригадный генералъ. Окружные помѣщики, о которыхъ существованіи никто бы (до)[7] того не догадался, начали пріѣзжать почаще въ уѣздный городъ, чтобы видѣться съ г-ми офицерами, а иногда поиграть въ банчикъ, который чрезвычайно уже темно рисовался въ ихъ умѣ, закиданномъ[8] посѣвами[9] и [бѣгнею][10] за зайцами. Одинъ разъ случился у генерала обѣдъ: большой обѣдъ — событіе для уѣзднаго города чрезвычайно важное, потому что весь рынокъ былъ забратъ на генеральскую кухню, и два солдата съ страшными усами гонялись цѣлое утро за двумя избѣжавшими (sic) цыпленками[10]. Поваръ бѣгалъ взадъ и впередъ по небольшому двору, въ которомъ была помѣщена квартира генерала. На дворѣ стояло нѣсколько

дрожекъ и коляска. Общество было большею частію изъ офицеровъ; были, однакожъ, и нѣкоторые помѣщики. Изъ помѣщиковъ былъ особенно[1] замѣчательный человѣкъ Кропотовъ, лицо немаловажное въ уѣздѣ, одинъ изъ числа аристократовъ, болѣе всего шумѣвшій на дворянскихъ выборахъ, куда пріѣзжалъ[2] онъ всегда въ хорошемъ экипажѣ[3]. Онъ служилъ когда-то въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ, былъ одинъ изъ числа значительныхъ и видныхъ офицеровъ, — по крайней мѣрѣ, его видали во многихъ собраніяхъ[4], раскиданныхъ по всей безконечной Руси, гдѣ только кочевалъ ихъ полкъ. Впрочемъ, объ этомъ можно спросить у дамъ и дѣвицъ саратовской губерніи, пензенской, тамбовской, вологодской, симбирской, подольской, херсонской и другихъ. Онъ бы, можетъ быть, и болѣе еще былъ извѣстенъ, если бы не вышелъ въ отставку по одному случаю, который обыкновенно называютъ „непріятною исторіею“. Онъ ли далъ кому-то оплеуху, или ему дали оплеуху, я этого совершенно не помню[5]; дѣло только въ томъ, что его попросили[6] выйти въ отставку. Впрочемъ [все-таки][7] онъ ничуть не уронилъ своего вѣсу: носилъ фракъ съ высокою[8] таліей, на манеръ военнаго мундира, на сапогахъ шпоры и подъ носомъ усы, потому что безъ того дворяне могли бы подумать, что онъ служилъ въ пѣхотѣ, которую онъ презрительно называлъ пѣхонтеріей. Онъ ѣздилъ по многолюднѣйшимъ ярманкамъ, куда внутренность губерній, состоящая изъ роевъ тетокъ, дочекъ, матушекъ, нянекъ и добрыхъ толстяковъ, называемыхъ помѣщиками, наѣзжала веселиться линейками, рыдванами, таратайками, тарантасами и возками. Словомъ, онъ испытывалъ во всей силѣ непостоянство колеса фортуны. Узнавши, гдѣ стоитъ кавалерійскій полкъ, онъ всегда пріѣзжалъ видѣться съ господами офицерами, очень ловко соскакивалъ передъ ними съ своей легкой колясочки и чрезвычайно скоро знакомился. Въ прошлые выборы онъ (хотѣлъ быть маршаломъ)[9] и далъ дворянству прекрасный обѣдъ. Вообще велъ себя довольно солидно. Женился на очень хорошенькой, взялъ за нею 200 душъ приданаго и нѣсколько тысячъ[10] капитала[11]. Капиталъ былъ тотчасъ употребленъ на шестерку лихихъ вороныхъ и хомуты, [выписанные][12] изъ Петербурга, на коляску, карету, пару чрезвычайно рѣдкихъ собакъ, вызолоченныя ручки къ дверямъ[13], ручную обезьяну для дома и француза дворец-

каго. 200 душъ были, въ придачу къ его собственнымъ, заложены въ ломбардъ для какихъ-то коммерческихъ оборотовъ. Однимъ словомъ, онъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ помѣщиковъ, къ которымъ мелкопомѣстные подступаютъ робко и всегда почти кланяются, а имѣющіе большія помѣстья и служившіе за Екатерину поглядываютъ отчасти [сардонически].

Два помѣщика, бывшіе у генерала на обѣдѣ, были люди тоже въ своемъ родѣ замѣчательные; но они не являются дѣйствователями нашей исторіи и потому ихъ можно оставить въ тѣни. Прочіе были все военные. Вездѣ были видны лопаткообразные оберъ-офицерскіе эполеты; висячіе принадлежали только двумъ: полковнику и довольно плотному маіору. Генералъ былъ нѣсколько дюжій, тучный, какъ всегда бываютъ генералы, впрочемъ, хорошій начальникъ, какъ отзывались о немъ сами офицеры. Говорилъ онъ, какъ говорятъ всѣ генералы—довольно густымъ басомъ, значительнымъ басомъ. Обѣдъ былъ чрезвычайный: изъ рыбъ [1] — осетрина, бѣлуга; изъ мясныхъ — дрофа, перепелки, куропатки, дупельшнепы; грибы, спаржа. Однимъ словомъ, все доказывало, что поваръ еще со вчерашняго вечера не бралъ и въ ротъ хмельнаго, и четыре солдата съ ножами работали на помощь ему фрикасе и желе [2]. Вина было тоже вдоволь: на столѣ стояла такая бездна бутылокъ, что врядъ ли бы (кто) [3] отыскалъ солонку; ножъ его непремѣнно тыкался въ короткошейку мадеру или длинношейный [4] лафитъ. Прекрасный лѣтній день, окна, открытыя напролетъ, тарелки со льдомъ на столѣ, отстегнутая послѣдняя пуговица у господъ офицеровъ и растрепанная манишка у владѣльцевъ [5] уютнаго широкаго фрака, — все споспѣшествовало и отвѣчало одно другому, и не мѣ(шало) [6] всеобщему разговору, который былъ довольно шуменъ и шелъ объ разныхъ исторіяхъ, о которыхъ, право, никакъ нельзя вспомнить послѣ обѣда. Всѣ встали съ пріятною тяжестью въ желудкахъ и, закуривши трубки съ длинными и короткими чубуками, вышли съ чашками кофію въ рукахъ на крыльцо. У генерала, полковника и даже маіора мундиры были вовсе разстегнуты, такъ что видны были слегка благородныя подтяжки изъ шелковой матеріи; но господа офицеры, сохраняя должное уваженіе, пребыли съ застегнутыми, выключая трехъ послѣднихъ пуговицъ...

„Вотъ ее можно теперь посмотрѣть“, сказалъ генералъ. „Поди-ка, любезнѣйшій“, примолвилъ онъ, обращаясь къ своему адъютанту, довольно ловкому молодому человѣку пріятной наружности: „скажи, чтобы привели сюда гнѣдую кобылу! Вотъ вы увидите сами: она еще[1] немножко не слишкомъ въ холѣ. Проклятый городишка! нѣтъ порядочной конюшни. Лошадь... пуфъ, пуфъ.... очень порядочная“.

„И давно, ваше превосходительство, пуфъ, пуфъ, изволите имѣть ее?“ сказалъ Храпушкинъ.

„Пуфъ, пуфъ, пуфъ, пууффъ... не такъ давно; она взята[2] мною съ завода два года назадъ“.

„А получить ее изволили[3] объѣзженную или уже здѣсь ее объѣзжали?“

„Пуфъ, пуфъ,[4] пуфъ, пууфъ... здѣсь“.

Между тѣмъ изъ конюшни выпрыгнулъ солдатъ, и послышался стукъ копытъ; наконецъ показался другой въ бѣломъ балахонѣ съ черными[5], окунутыми въ ваксу, усами, ведя за узду вздрагивавшую[6] и пугавшуюся лошадь, которая, поднявъ вдругъ голову вверхъ, чуть не подняла вверхъ[7] присѣвшаго къ землѣ солдата съ его усами.

„Ну жъ, ну, ну, Марья Ивановна!“ говорилъ онъ, подводя ее подъ крыльцо. Лошадь называлась Марьей Ивановною. Крѣпкая и дикая, какъ южная красавица, она грянула копытами въ деревянное крыльцо и вдругъ остановилась. Генералъ оставилъ трубку и началъ смотрѣть (съ)[8] довольнымъ видомъ на Марью Ивановну. Самъ полковникъ[9], сошедши съ крыльца, взялъ Марью Ивановну за морду; самъ маіоръ потрепалъ по задней ляшкѣ и пощупалъ хвостъ[10]; нѣсколько офицеровъ пощелкали языкомъ.

Храпушкинъ[11] сошелъ съ крыльца и зашелъ ей въ задъ. Солдатъ, вытянувшись, глядѣлъ, держа узду, прямо въ глаза посѣтителямъ, какъ будто бы хотѣлъ вскочить туда.

„Очень, очень хорошая!“ сказалъ Кракушкинъ (sic). „Манера превосходная! А позвольте узнать, ваше превосходительство, сколько ей лѣтъ?“

„Не умѣю вамъ сказать“.

„А въ зубы, ваше превосходительство, не смотрѣли?“

„Въ зубы не смотрѣлъ, потому что... чортъ его знаетъ[12], этотъ дуракъ фершелъ далъ ей какихъ-то пилюлей и вотъ ужъ два дни все чихаетъ“.

„Очень, очень хорошая. А имѣете ли, ваше превосходительство, соотвѣтствующій экипажъ?“

„Экипажъ?[1] Да вѣдь это верховая лошадь“.

„Я это знаю; но я такъ спросилъ, ваше превосходительство, для того, чтобъ узнать, имѣете ли и къ другимъ лошадямъ соотвѣтствующій экипажъ“.

„Экипажей у меня достаточно; коляски только нѣтъ. Мнѣ хотѣлось бы (достать)[2] новую. Я впрочемъ объ этомъ писалъ къ брату моему, и онъ, вѣрно, мнѣ вышлетъ въ будущемъ мѣсяцѣ“.

„Мнѣ кажется, ваше превосходительство“, замѣтилъ полковникъ: „нѣтъ лучше коляски, какъ вѣнская“.

„Вы справедливо замѣтили... пуфъ, пуфъ, пуфъ“.

„У меня, ваше превосходительство, есть чрезвычайная коляска“, прибавилъ Крапунъ (sic): „настоящей вѣнской работы“.

„Какая? Эта самая, въ которой вы пріѣхали?“

„О, нѣтъ! Это такъ — разъѣздная[3], собственно для поѣздокъ. Но та, ваше превосходительство... это просто удивительно: легка, какъ перышко. А когда вы сядете въ нее, то просто какъ бы, съ позволенія вашего превосходительства, нянька васъ въ люлькѣ качала“.

„Стало-быть, покойна?“

„Очень, очень покойна. Подушки, рессоры, все это какъ будто (на)[4] картинкѣ нарисовано[5]“.

„Это хорошо“.

„Сундукъ [кожаный сзади][6], ваше превосходительство, кажется, величиною вотъ въ эту трубку, а[7] я служилъ, такъ у меня шесть мундировъ и столько же исподняго укладывалось. Чрезвычайно помѣстительна! Въ боковой карманъ можете положить человѣка и незамѣтно пятнадцать штофовъ коньяку всегда помѣстится“.

„Это хорошо“.

„Я, ваше превосходительство, заплатилъ за нее восемь тысячъ“.

„Да, по цѣнѣ должна быть хороша. Вы купили ее сами?“

„Мой одинъ[8] товарищъ и старый другъ[9] заказывалъ ее нарочно въ Вѣнѣ для себя. Я (у)[10] него ее перекупилъ[11]. Не угодно ли вашему превосходительству сдѣлать мнѣ честь пожаловать завтра ко мнѣ отобѣдать, вмѣстѣ и коляску посмотрите“.

Генералъ сжалъ нижнюю губу[1] и немного надулся. „Съ большимъ удовольствіемъ и почту себѣ за честь, но, вы извините меня... я такъ не могу... а развѣ съ господами офицерами?“..

„И господъ офицеровъ прошу покорнѣйше сдѣлать мнѣ честь. Сдѣлайте милость, я почту себѣ за большую честь имѣть удовольствіе видѣть васъ въ своемъ домѣ“.

Полковникъ[2], маіоръ и прочіе офицеры отблагодарили учтивымъ поклономъ.

„Я, ваше превосходительство, самъ того мнѣнія, чтобы, если покупать вещь, то непремѣнно хорошую, а если дурную, то нечего и заводить. Вотъ у меня тоже, когда сдѣлаете завтра мнѣ честь пожаловать, я покажу кое-какія заведенія“.

Генералъ посмотрѣлъ и пустилъ длинный „пуфъ“ изъ своей трубки.

Крапушкинъ былъ чрезвычайно доволенъ, что пригласилъ къ себѣ господъ офицеровъ. Онъ заранѣе уже заказывалъ въ головѣ своей паштеты и соусы, посматривалъ очень весело на офицеровъ, которые съ своей стороны тоже какъ-то удвоили расположеніе къ нему, что̀ замѣтно было изъ глазъ и изъ небольшихъ тѣлодвиженій въ родѣ полупоклоновъ. Крапушкинъ выступилъ впередъ какъ-то развязнѣе, и голосъ его принялъ выраженіе голоса, обремененнаго удовольствіемъ.

„Тамъ, ваше превосходительство, познакомитесь съ хозяйкой дома“.

„Мнѣ очень пріятно“, отвѣчалъ генералъ, поглаживая... „Однакожъ“, подумалъ про себя Крапушкинъ[3], „мнѣ нечего здѣсь отдыхать[4]. Я немножко посидѣть (sic), да и домой поскорѣй — приказать заранѣе, чтобы все приготовить съ вечера“...

Между тѣмъ солнце незамѣтно начало садиться ниже. Генералъ и гости возвратились въ комнаты, гдѣ разставлены были карточные столы. „Ну что̀ жъ“, подумалъ онъ, „въ виштунъ можно сыграть робертика два, такъ только для виду, да сію минуту и домой“. Скоро все общество раздѣлилось на четверныя партіи, поразсѣлись[5] по всей комнатѣ; прочіе съ трубками въ зубахъ присосѣдились къ игравшимъ наблюдать[6], съ значительнымъ безмолвіемъ, игру. Два роберта, на которые сѣлъ Крапушкинъ, кончились въ одну минуту. „Ну что̀ жъ, за эти нечего и садиться; еще четыре можно сыграть“. Между тѣмъ подали

свѣчи. На особомъ зеленомъ столѣ развернулся банчикъ, и маіоръ, потасовывая карты, поглядывалъ на желающихъ. Передъ каждымъ гостемъ нечувствительно очутился довольно увѣсистый стаканъ. Пуншъ былъ превосходенъ. Генералу былъ присланъ изъ Риги какой-то необыкновенный ромъ и удивительный шнапсъ, который тутъ же подавался въ большихъ стаканахъ[1]. Ромъ и шнапсъ были дѣйствительно превосходны. По крайней мѣрѣ генералъ послѣ четырехъ стакановъ закричалъ громко одному изъ лакеевъ въ узенькомъ мундирѣ: „Подай, дуракъ, свѣчу: я не могу видѣть, что у меня на рукѣ — король или дама“. Между тѣмъ около его превосходительства стояло по двѣ свѣчи съ каждой стороны. Превосходство рома было признано и почувствуемо всѣми. Такъ, г-нъ маіоръ, страшный шулеръ, вмѣсто того, чтобы по обыкновенію передернуть карту, взялъ и смѣшалъ всю колоду по серединѣ таліи, и (на)[2] вопросъ оскорбленнаго понтера: „что это значитъ?“ посмотрѣлъ ему пристально (въ глаза) и велѣлъ подать себѣ рюмку мадеры. Самъ Крапушкинъ замѣтилъ, что онъ что-то выигралъ, но что именно выигралъ, никакъ не могъ вспомнить, а тѣмъ болѣе не могъ найтиться, какъ нужно потребовать выигранное. Ужинъ былъ въ 2 часа ночи, — ужинъ превосходный; но уже врядъ ли кто изъ гостей могъ припомнить, какія онъ ѣлъ блюда. Словомъ, (пиръ)[4] былъ на чудо, и когда начали разъѣзжаться, то кучера брали просто своихъ господъ въ охапку, такъ какъ бы узелки съ покупкою. И Крапушкинъ, не смотря на свой аристократизмъ, сидя въ коляскѣ, такъ низко кланялся и съ такимъ большимъ раскачиваніемъ головы, что, пріѣхавши домой, привезъ въ своихъ (усахъ)[5] два[6] репейника.

Въ домѣ все спало совершенно. Кучеръ едва могъ сыскать камердинера, который отеръ, какъ попало, глаза свои, втащилъ, подпирая на плечо, своего господина въ гостиную. Вошедши въ гостиную, Крапушкинъ спросилъ только: „отчего криво выстроена комната?“ и, не говоря ни слова[7], отправился вслѣдъ за дѣвушкой въ спальню жены своей. Молодая хорошенькая жена, которая спала, свернувшись въ прозрачной, бѣлой, какъ снѣгъ, рубашечкѣ, поднявши[8] рѣсницы и раза[9] три зажмуривши быстро глаза свои, открыла ихъ съ полусердитою улыбкою[9] и, видя, что онъ рѣшительно не хочетъ на этотъ разъ оказать никакой супружеской нѣжно-

сти, съ досады поворотилась на другую сторону и, положивъ свѣжую свою щечку на руку, заснула спустя нѣсколько времени послѣ него.

Было уже такое время, которое по деревнямъ не называется рано, когда проснулась молодая хозяйка возлѣ храпѣвшаго Крапушкина. Вспомнивши, что онъ[1] вчера возвратился домой въ три часа ночи, она пожалѣла будить его и, надѣвъ спальные башмачки, которые супругъ выписывалъ изъ Петербурга, въ бѣлой кофточкѣ, драпировавшейся на ней, какъ льющаяся вода, она вышла въ свою уборную, умылась свѣжею, какъ сама, водою и приблизилась[2] къ своему туалету[3]. Взглянувши раза два, она увидѣла[4], что сегодня очень недурна. Это, повидимому, незначительное обстоятельство заставило ее просидѣть передъ зеркаломъ[5] ровно два часа лишнихъ. Наконецъ она одѣлась очень мило и вышла освѣжиться въ садъ. Какъ нарочно, время было тогда красное, какимъ можетъ только похвалиться южный лѣтній день. Солнце, ступавшее на полдень, жарило всею силою лучей своихъ, но подъ темными густыми аллеями было гулять прохладно, и цвѣты, пригрѣтые солнцемъ, утроили свой запахъ. Хорошенькая жена Крапушкина вовсе позабыла о томъ, что уже двѣнадцать часовъ и супругъ ея спитъ. Уже толстый дворецкій французъ объѣлся, какъ порядочная бочка, и шелъ, покачиваясь, черезъ дворъ съ ключами (въ рукахъ)[6] приказать крѣпостнымъ свиньямъ подавать барину обѣдать[7]. А до слуха хозяйки доходило храпѣніе послѣобѣденное 6 кучеровъ и одного форейтора.

Она сидѣла въ густой аллеѣ, изъ которой былъ открытъ видъ на большую дорогу, и разсѣянно глядѣла на безлюдную[8] ея пустынность, — какъ вдругъ показывавшаяся[9] вдали пыль привлекла ея вниманіе. Всмотрѣвшись, она скоро увидѣла нѣсколько экипажей: впереди ѣхала открытая, двумѣстная легенькая колясочка; въ ней сидѣлъ генералъ съ толстыми, блестѣвшими на солнцѣ, эполетами и рядомъ съ нимъ полковникъ; за этой слѣдовала другая, четверомѣстная: въ ней сидѣлъ маіоръ съ адъютантомъ генеральскимъ и насупротивъ ихъ два какіе-то[10] офицера. За коляскою были извѣстныя полковыя дрожки[11], которыми[12] владѣлъ[13] на этотъ разъ тучный маіоръ. За дрожками слѣдовалъ бонвояжъ четверомѣстный, въ которомъ сидѣли четыре офицера и пятый на рукахъ.

За бонвояжемъ рисовались верхомъ[1], на прекрасныхъ, темныхъ въ яблокахъ, лошадяхъ, три офицера.

„Неужли это къ намъ?“ подумала хозяйка. „Ахъ, Боже![1] Въ самомъ дѣлѣ къ намъ! Они поворотили на мостъ!“ вскрикнула она, всплеснувши руками, и побѣжала чрезъ клумбы и цвѣты, прямо въ спальню своего мужа. Онъ спалъ мертвецки.

„Душенька! вставай“, сказала она ему, торопливо дергая его за руку. Въ отвѣтъ на это Крапушкинъ, не открывая глазъ, пробормоталъ какую-то несвязную[2] безсмыслицу.

„Вставай, пульпультикъ! [Вставай: не рано!].[3] Вставай, душенька! слышишь:[4] гости!“

„Гости? Какіе гости?! М... м...“ При этомъ онъ потянулся и поднялъ (руки).

„Ну, поцѣлуй же меня, моя Пуньпуня: протяни свою шейку! я тебя поцѣлую“.

„Ахъ, Боже мой! Вставай[5] скорѣе! Генералъ съ офицерами! Ахъ, Боже мой! У тебя въ усахъ репейникъ!...“

„Генералъ? А да, такъ онъ ужъ ѣдетъ? Да что жъ это, чортъ побери, меня никто не разбудилъ! А обѣдъ? Что жъ обѣдъ? Все ли тамъ исправно [ты сдѣлала, душень(ка)][6]“.

„Какой обѣдъ? Для насъ готовлено, а больше [ни для кого][7]“.

„А я развѣ не заказывалъ?“

„Ты? Ты пріѣхалъ въ три часа ночи и, сколько я ни спрашивала тебя, ничего мнѣ не сказалъ и заснулъ. Я тебя, пульпультикъ, не будила, потому мнѣ тебя жаль стало: ты ничего не спалъ“. Это сказала съ чрезвычайно томнымъ и умоляющимъ видомъ.

Крапушкинъ минуту лежалъ на постели, какъ громомъ пораженный. Наконецъ онъ вскочилъ безо всего, въ одной рубашкѣ, съ кровати, позабывши[8], что вовсе неприлично показывать свои ноги, которыя были всѣ въ волосахъ, какъ въ лѣсу.

„Ахъ я лошадь!“ сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу. „Я звалъ ихъ обѣдать[9]. Что тутъ дѣлать? Гдѣ они? Далеко?“

„Теперь, я думаю, подъѣзжаютъ къ мельницамъ[10]“.

„Душенька... спрячься!... Эй, кто тамъ? Ты, дѣвчонка, ступай сюда. Дура! чего боишься? Пріѣдутъ офицеры сію минуту; ты скажи имъ, что дома нѣтъ барина[11]... Скажи, что и не будетъ весь день, что еще съ утра выѣхалъ. Слышишь?

И дворовымъ всѣмъ скажи, чтобы такъ сказали. Ступай скорѣй".

Сказавши это, схватилъ наскоро халатъ и побѣжалъ спрятаться въ экипажный сарай, почитая тамъ гораздо безопаснѣе. „Нѣтъ, шельмовство, [найти][1] и здѣсь могутъ, а вотъ лучше всего въ эту коляску". Сказавши это, онъ отперъ дверцы, сѣлъ въ коляску и закрылся кожею.

Между тѣмъ экипажи подъѣхали къ крыльцу. Вышелъ генералъ и встряхнулся; за нимъ полковникъ, поправляя руками султанъ на своей шляпѣ, потомъ офицеры; потомъ слѣзъ съ дрожекъ толстый[2] маіоръ, держа подъ мышкою саблю[3] [выскочилъ изъ бонвояжа сидѣвшій на рукахъ офицеръ][4], наконецъ сошли [съ сѣделъ] рисовавшіеся[5] на лошадяхъ.

„Барина нѣтъ дома", сказалъ вышедшій на крыльцо французъ дворецкій.

„Какъ нѣтъ? Стало быть, онъ, однакожъ, будетъ къ обѣду?"

„Нѣтъ, генералъ: они уѣхали на весь день[6]; развѣ завтра поутру будетъ".

„Вотъ тебѣ на!", сказалъ генералъ: „какъ же это?"

„Признаюсь, это штука", сказалъ полковникъ, смѣясь.

„Какъ же этакъ дѣлать?" продолжалъ генералъ съ неудовольствіемъ. „Ну, не можешь принять, такъ не проси. Зачѣмъ же просить!"

„Я, ваше превосходительство, не понимаю, какъ можно этакъ сдѣлать?" замѣтилъ одинъ молодой офицеръ.

„Что?"

„Я говорю[7], ваше превосходительство: какъ можно поступить такимъ образомъ?"

„Конечно, какъ же... Ну, нельзя, не случилось что ли, такъ зачѣмъ же просить? или дай знать въ такомъ случаѣ".

„Что жъ, ваше превосходительство, нечего дѣлать — поѣдемъ назадъ", сказалъ полковникъ.

„Да, конечно, коли нѣтъ другаго средства. Впрочемъ коляску мы можемъ посмотрѣть и безъ него; онъ, вѣрно, ея не взялъ съ собою. Эй, кто тамъ? Подойди, братецъ, сюда".

„Чего изволите?"

„Ты конюхъ?"

„Конюхъ, ваше превосходительство".

„Покажи намъ новую коляску, которую недавно досталъ баринъ".

„А вотъ пожалуй(те) въ сарай“.

Генералъ вмѣстѣ съ офицерами отправился въ сарай.

„Вотъ я вамъ немножко выкачу: здѣсь темно“.

„Ничего, видно и такъ; развѣ немножко подкати. Вотъ такъ; довольно“.

Генералъ и господа офицеры обошли вокругъ коляск(и)[1] и тщательно разсмотрѣли колеса и рессоры.

„Ну, ничего нѣтъ особеннаго“, сказалъ генералъ: „коляска самая обыкновенная“.

„Никакого совершенно нѣтъ дива“, сказалъ полковникъ: „коляска самая простая“.

„Мнѣ кажется, ваше превосходительство, она совсѣмъ не стоитъ восьми тысячъ“, прибавилъ[2] одинъ офицеръ.

„Что?“

„Я говорю, ваше превосходительство, что, мнѣ кажется, она вовсе не стоитъ восьми тысячъ“.

„Какое осьми тысячъ! Она[3] и трехъ тысячъ не стоитъ. Ничего совершенно не нахожу въ ней хорошаго. Развѣ внутри есть что-нибудь особенное. Пожалуйста, любезный, отстегни кожу“.

И глазамъ господъ представился Крапушкинъ, сидящій въ халатѣ.

„А вы здѣсь? Какъ ваше здоровье?... Ну, прощайте“.

Сказавши это, генералъ застегнулъ опять дверцы и уѣхалъ вмѣстѣ съ господами офицерами.

СГАНАРЕЛЬ

или

МУЖЪ, ДУМАЮЩІЙ, ЧТО ОНЪ ОБМАНУТЪ ЖЕНОЮ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи,

Мольера.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

Горгибусъ, мѣщанинъ.
Целія, дочь его.
Лелій, влюбленный въ Целію.
Гро-Рене, слуга Лелія.
Сганарель, мѣщанинъ.
Жена его.
Виллебрекень, отецъ Валерія.
Горничная Целіи.
Родственникъ жены Сганареля.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Горгибусъ, Целія и горничная.

Целія *(выходя въ слезахъ)*[1]. Нѣтъ, нѣтъ! не думайте, чтобъ я согласилась!

Горгибусъ. Что ты тамъ бормочешь? Дерзкая дѣвчонка! Итти противъ моей воли! Да развѣ я не имѣю надъ тобой полной власти? Да кто изъ насъ двухъ знаетъ, что кому полезно, ты или я? Глупая, неужели ты лучше меня знаешь, что для тебя полезнѣе?[2] Берегись, не раздражай меня, а то я, пожалуй, покажу, что рука моя еще не совсѣмъ обезсилѣла[3]. Лучше всего, госпожа своевольница, безъ дальнихъ околичностей[4], итти за человѣка, котораго я назначаю. „Да какъ же, папенька“[5], говоришь ты: „я не знаю-съ его характера, надобно подумать“. Чортъ возьми, что тутъ обдумывать, и какъ не любить?[6] Да какія еще прелести надобно, когда у него наслѣдство? Ручаюсь, что[7] съ двадцатью тысячами дукатовъ онъ прекраснѣйшій[8] человѣкъ.

Целія. Ахъ!

Горгибусъ. Ну, что̀ „ахъ!“ Что̀ значитъ этотъ „ахъ“? Посмотрите, пожалуйста, какіе она отпускаетъ прекрасные ахи! Послушай, если ты меня взбѣсишь, то я тебя заставлю ахать другимъ порядкомъ. Вотъ плоды этихъ проклятыхъ романовъ, которыми изволишь забавляться и дни, и ночи! Голова твоя набита любовными фразами; ты больше думаешь о Клеліи[1], чѣмъ о Богѣ. Нѣтъ, сударыня, въ огонь, въ огонь всѣ эти вредныя книги, которыя съ каждымъ днемъ развращаютъ больше и больше умовъ![2] Читайте-ка лучше четверостишія Пибрака[3] да ученыя „Таблицы[4]“ совѣтника Матьё; эти[5] назидательныя сочиненія[6] стоитъ выучить наизусть. Не худо бы заняться и „Путеводителемъ грѣшниковъ“: изъ него можно научиться, какъ должно жить. И если бъ ты занималась только такими твореніями[7], такъ не стала бы противорѣчить моимъ желаніямъ.

Целія. Какъ, папенька, вы думаете[8], что я могу забыть Лелія?[9] Конечно[5], я не могла бы рѣшиться ни на что безъ вашего согласія, но вѣдь вы сами дали за меня слово.

Горгибусъ. Да если бъ я далъ двадцать словъ[10], такъ какое до того дѣло, когда явился человѣкъ, котораго деньги дороже всякаго слова? Правда, Лелій недуренъ собой, но, милая, состояніе важнѣе всего: золото придаетъ даже и уроду какую-то прелесть, съ нимъ нельзя не понравиться; а безъ золота все остальное — нуль[11]. Конечно, ты не любишь Валера; это ничего: полюбишь, когда будешь за нимъ замужемъ. Въ словѣ *мужъ* есть что-то увлекательное[12], и любовь часто бываетъ плодомъ женитьбы. Да впрочемъ что̀ жъ я это за дуракъ, пустился въ разсужденія, когда могу приказывать? Прошу не безпокоить меня глупыми вздохами[13]. Мой будущій зять явится сегодня вечеромъ. Прошу принять его хорошенько, и Боже тебя избави дѣлать ему кислыя рожицы[14]. Ни слова, ни слова болѣе! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Прежнія безъ Горгибуса.

Горничная. Какъ, сударыня, и вы еще колеблетесь, когда вамъ предлагаютъ мужа?[15] И вы боитесь произнести это очаровательное *да?* Ахъ, Боже мой, что̀ это меня никто не постарается выдать замужъ?[16] Вмѣсто того, чтобы плакать надъ

однимъ *да*, сію же минуту наговорила бы ихъ дюжину. Учитель вашего братца говоритъ правду[1], что женщина — точно плющъ, который хорошъ только, когда вьется около дерева, и не значитъ рѣшительно ничего[2], отъ него когда отдѣлится. Ахъ, я, бѣдная грѣшница[3], очень чувствую, какъ это справедливо! Бѣдный мой Мартынъ, упокой Богъ его душу! При немъ я была такая полненькая, такая румяненькая[4], на душѣ было такъ весело! Теперь совсѣмъ не то. Когда онъ былъ живъ, я, бывало, зимой лягу въ нетопленной комнатѣ, а теперь дрожу въ іюлѣ. О, сударыня, вы себѣ и представить не можете, что̀ такое имѣть возлѣ себя мужа, хоть бы только для того, чтобъ сказать: „здравствуй!“ когда чихнетъ[5].

Целія. Какъ? и ты можешь мнѣ совѣтовать оставить, забыть Лелія? взять такой грѣхъ на душу?

Горничная. Да помилуйте, что̀ жъ онъ за уродъ, — нашелъ время путешествовать! Право, мнѣ что-то сдается, что онъ забылъ васъ.

Целія *(показывая портретъ Лелія)*. О, не убивай меня такимъ ужаснымъ предсказаніемъ! Вглядись хорошенько въ это лицо: ну, можетъ ли оно измѣнить?[6] А этотъ портретъ такъ похожъ! Нѣтъ, онъ не можетъ обманывать.

Горничная. Да, онъ не дуренъ: конечно, нельзя не любить его.

Целія. А между тѣмъ надобно.... Ахъ, поддержи меня! *(Роняетъ портретъ)*.

Горничная. Боже мой! что̀ съ вами? Какъ она поблѣднѣла! Помогите! помогите!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же и Сганарель.

Сганарель. Что̀, что̀ тутъ такое?

Горничная. Барышня умираетъ.

Сганарель. Только-то? Я думалъ, что и Богъ знаетъ, что̀ случилось. Впрочемъ, посмотримъ. Сударыня! А? Вы умерли?.. Она не говоритъ ни слова.

Горничная. Постойте, я сбѣгаю за людьми, а вы покамѣстъ поддержите ее. *(Убѣгаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Целія, Сганарель и жена Сганареля.

Сганарель *(прикладывая руку къ груди Целіи)*. Она холоднехонька. Что̀ тутъ дѣлать?[1] *(Нагибается щекой къ губамъ ея)*. Однакожъ, чортъ возьми, кажется, она дышитъ! Рѣшительно — дышитъ.

Жена Сганареля *(выглядываетъ въ окно)*. Это что̀ такое? Мой мужъ въ объятіяхъ женщины![2] Вѣроломный! теперь-то я подстерегу тебя.

Сганарель. Надобно бы помочь ей. Право, я не знаю ничего глупѣе, какъ умирать, тогда какъ и здѣсь можно еще пристроиться какъ нельзя лучше. *(Уноситъ ее въ домъ Горгибуса)*[3].

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Жена Сганареля *(одна)*.

Жена Сганареля. Куда же онъ пропалъ? Теперь все ясно: онъ измѣняетъ мнѣ[4]. Теперь я не удивляюсь холодности, которой онъ отвѣчаетъ на мою цѣломудренную страсть[5]. Злодѣй! онъ бережетъ свои ласки для другой[6]. Вотъ таковы-то всѣ мужья! Позволенное надоѣдаетъ имъ какъ-разъ; они скоро относятъ въ другое мѣсто то, что̀ должно бы оставлять дома[7]. Сначала покорные рабы, готовы для васъ на все, а тамъ вы имъ прискучили. О, какъ это досадно, что нельзя мѣнять мужей, какъ рубашки! Швырнула вонъ — и концы въ воду![8] Какъ бы это было покойно, особливо теперь для меня![9] *(Поднимаетъ портретъ, уроненный Целіей)*. Это что̀ такое?[10] Медальонъ! Какая прекрасная эмаль![11] Откроемъ!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Сганарель и жена его.

Сганарель *(не замѣчая жены)*. Живехонька! Здоровехонька! Какъ ни въ чемъ не бывало. А, жена!

Жена Сганареля *(не видя его)*. Ахъ, Боже мой, какой хорошенькій мужчина!

Сганарель *(въ сторону, глядя черезъ плечо жены)*. Что̀ это она разсматриваетъ съ такимъ вниманіемъ? Портретъ мужчины,

и молодаго, и не дурнаго! Тутъ ничего я не вижу хорошаго для моей чести[1].

Жена Сганареля *(не видя мужа)*. Я никогда не видала лица красивѣе[2]. И какъ онъ славно пахнетъ!

Сганарель[3]. Чортъ возьми, да она цѣлуетъ его! О, варварка, зарѣзала![4]

Жена Сганареля *(все еще не видя мужа)*[5]. Что ни говори, а надобно признаться, что пріятно быть любимой такимъ красавцемъ[6], что искушеніе такъ сладко, такъ неопредолимо[7]. Ахъ! зачѣмъ я не имѣю такого прекраснаго мужа намѣсто моего плѣшиваго урода!

Сганарель *(вырывая портретъ изъ ея рукъ)*. А, сударыня, попались! Попались въ злоумышленіи на мою личность![8] Попались въ злоумышленіи на мою честь! Такъ, по вашему разсчету, моя дорогая половина[9], супругъ вашъ не стоитъ васъ?[10] Да, — тысячи чертей, которымъ бы не худо припять васъ въ свои объятія, — когда же бы вы могли составить лучшую партію? А что во мнѣ есть такого, что бы было, напримѣръ сказать, нехорошо? Этотъ, напримѣръ, станъ; эта походка, которой всѣ удивляются; это лицо, невольно внушающее любовь, отъ котораго вздыхала не одна особа и почище васъ[11]. А весь я развѣ такой кусокъ, которымъ можно быть недовольной? И, чтобъ насытить вашъ волчій аппетитъ, вамъ мало мужа — подавай вамъ еще волокиту!

Жена Сганареля. Понимаю, понимаю! Ты думаешь этой хитростью...

Сганарель. Дурачь другихъ! Все ясно: въ рукахъ моихъ доказательство[12]...

Жена Сганареля. Мое негодованіе и безъ того сильно; тутъ не къ чему еще его усиливать. Отдай мнѣ мой медальонъ и подумай лучше...

Сганарель. Думаю, сударыня, думаю сломить вамъ[13] шею. О, еслибъ вмѣсто портрета попался мнѣ въ руки самъ подлинникъ!

Жена Сганареля. Для чего?

Сганарель. Такъ, моя милая[14]; ни для чего. Я виноватъ, что такъ раскричался[15], я долженъ благодарить тебя за пріятное украшеніе моего чела. *(Смотря на портретъ)*. А, вотъ и онъ, прелестный сотрудникъ, съ которымъ[16]...

Жена Сганареля. Съ которымъ?... Продолжай!

Сганарель. Съ которымъ...[1] А я, между тѣмъ, чуть не тресну отъ гнѣва.

Жена Сганареля. Что хочетъ мнѣ этимъ сказать этотъ пьяница?

Сганарель. Не прикидывайся![2] Ты меня хорошо понимаешь. Отнынѣ Сганарель — это такое имя, которое ты не должна смѣть произносить, а называть меня просто „господинъ Корнеліусъ[3]“. Я постою за свою честь, а тебѣ я[4] за нее попробую пересчитать ребра.

Жена Сганареля. И ты можешь говорить мнѣ такія дерзости?

Сганарель. А ты можешь шутить со мною такими шутками?

Жена Сганареля. Да что же я сдѣлала?[5] Говори яснѣе!

Сганарель. Да бездѣлица! Вовсе не стоитъ жаловаться! Произвела въ олени! Вотъ, что называется: придите — поглядите!

Жена Сганареля. Безстыдный! ты наносишь мнѣ оскорбленіе, какое когда-либо могла вынести женщина, да еще прикидываешься разсерженнымъ, выдумываешь басни, чтобы предупредить мое негодованіе. Вотъ истинно прекрасный способъ: самъ же оскорбитель хочетъ сдѣлаться обвинителемъ!

Сганарель. Прошу покорно! Глядя на это гордое, обиженное лицо, подумаешь, что честная женщина!...

Жена Сганареля. Ступай, ухаживай за своими прелестницами, песи имъ свои нѣжности! А мнѣ портретъ отдай! *(Вырываетъ и убѣгаетъ).*

Сганарель. Э, нѣтъ, постой![6] Я могу и отнять его. *(Убѣгаетъ за ней)*[7].

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Лелій и Гро-Рене.

Гро-Рене. Наконецъ, мы пріѣхали. Но скажите же, сударь: если вы позволите, я бы спросилъ васъ объ одномъ.

Лелій. Говори.

Гро-Рене. Что за дьяволъ сидитъ въ вашемъ тѣлѣ? Вы какъ будто ни въ чемъ не бывало[8]. Цѣлыхъ восемь дней тряслись мы на проклятыхъ кляченкахъ[9] — у меня всѣ члены одеревенѣли. Я уже не говорю ничего, что сталось съ чувствительнѣйшей частью моего тѣла отъ проклятой тряски. А съ васъ — какъ съ гуся вода: вы ни на минуту не прилегли отдохнуть, ни кусочка не съѣли.

Лелій[1]. Меня встревожили слухи о бракѣ Целіи. Ты знаешь, какъ я ее люблю. Какъ тутъ думать объ отдыхѣ, объ пищѣ[2]? Прежде всего мнѣ надобно развѣдать, справедливы ли эти слухи.

Гро-Рене. Да, но все-таки покушать-то бы вамъ не мѣшало, прежде чѣмъ пуститесь вы развѣдывать. Ей Богу! Когда въ желудкѣ у человѣка хорошо, такъ и смѣлость откуда берется, и крѣпость, и лучше какъ-то все дѣлается[3]. Я сужу по себѣ: когда со мной приключится какое-нибудь несчастіе натощакъ, то оно такъ меня и растормошитъ; но когда я хорошенько поѣмъ, душа у меня становится такъ крѣпка, что бей по ней хоть молоткомъ — ничего[4]! Право, послушайтесь меня[5]. А чтобъ горю не дать продраться до сердца, сдѣлайте вокругъ себя ограду изъ двадцати стакановъ вина.

Лелій. Я теперь не въ состояніи ни пить, ни ѣсть...[6]

Гро-Рене *(въ сторону)*. Ну вотъ, прошу покорно, а я умираю съ голоду. *(Громко.)* А вашъ обѣдъ поспѣлъ бы въ нѣсколько минутъ.

Лелій. Молчи — я тебѣ приказываю.

Гро-Рене. О, Боже мой[7]! Какое безчеловѣчное приказаніе!

Лелій. Меня мучитъ неизвѣстность, а не голодъ.

Гро-Рене. А меня голодъ и неизвѣстность — когда будемъ обѣдать[8].

Лелій. Не надоѣдай мнѣ своими глупостями[9] и убирайся ѣсть, если хочешь.

Гро-Рене. Я не смѣю противиться вашимъ приказаніямъ. *(Уходитъ.)*[10]

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Лелій *(одинъ)*.

Нѣтъ, нѣтъ, это вздоръ! Отецъ далъ мнѣ слово; а она, я не сомнѣваюсь, она меня любитъ[11]!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Лелій и Сганарель.

Сганарель *(не видя Лелія, съ портретомъ въ рукахъ)*. Онъ въ моихъ рукахъ. Теперь я могу вдоволь насмотрѣться на рожу мерзавца, вздумавшаго срамить меня. Лицо рѣшительно незнакомое.

Лелій *(въ сторону)*. Боже! что я вижу! Кажется, это мой портретъ! Что это значитъ?

Сганарель. Бѣдный, бѣдный Сганарель! Вотъ тебѣ твое честное имя, твоя репутація! Недостаетъ... *(Замѣтивъ, что Лелій смотритъ на него пристально, отворачивается въ другую сторону)*.

Лелій[1]. Какъ попалъ залогъ моей любви въ руки этого человѣка?

Сганарель[2]. Недостаетъ только, чтобъ на тебя показывали пальцами, чтобъ тебя помѣстили въ какую-нибудь неблагопристойную пѣсню, чтобъ тебѣ подносили подъ носъ твое же безчестіе!

Лелій *(въ сторону)*. Но не ошибаюсь ли я?

Сганарель *(въ сторону)*. Гнусная женщина! Подарить меня рогами въ цвѣтѣ лѣтъ! Промѣнять меня, почти красавца, на этого поджараго молокососа!

Лелій *(не спуская глазъ съ портрета)*. Нѣтъ, я не ошибаюсь: это мой портретъ.

Сганарель *(оборачиваясь къ нему спиной)*. Что за странное любопытство[3]!

Лелій. Я внѣ себя отъ удивленія!

Сганарель. Что ему надобно?

Лелій. Я подойду къ нему. Позвольте! *(Сганарель хочетъ уйти)*. Ради Бога, одно слово!

Сганарель[4]. Что вамъ угодно?

Лелій. Скажите, какимъ образомъ попался въ ваши руки этотъ портретъ?

Сганарель *(въ сторону)*. Что ему за нужда до этого портрета? Э, э! Что это[5]? *(Посматриваетъ то на портретъ, то на Лелія)*. Вотъ тебѣ на! Ну, что жъ тутъ удивительнаго, что онъ смутился[6]! Это онъ — мой почтеннѣйшій другъ, или, лучше, любезнѣйшій другъ моей жены.

Лелій. Бога ради, отвѣчайте мнѣ: откуда?...

Сганарель. Мы, слава Богу, знаемъ, что васъ такъ безпокоитъ. Это портретъ вашъ; онъ былъ въ знакомыхъ вамъ рукахъ. Любовь ваша для насъ не тайна[7]. Не знаю, извѣстна ли вамъ моя особа, но осмѣливаюсь просить васъ избавить меня (отъ)[8] чести, которую дѣлаете мнѣ своей любовью. Прошу васъ вспомнить, что священныя узы брака...

Лелій. Какъ? Та, отъ которой вы получили этотъ залогъ...

Сганарель. Моя жена, а я — мужъ ея.

Лелій. Ея мужъ?

Сганарель. Да, мужъ, мужъ, говорю, — и мужъ, который духомъ не дюжъ[1]. А почему, вы знаете: я сію же минуту объявлю объ этомъ ея родственникамъ. *(Уходитъ)*[2].

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Лелій (*одинъ*).

Что я слышалъ? Все правда; меня не обманули. Измѣнить мнѣ, и для кого жъ? для урода! Неблагодарная! И какая причина?...[3] Голова кружится[4]. Дорога и этотъ уродъ потрясли все существо мое. Я едва держусь на ногахъ.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Лелій и жена Сганареля.

Жена Сганареля *(не видя Лелія)*. Несмотря ни на что, вѣроломный... *(Замѣтивши Лелія)*. Что съ вами? Вы едва держитесь на ногахъ.

Лелій. Такъ... дурнота...

Жена Сганареля. Вы можете упасть здѣсь[5]. Взойдите (sic) въ нашъ домъ, побудьте у насъ, пока пройдетъ этотъ припадокъ.

Лелій. Я воспользуюсь вашимъ позволеніемъ на двѣ, на три минуты. *(Уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Сганарель и родственникъ его жены.

Родственникъ. Я понимаю, что все это можетъ обезпокоить мужа[6]; но, любезнѣйшій другъ, изъ вашего разсказа я еще не вижу, чтобъ она въ самомъ дѣлѣ была виновата. Дѣла такого рода чрезвычайно деликатны: необходимы ясныя доказательства.

Сганарель. Ясныя доказательства — то-есть, надо быть очевидцемъ?

Родственникъ. Поспѣшность часто вводитъ въ заблужденіе. Вѣдь вы еще не знаете, какъ попался въ ея руки этотъ портретъ; можетъ быть, самый подлинникъ ей совсѣмъ не-

извѣстенъ. Убѣдитесь прежде во всемъ, и тогда будьте увѣрены, что мы первые дадимъ ей почувствовать всю низость ея поступка. *(Уходитъ.)*[1]

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Сганарель *(одинъ)*.

Нельзя ничего лучше сказать! Въ самомъ дѣлѣ, нужно приняться за это, какъ можно тише. Можетъ быть, совершенно безъ всякой причины, пришло мнѣ въ голову это рогатое привидѣніе, и меня слишкомъ рано бросило въ потъ?... Что жъ портретъ? — портретъ еще ничего не доказываетъ. Портретъ — и есть портретъ[2]. Лучше жъ мы постараемся...

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Сганарель и жена его, въ дверяхъ, провожая Лелія.

Сганарель *(въ сторону)*[3]. Боже! что это такое? Умираю! Нѣтъ, чортъ возьми, тутъ ужъ не портретъ, а самый подлинникъ.

Жена Сганареля. Вы напрасно такъ спѣшите. Отдохните еще немного: вамъ опять можетъ сдѣлаться дурно.

Лелій. Благодарю, благодарю, сударыня! Все прошло. Я вамъ очень обязанъ за вашу помощь.

Сганарель. Какъ разсыпается въ вѣжливостяхъ! *(Его жена уходитъ въ домъ).*

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Сганарель и Лелій.

Сганарель *(въ сторону)*. Онъ замѣтилъ меня; посмотримъ, что-то онъ мнѣ скажетъ.

Лелій *(въ сторону)*. Душа кипитъ при взглядѣ на него... Но кто жъ виноватъ тутъ? Моя судьба[4]! *(Проходя мимо Сганареля)*. О, какъ счастливъ, кто владѣетъ такой прелестной женой!

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Сганарель и Целія *(смотрятъ въ окно вслѣдъ уходящему Лелію)*.

Сганарель[5]. Ну, ужъ это совсѣмъ недвусмысленно. Это восклицаніе, признаюсь, смутило меня такъ, какъ будто бы здѣсь

въ самомъ дѣлѣ.... *(Потираетъ рукою лобъ*[1] *и смотритъ въ слѣдъ Лелію).* Признаюсь, въ этомъ, кажется, нѣтъ ничего, что̀ бы пахло честью.

Целія *(въ сторону, выходя).* Что̀ это значитъ? Здѣсь сейчасъ прошелъ Лелій, и отъ меня скрыли, что онъ пріѣхалъ.

Сганарель *(не видя Целіи).* „О, какъ счастливъ тотъ, кто владѣетъ такой прелестной женой!“ А счастіе-то въ чемъ? Вѣроломная! безстыдница[2]! Проводить честнаго гражданина, какъ дурака — и это счастіе? И я позволяю ему покойно удаляться прочь и смотрю ему въ слѣдъ, сложа руки, какъ болванъ? Я долженъ бы, по крайней мѣрѣ, сшибить съ него шляпу, бросить въ него камнемъ съ мостовой, разодрать его шинель[3], закричать: „разбой, грабежъ!“

Целія *(подходившая къ нему постепенно въ ожиданіи окончанія монолога)*[4]. Скажите, вы знаете молодаго человѣка, который сейчасъ къ вамъ подходилъ[5]?

Сганарель. Нѣтъ, сударыня, его знаетъ моя жена.

Целія. Что̀ съ вами? Вы такъ разстроены.

Сганарель. Не обременяйте меня еще болѣе огорченіями и позвольте мнѣ испускать вздохи.

Целія. Отъ чего такая необыкновенная печаль?

Сганарель. Если я огорченъ, то ужъ, навѣрно, не изъ бездѣлицы[6]; а на несчастіе ближняго я поглядѣлъ бы равнодушнѣе, чѣмъ на собственное мое. О! Вы видите передъ собой модель несчастнѣйшихъ мужей. У бѣднаго Сганареля крадутъ, грабятъ его честь[7], — да этого еще мало, что честь: репутацію, репутацію, доброе имя, репутацію крадутъ[8].

Целія. Какъ это?

Сганарель. Негодяй, говоря просто, сдѣлалъ меня мужемъ, надъ которымъ... вы понимаете, сударыня... въ народѣ смѣются, и сдѣлалъ съ неслыханною дерзостью!...[9]

Целія. Тотъ, что̀ сейчасъ ушелъ?

Сганарель. Да, да, безчеститъ, срамитъ меня! Онъ обожаетъ мою жену, моя жена обожаетъ его.

Целія. Такъ вотъ что̀ значитъ этотъ секретный пріѣздъ? Недаромъ я затрепетала[10], увидѣвъ его: это было предчувствіе.

Сганарель. Благодарю, благодарю отъ души за ваше отрадное участіе въ моемъ бѣдственномъ положеніи! Ахъ! не всѣ

такъ добры, какъ вы. Многіе вмѣсто того, чтобы принять должное участіе, еще подымутъ на смѣхъ.

Целія. Можетъ ли быть что-нибудь ужаснѣе, чернѣе твоего поступка? Кто бы подумалъ, повѣрилъ?...[1]

Сганарель. Это очень вѣрно.

Целія. Измѣнникъ, предатель! Двуличная, коварная душа!

Сганарель. О, добрая душа!

Целія. Всѣ наказанія, какія только есть въ аду, для тебя только еще маленькое наказаніе.

Сганарель. Вотъ что̀ называется — хорошо говорить!

Целія. Обмануть такимъ образомъ самую чистѣйшую невинность!

Сганарель *(глубоко вздыхая)*. Охъ, правда!

Целія. Сердце, которое никогда не подало повода къ такому оскорбленію!

Сганарель. Охъ, правда!

Целія. Который вмѣсто... но это ужасно, и сердце не можетъ объ этомъ помыслить, не разорвавшись отъ горести.

Сганарель. Успокойтесь немного, сударыня; вы принимаете во мнѣ такое сильное участіе, что я готовъ плакать[2].

Целія. Не воображайте, однакожъ, чтобъ я стала плакать, рыдать — нѣтъ! Я знаю, какъ отомстить. О, я отомщу! Въ этомъ никто не можетъ мнѣ воспрепятствовать. *(Уходитъ.)*[3]

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Сганарель *(одинъ)*.

Да сохранитъ ее Богъ отъ всякой опасности! Посмотрите, какая доброта! За меня хочетъ мстить! Однакожъ, негодованіе, возбужденное[4] въ ней моимъ несчастіемъ, научаетъ меня, что̀ я долженъ дѣлать. Нѣтъ, такихъ оскорбленій нельзя и не должно выносить безропотно, если есть во лбу хоть крошка мозгу! Скорѣй отыщемъ негодяя[5] и покажемъ нашу храбрость, какъ нужно отмщать безчестье; отучимъ тѣшиться на нашъ счетъ и безъ должнаго почтенія дѣлать насъ мужьями... мужьями... извѣстно, какими[6]. Потише, однакожъ! Этотъ человѣкъ по виду, кажется, долженъ имѣть кровь нѣсколько горячую и нравъ, я полагаю, даже взбалмошный. Онъ можетъ, пожалуй, прибавлять оскорбленіе къ оскорбленію, похлопотать

и около моей спины такъ же, какъ позаботился около моего лба. Отъ души ненавижу людей холерическаго сложенія[1] и чувствую большую привязанность къ людямъ кроткимъ. Я вовсе не такой человѣкъ, чтобы бить другихъ, ибо это кончится тѣмъ, что побьютъ тебя же. Кроткій нравъ — это моя добродѣтель. Но честь мнѣ говоритъ, что подобныя оскорбленія требуютъ непремѣннаго отмщенія. Боже мой! Оставимъ говорить честь такъ, какъ она хочетъ! Впрочемъ, чортъ побери и того, кто не думаетъ о ней! Но скажите, милостивая государыня — честь: если я расхрабрюсь и за все удальство негодяй меня проколетъ, какъ крысу[2], и по городу пойдетъ шумъ о моихъ похоронахъ... вы развѣ растолстѣете отъ этого? Гробъ былъ всегда постелью меланхолическою и нездоровою для людей, которые боятся колики. Нѣтъ, взвѣсивъ все хорошенько, я, право, нахожу, что быть рогатымъ все-таки сноснѣе, чѣмъ мертвымъ. Да если разсудить, въ чемъ тутъ несчастіе? Развѣ отъ этого будетъ у меня кривая нога, или не такъ хороша талія? Проклятье первому, кто выдумалъ возмущать разумъ этими химерами, прицѣпить честь умнѣйшаго изъ мужей къ тому, что̀ дѣлаетъ вѣтреная женщина[3]! Ну, что̀ за безуміе отвѣчать за проступки другихъ? Что жена тамъ себѣ напакоститъ, все это взваливать на спину мужа! Онѣ будутъ дѣлать глупости, а мы оставаться въ дуракахъ! Это злоупотребленіе — и полицейскіе люди должны поправить его непремѣнно. Развѣ мы не имѣемъ и безъ того заботъ, непріятностей? То ссора, то процессъ, то голодъ, то жажда, то болѣзнь, — нѣтъ, вѣдь этого еще мало: поди, оскорбляйся еще чортъ знаетъ чѣмъ[4]! Посмѣемся же надъ этимъ и попремъ ногами вздохи и слезы! Моя жена прогрѣшилась — ну, и плачь! Но зачѣмъ[5] мнѣ плакать, когда я невиноватъ? Да и что̀ жъ я за выскочка? Мало ли людей, и получше меня, смотрятъ, какъ ухаживаютъ за ихъ женами — и помалчиваютъ! Не будемъ заводить ссоры изъ-(за)[6] такой дряни. Меня назовутъ глупцомъ за то, что не отмстилъ, но вѣдь я буду больше дуракъ, когда умру. *(Кладетъ руку на грудь).* Однакожъ я чувствую, что желчь моя шевелится, подстрекаетъ меня на этакое мужественное дѣяніе[7]. Да, я начинаю приходить въ ярость! Это ужъ слишкомъ[8] — быть трусомъ! Мщеніе! рѣшительно мщеніе! И чтобы еще болѣе укрѣпиться въ ярости, сейчасъ

говорю[1] встрѣчному и поперечному самъ, что онъ въ связи съ моей женой. *(Уходитъ.)*[2]

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Горгибусъ, Целія и горничная.

Целія. Да, батюшка, я покоряюсь вашей волѣ: располагайте мною, я готова подписать контрактъ хоть сію минуту[3].

Горгибусъ. Вотъ это прекрасно[4]! Я такъ радъ, что готовъ танцовать и, право, протанцовалъ бы, если бъ мы были одни, а то осмѣютъ вѣдь старика. Ну, подойди же ко мнѣ, дай мнѣ поцѣловать тебя. Отецъ вѣдь всегда можетъ поцѣловать дочь свою: тутъ нѣтъ никакого соблазна. Удовольствіе, которое[5] ты мнѣ доставила своимъ послушаніемъ, сбросило съ плечъ моихъ, по крайней мѣрѣ, десять лѣтъ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Целія и горничная.

Горничная. Скажите, что̀ значитъ эта удивительная перемѣна?

Целія. О, если бъ ты знала, ты похвалила бы меня!

Горничная. Очень можетъ быть.

Целія. Лелій измѣнилъ мнѣ. Онъ былъ здѣсь...

Горничная. Да вотъ и онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Тѣ же и Лелій.

Лелій. Прежде, чѣмъ я оставлю навсегда этотъ городъ[6], я хочу упрекнуть васъ на этомъ самомъ мѣстѣ.

Целія. Какъ? и вы еще такъ дерзки, что рѣшаетесь говорить со мной?

Лелій. О, конечно, я ужасно дерзокъ! Какъ смѣть упрекать васъ, когда вашъ выборъ такъ прекрасенъ! Нѣтъ ни одного упрека[7]. Живите, живите счастливо, презирайте память обо мнѣ вмѣстѣ съ вашимъ достойнымъ супругомъ.

Целія. Да, вѣроломный, (я)[8] буду счастлива, — буду счастлива тебѣ на зло. И моя величайшая радость, если это тебѣ доставитъ досаду[9].

Лелій. Но, скажите, кто возбудилъ вашъ гнѣвъ противъ меня?

Целія. Какъ? и ты можешь еще разыгрывать роль удивленнаго? спрашивать, что̀ ты сдѣлалъ?

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Тѣ же и Сганарель (*вооруженный съ ногъ до головы*).

Сганарель. Война, смертельная война похитителю, который безжалостно ограбилъ нашу честь!

Целія (*показывая Лелію на Сганареля*). Оберпись лучше — вмѣсто отвѣта.

Лелій. А!

Целія. Этотъ предметъ достаточенъ, чтобъ тебя смутить[1].

Лелій. Но онъ еще болѣе достаточенъ заставить васъ краснѣть.

Сганарель (*въ сторону*). Я теперь достаточно сердитъ: теперь я могу дѣйствовать. Моя храбрость доходитъ до бѣшенства. Только бы съ нимъ встрѣтиться — кровопролитіе, рѣшительно кровопролитіе[2]! Я поклялся убить его, и ничто меня не остановитъ. Смерть, смерть, гдѣ бы я ни отыскалъ его! (*Вытаскивая шпагу до половины, подходитъ къ Лелію.*) Нужно, чтобъ я попалъ ему въ самую середину сердца.

Лелій (*оборачиваясь*). Кому это?

Сганарель. Никому.

Лелій. Къ чему же это вооруженіе?

Сганарель. Такъ — отъ дождя. (*Въ сторону.*) Ужъ какое же я получу удовольствіе, его убивши[3]! Бодрѣй, бодрѣй!

Лелій (*снова оборачиваясь*). А? что̀?

Сганарель. Ничего, ничего. (*Бьетъ себя по щекамъ, чтобы придать себѣ храбрости и говоритъ про себя.*) Да ну же, смѣлѣй! Пріободрись, трусъ, куриное сердце!

Целія (*Лелію*). И глядя на этого человѣка, вы не сознаетесь?

Лелій. О, нѣтъ, сознаю ясно, что вы измѣнили мнѣ ужаснѣйшимъ образомъ.

Сганарель (*въ сторону*). Ну, если бы хоть крошечку храбрости!...

Целія. Неблагодарный! и ты еще можешь оскорблять меня такъ жестоко?

Сганарель (*въ сторону*). А! Сганарель, смотри, она за тебя заступается. Да соберись же съ духомъ, мой милый!

Будь похрабрѣе — смѣлѣй, смѣлѣй! Коли его великодушно, когда онъ обернется къ тебѣ спиной.

Лелій *(ненарочно сдѣлавъ два или три шага, заставляетъ отступить Сганареля, который хотѣлъ его заколоть)*. Если мои слова возбуждаютъ вашъ гнѣвъ, я очень радъ — и отъ души хвалю вашъ выборъ.

Целія. Да, да, мой выборъ такой, котораго никто не можетъ отмѣнить.

Лелій. Прекрасно, и какъ не защищать вамъ его?

Сганарель. Безъ сомнѣнія, прекрасно! Она хорошо дѣлаетъ, что защищаетъ мои права. Такой поступокъ, милостивый государь, совершенно не въ сообразность законамъ[1]. Я имѣю право жаловаться, и если бъ я не былъ такъ благоразуменъ, то не обошлось бы безъ самаго сверхъестественнаго[2] кровопролитія.

Лелій. Это что̀ такое? Откуда это неумѣстное негодованіе?

Сганарель. Довольно! Вы знаете, въ какомъ мѣстѣ у меня болитъ. По совѣсти и для спасенія души вы должны сознаться, что[3] моя жена — моя жена, и ваша претензія[4] сдѣлать ее въ моихъ[5] глазахъ вашимъ достояніемъ — вовсе не христіанская.

Лелій. Такое подозрѣніе и подло, и смѣшно. На этотъ счетъ вы можете быть совершенно покойны: я знаю, что она ваша, и вмѣсто того, чтобъ такъ сердиться...

Целія. А, измѣнникъ, какъ ты хорошо умѣешь притворяться!

Лелій. Такъ вы подозрѣваете, что я замышлялъ на честь этого господина? Я не думалъ, чтобы вы могли такъ дурно обо мнѣ думать.

Целія. Поговори, поговори съ нимъ самимъ: онъ объяснитъ тебѣ.

Сганарель *(Целіи)*. Нѣтъ, для чего же[6]? Вы защищаете меня лучше, чѣмъ я самъ; продолжайте, продолжайте; я вамъ очень благодаренъ[7].

ЯВЛЕНІЕ 22-е.[1]

Тѣ же и жена Сганареля.

Жена Сганареля. Я не хочу, сударыня, ревновать къ вамъ, однако жъ, и не такъ простодушна, чтобы не видѣть, что̀ здѣсь дѣлается[8]. Замѣчу только, что вы могли бы заняться

чѣмъ-нибудь получше, а не отнимать у меня сердца, которое мнѣ одной принадлежитъ.

Целія. Объясненіе довольно замысловатое.

Сганарель *(женѣ)*. Ну, кто тебя здѣсь спрашиваетъ[1]? Пришла съ ней браниться, тогда какъ она меня защищаетъ! Испугалась, чтобъ у тебя не отняли любовника.

Целія. Полноте, не воображайте, чтобъ кто-нибудь вамъ завидовалъ. *(Лелію.)* Ну, что же, права я? Неужели и теперь вы станете притворяться[2]? О, какъ я рада!

Лелій. Что все это значитъ?

Горничная. Право, не знаю, когда кончится вся эта путаница. Слушаю, слушаю — и ничего не понимаю. Видно, придется[3] мнѣ вмѣшаться. *(Становится между Леліемъ и Целіею).* Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ нѣсколько вопросовъ; но только не перебивайте. *(Лелію.)* Въ чемъ упрекаете вы мою барышню?

Лелій. Въ томъ, что она измѣнила мнѣ. Услышавъ о ея несчастномъ сговорѣ, я лечу къ ней, полный любви[4], не думая, чтобы она меня забыла, — и нахожу ее замужемъ.

Горничная. Замужемъ? Да за кѣмъ же?

Лелій *(показывая на Сганареля)*. За нимъ.

Горничная. Какъ — за нимъ?

Лелій. Да, за нимъ.

Горничная. Кто жъ вамъ это сказалъ?

Лелій. Онъ самъ сегодня.

Горничная *(Сганарелю)*. Въ самомъ дѣлѣ?

Сганарель. Я? Я ему сказалъ, что я женатъ на моей женѣ.

Лелій. Да вы давеча въ ужасномъ волненіи смотрѣли на мой портретъ.

Сганарель. Правда; вотъ онъ.

Лелій *(Сганарелю)*. Вы мнѣ сказали, что женаты на той, у которой взяли этотъ портретъ.

Сганарель *(показывая на свою жену)*. Совершенная правда, и если бъ я не вырвалъ его у ней изъ рукъ, никогда не открылъ бы преступленія.

Жена Сганареля. Помилуй, что жъ тутъ за преступленіе[5]? Я нашла его здѣсь, и даже не узнала по немъ этого господина *(показывая на Лелія)*, когда впустила его больнаго

къ намъ въ домъ, послѣ того, какъ ты взбѣсился на меня, Богъ знаетъ за что.

Целія. Да это я всему виною: я уронила его, когда упала въ обморокъ[1].

Горничная. Видите, безъ меня вы бы и теперь были въ обморокѣ; все моя чемерица[2]!

Сганарель[3]. Что жъ въ самомъ дѣлѣ, такъ, стало-быть, все это вздоръ? Однако жъ, этотъ вздоръ заставилъ меня попотѣть порядкомъ.

Жена Сганареля. Все хорошо, однако жъ я все-таки не совсѣмъ тебѣ вѣрю[4].

Сганарель *(женѣ)*. Ну, полно же, мой ангелъ, оставимъ всѣ эти вздоры[5]! Вѣдь все-таки я рисковалъ больше, чѣмъ ты! Ну, лапку[6]!

Жена Сганареля. Пожалуй; но смотри, если я что-нибудь узнаю!

Целія *(Лелію, поговоривъ съ нимъ потихоньку)*. Боже мой! если такъ, что жъ это я надѣлала? Я думала, что вы мнѣ измѣнили, и чтобъ отомстить, обѣщалась отдать руку ненавистному Валерію. Что теперь дѣлать? Вотъ и папенька[7]!

Лелій. Онъ сдержитъ данное мнѣ слово.

ЯВЛЕНІЕ 23-е.

Тѣ же и Горгибусъ.

Лелій. Милостивый государь! я возвратился съ тою жъ пламенной любовью къ вашей прелестной дочери и надѣюсь, что вы не измѣните вашему слову и, наконецъ, согласитесь соединить насъ.

Горгибусъ. Милостивый государь, возвратившійся съ тою же пламенной любовью къ моей дочери и обольщающій себя напрасною надеждою къ соединенію съ ней! честь имѣю пребыть вашимъ покорнѣйшимъ слугой.

Лелій. Что это значитъ, милостивый государь? Вы отказываетесь?

Горгибусъ. Точно такъ, милостивый государь: такъ исполняю я свой долгъ, и дочь моя повинуется...[8]

Целія. Обязанности исполнить, батюшка, данное вами обѣщаніе.

Горгибусъ. Какъ? это что̀ за новая перемѣна[1]? Давно ли ты соглашалась выйти за Валера, а теперь..... Но вотъ отецъ его! Онъ, вѣрно, спѣшитъ кончить дѣло.

ЯВЛЕНІЕ 24-е.

Прежніе и Виллебрекень.

Горгибусъ. Ну, что̀ скажете, любезнѣйшій Виллебрекень?

Виллебрекень. Чрезвычайная оказія! Я долженъ нарушить наше условіе. Нынѣ[2] я узналъ, что мой сынъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ женатъ, и я пришелъ...[3]

Горгибусъ. Довольно! И я долженъ вамъ открыть, что я давно уже обѣщалъ руку моей дочери г. Лелію, котораго при семъ случаѣ честь имѣю представить[4].

Виллебрекень. Очень, очень радъ.

Лелій. О, какъ я счастливъ[5]!

Горгибусъ. Ну, пойдемъ же и назначимъ день свадьбы. *(Всѣ уходятъ, кромѣ Сганареля.)*[6]

Сганарель *(одинъ)*. Ну, скажите пожалуйста, случалось ли кому-нибудь изъ васъ быть, подобно мнѣ, въ такой твердой увѣренности, что голова ваша увѣнчана украшеніемъ, ей Богу, совсѣмъ нелестнымъ[7]? Однако жъ, вы видѣли сами, что самыя ужасныя видимости часто обманываютъ. Припоминайте же иногда этотъ случай и, если увидите что̀ — не вѣрьте! Право, не вѣрьте[8]!

МЕРИМЕ.

Мериме безспорно замѣчательный писатель 19-го вѣка французской литературы. Пушкинъ уважалъ его много. Онъ называлъ его остроумнымъ и оригинальнымъ писателемъ, а сочиненія — замѣчательными въ нынѣшнемъ униженномъ, жалкомъ упадкѣ французской литературы (смотри: *Сочиненія Пушкина*, томъ IV, въ предисловіи къ „Пѣснямъ Западныхъ Славянъ“). Имя Мериме не было такъ часто на устахъ Европы, какъ другихъ, менѣе награжденныхъ дарами генія, но болѣе плодовитыхъ писателей, которые мѣтили на эффектъ и желаніе изумить, во что̀ бы ни стало. Немного произведеній вышло изъ-подъ пера Мериме; но всѣ они носятъ яркую печать таланта. Много правды, много вѣрности и въ бѣглыхъ и, такъ сказать, мимоходомъ разбросанныхъ замѣткахъ, много познаній и опыта. Драматическія сцены, вышедшія подъ названіемъ „Театра Клары Газюль“, блестятъ поэтическими чертами. Многое изъ среднихъ вѣковъ въ нихъ придвинуто чрезвычайно близко и почти рисуется передъ глазами. Вездѣ заключена мысль, и является что-нибудь изъ сильныхъ и отличительныхъ движеній тогдашнихъ характеровъ.

Нынѣ (вышедшее)[1] въ переводѣ: „Души въ чистилищѣ“, безъ всякаго сомнѣнія, поразитъ читателя прекраснымъ поэтическимъ созданіемъ сюжета, живымъ, быстрымъ, увлекательнымъ разсказомъ, свѣжими красками Испаніи, тонкими наблюденіями, острыми и смѣлыми замѣчаніями. И сколько разсыпано ума на этихъ немногихъ страницахъ!...

Мериме, какъ очень легко можно видѣть изъ всѣхъ ....[2], вовсе не былъ занятъ тѣмъ, чтобы угождать вкусу публики; онъ шелъ какъ-то совершенно въ сторонѣ; даже предметы избиралъ не тѣ, которыхъ требовала модная потребность (sic) читателей. Кажется, его не занимали покупатели и слава, какъ будто бы въ однѣ только минуты отдыха отъ жизни и без-

дѣльно-дѣловаго теченія дней ея писалъ онъ свои произведенія. И самая жизнь его какъ-то не сходится съ общею жизнію Европы. Его имя не попало въ современную политическую сферу; его не слышно въ палатѣ перовъ. Онъ не публицистъ; нѣтъ ни одной рѣчи, имъ произнесенной. Онъ взялъ себѣ должность инспектора памятниковъ и древностей, разсѣянныхъ по Франціи: ихъ обсматривать, доносить о состояніи ихъ, изслѣдовать и поддерживать — вотъ что опредѣлилъ онъ своимъ дѣйствіемъ. Мериме обладаетъ кромѣ того той способностью, которая не дается французу, — именно способностью схватывать вѣрно мѣстныя краски, чувствовать народность и передать ее и даже поддѣлаться подъ нее. Всѣмъ извѣстно выданное имъ собраніе славянскихъ пѣсенъ, подъ именемъ: „Гусли“. Собраніемъ ихъ онъ поддѣлъ даже самого Пушкина, который принялъ ихъ за подлинныя и съ такою вѣрною простотою передалъ ихъ въ полновѣсныхъ стихахъ своихъ. Почувствовать и угадать духъ славянскій — это уже слишкомъ много и почти невозможно для француза: по природѣ своей эти двѣ націи не сходятся между собою въ характерахъ; къ тому же французу трудно забыть на минуту, что онъ французъ. Съ этой-то стороны Мериме является въ своихъ созданіяхъ далеко выше своихъ писателей-соотечественниковъ.

УЧЕБНАЯ КНИГА СЛОВЕСНОСТИ

ДЛЯ РУССКАГО ЮНОШЕСТВА.

Начертаніе Н. Гоголя.

УЧЕБНАЯ КНИГА СЛОВЕСНОСТИ.

Проспектъ.

Въ двухъ большихъ томахъ: въ первомъ *часть поэтическая,* во второмъ — *часть прозаическая*[1]. — Каждый томъ состоитъ изъ двухъ половинъ: въ первой половинѣ изложеніе[2] правилъ, или теорія, во второй — примѣры. Первая половина, то-есть правила, должна быть напечатана[3] большими четкими[4] литерами[5] всплошь (sic), не раздѣляя на столбцы, съ широкимъ бордюромъ вокругъ[6], дабы не слишкомъ велика была квадра,— съ пробѣлами и разстановками[7]; вторая же половина, или примѣры, должна быть напечатана тѣсно въ два столбца мелкимъ[8] шрифтомъ[9] и вокругъ[10], вмѣсто бордюра, одна тоненькая линеечка или черта. Заглавія[11] тѣ же и въ правилахъ и въ примѣрахъ, и должны быть занумерованы[12] тѣми же номерами, — дабы вдругъ можно было, по прочтеніи правила, найти ему соотвѣтствующіе и принадлежащіе примѣры[13].

О наукѣ.

Наука у насъ еще не разработывается какъ полное цѣлое; еще не думаютъ о совокупленіи ея въ цѣльное крѣпкое ядро. Въ трудахъ нашихъ[14] ученыхъ также раздаются не переварившіяся европейскія мнѣнія, и такими же торчатъ яркими заплатами ихъ собственныя мысли, какъ все это раздается въ нашихъ гостинныхъ спорахъ и разговорахъ: всего нанесено[15] и все не переварилось. А между тѣмъ только въ одной русской[16] головѣ (если только эта голова устоялась)[17] возможно созданіе науки какъ науки, и русскій умъ войдетъ въ сокъ свой. Наука, окинутая русскимъ взглядомъ, всеозирающимъ, расторопнымъ, отрѣшившимся отъ всѣхъ сторонніхъ вліяній[18]...

Ибо русскій отрѣшился даже отъ самого себя, чего не случалось доселѣ ни съ однимъ народомъ[19]. Нѣмцу, о чемъ бы

онъ ни говорилъ, не отрѣшиться отъ нѣмца; французу, о чемъ бы онъ ни говорилъ, во всѣхъ его мнѣніяхъ и словахъ будетъ слышенъ французъ; англичанину и подавно болѣе всѣхъ нельзя отдѣлиться отъ своей природы. Стало-быть, полное безпристрастіе возможно только въ русскомъ умѣ, и всесторонность ума можетъ быть доступна одному только русскому, разумѣется, при его полномъ и совершенномъ воспитаніи. Къ этому нужно присовокупить[1] нашу способность схватывать[2] живо[3] малѣйшіе оттѣнки другихъ націй и, наконецъ, живое и мѣткое наше слово, не *описывающее*, но *отражающее*, какъ въ зеркалѣ, предметъ. Наука у насъ непремѣнно дойдетъ[4] до своего высшаго значенія[5] и[6] поразитъ самымъ существомъ, а не краснобайствомъ преподавателя, его даромъ разсказывать, или же примѣненіями[7] къ тому, что̀ интересуетъ [моду][8], и всякими[9] другими[10] нарумяниваніями и подслащиваніями, которыми стараются сдѣлать науку (заманчивою и)[11] удобопроглотимою. Она поразитъ у (насъ всѣхъ)[12] своимъ живымъ духомъ, изъ нея же исходящимъ, и симъ только станетъ[13] доступною всѣмъ[14]: и простолюд(ину), и не простолюдину (sic)[15]. Ея сила будетъ въ ея многозначительномъ краткословіи, а краткословья этого, сколько мнѣ кажется[16], не добыть никому изъ народовъ кромѣ русскаго, ибо сама природа наша[17] требуетъ его[18]. Намъ не нужно то постепенное, медленное развитіе мыслей[19], не прерывающійся[20] исходъ и выводъ одного изъ другаго, безъ котораго нѣмецъ не ступитъ шаг(а)[21] и не пойдетъ по дорогѣ. У насъ, напротивъ[22], всякій скучаетъ, начиная отъ образованнаго до простолюдина, когда ему дается [слишкомъ][23] долгая инструкція[24], и толкуютъ то, что̀ онъ и самъ уже смекнулъ, и[25] не можемъ итти шагъ за шагомъ, такъ, какъ идетъ[26] нѣмецъ. Отсюда[27] неуспѣхъ всякаго изложенія науки ходомъ нѣмецкой философіи. Прослѣди лучше нашъ ученый[28] самъ въ себѣ науку, прежде чѣмъ сталъ ее проповѣдывать[29]; проживи такъ въ бесѣдѣ съ нею, какъ монахъ[30] живетъ съ Богомъ, наложивъ молчаніе на уста свои. И когда уже[31] совокупилась въ тебѣ самомъ наука въ одно[32] крѣпкое ядро, и[33] содержишь ее въ головѣ всю[34] въ неразрушаемой связи; тогда можешь проповѣдывать[35] ее. И нечего уже тогда[36] [плестись]: не бойсь[37], нити не потеряешь, когда она въ головѣ[38]. [Несись][39] ровными и мѣрными скачками,

не усиливая и не замедляя[1], борзо, какъ добрый ямщикъ, который ни лошадей[2] не горячитъ, ни самъ не горячится[3], несется не подлой рысцей, не во всю прыть, не сломя голову[4], а тѣмъ веселящимъ сердце летомъ, съ какимъ началъ дорогу, и прилетаетъ на станцію[5], не заморивъ коней, ни себя самого. Иной ѣзды мы не любимъ[6]. Смѣло поступи, какъ нашъ сказочный конь[7]: мелкіе кусты и терновникъ[8] промежъ ногъ пропускаетъ[9]. Помни, что (говоришь ты русскимъ: смекнутъ)![10] Не заботься: тебя поймутъ[11], — смѣтливость — наше[12] свойство, и у насъ давно живетъ[13] пословица: „умный попъ хоть губами шевели, а мы, грѣшные, догадываемся“.

Что̀ такое слово и словесность?

Говорится все, записывается немногое, и только то, что̀ нужно. Отсюда[14] значительность литературы. Все, что̀ должно быть передано отъ отцовъ къ сыновьямъ въ ученіе, а не то, что̀ болтаетъ [модный людъ][15], то должно быть предметомъ словесности. Поэтому только тотъ, кто больше, глубже знаетъ [каждый] предметъ, кто имѣетъ сказать что-либо новое, тотъ только можетъ быть литераторомъ. Поэтому злоупотребленіе[16], если кто пишетъ безъ[17] надобности или потребности внутренней передать свои (убѣжденія)[18], кто пишетъ только затѣмъ, (чтобы писать)[19]. Поэтому для того, чтобы писать, нужно имѣть или очень много свѣдѣній и[20] познаній не общихъ всѣмъ[21], — тогда писанья его будутъ принадлежать къ области[22] науки; или же изобиліе[23] ощущеній и опытности[24], — тогда онъ поэтъ, и его произведенія принадлежатъ области поэтической.

Тому и другому необходима способность воображать и живо представлять себѣ предметъ, о которомъ говоритъ[25].

Письменностью или словесностью называютъ[26] сумму всего духовнаго образованія человѣка, которое передано было когда-либо словомъ или письмомъ. Но въ самомъ дѣлѣ словесность[27] не есть сумма всѣхъ познаній человѣческихъ. Она не есть также сама въ себѣ что-либо существенное. Она есть только *образъ*[28], которымъ передаетъ человѣкъ человѣку все имъ узнанное, найденное, почувствованное и открытое, какъ въ мірѣ

внѣшнихъ явленій, такъ[1] и въ мірѣ явленій внутреннихъ, происходящихъ въ собственной душѣ его[2]. Ея дѣло въ томъ, чтобы передать это въ видѣ яснѣйшемъ, живѣйшемъ, способномъ остаться навѣки въ памяти. Открытіемъ[3] тайны таковаго живаго передаванія[4] занимается *наука словесности*[5]. Но научить этой тайнѣ не можетъ наука словесности никого, такъ же какъ никакой наукѣ и никакому искусству нельзя научиться въ такой степени, чтобы быть мастеромъ[6], а не[7] ремесленникомъ, — если не даны къ тому способности и орудія въ насъ самихъ[8]. Но при всемъ томъ наука словесности[9] (такъ же нужна)[10], какъ для всякаго другаго знанія нужна наука. Нужно для того, чтобы ввести въ сущность дѣла, показать[11], въ чемъ дѣло, дабы, если точно есть въ насъ способности, силы, — навести ихъ на путь, вдвинуть ихъ въ надлежащую колею; дабы[12], какъ по углаженной дорогѣ, быстрѣе устремилось бы (sic) ихъ развитіе. Если жъ нѣтъ способностей, то чтобы зналъ[13] учащійся[14], чего требуетъ предметъ этотъ[15]; — видѣлъ бы всю великость того, чего онъ требуетъ, и не отважился бы вслѣдъ за другими[16] приниматься[17] за ея роды высокіе[18], или же просто несвойственные его свойству (sic)[19], а выбралъ бы оружіе по рукѣ. Ибо словесность обширна[20], объемлетъ все, и нѣтъ человѣка, который[21] не былъ бы способенъ для какого-нибудь ея[22] рода, если только есть въ головѣ его разсудокъ[23] и можетъ онъ о чемъ-нибудь порядочно размыслить[24].

Есть два языка словесности[25], двѣ одежды слова, два слишкомъ отличныхъ рода выраженій: одинъ слишкомъ возвышенный, весь гармоническій, который[26] не только живымъ, картиннымъ представленіемъ всякой мысли[27], самыми чудными сочетаніями звуковъ усиливаетъ силу (sic) выраженій и тѣмъ живѣй выдаетъ жизнь всего выражаемаго[28], родъ[29] доступный весьма немногимъ[30] и симъ даже немногимъ доступный только въ минуты глубоко растроеннаго состоянія душевнаго (и гармоническаго)[31] настроенія чувствъ, называемый[32] поэтическимъ[33], высшимъ языкомъ человѣческимъ, или, какъ называли всѣ народы, языкомъ боговъ; — и другой, простой, не ищущій[34] слишкомъ живыхъ образовъ, картинности[35] выраженія, ни согласныхъ сочетаній въ звукахъ, предающій(ся)[36] естественному ходу мыслей своихъ въ самомъ[37] покойномъ расположеніи духа, въ какомъ способенъ находиться всякій, — родъ прозаи-

ческій. Онъ всѣмъ[1] доступный, хотя между тѣмъ можетъ[2] непримѣтно[3] возвыситься до поэтическаго состоянія и гармоніи[4], по мѣрѣ (того)[5], какъ доведется къ такому растроганному настроенію душевному, до котораго также можетъ достигнуть всякій человѣкъ въ душевныя[6], истинныя минуты[7]. Само собою разумѣется, что какъ въ томъ родѣ, такъ и въ этомъ есть тысячи оттѣнковъ[9] и ступеней высшихъ и низшихъ, изъ которыхъ однѣ даются въ удѣлъ только необыкновеннымъ геніямъ, другія — счастливымъ талантамъ, и наконецъ третьи — почти всѣмъ сколько-нибудь способнымъ людямъ. Само собою также разумѣется[10], что иногда тотъ и другой родъ врываются въ предѣлы другъ друга[11], и то, что иногда поэзія можетъ[12] снисходить почти до простоты прозаической и проза возвышаться до величія поэтическаго[13]. Но тѣмъ не менѣе они(?) составляютъ два отдѣльные рода человѣческой рѣчи. Отдѣлъ[14] этотъ слишкомъ явственъ и рѣзокъ. Слова поэзія и проза произносятся въ такомъ же противорѣчащемъ другъ другу значеніи, какъ слова день и ночь.

О поэзіи.

Родникъ поэзіи есть красота. При видѣ красоты[15] возбуждается въ человѣкѣ чувство хвалить ее, пѣснословить и пѣть, — хвалить такими словами[16], чтобы и другой почувствовалъ красоту[17] имъ восхваляемаго[18]. Поэтъ только[19] тотъ, кто болѣе другихъ способенъ чувствовать красоту творенія. Потребность подѣлиться своими чувствами воспламеняетъ его и превращаетъ въ поэта. (Въ минуту же такого превращенія она освящаетъ и очищаетъ самую душу, потому что самое[20] желаніе заставить и другихъ восчувствовать красоту Божьяго творенія есть уже желаніе высокое, восперяющее его и дающее (ему)[21] силу)[22]. Двумя путями передаетъ онъ другимъ ощущенія[23]: или отъ себя самого лично, — тогда поэзія его лирическая[24]; или выводитъ другихъ людей и заставляетъ ихъ дѣйствовать въ живыхъ примѣрахъ, — тогда поэзія его[25] драматическая[26] и повѣствующая[27]. Третій родъ — такъ называемый описательный, или дидактическій, можетъ входить равно въ оба рода, но не есть самъ[28] по себѣ[29] путь, которымъ передаетъ свои впечатлѣнія поэтъ.

О поэзіи лирической.

Поэзія лирическая есть портретъ[1], отраженіе и зеркало[2] собственныхъ высшихъ[3] движеній души поэта[4], его самонужнѣйшія[5] замѣтки, біографія его восторгновеній[6]. Она есть, начиная[7] отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ ея[8] родовъ[9], не что иное, какъ отчетъ ощущеній самого поэта. Гремитъ ли онъ[10] въ одѣ, поетъ ли въ пѣснѣ, жалуется ли въ элегіи, или же повѣствуетъ[11] въ балладѣ, повсюду[12] высказываетъ личныя[13] тайны собственной души поэта. Словомъ, она[14] есть чистая личность самого поэта и чистая правда[15]. Ложь въ лирической поэзіи[16] опасна, ибо обличитъ себя вдругъ надутостью: тотъ, кто имѣетъ чутье поэта, въ мигъ ее услышитъ и называетъ лжецомъ надѣвшаго маску поэта. Она обширна[17] и объемлетъ собою всю внутреннюю біографію человѣка[18], начиная отъ его высокихъ движеній, возвѣщающихъ (въ немъ небесное происхожденіе) въ одѣ (и до самыхъ обыкновенныхъ, обличающихъ его чувственное происхожденіе)[19] въ пѣснѣ и въ мелкомъ антологическомъ сочиненіи[20], почти прозаическихъ и чувственныхъ въ мелкомъ антологическомъ стихотвореніи, въ которомъ онъ желаетъ отыскать сторону поэтическую.

Оды, гимны и лирическія воззванія.

Ода есть высочайшее, величественнѣйшее, полнѣйшее и стройнѣйшее изъ всѣхъ поэтическихъ созданій[21]. Ея предметомъ можетъ послужить только одно высокое: ибо одно высокое можетъ только внушить душѣ то лирическое[22], торжественное настроеніе души, какое для нея нужно и безъ какого не произвесть оды поэту, какъ бы великъ онъ ни былъ[23]. Посему[24] и предметъ одъ или самъ источникъ всего — Богъ, или то, что̀ слишкомъ близко[25] высотою чувствъ своихъ къ Божественному. Нужно слишкомъ быть проникнуту святыней[26] предмета[27], нужно долго носить въ себѣ самомъ высокій предметъ, сродниться съ нимъ[28], облагоухаться[29] имъ самому, — дабы быть въ силахъ произвести оду. Минутное же восторженіе святыней предмета можетъ произвесть[30] гимнъ, а не оду. Ода требуетъ высокаго торжественнаго[31] спокойствія, а

не порыва. Она не летитъ вверхъ[1] какъ гимнъ, но какъ бы пребываетъ все[2] на равной высотѣ, паря, а не улетая. И потому всегда въ равносильныхъ и равномѣрныхъ строфахъ и при свободѣ своей сохраняетъ въ себѣ строгій порядокъ. Гимнъ не имѣетъ[3] тѣхъ качествъ. Онъ есть первое изліяніе чувствъ[4], которыя просятся изъ души въ наружу (sic)[5]. Онъ безпорядоченъ[6], какъ самыя сильно возбужденныя въ насъ чувства, которыя стремятся только поскорѣй[7] выразиться, не думая о томъ[8], откуда и съ чего приличнѣе начать: и начинается[9] онъ и оканчивается, гдѣ ему вздумается, имѣя вожатаемъ одно вдохновеніе, которое внушило поэту[10] на ту пору обнявшее его чувство. Онъ рѣдко[11] сдерживаетъ себя границами[12] размѣренныхъ строфъ, но[13] льется безстрофно[14], быстро, какъ ручьи возбужденныхъ чувствъ, и прекращается вдругъ, неожиданно, быстро. Поэтому это[15] изліянье благодаренія душевнаго, чаще всего его предметъ, или же восхваленіе того, что̀ возбудило въ немъ такое чувство. Гимнъ и восхваленье почти синонимы[16]. Есть еще родъ лирическихъ стихотвореній, которыя составляютъ средину между одой и гимномъ: [только] пріобрѣтаютъ нѣкоторый порядокъ размѣренныя строфы и нѣкоторое спокойствіе, — хотя не имѣютъ еще той великой полноты и просторной рамы, какая принадлежитъ[17] одѣ. Тогда ихъ называютъ поэты стансами, то-есть просто строфами. Наконецъ есть родъ[18], уступающій всѣмъ тремъ въ полнотѣ, который можно назвать лирическими воззваніями, которыя заключаютъ въ себѣ какъ бы одинъ только кличъ, вопль, возгласъ, приглашеніе или крикъ, возбуждающій къ чему-либо другихъ. Онъ бываетъ быстръ, кратокъ, но тѣмъ не менѣе возвышенъ, иногда даже слишкомъ высокъ своею лаконическою силою, и чрезъ то имѣетъ право причисляться къ высокому лирическому роду, становясь на ряду съ одою.

Пѣсня.

Пѣсня составляетъ самый богатѣйшій отдѣлъ поэзіи у[19] народовъ славянскихъ[20]. Преобладаніе поэтическаго[21] элемента въ глубинѣ славянской души и особенное мелодическое расположеніе нашего языка были причиною происхожденія безчисленнаго множества пѣсенъ въ нашей словесности, которыя[22] уже и

вдревлѣ (sic)[1], когда слова не записывались, и словесность, не переходя въ письменность[2], оставалась въ буквальномъ смыслѣ словесностью, составляли наше[3] достояніе. Впослѣдствіи, когда болѣе и болѣе[4] наши поэты стали входить въ развитіе собственнаго поэтическаго духа, пѣсня явилась какъ необходимое выраженіе всѣхъ[5] тѣхъ впечатлѣній, которыя[6] обнимали[7] душу самого поэта, пробуждали въ немъ лирическое чувство. Она сдѣлалась какъ бы[8] исторіей поэтическихъ ощущеній поэта, которыя слишкомъ[9] нѣжны для оды и не восходятъ до той превыспренности[10], — но зато ощущается[11] гораздо чаще, нежели тѣ, которыя служатъ предметомъ[12] оды. А потому рѣдкій изъ нашихъ поэтовъ не оставилъ прекрасныхъ образцовъ, не говоря[13] уже о Пушкинѣ[14], который является какъ царь среди этой[15] области и котораго всякое[16] лирическое сочиненіе, какъ-только появлялось въ свѣтъ, въ тотъ же мигъ перекладывалось на музыку[17] и распѣвалось отъ[18] необыкновеннаго обилія мелодіи въ звукахъ[19]. Жуковскій, Батюшковъ, Капнистъ, Нелединскій-Мелецкій, Языковъ, Козловъ, Баратынскій, Туманскій, Лермонтовъ[20] подарили поэзію нашу множествомъ[21] самыхъ мелодическихъ пѣсенъ. Пѣсня обнимаетъ все: всѣ чувства и ощущенія жизни, и потому можетъ дѣлиться на множество разныхъ родовъ; можетъ изображать уединеніе[22], внутреннія[23] движенія и поэтическія мечты поэта, можетъ выражать страсть и любовь, можетъ быть застольной, и выражать веселье[24] души и грусть; можетъ изображать картину или состояніе другаго, какъ въ романсѣ, переходя отъ диѳирамба до тихой элегической задумчивости[25]. Словомъ[26], все, что̀ ни приводитъ къ настроенному[27] состоянію духъ[28], есть уже ея предметъ, — хотя это не есть та величавая, высокая восторженность, какъ въ одѣ, возвышенная уже самымъ величіемъ взятаго предмета. Въ пѣснѣ восторгъ какъ бы утишенный, — это ликованіе духа уже[29] послѣ самаго дѣла, произведшаго[30] великій восторгъ[31] празднества во время отдыха. Какъ бы позабывъ самый предметъ своей радости, поющій хочетъ потеряться въ гармоническихъ[32] звукахъ. Посему въ пѣснѣ почти музыкальная стройность строфъ, умѣстныя повторенія и счастливыя[33] возвращенія къ тому же составляютъ необыкновенную прелесть пѣсни[34]. Ея строфы гораздо короче, нежели строфы оды. Строфы длинныя или тяжеловѣсныя ей не приличны: чрезъ

это пѣсня будетъ не удобна для пѣнья. Она никакъ тоже[1] не должна быть[2] и длинна, потому, что и впечатлѣнья всѣ быстры.

Сочиняющій пѣсню долженъ какъ бы[3] слышать въ то же время ея внутреннюю музыку, дающую тайный размѣръ и стихамъ и строфамъ[4]. Лучшія[5] пѣсни сочинялись въ самую минуту[6] пляски, пиршества и вызывались ударомъ смычка, свистомъ волынки, звономъ стакановъ, мѣрнымъ ударомъ стопъ. Отъ этого онѣ получаютъ то невыразимо[7]-мелодическое свойство звуковъ, составляющее такую прелесть[8] въ пѣсняхъ народныхъ[9].

Самыя[10] поэтическія мечты и нѣжные[11] внутренніе изгибы души своей тогда выражались хорошо и были достойны пѣсни, когда онѣ не мечтались въ его воображеніи, а какъ бы пѣлись въ самой душѣ поэта.

Элегія.

Элегія есть какъ бы покойное[12] изложеніе чувствъ, постоянно въ насъ пребывающихъ, не тѣхъ великихъ и сильныхъ, которыя пробуждаются въ насъ мгновенно при воззрѣніи на предметы великіе, не тѣхъ, которыя, подобно святынѣ, сохранно пребывая въ глубинѣ души[13], стремятъ на великіе[14] подвиги человѣка,— но тихихъ, болѣе ежедневныхъ, болѣе дружныхъ съ обыкновеннымъ состояніемъ человѣка. Это сердечная исторія то же, что дружеское откровенное письмо, въ которомъ выказываются[15] сами собою излучины и состоянія внутреннія души. Въ сравненіи съ одой и гимномъ она слишкомъ отступила далеко въ лиризмѣ. Лирическій[16] свѣтъ ея передъ свѣтомъ гимна, что свѣтъ луны передъ солнцемъ. Ее бы можно было назвать дидактич(ескимъ) и описательнымъ[17] сочиненіемъ, если бы она не была изліяніемъ умягченнаго и слишкомъ нѣжнаго состоянія души, подвигнутаго на тихую исповѣдь, которая не можетъ излиться[18] безъ душевно(й)[19] лирической теплоты. Все въ ней тихо. Что взываетъ какъ бы[20] громомъ гремящаго оркестра[21] въ одѣ, поется въ пѣснѣ[22],— въ ней произносится речитативомъ. Подобно[23] сердечному письму[24], (она)[25] можетъ быть и коротка и длинна, скупа на слова[26] и не истощимо-говор-

лива[1], можетъ обнимать одинъ предметъ и множество предметовъ, по мѣрѣ того, какъ близки эти предметы ея сердцу. Чаще всего[2] носитъ она одежду меланхолическую[3], чаще всего[4] въ ней слышатся жалобы, потому что обыкновенно въ такія минуты ищетъ сердце[5] высказаться и бываетъ говорливо.

Дума.

Дума есть родъ стихотвореній не заимствованный ни откуда, но образовавшійся у славянъ. Пѣсни сѣверныхъ[6] конунговъ имѣютъ съ ней нѣкоторое сходство. Она не есть баллада, которой содержаніемъ избираются[7] таинственныя поэтическія преданія, неясныя, шевелящія и пугающія воображеніе, явленія. Въ ней ничего нѣтъ такого, что̀ бы было не объясненно, неопредѣленно и заманивало бы самой поэтической своею неопредѣленностью. Напротивъ, въ ней все опредѣленно и ясно. Ея предметъ — происшествіе истинно историческое[8], дѣйствительно бывшее, или же преданіе, такъ живо хранящееся[9] въ народѣ, что сама исторія внесла его въ свои страницы. Думы могутъ быть только объ однихъ историческихъ лицахъ[10]. Этотъ родъ[11] можно бы скорѣй причислить къ сочиненіямъ повѣствовательно-драматическимъ, если бы думы не распѣвались[12], подобно пѣснямъ[13], нашими старцами слѣпцами, хотя и речитативомъ, и еслибы не писались мѣрными строфами, среди[14] которыхъ многія есть отзывныя и повторяющія, дающія гармоническое[15] округленіе піесѣ — свойство, составляющее неизъяснимую прелесть пѣсни.

Поэзія повѣствовательная или драматическая.

Поэзія[16] повѣствовательная, въ противоположность лирической, есть[17] живое изображеніе[18] красоты предметовъ, движенія мыслей и чувствъ внѣ самого себя, отдѣльно отъ своей личности, до такой степени, что чѣмъ болѣе авторъ умѣетъ отдѣлиться отъ самого себя и скрыться самъ за лицами, имъ выведенными[19], тѣмъ больше успѣваетъ онъ, и становится сильнѣй и живѣй[20] въ этой[21] поэзіи; чѣмъ меньше умѣетъ скрыться и

воздержаться отъ вмѣшиванья своей собственности, тѣмъ[1] болѣе недостатковъ въ его твореніи, тѣмъ онъ безсильнѣй и вялѣе въ своихъ представленіяхъ. Значительность поэзіи повѣствовательной или драматической увеличивается по мѣрѣ того[2], какъ[3] поэтъ стремится доказать какую-нибудь мысль и, чтобы развить эту мысль, призываетъ[4] въ дѣйствіе живыя лица[5], изъ которыхъ каждое своей правдивостью и вѣрнымъ сколкомъ съ природы увлекаетъ вниманье читателя и, разыгрыва(я)[6] роль свою, ему данную[7] авторомъ, служитъ къ доказательству его мысли. По мѣр(ѣ)[8] того, чѣмъ совершается это естественнѣй, и все происшествіе[9] кажется живымъ, естественнымъ случаемъ, недавно случившимся, — между тѣмъ какъ внутренно[10] двигнуто[11] глубокимъ логическимъ выводомъ ума. Тогда сочиненіе живое, драматическое (и)[12] кипящее предъ очами всѣхъ становится съ тѣмъ вмѣстѣ въ высшей степени дидактическое и есть верхъ творчества, доступнаго однимъ только великимъ геніямъ.

Значительность поэзіи драматической[13] или повѣствовательной[14] уменьшается по мѣрѣ того, какъ авторъ теряетъ изъ виду значительную и сильную[15] мысль[16], подвигающую его на творчество, и есть простой списыватель сценъ, передъ нимъ происходящихъ, не приводя ихъ въ доказательство чего-нибудь такого[17], что̀ нужно сказать свѣту. Тогда значительность самаго происшествія имъ управляетъ, и онъ получаетъ только[18] отъ него свою значительность[19], хотя она и не въ немъ, но въ происшествіи[20], и достоинство его[21] въ чутьѣ и умѣньѣ выбрать происшествіе.

Пространство и предѣлы этой поэзіи драматически-повѣствовательной велики[22]. Она объемлетъ въ себѣ безчисленные[23] роды, начиная съ самыхъ величайшихъ: эпопеи и драмы — до самыхъ мелкихъ: басни или притчи.

Эпопея.

Величайшее[24], полнѣйшее, огромнѣйшее и многостороннѣйшее изъ всѣхъ созданій драматическо-повѣствовательныхъ[25] есть эпопея. Она избираетъ въ героѣ[26] всегда лицо[27] значительное[28], которое б...ло въ связяхъ, въ отношеніяхъ[29] и въ соприкосновеніи со множествомъ людей, событій и явленій,

вокругъ котораго необходимо долженъ[1] созидаться[2] весь вѣкъ его, и время, въ которое онъ жилъ. Эпопея объемлетъ[3] не нѣкоторыя черты[4], но всю эпоху времени[5], среди котораго дѣйствовалъ герой съ образомъ мыслей, вѣрованій и даже познаній[6], какія сдѣлало въ то время человѣчество. Весь міръ на великое пространство освѣщается вокругъ самого героя, и не одно[7] частное лицо, но весь народъ, а (и)[8] часто и многіе народы совокупляются[9] въ эпопею, оживаютъ на мигъ и возстаютъ точно[10] въ такомъ видѣ[11] передъ читателемъ, въ какомъ представляетъ[12] только намеки и догадки исторія. Поэтому-то эпопея есть[13] созданіе всемірное, принадлежащее всѣмъ народамъ[14] и вѣкамъ, долговѣчнѣйшее, не старѣющееся[15] и вѣчно живое, и потому вѣчно[16] повторяющееся въ устахъ. — Высокое совершенство[17] всѣхъ качествъ нужно соединить въ себѣ поэту сверхъ высочайшаго генія. Посему явленія эти[18] слишкомъ рѣдки въ мірѣ и кромѣ одного Гомера, то-есть кромѣ двухъ[19] эпопей „Иліады“ и „Одиссеи“, врядъ ли есть другія, вполнѣ[20] вмѣщающія въ себѣ ту полноту, видимость и многосторонность[21], какой требуетъ эпопея. Сравнивая[22] съ Гомеромъ всѣхъ другихъ эпиковъ, видимъ только, какъ входятъ они въ частности, и не смотря даже на явное желаніе захватить и объять много, стѣсняютъ[23] предѣлы свое(го)[24] значень(я)[25]: всемірное уходитъ у нихъ изъ вида[26], и[27] эпопея превращается даже въ явленіе частное. Съ тѣмъ вмѣстѣ пропадаетъ и та величавая безыскусственная простота, которая является у великаго патріарха всѣхъ поэтовъ, такъ[28] что весь погаснувшій древній міръ является[29] у него[30] въ томъ же сіяніи, освѣщенный тѣмъ же солнцемъ, какъ бы не погасалъ вовсе, дабы сохраниться навѣки живымъ въ памяти всего человѣчества[31].

Меньшіе роды эпопеи.

Въ новые вѣки произошелъ родъ повѣствовательныхъ сочиненій, составляющихъ какъ бы[32] средину между романомъ и эпопеей, героемъ[33] котораго[34] бываетъ хотя[35] частное и невидное лицо[36], но однако же значительное во многихъ отношеніяхъ для наблюдателя души человѣческой. Авторъ ведетъ его жизнь сквозь цѣпь приключеній и перемѣнъ, дабы представить[37] съ тѣмъ вмѣстѣ вживѣ вѣрную картину[38] всего значи-

тельнаго въ чертахъ и нравахъ взятаго имъ[1] времени[2], ту земную, почти статистически схваченную картину недостатковъ[3], злоупотребленій, пороковъ и всего, что замѣтилъ онъ во взятой эпохѣ и времени, достойнаго привлечь взглядъ всякаго[4] наблюдательнаго[5] современника, ищущаго въ быломъ[6], прошедшемъ живыхъ уроковъ для настоящаго. Такія явленія отъ времени до времени появлялись (sic) у многихъ народовъ. Многія изъ нихъ хотя писаны и въ прозѣ, но тѣмъ не менѣе могутъ быть причислены[7] къ созданіямъ[8] поэтическимъ[9]. Всемірности нѣтъ, но есть и бываетъ полный эпическій[10] объемъ[11], замѣчательный частными явленіями[12]; но мѣрѣ того, какъ они поэтически (sic), поэтъ становится (и въ образѣ поэта)[13] облекаетъ въ стихи[14].

Такъ Аріостъ изобразилъ почти сказочную страсть къ приключеніямъ и къ чудесному, которымъ была занята на время вся эпоха, а Сервантесъ посмѣялся надъ охотой къ приключеніямъ[9] оставшимся, какъ рококо, въ нѣкоторыхъ[15] людяхъ, въ то время, когда уже самый[16] вѣкъ вокругъ ихъ перемѣнился, тотъ и другой сжились съ взятою[17] ими мыслью. Она наполняла неотлучно умъ ихъ, и потому пріобрѣла[18] обдуманную, строгую значительность, сквозитъ повсюду и даетъ ихъ сочиненіямъ малый[19] видъ эпопеи, не смотря на шутливый тонъ, на легкость и даже на то, что одна изъ нихъ писана въ прозѣ.

Эклога[20] и Идиллія.

Есть родъ драматическихъ описательныхъ произведеній, которымъ[21] издавна уже дано имя эклогъ и идиллій и которыя вообще называются пастушескими[22]. Эти два рода соединяютъ весьма несправедливо вмѣстѣ и еще несправедливѣй смѣшиваютъ одно съ другимъ. Чтобы видѣть существенное различіе между ними, поговоримъ о каждомъ родѣ отдѣльно: сначала объ эклогѣ, потомъ — объ идилліи.

Эклога.

Эклога есть слово греческое и значитъ просто: „избранная піеса“. Тѣ сочиненія, которыя назвалъ Виргилій эклогами,

имѣютъ только внѣшній видъ сельскихъ или пастушескихъ стихотвореній. Пастухи его препираются другъ съ другомъ въ пѣснопѣніи, и пѣснопѣнья такъ возвышенны, что пріемлютъ видъ одъ, гимновъ, ничуть не уступая въ возвышенности (содержанія)[1] одамъ Горація, такъ что вслѣдствіе сего[2] произвольно взятое имя эклога стало выражать въ нашихъ понятіяхъ[3] состязаніе двухъ или многихъ между собою въ пѣснопѣніи или восхваленіи чего-либо[4]. Словомъ, какъ бы это было лирическое[5] произведеніе, но облеченное въ драматическую форму. Лица берутся не для нихъ самихъ, но для того, что̀ должны они разсказать. Ихъ собственное драматическое значеніе ничтожно. Они рисуютъ другъ другу, начертываютъ одинъ другому картину того, чего не захотѣлъ поэтъ сказать отъ себя собственно[6]. Они[7] не свои выражаютъ страсти, не[8] сами дѣйствуютъ, но повѣствуютъ[9] о событіяхъ другихъ, и восхваляютъ внѣ ихъ находящіеся предметы, иногда даже вовсе[10] выходящіе изъ ихъ быта. Посему эклога есть скорѣй возвышенное стихотвореніе[11], чѣмъ скромное сельское. Эклогой можно назвать состязаніе Гомера съ Гезіодомъ, прекрасно передѣланное изъ Мильвуа Батюшковымъ. Эклогой можно назвать[12] разговоръ двухъ шамановъ[13] о завоеваніяхъ Ермака, Дмитріева[14]. Эклогой можно назвать стихотворенія Катенина[15], гдѣ поэтъ грекъ и поэтъ славянинъ состязаются[16] другъ съ другомъ въ пѣснопѣніи. Наконецъ эклогами можно назвать всѣ тѣ[17] картинно-лирическія стихотворенія, которыя съ недавняго времени[18] введены нашими поэтами, которыя имѣютъ наружный видъ[19] препираній[20], разговоровъ и споровъ между предметами неодушевленными[21], но которыхъ, однакоже, поэтъ одушевляетъ[22] и заставляетъ ихъ разсказывать другъ другу въ картинномъ видѣ событіе, служащее[23] къ проявленію той мысли, которая занимала самого поэта. Таковъ напримѣръ „Споръ“ у Лермонтова[24]: Машукъ (sic) съ Шатъ-горою (спорятъ)[25] о будущей судьбѣ Кавказа. Таковы споры городовъ и рѣкъ[26], пріемлющихъ на время видъ одушевленныхъ[27] лицъ, которыя теперь весьма часто являются у нашихъ поэтовъ.

Идиллія[1].

Хотя съ мыслью объ идиллiи[2] соединяютъ[3] мысль о пастушескомъ и сельскомъ бытѣ; но предѣлы ея шире[4] и могутъ обнимать быть многихъ людей, если только[5] съ такимъ бытомъ неразлучны[6] простота[7] и скромный[8] удѣлъ жизни[9]. Она живописуетъ до мельчайшихъ подробностей этотъ бытъ, и какъ, повидимому, ни мелка[10] ея область, не содержа въ себѣ ни высокаго лирическаго настроенія, ни[11] драматическаго[12] интереса, ни сильнаго потрясающаго[13] событія; хотя, повидимому, она не что иное, какъ все первое попадающееся на глаза наши[14] изъ обыкновенной жизни: но тотъ, однакожъ, ошибется[15], кто приметъ ее въ одномъ такомъ смыслѣ. Поэтому[16] почти всегда управляла (въ ней)[17] какая-нибудь внутренняя мысль, слишкомъ близкая душѣ поэта, а бытъ и самую идиллію онъ употреблялъ какъ только удобнѣйшія формы[18]. Лучшія идиллiи[19] имѣли какое-нибудь историческое значеніе и писались[20] по какому-нибудь случаю. Такъ, Гнѣдича „Рыбаки“ заключаетъ въ себѣ случай[21] его собственной жизни, и въ баринѣ, о которомъ говоритъ рыбакъ, онъ изображаетъ русскаго вельможу[22], привѣтствовавшаго благосклонно первые труды поэта. Такъ, всякая идиллія Дельвига была писана по какому-нибудь поводу,— не говоря уже о прекрасной идиллiи: „Изобрѣтеніе ваянія“, которая съ перваго заглавія говоритъ о томъ. Идиллія „Купальницы“ была написана по поводу понравившагося[23] поэту эстампа, висѣвшаго[24] въ его комнатѣ.

Идиллія не сказка и не повѣсть,— хотя и содержитъ въ себѣ что-то похожее на происшествіе[25], но живое представленіе[26] тихаго, мирнаго быта, сцена, не имѣющая драматическаго[27] движенія. Ее можно назвать[28] въ истинномъ смыслѣ картиною[29]; по предметамъ, ею избираемымъ[30], всегда простымъ,— картиной Фламандской[31].

Романъ.

Романъ, не смотря на то, что въ прозѣ, но можетъ быть высокимъ поэтическимъ[32] созданіемъ. Романъ не есть эпопея. Его скорѣй можно назвать драмой. Подобно драмѣ, онъ есть

сочиненіе слишкомъ условленное (sic). Онъ заключаетъ[1] также въ себѣ строго и умно[2] обдуманную завязку. Всѣ лица[3], долженствующія дѣйствовать[4], или, лучше, между которыми должно завязаться дѣло, должны быть взяты заранѣ(е)[5] авторомъ; судьбою всякаго изъ нихъ озабоченъ авторъ и не можетъ ихъ пронести[6] и передвигать быстро и во множествѣ, въ видѣ[7] пролетающихъ мимо явленій[8]. Всякій[9] приходъ лица, вначалѣ, повидимому, не значительный[10], уже возвѣщаетъ о его участіи[11] потомъ. Все, что̀ ни является, является потому только[12], что связано слишкомъ съ судьбой самого героя. Здѣсь, какъ въ драмѣ, допускается[13] одно только слишкомъ тѣсное соединеніе между собою лицъ[14]; всякія же дальнія между ними отношенія, или же встрѣчи такого рода, безъ которыхъ можно бы обойтись, есть[15] порокъ въ романѣ[16], дѣлаетъ его растянутымъ и скучнымъ. Оно (?) летитъ, какъ драма[17], соединеннымъ живымъ[18] интересомъ[19] самыхъ[20] лицъ главнаго происшествія, въ которое[21] запутались дѣйствующі(я)[22] лица, и которое кипящимъ ходомъ заставляетъ самыя дѣйствую(щія)[23] лица развивать[24] и обнаруживать сильнѣй[25] и быстро свои характеры[26], увеличивая увлеченье. Потому всякое лицо[27] требуетъ окончательнаго[28] поприща. Романъ не беретъ всю жизнь[29], но замѣчательное происшествіе въ жизни, такое, которое заставило обнаружиться въ блестящемъ[30] видѣ жизнь, не смотря на условленное пространство.

Повѣсть[31].

Повѣсть избираетъ своимъ предметомъ случаи, дѣйствительно бывшіе или могущіе[32] случиться со всякимъ человѣкомъ, случай почему-нибудь замѣчательный въ отношеніи психологическомъ, иногда даже вовсе безъ желанія сказать нравоученіе[33], но только остановить вниманіе мыслящаго или наблюдателя[34]. Повѣсть[35] разнообразится чрезвычайно. Она можетъ быть даже совершенно поэтическою и получаетъ названіе поэмы, если происшествіе, случившееся само по себѣ, имѣетъ что-то[36] поэтическое[37]; или же придано ему поэтическое выраженіе отдаленностью[38] времени[39], въ которое происшествіе[40] случилось; или же самъ поэтъ взялъ его съ той поэтической стороны, съ какой

можетъ[1] взять[2] только поэтъ, и которая только пребываетъ въ немъ. Такъ повѣсть „Бахчисарайскій Фонтанъ[3]“ есть уже поэма по тому теплому роскошному колориту, въ который съ начала до конца[4] облекъ[5] ее всю поэтъ. Она можетъ быть просто живой разсказъ, мастерски и живо разсказанный картинный случай[6], какова Жуковскаго „Матте(о) Фальк(оне)“[7], Языкова „Сурминъ“[8]. Или же беретъ съ сатирической стороны какой-нибудь случай: тогда дѣлается значительнымъ[9] созданіемъ, не смотря на мелочь[10] взятаго случая; такова „Модная жена“ (Дмитріева)[11], „Графъ Нулинъ“ Пушкина, который сверхъ того имѣлъ значительное выраженіе, какъ живая картина[12]. Иногда даже само происшествіе не стоитъ вниманія и берется только для того, чтобы выставить какую-нибудь отдѣльную картину[13], живую, характеристическую черту условнаго времени[14], мѣста и нравовъ, а иногда и собственной фантазіи поэта.

Сказка[15].

Сказка можетъ быть созданіемъ высокимъ, когда[16] служитъ аллегорическою одеждою[17], облекающею высокую духовную истину, когда[18] обнаруживаетъ ощутительно[19] и видимо даже простолюдину[20] дѣло, доступное только мудрецу. Таковы отчасти двѣ повѣсти Жуковскаго о жизни человѣческой[21]. Сказка можетъ быть созданье не высокое по своему содержанію[22], но въ высшей степени исполненное прелести поэтической, если поэтъ, взявъ[23] народный мотивъ[24], возлелѣетъ ее воображеніемъ своимъ и усвоитъ вполнѣ себѣ и разовьетъ какъ поэму[25], какъ напримѣръ „Русланъ и Людмила“. Наконецъ сказка можетъ быть созданье значительное, когда содержаніе[26] хотя[27] создано все поэтомъ, но въ духѣ народномъ[28] отгаданы духъ и время[29], какова Лермонтова: „Про купца Калашникова“[30], и, наконецъ, сказка можетъ быть просто пересказъ почти слово въ слово народной сказки, — созданье менѣе всего значительное, которое выигрываетъ[31] только отъ того, когда поэтъ сумѣетъ привести[32] ее въ лучшій порядокъ, вычистить, удержавъ въ ней то, что̀ есть въ ней ея характерное, и отстранивъ то, что̀ прибавлено лишняго[33]. Таковы сказки Жуковскаго[34] (и) Пуш-

кина о царѣ Султанѣ (sic), о царѣ Берендеѣ[1], и царѣ Салтанѣ[2], о Спящей царевнѣ и Семи братьяхъ.

Ученыя[3] разсужденія и трактаты должны быть[4] коротки и ясны, отнюдь не многословны. Нужно помнить, что наука[5] для тѣхъ, которые еще не знаютъ ея. Въ послѣднее время стали писать разсужд(енія)[6], начиная съ лединыхъ яицъ. Это большая погрѣшность[7]. Думая[8] через(ъ)[9] это болѣе раскрыть дѣло, болѣе темнятъ. Терминовъ нужно держаться только тѣхъ, которые принадлежатъ[10] міру той науки, о которой дѣло, а не общихъ философскихъ[11], въ которыхъ (умъ)[12] блуждаетъ, какъ въ лабиринтѣ[13], и отдаляется отъ дѣла. Приступъ долженъ быть не великъ и съ перваго же раза показать, въ чемъ дѣло. Заключеніе должно повторить дѣло трактата[14] и въ сокращеньи обнять его снова[15], чтобы читатель могъ повторить самому себѣ[16].

II.

Примѣры[17].

Оды.

„Вечернее размышленіе“, Ломоносова[18].
„Водопадъ“, Держ(авина).
„Гимнъ Богу“, Дмит(ріева).
„ „ Капниста.
„Землетрясеніе“, Языков(а).
„Пастырь“ (?), Пушкина[19].
„Подражаніе Іову“, Ломонос(ова)[20].
„Вельможа“, Державин(а).
„Геній“, Языкова.

Ода Ломоносова: „На Возстановленіе Дома Романовыхъ въ лицѣ родившагося Имп(ератора) Павла I“*)[21].

---

*) *Выноска къ одѣ Ломоносова на рожденіе Императора Павла*[22]. Рожденіе Императора[23] Павла I было радостнѣйшимъ происшеств(іемъ)[24], какое когда-либо запомнитъ Россія, по сказанію всѣхъ современниковъ. Всѣ[25] единомысленно видѣли въ немъ возстановленіе Дому[26] Романовыхъ, который[27], кажется, ежеминутно готовился угаснуть за неимѣніемъ наслѣдниковъ мужскаго пола. Всѣ[28] услышали[29], что родился тотъ, который потомъ упрочилъ надолго[30] и домъ Царскій, подаривъ[31] Россіи мужественное и сильное царское поколѣніе. Вотъ причина, почему вся эта ода у Ломоносова исполнена такого восторга и силы, и онъ пророчитъ младенцу все, что только можно пожелать совершеннѣйшему Государю.

„Осень во время осады Очаков(а)“, (Державина)[1].
„Императ(ору) Никола(ю)“, Пушки(на)[2].
[3]„Давидову“, Языкова.
„На переходъ Альпійскихъ горъ“[4], Держав(ина).
„Поэту“, Языкова.
„Благодарность Фелицѣ“, Державина.
„Россіи“, Хомякова.
„ Капниста.
„Пророкъ“, Пушкина.
[5]„Фелица“, Державина.
„Подражаніе псалму CXXXVI“, Языкова[6].
„Благодарность Фелицѣ“[7], Державин(а).
„На смерть Мещерскаго“, Держав(ина).
„На смерть Орлова“, Державин(а).[8]
„Клеветникамъ Россіи“, Пушкин(а).
„Къ нерусскимъ“[9], Языкова.
„Зубову“, Державина[10].
„Наполеонъ“, Пушкина.
„Мой истуканъ“, Державина.
„Пророкъ“, Лермонтова.
„Къ XIX вѣку“[11], Лермонтова.
„Къ „ вѣку“, М. Лихонина.
„Изображеніе Фелицы“, Державина.
„Отвѣтъ Рафаэля пѣвцу Фелицы“, Капниста[12].
„Елисаветѣ“, Ломоносова[13].
„Лебедь“, Державина.

— — —

Пѣсни[14].

„Уже со тьмою нощи“[15], Капниста.
„У кого душевны силы“, Нелѣдинскаго (sic)-Мелецк(аго).
„Талисманъ“, Пушкина.
„Венеціанская ночь“, Козлова.
„Кудри, кудри шелковыя“, Дельвига[16].
„Телѣга жизни“, Пушкина.
„По дорогѣ зимней, скучной“[17], Пушкина.
„Цѣпи“, Державина.
Жуковскаго. „Отымаетъ наши радости“[18].

„Въ мѣстахъ, гдѣ Рона протекаетъ“[1], Батюшкова.
„Гдѣ твоя родина, пѣвецъ молодой?“[2] Языкова.
„Море близко; гулъ, удары“[3], Языкова.
„Ночь“[4]. „*Померкла неба синева*“, Языкова.
„Я взлелѣянъ югомъ, югомъ“[5], В. Туманскаго[6].
„Ночь“, Жуковскаго[7].
„Делибашъ“, Пушкина[8].
Русская пѣсня: „*Гой, красна земля Володиміра*“, Хомякова.
Дельвига, Пѣсня.
„Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны...“, Пушкина[9].
„Ночной зефиръ струитъ эѳиръ“, Пушкин(а).
„Пловецъ“ („*Нелюдимо наше море*“), Языкова.
Козлова.
„Пѣснь Гаральда“[10], Батюшкова.
„Мечта“[11], Державина.
Двѣ вечернія думы, Хомякова:
1-я „Вчерашняя ночь была такъ свѣтла“.
2-я „Сумракъ вечерній тихо взошелъ“.
„Ты велишь мнѣ равнодушнымъ“, Нелѣдинскаго (sic)-Мелецкаго[12].
Лермонтова. „Молитва“ (*„Одну молитву чудную“*).
Лермонтова. „Завѣщаніе“ (*„Наединѣ съ тобою, братъ“*)[13].
„Зима“ („Что ты, муза, такъ печальна?“)[14], Держав(ина).
„Мотылекъ и цвѣты“. } Жуковскаго.
(Къ нарисованному изображенію того и друг(аго)) }
„Два рыцаря передъ дѣвой“, Испанск(ій) романс(ъ)[15], Пушкина.
„Пѣсня пажа“[16], Пушкина.
„Старость и младость“, Капниста.
„Прости мнѣ дерзкое роптанье“, Нелѣдинскаго (sic)-Мелецкаго.
Карикатура. „Сними съ меня завѣсу, сѣдая старина“, Дмитріева[17].
„Что мнѣ дѣлать въ тяжкой участи моей?“ } Мерзлякова.
(Тоска сельской дѣвушки)[18]. }
„Многи лѣта, многи лѣта“[19] (народная пѣсня), Жуковскаго.
„Выйду я на рѣченьку“, Нелединскаго-Мелецкаго.
„Ахъ, когда бъ я прежде знала“, Дмитріева.
„Унынiе“, Капниста:
„Дни отрады, гдѣ сокрылись?“

„Ангелъ“ („По небу полуночи ангелъ летѣлъ“), Лермонтова.
„Таинственный посѣтитель“, Жуковскаго.
„Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ“, Богдановича[1].
„Когда веселій на крылахъ“, Нелѣдинскаго (sic)-Мелецкаго.
„Къ младенцу“[2], Дмитріева.
„Чувство въ разлукѣ“[3] („Что не дѣвица въ теремѣ своемъ“), Мерзлякова.
„Къ востоку, все востоку“[4], Жуковскаго.
„Полно льститься мнѣ слезами“, Нелѣдинскаго-Мелецкаго.
„Донскому воинству“. („Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою“), Шатрова.
„Съ Миленой позднею порою“[5], Капниста.
„Къ мѣсяцу“, Жуковскаго[6].
„Весеннее чувство“, Жуковскаго.
„Сонъ“ („Заснувъ на холмѣ луговомъ“), Жуковскаго.

Элегіи.

„Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ“[7], Пушкина.
„Умирающій Тассъ“[8], Батюшкова.
„На смерть королевы Виртембергск(ой)“[9], Жуковскаго.
„На воспоминанье кн. Одоевск(аго)“[10], Лермонтова.
„Пожаръ“, Языкова.
„На развалинахъ замка въ Швеціи“, Батюшкова.
„Финляндія“, Баратынскаго.
„Элегія“, Давыдова.
„Ненастный день потухъ,
Туманной ночи мгла“[11]. } Пушкина.
„Второй переводъ Греевой (элегіи)“[12], Жуковскаго.
„Я берегъ покидалъ туманный Альбіона“[13], Батюшкова.
Элегія, А. Крылова.
„Черепъ“, Баратынскаго.
„Лицейская годовщина“, Пушкина.
„Минихъ“, Плетнева[14].
Элегія, Баратынскаго.
Элегія („Тоска въ нѣмец(комъ) городкѣ“)[15], Языкова.
Элегія, Пушкина.
„ Пушкина.

„О сжальтесь надо мною, о дайте волю мнѣ“[1], Хомякова.
„Арфа“, Державина.
„Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день“[2], Пушкина.
„Зима. Что̀ дѣлать мнѣ въ деревнѣ? я встрѣчаю“, Пушкина.
„Вечеръ“, Жуковскаго.

Эклоги:

„Гомеръ и Гезіодъ“, Батюшкова).
„Ермакъ“, Дмитріева.
„ Катенина[4].
„Споръ“ (съ Шатъ-горой), Лермонтова.
„Олегъ“, Языкова.

Идилліи:

„Рыбаки“, Гнѣдича.
„Купальницы“, Дельвига.
„Капризъ“, Пушкина[3].
„Изобрѣтеніе ваянія“, Дельвига.
Сцены изъ „Цыганъ“, Пушкина.
Послѣднія стихот(воренія) Пушкина.
„Солдатъ“[5], Дельвига.
„Сторожъ ночной“[6], Жуковскаго.

Думы.

„Олегъ“[7], Пушкина.
„Евпатій“, Языкова.
„Острогожскъ“, Рылѣева.
„Пиръ на Невѣ“[8], Пушкина.
„Кудесникъ“, Языкова.

Антологическія.

„Трудъ“, Пушкина.
„Монастырь на Казбекѣ“, Пушкина.
„Недугъ“, Шевырева[9].
„Къ статуѣ Петра Великаго“: („Гремящія по всѣмъ концамъ земнымъ побѣды)“ } Ломоносова[10].
„Пиръ Потемкина, данный Екатеринѣ“, Державина.
„Домикъ поэта въ Обуховкѣ“[11], Капниста.
„Красавица передъ зеркаломъ“, Пушкина.
„Домовому“, Пушкина.
„Буря“, Языкова.
„Птичкѣ“, Ѳ. Туманскаго.
„Нереида“, Пушкина.

„Вдохновеніе“ (сонетъ), Дельвига[1].
„Красавицѣ“, Пушкина.
„На спускъ корабля Златоуста“[2], Ломоносова.
„Весна“, Языкова.
„Къ статуѣ играющаго въ бабки“, Пушкин(а)[3].
„На переводъ Иліады“[4], Пушки(на).
„Сонетъ при посылкѣ книги, воспоминанье объ искусствѣ“, Батюшкова[5].
„О милыхъ призракахъ“[6], Жуковскаго.
„Поэту“. Сонетъ, Пушкина.
„Къ портрету Жуковскаго“[7], Пушкина.
„Нимфа“[8], Баратынскаго.
„Черта къ біографіи Державина“, Державина.
„Послѣдніе стихи“, Веневитинова[9].
Послѣдніе стихи Державина[10].
„Элегія болѣвшаго ногами поэта“[11], Языкова.
„Сафо“, Пушкина.
„Доридѣ“, Пушкина.
„Сожженное письмо“, Пушкина.
„Рифма“, Пушкина.
„Мой голосъ для тебя и ласковый и томный“, Пушкина.
„Ты и вы“, Пушкина.
„Къ портрету Жуковскаго“, Пушкина.
„На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла“, Пушкина.

1846 годъ.

Господи, благослови на сей грядущій годъ! Обрати его весь въ плодъ и въ трудъ многотворный и благотворный, весь на служенье Тебѣ, весь на спасенье душъ. Буди милостивъ и разрѣши руки и разумъ, осѣнивъ его свѣтомъ высшимъ Твоимъ и прозрѣньемъ пророческимъ великихъ чудесъ Твоихъ. Да Святый Духъ снидетъ на меня и двигнетъ устами моими и да освятитъ во мнѣ все, испепеливъ и уничтоживъ грѣховность и нечистоту и гнусность мою и обративъ меня въ святой и чистый храмъ, достойный, Господи, Твоего пребыванія. Боже! Боже! не отлучайся отъ меня! Боже! Боже! вспомни древнюю любовь. Боже! благослови и дай могущество возлюбить Тебя, воспѣть и восхвалить Тебя, и возвести всѣхъ къ хваленью Святаго Имени Твоего.

О сословіяхъ въ государствѣ.

Прошло то время, когда идеализировали и мечтали о разнаго рода[1] правленіяхъ, и умные люди, обольщенные формами, бывшими[2] у другихъ народовъ, горячо проповѣдывали: одни — совершенную демократію, другіе — монархію, третьи — аристократію[3], четвертые—смѣсь всего вмѣстѣ, пятые — потребность двухъ борющихся силъ въ государствѣ и на бореньи ихъ основывали.....[4] Наступило время, когда всякій болѣе или менѣе чувствуетъ, что правленіе не есть вещь, которая сочиняется[5] въ головѣ нѣкоторыхъ, что она образуется нечувствительно[6], сама собой, изъ духа и свойствъ самого народа, изъ[7] мѣстности — земли, на которой живетъ народъ, изъ исторіи самого народа, которая показыва(етъ)[8] человѣку глубокомысленному[9], когда и въ какихъ случаяхъ[10] успѣвалъ народъ и дѣйствовалъ хорошо и умно[11], и требуетъ — внимательно все это обсудить и взвѣсить.

Исторія государства Россіи начинается[12] добровольнымъ[13] приглашеньемъ[14] верховной власти. „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: придите княжить и владѣть нами“,— слова[15] эти были произнесены[16] людьми вольныхъ городовъ. Добровольнымъ разумнымъ сознаньемъ вольныхъ людей установленъ монархъ въ Россіи. Всѣ сословія, дружно требуя защиты отъ самихъ себя, а не отъ сосѣднихъ враговъ[17], утвердили надъ собой высшую власть съ тѣмъ, чтобы (нелицепріятно) разсудить[18] самихъ себя — потребность чисто (естественная)[19], понятная среди такого народа[20], въ которомъ никто не хочетъ уступить одинъ другому, и гдѣ[21] только въ минуты[22] величайшей опасности, когда приходится спасать родную землю, все соединяется въ одинъ человѣкъ (sic) и дѣлается однимъ тѣломъ. Симъ опредѣлена высокая[23] законность монарха-самодержца[24].

Итакъ въ самомъ началѣ[1], во время, когда не пробуждается еще потребность организаціи стройной, во время (еще) [неразвитости][2], когда легко ужиться съ безначаліемъ[3], уже все потребовало одного такого лица, которое, стоя выше[4] всѣхъ, не будучи связано личною выгодою[5] ни съ какимъ сословіемъ преимущественно, внимало бы всему равно и держало бы сторону каждаго сословія[6] въ государствѣ. Во всю исторію нашу прошла эта потребность третейской власти старцевъ[7], потребность суда посторонняго человѣка[8]. Великій князь или, просто, умный князь уже требуется, какъ примиритель другихъ князей. Духовенство является какъ примиритель между князей или даже между народомъ, и самъ государь судится народомъ не иначе, какъ верховный примиритель между собою. Стало быть, законность[9] главы была признана всѣми единогласно[10].

Вопросъ: какія начала правленія[11] слышатся и слышались въ исторіи народа?

Если правленіе переходило сколько-нибудь въ народное[12], это обнаруживалось совершенною анархіей[13] и полнымъ отсутствіемъ всякаго правленія[14]: ни одного человѣка не бывало согласнаго[15], все спорило между собою.

Если правленіе переходило совершенно въ монархическое[16], то-есть, въ правленіе чиновниковъ отъ короля, воспитавшихся[17] на служебномъ письменномъ поприщѣ, государство[18] наполнялось взяточниками, для ограниченья которыхъ[19] требовались другіе чиновники; черезъ года два слѣдовало и тѣхъ ограничивать, и образовывалась[20] необыкновенная сложность, тоже близкая къ анархіи.

Стало быть, вопросъ: гдѣ, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ допустить демократическое, народное участіе[21] и гдѣ въ какихъ случаяхъ[22] участвованіе короны и правительствующаго корпуса?[23] То и другое въ рукахъ монарха[24] — и аристократія и демократія; тому и другому онъ господинъ; та и другая ему равно близка[25]. Каковы же и въ чемъ отношенія монарха къ подданнымъ[26]? Это — лицо, которое уже должно жить другою жизнью, нежели обыкновенный червь: онъ долженъ отречься отъ себя и отъ своей собственности[27], какъ монахъ; его пищей должно быть одно благо его — счастіе всѣхъ до единаго въ государствѣ; его лицо не иначе, какъ священно[28].

Гдѣ особенно[1] и въ какихъ случаяхъ полезна мірская сходка? Тогда, когда уже рѣшенное [опредѣленіе][2] слѣдуетъ привести въ исполненіе. Никто лучше міра не умѣетъ, какъ разложить и сколько на кого, потому что они знаютъ и свои состоянья и свои силы. Поэтому кто.....[3] наложитъ на каждаго заплатить по рублю, будетъ несправедливъ; но[4], сложивши[5] сумму[6], какая[7] должна[8] выйти, если положить рубль на человѣка, — потребовать эту сумму[9] со всего міра. Это можно примѣнить ко многому и въ другихъ сословіяхъ. Верховный совѣтъ государства предполагается состоящимъ изъ лицъ, знающихъ нужды своего государства[10], которыя достигнули этого званія не однимъ письменнымъ поприщемъ и повышеньемъ за выслугу лѣтъ, но[11] имѣя по службѣ, на многихъ поприщахъ внутри государства[12], случай стоять лицомъ (къ тому), какъ тамъ[13] происходитъ внутри государства. Стало быть, опредѣленья такого совѣта[14] относительно всего государства могутъ быть менѣе всѣхъ другихъ ошибочны.

Опредѣленіе расходится по лицу Россіи; его требуется исполнить и примѣнить (къ)[15] дѣлу. Вотъ тутъ дѣло упирается на совѣтѣ (sic) тѣхъ, которые должны исполнить и примѣнить къ дѣлу: какъ удобнѣй, какъ возможнѣй, какъ необременительнѣй ни для кого исключительно[16] исполнить. Здѣсь необходимость вѣча, или совѣщанія всего того сословія, къ которому относится дѣло.

Правительство[17] не[18] имѣетъ дѣла (ни съ кѣмъ)[19] порознь[20] изъ сословій[21], но съ цѣлымъ сословіемъ вмѣстѣ. Все сословіе отвѣчаетъ. Сословіе имѣетъ (право)[22] употребить и полицію, и насильственныя мѣры, къ приведенію въ послушаніе того ослушника, который бы воспротивился.

Вездѣ, гдѣ только примѣнены къ дѣлу постановленья, тамъ[23] необходимо совѣщанье самихъ тѣхъ, на которыхъ должны примѣнять его. Сами они должны изъ себя избрать для того и чиновниковъ, блюстителей и ускорителей, не требовать отъ правительства никакого[24] для этого жалованья[25] и не обременять этимъ сложность государственнаго механизма[26].

Но гдѣ дѣло касается до опредѣленія[27] постановленій, тамъ совѣщаются одни испытанные въ дѣлахъ государственные мужи, и опредѣленье уже непреложно[28], если скрѣплено рукой монарха. Сословія могутъ посылать своихъ депутатовъ, которые

могутъ предъявлять справедливыя причины упущенія или необходимыя[1] требованія[2]; но они принимаются только къ соображенію[3] и усмотрѣнію. Если они будутъ отвергнуты, сословіе[4] не имѣетъ права на апелляцію[5]. Само собою разумѣется, что правда[6] должна быть на сторонѣ тѣхъ людей, которыхъ....[7] всѣ стороны государства, — особенно, если правда эта узаконена тѣмъ, кто стоитъ выше всѣхъ въ государствѣ и которому равно близки выгоды всѣхъ.

Дѣло въ томъ, чтобы организовались сословія, чтобы почувствовало всякое сословіе свои границы, предѣлы, обязанности, и знали, гдѣ ихъ дѣло и дѣятельность, а потому въ воспитанье человѣка, съ самаго начала, должны[8] войти обязанности того сословія, къ которому онъ принадлежитъ, чтобы онъ съ самаго начала почувствовалъ[9], что онъ гражданинъ и не безъ мѣста въ своемъ государствѣ.

Взглянемъ на наши сословія отъ высшихъ до низшихъ. Начнемъ съ дворянства.

Дворянство наше должно было непремѣнно (имѣть)[10] другой характеръ, чѣмъ дворянства другихъ краевъ[11]. Во всѣхъ другихъ земляхъ дворянство образовалось[12] изъ пришельцевъ[13], изъ народовъ[14], захватившихъ земли туземцевъ и обратившихъ[15] народъ силою въ своихъ вассаловъ[16]. Оно установило насильственно отдѣльну(ю)[17] касту аристократіи, въ которую уже не допускали никого. У насъ дворянство есть цвѣтъ[18] нашего же нас[еленія][19]. Большею частью заслуги передъ царемъ, народомъ и всей землей русской возводили у насъ[20] въ знатный родъ людей изъ всѣхъ рѣшительно сословій. Право надъ другими, если разсмотрѣть глубже[21], въ основаніи, основано на разумѣ: они не что иное, какъ управители государя. Въ награду за доблести[22], за испытанную честную службу даются ему въ управленье крестьяне[23], даются ему, какъ просвѣщеннѣйшему, какъ ставшему выше предъ другими, — въ предположеніи, что такой человѣкъ, кто лучше другихъ понялъ высокія[24] чувства и назначеніе[25], можетъ лучше править, чѣмъ[26] какой-нибудь простой чиновникъ, выбираемый въ засѣдатели или капитанъ-исправники[27]. Вольно было помѣщикамъ[28], позабывши эту высокую обязанность, глядѣть[29] на крестьянъ, какъ на предметъ только дохода для своей роскоши и увеселеній[30]. Этимъ они ничуть не доказали, что государи были

неправы, а доказали только, что они сами уронили званье помѣщика[1].

Итакъ дворянству нашему досталась прекрасная[2] участь[3] заботиться о благосостояніи[4] низшихъ....[5] (Монархъ подѣлился съ ними своимъ попеченьемъ). Вотъ первое[6], что̀ должно[7] чувствовать[8] это сословіе съ самаго начала. Изъ-за этой самой....[9] они должны составить между собою одно цѣлое; совѣщанье они должны имѣть[10] между собою объ управленіи крестьянами. Они не должны[11] попустить между собой присутствіе такого помѣщика[12], который жестокъ или несправедливъ: онъ дѣлаетъ имъ всѣмъ пятно[13]. Они должны заставить его перемѣнить образъ обращенья; они должны поступить[14] такъ же, какъ въ полку общество благородныхъ офицеровъ поступаетъ съ тѣмъ, который обезчеститъ подлымъ поступкомъ ихъ общество: они приказываютъ[15] ему вытти изъ круга, и онъ не осмѣливается преступить этого, ничѣмъ[16] уже не смягчаемаго опредѣленія[17]. Дворянство должно быть сосудомъ и хранит(елемъ)[18] высокаго нравственнаго чувства всей націи, рыцарями[19] чести и добра, которые должны[20] сторожить сами за собою. Такъ должны быть они въ Россіи, гдѣ не хвастаютъ[21] ни родомъ, ни происхожденіемъ[22], ни point d'honneur, но какимъ-то[23] нравственнымъ благородствомъ, которое, къ сожалѣнію[24], обнаруживается только во дни высокихъ[25] самопожертвованій[26]. Это отъ самой юности должно[27] быть внушаемо, какъ въ первую принадлежность (sic).

Послѣдній въ государствѣ и многочисленный[28] классъ, — крестьяне составляютъ также сословіе и имѣютъ много, о чемъ совѣщаться между собою. Состоя подъ управленьемъ помѣщика, они имѣютъ тоже[29], о чемъ совѣщаться. Установленный сборъ[30], — повинность, положенную на каждаго человѣка, помѣщикъ долженъ предоставить [принесть][31] (совсѣмъ)[32] міру, который самъ долженъ и собрать, и принести[33], потому что они лучше себя знаютъ относительно всякихъ состояній, и помѣщику никогда не....[34] Онъ также долженъ лучше чувствовать[35] свое сословіе, что̀ имѣетъ право законно требовать помѣщикъ, за что долженъ заплатить ему и нанимать, какъ вольнаго человѣка[36], и переговариваться съ помѣщикомъ цѣлымъ міромъ[37].

Сословіе гражданъ, самое разнохарактерное, меньше[38] всего получившее опредѣленное выраженіе[39], отъ неопредѣленности[40]

занятій и отъ нѣкотораго безвластія, должно непремѣнно возвыситься до понятія...[1] Оно должно помнить, что они стражи и хранители благосостоянія и должны[2] сами изъ себя избирать чиновниковъ. Полиція тогда только не будетъ[3] брать взятковъ (sic) и грабить, когда сами граждане будутъ исполнять....[4] Лучшая полиція въ Англіи[5], по признанію всѣхъ, въ Англіи (sic), и то потому, что этимъ занимается городъ, выбирая для этого чиновника[6] и платя ему жалованье отъ себя. Правитель города долженъ требовать отъ магистрата, чтобы сдѣлано[7] было такъ же точно[8]; а магистратъ уже самъ размыслитъ[9], какъ это сдѣлать такъ, чтобы тягость упала на все сословіе[10].

Объявленіе объ изданіи русскаго словаря.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ занимаясь русскимъ языкомъ, поражаясь болѣе и болѣе мѣткостью и разумомъ словъ его, я убѣждался болѣе и болѣе въ существенной необходимости такого объяснительнаго словаря, который бы выставилъ, такъ сказать, лицомъ русское слово въ его прямомъ значеніи, освѣтилъ бы ощутительнѣй его достоинство, такъ часто незамѣчаемое, и обнаружилъ бы отчасти самое происхожденіе. Тѣмъ болѣе казался мнѣ необходимымъ такой словарь, что посреди чужеземной жизни нашего общества, такъ мало свойственной духу земли и народа, извращается прямое, истинное значенье коренныхъ русскихъ словъ: однимъ приписывается другой смыслъ, другія позабываются вовсе. Академія Наукъ, тремя изданьями своего Словаря[1], теперь проложила путь къ этому подвигу, безъ того бы неудобоисполнимому и почти невозможному. Послѣднее изданье, полнѣйшее всѣхъ предыдущихъ (по значительному умноженью собранныхъ словъ), опустило, къ сожалѣнью, ту объяснительную часть, которою были такъ примѣчательны первыя изданія; но, принимая въ уваженье то, что это (?) было бы невозможно для общества, въ которомъ каждый членъ имѣетъ свой взглядъ, нельзя упрекнуть Академію. Напротивъ, она поступила благоразумно и добросовѣстно. Объяснительный словарь есть дѣло лингвиста, который бы для этого уже родился, который бы заключилъ въ своей природѣ къ тому преимущественныя, особенныя способности, носилъ бы въ себѣ самомъ внутреннее ухо, слышащее гармонію языка. Явленья такихъ лингвистовъ всегда и повсюду бывали рѣдки. Ими отличались какъ-то преимущественно славянскія земли. Словари Линде и Юнгмана останутся всегда безсмертными памятниками ихъ необыкновенныхъ лингвическихъ[2] (sic) способностей. Они будутъ умножаемы, по-

полняемы, совершенствуемы обществами ученыхъ издателей; но разъ утвержденныя мѣткія опредѣленія коренныхъ словъ останутся навсегда. Это дѣло ихъ созданья.

Не потому, чтобы я чувствовалъ въ себѣ большія способности къ языкознательному дѣлу; не потому, чтобы надѣялся на свои силы претерпѣть подобное имъ; нѣтъ! другая побудительная причина заставила меня заняться объяснительнымъ словаремъ: ничего болѣе, (какъ)[1] любовь, просто — одна любовь къ русскому слову, которая жила во мнѣ отъ младенчества и заставляла меня останавливаться надъ внутреннимъ его существомъ и выраженьемъ. Для меня было наслажденьемъ давать самому себѣ отчетъ, опредѣлять самому собою — и я принялся за перо. Приступая же къ печатанью словаря моего, рѣшился не столько съ намѣреніемъ принесть пользу другимъ, сколько самому себѣ. Издавая его выпусками, какъ опытъ, какъ пробные листки, я могу услышать мнѣнье и судъ другихъ, необходимые въ дѣлѣ такого предпріятія; могу увидѣть всѣ свои недостатки, погрѣшности труда, стало быть, могу получить чрезъ то самое возможность продолжать его въ удовлетворительнѣйшемъ и полнѣйшемъ видѣ.

Всѣ замѣчанія, какія угодно будетъ сдѣлать соотечественникамъ на мой Словарь, будутъ мною приняты съ благодарностью.

ОТРЫВКИ И НАБРОСКИ РАЗНЫХЪ ЛѢТЪ.

I. Наброски изъ древней исторіи (1835 года).

1. Мидія.

Мидія страна выше Персіи. Мидяне назывались всѣ племена, [жившія][1] за Тигромъ въ этой странѣ. Изъ книги[2] Зен, давеста видно, что въ южной ихъ части уже давно существовало образованное государство. Характеръ жителей, поня(тія)[3]-черты горцевъ .....[4] по Геродоту изъ 6 племенъ. Между ними маги составили особенное. Арбакомъ, своимъ сатрапомъ, освобождаются[5] отъ Ассиріи и составляютъ государство. При Дейокѣ[6] (657+)[7] имѣютъ новую столицу: Экбатану[8]; при[9] Фріортѣ покоря(ютъ)[10] Персію (660); Ціаксаромъ[11] обучаются[12] въ военномъ искусствѣ, воюютъ съ лидянами, покоряютъ ассиріянъ, отражаютъ нападенія скиѳовъ и кимеріанъ и [полагаютъ границею][13] часть Евфрата[14]. Наконецъ Астіагомъ оканчиваютъ свое существованіе и покоряются персами.

2. Вавилонъ.

Вавилонъ покоряетъ ассиріанъ, потомъ[15] захватывается халдеями, воинами-пастухами. Навуходоносоръ возноситъ завоеваніями свою Вавилоно-халдейскую монархію и даетъ ей блестящій вѣкъ, завоев(ываетъ)[16] Финикію и разрушаетъ Тиръ, около 590 г. разоряетъ Іерусалимъ и уводитъ въ плѣнъ іудеевъ; опустошаетъ Египетъ, строитъ зданія и роетъ каналы [въ Вавилонѣ][17]. Послѣ него-[то][18] начинается время упаданія (sic) этого государства при Евильмеродахѣ-Тиглассарѣ[19]-Лабосоаршадѣ, наконецъ покоряется Киромъ при Набонидѣ (Валтасарѣ) 532.

3. Малая Азія.

Малая Азія различнымъ мѣстоположеніемъ и окруженіемъ со всѣхъ сторонъ моремъ (sic) [наполнялась различными народами][20]: племена ѳракскія[21] [преобладаютъ][22] сѣверною частью, на западѣ греческія, и (на)[23] югѣ: въ серединѣ до Галиса — фригій(скія), за

Галисомъ — сирокаппадокійскія. До Кира только три государства имѣютъ исторію. Два государства извѣстны[1] въ глубокой древности: небольшое государство Троя, обязанная извѣстно(стью) чрезъ разрушеніе грековъ. Цари: Тейцеръ, Дарданъ, Ерихонъ, Трой, Илъ, Лаомедонъ, Гераклъ и Фриксъ управляли царствомъ [гордіевымъ и мидами][2] до покоренія Крезомъ.

Но сильнѣе ихъ всѣхъ и замѣчательнѣе лидійцы[3], вѣтвь карійцевъ. Воюютъ при Гигѣ (680) съ греческими колоніями, терпятъ отъ кимеріянъ при Садіаттѣ и Аліаттѣ[4], покоряютъ Смирну, при Крезѣ завоев(ываютъ)[5] Эфесъ, распространяются по всей передней Азіи до [Галиса] и составляютъ богатѣйшее государство, покамѣстъ не покоряется Киромъ.

4. Финикіяне.

[6]Положеніе земли и береговое плаваніе[7] дѣлаетъ ихъ рыбаками;...[8] сильныхъ сосѣдей, заставляетъ искать другихъ земель, живетъ [въ морѣ][9], раждаетъ предпріимчивость и возражда(етъ)[10] охоту къ странствіямъ. Она не составляетъ государст(ва)[11], но множество независимыхъ городовъ, связанныхъ конфедеративно. Тиръ[12] выгодностью положенія...[13] привлекало богатство, а богатствомъ и древностью существованія первенство надъ другими городами. Цари только — верховные начальники республики: [.....][14] къ аристократіямъ сильныхъ фамилій, какъ во всѣхъ купеческихъ государства(хъ). Посредствомъ [колоній][15] распространяются по берегамъ Средиземнаго моря. Колоніи образуются изъ необходимости укрѣпить свою торговлю. Онѣ умножаются отъ множества (sic) бѣдняковъ, отъ которыхъ желаютъ избавиться аристократы, отъ[16] политическихъ изгнанниковъ. Колоніи въ древнія времена ихъ на Архипелагѣ; но оттуда [вытѣсняются][17] греческими: онѣ укрѣпляются въ южной Испаніи. Тартесъ, Кадесъ, Картейя, въ части сѣверной Африки; на западѣ, въ Малой Сиртѣ, заводятъ Утику, Карѳагенъ, Адруметъ; въ сѣверовосточной части Сициліи: Панормусъ, Лилибеумъ. Предполагаютъ ихъ даже на заливѣ Персидскомъ, на островахъ Багарейнскихъ[18]: Тилосѣ и Арадусѣ. Множество новыхъ произведеній въ новооткрытыхъ земляхъ даютъ финикіанамъ монополію европейск(ой)[19] торговли[20] и расширяютъ этимъ самымъ[21] и торговлю ихъ.

Но разсмотримъ торговлю азіатскую. Она производится

между образованными и необразованными, (между)[1] благородными и невоздѣланными матеріалами, между Сиріей и Малою Азіей, отдаленною Индіею и Китаемъ съ [.....] военно-купеческими, и центромъ ея служитъ Вавилонъ. Эта торговля двигается и пресѣ(кается)[2] по причинѣ большихъ азіатскихъ переворотовъ: одно госуд(арство)[3] обнимало другія; остальныя не имѣли[4] правильнаго теченія. Предметомъ товаровъ ея было[5] золото, какъ матеріалъ, бывшій въ гораздо большемъ употребленіи, нежели во времена новыя. Его источникъ — Лидія, богатая золотымъ пескомъ[6] изъ горъ на[7] восточныхъ границахъ Бухаріи. На недостаточность его при такомъ[8] употребленіи указываетъ другой источникъ — сѣверъ: Карпатъ, Алтай, Сибирь, облеченный миѳами и баснословіями массагетовъ и аримасповъ, крадшихъ золото у грифовъ. Серебро въ [маломъ] употребленіи получается изъ западной страны Кавказа, Халиба; рудокопни въ Бактріи.

Употребленіе драгоцѣнныхъ камней было чрезвычайною[9] принадлежностью востока: конныя сбруи, военныя украш(енія), [царскихъ] сатраповъ[10]: камни, сарды, ониксы, сародониксы (яіс), смарагды и сафиры извлекаются изъ горъ на границахъ Малой Бухаріи. *Жемчугъ*, какъ необходимое (царское)[11] украшеніе; (нить его)[12] изъ Цейлона и Индіи.

Одежды больше бумажныя и шерстяныя. Хлопчатая бумага — изъ Индіи. Множество тонкой козьей шерсти, верблюжьей, было въ Тибетѣ, въ горахъ сѣверной Индіи, въ странѣ Белужской или въ сосѣдствѣ кашемирскихъ овецъ. Верблюды[13] вездѣ; ковры, шали; пестрые и яркіе цвѣта.

Наконецъ [третья][14] одна изъ важныхъ статей — ароматы, по всеобщей употребительности на жертвоприношенія[15] (ладанъ, смирна, муро, корица, гвоздика)[16] — и на убранство и наряды (Индія и Аравія).

Хлѣбъ[17] въ торговлю поступалъ на время[18], въ экстренныхъ случаяхъ голода; по громоздкости оставался больше въ неподвижномъ состояніи. Изобиліе его въ берегахъ Евфрата въ Малой Азіи, но болѣ(е)[19] всего въ Африкѣ: въ Египтѣ и (въ)[20] Варваріи. Вино совершало небольшой кругъ торговли. Масло имѣло обширный кругъ по всеобщему употребленію и обычаю (свѣтильни, — уборка головы) — и по незнанью[21] коровьяго — въ пищу (деревянное)[22].

Итакъ, позади Финикіи находилась Азія, плодоносная, уже роскошная и изобрѣтательная, впереди — Европа, еще грубая, съ произведеніями нетронутыми[1].

Такова (была) торговля и ея обращеніе; (но)[2] незначительный уголокъ Сирійскій, Финикія, мало могъ внести [дани][3] въ общую торговлю своихъ произведеній; но онѣ, безпрестанно [открывая][4] новыя и новыя произведенія Европы, даютъ ему всѣ средства, и онъ вдвинулъ въ Азію присредиземно-морскую[5] Европу и Африку. Они вносятъ бездну[6] серебра испанскаго, англійскаго олова, балтійскаго янтаря и наконецъ пурпуръ, сдѣлавшійся....[7] по всеобщей употребительности роскошнымъ Востокомъ[8] багряницъ[9]. Этими произведеніями своими они противопоставляютъ Востоку равно стоящія.....[10] торговлю въ Тирѣ, дѣлаетъ ее несравненно обширнѣе старыхъ, почти новую половину міра, и быстрымъ морскимъ распространеніемъ на западѣ[11] получаютъ предпріимчивость[12] распространиться на востокъ и, не смотря на всѣ неудобства сухопутной торговли, проникаютъ всюду, какъ жиды въ [новыя][13] времена, даже входятъ въ неприступный Египетъ, и уже въ древности[14] въ Мемфисѣ находится цѣлый кварталъ, заселенный финикіанами. Пользуясь безпечностью азіатскихъ народовъ и неподвижностью ихъ, захватываютъ совершенно монополію всей торговли и превращаются совершенно[15] массой всей своей націи въ купцовъ. Ихъ отечественную землю опустошаетъ Навуходоносоръ, сноситъ до тла ихъ (городъ)[16] Тиръ. Ихъ облагаютъ данью египетскіе[17] фараоны. Но все это почувствуется въ колоніяхъ, едва чувствуясь въ жителяхъ, которыхъ влечетъ въ торговлю и отдаленная колонія. Города ихъ строятся и вновь и мгновенно получаютъ прежній блескъ. Богатство матеріаловъ зараждаю(тъ)[18] фабрики финикійскія тканей, одѣвающихъ[19] весь древній міръ. Совершенно практическое устремленіе жизни производитъ множест(во)[20] изобрѣтеній, относящихся къ жизни практической. Вѣсъ, монеты, счетъ[21], всѣ улучшенія торговли и мореплаванія буква(льно)[22] принадлежали имъ. Они первые зародили движеніе и вовлекли въ сообщеніе востокъ.

II. Черновые наброски, замѣтки и выписки, относящіеся къ русской исторіи.

1. Лѣтопись.

...И тѣ лѣтописи[1] писались на пергаментѣ[2] и на хлопчатой или льняной бумагѣ, въ обыкновенный листъ, какъ[3] на какомъ и теперь пишутъ, а иные и больше. Обыкновенное письмо на тѣхъ лѣтописяхъ разное: на однѣхъ, „которыя принадлежали большимъ боярамъ, али архіереямъ, али, можетъ, и царямъ самимъ, писано красно, и слова словно выпечатаны[4]", а которыя были какихъ-нибудь незнатнаго рода людей — купцовъ, чернецовъ — тѣ писались[4] „не больно хорошо и зѣло несвязно[5]; хоть глаза выпяливай — не разберешь, картинками и малеваніями такими[6], какъ бы, примѣрно, теперь видѣть можно на Бовѣ Королевичѣ[7], али на Петрѣ Златыхъ Ключахъ: по краямъ были тѣ лѣтопи(си)[8] не писаны[9]". Наши русскіе первые начали обработывать языкъ изъ всѣхъ славянскихъ народовъ; они одни только писали временники на своемъ языкѣ и при великомъ князѣ Владимірѣ разумны(е) греческіе мужи уже начинали переводить съ греческаго многія книги и по букварю греческому составили и россій(скую)[10] азбуку[11], а какъ языкъ греческій — языкъ богатый, то тогда[12] и нашъ православный русскій, а нынѣ церковный, принялъ много буквъ такихъ, которыхъ и не нужно было совсѣмъ, и оттого другіе народы не обработывали своихъ языковъ, что какъ приняли латинскую вѣру, то и богослуженіе начали отправлять по-латыни, а такъ какъ[13] никто не зналъ на этомъ языкѣ, то и не пони(мали)[14], что̀ бормоталъ попъ ихъ, а отъ этого, несмотря на то, что приняли вѣру христіанску(ю)[15], долго еще были бусурманами.

Переписчики и писцы составляли какъ бы особый цехъ[16] въ народѣ, а какъ тѣ переписчики были монахи[17], иные вовсе не ученые[18], а только-что умѣли маракать, то и большія [несообразности][19] выходили. Трудились[20] изъ эпитеміи и *для отпущенія грѣховъ*, подъ строгимъ надзоромъ своихъ[21] начальниковъ. Перемѣна была не въ однихъ монастыряхъ: она была ремесло поденщика, какъ у турковъ;[22] не разобравши, приписывали свое[23]. Нигдѣ столько не занимались переписы-

ваніемъ[1], какъ въ Россіи. Такъ многіе ничего не дѣла(ютъ)[2] въ теченіе цѣлаго дня и тѣмъ только снискиваютъ пропитаніе. Печатнаго тогда не было на то, что[3]....

А тотъ монахъ былъ правдивъ[4], писалъ то только, что не мудрствовалъ лукаво, и не смотрѣлъ ни на кого, и начали послѣдователи его раскрашивать....

Послѣ Нестора — продолжатели.

Названіе остается все то же: Временникъ, Несторова лѣтопись.

[5]Списковъ нынѣ великое множ(ество)[6]. Въ царствованіе[7], [впослѣдствіи][8] государи русскіе повелѣвали собирать ихъ и много ихъ есть въ Петербургѣ — въ Академіи наукъ, въ императорской библіотекѣ; въ московской патріаршей, у разныхъ епископовъ и въ монастыряхъ[9], а также у другихъ людей, особенно у знати.

Превосходитъ всѣхъ Патріаршескій красотою и четкостью, а послѣ него — Радзивилловскій и Воскресенскій.

Буквы, которыми писаны лѣтописи, таковы, какія и теперь еще употребляются въ церковной[10] печати, а писали чернила(ми)[11], а большія, заглавныя буквы — киноварью.

Очень нужно сдѣлать справки.

[Шульцъ][12] упоминаетъ о славянскомъ Евангеліи, на которомъ присягали французскіе короли, долженствовавшемъ, по мнѣнію его, быть слишкомъ древнимъ; къ несчастію[13], истреблено оно каннибалами въ началѣ революціи (?)[14]. Alters-Beiträge.

(Откуда) взяли русскіе эту Библію, которая называется первымъ славянскимъ [переводомъ][15]? Острожскіе издатели говорятъ, что переводъ, присланный имъ изъ Москвы, сдѣланъ[16] былъ при Владимірѣ Великомъ, слѣдовательно слишкомъ сто лѣтъ послѣ Кирилла.

2. Особыя замѣтки.

Въ вѣкъ Монгольскій сдѣлались переписчики совершенными варварами. Не видно, чтобы въ сей періодъ сдѣлано было какое-нибудь заведеніе для просвѣщенія ни въ монастыряхъ, ни при епископахъ. Шлецеръ.

Когда мірская власть начина(ла) ослабѣвать, тогда духовная ста(ла) домогаться, чтобы возвыситься надъ нею. Нѣкоторые митрополиты походили на Гильдебранта, а монахи, рабы ихъ, хотѣли помогать имъ въ достиженіи ихъ намѣренія, для чего и заставили даже древнихъ великихъ князей не *приказывать*, а только *просить* ихъ. Ежели повѣствовалось, что государь

предпринималъ что-нибудь важное, то переписчикъ вставлялъ: „съ благословеніемъ отца своего святѣйшаго такого-то“. Онъ же.

Живописное искусство перешло изъ Византіи въ Русь, прежде нежели въ Италію, незадолго до *Чимабуэ*, флорентинскаго живописца и архитектора, умершаго въ 1300 году, 70 лѣтъ, почитаемаго за возстановителя живописи. Обучаясь у греческихъ живописцевъ, вызванныхъ флорентинскимъ сенатомъ, онъ воскресилъ это художество въ своемъ отечествѣ. Но таковы ли успѣхи?

Образованіе народа съ того времени, когда онъ начинаетъ писать на Моск(овскомъ) языкѣ.

.....а народовъ славянскихъ 60 народовъ (по Конраду Геснеру), а между народами тѣми множество нарѣчій: *русское, польское, богемское, крайнское, кроатское, боснійское, иллирійское,* или *долматское, хуазицкое* или *вендское* и пр. Но корень всѣхъ этихъ языковъ — славянскій языкъ. Было же время, когда всѣ говорили одинакимъ славянскимъ, такъ, какъ было время, въ которое былъ одинъ только языкъ, нѣмецкій — германскій, превратившійся впослѣдствіи въ саксонскій, франкскій; франкскій — въ исландскій, шведскій, датскій, голландскій.

Честь сохраненія славянскаго языка принадлежитъ исключительно русскимъ.

Древнѣйшая грамота, найденная Стриттеромъ, относится къ 1262 и написана на пергаментѣ.

О путешествіи варяговъ въ Грецію чрезъ землю славянъ. При семъ о гостепріимствѣ.

Многіе Норманны, чтобы придать себѣ болѣе важности у славянъ, назывались варягами, хотя и не были въ Греціи. Зверсъ.

Мысли и замѣтки собственныя.

Причины малонаселенности сѣвера — холодъ, суровость климата. Ученые[1] употребляли[2] церковный языкъ, и поэтому нѣтъ[3] сомнѣнія въ существованіи народнаго языка[4], различнаго отъ него, уклонявшагося[5] съ каждымъ столѣтіемъ.

Сановники и всѣ главные начальники были варяги; знали по-славянски, и славянскій языкъ болѣе раздавался на Руси, нежели скандинавскій.

Норманны любили страны богаты(я)[6], и потому долго оставляли славянъ въ покоѣ[7] и проходили чрезъ земли ихъ въ Царьградъ.

---

3. Земля галичская.

Югозападная Россія стала называться Галичскою областью съ тѣхъ поръ, когда сынъ Володаревъ, Владимірко[1], господствуя вмѣстѣ съ братьями, перенесъ столицу на берегъ Днѣстра, въ Галичъ. Неукротимый врагъ Польши, онъ врывался часто въ земли сосѣда своего Болеслава. Болеславъ мстилъ тѣмъ же на землѣ Галицкой, — то врагъ, то союзникъ венгровъ. Справедливый по-своему и всегда храбрый и упорный, Владимірко, по смерти братьевъ[2], Ростислава и Васильковича, сдѣлался одинъ обладателемъ Галичской земли, грозилъ изгнать Всеволодова сына изъ Владиміра и вызвалъ противъ себя соединенныя силы всѣхъ русскихъ князей. Ему мало помогли венгры подъ начальствомъ дяди короля Гейзы, Бака. Но болѣе нанесъ ему зла его племянникъ Іоаннъ Берладникъ, у котораго онъ отнялъ его владѣнія и который во время его отсутствія былъ признанъ жителями Галича княземъ. Возвратившись[3], онъ наказалъ жестоко галичанъ и, принужденный отражать снова союзъ русскихъ князей, наконецъ ринулся въ ихъ землю и взялъ Прилукъ.[4]

Города въ области Галичской: Звенигородъ, Перемышль, Теребовль, Ушица, Микулинъ (1145).

Берендѣи и торки[5].

Кочевые жители переяславской области употреблялись въ видѣ наемныхъ войскъ вел(икими) князьями (въ станѣ Ярополка противъ Ольговичей было 1000 конныхъ берендѣевъ, или торковъ).

Остатки печенѣговъ тоже употребляли въ конницу. (Всеволодъ Ольговичъ прислалъ Вячеславу въ Переяславль на помощь конницу печенѣжскую).

4. О покупкѣ великими князьями селъ у бояръ.

Семенъ Іоанновичъ купилъ чрезвычайно много селъ[6] у своихъ бояръ. Великіе князья, имѣя въ рукахъ всѣ средства, скупали села и деревни у бояръ своихъ. Примѣровъ[7] этому видно множество въ духовныхъ грамотахъ. Они отказыва(ютъ)[8] села[9] членамъ своего семейства, вычисляютъ, у кого они покупали.

„ А въ Переяславлѣ купля моя село Самаровское, село Романовское, на Кержачаѣ село Оршаковское въ Юрьевской волости, село Семеновское, Володимірское, что̀ есмь купилъ у Овци у Ивана, село на Костромѣ Олександровское, село въ Дмитровѣ, что̀ есмь купилъ у Ивана Друцского, и Заберегъ, что̀ есмь купилъ у Семена Новосильского".

Князья записывали и дарили свои кони и стада.

„А изъ конь изъ своихъ изъ ѣздовыхъ велѣлъ есть дать дати (sic) своей княгинѣ пятьдесятъ конь, а изъ стадъ изъ моихъ моей княгинѣ стадо Коломенское, другое стадо Дѣтино Ивашково". См. Гр(амоту) Сем(ена) Ив(ановича).

Простота временъ царственно-патріархальныхъ. Князь владѣлъ селами, волостями, конями, стадами, кубками, золотыми чашами, отказывалъ и передавалъ въ духовной своимъ наслѣдникамъ съ бережливостью временъ старыхъ, упоминая[1] подробно обо всемъ.

О имѣнія(хъ) и о доходахъ.

Бояре, вѣдавшіе княжескія[2] волости, платили половину доходовъ. Смотри Грамоту Духовную Семена Ивановича:

„А кто моихъ бояръ иметь скупить у моей княгини, а волости имуть въдати, даютъ княгинѣ моей прибытка половину".

Грамоты духовныя писали князья въ присутствіи духовенства: нѣсколькихъ архіепископовъ, епископовъ. При грам(отѣ) Семеона Ивановича присутствовали: Владыка Володимерскій Алексій, Владыка Переяславскій Офонасій, Владыка Коломенскій Аѳонасій, Архимандритъ Петръ, Архимандритъ Ѳилимонъ, отецъ душевный попъ Евсевій.

5. Объ отношеніяхъ литовцевъ къ южной Россіи.

...Вражды, войны, битвы и замировки (sic) были семейственныя между Россіей и Литвой.

(Князья русскіе ходили часто въ ихъ лѣса и полонили ихъ, а литовцы[3] (сами), не безъ пожертвованій сильныхъ, противились, и часто, сжегши[4] свои жилища, убѣгали въ лѣса, а оттуда, выждавъ случая, мстили, сильно нападая на безпечнаго князя врасплохъ) (см. Мстиславъ въ 1130). Князь Романъ Ростисл(авовичъ), князь Смол(енскій), забравши въ полонъ литовцевъ, населилъ ими деревни: „Злѣ, Романе, робишь,

что литвиномъ орешь“[1]. Псковскимъ провинціямъ, городамъ и селамъ, сопредѣльнымъ съ лѣсами, была бѣда отъ литовскихъ набѣговъ. Псковитяне вторгались, полные мщенія, нѣсколько разъ въ ихъ[2] предѣлы, пустошили (sic) сильно ихъ области, уводили ихъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ скотомъ (см. Яросл. Владим., князь Новгород.)[3]. Исторія наша,[4] начиная съ 1200 г., наполнена битвами и взаимными вторженіями, отмщеніями и опустошеніями и уводами въ плѣнъ литовцевъ. У Новгорода и Пскова битвы съ ними становились чаще и чаще.[5] Еще ни одного имени вождя, звонкаго именемъ, не было слышно у литовц(евъ).[6] Образъ ихъ войны, очевидно,[7] состоялъ изъ нападеній хищническихъ толпами. Но въ этихъ безпорядочн(ыхъ) бранныхъ движеніяхъ, однакожъ, [крѣпились мышцы][8] молодаго народа. Когда[9] тягостная, (такъ)[10] непостижимо завязавш(аяся)[11] связь южной Россіи съ татарами обратила туда всю дѣятельность, литовцы умирялись и враждовали и [вновь][12] враждовали и вновь умирялись, побѣжденные, съ новгородцами, обложившими ихъ данью[13]. Вліяніе татаръ, равномѣрно какъ и самое имя ихъ, здѣсь почти было не слышно въ этотъ періодъ, когда кочующая[14] ордынская сила, подвергнувъ подъ свое дикое владычество, обвела какою-то тонкою цѣпью[15] русскія княжества и повергла ихъ въ онѣмѣніе и рабскую недвижность. Происшествія[16] дали силу литовцамъ. То, что̀ унизило князей русскихъ, то̀ ихъ возвысило. Имъ было легко устремляться на еще дымившіяся отъ татарскихъ пожаровъ села и развалины; и скоро вслѣдъ за татарами — на еще дымившіяся села, ...и явились скоро и безпрекословно[17] владѣтелями многихъ мѣстъ въ южной Россіи. Такимъ образомъ они тѣмъ[18] заняли Новгородскъ, Гродно, Брестъ и Дрогичинъ. Они успѣли отстоять эти мѣста у татаръ и встрѣтили, не блѣднѣя, ихъ орды, насылавшія трепетъ на Россію. Общій врагъ сдружилъ (побѣжден(ныхъ)[19] русскихъ съ литовцами. Имя князя Эрдивила раздалось, какъ имя побѣдителя моголовъ[20]. Селенія русскія освобождались изъ-подъ татаръ и очнулись подъ литовскимъ владычество(мъ)[21]. Нѣкоторыя[22] сопротивленія и нападенія на нихъ были неудачны. Полоцкъ[23], предпринявшій это, былъ покоренъ. Скоро взволновались также Пинскъ и Туровъ. Моголы видѣли, что этотъ новый сосѣдъ выхватываетъ, такъ сказать, изо рта ихъ завоеванія

и еще разъ[1] попробовали вооруженною силою набр(осить) дань на этого и подвергнуть ихъ подъ толпу подвластныхъ себѣ племенъ; но это было безуспѣшно. Разбивши ихъ, прогнавши[2]...

Преслѣдуя за Днѣпръ[3], литовцы съ соединенными южными[4] русскими войсками, отняли у нихъ Мозырь, Стародубъ, Черниговъ, Карачевъ и всю область сѣверскую.[5] Новые обладатели южной Россіи вели себя хорошо въ отнош(еніи)[6] къ подвергнувшимся ихъ власти городамъ и весямъ. Связь ихъ была, какъ у простыхъ народовъ, братская[7]; ни собственность, ни вѣра не тронута, хотя новые побѣдители были язычники. Вездѣ прежніе обычаи городовъ, и даже многіе князья, кажется, остались тѣ же. Нѣкоторые изъ литовскихъ предводителей установили себѣ резиденціи, гдѣ и остались. Въ Полоцкѣ былъ литовскій князь Борисъ, который принялъ[8] даже христіанство и женился на дочери русскаго великаго князя тверскаго, основалъ на границѣ своихъ владѣ(ній)[9] на Березинѣ городъ Борисовъ. Съ нимъ безуспѣшно боролся Смоленскъ и Псковъ, а преемникъ его, Василій, наложилъ дань на Псковъ. А другой владѣтель литовскій, Ольгимундъ, побѣдилъ русскаго князя Давида Луцкаго. Въ минуты опасности прибѣгали князья подъ литовскія знамена. Въ битвѣ съ татарами подъ литовскими рядами видны были князи: Кіевскій, Друцкой, Волынскій и Луцкій.

6. Отношенія козаковъ къ Россіи при Петрѣ.

...Такіе (непреклонные)[10] поступки, такая власть, такая гигантская сила и могущество навели[11] унынie на самобытное государство, бывшее только подъ покровительствомъ Россіи. Народъ, собственно принадлежавшій Петру, издавна [потерявшій рабствомъ (sic) характеръ][12], покорялся, хотя съ ропотомъ[13]. Онъ имѣлъ не только необходимость, но даже и нужду, какъ послѣ[14] увидимъ, покориться. Ихъ [необыкновенный][15] повелитель стремился къ тому, чтобы возвысить его, хотя лѣкарства его были [слишкомъ сильныя]. Но чего можно было ожидать народу, вполнѣ имѣвшему характеръ[16], такъ отличному отъ русскихъ, дышавшему вольностью и лихимъ козачествомъ, хотѣвшему пожить своею жизнью?[17] Ему угрожала утрата[18] національности,

большее или меньшее[1] уравненіе[2] правъ съ собственнымъ народомъ русскаго самодержца, [а безъ этого][3] Петръ не дѣйствовалъ бы на нихъ[4]. Все это [занимало][5] преступнаго[6] гетьмана[7] отложиться, провозгласить свою независимость[8], противопоставить грозной силѣ деспотизма силу единодушія, возложить мужественный[9] отпоръ на самихъ себя[10]. Но гетьманъ былъ уже престарѣлъ и отвергнулъ мысли, которыя бы дерзко схватила выполнить (sic) буйная молодость. Самодержецъ былъ слишкомъ могучъ. Да и неизвѣстно[11] притомъ, [только ли бы[12]] вооружилась противъ него вся нація, — и[13] притомъ нація свободная не всегда была въ спокойствіи, тогда какъ самодержецъ всегда [могъ][14] дѣйствовать[15], не давая никому отчета[16]. Онъ видѣлъ, что безъ [посторонней силы][17], безъ помощи котораго-нибудь изъ европейскихъ государствъ, невозможно выполнить этого намѣренія. Но къ кому обратиться съ этимъ? Крымскій ханъ былъ слишкомъ слабъ и уже презираемъ запорожцами. Да и вспомоществованіе его могло быть только временное. Деньги могли его подкупить на всякую сторону, тогда какъ здѣсь именно [нужна][18] была дружба такого государства, которое всегда бы могло[19] стать посредникомъ и заступникомъ [тѣмъ][20]... Кому бы можно это сдѣлать, какъ не Польшѣ, сосѣдкѣ-единоплеменницѣ? Но царство[21] Баторіево было на краю опасности[22], и эту пропасть изрыли сами себѣ безразсудные магнаты: позабыли, что они члены одного государства[23], сильнаго только единодушіемъ, были[24] избалованные деспоты въ отношеніи къ народу и непокорные[25] демократы[26] къ государю, и потому Польша дѣйствовать рѣшительно (не могла)[27]. Оставалось государство[28], всегда бывшее въ великомъ уваженіи у козаковъ, которое[29] хотя и не было пограничнo съ Малороссіей, но, находясь на глубокомъ сѣверѣ, оканчивающееся тамъ, гдѣ начинается Россія, могло быть очень полезно малороссіянамъ, тревожа безпрестанно границы и держа, такъ сказать, въ рукахъ Московію[30]. Шведскія войска, (уже)[31] удивившія подвигами своими всю Европу, ворвавшись въ Россію, (могли)[32] бы привесть царя въ нерѣшимость[33] дѣйствовать на югѣ противъ козаковъ, или на сѣверѣ противъ шведовъ. Въ такихъ размышленіяхъ[34] застало Мазепу извѣстіе, что царь прервалъ миръ и идетъ войной на шведовъ.

7. Разсмотрѣніе хода просвѣщенія въ Россіи.

Петръ открылъ ходъ русскимъ въ Европу просвѣщенную, развитую, получившую гражданственность. Онъ сдѣлалъ пользу. „Бери и забирай все лучшее, что̀ тамъ ни есть готовое; пополняй, чего недостаетъ“. Но русскій народъ невоздержанъ: онъ перешелъ границы всего и впалъ въ крайность. Жадно онъ схватился за все, что̀ нужно и не нужно. Втянувшись въ развѣтвленія роскоши и безчисленную мелочь, позабылъ совершенно то, что̀ есть въ своей землѣ: восхитившись оригинальностью и стройностью европейскаго быта, задумалъ перенесть его къ себѣ. Точно, какъ будто возможно! Позабылъ, что Европа развилась отъ того такъ, что развилась изъ своихъ началъ. Россія должна была развиться изъ своихъ началъ. На Европу нужно было глядѣть, не породнивши (?) ее на обезьянничество. Если домъ уже состроенъ по одному плану, нельзя ломать его; можно украсить, убрать отлично, отдѣлать всякій уголокъ, но ломать капитальныя стѣны строенья — это нелѣпость, почти то же, что̀ поправлять дѣло рукъ Божьихъ. Отъ этого произошло, что собственно русское въ Россіи мало подвинулось, несмотря на 100 лѣтъ безпрерывныхъ поправокъ, передѣлокъ, хлопотъ и возни.

Въ наукахъ, искусствахъ, въ образѣ жизни, а пуще всего, въ головѣ русскаго человѣка произошло хаотическое смѣшеніе. Всѣ пробы заведеній, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе становились неудачны. Отъ того русскій, чѣмъ болѣе входилъ въ европейскую жизнь, тѣмъ болѣе позабывалъ свою землю и тѣмъ менѣе могъ знать, что̀ ей болѣе прилично. Отъ этого всѣ привычки были неудачны и не принимались.

Хозяйство не ушло впередъ. Множество переводныхъ книгъ о земледѣліи и о всѣхъ отрасляхъ домоводства спутали хозяевъ. Каждый переломалъ, перековеркалъ все у себя и ничего не установилъ новаго. Тѣ, которые поумнѣе, перепробовавши все, возвратились вновь къ прежнему простому порядку, близкому къ природѣ той земли, въ которой онъ родился.

Земли стали еще безплоднѣе.....[1], потому что никогда въ Россіи не было вырублено столько лѣса, какъ въ это время ломокъ, перестроекъ, вѣчныхъ переправокъ и пере-

дѣлокъ. Отъ того засухи стали сильнѣе; высохнувшія рѣчки перестали разливаться и.....[1] орошать поля.

Стремленіе къ обезьянству стало такъ велико, что мы готовы завести желѣзныя дороги прежде, чѣмъ подумали, откуда взять топливо.

Науки не сдѣлали своего дѣла уже потому, что множествомъ своимъ отвлекли отъ жизни; набили головы множествомъ терминовъ; увлекли ихъ въ философство.....;[2] стали рѣшать на бумагѣ то, что совершенно иначе разрѣшалось въ жизни; пріучили къ строенію воздушныхъ замковъ и сдѣлали людей неспособными къ практическому дѣлу и нынѣшнимъ громоздомъ своимъ умертвили умъ и способности.

III. Отрывокъ изъ неоконченной повѣсти.

Дѣвицы Чабловы, дочери бѣдныхъ[1] родителей, вышли вмѣстѣ изъ института въ одно время и вдругъ очутились среди[2] свѣта, огромнаго, великаго, со страхомъ и робостью въ душѣ. Онѣ были умны. Какимъ образомъ онѣ сдѣлались умны, никто не зналъ. Можетъ быть,[3] это было внушено имъ отъ рожденія, какъ инстинктъ, или, можетъ быть, онѣ умѣли извлечь[4] крупицы опытности и здраваго сужденія изъ книгъ, которыя имъ удавалось читать, изъ которыхъ не всякій умѣетъ извлекать что-либо. Дѣло въ томъ, что онѣ задумались[5] о своемъ существованіи и, — въ то время, когда вѣтренная[6] и малодушная бросается на свѣтъ безъ разсмотрѣнія, какъ бабочка на свѣчу, — онѣ уже захотѣли сдѣлать для себя планъ жизни и предначертать заранѣе для себя самихъ[7] правила[8], въ законахъ которыхъ обращалась бы ихъ жизнь, — вещь, совершенно необыкновенная въ дѣвицахъ осьмнадцатилѣтнихъ.

IV. Начало неоконченной повѣсти.

Можно биться объ закладъ, что читатель, если ему случится только проѣзжать заштатный городишко[9] Погаръ, увидитъ, что изъ окна[10] одного деревяннаго, весьма крѣпкаго, дома съ высокою крышею и двумя бѣлыми трубами, глядитъ весьма полное и безъ всякихъ рябинъ[11] лицо, цвѣтомъ нѣсколько похожее на свѣжую еще не[12] поношенную подошву[13]. Это — СеменъСеменовичъ Батюшекъ, помѣщикъ, дворянинъ, губернскій секретарь. Онъ завелъ[14] обыкновеніе[15] глядѣть изъ окна рѣшительно на все, что̀ ни есть[16] на улицѣ. Ѣдетъ ли проѣзжій какой нибудь дворянинъ, можетъ быть, тоже[17] и губернскій секретарь, а можетъ быть и повыше, въ коляскѣ[18] покойной, глубокой какъ арбузъ, изъ которой смотрятъ[19] хлѣбъ, няньки, подушки, или просто

жидъ-извощикъ на облучкѣ рогожанной...,[1] съ узкою длинной бородой, въ которой оставили весьма немного волосъ разные господа, одѣтые въ военныя и партикулярныя[2] платья, или пронесется [вихремъ][3] на [тройкѣ][4] разбойникъ и б...унъ[5] ремонтёръ, — онъ все это разсмотритъ. Если жъ и никто не проѣдетъ[6] — ничего: это[7] не бѣда, — Семеновичъ посмотритъ и на курицу, и на чушку[8], которая пробѣжитъ передъ окномъ, — и весьма внимательно[9], — отъ головы до хвоста. Когда столкнутся два воза, онъ изъ окна тутъ же подастъ благоразумные совѣты: кому податься впередъ, кому [назадъ][10] и первому проходящему[11] прикажетъ помочь. Если одинъ изъ очень быстрыхъ[12] его глазъ завидитъ, что мальчишка[13] лѣзетъ черезъ заборъ въ чужой огородъ или пачкаетъ[14] углемъ на стѣнѣ неприличную фигуру, онъ подзываетъ[15] очень ласковымъ голоскомъ къ себѣ, велитъ потомъ[16] подвинуться ему ближе къ окну, потомъ, протянувши руку, хвать его за ухо и отдеретъ это(го) бѣдна(го)[17] такимъ образомъ за ухо, что тотъ унесетъ его домой висящее на одной ниточкѣ, какъ нерадиво пришитая пуговица къ сюртуку[18]. Если подерутся два мужика, то онъ сію жъ минуту, тутъ же изъ окна[19], надъ ними судъ: допроситъ, чьи они, велитъ позвать Петрушку и Павлушку, — повара и комнатнаго лакея (въ)[20] узкой сѣрой курткѣ, неизвѣстно по какой причинѣ съ военнымъ воротникомъ,[21] — и тутъ же высѣчетъ обоихъ мужиковъ[22], а другимъ еще прикажетъ придерживать: ему нѣтъ нужды, что не его люди...

Только на два часа въ день прячется это лицо. Это случается во время и послѣ обѣда, когда онъ имѣетъ обыкновеніе отдыхать[23]. Но и тутъ, случись[24] только какое-нибудь происшествіе на улицѣ, Семеновичъ, какъ паукъ, къ которому попадается въ паутину муха, вдругъ выбѣжитъ изъ своего угла, и уже такъ знакомое заштатному городишкѣ[25] лицо цвѣту еще не ношенной[26] подошвы торчитъ у окна.

V. Замѣтка о сельскомъ хозяйствѣ.

Почему нужно хозяйство? Потому что отъ этого зависитъ благосостояніе всего государства, потому что устроится лучше собств(енная)[27] жизнь всякаго человѣка, потому что занятія и

безпрестанное движеніе укрѣпляютъ тѣло и здоровье, потому что отъ того самыя умственныя способности въ свѣжести[1]; потому, наконецъ, что этимъ исполняетъ человѣкъ свой долгъ и назначеніе, данное отъ Бога: — „въ потѣ лица снискивать хлѣбъ“.

Что происходитъ отъ пренебреженія хозяйствомъ? Отъ пренебреженія хозяйствомъ происходятъ несчастія всей земли, конечное обѣднѣніе ея и разстройство. Засухи без.....[2] временъ разстройство.

Какимъ образомъ?

Тѣмъ, что бросили имѣнья, отдали земли въ руки упра(ви)телей)[3] и наемниковъ, которые заботятся только о своихъ выгодахъ, о доставленіи временныхъ доходовъ, не обращая вниманья на будущее, все вывозя и ничего не насаждая, какъ уже и случилось въ Россіи, что вырубили множество лѣсовъ; отъ этого обмелѣли рѣки и меньше стали давать нужной влаги, земля стала суше и безплоднѣе, перестали дожди, которые привлекаются обыкновенно лѣсистыми мѣстами.

На что преимущественно нужно обращать въ хозяйствѣ вниманіе?

На то, чтобы не упустить времени. Поэтому нужно знать время, когда что дѣлать.

Что нужно дѣлать весной?....

VI. Помѣщики.

Помѣщики... они позабыли свою обязанность?! Зачѣмъ ты вмѣсто того, чтобы имъ напоминать[4] весь долгъ и приводить въ знанье и себя самого въ.....[5], сталъ ограничивать ихъ мелочными[6] чиновник(ами)[7] и ограниченьями, завелъ новую сложность дѣлъ, такъ что и у нихъ самихъ закружилось и все перепуталось, и они уже сами позабыли свои выг[оды][8]. Или нельзя было на нихъ подѣйствова(ть)[9], или они не лучше другихъ воспитали (понятье о чести)[10]? Или не воспріимчивѣе[11] [была][12] ихъ душа, чѣмъ необразованнаго человѣка? Или на голосъ отчизны [не откликнутся дѣла][13] ихъ? Или не изъ среды[14] ихъ [мелькнули][15] Сувор(овы)[16], Мордвиновы, Чичаговы[17], Орловы,

Румянцовы и ряды героевъ самоотверженья, которыхъ не умѣститъ на страницахъ своихъ подробнѣйшая лѣтопись[1].

Нѣтъ власти: дѣйствуй прямо! Укажи намъ весь нашъ долгъ[2], но не связывай въ то же время и рукъ нашихъ и не безчесть насъ обиднымъ подозрѣньемъ. Говори съ нами благороднымъ голосомъ, и будетъ благороденъ отвѣтъ.

...„Зачѣмъ же ты не вспомнилъ обо мнѣ, — что я на тебя гляжу, что я[3] твой?! Зачѣмъ же ты отъ людей, а не отъ меня ожидалъ награды и вниманья, и поощренья?[4] Какое бы тогда было тебѣ дѣло обра(щать вниманіе)[5], какъ[6] издержитъ твои деньги земной помѣщикъ, когда у тебя Небесный Помѣщикъ?!..[7] Кто знаетъ, чѣмъ бы кончилось, если бы (ты)[8] до конца дошелъ, не устрашившись?..[9] Ты бы удивилъ величіемъ характ(ера)[10], ты бы наконецъ взялъ верхъ и заставилъ изумиться;[11] ты бы оставилъ имя, какъ вѣчный памятникъ доблести[12], [дабы][13] и роняли бы ручьи слезъ [потоки]...[14] и, какъ вихорь, ты бы развѣвалъ въ сердцахъ пламень добра“.

Потупилъ голову, устыдился управитель, и не зналъ, куда ему дѣться.

И много [вслѣдъ за нимъ][15] чиновниковъ[16] и благородныхъ, прекрасныхъ людей,[17] начавшихъ служить и потомъ бросившихъ...[18], печально понурили головы.

VII. Трудъ.

Человѣкъ рожденъ на то, чтобы трудиться. „Въ потѣ лица снѣси хлѣбъ свой“, сказалъ Богъ по изгнаньи человѣка за непослушанье изъ рая[19], и съ тѣхъ поръ это стало заповѣдью человѣку, и кто уклоняется отъ труда[20], тотъ грѣшитъ[21] и передъ Богомъ. Всякую работу дѣлай такъ, какъ бы ее заказалъ тебѣ Богъ, а не человѣкъ. Если бъ и[22] не наградилъ тебя человѣкъ здѣсь[23] — не ропчи (sic!); зато больше наградитъ тебя Богъ. Важнѣе[24] всѣхъ работъ — работа земледѣльца[25]. Кто обработываетъ землю, тотъ[26] больше другихъ угоденъ Богу. Сѣй и для себя, сѣй и для другихъ, сѣй, хотъ бы ты и не надѣялся, что [пожнешь][27] самъ: пожнутъ твои дѣти; ска-

жетъ спасибо тотъ, кто воспользуется твоимъ трудомъ, — вспомянетъ имя твое и помолится о[1] душѣ твоей. Во всяко(омъ) случа(ѣ)[2] тебѣ выгода[3]: всякая молитва у Бога значитъ. Только[4] трудись съ той мыслью[5], что трудишься для Бога, а[6] не (для)[7] человѣка, и не смотри ни на какія неудачи: хоть бы все то, что ты нараб(оталъ)[8], и пропало[9], побито было[10] градомъ, — не унывай и снова принимайся за[11] работу. Богу не нужно, чтобы ты выработалъ много денегъ на этомъ свѣтѣ[12]; деньги останутся здѣсь[13]. Ему нужно, чтобы (ты)[14] не былъ въ праздности и работалъ. Потому, работая здѣсь, вырабатываетъ себѣ Царствіе Небесное[15], особенно если работаетъ съ мыслью, что онъ работаетъ Богу[16]. Работа — святое дѣло. Когда дѣлаешь работу, говори въ себѣ: „Господи[17], помоги!“ и за всякимъ разомъ говори: „Господи[18], помилуй!“ Заступомъ ли копнешь или ударишь топоромъ, говори: „Господи, удостой меня быть въ раю съ праведниками“. Когда дѣлаешь работу, старайся быть такъ благочинну въ мысляхъ[19], какъ бы ты былъ въ церкви[20], чтобъ отъ тебя никто не услышалъ браннаго слова, чтобы и грубаго не усл(ышалъ)[21] отъ тебя товарищъ; чтобы во взаимной любви всѣхъ совершалось дѣло[22]: тогда работа — святое дѣло. Тогда[23] такая работа спасетъ твою душу. Такою работою здѣсь — заработаешь ты себѣ Царствіе Небесное тамъ. Аминь.

VIII. Дружеское шутливое пари.

„Мы, нижеподписавшіеся, Николай Гоголь-Яновскій и Иванъ Пащенко, сирота, сынъ Григорьевъ, закладъ держали о имѣющемся родиться[24] отъ Николая Прокоповича и супруги его, Маріи, чадѣ, утверждая — первый, что оное чадо будетъ мужеска пола, второй же, Иванъ Пащенко, — что оно имѣетъ быть женскаго пола. А закладъ оный состоялъ въ томъ, что[25] проигравшій угощаетъ обѣдомъ какъ онаго выигравшаго, такъ равномѣрно и четырехъ персонъ, по приличію избранныхъ, со включеніемъ, кромѣ ординарныхъ винъ, бутылки шампанскаго и предоставленіемъ полнаго права выигравшему потребовать себѣ[26] варенья, какого ему будетъ угодно по[27] вкусу и по надобности.

Въ увѣреніе истиннаго соблюденія сего контракта подписались:

Николай Гоголь-Яновскій.
Сирота Иванъ Пащенко.
Свидѣтели: А. Данилевскій.
Прокоповичъ[1]

IX. Объявленіе о выѣздѣ.

Нѣкто, не имѣющій собственнаго экипажа, ищетъ попутчика до Вѣны, имѣющаго собственный экипажъ, на половинныхъ издержкахъ; на Дѣвичьемъ полѣ, въ домѣ проф. Погодина; спросить Николая Васильева Гоголя*).

X. Альбомная замѣтка 1826 г.).

Свѣтъ скоро хладѣетъ въ глазахъ мечтателя. Онъ видитъ надежды, его подстрекавшія, несбыточными (sic!), ожиданія неисполненными, и жаръ паслажденія отлетаетъ отъ сердца... Онъ находится въ какомъ-то состояніи безжизненности. Но счастливъ, когда найдетъ цѣну воспоминанію о дняхъ минувшихъ, о дняхъ счастливаго дѣтства, гдѣ онъ покинулъ рождавшіяся мечты будущности, гдѣ онъ покинулъ друзей, преданныхъ ему сердцемъ.

XI. Строки, написанныя за нѣсколько дней до кончины.

Аще не будете малы, яко дѣти, не внидете въ Царствіе Небесное.

Помилуй меня грѣшнаго, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственною силою неисповѣдимаго креста!

Какъ поступить, чтобы признательно, благодарно и вѣчно помнить въ сердцѣ моемъ полученный урокъ?

Черновой текстъ того же объявленія:

*) «Нѣкто, не имѣющій собственнаго экипажа, желаетъ прокатиться до Вѣны съ кѣмъ-нибудь, имѣющимъ собственный экипажъ, на половинныхъ издержкахъ. Оный нѣкто — человѣкъ смирный и незаносчивый — не будетъ дѣлать во всю дорогу никакихъ запросовъ своему попутчику и будетъ спать вплоть отъ Москвы до Вѣны. Спросить на Дѣвичьемъ полѣ, въ домѣ Погодина, Ник. Вас. Гоголя.

ПОЛНЫЙ ТЕКСТЪ
КАРМАННЫХЪ ЗАПИСНЫХЪ КНИЖЕКЪ
Н. В. ГОГОЛЯ.

ПОЛНЫЙ ТЕКСТЪ КАРМАННЫХЪ ЗАПИСНЫХЪ КНИЖЕКЪ Н. В. ГОГОЛЯ.

I. Изъ записной книги 1841—1842 г.

О торговлѣ и рынкахъ и продажѣ и сдѣлкахъ со всѣми ....[1] и обычаями, а подъ часъ и загибаньями.

Крестьянскій костюмъ. Крестьянскій хламъ, все, что̀ валяется въ избѣ; всѣ тряпья.

Простр.

Банчишка.

Квинтичъ.

Читать путешествія Лепехина, Палласа, Гмелина. Распоряженія касательно путешествія по Россіи.

Развить статью о воспитаніи во 2-й части[2].

Вспомнить[3]..

Признаюсь; открываюсь: у меня сынъ родился.

Штейнъ у Софьи Петровны занимался всю жизнь; его обязанность мирить судъ въ Россіи. Самъ практически никуда не годится.

Трава.

Сороко-недужница — душистая трава, принадлежитъ къ мятамъ[4].

Заблоцкаго[5]:
Объ откупщикахъ,
казенныхъ крестьянахъ,
о городахъ,
о рекрутскихъ наборахъ.

Шишига — чортъ въ Симбирской губерніи[6].

Бершикъ[7] — родъ судака, меньше гораздо и нѣжнѣе мясомъ.

Поляда[8] — рыбка негодная, маленькая, съ двумя комочками.

Бѣшенка[9] — названа такъ потому, что сама набѣгаетъ на

сѣти въ такомъ множествѣ, что неводъ не въ силахъ вытащить; тогда въѣзжаютъ съ возами въ рѣку и наваливаютъ ее лопатой. Родъ сельди, ходитъ также стадами и называется *воблой*[1].

Восходитъ на небо, ведомый духомъ, и въ твердомъ дерзновеньи души своея зрѣньемъ чуднымъ тамо наслаждается вещей.

Лѣса раздѣляются на красные, или боровые, и черные, или лиственные.

Красные: сосна и ель.

Черные: дубъ.

Лѣсъ — коли деревья вплоть тѣсно растутъ и растительная сила вся идетъ вверхъ.

Дуброва — когда деревья растутъ разбросанныя по полю. Дерево самое имѣетъ другую форму, ибо растительная сила идетъ въ ширину и вѣтви.

Сосна лучшая бываетъ въ борахъ, а не въ дубравѣ; бываетъ *красная* и *пръсная: красная* вся пропитана насквозь смолою; если ударить по ней, то звенитъ; *пръсная* только сердцевину имѣетъ смолистую; скоро гніетъ и на судна не хороша.

Заказникъ — лѣсъ, назначенный на срубку[2].

Сѣча — рубленный лѣсъ[3].

Плотничество.

Строятся своими и приходными.

Приходные: Верховскіе и Галичскіе[4].

Верховскіе болѣе Ярославскіе и Владимірскіе.

Цехъ, сословіе ремесленниковъ.

Мѣдники,	катальщики войлоковъ,
кузнецы,	рѣщики,
печники,	живописцы,
штукатурщики, *(Ярос.)*	иконописцы,
плотники,	красильщики,
столяры,	серебреники,
стекольщики,	кожевники,
кадочники,	самоварники,
овчинники,	горшечники.
шерстобои,	

Умѣтливъ[1] — говорящій кстати:

„Будь въ чужихъ словахъ незамѣтлива,
А въ своихъ проста да умѣтлива“.

Кривошлыка[2]:

„У меня, младой, свекровушка лихая,
Кривошлыка непривѣтливая“.

„Уширилъ еси стопы моя подо мною, и не изнемогосте плеснѣ[3] моя[4] и враговъ моихъ далъ ми еси хребетъ“.

Банчишки:

Семпель — одинъ простой кушъ.

Пе — карта ровно вдвое.

Пароле или съ угломъ — выигрывается втрое.

Пароле пе — вдвое противъ *пароле*.

Загнуть утку — прибавляетъ ....[5] на разъ, на два.

„Съ тобой играть — съ бритвы медъ лизать“, — употребляютъ съ тѣми, которые играютъ въ *дублетъ*.

Играть въ дублетъ — не отдѣлять отъ выигрыша, а пускать вдвое.

Изба раздѣляется на двѣ части: на избу и чуланъ, который отгороженъ перегородкою отъ печи.

Посуда помѣщается въ чуланѣ въ низенькомъ шкафчикѣ, который называется судною лавкою.

Перёдъ избы, гдѣ образа, — почетный.

Изба соединяется сѣнями съ подклѣтомъ, строеніемъ холоднымъ, въ родѣ кладовой. Если на мѣсто его другая изба, то называется горница.

Кирченая[6] изба — вытесанная, когда бревна стесаны въ гладкую стѣну.

Кирчатъ избу тесло́мъ[7], — топоромъ, иначе надѣтымъ на ручку.

Лбище[8] (фронтонъ) избы бываетъ или подшивное, или самцовъ, т.-е. изъ такихъ же бревенъ, какъ и изба.

Рѣши, рѣшети[9] — кладеныя вдоль края отъ одного лбища къ другому, сверхъ которыхъ кроютъ досками.

Внизу, гдѣ оканчивается крыша, на края кладется *застрѣхъ*[10].

Бревно на верху кровли отъ лбища до другаго называется *конекъ*[11].

Крыши кроются *драньемъ*, тесомъ и соломою; въ послѣднемъ случаѣ въ застрѣхъ утверждаются *тычки*[12].

По́двалка[1] — чердакъ въ избѣ подъ крышею, гдѣ бабы кладутъ пеньку и проч.

Прикладки[2] — жерди, накладываемыя сверхъ соломенной крыши.

Пластины[3] — двѣ половины дерева, распиленнаго надвое.

Густопсовыя.

Чистопсовыя.

Чистопсовыя — гладкія, съ шерстью длин(ною) на хвостѣ и на лапкахъ, т.-е. на черныхъ мясахъ.

Густопсовыя — съ шерстью длинною по всей собакѣ.

Крымскія — съ длинными ушами висячими.

Хортая — гладкая, короткая шерсть.

Горскія — безхвостыя и полухвостыя, куцыя и полукуцыя.

Брудастая — съ усами и съ торчащей шерстью.

Выборзокъ — смѣсь, ублюдокъ[4].

Цвѣтъ:

Мазурка — красная собака съ чернымъ рыломъ.

Черная съ подпалиною — съ красной мордой.

Мурлая — искрасна черная, съ чернымъ рыломъ.

Половая — желтая.

Полвопѣгая — по бѣлому желтыя пятна.

Мурлопѣгая — по желтому черныя пятна.

Краснопѣгая

Черноухая

Сѣроухая.

Статьи:

Голова: *Щипецъ,* чтобъ длиненъ и тонокъ.

Ребра:

Достоинство ребръ: бочковатость[5], выпукловатость.

Лишняя маленькая кость въ боку называется *сарная* кость, — примѣта рѣзвости; впрочемъ нынѣ опровергается.

Толщина и крѣпость черныхъ мясовъ.

Ширина собаки въ заду между ключицами и двухъ заднихъ лапъ по крайней мѣрѣ на ладонь.

Хвостъ называется правиломъ[6]; достоинство его — въ тонкости: хорошее правило то, которое *въ серпъ. Правило въ серпъ* — хвостъ, имѣющій форму серпа.

Достоинство ногъ — въ прямизнѣ, сухости и въ сжатости пальцевъ. Когти называются зацѣпами — чѣмъ болѣе она стоитъ на корточкахъ и менѣе захватывается земля.

Лапа въ комкѣ[1] — сжатая лапа.

Недостатки:

Вислозадая — когда задъ свисъ, нѣтъ постепенной (sic!).

Прилобистая — когда лобъ широкъ.

Подгуздая — когда рядъ зубовъ нижней челюсти входитъ подъ верхнюю.

Клички:

Стрѣляй,	Ахидъ,
Обругай,	Северга,
Скосырь,	Скосырка,
Терзай,	Касатка,
Озорной,	Награда,
Наянъ,	Вѣдьма,
Буранъ,	Крамфа[2],
Нахоръ,	Юла (во время травли
Черкай,	охотникъ зоветъ
Мазуръ,	Юленькой),
Саргушъ,	Пожаръ[3].

Охотники:

Ловчій — распорядитель охоты. Надъ гончими — *доѣзжачій*.

Стремянные — въ видѣ адъютантовъ при баринѣ.

Передній заѣздъ — который заѣзжаетъ впередъ.

Задній заѣздъ.

Имена гончихъ:

Крушило,	Кутишка,
Водило,	Заливка,
Громило,	Докучай,
Гудило,	Помыкай.
Будушка,	

Выраженія:

Лѣсъ называется *островъ*, по окруженію его полемъ,— часть лѣса, отдѣленная для лова.

Бросать гончихъ — значитъ — напускать гончихъ.

Имать собакъ — брать ихъ на смычкѣ.

Первый голосъ гончей, нашедшей слѣдъ: *отозвалась*[1]. Вслѣдствіе этого къ ней *подваливаются* гончія.

Сбить собакъ — значитъ отогнать ихъ отъ слѣда.

Навзрячь погнать[2], погнала навзрячь — завидѣвши глазомъ, а не чутьемъ.

Собака съ заливомъ — звонкая на голосъ.

Назвать собакъ — на горячій слѣдъ, если онѣ сбились[3].

Сколоться со слѣда — потерять слѣдъ.

Наводятъ охотники крика(ми): аха, ха, ха — ту-ту-ту!

Заяцъ жируетъ[4] — когда, прежде нежели лечь, онъ жируетъ — дѣлаетъ петли кругомъ. *Потомъ заяцъ сдвоитъ* или *строитъ*, когда онъ сытъ послѣ жировъ, то идетъ на логово, и потомъ сдвоитъ и строитъ — два раза пройдетъ изъ хитрости, чтобы затерять свой слѣдъ. *Скидывается* — значитъ сдѣлать прыжокъ большой съ двойки; послѣ дѣлаетъ нѣсколько сметковъ и ложится.

Кричать по жирамъ[5].

Гонять стайно[6] — вмѣстѣ (гонять).

Перéчетъ собака — собака, которая забѣгаетъ впередъ.

Собака спѣетъ — когда она слышитъ, что отзывается и подваливается (къ борзымъ)[7].

Собака паратая[8] — называется такъ быстрота гончей собаки, рѣзвость ея.

О борзыхъ еще не говорено.

Рыщетъ[9] — идетъ одна за охотникомъ.

Присворить[10] — привязать къ себѣ собаку.

Высворить[11] — выучить собаку, чтобъ она не бросалась подъ гончихъ.

Оттопать[12] — вогнать опять въ лѣсъ, чтобы выгнать на барина.

Лазъ[13] — мѣсто, на которое предполагалъ охотникъ, что заяцъ выбѣжитъ.

Звѣрь вылѣзъ[14] — показался изъ лѣсу.

Подозрить[15] — увидать зайца въ лежачемъ положеніи и атукать.

Слѣды:

Заячій — *маликъ*[1]. Лисьи — *нарыскъ*[3].
Волчій — *тропа*[2].

Ѣздить по бѣлотропу[4].
„ *по чернотропу*[5] — осенью, когда нѣтъ снѣгу.
„ *по брызгамъ*[6] — при началѣ весны.
„ *по насту*[7] — когда снѣгъ сверху промерзнетъ.
Садкой заяцъ[8] — увертливый.

Раздѣленія зайца по возрастамъ:

Матерой[9] — старый.
Настовой — родившійся во время насту.
Прибылой[10] — молодой.
Яровой — родившійся во время яроваго посѣва.
Листопадъ[11] — родившійся осенью.

Сцена на печи.

Выглядываетъ изъ-за двери.

Сотскій!
Ге.

— То-то ге! Создатель пріѣхалъ.
— Изъ чего жъ слышно?
— То-то изъ чего? Изъ подушевной!
— Ну, такъ що жъ?
— То-то що! курицу слопалъ да другу просыть.

Обозъ ѣдетъ. Мужикъ остановился .....[12] и кричитъ:
— Сенька!
— Що?
— Скажи моей кобыли: тпру!
— Нерзля.
— Да що жъ нерзля?
— Кроха у ртю.
— Положи ее въ шапку.
— Не влизе.

Встрѣча мужиковъ.

— Сватъ, здорово!
— Здорово, сватъ!
— А что̀ табакъ-отъ есть?
— Есть!
— Ну, еще здорово!
(Нюхаетъ)
— Да что̀ жъ ты, сватъ, къ намъ того?...
— Я было того, да жена-то тоё, такъ ужъ и ну!...

Загибанья.

Вдоль те намотать и сто кораблей тебѣ съ....[1]

Слова.

Чашникъ[2] — ремень, который втягиваютъ въ портки.
Махотка[3] — горшокъ, въ которомъ варятъ кашу.
Опаска[4] — опояска, кушакъ.
Хохлиться[5] — „что̀ ты хохлишься?“
Раскумекать[6] — расчухать. „Ты раскумекай прежде“.
Кутня́[7] — родъ клѣтки въ видѣ колпака, обтянутой сѣтью.
Ко́четъ — пѣтухъ.
Кочетиться[8] — пѣтушиться, ходить пѣтухомъ.
Индѣйка — *пы́рка;* индѣята — *пырята*[9].
Боро́къ, борки[10] — монисты, состоя(щія) изъ пер...[11] пронизовъ.
Ерилка — небольшая крестьянская ярмарка въ деревняхъ Симбир. губерн.[12]
Чапоруха[13] — чарка.
Красоуля[14] — фляжка.
Глазо.....[15] — пожирать глазами; визиромъ[16] озариться на женскую красоту.
Стечь — пропасть о собакѣ, вслѣдствіе того, что она, чувствуя приближеніе болѣзни и смерти, сбѣгаетъ изъ дому и пропадаетъ въ сторонѣ — *стекла; стечка* — самая болѣзнь[17].
Плескъ[18] — хвостъ у сома, весь изъ жира.
Сколды́рникъ[19] — человѣкъ, который со всего хочетъ выгоду схватить; плеву съ г...а[20] содрать.
Лебези́ть[21] — ухаживать за кѣмъ-нибудь съ небольшой подлостью, чтобы получить что-нибудь отъ него.

Губина[1] — все, что̀ подходитъ подъ губу, съѣдобное, всякая овощь, кромѣ хлѣба и мяса.

Сѣменить — подступать мелкимъ шагомъ.

Бабичъ — любящій разговориться и водиться съ бабами.

Названія картъ:

Тузъ червей, пикъ червей, король самъ-бубенъ.

Чумазый — замарашка.

Чортъ въ симбирской — *шишига*[2].

Аплощица[3] въ казанской — *нѣмецкая* вошь.

Сибень[4] — пирогъ съ фаршемъ, лепешка, загнутая надвое.

Заварное тѣсто[5] — тѣсто, прежде замѣшанное круто, опущенное въ горячую воду и потомъ запекенное (sic!)

Софронъ[6] — простакъ.

Строка[7] — подлая муха желтаго цвѣта, кусающая коровъ подъ хвостомъ: муха строчитъ корову, а корова строчится.

Муха Третьяковскаго — рыжая съ черными полосками, пребывающая неотлучно на г....

Тимоѳеевна, какъ рѣпа ядрена.

Назойливый — надоѣдливый.

Валикъ[8] — цилиндрическая подушка.

Сивалдай[9] — неуклюжій, грубый мужикъ. Дворовыхъ мужики называютъ дармоѣдами.

Комедь „Мужикъ съ медвѣдемъ“.

— А какъ маленькіе ребятишки коровъ крадутъ?

— А какъ бабы парятся?

Блюда.

Моня[10] или *няня*[11]—желудокъ, бараній или другой, начиняется кашей гречневой, мозгомъ и ножками. —

Сальникъ — изъ рубленной печенки, иногда прибавляютъ каши и обкладываютъ здоромъ.

Желудокъ свиной начиняется рубленнымъ мясомъ свинымъ; кладется много перцу.

Кулебяка — изъ одного лука и хвоста сомоваго или плеска, который весь изъ жиру, котораго вбираетъ въ себя всего тѣсто.

Просяныя булки — изъ пшена, свареннаго на молокѣ и потомъ протертаго; къ нему прибавляютъ потомъ муки; пекутъ и ѣдятъ горячими съ икрою свѣжею.

Задняя часть зайца называется *тушка*[1].

Головизна[2] — пирогъ съ головизной, то есть со всей головой осетра, съ хрящемъ и со щеками и съ потрохами; входитъ и тешка[3] — нижняя часть.

Кулебяка съ маленькой бѣлугой въ 5 пудъ.

Птичьи и звѣриные крики.

Дергу́нъ, коросте́ль — дергаетъ, сильно бѣгаетъ въ травѣ; живетъ въ сырыхъ лугахъ.

Перепелъ — бьетъ.

Турухтанъ въ казанск... цв...[4] кулика въ травѣ.

Куликъ — кулика́етъ.

Весной, когда понимаетъ, турухтанъ играетъ разными [цвѣтами][5].

Ветю́тинъ[6] — дикій большой голубь въ лѣсахъ, кустахъ; воркуетъ заунывно и глухо.

Дикій гусь большой, и казара̀[7] — маленькій; гогочетъ гусь.

Утка — крякаетъ.

Галки — говорятъ; налетѣвши кучей, говорятъ вверху межъ собой.

Скали́тъ[8] — о собакѣ: протяжно лаять.

Скучатъ[9] — щенки, когда сука не даетъ молока.

Тявкаетъ — отрывистый лай (о шавкѣ).

Пискъ дикихъ птицъ.

Утка нырокъ

Чирокъ са[10]...

Сорока щекочетъ

Филинъ укаетъ

Голуби бываютъ *гонные*.

Гонные бываютъ: *чистые* и *турманы*.

1) Чистые:

*Бѣлый съ пером*ъ значитъ — когда въ хвостѣ одно перо изъ крайнихъ черное; если же въ серединѣ, то — *синехвостый;* если жъ между ними попадется бѣлое перо, то — *рѣдохвостый.*

Ежели два пера съ краю черныхъ — *двуперый;* ежели болѣе, то — *вилунъ*[1]*;* коли черное въ правильныхъ — *сѣвина.* Голубь, имѣющій одну сивинку, то — голубь съ сивинкой; если жъ нѣсколько, то — сивастый.

Чистые бываютъ: *синіе* — съ темносивыми плечами; бываетъ онъ съ свѣтлымъ глазкомъ на каждомъ перышкѣ — *сѣрый,* темнѣе — *коноплястый,* еще темнѣе — *смурый.*

Смурый бѣлопоясый — красивый.

Скобунчикъ[2] — весь бѣлый, на плечѣ отмѣтина въ видѣ скобки.

Наплёкій[3] — у котораго одно плечо только сѣрое.

Взлизастый[4] — у котораго у оконечности отмѣтина бѣлая.

Вишнепокромый[5] — съ каймой на крыльяхъ вишневаго цвѣта.

Бѣлопоясъ[6] — свѣтлѣе цвѣта.

Чагравый[7] — голубь очень темный; сверхъ указныхъ отмѣтинъ имѣетъ отмѣтину на груди.

Пеструшка — сверхъ пестроты имѣетъ черточки бѣлыя по перу.

Лысый — у котораго черная полоска на лбу.

Великій недостатокъ, коли чистый голов....[8]

2) Турманы всѣ голоноги; бываютъ красные и *черные.*

Черные съ бѣлыми хвостами называются *сороками, глинистые* — по цвѣту.

Ловля голубей.

Зданіе, нарочно устроенное, называется *столбянка*[9]*:* при столбянкѣ — приполки.

Загоняетъ хозяинъ въ колпакѣ, халатѣ и туфляхъ шестомъ, крадясь по-за крышей.

Поднимать голубя[10] — пойманный голубь, злобный голубь, съ глазами, налитыми кровью, всегда возвращается домой.

Садятъ въ вязки, подшивая крылья иголкой, новаго голубя, или въ рѣзки, надрѣзывая крылья.

Увидѣвши — *чужака, взгоняютъ*, потомъ кричатъ: *„перетряхни!“* подкидываютъ — онъ падаетъ и приглушается[1].

Скакунъ — голубь бойкій и большой глазковоръ[2].

Арзамасъ — гусичъ.

Гоняютъ стадами въ Арзамасъ гусей по триста штукъ.

Гусей откармливаютъ овсомъ.

Жаровка — пустынь; былъ прежде монастырь. Торгуетъ кошками. Бываетъ ярмарка[3] кошья лѣтомъ.

Купцы изъ Жаровки разсылаютъ закупа(ть) кошекъ — коммиссіонеровъ по деревнямъ. Торгъ идетъ мѣной: мѣняютъ ихъ у крестьянъ на боровки[4], пронизки[5] стеклянныя и всякія ожерелья. — Нищіе слѣпцы раздѣляются на 20 круговъ и поютъ во время ярмарки духовныя пѣсни. Жаровка — корсунскаго уѣзда, симбирской губерніи.

Сѣрая кошка лучше; черная, бѣлая и сорока. —

Кошечьи мѣха идутъ въ Китай, мѣняются на чай.

У стародавнихъ помѣщиковъ налагается на крестьянъ кошечья подать въ пользу дѣвичьей, по кошкѣ съ дыму.

Всякій мужикъ несетъ сѣрую кошку, изъ которыхъ потомъ шьютъ дѣвкамъ шубы. —

Мужикъ подстрекаетъ самолюбіе:

„Вы люди ученые; вамъ все извѣстно. — Вашему здоровью все извѣстно“.

Рубаха съ косымъ воротомъ.

Подъ мышкой *ластовка*[6] инаго цвѣта.

Портянки — лѣтнія онучи.

Дерюга — грубое рядно на мѣшкахъ, дерущее, шероховатое.

Драчъ[7], терпугъ, подпилокъ — три постепенности напильниковъ. Драчъ — жесткая нарубка бугорками, точками; прочіе — черточками.

Сборникъ[8] — родъ скуфейки на головѣ, на который повязываютъ потомъ платокъ. Утромъ бабы.....[9] пока въ сборникѣ.

Букъ[10] — большая кадь, въ которую кладутъ бѣлье.

Бучить — тереть, бить бѣлье въ мойка(хъ)[11].

Отбучить — отдубасить, прибить кого[1].

Зря — такъ, какъ-нибудь: „онъ это сдѣлалъ *зря*“ — не подумавши.

Ко́лоть[2] — время, когда земля схватывается морозомъ безъ снѣга, становится замерзнувшею грудою.

Калѣть[3] — твердѣть, жесткнуть отъ мороза.

Шумаркать[4] — шумѣть, пошаливать, шевелиться.

Рубаха изъ ксандрейки[5] — красной китайки.

Фракъ... [6]и перстень на рукѣ.

Бархо́тка[7] на шляпѣ.

Гуляфная[8] вода — розовая вода, употребляемая старыми барынями, вмѣсто одеколона, для умыванья рукъ.

Охальникъ — сквернословъ.

Охальничать — сквернословить.[9]

Жадра́[10] — шапка, нагорѣвшая на свѣтильнѣ.

Щемило[11] — человѣкъ прижимающій.

О родствахъ.

Невѣстки: двухъ братьевъ жены — между собою невѣстки. Сводныя.

Тпруконя́шка[12] — зовъ коровъ, отъ: „тпрука коня́шка“ — звать лошадь, отогнать прочь.

Ши́ня[13].

Свинью — Аксютка. Кса — отогнать.

Отогнать барановъ — тря[14].

Отгонять козла — цыба[15].

Звать гусей: ти́га, ти́га[16].

Названья коровъ: сѣда́шка, пестра́шка, буренушка, краса́шка, бѣля́нушка, черна́шка.

Отгонять птицу мелкую, припугивать: шишъ-шишъ[17].

Мартынъ[18] — водяная птица, питающаяся рыбою, которую ловитъ не съ налету, какъ рыболовъ, а у береговъ; величиною съ утку и больше; бѣлый съ черной головой, краснымъ носомъ и ногами.

Бакланъ[19] — больше мартына, пестрый; какъ и мартынъ, съ небольшимъ носомъ; ловитъ рыбу, плывя цѣлымъ флотомъ; гонитъ ее, крича и махая крыльями, къ самому бе-

регу; у берегу окружаетъ ее полукругомъ и, ныряя, начинаетъ хватать ее.

Мѣсяцъ сентябрь и начало октября.

Закупки наѣзжихъ купцовъ и закупщиковъ бываютъ осенью, послѣ уборки хлѣба. Первая закупка произведеній, потребляемыхъ на фабрики и заведенія въ губерніи.

1) *Зола гречневая* на поташный заводъ продается по десятина(мъ); выгодно для покупщика потому, что онъ знаетъ, сколько выйдетъ, а продавецъ не знаетъ. Зная это, помѣщикъ продаетъ въ золѣ уже жженной. Мужикъ или заводчикъ и тутъ надуетъ, покупая тулаемъ[1], т.-е. безъ мѣры и вѣсу, а просто кучею; дороже двухъ рублей десятина не продается. Покупка производится закупщиками, ибо всѣ поташные заводы производятся (?) въ симбирской губерніи крестьянами.

2) *Сѣмя конопляное* закупается все крестьянами на масло. Четверти высшая цѣна—11 рублей, а дешевле 8 р. не бываетъ. Конопляная избойка называется колобомъ, употребляется для корму скота, лошадей и коровъ (колобанъ[2] — хлѣбъ формы четвероугольной, изъ пшеничной муки); (фабрика: 2 дубовые бруса или 2 щеки[3] составляютъ толкъ). Сѣмя поджаренное, смолотое кладется въ кошель[4]; клинъ забивается стуломъ.

3) *Пенька* — на собственные канатные заводы, производимые крестьянами и мѣщанами въ городахъ и по пристанямъ; продается пудами: не больше $2^1/_2$ и не меньше рубля. Мочка пеньки лучшая—чувашская. Мочатъ ее чуваши не такъ, какъ мы: мочатъ зимою; роютъ для этого прудки въ родникахъ въ незамерзающей водѣ и разстилаютъ потомъ на снѣгу; отъ того полотно всегда бѣлѣе, и пеньку всю зиму до весны разставляютъ на кольяхъ тына у конопляниковъ, чтобы обсушилось со всѣхъ сторонъ.

4) *Пасконь*[5] — мужескій конопель. Вся употребляется на собственныя полотна.

5) *Макъ* — за макомъ пріѣзжаютъ арзамасскіе купцы, гдѣ главныя маковыя маслобойни; прод. пудами отъ 4 до 3 рубл. пудъ. Весь макъ идетъ на маслобойни въ Арзамасъ; отту все масло идетъ въ Москву.

6) *Орѣхи* — когда хорошій урожай,-обкладывается всякая

баба принесть назнач. мѣру. Все въ Арзамасъ. Пудъ отъ 5 до 4 (р.)

7) *Рѣпа* продается по сажен(ямъ) въ полѣ крестьянамъ, которые уже собира(ютъ), отъ 2 р. до 70 копѣекъ.

Хлѣбная продажа.

Около генваря мѣсяца.

Закупщики — всѣ иногородные купцы.

Купцы, пріѣхавши на пристань, снимаютъ прежде мельницы, потомъ закупаютъ хлѣбъ, заставляя доставлять его къ себѣ на мельницы.

Помѣщики запрашиваютъ огромную цѣну, а купцы, зная хорошо характеръ каждаго помѣщика, и сколько у него хлѣба, и какого достоинства хлѣбъ, и когда ему сроки въ опекунскій совѣтъ, — соображая съ этимъ, даютъ ему цѣны. Въ разъѣздахъ купцовъ и въ запрашиваніяхъ со стороны помѣщиковъ проходитъ все время до генваря.

Нанимая мельницу, купецъ нанимаетъ суда, и потому сими обстоятельствами бываетъ тоже принужденъ приступать къ сдѣлкѣ, ибо суда нанимаются на срокъ. Въ генварѣ мѣсяцѣ утверждаются цѣны, и начинаются поставки на мельницы. Мельницы мукомольныя и большія по Свіягѣ, потомъ Барышу, по Сызранѣ, по Черемшану, по Майнѣ.

Пристань важнѣйшая — *Промзино:* изъ нея хлѣбъ въ одинъ годъ доходитъ (до)[1] Петербурга.

По смолотіи хлѣбъ кладется бунтами въ мѣшкахъ на подобіе ядеръ.

Какъ весна, обкалываютъ ледъ около судовъ, и суда называются *суряками*[2]. Обколовши, начинаютъ грузить суда и стараются ихъ приготовить, чтобы они вмѣстѣ со льдомъ вышли въ Волгу. Грузка есть праздникъ бурлаковъ; задатки; начинаютъ разгуливать и праздничать; прощаются и разстаются съ женами, которыя приходятъ въ лентахъ, разряженныя подареньемъ любовниковъ и супруговъ. Тутъ же весеннія пѣсни и гульба на пристани между хлѣбами.

Обыкновенно идутъ, несутся нарочно съ плывущими льдами до Нижняго. Въ маѣ уже бываютъ въ Нижнемъ, вы-

ѣхавъ отъ 15 апрѣля; скорое путешествіе зависитъ отъ бо́льшаго разлива. Въ началѣ іюня уже бываютъ въ Рыбинскѣ. Невзгодья на пути: мели, карши[1].

Мука въ мѣшкахъ, овесъ въ кулѣ кладется сверху, ибо боится подмочки; крупа тоже въ куляхъ; солодъ[2] (зерно, пустившее ростокъ) также въ кулѣ; пшеница и горохъ ссыпаются прямо. Нагрузкой занимаются особые наемщики съ крюками на веревкѣ, которыми подымаютъ мѣшки и кули и взваливаютъ на спину; иногда подымаютъ до 9 пудовъ, при браняхъ, крикахъ и понуканьяхъ. Бурлаки же въ это время гуляютъ съ лентами за шляпой; бабы пляшутъ хороводы. Дѣвки всѣ высокорослы и стройны. (Горохъ идетъ на флотъ — морякамъ).

Какіе продукты и черезъ какія пристани идутъ въ Петербургъ и какіе въ Москву?

Сало — пріѣзжаютъ московскіе купцы, но закупаютъ на рынкахъ, куда подвозятъ продавцы, рубл. 10 и 11 пудъ сырьемъ; закупивши, топятъ его въ салотопняхъ; топленое складывается въ бочки, и весною грузится на суда и идетъ въ Петербургъ. *Сырецъ* — нетопленое сало[3].

Рыбныя ловли.

Неретъ[4] — родъ верши съ сѣтью, банда.

Крылена[5] — верша съ крыломъ, перегорожающая небольшую рѣчку.

Неводъ — самый большой (изъ рыболовныхъ снастей)[6].

Волокуша[7] — меньше, тоже съ матней[8].

Бредень[9] — въ два человѣка, безъ матни.

Недотка[10] — тканая сѣть, очень мелкая, закидывается какъ бредень.

Сакъ[11] — на палкѣ, въ родѣ ложки.

Плесна[12] — блестящая метал. рыбка, съ крючкомъ.... [13]на веревкѣ за лодкой. Зимой опускаютъ ее въ прорубь[14], встряхивая. *Плеснить* — ловить такимъ образомъ.

Уженье рыбы. Удить. Уда состоитъ: изъ крючка, *грузила*[15], поплавка; *удилище* — дерево, *лѣса* — шнуръ волосяный.

Жерлица[1] — большая уда на веревкѣ безъ удилища; закидывается и оставляется безъ ловца.

Рачня[2] — для ловли раковъ; состоитъ изъ обруча, натянутаго сѣтью съ грузиломъ въ хвостѣ; опускается на веревкѣ въ воду съ кускомъ мяса и оставляется такъ. Раки . . . . . тамъ и остаются.

Ловля снастью — черезъ рѣчку протягивается веревка съ крючками, вся въ крючкахъ, и поплавкомъ; подъѣзжающій на лодкѣ узнаетъ и вытаскиваетъ веревку, отцѣпляя съ крючковъ рыбу. Такъ ловится вся красная рыба: осетръ, бѣлуга, стерлядь, шипъ[3] (середняя между осет. и стерлядью), севрюга.

Стерлядь.

Ловля острогой — выѣзжаютъ съ лодкой ночью, къ носу лодки укрѣплена *коза*, желѣзная жаровня, величиной въ большую тарелку; въ ней раскладываютъ огонь. Кладутъ *смольё*[4], сосновый корень, расколотый въ щепу. Жаровня освѣщаетъ дно рѣки и показываетъ рыбу. На лодкѣ трое: одинъ у огня, другой гребетъ весломъ, третій бьетъ острогой. Острога — родъ граблей съ шестью и болѣе зубьевъ крючковатыхъ; опускается въ воду тихо и потомъ бьетъ вдругъ. Нужно мѣтить въ голову, чтобы попасть въ хвостъ. *Стражить*[5] — ловить острогой. Эта ловля всегда осенняя (сентябрь).

Ловля на духъ. Рыба соскучиваетъ въ продолженіе зимы находиться вѣчно подъ льдомъ: ей душно; тогда въ февралѣ мѣсяцѣ подрубаютъ ледъ съ береговъ, и она несмѣтными кучами подходитъ къ берегамъ; ее берутъ просто саками. Это бываетъ въ небольшихъ рѣчкахъ, озерахъ и прудахъ.

Предметъ ярмарки Нижегородской.

Желѣза:

Листовое по 25 листовъ въ тюкѣ. Яковл. завода — лучшее.

Полосное.

Шинное.

Рѣзное — желѣзныя полосы.

Прутовое.

Котельное и полукотельное.

Томленка[6] — сталь; отъ слова томить, ибо желѣзо кладется въ четыреугольные глиняные ящики, гдѣ, соединясь съ углемъ,

желѣзо превращается въ сталь. Дѣйствіе — *томленіе*. Сталь остается такъ на огнѣ по двѣ недѣли.

Брусовое.

Рядъ желѣзный — двѣ версты.

Бухарцы привозятъ: шали, халаты, армячину, сушеные фрукты: урюкъ абрикосъ[1], али-бухара[2]—родъ сливъ, манна[3] ... [4]изъ фисташекъ, шептала[5], — сушеные персики. Петербургскіе купцы навозятъ...[6] индиго[7].

Изъ Казани идетъ сафьянъ, большимъ количествомъ выдѣлываемый татарами; мѣняютъ его на индиго. Индиго идетъ на бабьи сарафаны изъ крашенины, которые, впрочемъ, бываютъ также изъ кумачу, красной китайки, изъ[8]...

Изъ Грузіи идетъ большимъ количест(вомъ) красная бумага въ моткахъ; привозятъ армяне кизлярскую водку и рыбу шамаю[9].

Ловли отдаются помѣщиками прибрежныхъ земель на откупъ рыбакамъ-крестьянамъ, большею частью составляющимъ компанію. Все лѣто производится ими ловля. Живутъ въ шалашахъ. Вылавливая рыбу, пускаютъ въ одно озеро, гдѣ она остается до зимы; потомъ замораживаютъ ее и продаютъ.

Во время бала Наслѣднику втесался туда французъ Гибанъ. Государь Наслѣдникъ, желая пробраться впередъ изъ тѣсноты, взялъ слегка его подъ бока, прося учтиво позволить пройти ему. Гибанъ присѣлъ и сдѣлалъ такую смѣшную фигуру, что Наслѣдникъ захохоталъ и спросилъ его: „Отчего вы присѣли? Вы, вѣрно, думали, что я хочу что-нибудь съ вами сдѣлать?“ — „Я, Ваше Императорское Высочество, принялъ васъ за губернатора и оттого присѣлъ, потому что губернаторъ всегда имѣетъ привычку меня щекотать“. — Наслѣдникъ засмѣялся еще пуще. Гибанъ засмѣялся и, — что̀ любопытнѣе, — самъ губернаторъ Хомутовъ, который тутъ же присутствовалъ, засмѣялся.

Слова.

Курмышъ[10] — мѣсто въ деревнѣ, въ сторону отъ улицы.
Коляска — трясучка[11].

Комолая — безрогая корова[1].
Мозгнуть — когда въ жидкости оказывается гнилое броженіе.
Мозглый[2] — загнившая жидкость.
Промозглая — совершенно прогнившая.
Трупе́рда[3] — толстая, ж..астая.
Въ симбирской губерніи.... [4]называютъ: дурья народа.

Хлѣбопашество.

Начинаютъ съ 15 апрѣля. Ожидаютъ, чтобы земля прочахла; т.-е. чтобы просохла и не слипалась въ грязь. Начинаютъ пахать сохой въ одну лошадь. Прежде всего начинаютъ сѣять овесъ, горохъ и макъ, обождавъ дни два, чтобы земля провѣтрилась. Для гороха и маку еще прежде, т.-е. съ осени, разъ вспахиваютъ.

Первый разъ вспахать называютъ вспарить — врѣзываютъ глубже, чѣмъ во второй.

Послѣ овса вспариваютъ землю для пшеницы и ячменя, если не успѣли осенью, и потомъ во второй разъ вспахиваютъ въ началѣ мая; называется — засѣять: „сѣмена засѣялъ“. Бываютъ уже извѣстные сѣвцы, которые такъ умѣютъ засѣять, что рядовъ совсѣмъ незамѣтно. Хорошіе всходы — коли взошло все ровно; всходы *осѣклись*[5] — остановились въ ростѣ; *затонѣли*[6] — когда отъ бездождья листочки становятся тонки: жохнуть, *пожохло* — когда еще болѣе отъ бездождья посохло.

Стебли хорошо разгроздились[7], когда взошли гроздями — въ нѣсколько стеблей; *въ однобылку*[8], когда отъ одного зерна однобылый стебль. *Всходы укрыли землю* — когда все позеленѣло и не видно земли. *Всходы завострились* — когда отъ бездождья верхушки потонѣли и подсохли. *На борозду пробило* — когда дождемъ смочило во всю глубину борозды.

Рожь, ячмень, пшеница *колосятся* — когда изъ трубки показывается колосъ.

Овесъ *мечется*[9], а не колосится.

Хлѣбъ пошелъ въ трубку — когда является колосовая трубка.

Черезъ-зерница — когда въ одномъ мѣстѣ есть зерно, а въ другомъ пусто; мелкоколосый и крупноколосый.

Завязалась пяточка[1] — сначала образуется родъ молочка, когда снизу шелуха начинаетъ затвердѣвать.

Въ половину налила рожь—когда образуется половина зерна.

Просо не колосится, а *кистится*[2]. Для проса пашутъ съ осени; сѣютъ его въ одно время съ пшеницею.

Хлѣбъ свернуло — когда хлѣбъ поспѣлъ преждевременно отъ сильнаго жара.

Озимой можетъ быть только рожь и пшеница, иногда ячмень. Озимой лучше яроваго: тяжеле вѣсомъ и больше зерномъ.

Головня[3] въ овсѣ — исключительно когда зерно все почернѣетъ и разсыпается въ пыль; бываетъ отъ дождей и слишкомъ тучной почвы.

Рожки или *спорынья*[4] во ржи — когда зерно превращается тоже въ черный наростъ.

Въ просѣ, пшеницѣ—тоже головня.

Просо брунѣетъ[5] — когда начинаетъ краснѣть.

Рожь, овесъ, пшеницу и ячмень жнутъ; гречиху косятъ; ленъ и конопель берутъ.

Жнутъ бабы и мужики, коли хлѣбъ взошелъ рано; коли же поздо — то однѣ бабы, ибо мужики заняты вспахиваньемъ подъ озимой.

Хлѣбы травны — когда весной отъ дождя взойдетъ много травы и предстоитъ отъ того много полотья.

Козлецъ[6]*, полынь, песика*[7] *задавила хлѣбъ* — когда эти травы разрастаются сильно въ дождливое лѣто. Зерно бываетъ *дуплястое* — когда отъ дождей его налило сильно и потомъ жаромъ свернуло такъ, что въ серединѣ его остается небольшая пустота; *тощее, толстокорое* — когда верхняя оболочка толста; бываетъ на черноземѣ; на песчаной землѣ бываетъ всегда *тонкокорое*. Хлѣбъ отъ тонкокораго и бѣлѣе, и лучше, и болѣе муки, меньше отрубей.

Сжавши, складываютъ снопы.

Снопъ состоитъ изъ гузовья[8] (отъ гуз.) и пояса, которымъ связываютъ.

Разные роды складки:

Крестами — въ 25 сноповъ, копнами.

Боровками[9] — невысокая форма, снопъ къ снопу, гузовья закрываютъ колосьями.

Стоянками[1] — гузовьями книзу, стоймя: тотъ и другой родъ лучше въ хорошее время.

Овесъ кладутъ, коли сухъ, тотъ же часъ въ скирды; въ скирдѣ сто сноповъ — сколько можно взять на возъ.

Въ гумнахъ скадываютъ кладями, въ двѣсти телѣгъ и болѣе.

Хлѣбъ — складывать въ клади, а сѣно — метать стогъ.

Шишъ[2] — копны вмѣстѣ, конусомъ вверхъ.

Остóжье[3] — шишъ съ жердями, на который мечется сѣно, и составляется стогъ.

Валы валять — соединять ряды скошенной травы — нѣсколько рядовъ въ одинъ валъ.

Копнить сѣно — изъ валовъ составлять потомъ кучи.

Возилки — родъ воза безъ колесъ: одна перекладина, соединяющая двѣ хворостины неохмыстанныя, съ листьями, которыя служатъ оглоблями съ комлевой стороны: сѣно складывается на нихъ и увязывается бичевкою.

Клади хлѣбныя и стоги — сверху укрываются соломою, сверхъ которой кладутся *перемѣтины*[4] — двѣ хворостины, связанныя верхушка(ми) и перекинутыя — одна на одну, другая на другую, противоположную, сторону клади.

Сѣно бываетъ: лѣсное, степное и пойменное; оно бываетъ крупное и мелкое.

Блюда.

Разсóльникъ — пирогъ съ курицей, гречневой кашею въ начинку; подливается разсолъ. Яйца рубленныя.

Лепешки съ припекой — припека бываетъ съ творогомъ, съ макомъ, съ лукомъ.

Сóчни[5] — родъ клецекъ, круглыя; въ маковомъ молокѣ варятся.

Левáшники[6] — пирожное, вздутое изъ тѣста и съ вареньемъ внутри; печется на маковомъ молокѣ; имѣетъ форму треугольной шляпы.

Калинникъ[7] — пирогъ съ калиной.

Круглый пирогъ — съ яйцами, грибами; пирогъ съ груздями.

Пряженцы[8] — маленькіе пирожки съ мясомъ и лукомъ; подается къ нимъ супъ или бульонъ.

Сосуды.

Бочка сороковая.

Пересѣкъ[1] — бочка раздѣленная надвое, ушатъ.

Лагунъ[2] — форма ведра съ закрышкой.

Жбанъ[3] — сосудъ узкій къ верху, съ рыльцемъ, — для квасу.

Лады[4] — доски, изъ которыхъ состоитъ бочка.

Слаживать бочку[5] — дѣлать бочку.

Заутóрить[6] — дѣлать выемку для вставки дна.

Стáвень[7] — круглый ящикъ, деревянный, точеный, съ крышкой пополамъ въ родѣ табакерки; кладутъ масло, медъ.

Побратúма[8] — шарообразный сосудъ деревянный, съ узкимъ горломъ; кладутъ медъ, варенья.

Доскáнецъ[9] — деревянный, маленькій сосудъ, величиной въ табакерку, но безъ стоящихъ боковъ; круглые .....[10] встрѣчаются .....[11] для колецъ, ожерельевъ и прочаго.

Коробья́[12] — тонкая посуда изъ гнутаго дерева; шьется дерелыкомъ[13].

Лукошко[14] — изъ такого же дерева, круглое, для пересыпки зернов(аго) хлѣба.

Кузовъ[15] — кубомъ изъ березки, для грибовъ и проч.

Буракъ[16] — изъ берестовой тоже коры, длинный цилиндръ съ крышкой, во внутрь входящей, для икры и проч.

Сушила[17] — верхній этажъ надъ амбарами, ледниками и проч., гдѣ лежитъ пухъ, окорока, рыба высушенная, овчины, кожи разныя, сыромятныя, крылья гусиныя, балыки, медъ, крупа мелкая, орѣхи, холстъ, сукна.

Коптилка[18] — строенье, гдѣ коптится ветчина, маленькое, обыкновенно въ сторонѣ, въ саду.

Мыкальникъ[19] — тоже изъ осинов(аго) дерева, овальная большая коробка, гдѣ бабы кладутъ веретена, мочки, мыканныя изъ льну.

Загóрода[20] — мѣсто, загороженное кругомъ; *пригорода* — пригороженное къ чему-нибудь.

Коровникъ[21] — коровій загонъ.

Клѣтухи[22] — хлѣвъ.

Погребъ — яма, *погребница*[23] — строеніе надъ ней.

Снáвра[1] — брусокъ, вгоняемый впоперекъ досокъ для ихъ связи; *снаврить*.

Расхлебенить[2] — раскрыть настежь, распахнуть:

„Сидитъ баба на юру,
Расхлебенивши д..у“.

Плетень — вбиваются въ землю колья, на четверть одинъ отъ другаго, и заплетаются хворостомъ.

Городьба — жердьми вбиваются колья по два вмѣстѣ, на разстояніи 4 аршинъ на полтора сажени; потомъ впоперекъ кладутъ жерди, разстояніе на полъ-аршина между ними, привязываясь ивовыми прутьями.

Тынъ — изъ плахъ, то-есть расколотаго дерева, стоймя, вверху разчапливается и вгоняется въ расчепъ планка, служащая связью.

Частоколъ имѣетъ такое же основаніе, какъ городьба, но жерди переплетаются стоймя очищенными отъ сучковъ ровны(ми) кольями; употребляется у поповъ въ огородахъ, у помѣщиковъ — въ садахъ и загородахъ.

Капустникъ[3] — огородъ, засѣянный капустой.

Выраженія.

Муха-громотуха[4] — синяя муха большая, шумящая по стекламъ оконъ.

Въ Симбирскѣ назвали одного нѣмца „тараканьими мощами“.

Шастаный[5] *овесъ* — лучшій; шастить, шастанье — очищенье овса отъ....[6] при пересыпаньи.

Торговля.

Изъ симбирской губерніи вывозится много деревянной посуды въ оренбургску(ю), гдѣ мѣняютъ на хлѣбъ, т.-е. сколько насыплетъ зерна въ чашку, то и цѣна чашкѣ. Отправляется также много оконницъ со стеклами туда же; вывозится преимущественно изъ лѣсныхъ уѣздовъ курмышскаго и алатырскаго, гдѣ много лѣсовъ по рѣкѣ Сурѣ и знаменитый лѣсъ корабельный.

Сошникъ[1] — родъ заступа для копанія земли съ остріемъ на концѣ; употреб(ляется), когда земля становится твердой. Вилки для киданія хлѣба; подавать снопы вилками — о двухъ зубьяхъ; вилы для сѣна — о трехъ зубьяхъ растопыренныхъ; шестъ длиннѣе гораздо.

Клячъ[2] — палка, за которую влекутъ сѣть, тянутъ неводъ.

Ступни[3] — родъ туфлей изъ лыка, которыя надѣваетъ мужикъ, слѣзая съ полатей, наскоро; изъ лыка, какъ и лапти.

Шубникъ[4] — короткій, съ косымъ воротомъ и съ тальей, полушубокъ — не длиннѣе куртки; тулупъ широкій и длинный.

Елоза[5] — вертлявая, не посидящая на мѣстѣ; оттуда: егозить — вертѣться, не посидѣть.

Мозгляк[6] — протухлый.

Свережій[7] — здоровый.

Куканъ[8] — привязь, ...[9] съ веревкой, на который нанизывается пойманная рыба. Держать на куканѣ — держать кого на привязи.

Похлица[10] — на мельницѣ желѣзо, въ которое вдѣлывается камень, быстро движущійся на веретенѣ, порхающій.

Сосунóкъ — жеребенокъ, который сосетъ еще мать; потомъ онъ годовикъ, потомъ двухъ-годовикъ, потомъ *лонщáкъ*[11] — трехлѣтній.

Отшигъ[12] — ухватка, образецъ, манеръ. „У насъ другой отшигъ“ — у насъ другой ман(еръ).

Отскочиха[13] — въ сторонѣ, далеко: „онъ живетъ на отскочихѣ“.

Чохомъ[14] — гуртомъ, разомъ.

Рыло, хрюкало, рождество.
Съѣздилъ его въ рождество.
Трафной[15] — гадкій, котораго не ѣдятъ.

На пристаняхъ по Сурѣ народъ побогаче и веселится по воскреснымъ днямъ щегольски; старики сидятъ на завалинкахъ у избъ.

Камни въ симбирской губерніи.

Песчаникъ[16] — употребляется на жернова; песокъ, связанный кремнистымъ цементомъ. Песчаникъ сланцовитый, вѣдомый только Петру Мих.[17], плитами, толщиной пальца въ три, аршиновъ (sic) полтора квадрат(ныхъ).

Всѣ *Жигулевскія* горы состоятъ изъ известняка бѣлаго и палеваго цвѣта; оба годны для строеній; первый крѣпче. Испытать, какъ выдерживаетъ морозъ.

Смолистый сланецъ — горючее вещество; находится въ большомъ изобилiи въ симбирской губернiи, протяженiемъ почти на 300 верстъ. Много даетъ пламени, жару не столько, и потому годенъ на освѣщенiе; во Францiи сдѣлано уже примѣненiе его къ сему предмету.

Донникъ[1] — растенiе изъ трифолiумъ; бываетъ въ ростъ человѣка; душистое, съ бѣленькими, меленькими цвѣточками; кладется въ табакъ. Въ старину вязалось въ пучки и вѣшалось въ н.....и для запаху.

Въ старинныхъ домахъ, возлѣ самаго дому, былъ травникъ изъ разныхъ душистыхъ растенiй: кануферъ[2], заря, мята; въ Троицынъ день вязали изъ нихъ пучки, съ которыми входили въ церковь. Плакать надъ ними называется — „плакать на листу“.

Крестьянскія ремесла:

Вязанье поясовъ.
Вязанье сѣтей.
Вязанье чулокъ.
Плетенье лаптей.
„ ступней[3].
„ шелковыхъ поясовъ.
Валяютъ войлока.
„ кошма[4] (большой войлокъ для устилокъ половъ, возовъ).
Ва́ленки — войлочные башмаки.
Тканье холста.
„ сукна сермяжнаго[5].
„ мѣшковинъ[6], грубаго полотна на мѣшки.
„ парусины.
„ полосушки[7], холстяной полосатой матерiи изъ крашенныхъ нитокъ.
„ ситъ и рѣшетъ — сита всегда волосяныя, а рѣшета — изъ лыка.
„ рогожъ, цыновокъ, кулья, — все изъ мочалъ.

Мужички:	*Кабаки:*
Маленкинъ.	Зацѣпа.
Өыровъ.	Кружало.
Удаловъ.	Навозной.
Милушкинъ.	Агашка.
Шатинъ.	Московскій.
Брюхановъ.	
Рыжовъ.	

Чапыжникъ[1] — мелкій, кривой, дрянной лѣсъ, кустами поросшій отъ корней, объѣденный скотомъ.

Сломъ[2] — дерево, сломанное бурей.

Выворотъ[3] — вывороченное съ корнемъ.

Гуменникъ, гумно, *кладенникъ*[4] — гдѣ складывается хлѣбъ кладями.

Лунь[5] — птица хищная, вся бѣлая; говорится: „бѣлый, какъ лунь“. Породы коршуновъ ихъ меньше, но больше ястреба. Ноги и носъ желтые; полетъ плавенъ, плавнѣе ястреба; почти не движетъ крыльями и, смотря съ вышины въ траву, хватаетъ полевыхъ мышей и полев(ыхъ) степныхъ звѣрковъ. Говорятъ: „сова летитъ, а лунь плыветъ“ — когда учатъ маленькихъ дѣтей производить движенье руками.

Шабарской[6] — малый дерзкій, забіяка.

Ко́мель[7] — толстый конецъ дерева.

Лѣсъ комлевой — хорошій, толстый, а лѣсъ *верши́нникъ*[8] — тонкій, верхній срубъ.

Мурысъ[9] — самая тихая печаль (?) (sic).

Сушка хлѣба производится въ:

Овинахъ — большой, крестьянскій хлѣвъ называется овинный;

Ригахъ — господскій называется рыжный.

Сыромолотъ[10] — смолотый сырымъ.

На шишахъ[11] сушатъ въ иныхъ мѣстахъ мужики снопы колосьемъ къ низу; въ сараѣ подъ ними роютъ яму, гдѣ раскладываютъ огонь, а надъ нимъ отверстіе въ крышѣ для проходу дыму. Весьма часто хлѣбъ загорается.

Торговля.

Прасолъ[1] — мужикъ, торгующій всѣмъ, не опредѣляя себѣ рода торговли; не пропускаетъ ничего и почти во всемъ знатокъ; оттуда *прасолить*.

Запили саратовцы на радостяхъ: застали мужика на б..ѣ.

Дичили.[2]

Борщовикъ[3] — съ широкими зубчатыми листьями.

Козлецъ.

Коровка[4] — стебель гладкій, толстый, походитъ на зарю; листъ большой; бѣлая ка́шка; растетъ въ лѣсахъ.

Шкерда[5] — стебель толстый; листъ длинный, большой продолговатой формы; цвѣтъ какъ у репейника, шарикъ изъ игольчатыхъ лепестковъ желтаго цвѣта, щеткой; водится въ черныхъ лѣсахъ; вкуснѣе всѣхъ прочихъ.

Катовики[6] — стебель тонѣе шкерды, цвѣтокъ имѣетъ скатанную форму, какъ шарикъ; желтаго цвѣта; въ лѣскахъ.

Дикая рѣдька, punias orientalis — листья продолговатые; острый цвѣтокъ, самая маленькая звѣздочка желтаго цвѣта; по полямъ. Пріят(наго) вкуса песики[7]; вкусъ рѣпы.

Растенія, употребляемыя въ кухнѣ:

Сныдь[8] — растеніе безвкусное; толкутъ и кладутъ его въ ботвинью.

Микитки[9] — „хватить кулакомъ подъ микитки“ — подъ ребра.

Салазки своротить[10] — своротить челюсть нижнюю.

Трущоба — лѣсное мѣсто съ оврагами, непроходимое.

Пи́кость[11] — чаща лѣсная изъ кустарнико(въ).

Кабе́лъ[12] — пень, вырытый съ корнемъ.

Ста́рица[13] — сосна вся проникнутая смолою, потерявшая всѣ вѣтви свои и только на верхушкѣ сохранившая; старое русло рѣки.

Протокъ[14] — небольшая рѣчка, соединяющая два озера.

Колотѣ́вка[15] — мельница маленькая, которая шумитъ и стучитъ; старуха небольшая, крикливая и бранчивая.

Ве́рескъ[16] — жесткое растеніе полу-кустами, вѣчно зеле-

нѣющее. *Erica* — съ меленькимъ цвѣтомъ; растутъ по песку, въ сосновыхъ лѣсахъ.

Красикъ[1] — красавецъ (народн.)

Середовой[2] — человѣкъ среднихъ лѣтъ.

Вилокъ[3] — капуста, свернутая въ головку.

Кочкарникъ[4] — мѣсто, покрытое кочками.

Лога[5] — узкая долина.

Мѣста потныя[6] — сырыя мѣста.

Шуры-муры — когда парень волочится за дѣвкою, говорятъ: „у нихъ съ нею шуры-муры".

Шить: тачать, сшивать два куска вмѣстѣ; когда клинъ вшивается, называется: прислонить, сослонить два клина.

Строка — шовъ верхній; строчить.

Кантикъ — пройма.

Пройма.

Примѣты дурнаго управителя.

Василій Сергѣевичъ строгъ при сборѣ холстовъ и яицъ; строго взыскиваетъ, чтобы баба принесла положенный кузовъ грибовъ и проч.

Всегда плохой управитель подозрѣваетъ, что покушаются на его жизнь, и боится, чтобъ его не убили.

Бываетъ покровительствуемъ барыней, потому что строгъ по ея части, то-есть — смотритъ за приносомъ ягодъ; знаетъ хорошо, во сколько пасемъ[7] талька, и сколько нужно пасемъ на поставъ (*поставъ*[8] — мѣра аршинъ въ 25); накладывается на бабу въ годъ два постава. Зимой баба прядетъ и спрядываетъ тальки, а лѣтомъ ткетъ полосушки.

Зимой собираются бабы въ чью-нибудь [избу] вмѣстѣ прясть. Это называется *супрядки*, у дѣвокъ — посидѣлки.

Дѣвки обкладываются сборомъ грибовъ, ягодъ.

Промыслы разныхъ губерній. Изъ ярославской губерніи множество развозятъ по всей Россіи грибовъ, изъ Москвы также.

Обычаи.

Въ воскресный день дворня послѣ обѣдни приходитъ съ поздравленіемъ къ барамъ, пробирается обыкновенно черезъ дѣвичью; болѣе дѣлаютъ визиты тѣ, которые уже почему-либо отличены и пользуются за старость и старую службу вниманіемъ, — въ праздники большіе, въ Троицынъ день.

Праз(дники.)

Большой самый праздникъ — Свѣтлое Воскресенье: не работаютъ цѣлую недѣлю.

Троицынъ день и *Семикъ* — не работаютъ 3 дни: заплетаютъ вѣнки, поютъ пѣсни; хороводный праздникъ оканчивается бросаньемъ вѣнковъ въ рѣку.

Хороводы начинаются съ начала весны и всякое воскресеніе продолжаются; оканчиваются Петровымъ днемъ. Съ этихъ поръ время называется дѣловою порою, или страдою, отъ слова *страдать* отъ трудовъ.

Птицы:

Пустельга[1] — хищная птица, величиною съ ястреба, пестрая; ловитъ однѣхъ мышей.

Бѣлохвостикъ — такого(же) рода, только съ бѣлымъ хвостомъ.

Полуночница[2] — возлетаетъ въ полночь; вся сизая, меньше голубя; гоняется за летучими мышами; полетъ быстрѣе совинаго.

Совы залетаютъ въ курятники ночью и нападаютъ, заклевывая носомъ и раздирая когтями.

Части мельницы водяной:

Снасть[3] — вся мельничная машина.

Водянникъ[4] — вся водяная часть.

Каждое колесо утверждено на валу, каждый валъ движется на *шмахъ*[5], каждый шмахъ лежитъ на подшмачникѣ. На каждомъ водяномъ колесѣ сухое колесо, каждое сухое колесо движетъ шестерню, цѣпляя своими зубцами за ея цѣвки.

Сѣно въ Петербургѣ продается лучшее, бронницкое, по всему Волхову свозимое въ Бронницы; продается по 60 коп. За-

сѣваемое англичанами — по 40 коп. Отава[1] — второй укосъ, по 30 и 40 коп. асс.; покупается извощиками, которые, впрочемъ, покупаютъ лучшій овесъ.

Въ Оренбургской губерніи.

Въ оренбургской есть рѣчка Сюгоши, называемая отъ русскихъ Сивушкой.

Промыслъ — хлѣбопашество. Хлѣбъ весь расходится внутри губерніи на мѣдные заводы и желѣзные.

Хлѣбъ продается пудами: яроваго — 30, озимаго — 50.

Медомъ славится оренбургская губернія.

Красный или хлѣбный — отъ 2 до 10.

Липецъ бѣложелтоватый — отъ 20 до 25.

Травяной, зеленый — даже 30.

Пчелы находятся въ дикомъ состояніи, заводятъ гнѣзда въ древесныхъ дуплахъ; такое дерево называется борть.

Въ грамотахъ древнихъ упоминаются бортевыя и бортяныя угодья.

Борти, бортники, поставленные за смотрѣніемъ бортей.

Вишни дикія покупаются купцами верховыми, изъ-за Волги, садами, тутъ же бьющими изъ нихъ морсъ. Большія выгоды, но не всегда равный доходъ, потому что иной разъ не родятъ, иной разъ выгорятъ отъ полевыхъ пожаровъ, называемыхъ *палами*[2]. Пожары происходятъ отъ жнивъ, остающихся отъ жатвы срѣзанныхъ стеблей соломы. Выжигаютъ ихъ нарочно весной, чтобы не мѣшали вспахиванію; отъ нихъ загорается все поле, выгорятъ кусты, [бустыльникъ][3], стоги сѣна и все, что̀ ни есть на пути. Картины пожаровъ ночью великолѣпны: пожаръ стелется по полю быстро, иногда вдругъ [взмырывается][4], идетъ вверхъ, встрѣтивъ что̀ поогромнѣе.

Ее же (?) сушатъ и продаютъ пудами отъ 7 до 10.

Полевая клубника. Русскіе сушатъ и продаютъ рублями вдвое дешевле вишней (sic); татары дѣлаютъ изъ нея пастилу и отвоз(ятъ) въ Казань и Оренбургъ.

Малины въ лѣсахъ дороже другихъ ягодъ. Клубникой обкладывается всякая баба по фунту въ день.

Ежевика.

Костяника — красная ягода величиною въ горохъ, кисло-сладкая.

Черемуха[1] сушеная продается.

Рябина тоже сушится.

Выраженіе Ноздрева:

„Сыгралъ, какъ младой полубогъ“ (на бильярдѣ)[2].

Свѣдѣнія о Лысковѣ.

Промыслъ мужиковъ въ посредничествѣ между продавцами и закупщиками хлѣба. Мужики привозятъ въ Лысково хлѣбъ зимою, который складывается въ амбары. Весной пріѣзжаютъ въ Лысково купцы закупать его, съ доставкой лысковцевъ въ Рыбинскъ. Доставляютъ туда лысковцы или на своихъ судахъ, которыя сами строятъ, или на наемныхъ. Суда: *расшивы*[3] съ мачтами и парусами; тащатъ лямкой бурлаки вверхъ противъ теченія, что̀ называется тащить *завозней*[4]. Завозней называется лодка, на которой отправляется одинъ впередъ бросать якорь; бросивши(sic), *завозня* быстро отправляется назадъ по теченью подать на судно конецъ веревки; веревка накладывается на блокъ; уцѣпивши свои перевязи, или лямки, бурлаки напираютъ грудью; судно идетъ впередъ; другой конецъ на другомъ концѣ наматыв(аютъ).

Дѣла, предстоящія Губернатору.

Главное дѣло — образовать Губернское Правленіе.

Дѣла Губернскаго Правленія: полицейская [часть] всей губерніи: что̀ въ городѣ полицеймейстеръ, то въ губерніи губернаторъ. Всѣ случавшіяся происшествія: скоропостижныя смерти, пожары, самоуправства, ссоры, убійства, неподчиненія и неповиновенія, всѣ чрезвычайныя происшествія: голодъ, появленія засухъ, погодъ, саранчи, насѣкомыхъ; всѣ донесенія обо всемъ. Объ этомъ всемъ доносятъ по мѣстамъ находящіеся чиновники. Капитанъ-исправникъ то-же въ Земскомъ Судѣ, что̀ губернаторъ въ Правленіи, и забираетъ отъ засѣдателей всѣ донесенія.

Губернское Правленіе состоитъ изъ Присутствія и Канцеляріи. Присутствіе — изъ трехъ совѣтниковъ и губернатора. Всѣ совѣтники равны: въ иныхъ губерніяхъ — по уѣздамъ: на каждаго ровное число уѣздовъ; въ другихъ — по матеріямъ: *одному* совѣтнику — герольдія, — все, что относится къ лицамъ служащимъ: назначеніе, опредѣленіе, увольненіе чиновниковъ, преданіе суду, выговоры, замѣчанія (все это не иначе, какъ съ вѣдома присутствія), награды, наказанія, повышенія, преданье суду съ отрѣшеніемъ и безъ отрѣшенія. Всѣ должны присылать послужные списки своихъ подчиненныхъ. *Второму* — происшествія, продовольствіе, магазины запасные, разсмотрѣніе спорныхъ дѣлъ — куда ихъ относить: въ суды ли, — если судебныя, — или въ губернскія, — если распорядительныя; относительно квартированія войскъ и повинностей квартирныхъ, подводныхъ и дорожныхъ, собираніе податей и недоимокъ (которыя нынѣ, можетъ быть, въ Министерствѣ Имуществъ), побудительныя мѣры ко взысканію ихъ.

Рекрутскіе наборы, назначеніе мѣстъ и лицъ для присутствія. —

(Главная часть всѣхъ поползновеній на всѣ взятки, общая пожива; выигрывающіе: Предсѣдатель и Членъ Присутствія, Канцелярія, Медикъ, военный депутатъ, казенная палата). Губернское Правленіе больше всего беретъ съ откупщиковъ за назначеніе мѣста, гдѣ, въ какомъ уѣздѣ составить присутствіе, потому что выпивается въ это время вина множество. Иногда около 80 тысячъ срываетъ Губернское Правленіе взятки съ откупщика. —

Остроги и пересылка преступниковъ. —

Утвержденіе всѣхъ приговоровъ Уголовной Палаты.

Губернаторъ удерживаетъ власть въ Уголовномъ Судѣ. Уголовная Палата всѣ приговоры свои присылаетъ къ губернатору, который или соглашается, или отмѣчаетъ свое мнѣніе и съ нимъ отсылаетъ въ Сенатъ. Обыкновенно губернаторъ призываетъ предсѣдателя или секретаря и съ ни(мъ) переговариваетъ и соглашается.

Повинности натурою и деньгами: на дороги, мосты, — устройство и содержаніе. Больше всѣ согласны натурой, а не деньгами:.... копѣйка отъ души или побольше, что дворяне ужъ съ уѣзднымъ предводителемъ соглашаются между со-

бою. Повинности падаютъ на тѣхъ, которые поближе къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ нужны мосты и проч.

Квартермистръ для назначенія квартиръ ѣздитъ самъ, если новый человѣкъ; если жъ давно живетъ, то знаетъ и мѣста.

Онъ имѣетъ у себя карты подробныя — съ означеніемъ всѣхъ деревень, мѣстъ, ихъ удобствъ. Распоряженія эти дѣлаются съ опредѣленій губернатора, имѣющаго право согласиться или не согласиться, который, утвердивъ это, доводитъ дѣло къ предводителю дворянъ, а предводитель дворянства соглашается объ этомъ съ дворянами въ собраніи.

Отъ губернатора [зависитъ]

Приказъ общественнаго призрѣнія.

Имѣетъ у себя больницы, рабочіе дома и богадѣльни, и всѣ богоугодныя заведенія. Всѣ заведенія эти образуются изъ вкладовъ добровольныхъ, дѣлаемыхъ умирающими, или дающими (sic!) обѣтъ, или желающими получить крестикъ, и изъ доходовъ: процентовъ съ капитала, процента изъ штрафныхъ денегъ, и со всякихъ сдѣлокъ, крѣпостей.

Губернаторъ можетъ сдѣлать здѣсь все: уменьшать расходы, находить всѣ новые пути для извлеченія новыхъ доходовъ. Губернаторъ всѣмъ этимъ любитъ занима(ться), потому что на богоугодныя заведенія обращено вниманіе Государя, и за это даютъ награды.

Правленіе Приказа: Непремѣнный членъ, Секретарь, Засѣдатель отъ дворянства и Засѣдатель отъ купечества.

Отъ Губернатора — города. *Полиція и хозяйство.*

Хозяйство: доходы и расходы.

Доходы — земли, отдаваемыя городами жителямъ, сборъ съ домовъ, съ лавокъ, съ...[1]

Расходъ — на полицію.

Правленіе состоитъ изъ Думы; Дума — изъ Головы съ двумя Засѣдателями, изъ купцовъ и мѣщанъ; предметъ — увеличеніе доходовъ и расходовъ (sic)!

Полицеймейстеръ — въ совершенной зависимости отъ губернатора, хотя и назначается Комитетомъ раненыхъ. Предметъ —

слѣдствіе всѣхъ дѣлъ и происшествій города; опредѣляетъ наказанія и препровождаетъ всѣ дѣла, выходящія изъ округа мелкихъ происшествій, по принадлежности, въ другія мѣста.

Магистраты въ большихъ городахъ: часть судебная, разборъ тяжбъ.

Мѣста, не подвѣдомственныя губернатору, но на которыя онъ можетъ имѣть вліяніе.

Казенная Палата — завѣдываетъ всѣхъ Казначействъ всѣми доходами; хранитъ; казенные подряды, торги и все, что̀ нынѣ составляетъ Палату государственныхъ имуществъ: правленіе казенными крестьянами, оброчныя статьи — въ отдачѣ на подрядъ луговъ, земель, мельницъ, рыболовствъ. Источники всѣхъ взятковъ [sic] — съ подрядчиками.

Правленіе крестьянъ — Голова съ писаремъ: относился письменно и лично, правилъ независимо, просто, безъ всякихъ ограниченій; выбирался міромъ. — Случаи для взятковъ: выкупиться отъ постоя, избѣгнуть отъ разныхъ нарядовъ и повинностей. Самая главная часть, донынѣ оставшаяся — откупа.

Откупа.

Винный. Откупщикъ ѣдетъ въ Петербургъ съ залогомъ; беретъ свидѣтельство, утвержденное Гражданской Палатой, состоящее въ описаніи имѣнія и въ томъ, что оно не заложено. Откупщики платятъ помѣщикамъ 8 процентовъ на билеты изъ Банка сохранной казны, на которые тоже процентъ. Чѣмъ онъ бѣднѣе и менѣе къ нему довѣренности, тѣмъ больше даетъ.

Сдѣлки откупщика съ Казенной Пал(атой). Откупщикъ долженъ взять извѣстное число вина въ Казенной Палатѣ непремѣнно; остальное или самъ покупаетъ у помѣщиковъ-винокуровъ, или самъ куритъ. Казенная Палата, сдирая чрезмѣрную сумму съ откупщика, ему мирволитъ во всемъ: дозволяетъ открывать кабаки не въ законныхъ мѣстахъ и не въ законные [часы]: во время обѣдни, въ праздники, и до обѣдни, продолжая ярмарочные[1] дни; дозволяя разводить водой вино, дозволяетъ употреблять возбуждающее; не закрываетъ вечеромъ ѣзды и проч. Сила откупщика такъ велика, что его нельзя ограничить, потому что онъ лопнетъ, если скрутить его; и потому всѣ, даже честные, берутъ отъ него взятки.

Откупщикъ всѣмъ даетъ; всѣ съ нимъ въ дружбѣ и всѣ имъ довольны.

Губернатору, смотря по губерніямъ, — отъ 10 до шестидесяти; въ Казенной Палатѣ вице-губернатору и совѣтнику винныхъ дѣлъ — не меньше самого губернатора, и нисходя до мелкихъ чиновниковъ. Кромѣ того всякій служ(ащій) имѣетъ право послать за штофомъ сладкой водки къ откупщику, въ какомъ бы мѣстѣ ни служилъ.

Всей полиціи даетъ — и городской, и земской; вся полиція у него на жалованьи.

Правленіе:

Вице-губернаторъ и три Совѣтника, одинъ — Губернскій Казначей, *Совѣтникъ* винныхъ и соляныхъ дѣлъ (ибо продажа соли есть также предметъ Казенной Палаты) и Совѣтникъ казенныхъ крестьянъ.

Губернаторъ можетъ имѣть вліяніе на Палату при подрядахъ и торгахъ, ибо долженъ присутствовать въ качествѣ предсѣдателя — при всѣхъ торгахъ, при закупкѣ вина въ казенное вѣдомство, при подрядахъ на станціяхъ, при всѣхъ оброчныхъ статьяхъ. Кромѣ того онъ долженъ участвовать при всѣхъ подрядахъ въ губерніи по всѣмъ вѣдомствамъ, которые всѣ производятся или въ Казенной Палатѣ, или въ Губернскомъ Правленіи.

Совершенно независимое лицо отъ губернатора — Прокуроръ: не долженъ даже водиться съ губернаторомъ и подчиняться какому-нибудь его вліянію. Есть блюсти(тель) выгодъ казны и законовъ. Его обязанность — давать протесты на все то, что дѣлается незаконно. Всѣ дѣла ему присылаются на просмотръ. Онъ смотритъ на двѣ вещи: на законность формъ и на медленность въ производствѣ. Имѣетъ стряпчаго казенныхъ и стряпчаго уголовныхъ [дѣлъ]; никакое слѣд(ствіе) въ губерніи не производится безъ присутствія при немъ губернскаго стряпчаго. Онъ осматриваетъ остроги — чтобы ихъ кормили (sic), не мучили, чтобы дѣла острожниковъ производились, какъ можно, безъ замедленія. Словомъ, онъ — око закона. Никакое производство дѣла не имѣетъ исполненія безъ его помѣтки: „читалъ“. Имѣетъ право понуждать о скорѣйшемъ производствѣ. Прямо на имя Государя, черезъ Министра Юстиціи, посылаетъ еженедѣльно

донесеніе о содержимыхъ въ острогѣ. Всѣ протесты посылаетъ на имя Министра Юстиціи; къ нему посылаютъ отъ Министерства бумаги рѣдко.

Взятки прокурора:

1) *Общія* — отъ всѣхъ мѣстъ правительственныхъ беретъ взятки;

2) отъ *случайныхъ дѣлъ;* 3) *отъ уѣздныхъ стряпчихъ,* получающихъ много при слѣдствіяхъ; 4) *отъ откупщика.*

Совѣстный судья по выборамъ не зависитъ отъ губернатора — благодѣтельнѣйшее установленіе. Судить всѣ дѣла, гдѣ должны быть смягчены законы, по совѣсти (христіанской)[1]: малолѣтнихъ, умалишенныхъ. Судъ его окончателенъ; поэтому стараются охотно препроводить дѣла въ Сов(ѣстный судъ). Жалованья ему нѣтъ; канцелярія содержится отъ дворянъ,— такъ, какъ и сиротское отдѣленіе, находящееся подъ предсѣдательствомъ Предводителя.

Взятки губернатора.

Самыя нестыдныя, неопасныя взятки — съ откупщиковъ, которыя берутъ и честные, потому что отъ этого никому [нѣтъ] утѣсненія, и дѣла шли бы такъ же, какъ и безъ бранья. Онѣ берутся явно.

Взятки съ мерзавцевъ, замѣшанныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, и во всѣхъ слѣдственныхъ дѣлахъ надъ богатыми помѣщиками — губернаторъ и самъ непосредственно, и чрезъ секретаря. —

Съ старообрядцевъ во время ревизіи и объѣзда всей губерніи, которую онъ долженъ дѣлать разъ въ годъ: тутъ, въ видѣ хлѣба-соли, пукъ ассигнацій запекаютъ въ хлѣбъ; и во всѣхъ экстренныхъ происшествіяхъ и дѣлахъ: тутъ посредствомъ секретаря.

Слѣдствія раждаются — о скрытіи священниковъ бѣглыхъ, объ обращеніи въ расколъ православныхъ. Они виновны въ скрытіи бѣглыхъ людей, которыхъ принимаютъ съ желаніемъ обратить ихъ; о постройкѣ новыхъ церквей или поновленіи, ко-

торыя раскольникамъ запрещены, часовенъ и молитвенныхъ домовъ — пожива всей полиціи, Губернскаго Правленія, Земскаго суда, прокурора.

Взятки съ чиновниковъ за продажу мѣста: губернаторъ беретъ съ капитанъ-исправниковъ, при торгахъ и подрядахъ и при постройкахъ зданій, чтобы утвердить цѣны.

Соблазны губернатору и подъѣзды разныхъ чиновниковъ, изъ которыхъ, подъ видомъ услугъ и разныхъ заботъ о его хозяйствѣ, всякій хочетъ ему дать взятку.

На что слѣдуетъ обратить вниманіе Губернатору: чтобы свести всѣхъ въ то, что Губернское Правленіе не беретъ и неподкупно. Къ этому достигнуть — строгимъ смотрѣніемъ и наблюденіемъ за всѣмъ ходомъ дѣлъ, — чтобы Губернское Правленіе не брало взятковъ съ капитанъ-исправниковъ за мирвольства съ его стороны, за ненужные выговоры и проч.

При ревизіяхъ губерніи обращать вниманіе на Земскій судъ и на Уѣздный судъ, гдѣ дол(жно) вдругъ спросить дѣла нерѣшенныя, которыхъ до 50 и больше — проглядѣть ихъ.

Маски, надѣваемыя губернаторами.

Маска благороднаго и воспитаннаго губернатора: говоритъ о благородствѣ, братается съ благородными; говоритъ о своихъ связяхъ съ благородными, даже употребляетъ слово *мы:* „Мы съ такимъ-то, съ Блудовымъ, съ Дашковымъ“. Любитъ литературу; любитъ облагородить все; радъ пріѣзжему литератору.

Ихъ *мысли:* взятки вывести можно только воспитаньемъ, просвѣщеньемъ; чиновниковъ нужно необходимо вводить въ общество. Стараются заводить библіотеки; хлопочутъ о губернскихъ вѣдомостяхъ. Весьма рады, когда кто, пріѣдущій изъ столицы, найдетъ, что у нихъ точно такъ же, какъ въ Петербургѣ; ввернетъ французское слово.

Военный генералъ — прямой человѣкъ.

Жалуется на то, что всѣ воры и мошенники, что честнаго человѣка нигдѣ нельзя найти, что секретарь его мерза-

вецъ, но онъ держитъ только такъ, ради того, что другаго найти нельзя, и потому совѣтуетъ къ нему обращаться. Хорошъ съ дворянами; играетъ больше въ вистъ; обѣды задаетъ, и бываетъ либералъ; въ дрязги и мелочи не входитъ, но называетъ даже это чернильными дѣлами, — и не можетъ заниматься [ими], какъ неблагородными. Но самъ беретъ взятки черезъ секретаря.

Губернаторъ-дѣлецъ. Терпѣть не можетъ дворянъ (который прежде былъ самъ секретаремъ), дѣлаетъ все самъ и беретъ самъ, потому что знаетъ, какъ брать. Любитъ разсказывать свою прежнюю жизнь; видитъ Промыслъ и волю Провидѣнія во всякомъ случаѣ своей жизни и разсказываетъ подвиги правды своей, но скрываетъ всѣ подлости и взятки и даже говоритъ: „Что жъ дѣлать, когда у меня такая прямая душа, что я не могу?“ и тому подобное.

Имѣютъ двѣ-три собственныя мы(сли), которыя любятъ повторять, и особенно хлопочутъ, (чтобъ) не было Губернскаго Правленія, но только канцелярія, и любятъ разсказать (sic), какъ они сдѣлали когда-то страшныя выгоды казнѣ при по(стройкахъ). Увѣрены вообще въ томъ, что все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы доставить казнѣ денежныя выгоды, увеличить какой-нибудь доходъ, сберечь деньги. Бываютъ безжалостны. Всѣ имѣютъ о себѣ высокое мнѣніе: о своемъ умѣ, о своей дѣльности и дѣятельности и потому...[1]

Губернскій предводитель мало имѣетъ законной власти, но много можетъ имѣть хорошаго вліянія, если хорошъ съ губернаторомъ. Настоящая полезность велитъ знать всѣхъ дворянъ; для этого долженъ быть хлѣбосолъ. Пріобрѣтя познаніе, онъ можетъ имѣть [вліяніе] на хорошихъ и *честныхъ*, заставляя ихъ служить, приводя ихъ въ уваженіе какъ у дворянства, такъ и у губернатора; — на плохихъ и слабыхъ, уговаривая ихъ, прося другихъ *дворянъ*; — на чиновниковъ по выборамъ, капитанъ-исправника, усовѣщивая его и напоминая, что его выбрали не съ тѣмъ, чтобы дѣлать пакости. Всюду можетъ онъ грозить именемъ губернатора. Надобно знать, что въ губерніи двѣ партіи: половина дворянъ, скверная, хочетъ выбрать капитанъ-исправниковъ — плутовъ и которые бы по-

творствовали имъ; другая половина — хотя и честныхъ, но махнувшихъ рукой въ увѣренности, что честнаго ничего нельзя завести и что плуты заведутся. И потому губернскому предводителю, даже и по соглашеніи съ губернаторомъ, бываетъ трудно дѣйствовать.

Кромѣ того, губернскій предводитель, — и это даже его обязанность, — долженъ обращать вниманіе на обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами, увѣщевать жестокихъ и, въ случаѣ, когда все будетъ недостаточно, доносить губернатору, который, съ своей стороны, дѣлаетъ то же и, когда все будетъ недостаточно, прибѣгаетъ къ мѣрамъ — къ установленію опеки. Губернскій предводитель непремѣнно долженъ войти въ тѣсныя сношенія съ губернаторомъ, если губернаторъ истинно честный человѣкъ. Губернаторъ долженъ также помнить, что его выгода быть въ согласіи съ предводите(лемъ), и онъ долженъ показывать къ нему уваженіе, давать въ иныхъ случаяхъ ему мѣсто впереди: это все нравится дворянамъ, которые въ лицѣ предводителя видятъ уваженіе къ себѣ.

Чѣмъ губернаторъ стѣсненъ при Генералъ-(губернаторѣ).

Тѣмъ, что это необходимая инстанція между имъ и министромъ: ничто не доходитъ до министра съ мысли губернатора, но съ генералъ-губернаторской.

Тѣмъ, (что)[1] можетъ вмѣшаться во все, спрашивать, узнавать и путать, распоряжая чиновниками.

Дворомъ, образующимъ вокругъ генералъ-[губернатора] око, которое должно быть всюду: его любовницами, женами, женскимъ поломъ и канцеляріей генералъ-губернатора.

По поводу генералъ-губернатора нельзя наказать никого, ни наградить.

„(Нужно было вамъ впутываться!“ сказалъ генералъ-губернаторъ Муразову)[2].

Генералъ-губернаторъ можетъ много имѣть вліянія нравственнаго, какъ лицо, совершенно первенствую(щее) и стоящее выше личностей, — именно тѣмъ самымъ, чѣмъ они покуда дѣлаютъ вредъ.

По дорогѣ къ Симоновскому:

Новоспасскій монастырь.
Покровскій монастырь.
Андроніевъ монастырь.
Въ Басманной — Никита мученикъ.

Крестовоздвиженскій, на Воздвиженкѣ.
Новинскій монастырь.
Троицы, въ Газетномъ переулкѣ.
Іоанна Предтечи, въ Конюшенной.
Въ Басманной — Никита (sic) мученика.
Въ Хамовникахъ, у Николы за Остоженкой, у Хамовнической заставы.

Сиротское мѣщанское заведеніе.

Взметневъ служилъ въ Министер(ствѣ) Финансовъ; славно знаетъ дѣла Министерства Финансовъ; не служитъ, живетъ и хозяйничаетъ въ Крыму и гдѣ садитъ с.....[1] Былъ нѣсколько времени славнымъ губернскимъ предводите(лемъ), знаетъ нужды и потребности. Несчастенъ сыномъ, котораго любитъ и для котораго готовитъ все имѣніе...
съ правдой попался...[2]

Въ Ахтыркѣ изобиліе пѣвчихъ, обитатели отдаютъ дѣтей...[3]

О посидѣлкахъ и супрядкахъ въ обществахъ высшихъ.

2. Изъ записной книжки 1842 года.

.....[1] а на дѣлѣ выходитъ такъ. Соединяя въ лицѣ званье Верховнаго хранителя и блюстителя церкви, изъ которой исходитъ свѣтъ просвѣщенія и которая неумолкаемо молится о свѣтѣ просвѣщенія, — Государь у насъ[2]..... стремится къ свѣту, и если только онъ вполнѣ христіанинъ, если первый выполнитъ долгъ свой въ томъ духѣ, какой повелѣваетъ ему церковь, и какъ строгій христіанинъ, будетъ (строже)[3] всѣхъ къ самому себѣ. Ничего не можетъ произвести онъ худаго, ибо самъ Духъ Божій двигнетъ его повелѣнія...

О Крыловѣ: Вотъ чисто, безъ всякой примѣси, русскій.

О Щепкинѣ:

Вмѣшали въ грязь, заставляютъ играть мелкія, ничтожныя роли, надъ которыми нечего дѣла(ть).[4] Заставляютъ то дѣлать мáстера, что̀ дѣлаютъ ученики. Это все равно, что архитектора, который возноситъ геніально соображенное зданіе, заставлять быть каменщикомъ и дѣлать кирпичи.

---

50 разъ должно ѣздить на одну и ту же піесу. Музыку чѣмъ слышишь болѣе, тѣмъ глубже входишь въ нее. Картина, чѣмъ больше въ нее вглядываешься, тѣмъ хочешь болѣе глядѣть, и съ этимъ никто не споритъ, хотя рѣдко понимаетъ. А слово, (которое)[5] выше всего, считается ничтожнымъ.

Многія піесы не зазываютъ во второй разъ, потому что дурно соображены, не вникнуты.....[6] во всѣхъ частяхъ, не оглянуты со всѣхъ сторонъ, потому что для этого не двѣ, не три кое-какъ состряпанныхъ репетиціи, но репетицій 10, 20 полныхъ, главныхъ репетицій; вонъ и суфлера съ коробкой. Пусть онъ (!) проживетъ въ своей роли.

Не эгоистъ въ душѣ, но эгоистъ (въ)[1] жизни, ведущій роскошную жизнь потому только, что не для кого оставлять состоянія: „дѣтей всего только одинъ; зачѣмъ же?[2]“....

Характеръ.

Не въ силахъ побѣдить себя въ отношеніи къ ничтожнымъ приличіямъ. Изъ гордости благородной, изъ нежеланья показать своего бѣднаго затруднительнаго положенія сходить въ затруднительнѣйшее; не могущій вынести униженія отъ низшихъ товарищей бѣднѣй разор(яеть)...[3] нищи(хъ) отъ того, что не имѣетъ духу назвать себя нищимъ и въ несчастнѣйшемъ положеніи все еще отплатить за одолженіе одолженіемъ равной цѣны; богатому отплатить такимъ же порядкомъ. Умный человѣкъ и не въ силахъ побѣдить иногда изъ самыхъ пустыхъ приличій.

Жадъ (нефритъ)[4] твердѣйшій камень, открытый близъ Иркутска, изъ котораго дикіе дѣлали себѣ топоры.

№ 2.

Замѣчанья о деревьяхъ. Чтобы хорошо росли, нужно сажать ихъ въ кустахъ и промежъ кустами, чтобы стволъ былъ въ тѣни и защищенъ отъ вѣтра и засухи, и росъ бы (sic) прямо, не уклоняясь на стороны, но идя къ верху. Гдѣ же нѣтъ кустовъ, то ихъ насаживать, употребляя для этого акацію желтую, дикій вишнякъ, сирень, боярышникъ и вообще все скоро разрастающееся. Покуда дерево молодо, необходимо, чтобы оно было защищено куртиною снизу; когда же сдѣлается старо, и тогда куртины нужны: стволъ дерева не покрывается мохомъ и ржавчиной.

Работы для...[5]

Насажать мужикамъ вишенья, перекопавъ ихъ изъ тѣхъ мѣстъ сада, гдѣ густо разрослись; на мѣсто же выкопанныхъ садить кленъ и другое лѣсное дерево.

Заводить кусты между всѣми насаженными деревьями. По рвамъ вездѣ садить вишенья.

Лѣтомъ копать ямки на той сторонѣ.

Осенью работы:

Въ сентябрѣ:

Собрать сколько можно больше желудей и садить по рвамъ,

у кузницы, за церковью, на той сторонѣ, и во в[сякой][1] ямкѣ по четыре желудя, глубиною въ $^1/_4$.

Въ октябрѣ навезти изъ яресковскихъ[2] лѣсовъ прямыхъ ровныхъ деревъ для садки въ ямкахъ: клена, ясеня, осокора, осины и липы. Ямки не засыпать до края.

Какъ устроить, чтобы женщины родящія не выходили на работы?

Тягловые:
Антонъ
Святыня Власъ
Михайло столяръ,
Гутянивъ сынъ Иванъ,
Шлапакъ Демьянъ, Нестиръ, Андрій } Семеновичи,
Иванъ, Петръ } Шлапаки, Антоновичи,
Пацюра[3], Михайло Ивановичъ.
Кожевникъ — волы не работаютъ.
Тарасъ, Сторчунивъ сынъ.
Максимъ Высоцкій — волы не работаютъ.
Петро Святыненко — волы не работаютъ.
Петро Коваленко — скупой; съ коровами.
Гришка Обрекановъ,
Бруль Антонъ.
Василій Горченко[4] — жена хозяйка.

Хорошіе пѣшіе:
Трофимъ Исаченко,
Бруль Антонъ,
Яковъ Шабельникъ,
Гришка Обрекановъ,
Устья.
Плотники работавшіе:
Антонъ Высоцкій,
Безпалько Петро,
Дзюба Наумъ,
Компаніецъ.

Ландышевая вода отъ лихорадки:

На стаканъ цвѣту два стакана коньяка; настоять; принимать по чайной ложкѣ.

Ольховый листъ отъ блохъ.

О театрѣ.

Искусство упало. Высокія доблести, величіе духа, все, что способно поднять, возвысить человѣка, являются рѣдко. Все или карикатура, придумываемая, чтобы быть смѣшной, или выдуманная чудовищная страсть, близкая къ опьянѣнію, которой всѣ стараются изъ всѣхъ (силъ) дать право граждан(ства), составляютъ...[1]

Препоручаю распоряженіе продажи „Мертвыхъ душъ“ Степану Петровичу Шевыреву — 2400 экземпляровъ за вычетомъ двадцати процентовъ для книгопродавцевъ, берущихъ по 100 экземпляровъ. Понынѣ изъ типографіи взято 570 экземпляровъ: 240 въ конторѣ; 30 взято мною; остальные триста находятся у Степана Петровича. Первыя вырученныя деньги обращаются въ уплату слѣдующимъ:

Свербееву — 150.
Шевыреву — 1900.
Павлову —
Хомякову —
Погодину —

Выплачивать прежде тому, кому будутъ нужны. Выплативши означенныя деньги .....[2] слѣдующ(имъ):

Погодину — 6000,
Аксакову — 2000;

остальныя деньги, если наберутся, будутъ ждать у...

Экземпляры по мѣрѣ изготовленія препровождаются къ Степану Петровичу.

Литографщикъ Сиверсъ (на Кузнецкомъ мосту, возлѣ.....[3]) обязанъ изготовлять ихъ сорочки экземпл. по 300 въ день,

послѣ чего получитъ деньги — всѣ деньги, 102 рубли; 30 ему заплочено.[1]

№ 3.

Лошадиные пороки:

Острокостая — кости высунулись на хребтѣ.

Сѣдлистая — съ выемомъ на хребтѣ.

Шилохвостая[2] — съ малымъ хвостомъ, жидкимъ.

Губерн(скій) Владиміръ.

Владиміръ промышляетъ вишневы(ми) садами; вишни идутъ въ Москву.

Озеро Поганое — въ 18 верс(тахъ) отъ Владиміра, по преданію, явившееся на мѣсто огромнаго селенья, провалившагося сквозь землю. Въ озерѣ нѣтъ дна, и временами слышится изъ него колокольный звонъ.

Озеро Плавучее въ 8 верстахъ отъ Владиміра; обширно и глубоко. Произошло имя отъ казни надъ Кучковичами, которыхъ Георгій пустилъ на воду въ коробахъ и которые плаваютъ донынѣ, ибо земля за злобу ихъ не приняла. Дѣйствительно, кочки, обросшія вѣтвистымъ мхомъ, плаваютъ въ видѣ коробовъ по озеру въ великомъ множествѣ.

Хлѣбопашество.

Соха — рѣзецъ ея, съ небольшимъ на вершокъ, прорѣзываетъ землю; выгодна въ мѣстахъ песчаныхъ. Пашутъ ею только старую пашню.

Косулями[3] пашутъ (дерутъ) новую пашню или дербу[4]. Она глубже идетъ въ землю и деретъ вершка на полтора глубиною.

Чтобы дать пашнѣ отдыхъ, раздѣляютъ ее на четверо: новина, яровая, озимая, паръ.

Новина — около Петрова дни вырубаютъ палестину лѣса.

На всякаго крестьянина 2 лошади, 2 телѣги, 2 саней, соху 1, борону 1, 2 полога холостяныхъ для перевозки зерна, одну косу, 2 серпа, иногда 3. Ба(ба) тчетъ холсты и сукна... Мужикъ — 3 рубашки, 3 пантал., кафтанъ и штаны (тулупъ на 3 года на мужика). На бабу: бабѣ кафтанъ суконный, 3 рубахи, два сарафана крашеннаго полотна. Суконныя онучи. Въ лаптяхъ и лѣто и зиму. Онучи лѣтомъ — холстяныя.

Мебель, горшки и чугуны. Чашки деревянныя подъ [лакъ][1]; ѣдятъ изъ одной. Шкафъ при печкѣ, въ отгородкѣ кадушки для кваса, ведра, лахань, умывальникъ, корыто для скотины. Кадушки для капусты въ погребу. Въ огородахъ — капуста, рѣдька, огурцы.

Огуречники заводятъ огурцы покупными сѣменами.

Заступъ 1, лопатъ 2 или 3, топоръ 1, ножъ-косырь для щепанья лучины.

Сукно валятъ въ избахъ, толкутъ въ ступѣ пестомъ, потомъ развѣшиваютъ и сушатъ. Ступа внизу узкая, въ четверть съ половиною въ діаметрѣ; къ верху шире.

Для спанья на каждаго войлокъ.

Одинъ староста и одинъ десятникъ или нарядчикъ.

Одѣянія. Шубы:

Обьярь[2] золотая по червчатой землѣ (волнистая матерія).

Кафтанъ становой[3]: камка кизылбашская[4] по сереб(ряной) землѣ.

Шапка горлатная[5] — съ колпакомъ.

Зипунъ[6] съ вишневой обнизью, зипунъ съ обнизью по червчатому бархату, въ одно зерно, съ канителью.

Башмаки: сафьянъ толстъ, новые; подрядъ бѣлъ; пятки обшиты золотомъ.

Однорядка[7] вишнева(я), пуговицы золочены черезъ грань; финифть[8] чернъ.

Шуба новая, камка лазоревая, травки[9] съ копыта, кружево — кованое золото съ серебромъ.

Башмаки строченные по бѣлому сафьяну.

Ферязи[10] до ноги, полосатые. Шелкъ червчатъ да бѣлъ.

Шуба: атласъ золотной по червчатой землѣ.

Кафтанъ становой (куфтерна)[1] бѣлъ. *Зипунъ* новый — камка толстая, травная[2].

Платно[3] по серебряной шитой землѣ; травы оксамичены золотомъ; около травъ бархачено шелкомъ червчатымъ; кружево низано жемчугомъ по черному бархату съ каменьемъ. *Кафтанъ* становой — по серебряной землѣ; листья зелены; *башмаки* низаные.

Башмаки, бархатъ рытый, шелкъ червчатъ по желтой землѣ. *Шуба* камка дымчатая, клинчата(я).

Опашень[4] — обьярь лазоревый, кружево золотное, кованое; камка кизылбашская, по золотной землѣ. Люди стоящіе и сидящіе (кафтанъ становой).

Однорядка вишнева(я), чистая подпушка[5], камка мелко-травчатая; лазоревыя пуговицы навиты...[6]; рѣзныя; черезъ грань наведено чернью[7].

Однорядка — песочный цвѣтъ съ золотою строкой.

Зипунъ съ ходильной[8] обнизью.

Шуба обьярь серебряный по бѣлой землѣ; по ней травки золотистыя съ чернымъ шелкомъ.

Шуба атласъ серебрянъ; по немъ рѣки золотыя; по рѣкамъ золотое листье съ хламидо(й), съ зеленымъ шелкомъ. Исподъ — пупки собольи съ ожерельемъ; нашивки жемчужныя; пуговицы золотыя съ финифтью, съ алмазными искрами и съ яхонтами, съ червчатыми.

Шуба — обьярь зеленъ съ золотой струею.

Башмаки шитые волоченымъ[9] золотомъ и серебромъ по червчатому сафьяну.

Воры.

Травами, листьями, городами, дорогами, разводами, челночками съ разводами, людьми иногда....[10] косами, струями.

Исподъ на бѣлыхъ хребтахъ, на собольихъ пупкахъ, на лисьихъ черев.[11]

Тесьма.

Цвѣта: красно-вишневый, песокъ, сливной.

Пуговицы серебряныя на миндальны....[12]; по сторонамъ прорѣзъ. Серебряныя съ чернью на грушевое [дерево][13]. Серебря-

ныя золоченыя, съ чернью, круглыя, на витое[1] дѣло. Серебряны половинчаты. Канитель золота; въ закрѣпкахъ жемчужинка.

Золото.....[2] грушеваты съ яхонтиками, (травчаты)[3]; въ закрѣпкахъ[4], въ гнѣздахъ по алмазику.

Канитель грановита

Уголчата.

Благоуханьемъ житія своего благоухаешь намъ.

Ангеловъ единосельникъ.

Блистаньемъ духовнымъ просвѣщая концы.

Добропѣсенный гласъ твоихъ словесъ.

Къ тебѣ взыва(ю), край моихъ желаній!

И оплевалъ свои грѣхопаденья.

Мечемъ слова своего порази.

И святой дерзостью стремленья къ Богу изумле.

Терпѣньемъ дѣлъ и мудростью словесъ.

И вытерпѣлъ силу честнаго страданія.

Къ неболѣзненному и божественному успокоенью.

Духомъ разума и совѣта.

Духомъ Божественнаго вѣдѣнья.

Неприступнымъ свѣтомъ осіяваешь.

...и душетлѣнныхъ гладъ.

Скверно-убійственнымъ сердцемъ замыслилъ убійство.

Обнищавшаго отъ преступленій духа.

Одержимъ палимой жаждой духовнаго житія.

Сладкодыханный.

Свѣтлый словомъ и умомъ.

Одіянъ въ непобѣдимую силу.

И украшаетъ его свѣтлостью.

Видѣньями Божественными просвѣтилъ свою душу.

Украшенъ благодатью.

.....[4]Рѣка была его милостей богатство... и крѣпкимъ противостояньемъ устрашать.

Зима безмѣрныхъ прегрѣшеній.

Тихой свирѣлью слова.

Изъявилъ о сей Высокословіемъ.

Добросло весіе писаній твоихъ.

Исполнилъ еси твоя уста, ученице, духовнаго разума.

Свѣтозарныя словеса, умилощающія сердца мудрыхъ.

Пращею духа поразилъ.
Звѣзды многосвѣтлыя, мысленныя тверди.
Зданія крѣпостью одолѣлъ его.
Блистаньемъ безстрастья.

Народъ.
Увеселительные дома съ кабаками.

О судѣ.
Объ увѣщаньѣ челобитчику, чтобы онъ!..[1]

Обязанности священниковъ въ городахъ:
Навѣщать колодниковъ и поучать ихъ.
Обученіе музыкѣ на арфѣ, гусляхъ и флейтѣ (sic!)
Прежде наказанія крестьянина помѣщикъ долженъ отправить его къ священнику для увѣщанія; послѣдній становится за него предстателемъ.

Голохвастовскіе жеребцы:

Сѣрый отъ воронаго жеребца, завода Г. Савельева. Мать сѣрая, Мастерица; отъ Богатыря.

Красавецъ сѣрый, отъ сѣраго Барса, купл. у г. Шишкина; мать гнѣдая, Находка, отъ Весельчака.

Кремень гнѣдой отъ вор. Похвальнаго — у Шишкина; мать гнѣдая, Пригожая, отъ гнѣд. рысис. Бычка; бабка гнѣдая, Наслѣдница, завод. Гр. Орлова — отъ Любезнаго 3-го.

Соболь темногнѣдой отъ воронаго Похвальнаго; мать гнѣдая, Разбойница, отъ Потѣшнаго.

Зайчикъ, сѣрый, отъ сѣраго Милаго, сына Похвальнаго; мать вороная, приданная отъ Мужика.

Гранитъ сѣрый отъ воронаго Могучаго, сына Роговскаго Полкана; мать сѣрая, Свѣтлана, отъ воронаго Похвальн(аго); бабка сѣрая, Летунья, отъ Летучаго — Гр. Орлова.

Мастеръ вороной отъ вор. Могучаго, сына Рог. Полк.; мать вор., Досужая, отъ вор. Похвальнаго; бабка гнѣдая, Догоняиха, отъ Гр. Орл. Чесм. — отъ Догоняя.

Видимый рокъ — вилами въ бокъ.
Будетъ прокъ, коли докторъ Брокъ.
Виноватъ канифасъ[1] передъ бархатомъ.
Изъ воды сухъ выйдетъ.
„Бирюкъ тебя нанюхайся!“ (то-есть, чтобы тебя медвѣдь нюхалъ вдоволь, при(ки)нувшагося мертвымъ).

Въ Перми пьютъ сибирскую облѣпиху[2] именинниковъ.
Тотъ, за котораго пьютъ тостъ, отвѣчаетъ:
„Врешь! мое здоровье двадцать пятое. Пей за другихъ!“
Въ Перми откалываютъ мазурку.
Глохтить[3] — пить.
Бардадымъ[4] — трефовый король.

Взглянуть на человѣка: имѣетъ ли сходство.

Что мужъ-то мой горькій пьяница:
Онъ вина не пьетъ, съ воды пьянъ живетъ,
Съ воды пьянъ живетъ, съ квасу бѣсится —
Надо мной, младой, все ломается.

Обычай: по окончаніи ярмарки судья, городничій, исправникъ и всѣ чины дѣлаютъ обходъ съ слугами позади — принимать приношенія отъ купцовъ и проч.

Чембуръ[5] — поводъ:
„Чембуры были шелковые“.
„Разорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ“.
См. Кирша Даниловъ.
Вабить[6] — приманить чѣмъ сокола на руку.
„Ударилъ пятою въ Новгородъ, повабленъ ростовцами“.
Несторъ.
Назёмъ[7] — навозъ.
Треска[8] — палка, дротикъ:
„То ти прободемъ чрево твое толстое трескою“.
Сазикъ[9] — крѣпкотѣлый, какъ наливное яблоко; котораго трудно ущипнуть; у котораго блоху можно убить.
Бу(тузъ)[10] — расплывшійся.

Тудакъ[11] — драхва.

Болотныя:

Гуси *казарки*[1] — темнѣе и меньше, меньше носъ, около носа красные...

Крякновная или *крякса*[2] — родъ обык(новенной утки)[3].

Полукряква[4] или сѣрая.

Шилохвость[5]—хвостъ острый, оканчивается двумя перами (sic).

Селезень — носъ синій; перья съ отводомъ.

Широконоска — носъ въ родѣ весла, или плутоносъ.

Свіязь[6] или шипуны[7] — самка бѣлобрюшка. Селезень — красавецъ, съ красной грудью.

Чирокъ — полевой самый малый рост. Селезень пен...[8]

Чиро́къ — коростелёкъ, еще меньше.

Весной кричатъ утки.

Утки нырки:

Крохаль[9]. Больше пухъ розовый, носъ узенькій, загнутъ; бѣлый съ чернымъ. При полетѣ свистятъ крыльями.

Нырокъ — простой.

„ черноголовый, съ хохломъ.

„ красноголовый.

Гоголь[10] большой — въ большую утку, бѣлаго цвѣта съ красными перьями. Около головы вродѣ манжетъ; ноги въ заду — къ самому хвосту. Трудно застрѣлить, потому что, едва завидѣвши, опускаются всѣмъ тѣломъ внизъ, и только одна шея наверхъ (sic) воды. Бѣгать на сушѣ не можетъ. Плыветъ гордо и быстро, поднявши длинный носъ. Дѣтей иногда кладетъ себѣ на спину и съ ними плыветъ. Ныряетъ далеко, и подъ водою долго.

Гоголь малый — тѣхъ же свойствъ.

Утки:

Лысуха[11] — вся черная; на лбу наростъ въ видѣ миндаля.

Гагары — родъ крохаля; меньше.

Болотныя:

Вальдшнепъ[12] — слука[13], лѣсной куликъ.

Дупельшнепъ — лежанка[14].

Бекасъ, стучекъ[15], дикій барашекъ; быстрѣе всѣхъ летаетъ; бле(етъ) въ родѣ барашка.

Токовать[16] — токуютъ весною. Крикъ во время пониманія — токованье.

Тетеревъ — бормочетъ.

Гаршнепъ[1] — волосяной куликъ, меньше бекаса.

Нетшель[2] — болотный куликъ; веретенникъ (отъ крика): кричитъ: „веретенъ, веретенъ“; куликъ-улитка — ноги черныя, носъ длинный; на концѣ родъ уховертки, большой.

Куликъ-травникъ[3] — ноги красныя; кричитъ: „тень, тень“ — крикъ испуга, когда бѣжитъ отъ собаки.

Куликъ-поручейникъ[4]. Зеленыя длинныя ноги. Меньше....[5] рѣчны(хъ).

Куликъ-сорока — рябой, красныя ноги и носъ.

Рѣчной куликъ.

Черный куликъ.

Зуекъ[6]-перевощикъ.

Куличекъ фи-фи[7].

Куруxтаны большіе, малые, разныхъ сортовъ.

Куличекъ-воробей.

Куличекъ-поплавокъ, плыветъ; на лапахъ перепонки.

Куличекъ-чернозобикъ.

Морской куличекъ — носъ загнутъ къ верху.

Песочникъ-желтоглазка бываетъ большой и маленькій; водится около рѣкъ, на пескахъ.

Болотная курица — большая и малая; носъ маленькій, зеленый; на лбу лысина; весной розовая, потомъ зарастаетъ перьями.

Погонышъ[8] — болотная малая курица, болотный коростель; свиститъ, какъ будто погоняетъ: „фить-фить“.

Степныя:

Кроншнепъ — степной куликъ. Три породы по величинѣ.

Стрепетъ — кричитъ подобно своему имени.

Глухой или лѣсной тетеревъ.

Полевой тетеревъ — вдвое меньше.

Куропатка сѣрая и бѣлая.

Рябчикъ.

Журавль.

Три породы голубей. Витютинъ или вяхирь (припутень)[9]. Клинтухъ[10]. Горлица.

Ежанка[11] — бѣлая перепелка.

Приморскія птицы:

Шилохвостъ, чернеть, коксунъ и овищъ[12]. Залетаютъ на озеро и водятся даже близъ Симбирска.

Кулики поплекіе окружистымъ летаніемъ и плачу подобнымъ голосомъ спутешествуютъ ѣздокамъ.

Долгоносые степушки[1] имъ сотовариществуютъ.

Двухсохлые лѣсные воробьи перепархиваютъ съ согласнымъ пріятнымъ...[2]

Гурія, Самона и Авивы — 15 ноября всѣ женщины замужнія служатъ молебенъ.

Уголъ[3] — двадцатипятирублевая ассигнація; безъ угла — семьдесятъ пять рублей; уголокъ — 25 копѣекъ.

„*На руку охулки не положитъ*“ — не промахнется, сдѣлаетъ.

Упетать, уячить[4].

Цѣлизна, челизна[5] — непаханное мѣсто.

Хабáлка[6] — безстыдная женщина, нахальная.

Шúбель[7] — выбоины, бугорки.

Глядѣльце[8] — зеркальце.

Подъемцы[9] — вилки.

Замолаживается[10] — приготовляются на небѣ тучки для дождика; начинается броженіе.

Дúкуша[11] — гречиха.

Подгостки[12] — гости послѣ праздника въ недѣлю.

Ученъ — способенъ: „онъ къ этому дѣлу ученъ“.

Дюжить[13] — „може онъ это сдюжить“: снесетъ.

Раззѣвался[14] — раскричался.

Золить[15] — класть золу въ бѣлье; дѣлать зло, досаждать.

Лѣнивка[16] — лежанка на печи.

Наденатураленъ[17] — ученъ.

„Онъ больно мудетёръ“[18] — мудренъ.

Совкóй[19] — во все мѣшающійся.

Громать[20] — телѣга.

Добой[21] — сапожные гвозди.

Зыкнуть[22] — закричать громко (зыкъ).

Куманика[23] — ежевика.

Ледачій[24] — негодный, нечеловѣченъ, некорыстенъ.

Московка[25] — мѣрка хлѣбная.

Податно[26] — ловко: „ему податно было это дѣлать“.

Податная дорога[1].
Валандать[2] — медлить, волочить.
Молодка — молодая курица.
Мизогать[3] — мѣшкать.
Баба, которая родитъ сына, называется молодкой, а та, которая родитъ дочь, — просто бабой.

Разговоръ рыбаковъ, тянувшихъ неводъ.

Одинъ. Слышь, давеча щуку въ три пуда вытащили.
Другой съ другаго конца. Сгоните его съ того мѣста: оно хвастливо.
Первый. Да что, вѣдь развѣ въ 3 пуда щукъ не бываетъ? Вѣдь сюда большихъ пускали!
Второй. Какое пускали! Попы чорта[4] пускали.

Объ умершей женѣ:
„Добрый былъ конь: ни въ тынъ, ни въ ворота“ — никуда не годится.

Въ лапоть звонить.
Эка каналія вѣдь сколько в.....[5], а не подаетъ на волокъ.
Или тебя куры опѣли? — *(Олуплъ)*.
Мальчишка сказалъ кондуктору Д*:
„Молчи ты, подколесная пыль!“
„А вѣдь онъ у меня догадка“.
Настойка, называемая *ударомъ*[6].
Съ глазъ-то воровата, а съ разума проста.
На чорта лапоть плететъ.
„Ты пьянъ!“ — А развѣ ты напоилъ?
„Чортъ по ночамъ горохъ молотилъ на рожѣ[7]“.
„Его вороны исклевали“.
„Рожна ему хочется“.
„Не поужинавши, ночью жиды снятся“.
Мараль — запачканность.
Мошинальный человѣкъ[8] — мошенникъ.

Трусъ-луковникъ — дрянной трусъ:

„Охъ ты, трусъ-луковникъ!“[1].

„Я те шерстяной нагубникъ[2] оборву“ — усы оборву.

Онъ съ нимъ какъ слѣдуетъ, по порядку: сперва волосяную тяжбу.

Во время склизкой (sic) дороги: „Плохая ходьба: какъ разъ лобъ найдешь“.

Дорогомиловская застава.

Фили, церковь, кладбище — 3 версты; Кунцево — 7 верстъ.

Семеновская застава.

Измайлово. Соборъ.

Виноградный садъ.

Черкизово — патріаршее село.

Патріаршій домъ.

Спасская, Таганская застава.

Симоновъ монастырь.

Коломенское — 6 верстъ.

Царицыно (недостроенный дворецъ).

Паженова (?)

Перерва.

Ост(анкино)[3].

Тверская застава

20 верстъ.

Тарарахнуть — хватить кого въ кулачномъ бою.

Компить[4] — бить.

„Гунуть[5] въ самое гуменце“ — ударить въ самое темя.

Наклевываться — хотѣть купить и не купить: „онъ у меня уже наклевывался“.

Вѣтры:

Западный — съ полуночи;

Сиверкій — сѣверный;

Вѣтеръ съ восхода — восточный;

Полденный — южный.

Сѣверо-западный называютъ *гнилой уголъ*. Если оттуда нанесетъ, говорятъ: „Плохое время — идетъ съ гнилаго угла“.

Маритъ[1] называется — когда вдругъ пригрѣетъ солнце.

Мѣстности, земли и почва.

Капи и накипи[2] внутри пещеръ.

Руда темно-краснаго цвѣта съ бѣловатой про...[3]

Травы:

Мохъ-зелениха трехъ сортовъ: баранецъ[4], зелениха и болотный.

Мазнуха[5] идутъ на краски.

Божье дерево по.....[6] мѣстамъ. Синеголовники — большой, и малый — дурничникъ[7].

Бѣлый сатирій украшалъ низменный лугъ. Каменоломный сесели[8] показывался на бугоркахъ. Тутъ же гордились всѣхъ сортовъ „кукушкины слезы“: широколистные, шаровидные, благовонные. Конопельникъ росъ по крутизнѣ буерака, подошедшаго къ лѣсу: употребляется отъ угрызеній бѣшенаго звѣря.

Масти въ картахъ:

Ширинки[9] — бубны.

Копыта[10] — черви.

Галки[11] — вины[12].

Удача — проворный во всемъ: „удача-парень“.

Угаръ[13] — лихой.

Молонь(я)[14] — молнія.

Нары — лавки въ избахъ подъ полат(ями)... изъ многихъ

Чужыкнуться[15] — упасть въ ноги.

Шушера[16] — ничтожный человѣкъ, дрянцо.

Те́лепень[17] — языкъ у колокола.

Тягунъ[18] — спорщикъ.

Тулумба́са[19] дать — сильно ударить; тукманку дать, т.-е. полегче.

Сорочить — нести болтовню, говорить много.

Судачить — пересуживать.

Столбуха[20] — ударъ въ голову.

Сбрить[1] — украсть, искусно взять.

Щепотко[2] — щеголевато до мелочнаго.

Чикрыжить[3] ножницами, кромсать ножикомъ — изрѣзывать безъ толку въ кусочки.

Сорвачи — съемцы[4].

Сбердить[5] — струсить.

Стрыкъ[6] — модникъ, (у мужика уборъ въ старину).

Шаматонъ[7] изъ франц.

Ражій[8] — видный мужикъ, здоровый.

Поршни[9] — обувь, кусокъ кожи, собирающій(ся) около ноги и заснуровывающійся.

Оброть[10] — простая узда.

Петля[11] — отчаянный удалецъ, висѣльникъ.

Прилапить[12] — заграбастать.

Покляпый — опущенный внизъ, наклонившійся:

„На покляпое дерево и козы скачутъ“[13].

Насѣкомыя.

Въ поляхъ....[14] множество стрекочущихъ кузнечиковъ, кобылки острокрылыя и двоеточныя прыгали тучами. *Коромысла*[15] увиваются надъ болотными ручейками, въ лѣсахъ (по Чермшану); тѣло красное; крылья прозрачныя, съ рыжими повязками и краснымъ продолговатымъ пятномъ на концѣ крылъ; — у самки желтыя. Похожи на тоненькую стрекозу.

Libellula corpore rubicundo, alis hyalinis, fascia transversa, lata ferruginea prope apices.

Полевые клопы — cimex equestris; полевые клопы очищаютъ избы отъ обыкновенныхъ клоповъ.

Пѣшеходный кузнечикъ — grillus pedestris.

Серпоносный кузнечикъ — grillus falcatus scolop(endra)...

Мухи всѣхъ сортовъ. Мухи съ рыломъ, покрытымъ бѣлой личиною на подобіе блестящаго серебра.

Радужныя бабочки. Распустившійся дубовый лѣсъ воспиталъ уже въ то (?) время великое множество бабочекъ, отъ радуги имя носящихъ.

На буеракѣ, на высоко выросшемъ к....[16] тучи ночныхъ шелковичныхъ бабочекъ.

Замѣчанія для порученій.

Въ Костромѣ *Ипатьевскій* монастырь, жилище Михаила Романова, основ. Годуновымъ; уцѣлѣли кельи, гдѣ скрывался онъ съ матерью, въ два жилья, выкрашенныя..... .....[1] съ изразцовыми печами и торцовыми полами. Двери соборныя. Стѣнная живопись конца 17 вѣка. Образа изъ 16 и 17 вѣка съ означеніемъ годовъ. *Архитектору* и живописцу заказать снять. Недалеко отъ Костромы деревянная церковь въ *Желѣзномъ Борку* (монастырь, гдѣ оставался Темный во время его послѣдняго сраженія съ Шемякою), старинной архитектуры, со множествомъ необыкновенно вычурн(ыхъ) украшеній. (Въ Желѣзномъ Борку постригся Отрепьевъ).

Рыбы.

Мелкой рыбы довол(ьно)... щукъ, лещей, налимовъ, жереховъ[2], синцовъ, густеръ, чехони[3], язей, плотвы и проч.

Бродя бреднемъ, рыбаки вытащили на берегъ вмѣстѣ съ кусками бадяги[4] животнор(астеніе).

Крики.

Владимірская клюква!
Владимірская крупна!

Эки бабашки![5]
Брали дѣвушки Наташки.

У поповъ глаза завидущи,
Руки загребущи.

Сердитъ да не силенъ — г... братъ.

Нашъ Ѳома пьетъ до дна: выпьетъ, поворотитъ, да въ донышко поколотитъ.

А нашъ Филатъ тому дѣлу и радъ.

Уланы имѣли обычай складываться въ числѣ 20: каждый поочередно покупалъ боченокъ вина, другіе приходили къ нему пить; это называлось: „*давить букашку*“.

Не съять на авось.

Мужикъ сѣялъ на авось рѣпу, а уродился...[1]

Отвѣтъ купца, катавшагося на лихомъ рысакѣ, на вопросъ: „зачѣмъ у него дурны хомуты?“ — „Мы не изъ благодарности, чтобы касательно хомутовъ“.

Не штука дѣло, штука — разумъ.

Надулся, какъ воробей на пшу[2].

„Повезли кисель продавать“ — тихо ѣхать, изъ опасенья не разболтать.

Лѣса.

Березнякъ, липнякъ, крушинникъ, калинникъ, ивнякъ, осинникъ — все въ одномъ лѣсу. Мѣстами просядали и боры, въ которыхъ росъ красный лѣсъ.

Тундры, топи, мхи.

Дубникъ, кленникъ и вязникъ по горамъ. Между ними въ изобиліи цвѣты.

Рыбникъ — пирогъ съ рыбою.

Калинникъ — съ калиною.

Заваруха[3] — соломата.

Затируха[4] — затерто(е) } тѣсто.

Солодуха[5] — заваренное сладкое }

Сычугъ[6] — свиной желудокъ, начиненный рублй свинонуеной; кладутся легкіе духи, перецъ, гвоздика. Кладутъ льди кусочекъ, который растянетъ страшно.

Битый коровай — кладется масло, мука, яйца.

Шанишки[7] — родъ вотрушки, немного меньше.

Зеленая каша изъ аржаной (sic) муки, зелена.

Пріемцы[8] — вилки, употребл(яемыя) за столомъ.

Плица[9] — лейка, употребл(яемая) на баркахъ для выливанья воды.

Прорва — обжора: „экая прорва!“

Прошвы[1] — родъ кружевов(ъ).

Пряглы[2] — пышки, оладьи.

Маслянцы[3] — мука въ разныхъ мелкихъ кускахъ опускается въ растопленное масло.

Кидри[4] — почти то же.

Разварка — кашица у...

Разваръ[5] — фруктовый компотъ.

Прибанникъ, передбанникъ, притонъ.

Отóпокъ[6] — изношенный лапоть, отопки, осметки.

Босовики́[7] — башмаки безъ задковъ.

Новина́[8] — холстъ, кросна.

Невдомекъ — невдогадъ.

Обмишулиться[9] — промахнуться, обмануться.

Колобъ — бѣлый, сдобный.

Бабашки[10] — оладьи.

Кольца[11] — пирожное съ яйцами изъ прѣснаго тѣста.

Копытца — тоболка[12].

Кулейка, тортоноша — родъ вотрушекъ разныхъ величинъ, всѣ съ творожною открытою начинкою.

Кулага[13] — вареное тѣсто.

Болтушка[14] — растворъ гречневой муки.

Щолканцы[15] — орѣхи.

Тѣльное — толченики[16].

Огуряться[17] — не повиноваться.

Оцапить[18] — оцарапать.

Жирникъ[19].

Котловина.....[20] яма горъ, глубокая долина, чрезъ которую проходитъ дорога.

Побочень[21] буерака — бокъ буерака.

Прошвы[22] — кружева, затканныя иноцвѣтнымъ шелкомъ.

Саянъ[23] — родъ сарафана.

Ферязи[24] — тоже.

Поднизь[25] — жемчужная сѣтка на лбу женщины, покрываемая сверху фатой.

Гали́цы — рукавицы.

Выряди́ться — нарядиться и выйти въ люди.

Корчага — большой горшокъ; обвиваю(тъ) его вокругъ проволокой.

Черпакъ — корчикъ[1].
Катухъ — хлѣвъ свиной.
Коникъ — передняя лавка въ избѣ; кутъ — задняя.
Малахай — треухъ[2].
Сусѣкъ[3] — закромъ.
Стержень или сердечникъ — сердцевина, шкворень.
Угодница[4] — середній горшокъ.
Черепенникъ[5] — грешникъ, горшокъ.
Харапай[6] — халатъ.
Цапля[7] — сковородникъ.
Соянка[8] — женскій нагрудникъ; родъ куртки.
Сорока[9] — головной нарядъ женскій сверхъ кички.
Противень — четвероугольная сковорода.
Поставъ, поставецъ — маленькій шкафчикъ.
Рогачъ — ухватъ.
Обрѣзъ[10] — низкая кадка.
Кубганъ, иначе кулганъ[11] — мѣдный сосудъ длинный, съ ручкой.
Кашникъ[12] — горшокъ.
Кокуй[13] — женскій головной уборъ.
Шумканъ[14] — родъ фуфайки.
Косникъ[15] — полукругъ изъ атласной матеріи, вплетенный въ косу.
Костычь[16] — .....лѣтній озимъ.
Чапчуры[17] — чамчуры.
Зипунъ — чапанъ[18].
Катанцы[19] — валенки, валеные сапоги.
Шушпанъ[20] — сарафанъ.
Малахай[21] — баранья или инаго мѣха шапка съ длинными ушами.
Харпай[22] — кафтанъ шерстяной на нитяной основѣ.
Пузырять — „полноте водой напузыриваться“.
Шарахнуться — тронуться съ испугу: „табунъ шарахнулся“.
Доточный — который дѣло доведетъ до конца, совершенно окончитъ.
Перепоясать[23] — ударить кнутомъ.
Плюхать — ѣхать по скверной дождливой дорогѣ. Плюхать въ эдаку др.[24]
Спать въ повалку, повалкой, покотомъ — на полу, на сѣнѣ.
Мордовскія дѣвки носятъ шушпанъ, или руця — родъ бала-

хона, но такъ какъ онъ очень узокъ и облѣпистъ, то для благопристойности надѣваютъ черный шерстяной наж..никъ. Много обвѣшиваются всѣмъ: на рукахъ поручи, на каждомъ пальцѣ перстни.

Набрели съ бородами и безъ бородъ, въ сюртукахъ, чуйкахъ и озямахъ.

Подлимонить — поддѣть.

Слимонить — украсть.

Охтимнѣчушки — т.-е. охъ, хохъ!

Подвалка, подволока[1] — чердакъ.

Глаза рѣкой, съ поволокой — 1) глаза миндальные, 2) глаза томные.

Лопаться — обжираться: „экъ, налопался!“

Лупить — аппетитно ѣсть.

Мальга́ — мелюзга.

Малы́шъ — меньшой братъ[2].

Мале́цъ — мальчикъ и вообще холостой.

Жигнуть — ударить чѣмъ тоненькимъ: жигнуть хлыстомъ.

Всполоши́ть, переполоши́ть, исполохать — испугать.

Сполохъ — тревога; „ударить сполохъ“ — ударить тревогу.

Лихоманка, трясучка, веснуха — лихорадка, гнетучка, тетка.

Шпыгать[3] — по чемъ-нибудь провести рукой.

Бѣжью бѣжать, ревма ревѣть, плачью плакать, кричмя кричать.

Лупоглазый — на выкатѣ глаза, вытаращенные.

Споручный[4] — по рукѣ.

Сподручный — что̀ поближе.

Мирволить — потворствовать.

Шумаркать[5] — шумѣть, подымать голосъ.

Хвостить[6] — лгать, лишнее говорить.

Міроѣдъ — староста или выборный въ селеніи.

Куроцапъ[7] — полицейскій.

Недоточенъ — „до этого дѣла недоточенъ“.

Тѣшить[8] — доить корову: „потѣшь корову“.

Тростить[9] — одно и то же говорить: „про одни дрожди не говорить трожди“.

Татарка — толстая короткая плеть.

Хайла̀ — крикунъ.

Хлобыснуть[1] — ударить внезапно: „хлобысть въ рожу“.

Раздряга[2] — разслабленный, кто худо ходитъ.

Ошара́шить, ошмарить — больно ударить.

Поддѣдюлить — украсть, унести.

Отымалка[3]— тряпка.

Ососокъ[4] — поросенокъ.

Образовать — быть помолвлену, благословенну образами.

Оплести кого-нибудь — обмануть.

Оборка́ться[5] — привыкнуть, обжиться.

Лынять, лытать — бѣгать отъ дѣла.

Кутникъ — полокъ въ банѣ.

Курнякать — пѣть безъ словъ и тихо.

Кочедыкъ — плоское, кривое, большое шило, которымъ плетутъ лапти.

Корёжить — корчить, ломать.

Кавардакъ — густое кушанье изъ щей, сухарей, луку; безпорядокъ: „у него такой вышелъ кавардакъ“.

Зѣнки — глаза.

Задержка[6] — занавѣсъ.

Жидоморъ — скряга, жидоморля.

Шишморничать[7] — мелкимъ образомъ плутовать. Шишморникъ.

Горлопанить — громогласничать. Горлопанъ.

Горлопастый — толстоголосый.

Взвариться[8] — разсердиться.

Валюга[9] — увалень.

Ва́рега — шерстяная рукавица.

По насердкамъ — въ сердцахъ, изъ досады: „батюшка, онъ меня по насердкамъ оклеветалъ“.

Орясина[10] — дубина.

Щепотка — [11]

Сквадыга — скупердяй.

Пороки ло..[12]

Монахъ — штофъ съ водкой[13] (sic).

Ториться[14] — толкаться[15], болтаться.

Торная дорога — битая дорога; откуда: просторъ, расторопный.

Утямиться[16] — увязаться неотступно: „экъ его утямился какъ!“ — привязался.

Уцыцкать[1] — затаскать, запачкать платье посредствомъ долгаго ношенья.

Курыль[2] — вислоухій, вялый, ходящій повѣсивши голову внизъ человѣкъ.

Корявый[3] — измятый, рожа темнаго цвѣта съ морщинами и наростами и всякою гадостью.

Лоботесъ[4] — неотесанный, родъ дуботолка. „У него на лбу хоть колъ теши“.

Технологія.

Уваривъ въ полспѣла, кладутъ в..щанъ, бьютъ толкушами и разбивъ въ пѣну...[5]

Близъ Гастейна земля поднялась и стала стѣной съ обѣихъ а... земли.... по ней..... трещи[6]... разбили на квадраты.

Выраженіе квартальнаго:

Люблю деспотировать съ народомъ совсѣмъ дезабилье.

Выраженіе Кольчугина:[7]

Журналъ долго не выходитъ. — „Эти журналисты съ своими книгами, какъ дѣвушка съ платоническою любовью: „люблю, люблю“; а все ничего нѣтъ“,

— Я просила катихизисъ за 1842-й, а вы дали за 1830-й.— „Да вѣдь это все равно, сударыня: катихизисъ такого рода вещь, что тутъ воображеніемъ не разыграешь, хоть самъ Филаретъ“...

Поговорки Михаила Николаевича.[8]

Не обвостря, въ землю тебя вколочу.— Я тебя узломъ завяжу, въ бараній рогъ сверну.

Завалился за маковое зерно, да и въ усъ никому не дуетъ. (О человѣкѣ.....[9] кажущемъ изъ себя богатыря).

Сказалъ о Шевыревѣ: „Много ли тебя подъ землею? а на землѣ немного“.

„Что ты зазнался: проглочу да не вы..ру, такъ безъ вѣсти пропадешь“.

Загоскинъ, подшедши (съ)[1] кулак(омъ)[2] къ тому, который бранился: „Что ты, братъ, мнѣ мелочью, дай-ка я тебя цѣлковиками“.

Какъ пошелъ его лудить[3] по становой жилѣ.

„У тебя, матушка, плохо откусывается“, то-есть плохо с...ъ человѣкъ.

„Рѣшетомъ не покроешь“ — столько на..алъ.

Выраженіе Котляревскаго: „такой искусникъ, на г... вошь убьетъ и рукъ не замараетъ“.

Микиткина головка.

Взбузыка́ться, взбулга́титься[4] — рано встать.

Встарыкаться.[5]

Хлопанцы — туфли.

Совкой[6], сула[7] — безразсудно начинающій дѣло.

Чапанъ[8] — длинный кафтанъ.

Слова Волжеходца.

Плыть подачею[9] — плыть противъ воды, таща лямку.

Рыскать по Волѣ — плыть по теченью.[10]

Порубень[11] — весло на носу большаго судна.

Губка[12] — руль на мелкихъ суднахъ.

Ложки[13] — блоки на канатахъ, коими оснащена мачта.

Косякъ[14] — канатъ.

Харивать[15] — отдѣть бечеву отъ чего-нибудь, за что зацѣпилась.

Таланить[16] — греблею въ весла пятить судно назадъ.

Бѣжью бѣжать — скоро бѣжать.

Блажью кричать — громко кричать.

Дать дёрку — высѣчь.

Дрыхнуть — спать.

Зобать — ѣсть (говоря о птицѣ).

Изгреби[17] — очески льна, остающіеся послѣ чесанья.

Колобушка[18] — испеченная изъ тѣста лепешка.

Кужель[19] — очесанный, чистый ленъ.

Мочка — скважина въ ушахъ.

Отсмокотать[20] — окончить прясть.

Подтибрить
Подсебренить[1] } украсть.

Пуляшка[2] — горшокъ.

Непогодь — снѣжная съ вьюгой погода.

Чупрыснуть[3] — въ рожу хватить.

Тѝгусить[4] — давить, тиснуть.

Опувить[5] — обвѣсить (Опусилъ).

Нахрапъ — дерзкій, харапуга.

Сквалыга — кулакъ.

Облупа[6] — обирала.

Наянъ[7] — назойливой человѣкъ.

Ссочѝть[8] — сыскать и отыскать.

Хапуга — хватало, самый сильный взяточникъ.

Прокурать — проказникъ: „ужъ такъ выдумаетъ! такой прокурать!“

Поготово
Голомя[9] } — давно.

Ѣдока[10] — бойкій на языкѣ, бритва.

Суметъ[11] — сугробъ.

Буранъ — сильная вьюга.

Околотокъ[12] — хлѣбъ, котораго помолотили не совсѣмъ, тертый калачъ.

Поголу[13] — по замерзнувшей землѣ.

Колотень[14] — замерзнувшая грязь.

Въ узеркъ[15] — въ осеннюю пору, когда все почернѣетъ отъ дождей, а заяцъ бѣлъ; стрѣлять зайца по черностопу тоже .....[16] и не стрѣлять, а такъ охотиться.

Наелозился, наегозился[17].

Съѣздить, свиснуть.

Торкаться[18] въ дверь — стучаться.

Травка фуфырка[19] — ничего не знаетъ (говорится о дурномъ лѣкарѣ, лѣчащемъ травкой фуфыркой).

Чебурахнуться — упасть всѣмъ тѣломъ.

Усодобить, подсудобить — упечь, насолить.

Третнѝкъ[20] — горшокъ, вмѣщающій въ себѣ третью часть ведра.

Сухадушину дать — подъ бока.

Подъ мыкитки и подъ сочельникъ[21] — подъ животъ.

Суда ходятъ или по поносу паруса, или завозомъ (лепех...[1]

Слова во *Владимірской* губерніи.

Бурунъ[2] — множество чего-нибудь, хлѣба, денегъ и прочаго.

Бушма[3] — толстый человѣкъ.

Бяжнуть[4] — сильно кого ударить о землю.

Бахилы[5] — коты, чарыки, женская обувь.

Болобанъ[6] — дуракъ, болванъ.

Верещить, верещать — сильно кричать.

Вверхъ тармашки полетѣлъ — полетѣлъ, перевернувшись нѣсколько разъ головою.

Взыриться[7] — нечаянно попасть въ воду, яму, тину.

Взварить да вызварить[8] — наказать, высѣчь кого.

Воскрица[9] — малаго роста ловкая, бойкая женщина.

Взрызовáтъ[10] — рѣзвъ, нетерпѣливъ, вспыльчивъ.

Дерябить, деребить[11] — кричать необычайнымъ голосомъ, взревѣть; *деряба* — плакса.

Збойливъ[12] — скроменъ въ рѣчахъ, не кстати лишняго не скажетъ. Збойничать, збойничаетъ.

Зариться — смотрѣть на что, глотая слюнку, съ вожделѣньемъ.

Истылъ[13] — умеръ, околѣлъ. *Истома* — томленье.

Испоконъ вѣку — издревле.

Костычъ[14] — понитокъ, кафтанъ.

Колотыркій, колотырка[15] — промышляющій подлостью, низостью, смут(ами), сплетнями, ж..олизаньемъ.

Кувúрдышки полетѣлъ — то же, что „вверхъ тармашки“.

Кувирдышки дѣлать — кувыркаться для потѣхи. Кувердаться.

Кумекать[16] — думать о чемъ, соображать.

Мекать.

Кутъ — заднее, послѣднее мѣсто въ простой избѣ.

Кутникъ — мѣсто въ кутѣ, со всѣхъ сторонъ огороженное, съ дверцами, въ родѣ ящика.

Капельный — маленькій.

Койока[17] — простакъ, глупый человѣкъ.

Кекнуть[18] — пропасть, погибнуть.

Ладонь[19] — гладкое, убитое мѣсто для молотьбы.

Токъ — строенье надъ ладонью.

Латошиться[20] — много хлопотать по-пустому.

Маклевать[1] — плутовски что̀ дѣлать.

Морговать[2] — отвращать отъ того, что̀ дурнаго запаха или вкуса.

Мызгать — часто куды (sic) ходить съ торопливостью.

Назырить[3] — перелить черезъ край.

Ошарашить — сильно кого ударить.

Прочапить[4] — пролить.

Пріосторожиться[5] — приготовиться къ отпору.

Пиголица — птица-луговка; малаго роста женщина.

Привередливъ — брезгливъ, разборчивъ.

Расхорошій — хорошій, красивый.

Растябай[6] — растрига. Растяпъ.

Свобышенъ[7] — упрямъ.

Скосырь[8] — безъ достоинствъ, но надменный человѣкъ.

Теребяка[9] — затрещина: „такую далъ ему теребяку“.

Терюхъ[10] — не святой, глупый человѣкъ.

Хайло — широкое горло. „Распустить хайло“ — громко кричать и бранить.

Чапчунька[11] — разборчивый въ пищѣ, лакомка.

Шушера — ничтожные, малозначащіе вещицы и людишки.

Шибарта[12] — презираемый человѣкъ, дрянь.

„Я те въ разборъ-атъ[13] съѣзжу“ — въ ухо тебя съѣзжу.

Шугай, шушунъ[14] — верхнее женское платье, холодникъ.

Ожютить[15] — ударить.

Отпулить[16] — выговоръ сдѣлать.

Ошпетить[17] — обругать.

3. (Изъ записной книжки 1846 г.)[1].

Грусть оттого, что не видишь добра въ добрѣ[2].

Мужикъ выразился о чухонцахъ: „Ихъ чортъ въ кошелѣ таскалъ; гдѣ уронилъ, тамъ и поселилъ“.

Кабацкій завсегдатель.

Іорникъ маленькій — чиновникъ, который денегъ не заплотитъ. Маленькій подлецъ не заплотитъ, потому что и денегъ нѣтъ, а іора не заплотитъ, потому что не хочетъ. Іора — герой.

Ѣдоки — налегающіе особенно на одни какія-нибудь блюда: кто съѣдаетъ по 300 раковъ, по десятку блиновъ, стерлядей, грибовъ.

Анекдоты. Начальника надъ артельщиками выбрали мастера, и на вопросъ: „Зачѣмъ выбрали? хорошъ поведеньемъ, что̀ ли?“ „Нѣтъ, не хорошъ“. — „Не пьетъ, что̀ ли?“ — „Нѣтъ, пьяница“. — „Уменъ?“ — „Нѣтъ, не уменъ.“ — „Такъ что̀жъ онъ“? — „Повелѣвать умѣетъ“.

Спросилъ у мужика возлѣ купанья одинъ молодой человѣкъ: „можно посмотрѣть въ щелку на бабъ, какъ купаются?“ „Что̀жъ, смотри: вѣдь онѣ отъ того не полиняютъ“.

Благодарность за оплеуху: „Давно бы, батюшка, такъ. Благодарю васъ!“

Богатые! прежде всего помните, что вы владѣете страшнымъ даромъ. Вспомните евангельское правило о томъ, какъ опасны богатства и какъ трудно спасеніе для богатаго. Но вамъ даны...[1], вы не имѣете права отъ нихъ отказаться. Вы должны по-

мнить, что вы управители у Бога. Горе вамъ, если будете плутовать и красть!

Почему совѣтуетъ Христосъ раздать богатство? Потому что знаетъ, какъ трудно человѣку быть управителемъ, и лучше заранѣ отказаться отъ него, чѣмъ быть приведену потомъ въ искушеніе.

Въ Ярославлѣ хороши и характерны церкви.

Известковыя горы показываются отъ *Сызрани,* идутъ въ саратовскую губернію. При солнечныхъ лучахъ прекрасны.

Отъ Саратова до Астрахани — степи; деревцо — какъ сирота. Встрѣчаютъ и провожаютъ орлы, плавая по воздуху десятками; отдѣльно отъ нихъ летаютъ ястребы. Степь и степь. Иногда выказывается Волга. Казацкія станицы.

4. (Изъ записной книжки, подаренной Гоголю Жуковскимъ во Франкфуртѣ на Майнѣ $^{8}/_{20}$ октября 1846 года)[1].

Да не смущается существо Ваше.
Іоанн. XIV, 1.

Звѣзда освѣщена свѣчами. Пришедши подъ окно дома, сперва поютъ тропарь и кондакъ празднику, а потомъ виноградье. Между тѣмъ звѣзда безпрестанно круговращается.

Святки — праздники торжественные во всѣхъ народахъ, какъ праздники Рождества и проводъ стараго года. Во многихъ мѣстахъ въ противуположность зимнему времени дома и церкви убираются вѣтвями зеленыхъ деревъ. Ночь передъ Рождествомъ особенно богата всякими повѣрьями. Всѣ должны непремѣнно быть по домамъ. Всякъ заблудится, кто въ это время въ дорогѣ. Въ иныхъ мѣстахъ женщины ни за что̀ не оставятъ кудели на прялкахъ, чтобы чортъ вмѣсто ихъ не вздумалъ сѣсть за работу. Если кто изъ молодыхъ дѣвокъ не допрядетъ кудели наканунѣ Рождества, прялка придетъ за ними въ церковь и при вѣнчаніи, и мужья подумаютъ, что онѣ лѣнтяйки.

Существуетъ повѣріе, что если войти въ хлѣвъ ровно въ полночь, то найдешь весь скотъ на колѣняхъ. Многіе убѣждены, что пчелы поютъ въ ульяхъ, привѣтствуя наступающій день праздника. Въ Шенкурскѣ есть обычай печь къ этому дню изъ пшеничнаго тѣста фигуры, изображающія маленькихъ коровъ, быковъ, овецъ и другихъ животныхъ и пастуховъ; онѣ ставились на столъ и посылались въ подарокъ роднымъ.

Въ Малороссіи ходятъ со звѣздой, и мальчики славятъ рожденіе Христа, за что даютъ имъ колбасъ, пироги и проч.

Въ Шенкурскѣ цѣлую недѣлю ходятъ со звѣздой изъ бумаги въ аршинъ.

Въ средніе вѣка существовало повѣріе, что дьяволы въ продолженіе 8 дней послѣ Рожд. Христ. скитаются по всей землѣ и при наступленіи разрушенія ихъ царства въ тревогѣ и тоскѣ рыскаютъ по улицамъ въ мрачномъ и отчаянномъ видѣ, терзая, муча и увлекая встрѣчныхъ и поперечныхъ; отъ этого произошло умышленное наряжаніе въ дьяволовъ и всякихъ страшилищъ, съ намѣреніемъ симъ удалить очарованіе отъ себя. Всѣ наряжавшіеся потомъ очищались купаніемъ въ рѣкахъ въ день Крещенія Господня. Впрочемъ, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ окончаніе года сопровождаемо было переряженьями, ночнымъ и дневнымъ ликованіемъ, гаданьями и множествомъ суевѣрій о наступающемъ году: будетъ ли урожай, будутъ ли замужемъ, будетъ ли живъ, здоровъ и богатъ въ новомъ году? Соединяясь въ группы, переходя(тъ) толпами по домамъ, чтобы пѣснями, смѣхомъ, прибаутствомъ тѣшить Господа. Вертепъ и священныя представленія Рождества. — Музыка пастуховъ-пришельцевъ съ волынками; радость, присказки, прибаутки о старомъ житьѣ-бытьѣ продолжаются все время святокъ.

Ночь наканунѣ Новаго Года вся въ гаданіяхъ. Въ полночь прислушиваются у церкви подъ замкомъ, и если тамъ почудится имъ печальное или радостное пѣніе, — выводятъ изъ перваго предвѣщаніе себѣ смерти, а изъ другаго — свадьбы. Вечеръ наканунѣ Новаго Года называется Васильевъ вечеръ, или богатымъ, — иногда Авсенъ, Овсенъ, Усенъ, Говсенъ и проч. Крестьянскія дѣти ходятъ обсыпать по домамъ хозяевъ овсомъ и хлѣбомъ изъ рукавицъ въ предвѣщаніе урожая.

Въ масляницу, подъ великимъ постомъ, прощаются и цѣлуются, прося (другъ) у друга прощенія во всемъ, въ чемъ случилось оскорбить. Прощаются также и съ тѣми, которыхъ никогда не видали, словами: „Прости меня, братъ!“ — „Богъ тебя проститъ!“ отвѣчаетъ другой. Въ иныхъ мѣстахъ ходятъ на кладбище прощаться съ усопшими родственниками;

иные приходятъ также къ священникамъ, своимъ духовникамъ. Въ семьѣ прощаются другъ съ другомъ передъ тѣмъ, какъ итти спать, причемъ дѣти кланяются въ ноги родителямъ, а слуги — господамъ. Въ XVII вѣкѣ царь ходилъ на прощанье къ патріарху съ боярами, окольничими и думными людьми, и былъ угощаемъ медомъ и романеею. Въ простолюдьи, по окончаньи масляной, идутъ въ баню обмываться. На первой недѣлѣ поста пекутъ въ иныхъ мѣстахъ блины на постномъ маслѣ.

Праздники весенніе.

Заклинанья весны. Во многихъ мѣстахъ Великой Россіи кличутъ и закликаютъ весну съ горъ и высокихъ мѣстъ.

Въ Украйнѣ дѣти, нося на рукахъ ласточку, сдѣланную изъ дерева, ходятъ изъ дома въ домъ славить весну. Пѣсни же называются веснянками; ихъ поютъ дѣвушки, сбираясь по вечерамъ съ того времени, какъ запоетъ овсянка, — до Троицы. Со дня этого праздника начинаются игры въ горѣлки, а какъ станутъ распускаться листья на деревьяхъ — игры хороводами. Существуетъ повѣріе, что въ день праздника Пасхи, приходящійся въ началѣ весны, — солнце играетъ. При первомъ громѣ, умываются съ золота, серебра и съ куринаго яйца.

(*Семикъ* или семицкій четвергъ — праздникъ погребенія убогихъ и завиванья вѣнковъ; позорищемъ семика бываетъ кладбище и роща).

Первый весенній праздникъ — *Красная горка.* Изъ хороводовъ по улицѣ, изображающихъ сѣянье проса, хороводъ *сходбище* — когда изъ городовъ возвращаются парни для рабочей поры. Хороводъ идетъ вкругъ парня и дѣвки, стоящихъ въ серединѣ. Въ игрищѣ плетень — взявшись попарно и сомкнувшись руками въ видѣ плетня, вытягиваются въ линію, а хороводница запѣваетъ: „Заплетись, плетень“; потомъ первая пара поднимаетъ вверхъ соединенныя руки, и подъ эту пару начинаютъ проходить игроки. Хоръ поетъ: „расплетается плетень“.

Радуница, Радунецъ, Радовница. Отрадный праздникъ заупокойный совершается на могилахъ въ Ѳомино воскресенье или около того. Прежде поминали умершихъ родственниковъ блинами, пивомъ; женщины причитали добродѣтели покойника заунывнымъ, плачевнымъ голосомъ; мужчина, взявши чарку съ виномъ, отливалъ часть на могилу, а остальное допивалъ самъ.

Существовало также христосованіе съ покойникомъ въ свѣтлую седмицу; покатя по могилѣ краснымъ яйцомъ, говорили: „Христосъ воскресе!“ думая, (что) усопшій отвѣчаетъ ему въ могилѣ: „Во истину воскресе!“ Въ Патерикѣ печерскомъ описывается, какъ въ 1465 тѣлеса усопшихъ святыхъ отвѣтствовали на возгласъ священноинока въ Великій День. Въ Кіевѣ Радуница называется проводами въ воспоминаніе того, какъ по распятіи Господа тѣлеса многихъ святыхъ возстали и вновь по Воскресеніи Господнемъ возвращались опять послѣ праздниковъ въ гробы, сопровождаемые гражданами. Обычай поздравлять умершихъ съ праздниками Воскресен. Христ. повсемѣстенъ [во вторникъ Ѳоминъ]. Въ Бѣлоруссіи прежде катаютъ яйца на могилахъ, потомъ садятся за столъ, приглашая усопшихъ: „святые родители! придите съ нами хлѣба-соли кушать!“ а по окончаніи пиршества, обращаются вновь, извиняясь, что небогато угостили и прибавляя: „чѣмъ богаты, тѣмъ и рады“. Въ это же время женихъ и невѣста приходятъ просить благословенія у своихъ усопшихъ родителей.

Юрьевъ день. Георгій побѣдоносецъ уважается особенно у всѣхъ народовъ. Въ побѣдѣ его надъ дракономъ изображается побѣда христіанства надъ язычествомъ. Онъ покровитель на войнѣ и въ битвахъ и онъ же покровитель пастуховъ; сему послѣднему установленъ праздникъ Юрьевъ день, съ котораго выгоняютъ въ первый разъ скотину въ поле; пастухи получаютъ себѣ по десятку яицъ, по кувшину молока и готовятъ въ полѣ себѣ яичницу. Въ Малороссіи это начинается крестнымъ ходомъ на жито, съ молебномъ и водосвятіемъ, съ окропленіемъ нивъ святою водою, послѣ чего молодежь забавляется играми, катается по житу, чтобы быть сильными и здоровыми, какъ *Юрьева роса.* Въ Бѣлоруссіи выгоняютъ скотъ вербой на *Юрьеву росу;* поговорка: „выдти на Юрьеву росу“ — значитъ выздоровѣть больному человѣку.

По выгонѣ скота на Юрьеву росу, хозяинъ уже не заботится объ немъ, будучи увѣренъ въ безопасности своей скотины, порученной покровительству св. Георгія.

Есть поговорка: „св. Юрій коровъ заросаетъ, а Никола коней“. *Юрьевъ день* время перелома во времени. Пословица: „Егорій съ водой, а Никола съ травой“ — знаменуетъ время разлива и спаденія водъ, бывающихъ въ это время. Егорій съ полувозомъ, а Никола съ цѣлымъ возомъ, Егорій — съ теплomъ, а Никола — съ кормомъ, Егорій — съ кормомъ, а Никола — съ мостомъ. Съ этого дня начинаются торги, сроки, выгоны, первое сѣяніе яроваго и огородныхъ растеній, — словомъ, всѣ важные труды и сдѣлки крестьянъ. А потому имя Георгія призывается сильно въ помочь. Какъ весенній, такъ и осенній Юрьевъ день въ старину былъ замѣчателенъ срокомъ перехода поселянъ отъ одного помѣщика къ другому и поселенія ихъ по условіямъ на помѣщичьей землѣ. Самый оброкъ, взносимый крестьянами, называется Юрьевымъ.

Чьи имена вспомнить у Гр[оба] Св[ятаго]: Матвѣя Александровича, Надежду Николаевну Ш(ереметеву), всю родную семью мою, Александру Осиповну С[мирнову], Степана Петровича Ш(евырева), Михаила Петров[ича] П[огодина], Александра Петровича Толстаго, Петра Александровича Плетнева, Василія Андреевича Жуковскаго, Вьельгорскихъ, Аксаковыхъ и всѣхъ близкихъ сердцу друзей и благодѣтелей. Батинковъ...

Помолиться: о Государѣ, о Наслѣдникѣ, о Маріи Николаевнѣ и обо всемъ Царскомъ Домѣ, о Вьельгорскихъ, о Смирновой, о Ивановѣ, о Соллогубѣ, о примиреніи всѣхъ и обращеніи всѣхъ къ Богу, о домашнихъ, о противникахъ и союзномъ примиреніи съ ними, о друзьяхъ и о счастьѣ ихъ.

Въ Іерусалимѣ:

Молебенъ о благополучномъ прибытіи.

Перечесть все, о чемъ хотѣлось просить.

Купить крестики изъ перламутра, четки и проч; и образки всѣхъ сортовъ, освятить ихъ на гробѣ Господнемъ.

Писать письма: домой, Матвѣю Александр(овичу), Надеждѣ Никол(аевнѣ) и Жуковскому, Толстому;
вторыя: Шевыреву,— и въ немъ Малиновскому,— къ Плетневу.

Въ Назаретѣ дождь задержалъ насъ двое сутокъ.

Статистика обозовъ.

Зимніе — съ какими именно припасами приходятъ первые обозы, вторые и третьи? И что вообще предметомъ обозовъ и куда, кромѣ столицъ, они стремятся? Также и объ обозахъ лѣтнихъ.

Вопросы Хомякову:

О крестьянахъ: вольныхъ, господскихъ, казенныхъ и удѣльныхъ — ихъ внутреннемъ бытѣ, правленіи, правахъ и преимуществахъ, состояніи нравственности и духѣ, какъ результатѣ (всего)[1] быта.

Зачѣмъ я оказался учителемъ? Я самъ не помню. Мнѣ показалось, что гибнетъ лучшее, что перо писателя обязано служить исти(нѣ) и безпощадное жало сатиры коснулось, вмѣстѣ съ искорененіемъ злоупотребленій, и того, что̀ должно составлять святыню; что слишкомъ уже много увлеклись теченьемъ времени и не останавливаются оглянуться вокругъ себя.

...Мнѣ такъ стало совѣстно (за мою недѣятельность)[1], мнѣ такъ стали тяжелы упреки, что я остаюсь такъ долго въ бездѣйственности. Я поспѣшилъ[2]: я думалъ, что если обнаружу мое состояніе душевное и чѣмъ я занятъ...

Изъ настол(ьной) книги.

Гляди и любуйся красотой души своей, лжесвидѣтель, клятвопреступникъ, первый нарушитель закона и святыни, думающій быть христіаниномъ и не умѣющій[3] пожертвовать пылью земной небесному, дорожащій презрѣннымъ достояньемъ....[4].

Милосердія! Господи! Ты милосердъ. Прости все мнѣ, грѣшному! Сотвори, да помню, что я одинъ и живу въ Тебѣ, Господи; да не возложу ни на кого, кромѣ на одного Тебя, мою надежду, да удалюсь отъ міра въ святой уголъ уединенія!

Онъ вспоминалъ,

какъ гренадеръ Коренной, когда уже стихнули со всѣхъ сторонъ французы и офицеры были переранены, закричавши: „Ребята, не сдаваться!“ отстрѣливался и потомъ отбивался штыкомъ, когда прижали ихъ тѣснѣе и когда всѣхъ ихъ перебили, одинъ остался и не сдавался; и въ отвѣтъ на предложенье, схвативши ружье за дуло, отбивался прикладомъ...[5], такъ что не хотѣли погубить, ранили только легкой раной. Взявши въ плѣнъ, Наполеонъ приказалъ выпустить[6].

Чепышенко въ Турецкую войну 1828 года, будучи раненъ пулей близъ груди, вытащилъ окровавленную пулю и, зарядивъ ее въ ружье, выстрѣлилъ по непріятелю, сказавши: „лети туда, откуда пришла!“ Самъ перевязалъ рану наскоро и не оставлялъ сраженья до окончанья дѣла.

Рядовой 5 егерской роты Гавриловъ, находясь конвойнымъ при начальникѣ стрѣлковой цѣпи 2 баталіона, стрѣлялъ рѣдко, говоря: „Берегу патроны вашего благородія: стрѣляю только по тѣхъ, кто на васъ прицѣлится!“. И, сказавши эти слова,

выстрѣлилъ въ ту же минуту и положилъ француза на мѣстѣ, прибавя: „Онъ на васъ цѣлилъ“.

Фразеологія.

Бѣлы руки со подносомъ,
Языкъ (съ) приговоромъ.

„Ты прощай, моя укатъ-гора высокая!“ говоритъ невѣста, прощаясь съ катальными горами.

Гулянка, которой ждали цѣлый годъ поселяне, была въ полномъ своемъ разгарѣ[1].

Выносъ ноги и всѣ ружейные пріемы и постройки.
Потянулъ вѣтеръ съ яровой стороны.

Зима.

И одни(мъ) цвѣтомъ бѣлымъ рисуетъ зима. Бѣдный цвѣтъ, но какъ много (bis).... изобрѣтательность[2]... Эти роскошныя завѣсы, снѣговыя глыбы, покрывающія отъ корней до верха большія и малыя дерева; это множество жемчугу и брильянтовъ, сверкающихъ при свѣтѣ солнца и луны; этотъ недвижный, величественный видъ растеній, какъ будто выточенныхъ изъ слоновой кости; это значительное безмолвіе и тишина; этотъ полумракъ днемъ и полусвѣтъ ночью.

И вдругъ яръ среди ровной дороги — обрывъ во глубину и внизъ; и въ глубинѣ лѣса, и за лѣсами — лѣса, за близкими, зелеными — отдаленные синіе, за ними легкая полоса песковъ серебряно-соломеннаго цвѣта, и потомъ еще отдаленные лѣса, легкіе какъ дымъ, самого воздуха легчайш(іе).

Надъ стремниной и кручей махала крыльями скрипучая вѣтряная мельница.

Круто выпуклилась степовая равни(на), чтобы лучше показаться, и полосато пестрѣла гладкая покатость. По зеленопепельному грунту рѣзко пробивалась темно-красная орань, только-что взрытая плугомъ. За ней лентой яркаго золота — нива сурѣпицы, и вновь блѣдно-зеленый грунтъ и какъ снѣгъ бѣлые кусты...

Ива, плетень и куры.

Сорока сѣла на брюхо свиньѣ, но.....[1] скотина не шевелилась, лежа въ лужѣ, лѣнивымъ хрюканьемъ изъявляя неудовольствіе отъ посторонняго прикосновенія.

Рубецъ во всю дорогу зеленый съ растущими по немъ бодяками и ничего за нимъ, кромѣ безграничной равнины зеленосѣдоватой: чуть-чуть, какъ точки, какія-то копешки, и вотъ деревцо, и вотъ оживилась равнина: брызнуло по ней золото цвѣтовъ; засинѣла на мигъ, и станетъ поле вишневаго цвѣта отъ множества столпившихся васильковъ, и потомъ зарябитъ всѣми цвѣтами вдругъ, и опять станетъ одноцвѣтно-зеленое.

Вишневые низенькіе садики, и подсолнеч(ники) надъ плетнями и рвами, и соломенный навѣсъ чисто вымазанной хаты, и миловидное, краснымъ обводомъ окруженное окошко.

Ты древній корень Руси, гдѣ сердечнѣй чувство и нѣжнѣй славянская природа.....

Темныя кудри, черныя брови — и безъ бороды хорошъ славянинъ: закрученные усы, высокая шапка съ червоннымъ верхомъ; весь станъ, обтянувшійся ловко, или обойденный въ три раза, и при шарова(рахъ) богато расположившихся надъ чеботами при.....[2] съ нахлобуч(кой).

Безконечная, широкая, поросшая пыреемъ почтовая дорога.

Рябилъ, какъ мраморъ... бѣлый и желт(ый) рогатый скотъ разсыпался по полю, и, завидя издали по дорогѣ летѣли двѣ собаки, поднявши хвосты, полаять на экипажъ — затѣмъ [чтобы] потомъ остаться довольными, какъ всякій, сдѣлавшій доброе дѣло.

Степная чайка съ хохломъ, въ видѣ скобки поднимается, съ дороги.

И вдругъ лѣсная стѣна стала передъ глазами. Свѣтъ и тѣни лежа, и на деревьяхъ, то выступавшихъ округленьями....[3], то уходившихъ[4]... Дорога врѣзалась въ лѣсъ; пролетѣвъ сквозь клены и дубы, вышла на лугъ, гдѣ подымались тростники, и вновь врѣзалась въ лѣсъ еще высшій. По лѣвую — дубы, по правую — березы, какъ безпредѣльно-высокій частоколъ. Густой лѣсъ возлетаетъ выше и выше.

Подлѣ плотины вербы развилистыя, тростникъ и утка съ утятами.

Атрибуты комнаты:

Маленькое въ четверть аршина зеркало въ рамкахъ изъ зеркалышекъ, выложенныхъ мозаикой.

Наугольники въ углахъ комнаты и грязный утираль(никъ) на гвоздикѣ съ узорами, по краямъ вышит(ый) красными нитками.

Одна ровная линія вдали, гдѣ крышки спрятавшихся домовъ и крылья вѣтряной мельницы....[1] байракомъ.

Сплетеная въ шестеро коса облива(етъ)...[2]

Бѣжитъ обтянутая синей запаскою у поясу (sic), и трясутся подъ полотномъ трепещущія груди, а лишенныя обуви ноги, обнаженныя до колѣнъ, кровью и здоровьемъ играютъ.

Все поле червонѣло золотомъ отъ ярко-желтѣвшей сурѣпицы, а конецъ его у дороги червонѣлъ (и краснѣлъ) отъ васильковъ и будяковъ съ пушистыми розовыми цвѣтами.

Въ часъ, когда поднимется возставшее солнце, лиловымъ цвѣтомъ обольетъ багрянцемъ, тронется пробужден.....

Многокрылая мельница вертѣла за...

И заходящему солнцу краснѣли скирды сѣна, телѣги и люди остановивша....[3]

Долина... по обоимъ бокамъ сосновый лѣсъ или рощи по долинѣ, береза по лѣвому боку горы, дубъ по правую, и дерево-исполинъ выходи(тъ) особ(някомъ), приподнявъ картинно развилисто-уродливыя... вѣтви.

Дорога спускалась внизъ; внизу полукругомъ необозримая надъ долиной по ту сторону ровная линія, и гребнемъ рядъ деревъ. На правый бокъ линія прорывалась... въ бокъ горы съ городомъ; на верху церкви, колокольни, деревья, домы... видны сквозь сизый туманъ.

Коляска спускалась ближе къ греблѣ по мосту (по долинѣ проходила рѣка)... возвышенья понизились тоже.... скрылся.

Съ обоихъ боковъ сходили къ долинѣ круглобокія горы, насупротивъ одна противъ (другой), а за ними третья, насупротивъ Чичикова, облаченная туманомъ.

Поле, какъ штучный паркетъ изъ кусковъ соломеннаго и блѣдно-красноватаго цвѣта.

Черты городовъ.

Старые домишки, полусогнившія крыши, поросшія мхомъ, травой и даже кустарникомъ.

Мелочныя лавчонки, гдѣ продавался чай, деготь, сахаръ и хомуты.

Становилось душнѣе по мѣрѣ приближенія къ городу. Воздухъ началъ сгущаться отъ пыльныхъ облаковъ, воздымаемыхъ скрыпучими колесами телѣгъ, тяжело нагруженныхъ мѣшками.

Городъ на оврагахъ предсталъ предъ глаза; овраги блистали, какъ бы изъ-поднизу освѣщали(сь) гдѣ-(то) скрывшимся солнцомъ изъ-за деревъ. Дерева же темнаго цвѣта — громовой тучи.

Открывшійся городъ какъ бы изъ двухъ состоялъ половинъ: одна выдвигалась длинной цѣпью домовъ и колокольней впередъ, другая, позади, освѣщалась блестящимъ солнцемъ.

Не твоему носу рябину клевать: это ягода нѣжная. — Не твоей харѣ клюкву ѣсть: морщиться не умѣешь.

Во владимірской растутъ дрова, да клюква, да можжевельникъ. Владимірецъ съѣздитъ разъ пять-шесть въ зиму съ матеріаломъ, но продаетъ клюкву, ленъ, можжевельникъ; въ обмѣнъ получаетъ орѣхи, соль. Торговля мелочная огромная. Она вся въ рукахъ продавцевъ-крестьянъ; идетъ на милліоны.

Первою моею заботою по пріѣздѣ въ губернію будетъ заслужить довѣренность благороднаго симб(ирскаго) дворянства-съ, второю съ пробудить участіе къ мѣстной жизни, къ интересамъ края, стремленье къ общественной пользѣ-съ, любовь къ своей губерніи-съ, третьей-съ моей заботой будетъ издать законную оппозицію для направленія моихъ дѣйствій. Дворянскій-съ предводитель есть органъ общественнаго мнѣнія, признатель, предводитель мысли всего благороднаго дворянскаго сословія...

Если не найду...

Боже, дай полюбить еще больше людей! Дай собрать въ памяти своей все лучшее въ нихъ, припомнить ближе всѣхъ ближнихъ и, вдохновившись силой любви, быть въ силахъ изобразить! О, пусть же сама любовь будетъ мнѣ вдохновеньемъ!

Дрягилъ. Поддончиниковъ. Тѣнтѣтниковъ. Баранчиковъ. Никита Семеновичъ Коза. Бу́хманловъ. Чухаловъ.

Пословицы малороссійскія.

Брехнею свитъ пройдешь, да назадъ не вернешься.

До булавы́ треба головы́.

Було́ да загуло́.

Отвѣты и вопросы старообрядцевъ. — Толкованіе на Воскресное Евангеліе.

А вы думаете легко воровъ выгнать? Царь, который только и думаетъ о томъ, какъ ихъ выгнать, да и тотъ не можетъ, — царь, у котораго и войско, и всякая сила есть! Какъ же вы хотите, безъ всякой силы и власти, это сдѣлать? Что съ-пьяна передушите всѣхъ, думаете поправить? Думаете, лучше будетъ погибнуть? Тѣ, которыхъ шеи потолще, останутся. Что́ тѣ святые что́ль! Еще больше станутъ допекать другъ друга!

О..... вечерн(ее) блистанье..... по нихъ..... погасанье лучей и дымъ отъ.... летѣлъ струями къ небу..... Какъ осмѣлился позабыть тебя, человѣкъ! О, да будетъ проклятъ, кто научилъ людей покинуть простоту для просвѣщенья..... Заплатилъ страданьями и тяжкимъ и подлымъ безсиліемъ.

На горномъ наклонѣ повиснула живая картина: купа деревъ вмѣстѣ съ избами, прятавшимися подъ ихъ тѣнью, прудъ, плетень и гать, по которой стучалъ ѣхавшій возъ.

Поговорить о распространеніи грамотности въ Россіи.

Баринъ первый сортъ.

Запасаться нужно въ хорошее время на дурное и неурожайное: умѣрять духъ нужно въ веселыя минуты мыслями о главномъ въ жизни — о смерти, о будущей жизни, затѣмъ, чтобы легче и свѣтлѣе было въ минуты тяжелыя.

А чѣмъ же, скажи, хороша религія?

— А тѣмъ именно, что подчиняетъ всѣхъ одному закону, что всѣхъ соединяетъ хотя въ одномъ.

Безъ нея общество не можетъ существовать, потому что всякій человѣкъ имѣетъ свои идеи, и что̀ ни человѣкъ, то и думаетъ инако и хочетъ строить по своему плану все общество.

— Почему христіанская религія именно лучше всѣхъ другихъ собственно для общества?

— Она даетъ свои внутренніе законы всякому человѣку, съ которыми онъ можетъ ужиться во всякомъ обществѣ.

— Какъ такъ? Какіе же законы?

— Любить всѣхъ, какъ братьевъ, прощать обиды.

Лѣса, роща, — все скрылось . . . . . еще выпуклостями.

Строчить сказку.

Сверчокъ скрипитъ за подполицею.

Каляканье кумушекъ за прялкой, гребнемъ и коклюшками.

На засидкахъ бабій языкъ столь раск... что... ни...

Жужжанье, гудѣнье веретенъ и трещанье лучины.

Калики и побирушки перехожіе.

„Живетъ себѣ съ косушкой“ — горькій пьяница.

На дѣвкѣ золотая лепта съ широкой поднизью.

Сказавши: „*миръ вашему сидѣнью*“ и получа въ отвѣтъ: „*поди къ нашему смиренью*“, онъ садится съ краю завалины.

За рѣчкой кони пасутся, свободные на сегодня отъ плуга. За рощей чуть видна колокольня ближняго села; за пригоркомъ черная полоса дороги, которою ѣздятъ въ поле.

Бабы въ высокихъ кичкахъ, обшитыхъ блестками и позументами съ низанными подзатыльниками;

въ котахъ и полосатыхъ исподницахъ;

повязавъ голову писаннымъ алымъ платкомъ; концы врозь.

На мосту стоялъ возъ заѣзжаго купца-торгаша съ красн(ымъ) товаромъ, запонками, монистами, варежками, стеклярусомъ, тавлинками со слюдой, свертками кумачу, крестами, серьгами, кольцами.

Съ Далемъ — о сословіяхъ нынѣшнихъ обществъ и о пролетаріяхъ въ нашихъ городахъ.

Съ Бенардаки — какъ велики средства Россіи и возможность продовольствовать нынѣшнихъ поѣдателей всѣхъ сортовъ...

Съ Ко....мъ — о томъ, что вопросы еще раздаются глухо и нѣтъ возможности посредствомъ литературы; о томъ, что слѣдуетъ многосторонне изучать не въ мемуарахъ, но во всеобщихъ сжатыхъ исторіяхъ.

Не отдаляться отъ буквально-яснаго значенія.

М. П. В.* — о томъ, какъ ей было перейти отъ идеальнаго міра къ существенному. Не затрудняетъ ли ее хозяйственный хламъ и какъ онъ ведется?

Книги лучшія о раскольникахъ — у Надежды...

„Русская пословица въ вѣкъ не сломится".

---

1) Прежде всего обязанности мужа и жены вообще. Обязанности ихъ житейскія: мужъ — хозяинъ своего отдѣленья, жена — хозяйка своего отдѣленія. Тотъ и другая идутъ своею дорогою, соединяются въ семьѣ. Здѣсь еще одна только половина брака.

2) Мужъ, избравши себѣ поприще и путь, избираетъ жену, какъ помощницу, которая, кромѣ того, что, оградивши его отъ всѣхъ развлекающихъ занятій, доставивъ ему свободное время возложеньемъ на себя всѣхъ заботъ домоводства и мелочей жизни, служитъ ему возбуждающею, стремящею силою, небеснымъ звонкомъ, зовущимъ его ежеминутно къ его дѣлу. Она — часть его мысли; живетъ въ его дѣлѣ.

3) Союзъ освѣщается Христомъ, стало быть свыше всѣхъ цѣлей есть втти къ Тому, Кто освятилъ этотъ союзъ. Человѣкъ слабъ и немощенъ и одному ему безъ помощи...[1]; и ободриться онъ можетъ, ободряя другаго, и спастись, спасая другаго. И потому въ основаніи христіанскаго союза должно лежать спасенье души.

Въ него вступать какъ въ монастырь, почему недаромъ уподобляетъ Апостолъ союзъ супруговъ союзу Христа съ Церковью.

Годъ приготовленья къ супружеству, чтобы осмотрѣть все и вступать какъ въ знакомый домъ, гдѣ извѣстно всякое

мѣсто, чтобы быть въ состояніи съ того же дня пойти какъ по знакомой дорогѣ, олицетворивъ въ себѣ порядокъ и стройность. Все распредѣлено впередъ, часъ минута въ минуту и, осѣнясь крестомъ, приниматься за дѣло, какъ въ строгомъ монастырѣ, какъ въ строгой школѣ. Кто повелѣваетъ...[1] Но все утверждено еще прежде: оба они невольники установленнаго ими закона.

Филаретъ о русскомъ народѣ:
„Въ немъ свѣта мало, но теплоты много“.

Обнять обѣ половины русскаго народа сѣверн(ую) и южн(ую), сокровище ихъ духа и характера.

Платье.... зефиръ, дамская матерія.
Сукна — зиберъ: клеръ[2] и черное и темно-зеленое, коричневыя, синія и сѣрыя.
Сатинъ *дубль* разныхъ цвѣтовъ.
Каленкоръ бѣлье тонкое.
З(иберъ) и перкаль[3] крученый.
Муслинъ.... и бухмуслинъ[4], канифасъ бѣлый.
Платки фуляровые носовые.
Платки..... бумажные.
Ували (sic)[5] газовыя.
Шотландки для салоповъ.

Желѣзнякъ вервена (werwena) — сильно вяжущ(ее), укрѣпляющее нервы и желудокъ.
Подорожникъ — приводитъ слизистую систему въ порядокъ (въ грудной болѣзни и въ чахоткѣ).
Рѣдечный сокъ — въ чахоткѣ.
Ландышный сокъ въ лихорадкѣ.
Чай акаціи — тоже въ лихорадкѣ.
Цвѣты сирени, чай — женщинамъ.
Храповникъ — дикая бузина на мокрыхъ мѣстахъ, высокое растеніе съ бѣлыми душистыми цвѣтами, кашкой. Листья противоположные, превратно яйцевидные, зубчатые.

Примѣчанія редактора и варіанты.

Непогода (стр. 1).

Стихотвореніе «Непогода» написано рукой Гоголя на полулистѣ сѣрой писчей бумаги, за полной подписью автора, подъ которой, внизу страницы, лицейскимъ товарищемъ Гоголя, А. С. Данилевскимъ, прибавлена замѣтка: «Я нашелъ эти стихи, къ сожалѣнію, разорванными; они еще писаны въ Нѣжинѣ, на школьной скамейкѣ». Въ верхней половинѣ страницы дѣйствительно вырванъ большой кусокъ, заключавшій въ себѣ приблизительно стиховъ 8; не достающее мѣсто имѣетъ форму сердца и оканчивается у самаго перегиба на серединѣ страницы. Внизу страницы, сбоку, стоятъ водяные знаки 18..; остальныя двѣ цифры, означающія годъ, очевидно, должны были находиться уже на другомъ, оторванномъ, полулистѣ.

Мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ для опредѣленія времени, когда написано стихотвореніе, но оно, безспорно, принадлежитъ къ самымъ раннимъ, ученическимъ, опытамъ творчества Гоголя. Оно особенно любопытно, какъ единственное, сохранившееся его лицейское стихотвореніе, если не относить къ этому времени, повидимому болѣе поздняго, стихотворенія «Италія»[1]). О школьныхъ стихотворныхъ упражненіяхъ Гоголя мы имѣемъ вполнѣ согласныя, но крайне отрывочныя свидѣтельства наиболѣе близкихъ къ нему школьныхъ товарищей; извѣстно также, что большинство этихъ стихотвореній (если не всѣ) помѣщались въ издаваемыхъ Гоголемъ и его товарищами лицейскихъ журналахъ, носившихъ названія: «Звѣзда», «Метеоръ Литературы» и проч.[2]). Кромѣ примѣчанія, сдѣланнаго А. С. Данилевскимъ, на самомъ подлинникѣ стихотворенія «Непогода», мы должны принять въ соображеніе слова того же товарища Гоголя, что послѣдній «сна-

---

[1]) См. настоящаго изданія, т. V, стр. 44.

[2]) «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 26 и 25.

чала писалъ стихи, и думалъ, что поэзія — его призваніе»[1]) Н. Я. Прокоповичъ также передавалъ г. Кулишу, что въ «Звѣздѣ», между прочимъ, помѣщена была повѣсть Гоголя: «Братья Твердиславичи» *и разныя его стихотворенія*[2]). Наконецъ по свидѣтельству третьяго лицейскаго товарища Гоголя, К. М. Базили, изданіе Гоголемъ и другими лицеистами школьныхъ журналовъ относится къ 1825, 1826 и 1827 г.[3]), т.-е. къ послѣднимъ годамъ пребыванія ихъ въ учебномъ заведеніи. Къ этому-то промежутку времени и должно быть пріурочено стихотвореніе «Непогода»,— все равно, было ли оно потомъ включено въ школьный рукописный журналъ или нѣтъ. По настроенію и содержанію его, съ нѣкоторой вѣроятностью можно предполагать, что оно было написано въ то время, когда Гоголь особенно сильно тосковалъ послѣ смерти отца и характеръ его измѣнился замѣтно для товарищей,— когда его грусть бросалась въ глаза. По всѣмъ соображеніямъ это стихотвореніе предшествовало идиллiи «Ганцъ Кюхельгартенъ»[4]), написанной уже въ 1827 г. и проникнутой инымъ настроеніемъ[5]).

Орѳографія подлинника исправлена въ слѣдующихъ мѣстахъ: во-первыхъ, поставлены забытыя авторомъ кавычки передъ 3 стихомъ: «Но радость жизни пережилъ»: затѣмъ отдѣлено отрицаніе отъ глаголовъ въ словахъ: «не знался» и «не веселится»; исправлена ошибка въ начертаніи слова *зачѣмъ* (въ подл.: зачемъ), и наконецъ исправлена пунктуація. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что въ общемъ орѳографія подлинника въ данномъ случаѣ несравненно исправнѣе, нежели въ другихъ ученическихъ опытахъ Гоголя.

Такіе же стихи писали и другіе лицеисты; вотъ напр. стихи Ивана Даниловскаго:

Чѣмъ доказать тебѣ любовь
Свою, во вѣки неизмѣнну?
Чѣмъ взволновать застывшу кровь
Твою, ничѣмъ не поврежденну?
Скажи, небесный ангелъ мой!
Скажи, я братъ родимый твой".

---

[1]) «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. I, стр. 102.

[2]) Въ числѣ этихъ стиховъ были, по словамъ Даниловскаго, и разные сатирическіе куплеты, напр. на скрягу, полтавскаго помѣщика Базилевскаго.

[3]) «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. I, стр. 250.

[4]) См. настоящаго изданія, т. V, стр. 544.

[5]) Впослѣдствіи страсть Гоголя къ стихамъ проявлялась исключительно въ сочиненіи шутливыхъ куплетовъ.

Хромой чортъ (стр. 2).

Статья «Хромой чортъ» написана рукою Гоголя на отдѣльномъ полулистѣ сѣрой писчей бумаги съ водяными знаками, заключающими въ себѣ фигуру льва, держащаго щитъ, въ срединѣ котораго французскими буквами написана монограмма AG и затѣмъ сбоку страницы тѣ же буквы А. Г. повторены порусски. Къ сожалѣнію, обозначенія года на бумагѣ нѣтъ.

По своему содержанію этотъ отрывокъ можетъ быть отнесенъ къ тому времени, когда Гоголь собиралъ матеріалы для малороссійскихъ повѣстей и дѣлалъ по поводу ихъ замѣтки.

Стр. 2. [1]) Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [2]) Скобки въ рукописи. [3]) Заключенное въ скобки приписано сверху строки и потомъ зачеркнуто. [4]) Прежде было написано: «вотъ гурьбою принесли жалобу». [5]) Слова: «на другой день надѣлъ барабанъ», приписаны сверху строки. [6]) Сверху двухъ послѣднихъ словъ приписано: «зорю».

О поэзіи Козлова (стр. 2—4).

Статья «О поэзіи Козлова» написана Гоголемъ на листѣ сѣрой писчей бумаги, на которой ясно видны водяные знаки, съ обозначеніемъ года (1829) и гербомъ, изображающимъ льва на щитѣ, въ серединѣ коего, такъ же, какъ и на полулистѣ, гдѣ написанъ набросокъ «Хромой чортъ», находимъ монограмму AG и сбоку русскими буквами М. Ф., А. Г. Подлинникъ послѣ смерти Гоголя сохранялся у семейства Аксаковыхъ и въ 1890 г., послѣ смерти вдовы И. С. Аксакова, былъ переданъ Д. Ѳ. Самаринымъ въ Московскій Публичный и Румянцовскій музей вмѣстѣ съ двумя записными тетрадями Гоголя, обозначенными у насъ Р.А.4 и Р.А.5. Такъ какъ листъ былъ вложенъ въ одну изъ этихъ записныхъ тетрадей и, повидимому, имѣлъ ближайшее отношеніе къ ней, а сходные водяные знаки на бумагѣ указываютъ на принадлежность этой статьи къ тому же времени, когда написанъ былъ «Хромой чортъ», — то можно думать, что всѣ эти наброски были сочинены въ относительно близкіе промежутки времени. Названное здѣсь новымъ стихотвореніе «Сельскій субботній вечеръ въ Шотландіи» написано было не раньше 1829 г., такъ какъ стихи въ «Посвященіи» относятся къ А. А. Воейковой, скончавшейся весной 1829 г. и не позднѣе 1832 г., такъ какъ оно находится уже въ собраніи сочиненій

Козлова, изданныхъ въ 1833 г. Водяной знакъ на бумагѣ, къ сожалѣнію, не даетъ точныхъ указаній для разъясненія вопроса о томъ, въ какомъ именно году была написана статья; ясно только, что *не ранѣе 1829 г.* Вѣроятнѣе всего, что она была написана въ 1835 или въ 1836 гг., такъ какъ въ противномъ случаѣ она, конечно, вошла бы въ «Арабески». Впервые она была напечатана нами въ «Русской Старинѣ» (1890, III, 850—852).

Стр. 2. 7) Слова: «дать направленіе поэзіи» написаны сверху зачеркнутыхъ: «привлечь къ себѣ» 8) Слово: «природы» написано сверху зачеркнутаго: «міра». 9) Слово: «ясными» написано сверху зачеркнутаго: «свѣтлыми».

Стр. 3. 1) Прежде было написано: «съ которымъ сравниться не дано ему силъ». 2) Это слово зачеркнуто въ рукописи и замѣнено слѣдующимъ. 3) Заключенное въ скобки зачеркнуто въ рукописи. 4) Заключенное въ скобки зачеркнуто.

Стр. 4. 1) Прежде было написано: «когда же долго остановится онъ». 2) Прежде было написано: «что вся она сосредоточилась въ немъ самомъ и одну ее силенъ онъ слѣдить въ ея многоразличныхъ измѣненіяхъ». 3) Въ этихъ стихахъ разумѣется Александра Андреевна Воейкова, которой посвящено стихотвореніе: «Сельскій субботній вечеръ въ Шотландіи». Отмѣтимъ здѣсь кстати странную ошибку, повторяющуюся до сихъ поръ во всѣхъ изданіяхъ стихотвореній Козлова: «Сельскій субботній вечеръ въ Шотландіи» вездѣ отнесенъ къ «Крымскимъ сонетамъ» Мицкевича, хотя тутъ же помѣчено при самомъ стихотвореніи, что оно представляетъ вольное подражаніе Борнсу.

Исторія текста комедіи „Женитьба“ (стр. 5—62).

При появленіи въ печати въ первый разъ комедіи «Женитьба» въ первомъ изданіи сочиненій Гоголя, напечатанномъ въ 1842 г., на заглавномъ листѣ было обозначено, что пьеса эта написана въ 1833 г.; на заглавномъ же листѣ «Драматическихъ отрывковъ и отдѣльныхъ сценъ» также значится въ скобкахъ: «1832 по 1837 годъ». Такимъ образомъ, по указанію самого Гоголя, безусловно подтверждаемому его записными книжками, въ которыя вносился первоначальный, такъ сказать, черновой текстъ его произведеній, онъ приступилъ къ созданію своихъ комедій *не ранѣе 1832 г.* Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что Гоголь, какъ это много разъ было указано въ примѣчаніяхъ редактора къ прежнимъ томамъ, всегда отличался наклонностью относить свои произведенія скорѣе *къ возможно болѣе раннему времени*. Но несомнѣнно, что мысль о постановкѣ пьесъ на сцену зародилась въ его душѣ еще нѣсколькими годами раньше, когда молодой писатель

былъ наведенъ на это предположеніе замѣченнымъ имъ въ петербургскомъ обществѣ сочувствіемъ ко всему малороссійскому. Это былъ пока внѣшній толчокъ, и главнымъ побужденіемъ служили здѣсь еще чисто практическія, матеріальныя соображенія. Дѣло касалось тогда притомъ лишь піесъ его отца. Въ письмѣ къ матери отъ 30 апрѣля 1829 г., *второмъ* извѣстномъ намъ письмѣ къ ней изъ Петербурга, Гоголь говорилъ между прочимъ: «Еще прошу васъ выслать мнѣ двѣ папенькины малороссійскія комедіи: «Овца-Собака» и «Романа съ Параскою». Здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну изъ нихъ *поставить на здѣшній театръ*. За это по крайней мѣрѣ достался бы мнѣ хотя небольшой сборъ; а по моему мнѣнію, ничего не должно пренебрегать, на все нужно обращать вниманіе»[1]). Въ то же время, или вскорѣ послѣ того, у Гоголя, какъ извѣстно, начала уже бродить мысль о поступленіи на сцену, и то же увлеченіе раздѣляли съ нимъ нѣкоторые изъ товарищей-нѣжинцевъ, особенно Н. Я. Прокоповичъ, пріѣхавшій въ половинѣ 1829 г. въ Петербургъ[2]) и дѣйствительно поступившій потомъ въ театральное училище. Мы не знаемъ положительно, были ли высланы Гоголю изъ дому, согласно его желанію, комедіи его отца: Гоголь не разъ благодаритъ мать за исполненіе другихъ его просьбъ и порученій, но нигдѣ больше ни словомъ не упоминаетъ о присылкѣ комедій; но причиной этого могло быть и то, что онъ пока больше интересовался матеріаломъ для своихъ повѣстей. По эпиграфамъ же этихъ послѣднихъ можно съ нѣкоторой вѣроятностью заключить, что комедіи отца *были* получены Гоголемъ, и эти-то комедіи въ извѣстной степени дали первоначальный толчокъ фантазіи нашего писателя — вначалѣ при созданіи его повѣстей, потомъ собственныхъ комедій. Въ 1830 г. вниманіе Гоголя все еще было всецѣло поглощено малороссійскими повѣстями и небольшими статьями, вошедшими позднѣе въ «Арабески», и здѣсь пока, на ряду съ художественными возбужденіями, имѣли значеніе также все еще соображенія чисто матеріальныя. 2 февраля 1830 г. онъ писалъ матери: «Жалованья получаю сущую бездѣлицу. Весь мой доходъ состоитъ въ томъ, что иногда напишу или переведу

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 82.

[2]) Нѣсколькими мѣсяцами позднѣе Гоголя: Гоголь пріѣхалъ въ Петербургъ въ концѣ декабря 1829 г., Прокоповичъ—въ іюлѣ слѣдующаго года (см. Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 87, 92 и проч.).

какую-нибудь статейку для гг. журналистовъ, и потому вы не сердитесь, моя великодушная маменька, если я васъ часто безпокою просьбою доставлять мнѣ свѣдѣнія о Малороссіи, или что-либо подобное. *Это составляетъ мой хлѣбъ*» — и далѣе: «Въ столицѣ нельзя *пропасть съ голоду* имѣющему хотя скудный отъ Бога талантъ»[1]). Какъ видно изъ всего остальнаго содержанія письма, мысль автора все еще охотно останавливалась преимущественно *на малороссійскихъ повѣстяхъ*. Въ числѣ порученій Гоголя матери мы встрѣчаемъ даже касающіяся коллекцій старинныхъ монетъ и старопечатныхъ книгъ[2]), но *нигдѣ* пока нѣтъ никакого намека на проектъ сочиненія *комедіи*, и это было въ то время, когда Гоголь, по его выраженію, «забрасывалъ просьбами» свою мать. Въ письмѣ отъ 8 іюня 1830 г. Гоголь сообщалъ матери: «Литературныя мои занятія и участіе въ журналахъ я давно оставилъ, хотя одна изъ статей моихъ доставила мнѣ мѣсто, нынѣ мною занимаемое. Теперь я собираю матеріалы только и въ тишинѣ обдумываю свой обширный трудъ»[3]). Изъ слѣдующаго письма мы узнаемъ, что тогдашнія литературныя занятія Гоголя готовились *не для журнала*[4]). Въ это время Гоголь уже считалъ себя «обезпеченнымъ совершенно» и при выборѣ литературныхъ задачъ и сюжетовъ могъ руководиться уже не столько матеріальными соображеніями, сколько внутреннимъ влеченіемъ. Вскорѣ Гоголь писалъ уже: «занятія мои, которыя еще большую принесутъ мнѣ извѣстность, *совершаются* мною въ тиши»[5]). Но и здѣсь все еще шла рѣчь пока о «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки». 19 сентября Гоголь послалъ матери первый томъ «Вечеровъ на хуторѣ» и былъ занятъ исключительно продолженіемъ этого труда. По окончаніи же «Вечеровъ», второй томъ которыхъ вышелъ въ январѣ 1832 г.[6]), творчество Гоголя было вскорѣ устремлено уже и *на созданіе комедій*. Весьма возможно, что здѣсь имѣло извѣстное вліяніе и состоявшееся около этой же поры знакомство Прокоповича съ артистомъ Сосницкимъ[7]),

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 103.
[2]) Тамъ же, стр. 104.
[3]) Тамъ же, стр. 114.
[4]) Тамъ же, стр. 117.
[5]) Тамъ же, стр. 180.
[6]) См. настоящ. изд. т. I, стр. 539.
[7]) См. «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. II, стр. 191; также см. «Историч. Вѣстникъ», 1894, IV, 109.

который именно тогда или вскорѣ послѣ этого познакомился и съ Гоголемъ [1]). Занятый уроками исторіи въ Патріотическомъ Институтѣ и историческими статьями, а также «Миргородомъ», Гоголь тѣмъ не менѣе преимущественно обдумывалъ пока свои планы относительно будущихъ пьесъ, и притомъ такъ глубоко и зрѣло, что во время своей остановки въ Москвѣ проѣздомъ въ Малороссію лѣтомъ 1832 г. удивилъ С. Т. Аксакова мѣткостью и основательностью своихъ сужденій о комедіи. Въ это же время, какъ извѣстно, Гоголь познакомился и сошелся съ М. С. Щепкинымъ [2]). О тогдашнихъ отношеніяхъ Гоголя къ театру мы знаемъ очень немного, но несомнѣнно, что именно въ связи съ возникавшими планами, въ виду предполагаемой въ будущемъ постановки своихъ пьесъ на сценахъ, Гоголь поспѣшилъ тогда же познакомиться и съ Загоскинымъ, какъ директоромъ Московскаго театра. Въ концѣ 1832 г. Гоголь писалъ Данилевскому: «Скажу тебѣ, что Красненькій» (т.-е. Н. Я. Прокоповичъ) «заходился (sic) не на шутку жениться на какой-то актрисѣ съ необыкновеннымъ, говоритъ, талантомъ,— лучше Брянскаго» [3]). Сношенія съ театральнымъ міромъ были еще, повидимому, не особенно значительны, и имѣли значеніе преимущественно для Прокоповича, но скоро Гоголь уже писалъ Погодину: «Вы спрашиваете объ «Вечерахъ» Диканьскихъ. Чортъ съ ними! *я не издаю ихъ;* и хотя денежныя пріобрѣтенія были бы не лишнія для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу» [4]). Настала пора болѣе благопріятная для другихъ задуманныхъ работъ, которыя могли уже занимать Гоголя *одновременно и наравнѣ съ «Миргородомъ»*. Наконецъ въ письмѣ къ Погодину отъ 20 февраля 1833 г. Гоголь говоритъ по поводу своихъ прежнихъ предположеній приняться за историческій трудъ: «Едва начинаю и что-нибудь совершу изъ исторіи, уже вижу собственные недостатки: то жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣе объемъ, то

[1]) См. «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 8—9. С. Т. Аксаковъ ошибочно относилъ этотъ пріѣздъ Гоголя въ Москву къ 1834 г.: Гоголь былъ тамъ въ 1835 г. Причиной ошибки было то, что, опредѣляя время приблизительно, Аксаковъ припоминалъ, что во время посѣщенія Гоголя онъ жилъ на Сѣнной, въ домѣ Штюрмера. Но онъ тутъ же говоритъ: «Гоголь *успѣлъ уже выдать* «*Миргородъ*» и «*Арабески*», — что было уже, какъ извѣстно, въ 1835 году.

[2]) Объ отношеніяхъ Гоголя къ Щепкину см. особенно — прекрасную статью Н. С. Тихонравова («Артистъ», 1890, янв., 84—99).

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 166.

[4]) Тамъ же, стр. 168.

вдругъ зиждется совершенно новая система и рушитъ старую. Напрасно я увѣряю себя, что это только начало, эскизъ, что оно не нанесетъ пятна мнѣ, что судья у меня одинъ только будетъ, и тотъ одинъ — другъ; но не могу, не въ силахъ. Чортъ побери, пока, трудъ мой, набросанный на бумагѣ, до другаго, спокойнѣйшаго времени! *Я не знаю, отчего я теперь жажду современной славы.* Вся глубина души такъ и рвется наружу. *Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего.* Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей; *но до сихъ поръ я ничего не написалъ.* Уже и сюжетъ было на-дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написано на бѣлой толстой тетрадкѣ: «Владиміръ 3-ьей степени», и сколько злости, смѣху, соли!.. Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. Что̀ изъ того, когда пьеса не будетъ играться? Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она — какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неконченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже квартальный не могъ бы обидѣться. Но что̀ комедія безъ правды и злости?»[1])

Набросанные Гоголемъ еще въ 1832 г. Матеріалы общіе и частные[2]) пошли въ дѣло преимущественно въ уничтоженной потомъ комедіи «Владиміръ 3-ьей степени»[3]), хотя, можетъ быть, не предназначались именно для нея[4]); но оставить мысль о комедіи съ правдой и злостью Гоголь былъ не въ силахъ, вслѣдствіе чего онъ все-таки продолжалъ начатую комедію «Владиміръ 3-ьей степени» и одновременно съ ней разрабатывалъ «сюжетъ самый невинный, которымъ даже квартальный не могъ обидѣться»; на ряду съ обдумываніемъ произведенія, которое должно было имѣть серіозное общественное значеніе, обдумывалось другое, въ значительной степени на основаніи разработки прежняго запаса художественныхъ матеріаловъ, нашедшихъ себѣ примѣненіе отчасти еще въ «Вечерахъ на хуторѣ».

Въ 1833 г. Гоголь началъ свою комедію «Женихи». Онъ нѣ-

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 174—175.

[2]) См. настоящ. изд. т. II, стр. 784.

[3]) См. настоящаго изданія т. II, стр. 734.

[4]) См. «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. II, стр. 324.

сколько разъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ этого года о желаніи написать что-нибудь «увѣсистое, великое, художническое»[1]). Въ маѣ 1833 г. онъ вновь писалъ Погодину: «Я не иначе надѣюсь отсюда» (т.-е. изъ Петербурга) «вырваться, какъ только тогда, когда зашибу деньгу большую. А это не иначе можетъ сдѣлаться, какъ по написаніи увѣсистой вещи. *А начало къ этому сдѣлано.* Не знаю, какъ пойдетъ дальше»[2]). Быть можетъ, это выраженіе относится къ какой-либо изъ комедій Гоголя: какъ разъ послѣ этого письма въ цѣломъ рядѣ писемъ къ разнымъ лицамъ Гоголь жалуется на вялую работу вдохновенія, а между тѣмъ, по его же показанію, «Женитьба» была написана, вѣрнѣе же начата,—въ 1833 году. 9 ноября Гоголь писалъ Максимовичу: «У меня есть сто разныхъ началъ, и ни одной повѣсти, и ни одного даже отрывка полнаго, годнаго для альманаха»[3]) и въ слѣдующемъ письмѣ: «для меня весь этотъ годъ прошелъ совершенно безъ всякой пользы»[4]). Тѣмъ не менѣе «Женихи» *были начаты въ 1833 г.*

Здѣсь мы должны для полноты обзора привести и разсмотрѣть одно соображеніе, касающееся «Женитьбы».

Въ 1833 г. Пушкинъ писалъ В. Ѳ. Одоевскому изъ Болдина (отъ 30 октября): «Кланяюсь Гоголю. Что̀ его комедія, въ ней же есть закорючка?». В. Ѳ. Одоевскій, печатая впослѣдствіи это письмо въ «Русскомъ Архивѣ», объяснилъ въ примѣчаніи, что это замѣчаніе касалось «Ревизора»[5]). Напротивъ Н. С. Тихонравовъ въ своемъ изданіи «Ревизора» («Первоначальный сценическій текстъ извлеченный изъ рукописей Н. С. Тихонравовымъ»)[6]) возражалъ, что «вопросъ Пушкина относится къ «Женитьбѣ» Гоголя, а не къ «Ревизору». Но позднѣе Н. С. Тихонравовъ убѣдился—и, разумѣется, вполнѣ основательно—въ томъ, что слова эти должны были относиться къ комедіи «Владиміръ 3 степени[7]). Но Н. С. Тихонравовъ все-таки продолжалъ относить комедію «Женихи» къ 1833 г.,

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 169.

[2]) Тамъ же, стр. 179.

[3]) Тамъ же, стр. 188.

[4]) Тамъ же, стр. 190.

[5]) См. соч. Пушкина, изд. Литер. Фонда, т. VII, стр. 382; «Русскій Архивъ», 1864 г., № 7—8, стр. 820.

[6]) См. «Ревизоръ», изд. Н. С. Тихонравовымъ, стр. V.

[7]) См. настоящаго изданія, т. II, стр. 736 и сборникъ «Памяти Н. С. Тихонравова», стр. 115; также «Артистъ», 1890, янв. (№ 5), стр. 95, примѣч. 3-ье.

принимая въ соображеніе еще слѣдующія слова письма Гоголя къ Максимовичу: «На театръ здѣшній я ставлю пьесу, которая, надѣюсь, кое-что принесетъ, да еще готовлю изъ-подъ полы другую»[1]). «Первою» — говоритъ изъ упоминаемыхъ здѣсь пьесъ Н. С. Тихонравовъ — «была «Женитьба», второю «Ревизоръ»[2]). Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ 1834 г. въ іюнѣ пріѣзжалъ къ Гоголю въ Петербургъ М. С. Щепкинъ[3]), свиданія съ которымъ, какъ можно думать, обыкновенно давали толчокъ работѣ Гоголя преимущественно надъ его комедіями.

Первоначальное названіе комедіи было, какъ извѣстно, «Женихи». Подлинная рукопись этой комедіи въ первоначальномъ наброскѣ, напечатанномъ на страницахъ 7—20 настоящаго тома, представляетъ собою три не сшитыхъ листа сѣрой писчей бумаги и находится въ Московскомъ Румянцовскомъ и Публичномъ музеѣ.

На первой страницѣ, вверху подъ заглавіемъ, стоитъ помѣтка: «Женихи». Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ»; но есть основаніе предполагать, что число дѣйствій здѣсь указываетъ скорѣе только на первоначальное предположеніе автора, такъ какъ здѣсь нѣтъ и въ поминѣ ни Подколесина, ни Кочкарева, да и вообще это пока только набросокъ[4]). Имена дѣйствующихъ лицъ называются здѣсь большею частью только въ началѣ отдѣльныхъ явленій. Пока мѣстомъ дѣйствія, какъ и повѣстей въ «Вечерахъ на хуторѣ» и «Миргородѣ», служитъ родная автору Малороссія. Нельзя отрицать, что самый сюжетъ комедіи чрезвычайно близко примыкаетъ къ тѣмъ эпизодамъ «Сорочинской ярмарки» или «Ночи передъ Рождествомъ», которые, въ свою очередь, наиболѣе напоминаютъ содержаніе одной изъ комедій Гоголя-отца: на это намекаютъ уже самые эпиграфы, взятые Гоголемъ для одной главы его украинской повѣсти, и именно той главы, которая по содержанію опять-таки наиболѣе соотвѣтствуетъ сюжету «Женитьбы»[5]). Героиня первоначальныхъ набросковъ комедіи «Женихи», Авдотья Гавриловна, представляетъ собою какъ бы посредствующее звено между личностями Хиври въ «Сорочинской ярмаркѣ», а также смѣлой,

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 223 и Письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 18.

[2]) «Ревизоръ» изд. Н. С. Тихонравова, стр. VII.

[3]) См. «Русскій Арх.», 1893, III, 303—304 и Соч. и письма Гоголя, V, 212.

[4]) См. «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. II, стр. 326—327; «Артистъ», № 5, 96.

[5]) См. этотъ эпиграфъ въ 1 т. настоящаго изд., стр. 20.

разбитной Солохи въ «Ночи передъ Рождествомъ» съ одной стороны и съ другой — робкой и застѣнчивой личностью Агаѳьи Тихоновны въ «Женитьбѣ». Въ первой же сценѣ она говоритъ: «Нѣтъ, да и нѣтъ жениховъ! Вымерли, какъ будто отъ чумы. Бывало прежде, благовоспитанные люди сами отправлялись искать невѣстъ, а теперь ищи ихъ!» Въ «Женитьбѣ» напротивъ уже женихи ищутъ руки Агаѳьи Тихоновны. Авдотья Гавриловна представлена еще малороссійской помѣщицей и пользуется услугами не свахи, а своей домашней прислуги, Марѳы Ѳоминичны; жениховъ она посылаетъ разыскивать самымъ первобытнымъ и карикатурнымъ образомъ—на ярмаркѣ. Женихи, въ свою очередь, также безъ длинныхъ предисловій, прямо и безъ церемоній, приступаютъ къ цѣли, а одинъ изъ нихъ даже безъ дальнихъ околичностей, почти съ первыхъ же словъ, заявляетъ невѣстѣ, что она «благое дѣло вздумала, что рѣшила упрочить судьбу свою»[1]).

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ къ Максимовичу Гоголь снова упоминаетъ о своихъ тогдашнихъ литературныхъ трудахъ, къ числу которыхъ, безъ сомнѣнія, принадлежали и его комедіи: «Я тружусь, какъ лошадь, но только не надъ казенной работой, т.-е. не надъ лекціями, но надъ собственно своими вещами»[2]). «Гоголь» — говоритъ покойный Н. С. Тихонравовъ, — «не былъ доволенъ написаннымъ для «Жениховъ». Не оставляя выбраннаго для комедіи сюжета, онъ сталъ обрабатывать его по совершенно новому плану. Подъ этимъ новымъ, вторымъ, наброскомъ комедіи появилось, въ черновомъ экземплярѣ, заглавіе «Женитьба». Наброски этой редакціи сохранились въ записной книгѣ Гоголя 1834—1835 годовъ, нынѣ принадлежащей Московскому Публичному Музею; нѣкоторые листы разорваны, уцѣлѣли въ корешкѣ однѣ половины»[3]). Лѣтомъ 1835 г. Гоголемъ была уже переработана комедія «Женихи», и онъ читалъ ее у Погодина, въ измѣненномъ видѣ. По словамъ С. Т. Аксакова[4]), «Гоголь до того мастерски читалъ или, лучше сказать, игралъ свою пьесу, что многіе, понимающіе это дѣло люди до сихъ поръ говорятъ, что на сценѣ, не смотря на хорошую игру актеровъ, особенно Садовскаго въ роли Подколесина, эта комедія не такъ смѣшна, какъ въ чтеніи самого

---

[1]) См. выше, стр. 12.

[2]) Соч. и письма Гоголя, V, 225.

[3]) «Артистъ», 1890, янв. (№ 5), стр. 97.

[4]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 9—10.

автора. Слушатели до того смѣялись, что нѣкоторымъ сдѣлалось почти дурно. Но увы! Комедія не была понята. Большая часть говорила, что піеса — неестественный фарсъ, но что Гоголь ужасно смѣшно читаетъ». Но и вторая переработка пьесы была все еще далеко не свободна отъ фарса. «Чтеніе «Жениховъ» въ залѣ Погодина» — продолжаетъ Н. С. Тихонравовъ — «открыло Гоголю глаза на недостатки этой піесы: онъ понялъ впечатлѣніе, произведенное на «большую часть» слушателей, оцѣнилъ значеніе высказанныхъ ими замѣчаній и смыслъ застѣнчиваго ихъ молчанія»[1]). Послѣ этого Гоголь еще разъ передѣлалъ комедію.— Разсмотримъ подробнѣе всѣ эти перемѣны.

Сличеніе первоначальнаго и переработаннаго въ 1836 г. текста «Жениховъ» указываетъ прежде всего на то, что въ послѣднемъ почти все первое дѣйствіе было сочинено вновь, и первоначальная редакція дала матеріалъ только для конца его, начиная съ одиннадцатаго явленія, а также для втораго дѣйствія. Одиннадцатое явленіе, (и вся остальная переработка первоначальныхъ набросковъ «Жениховъ») присоединяется къ предыдущей части комедіи возраженіемъ неожиданно вошедшей свахи — на слова о ней Ирины Пантелеймоновны: «Да вѣдь она лгунья, мой свѣтъ». Ѳекла на эти слова отвѣчаетъ: «Анъ нѣтъ, Ирина Пантелеймоновна, грѣхъ вамъ понапрасну поклепъ взводить»[2]). Послѣ этого слѣдуетъ чрезвычайно близкое воспроизведеніе первоначальныхъ набросковъ. Наиболѣе замѣтное отличіе особенно обнаруживается въ отношеніи къ вступительному монологу Авдотьи Гавриловны первоначальныхъ набросковъ: въ переработанной редакціи сюжетъ является уже болѣе сложнымъ и развитымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней являются нѣкоторыя новыя лица, начиная съ Ирины Пантелеймоновны. Въ виду введенія послѣдней въ комедію было бы уже неудобно оставлять вступительный монологъ Авдотьи Гавриловны («Что̀ это Господи Боже мой, долго ли я буду въ дѣвкахъ оставаться?»),— тѣмъ болѣе, что первоначальная цѣль его заключается собственно въ ознакомленіи зрителей съ дѣйствующими лицами и положеніями, что̀ становилось теперь, въ серединѣ пьесы, ненужнымъ; при переработкѣ втораго явленія первоначальнаго наброска особенно сглажены безцеремонныя проявленія со стороны невѣсты нетерпѣнія узнать о женихахъ, и если не устраненъ, то

---

[1]) «Артистъ», № 5, стр. 98.

[2]) См. выше, стр. 34.

значительно ослабленъ слишкомъ ласковый, заискивающій тонъ обращенія ея къ свахѣ. Но въ этой редакціи еще удержанъ опущенный впослѣдствіи вопросъ невѣсты: «Ну, что, говори, гдѣ ты запропастилась?»[1]) Дальнѣйшія измѣненія находятся въ самой тѣсной связи съ перенесеніемъ мѣста дѣйствія изъ деревенской помѣщичьей среды въ купеческую и городскую. Въ первоначальной редакціи: «За твоими порученіями *такъ изъѣздилась*, такъ изъѣздилась, что и поясница и бокъ и все болитъ» и проч.; въ переработанной: «По твоей коммиссіи *всѣ дома исходила*. Ужъ, Богъ мой, гдѣ не была! *По канцеляріямъ, по министеріямъ*[2]) истаскалась, въ караульни наслонялась». Согласно этому и не совсѣмъ естественныя приключенія первоначальнаго наброска: «Два раза кони били: такіе звѣри! Засѣдатель — обывательскихъ: таратайка моя вся такъ и разсыпалась», и другое, безъ сомнѣнія, также не вполнѣ естественное или, вѣрнѣе, вполнѣ неестественное порученіе помѣщицы отыскивать женіховъ на ярмаркѣ замѣнены несравненно болѣе правдоподобными подробностями и гораздо болѣе художественными штрихами, удержанными уже и въ окончательной редакціи. Затѣмъ послѣ успокоительныхъ словъ Ѳеклы: «Не пугайся, мать моя. Дѣло житейское: пріѣдутъ, посмотрятъ — больше ничего; и ты посмотришь ихъ: не понравятся — ну и уѣдутъ» вставлено замѣчаніе Ирины Пантелеймоновны: «Ну ужъ, я чай, хорошихъ приманила!» чѣмъ охарактеризовано несочувственное отношеніе ея къ поискамъ женіховъ изъ «благородныхъ». Также измѣнена похвала свахи женихамъ: «зато ужъ какихъ женіховъ я тебѣ припасла! то-есть и стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а такихъ еще не было» — вмѣсто прежней похвалы: «Вотъ, какъ орѣхи каленые, всѣ на подборъ». При обрисовкѣ Прасковьи Тихоновны Гоголь усиливаетъ теперь изображеніе ея конфузливости: — между тѣмъ какъ Авдотья Гавриловна поражена только неожиданностью и тотчасъ же, вслѣдъ за восклицаніемъ: «ухъ какъ много!» принимается съ нескрываемой жадностью разспрашивать: «разскажи, моя голубушка, какіе они?» — Прасковья Тихоновна сперва вскрикиваетъ отъ смущенія, такъ что Ѳекла говоритъ ей: «Ну, что жъ ты, мать моя, такъ *вспорохнулась?*» При обрисовкѣ другихъ лицъ также сдѣланы легкія перемѣны: о Жевакинѣ въ первоначальной редакціи

---

[1]) См. выше, стр. 34.

[2]) Любимое словечко Ѳеклы въ этой редакціи, а также отчасти и въ окончательной.

Марѳа отзывается: «на флотѣ служилъ *и такой учтивый*»; послѣдняя черта, какъ болѣе соотвѣтствующая характеру Онучкина, въ переработанной редакціи приписывается уже ему[1]). Въ свою очередь, пропущена совершенно не гармонирующая съ характеромъ Онучкина, но въ первоначальной редакціи приписываемая ему фраза: «мнѣ нужно не то, чтобы невѣста была такая-то и растакая»; вмѣсто того прибавлена слѣдующая наивная характеристика его: «да, тонкаго поведенія человѣкъ: нѣмецкая штука!»[2]) Затѣмъ вновь прибавленъ разговоръ о фамиліи жениха, названнаго въ первоначальномъ наброскѣ, какъ и въ окончательной редакціи «Женитьбы» — Яичницей, тогда какъ въ переработанной редакціи «Жениховъ» онъ именуется «Горшокъ»: «Ахъ, Боже мой! Послушай, Ѳеклуша: какъ же я буду называться, если, напримѣръ, выйду за него замужъ? Агаѳья Тихоновна Горшокъ! Богъ знаетъ, что̀ такое!»[3]) Также прибавлены слова свахи о Жевакинѣ, что у него «носъ хорошій; все на своемъ мѣстѣ, и самъ такой славный. Только не погнѣвайся: ужъ на квартирѣ одна только трубка и стоитъ, больше ничего нѣтъ, никакой мебели». Цѣль послѣдней прибавки, очевидно, усилить комизмъ также и въ изображеніи самой свахи, равно какъ съ этой же цѣлью о слѣдующемъ женихѣ, Акинфѣ Степановичѣ Пантелеевѣ, вставлено, что онъ «заикается, зато ужъ такой скромный». Послѣ этого слѣдуетъ длинная прибавка — сначала о Подколесинѣ, который не былъ и въ помышленіи автора при сочиненіи первоначальныхъ набросковъ, и перекоры между невѣстой и ея теткой за то, что послѣдняя одѣвается по-купечески. Здѣсь невольно припоминаются слова Сосницкаго въ письмѣ къ Щепкину: «Я ему» (т.-е. Гоголю) «далъ нѣкоторыя смѣшныя идеи объ обычаяхъ купеческихъ невѣстъ»[4]). Хотя слова эти относятся къ нѣсколько позднѣйшему времени, но вообще вліяніе разсказовъ Щепкина и Сосницкаго на переработку «Женитьбы» не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Прямое указаніе на это находимъ выше, на стр. 43: «Кочкаревъ со свахой пикируется острыми словами. Какимъ образомъ пикируются, я ужъ не помню; *объ этомъ слѣдуетъ узнать у Щепкина и Сосницкаго*, — такъ, какъ и объ обря-

[1]) См. примѣры соотвѣтствующихъ измѣненій въ «Ревизорѣ» въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», т. II, стр. 370.

[2]) Ср. выше, стр. 8 и 35.

[3]) См. выше, стр. 36.

[4]) См. настоящаго изданія т. II, стр. 696.

дахъ, какіе при этомъ употребляются у купцовъ. Они могутъ посовѣтоваться объ этомъ съ Погодинымъ, знающимъ этотъ бытъ, и пополнить такимъ образомъ эту сцену». Указаніе въ высшей степени любопытное и драгоцѣнное. Впрочемъ перекоры невѣсты съ теткой и ея пристрастіе къ дворянству въ окончательной редакціи значительно сглажены и въ частности въ этой редакціи снова опущена прибавка къ первоначальному наброску въ концѣ разбираемой сцены; удержаны только слова о сравнительныхъ преимуществахъ дворянъ и купцовъ въ словахъ свахи, а не самой невѣсты: это прибавленіе является также впервые только въ *переработанной* редакціи «Жениховъ» (явленіе XII). Наконецъ при сравненіи втораго явленія первоначальнаго наброска съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ переработанной редакціи слѣдуетъ обратить вниманіе на поправку въ вопросѣ: «сколько за ней *крѣпостнаго*, движимаго, рухляди»? «Въ переработанной редакціи «Женихов» еще читаемъ: «сколько за ней крѣпостныхъ, движимой и недвижимой рухляди?» но въ «Женитьбѣ» это мѣсто, согласно перенесенію невѣсты изъ помѣщичьей среды въ среду столичнаго купечества, читается уже такъ: «Ты мнѣ не толкуй пустяковъ, что невѣста такая и эдакая, ты скажи напрямикъ, сколько за ней движимаго и недвижимаго»[1]). Слова эти притомъ вложены теперь уже въ уста Яичницы[2]). Въ связи съ этимъ измѣненіемъ находится и пропускъ въ послѣдующихъ редакціяхъ всего 3 явленія, въ которомъ Яичница, какъ помѣщикъ, разспрашиваетъ и о крѣпостныхъ и обо всемъ деревенскомъ хозяйствѣ: сцена эта совершенно переработана. Въ концѣ втораго явленія Авдотья Гавриловна, услышавъ лай собакъ и догадавшись о пріѣздѣ одного изъ женихов, спѣшитъ одѣваться: «Ахъ, Боже! Вотъ тебѣ на! Я чуть не въ одной рубашкѣ! Слушай, голубушка, Ѳекла Савична, посиди тутъ, да не пускай, если станетъ пробираться въ мою комнату». Въ окончательной редакціи Гоголь воспользовался этимъ штрихомъ, развивъ его въ цѣлую и притомъ правдоподобную сцену явленія XVII перваго дѣйствія[3]). Въ первоначальной редакціи «Женихов» вообще многое набросано еще безъ строгой художественной обработки; такъ, тамъ и слова и поступки дѣйствующихъ лицъ отличаются

[1]) См. настоящаго изд. т. II, стр. 367.

[2]) Въ послѣдней редакціи «Женихов» слова эти уже принадлежатъ Яичницѣ, въ первоначальномъ наброскѣ — Анучкину.

[3]) См. выше, стр. 9 и т. II, стр. 375.

иногда преувеличенно-комической откровенностью; напр. Марѳа прямо заявляетъ Яичницѣ о барышнѣ, что она «ушла принарядиться, *лучше жениху показаться*». Въ переработанной редакціи разспросы Яичницы, обращенные непосредственно къ служанкѣ, игравшей роль свахи, замѣнены собственнымъ его комическимъ монологомъ, а затѣмъ его размышленія повторены въ началѣ втораго дѣйствія; но въ окончательной редакціи это излишество уже устранено.

Въ слѣдующемъ, четвертомъ, явленіи обоихъ первоначальныхъ набросковъ еще замѣтнѣе недостатокъ обработки; сваха тамъ также совершенно явно, въ присутствіи Яичницы, заявляетъ: «*Невѣста* пошла принаряжаться, чтобы *лучше принять васъ*», т.-е. жениховъ,— послѣ чего не совсѣмъ послѣдовательнымъ является вложенное въ уста Яичницы размышленіе объ Анучкинѣ: «Нѣтъ, голубчикъ, васъ сейчасъ можно узнать: этакъ не наряжаются, какъ ты, для прогулки. Жениться, подлецъ, хочетъ!» [1]) Въ переработанной редакціи, гдѣ въ соотвѣтствующей сценѣ устранено присутствіе свахи, а слѣдовательно и ея откровенныя заявленія о томъ, что *невѣста* ушла принарядиться, — совершенно понятны и естественны соображенія Герасима Петровича Горшка: «Мнѣ подозрительна физіономія этого человѣка. Я полагаю, чуть ли и онъ не за тѣмъ пришелъ, зачѣмъ и я», послѣ чего можно было вполнѣ удержать слова Анучкина: «Нѣтъ, я такъ только съ прогулки» и слова Герасима Петровича: «жениться, подлецъ, хочетъ!» [2]) Послѣ этого въ переработанной редакціи, въ которой вообще гораздо стройнѣе сконцентрированы и расположены отдѣльныя явленія, слѣдуетъ передѣлка седьмаго явленія первоначальнаго наброска, гдѣ передъ зрителями въ первый разъ выступаетъ Жевакинъ. Здѣсь опять, соотвѣтственно извѣстному намъ измѣненію мѣста дѣйствія и обстановки, слова: «*Я сидѣлъ ни тепло, ковра-то не было, такъ, я думаю, сѣница-то довольно ко мнѣ пристало*» измѣнены такъ: «Пыли-то, знаешь, довольно — много всего попристало» [3]). Затѣмъ Жевакинъ переходитъ къ похваламъ своему фраку и разсказываетъ по годамъ всю исторію его; здѣсь въ переработанной редакціи опущенъ конецъ: «въ 1815 вышелъ въ отставку, передѣланъ изъ мундира фракъ, и вотъ скоро десять лѣтъ ношу, и почти что новый»,—

---

[1]) См. выше, стр. 11.
[2]) См. выше, стр. 39.
[3]) См. стр. 15 и 39.

и обращенныя затѣмъ къ Θеклѣ слова: «Благодарю, душенька, м... м... раскрасоточка!» слишкомъ неправдоподобныя въ виду ея далеко не молодыхъ лѣтъ (Яичница только-что называлъ ее въ предыдущемъ явленіи «*старухой*»), опущены, и возстановлены уже въ окончательной редакціи, и уже въ примѣненіи къ молодой служанкѣ, Дуняшкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ окончательной редакціи возстановлена также находящаяся въ связи съ этими словами ремарка, хотя и въ нѣсколько сокращенномъ видѣ; пропущены слова: «выдвигаетъ воротнички» и далѣе: «съ гримасами посматриваетъ на одного, потомъ на другаго». Послѣднее измѣненіе было необходимо и обусловливалось тѣмъ, что, тогда какъ въ первоначальномъ наброскѣ, при явной и открытой вербовкѣ жениховъ, каждый изъ нихъ имѣлъ сразу основаніе подозрѣвать въ другомъ соперника, — въ позднѣйшей редакціи такое быстрое уясненіе каждымъ изъ гостей цѣлей другаго много мѣшало бы обрисовкѣ комической наивности нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ. Вся остальная часть седьмаго явленія тоже пропущена въ переработанной редакціи, которая, впрочемъ, въ томъ видѣ, какъ мы находимъ ее въ подаренной вдовой И. С. Аксакова Московскому Публичному и Румянцовскому музею записной книгѣ, не представляетъ собою вполнѣ законченнаго произведенія, при чемъ во второмъ дѣйствіи не установлена даже послѣдовательность отдѣльныхъ явленій. Въ окончательную редакцію конецъ седьмаго явленія вошелъ лишь съ незначительными измѣненіями; тамъ возстановлены въ нѣсколько измѣненномъ видѣ слѣдующія слова Жевакина въ первоначальномъ наброскѣ «Женихов» о Сициліи: «все такія горы; *внизу вездѣ такіе домики*»[1]); послѣ слова о сициліанкахъ, что онѣ образованы «превосходнымъ образомъ», прибавлено: «такъ образованы, какъ вотъ у насъ графини развѣ» и дальше: «ну, словомъ, такой лакомый кусочекъ»[2]). Затѣмъ въ окончательной редакціи сдѣланы нѣкоторыя стилистическія измѣненія и прибавлены нѣкоторыя болѣе характеристическія черты; прибавлены также слѣдующія слова Жевакина объ итальянскомъ, или, какъ онъ называетъ, французскомъ языкѣ: «Скажи по-французски: «Datecі del pane» или: «portate vino» — пойметъ и побѣжитъ, и точно принесетъ» и дальше: «Вообще, я вамъ доложу, языкъ довольно лег-

[1]) См. выше, стр. 15. — Нѣкоторое сходство съ этими словами представляютъ слова Хлестакова въ разговорѣ съ Анной Андреевной (см. выше, стр. 99).

[2]) Т. II, стр. 372—373.

кій, — наши матросы въ три дни какихъ-нибудь стали совершенно понимать другъ друга»[1]).

Возвращаясь теперь къ сличенію пятаго явленія перваго дѣйствія съ измѣненіями его въ другихъ редакціяхъ мы должны указать снова устраненіе нѣсколькихъ карикатурныхъ мѣстъ, напр. Яичница тамъ говоритъ: «Вы не смотрите, сударыня, что у меня плѣшь на головѣ: это отъ лихорадки. Это выростетъ, это ничего»[2]), или слова Авдотьи Гавриловны, на вопросъ Яичницы: «мы слышали, что вы изволили принарядиться»: «А, это уже Ѳекла изволила провраться. Нѣтъ, только-что подралась съ кухаркою». Значеніе послѣднихъ словъ было, очевидно, то, что Авдотья Гавриловна хотѣла по-своему зарекомендовать себя передъ женихами хорошей хозяйкой-помѣщицей. Слова ея брошены какъ будто безъ цѣли, но Яичница тотчасъ же понимаетъ ихъ именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ они были сказаны: — «О, хозяйка!» тотчасъ же съ удовольствіемъ замѣчаетъ онъ про себя. Но она не только хочетъ выставить себя хозяйкой, но и въ самомъ дѣлѣ заботится о хозяйствѣ. Какъ заботливая хозяйка, Авдотья Гавриловна, заслышавъ звонокъ, извѣщающій о пріѣздѣ новыхъ гостей, спѣшитъ хлопотать и распоряжаться: «Ахъ, Боже мой, заказать хоть вотрушки!» Какъ помѣщица, она представляетъ до нѣкоторой степени отдаленное сходство съ цѣлымъ рядомъ прежде изображенныхъ Гоголемъ или слегка очерченныхъ имъ малороссійскихъ помѣщицъ, особенно въ этихъ словахъ ея женихамъ: «если бы я знала о вашемъ пріѣздѣ, я бы приготовила рыбій соусъ или хоть бараній бокъ съ кашей; но вмѣсто того за столомъ будутъ только щи да кулебяка, да грибы жареные, да дроченое. Право, мнѣ ужъ и совѣстно».— Все это въ переработанной редакціи, разумѣется, оказывается выпущеннымъ, а равно и разсужденія Яичницы о томъ, что «жена безъ мужа — все телѣга безъ колесъ»[3]) и проч. Затѣмъ въ переработанной редакціи вновь сочинено почти все 7 явленіе, гдѣ гости рекомендуются невѣстѣ: въ первоначальномъ наброскѣ, по которому невѣста сама открыто посылала Марею искать на ярмаркѣ жениховъ, конечно, не нужны были необходимыя въ переработанной редакціи объясненія причинъ появленія ихъ въ квартирѣ невѣсты. Здѣсь же Горшокъ заявляетъ,

[1]) Тамъ же, стр. 374.

[2]) Выше, стр. 12.

[3]) См. выше, стр. 12.

что прочелъ въ газетахъ публикацію о продажѣ лѣса и дровъ, на что невѣста отвѣчаетъ: «Нѣтъ, я въ подряды не вступала и лѣсу совсѣмъ нѣтъ; а, можетъ, это другой кто?» Въ окончательной редакціи Яичницѣ отвѣчаетъ уже Арина Пантелеймоновна, какъ старшая въ домѣ: «Хоть подрядовъ никакихъ не беремъ, а приходу рады»[1]). Въ рекомендаціи Жевакина (явленіе 8 первоначальнаго наброска) необходимо надо было сдѣлать еще болѣе существенное измѣненіе; тамъ Жевакинъ просто говорилъ: «Сударыня, я почелъ за долгъ лично засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе. Тѣмъ болѣе для меня пріятно, что вы очень обожаемая особа. Вы имѣете, сударыня, такую свѣжесть румянца, такой розанчикъ... что я, такъ сказать, приношу вамъ мое сердце»[2]). Въ переработанной редакціи читаемъ: «Я, признаюсь, сударыня, тоже что-то слышалъ въ газетахъ. Думаю себѣ, дай-ка пойду. Погода эдакъ поутру: солнышко, трава, знаете, этакъ зеленѣетъ; время веселое». Наконецъ въ окончательной редакціи послѣднія слова: «время веселое» опущены[3]). Затѣмъ снова опущена изъ первоначальнаго наброска подробность деревенскаго быта»: «Я извиняюсь только, что полъ не вымытъ: Ѳетинья дѣвка, *перемзая черезъ плетень*, перекувыркнулась»...[4]) Прибавлены далѣе слова Анучкина: «что̀ касается до меня, сударыня, то я почелъ съ своей стороны очень неучтивымъ, живя такъ близко, будучи, такъ сказать, сосѣдомъ — и чтобы при этомъ не познакомиться съ вами» и его отвѣтъ на вопросъ невѣсты, не живетъ ли онъ въ сосѣднемъ домѣ: «То-есть я, сударыня, живу на Пескахъ, но имѣю намѣреніе въ скоромъ времени переселиться на этотъ конецъ города»[5]). Многія изъ этихъ передѣлокъ второй редакціи «Жениховъ» не удовлетворили Гоголя, и въ окончательной редакціи онѣ снова подверглись переработкѣ.

Въ остальной части пятаго явленія перемѣны коснулись преимущественно одной подробности. Въ первоначальномъ наброскѣ за рекомендаціей выписанныхъ съ ярмарки женіховъ естественно слѣдовали съ ихъ стороны старанія каждаго изъ нихъ увѣрить невѣсту въ своемъ превосходствѣ предъ другими. Въ переработанной редакціи не могло уже быть такого открытаго соперничества женіховъ, а

---

[1]) Ср. выше, стр. 41 и т. II, стр. 376.
[2]) Выше, стр. 17.
[3]) Ср. выше, стр. 41 и т. II, стр. 376.
[4]) См. выше, стр. 17.
[5]) Выше, стр. 41—42.

также было бы неестественно, чтобы они сразу же, съ перваго слова, заговорили о сватовствѣ: поэтому вставленъ небольшой разговоръ о погодѣ, послѣ котораго Яичница, ex abrupto переходя къ дѣлу, резонируетъ: «Если человѣкъ семейный, то все ужъ развлеченіе: мужъ играетъ на какомъ-нибудь инструментѣ или роется въ бумагахъ, а жена около вышиваетъ или вяжетъ карпетки для дому. Все время проходитъ съ пріятностью»[1]). Слова эти, однако, благодаря ихъ нѣсколько сентиментальному оттѣнку, не совсѣмъ согласовались съ характеромъ Яичницы и потому были снова измѣнены въ окончательной редакціи. Странно, что еще въ первоначальномъ наброскѣ нѣчто сходное говоритъ Анучкинъ, которому дѣйствительно больше идутъ такія рѣчи, чѣмъ Яичницѣ[2]). Также вставленное въ переработанной редакціи нѣсколько циническое разсужденіе Старикова о преимуществахъ женатой жизни снова опущено въ окончательной редакціи. («Да, вотъ его благородіе справедливо, т.-е., замѣтили на счетъ-то супружескаго-то дѣла. Коли, т.-е., женатый человѣкъ, ужъ совсѣмъ другой примѣръ. До вечера сидишь по коммерціи, а въ вечеру лавку запрешь, идешь домой. И вечеромъ ужъ не таскаешься по Невскому или Мѣщанской, потому что знаешь, что въ домѣ, т.-е., сожительница есть»). Зато вся остальная часть 18 явленія перваго дѣйствія переработанной редакціи, отсутствующая въ первоначальномъ наброскѣ, въ окончательной редакціи внесена въ 19-е явленіе перваго дѣйствія съ небольшими перемѣнами. Конфузъ невѣсты отъ слишкомъ настойчивыхъ разспросовъ жениховъ гораздо ярче изображенъ въ послѣдующихъ редакціяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ представлено и недоумѣніе жениховъ (см. явленіе 19 перваго дѣйствія переработанной редакціи «Жениховъ»). Сужденія ихъ о невѣстѣ въ ея отсутствіе воспроизведены далѣе въ 19-мъ явленіи перваго дѣйствія. Перемѣны касаются здѣсь слѣдующихъ частностей: первое слово не въ пользу невѣсты, вслѣдствіе слишкомъ поразительнаго контраста дѣйствительности съ неумѣренными похвалами свахи, въ первоначальномъ наброскѣ, сказано Анучкинымъ, болѣе требовательнымъ въ отношеніи женской красоты, чѣмъ равнодушный къ ней Яичница: «Невѣста впрочемъ довольно развязная», хвалитъ сначала Анучкинъ и тотчасъ же прибавляетъ: «носъ только длиненъ», на что Яич-

[1]) См. выше, стр. 43; также т. II, стр. 378.

[2]) См. выше, стр. 13 и 14.

ница съ своей стороны отвѣчаетъ: «Ну, нельзя сказать, чтобы очень... Нѣтъ, хорошая красавица», и тогда уже Анучкинъ излагаетъ свою теорію женской красоты: «брови должны быть у хорошей красавицы узенькія, дугой» и проч. Послѣ этого Яичница, въ свою очередь, находитъ, что у невѣсты носъ не хорошъ, и говоритъ даже, что носъ «въ три аршина. Этакая машинища» и проч. Въ переработанной редакціи разговоръ о носѣ начинаетъ соотвѣтствующій Яичницѣ Горшокъ: «великъ носъ страшно, вотъ что̀ худо», но Жевакинъ и Анучкинъ возражаютъ; первый говоритъ: «Ну, я этого, признаюсь, не примѣтилъ, насчетъ носа», а Анучкинъ: «Насчетъ носа, позвольте доложить — это еще ничего, но въ ней нѣтъ, знаете, этой манеры высшаго общества»[1]). Такая перемѣна, вѣроятно, вызвана намѣреніемъ автора сосредоточить вниманіе Анучкина исключительно на французскомъ языкѣ и тонкомъ образованіи, но этой передѣлкой Гоголь потомъ не былъ удовлетворенъ, и въ «Женитьбѣ» разговоръ о недостаткахъ невѣсты у него, уже намѣренно, заводитъ Кочкаревъ, хотя, какъ и въ предыдущей редакціи, Яичница первый замѣчаетъ, что у нея великъ носъ; но въ этой редакціи опущено уже приведенное нами дальнѣйшее разсужденіе его: «Кой чортъ — красота! У ней (одинъ) носъ, я вамъ говорю, въ три аршина. Этакая машинища!»[2]) Также въ переработанной редакціи уже указанное замѣчаніе Жевакина: «Ну, я этого, признаюсь, не примѣтилъ, насчетъ носа; а въ лицѣ, впрочемъ, много этакого... въ щекахъ румянецъ, эдакой розанчикъ»[3]) — перенесено изъ 7 явленія первоначальнаго наброска (оно же повторено съ легкимъ измѣненіемъ и въ 9 явленіи[4]). Въ остальномъ шестое явленіе этого наброска довольно близко воспроизведено въ 19 явленіи перваго дѣйствія второй редакціи «Жениховъ», за исключеніемъ угрозъ Яичницы свахѣ, которыя въ измѣненномъ видѣ воспроизведены въ особомъ явленіи[5]).

Три послѣднія сцены первоначальнаго наброска представляютъ опять явные слѣды необработанности плана: авторъ, очевидно, развивая въ новомъ видѣ уже не разъ затронутый сюжетъ (въ «Соро-

---

[1]) См. выше, стр. 45.

[2]) См. выше, стр. 14.

[3]) См. выше, стр. 45.

[4]) См. стр. 17 и на 20: «Кто только эта счастливая особа, кому достанется вашъ..., всѣ украшенія достанутся?»

[5]) См. стр. 52.

чинской ярмаркѣ» и «Ночи передъ Рождествомъ»), пока остановился на переговорахъ о дуэли, которая, казалось, должна была явиться естественнымъ способомъ разрѣшенія соперничества нѣсколькихъ претендентовъ на руку одной невѣсты. Дальше планъ пьесы былъ не обдуманъ, и набросокъ обрывался на серединѣ разговора жениховъ съ Авдотьей Андреевной (такъ намѣчено здѣсь имя Авдотьи Гавриловны). Такимъ образомъ на основаніи сравненія переработанной редакціи «Жениховъ» мы должны прійти къ тому заключенію, что передѣлка касалась преимущественно замѣны помѣщичьей среды купеческою и болѣе заботливаго распредѣленія послѣдовательности, въ какой отдѣльныя сцены первоначальныхъ набросковъ съ соотвѣтствующими имъ частями слѣдуютъ одна за другой, затѣмъ смягченія и полнаго устраненія карикатурныхъ штриховъ.— Далѣе значительно измѣненъ характеръ одного изъ главныхъ лицъ— невѣсты. Наконецъ устранены и сглажены мелкія непослѣдовательности и противорѣчія. Особенно заслуживаетъ вниманія при этихъ передѣлкахъ то, что нѣкоторыя изъ нихъ Гоголь допускалъ только на время, будучи ими не вполнѣ доволенъ, и ихъ-то, конечно, онъ подвергалъ потомъ новымъ переработкамъ. Существенное же отличіе второй редакціи «Жениховъ» отъ первоначальной представляетъ значительное расширеніе сюжета и введеніе въ комедію новыхъ лицъ. Если всѣ узоры первоначальнаго наброска нарисовались въ воображеніи автора на знакомомъ фонѣ сходнаго сюжета, уже обработаннаго въ «Сорочинской ярмаркѣ» и «Ночи передъ Рождествомъ», то для созданія личности Подколесина Гоголь, несомнѣнно, воспользовался, какъ это замѣтилъ еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Аполлонъ Григорьевъ, своей недоконченной повѣстью: «Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка»[1]). Внесеніе въ пьесу Подколесина могло явиться, очевидно, лишь по прошествіи нѣкотораго промежутка времени, когда настоящая внутренняя потребность въ яркомъ воспроизведеніи (и притомъ именно въ драматическомъ дѣйствіи) личностей черезчуръ рѣшительнаго и развязнаго свата и застѣнчивыхъ, робкихъ любовниковъ заставила автора пренебречь окончаніемъ «Ивана Ѳедоровича Шпоньки» и пожертвовать въ интересахъ комедіи матеріаломъ, приготовленнымъ сначала для повѣсти. Случиться это могло, конечно, уже

[1]) См. «Время» 1863, II, «Современное Обозрѣніе», стр. 15: «Въ простодушномъ очеркѣ характера Ивана Ѳедоровича Шпоньки таится уже зерно глубокаго созданія характера Подколесина».

послѣ того, какъ Гоголь совершенно отказался отъ дальнѣйшихъ работъ надъ «Вечерами». При этомъ роли Василисы Кашпаровны и Ивана Ѳедоровича передаются Кочкареву и Подколесину, а подъ вліяніемъ уже достаточно обрисовавшагося въ воображеніи автора характера благонравной дѣвицы Марьи Гавриловны существенно измѣненъ характеръ невѣсты первоначальнаго наброска. Особенно — курьезное объясненіе Ивана Ѳедоровича Шпоньки съ Марьей Гавриловной, постоянно прерываемое продолжительными паузами, его нерѣшительность въ сватовствѣ какъ нельзя болѣе сходно съ соотвѣтствующими мѣстами въ «Женитьбѣ»[1]). Эта сцена уже настоятельно требовала измѣненія характера слишкомъ разбитной невѣсты первоначальнаго наброска. Какъ показываетъ порядокъ дѣйствія въ переработанной редакціи «Жениховъ» и какъ ясно уже a priori, Гоголь, подъ вліяніемъ новаго художественнаго возбужденія, написалъ почти все первое дѣйствіе и затѣмъ воспользовался въ измѣненномъ видѣ первоначальными набросками. При этомъ соединеніи въ одной пьесѣ дѣйствующихъ лицъ, взятыхъ изъ двухъ произведеній, оказалась удержанной изъ первоначальнаго наброска и сваха, дѣйствующая здѣсь впрочемъ на одномъ полѣ съ импровизированнымъ сватомъ въ лицѣ Кочкарева. Драматизируя отчасти сюжетъ «Ивана Ѳедоровича Шпоньки», Гоголь сперва изображаетъ Подколесина въ его холостой обстановкѣ и вводитъ — частью для обрисовки послѣдней, частью для выясненія самого героя, — его разговоръ съ Степаномъ, пользуясь для этого уже отчасти готовымъ матеріаломъ въ «Портретѣ», гдѣ мы находимъ также изображеніе холостой обстановки и нѣсколько сходные разговоры барина съ слугой[2]), подобно тому какъ начало втораго дѣйствія «Ревизора» состоитъ также изъ разговоровъ Хлестакова съ Осипомъ. Изъ этихъ разговоровъ Подколесина съ слугой мы узнаемъ о намѣреніи перваго жениться и о томъ, что онъ придаетъ очень большое значеніе своему чину надворнаго совѣтника[3]). Сваха, гораздо лучше нарисованная въ исправленной редакціи «Жениховъ», представляетъ теперь уже совершенно выдержанный типъ и служитъ между прочимъ живой связью между вновь сочиненною и только переработанною частями комедіи. Подколесинъ, отчасти заискивая въ ней, разспрашиваетъ ее и о приданомъ и о красотѣ невѣсты, и нако-

[1]) См. настоящ. изд. т. I, стр. 208 и т. II, стр. 397—398.

[2]) См. настоящаго изданія, т. II, стр. 33—34.

[3]) См. выше, стр. 22 и т. II, стр. 356.

нецъ объ ея званіи, на что сваха отвѣчаетъ каждый разъ весьма типично и характерно, и здѣсь уже нѣтъ того сбивающагося на карикатуру комизма, который слышится напримѣръ въ отвѣтѣ Марѳы на вопросъ Яичницы о количествѣ куръ и гусей въ имѣньи невѣсты: «Сотня, отецъ мой, *всего по сотнѣ*»[1]). Кромѣ того мы находимъ одну совершенно новую черту въ изображеніи невѣсты въ ея безотчетномъ, но сильномъ стремленіи выйти не иначе, какъ за благороднаго: затаенныя мечты Авдотьи Гавриловны о будущемъ женихѣ: «былъ бы только дворянинъ да порядочной фамиліи»[2]), только вскользь промелькнувшія, которымъ, повидимому, и самъ авторъ не придавалъ пока никакого особаго значенія — такъ естественны были онѣ въ устахъ помѣщицы, нисколько не являясь комической претензіей — послужили благодарнымъ матеріаломъ для усиленія комизма при позднѣйшей обрисовкѣ личности Агаѳьи Тихоновны. Далѣе, именно для того, чтобы ярче оттѣнить эту черту ея, Гоголь счелъ нужнымъ включить въ комедію новыя лица изъ купеческой среды: Арину Пантелеймоновну, желавшую напротивъ выдать племянницу непремѣнно за купца, и новую личность жениха изъ купцовъ — Алексѣя Дмитріевича Старикова. Здѣсь Гоголь опять при расширеніи сюжета пользуется контрастомъ, — какъ при изображеніи черезчуръ скораго на рѣшенія Кочкарева и слишкомъ нерѣшительнаго Подколесина. Но контрастъ этотъ не долженъ былъ выступать слишкомъ явно, и въ окончательной редакціи, когда явились новыя подробности, дорисовывающія оба типа — невѣсты и ея тетки, рѣзкости контраста старательно сглаживались, напр. въ спорѣ Арины Пантелеймоновны и Прасковьи:

Ирина Пантелеймоновна. А кто бы, ты думала былъ трефовый король?

Прасковья. Не знаю. *Только уже, навѣрно, не простой человѣкъ*[3]).

Послѣднія слова въ окончательной редакціи опущены; недовольство ими автора обнаруживается уже въ томъ, что они тутъ же были зачеркнуты еще въ рукописи переработанной редакціи «Жениховъ»[4]). Снова измѣнена также позднѣйшая передѣлка въ сло-

[1]) См. выше, стр. 10. Ср. съ этимъ комическое заявленіе Артемія Филипповича Хлестакову (въ одной изъ первоначальныхъ редакцій) на вопросъ о паціентахъ въ его больницѣ, что ихъ каждый годъ бываетъ по 33 человѣка (см. выше, стр. 98).

[2]) Тамъ же, стр. 7.

[3]) См. выше, стр. 33.

[4]) См. ниже, первый варіантъ къ стр. 33.

вахъ невѣсты: «О совсѣмъ не онъ» или «О, вотъ ужъ совсѣмъ не онъ»[1]) и слова ея же: «Совсѣмъ нѣтъ, совсѣмъ! купецъ не можетъ быть трефовымъ королемъ. Это, вѣрно, дворянинъ», сперва замѣненныя словами: «Совсѣмъ нѣтъ, это чиновникъ».— Особенно подвергся измѣненіямъ весь отвѣтъ на эти слова Ирины Пантелеймоновны[2]) и совершенно пропущены, какъ нѣсколько впадающія въ шаржъ, ея же слова: «Почему жъ, свѣтъ мой, не выдти (за купца)? Это еще ничего, коли немного поколотитъ: это значитъ— любитъ жену. Вотъ плохо, коли на смерть угомозитъ» — и затѣмъ опущенъ самый конецъ десятаго явленія. Также пропущено препирательство невѣсты съ теткой въ концѣ XI явленія второй редакціи «Жениховъ» и начало разговора Ѳеклы и Анфисы Карповны въ 12 явленіи. Здѣсь между прочимъ Ѳекла, вспоминая о прежнихъ временахъ, говоритъ о себѣ: «Бывало, такая манерная сидишь, такъ вотъ совсѣмъ какъ святая» — и проч. и наконецъ: «Такъ, ей Богу, совсѣмъ княгиня!» Въ окончательной редакціи послѣднія слова перенесены въ 8 явленіе перваго дѣйствія, гдѣ въ разговорѣ съ Подколесинымъ, Ѳекла послѣ словъ: «А къ воскресному-то какъ надѣнешь шелковое платье — такъ, вотъ те Христосъ, такъ и шумитъ! *Княгиня просто!*»[3]) Любопытно, что въ предыдущей редакціи въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ недостаетъ именно только этихъ послѣднихъ словъ. 12 явленіе переработанной редакціи «Жениховъ» снова подвергается передѣлкѣ и во второй своей половинѣ; здѣсь опять пропущены такія мѣста, какъ напр. «А дворянинъ полиціи кукишъ покажетъ. Полиція знай свое дѣло; полиція хватай черный народъ»[4]), или слова Анфисы: «Дворянинъ, дворянинъ! — а только и славы, что имя. Такой же холопъ, только-что передъ чернымъ народомъ дуется, а чуть только кто немного починовнѣе его — знай, такъ покланивается, что инда еле шеи не сломитъ»[5]). И далѣе: «Купецъ хоть и обманетъ да себѣ въ прибыль, а дворянинъ что̀ ни выподличаетъ, ни себѣ, ни другимъ не достанется, а только растранжиритъ мошенникамъ» и затѣмъ пропущены циническія размышленія Ѳеклы о назначеніи мужчинъ. Кромѣ того, въ XIII явленіи окончательной редакціи прибя-

[1]) Тамъ же, 3 варіантъ.
[2]) См. далѣе варіанты.
[3]) Т. II, стр. 359.
[4]) Выше, стр. 38.
[5]) Тамъ же.

влено вновь изображеніе суматохи при пріѣздѣ гостей въ концѣ явленія, снова представляющее болѣе полное развитіе намѣченнаго въ концѣ втораго явленія первоначальнаго наброска, не употребленнаго въ дѣло во второй редакціи «Жениховъ». Также сильно распространено вначалѣ слѣдующее, XIV, явленіе окончательной редакціи, гдѣ Яичница размышляетъ о своей отвѣтственности за отлучку изъ департамента и, въ соотвѣтствіе этому, прибавлена цѣлая сцена, составляющая двадцатое явленіе, послѣ внезапнаго ухода невѣсты отъ гостей; Яичница, какъ извѣстно, тамъ разсуждаетъ: «Охъ, ужъ эта мнѣ чашка чаю! Вотъ зато не люблю сватаній, пойдетъ возня: сегодня нельзя, да пожалуйте завтра, да еще послѣ завтра на чашку, да нужно еще подумать. А вѣдь дѣло дрянь, ничуть не головоломное! Чортъ побери, я человѣкъ должностной, мнѣ некогда»[1]). Здѣсь постепенно вводятся новыя черты, все болѣе обрисовывающія Яичницу, уже какъ чиновника. Особенно замѣтна разница противъ первоначальныхъ набросковъ въ мелочахъ: такъ Яичница тамъ сильно интересуется всѣмъ имуществомъ невѣсты и также въ томъ числѣ перинами, вслѣдствіе чего разспрашиваетъ, набиты ли онѣ пухомъ или перомъ[2]); во второй редакціи, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ, гдѣ Горшокъ дѣлаетъ про себя провѣрку росписи свахи наединѣ, разспросы его замѣнены, еще въ духѣ предшествующей редакціи, выразительнымъ: «гм», сопровождаемымъ ремаркой со стороны автора: «*значительно* сжимаетъ губы»[3]). Въ этой и въ окончательной редакціи Гоголь заставляетъ Яичницу такъ говорить далѣе о другихъ подробностяхъ хозяйства: «Ну эта статья пустая»... «Это пусть будетъ, какъ ей хочется», и притомъ во второй редакціи нѣсколько измѣнены опущенныя затѣмъ въ окончательной слова: «Нужно, впрочемъ, подвергнуть строгому изысканію. Въ теперешнія времена ухо востро держи»[4]) и оба монолога заключаются словами: «обѣщаютъ и домъ и экипажи, а какъ женишься — только и найдешь, что нуховики да перины». Въ слѣдующемъ явленіи въ окончательной редакціи прибавлена комическая черта въ разговорѣ Яичницы съ Анучкинымъ:

---

[1]) Т. II, стр. 379.
[2]) См. выше, стр. 10.
[3]) См. выше, стр. 39.
[4]) См. выше, стр. 39 и т. II, стр. 371.

Анучкинъ. Не съ *папенькой ли* прелестной хозяйки дома имѣю честь говорить?

Яичница. Никакъ нѣтъ, вовсе не съ папенькой. Я даже еще не имѣю дѣтей [1]).

Въ XVI явленіи въ окончательной редакціи «Жениховъ» слова Жевакина служанкѣ: «Здравствуй, душечка? какъ поживаешь? Здорова ли? А?» [2]) — вопросы въ сущности совсѣмъ не соотвѣтствующіе положенію дѣла, такъ какъ они очень странны въ устахъ людей, только-что за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ въ первый разъ встрѣченныхъ Θеклой на ярмаркѣ, тѣмъ болѣе, что почти рядомъ съ этимъ Яичница высказываетъ гораздо болѣе естественное удивленіе по поводу скораго возвращенія ея съ ярмарки: «А, а! Ты уже здѣсь! Эка легка какъ!» [3]) что́ опять, можетъ быть, гармонируя отчасти съ даннымъ Θеклѣ Жевакинымъ названіемъ: «раскрасоточка», въ то же время нисколько не соотвѣтствуетъ названію ея старухой [4]), которое дается ей нѣсколько минутъ спустя тѣмъ же Яичницей въ припадкѣ досады за сообщенныя ею недостовѣрныя свѣдѣнія о невѣстѣ. Все это указываетъ, конечно, на недостаточную обработку произведенія, представлявшаго въ первоначальномъ наброскѣ почти лишь брульонъ, да не вполнѣ обработаннаго и во второй редакціи «Жениховъ».— Далѣе въ XVI явленіи окончательной редакціи вставленъ цѣлый разговоръ о фамиліи Яичница и другихъ странныхъ фамиліяхъ и такую же прибавку находимъ еще разъ и на ту же тему въ XVIII явленіи по поводу фамиліи Жевакина [5]). Затѣмъ въ явленіи XVII второй редакціи «Жениховъ» снова сдѣланы нѣкоторыя перемѣны, но особенно заслуживаетъ упоминанія пропускъ словъ Кочкарева: «скажите, сударыня: вы не нуждались ли въ управляющемъ для вашего дома. Мнѣ сказали, что вы имѣете нужду» [6]) и проч. Этотъ способъ объясненія своего появленія, согласно ярче обрисовывающемуся теперь характеру Кочкарева, замѣняется просто нахальнымъ вопро-

---

[1]) Тамъ же.
[2]) См. выше, стр. 15.
[3]) См. выше, стр. 9.
[4]) См. стр. 9 и 14.
[5]) Т. II, стр. 374 и 376.
[6]) Выше, стр. 42.

сомъ послѣдняго: «Да неужели вы меня не узнаете?»[1]) Этимъ характеръ Кочкарева сразу замѣтно выдѣляется среди характеровъ другихъ присутствующихъ, считавшихъ все-таки необходимымъ что-нибудь придумать, чтобы такъ или иначе оправдать свой неожиданный приходъ. Пропущена также въ концѣ того же явленія нѣсколько хлестаковская рекомендація Подколесина, что «онъ теперь занимается еще покуда за особеннымъ столомъ въ канцеляріи, но *черезъ три дня* непремѣнно будетъ начальникомъ отдѣленія»[2]).

При сличеніи слѣдующихъ сценъ оказывается, что въ окончательной редакціи полнѣе обрисованы роли Кочкарева и Жевакина, отчасти Подколесина, тогда какъ въ переработанной редакціи «Жениховъ» онѣ все еще недостаточно выдвинуты, въ чемъ нельзя не видѣть явныхъ слѣдовъ первоначальнаго наброска, гдѣ Жевакинъ является нѣсколько позднѣе, а Кочкаревъ и Подколесинъ и вовсе отсутствуютъ. Въ XIX явленіи окончательной, исправленной, редакціи «Жениховъ» слегка измѣненъ діалогъ Старикова съ хозяйками и вставлены слова Кочкарева, хлопочущаго въ пользу Подколесина: «Лучшій, по моему мнѣнію, мужъ есть человѣкъ, который одинъ почти управляетъ всѣмъ департаментомъ»[3]). Въ XX явленіи прибавлено вновь все начало до того мѣста, гдѣ женихи принимаются между собой разсуждать о достоинствахъ и недостаткахъ невѣсты; здѣсь снова больше выдвигаются сравнительно съ прежнимъ Кочкаревъ и Подколесинъ, и самый разговоръ начинается обращеннымъ къ Подколесину вопросомъ Кочкарева: «А вѣдь хозяйка недурна — а?»[4]) Самое недовольство невѣстой здѣсь объясняется, какъ уже сказано выше, иначе, чѣмъ въ первоначальной редакціи, а сравнительно со второй редакціей различіе состоитъ въ томъ, что въ окончательной весь разговоръ въ значительной степени направляется Кочкаревымъ. (Прибавленъ разговоръ между Анучкинымъ и Жевакинымъ въ концѣ сцены). Въ XXI сценѣ окончательной редакціи напротивъ есть нѣкоторые пропуски сравнительно съ послѣдней редакціей «Жениховъ», напр. въ совѣтахъ Кочкарева Подколесину, что «мѣшкать не нужно: сейчасъ къ ней:

---

[1]) Т. II, стр. 377.
[2]) См. выше, стр. 42.
[3]) Т. II, стр. 378.
[4]) Тамъ же, стр. 379.

«сударыня, ваша красота и качества... и всѣ эти каперсы»... «прошу вашей руки», — чтобы, знаешь и концы въ воду за однимъ разомъ»[1]), — и его ободреніе насчетъ соперниковъ: «Одинъ толстъ, какъ сундукъ; другой похожъ на пѣтуха; третій чортъ знаетъ что̀ такое: тоньше зубочистки, которою ковыряютъ зубы»[2]) и проч. Послѣдній пропускъ находится въ несомнѣнной связи съ перенесеніемъ того же сравненія худощаваго мужчины съ зубочисткой въ VIII главу «Мертвыхъ душъ». («При этомъ было сказано даже нѣсколько обидно насчетъ тоненькаго мужчины, — что онъ больше ничего, какъ что-то въ родѣ зубочистки, а не человѣка»)[3]). Также опущены въ окончательной редакціи заключительныя слова переработанной редакціи «Жениховъ», изъ которыхъ сравненіе съ Цицерономъ перенесено въ IV актъ «Ревизора» въ его окончательной редакціи, тогда какъ въ переработкѣ «Ревизора», относящейся къ 1841 г., это мѣсто отсутствуетъ[4]). Такимъ образомъ можно установить, что послѣднія нами отмѣченныя перемѣны были сдѣланы уже въ промежутокъ между 1841 и 1842 годами, т.-е. не ранѣе, какъ за годъ до напечатанія и постановки на сцену «Женитьбы».

Сравненіе втораго дѣйствія въ «Женитьбѣ» и послѣдней редакціи «Жениховъ» снова приводитъ къ убѣжденію въ томъ, что планъ и подробности цѣлаго произведенія лишь постепенно выяснялись автору и еще болѣе утверждаютъ въ мнѣніи о значительной незаконченности первоначальныхъ набросковъ. На все это указываетъ прежде всего самый объемъ этого дѣйствія въ переработанной редакціи «Жениховъ», гдѣ все это дѣйствіе занимаетъ 13 печатныхъ страницъ (см. выше, стр. 49—62), тогда какъ первое дѣйствіе вдвое больше (27 страницъ: 21—48). Затѣмъ здѣсь еще совсѣмъ не установленъ точный порядокъ и послѣдовательность сценъ, которыя еще даже и не занумерованы. Наконецъ при чтеніи слѣдующихъ редакцій становится слишкомъ ясно, насколько въ послѣдней редакціи выяснился и расширился самый планъ произведенія. Такимъ образомъ можно утверждать, что прежде всего создалась та часть комедіи, которая сохранилась въ одиннадцати явленіяхъ первоначальнаго наброска и составила потомъ вторую половину

[1]) См. выше, стр. 47.
[2]) Тамъ же.
[3]) Т. III, стр. 158.
[4]) Ср. выше, стр. 48 и т. II, стр. 247.

перваго дѣйствія: затѣмъ при переработкѣ «Жениховъ» въ 1835 и 1836 гг. Гоголь создалъ вновь всю первую половину перваго дѣйствія и отчасти второе дѣйствіе, а въ 1841 и 1842 гг. работалъ преимущественно надъ вторымъ дѣйствіемъ. Отдѣлить редакціи 1834 и 1836 гг. теперь не возможно. 26 апрѣля 1836 г. Гоголь писалъ Щепкину: «Комедію мою, читанную мною въ Москвѣ» (въ августѣ 1835 г., въ домѣ Погодина)[1]), «подъ заглавіемъ «Женитьба», я теперь *передѣлалъ и переправилъ*, и она нѣсколько похожа теперь на что-нибудь путное. Я ее назначаю такимъ образомъ, чтобы она шла вамъ и Сосницкому въ бенефисъ, что̀, кажется случается въ одно время года. Стало-быть вы можете адресоваться къ Сосницкому, которому я ее вручу»[2]). Это и была, конечно, послѣдняя переработанная редакція «Жениховъ». Когда Щепкинъ, согласно этому заявленію, обратился къ Сосницкому[3]), послѣдній ему отвѣчалъ (30 мая 1836 г.): «Женитьбы» ты раньше осени не получишь: Н. В. ее взялъ передѣлать... Обѣщалъ *передѣлать всю совсѣмъ*»[4]). Изъ предыдущаго, а также изъ дальнѣйшаго очерка читатель можетъ убѣдиться въ томъ, что дѣйствительно существовала настоятельная необходимость переработать комедію съ точки зрѣнія такого взыскательнаго художника, какъ Гоголь. Въ самомъ дѣлѣ, уже первыя четыре явленія втораго дѣйствія окончательной редакціи были потомъ вновь созданы Гоголемъ и здѣсь опять обращено большое вниманіе на новыя личности, т.-е. собственно на Кочкарева, потому что послѣдній вслѣдствіе крайней пассивности Подколесина вездѣ дѣйствуетъ за него. Припомнимъ, что по поводу словъ Гоголя Погодину въ письмѣ отъ 1 декабря 1838 г.: «Меня ты очень разжалобилъ Щепкинымъ. Мнѣ самому жалко его. Я о немъ часто думаю. Я даже, признаюсь, намѣренъ *собрать* черновые, какіе у меня есть, лоскутки истребленной мною комедіи и хочу что-нибудь изъ нихъ для него сшить»[5]), — по поводу этихъ словъ Н. С. Тихонравовъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Вѣроятно, разжалобленный поэтъ охотнѣе послалъ бы Щепкину,

---

[1]) «Русск. Архивъ» 1890, VIII, стр. 10.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 254.

[3]) «Если получилъ отъ Гоголя піесу «Женитьба», то пожалуйста, переписавъ, пришли, а то, несмотря ни на какія неудобства, я самъ за ней пріѣду». (Записки и письма Щепкина, стр. 188).

[4]) См. настоящаго изд. т. II., стр. 696.

[5]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 349.

«Женитьбу», *если бъ она была готова для сцены*, такъ какъ эта пьеса обѣщана была Михаилу Семеновичу на бенефисъ еще въ 1836 г. и такъ какъ самъ артистъ не разъ дѣлалъ попытки получить отъ автора эту комедію» [1]). Затѣмъ въ письмѣ къ Жуковскому въ концѣ 1839 г. читаемъ: «Я отыскалъ изъ недоконченной комедіи только два отрывка, она вся осталась въ Римѣ. А гдѣ дѣлись «Женихи», я до сихъ поръ не могу постигнуть. Мнѣ кажется, какъ будто я взялъ ее изъ Рима съ собою, но сколько ни рылся въ бумагахъ, въ чемоданѣ, въ бѣльѣ, нигдѣ не могъ отыскать» [2]). Въ концѣ октября 1840 г. первыя страницы выработанной въ Римѣ редакціи «Женитьбы» переписаны были набѣло Пановымъ, судя по бумагѣ, — въ Римѣ [3]), а 28 декабря 1840 г. Гоголь между прочимъ писалъ Погодину: «если только мое свѣжее состояніе продолжится до весны или лѣта, то, можетъ быть, мнѣ удастся еще приготовить что-нибудь къ печати, кромѣ перваго тома «Мертвыхъ душъ» [4]): здѣсь, вѣроятно, авторъ имѣлъ въ виду въ числѣ другихъ произведеній также и «Женитьбу». Около этого времени, слѣдовательно, уже приготовлялась римская редакція «Женитьбы», о которой см. во II томѣ (стр. 704). Въ переработанной петербургской редакціи «Жениховъ» особенно замѣтный пробѣлъ представляло во второмъ дѣйствіи совершенное, недостаточно объясненное, исчезновеніе жениховъ, соперниковъ Подколесина. Хотя первое явленіе имѣетъ уже цѣлью отчасти выставить потомъ главнымъ виновникомъ отстраненія соперниковъ Подколесина, какъ и въ окончательной редакціи, Кочкарева, но относящіяся сюда сцены не доведены до конца. Въ римской редакціи мы находимъ уже пополненіе этого пробѣла въ четвертомъ явленіи 2 дѣйствія. Такимъ образомъ въ ней только пятое явленіе представляетъ переработку перваго явленія послѣдней редакціи «Жениховъ». Въ ней, во-первыхъ, начало нѣсколько измѣнено примѣнительно къ вновь составленному четвертому явленію. Далѣе разспросы Яичницы объ Агаѳьѣ Тихоновнѣ у Кочкарева, какъ у родственника ея, находятся въ связи съ отмѣченной выше передѣлкой XVIII явленія перваго дѣйствія, гдѣ Кочкаревъ безъ зазрѣнія совѣсти лжетъ, рекомендуясь: «Илья Ѳомичъ Кочкаревъ, въ родствѣ вѣдь мы; жена моя безпрестанно

[1]) Настоящ. изд. т. II, стр. 700—701.
[2]) «Русскій Архивъ» 1871, 4—5, стр. 0939.
[3]) Т. II, стр. 701—702.
[4]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 428.

говоритъ о томъ», и здѣсь также, при объясненіи степени родства, Кочкаревъ говоритъ: «Право, не знаю, *объ этомъ знаетъ жена моя*— это ихъ дѣло» [1]). Затѣмъ сглажены излишества и нѣкоторый шаржъ, благодаря пропуску разсказа о томъ, какъ въ семьѣ были Агаѳью Ивановну (имя невѣсты во второй редакціи «Жениховъ»), или карикатурный отвѣтъ Кочкарева на вопросъ о томъ, зналъ ли онъ ее сызмала: «Еще бы! Вмѣстѣ мальчишками были» [2]). Пропущена также роль купца. Явленіе VI представляетъ собою опять въ началѣ воспроизведеніе, а потомъ дальнѣйшее развитіе соотвѣтствующей сцены, напечатанной на стр. 52. Затѣмъ вновь сочинено 7 явленіе, а 8 представляетъ явную передѣлку 9-го явленія первоначальнаго наброска, состоящую, главнымъ образомъ, въ томъ, что вызвавшія дуэль между Яичницей и Жевакинымъ насмѣшки надъ фигурой послѣдняго теперь влагаются въ уста уже Кочкареву [3]): такъ вообще авторъ какъ бы раздвигалъ мѣсто для вновь введенныхъ дѣйствующихъ лицъ. Но вторая половина сцены и цѣлыхъ пять слѣдующихъ явленій сочинены вновь. Затѣмъ явленіе XIV, представляющее, несомнѣнно, драматическую переработку отрывка изъ повѣсти объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ, написанное, вѣроятно, раньше не только втораго, но, думается намъ, и перваго дѣйствія переработанной редакціи «Жениховъ», перенесено въ окончательную редакцію почти безъ измѣненій. То же нужно замѣтить и о слѣдующихъ явленіяхъ съ опущеніемъ той части діалога между Кочкаревымъ и Подколесинымъ, которая начинается словами Подколесина: «Да ужъ какъ ты себѣ хочешь, братецъ. На одномъ гвоздѣ всего не повѣсишь — за однимъ разомъ нельзя всего кончить» [4]). Здѣсь же мы находимъ между прочимъ указаніе на то, что въ послѣдней петербургской редакціи «Жениховъ» *совсѣмъ не существовали*, а не были *лишь утрачены*, многія явленія, напр. то, гдѣ Кочкаревъ прогоняетъ женихова — именно въ словахъ Кочкарева: «Да вѣдь ты жъ самъ далъ слово, сказалъ, что *какъ только женихи будутъ прогнаны* — сейчасъ готовъ жениться» [5]): отсутствіе

---

[1]) См. выше, стр. 42 и т. II, стр. 384, 388.

[2]) См. выше, стр. 49. Это мѣсто напоминаетъ отчасти также въ «Мертвыхъ душахъ» развязныя увѣренія Ноздрева о томъ, что онъ еще въ школѣ будто бы близко зналъ Чичикова и проч. (См. т. III, стр. 208).

[3]) Ср. выше, стр. 19, и т. II, стр. 392.

[4]) См. выше, стр. 55.

[5]) Т. II, стр. 399.

этихъ словъ въ соотвѣтствующемъ явленіи второй петербургской редакціи «Жениховъ», по нашему мнѣнію, служитъ новымъ яснымъ доказательствомъ, что первыя четыре явленія втораго дѣйствія были сочинены *уже въ Римѣ*, да и явились они *только въ римской редакціи 1841 г.* Затѣмъ вся вторая половина явленія опять значительно переработана, но явленіе XVII представляетъ почти точное воспроизведеніе соотвѣтствующаго явленія петербургской переработанной редакціи «Жениховъ» за исключеніемъ усиленія комизма въ вопросѣ Кочкарева: «Ну скажите сами: что онъ мнѣ? родня, что ли? Нянька развѣ я ему, или тетка?» — въ окончательной редакціи прибавлено еще: «свекруха, кума, что ли?» [1]), что придаетъ рѣчи Кочкарева въ этомъ мѣстѣ особенную красоту и энергію. Въ слѣдующемъ явленіи прибавленъ конецъ и нѣсколько измѣнено мѣсто: «чѣмъ ни займусь, о чемъ ни хлопочу, въ *кладовую ли загляну*, или такъ просто передъ окномъ: пробовала даже скатывать клубокъ съ нитками; словомъ, къ чему ни обращусь, Иванъ Кузьмичъ такъ вотъ совершенно, какъ сонъ, такъ и лѣзетъ въ руку» [2]). XIX явленіе оконч. редакціи все сочинено вновь, XX— соотвѣтствуетъ напечатанному на стр. 59 (явл. 19-е) и почти не представляетъ перемѣнъ противъ прежней редакціи, также и слѣдующее. Затѣмъ послѣднее явленіе второй редакціи «Жениховъ» въ окончательной редакціи распространено уже въ цѣлыхъ четыре явленія.

Въ заключеніе отмѣтимъ въ переработанной редакціи «Жениховъ», что слова Герасима Петровича Горшка по поводу предполагаемаго имъ обмана свахи: «Нужно сказать, что правительство рѣшительно у насъ ни за чѣмъ не смотритъ», были вскорѣ перенесены авторомъ въ «Театральный разъѣздъ» и потому опущены въ «Женитьбѣ».

Въ 1841 г. Погодинъ извѣстилъ читателей «Москвитянина» что «комедія «Женихъ» (sic) въ двухъ дѣйствіяхъ давно готова» [3]), а въ 1842 г. комедія появилась въ первомъ собраніи сочиненій Гоголя [4]).

---

[1]) См. выше, стр. 57 и т. II, стр. 401.

[2]) См. выше, стр. 58.

[3]) «Москвитянинъ», 1841, часть I, № 2, смѣсь, стр. 676.

[4]) Въ настоящемъ очеркѣ, согласно плану Н. С. Тихонравова, (см. т. II, стр. 696, 3 примѣч.) мы останавливались *преимущественно* на «исторіи работъ надъ «Женитьбою» до отъѣзда автора за-границу». Остальное изложено Н. С. Тихонравовымъ въ примѣчаніяхъ по второму тому (см. стр. 700—705) и указано тамъ же въ варіантахъ (стр. 705—715).

Отмѣтимъ въ заключеніе, что намъ извѣстны пять обработокъ пьесы: первый набросокъ (см. выше, стр. 7—20)[1]), передѣлка 1834, послѣдняя петербургская редакція (которую мы называли *переработанною* редакціей «Жениховъ» (см. 21—62), первая римская редакція (о ней см. т. II, стр. 701 и слѣд.) и вторая римская редакція, при чемъ первая римская редакція[2]) очень сходна, а вторая почти тождественна съ появившимся впервые въ 1842 г. печатнымъ текстомъ «Женитьбы» за исключеніемъ мелкихъ стилистическихъ поправокъ Прокоповича, устранившаго такія ошибки, какъ: вить и обнаковенно (см. варіанты на стр. 705—715) и подобныя, и собственной поправки Гоголя, сообщенной имъ въ письмѣ къ Прокоповичу отъ 14 ноября 1842 года.

Стр. 7. [1]Слова: «Ей Богу, никакого уваженія къ женскому полу“ приписаны позднѣйшими чернилами, сверху зачеркнутаго: „какъ медвѣди сидятъ въ берлогахъ». [2]Прежде было написано: «послала Мареу Ѳоминишна (sic!) — пусть, гдѣ хочетъ, сыщетъ жениха, лишь бы дворянина». [3]Послѣ того зачеркнуто слово: «только». [4]Послѣ этого зачеркнуто слово: «вотъ». [5]Прежде было написано: «лошади».

Стр. 8. [1]Прежде было написано: «Ухъ, сегодня! Какъ это страшно!» [2]Слово «ужъ» въ рукописи зачеркнуто. [3]Послѣ этого зачеркнуто: «такъ».

Стр. 9. [1]Послѣ слова: «пьетъ», зачеркнуто: «нечего сказать». [2]Одно слово не разобрано. [3]Прежде было написано: «одного».

Стр. 10. [1]Одно слово не разобрано. [2]Прежде было написано: «Нивѣсть какое множество».

Стр. 11. [1]Слова: «позвольте узнать» въ рукописи зачеркнуты. [2]Слова: «42 егерскаго» приписаны сверху зачеркнутаго: «гренадерскаго». Въ рукописи сокращено: «Гавл.» [4]Въ рукописи: «сударина».

Стр. 12. Въ рукописи: «не прогнѣвайте». Ср. 1-е примѣчаніе къ 19 страницѣ V-го тома. [2]Слово «васъ» въ рукописи зачеркнуто. [3]Это мѣсто передѣлывалось два раза и не получило окончательной отдѣлки. Прежде было написано: «если не по чинамъ угощу васъ; но, право, ничего не знала о вашемъ пріѣздѣ: я бы приготовила рыбій соусъ или хоть баранiй бокъ съ кашею. Никто не зналъ, что сегодня буду имѣть такую честь». Сверхъ строкъ приписано впослѣдствіи очень мелко: «..... что полъ не вымететъ*): Фетинья моя шла.... въ городъ; перелѣзая черезъ плетень, оборвалась и такъ надсадила себѣ ногу, что ничего не можетъ дѣлать. См. ниже, стр. 17, гдѣ повторяется это мѣсто. [4]Передъ этой фразой зачерк-

---

[1]) На этихъ листахъ стоятъ водяные знаки: Я. Б. М. Я и начальныя цифры года: 18..

[2]) Рукопись № 2206 Московскаго Румянцовскаго и Публичнаго Музея.

*) Конецъ слова не дописанъ; можетъ быть, слѣдуетъ читать: «вымитъ».

нуто: «А подпору непремѣнно нуж....» [5]Послѣ этого зачеркнуто: «подпору вамъ непремѣнно нужно имѣть». [6]Слово «быть» въ рукописи пропущено. [7]Въ рукописи: «былъ былъ».

Стр. 18. [1]Слово написано неправильно и неразборчиво; можетъ быть, слѣдуетъ читать: «метается». [2]Слова: «носъ только очень длиненъ» приписаны сверху зачеркнутаго: «и красивая дѣвица». [3]Заключенное въ скобки зачеркнуто. [4]Прежде было написано: «Нѣтъ, произношеніе у ней хорошее». [5]Прежде было написано: «Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не то. Это видно, что она, кажется, не знаетъ по французски». [6]Прежде было написано: «Нѣтъ, нѣтъ, Иванъ Петровичъ: меня Богъ не допустилъ воспользоваться такимъ воспитаніемъ».

Стр. 14. [1]Прежде было написано: «нужно, чтобы она непремѣнно говорила по французски; это необходимо для хорошаго воспитанія». [2]Слово «одинъ» въ рукописи зачеркнуто. [3]Прежде было написано: «Зачѣмъ она....» [4]Прежде было написано: «но вѣдь не о красотѣ рѣчь». [5]Прежде было написано: «Да съ какой стати». [6]Прежде было написано: «Но между ними есть однакоже». [7]Одно слово не разобрано.

Стр. 15. [1]Ср. 1-ое примѣчаніе къ 62 страницѣ 1-го тома. [2]Сверху приписано «(пере)лицевалъ его». [3]Сверху этого слова приписано: «восхитит..... [4]Заключенное въ скобки въ рукописи зачеркнуто. [5]Поставленное въ скобки зачеркнуто; слово «розанчики» приписано надъ зачеркнутымъ: «хорошенькія».

Стр. 16. [1]Въ рукописи: «какой». [2]Точки на мѣстѣ словъ, частію зачеркнутыхъ, частію неразобранныхъ. [3]Прежде было написано: «Я васъ сурьезно увѣряю, что мы жили 84 дня». [4]Сверху строки намѣчена поправка: «перетаскиваетъ». [5]Одно слово не разобрано. [6]Это слово написано сверху зачеркнутаго: «познакомились».

Стр. 17. [1]Одно слово не разобрано. [2]Ср. первое примѣчаніе къ 147 страницѣ 2-го тома. [3]Послѣ этого слова сдѣлана между строкъ позднѣйшая приписка. «Да..... онъ тоже хочетъ жениться. Да вѣдь такъ нельзя было совсѣмъ узнать». Вѣроятно, это слова Яичницы. [4]Прежде было написано: «Да вы-то, какъ я замѣчаю....» [5]Слова: «Весьма прекрасная», зачеркнуты. [6]Сверху этого незачеркнутаго слова приписано: «и себѣ».

Стр. 18. [1]Слово: «качанъ» въ рукописи пропущено.

Стр. 19. [1]Слова: «Не слушайте» зачеркнуты на ходу письма. [2]Вмѣсто слова: «протухлый», прежде было написано: «трухлой». [3]Въ рукописи ошибочно: «Жевакинъ». [4]Одно слово въ рукописи пропущено.

Стр. 20. [1]Послѣ этого слова зачеркнуто: «и сердце». [2]Вмѣсто этихъ двухъ незачеркнутыхъ словъ сверху приписано: «это совсѣмъ». [3]Одно слово не разобрано. [4]Нѣсколько словъ, приписанныхъ сверху строки, не разобрани.

Стр. 22. [1]Слова, поставленныя въ скобки, при дальнѣйшей передѣлкѣ комедіи зачеркнуты. [2]Впослѣдствіи, сверху зачеркнутаго слова «кто» приписано: «надворный совѣтникъ».

Стр. 24. [1]Слово не кончено и строка не дописана. Позднѣе это мѣсто передѣлано. Зачеркнуты двѣ строки: «Занятіе чрезвычайно стран....»; сверху приписаны измѣненія, такъ что это мѣсто получило такой видъ: «*А тѣдь* хлопотливая, чортъ возьми, вещь женитьба! *То да се, да это*». Изъ вновь

приписаннаго зачеркнуто: «*Кажется, въдь легко, а какъ подумаешь*».... [2] Слово «Петровна» передѣлано въ «Тихоновна». [3] Слово «домъ» въ рукописи пропущено.

Стр. 26. [1] Сверху этой незачеркнутой строки приписанъ новый текстъ: «Ну, ври, ври! Гдѣ жъ у меня сѣдой волосъ? Что ты городишь?» [2] Слова: «Да послушай: гдѣ же сѣдой волосъ?» зачеркнуты. [3] При передѣлкѣ это мѣсто получило слѣдующій видъ: «Да врешь ты, дура, чтобъ у меня былъ сѣдой волосъ. Постой, *я* посмотрю нарочно въ зеркало. Эй, Степанъ, принеси сюда зеркало. Или, постой, *я* самъ пойду. Вотъ еще, Боже сохрани, въ самомъ дѣлѣ!»

Стр. 28. [1] Слово «не» въ рукописи пропущено.

Стр. 29. [1] Въ рукописи: «рѣшился». Ср. 1-е примѣчаніе къ 19 страницѣ V тома. [2] При передѣлкѣ это мѣсто получило такой видъ: «Да такъ же — взялъ да и поѣх..... Зачѣмъ же откладывать дѣло? Ну, разсуди самъ?» [3] Впослѣдствіи слово «самъ» зачеркнуто, послѣ слова «ты» приписано: «вотъ самъ».

Стр. 30. [1] Послѣ передѣлки это мѣсто получило такой видъ: «Ну, а какъ будетъ жена у тебя, *да просто* не узнаешь (ни) себя: тутъ у тебя будетъ диванъ, столъ, собаченка или птичка въ клѣткѣ, *рукодѣлье*, прочее». [2] Послѣ этого слова приписано сверху строки: «такая хорошенькая». [3] Сверху этой, впослѣдствіи зачеркнутой строки, приписано: «А чортъ, какъ подумаешь, какія въ самомъ дѣлѣ ручки бываютъ!». [4] Слова: «есть и то, и то» позднѣе зачеркнуты. [5] Надъ словомъ «какъ» приписано: «вотъ это такъ».

Стр. 31. [1] Прежде было написано тѣми же чернилами: «готовить». [2] Словами: «*Кочкаревъ*. Все равно, *я* знаю», начинается вторая тетрадка изъ $1^1/_2$ листа *голубой* почтовой бумаги, писанная позднѣе или ранѣе предшествующей тетради и болѣе блѣдными чернилами. Первыя четыре строки этой тетради («*Кочкаревъ*. Все равно» — «*поѣзжай-ка ты самъ и*») такъ выцвѣли отъ времени, что при пересмотрѣ и передѣлкѣ пьесы Гоголь долженъ былъ вновь написать текстъ слинявшихъ строкъ тѣми рыжими чернилами, которыми вписаны позднѣйшія поправки и въ первой тетради.

Стр. 32. [3] Въ рукописи: «Пантелеймоновна».

Стр. 33. [1] Позднѣе зачеркнуты слова: «Только ужъ, навѣрно, не простой человѣкъ». [2] Позднѣйшая поправка: «по суконной». [3] Послѣ передѣлки: «О, вотъ ужъ, вѣрно, не онъ! Я хоть въ [закладъ] (..... долой)». [4] Позднѣйшая передѣлка: «Агафья». [5] Слова: «Совсѣмъ нѣтъ» — «трефовымъ королемъ» зачеркнуты; сверху строки приписано: «Совсѣмъ нѣтъ; это — чиновникъ». [6] Слово «говоритъ» въ рукописи зачеркнуто на ходу письма.

Стр. 34. [1] Конецъ этого явленія впослѣдствіи былъ совершенно передѣланъ и получилъ такой видъ: «Эхъ, Прасковья Тихоновна! А вѣдь ты бы не то сказала, какъ покойникъ-то, Тихонъ-то, твой батюшка, Пантелеймоновичъ былъ живъ. Бывало, какъ ударитъ рукой-то всей объ столъ: «Я», говоритъ, «плевать на того купца, который стыдится быть купцомъ, да не выдамъ же», говоритъ, «дочь ни за генерала, какъ бьются другіе купцы, а и сына тоже не отдамъ на службу. Развѣ онъ купцомъ», говоритъ, «не служитъ государю, что ли?» Да рукой-то всей такъ по столу и хлопнетъ

такъ (sic!). Вѣдь онъ же, если сказать правду, и усахарилъ твою матушку, а покойница подольше бы прожила. *Прасков.* Ну, вотъ еще у меня будетъ такой злой мужъ. Да ни за что! *Ирина.* Да вѣдь Алексѣй-то Дмитріевичъ не такой..... Онъ въ нѣмецкомъ..... сукна ходитъ. Женѣ-то у него быть въ такомъ довольствѣ. *Прасков.* Не хочу, не хочу! Тутъ у него борода: станетъ ѣсть, все это потечетъ. Такъ гадко! Нѣтъ, кромѣ дворянина ни за кого не пойду! *Ирина.* Ну, вѣдь не сыщешь хорошаго дворянина на улицѣ. *Прасков.* Өекла Ивановна все сыщетъ; она мнѣ обѣщала сыскать самаго лучшаго дворянина. *Ирина.* Да вѣтъ (sic) она лгунья, мой свѣтъ». [2] Въ рукописи: «понапрасно». [3] Слова: «гдѣ ты запропастилась?» впослѣдствіи зачеркнуты. [4] Слово «какъ» впослѣдствіи зачеркнуто. [5] Слова «или нѣтъ» впослѣдствіи зачеркнуты. [6] Слово «захаживала» зачеркнуто на ходу письма. [7] Позднѣйшая передѣлка: «Сегодня иные и прибудутъ, я забѣжала тебя предварить».

Стр. 35. [1] Позднѣйшая передѣлка: «Ну, какіе же? какіе?» [2] Въ рукописи нѣтъ въ этомъ мѣстѣ никакихъ знаковъ препинанія. [3] Слово «Павловичъ» передѣлано изъ «Петровичъ». [4] Слово «движимой» приписано сверху строки; то же слово, уже находившееся въ текстѣ, не передѣлано послѣ этой прибавки въ «недвижимой». [5] Позднѣйшая поправка: «А губы, такъ ужъ вотъ совсѣмъ, совсѣмъ малина». [6] Слово «Павловича» переправлено изъ «Петровича». [7] Слова, заключенныя въ скобки, зачеркнуты на ходу письма.

Стр. 36 [1] Позднѣйшая передѣлка: «Герасимъ Петровичъ». [2] Соблюдается правописаніе подлинника. [3] Слова: «Богъ съ нимъ» приписаны позднѣе сверху [4] Слова: «что я тебѣ сказала» впослѣдствіи зачеркнуты. [5] Позднѣйшая передѣлка: «придворный совѣтникъ и петлицу носитъ, да ужъ на подъемъ (больно) куды не охочъ — не выманишь изъ дому». [6] Это слово позднѣе зачеркнуто. [7] Это слово впослѣдствіи зачеркнуто.

Стр. 37. [1] Конецъ 11-го и начало 12-го явленія при передѣлкѣ были значительно сокращены. Представляемъ новый текстъ этого мѣста: *Өекла.* Да неужто мало тебѣ? Мать моя, какъ тебя-то поразобрало теперь! А вѣдь давеча (ужъ какъ) испугалась. (*Амф. Карп.* Да и впрямь, родная, ступай и нарядись. Пойдемъ, Өекла, вѣдь нарядить-то нужно)*). Да что съ того, что ихъ много? Хоть они и дворяне, а купецъ ей одинъ лучше. [Явленіе 12-е]. *Өекла.* А что, Анфиса Ивановна, вѣдь какъ ни наряжайся, а теперь не вырядишься какъ бывало-то въ «наше [время]**). Бурнусъ-то какой! Такъ сидитъ, бровью не сдвинешь)». [2] Слова: «Ужъ это, не прогнѣвитесь, не извольте говорить» позднѣе зачеркнуты. [3] Позднѣйшая передѣлка: «Да что въ почтеніи въ томъ?» [4] Слова: «или съ петлицей» впослѣдствіи зачеркнуты.

Стр. 38. [1] Вмѣсто зачеркнутаго слова: «подлецъ» приписано сверху строки: «купчишка». [2] Позднѣйшая поправка: «А дворянинъ пойдетъ къ сенахторамъ». [3] Вмѣсто зачеркнутаго: «пожалуется» приписано: «къ». [4] Позднѣйшая поправка: «А дворянинъ пойдетъ»... [5] Заключенное въ скобки зачеркнуто. [6] Конецъ этого явленія былъ передѣланъ и получилъ такой видъ: «*Өекла.* А дворянинъ пойдетъ... *Амф.* Врешь, врешь! Дворянинъ передъ

*) Поставленное въ скобки зачеркнуто.

**) Этого слова въ рукописи нѣтъ.

черниимъ народомъ деретъ только носъ, а передъ своимъ, чуть немного чиномъ повыше, такъ покланивается, что индо шея... Ахъ, Мать моя пресвятая! Ужъ стучатъ и идутъ, а наша-то сердешная не убра... *Окла.* Ахъ, Господи Іисусе! Вѣдь она, чай... (*Обѣ бѣгутъ*)». [7] Позднѣе переправлено такъ: «Герасимъ Петровичъ». [8] Позднѣе зачеркнута вся первая строка («Никого нѣтъ» — «занята»); сверху приписано: «[*Дунюшка*]. Погодите-съ тутъ. [*Яичница*]. Пожалуй, пождемъ. Какъ бы чтобы не замѣшкался! Отлучился на минутку». Съ лѣваго боку страницы приписано: «Вдругъ генералъ-то какъ нагрянетъ въ присутствіе. «А гдѣ экзекуторъ?» Скажутъ: «невѣсту пошелъ выглядывать». Съ эдакой отговоркой недалеко уѣдешь... Чтобы не задалъ онъ такой невѣсты! На досугѣ, однакожъ, посмотрю еще разъ роспись».

Стр. 39. [1] Позднѣйшая передѣлка: «Впрочемъ нужно все это повѣрить на дѣлѣ: вить теперь обѣщаютъ»... [2] Слова «Мое почтеніе» вычеркнуты. [3] Все явленіе было передѣлано и получило такой видъ: *Г. П.* Мое почтеніе. *Анучкинъ.* Позвольте, не съ (отцомъ =) папинькой ли прелестной хозяйки имѣю честь говорить? *Г. П.* (въ сторону). Экъ хватилъ куда! Никакъ нѣтъ, вовсе не съ папинькой. Я даже еще не имѣю дѣтей вовсе. [*Анучкинъ*]. Ахъ, извините, извините! *Яич.* А вы, вѣрно, имѣете какое-нибудь дѣло къ хозяйкѣ дома? *Анучкинъ.* Нѣтъ, дѣла никакого, а такъ зашелъ съ прогулки. *Герас. Петр.* (въ сторону). Вретъ, вретъ: съ прогулки! Жениться, подлецъ, хочетъ!»

Стр. 40. [1] Ср. 1-е примѣчаніе къ 62-й страницѣ перваго тома. [2] Послѣ этого зачеркнуто: «Ужъ не впрямь.» [3] Позднѣйшая передѣлка: *Кочкаревъ* (*входя, Подколесину*). Ты, братъ, помни только куражъ, куражъ — и больше ничего. (*Кланяется съ нѣкоторымъ изумленіемъ. Въ сторону*). Фу ты пропасть! Что̀ значитъ? Ужъ не женихи ли? (*Толкаетъ Оклу*). Съ которыхъ сторонъ понабрала воронъ? а?» [4] Слова: «Разсказывай, разсказывай» впослѣдствіи были зачеркнуты; вмѣсто нихъ приписано: «Какъ бы не такъ! Повѣрю!» [5] Позднѣйшая передѣлка: *Кочкаревъ.* Небось твои разживные, но дырѣ въ карманѣ. Ну, что̀ невѣста? а? еще не выходила? Вѣдь тутъ спальня, что̀ [ли]? (*Подходитъ къ дверямъ и смотритъ въ замочную скважину. Окла.* Безстыдникъ! Говорятъ тебѣ, еще одѣвается. *Кочкаревъ.* Эка бѣда! Что̀ жъ тутъ? Вѣдь только всего посмотрю. *Продолжаетъ смотрѣть*). *Жевакинъ.* А позвольте мнѣ полюбопытствовать (пробирается тоже). [*Яичница*]. Позвольте мнѣ взглянуть разочекъ. *Кочкаревъ.* Да ничего не видно, господа! И различить нельзя, женщина или подушка*).

Жевакинъ. Одну минуточку только, господа! *Кочкаревъ.* Идутъ, идутъ! (*Всѣ отскакиваютъ отъ дверей*).

Стр. 41. [1] Въ рукописи одна буква «Н.» Все заключенное въ прямыя скобки [ ] прибавлено противъ рукописи. [2] Позднѣйшая передѣлка: *Тетка.* А по какой причинѣ удостоили къ намъ пожаловать? *Горшокъ.* Извините, сударыня, что пришелъ васъ безпокоить: я по газетамъ узналъ». [3] Послѣ этого слова на ходу письма приписано сверху строки: «это не вы, а кто-

*) Зачеркнуто: «никакъ нельзя видѣть за проклятыми занавѣсками, подушка или женщина».

нибудь другая». [4] Поставленное въ скобки зачеркнуто. [5] Прежде было написано: «служу». [6] Позднѣйшая передѣлка: «Я, сударыня (sic!), тоже слышалъ: въ газетахъ объявляютъ эдакъ. Думаю себѣ, дай-ка пойду. Погода эдакъ поутру — солнышко, по дорогѣ вездѣ травка. Время эдакое веселое». [7] Позднѣе приписано: «Былъ раненъ, матушка, въ лѣвую ляжку подъ колѣнкомъ, и пуля-то этакъ странно, матушка, въ ногѣ...» [8] Позднѣйшая передѣлка: «Сударыня! почелъ неучтивымъ, живя такъ близко въ сосѣдствѣ»...

Стр. 42. [1] Позднѣйшая передѣлка: «*Тетка.* А прошу покорнѣйше садиться. *Кочкаревъ.* Что вы такъ смотрите на меня? Не узнаете? И вы также, сударыня»? [2] Прежде было написано: «близкое». [3] Послѣ этого слова приписано сверху строки: «*Кочкаревъ.* Даже въ родствѣ прихожусь вамъ, и жена моя...» [4] Это слово зачеркнуто. [5] Для вписанія отчества оставлено пустое мѣсто.

Стр. 43. [1] Позднѣйшая передѣлка: «*Н (съ пренебреженьемъ отворачивается).* Здѣсь не купеческая лавка! *Стариковъ.* Вона! Аль невпопадъ пришли? *Тетка.* Нѣтъ, Алексѣй Дмитріевичъ, приходу очень рады». [2] Все напечатанное курсивомъ приписано послѣ на оставленномъ пустомъ мѣстѣ. [3] Слово «скрынкѣ» въ рукописи зачеркнуто. [4] Въ рукописи: «какомъ». [5] Прежде было написано: «течетъ».

Стр. 44. [6] Позднѣйшая передѣлка: «*Н.* Да, эта погода ужъ ни на что не похожа: иногда ясно, а въ другое время совершенно дождливая. Очень большая непріятность. *Ж.* Вотъ въ Сициліи, сударыня, въ весеннее время, — это можно пригнать къ нашему февралю, — выйдешь бывало изъ дому: день солнечный, а потомъ этакъ дождикъ — и, смотришь, точно какъ будто дождикъ. *Г. П.* Непріятнѣе всего, когда въ такую погоду сидишь одинъ. Женатому человѣку, нѣтъ, не скучно; а если въ одиночествѣ, такъ тоска (страшная) чортъ знаетъ что! дѣться не знаешь куда. *Жеваки́нъ.* О, смерть, именно — смерть!*) *Анучки́нъ.* Да, совсѣмъ не хорошо. *Кочкаревъ.* Какое! Мерзость, мерзость! Просто, лучше въ петлю полѣзай! *Г. П.* Какъ, сударыня, вамъ если бъ случилось....**) какого бы вы мужа избрали — штатскаго или военнаго въ штабъ-офицерскомъ?.. (*Ж.*). Или человѣка, такъ сказать, знакомаго съ морскими бурями? (*Кочкаревъ*). Или, просто, сударыня, и прекраснаго человѣка, и хорошую должность занимающаго? (*Анучк.*). Или человѣка, хотя и служившаго въ пѣхотной службѣ, но съ высокою душою?***) *Н.* (краснѣетъ). Право-съ, никакъ не знаю. *Ив. Пет.* (толкая Θеклу). Ну жъ, ну, спроси ее хорошенько, кто больше нравится. (*Анучк.*). Спросите, спросите, Θекла....»

Стр. 45. [1] Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «для невѣсты, располагающей партіею». [2] Тѣмъ же почеркомъ исправлено: «это не резонъ, чтобы и жена ваша должна знать». [3] Вмѣсто слова «Кочкаревъ» въ рукописи одна начальная буква «К.» [4] Послѣ этого слова зачеркнуто: «Я другое».

Стр. 46. [1] Послѣднія строки («Еще и носъ перебирать»—«хорошій былъ баш-

*) Послѣ этого зачеркнута недописанная фраза: «Ужъ какъ бы то ни было, а»...

**) Одно слово не разобрано; кажется: «напримѣръ».

***) Прежде было написано: «съ образованнымъ вкусомъ».

макъ») приписаны съ лѣваго боку страницы тѣмъ же почеркомъ, какимъ написана и вся тетрадка.

Стр. 47. [1] Слово «конечно» приписано сверху строки тѣмъ же почеркомъ. [2] Въ рукописи: «что». [3] Сравни 1-е примѣч. къ 62-й стр. перваго тома.

Стр. 48. [1] Прежде было написано: «Конечно». [2] Послѣднія строки приписаны сверху зачеркнутой фразы: «Однакожъ, вѣдь это задача, какъ бы ихъ, въ самомъ дѣлѣ, выпроводить этихъ жениховъ». — Напечатанный текстъ этихъ двухъ явленій былъ впослѣдствіи передѣлываемъ на этой же тетрадкѣ, два раза — сначала чернилами, позднѣе — карандашомъ. Результатомъ этихъ передѣлокъ явился слѣдующій текстъ: «(*Гер. П.*) Вотъ тебѣ на! и ушли всѣ! Это что̀ значитъ? *Кочк.* Что-нибудь, вѣрно случилось. *Ж.* Насчетъ дамскаго туалета... манишечку эдакъ какъ-нибудь пришпилить... (*Всѣ Θекла*); А что̀ такое? что̀? *Кочкаревъ.* Что-нибудь случилось? *Θекла.* Какъ можно, чтобы что-нибудь случилось? Ей Богу, ничего не случилось. (*Кочк.*). Да зачѣмъ же она вышла? (*Θекла*). Да пристыдили, совсѣмъ исконфузили, такъ что не высидѣла. Просятъ извинить: ввечеру де на чашку [чаю], чтобы пожаловали. (*Гер. П.*) Охъ, ужъ эта мнѣ чашка чаю! Ну, ужъ начинаетъ дѣло волочиться! А сказать бы напрямикъ: «да», да и полно. Смерть не люблю отъ этого женитьбы! Вѣдь извѣстно, кажется, все, что̀ нужно. Вотъ пошла возня: «да завтра, да послѣ завтра, да то, да другое*). *Кочкаревъ* (пренебрежительно). Хмъ! Хмъ! Однакоже совсѣмъ не то. *Анучкинъ.* Да-съ, немного отвѣчаетъ. *Иванъ Павловичъ.* Носъ великъ. [*Купецъ*] Да·····**) (позабрались высоко=) съ душкомъ, съ душкомъ! [*Ан.*] Я, признаться вамъ, сомнѣваюсь даже въ томъ, знаетъ ли она по-французски. *Жевакинъ.* А вы развѣ хотите заговорить съ нею по-французски? [*Ан.*] Кто? Я? Вы думаете развѣ: я знаю по-французски? Нѣтъ, я не имѣлъ счастья воспользоваться [такимъ] воспитаньемъ. Мой отецъ былъ мерзавецъ, скотина: онъ и не думалъ о томъ, чтобы выучить меня французскому языку. Я тогда былъ еще ребенкомъ, меня было легко пріучить: стоило бы посѣчь хорошенько, и я бы зналъ, я бы непремѣнно зналъ. [*Ж.*] Но теперь же, смѣю спросить, если вы не знаете сами по-французски, такъ зачѣмъ же нужно, чтобы невѣста..... *Ан.* А это другое дѣло! Женщина совсѣмъ другое дѣло: нужно, чтобы она непремѣнно знала. А безъ этого у ней и то, и это (*показываетъ жестомъ*) ....все уже будетъ не то. Вотъ и у насъ въ службѣ: я всегда говорилъ, что пѣхота до тѣхъ поръ не сравнится съ кавалеріей, покамѣстъ офицеры не будутъ знать по-французски. [*Г. П.*] (*про себя*). Ну, вы себѣ хлопочите объ французскомъ языкѣ и объ кавалеріи, я пойду-ка еще обсмотрю хорошенько флигеля и все строеніе; да, если только все какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ, — такъ я не посмотрю ни на носъ, ни [на] французскій языкъ. Прощайте, господа! (*Уходитъ*). [*Ан.*] А что̀ жъ, и мнѣ пора. Посмотримъ еще, что̀ будетъ ввечеру. [*Жев.*] Да пойти и мнѣ выкурить трубочку. А что̀, не по дорогѣ ли намъ? Вы гдѣ, позвольте спросить,

*) Здѣсь оканчивается приписка карандашомъ, сдѣланная частію сверху строкъ, частію съ боку страницы. Съ этихъ поръ начинаются *болѣе раннія* приписки чернилами.

**) Два слова не разобраны.

живете? [*Ан.*] А возлѣ Шестилавочной въ Петровомъ переулкѣ. [*Жев.*] А, такъ это не будетъ совершенно по дорогѣ; потому я живу на острову въ 17-ой линіи, *) а впрочемъ проведу васъ. [*Купецъ*]. Ну, нѣтъ! сюда нечего нашему брату заглядывать. А вспомните, Агафья Тихоновна, и о насъ! Да-съ, матушка-съ! Имѣю честь кланяться. [*Подколесинъ*] Ну, пойдемъ и мы. [*Кочкаревъ*] Пойдемъ. Ну, какова тебѣ показалась невѣста? [*Подколесинъ*]. Да что? Мнѣ, признаюсь, она не нравится. *Кочкаревъ*. Вотъ на! Отчего? *Подколесинъ*. Да такъ; и носъ длинный, и по-французски не знаетъ. *Кочкаревъ*. Это еще что? А тебѣ на что французск..? *Подколесинъ*. Ну, нѣтъ; невѣста должна знать по-французски. *Кочкаревъ*. Почему жъ? *Подколесинъ*. Да потому что..... ужъ не знаю почему, а все ужъ будетъ не хорошо. *Кочкаревъ*. Ну, вотъ, что дурачки натолковали: (и носъ нехорошъ).... Красавица, просто красавица! Такой дѣвицы не сыщешь нигдѣ. *Подколесинъ*. Да мнѣ самому сначала она понравилась; но послѣ, какъ начали всѣ говорить: «длинный носъ, длинный носъ», мнѣ и самому кажется, что длиненъ. *Кочкаревъ*. Эхъ ты кирей **) — не нашелъ дверей! *Кочкаревъ*. Они нарочно толкуютъ ***), чтобы тебя отвадить. Ты видѣлъ, что я самъ вѣдь то же говорилъ. Да это, братъ, такая дѣвица.... Ты посмотри только въ глаза ей: вѣдь это чортъ знаетъ, что за глаза! Говорятъ, дышутъ. А носъ — я не знаю, что это за носъ! Это рѣдкость — какъ алебастръ. И алебастръ не всякій сравнится. Словомъ, даже и придумать ничего нельзя. Ну, что? Не правда-ли? Признайся. *Подколесинъ*. Да теперь-то, конечно, я самъ вижу, что она хороша. *Кочкаревъ*. Ну видишь! Послушай же, не будь хомякомъ. Теперь же прямо мы идемъ къ ней и изъяснимъ ей въ сей же часъ, вынудимъ у ней согласіе. *Подколесинъ*. Нѣтъ, ужъ этого-то я никогда не сдѣлаю. *Кочкаревъ*. Отчего жъ? *Подколесинъ*. Ну вотъ, на такое нахальство я никакъ не согласусь! Если бъ я увѣренъ былъ точно, что я нравлюсь... а то вѣдь у ней, ты видишь, сколько жениховъ! [*Кочкаревъ*] Ну, что жъ? [*Подколесинъ*] Еслибъ я еще видѣлъ, что меня отличаютъ..... [*Кочкаревъ*] Ну, да хочешь, я всѣхъ жениховъ сей же часъ сроваду отъ нея прочь? [*Подколесинъ*] Да какъ же ты сроваднишь? [*Кочкаревъ*] Ну, ужъ, это мое дѣло. Дай мнѣ только слово, [что] ты не будешь больше отговариваться. Дай руку! [*Подколесинъ*] Да почему жъ не дать? изволь. Я не отпираюсь: я хочу жениться. [*Кочкаревъ*] Ну, этого только мнѣ и нужно. Пойдемъ!»

Стр. 49. [1] Такъ въ рукописи. [2] Послѣ этого зачеркнуто: «Что хозяйка дома еще не выходила?» Предшествующія слова: «самъ въ себѣ» прибавлены уже послѣ того, какъ этотъ вопросъ былъ зачеркнутъ. [3] Слово: «свинушникъ» приписано сверху зачеркнутаго: «куратники». [4] Зачеркнуты на ходу письма слова: «Какъ вы думаете?» [5] Слово: «заговали» написано сверху зачеркнутаго: «забили». [6] Прежде было написано: «Какъ же! нату-

*) Прежде было написано: «въ 17 линіи на Васильевскомъ».

**) Въ другой рукописи и въ печатномъ текстѣ: «пирей». Соч. Гоголя II, 381.

***) Въ рукописи: «толковать»—остатокъ прежняго текста: «Они на поди толковать». Ср. выше, стр. 46.

ральнo!» [7] Ср. 1-е примѣчаніе къ 62-й страницѣ перваго тома. [8] Прежде было написано: «насчетъ».

Стр. 50. [1] Слова: «Вѣдь онъ каменный» приписаны сверху строки на ходу письма, сверху зачеркнутыхъ: «Да развѣ онъ»; конецъ фразы измѣненъ. [2] Слово «выстроенъ» зачеркнуто. [3] Слово «ныль» зачеркнуто. [4] Прежде было написано: «и въ сенатѣ служитъ братъ, сутага страшный». [5] Прежде было написано: «Вѣдь экая проклятая старуха!» [6] Прежде было написано, тѣмъ же почеркомъ: «Лавочки, сани, серебряныя ложки, сани, говоритъ, огороды, останетесь....» [7] Послѣ этого зачеркнуто слово: «просто» и стоящее надъ нимъ: «словомъ».

Стр. 51. [1] Позднѣйшая поправка: «Жена, какъ бываетъ въ свѣтѣ, имѣющая состояніе». [2] Слова: «вмѣсто всего этого» приписаны сверху строки. [3] Позднѣйшая передѣлка: «конечно, хоть я экзекуторъ — ну, есть у меня казенное жалованье и тамъ, пожалуй, кое-что перепадетъ при покупкѣ дровъ и прочаго, да вѣдь здакъ же нельзя: нужно, чтобы и жена имѣла кое-что, и вдругъ, вмѣсто всего этого, домъ выстроенъ чортъ знаетъ какъ — въ одинъ кирпичъ, въ серединѣ тряпки, заложенъ въ ломбардѣ....» [4] Въ рукописи: «что». [5] Позднѣйшая поправка: «невѣста безъ приданаго — чортъ знаетъ что, стаканъ воды». [6] Въ рукописи одна начальная буква «К». [7] Слово «бывало» приписано сверху строки. [8] Прежде было написано: «говоритъ». [9] Прежде было написано: «Нѣтъ, больше всего»...

Стр. 52. [1] Заключенное въ скобки зачеркнуто. [2] Затѣмъ утрачено нѣсколько листовъ. [3] Эти строки («Я знаю» — «а не сальныхъ») зачеркнуты.

Стр. 53. [1] Сверху зачеркнутаго слова: «побольше», приписано: «покрѣпче». [2] Позднѣйшая поправка: «Въ какую церковь (sic!) вы были прошлое воскресенье?» [3] Позднѣйшая поправка: «Въ Вознесенской, а вотъ назадъ»... (не кончено). Изъ прежняго текста зачеркнуто: «а по праздникамъ».

Стр. 54. [1] Позднѣе исправлено: «штукатурщикъ». Ср. Анненкова «Воспоминанія и критическіе очерки» I, 198 и 3-е примѣчаніе къ 223 страницѣ перваго тома настоящаго изданія. [2] Такъ въ рукописи, вмѣсто: «проходили». Ср. 1-е примѣч. къ 19 страницѣ пятаго тома. [3] Позднѣйшая передѣлка: *Агафья Петр.* Такъ это гдѣ же съ? *Подк.* А по дорогѣ..... всегда въ департаментъ; каждое утро я почти прохожусь мимо». [4] Позднѣйшая передѣлка этого мѣста: *Агаф. П.* А развѣ вы уже хотите?... *Подк.* Да-съ. Извините, что, можетъ быть, наскучилъ. *Аг. Пет.* Какъ можно наскучить? Напротивъ, я должна благодарить за пріятное препровожденіе времени. *Подкол.* (Если позволите, такъ я въ другое время когда-нибудь вечеркомъ....) Нѣтъ, а я думаю, что наскучилъ. *Аг. П.* (Очень будемъ рады гостю) Ахъ, право, нѣтъ! *Подк.* Такъ если нѣтъ, такъ и въ другое время когда-нибудь вечеркомъ.... *Аг. П.* Очень будетъ пріятно-съ (раскланивается). [5] Прежде было написано: «Да, пріятель-то его давеча очень справедливо о немъ отозвался». [6] Заключенное въ скобки зачеркнуто. [7] Позднѣйшая передѣлка этого мѣста: «И вѣдь, главное, то хорошо, что совсѣмъ не пустословитъ. Я было хотѣла ему тоже словца два сказать, да, признаюсь, оробѣла: сердце-то ужъ слишкомъ сильно стало биться. Пойти сказать тетушкѣ».

Стр. 56. [1] Начало этого явленія (стр. 54—56) было совершенно передѣлано.

Вотъ новый его текстъ: «*Кочкаревъ*. Да зачѣмъ домой? Вздоръ какой! Зачѣмъ домой? *Подколесинъ*. Да что жъ мнѣ больше здѣсь дѣлать? Вѣдь я уже все кончилъ, что нужно. *Кочкаревъ*. Неужели все? (Браво! Ай молодецъ!) Стало-быть, сердце ты ей совсѣмъ открылъ? *Подколесинъ*. Да вотъ что сердце еще не открылъ. *Кочкаревъ* (*пожимая плечами*). Какъ не открылъ? Отчего же? *Подкол*. Да какъ же ты хочешь, прежде, не поговоривши ни о чемъ, сказать прямо: «Дайте-ка, сударыня, я на васъ женюсь?» *Кочк*. Да о чемъ же, о какомъ вздорѣ вы здѣсь толковали битыхъ полчаса? *Подкол*. Ну, мы переговорили, и *я*, признаюсь, очень доволенъ: *я* провелъ съ большимъ удовольствіемъ время. *Кочкаревъ*. Да помилуй, посуди только: вѣдь сегодня вѣнчанье — чрезъ часъ нужно въ церковь ѣхать. *Подколесинъ*. Что ты — сегодня въ церковь? Вотъ те на! Съ ума сошелъ! *Кочкоревъ*. Какъ съ ума сошелъ? Да вѣдь ты жъ самъ сказалъ давеча, что какъ [только] женихи будутъ прогнаны, сейчасъ — жениться. [*Подк*.]. Ну, да *я* не прочь, но только по крайней мѣрѣ чрезъ мѣсяцъ. [*Кочк*.]. Черезъ мѣсяцъ! Экъ хватилъ сколько!.... Ахъ ты!.... Ну, послушай, ну, пожалуста, душенька, не упрямься: женись теперь. *Подк*. Помилуй, братъ! Что ты говоришь. *Кочк*. Иванъ Кузьмичъ! ну, пожалуста: если не хочешь для себя, то для меня. *Подк*. Да нѣтъ, братъ; ты самъ видишь, что вѣдь это нельзя. *Кочк*. Можно, душа, все можно. Ну, пожалуста, не капризничай! *Подк*. Да, право, нельзя. *Кочк*. Иванъ Кузьмичъ! Ну, посуди, вѣдь ты человѣкъ умный: вотъ видитъ Богъ — изъ любви, изъ одной безкорыстной любви къ тебѣ.... Ну, полно, душенька! Рѣшись сегодня. Взглянь окомъ благоразумнаго человѣка. *Подкол*. Да ужъ сталъ ли бы откладывать, если бы можно? [2] Позднѣйшая передѣлка: «Еще никогда не было между экспедиторами такого дурака».

Стр. 57 [1] Послѣднія строки передѣланы такъ: «и будетъ лежать да покуривать трубку. Экое противное созданіе! Бываютъ противныя рожи, но вѣдь эдакой, просто не бывало; просто не выдумаешь, не сочинишь хуже этой рожи. Ей Богу, не сочинишь. Такъ вотъ нѣтъ же! Пойду, нарочно ворочу его, бездѣльника! Не дамъ улизнуть: пойду, приведу подлеца!»

Стр. 58. [1] Конца явленія недостаетъ. Позднѣйшая передѣлка уцѣлѣвшаго текста: «*Агафія Петровна* (*входя*). Ужъ такъ, право, бьется сердце, что изъяснить трудно! Куда ни поворочусь, такъ вотъ вездѣ и стоитъ Иванъ Кузьмичъ. Вѣдь вотъ ужъ, точно, правда, что отъ судьбы никакъ нельзя уйти. Давеча хотѣла было совсѣмъ думать о другомъ, но чѣмъ ни займусь, просто ли сяду, пробовала шить, сматывать нитки, вышивать ридикуль, а Иванъ Кузьмичъ такъ и лѣзетъ въ руку! Итакъ вотъ наконецъ мнѣ приходится выходить замужъ. (Страшно даже). Какъ подумаешь, право, объ этомъ, что случится, дрожь проходитъ по всѣмъ составамъ. Возьмутъ меня, повезутъ въ церковь... потомъ оставятъ одну съ мущиною. Ухъ, какъ страшно. Прощай навѣки, моя дѣвичья жизнь! Столько лѣтъ провела въ спокойствіи! (*Начинаетъ мало-по-малу всхлипать и потомъ говоритъ совершенно въ слезахъ*). Вотъ жила-жила, а теперь приходится и замужъ выходить. Однѣхъ хлопотъ сколько! Дѣти мальчишки, двуглазая нгова, (sic) подерутся — ступай, разнимай ихъ. А тутъ и дѣвочки...» [2] Начало явленія не сохранилось.

Стр. 59. [1] Позднѣйшая передѣлка: «*Кочкаревъ*. Браво! Вотъ хорошо!. Благородный человѣкъ! Я, признаюсь, всегда ожидалъ отъ тебя много въ будущемъ. Вы, сударыня, идите теперь поскорѣе одѣваться, потому что *я*, сказать правду, уже... и гостей напросилъ: они всѣ прямо отправились въ церковь. Вѣдь у васъ вѣнчальное платье, вѣрно, есть — я знаю. *Агаф. П.* Какже-съ, ужъ года два совсѣмъ у меня виситъ готовое. Сейчасъ одѣнусь». [2] Слово «сдѣлалъ» позднѣе зачеркнуто. [3] Позднѣйшая передѣлка: «Вижу, что ты дѣйствовалъ изъ дружбы». [4] Зачеркнути слова: «Это именно такое благодѣяніе». [5] Зачеркнута фраза: «и помолюсь о душѣ его». [6] Зачеркнуто слово: «благодаришь». [7] Позднѣйшая передѣлка: «Я радъ. Ну, подойди, я тебя поцѣлую». [8] Позднѣйшая передѣлка: «Дай Богъ, чтобы ты прожилъ благополучно». [9] Позднѣйшая поправка: «нажилъ». [10] Позднѣе зачеркнуты слова: «Отъ всей души и отъ всего сердца». [11] Послѣ этого слова приписано сверху: «самъ».

Стр. 60. [1] Позднѣйшая передѣлка: «Радъ, радъ. Теперь мнѣ нужно тамъ разсмотрѣть, какъ уберутъ столъ, черезъ минуту возвращусь.» [2] Позднѣйшая передѣлка: «Странно даже, какъ подумаешь: вотъ черезъ нѣсколько минутъ — и уже будешь женатъ. Вдругъ блаженство, котораго (такъ сказать)*) даже не найдешь словъ изъяснить, (никакимъ перомъ не опис) — просто, выразить даже не выразишь». [3] Позднѣйшая передѣлка: «Ужъ вотъ даже и теперь назадъ ни шагу ужъ сдѣлать нельзя.»

Стр. 61. Сверху строки передъ словомъ «высоко» приписано: «Богъ знаетъ что̀ — въ окно! Да и...» [2] Послѣ этого слова приписано сверху строки: «низенькой фундаментъ» — можно бы спрыг». [3] Позднѣйшая передѣлка: «А что̀, однакоже, если бы попробовать — а? Попробовать?» [4] Позднѣйшая передѣлка: «Опять сдѣлалось стыдно и вся дрожу». [5] Позднѣе зачеркнуты слова: «Молчитъ! Смѣлѣе, смѣлѣе!» [6] Зачеркнуты слова: «Вотъ тебѣ на!» [7] Послѣ этого зачеркнута недописанная фраза: «Вотъ штука, какъ бы онъ могъ пропаст...» [8] Заключенное въ скобки зачеркнуто.

Стр. 62. [1] Позднѣйшая передѣлка: «*Голосъ Θеклы*. Онъ тамъ. *Агаф. П.* Да гдѣ жъ тамъ? Здѣсь нѣтъ его. *Θекла*. Ну, да ужъ и сиди-то не уходилъ. Я сидѣла нарочно въ прихожей, не равно кто придетъ, чтобы принять. А не вышелъ ли онъ другимъ выходомъ и сидитъ ли у Арины? *Агафья*. Тетушка! Тетушка! [*Ирина*]**). А что̀ такое? [*Агафья*]. Иванъ Кузьмичъ у васъ? [*Ирина*]. Нѣтъ, онъ тутъ долженъ быть; ко мнѣ не заходилъ. [*Агафья*]. Да гдѣ жъ? Вѣдь здѣсь его нѣтъ. *Тѣ же*. *Кочкаревъ*. А что̀ такое? *Агафья Т*. Да Ивана Кузьмича нѣтъ. *Кочкаревъ*. Какъ нѣтъ? Вздоръ какой! [*Θекла*]. Да ужъ куды онъ дѣвался, *я* и не могу прибрать. Въ переднюю не выходилъ — я Богъ знаетъ что̀ готова держать***) [*Ирина*]. И у меня тоже не былъ, и по лѣстницѣ черной не проходилъ. [*Кочкаревъ*]. Да что̀ жъ онъ, развѣ духъ злой, что̀ ли? Какъ же бы могъ онъ пропасть,

*) Заключенное въ скобки зачеркнуто.

**) Заключеннаго въ прямыя скобки въ рукописи нѣтъ.

***) Съ лѣваго поля страницы приписано: «Не... нѣтъ». [*Агафья*]. Гдѣ Иванъ Кузьмичъ? [*Θекла*]. А не знаю. Ужъ въ переднюю-то онъ не выходилъ: я бы тотчасъ видѣла».

не выходя изъ комнаты? Иванъ Кузьмичъ! Ну, не дѣлай глупостей! Полно тебѣ прятаться! Что за шутки! Въ церковь...*). Ну, выходи! Гдѣ ты? (*Заглядываетъ за шкапъ и запускаетъ издали глаза подъ стулья*). [*Арина*]. Ужъ развѣ сирому дѣвчонку — она стояла на улицѣ. Ужъ не видала ли она какъ-нибудь? Аннушка! Аннушка! Аннушка! Гдѣ Иванъ Кузьмичъ? Ты не видала? *Анн.* Да они вынригнули въ окошко. *Кочкаревъ.* Какъ, въ окошко? [*Аннушка*]. Да-съ, вынригнули въ окошко, взяли извощика и уѣхали. *Кочкаревъ.* Врешь! Чортъ знаетъ, что она говоритъ! Какъ въ окошко? [*Аннушка*]. Ей Богу, вынригнули! Вотъ купецъ въ молочной лавочкѣ видѣлъ. Потомъ поторговались за гривенникъ съ извощикомъ и уѣхали. [*Ирина*]. Что, батюшка, смѣяться ты надъ нами задумалъ, что ли? Вы, видно, для смѣха въ поношенье намъ привели такого жениха что прыгаетъ въ окошко? Да *я* вотъ шестой десятокъ живу, да еще, слава Богу, еще (sic!) не видала, чтобы опозорили такъ на смѣхъ всему міру. Да за это, батюшка, въ глаза вамъ наплевать просто! Я — мужичка, да не сдѣлаю этакого страннаго дѣла. А еще дворяниномъ называетесь! На пакости да на мошенничества у васъ, видно, хватаетъ дворянства — опозорить честную дѣвушку! (*Уходитъ*). *Кочкаревъ.* (*Стоитъ совершенно недвижно*). *Агафья П.* Что, батюшка, видно не въ пору расхвастался? [*Ѳекла*]. А вотъ тотъ, что знаетъ, какъ повести дѣло! А вотъ тотъ, [что] умѣетъ безъ свахи (заварить =) **) заправить свадьбу!»

Въ заключеніе приводимъ еще одинъ черновой набросокъ изъ «Жениховъ».

«Ахъ! [никакъ] (кто) звонитъ.

Ахти! это они.

Кто они?

Они... Да кто-нибудь изъ женіховъ.

Вскрикиваетъ. Ухъ!

Ахъ, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

А въ комнатѣ почти не прибрано.

Уноси скорѣе эту [ ]. Да салфетка, салфетка на столѣ совсѣмъ черная. [Со стола] Кричитъ. Парашка! Парашка является.

Скорѣе чистую салфетку.

Ахъ, тетушка! Я чуть не въ рубашкѣ.

Поскорѣй, мать моя, ступай.

Ступай, ступай скорѣе. Опять звонятъ.

Скажи, что сейчасъ.

Да вѣдь платье совсѣмъ не глажено.

Ахъ! (какія страсти). (Ну, такъ пусть выглядятъ. Звонятъ). Господи ты мой милосердый! Ступай, ступай... Скажи, что сейчасъ. Минуточку погодите.

Ѳекла вбѣгаетъ. Ну что жъ нейдешь одѣвать?

Ахъ, мать моя! помоги! Я совсѣмъ угорѣла. Помоги, помоги дѣвкѣ, Ѳеклуша, принарядиться.

Пойдемъ, пойдемъ скорѣй. Да пусть отворитъ: вѣдь неприлично такъ долго дожидаться. Парашка отворяетъ. Слышно, какъ отворяется дверь въ

*) Зачеркнуто.

**) Тоже.

сѣняхъ и голосъ: «Дома?» «Дома, пожалуйте въ переднюю». Всѣ съ любопытствомъ заглядываютъ въ замочную скважину. Агафья Тихоновна вскрикиваетъ: «Ахъ какой толстый!»

Θекла.

Идетъ, идетъ. Всѣ бѣгутъ опрометью изъ комнаты.
(Приписано послѣ на пустомъ мѣстѣ*).

Исторія текста комедіи Гоголя «Ревизоръ».

«Да здравствуетъ комедія» (писалъ Гоголь Погодину 6 декабря 1835 года). «Одну наконецъ рѣшаюсь давать *на театръ*, приношу переписывать экземпляръ для того, чтобы послать къ тебѣ въ Москву вмѣстѣ съ просьбою предувѣдомить, кого слѣдуетъ, по этой части... Такъ я былъ озабоченъ это время, что едва только успѣлъ *третьяго дни* окончить эту піесу»[1]). Въ такихъ выраженіяхъ извѣстилъ Гоголь Погодина, что «Ревизоръ» 4 декабря 1835 года окончательно былъ готовъ для сцены. «Вслѣдствіе устройства головы моей» (признавался Гоголь Шевыреву уже по выходѣ въ свѣтъ перваго тома «Мертвыхъ душъ»), «я могу работать только вслѣдствіе глубокихъ обдумываній и соображеній, и никакая сила не можетъ заставить меня произвести и тѣмъ болѣе выдать вещь, которой незрѣлость и слабость я уже вижу самъ»[2]). «Никто не зналъ» (говоритъ онъ въ томъ же письмѣ), «для чего я производилъ передѣлки моихъ прежнихъ піесъ, тогда какъ я производилъ ихъ, основываясь на разумѣньи самого себя, на устройствѣ головы своей. Я видѣлъ, что на этомъ одномъ я могъ только навыкнуть производить плотное созданіе, сущное, твердое, освобожденное отъ излишествъ и неумѣренности, вполнѣ ясное и совершонное въ высокой трезвости духа»[3]). Къ «Ревизору» чаще, нежели къ какому-либо изъ своихъ произведеній (не исключая и перваго тома «Мертвыхъ душъ»), обращался Гоголь для передѣлокъ и дополненій: къ 1834 году относятся первые наброски «Ревизора» и только въ 1842 году, почти одновременно съ первою частью «Мертвыхъ душъ», полу-

*) Ср. выше стр. 9 и т. II, стр. 375.

1) Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, изд. Кулиша, V, 247.

2) «Русская Старина», 1875 г., № 9, стр. 126—127.

3) Тамъ же, стр. 125.

чилъ онъ свою окончательную отдѣлку: явилось «созданіе плотное, сущное, твердое, освобожденное отъ излишествъ и неумѣренности»[1])...

Рано овладѣла Гоголемъ мысль написать комедію. «Я помѣшался на комедіи» (пишетъ онъ Погодину 20 февраля 1833 года). «Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей; но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе было написано на бѣлой толстой тетради: «Владиміръ 3-ей степени», и сколько злости, смѣху, соли! Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ»[2]). «Что̀ изъ того», продолжаетъ Гоголь, «когда піэса не будетъ играться? Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она, какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неконченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже квартальный не могъ бы обидѣться. Но что̀ комедія безъ правды и злости?»[3]). Въ томъ же 1833 году, къ которому относится приведенный отрывокъ изъ письма къ Погодину, Гоголемъ написаны были «Женитьба» и нѣкоторыя отдѣльныя сцены, которыя могли впослѣдствіи войти въ составъ какой-нибудь комедіи. «Кланяюсь Гоголю» (пишетъ Пушкинъ князю В. Ѳ. Одоевскому изъ Болдина, 30-го октября 1833 года). «Что̀ его комедія, въ ней же есть закорючка?»[4]) «Это слово (закорючка)» — замѣтилъ кн. Одоевскій, — «какъ-то ввелось тогда въ пріятельскомъ кружкѣ для означенія чего-либо, заслуживающаго особеннаго вниманія. Относится къ Ревизору»[5]). Мы полагаемъ, что вопросъ Пушкина относился къ «Владиміру 3-ьей степени»[6]), а не къ «Ревизору», сюжетъ котораго Пушкинъ сообщилъ Гоголю не ранѣе декабря 1833 года, если вѣрить разсказамъ двухъ современныхъ и

---

[1]) Третьимъ произведеніемъ, имѣвшимъ длинную литературную исторію, какъ извѣстно уже читателю изъ предыдущаго очерка, была «Женитьба». В. Ш.

[2]) Сочиненія и письма Гоголя, V, 175; дополнено по автографу.

[3]) Тамъ же.

[4]) «Русскій Архивъ» 1864 г., № 1 и 8, стр. 820.

[5]) Тамъ же.

[6]) Здѣсь Н. С. Тихонравовъ называетъ еще вмѣсто «Владиміра 3-ьей степени» «Женитьбу» (см. «Ревизоръ» первоначальный сценическій текстъ, извлеченный Н. С. Тихонравовымъ, стр. V), но, какъ сказано выше, ближе ознакомившись съ исторіей каждаго сочиненія Гоголя, Н. С. Тихонравовъ перемѣнилъ свое мнѣніе. (См. выше, стр. 550). В. Ш.

достовѣрныхъ свидѣтелей. Гр. В. Ѳ. Соллогубъ пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Пушкинъ познакомился съ Гоголемъ и разсказалъ ему про случай, бывшій въ г. Устюжнѣ новгородской губерніи о какомъ-то проѣзжемъ господинѣ, выдавшемъ себя за чиновника министерства и обобравшемъ всѣхъ городскихъ жителей. Кромѣ того, Пушкинъ, самъ будучи въ Оренбургѣ, узналъ, что о немъ получена гр. В. А. Перовскимъ секретная бумага, въ которой послѣдній предостерегался, чтобъ былъ остороженъ, такъ какъ исторія Пугачевскаго бунта была только предлогомъ, а поѣздка Пушкина имѣла цѣлью обревизовать секретно дѣйствія оренбургскихъ чиновниковъ. На этихъ двухъ данныхъ задуманъ былъ «Ревизоръ», коего Пушкинъ называлъ себя всегда крестнымъ отцомъ»[1]). Изъ однѣхъ неизданныхъ записокъ о жизни Пушкина г. Бартеневъ приводитъ слѣдующій разсказъ: «Въ поѣздку свою въ Уральскъ, для собранія свѣдѣній о Пугачевѣ, въ 1833 г., Пушкинъ былъ въ Нижнемъ, гдѣ тогда губернаторомъ былъ М. П. Б. Онъ прекрасно принялъ Пушкина, ухаживалъ за нимъ и вѣжливо проводилъ его. Изъ Нижняго Пушкинъ поѣхалъ прямо въ Оренбургъ, гдѣ командовалъ его давнишній пріятель гр. Василій Алексѣевичъ Перовскій, Пушкинъ у него и остановился. Разъ они долго сидѣли вечеромъ. Поздно утромъ Пушкина разбудилъ страшный хохотъ. Онъ видитъ: стоитъ Перовскій, держитъ письмо въ рукахъ и заливается хохотомъ. Дѣло въ томъ, что онъ получилъ письмо отъ Б. изъ Нижняго, содержанія такого: «У насъ недавно проѣзжалъ Пушкинъ. Я, знаю, кто онъ, обласкалъ его, но, должно признаться, никакъ не вѣрю, чтобы онъ разъѣзжалъ за документами объ Пугачевскомъ бунтѣ; должно быть, ему дано тайное порученіе собирать свѣдѣнія объ неисправностяхъ. Вы знаете мое къ вамъ расположеніе; я почелъ долгомъ вамъ посовѣтовать, чтобъ вы были осторожнѣе» и пр. Тогда Пушкину пришла идея написать комедію: «Ревизоръ». Онъ сообщилъ послѣ объ этомъ Гоголю, разсказывалъ нѣсколько разъ другимъ и собирался самъ что-то написать въ этомъ родѣ»[2]). Въ нижегородской губерніи Пушкинъ былъ въ концѣ августа 1833 года, 6 сентября пріѣхалъ въ Казань, 19 сентября прибылъ въ Оренбургъ, гдѣ, по словамъ Анненкова, останавливался въ домѣ самого генералъ-губернатора, 23-го выѣхалъ изъ Оренбурга и черезъ

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1865 г., стр. 744.

[2]) Тамъ же, стр. 744—745. — См. о томъ же, «Порядокъ», 1881, № 28.

Саратовъ и Пензу[1]) отправился въ Болдино, гдѣ былъ 2-го октября»[2]). Только 28 ноября возвратился Пушкинъ въ Петербургъ, и только тогда могъ сообщить Гоголю идею «Ревизора». Очевидно, что письмо, писанное къ Одоевскому Пушкинымъ изъ Болдина, 30-го октября 1833 г., не могло содержать въ себѣ запроса о комедіи Гоголя «Ревизоръ». Только почти черезъ два года сюжетъ, данный Пушкинымъ, явился воплощеннымъ въ комедіи «съ правдою и злостью».

Въ *августѣ* 1834 года Гоголь уже писалъ «Ревизора». «На театръ здѣшній» (увѣдомляетъ онъ Максимовича 14-го августа 1834 г.) «я ставлю пьесу, которая, надѣюсь, кое-что принесетъ мнѣ, да еще готовлю изъ-подъ полы другую»[3]): первою изъ упомянутыхъ здѣсь пьесъ была «Женитьба», второю — «Ревизоръ»[4]). Постановка «Женитьбы» была, впрочемъ, отложена, можетъ быть, потому, что Гоголь, только-что назначенный адъюнктомъ всеобщей исторіи въ петербургскій университетъ, не имѣлъ досуга отдаться хлопотамъ по сценической постановкѣ своей комедіи. Работа надъ «Ревизоромъ» продолжалась. 23 августа того же 1834 года Гоголь писалъ Максимовичу: «Я тружусь, какъ лошадь, чувствуя, что это послѣдній годъ, но только не надъ лекціями, которыя у насъ до сихъ поръ не начинались, но надъ собственно своими вещами». Одною изъ этихъ «собственныхъ вещей» Гоголя былъ «Ревизоръ». И какимъ бодрымъ и свѣтлымъ настроеніемъ проникнуто письмо, въ которомъ Гоголь извѣщаетъ Максимовича объ этой «комедіи, которую онъ готовилъ изъ-подъ полы!» «Отъ меня» (увѣряетъ Гоголь своего земляка) «зависитъ пріобрѣсть имя, которое можетъ заставить быть поснисходительнѣе въ отношеніи ко мнѣ и не почитать меня

---

[1]) Нельзя не отмѣтить, что Иванъ Александровичъ Хлестаковъ ѣдетъ тѣмъ же путемъ: — черезъ Пензу, гдѣ его обыгрываетъ пѣхотный капитанъ, въ саратовскую губернію.

[2]) П. В. Анненковъ, А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній, изд. 2-е, стр. 362—365.

[3]) Сочиненія и письма Гоголя, V, 223.

[4]) Невѣрно замѣчаніе г. Кулиша: «Дѣло идетъ о «Ревизорѣ», Другая піеса, о которой онъ упоминаетъ, была, вѣроятно, «Женитьба». Гоголь самъ свидѣтельствуетъ, что «Женитьба» «писана въ 1833 г». Въ письмѣ къ Погодину отъ 6 декабря 1835 года Гоголь уже сообщаетъ: «Той комедіи, которую я читалъ у васъ въ Москвѣ, давать не намѣренъ на театрѣ». Сочиненія и письма Гоголя, V, 247. По словамъ С. Т. Аксакова, то была «Женитьба». Русь, 1880, № 4, стр. 17. и «Русск. Арх.», 1890, VIII, стр. 9—10.

за несчастнаго просителя, привыкшаго чрезъ длинныя переднія и лакейскія пробираться къ мѣсту»[1]). Въ первой половинѣ 1834 года Гоголь печатаетъ въ февральской книжкѣ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» статью «Планъ преподаванія всеобщей исторіи», въ апрѣльской книжкѣ того же журнала «Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи» и статью «О малороссійскихъ пѣсняхъ;» еще раньше появляется въ «Сѣверной Пчелѣ» «Объявленіе объ изданіи его малороссійской исторіи». 24 іюня 1834 года Гоголь утвержденъ адъюнктомъ петербургскаго университета и, какъ мы видѣли, почти наканунѣ открытія лекцій занимается — не лекціями, а «своими вещами». Въ сентябрьской книжкѣ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» Гоголь печатаетъ наконецъ свою вступительную лекцію въ университетѣ «О среднихъ вѣкахъ». Въ январѣ 1835 года уже появляются въ свѣтъ «Арабески». Въ составъ ихъ вошли только-что перечисленныя историческія статьи и очень много «молодаго, дѣтскаго»[2]). Отправляя этотъ сборникъ къ Погодину, Гоголь пишетъ ему (22 января 1835 года): «Посылаю тебѣ всякую всячину мою. Погладь ее и потрепли. Въ ней есть очень много дѣтскаго и я поскорѣе ее старался выбросить въ свѣтъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ выбросить изъ моей конторки все старое и, стряхнувшись, начать новую жизнь»[3]). Оправдывая передъ публикою помѣщеніе нѣкоторыхъ «молодыхъ» піэсъ въ «Арабескахъ», Гоголь говоритъ: «Вмѣсто того, чтобы строго судить свое прошедшее, гораздо лучше быть неумолимымъ къ своимъ занятіямъ настоящимъ»[4]) Чѣмъ же занятъ былъ въ это время профессоръ? Какую «новую жизнь» готовился онъ начать? Объявленная исторія Малороссіи не двигалась; мысль объ изданіи сочиненія «Земля и люди» была оставлена; вступительной лекціей «О среднихъ вѣкахъ» авторъ былъ не доволенъ; «она» (извиняется онъ въ письмѣ московскому профессору Погодину) «сказана только такъ, чтобы сказать что-нибудь и только раззадорить нѣсколько въ слушателяхъ потребность узнать то, о чемъ еще нужно разсказать, что̀ оно такое»[5]). Лекціями своими Гоголь тоже не доволенъ.

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 223.

[2]) Предисловіе къ «Арабескамъ» и письмо къ Погодину. (См. Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 228).

[3]) Сочиненія и письма Гоголя, V, 231.

[4]) Предисловіе къ Арабескамъ. См. настоящаго изд. т. V, стр. 111.

[5]) Сочиненія и письма Гоголя, V, 228.

Уже въ декабрѣ 1834 года пишетъ онъ Погодину: «Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое и вижу свои ошибки»[1]). И слушатели спятъ на лекціяхъ Гоголя. «Никто меня не слушаетъ» (разсказываетъ онъ): «ни на одномъ, ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина». Гоголь черезъ какіе-нибудь три мѣсяца послѣ вступленія на каѳедру «рѣшительно бросаетъ желаніе будить сонныхъ слушателей». А «собственно свои вещи» съ неотразимою силою влекутъ къ себѣ художника, «вся глубина души котораго давно уже рвалась наружу»[2]). Овладѣвшее имъ, еще въ 1833 году, «помѣшательство» на комедіи не излѣчено первою неудавшеюся попыткою («Владиміръ 3-й степени»). «Примусь за исторію» (писалъ Гоголь въ началѣ 1833 года) — «передо мною движется сцена, шумитъ апплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы — и исторія къ чорту! И вотъ почему я сижу при лѣни мыслей»[3]). Гоголь имѣлъ полное право повторить о себѣ тѣ же слова и въ примѣненіи къ кратковременному періоду своего профессорства. Около полутора года оставался Гоголь на этой службѣ; въ декабрѣ 1835 г. онъ покинулъ каѳедру. Въ томъ самомъ письмѣ, которымъ онъ извѣщалъ Погодина объ окончаніи «Ревизора» для сцены, набросаны нѣкоторыя черты душевнаго состоянія Гоголя въ эти полтора года. «Я расплевался съ университетомъ» (пишетъ онъ) «и чрезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года — годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся, — въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня..... Миръ вамъ, мои небесныя гостьи, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души моей до новаго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ большею силою, и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика и проч.... и проч....»[4])

[1]) Тамъ же.

[2]) Сочиненія и письма, V, 174.

[3]) Тамъ же, стр. 175.

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 246—247.

Въ эти полтора года «безславія» профессора выросталъ въ Гоголѣ славный писатель; въ эти полтора года созрѣло въ немъ сознаніе своего призванія: для него начиналась «новая жизнь». Переворотъ, совершившійся въ это время въ Гоголѣ, такъ изображенъ въ «Авторской исповѣди» его: «Причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшные лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала. Вотъ происхожденіе тѣхъ первыхъ моихъ произведеній, которыя однихъ заставили смѣяться также беззаботно и безотчетно, какъ и меня самого, а другихъ приводили въ недоумѣніе рѣшить, какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости. Можетъ быть, съ лѣтами и потребность[1]) развлекать себя, веселость эта исчезнула бы, а съ нею вмѣстѣ и мое писательство. Но Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и наконецъ одинъ разъ, послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое, однакожъ, поразило его больше всего мной прежде читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: «Какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живаго — съ этою способностью не приняться за большое сочиненіе? Это просто грѣхъ!» Вслѣдъ за этимъ началъ онъ представлять мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано, привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса, который хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но если бы не принялся за «Донкишота», никогда бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями и, въ заключеніе всего, отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому. Это былъ сю-

[1]) Такъ въ текстѣ «Авторской исповѣди», переписанномъ для цензуры Шевыревымъ

жетъ «Мертвыхъ душъ» (мысль «Ревизора» принадлежитъ также ему). На этотъ разъ я и самъ уже задумался серьезно, — тѣмъ болѣе, что стали приближаться такіе года, когда самъ собой приходитъ запросъ всякому поступку: «зачѣмъ и для чего дѣлаешь?» Я увидѣлъ, что въ сочиненіяхъ моихъ я смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная, зачѣмъ. Если смѣяться, такъ уже лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что̀ дѣйствительно достойно осмѣянья всеобщаго. Въ «Ревизорѣ» я рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше требуется отъ человѣка справедливости, и за одинъ разъ посмѣяться надо всѣмъ. Но это, какъ извѣстно, произвело потрясающее дѣйствіе. Сквозь смѣхъ, который никогда еще во мнѣ не появлялся въ такой силѣ, читатель услышалъ грусть. Я самъ почувствовалъ, что уже смѣхъ мой не тотъ, какой былъ прежде, что уже не могу быть въ сочиненіяхъ моихъ тѣмъ, чѣмъ былъ дотолѣ, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вмѣстѣ съ молодыми лѣтами»[1]).

Такъ характеризуетъ самъ Гоголь ту переходную эпоху своей жизни, тѣ полтора года, въ теченіи которыхъ написаны первыя редакціи «Ревизора» и начата первая редакція перваго тома «Мертвыхъ душъ». Это была эпоха, когда для Гоголя началась «новая жизнь»; «потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами оканчивалась»; писателя «волновали уже не дѣтскія мысли, но мысли высокія, исполненныя истины, наводившія на него божественныя минуты». Въ эту эпоху просвѣтлѣнія художника и человѣка былъ выработанъ тотъ текстъ «Ревизора», который составляетъ основу печатной редакціи, а также первоначальнаго сценическаго текста.

Первый полный набросокъ «Ревизора», далеко не отдѣланный впрочемъ въ частностяхъ, относится къ концу 1834 и началу 1835 года. Онъ находился въ одной изъ записныхъ книгъ Гоголя, съ которыми познакомилъ нѣсколько публику г. Кулишъ въ своихъ «Запискахъ о жизни Н. В. Гоголя» (томъ I, стр. 163—175) и еще болѣе И. С. Аксаковъ, родителю котораго эти книги подарены были Гоголемъ («Русь», 1881 г., № 12).

Записная книга, въ которую внесена первая редакція «Ревизора», заключаетъ въ себѣ отрывки и наброски разныхъ годовъ (1833—

[1]) См. настоящаго изд. т. IV, стр. 249—250.

1836 г.). Она открывается отрывкомъ, который носитъ заглавіе: «Вселенная, или исторія и описаніе всѣхъ народовъ, ихъ религій, нравовъ, обычаевъ и пр. Египетъ». Отрывокъ этотъ относится, вѣроятно, къ началу 1833 года и долженъ былъ войти въ составъ задуманной Гоголемъ «всеобщей исторіи и всеобщей географіи», подъ заглавіемъ «Земля и люди»[1]).

На слѣдующемъ листѣ начинается обширный черновой набросокъ, открывающійся словами: «Журнальная литература, эта живая, пестрая»..... Статья въ рукописи не имѣетъ заглавія, писана въ разное время, многіе листы въ ней на половину оторваны. Только часть этого наброска, въ исправленномъ видѣ, напечатана въ первой книжкѣ «Современника» Пушкина подъ заглавіемъ: «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году». Весь набросокъ относится къ концу 1835 и началу 1836 года[2]). Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько набросковъ статьи «Москва и Петербургъ», которая въ передѣланномъ видѣ составила первую главу «Петербуржскихъ записокъ 1836 года» и на которую уже ссылался Пушкинъ въ своей статьѣ о Радищевѣ[3]). Далѣе вписанъ отзывъ о какомъ-то лубочнаго изданія романѣ изъ русской жизни и объ альманахѣ Бориса Ѳедорова «Дѣтскій павильонъ», о которомъ уже появилась рецензія въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» № 5, 15-го января 1836 года. И такъ эту часть тетради, написанную не блѣдными чернилами, Гоголь наполнялъ своими замѣтками съ 1833 г. и особенно въ 1835 г.

Съ другаго конца той же записной книги вписана первая редакція (изъ извѣстныхъ доселѣ) «Ревизора»; она занимаетъ девять листовъ. Писана отъ начала до конца (какъ и всѣ статьи этой книги) собственною рукою Гоголя. Имена дѣйствующихъ лицъ еще не установились здѣсь окончательно. Попечителя богоугодныхъ заведеній зовутъ Антономъ Антоновичемъ, Хлестаковъ названъ однажды Скакуновымъ, городничій называетъ себя Сквозникъ-Протуханскій (или Прочуханскій?). Вся комедія писана почти сплошь, большею частію безъ указаній, какъ должны быть распредѣлены рѣчи и монологи между дѣйствующими лицами; дѣйствія не всегда разбиты

[1]) Письмо къ Погодину отъ 1 февраля 1833 г. Сочиненія и письма, V, 168.

[2]) Первая книжка «Современника» Пушкина одобрена цензурою 31 марта 1836 года.

[3]) Сочиненія Пушкина, изд. 3-е (1881 г.), V, 209. Здѣсь она отнесена къ 1833 г. вмѣсто 1835.

на явленія, сцены. Набрасывая въ такомъ видѣ текстъ «Ревизора», Гоголь не останавливался надъ отдѣлкою подробностей, отдѣльныхъ репликъ, монологовъ и даже сценъ: если такія частности затрудняли его, онъ оставлялъ до другаго времени. Оставлено напр. пустое мѣсто, чтобы вписать во второй сценѣ пятаго дѣйствія начало обращенія городничаго къ купцамъ. Вся комедія писана блѣдными желтоватыми чернилами; она оканчивается на оборотной страницѣ 20-го полулиста рукописи (первые два полулиста оставлены были пустыми). Затѣмъ начинаются наброски отдѣльныхъ репликъ, монологовъ и сценъ, частію для дополненія предшествующаго текста, частію для замѣны отдѣльныхъ мѣстъ онаго.

Внизу первой страницы 21-го полулиста Гоголь набросалъ черными, ясными чернилами: «Голосъ Анны Андреевны. Право какъ будто никому дѣла нѣтъ [1]). Тамъ набрело просителей полонъ дворъ. И мужа нѣтъ; Куда онъ ушелъ?» и т. д. На оборотѣ того же полулиста старыми, желтоватыми чернилами было написано: «Явленіе 1-е. Скакуновъ. Куда вы хотѣли идти?» Это явленіе вошло впослѣдствіи въ составъ четвертаго дѣйствія «Ревизора». Въ первой редакціи комедіи это дѣйствіе представляется въ довольно неразработанномъ видѣ и слагается изъ немногихъ сценъ въ такомъ порядкѣ: «Явленіе первое: Хлестаковъ одинъ («Мнѣ нравится здѣшній городокъ» [2]); явленіе 2-е: Хлестаковъ и почтмейстеръ; явленіе 3-е: Хлестаковъ и смотритель уѣзднаго училища Филиппъ Артемьевичъ; явленіе 4-е: тѣ же [3]) и судья; явленіе 5-е: тѣ же и Ляпкинъ-Тяпкинъ; явленіе 6-е: Хлестаковъ и Растаковскій; явленіе 7-е: тѣ же и Погоняевъ; явленіе 8-е: Хлестаковъ и помѣщикъ Люлюковъ; явленіе 9-е (въ необдѣланномъ видѣ, съ пустыми мѣстами для позднѣйшихъ вставокъ): Хлестаковъ, Бобчинскій и Добчинскій; явленіе 10-е: Хлестаковъ одинъ; явленіе 11-е: Хлестаковъ и Осипъ; явленіе 12-е: Хлестаковъ и купцы; явленіе 13-е: Хлестаковъ и унтеръ-офицерская жена. Дальнѣйшая послѣдовательность сценъ четвертаго дѣйствія не можетъ быть опредѣлена, потому что полистъ, на которой начиналось 14-е явленіе, вырѣзанъ авторомъ. (Вырѣзанный полистъ находился у В. В. Думнова, которому присланъ въ началѣ мая 1886 г. наслѣдниками. Онъ отмѣ-

[1]) См. стр. 107 изданія Н. С. Тихонравова (1886) и выше, стр. 208.

[2]) Ст. 85 изданія Н. С. Тихонравова (1886) и выше, стр. 225.

[3]) Такъ въ рукописи, вмѣсто: Хлестаковъ, съ 4-го явленія авторъ пересталъ отмѣчать начало каждой новой сцены цифрою, ограничиваясь красною строкою.

чен красным карандашом № 5). Уже изъ этого можно видѣть, какъ при самомъ общемъ, первомъ наброскѣ комедіи Гоголя затруднялъ выборъ сценъ именно для четвертаго акта, составъ онаго [1]). На слѣдующемъ полистѣ уцѣлѣло лишь немного конечныхъ строкъ этого дѣйствія: «.....Хорошо вамъ будетъ *(бьетъ рукою по ковру)*. Теперь садитесь, ваше благородіе. — Прощайте, будущій тестюшка! — Прощайте, моя (душа). — Прощайте, Александръ Ивановичъ! — Прощайте, маменька! *Голосъ ямщика*. Эй вы разбойники! Колокольчикъ тлень, тлень, тлень, тлень. Занавѣсъ опускается».

Изъ этихъ заключительныхъ словъ видно однако, что сцена Хлестакова съ Марьей Антоновной, хотя, можетъ быть, и не въ развитомъ видѣ, существовала уже въ первой редакціи и что Хлестаковъ уѣзжалъ отъ городничаго послѣ помолвки съ его дочерью. Эта-то сцена Хлестакова съ Марьею Антоновною и написана на оборотѣ 21-го листа старыми желтоватыми чернилами. Вотъ ея начало [2]): «*Скакуновъ*. Куда вы хотѣли идти? — (Я право) не знала, что вы тутъ сидите. Я вамъ помѣшала, вы меня извините. [Куда же, куда вы? — Нѣтъ, мнѣ нужно сказать кое объ чемъ нашей..... — Зачѣмъ это? Ничего не нужно. Зачѣмъ итти? Къ чему итти? *(Подходитъ поближе)*]. — Право мнѣ нужно приказать нашей ключницѣ..... — Къ чему приказывать? Вы не приказывайте ничего. Что̀ такое приказаніе и что̀ такое ключница? Ключница.....— Право. я и вамъ помѣшала: вы важными дѣлами занимались» [3]) и т. д. Позднѣе эта страница поправлена черными, ясными чернилами, тѣми же чернилами продолжена и доведена на листѣ 22-мъ до прихода городничаго [4]). Въ концѣ первой страницы 22-го листа двѣ поправки, тѣми же позднѣйшими чернилами, къ начальнымъ фразамъ сцены, которыя были зачеркнуты авторомъ [5]). Позднѣйшее дополненіе къ сценѣ Хлестакова съ Марьей Антоновной и ея дальнѣйшій переходъ въ объясненіе съ Анной Андреевной приводимъ вполнѣ. Послѣ словъ: «(становится на колѣни). Что̀жъ? Это все равно. Это такъ только въ воображеніи представляется» — слѣдуетъ новѣйшій набросокъ: «Я это сдѣлалъ отъ любви, ей-Богу!

---

[1]) См. тоже, стр. XXIII—XXIV изданія 1886 г.

[2]) Въ скобкахъ ставимъ слова, зачеркнутыя авторомъ.

[3]) Ср. того же изданія, стр. 108.

[4]) См. того же изд., стр. 113.

[5]) Вотъ вторая приписка: «Ну, не ходите, сударыня, сдѣлайте милость. Я васъ... Садитесь вотъ здѣсь». — *(Садясь)* «Право, я не знаю; мнѣ такъ нужно».

отъ любви. (Примите признаніе)[1]) въ самой страстной любви. Я долженъ признаться вамъ теперь, сударыня..... Люблю васъ, сударыня; право, такъ люблю, какъ не можете... представить... осчастливьте.— Ахъ, Боже мой! Я, право..... Встаньте, сдѣлайте милость: какъ же это такъ вдругъ на колѣнахъ! Я, ей-Богу, никакъ этого не думала[2]).— Сдѣлайте же[3]) меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ[4]), сударыня! Руки вашей прошу, я хочу жить и умереть съ в(ами)[5]), а не то умру; ей-Богу, умру. (Я хочу сегодня и умереть)[6]). — Ахъ, Боже мой! Какъ же это? Вѣдь я, нѣкоторымъ образомъ, замужемъ. — Мнѣ все равно, что̀ вы ни говорите. Но если вы (не)[7]) согласны мнѣ отдать руки вашей, то, ей-Богу, сію минуту тутъ же умру. О! я рѣшительный человѣкъ: застрѣлюсь вотъ[8]) сейчасъ, какъ ни въ чемъ не бывало. — Ахъ, Боже мой! что̀ это мнѣ дѣлать теперь? Ей-Богу, никакъ не могу этого сдѣлать. Вѣдь у меня мужъ есть! — Ахъ да! Вѣдь въ самомъ дѣлѣ у васъ мужъ есть. *(Поднимаетъ одно колѣно и обтираетъ платкомъ)* — Ахъ какой пассажъ![9]) — *Хлестаковъ (вставая).* А чортъ возьми! — Ну, что̀жъ? Къ чему тутъ? Съ какой стати такъ вбѣжала? — Я, маменька, хотѣла увидѣть, гдѣ вы.— Ну, что̀жъ тутъ?— Ну вотъ и увидѣла! Такая вѣтренность во всемъ! Я не понимаю. 19 лѣтъ и она вотъ все еще совершенно дитя... Вдругъ туда вбѣжитъ съ бухты барахта, а зачѣмъ, Богъ ее знаетъ[10]). Не знаю, что̀[11]) съ ней будетъ, какъ доживетъ[12])..... лѣтъ. Никакой совершенно степенности![13]) Да я въ твои годы..... я бы просто стыдилась.....[14]) *Хлестаковъ.* Какъ

---

1) Слова, заключенныя въ скобки, въ подлинникѣ зачеркнуты.

2) Въ подлинникѣ описка: «не думалъ» (sic).

3) Эти слова: «сдѣлайте же» приписаны сверху строки вмѣсто зачеркнутаго: «осчастливьте».

4) Эти слова приписаны сверху между строкъ.

5) Слово не дописано.

6) Зачеркнуто.

7) Слово *не* въ рукописи пропущено.

8) Слово «вотъ» приписано сверху строки.

9) Говоритъ вышедшая Марья Антоновна.

10) Слова: а зачѣмъ — Боже знаетъ!» приписаны сверху строки.

11) Послѣ этого зачеркнуто: «ужъ».

12) Здѣсь пропущено слово; прежде было: «монахъ», но потомъ зачеркнуто.

13) Сюда относится приписка на 23 листѣ: «чтобы можно было видѣть, что она воспитанная, благородная дѣвица. Нѣтъ, это такъ все (пустяки только въ головѣ) на вѣтеръ только».

14) За этимъ слѣдуетъ неразборчивое слово.

вы давно насъ лишали удовольствія видѣть. Гдѣ вы были? — Право, я нигдѣ не была. Я была въ своей комнатѣ. — Какъ бы я счастливъ былъ, сударыня, если бы я былъ ваша комната. *(Въ сторону).* А она очень хорошенькая! Право, свѣженькая[1]).... щечки такія....[2]) Я бы желалъ тогда, какъ можно, побольше васъ видѣть, потому что, признаюсь, я съ перваго разу, какъ-только увидѣлъ васъ, я ощутилъ въ своемъ сердцѣ любовь. *(Послѣ нѣкотораго молчанія).* Смѣю ли я надѣяться, сударыня, что благосклонно примете любовь мою? *Марья Антоновна (къ матери)*[3]). Маменька! Я не знаю..... Анна Андреевна. Да[4])..... Ну, что жъ?.... *(Въ сторону).* Я не знаю, что это[5]) такое. — Рѣшите мою участь, Марья Антоновна! Я прошу на колѣнахъ васъ *(бросается)*[6]). Если вы не согласитесь отвѣтствовать, то сдѣлаете меня несчастливѣйшимъ человѣкомъ. Ей-Богу, умру! Честью васъ увѣряю: умру, застрѣлюсь сейчасъ! — Ахъ, Боже мой! Маменька! — Анна Андреевна! склонитесь на мою просьбу. Не могу жить безъ вашей дочери! Ей-Богу, не могу жить! Если вы не согласитесь, то сейчасъ же беру пистолетъ и застрѣлюсь. О! (Я)[7]) рѣшительный человѣкъ: мнѣ жизнь копѣйка. — Я, право, не могу еще притти[8])..... Мы никакъ не смѣемъ и подумать о такой чести. Вы можете эдакъ себя совсѣмъ компрометировать. Вамъ нужна, по крайней мѣрѣ, графиня или княгиня. — О, мнѣ все равно! Я не слишкомъ гляжу на графинь. Мнѣ нужны достоинства[9]). Сударыня! Если вы не рѣшитесь исполнить моей просьбы, то вы не можете представить, что со мною случится. Ей-Богу! Какъ честный человѣкъ увѣряю..... — Ахъ, Боже мой! Какъ вы меня пугаете! Встаньте, по крайней мѣрѣ..... Я согласна, только встаньте..... — *(Вставая)*[10]). Ну, теперь вы мнѣ возвратили жизнь. Я теперь самый счастливый смертный. *(Цѣлуетъ руку Марьи Антоновны).* Теперь, Марья Антоновна,

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «такая розовая!»

[2]) Здѣсь, очевидно, пропущена ремарка: *вслухъ*.

[3]) Эта ремарка приписана сверху, между строкъ.

[4]) Роль этого зачеркнуто: «какъ».

[5]) Зачеркнуто: «ужъ».

[6]) Въ подлинникѣ ремарка не заключена въ скобки.

[7]) Слово «я» въ рукописи здѣсь пропущена, но оно есть во второй редакціи «Ревизора».

[8]) Тоже. Послѣ этого зачеркнуто: «Какъ же вамъ вдругъ себя отдать!».

[9]) Здѣсь пропущена ремарка: Марьѣ Антоновнѣ.

[10]) При этой ремаркѣ скобокъ въ подлинникѣ нѣтъ.

мнѣ для васъ порфиры не нужно[1]). — Не нужно! Ей-Богу не нужно! — Поцѣлуйте меня. — *Тъ же и городничій.*

Яркія чернила, которыми вписанъ этотъ набросокъ, указываютъ на сравнительно позднее происхожденіе этой сцены: на всѣхъ страницахъ тетради, посвященныхъ «Ревизору», только *одинъ разъ* встрѣчаются эти яркія чернила, только для этой приписки употреблены они. Вписанная сцена оканчивается на первой страницѣ 22-го полулиста: слѣдующія за нимъ двѣ страницы остались пустыми. На оборотной страницѣ 23-го листа вписанъ *новый* листъ той части 3-го явленія перваго дѣйствія, когда Бобчинскій начинаетъ разсказывать о встрѣчѣ съ Хлестаковымъ: «Какъ-только вышелъ я отъ васъ..... Э! не мѣшайте, Петръ Ивановичъ! Не говорите ужъ ничего, сдѣлайте милость! Я ужъ самъ знаю..... Какъ-только вышелъ я отъ васъ, то побѣжалъ тотчасъ къ Растаковскому. А, не заставши Растаковскаго дома, побѣжалъ къ Погоняеву, а, не заставши Погоняева дома, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему эту новость, да, идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ»..... и т. д. Этотъ новый текстъ разсказа Бобчинскаго довольно близокъ къ напечатанному *въ изданіи Тихонравова на стр. 16.* Въ записной тетради Гоголя онъ занимаетъ цѣлую страницу; имъ предполагалось замѣнить первоначальный набросокъ того же мѣста въ текстѣ комедіи.

На слѣдующей страницѣ (первой 24-го листа) вписанъ новый текстъ пятаго явленія третьяго дѣйствія. Онъ начинается такимъ образомъ: «Очень благодаренъ вамъ, господа, за то, что показали мнѣ свои заведенія. Хорошія заведенія!»[2]). Оканчивается этотъ текстъ словами: «*Городничій.* Эге-ге! Знаемъ, голубчикъ, куда это перо летитъ!»[3]). Въ текстѣ піэсы пятое явленіе третьяго дѣйствія представляетъ набросокъ не оконченный, отрывочный. Вопроса Хлестакова о картахъ здѣсь нѣтъ, но уже читается такое мѣсто: «*Полицмейстеръ*[4]). Эге-ге! Знаемъ, голубчикъ, куда это перо летитъ! Да! Иногда невинное препровожденіе времени, конечно:

---

[1]) Написано неразборчиво; Н. С. Тихонравовъ прочелъ: «должно васъ первую. — Не нужно, не нужно». Но въ рукописи стоитъ искаженное слово: «порвири» вмѣсто: «порфирѣ». Передъ этимъ слово для не дописано; во второй редакціи стоитъ: за.

[2]) Ср. 62 стр. изданія «Ревизора» Н. С. Тихонравова; см. выше, стр. 194.

[3]) Ср. 65 стр. изданія Тихонравова; см. выше, стр. 196.

[4]) Вмѣсто: «городничій».

почему жъ не заняться? Но, признаюсь, я никогда не бралъ въ руки карту. *Начальникъ богоугоднаго заведенія.* А у меня, подлецъ, вчера сто рублей выигралъ. *(Городничій).* «Боже ты мой!» думаю я самъ себѣ: «такое драгоцѣнное время, котораго человѣку такъ немного, и такъ тратить! Лучше жъ я употреблю это время на пользу государственную». Новый текстъ этого мѣста въ рукописи не дописанъ; можетъ быть, авторъ предполагалъ закончить его впослѣдствіи и, оставивши потому нижнюю часть страницы пустою, продолжалъ на слѣдующей страницѣ (второй 24-го листа) набрасывать *въ новомъ видѣ* начало шестаго явленія того же дѣйствія. Эта послѣдняя изъ страницъ, занятыхъ комедіею, начинается такъ: «Осмѣлюсь имѣть честь представить Вашему Благорасположенію мое семейство: это моя жена, а это — одиночка дочь моя. — Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю удовольствіе васъ видѣть. — Намъ еще больше пріятно видѣть уполномоченную особу. — А мнѣ, сударыня, еще пріятнѣе встрѣтить въ васъ этакую свѣтскую любезность... Какъ вы хотите, сударыня, я долженъ вамъ сказать... — Прошу покорно садиться»[1]).

Эта первая редакція «Ревизора», эти desjecta membra знаменитой комедіи еще носятъ на себѣ яркій отпечатокъ той переходной эпохи въ поэтическомъ творчествѣ Гоголя, которую онъ такъ правдиво охарактеризовалъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ «Авторской исповѣди». Многое въ этой первой редакціи «Ревизора» внушено еще «потребностью развлекать себя невинными, беззаботными сценами». Этотъ куль, наполненный перепелками, подъ которыми оказался поручикъ, — предметъ страсти Анны Андреевны (стр. 95) — невольно напоминаетъ мѣшки догадливой Солохи (въ повѣсти «Ночь передъ Рождествомъ»)[2]). Высѣченная унтеръ-офицерская жена Ма-

[1]) Ср. въ изданіи Тихонравова стр. 66 и примѣчанія къ ней, и настоящаго изданія стр. 197 и примѣч.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ (въ Объяснительной замѣткѣ къ «Ревизору» въ «Царѣ-Колоколѣ» (1892 III, 237) Н. С. Тихонравовъ дѣлаетъ по поводу этого разсказа слѣдующее любопытное объясненіе: «Эта широко-распространенная странствующая повѣсть, несомнѣнно, извѣстна была Гоголю изъ того же сборника «смѣхотворныхъ повѣстей», изъ котораго заимствовалъ «славную присказку» дьячокъ Диканьской церкви—Ѳома Григорьевичъ. Эта присказка помѣщена въ «Предисловіи» къ первой части «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки»... Далѣе Н. С. Тихонравовъ прибавляетъ, что въ первоначальныхъ редакціяхъ «Ревизора» Хлестаковъ еще не выдѣлялся изъ шеренги водевильныхъ шалуновъ, и не дорось до совершеннаго comme il faut» (см. также настоящаго изд. т. II, стр. 285—286).

крина Иванова оканчиваетъ свою жалобу Хлестакову словами: «Ей-Богу! Если не вѣришь, кормилецъ, я тебѣ, пожалуй, и знаки покажу!»«Не нужно, не нужно!» (торопится сказать Хлестаковъ): «я тебѣ и безъ того вѣрю». Особенно недостаточно разработана въ первой редакціи «Ревизора» роль героя комедіи — Хлестакова. Нѣкоторые монологи его не вписаны, на ихъ содержаніе сдѣланы только намеки.

Хлестаковъ первой редакціи не только не обнаруживаетъ свѣтскости; напротивъ онъ, кажется, не всегда соблюдаетъ самыя элементарныя требованія приличія. Во время перваго разговора съ Анной Андреевной, расхвастався своимъ богатствомъ, онъ *кладетъ одну ногу на столъ*. «И какъ проснусь» (продолжаетъ Хлестаковъ), «такъ графы и князья такъ и лѣзутъ въ переднюю, — ужъ и несносно становится. «Что, говорятъ, Иванъ Григорьевичъ всталъ? всталъ?» Да подите себѣ, думаю... *(кладетъ другую ногу на столъ)*: мнѣ совсѣмъ не до васъ». Петербургскій житель, которому Осипъ достаетъ билетъ въ театръ, какъ-только заведутся деньги, Хлестаковъ не знаетъ, что такое комедія. «Вы все говорите нарочно такое» (обращается къ нему Марья Антоновна), «котораго я не понимаю. Я думаю, вы въ Петербургѣ тамъ часто бываете въ театрѣ. Я думаю, тамъ какъ хорошо играютъ комедіи! *Хлестаковъ*[1]). Комедіи? А что это такое комедіи? *Марья Антоновна*. Вотъ ужъ будто вы не знаете? *Хлестаковъ*. Право, не знаю. *Марья Антоновна*. О! Какъ будто я не знаю, что нарочно такъ говорите! *Хлестаковъ*. Право не знаю знать (sic!), что такое комедія. Это, вѣрно, звѣрь какой-нибудь или чиновникъ? *Марья Антоновна*. Вы, право, меня воображаете за такую провинціалку... *Хлестаковъ*. Право, не знаю... А теперь вспомнилъ: комедія — это все равно, что артиллерія»... Но Хлестаковъ первой редакціи, безъ всякихъ намековъ со стороны Осипа, самъ смѣтилъ, что ему надобно убираться изъ гостепріимнаго городка. «Это, однако жъ, удивительно: не успѣешь заикнуться о деньгахъ, сейчасъ и вынимаютъ бумажники. Право, пречудный городъ! Въ Петербургѣ совсѣмъ этого нѣтъ. Тамъ Ручъ тебѣ ни за что въ долгъ не сошьетъ фрака; а здѣсь даютъ, сколько ни назначаютъ. Право, удивительно! Отчего это такъ? (Вѣдь эка въ самомъ) дѣлѣ какіе дураки! Ужъ теперь около двухъ тысячъ рублей прямо какъ будто бы съ неба спали! Ей-Богу! Нарочно

[1]) Здѣсь имена не вписаны въ рукописи.

напишу объ этомъ Притишкину. Онъ тамъ что-то пописываетъ по словесности, какія-то статейки и въ журналы помѣщаетъ. Напишу ему все это; пусть онъ ихъ обкритикуетъ. Когда бы только, с...ъ сынъ, меня не задѣлъ! А то онъ такой, что для краснаго словца не пожалѣетъ и роднаго отца. Право! Эй, Осипъ! подай мнѣ бумагу и чернила. *Осипъ.* Сейчасъ! *(приноситъ бумагу и чернила).* *Хлестаковъ.* Ну, вотъ, дуракъ! Ты ворчалъ тамъ; теперь денегъ станетъ доѣхать хоть опять въ Петербургъ. Видишь, дуракъ! Ты не знаешь, кто я таковъ. Вотъ меня какъ принимаютъ! *Осипъ.* Да, слава Богу, пріемъ хорошій. *Хлестаковъ (пишетъ).* Нужно объ себѣ этакъ поосторожнѣе, а то онъ хоть и другъ, а такъ оббрѣетъ, что и непріятель..... Послушай, Осипъ! Ты вотъ, какъ напишу я письмо, отнесешь его сейчасъ на почту да возьми подорожную и потребуй лошадей самыхъ лучшихъ. А ямщику скажи, что я имъ теперь буду по полтиннику каждому давать на водку. Да чтобы лихо ѣхали такъ, какъ фельдъегеря скачутъ!»[1])

Мы не безъ намѣренія остановились на объясненіи состава и нѣкоторыхъ характеристическихъ особенностей первой редакціи «Ревизора». Достаточно, хотя бы на основаніи приведенныхъ данныхъ, сравнить этотъ первый набросокъ комедіи съ тѣмъ «Ревизоромъ», который вышелъ изъ-подъ пера Гоголя 4 декабря 1835 года, чтобы замѣтить, какъ преобразился Хлестаковъ-Скакуновъ въ созданіе «плотное, твердое, освобожденное отъ *излишествъ и неумѣренности*». Вмѣстѣ съ Хлестаковымъ преобразились и другія дѣйствующія лица, преобразовалась вся комедія. Въ ней уже не было «невинныхъ и беззаботныхъ сценъ» и смѣхъ ея былъ уже не тотъ, какимъ авторъ ея смѣялся прежде. Гоголь почувствовалъ это, создавши «Ревизора». Это преображеніе перваго наброска комедіи, сдѣланнаго еще въ 1834 году, могло быть только результатомъ продолжительнаго труда, «глубокихъ обдумываній и соображеній»[2]). Въ теченіи 1835 года «Ревизоръ» изъ хаотическаго вида, изъ груды отрывочныхъ сценъ, представляемыхъ первою редакціею, успѣлъ уже выработаться въ стройное органическое цѣлое; но это былъ еще *не тотъ* «Ревизоръ», котораго Гоголь «рѣшился наконецъ отдать на театръ». Рукопись «Ревизора», которую представилъ Гоголь въ петербургскую театральную цензуру, можетъ познакомить насъ *съ составомъ* этой новой обработки комедіи, — обработки, въ ко-

[1]) См. выше, стр. 118.

[2]) «Русская Старина», 1875, № 9, стр. 126—127.

торой наброски первой редакціи «Ревизора» въ первый разъ приняли форму органическаго цѣлаго. Эту новую обработку можно назвать *второю редакціею* «Ревизора». Представленная Гоголемъ въ театральную цензуру рукопись комедіи испещрена отъ начала до конца собственноручными дополненіями и поправками автора и однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ (остатками вырѣзанныхъ листовъ, слѣдами вклейки новыхъ) нерѣдко указываетъ на тѣ измѣненія, которыя Гоголь сдѣлалъ во второй редакціи «Ревизора», прежде чѣмъ отдать ее на сцену. Измѣненія въ этой редакціи отмѣчены въ «варіантахъ и примѣчаніяхъ». Существенныя измѣненія второй редакціи, при окончательной отдѣлкѣ ея для сцены, вызваны были желаніемъ автора *сократить* комедію, освободить ее отъ сценъ, замедлявшихъ дѣйствіе. Во второй редакціи четвертое дѣйствіе состояло изъ 17 явленій; въ той редакціи, которую Гоголь отдалъ на театръ и въ то же время сталъ печатать, въ этомъ дѣйствіи осталось только 13 явленій. Цифры, нанесенныя *вновь*, въ цензурной рукописи «Ревизора», на отдѣльныя явленія четвертаго акта, переправлялись не разъ и въ результатѣ оказалась порядочная путаница. Послѣ четвертаго явленія въ четвертомъ дѣйствіи выпущены двѣ сцены и потому прежнее седьмое явленіе въ цензурной рукописи названо пятымъ, восьмое — шестымъ, девятое — седьмымъ (десятаго явленія нѣтъ), одиннадцатое — восьмымъ, двѣнадцатое — девятымъ, тринадцатое — десятымъ, четырнадцатое — тоже десятымъ, пятнадцатое (названное въ рукописи четырнадцатымъ) — одиннадцатымъ, шестнадцатое (въ рукописи пятнадцатое) — двѣнадцатымъ, семнадцатое (въ рукописи шестнадцатое) — тринадцатымъ и четырнадцатымъ. Эта путаница въ счетѣ сценъ исключенныхъ и сценъ удержанныхъ указываетъ на колебанія автора при операціи урѣзыванія піэсы: ему хотѣлось исключить то болѣе, то менѣе сценъ; выборъ его падалъ то на ту, то на другую. Слѣды этой путаницы видны даже въ первомъ печатномъ изданіи «Ревизора» (1836 г.): здѣсь до 12 явленія включительно счетъ идетъ правильный, но за 12 явленіемъ прямо слѣдуетъ 16-е. Итакъ изъ четвертаго дѣйствія исключено въ изданіи 1836 года три явленія (сцена съ Лукою Лукичемъ, Растаковскимъ и, можетъ быть, Гибнеромъ или унтеръ-офицерскою женою). Двойная путаница цензурнаго экземпляра въ означеніи сценъ не случайна. Она указываетъ на то, что во второй редакціи могла существовать отдѣльная сцена объясненія Хлестакова съ Анною Андреевною, уже набросанная въ рукописи первой ре-

дакціи «Ревизора»[1]) и оставившая свои слѣды въ цензурной рукописи[2]). Во второй же редакціи существовали двѣ сцены Хлестакова со «старухами»: сцена съ высѣченною унтеръ-офицерскою женою и съ слесаршею, мужу которой городничій забрилъ лобъ. На это остались несомнѣнныя указанія въ экземплярѣ «Ревизора», представленномъ въ театральную цензуру авторомъ[3]). Независимо отъ этого отдѣльныя сцены второй редакціи подверглись сокращенію при постановкѣ «Ревизора» на сцену[4]).

4-го декабря 1835 г. кончена была передѣлка второй редакціи «Ревизора», и Гоголь призналъ возможнымъ отдать эту новую, третью, редакцію комедіи на театръ и въ печать. Рукопись «Ревизора» въ этомъ новомъ видѣ представлена была и въ театральную, и въ обыкновенную цензуру. Послѣ того, какъ императоръ Николай Павловичъ (которому «Ревизоръ» былъ прочитанъ, благодаря ходатайству Жуковскаго и Віельгорскаго)[5]) соизволилъ на представленіе и напечатаніе комедіи Гоголя, цензурѣ оставалось немного дѣла. Ольдекопъ, одобрившій «Ревизора» къ представленію 2-го марта, исключивши нѣсколько мѣстъ, обратилъ особенное вниманіе на смягченіе или уничтоженіе отдѣльныхъ выраженій, которыя казались ему нескромными, оскорблявшими цѣломудріе, или вообще неприличными въ обыденномъ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ комедіи. Подавая мнѣніе объ отношеніи цензуры къ посмертному изданію сочиненій Гоголя, предпринятому профессоромъ Шевыревымъ, Л. В. Дубельтъ чрезвычайно вѣрно замѣтилъ: «Всякое упоминаніе о Богѣ, о святомъ, о небесномъ и тому подобное останавливало ихъ (цензоровъ), коль скоро эти упоминанія соединяются съ чѣмъ-нибудь житейскимъ»[6]). Театральная цензура заботливо исключала изъ «Ревизора» выраженія: «Ей Богу!» — «Мать ты моя пресвятая! Преподобный Антоній!» (стр. 40, 169). (Всѣ нижеслѣдующія цитаты, какъ это понятно само собою, сдѣланы по изданію Н. С. Тихонравова, потому что въ текстахъ комедіи, приготовленныхъ для печати, Гоголь изъ цензурныхъ соображеній устранялъ такія выраженія, уже зачеркнутыя цензорами въ сценическомъ

[1]) См. стр. XVI—XVII изданія Тихонравова и выше, стр. 123—124.

[2]) Ср. стр. 212—213 изданія Тихонравова со стр. XVI—XVII.

[3]) Ср. стр. 107 и 207—208 настоящаго изданія.

[4]) Ср. стр. 58, 178—184, стр. 69, 188—189 изданія Тихонравова.

[5]) См. «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1875, № 292; „St. Petersburger Zeitung", 1875, 224; «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. III, стр. 31—32.

[6]) Историческій Вѣстникъ 1881 г., февраль, стр. 358.

текстѣ). «Каково благословеніе божіе!» (стр. 121, 217). «По заслугамъ и благословеніе божіе!» «Возвеличу мужа праведна и вознесу его, сказалъ Богъ!» (стр. 132, 222). Театральный цензоръ собственноручно замѣнялъ слова: «Ей Богу!» — выраженіями: «право», «ей-ей» Онъ затруднялся пропустить фразу: «Множество гостей въ сюртукахъ, фракахъ и Богъ знаетъ въ чемъ» (стр. 128) и спѣшитъ вычеркнуть слова: «Богъ знаетъ» и замѣнить ихъ простыми: «въ другомъ въ чемъ» (стр. 221). Но важнѣе поправокъ и исключеній, сдѣланныхъ въ сценическомъ текстѣ «Ревизора» цензорами, были поправки, которыя началъ вносить въ законченную уже комедію самъ авторъ. Въ письмѣ отъ 6 декабря 1835 года Гоголь торжественно извѣстилъ Погодина, что «Ревизоръ» конченъ, что «онъ (Гоголь) приноситъ переписывать экземпляръ для того, чтобы послать къ нему въ Москву»[1]). Но проходитъ болѣе мѣсяца, а Погодинъ не получаетъ обѣщанной новинки. 18 января 1836 года Гоголь уже пишетъ къ Погодину: «Извини, что до сихъ поръ не посылаю тебѣ комедіи. Она совсѣмъ готова и переписана, но я долженъ непремѣнно, какъ увидѣлъ теперь, передѣлать нѣсколько явленій. Это не замедлится, потому что я во всякомъ случаѣ рѣшился непремѣнно дать ее на свѣтлый праздникъ. Къ посту она будетъ совсѣмъ готова, и за постъ актеры успѣютъ разучить совершенно свои роли»[2]). Въ 1836 году великій постъ начался 9-го февраля, пасха была 29-го марта. Въ субботу второй недѣли великаго поста (21 февраля 1836 г.) Гоголь опять пишетъ Погодину: «Я теперь занятъ постановкою комедіи. Не посылаю тебѣ экземпляра, потому что безпрестанно переправляю»[3]). Наконецъ 2-го марта «Ревизоръ» «одобренъ къ представленію» цензоромъ Е. Ольдекопомъ, 13 марта — къ печати цензоромъ Никитенкомъ. Повидимому, наступилъ конецъ поправкамъ, измѣненіямъ? Ничуть не бывало. Гоголь самъ ставитъ «Ревизора» на петербургской сценѣ, и читаетъ въ то же время корректуры печатаемой комедіи. Вотъ наконецъ первая комедія, которую онъ *рѣшился* отдать на театръ, въ которой онъ почувствовалъ новый смѣхъ, сильный, «не тотъ, ко-

[1]) Сочиненія и письма Гоголя, V, 247.

[2]) Сочиненія и письма Гоголя, V, 248.

[3]) Сочиненія и письма Гоголя, V, 252. Въ письмѣ къ Бѣлозерскому отъ того же 21 февраля Гоголь выражается точнѣе: «Собираюсь ставить на здѣшній театръ комедію». (Сочиненія и письма, V, 252): нельзя было ставить комедію, не получивши «одобренія» театральной цензуры, и оно послѣдовало позднѣе.

торымъ онъ смѣялся прежде», — эта комедія, на глазахъ его, облекается «тѣломъ, начинаетъ жить... она на сценѣ». Авторъ приглядывается къ разцвѣту ея жизни, ловитъ недостатки своего дѣтища и опять — исправляетъ и исправляетъ: за пять дней до приснопамятнаго перваго представленія «Ревизора» на петербургской сценѣ цензоръ Ольдекопъ «одобряетъ» къ представленію еще новыя поправки «взыскательнаго художника»[1]). Нѣсколько лѣтъ спустя вспомнилъ Гоголь эти первые мѣсяцы 1836 года, когда скорби и радости труда были имъ отданы безраздѣльно «Ревизору». Въ письмѣ изъ Вѣны отъ 16-го августа 1839 года онъ спрашиваетъ Шевырева: «Или для драматическаго творенія нужно работать въ виду театра, въ омутѣ со всѣхъ сторонъ уставившихся на тебя лицъ и глазъ зрителей, какъ я работалъ во времена оны?»[2]). Экземпляръ «Ревизора», отданный Гоголемъ въ печать, менѣе подвергался поправкамъ автора и далеко не всѣ измѣненія сценическаго «Ревизора» вносились въ печатный текстъ комедіи. Тому было не мало причинъ. Въ отпечатываемые листы, конечно, гораздо труднѣе было вносить даже мелкія поправки и измѣненія, нежели въ сценическій текстъ, не закрѣпляемый типографскимъ станкомъ. Съ другой стороны, полный убѣжденія, что «драма живетъ на сценѣ», Гоголь гораздо болѣе придавалъ значенія совершенствованію сценическаго текста «Ревизора», нежели печатнаго[3]). Самыя цензурныя условія печатнаго текста, по понятіямъ Гоголя, были гораздо свободнѣе и легче, нежели условія сценическаго. Въ бумагахъ Гоголя нашлась слѣдующая замѣтка, которую онъ предполагалъ включить въ свои объяснительныя замѣчанія къ «Ревизору»: «Точно также какъ драматическій писатель, сочиняя драму, взятую изъ жизни, долженъ помышлять о томъ, (чтобы)[4]) изобразить въ ней природу нѣсколько благороднѣй и чище, чѣмъ какъ она есть въ дѣйствительности; также точно должны стараться актеры о томъ, (чтобы) представить имъ созданныя лица какъ бы благороднѣе и чище, чѣмъ они есть: иначе зачѣмъ и представлять піэсу? Она будетъ

---

[1]) См. стр. 208 изданія Н. С. Тихонравова.

[2]) Сочиненія и письма Гоголя, V, 381.

[3]) Другой причиной, которою наоборотъ объясняетъ самъ Гоголь въ «Письмѣ къ одному литератору» отсутствіе нѣкоторыхъ поправокъ въ *сценическомъ текстѣ*, было то, что ему не хотѣлось «ѣздить, просить и кланяться» (см. настоящаго изд. т. II, стр. 289).

[4]) Это слово не написано.

всегда пріятнѣй въ чтеніи. Никакъ не нужно позабывать того, что всякая рѣзкость становится еще рѣзче и очевидиѣй въ представленіи. Поэтому-то самому и цензура театральная бываетъ строже той, какая бываетъ для книгъ, назначаемыхъ для простаго чтенія». Вотъ почему въ печатномъ текстѣ перваго изданія «Ревизора» (1836 г.) удержались многія изъ выраженій даже первой редакціи комедіи, которыя изъ сценическаго текста были исключены или театральнымъ цензоромъ, или самимъ поэтомъ, ради «уставившихся на него лицъ и глазъ зрителей, въ омутѣ которыхъ» работалъ онъ надъ исправленіями и передѣлкою отдѣльныхъ мѣстъ своей комедіи [1]). Такимъ образомъ, вслѣдствіе вышеизложенныхъ причинъ, съ перваго представленія «Ревизора» на столичныхъ сценахъ, обнаружилась значительная разница между текстомъ комедіи сценическимъ и печатнымъ, хотя оба текста получили окончательную отдѣлку въ одно и то же время. Эта разница была тѣмъ замѣтнѣе, что оригинальный, пластическій слогъ комедіи Гоголя, мѣстами, можетъ быть, грѣшившій противъ грамматической правильности рѣчи, въ первомъ печатномъ изданіи «Ревизора» былъ нѣсколько сглаженъ и въ силу ложно понятыхъ требованій отъ литературнаго языка исправленъ, обезличенъ. Полагаемъ, что большинство этихъ неудачныхъ поправокъ, подробно указанныхъ въ «варіантахъ и примѣчаніяхъ», не принадлежатъ автору, а кому-нибудь изъ его пріятелей, «поклонниковъ чистоты русской рѣчи и блюстителей литературнаго вкуса» [2]). Этому разобщенію сценическаго текста «Ревизора» съ печатнымъ суждено было, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе усиливаться. Съ петербургской сцены до 1870 года, съ московской до 1882 года, зритель слышалъ *сценическій* текстъ 1836 года, а въ печати распространенъ былъ исключительно текстъ «Ревизора», напечатанный въ первый разъ въ изданіи Сочиненій

---

[1]) Подробности можно найти въ примѣчаніяхъ. Для примѣра укажемъ здѣсь на слѣдующее мѣсто: «Нужно больше параду... Нужно пригласить купечество... Недурно бы тоже и священство». Послѣднее слово удержалось въ печатномъ изданіи «Ревизора» (1836 г.), но въ театральномъ текстѣ оно было зачеркнуто и замѣнено словомъ «синклитъ» (стр. 160 изданія Тихонравова).

[2]) Многія изъ этихъ поправокъ сдѣланы въ рукописи — не рукою Гоголя. До сихъ поръ напр. мы не могли узнать, кѣмъ внесено было въ печатный текстъ «Ревизора» выраженіе: «вы закопались важными дѣлами». («Ревизоръ», изд. 1836 г., стр. 187. *Ср. изданія Тихонравова, стр. 210*). Ни въ одной изъ трехъ рукописей комедіи, которыми мы пользовались для настоящаго изданія, нѣтъ этого слова. Даже въ собственноручномъ наброскѣ первой редакціи стоитъ: «занимались».

Н. Гоголя 1842 года. Между этими двумя текстами въ большинствѣ сценъ не оказывалось ничего общаго...

Первое представленіе «Ревизора» на петербургской сценѣ вызвало въ Гоголѣ глубокое нравственное потрясеніе. Вопреки горячимъ убѣжденіямъ Щепкина и Погодина, поэтъ не хотѣлъ ѣхать въ Москву, чтобы и тамъ ставить на сцену свою комедію. 29 апрѣля Гоголь пишетъ Щепкину: «Дѣлайте, что̀ хотите, съ моею піэсою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней»[1]). «Чувствую» (пишетъ Гоголь къ Погодину 10 мая 1836 года), «что теперь не доставитъ мнѣ Москва спокойствія, а я не хочу пріѣхать въ такомъ *тревожномъ* состояніи, въ какомъ нахожусь нынѣ»[2]). 15 мая онъ пишетъ Щепкину: «Если бы я даже пріѣхалъ «(въ Москву)», я бы не могъ быть такъ полезенъ вамъ, какъ вы думаете. Я бы прочелъ ее вамъ дурно, безъ малѣйшаго участія къ моимъ лицамъ, — во-первыхъ, потому, что охладѣлъ къ ней; во-вторыхъ, потому, что многимъ недоволенъ въ ней, хотя совершенно не тѣмъ, въ чемъ обвиняли меня мои близорукіе и неразумные критики»[3]). 6-го іюня Гоголь уѣхалъ за границу, не побывавши въ Москвѣ... Прошло полгода. Пріятели напомнили ему о «Ревизорѣ». Но рана поэта еще не успѣла зажить. «Съ какой стати вы всѣ пишете про «Ревизора». Въ твоемъ письмѣ и письмѣ Погодина говорится, что «Ревизора» играютъ каждую недѣлю, театръ полонъ и проч... Что̀ это за комедія? Я, право, никакъ не понимаю этой загадки. Во 1) я на «Ревизора» плевать, а во 2)... къ чему это?... Пространства, которыя раздѣляютъ меня съ тобою, поглотили все то, за что поэтъ слышитъ упреки въ глубинѣ души своей. Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараньяхъ. Они, въ родѣ грозныхъ обвинителей, являются глазамъ моимъ. Забвенья, долгаго забвенья проситъ душа. И если бы появилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры «Ревизора», а съ ними «Арабески», «Вечера», и прочую чепуху и обо мнѣ въ теченіи долгаго времени ни печатно, ни изустно не произносилъ никто ни слова, я бы благодарилъ судьбу»[4]).

1 декабря 1838 года Гоголь пишетъ Погодину изъ Рима: «Ты хочешь печатать «Ревизора»? Мнѣ, признаюсь, хотѣлось бы не-

[1]) Сочиненія и письма Гоголя, V, 254.
[2]) Сочиненія и письма Гоголя, V, 255.
[3]) Сочиненія и письма Гоголя, V, 259.
[4]) Письмо къ Прокоповичу, «Русское Слово», 1859 г., № 1, стр. 95.

много обождать. Я началъ передѣлывать и поправлять нѣкоторыя сцены, которыя были написаны довольно небрежно и неосмотрительно. Я хотѣлъ бы издать его теперь исправленнаго и совершеннаго. Но если ты находишь, что второе изданіе необходимо нужно и безъ отлагательства, то располагай по своему усмотрѣнію[1])». Въ письмѣ къ Жуковскому изъ Москвы, въ 1839-мъ году, Гоголь опять заводитъ рѣчь о новомъ изданіи «Ревизора»: «Мнѣ даютъ» (пишетъ онъ) «за піэсы, назначенныя вами въ первый томъ собранія» (*Сочиненій Гоголя*), «какъ то: «Ревизоръ», «Женитьба» и отрывки изъ неоконченной комедіи — 6 тысячъ. И признаюсь: я ужъ готовъ былъ согласиться, не смотря на то, что смерть не хотѣлось, чтобы мои незрѣлыя творенія, какъ то: «Женихи» (sic!) и неоконченная комедія являлись въ свѣтъ»[2]). И такъ Гоголь теперь уже не противъ новаго изданія «Ревизора»; комедію эту онъ не помѣщаетъ уже въ рядъ своихъ «незрѣлыхъ твореній». А два года тому назадъ онъ называлъ ее «чепухой» и готовъ былъ благодарить судьбу, если-бъ появилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры «Ревизора»! Не искренно, на словахъ только, было тогда ожесточеніе Гоголя противъ этого произведенія, которымъ начался новый періодъ его творчества: въ тайнѣ отъ другихъ поэтъ снова «исправлялъ, совершенствовалъ» своего «Ревизора». Онъ дѣлалъ это не торопливо, онъ снова шелъ къ совершенствованію путемъ «глубокихъ обдумываній». 17 октября 1840 года Гоголь пишетъ Погодину: «Я хотѣлъ было наскоро переписать куски изъ «Ревизора», исключенные прежде[3]), и другіе, передѣланные, чтобы поскорѣй хотя его издать и заплатить великодушному, какъ и ты, Сергѣю Тимоѳеевичу (Аксакову), — и этого не могъ сдѣлать. Впрочемъ, я соберу всѣ силы и, можетъ быть, на той же недѣлѣ управлюсь съ этимъ»[4]). Прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ, а обѣщанныя сцены не высылались: очевидно, онѣ не были готовы. (Гоголь и въ исключенныя сцены внесъ поправки)[5]): 28 декабря 1840 года Гоголь писалъ изъ Рима С. Т. Аксакову: «Я хотѣлъ было обождать этимъ письмомъ и послать вмѣстѣ съ

---

[1]) Сочиненія и письма Гоголя, V, 349.

[2]) «Русскій Архивъ» 1871 г., стр. 0939.

[3]) Гоголь разумѣетъ здѣсь сцену Хлестакова съ Растаковскимъ и разговоръ Анны Андреевны съ Марьею Антоновною (стр. выше 94 и стр. 53 изданія Тихонравова).

[4]) Сочиненія Гоголя V, 421.

[5]) См. 179 стр. изданія Тихонравова.

нимъ перемѣненныя страницы въ «Ревизорѣ» и просить васъ о напечатаніи его вторымъ изданіемъ — и не успѣлъ. Никакъ не хочется заниматься тѣмъ, что̀ нужно къ спѣху, а все бы хотѣлось заняться тѣмъ, что̀ не къ спѣху. А между тѣмъ оно было бы очень нужно скорѣе. У меня почти дыбомъ волосъ, какъ вспомню, въ какіе я вошелъ долги.... Но я надѣюсь черезъ недѣлю выслать вамъ переправки и приложенія къ «Ревизору», которыя, можетъ быть, заставятъ лучше покупать его»[1]). Только 5 марта 1841 года Гоголь обрадовалъ С. Т. Аксакова высылкой давно обѣщанныхъ приложеній. «Мнѣ грустно» (пишетъ онъ) «такъ долго не получать отъ васъ вѣсти, Сергѣй Тимоѳеевичъ! Но, можетъ быть, я самъ виноватъ: можетъ быть, вы ожидали высылки мною обѣщанныхъ измѣненій и приложеній, слѣдуемыхъ ко 2-му изданію «Ревизора». Но я не могъ нигдѣ найти ихъ (!) Теперь только случаемъ нашелъ ихъ тамъ, гдѣ не думалъ. Если бы вы знали, какъ мнѣ скучно теперь заниматься тѣмъ, что̀ нужно на скорую руку, — какъ мнѣ тягостно на мигъ оторваться отъ труда, наполняющаго нынѣ всю мою душу. Но вотъ вамъ, наконецъ, эти приложенія. Здѣсь письмо, писанное мною къ Пушкину, по его собственному желанію. Онъ былъ тогда въ деревнѣ. Піэса игралась безъ него. Онъ хотѣлъ писать полный разборъ ея для своего журнала, и меня просилъ увѣдомить, какъ она была выполнена на сценѣ. Письмо осталось у меня не отправленнымъ, потому что онъ скоро пріѣхалъ.... Это письмо подъ такимъ названіемъ, какое на немъ выставлено, нужно отнесть на конецъ піэсы, а за нимъ непосредственно слѣдуютъ двѣ прилагаемыя, выключенныя изъ піэсы, сцены. Небольшую характеристику ролей, которая находится въ началѣ книги перваго изданія, нужно исключить. Она вовсе не нужна. У Погодина возьмите приложенное въ его письмѣ измѣненіе четвертаго акта, которое совершенно необходимо»[2]). Чтобы опредѣлить время, когда передѣланы для втораго дѣйствія «Ревизора» первыя пять сценъ четвертаго акта, о которыхъ говоритъ здѣсь Гоголь, необходимо сопоставить это ловко написанное письмо къ Аксакову съ данными, которыя сообщалъ объ этомъ самъ же Гоголь въ другое время и другимъ лицамъ. Оправдывая медленность въ высылкѣ обѣщанныхъ «измѣненій», т.-е., главнымъ образомъ, первыхъ пяти явленій

[1]) Сочиненія и письма Гоголя, V, 427.

[2]) Сочиненія и письма Гоголя, V, 435—436.

четвертаго акта, Гоголь пишетъ Аксакову, что «не могъ нигдѣ найти ихъ; теперь только случаемъ нашелъ ихъ тамъ, гдѣ не думалъ». Если повѣрить, что Гоголь въ самомъ дѣлѣ нигдѣ не могъ найти этихъ пяти сценъ четвертаго акта, то можно заключить, что эти сцены написаны были давно, успѣли запропаститься, куда авторъ и не думалъ, и несчастный сочинитель долженъ былъ искать ихъ цѣлые два мѣсяца (съ 28 декабря 1840 года). Въ этомъ хочетъ увѣрить Гоголь Сергѣя Тимоѳеевича. Въ письмѣ Гоголя къ Пушкину, помѣченномъ 25 мая 1836 г. и отправленномъ въ Москву для напечатанія въ приложеніяхъ ко второму изданію «Ревизора», Аксаковъ могъ прочесть: «Во время представленія я замѣтилъ, что начало четвертаго акта холодно; кажется, какъ будто теченіе піэсы, дотолѣ плавное, здѣсь прервалось или влечется лѣниво. Признаюсь, еще во время чтенія свѣдущій и опытный актеръ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что не такъ ловко, что Хлестаковъ начинаетъ первый просить денегъ взаймы и что было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили. Уважая замѣчаніе довольно тонкое, имѣющее свои справедливыя стороны, я, однакоже, не видѣлъ причины, почему Хлестаковъ, будучи Хлестаковымъ, не могъ попросить первый. Но замѣчаніе было сдѣлано; стало быть, сказалъ я самъ въ себѣ, я плохо выполнилъ эту сцену; и, точно, теперь во время представленія я увидѣлъ ясно, что начало четвертаго акта блѣдно и носитъ признаки какой-то усталости. Возвратившись домой, я тотъ же часъ принялся за передѣлку. Теперь, кажется, вышло немного сильнѣе, по крайней мѣрѣ естественнѣе и болѣе идетъ къ дѣлу». Выходитъ, что Гоголь приступилъ къ передѣлкѣ начала четвертаго акта чуть ли не 19 апрѣля («возвратившись домой») и окончилъ ее ранѣе написанія письма къ Пушкину, т.-е. ранѣе 25 мая 1836 года. Иванъ Александровичъ Хлестаковъ могъ написать «Женитьбу Фигаро» въ одинъ вечеръ. Но мы отказываемся вѣрить, чтобы Гоголь, потрясенный до глубины души первымъ представленіемъ «Ревизора», — Гоголь, которому «надоѣла» его комедія, такъ что и читать ее московскимъ актерамъ онъ не могъ,— Гоголь, который рѣшался призывать какую-то моль, чтобы она внезапно съѣла всѣ экземпляры «Ревизора», — чтобы этотъ самый Гоголь, «возвратившись домой», сѣлъ за передѣлку начала четвертаго акта и благополучно привелъ ее къ окончанію къ 25-му мая. Это неожиданное заявленіе Гоголя о времени передѣлки первыхъ сценъ четвертаго акта совершенно противорѣчитъ тому, что Го-

голь твердилъ въ теченіи двухъ лѣтъ о «передѣлкѣ нѣкоторыхъ сценъ» для втораго изданія. Мы видѣли, что въ декабрѣ 1838 года онъ извѣщалъ Погодина, что «началъ передѣлывать нѣкоторыя сцены»; въ 1840 году онъ жалуется тому же Погодину, что не можетъ переписать передѣланные куски «Ревизора». Въ самомъ концѣ того же 1840 года извиняется уже передъ самимъ Аксаковымъ, что не успѣлъ выслать ему перемѣненныя страницы, потому что «никакъ не хочется заниматься тѣмъ, что̀ нужно къ спѣху». Ни въ одномъ письмѣ, въ теченіи двухъ лѣтъ, Гоголь не проронилъ ни слова, что сцены давно, еще въ 1836 году, передѣланы. И вмѣстѣ съ этими сценами, — которыя попали, куда Гоголь и не думалъ, — выплываетъ на Божій свѣтъ и письмо къ Пушкину, — современное по происхожденію сценамъ!.... Не попало ли и это знаменитое письмо тоже туда, куда Гоголь и не думалъ, чтобы «случаемъ» найтись какъ разъ во время — при отправкѣ Аксакову матеріаловъ для втораго изданія «Ревизора». «Піэса игралась въ отсутствіе Пушкина; онъ былъ тогда въ деревнѣ. Онъ хотѣлъ писать полный разборъ ея для своего журнала» и просилъ Гоголя «увѣдомить, какъ она была выполнена на сценѣ..... Письмо осталось неотправленнымъ, потому что онъ скоро пріѣхалъ самъ»: вотъ свѣдѣнія, сообщаемыя Гоголемъ о происхожденіи его письма къ Пушкину; вотъ и объясненія Гоголя, почему драгоцѣнное письмо сохранилось у автора. Но 19 апрѣля 1836 года, въ день перваго представленія «Ревизора», Пушкинъ былъ не въ деревнѣ, а въ Петербургѣ: онъ выѣхалъ туда изъ Михайловскаго 14-го апрѣля; 25-го мая, когда будто бы написано было письмо, Пушкинъ также жилъ не въ деревнѣ, а на своей дачѣ на Каменномъ острову, куда пріѣхалъ 23-го мая въ полночь[1])..... Книжка «Современника», въ которой напечатанъ разборъ «Ревизора», составленный кн. П. А. Вяземскимъ, одобрена цензоромъ 30 іюня..... Зачѣмъ было Гоголю 25 мая писать для Пушкинскаго разбора «Ревизора» анализъ представленія этой комедіи? Почему Пушкинъ, жившій въ маѣ почти безвыѣздно въ Петербургѣ (онъ только на короткое время ѣздилъ тогда въ Москву), не предупредилъ Гоголя, что въ письмѣ о первомъ представленіи «Ревизора» не предстоитъ болѣе надобности?

На основаніи изложенныхъ соображеній, при рѣшеніи вопроса

---

[1]) Анненковъ, А. С. Пушкинъ, 2-е изд., стр. 406, 411.

о времени окончательной передѣлки начальныхъ сценъ 4-го акта мы отдаемъ перевѣсъ большинству собственныхъ свидѣтельствъ Гоголя въ письмахъ (отъ 1 декабря 1838 г. по 28 декабря 1840 г.) надъ одиночнымъ свидѣтельствомъ апокрифическаго письма къ Пушкину, не говоря уже объ обрѣтеніи передѣланныхъ сценъ въ мѣстѣ, о которомъ не думалъ. Другими словами, мы относимъ окончательную передѣлку вышеуказанныхъ сценъ втораго изданія «Ревизора» къ двумъ первымъ мѣсяцамъ 1841 г.

Въ рукописномъ отдѣленіи Московскаго Публичнаго Музея за № 2,207, хранится, поступившій изъ бумагъ А. А. Иванова, экземпляръ перваго изданія «Ревизора», напечатанный на писчей бумагѣ съ широкими полями, наглядно объясняющій всѣ отмѣны втораго изданія «Ревизора» отъ перваго. Въ этомъ экземплярѣ страницы 109—114 включительно вырѣзаны и вмѣсто нихъ вклеена рукописная тетрадь, въ которую вписаны неизвѣстною рукою (А. А. Иванова? мелкій почеркъ) первыя пять явленій четвертаго дѣйствія; за симъ начало 115-й страницы до явленія IV зачеркнуто карандашомъ; но цифра «явленіе IV» (стр. 115) не исправлена въ VI, соотвѣтственно увеличенію акта. На послѣдней страницѣ тетрадки оставшееся пустое мѣсто занято на половину собственноручною припискою Гоголя: «За симъ слѣдуетъ сцена Хлестакова съ Артеміемъ Филипповичемъ, какъ въ печатномъ».

На страницѣ 116 небольшой монологъ Хлестакова долженъ быть сокращенъ именно такимъ образомъ:

«Я признаюсь — это моя слабость — но люблю хорошую кухню. Скажите пожалуста, мнѣ кажется, какъ будто бы вчера вы были немножко ниже ростомъ: не правда ли?»

На страницѣ 120, начиная съ 11 строки, слѣдуетъ такъ:

«Добчинскій. При мнѣ-съ не имѣется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Хлестаковъ. Да, ну если тысячи нѣтъ, такъ рублей сто.

Бобчинскій (шаря въ карманахъ). У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня всего 40 ассигнаціями.

Добчинскій (смотря въ бумажникъ). Двадцать пять рублей всего.

Бобчинскій. Да вы поищите-то получше, Петръ Ивановичъ! У васъ тамъ, я знаю, въ карманѣ-то съ правой стороны прорѣха, такъ въ прорѣху-то, вѣрно, какъ-нибудь запали.

Добчинскій. Нѣтъ, право, и въ прорѣхѣ нѣтъ, окромѣ мѣлочи (sic!) серебромъ, Петръ Ивановичъ.

Хлестаковъ. Ну все равно: нѣтъ ста, я возьму 65. Вѣдь это всего на три дня, а тамъ я вамъ сей (sic!) возвращу (принимаетъ деньги).

Добчинскій. Я осмѣливаюсь» и пр. пр.

На страницѣ 121 послѣдняя строка должна быть такъ:

«Хлестаковъ. Хорошо, пусть называется! это можно».

На страницѣ 123. Весь монологъ Хлестакова долженъ быть замѣненъ слѣдующимъ:

«Хлестаковъ (одинъ)». Продолженія нѣтъ.

Въ этотъ же драгоцѣнный экземпляръ Музея вписана собственною рукою Гоголя и послѣдняя переработка «Ревизора», сдѣланная для перваго изданія Сочиненій Гоголя (Спб. 1842 г.). Она была окончена въ началѣ августа 1842 года, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ строкъ письма Гоголя къ Прокоповичу изъ Гастейна отъ августа 29 (сентября 10) 1842 года: «Получилъ ли хвостъ «Ревизора», посланный мною три недѣли тому назадъ?»[1]). Это было пересозданіе прежняго «Ревизора» отъ первой страницы до послѣдней. На широкихъ поляхъ перваго изданія «Ревизора» яснымъ, неторопливымъ почеркомъ, почти безъ всякихъ помарокъ, вписалъ Гоголь, очевидно, съ обработанныхъ и отдѣланныхъ въ разное время (но въ періодъ съ марта 1841 г. по августъ 1842 г.) «кусковъ» новый текстъ знаменитой комедіи, — текстъ, создававшійся въ одно время съ окончательною отдѣлкою перваго тома «Мертвыхъ душъ». Лишь немногія сцены перваго изданія «Ревизора» остались безъ всякой перемѣны въ этомъ послѣднемъ пересозданіи комедіи. Вотъ эти явленія: 4-е (впрочемъ не вполнѣ), 5-е и 6-е явленія перваго дѣйствія; 1-е, 2-е, 4-е и 9-е втораго; 1-е, 2-е, 3-е, 4-е, 8-е, 10-е и 11-е третьяго дѣйствія; 8-е, 12-е четвертаго; въ пятомъ дѣйствіи нельзя указать ни одного явленія, которое не подверглось бы въ этой переработкѣ хотя легкимъ измѣненіямъ.

Въ экземплярѣ Музея особенно обращаютъ на себя вниманіе наброски «Нѣмой сцены». Ихъ три; первый набросокъ Гоголь написалъ карандашомъ внизу 186-й страницы перваго изданія «Ревизора»; второй, карандашомъ же, приписанъ нѣсколько выше; третій написанъ чернилами на первой страницѣ задняго переплетнаго листа. Его можно разобрать такъ: «Произнесенныя слова

---

[1]) «Русское Слово», 1859, I, стр. 121.

поражаютъ какъ громомъ всѣхъ. Невольный звукъ испуга излетаетъ дружно изъ дамскихъ устъ...[1]). Всѣ остаются въ окаменѣніи.

Нѣмая сцена.

Городничій видѣнъ (?) остановился посреди всѣхъ въ видѣ столпа съ распростертыми руками и закинутою назадъ головою. По правую сторону его жена и дочь, обѣ окаменѣвши съ устремившимся къ нему движеніемъ тѣла, рукъ и лица (?). За ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ. За почтм. Лука Лукичъ, потерявшійся самымъ наивнымъ образомъ. За нимъ, у самаго края сцены, три дамы гостьи, прислонившись одна къ другой, съ нѣсколько прищуреннымъ глазомъ и сатирическимъ выраженіемъ лицъ. По лѣвую сторону городничаго Земляника съ глупо наклонившими (sic) нѣсколько на бокъ голову, какъ будто къ чему-то прислушивающійся. За нимъ Судья, присѣвшій почти до земли, разставивши руки и сдѣлавъ движенье губами, какъ бы хотѣлъ посвистать или сказать. За нимъ Коробкинъ, обратившійся къ зрителямъ съ прищуреннымъ глазомъ на городничаго и ѣдкимъ выраженіемъ лица. За нимъ, у самаго края сцены, Бобчинскій и Добчинскій обращено къ...[2]) съ выпученными глазами и руками останов... воздуху. Всѣ прочіе гости въ видѣ недвиж. столбняковъ. Двѣ минуты продолжается всеобщее окаменѣніе. Занавѣсъ опускается».

Извѣстно, какое важное значеніе придавалъ Гоголь этой нѣмой сценѣ. Въ теченіи многихъ лѣтъ онъ пытался опредѣлить точно ея подробности: набрасывалъ свои проекты «нѣмой сцены» въ письмахъ, на рукописныхъ и печатныхъ экземплярахъ «Ревизора», перемарывалъ, составлялъ новые, пробовалъ наконецъ нарисовать для себя «нѣмую картину». На двухъ первыхъ его рисункахъ изображена нѣмая сцена во всей полнотѣ, третій представляетъ только жену и дочь городничаго.

Съ 1842 года эта послѣдняя редакція «Ревизора» сдѣлалась господствующею въ печати, вульгатою комедіи; по ней, съ этого времени, молодое поколѣніе стало знакомиться въ школѣ съ классическими образцами комедіи, съ Гоголемъ. Первоначальный текстъ «Ревизора» (1836 года) старшими былъ забытъ, младшимъ совер-

---

[1]) Не разобрано.

[2]) Не дописано.

шенно неизвѣстенъ. Но на сцену эта совершеннѣйшая редакція, эта вульгата «Ревизора», долго не находила доступа, не смотря на горячее желаніе автора водворить ее на русскихъ театрахъ. И вотъ мы видимъ любопытное явленіе: образованный русскій человѣкъ, близко ознакомившійся съ печатнымъ «Ревизоромъ», изучившій его, знавшій на память цѣлыя страницы изъ него, приходитъ въ театръ посмотрѣть того же «Ревизора», — и его ухо поражается не разъ другими, какими-то новыми рѣчами дѣйствующихъ лицъ. И нѣтъ у зрителя данныхъ объяснить себѣ источникъ страннаго, часто рѣзкаго разногласія сценическаго текста «Ревизора» съ печатнымъ, литературнымъ «Ревизоромъ»: сценическій текстъ комедіи въ полномъ видѣ впервые былъ изданъ Н. С. Тихонравовымъ въ 1836 г. Этотъ архаическій текстъ «Ревизора» оставался до тѣхъ поръ только на сценѣ, и только лица, прикосновенныя къ сценѣ, знали его.

Уже при первомъ представленіи «Ревизора» на московской сценѣ (25-го мая 1836 года) образованному зрителю сказалась разница между сценическимъ и печатнымъ текстомъ комедіи. Даровитый авторъ статьи о первомъ представленіи въ Москвѣ «Ревизора», помѣщенной въ газетѣ «Молва» (томъ XI, стр. 250—264), находя, что Ленскій доселѣ еще не попалъ на свою роль (Хлестакова), прибавилъ: «А, что всего страннѣе, позволяетъ себѣ перемѣнять слова роли! Ужли думаетъ онъ поправлять Гоголя?!?...». Пораженный разнорѣчіемъ сценическаго текста «Ревизора» съ печатнымъ, образованный зритель объяснялъ себѣ причину этого явленія — произволомъ актера. Чѣмъ далѣе отошла послѣдняя редакція, вульгата печатнаго «Ревизора», отъ сценическаго текста, сохранявшагося много лѣтъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, тѣмъ болѣе возрастали недоумѣнія зрителя о причинѣ этого разлада, тѣмъ суровѣе звучали голоса, обличавшіе актеровъ въ произвольномъ искаженіи классическаго творенія. Въ статьѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1857 г., № 212 (стр. 1001), озаглавленной «Московская лѣтопись», было, между прочимъ, напечатано слѣдующее: «Онъ» (актеръ Востоковъ, игравшій Хлестакова) «почему-то вообразилъ, что съ созданіями Гоголя можно обращаться такъ же, какъ онъ привыкъ обращаться съ водевильными героями. Онъ позволялъ себѣ, безъ всякой церемоніи, выкидывать слова изъ своей роли, измѣнять ихъ, вставлять цѣлыя тирады собственнаго сочиненія и такъ далѣе. Этихъ отступленій отъ подлинника было такъ много, что Хлестакова, котораго мы видѣли 31-го іюля на сценѣ

Малаго театра, почти уже нельзя назвать произведеніемъ Гоголя, а, вѣрнѣе, должно назвать сочиненіемъ Востокова». Отъ подобныхъ тяжкихъ нареканій актеръ, конечно, долженъ былъ искать защиты подъ покровомъ самого автора «Ревизора». Такъ онъ и сдѣлалъ. И вотъ фельетонистъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», обличавшій Востокова въ искаженіи Гоголя, въ 250 № тѣхъ же «Вѣдомостей» 1857 года заявляетъ: «Мы убѣдились, что г. Востоковъ ни на шагъ не отступалъ отъ того, что̀ даетъ театральная рукопись («Ревизора»); но въ то же время оказалось, что эта театральная рукопись даетъ Хлестакову совсѣмъ не тѣ рѣчи, которыя намъ извѣстны по печатнымъ изданіямъ». Затѣмъ авторъ статьи «Московская лѣтопись» представляетъ нѣсколько сценъ по рукописи московскаго Малаго театра сравнительно съ общеизвѣстнымъ печатнымъ текстомъ (шестое явленіе третьяго дѣйствія и второе явленіе четвертаго дѣйствія) и заключаетъ очень вѣрнымъ замѣчаніемъ: «Неправы только издатели Гоголя, которые печатаютъ его сочиненія безъ варіантовъ. Г. Кулишу отдана была въ журналахъ справедливая похвала за то, что онъ напечаталъ «Тараса Бульбу» и «Портретъ» въ двухъ редакціяхъ — первоначальной и позднѣйшей. Зачѣмъ же было не сдѣлать того же съ «Ревизоромъ?» (стр. 1295). Урокъ, данный театральнымъ репортерамъ указаніемъ на московскую рукопись «Ревизора», былъ позабытъ. Въ 1866 году петербургскій актеръ, г. Нильскій, игравшій роль Хлестакова, въ письмѣ къ редактору [1]) «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», долженъ былъ снова отражать обвиненія рецензента «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», который утверждалъ, что г. Нильскій «пересочинилъ произведеніе Гоголя, говоря о сапогахъ, заказанныхъ у Пеля, замѣняя слово «главнокомандующій» словомъ «турецкій посланникъ». За г. Нильскаго горячо вступился извѣстный артистъ московскихъ театровъ С. В. Шумскій, лучшій (по отзыву Гоголя) исполнитель Хлестакова. «Да будетъ же извѣстно г. N» (писалъ онъ), «что «Ревизора» играютъ на сценахъ императорскихъ театровъ до сихъ поръ по рукописи Гоголя, разрѣшенной цензурою, что печатный текстъ комедіи представляетъ значительныя измѣненія сравнительно съ текстомъ сценическимъ, что наконецъ Гоголь два раза измѣнялъ свою рукопись впослѣдствіи, такъ что два печат-

[1]) Это письмо перепечатано въ «Антрактѣ», 1866 г., № 40.

ныя изданія ея содержатъ въ себѣ значительныя измѣненія и прибавки»[1]).

Форматъ для изданія «Ревизора» Гоголь хотѣлъ избрать небольшой: «Хорошо бы» (писалъ Гоголь С. Т. Аксакову) «издать «Ревизора» въ миніатюрномъ форматѣ»[2]).

Стр. 65. [1]Слово «Игнатьевичъ» зачеркнуто. [2]Послѣ этого зачеркнуто: «Я такъ вотъ какъ будто бы предчувствовалъ. И сегодня во снѣ снился мнѣ такой вздоръ, чепуха: какъ будто бы какія-то собаки (загнали меня) гнались за мною до самой городской тюрьмы». [3]Послѣ этого: «Меня увѣдомляетъ (Андрей Ивановичъ Пшикинъ, который вамъ...»). Заключенное въ скобки зачеркнуто; слѣдовало зачеркнуть и слова: «Меня увѣдомляетъ». [4]Въ рукописи: «въ нашемъ *говорите*». [5]Послѣ этого зачеркнуто: «грезилась страшная чепуха».

Стр. 66. [1]Слово: «тебя» въ рукописи пропущено. [2]Эта фраза приписана сверху строки. На предшествующей страницѣ приписана относящаяся къ этому мѣсту фраза: «А мнѣ сказалъ Хрисанфъ Хрисанфовичъ за тайну». [3]Слово «человѣкомъ» зачеркнуто. [4]Прежде было написано: «предостеречься». [5]Въ рукописи: «Нутъ». [6]Прежде было написано: «относительно». [7]Слова: «предметъ говоломный» — «селитренныя бурты» приписаны внизу страницы; мѣсто вставки указано ⌗. [8]Слово «необходимымъ» въ рукописи пропущено. [9]Слово «нашимъ» пропущено. [10]Слово «вниманіе» пропущено.

Стр. 67. [1]Прежде было написано: «простому человѣку, какъ напримѣръ». [2]Прежде было написано: «правительство». [3]Прежде было написано: «мнѣ не откажетъ». [4]Прежде было написано: «но такъ какъ-то». [5]Прежде было написано: «Тоже». [6]Такъ, въ рукописи: «запѣвшись». [7]Въ рукописи: «какъ».

Стр. 68. [1]Сверху этого слова приписано: «средство». [2]Къ этому мѣсту относится слѣдующее дополненіе, приписанное съ лѣваго боку страницы: «и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ «грѣшками», я ничего не могу сказать, дам странно говорить, потому что нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ: это уже Богомъ такъ устроено». [3]Прежде было написано: «всякой очень боится». [4]Прежде было написано: «онъ тотчасъ посѣтитъ». [5]Прежде было: «въ семинаріяхъ и коллегіяхъ».

Стр. 69. [1]Прежде было написано: «и свѣдѣній тьму имѣетъ». [2]Послѣ этого зачеркнуто: «вы ему посовѣтуйте поменьше горячиться». [3]Одно слово не разобрано; прежде было написано: «Или». [4]Написано неясно. [5]Слово «теперь» написано сверху зачеркнутаго: «искусство».

Стр. 70. [1]Прежде было написано: «чего бы, можетъ быть, онъ не услышалъ». [2]Прежде было написано: «письмо получитъ». [3]Эти строки («Почему жъ не распечатать?» — «это все равно») приписаны съ боку страницы. [4]Прежде было написано: «а такъ, просто изъ любопытства». [5]Слово «это» напи-

---

[1]) «Антрактъ», 1866 г., № 40.

[2]) Сочиненія и письма Гоголя, V, 436.

сано сверху зачеркнутаго: «дѣйствительно». [6]Послѣ этого зачеркнуто: «такъ, знаете, и слогъ, и все такъ».

Стр. 71. [1]Слово «очень» зачеркнуто. [2]Слово «въ» пропущено. [3]Прежде было: «такими живыми». [4]Слова: «вотъ и входитъ ревизоръ» написаны сверху зачеркнутыхъ: «Въ ушахъ у меня (такъ, какъ будто послѣ простуды) трещатъ какіе-[то] сверчки, какъ будто послѣ простуды». [5]Слова: «Иванъ Тимоѳеевичъ» зачеркнуты. [6]Въ рукописи: «не простудилъ какъ-нибудь». [7]Прежде было написано: «важная».

Стр. 72. [1]Въ рукописи: «зачѣмъ». [2]Прежде было написано: «такъ не зайти ли намъ». [3]Въ рукописи: «долженъ быть».

Стр. 78. [1]Это слово въ рукописи пропущено. [2]Слово: «недѣли» пропущено. [3]Прежде было написано: «Да, это правда; сначала вы сказали: «э!« [4]Послѣ этого зачеркнуто: «и денегъ не плотитъ». [5]Въ рукописи: «надъ». Такъ нерѣдко пишетъ Гоголь вмѣсто: «подъ». [6]Въ рукописи: «надъ». [7]Слово «я» пропущено. [8]Слова: «какъ называется» приписаны сверху строки. [9]Слова: «что-нибудь» — «кое-кого хорошенько» написаны сверху зачеркнутыхъ слѣдующихъ строкъ: «насмотрѣлся всего того, чего бы ему совсѣмъ не нужно видѣть. Я, ей Богу, не знаю, что и дѣлать: я еще недавно немножко пристращалъ одного купца —; признаюсь, запустилъ руку кое-куда». [10]Прежде было написано: «право, такъ вотъ, какъ будто у меня простуда увеличилась: въ лѣвомъ ухѣ совершенные сверчки». [11]Слова: «тоже какъ хорошіе люди» приписаны сверху строки. [12]Слова: «само собою разумѣется, что въ мундирахъ» зачеркнуты. [13]Одно слово неразобрано; по-видимому: «явиться». Прежде было написано: «Я того мнѣнія, что недурно бы дать вѣсть объ этомъ въ городъ и собрать всѣхъ»...

Стр. 74. [1]Одно слово не разобрано; кажется: «Тарасъ». [2]Слова: «и гражданство» — «и простой народъ» приписаны съ лѣваго боку страницы. Слова, поставленныя въ скобки, зачеркнуты. [3]Прежде было написано: «очень приличенъ». [4]Послѣ этого зачеркнуто: «не дурно бы кого-нибудь пригласить... А вы, Евплъ Герасимовичъ? *[Евплъ Герасимовичъ]*. А я?.. Позвольте; тутъ у меня секретъ гдѣ-то былъ... Ахъ, Боже, его нѣтъ! Я того же мнѣнія...: того же самаго мнѣнія»... *Городничій къ судьѣ*. А вы? *Судья*. Я, право, никакъ не знаю... У меня совершенно такая же почти болѣзнь, какъ у васъ дѣлалась; въ ухѣ — какъ трещотка, и вотъ не знаю на ногтяхъ какія-[то] синія пятна — на всѣхъ ногтяхъ: вотъ, посмотрите»... [5]Слова: «какъ говорится» написаны сверху зачеркнутаго: «Этакъ». [6]Зачеркнуто: «поскорѣе». [7]Послѣ этого зачеркнуто: «Поѣдемъ скорѣе». [8]Послѣ этого зачеркнуто: «такъ постою».

Стр. 75. [1]Прежде было написано: «какъ этакъ будетъ говорить и изъясняться... разныя изъясненія, вельможные поступки и тому подобное»... [2]Слово «побольше» зачеркнуто. [3]Одно слово не разобрано. [4]Слова: «Да если скрыть службу» — «которою рукою и креститься нужно» приписаны внизу страницы.

Стр. 76. [1]Послѣ этого зачеркнуто: («Возвращается назадъ и»). [2]Слово «Марьей» переправлено изъ «Агафьей». [3]Послѣ этого зачеркнуто: «Вотъ что!» [4]Слова: «Грубіянъ какой!» — «Съ усами?» приписаны съ лѣваго боку страницы.

Стр. 77. [1]Такъ въ рукописи, вмѣсто: «каковъ».

Стр. 78. [1]Прежде было написано: «будто на трубахъ играютъ». [2]Послѣ этого зачеркнуто: «въ растерацію пойдешь — развалишься тамъ себѣ на бархатномъ стулѣ, на какомъ и старый баринъ не сиживалъ». [3]Фраза не кончена; особымъ знакомъ указано мѣсто окончанія вставки; вѣроятно, сюда предполагалось перенести двѣ строки, прежде зачеркнутыя. Ср. предшествующую выноску.

Стр. 79. [1]Послѣ этого зачеркнуто: «или друзей угощаетъ». [2]Прежде было написано: «а такъ-таки». [3]Прежде было: «розгачей славы». [4]Слова: «а за дѣвченками» зачеркнуты, кажется, по ошибкѣ.

Стр. 80. [1]Слово: «я» въ рукописи пропущено. [2]Слово: «кровати» пропущено. [3]Прежде было написано: «что-жъ изъ этого?» [4]Послѣ этого зачеркнуто: «и кто пойдетъ сегодня къ городничему». [5]Послѣ этого зачеркнуто: «пріѣдетъ да такъ обживется и надѣлаетъ столько долговъ, что ужъ не выгнать послѣ». [6]Прежде было написано: «а вотъ, какъ, говоритъ, возьметъ его».

Стр. 81. [1]Слово: «хочется» въ рукописи пропущено. [2]Послѣ этого зачеркнуто: «безъ денегъ». [3]Прежде было: «Погода ничего...»

Стр. 82. [1]Слово: «идетъ» въ рукописи пропущено. [2]Послѣ этого зачеркнуто: «что тутъ дѣлать, право». [3]Слово: «блеснуть» въ рукописи зачеркнуто. Передъ словами: «какъ, право, можно» зачеркнуты слова: «а вѣдь». [4]«На мѣшки». [5]Слово: «проклятый» зачеркнуто. Выше, послѣ слова: «халаты», также было начато и снова зачеркнуто: «жаль, что про...».

Стр. 83. [1]Слово: «тамъ» въ рукописи зачеркнуто. [2]Въ подлинникѣ: «объявлялся».

Стр. 84. [1]Слово: «супъ» пропущено. [2]Слово: «ѣсть» пропущено. [3]Прежде было: «и зубы выломаешь». [4]Слово: «тарелки» въ рукописи пропущено.

Стр. 85. [1]Въ рукописи очевидная ошибка: «такъ» (sic). [2]Слово: «дѣлѣ» въ рукописи пропущено. [3]Слова: «не смѣетъ» написаны весьма неразборчиво. [4]Въ рук.: «и жесткую». [5]Послѣ этого стоятъ неразборчивыя слова; повидимому: «не сѣешь». [6]Слова: «не ѣлъ его супу» приписаны сверху строки. [7]Пропускъ въ подлинникѣ.

Стр. 86. [1]Слово пропущено въ подлинникѣ. [2]Послѣ этого стоитъ неразборчивое слово; повидимому: «нашихъ». [3]Слово: «васъ» въ подлинной рукописи пропущено.

Стр. 87. [1]Прежде было: «обнесли мои злодѣи». Предыдущія строки («А что касается до унтеръ-офицерской вдовы — всклепать» написаны отдѣльно, на оборотѣ 8-го листа. Выписка отмѣчена знакомъ ⧺. Послѣ слова «злодѣи» зачеркнуто: «готовые покуситься даже на жизнь мою, право»... [2]Послѣ этого зачеркнуто: «больше». [3]Послѣ этого зачеркнуто: «а если будто взятки какія, то это больше товарищи мои». [4]Эти слова написаны уже на 9 листѣ. [5]Передъ этимъ зачеркнуто: «объ унтеръ-офицерской». [6]Послѣ этого зачеркнуто: «Потому что какъ можно, чтобы осмѣлился это сдѣлать». [7]Прежде было: «полтораста». [8]Слово: «считать» въ рукописи пропущено. [9]Въ концѣ ремарки пропущены слова: «ихъ въ карманъ». [10]Въ рукописи слово «Осипъ» пропущено и передъ словомъ «пошелъ» стоитъ: «ахъ». [11]Слово «вы» въ рукописи пропущено.

Стр. 88. [1]Слова: «не то» въ подлинникѣ пропущены. [2]Послѣ этого зачеркнуто: «Я ужъ не помню, сколько тебѣ слѣдуетъ за твою дрянь».

Стр. 89. [1]Слово: «день» пропущено; потомъ дважды повторено по ошибкѣ слово: «одинъ». [2]Ремарка въ рукописи пропущена. [3]Слово: «поѣхать» въ рукописи зачеркнуто. [4]Слово «гостя» въ рукописи пропущено.

Стр. 90. [1]Слово: «знакъ» въ подлинникѣ пропущено. Слово: «урывкомъ» приписано сверху строки. [2]Слово: «Хлестакова» въ подлинникѣ пропущено.

Стр. 91. [1]Въ рукописи просто: «кто»· [2]Слово: «улицы» въ рукописи пропущено. [3]Въ рукописи здѣсь явная описка: «теперь».

Стр. 92. [1]Слова Анны Андреевны въ данномъ мѣстѣ составляютъ особую приписку на предшествующей страницѣ (т.-е. на оборотѣ 9-го листа). [2]Послѣ этого зачеркнуто: «усталъ». [3]Послѣ этого зачеркнуто: «къ вамъ»; слово: «бѣжалъ» переправлено изъ какого-то другаго. [4]Прежде было: «военный генералъ». [5]Слова: «перемѣнныхъ мысли» написаны сверху зачеркнутаго: «примирился». [6]Здѣсь въ рукописи пропускъ.

Стр. 93. [1]Здѣсь въ подлинной рукописи оставлено пустое мѣсто для вписки впослѣдствіи. [2]Прежде было: «съ упованіемъ». [3]Эта приписка, начиная отъ словъ: «спѣшу тебя увѣдомить» сдѣлана на предыдущей страницѣ. Ср. примѣч. 1-е къ стр. 92. [4]Въ рукописи: «пригототь» (sic). [5]Здѣсь въ рукописи опять оставлено пустое мѣсто. [6]Въ рукописи явная описка: «какой же это?»

Стр. 94. [1]Послѣ этого зачеркнуто: «очаровываютъ такъ вотъ, какъ будто говорятъ». [2]Послѣ этого зачеркнуто: «говорятъ: ваши глаза». Сверху написано и снова зачеркнуто: «ну». [3]Прежде было: «Вотъ совсѣмъ нѣтъ». Потомъ зачеркнуто: «Вотъ именно для того, чтобы поспорить». [4]Въ рукописи: «что вздоръ, вздоръ». [5]Прежде было: «единственное, что́ есть хорошаго у матери, она и это хотѣла бы отнять». Слово «уже» приписано сверху строки.

Стр. 95. [1]Пропущены не прочитанныя слова; кажется: «смыслѣ брусила». Послѣ слова «глупъ» зачеркнуто: «онъ, конечно»... [2]Слова: «какъ можно» приписаны сверху зачеркнутыхъ: «никакъ бы не сказалъ иначе. Вотъ...» [3]Прежде было: «привыкла». Послѣ слова: «внучилась» зачеркнуто: «Вдругъ этакъ нужно посмотрѣть прямо, такъ совершенно, какъ будто глазки». Далѣе слѣдуетъ нѣсколько неразборчивыхъ словъ, а затѣмъ слѣдующее: «Потомъ нужно сдѣлать этого немного избоку» (снова нѣсколько неразборчивыхъ словъ; кажется: «какъ будто косая»), «потомъ этакъ томно, какъ будто... Да вотъ лучше всего». [4]Слова: «я его не только не любила, да къ тому же еще не была» зачеркнуты. Слова: «я — за нимъ» были зачеркнуты, но потомъ возстановлены. [5]Послѣ этого слѣдуетъ неразборчивое слово и потомъ зачеркнуто: «брови», а послѣ слова: глаза — «каріе». [6]Пропускъ въ рукописи. [6b] Слова «палевое» и «тонкая талійка» написаны сверхъ зачеркнутыхъ: «планжевое (sic) самаго яркаго цвѣта». [7]Слово «просто» зачеркнуто. Передъ этимъ слова: «при свѣтѣ» написаны не совсѣмъ отчетливо.

Стр. 96. [1]Прежде было: «новая». [2]Послѣ этого зачеркнуто: «просто». [3]Слово: «это» въ рукописи пропущено.

Стр. 97. [1]Слово: «поощрять» въ рукописи зачеркнуто; также передъ этимъ слова: «люблю» и «готовъ». [2]Не дописано. Послѣ этого выноска отмѣчена знакомъ ‡‡. [3]Послѣ этого зачеркнуто: «и дорогаго». Передъ этимъ слово: «лестнаго» переправлено изъ какого-то другаго слова.

Стр. 98. [1] Передъ этимъ зачеркнуты фразы: «(себѣ я провелъ) безъ малаго полвѣка...» «На что же жизнь моя какъ не»... [2] Передъ этимъ неразборчивое слово; кажется: «малая». [3] Слова: «Да хорошо, говоритъ, если не Анны» приписаны между строкъ. [4] Послѣ этого зачеркнуто: «знаемъ». [5] Прежде было: «богоугоднаго заведенія». Сверху приписано: «училищъ». Эта строка написана и пропускъ обозначенъ тѣмъ же знакомъ, какъ выше (см. примѣч. 7-е). [6] Эти слова городничаго въ подлинникѣ находятся въ особой выноскѣ, отмѣченной знакомъ ⌗ (см. примѣч. 2-е).

Стр. 99. [1] Послѣ этого зачеркнуто слово: «здѣсь». [2] Въ подлинникѣ: «страшно». Передъ этимъ слова: «намъ можетъ» приписаны сверху зачеркнутыхъ: «этакъ-то есть». [3] Послѣ этого зачеркнуто: «Я люблю впрочемъ скоро ѣхать». «Я люблю, когда шибко ѣду». [4] Въ послѣдней фразѣ, послѣ словъ: «этакъ что-нибудь васъ вдругъ займетъ» прежде было: «сельская» «или сельская эдакая природа»... «все видишь и не доволенъ»... «этакъ», и затѣмъ слѣдуетъ окончаніе фразы въ томъ видѣ, какъ она у насъ напечатана (этотъ конецъ фразы написанъ авторомъ вмѣсто всего зачеркнутаго). [5] Послѣ этого неразборчивыя слова; повидимому: «и все».

Стр. 100. [5] Послѣ этого между строкъ зачеркнуто: «какъ весело должно быть жить въ такомъ городѣ». [1] Передъ этимъ слова: «знаете такъ, какъ свой» приписаны сверху строки. [2] Эта фраза прежде читалась такъ: «я самъ тоже пишу (для театра) иногда театральныя піэсы, водевили, право. И съ Булгаринымъ знакомъ: обѣдаю съ нимъ вмѣстѣ (водевили съ пѣсн(ями)». [3] «Говорилъ» переправлено изъ «говоря». Передъ этимъ слово: «хоть» приписано сверху вмѣсто зачеркнутаго: «ошибся». Послѣ этого слово: «держу» въ рукописи зачеркнуто. [4] Въ рукописи сперва было: «у меня шесть стоитъ на конюшнѣ»; потомъ приписаны сверху слова: «но», «своихъ» и «ихъ есть еще шесть». [5] Все предыдущее мѣсто, начиная отъ словъ: «Меня разъ даже, когда я шелъ пѣшкомъ...» представляетъ собой выноску, отмѣченную знакомъ ⌗. Эта приписка стоитъ внизу слѣдующей страницы, т.-е. въ концѣ первой страницы 12-го листа. [6] Пропускъ въ подлинникѣ. [7] Передъ этимъ зачеркнуто: «да, есть очень много». Послѣ этой фразы: «въ журналахъ очень много» зачеркнуто: «Такъ, знаете, иной разъ скучно давать».

Стр. 101. [1] Послѣднія строки, начиная отъ словъ: «Мнѣ Смирдинъ платитъ 25 тысячъ», составляютъ особую приписку, начиная снизу налѣво сбоку, на оборотѣ 11-го листа. Приписка эта имѣетъ въ подлинникѣ такой видъ:

«Мнѣ Смирдинъ платитъ 25 тысячъ. Меня разъ приняли за Диб(ича), когда я шелъ, приняли за Дибича Забалканскаго, право! И вся обвахта выскочила и сдѣлала ружьемъ). Вотъ тоже карьеръ составилъ человѣкъ: «у него шесть домовъ на одномъ Невскомъ проспектѣ».

«Иногда случается, что занавѣсъ эдакъ не поднимается и директоръ говоритъ: «что это значитъ?» Ну, чуть ему сейчасъ скажутъ: «Ивана Григорьевича нѣтъ» и онъ только говоритъ: «А!» — То есть это не то, чтобы всегда, а въ иные даже случаи».

[2] Внизу послѣдней строки на листѣ 11-мъ еще приписано: «у меня есть подъ своимъ, но больше я подъ именемъ Брамбеуса». [3] Въ концѣ первой страницы (листъ 12-й) есть приписка: «Впрочемъ я занимаюсь литерату-

рою и въ журналахъ помѣщаю сочиненія». [4]Послѣ этого внизу стоитъ еще слово: «моего». [5]Слово: «даются» въ рукописи пропущено. [6]Такъ въ рукописи.

Стр. 102. [1]Слова: «Впрочемъ у меня должность на домѣ, и ко мнѣ приходятъ чиновники» приписаны между строкъ. [2]Въ рукописи описка: «самою». Слово: «мѣста» въ рукописи пропущено. [3]Слово: «чина» въ рукописи пропущено. [4]Надъ словомъ: «суета» приписано: «хлопотня». [5]Сверху приписано подъ словомъ: «боялись»; «и тамъ чиновники, смотришь (sic), это все дрожитъ право». [6]Слово: «опускается» не дописано. Послѣ этого слѣдуютъ строки: «Да, балы, я вамъ скажу, тамъ бываютъ такіе! Ну, кушанье присылаютъ [прямо] изъ Лондона, такъ ужъ всѣ приготовленныя такъ, (какъ) слѣдуетъ. Да, батюшка, ему каждая десертная тарелочка, на которой подаются графскіе стаканы, (стоитъ по 10 тысячъ). Всѣ блюда подаютъ такія, что только слюну глотаешь. Какого-нибудь рябчика подадутъ только, который стоитъ милліонъ, или пирогъ эдакой, что самъ горячій, а въ срединѣ мороженое, холодное — вотъ какъ ледъ».

Стр. 103. [1]Приписано послѣ. [2]Слова: «это такой, что еще никогда не бывало, и во дворецъ»... приписаны сверху, между строкъ. [3]Слова: «и всѣ такія министерскія штуки отправляетъ» приписаны съ лѣваго боку; выноска отмѣчена знакомъ ⌗.

Стр. 104. [1]Слова: «вдругъ начнетъ этакъ разсказывать» и далѣе: «ничего» приписаны между строкъ. [2]Прежде было: «еще никогда не было такого ревизора»; но Гоголь собственноручно написанными цифрами измѣнилъ этотъ порядокъ словъ. [3]Слова: «не знаешь, что и дѣлается въ головѣ» приписаны между строкъ. Кромѣ того, передъ словами: «эдакъ чортъ знаетъ, что приходитъ» зачеркнуто: «тѣмъ», а послѣ нихъ: «на умъ»... «или тебя повѣсятъ».

Стр. 105. [1]Въ рукописи описка: «прохо». [2]Отсюда начинается 18-й листъ. Послѣ слова: «городничій» пропускъ, но потомъ ничего не вписано. [3]Послѣ этого зачеркнуто: «оно въ довольствѣ всего». [4]Послѣ этого зачеркнуто: «всего въ довольствѣ... Ну, что?»

Стр. 106. [1]Прежде было: «какія обстоятельства». [2]Въ рукописи описка: «да чинъ по побольшой». [3]Прежде было: «кричитъ этакъ». [4]Пропускъ въ подлинникѣ. [5]Прежде было: «чашечку». [6]Въ рукописи послѣ этого стоитъ еще слово: «много». [7]Слово «гмъ» приписано сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «хорошій человѣкъ, я вижу»... «Ты хорошій человѣкъ, это я вижу вотъ»...

Стр. 107. [1]Послѣ этого зачеркнута ремарка: «Всѣ уходятъ; занавѣсъ опускается». Затѣмъ, послѣ словъ: «Боже васъ сохрани» надъ словами: «кого-нибудь» сверху было приписано, но потомъ зачеркнуто: «особенно купцовъ».

Стр. 108. [1]Прежде было: «служителемъ». Слово: «служителемъ» написано сверху незачеркнутаго: «чиновникомъ». [2]Въ рукописи здѣсь очевидная описка; написано: «оставляетъ». [3]Послѣ этого зачеркнуто: «Мнѣ нравится, что даже деньги городничій [предложилъ] сейчасъ мнѣ занятъ». Послѣ слова: «городничій» здѣсь стоитъ неразборчивое слово; можетъ-быть: «предложилъ». Далѣе, передъ словами: «вмѣсто двухсотъ рублей» зачеркнуто:

«какъ я». [4] Слова: «да и къ чему же?» приписаны сверху вмѣсто зачеркнутыхъ: «зачѣмъ же»... «вм(ѣсто) того». [5] Слова «чтòжъ ему» и далѣе: «вѣдь у него, вѣрно, есть кромѣ того деньги» приписаны сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «Вѣть (sic) (чтò жъ) мнѣ [же] нужны деньги)». [6] Послѣ: «вѣдь не всѣ» зачеркнуто: «жъ я думаю». Послѣ словъ: «всѣ жъ», кажется, пропущено слово: «играютъ».

Стр. 109. [1] Слова: «И не то, чтобы какъ-нибудь накрашены карты — нѣтъ! вы съ собою принесите» приписаны сверху строки. [2] Прежде было: «нужно». [3] Пропускъ въ рукописи. [4] Въ рукописи описка: «и вытягивались». [5] Въ рукописи снова очевидная описка: «Не будутъ ли какія замѣчанія (по части) по почтовой части?»

Стр. 110. [1] Передъ словами: «Филипъ Артемьевичъ» зачеркнуто: «Смотри(тель)». [2] Передъ словами: «а теперь какъ-то» зачеркнуто: «думаю себѣ». [3] Прежде было: «Да, точно, въ училище заѣзжали»; но послѣднія два слова были зачеркнуты: «когда изволили заѣзжать въ училище». [4] Слова: «очень можетъ быть, Ваше...ство» написаны сверху зачеркнутыхъ: «Не смѣю прекословить»... «Вѣть (sic) и»... [5] Слово «долѣе» въ рукописи зачеркнуто. [6] Послѣ слова «входитъ» зачеркнуто: «чтò прикажете?» [7] Послѣднее написано неотчетливо.

Стр. 111. [1] Послѣ этого слово: «получилъ» приписано сверху строки. [2] Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова.

Стр. 112. [1] Прежде было: «можно». [2] Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «небыл(ицы)». [3] Послѣ этого зачеркнуто: «у него есть жена». [4] Послѣ этого зачеркнуто: «И та на судью похожа». [5] Слова: «это интересно» приписаны сверху строки. [6] Здѣсь, по оплошности автора, имя дѣйствующаго лица не измѣнено, соотвѣтственно измѣненію его во всей пьесѣ. [7] Въ рукописи явная описка: «кончено». [8] Сверху приписано: «не по хвастовству». Затѣмъ въ концѣ страницы на 14-мъ листѣ приписано: «А! Прощайте! Прощайте! Очень радъ съ вами познакомиться».

Стр. 113. [1] Послѣ словъ: «столъ передъ нами» зачеркнуто: «командовавшій». [2] Слово: «переведенъ» передѣлано изъ «опредѣленъ». [3] Прежде было: «Ива(на) Тарасовича». Передъ этимъ предлогъ *за* пропущенъ. [4] Слова: «сумятица такая, снѣгъ не снѣгъ, а не хорошо» приписаны сверху строки. [5] Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова. [6] Прежде было: «Потемкинъ».

Стр. 114. [1] Слово: «имя» въ подлинникѣ пропущено, но оно удѣлѣло во второй редакціи. [2] Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова; кажется: «при этомъ». [3] Тоже; кажется: «и еще какъ тогда напивали». [4] Тоже; впрочемъ, кажется, здѣсь было еще разъ написано слово: «одно». [5] Въ концѣ строки неразборчивое слово; повидимому: «можно».

Стр. 115. [1] Въ подлинникѣ: «слишкомъ», но, судя по второй редакціи, это описка, и слѣдуетъ читать: «*не* слишкомъ». [2] Здѣсь точки на мѣстѣ непрочитанныхъ словъ; написано, кажется: «правда, ничего».

Стр. 116. [1] Сверху приписано неоконченное слово: «пре(доставиться)».

Стр. 117. [1] Вся слѣдующая сцена написана позднѣе, болѣе крупнымъ почеркомъ, другими (вторыми) желтыми чернилами на оборотѣ 15-го листа, гдѣ послѣ прежнихъ двѣнадцати строкъ оставлено было довольно пустаго мѣста. [2] Послѣ этого зачеркнуто: «Такъ я прошу Ваше Превосходитель-

ство. Я посылаю прозьб(у)». [3] Пропускъ въ подлинникѣ. [4] Послѣ этого въ подлинникѣ оставленъ пробѣлъ. [5] Не дописано.

Стр. 118. [1] Опять пробѣлъ въ подлинникѣ. [2] Слова: «такъ искусно, какъ лучшій штукарь» приписаны сверху строки. [3] Слова: «дадутъ, сколько ни назначатъ» приписаны сверху зачеркнутыхъ: «проси, сколько угодно, дадутъ». [4] Слова: «Вѣдь эко въ самомъ» въ подлинникѣ зачеркнуты. [5] Въ рукописи описка: «впали». [6] Такъ въ рукописи. [7] Послѣднія два слова написаны весьма неразборчиво. Слово: «найдется» въ концѣ строки не дописано.

Стр. 119. [1] Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова: здѣсь было написано, кажется: «слышишь?» [2] Въ рукописи: «услышали», но по сличеніи со второй редакціей, гдѣ стоитъ: «ужъ слышали», описка становится очевидной.

Стр. 120. [1] Слово: «Обліотельству» приписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «благочи(н)ству». [2] Въ рукописи явная описка: «отъ купцовъ Арбахузина». [3] Передъ словомъ: «разсказать» зачеркнуто неразборчивое слово; повидимому: «сказать». Послѣ слова: «страшно» зачеркнуто: «Ей Богу, ваше сіятельство, какъ же это?» [3b] Послѣ этого слова: «все, что ни попадетъ» приписаны сверху. [4] Пропускъ въ подлинникѣ. [5] Слово неразборчивое. Н. С. Тихонравовъ въ своей рукописной копіи первоначальнаго наброска «Ревизора» дѣлаетъ замѣтку на поляхъ: «И люди»; но затѣмъ ставитъ знакъ вопроса и отвергаетъ это чтеніе приписки: «нельзя читать». [6] Послѣ этого слѣдуютъ неразборчивыя слова; повидимому: «и вотъ».

Стр. 121. [1] Слова: «не послушай» въ рукописи зачеркнуты. [2] Послѣ этого написаны въ концѣ строки неразборчивыя двѣ буквы. [3] Слово: «взятокъ» въ рукописи пропущено, а также *не* въ предложеніи: «вы этого не думайте». [4] Не дописано. [5] Конецъ слова написанъ неразборчиво: «сходится?»

Стр. 122. [1] Въ подлинникѣ: «я въ немъ и душою и тѣломъ»; но во второй редакціи правильно: «ни душой, ни тѣломъ».

Стр. 123. [1] Слово «дочь» въ подлинникѣ пропущено; послѣ слова: «сосватала» зачеркнуто: «ему». [2] Послѣ этого начинается листъ 17-й, передъ которымъ вырѣзано полъ-листа. [3] Въ рукописи явная описка: «не помѣшали ли *вы намъ?*» [4] Точки на мѣстѣ неразборчиваго слова (повидимому: «прибавили)». [5] Послѣ этого зачеркнуто: «какую еще никогда ник(то)»...

Стр. 124. [1] Пропускъ. Точки на мѣстѣ непрочитанныхъ словъ. [2] Послѣ этого зачеркнуто: «Какъ можно, чтобы она могла удостоиться. У васъ есть богатая, достойная партія. Вамъ нужна графиня или [княгиня». — «Все равно, сударыня, совершенно». [3] Слова: какъ вы меня пугаете» приписаны сверху строки. Прежде было: «право, я боюсь». [4] Прежде было: «княгиня». [5] Прежде было: «больше всего, нежели у графини». Потомъ сверху приписано: «должныхъ качествъ», но потомъ первое слово зачеркнуто. [6] Послѣ этого зачеркнуто: «я согласна...» «вотъ вамъ мое благословеніе». [7] Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова. Слово неразборчиво; можно прочесть только конецъ его: «стяхъ» (милостяхъ)?» [8] Въ рукописи: «вотъ вамъ Марья Антоновна!».

Стр. 125. [1] Послѣ этого зачеркнута ремарка: «цѣлуетъ руки». [2] Передъ этимъ зачеркнуто: «ужъ какъ называ(ютъ)». [3] Въ рукописи явная описка: «Марья Андреевна». [4] Слово не дописано; очевидно: «перемѣните». [5] Слово: «жену»

въ подлинникѣ пропущено. [6] Все предыдущее мѣсто, начиная отъ словъ: «Не помѣшали ли мы вамъ» (см. стр. 123, начало XIII явленія), написано на полулистѣ, вырѣзанномъ и находящемся у наслѣдниковъ. № 6. Здѣсь оканчивается первая страница № 5.

Стр. 126. [2] Слово это въ рукописи написано очень неразборчиво.

Стр. 127. [1] Вторая половина слова: «на(счетъ)» написана очень неразборчиво.

Стр. 128. [1] Слово: «такой» написано неразборчиво; передъ этимъ зачеркнуто: «у меня отъ рессоръ».

Стр. 129. [1] Послѣ этого въ рукописи очевидная описка; вторично написано: «тебя». [2] Снова описка: «проклятый» («племя проклятый» — sic!) [3] Послѣ этого зачеркнуто: «протоканалiи». [4] Прежде было: «не то, чтобы за простаго выдаемъ». [5] Переправлено изъ «Марья Андреевна».

Стр. 130. [1] Здѣсь опять описка: «А, Марья Андреевна?». [2] Слово: «лучше» въ рукописи пропущено. [3] Слова: «хорошо и красную» приписаны вмѣсто зачеркнутыхъ: «прикуси-ка язычекъ!» Передъ этимъ слова: «вишь чего» написаны вмѣсто зачеркнутыхъ: «много, голубушка». [4] Слово: «уже» повторено въ другой разъ. Предыдущая фраза прежде читалась такъ: «а тамъ уже то все другое, то уже ничего». [5] Точки на мѣстѣ неразборчивыхъ словъ; кажется: «дня два...» Послѣ словъ: «а тамъ» зачеркнуто: «лош(ади) никому не даются» и потомъ слѣдуютъ неразборчивыя слова; повидимому: «тебя». Послѣ этого слова: «вотъ что̀ хорошо», кажется, приписаны послѣ на пустое мѣсто. [6] Послѣ этого зачеркнуто: «а теперь».

Стр. 131. [1] Передъ этимъ большой пропускъ въ рукописи. [2] Слова: «семь чертей» приписаны вмѣсто зачеркнутыхъ: «вы оглобля». Прежде было такимъ образомъ: «Знаете ли, оглобля вамъ въ зубы». Послѣ этого зачеркнуто слово: «что». [3] Слово: «на» пропущено, но оно есть во второй редакціи. [5] Слова: «а кто тебѣ даровалъ медаль? Я доставилъ» приписаны между строкъ. Слова: «аршиномъ да плутнями» приписаны сверху строки; прежде было: «ты мальчишка, — каналья, начинаешь плутовать». Слово: «мальчишка» потомъ переправлено въ: «мальчишкой».

Стр. 132. [1] Послѣ этого зачеркнуто: «народъ — вотъ что̀; ты букварь свой аршиномъ [покупаешь] еще ты го[....]» «Еще»...» «ты еще считать...» [2] Слово: «мостъ» въ рукописи пропущено, но есть во второй редакціи. [3] Послѣ этого зачеркнуто: «видишь». [4] Прежде было: «показавши бы это на тебя». [5] Слово: «валяешься» приписано сверху зачеркнутаго: «ползаешь». Далѣе послѣ словъ: «у ногъ» зачеркнуто: «а будь». [6] Передъ словами: «не за какого-нибудь дворянина» зачеркнуто: «за то и то», а послѣ нихъ: «такъ вы у меня глядите въ оба».

Стр. 133. [1] Слово: «на» въ подлинникѣ пропущено. [2] Слова: «какое доброе этой бестiѣ (sic)» приписаны сверху, между строкъ. Передъ словомъ: «привалило» зачеркнуты слова: «щастье (sic) какое». [3] Слово: «слухъ» написано сверху зачеркнутыхъ словъ: «о чемъ говорятъ»; послѣ словъ: «носится по городу» зачеркнуто: «говорятъ, будто бы». [4] Въ рукописи здѣсь описка: «попросить не оставить васъ (sic) своими милостями всегдашними вашего покорнаго слугу», послѣ чего зачеркнуто: «а я всегда, если угод(но)».

Стр. 134 [1] Въ рукописи здѣсь стоитъ: Ивана Антоновича» (sic). [2] Въ рукописи: «Марью Андреевну».

Стр. 135. [1] Здѣсь въ рукописи опять: Марья Андреевна». [2] Эта ремарка въ рукописи пропущена. [3] Въ рукописи: «Марья Андреевна» (sic), а передъ этимъ зачеркнуто на ходу письма недописанное: «сударь(ня)». [4] Этой ремарки въ рукописи нѣтъ. Передъ этимъ слово: «мужемъ» не дописано.

Стр. 136. [1] Прежде было: «за пріѣзжаго чиновника». [2] Послѣ этого въ рукописи стоятъ незачеркнутыя слова: «что жъ женѣ...» [3] Такъ въ рукописи; вмѣсто: «Анну Андреевну». [4] Слово: «церкви» написано сверху, вмѣсто зачеркнутаго слова: «церкви». Передъ этимъ послѣ слова: «спѣшили» зачеркнуто: «я еще говорю къ...» [5] Въ рукописи описка; написано просто: «Петра Ивановича».

Стр. 137. [1] Это слово написано не вполнѣ отчетливо; но, кажется: «тонкимъ». [2] Слово: «дѣлу» въ рукописи пропущено, но оно есть во второй редакціи. Въ началѣ этой фразы по ошибкѣ дважды повторено слово: «онъ». [3] Этой ремарки въ рукописи нѣтъ. [4] Слова: «многихъ лѣтъ» написаны неразборчиво. [5] Прежде было: «черезъ два д(ня)», при чемъ слова: «два д(ня)» зачеркнуты. [6] Этой ремарки въ рукописи нѣтъ.

Стр. 138. [1] Этой ремарки въ подлинникѣ нѣтъ. [2] Въ рукописи: «все женское». [3] Въ рукописи слово *не* пропущено. [4] Послѣ этого зачеркнуто: «годится ея дочь благо»... [5] Передъ этимъ зачеркнуто: «куды! конечно!» [6] Въ рукописи здѣсь описка: «и сравнить нельзя этой нельзя». [7] Прежде было: «дѣлать вишневый квасъ, а то..» [8] Не дописано. [9] Слово не совсѣмъ разборчивое: «дозволяетъ» или «допускаетъ». [10] Слова: «о какой вы тамъ дряни говорите» приписаны вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «ничего. Я даже не знаю». Передъ этимъ предложеніемъ по ошибкѣ написано дважды: «этого», при чемъ первое зачеркнуто. [11] Послѣ этого зачеркнуто: «Если случатся дѣлишки какія, то не забудьте и окажите покровительство ваше». [12] Ремарки вездѣ опущены. [13] Въ рукописи сперва было: «Ахъ, ты, Антоша, говоришь и обѣщаешь»; потомъ слова: «ахъ» и «говорить» зачеркнуты, послѣ чего предъ словомъ: «обѣщаешь» приписано «всегда», а «обѣщаешь» переправлено въ «обѣщать», вслѣдствіе чего при этой измѣненной редакціи необходимо перенести изъ предыдущей фразы слово: «готовъ». Послѣ слова: «обѣщать» зачеркнуто: «тамъ тебѣ будетъ столько дѣлъ! да и гдѣ тебѣ думать объ этомъ!». [14] Въ подлинникѣ описка: «нѣкогда».

Стр. 139. [1] Слова: «знаю, что» написаны неразборчиво. [2] Въ рукописи прежде было: «котораго мы водили по всему г(ороду)», при чемъ всѣ послѣдніе слова зачеркнуты и оставлено только: «котораго»; Гоголь потомъ забылъ измѣнить падежъ этого слова, такъ что въ рукописи стоитъ: «котораго показывали всѣ заведенія въ городѣ». Послѣ этихъ словъ снова зачеркнуто: «Признаюсь вамъ, что...» [3] Слово «вы» по забывчивости автора въ подлинникѣ пропущено. [4] Послѣ этого зачеркнуто: «чортъ зна(етъ)...» [5] Послѣ этого зачеркнуто: «что такое? что такое?» [6] Слово: «почтмейстеръ» въ ремаркѣ пропущено. [7] Послѣ этого зачеркнуто: «А если я вамъ докажу, что...» [8] Въ рукописи описка: «захочу» — вмѣсто: «законопачу».

Стр. 140. [1] Прежде было: «Верхолетову-Скакунову». [2] Послѣ этого въ рукописи пустое мѣсто (листъ 20-й). [3] Послѣ этого зачеркнуто: «одинъ разъ». Потомъ послѣ слова: «заходили» зачеркнуто: «захотѣли». Слова: «въ одинъ трактиръ» приписаны послѣ, сверхъ строки. [4] Слово: «взаймы» въ

рукописи пропущено. Передъ словами: «вообрази себѣ» зачеркнуто: «только занимись, не успѣешь». [5] Послѣ этого зачеркнуто: «з гостепріимство такое». [6] Слово: «заведенія» въ рукописи пропущено. [7] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [8] Слова: «тамъ поописываешь, что...» зачеркнуты; вмѣсто нихъ сверху приписано: «мнѣ говорилъ». [9] Слово не дописано. [10] Эти слова въ выноскѣ, отмѣченной знакомъ ⌗.

Стр. 141. [1] Точки на мѣстѣ неразборчивыхъ словъ; кажется: «до кручи». [2] Ремарка въ рукописи пропущена. [3] Передъ этимъ зачеркнуто: «Охъ, Боже мой». [4] Прежде было: «какъ нарочно». [5] Точки на мѣстѣ непрочитанныхъ словъ: «на ходу (?) идутъ».

Стр. 142. [1] Слова: «да что толковать? ужъ хуже всего» написаны сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «ну, объ этомъ нечего говорить». [2] Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова; кажется: «знаетъ». [3] Здѣсь въ рукописи пропускъ. [4] Слова: «чтобы чортъ побралъ всѣхъ насъ вмѣстѣ» приписаны сверху, между строкъ. [5] Въ словахъ городничаго: «негодяе» приписано сверху строки. Обѣ реплики: попечителя богоугодныхъ заведеній и городничаго въ рукописи не отдѣлены, потому что ремарки вездѣ пропущены; но онѣ возстановлены во второй редакціи.

Стр. 144. [1] Ремарки вездѣ пропущены. [2] Не дописано. [3] Прежде было: «государств(енными)», но потомъ зачеркнуто на ходу письма.

Стр. 145. [1] Послѣ этого зачеркнуто: «Очень бы я»... Потомъ, на слѣдующей страницѣ, т.-е. на 25 листѣ, написано: «ну, не ходите, сударыня, сдѣлайте милость. Я васъ... Садитесь вотъ здѣсь. (Садясь). Право, я не знаю, мнѣ такъ нужно». [2] Не дописано. [3] Послѣ этого было: «еслибъ я былъ»... «какъ я»... [4] Сверху приписана неоконченная фраза: «Вы все такое»... [5] Не дописано. Послѣ слова: «много» зачеркнуто: «Стишки? да какіе стишки?» [6] Послѣ этого вновь зачеркнуто: «Стишки? да какіе стишки?» и далѣе также зачеркнуто: «Какіе прикажете? Я в(амъ)»... [7] Слово неразборчивое. [8] Не дописано. Сбоку на оборотѣ 21 листа приписано: «Ну, что прочесть? Хотите на(примѣръ)». [9] Слова: «я ужъ» въ рукописи зачеркнуты. [10] Слово: «вздоръ» зачеркнуто и вмѣсто него сверху приписано: «ничего». [11] Здѣсь въ рукописи пропускъ.

Стр. 146. [1] Въ рукописи: «видите: какія? Васъ...» [2] Эти слова въ рукописи зачеркнуты. [3] Эти строки зачеркнуты; сбоку приписана неоконченная фраза: «Вотъ видите: я пошутилъ, а вы ужъ...» [4] Эти строки зачеркнуты, а сбоку вновь приписана неоконченная фраза: «ну, сдѣлайте милость, садитесь»... [5] Послѣ этого зачеркнуто: «Я никогда о любви не говорила». [6] Пропускъ въ подлинникѣ. [7] Слова: «со мной шут(ить)» написаны внизу строки, но должны быть отнесены сюда. [8] Послѣ этого зачеркнуто: «это ничего». [9] Слово: «такъ» зачеркнуто и сверху приписано: «все равно, это такъ». [10] Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова; кажется: «представляется».

Стр. 147. [1] Слово: «отъ» въ рукописи пропущено. [2] Прежде было: «приходила». [3] Передъ этой фразой зачеркнуто: «я». [4] Слѣва приписано: «Э, што (sic) нибудь да не даромъ»; приписка отмѣчена знакомъ ⌗. [5] Слово: «Вняла» пропущено; зачеркнуто: «а спросилъ его потихоньку». [6] Въ рукописи: «это».

Стр. 148. [1] Не дописано: «Петръ Ивано(вичъ)» и потомъ оставленъ небольшой

пробѣлъ. [2] Не дописано. [3] Въ рукописи описка: «что»... [4] Послѣ этого внизу приписано: «осмотрѣть». Въ началѣ этой фразы послѣ словъ: «все обсмотрѣлъ» пропущено: «Я такъ»... [5] Послѣ этого зачеркнуто: «ей Богу». [6] Слово: «осмо(трительный)» не дописано. [7] Въ рукописи явная описка: «надъ лѣстницей». [8] Зачеркнуто: «Пропала моя головушка». [9] Сбоку приписано яркими чернилами, рѣзко отличающимися отъ желтоватыхъ, которыми написано остальное: «*Квартальный* (разбили лавку)». [10] Слова: «совсѣмъ напрасно» приписаны сверху строки (тоже яркими чернилами). [11] Зачеркнуто: «квартальные» и «по моему приказу». [12] Все напечатанное курсивомъ написано вторыми желтыми чернилами.

Стр. 149. [1] Прежде было: «порядкомъ». [2] Въ рукописи: «вино были (sic) очень хорошо». [3] Въ рукописи просто: «что»; по второй редакціи уже: «что-то». [4] Послѣ этого зачеркнуто: «весьма много выздоровѣли». [5] Слова: «какъ я» въ рукописи пропущены. [6] Послѣ этого опять приписано: «большой». [7] Слово: «что» пропущено; есть во второй редакціи.

Стр. 150. [1] Эти слова въ рукописи зачеркнуты. [2] Слова: «такъ, знаете, иногда недурные стишки напишутся къ какому-нибудь ходатаю» написаны сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «Иногда тамъ очень скоро напишешь — такъ изъ водевильчика и стишки». [3] Такъ въ рукописи. [4] Прежде было: «гораздо».

Стр. 151. [1] Послѣ этого зачеркнуто: «въ образованномъ ну...» [2] Это слово въ рукописи пропущено. [3] Въ рукописи: «назвать». Передъ словами Анны Андреевны: «Я воображаю» зачеркнуто: «Какъ право вамъ должно». [4] Послѣ этого зачеркнуто: «вездѣ балы». [5] Слово: «захотите» пропущено, но есть во второй редакціи. [6] Передъ этимъ предложеніемъ зачеркнуто: «если вдругъ».

Стр. 152. [1] Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова; должно быть: «меня». [2] Зачеркнуты слова: «пріятномъ»... «величественномъ». [3] Послѣ этого написано: «скажи Держимордѣ, чтобъ онъ укоротилъ немного цылъ руки, а (до) то онъ, я знаю, имѣетъ обыкновеніе для порядку всякаго — и праваго и неправаго — садить въ зубы». Сверху приписано и потомъ зачеркнуто: «какъ начнетъ». Послѣ этого зачеркнуто въ *текстѣ*, рядомъ съ словами: «садить въ зубы»: — «Конечно, народъ баловать не зачѣмъ». Потомъ продолжается: «усовѣщивать, да только не такъ же, по крайней мѣрѣ, (не) теперь (слишкомъ) пусть новоздержится». Слова: «не» и «слишкомъ» зачеркнуты. Далѣе зачеркнуто: «Послѣ него образинн у всѣхъ, какъ моченыя яблоки... если.» Снова продолжается незачеркнутый текстъ: «Боже сохрани, если у него команда будетъ съ красными носами или держаться за щеки». Потомъ всѣ послѣднія слова, начиная отъ слова: «команда» зачеркнуты и фраза посредствомъ приписанныхъ сверху словъ: «у команды» измѣнена такъ: «если у команды будутъ красные носы»... Послѣ слова: «красными» сверху приписано: «требухами». — Послѣ этого на слѣдующей страницѣ того же полъ-листа написано: «Ну, дѣлить-то я не хочу. Зачѣмъ же дѣлить, чортъ возьми! Ему дать другую куропатку» (это приписано тѣми же чернилами впослѣдствіи сверху строки). [4] Послѣ этого зачеркнуто: «А къ...»

Стр. 153 [1] Сверху приписана неоконченная фраза: «я вижу, что намъ обоимъ». [2] Точки на мѣстѣ непрочитанныхъ словъ. [3] Тоже. [4] Зачеркнуто: «персид-

ской (sic) съ цвѣтами». [5] Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова. [6] Прежде было: «самими (sic) непріятными».

Стр. 154. [1] Послѣ этого зачеркнуто: «поступки». [2] Передъ этимъ словомъ зачеркнуто: «этакъ;» послѣ него зачеркнуты фразы: «погуляешь...» «сдѣлаешь, знаешь, этакъ». [3] Слова: «сдѣлаешь, знаешь» взяты изъ предыдущей зачеркнутой фразы, къ которой относится это слово: «наблюденія». См. предыдущее примѣчаніе. [4] Слово: «нибудь» въ рукописи пропущено. [5] Передъ словами: «обчистилъ всего» зачеркнуто: «братъ совершенно». [6] Прежде было: «моему батюшкѣ». [7] Такъ въ подлинникѣ. [8] Слово не дописано: «доброд(ушіемъ)».

Стр. 155. [1] Это слово написано весьма неотчетливо. [2] Пропускъ въ подлинникѣ. Послѣ словъ: «я думаю» зачеркнуто: «что къ дочкѣ все-таки труднѣе: еще дальше». [3] Весь этотъ отрывокъ написанъ на послѣднемъ изъ вырѣзанныхъ листовъ № 6 (исписана одна вторая страница). Послѣ этого слѣдуетъ небольшой пробѣлъ и затѣмъ: «Меня возили и по разнымъ богоугоднымъ заведеніямъ и вездѣ и чортъ знаетъ» (послѣднія три слова написаны сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «и на другой день представлялись мнѣ въ мундирахъ») «чего ни показывали. Я ужъ даже и не помню. А на другой день представлялись мнѣ всѣ въ мундирахъ. Они, я думаю, почли меня за военнаго генералъ-губернатора. — Я таки имъ, съ своей стороны, подпустилъ пыли порядочно... Ты тамъ помѣщаешь»...

Послѣ этого на слѣдующей строкѣ:

«Я не могу» (прежде было: «не знаю») «тебѣ сказать, когда выѣду отсюда. Мнѣ очень нравится здѣшняя жизнь».

Послѣ нѣкотораго пробѣла продолжается:

«не только деньги, которыя были у меня для прогонъ (sic), но даже янтарный мундштукъ» (въ рукописи: «мунштукъ»), который купилъ я тебѣ, и ларчикъ, шлафрокъ новый и даже Пелевскіе сапоги — все перешло»... [4] Слово: «правилъ» въ рукописи пропущено.

Стр. 156. [1] Ремарки въ подлинникѣ нѣтъ. Послѣ слова: «свинья» зачеркнуто: «всегда». [2] Слово я въ подлинникѣ пропущено; но оно есть уже во второй редакціи.

Вторая редакція „Ревизора“.

(Стр. 157—248).

Вторая редакція «Ревизора» находится въ рукописи, принадлежащей наслѣдникамъ Гоголя. Рукопись не переплетена. Она состоитъ изъ 8 сшитыхъ тетрадей и двухъ вложенныхъ одинъ въ другой листовъ. Страницы перемѣчены самимъ Гоголемъ до окончательнаго устройства текста. Это видно: 1) изъ того, что послѣ 82-й страницы теперь въ рукописи слѣдуетъ 85-я: $^1/_2$ листъ, на которомъ помѣщались 83-я и 84-я страницы — вырѣзанъ; 2) изъ того, что между 126 и 127-й страницей наклеенъ $^1/_2$ листъ, не отмѣ-

ченный особою цифрою; первая страница онаго собственноручно написана Гоголемъ и содержитъ новый текстъ начала X явленія въ замѣнъ написаннаго на 127-й страницѣ (стр. 98—99 и прим. 1 къ стр. 99). Нумерація Гоголя оканчивается стр. 170; затѣмъ $^1/_2$ листъ вырѣзанъ, въ замѣнъ его вложены два неперенумерованные листа; за ними слѣдуетъ страница, занумерованная В. В. Думновымъ 171-ю (Убитъ). Всѣхъ перенумерованныхъ страницъ въ рукописи 175.

Въ первой тетради рукописи 13 поллистовъ, т.-е. шесть листовъ текста, были вложены въ особый седьмой листъ, на первой страницѣ котораго — заглавіе, написанное Гоголемъ собственноручно; вторая же половина заглавнаго листа, какъ пустая и помѣстившаяся передъ второю тетрадью текста, отрѣзана; во второй тетради 6 цѣльныхъ листовъ; въ 3-й тетради тоже 6 листовъ, но 2-й (стр. 53—54) поллистъ отрѣзанъ отъ 10-го (стр. 69—70). 3-й поллистъ (стр. 55—56) отрѣзанъ отъ 11-го (стр. 71—72); въ 4-й тетради только $5^1/_2$ листовъ, потому что въ ней вырѣзанъ пятый поллистъ (стр. 83—84), на которомъ написанъ былъ почти весь разсказъ о куропаткѣ (см. рукописную стран.); въ 5-й тетради шесть листовъ: въ ней второй поллистъ (стр. 101—102) отрѣзанъ отъ 9-го (стр. 115—116), третій (стр. 103—104) отъ 10-го (стр. 117—118), четвертый (стр. 105—106) отъ 11-го (стр. 119—120); въ шестой тетради $6^1/_2$ листовъ: въ ней 1-й поллистъ (стр. 115—116) отрѣзанъ отъ 11-го (стр. 143—144), 2-й поллистъ (стр. 117—118) отрѣзанъ отъ 12-го (стр. 145—146); кромѣ того между 126 и 127 страницею наклеенъ корнемъ на послѣднюю поллистъ, у котораго первая страница собственноручно написана Гоголемъ (ср. стр. 213—214); въ седьмой тетради шесть полныхъ листовъ; седьмая тетрадь состоитъ изъ $1^1/_2$ листовъ, начинается страницею 171-ю, первый поллистъ въ этой тетради вырѣзанъ. Въ рукопись вложенъ лоскутокъ, принадлежащій къ стр. 58-й.

О значеніи 2-й редакціи Н. С. Тихонравовъ говоритъ слѣдующее: «Прежде чѣмъ отдать «Ревизора» въ типографію и на театръ, Гоголь подвергаетъ только-что переписанную набѣло комедію совершенной переработкѣ,—и она, такимъ образомъ, дѣлается *основою* и первоначальнаго сценическаго текста, и перваго печатнаго изданія «Ревизора» (1836 г.). На бѣловую рукопись комедіи наносятся *собственною рукою* Гоголя многочисленныя передѣлки и по-

правки — сдѣланныя то карандашомъ, то чернилами. Прежде всего, нѣкоторыя дѣйствующія лица получаютъ новыя имена. Далѣе, передѣлываются отдѣльныя выраженія и отдѣльныя мѣста пьесы. Цѣлыя явленія получаютъ новую обработку (напр. седьмое и восьмое втораго дѣйствія). Четвертое дѣйствіе подвергается полной перестройкѣ; въ немъ измѣняется и послѣдовательность сценъ. Изъ 17 явленій четвертаго дѣйствія этой редакціи въ сценическомъ текстѣ удерживается только 14: исключены пятое, шестое и восьмое явленія; изъ 12-го явленія того же дѣйствія выкинута роль *унтеръ-офицерши:* эта роль будетъ возстановлена не ранѣе, какъ въ послѣдней — классической редакціи «Ревизора», по которой комедія изучается теперь въ школахъ. Въ пятомъ дѣйствіи исключены монологи Погоняева и его жены, купцовъ; дана новая редакція заявленію почтмейстера и письму Хлестакова».

Кромѣ того, слитіе второй редакціи «Ревизора» съ предшествующимъ первоначальнымъ наброскомъ убѣждаетъ насъ, что именно въ ней въ первый разъ получили опредѣленный и яркій характеръ многія частности, едва намѣченныя въ первоначальномъ наброскѣ. Мы замѣчаемъ это уже съ перваго явленія перваго акта, гдѣ, кромѣ городничаго, всѣ остальныя дѣйствующія лица говорятъ почти однѣ только безцвѣтныя, отрывочныя фразы, и характеры ихъ являются пока далеко не обрисованными. Въ первоначальномъ наброскѣ городничій обращается къ своимъ подчиненнымъ слишкомъ уже въ оффиціальномъ тонѣ («во-первыхъ вы, господинъ попечитель богоугодныхъ заведеній», «приближьтесь немного, Антонъ Антоновичъ» или: «Теперь пожалуйте вы, Макаръ Николаевичъ»[1]), при которомъ вполнѣ естественны ихъ лаконическіе отвѣты, недостаточные для ихъ живой и яркой характеристики; тогда какъ во второй редакціи — зритель видитъ передъ собой уже сравнительно болѣе равноправное совѣщаніе чиновниковъ о томъ, какъ имъ вмѣстѣ избыть общую бѣду. Далѣе, въ противоположность первоначальному наброску, гдѣ рѣчь идетъ то о ревизіи всей Россіи[2]) и лишь *преимущественно* той губерніи, гдѣ совершается дѣйствіе, то *только* этой губерніи, — *теперь* центръ дѣйствія переносится именно въ данный уѣздъ, который и составляетъ главную цѣль ревизіи. Любопытно, что въ первоначальномъ наброскѣ изъ чиновниковъ только

---

[1]) См. выше, стр. 66 и 67.

[2]) Въ письмѣ Пушкина; см. стр. 66.

и говоритъ сколько-нибудь—соотвѣтствующій позднѣйшему Артемію Филипповичу Антонъ Антоновичъ, что̀ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ лишь позднѣйшаго выясненія для самого автора этой личности, которая въ ея позднѣйшей обрисовкѣ больше всего и отличается именно своей немногословной дѣловитостью, соединенной съ подьячествомъ. Послѣдняя черта, впрочемъ, выступаетъ уже довольно отчетливо и въ первоначальномъ наброскѣ, гдѣ онъ представленъ чиновникомъ себѣ на умѣ, больше всего заботящимся о собственныхъ выгодахъ и наградахъ; такъ, онъ не хочетъ выписывать для больныхъ дорогихъ лѣкарствъ, разсуждая такимъ образомъ: «лучше же сберегу я казенный интересъ и уменьшеньемъ расходовъ увеличу сумму. Тогда и начальство, *видя мое усердіе*, безъ сомнѣнія, *представитъ меня къ ордену*, въ поощреніе прочимъ (*обращаясь къ Христіану Ивановичу*), то есть я разумѣю, что при этомъ и вамъ будетъ какое-нибудь благоволеніе»[1]). Аммосъ Ѳедоровичъ въ первоначальномъ наброскѣ еще не высказываетъ своихъ неудачныхъ соображеній о причинѣ внезапной ревизіи и вообще не пускается въ свое позднѣйшее неудачное резонерство, и эта черта является уже *во второй редакціи* и въ первоначальномъ сценическомъ текстѣ (1836 года), гдѣ онъ изображенъ также уже страстнымъ охотникомъ и дешевымъ вольнодумцемъ[2]). Лука Лукичъ также только во второй редакціи проявляетъ свой робкій характеръ, восклицаніемъ: «эка, право, хлопотливое дѣло!»[3]). Наконецъ, какъ уже сказано выше, при передѣлкѣ Гоголь особенно заботливо устранялъ излишества и мелкіе карикатурные штрихи (о развѣшиваніи онучъ въ зданіи суда, о подсудкѣ, который въ первый же день службы нагрузился такъ, что «проспалъ на стулѣ все время, зацѣпившись (sic) ноздрею за свой мезинный палецъ», и объ учителѣ краснорѣчія, сопровождавшемъ плевками объясненія о прекрасномъ и изящномъ[4]). Далѣе во второй редакціи устранены изъ первоначальнаго наброска нѣкоторыя преждевременныя разъясненія устами однихъ дѣйствующихъ лицъ характеровъ другихъ, напр. въ слѣдующихъ словахъ городничаго о Бобчинскомъ: «этотъ болтунъ успѣлъ уже вездѣ побывать»

[1]) См. стр. 67 и 161.

[2]) Въ связи съ этимъ позднѣе, во второй редакціи (стр. 162) и въ печатныхъ редакціяхъ, внесено замѣчаніе городничаго судьѣ объ арапникѣ (см. т, II, стр. 203).

[3]) См. выше стр. 164.

[4]) См. стр. 67, 69, 163 и пр.

или сознаніе его о самомъ себѣ: «Теперь ужъ *черезчуръ нахваталъ*. Городокъ-таки, нечего сказать, *прикрутилъ порядочно*. Вѣдь вотъ, что̀ худо, что онъ-то инкогнито; это, я вамъ скажу, просто прескверно: онъ можетъ услыхать такое, чего бы не хотѣлось, чтобъ онъ услышалъ. Купцы и мѣщане на меня страхъ озорятся»[1]). Нельзя не замѣтить, что такая откровенность начальника представляется болѣе возможной при измѣненной редакціи, гдѣ онъ не впадаетъ въ тотъ оффиціальный тонъ, который составляетъ въ первоначальномъ наброскѣ такое явное противорѣчіе съ этимъ открытымъ покаяніемъ. Также не совсѣмъ соглашена съ предыдущимъ и слѣдующая подробность въ первоначальномъ наброскѣ: «Я, признаюсь вамъ, имѣю основательныя причины думать: не жаловался ли кто-нибудь на меня? Отчего же въ самомъ дѣлѣ Божья напасть, и именно *на нашъ городъ?*»[2]), тогда какъ, какъ выше было отмѣчено, передъ этимъ говорится о серьезномъ предписаніи «осмотрѣть *всѣ губерніи*, а болѣе всего *нашу*»[3]) (*губернію*, а вовсе не данный именно *уѣздный городъ?*»). Характеръ почтмейстера во второй редакціи также выступаетъ опредѣленнѣе, и его наивная догадка: «война съ турками будетъ»[4]) вмѣстѣ съ поспѣшнымъ отреченіемъ отъ нея придаетъ его изображенію бо́льшую рельефность. Но и здѣсь еще Гоголь заставляетъ его говорить, что онъ при извѣстіи о ревизорѣ чувствуетъ «небольшую какъ будто лихорадку»[5]); тогда какъ въ послѣднихъ редакціяхъ вмѣсто этого ярче выступаетъ его комически-беззаботная развязность — уже при самомъ появленіи на сцену, когда онъ, немного опоздавъ на совѣщаніе, еще не совсѣмъ понимая угрожавшую опасность, спрашиваетъ: «изъясните, господа, что̀, какой чиновникъ ѣдетъ?» Далѣе исключено нѣсколько сбивающееся на фарсъ упоминаніе городничаго о сверчкѣ въ ухѣ, точно такъ же, какъ и повтореніе этого въ слѣдующей сценѣ[6]). Еще болѣе любопытны измѣненія въ послѣдующихъ сценахъ; напр. въ третьей сценѣ первоначальнаго наброска дѣло представляется такимъ образомъ, что городничій тотчасъ узнаетъ по разсказу Бобчинскаго, о комъ именно

---

[1]) См. выше, стр. 70.
[2]) Тамъ же.
[3]) Стр. 66.
[4]) Стр. 164 и 165.
[5]) Стр. 165.
[6]) Стр. 71 и 73.

тотъ говорилъ и кого принялъ за ревизора: онъ уже самъ замѣтилъ этого молодаго человѣка, расхаживавшаго по городу съ тросточкой. Никакого сомнѣнія въ справедливости догадки Бобчинскаго у городничаго здѣсь не возникаетъ[1]). Далѣе въ противоположность позднѣйшему изображенію городничаго человѣкомъ, привыкшимъ дѣйствовать самостоятельно и на свой страхъ («нѣтъ, нѣтъ, позвольте ужъ *мнѣ самому*. Бывали трудные случаи въ жизни, сходили, еще даже и спасибо получалъ»[2]), — въ первоначальномъ наброскѣ онъ, изображенный потомъ повсюду вполнѣ активнымъ руководителемъ своихъ подчиненныхъ, напротивъ обращается къ нимъ же за совѣтомъ: «какъ вы присовѣтуете? что, то есть, что намъ дѣлать? Какъ, то есть, какъ приступить къ этому?»[3])—что снова противорѣчитъ тому тону почти оффиціальныхъ распоряженій, который присутствующіе только-что слышали изъ его устъ. Далѣе, въ первоначальномъ наброскѣ почтмейстеръ первый даетъ городничему совѣтъ отправиться къ Хлестакову въ гостинницу, тогда какъ въ слѣдующихъ редакціяхъ эта роль,— что послѣдовательнѣе, — дана практическому Артемію Филипповичу; тамъ эта подробность превосходно гармонируетъ съ общимъ изображеніемъ смотрителя богоугодныхъ заведеній, — здѣсь мы встрѣчаемъ въ почтмейстерѣ проявленіе свойственной этому лицу наивности рядомъ съ едва ли подходящей къ его характеру энергичной практичностью: «вы, какъ первенствующее лицо, впередъ, *а мы тоже какъ хорошіе люди*[4]), за вами» и только уже, послѣ того какъ городничій замѣчаетъ явную непримѣнимость этого совѣта въ отношеніи къ инкогнито, послѣдній начинаетъ дѣйствовать самостоятельно и руководить другими.

Гораздо ярче и совершеннѣе съ самаго начала обрисованы характеры Анны Андреевны, Маріи Антоновны, а особенно Осипа (при изображеніи послѣдняго впослѣдствіи не произошло никакихъ замѣтныхъ перемѣнъ; внесены только мелкія характерныя подробности въ родѣ передразниванія Осипомъ барина, не мало способствующаго оживленію и разнообразію формы изложенія въ извѣстномъ монологѣ).

---

[1]) Стр. 73.
[2]) Стр. 169 и т. II, стр. 210.
[3]) См. выше, стр. 73.
[4]) Тамъ же.

Необходимо обратить вниманіе на то, что уже многія изъ перемѣнъ при переработкѣ первоначальнаго наброска во вторую редакцію, доказывая твердое намѣреніе автора очистить текстъ отъ всего лишняго, въ то же время свидѣтельствуютъ о весьма строгомъ отношеніи его къ своему труду. На ряду съ опущеніемъ при передѣлкахъ карикатурныхъ чертъ, напр. въ соображеніяхъ Хлестакова о непріятной перспективѣ тюремнаго заключенія — о томъ, какъ его поведутъ на веревочкѣ, о томъ, что городничій, Богъ дастъ, ограничится только выговоромъ ему, что надо бы «потихоньку пройтить подъ стѣнкою», и проч.[1]) — опускаются также сами по себѣ характерныя подробности. Укажемъ нѣсколько примѣровъ изъ первоначальныхъ редакцій. Въ сценѣ Хлестакова съ городничимъ, въ минуту распеканія послѣдняго первымъ, перетрусившій, безмолвный до сихъ поръ Добчинскій неожиданно вскрикиваетъ: «Я ничего, ничего, совершенно ничего... Я Петръ Ивановичъ Добчинскій;»[2]) опущены наставленія Анны Андреевны дочери, какъ слѣдуетъ дѣлать глазки[3]), а въ послѣднемъ дѣйствіи — ея безцеремонное заявленіе въ глаза всѣмъ гостямъ, что она не желаетъ жить въ уѣздномъ городѣ съ медвѣдями: «Мы *сейчасъ* переѣзжаемъ въ Петербургъ; мужу моему тамъ откроется мѣсто, потому что нашъ будущій зять тамъ большой вѣсъ имѣетъ. Да и, признаюсь, что̀ за жизнь тутъ? Съ кѣмъ жить? Съ медвѣдями!»[4]); также ея увѣреніе, будто бы она никогда и не слышала о капустѣ; комическое замѣчаніе Хлестакова: «Я очень люблю въ хорошей комнатѣ: гораздо лучше, чѣмъ въ дурной;»[5]) разсказъ его о зависти старика, директора учебнаго заведенія, его успѣхамъ по части волокитства, говорившаго каждый разъ при встрѣчѣ съ нимъ: «Злодѣй, каналья, счастливецъ!»; или сообщеніе Аннѣ Андреевнѣ, что у него «и секретарь есть свой, да только *остался въ Петербургѣ;*»[7]) наконецъ характерная ремарка о почтмейстерѣ, приготовляющемся разувѣ-

[1]) См. стр. 85 и 181.

[2]) Стр. 87.

[3]) См. особенно выше, стр. 622, примѣч. 3-ье.

[4]) Стр. 136.

[5]) Стр. 88.

[6]) Стр. 110 и 213.

[7]) Стр. 128. Ср. на стр. 100: «Я хоть говорилъ, что держу двѣ лошади, но у меня своихъ есть еще шесть» и о зеркальныхъ дверяхъ передъ лѣстницей; въ свою очередь, во второй редакціи — о горячемъ пирогѣ съ мороженнымъ въ серединѣ стр. 201), анекдотъ о куницѣ (стр. 198—199).

рить городничаго въ его величіи и могуществѣ: «двигается плечемъ, какъ будто пляшетъ и наигрываетъ»[1]), — все это показываетъ, какъ много живыхъ и любопытныхъ штриховъ опущено было уже тогда авторомъ въ интересахъ большей стройности и художественности произведенія. При передѣлкахъ Гоголь особенно заботливо устранялъ также встрѣтившіяся небольшія повторенія, напр. заявленіе зазнавшейся Анны Андреевны о томъ, что она не хочетъ оставаться жить съ «медвѣдями» (см. стр. 136 и 138, а также 131, гдѣ она говоритъ, что не хочетъ имѣть кареты голубаго цвѣта, потому что такая есть у полковницы: «я не полковница; я на полковницъ и смотрѣть не хочу»), разсужденіе городничаго о неподобающей важному лицу худобѣ Хлестакова (стр. 105 и 142), разсказы Добчинскаго о нападеніяхъ на него собакъ (стр. 92 и 136) и проч.

Въ свою очередь, во второй редакціи часто оказываются не устраненными еще карикатурные штрихи первоначальнаго наброска, напр. въ заключительныхъ словахъ сцены передъ приходомъ городничаго: «О, не поддаваться! Ей Богу, не поддаваться!» и въ слѣдующей сценѣ: «Ей Богу, не поддаваться! Взять въ руки эту бутылку, и если что̀, то, ей Богу, бутылкою;»[2]) также его разсказъ о кулѣ съ перепелками и проч.; частью же вновь внесены были въ варіантахъ, въ числѣ другихъ, новыя нѣсколько карикатурныя подробности, позднѣе устраненныя, напр. разсказъ Хлестакова о томъ, какъ его неожиданно привезли съ завязанными глазами къ очаровательной знатной дамѣ и какъ онъ все-таки увидалъ при входѣ на лѣстницѣ вазы, какъ однажды онъ яко бы находчиво отвѣтилъ на глупую дерзость фата, встрѣтившагося ему «въ высшемъ обществѣ»[3]). Исключена также сцена его съ Гибнеромъ[4]). Перенесено въ нѣсколько измѣненномъ видѣ въ другое произведеніе, именно въ «Отрывокъ», его размышленіе наединѣ съ собой о собственной красотѣ («Гм! гм! хорошо! хорошо! Да оно, если разсудить, есть таки, на что заглядѣться! Кусишко довольно лакомый! Гм, хорошо, хорошо!»[5]).

---

[1]) Стр. 139.

[2]) Стр. 181 и 183.

[3]) См. выше, стр. 625.

[4]) См. стр. 218.

[5]) Стр. 179 и т. II, стр. 481 и 477. Также сцена первоначальнаго наброска съ Погояевымъ слита со сценой съ Артеміемъ Филипповичемъ Земляникой (ср. 115 и т. II, стр. 253).

Всѣ указанныя измѣненія и передѣлки объясняютъ намъ важное значеніе второй редакціи (разумѣется, впрочемъ, меньшее сравнительно съ замѣтками Гоголя на печатномъ экземплярѣ перваго изданія «Ревизора»), какъ промежуточнаго звена между первоначальнымъ наброскомъ и первымъ вполнѣ обработаннымъ печатнымъ текстомъ 1836 года. Указанное, такъ сказать, центральное значеніе второй редакціи и даетъ ей большой интересъ при изученіи исторіи текста комедіи[1]).

Въ заключеніе перечислимъ главныя редакціи «Ревизора»: первоначальный набросокъ, см. выше, стр. 65—143; вторая редакція (1836 г.) стр. 159—248, и «Царь Колоколъ», 1892, III), первоначальный сценическій текстъ — *также 1836 г.* (изд. Тихонравова);[2]) первая печатная редакція; принадлежавшій А. А. Иванову собственный экземпляръ Гоголя этой редакціи съ позднѣйшими исправленіями, сдѣланными рукою В. А. Панова въ Римѣ зимой 1840—1841 года и собственноручно авторомъ — съ марта 1841 г. по іюль 1842 г.[3]), наконецъ редакція 1841 и 1842 г. (Кромѣ того отдѣльные наброски и передѣлки сценъ). Далѣе слѣдуютъ уже «Развязка Ревизора», «Дополненіе къ Развязкѣ Ревизора» и проч.

Стр. 158. [1] Слово: «Прочуханскій» зачеркнуто и сверху приписано: «Дмухановскій». [2] Послѣ этого между строкъ приписано: «Лука Лукичъ Хлоповъ, смотритель училища». [3] Вмѣсто зачеркнутаго: «Припекаевъ» сверху написано: «Ляпкинъ Тяпкинъ». [4] Вмѣсто зачеркнутаго: «Ляпкинъ Тяпкинъ» сверху приписано: «Земленика (sic)». [5] Эта вся строка потомъ была зачеркнуса. выше, примѣч. второе. [6] Шпекинъ переправлено потомъ, кажется, изъ Пчекинъ или Псекинъ. [7] Слова: «Илья Ильичъ Погоняевъ» потомъ зачеркнуты. [8] Слово: «квартальные» зачеркнуто и сверху приписано: «полицейскіе». [9] Передъ словомъ: Держиморда—вмѣсто зачеркнутаго: «Кнутъ» сбоку приписано: «Иконописцевъ»; послѣ слова: «Держиморда» между строкъ приписано: «Авдулинъ купецъ». [10] Эта строка потомъ была зачеркнута. [11] Послѣ этого между строкъ приписано: «и гостьи».

Стр. 159. [1] Слова: «вотъ и Артемія Филипповича и Аммоса Ѳедоровича, Луку Лукича и Христіана Ивановича» въ рукописи зачеркнуты. Въ слѣдующемъ

---

[1]) Нѣкоторыя подробности о другихъ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ Гоголемъ въ „Ревизорѣ“ при позднѣйшей его переработкѣ, желающіе могутъ найти въ 8 томѣ моихъ „Матеріаловъ для біографіи Гоголя“ (стр. 466—478), а объ исполненіи „Ревизора“ на сценѣ — тамъ же, далѣе (стр. 505—525).

[2]) Н. С. Тихонравовъ предполагаетъ также существованіе цензурнаго экземпляра сценическаго текста, какъ одну изъ промежуточныхъ редакцій «Ревизора» (См. т. II, стр. 652, примѣч.).

[3]) Т. II, стр. 638.

предложеніи слово: «одно» въ изданіи 1836 г. пропущено, но въ рукописи оно есть. [2] Слова: «чиновникъ инкогнито?» въ рукописи зачеркнуты и сверху собственноручно приписано другими чернилами: «изъ Петербурга?» Эта поправка внесена въ сценическій текстъ (см. стр. 1). [3] Слова: «изъ Петербурга» въ рукописи зачеркнуты. [4] Эти слова въ рукописи зачеркнуты; вмѣсто нихъ сверху приписано: «инкогнито?» При имени *Лука Лукичъ* здѣсь въ рукописи позднѣе и другими чернилами приписана ремарка: «въ испугѣ». Эта прибавка внесена въ сценическій текстъ (см. стр. 1). [5] Здѣсь въ рукописи послѣ слова: «сегодня» стоитъ зачеркнутое слово: «вовсе». [6] Эти строки въ рукописи зачеркнуты и сверху приписано: «какія-то этакія двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины». Приписка внесена въ сценическій текстъ (см. стр. 2). [7] Слова: «какія-то этакія необыкновенныя собаки, черныя, не борзыя, однакожъ, и не лягавыя» въ рукописи зачеркнуты. [8] Слово: «Пшекина» зачеркнуто и сверху приписано: «Чмыхова». Такъ же читается и въ сценическомъ текстѣ (стр. 2). [9] Послѣ этого въ рукописи карандашомъ прибавлена собственноручно сверху строки ремарка: «читаетъ» [10] Это слово въ рукописи зачеркнуто.

Стр. 160. [1] Это слово въ рукописи зачеркнуто и сверху приписано слово: «легкой». Эта поправка внесена въ сценическій текстъ (см. стр. 2). [2] Послѣднее предложеніе въ рукописи пропущено. Кромѣ того весь текстъ письма почему-то перечеркнутъ карандашомъ. [3] Слова: «Артемія Филипповича» въ рукописи зачеркнуты. [4] Слово: «это» въ рукописи переправлено чернилами въ: «зачѣмъ же?» Такъ же и въ сценическомъ текстѣ (см. стр. 3). [5] Вся эта рѣчь городничаго впослѣдствіи зачеркнута и между строками приписано: «Нѣтъ, Аммосъ Федоворочъ (sic). Вы хоть и ученый человѣкъ, но не туда попали» (прежде было: «не съ той точки смотрите»)... «Гдѣ нашему уѣздному городишкѣ! Если-бы онъ былъ пограничнымъ, еще бы какъ нибудь возможно предположить; а то стоитъ чортъ знаетъ гдѣ, — въ глуши... Отсюда“ (сбоку приписано: «хоть три года ѣдь“, причемъ передъ словомъ *хоть* сначала было зачеркнутое потомъ слово: «отсюда») «ни до какого государства не доѣдешь». Выноска въ рукописи обозначена такъ: ∓.

Стр. 161. [1] Это мѣсто передѣлано такъ: первыя строки («Ну, теперь и намъ — я уже») зачеркнуты чернилами. Взамѣнъ ихъ приписано сверху собственноручно: «нѣтъ, нѣтъ. Объ этомъ и толковать нечего: Я, господа, собралъ васъ нарочно»... Слѣдующія строки при передѣлкѣ получили такой видъ: «*По* своей части, то-есть въ отношеніи устройства городоваго и полиціи *я уже кое-какъ распорядился**; совѣтую и *вамъ также* поступить»**. Эти поправки внесены въ первоначальный сценическій текстъ (стр. 4). [2] Слова «къ ордену» зачеркнуты; сверху собственноручно: «къ *отличію*». [3] Это мѣсто («Мы уже съ Христіаномъ Ивановичемъ» — «т.-е. я разумѣю, что») зачеркнуто карандашомъ. Передѣлка ограничилась прибавкою въ началѣ фразы:

---

*) Прежде было написано: „я сдѣлалъ кое-какія распоряженія; совѣтую и вамъ то“.

**) Курсивомъ набраны собственноручныя приписки автора.

«О, у насъ больные долго не залеживаются». Остальныя исправленія, внесенныя въ первоначальный сценическій текстъ «Ревизора» (стр. 4), не отмѣчены въ печатаемой рукописи. [4] Не дописано. [5] Слова: «ну, какъ знаете. Теперь я» зачеркнуты (сц. текстъ, стр. 5).

Стр. 162. [1] Послѣ этого сверху строки собственноручная приписка: «если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, что у него природный запахъ». Эта приписка внесена въ сцен. т. (стр. 6). [2] Эта фраза («Впрочемъ» — «запахъ») зачеркнута; сверху собственноручно: «Кто его знаетъ». [3] Послѣ этого приписано: «точно». [4] Слово: «его» зачеркнуто. [5] Послѣдняя фраза передѣлана такъ: «и съ того времени *отъ него* отдаетъ *немного* водкою». Всѣ эти измѣненія (2, 3, 4, 5) внесены въ сценическій текстъ (стр. 6). [6] Слово «же» приписано Гоголемъ: оно, очевидно, было пропущено писцомъ. [7] Собственноручная передѣлка: «*Чтожъ* вы *полагаете,* Антонъ Антоновичъ, грѣшками?» внесена въ сценическій текстъ (стр. 6). [8] Хотя это мѣсто («грѣшки»—«какъ вамъ извѣстно») и зачеркнуто карандашомъ, какъ намѣченное къ передѣлкѣ, но она ограничилась прибавкой слова: «Я» передъ: «беру». Зачеркнутое было возстановлено и внесено въ сценич. текстъ (стр. 6—7) безъ перемѣнъ.

Стр. 163. [1] Въ рукописи это мѣсто («э, нѣтъ» — «да»...) зачеркнуто карандашомъ. [2] Эти слова: «какъ его?» въ рукописи зачеркнуты. [3] Тоже. [4] Вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «я этого не знаю» сверху собственноручно приписано: «объ этомъ я не могу судить». [5] Весь этотъ отрывокъ до словъ: «то же я долженъ вамъ замѣтить» въ рукописи зачеркнутъ чернилами. [6] Сюда относится выноска карандашомъ внизу страницы: «Ахъ, Боже мой! у меня это совсѣмъ изъ ума вышло», послѣ чего снова, въ серединѣ строки, значится: «городничій».

Стр. 164. [1] Начало словъ Луки Лукича зачеркнуто въ рукописи карандашомъ до словъ: «право, я не знаю, что и дѣлать». Послѣ этого слѣдующее предложеніе зачеркнуто чернилами и чернилами же приписано послѣ слова: «дѣлать»—«съ нимъ». [2] Эти слова городничаго, кончая словомъ: «замѣтно», въ рукописи зачеркнуты. [3] Слова: «анъ кто здѣсь? Анъ тутъ мы, голубчики» зачеркнуты и сверху приписано: «а вы здѣсь, голубчики?» [4] Послѣ этого позднѣе и другими чернилами приписано сверху строки: «скажетъ». [5] Слова: «Ляпкинъ-Тяпкинъ, Ляпкина-Тяпкина, Земленика, Земленику» вписаны собственноручно Гоголемъ на оставленныхъ пустыхъ мѣстахъ. [6] См. предыдущее примѣчаніе. [7] Слово: «здѣсь» въ рукописи зачеркнуто. [8] См. 5 примѣчаніе. [9] Тоже. [10] Эти слова въ рукописи зачеркнуты карандашомъ. [11] Въ этой фразѣ впослѣдствіи было зачеркнуто: «сегодня». Потомъ, послѣ слова: «онъ», было сверху приписано: «только-что» и затѣмъ эти слова опять зачеркнуты. [12] Послѣ этого позднѣе поставленъ знакъ ⌗ и приписано сбоку страницы:

«*Аммосъ Ѳедоровичъ.* Въ одно слово! Я самъ то же думалъ». Эта прибавка внесена въ сценическій текстъ (см. стр. 10).

Стр. 165. [1] «Французъ гадитъ» переправлено собственноручно авторомъ изъ: «французы гадятъ». [2] Слова: «небольшую какъ будто лихорадку, а вы» въ рукописи зачеркнуты. [3] Передъ словомъ: «боитесь» приписано сверху строки: «а вы очень?» Приписка внесена въ сценическій текстъ. [4] Все

это мѣсто позднѣе было зачеркнуто чернилами; послѣ словъ: «болѣзни-то нѣтъ» сверху собственноручно приписано: «но купечество и гражданство... Я (имъ), признаюсь, имъ» (это слово, передъ тѣмъ только-что зачеркнутое, здѣсь снова приписано сверху строки) «нѣсколько солоно» (имъ, — это слово опять повторено и зачеркнуто) «пришелся (такъ что послѣ меня ужъ врядъ ли кто чемъ (sic)-нибудь съ нимъ поживится»). Они, я знаю, (на меня) теперь (такъ), какъ коршуны, готовы (меня) въ щепки» (прежде было: «въ пухъ») «меня всего затрепать, только» (прежде было: «такъ что») «перья (только) полетятъ во всѣ стороны». [5] Слова: «объ этомъ не безпокойтесь» зачеркнуты и сверху собственноручно приписано зачеркнутое потомъ слово: «понимаю»; далѣе слѣдуютъ незачеркнутыя слова: «знаю, знаю». Послѣднія слова: «знаю, знаю» внесены въ сценическій текстъ (стр. 12). [6] Слово «всегда» въ рукописи зачеркнуто. [7] Слово «а» собственноручно переправлено потомъ Гоголемъ въ «ибо».

Стр. 166. [1] Всѣ слова почтмейстера, кончая словами: «нежели въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ рукописи зачеркнуты потомъ карандашомъ. [2] Слово: «начитывали» зачеркнуто карандашомъ и сверху карандашомъ же авторъ приписалъ: «встрѣчали». [3] Всѣ предыдущія слова почтмейстера въ рукописи зачеркнуты. [4] Позднѣе переправлено: «то сей же часъ его ко мнѣ». Слова: «также если какая-нибудь жалоба или донесеніе, то задерживайте» позднѣе измѣнены такимъ образомъ: первыя четыре слова зачеркнуты; вмѣсто зачеркнутаго «также» Гоголемъ написано сверху «и»; послѣ слова *то*, сверху между строкъ, приписано: «безъ всякихъ разсужденій». [5] Слово: «задержите» позднѣе переправлено рукою Гоголя въ: «задерживайте». [6] Позднѣе, сверху собственноручно приписано другими чернилами: «большимъ» («съ большимъ удовольствіемъ»). Эти поправки (4, 5, 6) внесены въ сценическій текстъ (См. стр. 13). Потомъ зачеркнуто и это, и приписано собственноручно карандашомъ: «ахъ, Боже мой!» Всѣ предыдущія слова Аммоса Ѳедоровича въ рукописи зачеркнуты позднѣе карандашомъ. Здѣсь же съ боку страницы приписано собственноручно:

«Ам. Ф. «Смотрите, достанется». Городничій. Ничего, ничего, не бойтесь. Что жъ, вѣдь это дѣло семейственное. (Другое дѣло). Совсѣмъ другое, если бы вы изъ этого сдѣлали какое-нибудь публичное дѣло». Сюда же, кажется, принадлежитъ и упомянутая выше карандашная приписка, надъ словомъ: «почтмейстеръ» и надъ словами: «съ большимъ удовольствіемъ»:—«Ахъ, Боже мой!» [8] Послѣ этого въ подлинникѣ стоитъ [знакъ ⌗], которому съ боку страницы соотвѣтствуетъ собственноручная приписка: «Все бы ничего, худо, что инкогнито канальство — вотъ что худо». Она внесена въ сценическій текстъ (см. стр. 13). Въ рукописи петербургскихъ театровъ вмѣсто «канальство» по ошибкѣ писца: «*начальство*!» Слово «канальство» зачеркнуто авторомъ. [9] Это слово въ рукописи зачеркнуто. [10] Слова: «онъ самъ» въ рукописи зачеркнуты. [11] Эта ремарка зачеркнута карандашомъ. [12] Слова: «Ухъ... ухъ... ухъ...» въ рукописи зачеркнуты; слово: «чрезвычайное» также зачеркнуто, но не чернилами, а карандашомъ. [13] Слова: «ухъ, ухъ», — зачеркнуты.

Стр. 167. [1] Слово: «Всѣ» зачеркнуто собственноручно карандашомъ; сверху приписано также рукою Гоголя карандашомъ: «Городничій». [2] Второе

что зачеркнуто карандашомъ. [3] Все предыдущее мѣсто, начиная отъ словъ Добчинскаго: «непредвидѣнное дѣло», въ рукописи зачеркнуто карандашомъ. Послѣ этого собственноручно написано и потомъ зачеркнуто карандашомъ: («не мѣшайте!») «скажите, господа, (сдѣлайте милость (sic), чтобъ Петръ Ив. не мѣшалъ)». Это измѣненіе внесено въ сценическій текстъ (см. стр. 14). Въ этомъ отрывкѣ фразы: «приходимъ въ гостинницу». «Э, позвольте, Петръ Ивановичъ (sic), я разкажу (sic)» и «вы сейчасъ собьетесь» подчеркнуты. [4] Послѣ этого собственноручно позднѣе и другими чернилами приписано: «у меня сердце такъ и бьется» (внесено въ сценическій текстъ, стр. 15). [5] Позднѣе вмѣсто зачеркнутаго: «побѣжалъ» собственноручно приписано сверху: «заворотилъ». [6] Послѣ слова: «это» было зачеркнуто и приписано собственноручно, но другими чернилами: «полученную вами». Это измѣненіе и обозначенное въ 5 примѣч. внесены въ сценическій текстъ (см. стр. 15). Послѣ этого предложенія: «возлѣ будки, гдѣ продаются пироги» подчеркнуто. [7] Вмѣсто зачеркнутаго: «Мартоплясу» сверху приписано собственноручно другими чернилами: «Погонялеву» (также и въ сценич. текстѣ, стр. 15). Послѣ этого «за боченками для французской водки» въ рукописи подчеркнуты.

Стр. 168. [1] Эти слова Добчинскаго внесены собственноручно позднѣе между строкъ; въ подлинникѣ описка: «въ партикулярномъ платье» (sic). [2] Фамилія «Перепелкинъ» собственноручно переправлена въ: «Хлестаковъ». Затѣмъ сверху строки приписано: «и ѣдетъ въ саратовскую губернію». [3] Послѣ, сверху строки и другими чернилами собственноручно приписано: «такъ и», при чемъ вся фраза получаетъ уже такой видъ: «Меня въ одну минуту такъ и вразумило». Эти измѣненія (1, 2, 3) внесены въ сценическій текстъ (стр. 16). Послѣ этого слова: «Нѣтъ, Петръ Ивановичъ (sic), это я сказалъ: «э»,— въ рукописи подчеркнуты карандашомъ. [4] Слова: «въ городъ Белебей» въ рукописи зачеркнуты чернилами, а все остальное мѣсто до словъ: «это, вѣрно, не кто другой» зачеркнуто карандашомъ. [5] При словѣ: «городничій» собственноручно приписано карандашомъ: «исправникъ» (см. сценич. текстъ, стр. 16). [6] Послѣ этого сверху строки приписано позднѣе собственноручно и другими чернилами: «Да нѣтъ»... Ниже слова: «это кто-нибудь другой» подчеркнуты, но затѣмъ эта черта снова зачеркнута и далѣе подчеркнуты слова Добчинскаго: «ему прописана подорожная въ Саратовъ» и вся реплика Добчинскаго зачеркнута карандашомъ. [7] Въ рукописи слова: «къ намъ» зачеркнуты, и собственноручно приписано сверху: «въ наши»; такимъ образомъ получается уже текстъ: «въ наши тарелки» (внесено въ сценическій текстъ, см. стр. 18). Всѣ эти слова Бобчинскаго, кончая словами: «что ѣдимъ?», потомъ зачеркнуты карандашомъ.

Стр. 169. [1] Слова: «и онъ тамъ въ гостинницѣ до сихъ поръ?» были потомъ зачеркнуты и сверху собственноручно приписано: «Ахъ, Боже мой: помилуй насъ грѣшныхъ! И гдѣ жъ онъ тамъ живетъ?» [2] Въ рукописи стоитъ здѣсь: «надъ», но во всѣхъ изданіяхъ и уже въ первоначальномъ сценическомъ текстѣ «Ревизора» (см. изд. Н. С. Тихонравова, стр. 18) было: «подъ». Слова: «Въ 5 № надъ лѣсницей» (sic) въ рукописи подчеркнуты (чернилами) и потомъ зачеркнуты карандашомъ. [3] Послѣ слово: «живетъ» было зачеркнуто и затѣмъ собственноручно прибавлено: «онъ здѣсь», такъ

что фраза получила такой видъ: «и давно уже онъ здѣсь?» (внесено въ сценическій текстъ, стр. 18). Послѣ этого въ словахъ Добчинскаго: «ужъ будетъ полторы недели (sic)» зачеркнуты карандашомъ. [4] Сверху собственноручно приписано другими чернилами: «Ахъ, Боже мой! Боже мой!» (сценическій текстъ, стр. 18). Въ слѣдующемъ предложеніи слово: «недѣли», написанное съ ошибкой («недели»), позднѣе исправлено авторомъ. [5] Въ рукописи: «кабаки». Послѣ этого слова Артемія Филипповича зачеркнуты карандашомъ. [6] Слово: «нѣтъ» зачеркнуто и сверху собственноручно приписано: «я думаю, Антонъ Антоновичъ, что...» (сценич. текстъ, стр. 19). Всѣ эти слова Аммоса Ѳедоровича потомъ зачеркнуты карандашомъ, кончая словами: «это имѣетъ глубокое и тайное значеніе». Потомъ въ словахъ городничаго подчеркнуто: «Вы говорите, что онъ человѣкъ молодой?» и въ словахъ Бобчинскаго зачеркнуто: «молодой» и «или четырехъ...» [7] Въ рукописи: «приготовляйтесь». [8] Слово: «или» въ рукописи зачеркнуто. [9] Слова: «въ гостинницѣ» потомъ зачеркнуты.

Стр. 170. [1] Позднѣе другими чернилами собственноручно приписано: «для больныхъ сегодня и на кухнѣ ничего не готовилось» (сценич. текстъ, 20). Весь конецъ 3-ьяго явленія послѣ словъ: «квартальный бѣжитъ впопыхахъ» зачеркнутъ карандашомъ (въ рукописи: «въ попыхахъ»). [2] Слово: «принеси» зачеркнуто карандашомъ; сверху авторъ карандашомъ же приписалъ: «скажи». [3] Слово: «Кнутъ» на этой и на слѣдующей страницѣ зачеркнуто карандашомъ; сверху карандашомъ же приписано: «Прохоровъ». [4] Слова: «Кнутъ, въ частномъ домѣ, да только» зачеркнуты карандашомъ. Вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «втроемъ не годится» сверху собственноручно приписано: «нельзя! неловко» (сценическій текстъ, 21) и послѣ этого подчеркнуто: «и въ дрожки не помѣстимся». Выше подчеркнуты также слова городничаго: «Ну, Петръ Ивановичъ (sic), поѣдемъ». [5] Всѣ эти слова Бобчинскаго, кончая словами: «больше сущность и поступки его», въ рукописи зачеркнуты карандашомъ.

Стр. 171. [1] Въ рукописи: «Прохоровъ» (ср. 3 примѣчаніе къ предыдущей страницѣ). Нѣсколько выше слова частнаго пристава: «Да такъ, какъ приказывали. Квартальнаго Пуговицина я послалъ съ десяцкими» (sic), въ рукописи зачеркнуты карандашомъ; также карандашомъ зачеркнута вся реплика его дальше, начиная отъ словъ: «да Богъ его знаетъ». [2] Слово: «разметать» переправлено авторомъ изъ «развалить» (измѣненіе внесено въ сценическій текстъ, стр. 23).

Стр. 172. [1] Слова: «Боже мой,» повторенныя въ другой разъ, въ рукописи зачеркнуты чернилами. [2] Передъ словомъ: «памятникъ» слова: «заборъ или» зачеркнуты и послѣ слова: «памятникъ» собственноручно приписано сверху строки другими чернилами: «или просто заборъ». (см. сценическій текстъ, 23). Послѣ нѣсколькими строками ниже «дало» переправлено изъ: «такъ». [3] Слово: *на* написано сверху; «каждую бестію купца» переправлено изъ: «каждому бестію (sic) купцу». [4] Послѣ: «позабывшись» сверху прибавлено: «съ дуру» (sic). (Сценическій текстъ, стр. 24). [5] Слово: «и» потомъ зачеркнуто. [6] Слово: «онъ» потомъ было зачеркнуто, а изъ словъ: «я (знаю)» переправлено самимъ авторомъ: «онъ я (зналъ)».

Стр. 173. [1] Слова: «я сейчасъ... я сейчасъ!.. Вотъ тебѣ и сейчасъ!» въ рукописи зачеркнуты. [2] Всѣ эти слова Анны Андреевны, начиная отъ словъ: «Постой же ты, проклятый Антошка!», въ рукописи зачеркнуты чернилами и перечеркнуты двумя чертами: чернильной и карандашной, и затѣмъ послѣ словъ: «о глупой (sic), уѣхалъ!», изъ которыхъ слово: «глупый» зачеркнуто карандашомъ, между строкъ собственноручно приписано: «Я тебѣ вспомню это! А носъ, какъ картофель, такъ и мотается!» (Сценич. текстъ, стр. 25). [3] Слово: «эта» собственноручно приписано позднѣе и другими чернилами.

Стр. 174. [1] Послѣ слова: *какъ* позднѣе и другими чернилами собственноручно приписано: «уже». (Сценич. текстъ, стр. 27). [2] Слова: «всего вѣть (sic) треть верстъ осталось» въ рукописи зачеркнуты. [3] Слова: «въ каждомъ губернскомъ городѣ» зачеркнуты. Послѣ этого, противъ нѣсколькихъ строкъ, начиная отъ словъ: «Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату» до словъ: «вотъ тебѣ и дообѣдался» въ рукописи стоитъ вертикальная черта. Въ собственномъ экземплярѣ Н. С. Тихонравова въ его изданіи «Ревизора» здѣсь находимъ примѣчаніе на вписанной бѣлой страницѣ (172-ой): Слова: «Эй, Осипъ — и дообѣдался» обведены съ боку чернилами, какъ бы для уничтоженія; «обѣдался» зачеркнуто. [4] Въ предложеніи: «что развѣ только дворянству не уступитъ» слова: «что развѣ» зачеркнуты, также слово *же*, вмѣсто котораго сверху собственноручно приписано позднѣе и другими чернилами: «развѣ». (См. сценич. текстъ, стр. 28).

Стр. 175. [1] Слова: «старуха офицерша забредетъ» въ рукописи зачеркнуты. [2] Слова: «карпетки 10 коп. за пару» зачеркнуты. [3] Такъ въ рукописи. Въ первоначальномъ сценическомъ текстѣ «Ревизора»: «не занимается». [4] Слова: «въ картишки играетъ, извощиковъ надуваетъ» въ рукописи зачеркнуты. [5] Слова: «стучится; вѣрно, это онъ идетъ» въ рукописи зачеркнуты: вмѣсто тѣхъ сверху приписано рукою Гоголя: «Вотъ ужъ стучитъ гусь нижегородскій!».

Стр. 176. [1] Послѣ словъ: «Осипъ и Хлестаковъ» въ рукописи приписано позднѣе и другими чернилами собственною рукою Гоголя: «чего жъ бы *я* валялся на кровати? Не видалъ *я* развѣ кровати?» Такимъ образомъ начала этого явленія въ рукописи недостаетъ. [3] Эти слова Хлестакова въ рукописи зачеркнуты и вмѣсто нихъ сверху собственноручно приписано: «Не даетъ! не даетъ! глупое слово всегда такое выдумаетъ!»

Стр. 177. [1] Слово: «думалъ» переправлено Гоголемъ изъ: «думая». [2] Въ рукописи: «тамъ». Слова: «въ Пензѣ» приписаны послѣ въ замѣнъ, конечно, первоначальнаго *тамъ*, которое, однако, не зачеркнуто. [3] Слова: «чортъ его знаетъ — съ ними встрѣтиться» въ рукописи зачеркнуты. Гоголь сталъ передѣлывать это мѣсто; но, судя по помаркамъ вновь написанныхъ строкъ, не былъ доволенъ этою передѣлкою. Приводимъ эти приписанныя между строкъ новыя строки: «Еслибъ мнѣ выучиться у него, то ничего бы въ мірѣ не хотѣлъ. (Вѣдь та бѣда, что и встрѣтиться съ нимъ, можетъ быть, не доведется. Въ одинъ). Какъ странно въ одинъ вечеръ все обчистилъ!» [3] Слова: «Да впрочемъ, какъ же съ нимъ поучиться? Когда же случай доведетъ съ нимъ встрѣтиться?» зачеркнуты. [4] Послѣ этого собственноручно приписано позднѣе и другими чернилами: «Да если бы чего-нибудь

теперь съѣсть». (Сценич. текстъ, стр. 32). Выше въ предложеніи: «и какъ нарочно» слова: «и какъ» зачеркнуты чернилами.

Стр. 178. [1] Передъ словами: «Вотъ вздоръ такой»... въ рукописи позднѣе собственноручно приписано: «да какъ же не будетъ?» [2] Въ рукописи описка: «такой» (см. пред. примѣч.). [3] Слово *вотъ* въ рукописи зачеркнуто. [4] Слова: «потому что я, точно, хочу ѣсть» въ рукописи зачеркнуты. [5] Слова: «что̀ тутъ, право, дѣлать?» въ рукописи зачеркнуты. [6] Послѣ этого приписано сверху строки: «напримѣръ». [7] Слово *ужъ* зачеркнуто и сверху приписано: «не хочу!». [8] Въ рукописи слова: «но крайнѣй (sic) мѣрѣ» зачеркнуты.

Стр. 179. [1] Это предложеніе въ рукописи зачеркнуто и сверху собственноручно приписано: «(Іа) Только это и утѣшительно еще». [2] Слова: «вѣдь какъ» зачеркнуты. [3] Послѣ этого собственноручно приписано сверху строки: «вѣдь чрезвычайно много». [4] Слово *вѣдь* въ рукописи зачеркнуто. [5] Слово: «свиньи» зачеркнуто. [6] Слова: «я знаю» зачеркнуты. [7] Всѣ эти строки въ рукописи зачеркнуты и вмѣсто нихъ между строкъ приписаны новыя, которыя съ незачеркнутыми словами составляютъ слѣдующій текстъ: «то есть, вотъ кладу крестъ (крестится), если не буду играть между ними первую роль: тамъ ни у кого нѣтъ» (сверху приписано и зачеркнуто. «куды») «петербургскаго костюма. Куды! (А какую пыль можно напустить!)»; Послѣ этого собственноручно съ лѣваго боку приписано (приписка обозначена знакомъ +): «Простота такая... шпики и говорить нечего». Далѣе опять продолжается, послѣ слова: «куды», междустрочная приписка: «А какую пыль подпущу я имъ, такъ держись только. — Поберегусь и не буду ѣсть: авось либо какъ-нибудь дальше будетъ лучше». Слово: «домой» въ рукописи зачеркнуто. [9] Въ этомъ предложеніи зачеркнуты слова: «очень бы не дурно было», при чемъ вмѣсто: «очень бы» сверху приписано: «да». [10] Слово: «свиньи» зачеркнуто и сверху собственноручно приписано: «деревенскіе пентюхи». [11] Слова: «теленень — помѣщикъ» зачеркнуты и сверху приписано: «гусь». [12] Здѣсь зачеркнуто нѣсколько строкъ, начиная отъ словъ: «подходитъ къ зеркалу», и вмѣсто нихъ написано: «къ дочечкѣ эдакъ подойдешь: «сударыня, какъ я счастливъ!»; затѣмъ съ лѣваго бок страницы собственноручно приписано: «повертывается и показываетъ свою турнюру». Въ VI явленіи передъ словами: «ну, давай сюда» зачеркнуто: «толкуетъ еще: хозяинъ! я плевать на твоего хозяина!».

Стр. 180. [1] Послѣ слова: «вотъ прекрасно» были зачеркнуты и вмѣсто нихъ приписано: «поросенокъ ты скверный». Потомъ вмѣсто: «какое же они имѣютъ право?» переправлено: «какъ же они ѣдятъ, а я не ѣмъ?» [2] Слова: «за что чортъ меня возьми» зачеркнуты и вмѣсто того вся фраза измѣнена такъ: «Отъ чего же я, чортъ меня возьми, не могу также...» Эти измѣненія (1 и 2) внесены въ сценическій текстъ (стр. 36). [3] Два послѣднія: «ну, ну» переправлены собственноручно чернилами изъ: «пр... пр...» Слово: «тѣми» было впослѣдствіи зачеркнуто и замѣнено словомъ: «другими». (Сценич. текстъ, 37). [4] Прежде было написано: «путокъ не совѣтую тебѣ дѣлать». Гоголь измѣнилъ порядокъ словъ, поставивши надъ ними цифры. Передъ этимъ предложеніемъ слово: «братецъ» зачеркнуто.

Стр. 181. [1] Слова: «больше ничего нѣтъ!» въ рукописи зачеркнуты и затѣмъ

сверху и на слѣдующей строкѣ собственноручно приписано: «хоть бы какой-нибудь соусъ или пирожное. (Мош). Бездѣльники!» [2] Слова: «бездѣльниковъ —трактирщиковъ не шутилъ» въ рукописи зачеркнуты. Въ слѣдующей строкѣ зачеркнуто: «непріятно! очень непріятно!», вмѣсто чего сверху приписано: «Эка, бестія трактирщикъ! Чортъ возьми!» Слова: «Эка, бестія трактирщикъ!» внесены въ сценич. текстъ (стр. 38). [3] Слова: «о вздоръ! какъ же онъ смѣетъ меня потащить?» — въ рукописи зачеркнуты и вмѣсто того приписано между строкъ: «(въ размышленіи): «такая глушь! маленькій городокъ! что̀ захочетъ, можетъ здѣлать» (sic). Между этой строкой и зачеркнутой вписана еще строка: «(немного задумывается): «что̀жъ дѣлать? Такая глушь!» Эта строка также зачеркнута. [4] Все это мѣсто, начиная съ словъ: «что̀ жъ дѣлать?», зачеркнуто и вмѣсто него между строкъ приписано еще и снова зачеркнуто: «а если вздумаетъ какъ-нибудь на веревочкѣ повесть, я не соглашусь! Ей Богу не соглашусь!» Въ концѣ зачеркнутыхъ строкъ сверху приписано и уже не зачеркнуто потомъ: «Да однако же». [5] Слово: «дочки» собственноручно переправлено чернилами на: «дочери». Затѣмъ нѣсколько строкъ зачеркнуто до словъ: «зачѣмъ мнѣ ужъ было тогда надѣвать новый фракъ?», и между строкъ приписано: «И офицеры тоже приходили безпрестанно (sic) ходятъ. Я какъ нарочно передъ ними довольно долго» (послѣднія два слова приписаны сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «нѣсколько») «рисовался и офицеры тоже безпрестанно (sic) ходятъ». Зачеркнуты всѣ строки, кончая словами: «или ужъ онъ будетъ такая скотина!» послѣ чего сверху собственноручно приписано позднѣе и другими чернилами: «чортъ побери». [6] Все это мѣсто, начиная отъ словъ: «зачѣмъ мнѣ ужъ было надѣвать тогда новый фракъ?» подверглось значительной переработкѣ. Ужъ въ этой фразѣ слова: «новый фракъ» переправлены собственноручно изъ: «новаго фрака» и послѣ словъ: «было» приписано сбоку, на поляхъ, а затѣмъ зачеркнуто: «бы мнѣ не»; потомъ вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «а франтить такъ было бы» приписано сверху строки: «было бы пробраться»; послѣ слова: «потихоньку» зачеркнуто: «пройтить», но особенно измѣнено все мѣсто, начиная отъ словъ: «О вздоръ! онъ меня никакъ не смѣетъ и не можетъ...» Здѣсь вмѣсто зачеркнутыхъ строкъ сверху приписано: «Впрочемъ, нѣтъ, не можетъ быть; онъ побоится: я служу въ Петербургѣ. Онъ не здѣлаетъ (sic) этого! или ужъ онъ будетъ послѣ этого такая скотина!... Это можно какого-нибудь ремесленника и мѣщанина... Нѣтъ! не потдавать (sic)! ей Богу, не потдавать! (sic)» (ободряется). «Что̀ жъ онъ можетъ мнѣ?» (прежде, вмѣсто слова: «мнѣ» было: «сдѣлать»). «Я скажу ему: какъ Вы!»... (у дверей вертится ручка). Послѣ этого зачеркнуто: «провести на веревочкѣ» и поставлено карандашомъ NB. [7] Передъ словомъ: «показываетъ» приписано «Хлестаковъ», а послѣ него же зачеркнуто: «однако жъ». [8] Послѣ Гоголь измѣнилъ здѣсь порядокъ словъ, обозначивъ это цифрами, — такимъ образомъ: «дверь отворяется».

Стр. 182. [1] Послѣ приписана ремарка: «кланяется». (См. сценич. текстъ, стр. 39). [2] Слова: «Слава Богу, ѣлъ, ѣлъ» зачеркнуты; противъ нихъ карандашомъ поставлено NB; замѣняющаго текста не написано. [3] При этихъ словахъ между строкъ написана въ скобкахъ ремарка: «Бобчинскій въ это

время выглядываетъ изъ дверей». (См. сценич. текстъ, стр. 40). [4] Слова: «да я еще» въ рукописи зачеркнуты и сверху приписано: «какія!» «За что жъ я?..» «За что жъ я?» [5] Въ этомъ мѣстѣ слово *я* было потомъ зачеркнуто. [6] Сверху приписано и тутъ же зачеркнуто на ходу письма: «сарато(вскую)». Послѣ этого вмѣсто: «по Министерству Финансовъ» было написано сверху: «Юстиціи» (слово: «Финансовъ» зачеркнуто). [7] Эти слова городничаго зачеркнуты и вмѣсто нихъ приписано между строками: «О Боже, боже (sic) мой! Мать ты моя Пресвятая! (Великомученица Варвара) Преподобный Антоній! Все, все узналъ! какой сердитый! все разсказали проклятые купцы!» (Всѣ эти слова кромѣ зачеркнутыхъ: «Великомученица Варвара» внесены въ сценич. текстъ, стр. 40).

Стр. 183. [1] Слова: «прибавка жалованья» въ рукописи зачеркнуты. [2] Всѣ эти слова, начиная съ слова: «взять въ руки бутылку», кромѣ ремарки: «беретъ рукой сзади бутылку», зачеркнуты и сверху надъ зачеркнутыми словами: «взять въ руки бутылку» приписано: «и если что-нибудь, то...» (Сценич. текстъ, стр. 41). Надъ словами: «ей Богу» сверху приписано *такъ* и снова зачеркнуто. [3] Послѣ этого сверху приписано между строкъ: «Вотъ прекрасно!» (Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугѣ прячется)». [4] Послѣ этого приписана ремарка: «дрожа» (это измѣненіе и предыдущее внесены въ сценич. текстъ, стр. 41) и зачеркнуто первое предложеніе: «перемѣните гнѣвъ на милость». [5] Позднѣе слова: «на жизнь мою» зачеркнуты и перенесены въ начало предложенія, такъ что получилась фраза: «на жизнь мою готовы покуситься». (См. сценич. текстъ, стр. 41). [6] Послѣ этого приписано: «даромъ что маленькіе, а вонъ» (послѣднія слова приписаны вмѣсто зачеркнутыхъ «(даромъ что)» «а какіе!...» [7] Слова: «Боже, упаси!» зачеркнуты; вмѣсто нихъ сверху приписано: «О! держи ухо съ ними!». [8] Все это мѣсто послѣ слова: «заплатитъ» значительно измѣнено: всѣ строки, кромѣ послѣдней, зачеркнуты и между строкъ вписанъ слѣдующій новый текстъ: «запутаетъ, запутаетъ, такъ что совсѣмъ одурѣешъ (sic)... Не знаешъ (sic), съ которой стороны и приняться. Недаромъ я» (послѣднія два слова приписаны сверху этой междустрочной вставки) «этихъ» (въ рукописи описка: «эти») «инкогнитовъ (хуже всего) такъ боялся». «Попробовать развѣ на авось (вслухъ)». Послѣдняя ремарка внесена въ сценическій текстъ (см. стр. 42).

Стр. 184. [1] Слова: «а такъ вы»... зачеркнуты и вмѣсто нихъ сверху приписано: «И если вы...»; далѣе вмѣсто зачеркнутыхъ: «о если такъ», приписано: «тогда совсѣмъ другое дѣло» (Сценич. текстъ, стр. 42). [2] Слова: «вдѣлайте (sic) милость» въ рукописи зачеркнуты. [3] Сверху приписано: «бы». [4] Прежде было написано: «только раздѣлаться». Гоголь измѣнилъ порядокъ словъ, отмѣтивъ сверху цифрами. [5] Здѣсь въ текстѣ снова сдѣлано измѣненіе; зачеркнуты слова: «я вамъ» и «пришлю» и «у меня» и вмѣстѣ съ словами, приписанными вновь сверху строки, текстъ получаетъ такой видъ: «сей же часъ и возвращу вамъ это вдругъ» (Сценич. текстъ, стр. 42). Послѣднія два слова, очевидно, не зачеркнуты по ошибкѣ; послѣ слова: «сейчасъ» до перемѣны его въ «сей же часъ» было прибавлено слово *же*. [6] Послѣ этого приписана ремарка: «принимая деньги» и потомъ зачеркнуто первое предложеніе: «А, хорошо!» [7] Слово: «часъ» зачеркнуто. Послѣ

слова: «благодарю» между строкъ приписано: «Я, право, очень радъ этимъ деньгамъ»; потомъ съ лѣваго боку собственноручно написано: «‡‡ А у меня (ужъ больше недѣли рѣши(тельно?), какъ совершенно ни копѣйки нѣтъ) да, это мнѣ теперь очень хорошо». Знакъ ‡‡ поставленъ послѣ слова: «деньгамъ» (это мѣсто невѣрно списано въ рукописи петербургскихъ театровъ). Послѣ знака ‡‡, обознач. приписку, въ рукописи продолжается слѣдующій междустрочный текстъ: («У меня такъ странно»), (эти слова въ рукописи зачеркнуты). «Я вижу, что вы благонамѣренной человѣкъ, и я, признаюсь, сначала было я васъ принялъ совсѣмъ за друг(ого)... Мнѣ это теперь очень кстати». Всѣ эти измѣненія, кромѣ зачеркнутаго авторомъ и кромѣ словъ: «было я васъ принялъ совсѣмъ за друг(ого)... Мнѣ это теперь очень кстати», внесены въ сценическій текстъ (стр. 42 и 43). [8] Послѣ этого приписана ремарка: «Бобчинскій выглядываетъ въ дверь» (Сценич. текстъ, стр. 43). [9] Послѣднее предложеніе въ рукописи зачеркнуто и вмѣсто него приписано между строкъ: «хорошо, смекнемъ и мы. Напустимъ и мы тумана и мы прикинемся, какъ будто совсѣмъ не знаемъ и не думаемъ». Послѣднія три слова: «и не думаемъ» приписаны сверху строки и снова зачеркнуты; они возстановлены въ третьей редакціи и слово: «совсѣмъ» также зачеркнуто. Послѣ слова: «не знаешь» прибавлено: «и не думаешь». [10] Слово: «утро» и въ предыдущей строкѣ: («мы такъ сегодня») слово: «такъ» въ рукописи зачеркнуто. [11] Слова: «чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе» въ рукописи зачеркнуты.

Стр. 185. [1] Въ предложеніи: «да какъ разъ!» слово «разъ» зачеркнуто и посредствомъ подстрочной приписки фраза измѣнена такъ: «да какъ бы не такъ! Именно туда!..» (сценич. текстъ, стр. 44). [2] Передъ словомъ: «батюшка» сверху строки приписано: «мой» (сценич. текстъ, стр. 44). [3] Слова въ ремаркѣ: «дѣлая гримасу» зачеркнуты и вмѣсто нихъ приписано: «почти фыркнувъ отъ смѣха» (сценич. текстъ, стр. 45). [4] Прежде было написано: «подалъ въ отставку!» Потомъ въ началѣ приписано: «и»; перемѣна въ порядкѣ словъ указана поставленными сверху цифрами. [5] Слово: «вотъ» зачеркнуто и послѣ него собственноручно приписано: «и»; такимъ образомъ получается фраза: «и стѣны ужъ слишкомъ низинькіе (sic)» [6] Слово и позднѣе было зачеркнуто. [7] Слово «нигдѣ» приписано сверху строки (сценич. текстъ, стр. 45); слово: «такіе» въ фразѣ: — «Клопы *такіе*, какихъ я еще не видывалъ» зачеркнуто. [8] Слово «канальи» въ рукописи зачеркнуто. [9] Слова: «и такъ» въ рукописи зачеркнуты. [10] Послѣ этого прибавлено еще: «въ ней» (сценич. текстъ, стр. 45). Послѣ этого съ лѣваго боку собственноручно приписаны, при чемъ выноска обозначена ‡‡, слѣдующія строки: «*Городничій*. «Осмѣлюсь ли я просить объ одномъ» (послѣ этого зачеркнуто: «милости») «наивеличайшемъ одолженіи, котораго, безъ сомнѣнія, можетъ быть, я даже не достоинъ?»

Хлестаковъ. А что?

Городничій. Окажите милость старику: я»... (Послѣдняя строка въ рукописи зачеркнута). (Внесено въ сценическій текстъ, стр. 46). [12] Въ этомъ предложеніи зачеркнуты слова: «позвольте» и въ («въ домъ») и посредствомъ приписанныхъ сверху словъ фраза измѣнена слѣдующимъ обра-

зомъ: «Я бы дерзнулъ попросить васъ переѣхать ко мнѣ въ родительской домъ мой».

Стр. 186. [1] Эти слова Хлестакова въ рукописи зачеркнуты и замѣнены слѣдующими: «*Хлестаковъ* (въ размышленіи). «Какъ то есть къ вамъ...? Да у васъ какая комната? развѣ хорошая?.. свѣтлая?..» Слово: «свѣтлая» въ рукописи зачеркнуто. Всѣ остальныя слова, кромѣ «свѣтлая», внесены въ сценическій текстъ (см. стр. 46). [2] Слова: «такой, какъ въ столицѣ», въ рукописи зачеркнуты и вмѣсто нихъ приписано: «(не) столичной (sic), но хорошій столъ» (см. сценич. текстъ, стр. 46). [3] Послѣ этого приписано между строкъ: «въ просьбѣ старику». [4] Прежде было написано: «буду радъ». Перемѣна въ порядкѣ словъ указана поставленными сверху цифрами. [5] Въ послѣднихъ предложеніяхъ, начиная со словъ: «все, что ни есть, радъ предложить», сдѣланы большія измѣненія; слова: «радъ предложить» зачеркнуты, при чемъ слово «радъ» было переправлено на *готовъ*, и сверху приписано послѣ словъ: «все, что ни есть» — «въ печи, все на столъ... хоть (бить), можетъ быть, это не всякому придется по вкусу. Да что́ дѣлать. Ужъ такая слабость!» Потомъ вмѣсто слова: «образованный» сверху приписано: «просвѣщенный человѣкъ». (Послѣднее измѣненіе внесено въ сценическій текстъ, стр. 46). [6] Сверху было приписано и потомъ зачеркнуто: «не подумайте, чтобъ я говорилъ изъ лести. Ей Богу, не лгу и не знаю» (сверху приписано и зачеркнуто: «что за лесть...»). Послѣ слова [7] «привязанность» рядомъ, но, очевидно, позднѣе и другими чернилами приписано: «Не подумайте, чтобъ я говорилъ это изъ лести. Нѣтъ, не имѣю этого порока: отъ полноты души выражаюсь!» Послѣдняя приписка внесена и въ сценическій текстъ (стр. 47). [7] Послѣ этого позднѣе и другими чернилами собственноручно приписана ремарка: «прячетъ деньги». (См. сценич. текстъ, стр. 48).

Стр. 187. [1] Слова: «идетъ все это» позднѣе зачеркнуты; въ словѣ: «теченіе» описка: «тѣченіе» (sic) — позднѣе, однако, исправленная рукою автора. [2] Слово: «есть» позднѣе зачеркнуто. [3] Слово: «ухъ!» зачеркнуто. [4] Слово: «Вашество» позднѣе зачеркнуто.

Стр. 188. [1] Позднѣе это предложеніе измѣнено такъ: «А все ты съ своимъ глупымъ жеманствомъ» (см. сценич. текстъ, стр. 51), послѣ чего слова: «одѣлась» и «вѣдь» зачеркнуты (здѣсь сверху строки приписано: «ты съ своимъ» и въ прежнемъ текстѣ переправлены слова: «глупое» на слово: «глупымъ» и «жеманство» на слово: «жеманствомъ». [2] Слова: «Я, маминька (sic), косыночку... я» позднѣе были зачеркнуты. Въ слѣдующемъ предложеніи зачеркнуто: «было не». [3] Слова: «теперь — одно слово только! Ну»... въ рукописи зачеркнуты. [4] Послѣ этого между строкъ приписана ремарка: «всматривается въ окно и вскрикиваетъ: «Ахъ» (сценич. текстъ, стр. 51). [5] Въ рукописи: «запленникинъ» (sic). Вся эта реплика Анны Андреевны зачеркнута, а равно дальше обозначеніе словъ слѣдующаго дѣйствующаго лица: *Марья Антоновна* и, т.-е. слѣдующая реплика Марьи Антоновны совершенно сливается съ предыдущей.

Стр. 189. [1] Слово «тамъ» въ рукописи зачеркнуто. [2] Слово: «строгій» передѣлано рукою Гоголя въ: «строгъ?» (сцен. текстъ, стр. 53).

Стр. 190. [1] Въ рукописи: «написать».

Стр. 192. [1] Слова: «ужъ слишкомъ» и «хорошій» — въ рукописи зачеркнуты. Такъ напечатано въ изданіи 1836 г. Снизу зачеркнутыя слова карандашной чертой возстановлены или, можетъ-быть, только подчеркнуты. [2] Слова эти, начиная отъ: «а что̀ касается до того, хороши ли мои глаза...» зачеркнуты общей легкой карандашной чертой; изъ нихъ первыя предложенія до словъ: «пусть другое что-нибудь не такъ и не хорошо...» зачеркнуты сверхъ того чернилами; противъ остальныхъ предложеній стоитъ сбоку чернильная черта, снова зачеркнутая авторомъ; затѣмъ зачеркнуты чернилами же послѣднія слова: «человѣку безтолковому, а всякой (sic) со вкусомъ бываетъ совершенно очарованъ» и сверху вмѣсто нихъ приписано: «одному бестолковому» (sic) «безъ всякого (sic) вкуса». Любопытно, что въ зачеркнутой строкѣ слово: «безтолковому» написано правильно, а въ подстрочной поправкѣ — уже съ ошибкой. [3] Въ рукописи явная описка: «было». [4] Слова: «дѣла и» въ рукописи зачеркнуты».

Стр. 193. [1] Слова: «обложенная тонкою, не больше, какъ въ палецъ» зачеркнуты. [2] Слова: «самая страсть моя изнываетъ» зачеркнуты и сверху приписано: «мое сердце говоритъ». [3] Это предложеніе, начиная отъ словъ: «да, говорятъ, какъ-то въ разсѣянности позабылъ зарядить пистолетъ», зачеркнуто и сверху приписано: «да какъ-то пистолеты куда-то запропастились» (см. сцен. текстъ, ст. 59). [4] Вмѣсто слова: «порохъ» сверху собственноручно приписано: «пистолетъ» (сцен. текстъ, стр. 59). [5] Слова: «этакого вздора» зачеркнуты и сверху приписано: «пустяковъ» (см. сцен. текстъ, стр. 59). [6] Слова эти: «хоть что-нибудь на перекоръ» зачеркнуты и сверху приписано: «Боже сохрани!» (сцен. текстъ, стр. 59). Кромѣ того, въ предыдущихъ строкахъ послѣ слова: «такая» приписано: «право»; вмѣсто: «Боже сохрани, какъ-нибудь не поспорить!» — «Чтобы она какъ-нибудь не поспорила». [7] Послѣ этого сверху приписано: «за вздорами». [8] Потомъ было переправлено: «а тутъ того и гляди». [9] Вся ремарка потомъ перечеркнута нѣсколькими чернильными чертами.

Стр. 194. [1] Потомъ было исправлено такъ: «городничій указываетъ квартальнымъ на полу бумажку, которые бѣгутъ и снимаютъ ее» и послѣ приписано: «толкая другъ друга въ попыхахъ» (сцен. текстъ, стр. 62).

Стр. 195. [1] Слова: «кажется, не лососина?» зачеркнуты. [2] Послѣ прибавлено съ: «Лабарданъ съ» (сцен. текстъ, стр. 63). [3] Слова: «очень, очень» въ рукописи зачеркнуты и сверху приписано: «да». [4] Слово: «содержанія» зачеркнуто.

Стр. 196. [1] Въ рукописи: «этакой» переправлено въ: «такой» [2] Слова: «хоть и въ водевиль» зачеркнуты, а также нѣсколько раньше слово: «напишете» (sic), начало котораго, т.-е. слогъ *на*, передѣлано въ: «такъ»; затѣмъ на слѣдующей строкѣ надъ словомъ: «пишешь» приписано *и*, а надъ словами: «хоть и въ водевиль» приписано: «выкинутся» (сцен. текстъ, стр. 64). [3] Слово: «тамъ» зачеркнуто. [4] Слова: «даже никогда не могъ» зачеркнуты и вписаны слѣдующія слова: — послѣ слова *смотрѣть* (сверху строки): «никогда не могъ», послѣ: «на нихъ»: — «равнодушно». Фраза читается такъ: «смотрѣть никогда не могъ на нихъ равнодушно». (см. сцен. текстъ, стр. 65). [5] Слово: «выигралъ» зачеркнуто, но вмѣсто него послѣ слова: «подлецъ» сверху строки приписано: «выпонтировалъ» (сцен. текстъ, стр. 65). [6] Въ рукописи описка: «мнѣ случилось...»

Стр. 197. [1] Слова: «свѣтскую любезность» зачеркнуты. [2] Слова: «подумать или принять на свой щотъ (sic)» зачеркнуты и вмѣсто нихъ вначалѣ приписано: «помилуйте-съ»; а надъ зачеркнутыми словами снова приписано сверху: «на свой щотъ» (см. сцен. текстъ, стр. 66). Такимъ образомъ, вся измѣненная фраза принимаетъ такой видъ: «Помилуйте-съ, я никакъ не смѣю на свой щотъ (sic)...» [3] Слово: «такой» зачеркнуто и вновь приписано сверху передъ словомъ: «случай», а на мѣстѣ зачеркнутаго: «такой» приписано: «какъ теперь»: (см. сцен. текстъ, стр. 67). [4] Въ рукописи здѣсь описка: «на Марью Андреевну». [5] Слова: «это не то, что̀ въ городѣ» зачеркнуты. [6] Послѣ этого приписано позднѣе и снова зачеркнуто: «Все что̀, знаете... ужъ теперь прошла мода. Вѣдь и Булгаринъ замѣтилъ... не помню, что̀ онъ говоритъ»...

Стр. 198 [1] Три предидущія реплики Анны Андреевны, Хлестакова и снова Анны Андреевны, — въ рукописи зачеркнуты. [2] Слова: «да я» зачеркнуты; сверху приписана и зачеркнута фраза: «О, жизнь тамъ никакъ нельзя сравнить...» и передъ словомъ: «служу», а также передъ зачеркнутыми: «да я» приписаны слова: «я, сударыня» (сцен. текстъ, стр. 68). Такимъ образомъ измѣненная фраза получаетъ такой видъ: «Я, сударыня, служу тамъ съ большою выгодою». [3] Предложеніе: «Я, можно сказать, одинъ у насъ завѣдывалъ всѣми дѣлами» зачеркнуто и вмѣсто него сверху приписано: «Ну, и то сказать, — что ужъ зато я и дѣлаю много» (Сцен. текстъ, стр. 67). [4] Прежде было: «былъ бы страшный ералашъ». [5] Слова: «тотчасъ наскоро напишу отношеніе изъ одного отдѣленія въ другое — все это такъ живо!» зачеркнуты и вмѣсто нихъ сверху приписано: «и тамъ ужъ сейчасъ чиновникъ для письма... такъ это все скоро»... (сц. текстъ, стр. 68). [6] Послѣ этого позднѣе приписано между строкъ: «сторожъ летитъ еще на лѣсницѣ (sic) за мною съ щеткою: «позвольте...». Послѣ этого съ лѣваго боку строки сдѣлана выноска, отмѣченная знакомъ =++. «Иванъ Александровичъ, я вамъ сапоги почищу» (сцен. текстъ, стр. 68). [7] Слова: «я не церемонный» (sic) зачеркнуты. [8] Всѣ эти строки послѣ словъ: «Городничій садится» зачеркнуты и вмѣсто этого зачеркнутаго текста приписано: «Да я тамъ... (я)... (во всѣхъ лучшихъ обществахъ бываю. А какъ со мною недавно анекдотъ случился на). Меня одна графиня очень того... Одинъ разъ пріѣзжаетъ ко мнѣ карета (славно) убрано все это великолѣпнѣйшимъ... Входитъ камердинеръ весь въ золотѣ, входитъ ко мнѣ (спрашиваетъ): «Вы Иванъ Александровичъ?» — Я. — И вдругъ, не говоря мнѣ ни слова, завязываютъ мнѣ глаза, сажаютъ въ карету и, признаюсь, я сначала даже немного испугался. (Только) привозятъ къ дому великолѣпнѣйшему... (Я чувств.), берутъ меня подъ руки» (послѣднія три слова приписаны сверху строки) «и чувствую, что ведутъ меня по выволоченной лѣстницѣ, — по сторонамъ вазы, все это со вкусомъ» (послѣднія четыре слова приписаны сверху строки). «Наконецъ приводятъ въ великолѣпную комнату, вдругъ (я чувств.) развязываютъ глаза — и что̀ж я вижу? передо мной красавица — вообразите въ полномъ совершенствѣ, одѣта великолѣпнѣйшимъ образомъ. Ну, натурально, что я воспользовался тотъ же часъ». Послѣднія строки перенесены уже на слѣдующую страницу и по окончаніи приведенныхъ строкъ текстъ продолжается съ лѣваго боку, при чемъ выноска отмѣчена обычнымъ знакомъ ++: «Какъ нельзя лучше.

Шляпа на ней въ серьгахъ, брилліанты сіютъ. Бѣлизна лица, лица (sic) просто ослѣпительна. Ну, само собою разумѣется, что тотчасъ же воспользовался».

Стр. 199. [1] Полистъ, на которомъ находились стр. 83 и 84, начинался, конечно, словами: «которыхъ называютъ», — оканчивался словами: «совсѣмъ не воротиться». (Ср. рукопись И. С. Аксакова). И такъ весь полистъ занятъ былъ монологомъ Хлестакова о куропаткѣ. Сначала Гоголь думалъ удержать его и дополнилъ въ первой редакціи словами Марьи Антоновны и Марьи Андреевны (см. 1 примѣч. къ стр. 69). Вырѣзавши полистъ, Гоголь началъ на страницѣ 82-й писать новый, замѣнительный, разсказъ о кадрили и продолжалъ его на страницѣ 85-й, помѣстивши окончаніе разсказа съ лѣваго бока 85-й страницы. Тогда слова Марьи Антоновны: «Ахъ, маменька, я гдѣ-то читала этотъ самый анекдотъ» и реплику Анны Андреевны, какъ относившіяся къ вырѣзанному мѣсту, пришлось вычеркнуть. Между строкъ вписанъ собственноручно текстъ, послѣ зачеркнутый. Онъ начинается ранѣе окончанія анекдота о кадрили, слѣдов. написанъ былъ *до этого разсказа,* такъ что слово: «поворотившись» пришлось раздѣлить, когда оно встрѣтилось съ зачеркнутыми строками. Вотъ онъ вполнѣ:

«Городничій и всѣ почтительно
тутъ же поворотив(Марья Антоновна)шись хлопъ его
(Ахъ! Маменька. Я гдѣ-то читала этотъ самый анекдотъ).
Смѣются (Анна Андреевна)
(Ну, что жъ, что читала? Какъ будто не могло случиться въ другой разъ».

Изъ этого слѣдуетъ, что зачеркнутый текстъ относится къ разсказу о куропаткѣ, а не къ эпизоду о кадрили. — Вотъ весь приписанный между строкъ текстъ:

«*Анна Андреевна.* Скажите, како(е) романтическое происшествіе!

Хлестаковъ. Да, со мною подобныхъ [было] случалъ (sic). Да, *я* сталъ бывать во всѣхъ (лучшихъ обществахъ) [домахъ] танцую французскій кадриль. А какой странный случай тамъ былъ со мною. Пріѣзжаю я въ лучшее общество. Ну, становлюсь въ первую пару. Вдругъ одинъ изъ этихъ молодчиковъ, знаете, эдакій изъ числа» (послѣднія два слова приписаны сверху строки) «фанфароновъ. Только онъ — смотрю — наступилъ мнѣ на самую ногу. «Извините», говоритъ, «что не каблукомъ», а я тутъ же, поворотившись, хлопъ его по щекѣ: «Извините, говорю, что не кулакомъ». И онъ послѣ это(го), знаете, такъ сконфузился, присѣлъ въ уголку и ужъ ни съ кѣмъ не танцовалъ. — (Да) — А послѣ говоритъ ужъ мнѣ графъ Ивеличъ: «Ну, ты, братецъ, его хорошо отдѣлалъ!» — Да! (Я ужъ знаю)... тамъ безъ меня, знаете...» Это измѣненіе внесено въ сценическій текстъ (см. стр. 69). [2] Надъ послѣдними изъ зачеркнутыхъ строкъ: «во всѣхъ лучшихъ обществахъ» приписано сверху: «этихъ молодчиковъ». [3] Слова: «Дибича-Забалканскаго» зачеркнуты и сверху приписано: «турецкаго посланника» (см. сценическій текстъ, стр. 69). [4] Это слово потомъ было зачеркнуто карандашомъ. [5] См. 3 примѣчаніе.

Стр. 200. [1] Эти строки послѣ словъ: «Пушкинъ. Вообразите себѣ» и проч. зачеркнуты и вмѣсто нихъ приписано между строкъ, начиная впрочемъ еще съ незачеркнутой строки: «А какъ странно сочиняетъ»: «У меня тоже» (послѣднее слово приписано сверху строки) «обѣдаютъ нѣкоторые. У меня

хорошая квартирка; я плачу восемьсотъ рублей, право: три комнаты, этакія хоромія!» (См. сценич. текстъ, стр. 70). Послѣ этого все остальное мѣсто до слова: «обѣдаю» въ рукописи нѣсколько разъ перечеркнуто карандашными и чернильными чертами. [2] Слово: «чиновникъ» зачеркнуто и сверху написано: «начальникъ отдѣленія». [3] Эти строки зачеркнуты и вмѣсто нихъ сверху приписано: «Да, и въ журналы помѣщаю» (сценич. текстъ, стр. 70). [4] Слово: «Робертъ» зачеркнуто карандашомъ. [5] Слова: «началъ одну изъ нихъ» зачеркнуты и вмѣсто нихъ сверху приписано рукою Гоголя: «этакъ наскоро написалъ нѣсколько піесъ» (сценич. текстъ, стр. 70). [6] Фраза: «Да, если сказать правду, то я самъ почти все тамъ дѣлаю» зачеркнута карандашомъ. [7] Въ рукописи описка: «всѣ». [8] Слова: «и Марлинскіе» въ рукописи зачеркнуты карандашомъ. [9] Слово: «да» въ рукописи зачеркнуто.

Стр. 201. [1] Слова: «я за словесность получаю» зачеркнуты; сверху приписано: «Мнѣ Смирдинъ» и далѣе послѣ слова: «тысячъ»—«даетъ»; такъ что измѣненная фраза получаетъ такой видъ: «Да, мнѣ Смирдинъ сорокъ тысячъ даетъ въ годъ» (сценич. текстъ, стр. 72). [2] Слово: «ваза» зачеркнуто и сверху приписано: «пруды, каскады... Да если бы этакую квартиру»... Послѣ этого приписка съ лѣваго боку, отмѣченная знакомъ ⌗: «нанимать-то нужно по крайней мѣрѣ тысячъ двадцать въ годъ» (сценич. текстъ, стр. 72). [3] Слова: «да балы тамъ такіе» зачеркнуты, и первое предложеніе измѣнено такъ: «О, балы тамъ отличные!». Все слѣдующее мѣсто до словъ: «Да, батюшка, тамъ каждая десертная тарелочка, тамъ это я вамъ скажу, просто объѣденіе!» перечеркнуто чернильными чертами по строчкамъ и двумя карандашными чертами; послѣднее же предложеніе измѣнено такъ: «подадутъ вамъ десертную тарелочку — просто объѣденіе!» (ср. сценич. текстъ, стр. 72). [4] Слова: «одинъ рябчикъ стоитъ восемьсотъ рублей, да какая-нибудь перепелка рублей тысячу. Подадутъ вамъ» въ рукописи зачеркнуты и вмѣсто нихъ написано сверху вначалѣ слово: *или*, такъ что вся фраза получаетъ такой видъ: «Или какой-нибудь эдакой пирогъ» и проч. [5] Слова: «Финансовъ, Министръ Юстиціи» и «Французскій» зачеркнуты и вмѣсто нихъ приписано сверху: «французскій посланникъ, англійскій (посланникъ), нѣмецкій» (см. сценич. текстъ, стр. 72). [6] Слово: «министры» зачеркнуто и сверху приписано собственноручно: «посланники и»... [7] Слова: «два дня, не сходя со стула, играемъ» въ рукописи зачеркнуты карандашной чертой. [8] Слова: «на, Маврушка!» приписаны сверху зачеркнутыхъ: «на, матушка!» при чемъ слово: «Маврушка» приписано дважды: сперва чернилами и потомъ карандашомъ. Передъ этимъ слова: «шинель кухаркѣ» зачеркнуты карандашной чертой и снова приписаны сверху чернилами (см. сценич. текстъ, стр. 73).

Стр. 202. [1] Предыдущія строки, начиная отъ словъ: «у меня звѣзда есть», зачеркнуты карандашными чертами. [2] Слова: «куда-то уѣхалъ» зачеркнуты и сверху приписано: «по болѣзни уѣхалъ въ свою деревню» (сценическій текстъ, стр. 73). [3] Слово: «маленькіе» зачеркнуто чернильной и карандашной чертами. Нѣсколько выше, въ предложеніи: «дойдетъ до Государя» слова: «до Государя» были густо зачеркнуты и потомъ Гоголь собственноручно вписалъ еще разъ на поляхъ: «Государя». [4] Послѣдняя фраза за-

черкнута чернильными и карандашными чертами и въ началѣ ея сверху приписано: «Да (зѣваетъ)». Ср. сценич. текстъ, стр. 74.

Стр. 203. [1] Это слово потомъ было зачеркнуто чернильной чертой.

Стр. 204. [1] Слово: «министромъ» зачеркнуто и сверху собственноручно приписано чернилами: «посланникомъ» (сценич. текстъ, стр. 82). [2] Слово: «вѣрно» зачеркнуто чернильной чертой. [3] Весь діалогъ между Марьей Антоновной и Анной Андреевной, начиная со словъ: «ей Богу, маменька, на васъ меньше гладѣлъ, чѣмъ на меня»..., въ рукописи зачеркнутъ нѣсколькими чернильными и карандашной чертами.

Стр. 205. [1] Весь діалогъ между Анной Андреевной и городничимъ зачеркнутъ чернильными чертами, начиная отъ словъ:

«*Анна Андреевна.* Послушай, да зачѣмъ ты пригласилъ его въ комнату»... [2] Послѣ этого между строкъ собственноручно приписана ремарка: «посматриваетъ на дочь». (См. сценич. текстъ, стр. 78). [3] Послѣ слова: «городничій» въ скобкахъ приписана ремарка: «Аннѣ Анд.». Эти слова потомъ были зачеркнуты и написано: «Женѣ и дочери». (См. сценич. текстъ, стр. 79).

Стр. 206. [1] Слова: «и князья» зачеркнуты. [2] Эта ремарка Анны Андреевны перечеркнута нѣсколько разъ поперечными волнистыми карандашными линіями. [3] Также; (слова: «Анны Андреевны» не зачеркнуты) |и послѣ того надъ строкою собственноручно приписано: «А что, скажи, пожалуйста, Осипъ: какъ онъ?» (См. сценич. текстъ, стр. 79). [4] Слова: «извѣстно, что ужъ чинъ важной» зачеркнуты карандашомъ. [5] Слова: «а маскерады?» зачеркнуты небольшой карандашной чертой и сверху приписано собственноручно чернилами: «Послушай, Осипъ. А какъ баринъ твой, въ мундирѣ ходитъ?» [6] Слово: «сосѣди» зачеркнуто карандашомъ и сверху собственноручно приписано чернилами: «другъ». Это измѣненіе и обозначенное въ примѣч. 5 внесены въ сценическій текстъ (см. стр. 80).

Стр. 208. [1] «Ногами» — вѣроятно, ошибка писца; слово зачеркнуто карандашомъ и карандашомъ же сдѣлана собственноручная поправка: «сапогами» (написано: «*сопогами*» («sic). [2] Послѣднее предложеніе зачеркнуто и вмѣсто него сверху написано: «и на свѣтъ послѣ не смотрите!» Въ предыдущемъ предложеніи слова: «какъ только» зачеркнуты и сверху приписано чернилами: «есть хоть». [3] Это мѣсто, начиная отъ словъ: «этакъ я люблю жить», зачеркнуто нѣсколькими чернильными чертами. [4] Слово: «бѣгаетъ» зачеркнуто и сверху приписано чернилами: «такъ все это». [5] Слово: «все» зачеркнуто. [6] Слово *и* зачеркнуто и между строкъ приписано сверху: «Все такъ акуратно (sic) и хорошо. Столъ (пр.) очень не дуренъ. Вина».

Стр. 209. [1] Послѣднія два слова зачеркнуты, а также надписанныя одно надъ другимъ сверху слова: «хорошъ», «да, недуренъ||» [2] Послѣ этого сверху, между строкъ, приписано собственноручно чернилами: «приволокнуться». [3] Здѣсь явная описка писца: «рублевой». [4] Передъ этимъ позднѣе собственноручно приписано чернилами между строкъ: «впрочемъ это». [5] Слова: «будетъ чѣмъ» зачеркнуты и сверху собственноручно приписано чернилами: «Теперь станетъ даже». [6] Слова: «а если онъ ужъ такъ глупъ, то» зачеркнуты и сверху приписано: «помолчавъ». [7] Послѣднее предложеніе зачеркнуто («Можетъ быть, наскочу» и проч.) и сверху собственноручно при-

писано: «Дастъ Богъ и мнѣ повезетъ»; послѣ этого было еще прибавлено и потомъ зачеркнуто: «счастіе». [8] Въ рукописи: «Шпекинъ». [9] Пропускъ въ рукописи. [10] Слово: «у» въ рукописи зачеркнуто.

Стр. 210. [1] Слова: «мнѣ очень хорошо знакомъ вашъ начальникъ» зачеркнуты сперва чернильной, а начиная отъ словъ: «знакомъ», карандашной чертой [2] Въ рукописи явная описка писца: «получили?» [3] Слово: «впрочемъ» зачеркнуто чернилами.

Стр. 211. [1] Сверху между строкъ еще разъ приписано собственноручно чернилами: «очень». [2] Послѣ этого сверху собственноручно чернилами ремарка: «пожимаетъ его руку». [3] Передъ словомъ: «нельзя» сверху приписано: «никакъ». Въ концѣ III явленія, послѣ словъ: «навѣстили меня» сверху приписано чернилами рукой Гоголя: «здѣлайте (sic) милость и впередъ, если будетъ время». [4] Фраза: «Я знакомъ съ вашимъ начальникомъ» зачеркнута карандашомъ. [5] Въ рукописи здѣсь описка писца: «позабываюсь» (sic).

Стр. 212. [1] Все это мѣсто было потомъ сильно измѣнено и надъ зачеркнутыми строками вписанъ собственноручно слѣдующій замѣнительный текстъ: «И что жъ (скажите пожалуйста) есть у васъ и дѣтки?»

Артемій Филиповичъ (sic) (Есть). Какъ же: два сына и три дочери.

Хлестаковъ. (Большіе?)

(*Артемій Филиповичъ*). Два уже учатся, а прочіе живутъ при мнѣ.

Хлестаковъ. Скажите, какое счастье!.. А какъ по имени? (И что жъ? какъ они?.. здоровы?)

Артемій Филиповичъ. Да слава Богу! Меньшой только немножко прихворнулъ.

Хлестаковъ. Прихворнулъ?

Артемій Филиповичъ. Да, вовлѣ пупка вздѣлался (sic) чирей.

Хлестаковъ. Ахъ, какъ это непріятно. Однакожъ, вѣдь это пройдетъ... А сколько у васъ дѣтокъ?

Артемій Филиповичъ. Всѣхъ пять: Николай, Иванъ, Лизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаковъ. Гм... Да, это хорошо!... Дай Богъ и впередъ». [2] Послѣ этого собственноручно вписано чернилами: «Конечно, если только вамъ можно... Я никакъ не смѣю требовать, чтобы сверхъ возможности... Я бы попросилъ»... [3] Слово: «вотъ» въ рукописи зачеркнуто чернильной чертой.

Стр. 213. [1] Слова: «и постараюсь изъяснить все это на бумагѣ» зачеркнуты. [2] Слово: «прощайте» зачеркнуто и вмѣсто него сверху собственноручно приписано чернилами: «заходите». [3] Фраза: «я очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ» зачеркнута карандашомъ. [4] Слова: «вы служите» зачеркнуты чернилами и сверху приписано собственноручно чернилами же: «или по этому... какъ бишь... Впрочемъ, это все равно». [5] Слово: «хорошо» въ рукописи зачеркнуто чернилами. [7] Послѣднія четыре слова и раньше: «въ вечеру, если пойдешь» — зачеркнуты и сверху собственноручно написано чернилами вмѣсто: «въ вечеру если пойдешь» — «изъ этихъ, что ходятъ по вечерамъ», а вмѣсто: «очень много встрѣтишь хорошенькихъ» (sic) — «есть прехорошенькія (sic). Со мной очень часто прелюбопытныя бывали исторіи». [8] Послѣ этого собственноручно приписано между строкъ черни-

лами: «вотъ судьба!» [9] Все это мѣсто: «позабываю ваше имя — Луку Лукича» зачеркнуто. Очевидно, Гоголь предполагалъ передѣлать конецъ пятаго явленія; но этой передѣлки въ рукописи нѣтъ. Въ 8-ьей редакціи все это явленіе выкинуто.

Стр. 214. [1] Слово: «А» зачеркнуто и сверху приписано: «Да». Послѣ слова: «служили» рукою Гоголя приписано между строкъ чернилами: «уже». [2] Слова: «очень радъ... Мнѣ очень пріятно...» зачеркнуты.

Стр. 215. [1] Сверху приписано собственноручно чернилами: «пять». [2] Рядомъ приписано собственноручно другими чернилами: «попросить у васъ». [3] Все это мѣсто, начиная отъ словъ Хлестакова: «Я хотѣлъ васъ попросить», зачеркнуто и между строкъ внесенъ собственноручно чернилами новый текстъ, отчасти слова зачеркнуты чернильными чертами. Вотъ онъ вполнѣ:

«*Хлестаковъ*. Да это подобная исторія съ моимъ знакомымъ (да Директоромъ Департа(мента), однимъ чиновникомъ, который (Да это со мною). Вотъ я вамъ разскажу: исторія даже почти невѣроятная! (тоже по поводу этого разсказать одну очень любопытную, странную исторію). Очень выгодно служилъ. Сидитъ онъ въ халатѣ, закурилъ трубку (Приходитъ потомъ ко мнѣ). Вдругъ къ нему приходитъ одинъ мой то же пріятель (гвардѣецъ (sic) капитанъ) гвардѣецъ (sic) (кавагар...) кавалергадского (sic) полку и говоритъ» [останавливается и смотритъ между тѣмъ пристально въ глаза Растаковскому]: «Послушайте, однакожъ, ну, можете ли вы мнѣ (однакожъ), дать сколько-нибудь въ займы денегъ: я въ дорогѣ истратился)».

Потомъ снова слѣдуютъ приписанныя вновь и также зачеркнутыя строки: «Одинъ у насъ чиновникъ немолодыхъ лѣтъ, заслуженный, имѣетъ (Владим(іра) Анну на шее (sic). Я даже самъ потомъ за него отчасти даже хлопот(алъ) за него (sic.); только этотъ самый чиновникъ въ одинъ день, собравшись уже совершенно съ тѣмъ, чтобы идти (въ) департаментъ... (Скажите!..) приходитъ къ одному капитану. Только имѣлъ у себя знакомаго гвардейскаго капитана... Приходитъ [останавливается и нѣсколько тише]: «Скажите, пожалуста (sic), я при этомъ удобномъ случаѣ попросилъ бы у васъ въ займы триста...» [4] Слова: «я то подавалъ еще» зачеркнуты и вмѣсто нихъ сверху собственноручно приписано чернилами: «Да оно, сказать правду, не такъ и давно...» [5] Предложеніе: «Можетъ быть, онъ просьбу не туда отнесъ, куда нужно» зачеркнуто и сверху приписано собственноручно чернилами: «Такъ, статья можетъ, что прозьбу (sic) отнесъ онъ не туды, куды слѣдуетъ».

Стр. 216. [1] Послѣднія слова Хлестакова зачеркнуты чернилами и въ началѣ собственноручно приписано сверху чернилами: «Хорошо! Хорошо! я скажу!», а въ концѣ приписано внизу и потомъ зачеркнуто: «Вы, будьте увѣрены... у себя, у себя (тоже въ канцеляріи порюсь)». [2] Слова: «я не слишкомъ буду дощитываться» (sic) въ рукописи зачеркнуты чернилами. [3] Слово: «*ихъ*» зачеркнуто чернильной чертой. [4] Слова: «я вамъ завтра» зачеркнуты чернилами и сверху между строкъ собственноручно чернилами приписано: «Я вамъ это при первомъ... почту за (благородный) долгъ возвратить».

Стр. 217. [1] Такъ въ рукописи.

Стр. 218. [1] Слова: «не такъ» въ рукописи зачеркнуты. [2] Слова: «вообще время

хорошее на все» зачеркнуты и сверху собственноручно приписано чернилами: «Вообще чиновникамъ назначенно (sic) хорошее жалованье». [3] Послѣ этого между строкъ собственноручно приписано чернилами: «въ займы, въ займы (bis). То есть это вотъ что̀ значитъ». [4] Слово: «взаймы» зачеркнуто и сверху приписано: «теперь». [5] Въ рукописи: «einen Zigaren» (sic). [6] Послѣ этого сверху приписано: «А перечтемъ между прочимъ» и затѣмъ сдѣлана выноска съ лѣваго боку страницы, отмѣченная знакомъ ⌗; эта выноска состоитъ изъ двухъ строкъ: («щитаетъ» (sic): десять, двадцать, пятьдесятъ (слюня палецъ), замасленная какая! сто, двѣсти, триста, пятьсотъ (ого!)».

Стр. 219. [1] Всѣ эти строки, начиная отъ словъ: «эка, чортъ возьми, сколько денегъ!» зачеркнуты чернильными чертами и вмѣсто нихъ между строкъ внесенъ слѣдующій измѣненный текстъ: «О! до тысячи добирается! Какъ странно судьба... (как). Я вчера никакъ не думалъ, чтобы (у меня) такъ много было денегъ. Мнѣ (очень нравится) здѣшнее добродушіе очень нравится. И откровенности, и довѣрія больше, нежели въ столицѣ. (А) Тамъ какой-нибудь портнишка (sic) (ни за что) не пошьетъ тебѣ въ долгъ фрака, а сдѣсь (sic) все такъ благородно...» [2] Слова: «только посвистываютъ» зачеркнуты и вмѣсто нихъ сверху приписано: «я думаю, люли только: вѣтеръ такъ и посвистываетъ». [3] Слово: «обкритикуетъ» зачеркнуто и сверху приписано: «оббреетъ». Кромѣ того, послѣ слова: «пускай» приписано сверху и снова зачеркнуто слово: «онъ». [4] Слова: «съ тѣмъ» въ рукописи зачеркнуты. [5] Слово: «только» зачеркнуто въ рукописи. [6] Начало X явленія. («Явленіе X — отнеси это письмо») потомъ было приписано и собственноручно и почти безъ помарокъ *переписано* Гоголемъ (съ готоваго оригинала) на особомъ полулистѣ, вклеенномъ между страницею 126 и 127 рукописи и не занумерованномъ. Все это мѣсто занимаетъ только *первую* страницу вклееннаго полулиста и замѣняетъ текстъ первоначальный, написанный на стр. 127 и потомъ перечеркнутый крестъ на крестъ. Вотъ измѣненный текстъ: «Хлестаковъ и Осипъ (съ чернилами и бумагой).

Хлестаковъ (пишетъ). «Послушай «Осипъ» (продолжаетъ писать) «Ты, вотъ какъ я напишу письмо, отнесешь его сей же часъ на почту да возьми подорожную и потребуй лошадей самыхъ лучшихъ... а ямщикамъ скажи, что я буду теперь давать по цѣловому на водку (съ тѣмъ), чтобы (только) везли лихо и пѣсни затягивали бы самыя залихвацкія (sic), такъ, какъ фельдъегеря скачутъ». (Продолжая писать): «Воображаю, какъ Тряпичкинъ будетъ смѣяться: онъ вѣдь такой остроумный». (Запечатываетъ и подписываетъ адресъ). «Не съѣхалъ ли съ квартиры? Онъ вѣдь тоже любитъ переѣзжать и не доплачивать. На, отдай поскорѣ(е)!

Осипъ. Я, сударь, отправлю черезъ человѣка, а самъ лучше буду укладываться, чтобы не пропало понапрасну время.

Хлестаковъ. Хорошо, отдай черезъ человѣка.

Осипъ. (уходитъ и говоритъ за сценой). Эй, послушай, братъ. Отнеси вотъ это...» — Все это внесено въ сценическій текстъ (см. стр. 99).

Стр. 221. [1] Въ рукописи: «понапрасно». [2] Слова: «И не только на щетъ (sic) этого, что̀ ему, то есть, долженъ принесть, а сверхъ того самъ еще

беретъ, что̀ ни вздумается» въ рукописи зачеркнуты чернильными чертами. [3] Слово: «мы» въ рукописи зачеркнуто. [4] Въ рукописи: «каждой» (sic). Сверхъ того послѣ слова: «исполняемо» слово *и* приписано тѣми же чернилами и рукою писца. [5] Послѣ этого сверху собственноручно приписано чернилами: «тоже». [6] Слова: «вишь ты» въ рукописи зачеркнуты. [7] Слова: «нечего дѣлать, и несешь» зачеркнуты. [8] Слово: «уже» въ рукописи зачеркнуто. [9] Позднѣе переправлено: «на Антонія». [10] Послѣ этого позднѣе было приписано собственноручно чернилами: «А что̀ хуже еще». [11] Послѣ этого приписано: «какъ».

Стр. 222. [1] Послѣ этого собственноручно приписано чернилами: «нужно его».

Стр. 223. [1] Въ рукописи: «слюсорша». [2] Такъ въ подлинникѣ.

Стр. 225. [1] Хотя въ рукописи зачеркнуты волнистой карандашной чертой только слова: «Право, какъ,» но, очевидно, что эта черта должна была захватить всю строку, такъ что Гоголь предполагалъ исключить все окончаніе этого явленія (со словъ: «голосъ Анны Андреевны» до «вскрикиваетъ»). Весь конецъ сцены зачеркнутъ карандашомъ. Лишь по недоразумѣнію писца въ петербургской театральной рукописи были удержаны слова: «*голосъ Анны Андреевны*. Будто никому дѣла нѣтъ». Потому они и зачеркнуты въ рукописи въ два пріема. [2] Въ рукописи, вѣроятно, по недоразумѣнію писца: «*и* нужа нѣтъ». Весь конецъ этого явленія, начиная съ словъ Анны Андреевны: «Тамъ набрело просителей полонъ дворъ», зачеркнутъ косой карандашной чертой. [4] Всѣ эти строки начала XIII явленія зачеркнуты, кромѣ послѣднихъ словъ Марьи Антоновны, которыя измѣнены такъ: «Ахъ, извините меня, я право, я не знала, что вы тутъ сидите. Я шла приказать ключницѣ». Здѣсь зачеркнуты слова: «ни», «мнѣ» (сверху приписано: «я»), «очень» (сверху приписано: «я не знала») и «нужно» (сверху приписано: «что вы [изв(ините)] тутъ сидите... Я шла...») [5] Послѣ этого приписано собственноручно чернилами: «позднѣе». [6] Слова: «вы остаетесь здѣсь» зачеркнуты и сверху приписано собственноручно: «вы не смотрите на ее (sic)». [7] Послѣ этого рядомъ собственноручно приписано авторомъ: «Садитесь, сдѣлайте милость, садитесь вотъ тутъ, чтобы я могъ смотрѣть на васъ». [8] Послѣднія строки, начиная отъ словъ Анны Андреевны: «Я никакъ не беру на свой щотъ», въ рукописи зачеркнуты. [9] Послѣ этого собственноручно приписано позднѣе: «сѣла».

Стр. 226. [1] Слова: «чтобы обнимать все, что̀ ни есть у васъ» въ рукописи зачеркнуты чернильной и карандашной чертами. [2] Слово: «хорошая» зачеркнуто и сверху собственноручно приписано: «странная», а послѣ слова: «погода» прибавлено: «на дворѣ». [3] Всѣ эти строки, начиная съ словъ: «Вы бы лучше пропѣли или проиграли на фортепіяно», зачеркнуты и сверху приписано собственноручно: «Я бы васъ попросила, чтобы вы мнѣ написали лучше на память какіе-нибудь стишки въ альбомъ». (Во всей этой сценѣ имя: «Анна Андреевна» переправлено позднѣе на: «Марья Антоновна»). [4] Эта фраза зачеркнута и сверху собственноручно приписано: «для васъ, сударыня, все, что̀ хотите». [5] Послѣ этого рядомъ приписано собственноручно: «какіе же вы мнѣ напишите?» (sic). [6] Послѣ этого сверху приписано собственноручно: «ну, пожалуй, я вамъ (напишу) хоть это». [7] Послѣднія строки, начиная отъ словъ: «я такъ щастливъ», въ рукописи зачерк-

нуты и вмѣсто нихъ сверху собственноручно приписано: «Я вамъ лучше вмѣсто этого представлю мою любовь, которая отъ вашего взгляда»... (придвигая стулъ)». Нѣсколько раньше, въ выраженіи: «ну и множество другихъ» слово: «множество» зачеркнуто и «другихъ» переправлено въ: «другіе».

Стр. 227. [1] Вся предыдущая страница рукописи, отъ словъ: «я такъ счастливъ, что сижу теперь возлѣ васъ» перечеркнута двумя перекрестными чернильными чертами. [2] Сверху собственноручно между строкъ приписана чернилами ремарка: «Марья Антоновна (отодвигаясь)». Далѣе текстъ значительно измѣненъ и удержано только начало реплики Хлестакова: «Отъ чего жъ далеко? Вѣдь все равно и близко. Это вѣдь только въ воображеніи». Приводимъ здѣсь послѣдующій видоизмѣненный текстъ:

«*Хлестаковъ* (придвигается).

Марья Антоновна (отдвигаясь). Да къ чему жъ это?

Хлестаковъ (придвигаясь) Да вѣдь это вамъ кажется только» (это слово приписано сверху строки), «что близко, а вы вообразите» (послѣднія два слова приписаны вмѣсто зачеркнутыхъ: «оно совсѣмъ») «себѣ, что» (послѣднія два слова приписаны сверху строки) «далеко... Какъ бы я былъ счастливъ, сударыня, еслибъ могъ прижать васъ въ свои объятія!»

Послѣ этого слова: «Анна Андреевна» при позднѣйшемъ измѣненіи текста остались въ рукописи не переправленными въ: «Марья Антоновна». Далѣе слово: «ворона» зачеркнуто и сверху приписано: «сорока», и въ отвѣтѣ Хлестакова зачеркнуто слово *сорока*, но потомъ возстановлено нѣсколькими чернильными чертами подъ этимъ словомъ. Затѣмъ послѣ словъ: «Анна Андреевна» (это имя, какъ и во всей сценѣ, переправлено въ: «Марья Антоновна») «встаетъ»—собственноручно прибавлена реплика: «съ негодованіемъ». Затѣмъ зачеркнуты слова: «слишкомъ. Вы меня почитаете за какую-нибудь» и вмѣсто нихъ собственноручно приписано сверху: «Наглость! (Наглость такая!) такая! (Наглост) [Хочетъ уйти]». Къ слѣдующимъ за тѣмъ словамъ Хлестакова приписано (рядомъ) и потомъ зачеркнуто: «я готовъ на колѣнахъ просить у васъ прощенія») (становится на колѣни)». Слова Анны Андреевны зачеркнуты и приписаны внизу слѣдующія слова Марьи Антоновны: «Вы меня почитаете за какую-нибудь» (силится уйти)» и Хлестакова: «Изъ любви! ей Богу, изъ любви! Я такъ только пошутилъ. Марья Антоновна, не сердитесь! — Я готовъ сей (sic) на колѣнахъ у васъ просить прощенія» (падаетъ на колѣни)». Кромѣ того, при имени «Хлестаковъ» оба раза сдѣланы реплики: въ первый разъ: — «удерживая ее», а во второй: «продолжая удерживать». [3] Слова: «руки вашей прошу, а не то умру, сію же минуту умру» зачеркнуты волнистой (зигзагами) карандашной чертой.

Стр. 228. [1] Слова: «отдать руки вашей» зачеркнуты карандашной чертой. [2] Слова Анны Андреевны: «У меня, право, есть мужъ; развѣ въ Синодъ» зачеркнуты. Весь предыдущій отрывокъ послѣ словъ Хлестакова: «А чортъ возьми» въ началѣ явленія перечеркнутъ чернилами крестъ на крестъ, и далѣе до словъ: «я и сама не знаю, что̀ такое». [3] Послѣднія строки зачеркнуты волнистой карандашной чертой.

Стр. 229. [1] Все это мѣсто зачеркнуто чернильными чертами и надъ зачеркну-

тѣмъ приписанъ и снова зачеркнутъ слѣдующій видоизмѣненный текстъ: «Анна Андреевна! Я съ первой минуты почувствовалъ къ вамъ такую привязанность и къ вашей дочери... Сдѣлайтесь (sic) милос. меня счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Я прошу руки Маріи Антоновны! Рѣшите мою участь). (Если вы не согласитесь, то сдѣлайте). (Да у ногъ вашихъ, Анна Андреевна)». Вмѣсто: «склонитесь» въ рукописи: «склоните». [2] Всѣ эти строки зачеркнуты и вмѣсто нихъ приписано: «вы не можете представить, что со мною можетъ случиться... Я умру; ей Богу, умрю (sic)». Послѣ этого слѣдуетъ выноска съ лѣваго боку, отмѣченная знакомъ ⌗: «сію же минуту умру. Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ... Застрѣлюсь пистолетомъ» и снова рядомъ съ зачеркнутымъ текстомъ: «Напропало застрѣлюсь...» [3] Слова: «мнѣ нужно достойно» зачеркнуты. [4] Слово: «сударыня» также зачеркнуто и сверху приписано и снова зачеркнуто: «Анна Андреевна». [5] Послѣ этого вписано рукой Гоголя рядомъ: «Я (рѣшительной) человѣкъ. Мнѣ жизнь копѣйка)». [6] Эти строки зачеркнуты; вмѣсто нихъ собственноручно приписаны и снова зачеркнуты слѣдующія слова: «позвольте мнѣ за...поцаловать (sic) вашу ручку» и далѣе: «Какъ бы я былъ счастливъ, сударыня, если бы могъ вашу ручку прижать къ своему... сердцу». Вслухъ Аннѣ Андреевнѣ: «Я (сударыня) съ перваго раза, какъ-только увидѣлъ васъ, почувствовалъ къ вамъ въ сердцѣ такую любовь». [7] Предидущее мѣсто, начиная съ вопроса Хлестакова: «Что съ вами?», зачеркнуто карандашными и чернильными чертами.

Стр. 230. [1] Слова: «ей Богу, не сѣкъ» зачеркнуты. [2] Слова: «я вамъ скажу» зачеркнуты и вмѣсто нихъ сверху приписано собственноручно: «осмѣлюсь доложить». [3] Слова: «Богъ съ тобой!» зачеркнуты и вмѣсто нихъ сверху приписано: «рехнулась, матушка!» Потомъ слово: «крестится» переправлено въ: «крестить ее». [4] Эти слова Хлестакова зачеркнуты кромѣ перваго слова: «нѣтъ», и вмѣсто нихъ сверху приписано: «Я, точно, прошу руки. Я очень влюбленъ». [5] Слово: «несчастнѣйшимъ» потомъ переправлено въ: «нещастнымъ» (sic). [6] Послѣ этого рядомъ приписано собственноручно: «вѣрить». [7] Первое слово: «Боже» зачеркнуто и сверху приписано: «ахъ». [8] Послѣ собственноручно приписано сверху: «въ головѣ».

Стр. 231. [1] Слова: «эка счастье какое привалило!» зачеркнуты и вмѣсто нихъ сверху въ слѣдующихъ строкахъ приписано: «[протираетъ глаза] Да, да, цѣлуются! точно, (соверш) цѣлуются!... Такъ, какъ будто бы, точно, женихи. Эко счастье привалило!» [2] Слова: «на счетъ свадьбы» зачеркнуты и вмѣсто нихъ приписано сверху: «то есть... Вы изволили...» [3] Слова: «соблаговолите—свѣтлое лицо» зачеркнуты и сверху собственноручно приписано: «въ надеждѣ благополучнаго возвращенія». [4] Въ этой фразѣ слова: «нѣтъ», «вѣть» и «очень» зачеркнуты. [5] Слова: «я съ вами на минуточку только разстаюсь» зачеркнуты и вмѣсто нихъ собственноручно приписано: «грустно и на малое время разставаться съ вами». [6] Сверху приписано: «Ну, это пустяки... сколько-нибудь». Кромѣ того, передъ словомъ: «мнѣ» сверху приписано: «вы», а послѣ него: «двѣсти, т.-е. оно не двѣсти, но по настоящему четыреста,— я не хочу воспользоваться вашею ошибкою». Въ этой строкѣ слово *око* написано сверху всей этой междустрочной вставки, вмѣсто зачеркнутыхъ въ ней словъ: «вы мнѣ». [8] Послѣ этого сверху

строки приписана собственноручно ремарка: «беретъ и разсматриваетъ ассигнаціи», при чемъ вмѣсто слова: «ассигнаціи» прежде было: «бумажки».

Стр. 282. [1] Слово: «всегда» въ рукописи зачеркнуто чернильной чертой. Передъ этимъ въ серединѣ сцены XVI, передъ ремаркой: «за сценой», изъ послѣдней реплики Хлестакова удержаны только слова: «Ну такъ прощайте», послѣ которыхъ слѣдуетъ ниже приводимый видоизмѣненный текстъ, собственноручно приписанный позднѣе между строкъ: «Антонъ Антоновичъ! Вы меня очень обязали вашимъ гостепріимствомъ; я вамъ много благодаренъ. Я поистинѣ признаюсь вамъ (не думайте, чтобы это былъ комплиментъ), мнѣ никогда не было такого хорошаго пріема. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна! Не замѣшкаюсь; можетъ быть, завтра же и назадъ».

Стр. 283. [1] Слова: «это, чтобъ какая-нибудь просто изъ...» въ рукописи зачеркнуты и вмѣсто нихъ собственноручно приписано сверху чернилами: «просто изъ какой-нибудь». [2] Слова: «теперь забираетъ меня охота отдѣлать всѣхъ этихъ мерзавцевъ, которые смѣли подавать на меня доносы» зачеркнуты и сверху собственноручно приписано: «Теперь-то я задамъ перцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы». [3] Слова: «жаловаться? ишь...» и потомъ: «я вамъ теперь дамъ знать, армянники! и объявилъ тамъ всѣмъ, чтобы знали» зачеркнуты и вмѣсто нихъ собственноручно приписанъ сверху измѣненный текстъ: «постойте жъ, голубчики! Прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Заняли всѣхъ, кто только ходилъ бить челомъ на меня, и вотъ этихъ больше всего, писарей, которые закручивали имъ просьбы. Да объявилъ всѣмъ, чтобы знали...»

Стр. 284. [1] Слово: «лучше» въ рукописи пропущено.

Стр. 285. [1] Слово: «козлиныя» зачеркнуто и сверху собственноручно приписано: «засусленныя;» далѣе также приписано, но потомъ зачеркнуто чернильной чертой: «продажныя».

Стр. 286. [1] Послѣ этого сверху собственноручно приписана ремарка: «Махнувъ рукою». [2] Слово «теперь» потомъ было зачеркнуто. [3] Послѣдняя строка написана въ замѣнъ другой, тщательно выскобленной. [4] Въ рукописи слова: «съ новымъ счастьемъ» зачеркнуты.

Стр. 287. [1] Прежде было написано: «тѣ же, Погонялевъ съ женою, Лука Лукичъ съ женою; множество гостей въ сюртукахъ, фракахъ и Богъ знаетъ въ чемъ. Потомъ Бобчинскій и Добчинскій», но потомъ эти строки зачеркнуты. Нѣсколько выше, въ четвертомъ явленіи, въ ремаркѣ слово: «*обращается*» собственноручно переправлено изъ ошибочно переписаннаго: «обратившись». [2] Слово: «послушай» зачеркнуто и противъ всего пятаго явленія сбоку проведена чернильная черта.

Стр. 288. [1] Вся предыдущая часть шестаго явленія перечеркнута нѣсколькими чернильными чертами, а продолженіе до словъ Бобчинскаго: «имѣю честь поздравить» зачеркнуто карандашной чертой. Слова: «множество гостей» измѣнено въ одно слово: «гости».

Стр. 289. [1] Все это явленіе въ рукописи перечеркнуто нѣсколькими чернильными и карандашными чертами. [2] Послѣ этого позднѣе собственноручно

приписаны чернилами слова городничаго и ремарка: «прошу садить (sic), господа» (гости усаживаются)».

Стр. 240. [1] Это мѣсто было испорчено писцомъ, который передалъ его такъ: «И такъ даже напугалъ, говоритъ, упавши» (на колѣна?),... «что, когда началъ говорить, что онъ застрѣлится»; Гоголь зачеркнулъ слова: «упавши» и «когда началъ говорить, что онъ...,» и послѣ слова: «застрѣлится» собственноручно приписалъ рядомъ и на слѣдующей строкѣ: «ей Богу». [2] Весь предыдущій діалогъ, начиная отъ словъ жены Погонялева: «Я, Анна Андреевна, узнала теперь секретъ», перечеркнутъ нѣсколькими чернильными и карандашными чертами.

Стр. 241. [1] Предыдущія строки, начиная отъ словъ ремарки: «слышнѣе другихъ слѣдующіе голоса», зачеркнуты ломаной чернильной чертой. [2] Между строкъ собственноручно приписано:

«*Городничій.* Покорнѣйше благодарю, господа, и вамъ того же!»

[3] Слова: «очень спертый» зачеркнуты и вмѣсто нихъ сверху приписаны собственноручно слѣдующія: «деревенщина ужъ слишкомъ. Признаюсь, большая непріятность!» [4] Слова: «солидности, голосу и» зачеркнуты.

Стр. 242. [1] Слово: «хлопотами» зачеркнуто карандашомъ и *внизу этого слова* было написано: «обѣщаньями»; потомъ приписано: «обѣщаніями» — чернилами и въ одну строку съ «хлопотами»,—послѣ него. Очевидно, по этой рукописи Гоголь читалъ свою комедію знакомымъ съ карандашомъ въ рукѣ. [2] Послѣдняя реплика Анны Антоновны сильно измѣнена. Первую фразу: «Можно! Ты это себѣ воображаешь» Гоголь, зачеркнувъ слово: «ты» и приписавъ снова послѣ слова: «это» и слово: «такъ» послѣ слова: «себѣ», измѣнилъ такъ: «Можно! это ты себѣ такъ воображаешь!» Послѣ этого остальныя слова Анны Андреевны перечеркнуты нѣсколькими карандашными и чернильными чертами и въ замѣнъ ихъ между строкъ приписанъ слѣдующій видоизмѣненный текстъ:

«(*Одна изъ гостей*). *Коробкина.* Вы слышали, какъ она отзывается о насъ? *Гостья.* Да она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги свои»... — Послѣднія строки, какъ читатель видитъ, перенесены изъ явленія VIII (см. выше, стр. 240 и на этой стр., примѣч. 2-е). [3] Слова: «просто удивительное!» зачеркнуты и сверху собственноручно приписано: «Чрезвычайно странное».

Стр. 243. [1] Послѣднія слова почтмейстера зачеркнуты и сверху собственноручно приписано: «Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что̀ Сибирь! Далеко Сибирь! Вотъ лучше я вамъ прочту» (сверху надъ междустрочнымъ текстомъ еще приписано: «Я письмецо»). «Господа, позвольте прочитать письмо?»

Стр. 244. [1] Слово: «бонъ-мо», не разобранное писцомъ, пропущено и для него оставлено мѣсто. [2] Ремарка: «читаетъ» зачеркнута, но затѣмъ снова собственноручно возстановлена авторомъ послѣ приписанныхъ передъ нею словъ: «позвольте, я прочитаю». [3] Слово: «нашего» собственноручно приписано между строкъ.

Стр. 245. [1] Слово: «вотъ» зачеркнуто чернильной чертой. [2] Послѣ имени: «Артемій Филипповичъ» собственноручно прибавлена рядомъ ремарка: «не давая письма». [3] Все предыдущее мѣсто, начиная съ словъ Коробкина:

«э, скажите, господа!», зачеркнуто и вмѣсто него вписанъ слѣдующій видоизмѣненный текстъ:

«*Коробкинъ*. Ужъ я знаю.

Артемій Филиповичъ (sic) Нѣтъ, я и самъ прочитаю: далѣе, право, все разборчиво.

Почтмейстеръ. Нѣтъ, все читать! Вѣдь прежде все читали!

Всѣ. Отдайте, Артемій Филипповичъ. Отдайте письмо»! (Коробкину). «Читайте»!

«*Артемій Филиповичъ*. (sic) Сейчасъ». (*Отдаетъ письмо*). «Вотъ позвольте, я закрою пальцемъ» (*закрываетъ пальцемъ*); «вотъ этого мѣста только не читайте, а прочее все можно». Слова Городничаго: «Отдайте» зачеркнуты и вмѣсто нихъ сдѣлана приписка:

«*Всѣ* (*приступаютъ къ нему*). Читайте! читайте». [4] Вмѣсто слова: «картузъ» сверху собственноручно приписано: «ѣрмолкѣ» (sic). [5] Слово: «моветонъ» снова было не разобрано писцомъ и вмѣсто него оставленъ пробѣлъ. [6] Передъ словомъ: «просто» сверху собственноручно приписано: «все это». [7] Послѣ этого собственноручно приписана внизу въ концѣ страницы еще строка: «Никакихъ этихъ холодностей, (этихъ), которыя бываютъ въ свѣтѣ».

Стр. 246. [1] Все предыдущее мѣсто, начиная отъ словъ городничаго: «Господа, протестую; будьте свидѣтелями: почтмейстеръ показалъ мнѣ при всѣхъ шишъ» (см. выше, стр. 243), зачеркнуто авторомъ и затѣмъ вырванъ незанумерованный полъ-листъ. На первой невырванной страницѣ, съ лѣваго боку собственноручно приписана поправка къ одной изъ репликъ Артемія Филипповича: «и нимало не устроумно (sic) и (неправдобно — sic!). Чортъ знаетъ что: свинья въ картузѣ! Совсѣмъ не правдобно (sic): гдѣ жъ свинья въ картузѣ бываетъ?»—и къ репликѣ Луки Лукича: «Ей Богу, никогда и въ ротъ не бралъ луку!» Кромѣ того, въ письмѣ Хлестакова слова: «мерзавецъ мальчишка» собственноручно приписаны сверху, вмѣсто зачеркнутаго слова: «хозяинъ». Вмѣсто зачеркнутаго и вырваннаго вложены два несшитыхъ листа сѣрой бумаги съ нѣсколько измѣненнымъ текстомъ и съ указанными нами собственноручными поправками автора. [2] Послѣ этого между строкъ собственноручно приписано:

«*Почтмейстеръ*. Куда тутъ воротить! Я какъ нарочно приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку и впередъ послалъ предписаніе, чортъ бы меня (побралъ) совсѣмъ побралъ!» [3] Слова Анны Андреевны: «Не вѣрю, ничему не вѣрю» и Коробкина: «Эхъ какой казусъ!» въ рукописи зачеркнуты нѣсколькими чернильными чертами. [4] Слова: «занялъ» и «сказалъ: «только до завтра» зачеркнуты. Послѣ этого при словѣ: «Почтмейстеръ» прибавлена ремарка: «вздохнувъ» и изъ словъ его: «у меня у самого сто рублей выпросилъ» оставлены только: «сто рублей», передъ чѣмъ сверху приписано: «эхъ и меня», такъ что видоизмѣненная фраза получила такой видъ: «Охъ, и (у) меня сто рублей!» (Предлогъ *у* въ подлинникѣ пропущенъ). [5] При имени: «Лука Лукичъ» собственноручно прибавлена ремарка: «къ зрителямъ», и слова его: «У меня полтораста всѣ ассигнаціями», слова: «у меня» и «всѣ» зачеркнуты чернильной чертой и

подъ строкой собственноручно приписано чернилами же: «Такъ и тутъ же спряталъ при мнѣ въ бумажникъ». [6] Послѣдняя реплика Растаковскаго перечеркнута нѣсколькими чернильными чертами. [7] Изъ этой реплики Аммоса Ѳедоровича зачеркнуты начальныя слова: «Экое въ самомъ дѣлѣ» и вмѣсто нихъ собственноручно приписано и вновь зачеркнуто: «Какъ же это, господа?», а изъ послѣднихъ ея словъ: «какъ же это мы?» зачеркнуто: «мы» и сверху собственноручно приписано: «господа», послѣ чего приписано рядомъ нѣсколько словъ, которыя вмѣстѣ съ прежними: «какъ же это мы» составили новую фразу: «какъ же это мы въ самомъ дѣлѣ такъ оплошали!» при чемъ слово «такъ» приписано сверху строки.

Стр. 247. [1] Послѣ этого сверху между строкъ собственноручно приписано: «Что̀ губернаторовъ! Попа наисповѣди надулъ: разсказалъ совсѣмъ другое!» [2] Слова: «тра-ла-ла» зачеркнуты и сверху опять приписано: «тра-ла-ла». [3] Послѣ этого сверху между строкъ, собственноручно приписано: «чортъ бы побралъ его». [4] Послѣднія слова послѣ вопросительнаго знака зачеркнуты карандашными чертами и сверху собственноручно приписано чернилами: «Имѣлъ бы онъ въ себѣ что-нибудь внушающее уваженіе». Послѣднія слова находимъ далѣе написанными еще разъ карандашомъ и наскоро, что̀ снова подтверждаетъ нашу догадку о томъ, что именно по этой рукописи Гоголь читалъ «Ревизора» своимъ друзьямъ.

Стр. 248. [1] Слова: «всѣ открываютъ въ изумленіи рты и въ разныхъ положеніяхъ минуту остаются неподвижны» зачеркнуты чернильными чертами, и вмѣсто нихъ сверху между строкъ собственноручно приписано: «Ужасъ выражается различно на всѣхъ лицахъ. У всѣхъ открыты рты. Въ различныхъ положеніяхъ цѣлую минуту неподвижны».

Въ заключеніе примѣчаній о «Ревизорѣ» прилагаемъ здѣсь афишу перваго представленія «Ревизора» въ Москвѣ.

1836.

ВЪ БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ

Въ понедѣльникъ 25 маія, Императорскими Россійскими Актерами представлено будетъ

въ первый разъ

РЕВИЗОРЪ

оригинальная комедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. Н. Гоголя.

Дѣйствующіе:

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ Дмухановскій, городничій ...	*Г. Щепкинъ.*
Анна Андреевна, жена его ...	*Гжа Львова-Синецкая.*
Марья Антоновна, дочь его ...	*Г-жа Самарина.*
Лука Лукичъ Хлоповъ, смотритель училищъ ...	*Г. Волковъ.*
Жена его ...	*Г-жа Кашина.*

Аммосъ Ѳедоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья	*Г. Н. Степановъ.*
Артемій Филипповичъ Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній	*Г. Румяновъ.*
Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ, почтмейстеръ	*Г. Потанчиковъ.*
Петръ Ивановичъ Добчинскій, городскіе помѣщики	*Г. Шумскій*
Петръ Ивановичъ Бобчинскій, городскіе помѣщики	*Г. Никифоровъ.*
Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга	*Г. Ленскій.*
Осипъ, слуга его	*Г. Орловъ.*
Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лѣкарь.	*Г. Зеленинъ.*
Ѳедоръ Андреевичъ Люлюковъ, отставные чиновники, почетныя лица въ городѣ.	*Г. Соловьевъ.*
Иванъ Лазаревичъ Ростаковскій, отставные чиновники, почетныя лица въ городѣ.	*Г. Бардинъ.*
Степанъ Ивановичъ Коробкинъ, отставные чиновники, почетныя лица въ городѣ.	*Г. Богдановъ 2-й.*
Жена Коробкина	*Г-жа Сорокина.*
Степанъ Ильичъ Уховертовъ, частный приставъ.	*Г. Степановъ.*
Свистуновъ, полицейскіе	*Г. Щеглов 2-й*
Пуговицынъ, полицейскіе	*Г. Живокини 2-й.*
Держиморда, полицейскіе	*Г. Максимовъ 1-й.*
Абдулинъ, купецъ	*Г. Соколовъ 1-й.*
Февронья Пошлепкина, слесарша	*Г-жа Божановская.*
Мишка, слуга Городничаго	*Г. Шубертъ.*
Слуга въ трактирѣ	*Г. Максимовъ 2-й.*
Жандармъ	*Г. Калинкинъ.*

Гости, гостьи, купцы и просители.

Начало въ 7 часовъ.

Билеты для сего спектакля можно получать въ день представленія съ 10 часовъ утра въ Большомъ Театрѣ.

На Петербургскомъ театрѣ первое представленіе «Ревизора» состоялось 19, второе — 22-го апрѣля 1836 г. Роли были распрѣдѣлены такъ:

Городничій	*Г. Сосницкій.*
Анна Андреевна	*Г-жа Сосницкая*
Марья Антоновна	*Г-жа Асенкова.*
Хлестаковъ	*Г. Дюръ.*
Осипъ	*Г. Аванасьевъ.*
Аммосъ Ѳедоровичъ	*Г. П. Каратыгинъ.*
Артемій Филипповичъ	*Г. Толченовъ.*
Пошлепкина	*Г-жа Гусева.*
Абдулинъ	*Г. Сосновскій.*
Добчинскій	*восп. Крамолей.*
Бобчинскій	*восп. Петровъ.*
Держиморда	*восп. Марковацкій.*
Люлюковъ	*восп. Ахалинъ.*
Мишка	*восп. Горшенковъ*[1]).

[1]) См. Вольфъ «Хроника С.-Петербургскихъ театровъ», т. I, стр. 49—50.

Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы съиграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора".

(Стр. 249—258.)

«Предувѣдомленіе» впервые было напечатано Н. С. Тихонравовымъ въ его изданіи «Ревизора» («Ревизоръ. Первоначальный сценическій текстъ, извлеченный изъ рукописей Николаемъ Тихонравовымъ»). Оно состоитъ изъ двухъ отрывковъ: полнаго чернового текста и начальныхъ страницъ, переписанныхъ самимъ Гоголемъ набѣло (въ упомянутомъ изданіи «Ревизора» эти два отрывка напечатаны въ противоположномъ порядкѣ нашему). Въ рукописи «Предувѣдомленіе» написано на трехъ страницахъ двухъ вложенныхъ другъ въ друга листовъ почтовой бумаги (страницы перемѣчены В. В. Думновымъ 31 марта 1886 г.); продолженіе — на листѣ синеватой бумаги, формата обыкновенной почтовой бумаги (на одной изъ оборотныхъ сторонъ нарисована фигура какого-то господина съ дамой). —

Мысль объяснить актерамъ смыслъ и значеніе каждой роли въ «Ревизорѣ» съ указаніемъ надлежащихъ пріемовъ при исполненіи пьесы на сценѣ возникла у автора впервые одновременно съ тѣмъ, какъ заканчивался процессъ художественнаго созданія дѣйствующихъ лицъ. Кромѣ живаго участія, которое принялъ авторъ въ постановкѣ «Ревизора» на сценѣ Александринскаго театра въ Петербургѣ, извѣстно, что въ то же самое время онъ собирался нарочно съѣздить въ Москву для прочтенія пьесы актерамъ. Еще 21 февраля 1836 года онъ въ письмѣ къ Погодину просилъ увѣдомить о томъ М. С. Щепкина. Побужденіемъ для предполагаемой поѣздки служило слѣдующее соображеніе, ясно высказанное Гоголемъ: «не хочу даже посылать» (экземпляръ «Ревизора») «прежде моего пріѣзда актерамъ, потому что ежели они прочтутъ безъ меня, то уже трудно будетъ переучить ихъ на мой ладъ»[1]). Впечатлѣнія перваго спектакля 19 апрѣля 1836 года, давъ богатую пищу наблюденіямъ автора, въ то же время сильно измѣнили его планы и намѣренія, и не только поѣздка въ Москву не состоялась, но даже, подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго потрясенія, надолго была отложена самая разработка обширнаго запаса накопившихся мыслей и впечатлѣній. Между тѣмъ умственному взору писателя пред-

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 252.

ставлялись, кромѣ первоначальныхъ художественныхъ образовъ, также и тѣ искаженія ихъ, которыя такъ болѣзненно поразили его на сценѣ. Больше всего онъ думалъ о роли Хлестакова, какъ самой труднѣйшей въ пьесѣ, и высказалъ о ней нѣсколько бѣглыхъ соображеній еще въ письмѣ къ М. С. Щепкину отъ 10 мая 1836 г.[1]) Съ тѣхъ поръ Гоголь не разъ возвращался къ объясненію Хлестакова и другихъ дѣйствующихъ лицъ, а также и всей комедіи, и даже незадолго до смерти читалъ комедію у Щепкина въ присутствіи лучшихъ московскихъ артистовъ[2]). Едва ли не въ первый разъ[3]), однако, рѣшился онъ положить на бумагу все передуманное и перечувствованное по поводу «Ревизора» въ извѣстномъ «Отрывкѣ изъ письма, писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія «Ревизора» къ одному литератору» (см. настоящаго изданія, т. II, стр. 285—290). Это письмо было написано уже гораздо позднѣе и, вѣроятно, въ то время, когда Гоголь въ концѣ 1840 г. снова возвратился къ переработкѣ «Ревизора»; объ этомъ отрывкѣ Гоголь говоритъ въ письмѣ къ С. Т. Аксакову отъ 5 марта 1841 года[4]). По справедливому замѣчанію Н. С. Тихонравова, «новое объясненіе типа Хлестакова было плодомъ глубокихъ и продолжительныхъ обдумываній автора, которымъ первое представленіе «Ревизора» дало лишь первый толчокъ»[5]). Въ самомъ дѣлѣ, хотя сходство въ содержаніи сказаннаго о Хлестаковѣ въ этомъ письмѣ съ упомянутой краткой характеристикой въ письмѣ къ Щепкину отъ 10 мая довольно большое, но въ послѣднемъ тѣ же самыя мысли едва лишь, бѣгло и очень неопредѣленно, намѣчены, чего не могло бы быть, если бы Гоголь уже тогда вполнѣ проанализировалъ характеръ Хлестакова. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ этому «Отрывку изъ письма» Н. С. Тихонравовъ ясно доказываетъ, что онъ *не могъ быть* написанъ раньше начала сороковыхъ годовъ. Въ изданіи комедіи 1842 года является въ началѣ уже небольшое предисловіе подъ заглавіемъ: «Характеры и костюмы, замѣчанія для господъ актеровъ». Такимъ образомъ несомнѣнно, что «Предувѣдомленіе», представляющее собою болѣе обстоятельное разви-

---

[1]) Тамъ же, стр. 257.

[2]) См. напр. «Отечественныя Записки», 1856, XII, стр. 400.

[3]) Мы разумѣемъ: въ болѣе подробномъ видѣ, нежели въ цитированномъ письмѣ къ Щепкину.

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 435—436.

[5]) См. настоящаго изданія т. II, стр. 674.

тіе тѣхъ же мыслей, какія высказаны въ названныхъ замѣткахъ, должно было быть написано или одновременно съ ними, или же вскорѣ послѣ нихъ. Н. С. Тихонравовъ, основываясь между прочимъ на ясныхъ признакахъ позднѣйшаго истолкованія роли Хлестакова въ этомъ отрывкѣ въ мистическомъ духѣ, признакахъ, сближающихъ его съ «Развязкой Ревизора» 1846 года,— относитъ «Предувѣдомленіе» къ періоду, послѣдовавшему за напечатаніемъ перваго тома «Мертвыхъ душъ»[1]), а въ примѣчаніяхъ редактора къ III тому одиннадцатаго изданія сочиненій Гоголя замѣчаетъ: «написано, *вѣроятно*, въ концѣ 1842 г.» (стр. 580).

Это послѣднее мнѣніе представляется намъ болѣе вѣроятнымъ, нежели высказанное въ изданіи «Ревизора» Н. С. Тихонравова. «Первому сценическому тексту «Ревизора» — говоритъ онъ тамъ — «предпосылаемъ недавно найденное въ бумагахъ Гоголя «Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, «Ревизора». Мы относимъ эту небольшую тетрадку *къ началу* 1842 года, потому что здѣсь обнаруживается уже новый взглядъ на характеры дѣйствующихъ лицъ комедіи, болѣе глубокій, чѣмъ тотъ, который выраженъ въ близкой по содержанію статьѣ Гоголя «Характеры и костюмы», приложенной къ первому изданію «Ревизора» и повторенной буквально при изданіи 1841 года съ исключеніемъ лишь строкъ, не принадлежащихъ Гоголю. Эту статью, не находящуюся, конечно, въ цензурной рукописи петербургскихъ театровъ, мы помѣщаемъ въ приложеніи, слѣдуя вполнѣ тексту перваго печатнаго изданія комедіи, отмѣтивъ лишь въ этой статьѣ курсивомъ то, что въ значительной степени или цѣликомъ принадлежитъ не Гоголю, а режиссеру петербургской драматической труппы. Это засвидѣтельствовано самимъ Гоголемъ, который 10 мая 1836 г. писалъ Щепкину: «Не одѣвайте Бобчинскаго и Добчинскаго въ томъ костюмѣ, въ какомъ они написаны: это ихъ одѣлъ Храповицкій. Я мало входилъ въ эти мелочи и приказалъ напечатать по театральному»[2]). —

Для совершенно же точнаго опредѣленія времени, къ которому относится «Предувѣдомленіе», мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ; прибавимъ здѣсь лишь нѣсколько детальныхъ соображеній.

Сходство между замѣчаніями о роли Хлестакова въ письмѣ къ Щепкину съ отрывкомъ изъ письма къ одному литератору состоитъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Сочиненія и письма Гоголя V, 257; «Ревизоръ», изд. Тихонравова, XLIII.

преимущественно въ томъ, что Гоголь возстаетъ противъ поразившей его въ игрѣ актеровъ наклонности къ театральнымъ фарсамъ; эта мысль и положена въ основаніе всѣхъ послѣдующихъ разъясненій роли Хлестакова. Но въ письмѣ къ Щепкину кромѣ этого обращено вниманіе, во-первыхъ, на то, что «каждое слово Хлестакова есть экспромптъ, совершенно неожиданный» и, во-вторыхъ, что онъ «вретъ потому, что плотно позавтракалъ и выпилъ порядочно вина», наконецъ, что онъ «болтаетъ потому только, что видитъ, что его расположены слушать»[1]). Все это гораздо опредѣленнѣе и мѣтче выражено въ «Предувѣдомленіи», напр. хотъ бы въ томъ замѣчаніи, что даже «темы для разговоровъ Хлестакову даютъ вывѣдывающіе» и что, «проснувшись, онъ тотъ же Хлестаковъ, какимъ и былъ прежде»[2]). Но особенно, говоря о городничемъ, Гоголь вкладываетъ въ «Предувѣдомленіе» ту точку зрѣнія, на которую онъ сталъ къ началу сороковыхъ годовъ, когда онъ замѣчаетъ, напримѣръ, что «Городничій — человѣкъ, больше всего озабоченный тѣмъ, чтобы не пропускать, что плыветъ въ руки. *Изъ-за этой работы ему некогда было взглянуть построже на жизнь или осмотрѣться на себя*»[3]). Позднѣйшими взглядами отзывается и замѣчаніе о Хлестаковѣ, какъ о свѣтскомъ человѣкѣ: «Онъ долженъ быть очень ловкимъ свѣтскимъ человѣкомъ, иначе не будетъ въ силахъ возразить наивно и простодушно ту простую свѣтскую вѣтренность, которая несетъ человѣка во всѣ стороны поверхъ всего». Ср. съ разсужденіемъ автора о свѣтскомъ человѣкѣ въ «Развязкѣ Ревизора» (настоящаго изданія т. II, стр. 350). Такой же взглядъ, впрочемъ, высказываетъ Гоголь и въ концѣ VIII главы перваго тома «Мертвыхъ душъ:» «Послѣ разговора съ нимъ» (свѣтскимъ человѣкомъ) — «просто ничего: всего онъ наговоритъ, всего коснется слегка, все скажетъ, что понадергалъ изъ книжекъ: пестро, красно, а въ головѣ хоть бы что-нибудь изъ того вынесъ». Такое же мнѣніе высказываетъ онъ и о свѣтскихъ дамахъ[4]). Но особенно замѣчательны слова: «этотъ пустой человѣкъ и ничтожный характеръ заключаетъ въ себѣ собраніе многихъ тѣхъ качествъ,

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 257. Ср. слова самого Хлестакова въ первоначальномъ наброскѣ (выше, стр. 108), гдѣ онъ самъ сознается, что его вдохновляло общее вниманіе: „Разговорившься — никто не останавливаетъ“.

[2]) См. выше, стр. 253 и 254.

[3]) Тамъ же, стр. 249.

[4]) См. настоящаго изданія т. III, стр. 174 и 89.

которыя водятся и не за ничтожными людьми» и «это фантасмагорическое лицо, которое, какъ лживый, олицетворенный обманъ, унеслось, вмѣстѣ съ тройкою, Богъ вѣсть куда». Эти замѣчанія уже совершенно сближаютъ «Предувѣдомленіе» съ «Дополненіемъ къ Развязкѣ Ревизора», и отсюда прямой переходъ къ мыслямъ о томъ, что «этотъ вѣтреникъ Хлестаковъ есть поддѣльная вѣтреная свѣтская наша совѣсть»[1]). Но во всякомъ случаѣ «Предувѣдомленіе» стоитъ еще на той границѣ, когда Гоголь просто давалъ себѣ отчетъ въ непроизвольно сложившихся въ его душѣ художественныхъ образахъ, стараясь пояснить и договорить для актеровъ тѣ подробности, которыя могли ускользнуть отъ менѣе проницательныхъ изъ нихъ при изученіи комедіи.

Для поясненія только-что высказанной нами мысли укажемъ слѣдующее соображеніе. Главная отличительная черта позднѣйшихъ взглядовъ Гоголя, которые выразились въ «Развязкѣ Ревизора», заключается, несомнѣнно, въ томъ, что, приписывая съ самаго начала особенное значеніе заключительной нѣмой сценѣ пьесы и всегда много заботясь о ней, Гоголь въ 1842 году придавалъ большую важность появленію въ ней жандарма, полагая естественнымъ и законнымъ, что въ концѣ комедіи правительство является, точно неизбѣжный рокъ въ трагедіяхъ древнихъ, и что его призваніе — быть представителемъ «Провидѣнія на землѣ»[2]). Около времени появленія «Переписки съ друзьями» уже вполнѣ опредѣлился и закончился тотъ поворотъ во взглядахъ Гоголя, по которому указанное значеніе перенесено было имъ съ правительства на страшный судъ Божій, и настоящимъ ревизоромъ является здѣсь уже не агентъ правительства, а тотъ «страшный ревизоръ, который ждетъ насъ у дверей гроба»[3]). Вслѣдствіе этого Гоголь распространяетъ символическое толкованіе «Ревизора», едва намѣченное въ «Театральномъ разъѣздѣ»: здѣсь рѣчь идетъ уже о нашемъ душевномъ городѣ, о вѣтреной свѣтской совѣсти и т. п., и авторъ обращается къ читателямъ съ призывомъ: «Клянусь, душевный городъ нашъ стоитъ того, чтобы подумать о немъ, какъ думаетъ добрый государь о своемъ государствѣ», подобно тому, какъ въ «Перепискѣ съ друзьями» онъ напоминаетъ объ ужасѣ загробнаго отчета въ

---

[1]) Ср. выше, стр. 254 и 259.

[2]) См. т. II, стр. 489.

[3]) См. настоящаго изданія т. II, стр. 350.

нашихъ поступкахъ, говоря: «Соотечественники, страшно!» и проч.[1])— Ничего подобнаго еще нѣтъ въ «Предувѣдомленіи».

Стр. 249. [1] Послѣ слова: «тѣмъ» въ подлинной рукописи поставлена точка и сверху, между строкъ, приписана недоконченная фраза: «тѣмъ болѣе». [2] Въ рукописи описка: «съ какимъ» (sic). [3] Въ рукописи здѣсь стоятъ зачеркнутыя слова: «само собою». [4] Послѣ этого въ рукописи поставлена точка, но фраза, очевидно, не докончена. [5] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [6] Въ рукописи явная описка: «состоитъ». [7] Послѣ этого въ рукописи поставлена запятая безъ всякаго пробѣла, но здѣсь, очевидно, какое-то слово пропущено. [8] Прежде было: «представляемаго». [9] Прежде было: «сидѣли». [10] Прежде было: «выдутъ» (sic). [11] Въ рукописи: «самимъ». [12] Слова: «больше всего озабоченный» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «занятый слишкомъ». [13] Послѣ этого зачеркнуто: «то ничего». [14] Слова: «можетъ быть и самъ» приписаны сверху строки вмѣсто зачеркнутыхъ: «можетъ быть и со.. почти».

Стр. 250. [1] Прежде было: «попадается на....» [2] Эти слова: «онъ позабылъ, что отъ этого трещитъ спина у ближняго» приписаны между строкъ, вмѣсто зачеркнутыхъ: «онъ обез.. опременилъ (?).... онъ просто позабылъ, что *стоитъ* это другому....» [3] Слово: «временами» приписано сверху строки вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «онъ, однакожъ, чувствуетъ, что нѣсколько...» Рядомъ съ словомъ: «временами» приписано и снова зачеркнуто: «позабылъ, что отъ этого трещитъ...» Въ виду невозможности составить фразу иначе, беремъ необходимыя слова изъ зачеркнутой, но не замѣненной строки. [4] Передъ этимъ словомъ зачеркнуто: «онъ». [5] Тоже. [6] Тоже. [7] Слово «даже» приписано сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «потомъ когда...» [8] Прежде было: «отъ всего». [9] Послѣ этого зачеркнуто: «прибирать, въ которой» (т.-е. привычкѣ) «онъ...» — [10] Въ копіи г. Кулиша лишь послѣ этого начинается этотъ черновой текстъ, такъ что фраза: «Его поразилъ распространившійся слухъ о «Ревизорѣ» слѣдуетъ прямо за окончаніемъ первагонаброска, т.-е. за словами: «что честность есть требованіе» (см. выше, стр. 258). [11] Передъ этимъ зачеркнуто: «обыкновенныхъ», «ежедневныхъ». [12] Передъ этимъ зачеркнуто: «воображеніе его». [13] Сверху приписано какое-то неразборчивое слово: можетъ быть: «удачно». [14] Эта строка повторена въ рукописи дважды: на стр. 9, гдѣ она не дописана въ виду желанія автора перенести дальнѣйшій текстъ на слѣдующую страницу, и на стр. 10. На стр. 9 вмѣсто: «онъ даже не охотникъ», стояло: «онъ даже не счита(етъ)...» [15] Слово: «велика» въ рукописи зачеркнуто.

Стр. 251. [1] Прежде было: «весьма толстый»; въ рукописи: «толстой». [2] Слова: «не смотря на необъятную толщину свою, котораго» приписаны сверху строки и слово: «оборотахъ» приписано сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «манерахъ». [3] Прежде было: «съ ловкостью, затѣмъ чтобы подшаркнуть ножкой вблизи и сказать: «лабарданъ-съ». Слова: «ловкостью» и проч. приписаны сверху строки. [4] Прежде было: «это». [5] Сверху приписано нѣсколько отрывочныхъ и неразборчивыхъ словъ: «доставил... доставляютъ...»

[1]) Т. IV, стр. 8.

и проч. [6] Прежде было: «не зная, какъ вывернуться, сами прибѣгаютъ потому». [7] Прежде было: «и потому торопится съ доносомъ еще прежде, чѣмъ отъ него его требуютъ». [8] Слово не дописано. [9] Прежде было: «видя во всемъ только спасеніе себя»; надъ словами: «о томъ» также было прежде написано: «о спасеньѣ себя». [10] Послѣ этого было зачеркнуто: «потому». [11] Прежде было: «никакъ не пропуститъ». Послѣ этого слова: «всегда поворотливъ» приписаны сверху строки. Послѣ слова: «пропуститъ» прежде было: «всѣхъ тѣхъ мелочей, которыя...» [12] Передъ этимъ зачеркнуто: «при извѣстіяхъ о пріѣздѣ всякого (sic) новаго лица». [13] Не дописано. Всѣ эти слова: «это лицо доступно съ перв» приписаны сверху строки. Послѣ этого въ фразѣ: «(ничего) больше не остается» первое слово по ошибкѣ зачеркнуто авторомъ. [14] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [15] Тоже зачеркнуто: «всѣмъ до единаго, всѣмъ». [16] Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова. Фраза: «все у нихъ стало...» приписана сверху строки. [17] Прежде было: «страсть разсказать (sic) сдѣла(ла) ихъ стран(ными) и поглотила всякое другое дѣло жизни». [18] Послѣ этого зачеркнуто: «а потому эта страсть прежде всего должна отразиться... выразиться...» [19] Послѣ этого зачеркнуто: «лото». Сверху между строкъ приписано: «онъ весь горитъ отъ...»

Стр. 252. [1] Слова, заключенныя въ скобки, въ подлинникѣ зачеркнуты. Далѣе послѣ словъ: «брюшками» зачеркнуто: «Бобчинскій одѣ(ть). Но... оба одѣты чистень(ко)». [2] Послѣ слова: «даже» сверху приписано: «снабженъ». Послѣ словъ: «лысинка, по серединѣ головы» между строкъ приписано: «видно, что онъ не холостой человѣкъ, какъ Бобчинскій, но уже женатый». [3] Слова, заключенныя въ скобки, зачеркнуты. [4] Слова: «и даже нѣсколько управляетъ его умомъ» и далѣе: «словомъ, актеру нужно заболѣ(ть) самому необыкновенной чесоткой языка»—приписаны между строкъ, и та же фраза снова приписана сверху вмѣсто словъ: «только то, что онъ самъ боленъ необыкновенной» и проч. [5] Это предложеніе приписано съ лѣваго боку страницы. Послѣ этого прибавлено еще разъ: «и броситъ въ стороны всѣ мѣлкіе (sic) аттрибуты» (въ рукописи описка: «атрубуты»); «иначе онъ попадетъ какъ разъ въ карикатуру». [6] Въ рукописи описка: «гостьи». Послѣ этого слово: «полицейскіе» приписано сверху строки. [7] Прежде было: «всѣхъ прочихъ». [8] Въ предыдущихъ строкахъ въ рукописи сдѣланы небольшія измѣненія; такъ, послѣ словъ: «Русскій слуга пожилыхъ лѣтъ: который смотритъ нѣсколько внизъ» зачеркнуто: «грубитъ», но потомъ это слово тутъ же возстановлено въ началѣ слѣдующей строки; послѣ словъ: «смекнувши, что» прежде было: «онъ щелконеръ»; потомъ оба эти слова были зачеркнуты и вмѣсто *онъ* приписано: «*баринъ*»; послѣ словъ, «и дрянцо» приписано сверху: «который»; послѣ словъ: «нравоученье для барина» зачеркнуто: «извѣстенъ всякому»; слова: «молча плутъ, когда видитъ, что пришли такіе (sic)» зачеркнуты и сверху приписано: «однако, очень умѣетъ воспользоваться», и далѣе послѣ слова: «недоразумѣнія» зачеркнуто: «гдѣ», вмѣсто котораго сверху приписано: «въ такихъ случаяхъ, когда...» Послѣ этого слова: «потому эта роль игралась хорошо» приписаны сверху строки. [9] Въ послѣдней фразѣ зачеркнуты слова: «также», «какое», «долженъ» и «на каждое»; а слово: «равномѣрно» приписано

снизу строки. Прежде начало фразы читалось такъ: «Всякій можетъ (также) почувствовать, (какое) впечатлѣніе (долженъ) произвести (на каждое) пріѣздъ ревизора»; послѣ этого зачеркнуты слова: «на каждое» и вмѣсто нихъ сверху приписаны: «способенъ произвесть». [10] Слова: «въ головѣ всѣхъ сидитъ» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «что все полно ревизоромъ» (не зачеркнуто, впрочемъ, только послѣднее слово, въ которомъ творительный падежъ измѣненъ въ именительный). Послѣ этого зачеркнуто еще слово: «головы». [12] Въ этой фразѣ вмѣсто: «надежда на избавленіе» прежде было: «надежда на правосудіе». [13] Прежде эта фраза имѣла такой видъ: «У другихъ страхъ отъ того, что увидѣли главныхъ передовыхъ людей и главнѣйшихъ сановниковъ въ страхѣ». Затѣмъ слова: «отъ того... главныхъ... передовыхъ людей... въ страхѣ» — зачеркнуты, а сверху приписаны: «паническій» и «при видѣ».

Стр. 253. [1] Прежде было: «всѣмъ испуганнымъ городомъ». [2] Прежде было: «сыграть никакой замѣчательной роли». Послѣ словъ: «вниманіе» и «по» сверху приписано: «сила всеобщаго» (въ рукописи: «всеобщій»). Въ слѣдующей строкѣ передъ словомъ: «страхъ» зачеркнуто слово: «сила». [3] Прежде было: «во всѣхъ своихъ замашкахъ». [4] Прежде было: «развернулся даже неожиданно для самого себя» (слово: «даже» зачеркнуто, а «вдругъ» приписано сверху строки). [5] Слово: «неожиданность» не дописано въ концѣ строки; послѣ этого зачеркнуто: «для него самого». [6] Прежде было: «слушающіе». Сверхъ того, передъ словомъ: «темы» зачеркнуто: «потому». [7] Послѣ этого зачеркнуто: «предметы для разговора». Слова: «какъ бы» и «ему все» приписаны сверху строки. [8] Прежде было: «развернуться». [9] Слово не прочитано. Все послѣднее предложеніе приписано сверху строки. [10] Сверху приписано: «далъ изобрѣтатель(ость)», но слово: «словоохотность» *оставлено не зачеркнутымъ*. [11] Прежде было: «онъ совершенно входитъ и душой и тѣломъ...» [12] Прежде было: «онъ совсѣмъ позабываетъ самъ, что онъ лжетъ и выдумываетъ». Кромѣ того, раньше послѣ слова: «съ жаромъ» было: «и даже отъ...» [13] Прежде было: «онъ, точно, все это производилъ, о чемъ вретъ». [14] Слово: «поэтому» приписано сверху строки, вмѣсто: «вотъ отчего». [15] Прежде было: «навела... особенно жива и навела такой». Эти слова зачеркнуты и сверху приписано: «способна точно». [16] Слова, заключенныя въ скобки, зачеркнуты. [17] Между строкъ приписано: «служащаго», но слово: «чиновники» *не зачеркнуто*. [19] Прежде было: «видя, какъ распекаетъ и самъ...» «испытавши и самъ это, потому что бывалъ». [3] Надъ этимъ сверху было приписано: «Онъ долженъ эту честь... долженъ очень хорошо, не потому чтобы» и потомъ слова: «это долженъ мастерски изобразить въ рѣчахъ». [20] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты.

Стр. 254. [1] Прежде было: «какъ». [2] Фраза не докончена. Слова: «почти въ одно» поставлены сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «беретъ деньги». [3] Прежде было: «который кое-какъ успѣлъ его вразумить. [4] Слова: «онъ бы преспокойно дождался толчковъ» приписаны сверхъ зачеркнутыхъ: «и его проводятъ не честью со двора. Онъ бы именно дождался этого беспечно (sic) и беззаботно этихъ...» [5] Прежде было: «пронесло», «исчезло». Кромѣ того, надъ «словомъ» стояло: «хотя это лицо». Слово: «лицо» въ началѣ фразы зачеркнуто; послѣ втораго слова: «лицо» зачеркнуто: «которое какъ», хотя

потомъ эти слова снова написаны рядомъ, послѣ чего зачеркнуты слова: «въ калейдоскопѣ». [6] Слова: «нужно, чтобы эта» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «эту» (т.-е. роль). [7] Прежде было: «никакъ». [8] Прежде было: «должно выразиться». [9] Зачеркнуто: «которое бываетъ у весьма многихъ». [10] Конецъ слова написанъ неразборчиво («отыскать»?) Послѣдняя фраза: «такъ что рѣдкому» приписана между строкъ. [11] Слова: «таланта, который бы умѣлъ» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «и вмѣщаетъ въ себѣ одномъ много тѣхъ свойствъ, которыми одарены порознь другіе та...», «долженъ умѣть...» [12] Слова: «онъ долженъ быть очень» приписаны сверху зачеркнутыхъ словъ: «и сверхъ...» «и быть сверхъ того весьма...» Послѣ словъ: «свѣтскимъ челов(ѣкомъ)» зачеркнуто: «для того, чтобы выразить...» Въ слѣдующей фразѣ слова: «наивно» и «простодушно» приписаны сверху строки. [13] Слова: «которая несетъ человѣка поверхъ всего» приписаны вмѣсто зачеркнутыхъ: «которою набитъ Хлестаковъ», «которой портретъ есть Хлестакова, хотя и въ карикатурномъ видѣ». Потомъ передъ словами: «въ такомъ значительномъ количествѣ досталось Хлестакову» зачеркнуто: «въ наибольшей части». [14] Передъ этимъ было: «Городничій становится лицомъ трагическимъ». [15] Слова: «такъ грубо» приписаны сверху зачеркнутаго: «смѣло».

Стр. 255. [1] Передъ этимъ было: «и низенькимъ и тон(енькимъ)». Послѣ словъ: «спичку» и послѣ слѣдующей за нимъ скобки зачеркнуто: «одинъ»; далѣе слова: «какъ извѣстно» приписаны сверху строки. [2] Прежде было: «совершенно громовой»; послѣ словъ: «о пріѣздѣ» [въ подлинникѣ: «о пріездѣ» (sic)] зачеркнуто: «(Городн)ичаго». [3] Слово: «это» въ подлинникѣ зачеркнуто. [4] Прежде было: «получше». [5] Слова: «станетъ естественной, принадлежащей ему» написаны сверху зачеркнутыхъ: «и сдѣлается какъ бы натуральн(ой), и зрителямъ покажется невольно и безъискуственно, обнаружившейся и какъ вышедшее невольно безъ всякаго приготовленія». Надъ этой зачеркнутой междустрочной вставкой еще разъ вставлено и снова зачеркнуто: «какъ вышла она, сама собой, безъ...» [6] Слово: «один» приписано сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «которые поменьше поражены, тѣ...» [7] Слово: «переходитъ» въ рукописи зачеркнуто. [8] Передъ этимъ слова: «это — которые меньше, другіе вдругъ — это тѣ, которые» — приписаны сверху строки. Затѣмъ послѣ слова: «поражены» зачеркнуто: «которые сильнѣе, тѣ вдругъ принимаютъ заданное. Для этого...» [9] Слова: «въ качествѣ зрителя» приписаны сверху строки; подъ этимъ зачеркнуто: «для того». [10] Прежде было: «вотъ какимъ образомъ должно быть установленно (sic) картина». Затѣмъ приписано: «почти» и еще какое-то крайне неразборчивое слово.

Стр. 256. [1] Слова: «по правую его руку» приписаны сверху строки; слово: «жена» переправлено изъ: «мать»; послѣ слова: «дочь» зачеркнуто: «съ выражень(емъ) испуга»; слова: «съ испугомъ на лицѣ» приписаны сверху зачеркнутыхъ: «Лука Лукичъ весь блѣдный, ка(къ)...» [2] Не дописано. Фраза: «сдѣлавшій губами гримасу» и выше слова: «чѣмъ-то сильно» приписаны сверху строки. [3] Слова: «раздѣляются на двѣ группы» зачеркнуты; сверху приписано: «въ видѣ двухъ группъ». [4] Слово: «общее» стоитъ вмѣсто зачеркнутыхъ: «и тоже». [5] Это слово въ рукописи зачеркнуто. [6] Слово: «го-

родничаго» въ подлинникѣ зачеркнуто и далѣе слѣдующія строки: «другая... Почти цѣлую минуту продолжается эта нѣмая сцена, покуда не опускается наконецъ занавѣсъ»). Надъ зачеркнутымъ словомъ: «продолжается» приписано сверху и вновь зачеркнуто: «длится». [7] Въ рукописи: «завязала». Это слово приписано сверху зачеркнутаго: «вышла». [8] Слова: «ловче и непринужденнѣй» написаны сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «завязано ловко и хорошо». [9] Прежде было: «искусному художнику». [10] Слово не дописано. [11] Послѣ этого было: «если актеры только» (слово: «актеры» потомъ зачеркнуто). [11] Въ рукописи: «какъ сдѣсь» (sic). [12] Прежде было: «выйдетъ».

Стр. 257. [1] Прежде было: «вовсе». [2] Послѣ этого зачеркнуто: «хлопочутъ». [3] Послѣ этого зачеркнуто: «напротивъ, каждый изъ нихъ внутренно увѣренъ». «Умному...» [4] Прежде было: «выставленнаго». [5] Прежде было: «своей роли». [6] Слово: «преимущественн(ую)» написано сверху строки. [7] Послѣ этого зачеркнуто: «правящихъ всѣми его дѣйствіями». [8] Прежде было: «у него въ головѣ». [9] Послѣ этого зачеркнуто: «этой заботой, такъ, чтобы всѣ помыслы...» «мысли и помышленія». Кромѣ того, послѣ слова: «всѣ» приписано между строкъ и снова зачеркнуто: «въ такой силѣ. [10] Это слово въ рукописи пропущено. [11] Послѣ этого въ рукописи по ошибкѣ поставленъ союзъ и. [12] Слово: «мною» приписано сверху зачеркнутыхъ: «даже я». [13] Слова: «не выбросить ни на минуту изъ» приписаны вмѣсто зачеркнутыхъ: «не новабудетъ онъ содержать постоянно въ головѣ своей». [14] Послѣ этого зачеркнуто: «такъ сказать». [15] Послѣ этого зачеркнуто: «всего». [16] Слова: «и зачерствѣлъ почти нечувствительно» зачеркнуты; слово: «непримѣтно» приписано сверху строки. [17] Слово: «просто» приписано сверху строки. [18] Послѣ этого зачеркнуто: «потому что это, ему кажется, плыветъ само собою въ руки». [19] Слова: «потому что эти» приписаны сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «эти-то».

Стр. 258. [1] Послѣ этого зачеркнуто: «однакожъ». [2] Послѣднія строки, начиная отъ словъ: «заманчивы блага жизни», приписаны позднѣе, а передъ ними зачеркнуто: «и велика набившаяся привычка хватать все» «крѣпко вкоре...», «затвердѣлая». [3] Въ рукописи послѣ этого стоитъ предлогъ: «въ». [4] *На этомъ словѣ обрывается подлинникъ.*

Къ примѣч. 1 на стр. 225 (см. стр. 659).

Голосъ Анны Андреевны. Право, какъ будто никому дѣла нѣтъ. Тамъ» (зачеркнуто: «весь полонъ дворъ») «набрело просителей полонъ дворъ» (зачеркнуто: «а ты здѣсь сидишь, ничего не видишь»). И мужа нѣтъ. Куда онъ ушелъ?» (Зачеркнуто: «Право, маменька»). «Хоть бы ты что-нибудь. Вѣдь здѣсь же сидишь.

[*Марья Антоновна*]. Ахъ, право, маменька, какія вы странныя! Какъ же?... Что жъ мнѣ дѣлать?

[*Анна Андреевна*] (А) ты имъ всегда первая говоришь, что ты все можешь.

[*Марья Антоновна*] Гдѣ жъ я говорю?

[*Анна Андреевна*]. Ей Богу! какой безпорядокъ» (зачеркнуто: «вездѣ; у меня голова кружится»). «И эти квартальные мерзавцы!..»

Входитъ. «Ахъ!»

Весь этотъ отрывокъ приписанъ третьими (черными) чернилами.

Дополненіе къ «Развязкѣ Ревизора».

(Стр. 259—264.)

Написано на двухъ листахъ почтовой бумаги безъ обозначенія года и безъ водяныхъ знаковъ. Но мы имѣемъ вполнѣ опредѣленное указаніе Гоголя на то, когда было окончено дополненіе къ «Развязкѣ Ревизора»: Гоголь въ письмѣ къ П. А. Плетневу отъ 10 іюня 1847 г. говоритъ: «ожидаю отъ тебя извѣстія о томъ, гдѣ проводишь лѣто и куда къ тебѣ посылать небольшую вещь, которую бы мнѣ хотѣлось напечатать въ видѣ отдѣльной небольшой книжки, о которой я уже тебѣ сказывалъ. Можно ли тебѣ будетъ прислать ее черезъ мѣсяцъ отъ сего дня? *Хочу послать къ тебѣ также передѣланную «Развязку Ревизора»*, которая вышла теперь, кажется, ловче»[1]). Въ началѣ приведенныхъ строкъ рѣчь идетъ, несомнѣнно, объ «Авторской исповѣди», а ссылка на слова предыдущаго письма, очевидно, имѣетъ въ виду изъявленіе Гоголемъ желанія «изобразить повѣсть моего писательства, то-есть въ видѣ отвѣта на утвердившееся, неизвѣстно почему, мнѣніе, что я возгнушался искусствомъ, почелъ его низкимъ, безполезнымъ и тому подобное»[2]). Также говорится о томъ, что эта повѣсть писательства составитъ «небольшую книжку». Мы остановились на этомъ указаніи потому, что въ содержаніи «Дополненія» замѣтна, какъ увидимъ, самая близкая, непосредственная связь, по настроенію и мыслямъ, съ «Авторской исповѣдью», а также и съ относящимися къ тому же времени письмами. Отмѣтимъ прежде всего, что *въ томъ же самомъ* письмѣ къ Плетневу, отъ 10 іюня 1847 года, изъ котораго мы указали вышеприведенныя строки, Гоголь говоритъ по поводу предполагавшагося юбилея Жуковскаго: «Жаль конечно, что празднованіе юбилея его не состоится, но, по мнѣ, въ юбилеяхъ *здѣшнихъ* есть что-то грустное. Не оттого ли, что приходишь въ такія лѣта, когда чувствуется сильнѣе, чѣмъ прежде, что слѣдуетъ помышлять о юбилеѣ небесномъ? Во всякомъ случаѣ, хорошо бы намъ хотя половиною мыслей своихъ стремиться жить въ оной, обѣтованной, истинной странѣ»[3]). Слова эти весьма

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 412.
[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 405.
[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 404.

ярко и вѣрно характеризуютъ господствующее настроеніе Гоголя въ данный моментъ, и вотъ это-то настроеніе и отражается въ «Дополненіи».

Сходство мыслей съ «Выбранными мѣстами», но особенно съ «Авторской исповѣдью», поразительное. Оно замѣтно уже съ первыхъ строкъ, гдѣ «Михалъ Михалчъ» говоритъ: «Мнѣ показалось, что это мой же душевный городъ, что послѣдняя сцена представляетъ послѣднюю сцену жизни, когда совѣсть *заставитъ взглянуть вдругъ на самого себя во всѣ глаза и испугаться самого себя*». Это состояніе было уже не разъ испытано и пережито Гоголемъ, но съ особенной силой и яркостью врѣзались въ его душу впечатлѣнія, какъ онъ полагалъ, предсмертнаго страха во время тяжелой болѣзни, перенесенной имъ въ 1845 году. Тогда онъ почувствовалъ потребность передать и другимъ это щемящее и поражающее ледянымъ ужасомъ ощущеніе, со всей искренностью выразивъ его въ извѣстномъ «Завѣщаніи» въ «Перепискѣ съ друзьями» въ слѣдующихъ словахъ: «Страшна душевная чернота, и зачѣмъ это видится только тогда, когда неумолимая смерть уже стоитъ передъ глазами»[1]). Гоголь задумалъ тогда написать «Прощальную повѣсть», въ которой хотѣлъ поэзіей задушевнаго лиризма «подѣйствовать сколько-нибудь на тѣхъ, которые до сихъ поръ еще считаютъ жизнь игрушкою»; онъ надѣялся, что сердце этихъ людей «услышитъ хотя отчасти строгую тайну жизни и сокровеннѣйшую небесную музыку этой тайны»[2]). Несомнѣнно, что въ «Развязкѣ Ревизора», а также въ «Дополненіи», Гоголь хотѣлъ достигнуть такого же дѣйствія горячимъ задушевнымъ обращеніемъ прямо къ сердцу всѣхъ русскихъ людей, которымъ всѣмъ существомъ своимъ желалъ добра, и особенно въ минуты религіознаго экстаза. Онъ говоритъ тамъ: «Чего не отыщешь, если только заглянешь въ свою душу съ тѣмъ неподкупнымъ ревизоромъ, который встрѣтитъ насъ у дверей гроба. Сами это знаемъ, а знать не хочемъ[3]) (sic)».

Совершенно проникнуты духомъ «Переписки съ друзьями» и «Авторской исповѣди» также такія мысли, какъ напримѣръ: «развѣ всякъ изъ насъ приступаетъ къ произведенью писателя, какъ пчела

---

[1]) См. настоящаго изданія т. IV, стр. 7.

[2]) См. т. IV, стр. 8.

[3]) См. выше, стр. 262.

къ цвѣтку? — затѣмъ, чтобы извлечь изъ него нужное себѣ? Нѣтъ, мы ищемъ во всемъ нравоученья для *другихъ*, а не для себя», или: «нѣтъ, кто хочетъ нравоученья, тотъ возьметъ его себѣ, кто глядитъ въ душу себѣ, тотъ изъ всего возьметъ то, что̀ нужно: тотъ и въ этомъ вещественномъ городѣ увидитъ душевный свой городъ, тотъ увидитъ, что съ большей силой слѣдуетъ вооружиться противъ лицемѣрія»[1]). Наконецъ есть и дословное сходство въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, напр. гдѣ Гоголь говоритъ, что «дѣло автора было изобразить просто ужасъ отъ безпорядковъ вещественныхъ не въ идеальномъ городѣ, а въ томъ, который на землѣ,— *собрать въ кучку* все, что̀ *есть похуже въ нашей землѣ*, чтобы его поскорѣй увидѣли» и проч. Ср. въ «Авторской исповѣди»: «Въ «Ревизорѣ» я рѣшился *собрать* въ одну кучу все дурное въ Россіи, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за однимъ разомъ посмѣяться надъ всѣмъ»[2]). Далѣе Гоголь говоритъ: «Но это, какъ извѣстно, произвело потрясающее дѣйствіе». Въ «Дополненіи къ «Развязкѣ Ревизора» этимъ словамъ соотвѣтствуютъ слѣдующія, сказанныя нѣсколько раньше: «дѣло писателя изобразить темное такъ сильно, чтобы кинуло въ трепетъ зрителя, и ужасъ отъ безпорядковъ пронялъ бы его всего»[3]). — Затѣмъ чертъ сходства между «Развязкой Ревизора» и «Дополненіемъ» къ ней мы не указываемъ, такъ какъ само собою понятно, что передѣлка одного и того же произведенія безъ нихъ обойтись не могла.

Стр. 259. [1] Прежде было: «піэсы». [2] Прежде было: «выставлено мнѣ». [3] Послѣ этого сверху приписано: «прощальный». [4] Прежде было: «замѣчательнѣйш(ихъ»).

Стр. 260. [1] Прежде было: «плуты».

Стр. 261. [1] Слово: «для» въ рукописи пропущено.

Стр. 262. [1] Прежде было: «такое мнѣніе, котораго не скажетъ никогда христіанинъ и которыхъ не долженъ сказать русскій». Слова: «рѣчи противныя вашему собственному образу мыслей» приписаны сверху строки. [2] Слово: «содроганье» въ рукописи не дописано; но прежде эта фраза читалась такъ: «заставила отъ него содрогнуться». [3] Послѣ этого зачеркнуто: «и драммѣ (sic) высокой. А потому зачѣмъ взглянете вы... въ самомъ дѣлѣ не взгляне(те) также и на произведенье писателя также главами христіанина?» (Въ рукописи здѣсь описка: «христіана»). Мнѣ кажется,

[1]) Тамъ же.

[2]) Ср. выше стр. 260—261 и настоящаго изданія т. IV, стр. 249.

[3]) Стр. 261.

ужъ если поступать дѣйствительно справедливо, по всей правдѣ и при томъ великодушно, то, посмѣявшись» (зачеркнуто: «слѣдуетъ посмѣяться») безпощадно надъ всѣмъ дурнымъ въ томъ лицѣ, которое вообще... выведено комикомъ на смѣхъ» (зачеркнуто: «что ни повторитъ насъ»)... Но это — первая половина, хотя бы это и кололо нашу народную горд(ость), но это только еще первая половина дѣла). Обратиться вдругъ къ самому себѣ» (Прежде было: «Вслѣдъ за тѣмъ обратиться вдругъ съ вопросомъ къ самому себѣ, нѣтъ ли и въ себѣ самомъ того же въ другомъ видѣ и надъ тѣмъ, что̀ найдешь дурно въ собственной душѣ своей» (Послѣднія шесть словъ не дописаны, а сверху приписано: «и надъ собой на(дъ) дурнымъ»... Затѣмъ опять зачеркнуто: «гдѣ ние(?) почти то же, что̀ въ другомъ...), но въ другомъ видѣ, въ другомъ платье (sic), въ приличнѣйшей наружности, но...». [4] Здѣсь въ фразѣ очевидный пропускъ: «Примѣните всякую комедію, какъ бы... прежде чѣмъ замѣчать...» Но въ зачеркнутыхъ тутъ же строкахъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ читается: «лично къ самому себѣ». Приводимъ здѣсь эти зачеркнутыя строки: «то слѣдуетъ не щадить дурнаго, гдѣ бы вы его ни встрѣтили. Но это еще не все: это только первая половина дѣла. Вторая половина: обратиться тутъ лично къ себѣ самому и не пощадить также дурнаго въ себѣ самомъ. Такъ, мнѣ кажется, нужно поступить, если хочешь поступить истинно по-христіански и вполнѣ великодушно». [5] Послѣднія строки, начиная отъ словъ: «прежде чѣмъ замѣчать отношенье его къ цѣлому обществу», приписаны сперва внизу, а затѣмъ съ боку страницы. Выноска отмѣчена знакомъ (††.

Стр. 263. [1] Прежде было: «смѣхъ недаромъ намъ, если все злое его боится, а вы знаете... Если все злое его боится, такъ, вѣрно, онъ данъ уже на доброе дѣло». [2] Слова: «лица» въ рукописи нѣтъ. [3] Прежде было: «это можетъ случиться...» [4] Слово: «того» въ рукописи пропущено. [5] Прежде было: «все трудно, и не знаю, что̀ легко; всякое дѣло для меня всегда бывало трудно. Но вѣдь я говорю, что это возможно только одному русскому чело(вѣку), и притомъ когда ужъ онъ, точно, христіанинъ. Вѣдь русскій ничего не можетъ» (сверху приписано: «не въ силахъ») «сдѣлать изъ того, что» (зачеркнуто на ходу письма: «возмо(жно)») «легко другому. Онъ только и можетъ дѣлать, что̀ черезъ-чуръ трудно». [6] Сверху приписано неразборчивое слово; кажется: «скорѣе».

Стр. 264. [1] Послѣ словъ: «вѣрьте этимъ словамъ» прежде было: «которыя говоритъ душа...» [2] Слово неразборчивое. Все мѣсто это прежде читалось такъ: «Смѣхъ не хочетъ служить безобразной и темной силѣ, «не хочетъ пресмыкаться, не хочетъ такъ же, какъ всѣ сили души нашей» (кромѣ того зачеркнуто: «и всѣ прочія наши способности»). «Стремите насъ живѣе къ Верху, къ Верховной Вѣчной Красотѣ. Отнимите гдѣ бы то ни было, хоть и не будетъ... Костей монахъ уже не будетъ на свѣтѣ» (между строкъ зачеркнуто: «но гдѣ бы я ни былъ, если истинно...») «Тогда, когда я слышу, что узнали, откликнусь и заплачу какъ дитя...» «Могъ онъ окаменѣть? Онъ честенъ, онъ не хочетъ служить безобразной темной силѣ, не хочетъ пресмыкаться, а также принять красоту, но, какъ вѣрный песъ, лаять противъ враговъ».

Александръ (стр. 265).

Печатается съ копіи Трушковскаго, какъ и въ не вышедшемъ въ свѣтъ № журнала «Царь-Колоколъ», гдѣ Н. С. Тихонравовъ предполагалъ помѣстить также римскую редакцію «Мертвыхъ душъ» (значительная часть книги была уже отпечатана въ корректурныхъ листахъ). — Время написанія отрывка неизвѣстно.

Программа лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ (стр. 266—272).

Въ бумагахъ и рукописяхъ Гоголя сохранилась собственноручная черновая программа его университетскихъ чтеній по средневѣковой исторіи въ $183^4/_5$ академическомъ году. Программа эта набросана на листѣ писчей бумаги съ водяными знаками: «ЯБМЯ. 1830». Показаніе водяныхъ знаковъ имѣетъ здѣсь, очевидно, только отрицательное значеніе, т.-е. мы можемъ на основаніи ихъ установить, что программа была написана *не ранѣе 1830* г., въ чемъ, впрочемъ, и безъ того не можетъ быть сомнѣнія. Опредѣлить точнѣе время составленія ея можно по другимъ даннымъ; такъ, прежде всего намъ извѣстно, что Гоголь занималъ каѳедру средней исторіи въ Петербургскомъ университетѣ въ промежуткѣ отъ осени 1834 до января 1836 г. Оффиціальное утвержденіе его адъюнктомъ Петербургскаго университета состоялось 24 іюля 1834 года, но Гоголь, конечно, зналъ о немъ нѣсколько раньше, и еще 23 іюля писалъ Погодину: «Я *на время* рѣшился занять здѣсь каѳедру исторіи, именно среднихъ вѣковъ»[1]). Матери онъ сообщаетъ о новомъ поприщѣ своей дѣятельности только мимоходомъ въ письмѣ 1 августа 1834 г.: «Вы жалуетесь, что я васъ не увѣдомляю ничего о службѣ и о прочемъ. Что же сказать вамъ? вѣдь вы знаете сами, гдѣ я нахожусь. Впрочемъ, я скинулъ съ себя лишнюю обузу и отказался отъ другихъ занятій. Я теперь только профессоръ здѣшняго университета и больше никакой не имѣю должности, потому что и не имѣю желанія занять, и не имѣю времени»[2]). Наконецъ уже 14 августа онъ пишетъ М. А. Максимо-

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 221.

[2]) См. тамъ же, стр. 222. — Вѣроятно, сестры Гоголя, остававшіяся лѣтомъ 1834 г. въ Петербургѣ, уже раньше сообщили матери о назначеніи брата университетскимъ профессоромъ; но странно, что Гоголь говоритъ здѣсь, будто, кромѣ профессорской каѳедры, не имѣлъ тогда никакихъ должностныхъ занятій,

вичу, вмѣстѣ съ которымъ онъ надѣялся прежде занять каѳедру въ Кіевѣ: «Я рѣшился ожидать благопріятнѣйшаго и удобнѣйшаго времени, хотѣлъ даже ѣхать осенью непремѣнно въ гетманщину, какъ здѣшній попечитель князь Корсаковъ предложилъ мнѣ, не хочу-ли я занять каѳедру всеобщей исторіи въ здѣшнемъ университетѣ, обѣщая мнѣ черезъ три мѣсяца экстраординарнаго профессора, зане не было ваканціи»[1]). 23 августа Гоголь сообщаетъ Максимовичу: «я тружусь какъ лошадь, но только не надъ лекціями, которыя у насъ еще не начинались, но надъ собственно своими вещами»[2]). Тѣмъ не менѣе необходимо допустить, что если программа лекцій, быть можетъ, въ то время еще не была положена на бумагу, то она во всякомъ случаѣ была уже подготовлена. Дѣло въ томъ, что Гоголь, уже давно имѣвшій настойчивое притязаніе на занятіе университетской каѳедры, соединенное съ сильной надеждой получить ее, вскорѣ по полученіи ея началъ подготовлять кое-какіе матеріалы для лекцій, состоявшіе изъ выписокъ, отчасти внесенныхъ имъ въ особую, нарочно для того предназначенную, записную книгу (№ 10) *по тому плану*, который былъ выработанъ заранѣе (и даже напечатанъ въ февральской книгѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1834 годъ). Гоголь уже въ предшествующемъ 1833 году много работалъ по всеобщей исторіи и этими занятіями положилъ основаніе для предстоящей профессорской дѣятельности, т.-е. ознакомился съ источниками и составилъ себѣ, такъ сказать, общее очертаніе будущаго курса, послѣ чего, какъ онъ полагалъ, ему было бы достаточно, по сдѣланнымъ выпискамъ, составлять лекціи, — и въ самомъ дѣлѣ курсъ, составлявшійся имъ потомъ по этимъ выпискамъ, соотвѣтствовалъ заранѣе начертанной программѣ.

Мы не имѣемъ, однако, положительныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса о томъ, почему программа, состоящая изъ двухъ частей, была потомъ исполнена Гоголемъ только на половину, такъ какъ лекцій, соотвѣтствующихъ второй части программы, мы въ его бумагахъ не находимъ, хотя намѣченныя имъ выписки въ названной записной книжкѣ составляютъ продолженіе курса по той же программѣ. Кажется, всего цѣлесообразнѣе въ данномъ случаѣ обратить вниманіе на

тогда какъ онъ послѣ того еще цѣлый годъ оставался преподавателемъ въ Патріотическомъ институтѣ.

[1]) Тамъ же, стр. 223.

[2]) Тамъ же, стр. 225.

содержаніе письма его къ Погодину отъ 14 декабря 1834 г., гдѣ онъ прямо признается, что «рѣшительно бросилъ теперь всякую художническую отдѣлку, а тѣмъ болѣе — желаніе будить сонныхъ слушателей»[1]). Въ этомъ же письмѣ въ слѣдующихъ строкахъ онъ говоритъ уже: «Я выражаюсь отрывками, и только смотрю въ даль и вижу его въ той системѣ, въ какой она явится у меня вылитою черезъ годъ». Итакъ Гоголь, разочаровавшись въ прежней системѣ и надѣясь въ будущемъ создать новую, въ промежуткѣ бросилъ отдѣлку лекцій, — можетъ быть, также и въ виду угрожавшихъ слуховъ о новомъ университетскомъ уставѣ и тѣхъ требованіяхъ отъ профессоровъ, которыя Гоголю невозможно было исполнить. Во всякомъ случаѣ слова Гоголя въ письмѣ къ Погодину подтверждаются и тѣмъ, что всѣ наиболѣе обработанныя и впослѣдствіи напечатанныя лекціи Гоголя были имъ прочитаны въ первое полугодіе его профессорской дѣятельности, т.-е. его вступительная лекція «О среднихъ вѣкахъ», «О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка» «Аль-мамунъ» (см. настоящаго изданія т. V, стр. 561—562, 587; также 564—568). Тамъ же приведены и выдержки изъ программы и высказаны соображенія о времени ея составленія (см. 609 и 638). — Отмѣтимъ кстати, что въ одной изъ записныхъ книгъ Гоголя (№ 10) мы находимъ начало этой программы (ср. т. V, стр. 638).

Стр. 266. [1] Слово: «Западной» приписано сверху зачеркнутаго: «Римской». [2] Послѣ этого зачеркнуто: «состояніе Христіанства».... «состояніе». [3] Въ рукописи описка: «правленій». [4] Послѣ этого зачеркнуто: «ихъ характеръ и...»

Стр. 267. [1] Послѣ этого зачеркнуто: «что происходитъ между тѣмъ». Затѣмъ слѣдующее предложеніе приписано между строкъ. Выше слова: «Въ чемъ состояло различіе правленій отъ римскихъ намѣстниковъ» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «Завоеванія готтовъ; ихъ образъ войны». [2] Послѣ этого между строками приписана недоконченная фраза: «въ какомъ видѣ христіанство» и на слѣдующей строкѣ также приписано: «принятіе христіанской...» [3] Слова: «и завоеваніе экзархата и другихъ земель» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «вызовъ ихъ (въ) Италію». [4] Передъ словомъ: «возрастаніе» зачеркнуто на ходу письма: «увели(ченіе)». [5] Прежде было: «умѣніе». [6] Слово: «могуществомъ» въ концѣ строки не дописано; оно поставлено вмѣсто зачеркнутаго: «помощью», надъ которымъ, ниже слова: «могуществомъ», еще было написано и не зачеркнуто слово: «силою».

---

1) См. Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 228.

Стр. 268. [1] Въ рукописи слово: «крестовыхъ» въ концѣ строки не дописано, а слова: «походовъ» нѣтъ вовсе. [2] Въ рукописи: «статистическое». [3] Прежде было: «ничтожные». [4] Прежде было: «причина паденія». [5] Сверху слова: «силы» приписано не зачеркнутое: «причины». [6] Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова.

Стр. 269. [1] Надъ словомъ: «ужасъ» стоитъ не зачеркнутое авторомъ весьма неразборчивое слово. [2] Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма слово: «состо(яніе)».

Стр. 270. [1] Въ рукописи здѣсь описка: «одно». [2] Слово написано не вполнѣ разборчиво. [3] Послѣднія слова, начиная отъ слова: «іерусалимскаго», приписаны сверху строки. [4] Слово: «крестовый» въ рукописи передѣлано изъ: «крестовыхъ». [5] Слова: «третій походъ» зачеркнуты и вмѣсто нихъ сверху неразборчивыя слова, изъ которыхъ послѣднее несомнѣнно: «третьяго». [6] Прежде было: «главнокомандующихъ».

Стр. 271. [1] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [2] Конецъ слова написанъ не разборчиво. [3] Передъ этимъ было: «быстрое завоеваніе всей Азіи». [4] Послѣднее слово въ рукописи пропущено; передъ этимъ цѣлый рядъ зачеркнутыхъ словъ и надстрочныхъ поправокъ; зачеркнуты вначалѣ предложенія: «обозрѣніе распространившейся...» «Въ Европѣ папа...» «Обозрѣніе могущества и распространенія папской власти» [5] Слово это въ рукописи не дописано.

Стр. 272. [1] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [2] Пропускъ въ подлинникѣ. [3] Послѣднія три строки, начиная отъ словъ: «вся морская торговля», приписаны въ концѣ отдѣла, послѣ словъ: «всеобщее усиліе поднять гражданъ и унизить феодаловъ». [4] Все остальное написано нѣсколько выше. Вообще порядокъ текста въ рукописи здѣсь сильно перепутанъ.

Библіографія среднихъ вѣковъ (стр. 273—277).

Написана въ тетради изъ двухъ съ половиной листовъ писчей бумаги съ полями, безъ водяныхъ знаковъ, потому что послѣдніе полъ-листа отрѣзаны; составлена приблизительно въ то же время, какъ и программа лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ.

Стр. 278. [1] Послѣ этого зачеркнуты слова: «ближайшія къ намъ». [2] Слово: «разнообразіе» приписано сверху вмѣсто зачеркнутаго: «многосторонность». [3] Слово: «сложена» приписано сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «составлена»; потомъ это слово зачеркнуто и снова приписано въ началѣ слѣдующей строки. [4] Послѣднія слова: «исполненными» (это слово приписано сверху строки) «таланта и большихъ свѣдѣній», написаны вмѣсто прежнихъ: «одаренными истиннымъ талантомъ и большими свѣдѣніями», при чемъ передъ словомъ: «исполненными» прежде было приписано сверху и затѣмъ зачеркнуто слово: «ученными» (sic). [5] Послѣднее предложеніе, начиная отъ словъ: «замѣчательныя и важныя», приписано между строкъ, какъ и дальше: «для исторіи среднихъ вѣковъ». [6] Эти слова, начиная отъ: «первая проложила путь», приписаны сбоку страницы, при чемъ выноска

отмѣчена знакомъ ⌗. [7] Въ рукописи здѣсь пропускъ. [8] Всѣ эти строки приписаны сверху, вмѣсто другихъ, зачеркнутыхъ: «Прежде всего должно упомянуть о всеобщей исторіи Іоаннеса Миллера» (сверху приписано и также зачеркнуто: «не смотря на недостатокъ страстности»), «въ сочиненіи, исполненномъ наблюдательности» (сверху приписано и зачеркнуто: «отличается замѣчаніями»), «ума, вѣрнаго взгляда и высокой простоты изложенія... Оно формою своею... Она болѣе похожа на собраніе отдѣльныхъ замѣчаній и, при внутреннемъ глубокомъ достоинствѣ своемъ, не имѣетъ наружнаго плана и системы, нужныхъ для руководства. Гиббонъ въ сочиненіи своемъ: «Исторія упадка Римской имперіи», сочиненіи, означенномъ глубокою ученостью, познаніемъ и практическимъ познаніемъ жизни человѣчества съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ изобразилъ картину среднихъ вѣковъ, хотя, вѣрный своему предмету, онъ показалъ ихъ въ отдаленіи, сколько нужнаго для главнаго сужета (sic)». [9] Въ рукописи, послѣ словъ: «Исторія Галлана» (sic) подъ названіемъ: «Европа въ средніе вѣка», было написано еще: «сочиненіе очень замѣчательное, и хотя есть болѣе исторія»...

Стр. 274. [1] Всѣ эти строки, начиная отъ словъ: «вышло два тома», приписаны сверху, между строками, вмѣсто зачеркнутыхъ: «кажется, будетъ полнѣе другихъ, и хотя не показываетъ глубокаго таланта, но составлена человѣкомъ ученымъ, которому не чужды новыя отношенія и который обратилъ вниманіе на всѣ явленія». [2] Прежде было: «нѣсколько сухомъ». [3] Слово: «Іоанна» въ рукописи зачеркнуто. [4] Послѣднія строки, начиная отъ словъ: «Исторію», приписаны между строкъ. [5] Слово: «итакъ» приписано сбоку страницы, въ замѣнъ зачеркнутыхъ словъ: «Эти сочиненія болѣе другихъ знакомятъ со всеобщею средней исторіей». [6] Прежде было: «Исторія Италіи въ средніе вѣки». [7] Послѣ этого въ рукописи стоитъ зачеркнутое потомъ слово: «что»; передъ этимъ слово: «отчетливостью» приписано сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «добротою». [8] Прежде было «живѣе и обстоятельнѣе». [9] Слово: «всѣ» въ рукописи зачеркнуто. [10] Прежде было: «кромѣ». Нѣсколькими строками выше слова: «раскрывающія ясно» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «совершенно раскрыло». [11] Въ рукописи: «Петръ Бемби». [12] Слова: «есть очень удовлетворительное сочиненіе» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «можетъ почесться лучшимъ въ этомъ родѣ сочиненіемъ. Изъ...» Сверхъ того, въ позднѣйшей поправкѣ прежде было: «есть совершенно полное и удовлетворительное сочиненіе»; затѣмъ слова: «совершенно полное» зачеркнуты и сверху, т.-е. еще выше строкой, надъ приписанной уже строчкой, приписано: «очень».

Стр. 275. [1] Послѣ этого зачеркнуто: «многими учеными». [2] Прежде было: «лучшая эпоха ея». [3] Прежде было: «изъ числа принесшихъ». [4] Послѣ этого зачеркнуты слова: «своими трудами можно», при чемъ надъ послѣднимъ словомъ приписано сверху: «нужно». [5] Слова: «и въ отношеніи ко всей средней исторіи» приписаны сверху строки. [6] Послѣ слова: «Тьери» стоитъ знакъ выноски ⌗, которому сбоку страницы соотвѣтствуетъ строка: «бросившій много замѣчательныхъ мыслей въ своемъ сочиненіи: «Lettres sur l'histoire de France». Надъ этой строкой сверху приписана и потомъ зачеркнута еще слѣдующая строка: «одинъ изъ замѣчательныхъ французскихъ

писателей, бросившій...» [7] Въ рукописи сперва было: «разныхъ эпохъ»; затѣмъ Гоголь приписалъ сверху строки предлогъ: «о», но не исправилъ падежнаго окончанія; такимъ образомъ въ рукописи является описка: «о разныхъ эпохъ» (sic). Прежде было: «глубокаго»; потомъ было исправлено и снова зачеркнуто: «великаго», «замѣ(чательнаго)» и уже послѣ этого приписано еще разъ также сверху строки: «сильнаго». [9] Слова: «въ его конституціонной исторіи» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «въ отношеніи къ перемѣнамъ конституціоннымъ въ...» Послѣ этого надъ словами: «въ отношеніи» было еще приписано зачеркнутое потомъ слово: «касательно». [10] Послѣднія слова, начиная съ слова: «Лингартомъ», приписаны позднѣе и другими чернилами (какъ впрочемъ и всѣ предыдущія поправки) сверху строки. [11] Слова: «и полнѣйшая другихъ» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго слова: «есть». [12] Слова: «въ своей» приписаны позднѣе и другими чернилами сверху строки. [13] Прежде было: «таланта»; нѣсколько выше слова: «Іоанна Миллера, сочиненія» приписаны сверху строки, но тѣми же чернилами, какими написано все остальное, слѣд. приписаны еще писцомъ. [14] Прежде было: «по таланту». [15] Слова: «Анна Комнина» приписаны собственноручно другими чернилами сверху строки. [16] Слова: «и удовлетворительной» приписаны собственноручно другими чернилами сверху строки. [17] Прежде было: «Абулгаріусъ». [18] Въ рукописи: «Гербаготъ». [19] Такъ въ рукописи. [20] Слова: «подную и» въ рукописи зачеркнуты.

Стр. 276. [1] Слова: «собраніяхъ исторіи разныхъ государствъ» приписаны сбоку страницы: выноска обозначена знакомъ ⌗. Послѣ слова: «собраніяхъ» стояло еще: «разныхъ»; это поправка Гоголя, а писцомъ было между строками исправлено: «собраніяхъ нѣсколькихъ исторій государствъ». [2] Въ рукописи: «издающая подъ именемъ». Прежде было: «предпринятая подъ названіемъ». [3] Скобки въ подлинникѣ. Послѣ этого слова: «слѣдуетъ упомянуть» приписаны сверху строки вмѣсто зачеркнутаго: «изъ». — Въ словѣ «оконченная» въ рукописи описка: «окончанная» (sic). [4] Скобки въ подлинникѣ; но тамъ стоитъ: «о вліяніи крестовыхъ походовъ въ 1-мъ томѣ», но затѣмъ слова: «въ 1-мъ томѣ» зачеркнуты. [5] Слова: «извѣстія о состояніяхъ» приписаны другими чернилами сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «сочиненія относительно». На слѣдующей строкѣ послѣ словъ: «и проч.» зачеркнуто: «сюда». [6] Слово «также» приписано сверху строки. [7] Слова: «народы, терпѣвшіе большія потрясенія». Прежде было: «и всѣ славянскіе народы, гдѣ обыкновен(но) участь терпѣвшихъ». Поправка сдѣлана рукою писца.

Стр. 277. [1] Слово: «неукротимымъ» приписано другими чернилами сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго слова: «дикимъ». Въ предыдущей строкѣ вмѣсто: «жизнь и начала образованности» прежде было: «жизнь и образованность»; затѣмъ сверху строки надъ словомъ: «жизнь» приписано: «остатки» и передъ переправленной формой: «образованности» вписано сверху же: «начала».

Выдержки изъ лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ (стр. 277—315).

Лекціи, читанныя Гоголемъ по исторіи среднихъ вѣковъ, переписаны на особыхъ листахъ и полулистахъ писчей бумаги посторонней рукой, вслѣдствіе чего въ варіантахъ отмѣчаются только собственноручныя поправки и замѣтки Гоголя. Продолженіемъ ихъ служатъ выписки, таблицы и конспекты, составлявшіеся Гоголемъ въ нарочно для того заведенныхъ записныхъ книгахъ, на основаніи источниковъ, частью иностранныхъ, частью русскихъ. Записныя книги эти такимъ образомъ служили непосредственнымъ матеріаломъ для составленія послѣдующей серіи лекцій, точно такъ же, какъ первыя лекціи предназначались для дальнѣйшей, болѣе самостоятельной, обработки отдѣльныхъ историческихъ вопросовъ. Здѣсь опять измѣненіе принятой Гоголемъ системы объясняется постепеннымъ охлажденіемъ его къ своей профессорской дѣятельности: первыя лекціи были имъ не только составлены, но и обработаны для печати и появились въ «Арабескахъ»; слѣдующія остались уже не обработанными, и въ «Арабескахъ» ихъ мы не находимъ; потомъ онъ ограничивается — уже однѣми выписками, и разрабатываетъ только отдѣльныя излюбленныя темы, но уже не столько какъ ученое сочиненіе, не какъ лекціи, а какъ произведеніе художественное. Такъ поступилъ онъ съ выдержкой изъ Галлама въ записной книгѣ № 10 (см. настоящаго изданія т. V, стр. 637—646). Сравненіе убѣждаетъ насъ въ томъ, что статья, озаглавленная въ «Арабескахъ»: «О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка», является распространеннымъ воспроизведеніемъ второй лекціи: «О движеніи народовъ германскихъ, причинившихъ разрушеніе Западной Римской имперіи», а «Аль-Мамунъ» имѣетъ нѣкоторое, хотя и отдаленное, отношеніе къ лекціи десятой («Первобытная жизнь арабовъ. Переворотъ на образованіе націй, произведенный Магометомъ, и завоеваніе ихъ»). Ср. напр. перечисленіе мелкихъ народовъ германскаго племени и характеристику германцевъ на страницахъ 326—328 пятаго тома настоящаго изданія и стр. 281 настоящаго тома; различіе же заключается въ томъ, что народы, только поименованные въ лекціи, при позднѣйшей обработкѣ ея для печати до нѣкоторой степени уже охарактеризованы, или напр. выраженіе, употребленное въ лекціи: «Азартная игра, въ

которую проигрывали германцы себя и семейства свои, показывала слѣпую стремительность воли ихъ дикой природы» получило такой видъ: «они были стремительны, азартны, и какъ только были разбужены, потрясены и выходили изъ своего хладнокровнаго положенія, то уже не знали предѣловъ своему стремленію. Азартность ихъ болѣе всего оказывалась въ игрѣ, въ которую заигрывался дикій германецъ до того, что проигрывалъ свой домъ, оружіе, жену, дѣтей»[1]) и проч. Рядомъ съ этимъ замѣчаніемъ и здѣсь и тамъ говорится о пиршествахъ германцевъ. Еще больше замѣтно сходства во второй половинѣ лекціи. Кстати замѣтимъ, что эта лекція, судя по свидѣтельству Иваницкаго, слѣдовала тотчасъ за вступительной лекціей. Это можно заключить, обративъ вниманіе на слова Иваницкаго о томъ, что, въ противоположность интересу первой лекціи Гоголя, вторая, какъ и всѣ слѣдующія, въ устномъ произношеніи отличалась очень замѣтными недостатками вялаго и сбивчиваго изложенія и была начата словами: «Азія всегда была какимъ-то народо-вержущимъ вулканомъ», — между тѣмъ то же выраженіе является такое почти въ началѣ статьи: «О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка» въ такомъ видѣ: «такимъ образомъ Азія сдѣлалась народовержущимъ вулканомъ».

Что̀ касается источниковъ, которыми пользовался Гоголь при составленіи своихъ лекцій, то въ большинствѣ случаевъ это были сочиненія на французскомъ языкѣ, что̀ видно уже изъ начертанія многихъ собственныхъ именъ согласно произношенію ихъ въ французскомъ языкѣ, напр. Остразія (Австразія), Отарисъ (Автарисъ), Зижебертъ (Зигридъ), Тьери (Дитрихъ), Шильперикъ (Хильперихъ), Кловисъ (Хлодвигъ), Валенсъ, Констансъ и проч. Иногда Гоголь по недоразумѣнію впадаетъ въ крупныя ошибки; такъ на стр. 301 мы видимъ, что онъ не даетъ себѣ яснаго отчета въ значеніи приводимыхъ имъ названій: Ксересъ и Гваделета, при которыхъ Табрикъ разбилъ Родрига. Судя по выраженію Гоголя, можно думать, что онъ принималъ эти два географическихъ термина въ смыслѣ обозначающихъ разныя, хотя бы и близкія, мѣстности, тогда какъ здѣсь въ сущности идетъ рѣчь о битвѣ при городѣ Хересъ-де-ла-Фронтера, стоящемъ на берегу рѣки Гвадалета. На страницѣ 296 онъ явно смѣшиваетъ двѣ эпохи, перенося извѣстнаго своей ученостью патріарха Фотія изъ IX вѣка въ предшествующій, въ эпоху иконоборства при Львѣ III.

[1]) Ср. настоящаго изданія т. V, стр. 326 и выше, стр. 282.

Прилагаемъ здѣсь списокъ книгъ историческаго содержанія на иностранныхъ языкахъ, подаренныхъ Н. В. Гоголемъ его другу, А. С. Данилевскому, и хранящихся въ семьѣ послѣдняго [1]).

«Cours de littérature française» par Villemain. 1834.5 volumes.

«Promenades dans Rome», par M. de Stendhal. 1830,2 volumes.

«Mélanges philosophiques, historiques et littéraires» par Villemain. 1829,2 volumes.

«Introduction à l'histoire Universelle, suivie du discours d'ouverture prononcée à la faculté des lettres, le 9 Janvier 1834 par Jules Michelet». 1832,1 volume.

«Idées sur la philosophie del' histoire de l'humanité», par Herder, «ouvrage de l'allemand et précédé d'une introduction» par Edgard Quinet. 1827,3 volumes.

«Vues pittoresques de l'Inde, de la Chine et des bords de la mer Rouge, sur les esquisses originales du Commodore Robert Elliot de la marine royale». 2 volumes.

«Gallery of portraits, under the superintendence of the society, for the diffusion of insects». 1832[6], 1833[12], 1834[12], 1835 и «Findens Landscape illustrations of the Bible», by the Rev. Thomas Hartwell Harne. B. D. 1834—1838.

«Histoire de la décadence et de la chute de l'empire romain, par E. Gibbon, précédé d'une notice sur la vie et le caractère de Gibbon», par M. F. Guisot. 1828,13 volumes.

«Histoire de Cromwell d'après les mémoires du temps et les recueils parlementaires», par M. Villemain. 1829,2 volumes.

«Histoire universelle, ouvrage posthume de Jean Müller, traduit de l'allemand, par J. G. Hess, avec un supplément depuis 1815, jusqu' à nos jours». 1837,4 volumes.

«La chartreuse de Parme, par M. de Stendhal, auteur de Rouge et Noire» etc. 1839,2 volumes.

«Dix ans d'études historiques», par Auguste Thierry 1835,1 volume.

«Lascaris, ou les Grecs du XV siècle, suivi d'un essai historique sur l'état des grecs depuis la conquête musulmane jusqu'à nos jours», par Villemain. 1829,1 vol.

«Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, de ses

---

[1]) За сообщеніе этихъ любопытныхъ данныхъ приносимъ живѣйшую и искреннѣйшую благодарность вдовѣ покойнаго А. С. Данилевскаго, Ульянѣ Григорьевнѣ Данилевской.

causes et de ses suites jusqu'à nos jours, en Angleterre, en Ecosse, en Irlande et sur le continent», par Auguste Thierry, de l'Institut royal de France 3-ième édition. 1830.4 volumes.

«Oeuvres complètes de Shakspeare, traduites par le Fourneur, revues et corrigées par F. Guizot et A. C. traducteur de lord Byron, précédées d'une notice biographique et littéraire sur Shakspeare», par F. Guizot. Ed. 1821—13 volumes.

[2] Слова: «народы и земли къ концу древняго міра» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «древній міръ». [3] Слово: «составляли» приписано сверху строки, какъ и предыдущая часть предложенія: «Политическія тѣла, образованныя этими націями», при чемъ эта приведенная нами часть предложенія стоитъ вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «Государства большею частью состояли изъ»; въ приписанной сверху фразѣ, послѣ словъ: «политическія тѣла» зачеркнуто на ходу письма недоконченное слово: «сост(авляли)». [4] Слова: «жизни совершенно частной» приписаны сверху строки.

Стр. 278. [1] Послѣ этого зачеркнуты слѣдующія строки: «этотъ народъ увидѣлъ подъ своимъ владычествомъ образованное государство съ просвѣщеніемъ, испорченною нравственностью, изобиліемъ, естественною промышленностью и жадно бросился перенимать». [2] Слово: «въ республикѣ» собственноручно приписано сверху строки; все предыдущее предложеніе послѣ слова: «консулы» читалось прежде такъ: «консулы, дерущіеся съ оружіемъ въ рукахъ за богатыя провинціи»; затѣмъ сверху приписаны слова: «сражающіеся за...»—«земли»; «слово же: «богатые» осталось не зачеркнутымъ и перешло въ исправленную фразу первоначальнаго текста. [3] Прежде было: «возможно только въ рукахъ»; затѣмъ приписаны сверху зачеркнутыя слова: «производимо» (надъ словомъ: «возможно») и «одно» (вписано сверху между словами: «въ рукахъ»). [4] Слова: «осуществлена императоромъ» приписаны собственноручно сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «пополнено предпріимчивымъ воиномъ». Въ словѣ: «осуществлено» обычная у Гоголя ошибка: «осуществленно» (sic).

Стр. 279. [1] Въ этой и слѣдующихъ фразахъ есть незначительныя поправки; вмѣсто: «философія лишилась», прежде было: «философія, лишенная»; въ словѣ: «нѣдро» первоначально была исправленная Гоголемъ описка писца: «недрѣ» (sic); въ словѣ: «смѣшаннаго» — описка: «смѣшеннаго». Послѣ словъ: «смѣшаннаго общества» зачеркнуто: «отнятіе оружія». [2] Слово: «разъединеніе» приписано сверху строки (съ опиской: «разединеніе»; прежде было: «этотъ разрывъ».

Стр. 280. [1] Въ рукописи: «правителямъ», слова: «болѣе власти» приписаны сверху строки, при чемъ Гоголь забылъ измѣнить падежъ въ словѣ: «правителямъ». [2] Послѣ этого въ рукописи зачеркнуто: «восточными», гдѣ преимущественно распространилось Христіанство, гдѣ роскошь и умственная изнѣженная жизнь, и западными, гдѣ преобладало язычество, гдѣ было менѣе селивизаціи (sic!)». [3] Послѣ этого въ рукописи зачеркнуто: «становилось».

Стр. 281. [1] Сперва заглавіе читалось такъ: «Разрушеніе Западной Римской Имперіи»; измѣненіе собственноручно сдѣлано Гоголемъ. Послѣ этого въ заглавіи зачеркнута прибавка на слѣдующей строкѣ: «новыми народами». [2] Слово: «фамильное» приписано сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: разительное».

Стр. 283. [1] Слово: «вытѣснивъ» приписано сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «потѣснивъ». [2] Прежде было: «тревожатъ». [3] Прежде было: «пиратствуютъ». [4] Прежде было: «опустошаютъ». [5] Прежде было: «производится». [6] Прежде было: «изгоняются».

Стр. 284. [1] Слова: «на ихъ земляхъ» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «на мѣсто ихъ». [2] Въ рукописи вмѣсто: «Адріанополя» прежде было: «Константинополя». Вмѣсто: «умертвили» стоитъ: «умертвивъ», и послѣ: «его» зачеркнуто: «самого». [3] Всѣ эти описки писца собственноручно исправлены Гоголемъ. Въ рукописи описка: «въ недрѣ» (sic). Передъ этимъ слова: «что имперія терпѣла» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «терпѣть». Послѣ слова: «недрѣ» зачеркнуто: «имперіи». [4] Въ рукописи прежде было: «давать», а также далѣе: «употреблять», вмѣсто позднѣйшаго: «употребляли». [5] Послѣ этого зачеркнуто слово: «нихъ». Всѣ эти поправки сдѣланы Гоголемъ собственноручно.

Стр. 285. [1] Вмѣсто: «Отала» въ рукописи прежде было вездѣ: «Отало»; потомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ и здѣсь, это исправлено. [2] Прежде было: «начальника Гоноріева войска гота Саруса».

Стр. 286. [2] Такъ въ рукописи.

Стр. 287. [1] Прежде было: «своими пиратскими кораблями». [2] Прежде было: «послѣ». Все предложеніе читалось такъ: «а послѣ разрыва союза съ послѣдними...» [3] Прежде было: «становится». [4] Прежде было: «успѣваетъ». [5] Прежде это предложеніе читалось такъ: «независимыхъ королей и князей обращаетъ въ исполнителей его намѣреній и придворныхъ». [6] Эта фраза прежде читалась такъ: «воиновъ своихъ заставляетъ вѣрить въ неотразимость своего оружія». [7] Прежде было: «собираетъ». [8] Прежде было: «грозиться». [9] Прежде было: «не имѣютъ». [10] Прежде было: «только оружіемъ Марціала на время отражаютъ его». [11] Прежде было: «обращаютъ». [12] Прежде было: «обманываетъ». [13] Прежде было: «проникаетъ». [14] Прежде было: «собираетъ». [15] Слова: «при Шалонѣ на Марнѣ» собственноручно приписаны сверху строки. Послѣ этого зачеркнуто: «въ департаментѣ Марно». [16] Прежде было: «избавляемъ». [17] Прежде было: «такого».

Стр. 288. [1] Прежде было: «сенаторъ и канитомовъ (?)». [2] Слова: «уже» и «почти» приписаны сверху строки; слово: «почти» приписано вмѣсто прежняго: «даже». [3] Такъ въ рукописи. [3] Послѣдняя фраза читалась такъ: «Такъ незамѣтно, безъ шума, окончила существованіе Римская имперія». Послѣ этого предложеніе: «Римская имперія существовала только по имени» собственноручно приписано позднѣе, другими чернилами.

Стр. 289. [1] Слова: «въ отношеніи къ внутреннему бытію» собственноручно приписаны сверху строки. [2] Прежде было: «въ нѣкоторыхъ». [3] Прежде было: «народами».

Стр. 290. [1] Прежде было: «сплошь» (поправка Гоголя). [2] Скобки въ рукописи.

Эта строчка «Loos жребій» (оттуда: «allod»)» вписана Гоголемъ въ пробѣлѣ, оставленномъ писцомъ.

Стр. 291. [1] Въ рукописи: «Weregild». [2] Прежде было: «у многихъ». [3] Скобки въ рукописи. Слово: «rustique» въ рукописи начинается съ прописной буквы. [4] Послѣднія строки приписаны рукою Гоголя.

Стр. 292. [1] Слово: «безпокойныхъ» приписано сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «кочующихъ»; написано: «беспокойныхъ» (sic). [2] Послѣ этого зачеркнуто: «позже довольно покореніе и, не выходя изъ Италіи, присоединилъ онъ». Сверхъ того, надъ зачеркнутымъ: «позже» приписано сверху снова зачеркнутое на ходу письма слово: «добро(вольно?)» [3] Слова: «такимъ образомъ въ самомъ началѣ замѣтно различіе» написаны сверху зачеркнутыхъ: «Это положило совершенный раздѣлъ». Въ приписанной сверху фразѣ передъ словомъ: «различіе» зачеркнуто: «раздѣленіе». [4] Слова: «вошло въ смѣшеніе, составленное» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «не привилось»; поэтому въ послѣднихъ словахъ предложенія осталось неисправленнымъ прежнее окончаніе: «итальянской націи».

Стр. 293. [1] Прежде было: «Византійской». Такая же поправка нѣсколькими строками выше передъ словами: «полководецъ его Велизарій». [2] Прежде было: «монеты съ его штемпелемъ». [3] Прежде было: «побѣдившій съ помощію азіатскихъ пришельцевъ аваровъ». [4] Предложеніе: «Равенну спасли неприступныя болота, Римъ — мужество префектовъ» собственноручно приписано сверху строки, при чемъ въ первомъ словѣ въ рукописи описка: «Равена» (sic).

Стр. 294. [1] Въ послѣднемъ предложеніи слово: «Равенну» приписано сверху строки, при чемъ Гоголь это слово вездѣ пишетъ: «Равена»; затѣмъ вмѣсто слова: «Кремоной» прежде было: «Кремономъ»; наконецъ слова: «на другомъ концѣ Италіи» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «и минувъ ломбардскія земли». [2] Слово: «римскихъ» приписано сверху строки.

Стр. 295. [1] Въ этой фразѣ слово: «древняго» переправлено изъ слова: «міра». Все первое предложеніе собственноручно вписано Гоголемъ. [2] Это слово приписано сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «опустошенныхъ». [3] Писецъ написалъ сначала: «вліяніе епископа»; затѣмъ слово: «епископа» поставлено Гоголемъ въ скобки и зачеркнуто, и далѣе написано: «римскаго патріарха»; потомъ слово: «патріарха» зачеркнуто и сверху написано: «первосвященника». [4] Здѣсь замѣтно такое же колебаніе: прежде было написано: «нѣсколько патріарховъ», потомъ слово: «патріарховъ» зачеркнуто и сверху сперва собственноручно приписано было: «первосвященниковъ»; потомъ и это зачеркнуто и Гоголемъ же приписано: «епископовъ».

Стр. 297. [1] Т.-е. Дитрихъ. [2] Хильдебертъ. [3] Въ рукописи описка: 538. [4] Гунтремъ. Кромѣ того: «Зижебертъ» вездѣ стоитъ вмѣсто: «Сигбертъ» и «Остразія» вмѣсто: «Австразія».

Стр. 298. [1] Передъ этимъ было зачеркнуто: «повѣренные» и снова: «повѣренный». [2] Слова: «полудикихъ завоевателей Франціи» приписаны сверху строки», вмѣсто зачеркнутыхъ: «того вѣка». [3] Послѣ этого зачеркнуто: «въ судѣ».

Стр. 299. [1] Такъ въ рукописи. [2] Въ рукописи: «Верфа» [3] Все это мѣсто, начиная съ словъ: «для увеличенія власти», находится внизу страницы, въ особой собственноручной припискѣ, обозначенной знакомъ ⊥. Передъ нею зна-

чалѣ нѣсколько поправокъ: «уничтожилъ въ Бу(ргундіи)»; потомъ сверху приписано и также зачеркнуто: «замѣстилъ». [4] Послѣдняя фраза прежде читалась такъ: «оставилъ сыновьямъ своимъ, Карлу и Карломану, такія обширныя владѣнія, какихъ не имѣли Меровинги во время своего лучшаго состоянія»; потомъ слова: «такія обширныя владѣнія» и «во время своего лучшаго состоянія» зачеркнуты и сверху словъ: «такія обширныя владѣнія»: приписано: «такое пространство земель и власти», далѣе слово: «какихъ» исправлено въ: «какого» и сверху приписано: «никогда». Въ припискѣ, послѣ словъ: «частныхъ» сначала было еще написано: «были заняты».

Стр. 301. [1] Здѣсь Гоголь, очевидно, смѣшиваетъ географическія и историческія имена и не даетъ себѣ яснаго отчета въ нихъ: дѣло въ томъ, что Тарикъ далъ сраженіе королю готскому Родерику при Хересѣ де ла Фронтера на Гвадалетѣ (рѣкѣ въ южной Испаніи). Употребляя французскую форму Хереса, Гоголь, повидимому, не догадывался, о какомъ именно городѣ идетъ рѣчь, или даже не предполагалъ, что это имя города. Повидимому, онъ полагалъ даже, что это были двѣ битвы (ср. напр. «Руководство ко всеобщей исторіи Лоренца, ч. II, отд. I, изд. 2, стр. 322). Впрочемъ, въ прошломъ вѣкѣ у насъ писали вообще: «Ксересъ». [2] Прежде было: «нордданскихъ». Послѣ этого: «кабадонгскихъ» — иначе: «кавадонгскихъ».

Стр. 303. [1] Фраза не докончена. Въ рукописи написано: «великую Россію» и затѣмъ поставлена точка. Кромѣ того, выше, сверху строки «ворвались» вмѣсто: «стѣснились»; послѣ словъ: «въ предѣлы» было: «и землѣ подъ разными именами отъ трехъ мѣстъ»; сверху написано вмѣсто зачеркнутаго слова: «трехъ» т.-е. мѣстъ; послѣ: «мѣстъ жительствъ» сверху приписано: «составившихъ Малую Россію». [2] Слово: «завладѣній» написано неясно, — какъ будто: «завидѣній» (sic).

Стр. 304. [1] Прежде эта фраза читалась такъ: «Константинополь былъ наполненъ множествомъ придворныхъ, императорскими охранительными войсками, праздной чернью, увеселеніями и празднествами»; слово: «жилищемъ» было потомъ приписано сверху строки.

Стр. 305. [1] Имена: Руфимъ и Кайнасъ здѣсь, очевидно, стоятъ вмѣсто: «Руфинъ» и «Гайна».

Стр. 306. [1] Въ рукописи здѣсь описка; написано: «спорящихся». [2] Въ рукописи: «Парховъ арзасидовъ».

Стр. 307. [1] Прежде было: «Зеленые, лишенные покровительства законовъ, составили уже ожесточенную провинцію противъ самаго (sic) Императора и правительства». Затѣмъ передъ: «ожесточенную» слово: «уже» зачеркнуто, а послѣ него приписано сверху: «оппозицію» (въ подлинникѣ: «опозицію»), зачеркнуто слово: «провинцію» и затѣмъ приписано сверху строки слово: «уже». [2] Въ рукописи: «Гераклій».

Стр. 308. [1] Въ рукописи: «Филипъ (sic)».

Стр. 309. [1] Слово: «Арабовъ» приписано сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «характера народа аравійскаго».

Стр. 310. [1] Слова: «угольной черноты» приписаны сверху строки. Передъ этимъ зачеркнуто: «съ черными глазами и волосами»; сверху приписано: «черноволосые» и «черноглазые», и также зачеркнуто. [2] Слова: «многія племена» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «безсильные».

Стр. 311. Въ рукописи вездѣ: «Корейшидовъ». [2] Скобки въ рукописи. [3] Невѣрно: Магометъ 25 лѣтъ поступилъ на службу къ богатой 40-лѣтней вдовѣ купеческой, Хадиджѣ, на которой и женился». (Березина «Русскій Энциклопедическій Словарь», М. Н., стр. 426). [4] Прежде было: «мавраии»; потомъ исправлено сверху: «магаии», и затѣмъ зачеркнуты слова: «склонный къ мечтательности». [5] Въ рукописи описка: «племенную». [6] Прежде было: «обѣщалъ рай, наполненный гуріями, вѣчными наслажденіями, со всей роскошью» и проч.; потомъ, сверхъ зачеркнутыхъ строкъ, приписано вначалѣ: «исполненный» и снова зачеркнуто, и наконецъ, еще приписано слово: «облеченный». Въ слѣдующей строкѣ послѣ: «сопровождалъ все это» прежде стояло: «пламенными рѣчами.»

Стр. 312. [1] Послѣ этого зачеркнуто: «на пальмовыхъ листахъ и бараньихъ костяхъ собралъ...» [2] Слова: «послѣдующій былъ выше предидущаго» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «какъ могущественнѣйшіе всѣхъ».

Стр. 313. Слѣдуетъ читать: «Истахаръ» (см. «Русскій Энциклопедическій Словарь» Березина, Ж. К., стр. 487).

Стр. 314. [1] Въ рукописи описка: «все». [2] Въ рукописи: «Кайрванъ». [3] Это имя Гоголь пишетъ то Котанбъ, то Катанбъ. [4] Въ рукописи: «Казинъ».

Петербургская сцена въ 1835/6 г. (316—326).

Эта статья написана была Гоголемъ для Пушкинскаго «Современника» и по времени слѣдовала за помѣщенными въ первой книгѣ журнала рецензіями и статьей: «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 гг.». Основанія для такого заключенія слѣдующія. Во-первыхъ, текстъ «Петербургской сцены» вписанъ въ записную тетрадь Р. А. № 5, гдѣ занимаетъ нѣсколько страницъ, начиная со второй страницы 18 полулиста и кончая первой страницей 21 полулиста, послѣ чего *непосредственно* слѣдуютъ, на оборотной страницѣ 23 полулиста и далѣе, уже *дополнительные* наброски статьи: «О движеніи журнальной литературы». Съ другой стороны *за первоначальными* набросками той же статьи въ записной тетради Р. А. № 4 (полулистъ 3, 22 оборотъ), со второй половины 22-го листа, слѣдуетъ лишь *начало* будущей статьи: «Петербургскія Записки 1836 года», слившейся потомъ въ одно цѣлое съ статьей «Петербургская сцена». Далѣе на первой книгѣ «Современника» цензурное разрѣшеніе помѣчено 31-мъ марта 1836 года,—слѣдовательно, уже тогда были отпечатаны рецензіи и статья: «О движеніи журнальной литературы», тогда какъ статья: «Петербургская сцена», очевидно, предназначалась уже для одной изъ слѣдующихъ

книгъ журнала. Время написанія статьи: «Петербургская сцена», на основаніи высказанныхъ Н. С. Тихонравовымъ соображеній въ примѣчаніяхъ къ статьѣ: «Петербургскія записки 1836 года» (см. пятый томъ настоящаго изданія, стр. 659), слѣдуетъ отнести къ апрѣлю 1836 г., или, какъ мы склонны думать, на основаніи только-что приведенныхъ внѣшнихъ указаній, — къ концу марта того же года.

Такъ какъ статья «Петербуржскія (sic)[1]) Записки 1834 года» была напечатана въ «Современникѣ», уже *послѣ* смерти Пушкина, именно во второмъ № за 1831 годъ, и окончилъ ихъ Гоголь, несомнѣнно, за границей[2]),—то возникаетъ вопросъ: предполагалъ ли Гоголь уже съ самаго начала объединить оба отдѣла, изъ которыхъ состоятъ «Петербургскія записки»? Дѣло въ томъ, что, подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоятельствъ, измѣнялись и отношенія Гоголя къ «Современнику» и самый характеръ работъ его для журнала, пока они потомъ не порвались совершенно. Въ отношеніяхъ Гоголя къ «Современнику» можно указать въ продолженіи 1836 и начала 1837 г., не смотря на кратковременный срокъ, *три* различныхъ фазиса. Вначалѣ, задумавъ основать «Современникъ», Пушкинъ, очевидно, возлагалъ большія надежды на предполагавшееся постоянное и самое дѣятельное сотрудничество Гоголя, которому, помимо художественныхъ произведеній, предполагалось отвести весьма видное участіе въ разныхъ отдѣлахъ журнала: въ первыхъ нумерахъ «Современника» мы находимъ составленныя Гоголемъ журнальное и театральное обозрѣніе и почти всѣ рецензіи, помѣщенныя въ первой же книгѣ «Современника». Повидимому, эти обозрѣнія не должны были, впрочемъ, составлять обязательной принадлежности каждой книги журнала; но, за исключеніемъ перваго изъ названныхъ отдѣловъ, могли и чередоваться: для первой книги Гоголь приготовилъ журнальный обзоръ, кромѣ котораго предполагалъ вести потомъ также исторію критики; для одной изъ слѣдующихъ— приготовлялась статья о петербургской сценѣ. Но статья эта, не поспѣвъ къ первой книжкѣ, вѣроятно, вошла бы въ слѣдующую, если бы, послѣ 19 апрѣля 1836 года, подъ вліяніемъ испытаннаго Гоголемъ при первомъ представленіи «Ревизора» нравственнаго

---

[1]) Такое заглавіе поставлено въ «Современникѣ»; въ рукописяхъ Гоголя вездѣ: «Петербургскія».

[2]) См. т. V, стр. 660.

потрясенія, не измѣнился самымъ существеннымъ образомъ весь планъ его дальнѣйшей жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ прежніе интересы, недавно поглощавшіе все его существо, не замѣнились совершенно иными. Теперь же, по вѣрному замѣчанію Н. С. Тихонравова, онъ для продолженія начатой статьи[1]), «не имѣлъ ни силъ, ни времени въ концѣ апрѣля и въ маѣ 1836.г.»,—особенно, конечно, въ маѣ, когда онъ очень спѣшно готовился къ выѣзду изъ Петербурга. Такимъ образомъ понятно, что статья «Петербургская сцена», не приготовленная окончательно до отъѣзда за границу, была отложена надолго. Впрочемъ, Гоголь не имѣлъ намѣренія совершенно оставить ее, доказательствомъ чему служитъ то обстоятельство, что, оставивъ въ Петербургѣ большинство записныхъ книгъ, которыя приходилось потомъ съ большимъ трудомъ *выписывать* чрезъ Прокоповича, онъ захватилъ съ собой за границу именно тѣ записныя книги (Р. А. 4 и Р. А. 5), которыя были ему необходимы для продолженія и окончательной обработки данной статьи. Это видно изъ того, что *только* въ письмѣ отъ іюня 1837 г. Гоголь въ первый разъ обращается къ Прокоповичу съ просьбой о присылкѣ записныхъ книгъ[2]), но и послѣ того онъ весьма не скоро получилъ желаемое[3]). Мы знаемъ далѣе, что, отправляясь за границу, Гоголь предполагалъ еще вести для «Современника» путевыя записки[4]), и, слѣдовательно, по самому ходу обстоятельствъ, онъ тогда вступалъ въ совершенно новыя отношенія къ «Современнику»: теперь, конечно, нечего было и думать о веденіи театральныхъ обзоровъ, и даже обзоры журналистики становились въ сущности невозможными. Путевыхъ записокъ Гоголь потомъ не только не обработалъ, но даже и не набросалъ; но это объясняется, всего вѣроятнѣе, тѣмъ, что еще, не собравшись приступить къ нимъ, вслѣдствіе усиленной работы осенью и зимой 1836 г. надъ «Мертвыми душами», Гоголь вскорѣ узналъ уже о смерти Пушкина. Тогда Гоголю оставалось только обработать приготовленный для «Современника» матеріалъ, такъ какъ, отвлеченный болѣе капитальными трудами, онъ сталъ уже тяготиться журнальной дѣятельностью.

[1]) Тамъ же.

[2]) См. «Русское Слово» 1859, I, 101—102 и Е. В. Пѣтухова «Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу», стр. 17.

[3]) См. слѣдующія письма. Статья была кончена раньше присылки этихъ записныхъ книгъ.

[4]) «Русск. Арх.», 1871, 4—5, стр. 952.

Въ такихъ чертахъ представляются намъ отношенія Гоголя въ разное время къ «Современнику», остановиться на которыхъ намъ необходимо было также и для примѣчаній къ слѣдующимъ статьямъ. Теперь возвращаемся снова къ поставленному выше вопросу: былъ ли у Гоголя составленъ *съ самаго начала* опредѣленный планъ статьи «*Петербургскія записки 1836 г.*»?

Сличая первоначальный набросокъ статьи: «Петербургская сцена въ 183$^{5}/_{6}$ г.» съ «Петербургскими записками 1836 года», мы должны отмѣтить въ послѣдней статьѣ прежде всего несомнѣнное сходство по содержанію съ нѣкоторыми изъ первыхъ писемъ Гоголя петербургскаго періода къ матери, а въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мысляхъ и выраженіяхъ — съ «Театральнымъ разъѣздомъ». Такъ, въ письмѣ къ матери отъ 30 апрѣля 1829 года Гоголь говорилъ: «Каждая столица вообще характеризуется своимъ народомъ, набрасывающимъ на нее печать національности; *на Петербургѣ же нѣтъ никакого характера:* иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцевъ; а русскіе, въ свою очередь, объиностранились и сдѣлались ни тѣмъ, ни другимъ»[1]). То же самое читаемъ въ «Петербургскихъ запискахъ»: «*Трудно схватить общее положеніе Петербурга.* Есть что-то похожее на европейско-американскую колонію: *такъ же мало коренной національности и такъ же много иностраннаго смѣшенія*, еще не слившагося въ плотную массу»[2]). Въ письмахъ изъ Травемюнде отъ 25 августа 1829 года Гоголь отдаетъ преимущество даже большей сплоченности разноплеменнаго общества въ нѣмецкихъ гостинницахъ и трактирахъ передъ петербургскимъ: «со мною вмѣстѣ» — говорилъ онъ — «находились два швейцарца, англичанинъ, индійскій набобъ, гражданинъ изъ американскихъ штатовъ и множество разноземельныхъ нѣмцевъ, и всѣ мы были совершенно, какъ лѣтъ 10 другъ съ другомъ знакомы»[3]). Впрочемъ въ 1836 г., когда Гоголь уже въ значительной степени привыкъ къ Петербургу и строю его жизни, сужденіе его о разобщенности петербургскаго общества становится сравнительно менѣе неблагопріятнымъ; замѣтно уже нѣкоторое смягченіе въ отзывѣ: «что Петербургъ *не сдѣлался до сихъ поръ гостинницею, этому виною какая-то внутренняя стихія*

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 79.

[2]) См. настоящаго изд., т. V, стр. 510.

[3]) Соч. и письма Гоголя т. V, стр. 94—95.

русскаго человѣка, до сихъ поръ *глядящая оригинальностью* даже въ вѣчной шлифовкѣ съ иностранцами» [1]). Тотчасъ же послѣ этого слѣдуетъ неожиданный переходъ къ петербургскому театру въ слѣдующихъ словахъ: «Чтобы говорить о каждомъ изъ этихъ круговъ и замѣтить жизнь, текущую между нихъ, съ ея веселостями, наслажденіями, надеждами, печалями, нужно быть однимъ изъ тѣхъ, которые вовсе ничего не пишутъ, потому что у этихъ господъ, въ награду за ихъ дѣятельность, рѣшительно нѣтъ времени. Итакъ, мимо балы и вечеринки». Какъ будто все предыдущее клонилось собственно къ характеристикѣ жизни петербургскаго общества и его образа жизни, тогда какъ въ дѣйствительности такой оборотъ изложенію положенныхъ на бумагу петербургскихъ впечатлѣній Гоголь далъ, очевидно, уже *въ виду позднѣйшихъ соображеній*, точно такъ же, какъ начало, т.-е. весь первый отдѣлъ «Петербургскихъ записокъ», имѣло сперва характеръ записи путевыхъ впечатлѣній, напр: «Однакожъ, чортъ возьми, странный русскій народъ», — сказалъ я, вытянувъ лицо изъ бурки, потому что она совершенно смяла правый мой усъ: этого мнѣ хотѣлось, потому что возлѣ меня сидѣла довольно смазливенькая пассажирка» и проч. Здѣсь воспроизводились, конечно, впечатлѣнія Гоголя не во время заграничной его поѣздки, потому что за границу онъ ѣхалъ моремъ, но впечатлѣнія по дорогѣ изъ Петербурга внутрь Россіи въ 1835 г. [2]) Тогда, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ остановки въ Москвѣ, Гоголь и задумалъ, вѣроятно, тѣ наброски будущихъ «Петербургскихъ записокъ», которые составили ихъ первый отдѣлъ. Такимъ образомъ можно установить *болѣе тѣсную* внутреннюю связь между первымъ отдѣломъ «Петербургскихъ записокъ» и началомъ втораго (гдѣ охарактеризовано петербургское общество и его разобщенность) *сравнительно* съ связью между этимъ же началомъ и между продолженіемъ втораго отдѣла. Притомъ и начало «Петербургскихъ записокъ» имѣетъ близкое отношеніе къ первымъ петербургскимъ письмамъ Гоголя. Ср. напр. въ «Петербургскихъ запискахъ»: «Петербургъ весь расточился по кусочкамъ, раздѣлился, разложился на лавочки и магазины и ловитъ мелкихъ покупщиковъ; Петербургъ *суетъ вывѣску подъ самый носъ*, подкапывается подъ вашъ полъ съ «Ренсковымъ погребомъ» и ставитъ извощичью биржу въ

[1]) См. настоящ. изд., т. V, стр. 511.
[2]) Тамъ же, стр. 654—655.

самыя двери вашего дома»[1]). Ср. въ письмѣ къ матери отъ 30 апрѣля 1829 года: «Во многихъ домахъ находится очень много вывѣсокъ. Домъ, въ которомъ обрѣтаюсь я, содержитъ въ себѣ 2-хъ портныхъ, одну маршандъ-де-модъ, сапожника, чулочнаго фабриканта, склеивающаго битую посуду, декатировщика и красильщика, кондитерскую и мелочную лавку и, наконецъ, привилегированную повивальную бабку. Натурально, что этотъ домъ весь былъ облѣпленъ золотыми вывѣсками»[2]). Такимъ образомъ впечатлѣнія автора расширялись и видоизмѣнялись, подвергаясь часто новой группировкѣ подъ вліяніемъ случайностей жизни, и потому, если новая переработка статьи «Петербургская сцена» была включена въ середину статьи, которой начало, а также, какъ послѣ увидимъ, и конецъ, представляютъ собой уже общій сводъ разнообразныхъ личныхъ впечатлѣній автора отъ петербургской жизни и слѣдовательно утратила прежнее вполнѣ самостоятельное значеніе и даже прежнее единство,—то наброски, соотвѣтствующіе первому отдѣлу «Петербургскихъ записокъ», не смотря даже на свое одновременное появленіе на бумагѣ и въ тѣхъ же записныхъ книгахъ, могли первоначально и не предназначаться для объединенія со статьей «Петербургская сцена». Въ промежуткѣ между цитированными письмами къ матери и «Петербургскими записками» фантазія Гоголя много работала въ подобномъ же направленіи; достаточно вспомнить изображеніе Невскаго проспекта въ повѣсти того же названія и описаніе Коломны въ «Портретѣ», а также то, что въ концѣ «Петербургскихъ записокъ» встрѣчаются новые штрихи, касающіеся характеристики Невскаго проспекта, которые навѣрно бы вошли въ эту повѣсть, если бы она не была уже напечатана. Съ другой стороны начало втораго отдѣла «Петербургскихъ записокъ» представляетъ уже нѣкоторое соотношеніе съ «Театральнымъ разъѣздомъ», какъ впрочемъ и вся эта статья. Ср. напр. въ «Театральномъ разъѣздѣ» слова «Человѣка изъ толпы»: «Вы сами знаете, что̀ такое литераторъ: пустѣйшій человѣкъ! Это всему свѣту извѣстно—ни на какое дѣло не годится. Ужъ ихъ пробовали употреблять да бросили» и выраженіе того же взгляда толпы въ слѣдующихъ словахъ: «Петербургскихъ записокъ»: «литераторъ, являющійся до сихъ поръ *двусмысленнымъ и сомнительнымъ лицомъ*, стоитъ совер-

[1]) Тамъ же, стр. 510.

[2]) Соч. и письма Гоголя, V, 79—80.

шенно отдѣльно»[1]). Также и предшествующія предложенія, въ которыхъ говорится о разрозненности отдѣльныхъ кружковъ петербургскаго общества и ихъ узкихъ интересахъ, опять имѣетъ отношеніе къ слѣдующимъ словамъ одного изъ первыхъ петербургскихъ писемъ: «Никакой духъ не блеститъ въ народѣ: все служащіе да должностные, всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ да о коллегіяхъ, все погрязло въ трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается вся жизнь ихъ»[2]). Впечатлѣнія, касающіяся театра, какъ видно и изъ самой статьи, также западали въ душу автора въ разное время его петербургской жизни; но статья, какъ показываетъ заглавіе, имѣла въ виду преимущественно черты театральной жизни, касающіяся сезона $183^{5}/_{6}$ года.

При сравненіи статьи: «Петербургская сцена» съ соотвѣтствующей ей частью «Петербургскихъ записокъ 1836 года» больше всего обращаютъ на себя вниманіе тѣ перемѣны, которыхъ требовало самое дѣло и измѣнившіяся обстоятельства. Прежде всего въ печатной редакціи, вслѣдствіе измѣненія первоначальной цѣли статьи, опущены нѣкоторыя детальныя указанія на пьесы, которыя давались въ сезонѣ $183^{5}/_{6}$ года и упоминанія о тогдашнихъ петербургскихъ артистахъ (напр. о Петровѣ и Воробьевой[3]). Съ другой стороны, мы замѣчаемъ и нѣкоторое расширеніе круга наблюденій Гоголя, обогащенныхъ уже знакомствомъ съ западно-европейскими сценами, происшедшимъ въ началѣ его заграничной жизни: тогда какъ въ «Петербургской сценѣ» Гоголь почти вовсе не говоритъ о западныхъ театрахъ, въ «Петербургскихъ Запискахъ» уже читаемъ: «Уже лѣтъ пять, какъ мелодрамы и водевили *завладѣли театрами всего свѣта*. Какое обезьянство! *Даже нѣмцы* — ну, кто бы могъ это подумать, что нѣмцы — этотъ основательный, этотъ склонный къ глубокому эстетическому наслажденію народъ, — *нѣмцы теперь играютъ и пишутъ водевили, передѣлываютъ и клеятъ надутыя и холодныя мелодрамы*»[4]). Совершенно соотвѣтствующую позднѣйшую вставку представляетъ и слѣдующее мѣсто: «Петербургскіе балеты блестятъ. *Кстати о балетахъ вообще.* Постановка балетовъ въ *Парижѣ*, Петербургѣ и Берлинѣ ушла очень далеко» и проч. Упоминаніе здѣсь о Парижѣ, гдѣ Гоголь часто посѣщалъ

[1]) Ср. т. II, стр. 512 и т. V, стр. 511.
[2]) Соч. и письма Гоголя, V, стр. 79.
[3]) См. выше. Стр. 320.
[4]) См. настоящ. изд. т. V, стр. 515.

театры съ А. С. Данилевскимъ, показываетъ, что онъ принялся за переработку своей статьи не раньше самаго конца 1836 г., что подтверждается упоминаніемъ о «Ревизорѣ» и вставками о «Жизни за Царя», такъ какъ эта опера впервые была дана только 27 ноября 1836 года [1]). Согласно съ этимъ легко объяснить, почему вмѣсто словъ первоначальнаго наброска: «У насъ ли не изъ чего составить оперы своей? Нѣтъ, погодите, люди чужеземные: прежде пріосамьтесь немного, пріодѣньтесь немного почище» — въ печатной редакціи является уже возможность сдѣлать указаніе на опредѣленный фактъ: «Опера Глинки есть только прекрасное начало. Онъ счастливо умѣлъ слить въ своемъ твореніи двѣ славянскія музыки; слышишь, гдѣ говоритъ русскій, гдѣ полякъ; у одного дышитъ раздольный мотивъ русской пѣсни, у другаго опрометчивый мотивъ польской мазурки». Такъ какъ лично Гоголь, очевидно, не имѣлъ возможности слышать на сценѣ исполненіе «Жизни за Царя», то надо предполагать, что онъ передалъ здѣсь свѣдѣнія, полученныя отъ кого-нибудь изъ Петербурга, и всего вѣроятнѣе, отъ увлекавшагося театромъ Н. Я. Прокоповича. Послѣднему онъ, въ свою очередь, подробно излагалъ свои парижскія театральныя впечатлѣнія въ обширномъ письмѣ отъ 25 января 1837 года [2]); но этотъ вновь накопившійся запасъ свѣжихъ впечатлѣній могъ бы найти себѣ мѣсто гдѣ-нибудь вмѣстѣ съ предполагавшимися заграничными путевыми замѣтками, а не въ статьѣ, озаглавленной «*Петербурскія* записки». Гоголь же усердно посѣщавшій театръ въ послѣднее время своей петербургской жизни и постоянно напѣвавшій изъ «Фенеллы», «Роберта» и «Цампы» [3]), а потомъ до упоенія увлекавшійся съ Данилевскимъ, *преимущественно, оперой* въ Парижѣ, имѣлъ, конечно, много матеріала для сравненія русскихъ театровъ съ парижскими, который остался не положеннымъ на бумагу, всего вѣроятнѣе, вслѣдствіе вскорѣ послѣдовавшаго совершеннаго отдаленія автора отъ журналистики и почти исключительнаго погруженія въ «Мертвыя души», а также обработку начатыхъ прежнихъ произведеній. Слѣды вліянія заграничныхъ впечатлѣній можно видѣть, какъ намъ кажется, даже и въ той части, гдѣ Гоголь, распространивъ впечатлѣнія, вынесенныя еще изъ петербургскихъ те-

[1]) См. Вольфа „Хроника С.-Петербургскихъ театровъ, т. I, стр. 49, 55—56.

[2]) См. «Русское Слово», 1859, 7, 91—99, и Е. В. Пѣтухова, «Письма Гоголя къ Прокоповичу», 7—19 и настоящаго изданія, т. V, стр. 515.

[3]) Анненкова «Воспоминанія и критическіе очерки», т. I, стр. 184.

атровъ на европейскую сцену вообще, говоритъ: «Странное сдѣлалось сюжетомъ *нынѣшней* драмы. Все дѣло въ томъ, чтобы разсказать какое-нибудь происшествіе, непремѣнно новое, непремѣнно странное, дотолѣ неслыханное *и невиданное*: убійство, пожары, самыя дикія страсти, которыхъ нѣтъ и въ поминѣ въ *теперешнихъ* обществахъ! Какъ будто *въ наши европейскіе* фраки переодѣлися сыны палящей Африки»[1]). Затѣмъ, по неизвѣстной намъ причинѣ, изъ первоначальнаго наброска опущено объясненіе происхожденія водевиля и мелодрамы и ихъ отношенія къ романтизму, и въ связи съ этимъ, конечно, находится дальше пропускъ замѣчанія, направленнаго, впрочемъ *уже косвенно*, противъ романтизма, о томъ, что «стремленіе къ странному произвело до такой степени несообразность и сверхъестественность театральныхъ сюжетовъ, произвело въ такой степени неправильное отступленіе въ драмѣ, *какого не произвели прежніе классическіе писатели* педантическою аккуратностью и отчетливостью»[2]). По нашему мнѣнію, замѣчаніе это въ высшей степени любопытно, показывая намъ, до какой степени Гоголь былъ вооруженъ противъ ходульности всякихъ сверхъестественныхъ эффектовъ. Въ «Петербургскихъ запискахъ» все мѣсто о романтизмѣ отсутствуетъ и вмѣсто него вставлено нѣсколько новыхъ замѣчаній о Мольерѣ и Шиллерѣ, противополагаемыхъ здѣсь Дюканжу и Дюма. Измѣнился ли взглядъ Гоголя на романтизмъ, какъ на основную причину порчи и упадка сцены и наводненія ея фальшивыми мелодрамами, остается не вполнѣ яснымъ[3]).

---

[1]) См. т. V, стр. 513.

[2]) См. выше, стр. 319.

[3]) Въ видѣ лишь предположенія прибавимъ здѣсь еще одно замѣчаніе по поводу измѣненій въ «Петербургской сценѣ»: изъ этого первоначальнаго наброска при позднѣйшей обработкѣ, получившей болѣе общій характеръ, въ числѣ другихъ опредѣленныхъ указаній на факты изъ послѣдняго сезона опущено между прочимъ слѣдующее мѣсто: «Но какіе были водевили? Они, водевили, были переводы съ французскаго. Въ Петербургѣ есть французскій театръ и очень изрядный. Итакъ, кто же захочетъ смотрѣть французскую пьесу въ переводѣ, играющемся русскими актерами, не видавшими французскаго общества, тогда какъ можетъ на французскомъ театрѣ видѣть ту же самую въ оригиналѣ, игранную природными французами» и проч. (См. выше, стр. 317). Эти слова могли быть примѣнены тогда и къ болѣе серьезнымъ пьесамъ, напр: къ «Венеціанской актрисѣ» Виктора Гюго, о которой читаемъ въ «Хроникѣ петербургскихъ театровъ» Вольфа, что хотя она производила фуроръ на Михайловскомъ театрѣ съ Бурбье, Женьесомъ и Дюфоромъ, прошла у насъ незамѣченною, не смотря на громкое имя автора» (см. «Хр. петер. театр.» Вольфа, т. I, стр. 45).

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ первоначальнаго назначенія статьи, въ позднѣйшей редакціи уже не столь отчетливо выступаетъ ея основная цѣль — указать на коренное зло тогдашняго театра, заключавшееся въ господствѣ на русскихъ сценахъ ходульныхъ французскихъ мелодрамъ и водевилей — въ ущербъ художественнымъ пьесамъ, болѣе близкимъ къ жизни и съ болѣе глубокимъ и серьезнымъ содержаніемъ. Въ «Петербургской сценѣ» Гоголь именно затѣмъ и говоритъ, конечно, о современномъ упадкѣ сцены, чтобы разъяснить потомъ свой идеалъ и высказать собственныя задушевныя убѣжденія о задачахъ театра. Въ этомъ отношеніи особенно знаменательны слѣдующія слова первоначальнаго текста: «Нѣтъ, что̀ служитъ исключеніемъ, что̀ странно и поражаетъ среди стройности всего цѣлаго, то бросается въ глаза всякому» и проч., или въ печатной редакціи: «Непостижимое явленіе: то, что̀ вседневно окружаетъ насъ своимъ безобразіемъ, нестройностію среди стройности, за то схватывается обѣими руками посредственность» [1]). Здѣсь Гоголь выразилъ тотъ же свой основной взглядъ на драматическое искусство, который былъ высказанъ имъ въ одно изъ первыхъ свиданій С. Т. Аксакову [2]). Что̀ же напротивъ давала современная Гоголю сцена? «Положеніе русскихъ актеровъ жалко», говоритъ Гоголь: «передъ ними трепещетъ и кипитъ свѣжее народонаселеніе, а имъ даютъ лица, которыхъ они и въ глаза не видали» [3]). Объ этомъ печальномъ кошмарѣ, тяготѣвшемъ надъ русскими актерами, Гоголь, конечно, много слышалъ отъ Щепкина и Сосницкаго [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказываетъ взглядъ на истинное назначеніе театра: «изъ театра мы сдѣлали игрушку въ родѣ тѣхъ побрякушекъ, которыми заманиваютъ дѣтей, позабывши, что это такая каѳедра, съ которой читается разомъ цѣлой толпѣ живой урокъ, гдѣ, при торжественномъ блескѣ освѣщенія, при громѣ музыки, при единодушномъ смѣхѣ, показывается знакомый, прячущійся порокъ и, при тайномъ голосѣ всеобщаго участія, выставляется знакомое, робко скрывающееся возвышенное чувство» [5]). Соотвѣтствующее мѣсто есть и въ статьѣ: «Петербургская сцена»; но оттуда перенесены въ измѣненномъвидѣ въ «Теа-

[1]) Ср. настоящ. изд., выше стр. 319 и т. V, стр. 513.
[2]) См. «Русск. Арх.» 1890, VIII, 7.
[3]) Настоящ. изд. т. V, стр. 517.
[4]) См. напр. «Записки и письма Щепкина», 179—181.
[5]) См. т. V, стр. 518.

тральный разъѣздъ» слѣдующія строки этого первоначальнаго наброска: «Нѣтъ, театръ не то, что̀ сдѣлали изъ него теперь. Нѣтъ! Онъ не долженъ возбудить тѣхъ тревожныхъ и безпокойныхъ движеній души. Нѣтъ! пусть зритель выходитъ изъ театра въ счастливомъ расположеніи, помирая отъ смѣха или обливаясь сладкими слезами, и понесшій съ собою какое-нибудь доброе намѣреніе». Ср. въ «Театральномъ разъѣздѣ» слѣдующія слова «Очень скромно одѣтаго человѣка»: «Уже нѣсколько разъ хотѣлъ было я бросить службу; но теперь, именно послѣ этого представленія, я чувствую свѣжесть и вмѣстѣ съ тѣмъ новую силу продолжать свое поприще»[1]). Въ «Петербургскихъ запискахъ» Гоголь, изображая современную дѣйствительность, рисуетъ нѣчто противоположное: «Никогда еще не выходилъ изъ театра зритель растроганный, въ слезахъ; напротивъ того, въ какомъ-то тревожномъ состояніи торопливо садился онъ въ карету и долго не могъ собрать и сообразить своихъ мыслей»[2]). Затѣмъ, какъ въ «Театральномъ разъѣздѣ», такъ и въ «Петербургскихъ запискахъ», Гоголь указываетъ значеніе смѣха: «Смѣхъ — великое дѣло: онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія, но передъ нимъ виновный — какъ связанный заяцъ»; въ «Петербургской сценѣ»: «О, смѣхъ — великое дѣло! Ничего болѣе не боится человѣкъ такъ, какъ смѣха. Онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія у виновнаго; но ему силы связываетъ, и, боясь смѣха, человѣкъ удержится отъ того, отъ чего бы не удержала его никакая сила»; ср. въ «Театральномъ разъѣздѣ» размышленія автора пьесы (въ концѣ) о значеніи смѣха[3]).

Наконецъ есть еще мысль, подробнѣе развитая потомъ въ «Театральномъ разъѣздѣ», а также въ седьмой главѣ перваго тома «Мертвыхъ душъ» — мысль о глубокомъ различіи тонкаго и грубаго смѣха. Ср. въ «Петербургской сценѣ»: «Есть комедія высокая, вѣрный сколокъ съ общества, движущагося передъ нами,— комедія, производящая смѣхъ глубокостью своей иронія — не тотъ смѣхъ, который производитъ на насъ легкія впечатлѣнія, который рождается бѣглою остротою, мгновеннымъ каламбуромъ, не тотъ пошлый смѣхъ, который движетъ грубою толпою общества, для произведенія котораго нужны конвульсіи, гримасы природы; но

---

[1]) Ср. выше, стр. 325 и т. II, стр. 493.

[2]) См. т. V, стр. 513.

[3]) Ср. т. II, стр. 513—515, т. V, 517, т. VI, 324.

тотъ электрическій, живительный смѣхъ, который исторгается невольно и свободно, который разноситъ по всѣмъ нервамъ освѣжающаго наслажденія, раждается изъ спокойнаго настроенія души и производится высокимъ и тонкимъ умомъ»[1]). Ср. въ «Петербургской сценѣ»: «Выходятъ трое мужчинъ вмѣстѣ» возраженія втораго первому, но особенно въ VII главѣ перваго тома «Мертвыхъ душъ»: «Не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину изъ презрѣнной жизни и возвести ее въ перлъ созданія; не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха»[2]). Въ силу такого несправедливаго отношенія толпы къ писателю, изображающему темныя стороны жизни, Гоголь убѣжденъ, что «современный судъ отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта». Ср. въ «Театральномъ разъѣздѣ» о томъ, что «смѣхъ доставилъ обидное прозванье комику — прозванье холоднаго эгоиста, и заставилъ даже усомниться въ присутствіи нѣжныхъ движеній души его»[3]).

Наконецъ въ «Петербургской сценѣ» въ печатной редакціи прибавлено заключеніе, начиная отъ словъ: «Но довольно о театрѣ. Я *заговорился о немъ*», причемъ послѣднее подчеркнутое предложеніе не указываетъ ли снова на то, что въ окончательной обработкѣ эта статья была какъ бы насильственно вдвинута въ произвольно расширенную, подъ вліяніемъ измѣнившихся внѣшнихъ условій, рамку: Гоголь потому, конечно, и *«заговорился»* о театрѣ, что эта прежде самостоятельная статья должна была теперь занять уже второстепенное, подчиненное мѣсто. Далѣе слѣдуетъ изображеніе недавнихъ новыхъ петербургскихъ впечатлѣній Гоголя и наконецъ прорывается нота въ духѣ позднѣйшей «Переписки съ друзьями» въ словахъ: «Спокоенъ и грозенъ великій постъ. Кажется слышенъ голосъ: «Стой, христіанинъ; оглянись на жизнь свою» и проч.[4]).

---

[1]) См. выше, стр. 316 и т. V, стр. 511—512.

[2]) См. т. II, стр. 513—514 и т. III, стр. 131.

[3]) См. тѣ же страницы и «Матеріалы для біографіи Гоголя», III, 104 и 424.

[4]) Т. V, стр. 518.

Намъ остается отмѣтить въ позднѣйшей переработкѣ статьи: «Петербургская сцена» обычное у Гоголя въ такихъ случаяхъ сокращеніе текста отъ пропуска отдѣльныхъ эпитетовъ, напр. «*мгновенный* каламбуръ», «*пошлый* смѣхъ» до пропуска цѣлаго ряда близкихъ по смыслу предложеній, напр. изъ самаго начала: «Балетъ и опера завладѣли совершенно нашей сценой. Публика слушаетъ только оперы, смотритъ только балетъ. Говорятъ только объ оперѣ и балетѣ. Билетовъ чрезвычайно трудно достать на оперу и балетъ», въ печатной редакціи удержано только одно (въ нѣсколько измѣненномъ видѣ): «Балетъ и опера — царь и царица петербургскаго театра»[2]). Такимъ образомъ и эта статья, подобно значительному большинству другихъ, въ окончательной переработкѣ подверглась замѣтнымъ сокращеніямъ.

Стр. 316. [1] Слово: «быть» въ рукописи пропущено. [2] Движущаго. [3] Зачеркнуто: «не пошлый, не обыкно(венный)?» [4] Въ рукописи: «исторгаетъ»; прежде было: «проникаетъ» [5] Ошибка вкуса. [6] Не дописана фраза; нѣсколько словъ пропущено. [7] Сверху страницы приписаны, повидимому, относящіяся сюда строки: «а вкусомъ могущественно драматическій писатель можетъ всегда ворочать по своей волѣ и геніальной прихоти». [8] Послѣ этого зачеркнуто: «небольшія». [9] Слово: «водевили» приписано сверху строки.

Стр. 317. [1] Слово: *потому* въ рукописи пропущено. [2] Въ рукописи: «по дышащій». [3] Въ рукописи описка: «не знававшаго«. [4] Въ рукописи слово: *ничего* пропущено. [5] Сверху строки стоитъ неразобранное слово.

Стр. 318. [1] Цифра 19 въ рукописи пропущена. [2] Въ рукописи: «былъ». [3] Въ рукописи: «отдаленные». [4] Слово не дописано; оно приписано сверху зачеркнутыхъ: «страны», «общества». [5] Слово: «преграды» по ошибкѣ зачеркнуто вмѣстѣ съ слѣдующими зачеркнутыми строками. [6] Слово не дописано; вѣроятно, Гоголь хотѣлъ написать: «не поняв». [7] Слово не дописано. [8] Слово довольно неразборчивое. [9] Въ рукописи: «и новаго». [10] Въ рукописи: «Молліеръ».

Стр. 319. [1] Фраза не докончена. [2] Въ рукописи: «чтобы». [3] Слово не дописано. [4] Не дописано. [5] Въ рукописи ошибка: «сверхъестественныхъ».

Стр. 320. [1] Окончаніе слова не ясно. [2] Предыдущія строки, начиная съ словъ: «и служитъ», написаны въ выноскѣ внизу строки и отмѣчены знакомъ пропуска. [3] Въ рукописи: «не наскучать». [4] Слово: «пѣвцами» по ошибкѣ зачеркнуто вмѣстѣ съ другими ненужными словами.

Стр. 321 [1] Слова: «тѣмъ дальше» приписаны сверху строки. [2] Слово: «того» передѣлано въ «сего». Послѣ этого одно слово не разобрано; кажется: «почти». [4] Зачеркнуто: «родимой». [5] Слово: «*насъ*» въ рукописи пропущено. [6] Послѣ этого зачеркнуто: «человѣка того, который долго задерживался въ гостяхъ и который». [7] Передѣлано: «привставаемъ (sic) на бѣгу и помахиваемъ». [8] Зачеркнуто: «какую прелесть можно сдѣлать!» [9] Прежде

[2]) Ср. т. V, стр. 511 и выше, стр. 316.

было написано: «еще кипитъ». [10] Зачеркнуто: «Волга отъ устья до моря»... [11] Зачеркнуто: «кирпичи». [12] Зачеркнуто: «черноморскій казакъ». Послѣ этого слѣдуетъ надстрочная приписка, изъ которой разобрани только начальныя слова: «все русское». [13] Слова: «любитъ заряжая — нѣтъ» написаны очень неразборчиво. [14] Прежде было написано: «Ледовитаго». [15] Слова: «пріосамьтесь немного, пріодѣньтесь» зачеркнуты. [16] Прежде было написано: «дошла до nec plus ultra». [17] Заключенное въ скобки зачеркнуто. [18] Послѣ этого зачеркнуто: «издержки не жалѣются»; а потомъ стоитъ не конченная фраза: «не вполнѣ отвѣчая...» (издержкамъ?) [19] Это слово пропущено,

Стр. 322. [1] Зачеркнуто: «это залогъ чего-то прекраснаго. Можно сказать такъ, что здѣсь разовьется вкусъ эстетическій». [2] Прежде было написано: «гдѣ все состоитъ изъ крайностей». Послѣ слова: «крайности» зачеркнуто: «въ безпрерывной противоположности». [4] Слово *на* въ рукописи пропущено. [5] Скобки въ подлинникѣ. [6] Прежде было: «прямо русская». [7] Прежде было: «ничего испорченнаго или дурнаго». [8] Послѣднее слово зачеркнуто; послѣ этого зачеркнуто: «Посмотрите по утру»; далѣе послѣ словъ: «золотисто-розоваго, нѣжнаго цвѣта» начата поправка: «и мимо его...» Повидимому, предполагалось: «и мимо его перемежаются золотистыя, сквозныя облака дыма». [9] Слова: «и въ морозномъ воздухѣ говядина свѣжая» приписаны внизу страницы. Дальше было написано: «Когда вы будете, зайдите въ это время...» [10] Зачеркнуты слова: «похожъ... съ накладками...» [11] Словъ: «къ театру» въ рукописи нѣтъ; но они были въ зачеркнутой строкѣ: «видите, въ какой степени видна у насъ любовь къ театру». [12] Точки на мѣстѣ пропущеннаго слова (Слова: «на нашихъ» повторени дважди).

Стр. 323. [1] Прежде было написано: «Давайте сюда, однакожъ, мелодраммы (sic). Сколько ихъ тамъ игралось въ первую четверть: «Живая покойница». [2] Фамилія написана крайне неразборчиво, но ниже написана ясно. [3] Сначала было написано: «русскіе». [4] Взята. [5] Послѣднее слово въ рукописи пропущено. [6] Въ рукописи: «разсказать». [7] Прежде было написано: «есть больше ничего, какъ насто(ящая)...»; слѣдуетъ недописанное слово: «ни...» [8] Зачеркнуто: «всеобщая жалоба на недостатокъ комизма». [9] Изъ этого общества. [10] Слова: «естественности, уродливости» не дописаны: «естествен», «уродливо». Зачеркнуто: «полны неестественности». [11] Прежде было написано: «своего добра!» [12] Послѣ этого зачеркнуто: «Смотрите, какъ много у насъ еще какъ будто...».

Стр. 324. [1] Прежде было написано: «законы правительства». [2] Не разобрано одно слово, очень похожее на слово: «пластомъ». Передъ словомъ: «ему» также не разборчиво написано: «чинимѝхъ» [3] Въ концѣ строки неразборчиво. [4] Прежде было: «своему государю». [5] Слово написано не вполнѣ разборчиво. [6] Малую. [7] Зачеркнуто: «объ этихъ чувствахъ». [8] Зачеркнуто: «пусть онъ въ самомъ дѣлѣ...» «только на дѣлѣ»... [9] Послѣ этого зачеркнута не дописанная фраза: «Сколько у насъ есть такого твердаго, терпѣлив(аго)...» [10] Точки на мѣстѣ пропущеннаго авторомъ слова. [11] Слово написано не вполнѣ разборчиво. [12] Послѣ этого зачеркнуто: «Осторожно высовываетъ онъ послѣ этого насѣ(комаго)» [13] Текстъ испорченъ; въ рукописи: «во Франціѝ безцвѣтные піэсы» (sic); ниже послѣ слова: «теперь» прежде было: «что

намъ дѣлается...» [14] Слово *безсмысленный* приписано послѣ, и довольно неразборчиво.

Стр. 325. [1] Одно слово не разобрано. [2] Прежде было написано: «былъ въ виду». [3] Въ рукописи: «глубокое назначеніе». Въ слѣдующемъ предложеніи передъ словомъ: «блескъ» стояло: «торжественномъ». [4] Послѣ этого промежутокъ въ нѣсколько строкъ; слѣдующій текстъ приписанъ позднѣе.

Стр. 326. [1] Послѣ этого зачеркнуто: «и великолѣпнѣе». [2] Одно слово не вполнѣ разборчиво; кажется: «его выносятъ». Прежде было написано: «онъ выигрываетъ». [3] Прежде было: «срав(нительно) превосходно». [4] Зачеркнуто: «не возстановляемъ былъ изъ этихъ костюмовъ до тѣхъ поръ еще ни одинъ». [5] Прежде было: «Только замѣтнѣе...» «могутъ быть замѣтны...» [6] Зачёркнуто: «въ программахъ». [7] Прежде было: «всѣ длинныя реторическія фразы и изъясненія въ любви». [8] Прежде было написано: «въ комическомъ можно найти больше дѣйствія, нежели въ трагическомъ». [9] Прежде вмѣсто: «случалось» было написано: «есть». [10] «Возвышенныхъ». [11] Слово: «движеніе» написано не вполнѣ разборчиво. [12] Слово, поставленное въ скобки, зачеркнуто. [13] Тоже. [14] Это слово не вполнѣ разборчиво. Все заключенное въ скобки въ рукописи зачеркнуто.

О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 г. (стр. 327—353).

Печатаемые здѣсь первоначальные наброски этой статьи представляютъ частью значительное сходство съ редакціей, помѣщенной въ V томѣ настоящаго изданія (см. т. V, стр. 486—507) и появившейся впервые на страницахъ Пушкинскаго «Современника» (1836, т. I, стр. 192—225); мѣстами, напротивъ, замѣтно отъ нея отличаются. Причина помѣщенія въ настоящемъ томѣ этихъ набросковъ указана въ «примѣчаніяхъ редактора» къ V тому (стр. 652), именно: «Въ первоначальномъ текстѣ статьи Гоголя, сокращенномъ и смягченномъ для печати, *еще съ большею силою* выступали передъ читателемъ та «юношеская живость и прямодушіе», *которыя отмѣтилъ въ этой статьѣ Пушкинъ*» [1]). Большой интересъ представляетъ поэтому внимательное сличеніе печатаемыхъ набросковъ съ редакціей статьи въ «Современникѣ», — тѣмъ болѣе, что, по свидѣтельству М. П. Погодина, Пушкинъ призналъ неудобнымъ напечатать статью Гоголя безъ измѣненій, въ виду встрѣтившихся въ ней «игривыхъ» выраженій [2]).

---

[1]) См. «Современникъ», 1836, т. III, стр. 329, и настоящаго изданія т. V, стр. 651—652.

[2]) См. настоящаго изданія т. V, стр. 651, 2 примѣч.

Начнемъ нашъ обзоръ съ внѣшней стороны. При сличеніи помѣщенной въ «Современникѣ» печатной статьи съ рукописнымъ первоначальнымъ наброскомъ мы замѣчаемъ съ первыхъ же строкъ тщательную стилистическую выправку преимущественно отдѣльныхъ словъ и даже грамматическихъ формъ (замѣна множественнаго числа единственнымъ, напр.: «она ворочаетъ вкусомъ толпы» вмѣсто первоначальнаго: «она ворочаетъ *вкусами* цѣлыхъ толпъ), а также опущеніе нѣкоторыхъ сравненій и вообще довольно значительное сокращеніе первоначальнаго текста.

Пропуски дѣлаются иногда очень большіе, напр., даже въ половину печатной страницы. Такъ значительно сокращено предложеніе: «Сколько людей теперь судятъ, говорятъ и толкуютъ, потому что всѣ сужденія, почти готовыя, поднесены къ ихъ глазамъ и очкамъ, *какъ приготовленныя блюда къ ихъ рту,* какъ правильно сдѣланный абрисъ рисовальнымъ учителемъ подносится лѣнивому ученику, и которые всѣ не толковали бы, не судили, не говорили сами собою» (см. выше, стр. 327). Тѣ же мысли встрѣчаемъ у Гоголя въ другихъ сочиненіяхъ и письмахъ, относящихся впрочемъ къ позднѣйшему времени. Такъ въ «Театральномъ разъѣздѣ», въ разговорѣ двухъ офицеровъ, *второй* отвѣчаетъ первому на вопросъ о господинѣ, критиковавшемъ пьесу, не глупъ ли онъ,— «нѣтъ, не то, чтобы. У него есть умъ, но сейчасъ по выходѣ журнала, а запоздала выходомъ книжка — и въ головѣ ничего»[1]). Въ письмѣ къ Щепкину 1842 г. (безъ даты) Гоголь говорилъ: «Публика почти то же, что̀ застѣнчивая и неопытная кошка, которая до тѣхъ поръ, пока ее, взявши за уши, не натолчешь мордою въ соусъ, и покамѣстъ этотъ соусъ не вымазалъ ей и носа, и губъ, она до тѣхъ поръ не станетъ ѣсть соуса, какихъ ни читай ей наставленій»[2]).

Пропущено далѣе сдѣланное Гоголемъ примѣненіе высказанной имъ мысли къ современному уровню развитія русской публики и его намекъ на будущую статью, относящуюся къ исторіи русской критики («Можетъ быть, этотъ приступъ еще болѣе приличенъ былъ *при полной исторіи журнальной литературы;* но *покамѣстъ составится эта трудная и важная статья,* я почелъ необходимымъ сказать это при обозрѣніи ея въ два послѣдніе года»)[3]). По нашему

---

[1]) См. т. II, стр. 486.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 505.

[3]) См. выше, стр. 328.

мнѣнію, эти слова совершенно подтверждаютъ свидѣтельство Анненкова, что «изъ критическаго труда Гоголя осталась только статья: «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 годахъ»[1]) — съ той оговоркой, что статья эта, по предположенію Гоголя, должна была составить лишь какъ бы вступленіе въ предполагаемую, но еще не написанную, исторію критики. Слова: «покамѣстъ составится эта трудная и важная статья» — конечно, нисколько не говорятъ за то, что статья *была начата*, въ чемъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ основательно сомнѣвался Н. С. Тихонравовъ[2]). Давать преждевременныя и иногда довольно смѣлыя обѣщанія относительно будущихъ не только литературныхъ, но даже научныхъ работъ (т.-е. историческихъ сочиненій) было совершенно въ характерѣ Гоголя во время его молодости, что̀ подтверждается многими фактами. Такъ, Гоголь разъ писалъ Погодину, что онъ яко бы «подготовляетъ къ печати» всеобщую исторію или всеобщую географію *въ трехъ, если не въ двухъ томахъ*, подъ названіемъ: «Земля и Люди»[3]), тогда какъ изъ слѣдующаго же письма ясно, что это былъ только «журналъ дѣвицъ», т.-е. просто записки его ученицъ въ Патріотическомъ институтѣ, оказавшіяся потомъ совершенно недостаточными и даже непригодными для предположенной цѣли[4]), — или онъ говоритъ, что его «малороссійская исторія чрезвычайно бѣшена» и «слогъ въ ней горитъ»[5]), хотя нигдѣ нѣтъ слѣдовъ этой исторіи, кромѣ небольшихъ набросковъ въ «Арабескахъ»; или наконецъ посылаетъ съ одной почтой письма къ Погодину и Максимовичу, выражая въ нихъ надежду написать исторію среднихъ вѣковъ, которая будетъ состоять томовъ изъ 8, если не изъ 9.—Въ послѣднемъ случаѣ особенно любопытно, что Гоголь въ тотъ же день сообщалъ Максимовичу: «*я пишу* исторію среднихъ вѣковъ», а Погодину: «я также *думаю хватить* среднюю исторію томиковъ въ 8 или 9»[6]). Весьма вѣроятно, что Пушкинъ, хоть и давшій совѣтъ Гоголю «начать

---

[1]) А. С. Пушкинъ. «Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній». Изд. 2-е, стр. 395.

[2]) См. т. V, стр. 653.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 168.

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 174.

[5]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 196.

[6]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 231 и 232. Объ исторіи Малороссіи онъ также писалъ Максимовичу, что она будетъ «въ шести малыхъ или четырехъ большихъ томахъ» (т. V, стр. 198 и 212). Ср. «Письма Гоголя къ Максимовичу», стр. 5 и 12.

исторію русской критики»[1]), отклонилъ сдѣланное Гоголемъ въ столь категорической формѣ обѣщаніе предположеннаго имъ труда, что̀, впрочемъ, нисколько не служило признакомъ недовѣрія Пушкина къ способности его молодаго друга исполнить этотъ трудъ. Критическія сужденія Гоголя Пушкинъ вообще цѣнилъ высоко и дальнѣйшія части статьи снова удержаны имъ — опять за исключеніемъ лишь нѣкоторой стилистической переработки. Мы знаемъ однако, что Пушкинъ въ то же время, или, собственно, немного позднѣе, заявлялъ печатно, что если статья: «О движеніи журнальной литературы» помѣщена въ «Современникѣ», то «изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ мнѣнія, въ ней *выраженныя съ такою юношескою живостью и прямодушіемъ*, были совершенно сходны съ его собственными. Во всякомъ случаѣ она не есть и *не могла быть* программой «Современника»[2]). Очевидно, Пушкинъ возлагалъ надежды на критическія способности Гоголя преимущественно *въ будущемъ*, считая его тѣмъ не менѣе пока еще *слишкомъ юнымъ*. Итакъ, что̀ же представлялъ собой черновой или первоначальный набросокъ статьи: «О движеніи журнальной литературы» и въ какомъ направленіи и какъ она была потомъ переработана авторомъ?

Въ статьѣ Гоголя, быть можетъ по мысли и совѣту Пушкина, опущены кое-гдѣ прямыя указанія на Греча и Булгарина и такія черезчуръ откровенныя соображенія, какъ напр., что «читали «Телеграфъ» тѣ, которые сдѣлали привычку читать и которые читать что-нибудь положили для себя такъ же необходимымъ, какъ заснуть два часа или выбриться два раза въ недѣлю», — или что Полевой издавалъ журналъ «*какъ-нибудь*»[3]). Далѣе пропущено соображеніе Гоголя о томъ, что избраніе редактора «Библіотеки для чтенія» слѣдовало бы предоставить «конгрессу всѣхъ приглашенныхъ литераторовъ», и что «множество выставленныхъ именъ ослѣпили (sic) глаза подписчиковъ»[4]). Пропущено сравненіе журнала, не имѣющаго опредѣленной программы, съ «ярмаркой, гдѣ каждый хлопочетъ только о своемъ», и сравненіе выставленныхъ для привлеченія подписчиковъ извѣстныхъ именъ писателей съ «великолѣпной вывѣской съ львами, тиграми, барсомъ надъ звѣринцемъ, въ которомъ,

---

[1]) Соч. Пушкина, изд. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, т. V, стр. 205.

[2]) «Современникъ», 1836, т. III, стр. 329.

[3]) См. выше, стр. 328.

[4]) См. выше, стр. 329; Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 175.

можетъ-быть, всѣхъ звѣрей — обыкновенные медвѣди да пара обезьянъ»[1]). Пропущено слѣдующее выраженіе о Смирдинѣ: «честный книгопродавецъ даже не хотѣлъ воспользоваться необыкновенною прибылью, которую представляло ему изданіе» и что Смирдинъ «цѣлою сотней тысячъ, можетъ быть, жертвовалъ собственнаго чистаго барыша». Затѣмъ слѣдуетъ большой пропускъ цѣлаго отрывка, гдѣ говорится о распространенности «Библіотеки для чтенія» именно въ провинціи. Сходныя мысли и сужденія, выражающія степень недовольства Гоголя «Библіотекой для чтенія» и сближеніемъ Сенковскаго съ Смирдинымъ, съ которымъ онъ былъ тогда въ хорошихъ отношеніяхъ[2]), мы встрѣчаемъ не разъ ранѣе въ тогдашней перепискѣ Гоголя еще до изданія «Библіотеки для чтенія» 20 февраля 1833 года Гоголь писалъ Погодину: «Читалъ ли ты Смирдинское «Новоселье»? Книжища ужасная; человѣка можно уколотить. Для меня она замѣчательна тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ показались въ печати такія гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбеуса: сколько тутъ и подлости, и вони, и всего!»[3]). Въ письмѣ отъ 11 января 1834 года читаемъ: «Кстати о «Библіотекѣ». Это довольно смѣшная исторія. Сенковскій очень похожъ на стараго пьяницу и забулдыжника, котораго долго не рѣшался впускать въ кабакъ даже самъ цѣловальникъ, но который, однакожъ, ворвался и бьетъ, очертя голову, сулеи, штофы, чарки и весь благородный препаратъ. Сословіе, стоящее выше Брамбеусины, негодуетъ на безстыдство и наглость кабачнаго гуляки. Сословіе, любящее приличіе, гнушается и читаетъ. Начальники отдѣленій и директоры департаментовъ читаютъ и надрываютъ бока отъ смѣху. Офицеры читаютъ и говорятъ: «с... с..., какъ хорошо пишетъ!» Помѣщики покупаютъ и подписываются и, вѣрно, будутъ читать. Одни мы, грѣшные, откладываемъ на запасъ для домашняго хозяйства»[4]). Въ этихъ словахъ взглядъ Гоголя на дѣятельность Сенковскаго въ «Библіотекѣ» выразился съ полной откровенностью.

Слѣдующее затѣмъ замѣчаніе, обрисовывающее характеръ участія Греча въ журналѣ Сенковскаго и дѣятельность послѣдняго, было сохранено Пушкинымъ въ статьѣ «Современника»; не опущено даже

---

[1]) См. выше, стр. 330.

[2]) Мнѣніе Гоголя о Смирдинѣ, см. т. V, стр. 488. Впослѣдствіи это мнѣніе отчасти измѣнилось; см. «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, стр. 0938.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 175.

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 195.

сравненіе его съ почтеннымъ человѣкомъ, приглашаемымъ на всѣ свадьбы, и устранены или сглажены только нѣкоторыя выраженія; такъ напр. сравненіе «развернулся, какъ полный дворянинъ» измѣнено такъ: «развернулся, какъ полный хозяинъ». Здѣсь Гоголь, очевидно, прежде всего имѣлъ въ виду знаменитое самоуправство Сенковскаго съ присылаемыми ему статьями, что именно и наиболѣе возмущало его. А. В. Никитенко отмѣтилъ въ такихъ выраженіяхъ это негодованіе Гоголя на Сенковскаго въ своемъ дневникѣ (подъ 10 января 1834 года): «На Сенковскаго поднялся страшный шумъ. Всѣ участники въ «Библіотекѣ» пришли въ ужасное волненіе. Разнесся слухъ, будто онъ позволяетъ себѣ статьи, поступающія къ нему въ редакцію, передѣлывать по-своему. *У меня сегодня былъ Гоголь-Яновскій въ великомъ противъ него негодованіи*»[1]). Чрезвычайно вѣскимъ и любопытнымъ для насъ подтвержденіемъ этихъ словъ Никитенка и явнымъ доказательствомъ сильнаго возбужденія Гоголя противъ Сенковскаго представляется то обстоятельство, что не далѣе, какъ *на другой же день* послѣ своего визита къ Никитенку Гоголь съ такимъ же негодованіемъ писалъ Погодину: «Сенковскій уполномочилъ самъ себя властью рѣшать, вязать: мараетъ, передѣлываетъ, отрѣзываетъ концы и пришиваетъ другіе къ поступающимъ пьесамъ. Натурально, что если всѣ такъ будутъ кротки, какъ почтеннѣйшій Ѳаддей Бенедиктовичъ[2]) (котораго лицо очень похоже на лорда Байрона, какъ изъяснялся не шутя, одинъ лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка офицеръ), который объявилъ, что онъ всегда за большую честь для себя почтетъ, если его статьи будутъ исправлены такимъ высокимъ корректоромъ, котораго «Фантастическія путешествія» даже лучше его собственныхъ. Но сомнительно, чтобы всѣ были такъ робки, какъ этотъ почтенный государственный мужъ»[3]). Затѣмъ въ «Современникѣ» пропущено слѣдующее рѣзкое выраженіе первоначальнаго наброска статьи: «журналы имѣли всегда успѣхъ по старому правилу, понятному очень простому народу, что кто кричитъ, тотъ значитъ больше (знаетъ) другихъ».

Въ слѣдующей затѣмъ характеристикѣ литературной дѣятельности Сенковскаго пропущено слѣдующее слишкомъ откровенное, хотя и какъ бы опровергнутое здѣсь же самимъ Гоголемъ пред-

[1]) «Русская Старина», 1889, VIII, 275.

[2]) Конечно, Булгаринъ.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 195.

положеніе: «Ищемъ разгадки этому въ другой, уже совершенно прозаической, причинѣ; предполагаемъ, не предложилъ ли для себя редакторъ другой цѣли, болѣе существенной цѣли: завести себѣ прекрасный домъ, хорошій экипажъ». Слѣдующее небольшое замѣчаніе, служащее переходомъ къ подробному разбору дѣятельности Сенковскаго, — какъ представляющее собою отчасти повтореніе мысли о томъ, что Брамбеусомъ зачитываются въ провинціяхъ, опущено, можетъ быть, потому, что это слово могло не удовлетворить редакцію «Современника» неточностью выраженія въ обѣщаніи автора при дальнѣйшемъ изложеніи статьи «разсмотрѣть точнѣе, обстоятельно(ѣе?) и безпристрастнѣе *всѣ качества этого лица*». Эти слова замѣнены слѣдующими тремя строками, отсутствующими въ рукописи: «Послѣдуемъ за распорядителемъ во всѣхъ родахъ его сочиненій и скажемъ нѣсколько словъ о главныхъ качествахъ *его статей*. Это во всѣхъ отношеніяхъ необходимо»[1]). Можетъ быть, поправка сдѣлана была самимъ Гоголемъ, согласно указанію редакціи, уже при корректурѣ статьи: по складу рѣчи она принадлежитъ ему; вообще же всѣ стилистическія исправленія, сдѣланныя Пушкинымъ, больше всего выдѣляются явнымъ стремленіемъ къ особенной сжатости рѣчи. Пропущены далѣе, послѣ перечисленія псевдонимовъ Брамбеуса, фразы: «Причину этихъ безпрестанныхъ переодѣваній трудно разрѣшить. Для чего? къ чему? Богъ знаетъ. У всякаго барона... Да это, впрочемъ, и не идетъ къ дѣлу»[2]).

Далѣе при оцѣнкѣ ученой дѣятельности Сенковскаго въ статьѣ сохранено не только все существенное, но и вообще перемѣны весьма незначительны; онѣ ограничиваются или замѣной неудачныхъ выраженій (напр. вмѣсто: «ипотезъ, вовсе *не соотвѣтствующихъ* русской исторіи» напечатано: «ипотезъ, вовсе не принадлежащихъ русской исторіи»; вмѣсто: «статья, *напыщенная* риторическими фигурами»: «статья, испещренная» и проч.). — или же прибавкой необходимаго поясненія (послѣ указанія отсутствія у Сенковскаго объясненія внутренняго смысла сагъ прибавлено собственное краткое разъясненіе его: «Саги суть поэтическое созданіе народа, игравшаго великую въ исторіи роль»[3]); о Сенковскомъ же сказано: «не опредѣлилъ настоящаго достоинства, какъ созданій народа, игравшаго великую историческую роль» и т. п.). Замѣтимъ кстати, что вы-

[1]) См. т. V, стр. 489.
[2]) См. выше, стр. 382.
[3]) См. т. V, стр. 489.

сокое мнѣніе, высказанное здѣсь Гоголемъ о Шлёцерѣ, какъ историкѣ, совершенно согласно съ мнѣніемъ, обстоятельнѣе выраженнымъ имъ въ статьѣ: «Шлёцеръ, Миллеръ и Гердеръ»[1]), при чемъ любопытно, что Гоголь воздаетъ Шлёцеру также и въ отношеніи слога одну изъ самыхъ любимыхъ своихъ похвалъ: «его слогъ молнія»[2]), высказанную въ другомъ мѣстѣ *о Пушкинѣ*[3]). Въ отзывѣ о Сенковскомъ пропущено замѣчаніе о томъ, что онъ «помнитъ недурно прочитанныя книги, не смотря на то, что онъ самъ былъ на Востокѣ» (намекъ на недостаточную самостоятельность научныхъ сужденій Сенковскаго о Востокѣ). «Быть еще ничего не значитъ; для этого нуженъ тотъ наблюдательный, все замѣчающій умъ, который дается одному таланту: сколько есть путешественниковъ, которые путешествовали, Богъ знаетъ гдѣ, и результатъ представили изъ чужихъ книгъ!»[4]). Все это мѣсто въ «Современникѣ» замѣнено слѣдующимъ: «Ничего новаго не сказалъ онъ въ нихъ о Востокѣ, — ни одной яркой черты, сильной мысли, геніальнаго предположенія!» Затѣмъ пропущенъ переходъ къ слѣдующему отдѣлу: «Но обратимся на тѣ слова и дѣла г. Сенковскаго, которыя имѣли большое вліяніе и заняли большинство писателей» — въ виду слѣдующей за нимъ другой переходной мысли: «разсмотримъ его мнѣніе чисто относительно къ текущей изящной литературѣ» и затѣмъ излишнее повтореніе уже однажды сказаннаго въ дальнѣйшихъ словахъ: «разсмотримъ въ его сочиненіяхъ, гдѣ онъ является подъ именемъ Брамбеуса, Тютюнджоглу, Морозова, Бѣлкина — и не знаю, можетъ быть, и еще подъ какими-нибудь именами»[5]). Послѣ этого, значительно сокращено сужденіе Гоголя о безвкусіи Сенковскаго: въ «Современникѣ» слова: «хотя бы какой-нибудь вкусъ былъ виденъ въ его рецензіяхъ, но вкуса рѣшительно въ немъ не было никакого, даже дурнаго», измѣнены такимъ образомъ: «въ его рецензіяхъ нѣтъ *ни положительнаго, ни отрицательнаго вкуса — вовсе никакого*»[6]).

---

[1]) См. т. V, стр. 246—250.

[2]) См. т. V, стр. 246.

[3]) См. т. V, стр. 208.

[4]) См. выше, стр. 333.

[5]) Стр. 334. Надо помнить, что печатаемая здѣсь редакція не болѣе, какъ черновой набросокъ.

[6]) См. т. V, стр. 490. Въ одной изъ слѣдующихъ редакцій статьи: «О движеніи журнальной литературы» сходная мысль выражена въ словахъ: «рѣшительно въ немъ не замѣтно никакого вкуса: ни эстетическаго, ни неэстетическаго».

Затѣмъ слѣдуетъ въ «Современникѣ» пропускъ цѣлой полустраницы, представляющей развитіе сходныхъ мыслей.

Также сокращено дальше и все мѣсто о Вальтеръ-Скоттѣ, а немного ниже опущенъ цѣлый отрывокъ, въ которомъ авторъ говоритъ въ третьемъ лицѣ о себѣ и объ отношеніяхъ къ нему Сенковскаго и вслѣдъ затѣмъ помѣщено замѣчаніе о гоненіи Сенковскаго противъ мѣстоименій: «сей» и «оный», перенесенное изъ другаго наброска [1]).

Далѣе рукописные наброски и печатный текстъ «Современника» очень сильно расходятся: изъ рукописныхъ набросковъ пропущено осужденіе неумѣстныхъ шутокъ Сенковскаго, ихъ сравненіе съ балаганными шутками [2]) и о пристрастіи его къ роману Греча: «Черная женщина»; далѣе о значеніи, которымъ пользуется названіе Брамбеусъ въ простонародьѣ, о несправедливомъ отношеніи Сенковскаго къ французской литературѣ, о множествѣ неприличныхъ выраженій въ повѣстяхъ самого Сенковскаго. Изо всего этого въ «Современникѣ» явилось въ измѣненномъ видѣ только сказанное о французской литературѣ, а затѣмъ вмѣсто указаній на неприличный тонъ фантастическихъ сочиненій Сенковскаго отмѣчается ихъ неправдоподобное содержаніе и безсвязное изложеніе. По окончаніи всего разобраннаго отдѣла въ «Современникѣ» находимъ еще слѣдующее замѣчаніе, отсутствующее въ записныхъ тетрадяхъ Гоголя: «Таковы были труды и дѣйствія распорядителя «Библіотеки для чтенія» [3]). Мы почли нужнымъ упомянуть о нихъ нѣсколько обстоятельнѣе потому, что онъ одинъ законодательствовалъ въ «Библіотекѣ для чтенія» и что мнѣнія его разносились чрезвычайно быстро вмѣстѣ съ четырьмя тысячами экземпляровъ журнала по всему лицу Россіи». Этотъ переходъ, сдѣланный въ печатной редакціи статьи, находится въ несомнѣнной связи съ такимъ же переходомъ выше: «послѣдуемъ за распорядителемъ во всѣхъ родахъ его сочиненій» [4]). Послѣ обзора дѣятельности Сенковскаго Гоголь коснулся вскользь характера и состава статей «Библіотеки» и от-

---

[1]) См. выше, стр. 345.

[2]) Это замѣчаніе было зачеркнуто самимъ Гоголемъ (см. ниже, варіантъ 1-й къ стр. 336), затѣмъ снова явилась въ позднѣйшемъ наброскѣ (см. стр. 349) и наконецъ въ окончательной редакціи въ статьѣ «Современника» снова пропущено. Здѣсь мы видимъ такимъ образомъ любопытную борьбу желанія высказаться откровенно съ требованіями вѣшнихъ приличій.

[3]) Т. V, стр. 492.

[4]) Т. V, стр. 489.

мѣченнаго выше его самоуправства (здѣсь нѣсколько страницъ, отсутствующихъ въ рукописи: о «Библіотекѣ», «Сѣверной Пчелѣ» и «Сынѣ Отечества» и проч.).

Второй отрывокъ первоначальнаго наброска (см. выше, стр. 338—340) вошелъ уже во вторую половину статьи [1]). Сравненіе снова становится возможнымъ отъ словъ: «Итакъ выходка «Наблюдателя» скользнула какъ пуля по толстой кожѣ носорога». Здѣсь пропущено уподобленіе редактора «плохому актеру, который никакъ не знаетъ, куда дѣть свои руки на сценѣ» [2]) и потомъ нѣсколько предложеній, довольно близкихъ по смыслу къ предыдущему мѣсту. Во всемъ этомъ отдѣлѣ пропущена фраза о томъ, что «союзъ двухъ друзей, Булгарина и Греча, располагалъ всеобщимъ мнѣніемъ» и замѣчаніе о Брамбеусѣ, что «онъ здѣсь уже совершенно безъ всякихъ чиновъ, кажется, какъ будто-бы вышелъ онъ въ публику въ своемъ домашнемъ халатѣ съ трубкою въ рукахъ, сѣлъ и облокотился передъ нею въ вольтеровскихъ креслахъ» [3]). Въ связи съ этимъ опущено дальше о томъ, что халатъ Брамбеуса «сшитъ изъ разныхъ кусковъ: очень много есть Рабеле, немало Бальзака и проч.» (но удержано выраженіе: «изъ какихъ лоскутковъ баронъ Брамбеусъ сшилъ себѣ халатъ» [4]) и потомъ пропущено замѣчаніе о томъ, что статью «Наблюдателя» слѣдовало написать короче: эта заключительная часть втораго наброска замѣнена переходомъ («Вотъ каковы были дѣйствія нашихъ журналовъ») къ слѣдующему отдѣлу — о программѣ «Библ. для чтенія». Начало слѣдующаго отдѣла взято изъ отдѣльнаго наброска, не вошедшаго по своей отрывочности и въ текстъ статьи въ настоящемъ томѣ. Приводимъ его здѣсь.

Объясненія: Извѣщенія [5]) о томъ, что критика будетъ благонамѣренная, чуждая личностей, партій [6]) и проч. и проч. [7]), какъ (обыкновенно [8]) дѣлаютъ журналисты, чувствующіе къ себѣ недо-

---

[1]) См. стр. 500.
[2]) Ср. съ примѣчаніемъ на этой же страницѣ.
[3]) Выше, стр. 339.
[4]) Т. V, стр. 501.
[5]) Прежде было написано: «объявленіе».
[6]) Въ «Современникѣ»: «личностей и партій».
[7]) Словъ: «и проч. и проч.» въ «Современникѣ» нѣтъ.
[8]) Это слово въ рукописи зачеркнуто.

вѣрчивость общества [1]), тоже ничего не значитъ [2]), потому что эти правила извѣ..... [3]) должны быть необходимымъ условіемъ всякаго журнала. Но въ журналѣ должна быть (просв...[4]) мысль, для которой необходимо его существованіе [5]).

[6]) Но никакого постояннаго стремленія къ какой (нибудь [7]) мысли не оказалось въ нашихъ журналахъ.

Развернувши ихъ, будешь пораженъ [8]) необыкновенною мѣлкостью (sic) [9]) и ничтожностью сужденій; одинъ толкуетъ мѣстоименіе *оный*, другой остритъ надъ преглупѣйшею книжкою [10]), или пишетъ разборъ, продлинной разборъ (чего-нибудь [11]). Подумаешь, что въ это время не было ничего важнаго...»

Послѣ нѣкотораго пробѣла:

«Но, можетъ быть, не было въ это время великихъ [12]) явленій. (обрад. [13]). Занялись ли этими явленіями журналы наши? устремили ли они вниманіе на исторію этихъ важныхъ явленій! (Доста) [14]) Стоитъ взглянуть, чтобы увидѣть, (что) нѣтъ [15]).

Но о чемъ же въ [16]).

Весь этотъ отрывокъ набросанъ послѣ пустаго мѣста на листѣ 24 противъ текста оборотной стороны 23 листа рукописи (*Р. А.*): «О чемъ же говорили наши журналы?...»

Эти столь отрывочно набросанныя мысли подробнѣе распространены въ наброскахъ позднѣйшихъ, изъ которыхъ, однако, почти

---

1) Всѣхъ этихъ словъ въ «Современникѣ» нѣтъ.

2) Въ «Современникѣ»: «тоже не показываетъ цѣли».

3) Въ концѣ строки не дописано; въ «Современникѣ» эти слова совсѣмъ пропущены.

4) Очевидно, не дописано слово: «просвѣчивать».

5) Въ «Современникѣ» этихъ словъ нѣтъ.

6) Начиная отсюда, все это мѣсто въ «Современникѣ» отсутствуетъ.

7) Или: «къ какой бы то ни было»?

8) Прежде было: «развернувши наши журналы, будешь необыкновенно пораженъ».

9) Прежде было: «Чрезвычайною мелочностью (sic) необыкнове(нной)». Послѣ слова: «мелкостью» зачеркнуто: «трудовъ, мыслей».

10) Въ рукописи слово не дописано; тамъ читаемъ только: «книжко(ю)».

11) Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты».

12) Въ рукописи: «Великихъ» (заглавная буква).

13) Слово зачеркнуто на ходу письма.

14) Тоже.

15) Фраза оборвана на срединѣ. Слово: «что» пропущено.

16) Тоже.

ничего не взято въ печатной статьѣ, въ которой, напротивъ, послѣ словъ: «Подумаете, что рѣшительно ни одного важнаго событія не произошло въ литературномъ мірѣ», прибавлено въ перечнѣ совершившихся событій два пункта о литературѣ западноевропейской; 3 пунктъ соотвѣтствуетъ, въ немного измѣненномъ видѣ, началу позднѣйшаго наброска, отмѣченнаго у насъ буквой В. (см. выше, стр. 350). Нѣсколько распространено замѣчаніе о необходимости оцѣнки старыхъ писателей (въ первомъ наброскѣ: «въ литературѣ нѣтъ смерти: они гласно требовали (исправленія) неправильно составленныхъ о нихъ мнѣній» [1]): въ «Современникѣ»: «Мертвецы такъ же вмѣшиваются въ дѣла наши и дѣйствуютъ вмѣстѣ съ нами, какъ и живые» и проч. (см. это мѣсто въ V т., стр. 502—503). Все слѣдующее мѣсто значительно распространено; тѣмъ не менѣе переработка эта сдѣлана *вновь*, не смотря на то, что тѣ же мысли Гоголь изложилъ подробнѣе въ одномъ изъ первоначальныхъ набросковъ, отмѣченномъ у насъ литерой *Д*. Сходство начала этого отрывка («Вообще въ нынѣшнихъ критикахъ распространилось страшное литературное безвѣріе»,— хотя эта строка и зачеркнута авторомъ, но затѣмъ возстановлена немного ниже, въ томъ же наброскѣ. [«Притомъ главный характеръ нашей критики нынѣшней есть страшное литературное безвѣріе» [1]) — съ позднѣйшимъ наброскомъ (А[2], см. выше, стр. 350) убѣждаетъ насъ въ томъ, что Гоголь, не смотря на неоднократную переработку этой части статьи, остался ею недоволенъ и переработалъ ее еще разъ для печатнаго текста, опять съ сильными измѣненіями, и тогда замѣчаніе о литературномъ безвѣріи въ невѣжествѣ было помѣщено (въ измѣненномъ видѣ) нѣсколько ниже, въ серединѣ столбца Д. стр. 342). На 25 листѣ и на оборотѣ его находимъ еще не вошедшіе въ печатный текстъ «Современника» черновые наброски, также не помѣщенные нами выше въ виду ихъ отрывочности. Именно на 25 листѣ: «Чѣмъ больше журналъ, тѣмъ лучше, тѣмъ осторожнѣе будутъ [2]) вести себя журналисты, тѣмъ болѣе будутъ они показывать вниманія къ читателямъ [3]) и старанія заслужить ихъ довѣренность, потому что одно это можетъ [4])»...

---

[1]) См. выше, стр. 357.

[2]) Въ рукописи: «будут(ъ)».

[3]) Послѣ этого зачеркнуты недописанныя слова: «къ мнѣ(ніямъ?)».

[4]) Здѣсь фраза обрывается.

На оборотѣ 25 листа написано противъ словъ предшествующей страницы рукописи: «Въ Москвѣ, напротивъ, предпринимали журналы». «Итакъ вотъ тѣ главные законодатели[1]). Прочіе[2]), такъ какъ люди пожилые и опытные, они знали хорошо механизмъ изданія журналовъ и постоянствомъ[3] взяли верхъ (sic). Московскіе журналисты [немлѣно?][4] въ эти два года не показали никакой аккуратности и признаковъ людей дѣловыхъ, и потому меньше имѣли вліянія. Являлось[5] черезвычайно (sic) много читателей молодыхъ, безъименныхъ или подъ чуждыми именами, занимавшихъ (sic) уже рѣшительно пустыми разборами, извѣщеніями[6]. Но въ это время не сказали ничего ни Жуковскій, ни Вяземскій, ни Крыловъ. Ничего не сказали даже тѣ, которые прежде издавали журналы и заслуживали вниманія. — Итакъ нужно ли удивляться такому состоянію литературы? Почему же не говорили[7]? Считали ли они низкимъ опуститься въ журнальную сферу, или недѣйствительнымъ свой голосъ,—этого мы не въ правѣ рѣшить[8]. Мы должны замѣтить только[9]...»

Сходныя мысли находимъ въ позднѣйшемъ наброскѣ (см. выше, стр. 344); но тамъ уже дается объясненіе отстраненія первоклассныхъ писателей отъ журнальной дѣятельности: «Странно требовать, чтобы писатели съ большимъ талантомъ опустились и погрязли въ низкую журнальную сферу (sic)» и проч. Въ статьѣ «Современника» сходныя мысли помѣщены уже почти въ самомъ концѣ статьи (см. въ V т. стр. 506). Продолженіе же статьи послѣ указанія на молчаніе журналовъ о крупныхъ представителяхъ литературы заключаетъ въ себѣ замѣчаніе изъ конца позднѣйшаго наброска А. (см. выше, стр. 356), послѣ чего опять пропущена саркастическая выходка объ авторѣ, представляющемъ книжку въ презентъ журналисту, «какъ проситель представляетъ куль муки взяточнику-судьѣ».

---

[1]) Зачеркнуто: «что журналъ ихъ об...»
[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «Журналисты были».
[3]) Прежде было: «терпѣніемъ».
[4]) Неразборчивое слово.
[5]) Зачеркнуто: «Подъ ихъ знаменами дѣйствовало».
[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «и тому подобн...»
[7]) Зачеркнуто: «мы должны сказать только».
[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «Но должно замѣтить».
[9]) Здѣсь набросокъ обрывается.

Здѣсь кстати, по поводу словъ позднѣйшаго наброска (А): «Сочиненія Булгарина, Сенковскаго и Греча говорились (sic) и хвалились очень критикою въ журналахъ, издаваемыхъ Булгаринымъ, Сенковскимъ и Гречемъ — «вѣдь какъ хвалились» (ср. въ первоначальныхъ наброскахъ С; см. выше, стр. 340 и варіантъ 1 къ стр. 503 въ V томѣ, стр. 603), — приведемъ еще одинъ отрывочный варіантъ рукописи: «Выставляли на видъ себя, защищали только за себя (sic), говорили горячо только противъ тѣхъ, которые [задѣли] ихъ».

Дальше написано объ обязанностяхъ журналиста: «Онъ можетъ имѣть мѣсто для мѣлочей (sic) своего журнала, но онъ долженъ помнить, что [истолковывать] всеобщее мнѣніе, причина (?) этого мнѣнія, любимыя идеи его вѣка, вліяніе, производимое жизнь (sic), свое собственное сужденіе объ этомъ, — все это требуетъ серьезнаго и добросовѣстнаго [.....[1]] и обдуманнаго труда.

(Тутъ должно). Здѣсь цѣль журнала. Длинная программа [. . . . .] не показывается. У насъ будетъ обыкновенно [. . . . . .] журналис... Статистика (Стат), Исторія, Технологія и проч. и проч., такая-то словесность, другая словесность и проч. Это рѣшительно ничего не означаетъ (Попробуйте) (Цѣль, задача, для которой существуетъ журналъ). Если не отзывается [. . . . . .]...»

Здѣсь снова узнаемъ брульонъ, послужившій матеріаломъ для перваго изъ позднѣйшихъ набросковъ (см. выше, стр. 348). Что̀ касается продолженія статьи «Современника», то въ ней слѣдуетъ характеристика отношеній журнальныхъ дѣятелей къ критикѣ. Эта послѣдняя, или заключительная, часть статьи обработана изъ черновыхъ набросковъ, и притомъ такимъ образомъ, что большая часть рукописнаго текста удержана съ весьма незначительными измѣненіями, но внесена въ нее болѣе строгая послѣдовательность, потребовавшая перестановки отдѣльныхъ отрывковъ, при чемъ многое осталось совсѣмъ не перенесеннымъ изъ рукописей въ печатную статью. Въ изложеніи этой части своей статьи Гоголь держится послѣдовательнаго порядка по пунктамъ, слѣд. наша задача опредѣлить, какому мѣсту рукописей соотвѣтствуетъ каждый пунктъ печатной статьи. При этомъ оказывается, что для всей этой части статьи Гоголь пользовался набросками позднѣйшими, что̀ прямо указываетъ на позднѣйшее присоединеніе ея къ остальной статьѣ и совершенно

[1]) Точки здѣсь и ниже на мѣстѣ непрочитанныхъ словъ.

подтверждаетъ слова Н. С. Тихонравова, что «статья исправлялась и переписывалась для печати по частямъ[1]», — слова, основанныя на письмѣ Гоголя къ Пушкину («Да возьмите изъ типографіи статью о журнальной литературѣ. Мы съ вами пребезалаберные люди — и позабыли, что туда нужно включить многое изъ остающагося у меня *хвоста*)»[2]. Изъ этого «хвоста» вошелъ въ статью первый пунктъ отрывка С (см. выше, стр. 340), соотвѣтствующій правда и началу отрывка Д, но буквальное совпаденіе выраженій съ отрывкомъ С не оставляетъ сомнѣнія относительно ближайшаго источника, откуда именно взято это мѣсто, хотя начало этого пункта и было написано вновь. Затѣмъ большая часть отрывка С, несомнѣнно, отличается именно тѣми качествами *«юношеской живости и прямодушія»*, которыя заставили Пушкина допустить измѣненія въ статьѣ, — и въ «Современникѣ» этого мѣста мы не находимъ. При этомъ же между прочимъ опущено любопытное замѣчаніе о Бѣлинскомъ, за молчаніе о которомъ потомъ упрекалъ автора статьи въ «Письмѣ къ издателю» г. А. Б.[3]

Остальная часть перваго пункта (съ абзатца) представляетъ собою передѣлку позднѣйшаго наброска А[4].

Второй пунктъ представляетъ собою очень близкую передѣлку того мѣста отрывка Д, которое начинается словами: «Притомъ главный характеръ нашей критики нынѣшней есть страшное литературное безвѣріе...» (выше, стр. 342) Первое слово: *притомъ* въ статьѣ «Современника» опущено потому, что этого требовала уже избранная авторомъ форма изложенія по пунктамъ. Напротивъ, для большей связи этого пункта съ общимъ содержаніемъ статьи послѣ словъ: «Литературное безвѣріе и литературное невѣжество» введена фраза: «Эти два свойства особенно распространились въ послѣднее время у насъ въ литературѣ». Затѣмъ измѣненія рукописи очень незначительны, но пропущено замѣчаніе о современныхъ критикахъ, что они «хлопочутъ совершенно о себѣ», и далѣе слова: «Стало быть, ни одно изъ этихъ соображеній и сравненій» (касающихся прежнихъ первостепенныхъ писателей) — «вѣрное и ясное слѣдствіе, можетъ быть, разрѣшитъ чрезвычайно много въ нашей литературѣ, — не имѣетъ черезъ то мѣста въ нашей критикѣ». Про-

[1]) См. т. V, стр. 651.
[2]) «Русскій Архивъ», 1880, II, стр. 515.
[3]) См. объясненіе Н. С. Тихонравова, т. V, стр. 652.
[4]) См. выше, стр. 350.

пущено замѣчаніе о томъ, что «имена писателей, уже упрочившихъ свою славу, и писателей, еще требующихъ 'ея, сдѣлались совершенною игрушкою»[1]. Послѣ этого выпущено все мѣсто о Сенковскомъ, и вмѣсто него, по устраненіи всѣхъ личныхъ намековъ, получилось одно предложеніе: «Одинъ рецензентъ роняетъ тѣхъ, которыхъ поднялъ его противникъ, и все это дѣлается безъ всякаго разбора, безъ всякихъ идей». Далѣе въ статьѣ «Современника» слѣдуетъ нѣсколько сокращенное воспроизведеніе продолженія отрывка D до словъ: «Итакъ вотъ наша критика!»

Для третьяго пункта Гоголь пользовался началомъ отрывка D, но въ концѣ его прибавлено вновь замѣчаніе о Шевыревѣ.

Весь четвертый столбецъ прибавленъ вновь, — но на основаніи изложенныхъ нѣсколько ниже, въ отрывкѣ D, мыслей, набросковъ, при чемъ вкралось даже незначительное повтореніе замѣчанія о мѣстоименіяхъ *сей* и *оный* (ср. выше, стр. 344). Послѣ этого воспроизводится съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями отчасти распространенный предшествующій отрывокъ изъ наброска D. Далѣе изъ этого наброска пропущенъ цѣлый отрывокъ, представляющій собою отчасти опытъ характеристики тѣхъ самыхъ первоклассныхъ писателей, которые, по словамъ Гоголя, были забыты тогдашней критикой. Все это мѣсто, исключенное въ настоящей статьѣ, впослѣдствіи было воспроизведено въ распространенномъ видѣ въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» въ статьѣ: «Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?» Въ примѣчаніяхъ къ послѣдней статьѣ покойный Н. С. Тихонравовъ совершенно основательно замѣтилъ, по поводу словъ Гоголя въ письмѣ къ Плетневу, отъ 16 октября 1846 г. о томъ, что онъ писалъ эту статью «въ три эпохи» своей жизни: — «О какихъ трехъ эпохахъ *своихъ* говоритъ Гоголь въ вышеприведенныхъ строкахъ? Мы полагаемъ, что *первая* его эпоха обнимаетъ все время его авторства съ 1829 г. до выѣзда изъ Россіи въ іюнѣ 1836 г.» и проч. Но далѣе Н. С. Тихонравовъ говоритъ также: «Какихъ-либо набросковъ о существѣ русской поэзіи отъ первой эпохи мы не имѣемъ»[2]. Это несомнѣнно; но если не осталось отдѣльныхъ и самостоятельныхъ набросковъ, то, намъ кажется, можно предположить на основаніи сравненія, что Гоголь при со-

[1]) Т. V, стр. 505.
[2]) См. т. IV, стр. 544.

ставленіи своей позднѣйшей статьи пользовался указываемымъ нами отрывкомъ статьи: «О движеніи русской литературы въ 1834 и 1835 году». Въ этомъ мѣстѣ полное совпаденіе содержанія сравниваемыхъ отрывковъ (ср. напр. въ первоначальномъ наброскѣ: «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году» —: «Что̀ такое нашъ Жуковскій? Это одно изъ замѣчательныхъ явленій, явившійся (sic) оригинальнымъ въ переводахъ» и пр. Въ статьѣ: «Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?» —: «Жуковскій наша замѣчательнѣйшая оригинальность!» и проч. Въ статьѣ: «О движеніи журнальной литературы» далѣе говорится о Жуковскомъ, что онъ возвелъ всѣ сильные и *малосильные* оригиналы до себя»; въ статьѣ: «Въ чемъ существо русской поэзіи» послѣ перечня именъ знаменитѣйшихъ представителей европейскихъ литературъ, которыхъ произведенія переводилъ Жуковскій, замѣчено, что онъ «поэтъ, отъ нихъ всѣхъ отдѣльный, *достойный помѣститься не у ногъ ихъ, но сѣсть съ ними рядомъ, какъ равный съ равными*»[1]). Въ виду этого приведеннаго выше собственнаго указанія Гоголя, мы склоняемся къ мысли, что именно это мѣсто наброска статьи: «О движеніи журнальной литературы» дало поводъ Гоголю сказать, что онъ писалъ свою статью: «О существѣ русской поэзіи» въ *три эпохи* своей жизни.

Заключеніе статьи «О движеніи журнальной литературы» («Но довольно...») представляетъ опять весьма близкое воспроизведеніе конца отрывка D.

Итакъ общее заключеніе изъ всего предыдущаго сравненія можетъ быть такое: статья: «О движеніи журнальной литературы» была написана для «Современника»; авторъ смотрѣлъ на нее какъ на небольшую текущую замѣтку, которая должна была предшествовать задуманной имъ, по совѣту Пушкина, систематической и обстоятельной исторіи русской критики, и, въ свою очередь, находится въ нѣкоторомъ соотношеніи съ позднѣйшей статьей Гоголя: «Въ чемъ же наконецъ состоитъ существо русской поэзіи?». Статья была написана въ нѣсколько пріемовъ въ близкіе другъ къ другу промежутки времени, именно въ самомъ началѣ 1836 года[2], при-

---

[1]) Т. IV, стр. 178.

[2]) Въ началѣ первой книжки «Современника» 1836 г. находимъ дату цензурнаго разрѣшенія, именно: 31 марта 1836 года. См. «Русскій Архивъ», 1880, II, стр. 515 и настоящаго изданія, т. V, стр. 651.

чемъ первоначальные наброски послужили основаніемъ для первой, а позднѣйшіе—для второй половины статьи «Современника». При печатаніи послѣдней были сдѣланы новыя измѣненія, устранены неудобныя личныя указанія, язвительные намеки, сглажены рѣзкости и вообще все то, въ чемъ слишкомъ проявлялась, по выраженію Пушкина, «юношеская живость и прямодушіе», и затѣмъ статья отъ начала до конца подверглась также значительной стилистической выправкѣ, главной особенностью которой слѣдуетъ признать бо́льшую сжатость изложенія.

Стр. 327. [1] Слово: «литература» въ рукописи пропущено; но оно является во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ, начиная съ Пушкинскаго «Современника» (1836, I, стр. 192). [2] Зачеркнуто: «какъ мірѣ коммерческомъ». Слово «какъ» написано сверху. Слова: «для государства» приписаны сверху строки. [3] Послѣ слова: «торги» стояло еще: «рынки». [4] Зачеркнуто: «всего». [5] Послѣ словъ: «вкусами цѣлыхъ толпъ» зачеркнуты фразы: «обращаетъ и ускоряетъ движеніе...» «ихъ тяжелые капиталы». [6] Прежде было написано: «мертвый». [7] Въ «Современникѣ» послѣ этого слова стоитъ еще: «безгласно». [8] Послѣ этого зачеркнуто: «объ этихъ». [9] Слова *для* въ рукописи нѣтъ; но оно, очевидно, пропущено авторомъ по ошибкѣ. [10] Скобки въ подлинной рукописи. [11] Прежде было написано: «народа, общества». Немного выше вмѣсто: «непрерывающееся» въ рукописи не дописано: «не прерывающее». [12] Прежде было написано: «корень которыхъ... входитъ». [13] Прежде было: «не скоро искоренялись».

Стр. 328. [1] Заключенное въ скобки зачеркнуто. [2] Послѣ этого въ рукописи промежутокъ въ нѣсколько строкъ; дальнѣйшій текстъ писанъ позднѣе и другими чернилами; онъ начинается не на той же страницѣ (обор. 54), а на оборотѣ слѣдующаго 55-го листа. Наброски, сдѣланные въ разное время, размѣщены въ томъ порядкѣ, какой данъ былъ имъ авторомъ въ печати. [3] Набросокъ В начинается на оборотѣ 53-го листа. [4] Слово: «современнаго» въ рукописи зачеркнуто. [5] Послѣ этого зачеркнуто: «но бросимъ пристальный взглядъ на это время и разсмотримъ». [6] Слово написано довольно неразборчиво; кажется: «о внутреннемъ» (содержаніи?). [7] Отъ слова «Телеграфъ» до конца страницы 328 приписано авторомъ послѣ на страницѣ, оставленной пустою.

Стр. 329. [1] Зачеркнуто: «неутомимый». [2] Прежде было: «показавшій въ теченіе... движимый своей добросовѣстностью». [3] Зачеркнуто: «нашелъ необходимымъ». [4] Въ рукописи постоянно: «Смирдиномъ» (sic). [5] Въ рукописи: «какую». [6] Прежде было: «ограничился».

Стр. 330. [1] Зачеркнуто: «выставленныя». [2] Послѣ этого пропущено: «читателей» или «подписчиковъ» (см. «Соврем.», 1836, 1, стр. 195). [3] Зачеркнуто: «ни никакъ». [4] Прежде было написано: «предположенную себѣ». [5] Такъ стоитъ въ рукописи. Передъ этимъ зачеркнуто неразборчивое слово. [6] Въ рукописи: «воспользовать». [7] Слово неразборчиво и, кажется, не дописано. [8] Слова: «ли» въ рукописи нѣтъ. [9] Слово это пропущено въ рукописи.

Стр. 331. [1] Въ рукописи: «торопящее». [2] Въ рукописи явная описка: «какое». [3] Зачеркнуто: «начинающаго». [4] Прежде было: «ветерана во всѣхъ...» [5] Зачеркнуто: «признаюсь». [6] Послѣднія два слова написаны неразборчиво: «безъ сомнѣнія» или «боясь сомнѣнія». [7] Прежде было: «ни своего мнѣнія». [8] Въ рукописи: «великого (sic)» [9] Государства. [10] Зачеркнуто: «какъ плотный посѣтитель, сѣвши за столъ, расталкиваетъ локтями своихъ посѣтителей (sic) и, покушавши сытно, ставитъ уже ни во что своихъ собесѣдниковъ». [11] Послѣ этого въ рукописи зачеркнуто слово: «еще». [12] Прежде было: «потому что именно только эти...»

Стр. 332. [1] Слово: «*знаетъ*» въ рукописи зачеркнуто. [2] Послѣ этого зачеркнуто: «можетъ». 4 Опечатка въ нумераціи; см. ниже 4. [3] Слово «каменья» и предшествующее написаны очень неразборчиво. [4] Въ этой фразѣ прежде было вмѣсто: «для того, чтобы разсмотрѣть»—«разсмотримъ же». [5] Передъ словами: «мы должны разсмотрѣть» оставлены незачеркнутыми слова: «разсмотримъ же». [6] Прежде было: «этомъ».

Стр. 333. [1] Слова: «не соотвѣтствующихъ» написаны не вполнѣ разборчиво. [2] Въ рукописи: «Несторъ»; въ текстѣ статьи «Современника» стоитъ уже: «Шлёцеръ». [3] Слово: «краеугольный» въ подлинникѣ написано въ искаженномъ видѣ, съ перепутанными буквами, но оно читается вѣрно уже въ «Современникѣ». [4] Прежде было: «совершенно». [5] Слово: «такую» въ рукописи, повидимому, зачеркнуто. [6] Слова: «(въ стихотво)реніи» въ подлинникѣ наполовину зачеркнуты. [7] Прежде было: «слишкомъ занятомъ». [8] Слово въ подлинникѣ не дописано.

Стр. 334. [1] Прежде было: «какъ ихъ». [2] Прежде было: «безпокойные люди въ республикѣ». Весь послѣдній отрывокъ, начиная отъ словъ: «нельзя никакъ отвѣчать», написанъ внизу страницы въ особой выноскѣ. [3] Въ литературномъ критическомъ (р)одѣ. [4] Слово: «навѣрно» приписано сверху. [5] Слово: «рецензенту» приписано сверху строки. [6] Зачеркнуты написанныя далѣе слова: «что болѣе потревожило». [7] Зачеркнуто: «Богъ». [8] Зачеркнуто: «реценіи его какъ-то такъ дѣлаются...» [9] Слова эти приписаны съ боку страницы; послѣ нихъ прибавлено еще разъ: «Кукольника онъ поставилъ на ряду съ Гёте». [10] Зачеркнуто: «сказа(лъ)». [11] Послѣ этого зачеркнуто: «онъ всегда избираетъ себѣ идеаломъ». [12] Прежде было: «и есть». [13] Зачеркнуто: «каково бы ни было». [14] Зачеркнуто: «раздвинувшій въ каждомъ ром(анѣ) своемъ».

Стр. 335. [1] Этотъ. [2] Слова: «на высшую точку, какъ созданіе» въ рукописи зачеркнуты. [3] Послѣ этого слова зачеркнуто: «онъ». [4] Зачеркнуто: «но на что же онъ обращалъ вниманіе при разборахъ своихъ? какъ онъ дѣлалъ свои разборы? говорилъ ли онъ что-нибудь о внутреннемъ достоинствѣ книги?» [5] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [6] Послѣ этого зачеркнуто начатое слово: «закю(чена)». [7] Зачеркнуто: «или хула, напротивъ того разборъ, дышащій какой-то странной ненавистью и желчью». Кромѣ того, сверху была прежде приписана также строка: «это была желчь зависти (.....) къ таланту». [8] Зачеркнуто: «доказывающею ея». [9] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. Слово *его* написано довольно неразборчиво.

Стр. 336. [1] Зачеркнуто: «паяцъ въ своемъ бѣломъ колпакѣ». Потомъ это замѣ-

чаніе было перенесено въ другой набросокъ (см. выше, стр. 184). [2] Зачеркнуто: «не знаю, когда». [3] Зачеркнуто: «можетъ». [4] Зачеркнуто: «сво(и)». [5] Зачеркнуто: «онъ». [6] Зачеркнуто: «всегда почти вставлялъ». [7] Передъ этимъ зачеркнуто: «за это занятіе». [8] Зачеркнуто: «какъ ни пользуется прочною славою». [9] Зачеркнуто: «словесности». [10] Зачеркнуто: «пустяки».

Стр. 337. [1] Подъ именемъ Брамбеусовскихъ. [2] Зачеркнуты слова: «которое осталось въ старыхъ сказкахъ и ни въ какомъ случаѣ...» [3] Зачеркнуто: «хотя въ нихъ столько же есть фантастическаго» (послѣднее слово не дописано). [4] Слово: «явленіе» въ рукописи пропущено. [5] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [6] Зачеркнуто: «всѣ». [7] Слово въ концѣ строки не дописано. [8] Тоже. [9] Зачеркнуто: «учит(елей)». [10] Слово: «*школы*» въ рукописи пропущено. [11] Прежде было написано: «просто карикатурно». [12] Прежде было: «и со всѣмъ этимъ». [13] Прежде было: «самый непріличный».

Стр. 338. [1] Здѣсь въ рукописи стоитъ очень неразборчивое слово; но, внимательно всматривался, можно, наконецъ, убѣдиться, что прежде (вину) стояло слово: «дней», передѣланное затѣмъ сверху въ слово: «часовъ». Рѣчь идетъ объ одномъ мѣстѣ въ повѣсти Сенковскаго: «Большой выходъ сатаны». [2] Зачеркнуто: «необразовани(ому)». [3] Зачеркнуто: «всякой», т.-е. всякій (Гоголь писалъ это слово обыкновенно съ окончаніемъ: ой). [4] Сначала было написано: «на одно сочиненіе Гоголя». [5] Окончаніе слова неразборчивое. [6] Между этими отрывками нѣсколько вырѣзанныхъ листовъ. [7] Сначала было написано просто: «долгомъ»; потомъ это слово зачеркнуто и вмѣсто него приписано сверху уже: «священнымъ долгомъ». [8] Зачеркнуто: «тогда». [9] Зачеркнуто: «этихъ журналовъ». [10] Слово: «книги» приписано сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «послѣ это(го) книги, въ которой». [11] Была. [12] «Попавшая въ толстую книгу»; вмѣсто слова: «посорога» — описка: «носора» (sic)». [13] Слово: «уже» въ рукописи зачеркнуто.

Стр. 339. [1] Сначала было: «правилъ». [2] Слово, заключенное въ скобки, въ рукописи зачеркнуто. [3] Тоже. [4] Слово: «*мѣрѣ*» въ рукописи пропущено. [5] Сначала было написано: «нимало не чинился». [6] Прежде было: «развалился». [7] Въ рукописи послѣдній слогъ слова: «твореніями» не дописанъ.

Стр. 340. [1] Послѣ этого зачеркнуто: «даже» и приписанныя сверху строки слова: «по крайней мѣрѣ». [2] Сначала передъ словами: «то она не заставитъ себя читать» было написано зачеркнутое послѣ слово: «разумѣется». [3] Прежде было написано просто: «публика». [4] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. Послѣ этого слово *я* подчеркнуто. [5] Въ рукописи стояло прежде: «во всѣхъ». [6] Слова: «также поставьте въ библіотеку ее» приписаны сверху строки.

Стр. 341. [1] Сначала было просто: «голоса». [2] Слова: «господа эти» въ рукописи по ошибкѣ зачеркнуты вмѣстѣ съ уничтоженными словами: «нѣсколько трусили». [3] Слово: «*то*» въ рукописи не дописано. [4] Сначала вмѣсто словъ: «о литературныхъ трудахъ» стояло: «о сочиненьяхъ». [5] Зачеркнуто: «пьетъ ли, или не пьетъ». [6] Сначала вмѣсто словъ: «каждый изъ противниковъ» стояло: «рецензентъ всегда». [7] Въ рукописи описка: «единственно». [8] Неразборчивое слово: «удовольствіе» или «удальство». Послѣднее вѣроятнѣе и вполнѣ подходитъ къ смыслу контекста. [9] Фраза не докончена.

Стр. 342. [1] Слова: «можетъ быть» приписаны рукою Гоголя карандашомъ сверху,

также какъ передъ этимъ предлогъ *отъ*; все это написано вмѣсто прежнихъ словъ: «горящій нетерпѣніемъ скорѣе извлечь его». [2] Зачеркнуто: «чувство». [3] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [4] Зачеркнуты слова: «слабо» «довольно рѣзко...» [5] Сверху стоитъ недописанное слово: «критикъ». [6] Слово: «видишь» въ рукописи зачеркнуто. [7] Сначала было написано: «къ наукѣ, къ художеству». [8] Слово неразборчивое. [9] Зачеркнуто: «иногда».

Стр. 343. [1] Слова: «такъ что въ нашихъ критикахъ» приписаны сверху. [2] Происшедшею. [3] Вписано сверху строки карандашомъ. [4] Слова: «что̀ замѣтно изъ опрометчивыхъ и рѣзкихъ мнѣній» поставлены въ скобкахъ въ подлинной рукописи. Послѣ слова: «рецензентами» зачеркнуто: «Примѣръ г. Сенковскаго...» [5] Сначала вмѣсто: «цѣлыя фразы» стояло: «слова». [6] Зачеркнуто: «нашихъ». [7] Сперва было начато недописанное слово: «авторовъ», замѣненное потомъ словомъ: «писателей». [8] Слово: «писателей» приписано карандашомъ рукою Гоголя сверху строки. [9] Прежде было: «ловящихъ»; въ подлинникѣ: «ее»...(sic). [10] Въ рукописи очевидная ошибка: «поднимаетъ». Такое чтеніе противорѣчило бы смыслу всего даннаго мѣста. [11] Вѣроятно, пропущено слово: «писатель». [12] Зачеркнуто: «внѣзжаетъ на сцену и дѣлается самъ великимъ писателемъ, потому что рецензенты поссорились между собою». [13] Зачеркнуты слова: «обыкновенно начинаетъ статью тѣмъ, что упоминаетъ слегка...» [14] Сперва было: «то»; но затѣмъ карандашомъ поправлено на «но». [15] Прежде было: «блѣднѣе». [16] Послѣ этого слова: «у васъ» приписаны (и притомъ довольно неразборчиво) сверху строки.

Стр. 344. [1] Слово: «нами» въ рукописи пропущено. [2] Слова: «нашу литературу» въ рукописи зачеркнуты; также: «перлы нашей литературы». [3] Послѣ этихъ словъ зачеркнуто: «нѣтъ». [4] Послѣ слова: «Языковъ» зачеркнуто: «Баратынскій». [5] Послѣ этого зачеркнуты фразы: «вообще сказали...» «сказано ли мнѣніе?» [6] Слова: «голосъ, получившій авторитетъ критиками, заслуживающими вниманія» — приписаны сверху строки, а затѣмъ съ боку страницы сдѣлана вставка, обозначенная знакомъ ⌗: «назваться замѣчательными, оригинальными явленіями». [7] Сначала было: «съ замѣчательнымъ достоинствомъ». [8] Слово не дописано. [9] Зачеркнуто: «непростительно также». [10] Въ рукописи: «обращающія».

Стр. 345. [1] Зачеркнуто: «публикація». [2] Заключенное въ скобки въ рукописи зачеркнуто. [3] Передъ этимъ зачеркнуто: «но вѣдь въ журналахъ были же остроумныя замѣчанія. Была статья въ «Библіотекѣ». [4] Сначала было: «ни объ одномъ важномъ сочиненіи». [5] «Избиралъ ихъ». [6] Въ рукописи въ слѣдующихъ фразахъ описки: «любезностью», «сурьезный», «вообразилось неумѣстными» (sic) и проч. [7] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [8] Въ рукописи: «Третьяковскаго»; Гоголь всегда такъ писалъ эту фамилію; ср. выше, стр. 465. [9] Прежде было: «его должна поражать». [10] Слово: «*какъ*» написано не совсѣмъ ясно. [11] Слова: «въ ней открываются читателю два важныя явленія» приписаны сверху строки. [12] Сверху приписано: «открываются читателю два важныя явленія».

Стр. 346. [1] Эти слова: «собственный сгибъ ума» приписаны сверху строки. [2] Прежде было: «собственный характеръ и физіономію». [3] Сначала было:

«въ полномъ собраніи». [4] Зачеркнуто: «писателя». [5] Первоначально было: «точнѣе и ярче опредѣляется». [6] Послѣ словъ: для исторіи же литературы» зачеркнуты фразы: «они драгоцѣнные перлы, открытыя древности, новооткрытыя страны, новый свѣтъ» [7]. Слово *на* въ рукописи пропущено. [8] Зачеркнуто: «черту необходимую». [9] Послѣ этого въ рукописи стоитъ: «но», хотя, кажется, Гоголь хотѣлъ написать *не*, судя по смыслу. [10] Зачеркнуто: «всемірныхъ». [11] Послѣ этого зачеркнута начатая фраза: «оригинальный въ неор(игинальномъ)». [12] Слово неразборчивое. [13] Послѣ этого зачеркнуто: «между собою».

Стр. 347. [1] Слово: «кучу» въ подлинникѣ зачеркнуто. [2] Въ рукописи: «чего». [3] Въ рукописи стоитъ здѣсь неразборчивое слово сверху строки; повидимому: «потокъ». [4] Въ рукописи: «предвѣчающее (sic)» [5] Сверху строки приписана фраза съ неразборчивыми окончаніями словъ: «увлека(ющій) его выбрас(ываны) сквозь...» [6] Такъ въ рукописи. Послѣ этого зачеркнуто: «одна исторія». [7] Послѣ этого зачеркнуто: «вѣроятно, по крайней мѣрѣ...» [8] Эта строчка написана отдѣльно, внизу страницы. [9] Сверху написано: «уже объявили». [10] Слово: «мѣрѣ» въ рукописи пропущено. [11] Пропускъ въ рукописи.

Стр. 348. [1] Послѣ этого зачеркнуто: «но писать для нихъ...» [2] Въ рукописи: «этого». [3] Въ этомъ перечнѣ есть неясно написанныя слова; напр.: «исторія вообще» или «исторія всеобщая»? [4] Послѣ этого зачеркнуто: «(иной) и думаетъ, что это-то самое огромное энциклопедическое изданіе, какое когда-либо бывало». [5] Въ рукописи: «какая». [6] Такъ стоитъ въ рукописи.

Стр. 349. [1] Послѣднія слова: «цѣлью своей критики...» въ рукописи зачеркнуты. [2] Фраза: «словомъ, они приводятъ, чего бы не должно приводить» — въ рукописи зачеркнута. [3] Слово въ рукописи замарано, но ясно виденъ начальный слогъ: на (найдите?). [4] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [5] Слово: «какое-нибудь» по ошибкѣ повторено дважды. [6] Послѣ этого зачеркнуты фразы: «читатель не отыщетъ»... «не видно». [7] Послѣ этого зачеркнуты: «о какой мелочи». [8] Прежде было: «хорошо ли, дурно ли они (исполнили)». [9] Прежде было: «въ нихъ была замѣтна эта отличительная черта». [10] Окончаніе слова не вполнѣ разборчиво. [11] Прежде было: «всякого (sic) дрязгу». [12] Слова: «гдѣ ихъ не нужно» приписаны сверху строки, а подъ ними стояло слово: «надъ». [13] Въ рукописи: «текучей» (sic).

Стр. 350. [1] Слово: «вообще» въ рукописи зачеркнуто. [2] Въ рукописи: «совершающія». [4] Послѣ этого слѣдуетъ небольшой пробѣлъ въ рукописи, въ нѣсколько строкъ. [4] Прежде было: «занимались вообще». Зачеркнуто недописанное слово: «ром(аны)». [6] Слова: «очень» и «крит(иком)» приписаны сверху. [7] Послѣ этихъ словъ сдѣлана выноска внизу страницы къ словамъ: «вѣдь какъ хвалились!» Эту выноску помѣщаемъ непосредственно за предыдущими строками (въ ней есть неразборчивое слово: «судили?» или «задѣли»?). [8] Слово не дописано. [9] Передъ словами: «нашихъ журналистовъ» было зачеркнуто недописанное слово: «большинства»; *послѣ* слова: «журналистовъ» прежде стояло: «являлась чрезвычайная (беззаботность)». [10] Эти слова приписаны сверху, на слѣдующей страницѣ. [11] Послѣ этого зачеркнуты фразы: «если читать нашу журнальную»... «Въ другихъ случаяхъ критики»... «нужно видѣть этихъ самыхъ людей, которые»... [12] Точки на мѣстѣ нераз-

борчиваго слова. [13] Пропускъ въ рукописи. [14] Прежде было: «былъ хладнокровенъ». [15] Зачеркнуто: «необыкновенно». Здѣсь текстъ статьи продолжается черезъ нѣсколько страницъ (см. листъ 17). [16] Сначала было: «и совершенно».

Стр. 351. [1] Пробѣлъ въ рукописи. [2] Зачеркнуто: «множество». [3] Зачеркнуто: «и критики». [4] Это слово въ рукописи пропущено. [5] Тоже. [6] Пропускъ въ рукописи. [7] Слово: «не занялись» въ рукописи зачеркнуто. Послѣ словъ: «обветшалыми мнѣніями» слѣдуютъ еще нѣсколько безпорядочно набросанныхъ предложеній: «О чемъ же говорили наши журналы? Что̀ составляло (bis). характеръ нашей критики? характеръ критики вообще, не общій (?) и не занятый собственнымъ мнѣніемъ. Литературное безвѣріе, невѣжество, отсутствіе чистаго эстетическаго наслажденія, мелочное самолюбіе и щегольство». [8] Послѣднія слова: «люди очень умные» приписаны сверху строки. [9] Пробѣлъ въ рукописи. [10] Такъ въ рукописи. [11] Слово: «ихъ» въ рукописи пропущено. [12] Зачеркнуто: «для русской литературы». [13] Эта фраза приписана сверху строки.

Стр. 352. [1] Зачеркнуто: «и подробный»; послѣ слова: «указатель» зачеркнуто: «предста(вляетъ)», «сообщ(аетъ) очень». [2] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [3] Пропускъ въ рукописи. [4] Въ рукописи: «изъ пера». [5] Это слово зачеркнуто и сверху написано: «угощалъ». [6] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [7] Вмѣстѣ съ предыдущимъ по ошибкѣ зачеркнуто авторомъ начало всей фразы до слова: «критическаго» [8] Сверху стоитъ еще неразборчивое слово. [9] Тоже. [10] Пропускъ въ рукописи. [11] Предыдущія строки, начиная отъ словъ: «которыя очень понравились», въ рукописи зачеркнуты. [12] Зачеркнуто: «восточнымъ». [13] Зачеркнуто начатое слово: «арабскихъ».

Стр. 353. [1] Послѣ этого нѣсколько словъ не разобрано; потомъ зачеркнуто: «которые, безъ сомнѣнія, занялись». [2] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [3] Слово неразборчивое: «прозаическаго» или «практическаго». [4] Передъ словомъ: «статьями» зачеркнуто: «тѣ ли». «Это слово повторено потомъ передъ словомъ: писатели». [5] Слово неразборчивое и недописанное въ концѣ строки. [6] Послѣ этого зачеркнуто: «и такимъ образомъ дѣйствіе». [7] Точки на мѣстѣ не разобранныхъ словъ. [8] Передъ этимъ зачеркнуты неразборчивыя слова; повидимому: «гдѣ же». [9] Передъ словомъ: «сдѣлались» зачеркнуто: «поняли всю важ(ность)». [10] Нѣсколько весьма неразборчивыхъ словъ. [11] Фамилія: «Павловъ» въ рукописи зачеркнута. [12] Послѣ этого зачеркнуто: «пришли до».

Рецензіи, написанныя для Пушкинскаго „Современника“ (стр. 354—366).

Рецензіи, написанныя Гоголемъ одновременно съ предыдущей статьей, т.-е. въ февралѣ и мартѣ 1836 г., предназначались для Пушкинскаго «Современника», но были помѣщены тамъ не всѣ и съ значительными измѣненіями. Съ характеромъ послѣднихъ

читатель знакомъ по примѣчаніямъ къ тѣмъ изъ рецензій, которыя нашли себѣ мѣсто на страницахъ «Современника» и напечатаны въ пятомъ томѣ настоящаго изданія. Въ общемъ эти измѣненія довольно сходны съ измѣненіями, сдѣланными въ статьѣ: «О движеніи журнальной литературы», въ чемъ можно убѣдиться уже изъ сравненія первыхъ же строкъ рукописной и печатной рецензій на «Историческіе афоризмы» Погодина (см. т. V, 522 и 662). Въ настоящемъ томѣ помѣщаются рецензіи, не вошедшія въ «Современникъ».

Мы не имѣемъ точныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса, почему тѣ или другія рецензіи были помѣщены или, напротивъ, пропущены въ «Современникѣ»; но считаемъ умѣстнымъ высказать нѣсколько соображеній, хотя отчасти разъясняющихъ дѣло. Прежде всего любопытно, что вначалѣ на Гоголя былъ, очевидно, возложенъ Пушкинымъ *весь трудъ* по оцѣнкѣ новыхъ книгъ; другими словами, онъ былъ сперва *единственнымъ* сотрудникомъ библіографическаго отдѣла журнала, но, съ другой стороны, его участіе относится исключительно къ *первой* книжкѣ «Современника». Если мы пересмотримъ всѣ отзывы, помѣщенные въ этой книгѣ, то окажется, что никакихъ сотрудниковъ въ данномъ отношеніи у Пушкина тогда и не было. Въ числѣ рецензій, не принадлежащихъ Гоголю, мы должны отмѣтить *только* Пушкинскую рецензію на «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» и его же рецензію на переводъ произведенія Виланда «Вастола, или желанія»,— при чемъ послѣдняя рецензія является уже въ сущности скорѣе объясненіемъ Пушкина по поводу сдѣланнаго въ печати упрека, будто издатель «Вастолы» хотѣлъ присвоить себѣ чужое произведеніе и проч.[1]). (Дѣло было въ томъ, что Пушкинъ, покровительствуя какому-то бѣдному литератору, издалъ на свой счетъ посредственный переводъ «Вастолы» Виланда; Сенковскій тотчасъ же воспользовался этимъ, чтобы бросить по адресу Пушкина недобросовѣстный укоръ за то, что будто бы онъ презираетъ и обманываетъ «добрую, честную» публику). Затѣмъ въ вышенапечатанныхъ рецензіяхъ мы находимъ любопытныя указанія на то, что первоначально предполагалось и *дальнѣйшее постоянное сотрудничество* Гоголя въ «Современникѣ» — не только въ отдѣлѣ литературномъ, но, употребляя современное выраженіе, и библіографическомъ. Такъ рецензія на книгу «Основаніе Москвы» (см. выше, стр. 360—361) оканчивается такими

[1]) См. соч. Пушкина, изд. Литер. Фонда, т. V, 292.

словами: «Здѣсь потому только почтено необходимымъ сказать о нихъ» (о романахъ) «нѣсколько словъ, *чтобы при другомъ подобномъ романѣ* имѣть случай не говорить о немъ вовсе и *сослаться на сказанныя нами слова*». Любопытно также, что въ рецензіи на книгу Шевырева: «Исторія поэзіи» Гоголь пишетъ: «въ слѣдующемъ томѣ *помѣстимъ обстоятельный разборъ этого важнаго сочиненія*» (См. выше, стр. 359). Между тѣмъ, судя по рукописямъ Гоголя, такой статьи онъ вовсе даже не начиналъ писать потомъ, что, вмѣстѣ съ непомѣщеніемъ въ «Современникѣ» самой рецензіи, въ которой находятся только-что приведенныя слова, снова указываетъ на то, что Пушкинымъ не все *было одобрено* изъ Гоголевскихъ рецензій и даже, можетъ быть, не всѣ его предположенія поощрялись. Но мы знаемъ также, что, по совѣту Пушкина, Гоголь предполагалъ писать исторію русской критики[2]). Такимъ образомъ несомнѣнно, что Гоголь видѣлъ въ своихъ первыхъ рецензіяхъ, повидимому, только *начало* постояннаго и систематическаго журнальнаго сотрудничества въ «Современникѣ». Вѣроятно, такъ же сперва смотрѣлъ и Пушкинъ. Между тѣмъ не только многія рецензіи Гоголя не были помѣщены въ «Современникѣ», какъ и вообще изъ всего представленнаго Гоголемъ въ «Современникъ» матеріала былъ сдѣланъ выборъ, но Пушкинъ, очевидно, не все одобрилъ даже изъ помѣщеннаго имъ, о чемъ онъ вскорѣ же имѣлъ поводъ заявить печатно («Современникъ», т. III, стр. 329; см. наст. изданія т. V, стр. 652 и примѣч. къ предыдущей статьѣ). Затѣмъ мы не можемъ не обратить вниманія на то, что во второй книгѣ «Современника» выписываются вездѣ уже *одни только заглавія книгъ*, а рецензіи совершенно *отсутствуютъ*, хотя сотрудничество Гоголя въ журналѣ продолжается и отношенія къ Пушкину остаются неизмѣнно дружественными. Какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что Гоголь, только-что принявшій на себя трудъ рецензента, совершенно отклоняетъ его отъ себя *еще до отъѣзда своего за границу*. Если принять далѣе въ соображеніе, что первая книга «Современника» получила цензурное разрѣшеніе 31 марта 1836 года, а на второй книгѣ значится цензурная помѣтка: «30 іюня 1836 г.», и сопоставить эти данныя со временемъ отъѣзда Гоголя изъ Россіи, то можно сдѣлать нѣсколько болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній для разъясненія прекращенія сотрудничества Гоголя въ библіографическомъ отдѣлѣ «Современника». Прежде всего возможно допустить, что уже съ возникновеніемъ плановъ объ отъѣздѣ

Гоголя за границу самъ собой выдвинулся вопросъ о замѣнѣ его другими сотрудниками,—въ тѣхъ отдѣлахъ журнала, гдѣ такое сотрудничество по существу дѣла должно было бы быть болѣе или менѣе постояннымъ; а совершенное углубленіе нашего писателя въ заботы о «Ревизорѣ» въ послѣдніе мѣсяцы жизни его въ Петербургѣ отвлекли его отъ составленія рецензій уже и для *второй* книги «Современника». Совершенное же почти отсутствіе рецензій въ этой книгѣ, и только въ ней одной, какъ будто невольно наводитъ на мысль о *неожиданномъ* для редакціи прекращеніи библіографическаго сотрудничества Гоголя. Съ другой стороны едва ли можно сомнѣваться, что Пушкинъ, открыто заявившій, что статья: «О движеніи журнальной литературы», не есть и *не можетъ быть* программою «Современника», — хотя эта статья была единственной критической статьей перваго № журнала, затѣмъ Пушкинъ, откровенно указавшій даже и то, что̀ именно казалось ему въ этой статьѣ недостаткомъ,—вѣроятно, не вполнѣ одобрялъ и рецензіи Гоголя, чѣмъ также могло бы быть объяснено прекращеніе сотрудничества Гоголя въ библіографическомъ отдѣлѣ журнала, а также оставленіе имъ самой мысли, поданной Пушкинымъ, объ исторіи русской критики. О томъ, чѣмъ могъ быть недоволенъ въ рецензіяхъ А. С. Пушкинъ, можно, конечно, говорить только предположительно. Въ виду этого о нѣкоторыхъ рецензіяхъ сдѣлаемъ краткія замѣчанія: рецензія на комедію Загоскина: «Недовольные» въ данномъ случаѣ представляетъ особый интересъ по сопоставленіи ея съ нѣкоторыми предыдущими и послѣдующими литературными фактами. Изъ этой рецензіи мы узнаемъ, во-первыхъ, взглядъ Гоголя на Загоскина, отчасти сходный съ тѣмъ, который предчувствуется уже въ разсказѣ С. Т. Аксакова объ ихъ совмѣстномъ съ Гоголемъ посѣщеніи Загоскина: Гоголь не высоко ставилъ Загоскина. Затѣмъ любопытно, что та же самая пьеса Загоскина вскорѣ подала поводъ Сенковскому, ради большаго униженія «Ревизора», утверждать, будто «у г. Загоскина, была идея, и хорошая идея, а у Гоголя идеи нѣтъ никакой», что̀ вызвало вскорѣ ѣдкую насмѣшку со стороны критика «Молвы» и имѣло вслѣдствіе того нѣкоторое вліяніе на ухудшеніе отношеній Загоскина къ Гоголю и къ его «Ревизору». Такимъ образомъ мы находимъ здѣсь уже наглядное подтвержденіе основательности мысли Пушкина о томъ, что излишняя «рѣзкость и прямодушіе» нѣкоторыхъ отзывовъ и мнѣній Гоголя могли, въ самомъ дѣлѣ, представлять практическія неудобства. Не забудемъ при-

томъ, что рецензія на пьесу: «Недовольные» не была *напечатана* и, безъ сомнѣнія, осталась неизвѣстной Загоскину, и что раздраженіе Загоскина было вызвано только интригой Сенковскаго. Пушкинъ, какъ мы показали въ примѣчаніяхъ къ предыдущей статьѣ, неохотно допускалъ также вообще личные намеки и указанія, которые также встрѣчаются у Гоголя въ рецензіяхъ; напр. въ рецензіи «Онъ и она» Гоголь упоминаетъ объ А. А. Орловѣ, котораго защищалъ Пушкинъ отъ нападокъ петербургской журналистики, и котораго, отчасти слѣдуя, впрочемъ, его же примѣру, беретъ подъ свою защиту также и Гоголь, между прочимъ, даже въ повѣсти «Невскій проспектъ» (см. т. V, стр. 276). Наконецъ любопытно отмѣтить, что Гоголь, не безъ основанія осудивши въ статьѣ: «О движеніи журнальной литературы» нѣкоторыя критическія безтактности Шевырева, вмѣстѣ съ тѣмъ въ рецензіи на «Исторію поэзіи» называетъ Шевырева «мыслящимъ, исполненнымъ критическаго ума писателемъ» и объявляетъ, что «изъ занимавшихся у насъ критикою писателей нашихъ, безспорно, Шевыревъ — первый, котораго имя останется въ лѣтописяхъ нашей литературы» (См. выше, стр. 359). Здѣсь мы указываемъ такимъ образомъ лишь нѣкоторыя предположенія, касающіяся даннаго вопроса, основываясь на томъ, какіе именно указалъ самъ Пушкинъ недостатки въ статьѣ Гоголя: «О движеніи журнальной литературы».

Кромѣ того, по крайней лаконичности нѣкоторыхъ не помѣщенныхъ въ «Современникѣ» рецензій П. А. Кулишъ въ своихъ «Запискахъ о жизни Гоголя» высказываетъ о нихъ такое заключеніе: «Изъ прочихъ рукописныхъ рецензій Гоголя видно, что Гоголь намѣренъ былъ высказать также нѣсколько замѣчаній о нѣкоторыхъ другихъ книгахъ, но они или *не были окончательно* вписаны, или *остались безъ употребленія*»[1]). Впрочемъ краткія рецензіи встрѣчаемъ и въ числѣ напечатанныхъ, см., напр., рецензію на книгу: «Первый день Свѣтлаго праздника», которая состоитъ всего только изъ словъ: «Немного есть дѣтскихъ книгъ, написанныхъ такимъ чистымъ и пріятнымъ слогомъ», или на «Атласъ космографіи» Ободовскаго: «Атласъ этотъ принадлежитъ къ вышедшей за два года передъ симъ космографіи г. Ободовскаго» (См. т. V, стр. 528—529). Не отрицая возможности сдѣланнаго г. Кулишомъ предположенія, полагаемъ, что Пушкинъ скорѣе не удовлетворялся здѣсь,

[1]) «Записки о жизни Гоголя» т. I, стр. 166.

какъ и въ статьѣ: «О движеніи журнальной литературы», тономъ и содержаніемъ нѣкоторыхъ лаконическихъ рецензій, такихъ, напр., какъ: «Если воспользоваться всѣми этими рецептами и наставленіями, то можно сварить такую кашу, на которую и охотника не найдешь» или: «Эта книжечка вышла, стало быть гдѣ-нибудь сидитъ же на бѣломъ свѣтѣ и читатель ея», а равно и вообще такими выраженіями въ рецензіяхъ, какъ: «Помнится, что какой-то графъ и какой-то студентъ таскаются по улицамъ въ какомъ-то городѣ, чуть ли не въ Москвѣ, берутъ Катю и увозятъ; потомъ опять берутъ Катю и, кажется, опять увозятъ» и проч. Еще менѣе удивительно, что такія рецензіи, какъ «не романъ, а развѣ романчикъ, потому что въ 1-й части — 42 страницы, а во 2-й — 76», могли быть не одобрены Пушкинымъ, или же были исключены самимъ Гоголемъ при перепискѣ въ тотъ рукописный оригиналъ, съ котораго набирались его статьи для «Современника». Пушкинъ, очевидно, условился съ Гоголемъ, какъ съ сотрудникомъ, о томъ, какія именно книги долженъ разобрать послѣдній, но затѣмъ иныя рецензіи, *преимущественно*, такъ сказать, слишкомъ бѣглыя, какъ это уже замѣтилъ г. Кулишъ, въ «Современникѣ» не появились.

Любопытно далѣе, что заглавія всѣхъ не помѣщенныхъ рецензій были, однако, *выписаны* въ «Современникѣ», но подъ нимъ не приведено *никакого отзыва* (слѣдовательно онѣ *предполагались*, но потомъ были оставлены безъ употребленія). Въ рукописи Гоголя вездѣ *отсутствуетъ*, напротивъ, заглавіе, но помѣщенъ самый текстъ замѣтокъ. Покойный Н. С. Тихонравовъ, тщательно свѣривъ рецензіи Гоголя въ его записной книгѣ съ ихъ воспроизведеніемъ въ «Современникѣ», опредѣлилъ съ точностью, какія именно изъ нихъ соотвѣтствуютъ заглавіямъ оставленныхъ безъ отзывовъ книгъ. Здѣсь-то и помѣщаются именно эти рецензіи, тогда какъ вошедшія въ «Современникъ», какъ сказано, напечатаны въ т. V, стр. 522—529.

Печатаемыя здѣсь рецензіи извлечены Н. С. Тихонравовымъ изъ записной книги Гоголя Р. А., но одна отрывочная замѣтка не могла найти мѣсто въ текстѣ книги; помѣщаемъ ее здѣсь въ примѣчаніяхъ. На оборотѣ 22 листа рукописи Р. А. противъ предшествующей въ рукописи страницы, на чистой страницѣ, написано отдѣльно: «И кто думаетъ, что можетъ то произвесть однимъ человѣкомъ, что́ производится массами и вѣками». Эти слова, очевидно, соотвѣтствуютъ слѣдующимъ строкамъ напечатанной на

стр. 363 рецензіи: «И такъ естественное дѣло, что земледѣліе въ Россіи еще долго будетъ итти медленно, несмотря на всѣ введенныя мѣры правительства, потому что оно дѣло вѣковъ...»

Печатая эти рецензіи, мы должны оговориться, что послѣдняя изъ помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ, по своему слишкомъ общему содержанію, не представляетъ совершенно никакихъ опредѣленныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса о томъ, къ какой именно книгѣ относится эта рецензія. Выписанное нами заглавіе книги «Картины міра» приводится лишь предположительно безъ вѣскихъ доказательствъ, что именно эта книга въ данномъ случаѣ разбиралась Гоголемъ. Мы выставили это заглавіе *съ знакомъ вопроса* на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Такъ какъ всѣ не помѣщенныя рецензіи Гоголя въ 1-й книгѣ «Современника» за 1836 г. несомнѣнно соотвѣтствуютъ заглавіямъ книгъ, приведеннымъ въ этой же книгѣ «Современника», то остается опредѣлить, къ которой изъ этихъ книгъ подходитъ занимающая насъ рецензія. Въ виду, какъ сказано, слишкомъ общаго характера рецензіи, предположенія возможно дѣлать лишь при помощи исключенія всѣхъ рецензій завѣдомо разобранныхъ въ «Современникѣ» книгъ. Если исключить нѣкоторыя спеціальныя сочиненія, до латинскихъ грамматикъ и словарей включительно, то данную рецензію возможно отнести развѣ къ двумъ или тремъ остающимся затѣмъ книгамъ, и притомъ такимъ, для которыхъ, повидимому, *предназначалось* составить рецензію. Изъ такихъ книгъ едва ли могутъ подходить къ данной рецензіи, напримѣръ, — «Phaedri fabulae» (хотя въ рецензіи и упоминается о возвращеніи писателей въ послѣднее время къ простотѣ изложенія въ притчахъ) «Политическія рѣчи Исократа» «Учительская внучка» и проч. Остаются: «Картины міра» и «Руководство къ познанію наукъ, искусствъ и художествъ. Для юношества. Въ двухъ отдѣленіяхъ». Мы предпочли выставить предположительно и въ сопровожденіи вопросительнаго знака названіе первой книги, на которой, по свидѣтельству одного изъ опекуновъ бумагъ покойнаго Н. С. Тихонравова и близкаго къ нему лица С. О. Долгова, болѣе склоненъ былъ остановиться послѣдній. Но, съ другой стороны, Н. С. Тихонравовъ также далеко не былъ убѣжденъ въ справедливости своего предположенія, и вообще вопросъ этотъ является весьма темнымъ въ виду приведенныхъ выше соображеній.

Стр. 354. [1] Передъ словами: «Планъ задуманъ довольно слабо» сначала было написано: «Стихи комедіи довольно легкіе»; послѣ словъ: «довольно слабо» зачеркнуто: «все-таки». (Эта рецензія на оборотѣ 15 листа). [2] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [3] Тоже. [4] Зачеркнуто: «въ которой означается, когда и въ какіе дни случились сраженія, взятіе городовъ». (Начиная отъ этой рецензіи, слѣдующія написаны на оборотѣ 16 листа). [5] Въ рукописи описка: «числовнимъ». [6] Въ рукописи зачеркнуто. [7] Послѣ этого зачеркнуто: «разворачивая». [8] Зачеркнуто: «помѣстивъ въ обложк(ахъ) въ середину». [9] Прежде было: «въ середину книги». [10] Зачеркнути неразборчивыя слова.

Стр. 355. [1] Послѣ этого зачеркнуто: «описаніе». [2] Слово *съ* въ рукописи пропущено. [3] Зачеркнуто недоконченное слово: «первонач(ально)». [4] Зачеркнуты фразы и слова: «Все изданіе объявлено... изъ... изъ... состоитъ изъ»... [5] Зачеркнуто: «Одни романы толстые въ чет(ырехъ)». (Эта рецензія написана на 17 листѣ). [6] Зачеркнуто: «Тоже иногда въ четырехъ частяхъ». [7] Живые? [8] Зачеркнуто: «къ нимъ принадлеж». [9] Слово: «сценическаго» въ рукописи пропущено. [10] Точки на мѣстѣ пропущеннаго въ рукописи слова. [11] Въ рукописи: «на которомъ». [12] Зачеркнуто: «часто бываетъ».

Стр. 356. [1] Зачеркнуто: «въ какомъ-то городѣ, кажется»... [2] Зачеркнуто: «писанная совершенно». (Эта рецензія и слѣд. на оборотѣ 22 листа). [3] Зачеркнуто: «какія», затѣмъ пропущено неразобранное слово. [4] Зачеркнуто: «какъ». [5] Сначала было написано: «намѣреніе... Нѣсколько издат(елей)» (Эта рецензія на 23 листѣ). [6] Въ рук.: «издаются». [7] Въ рукописи: «обвертку». [8] Въ рукописи: «плотитъ» Послѣ слова: «дорого» прежде было: «Кантемиръ будетъ стоить гораздо дороже десяти рублей... «дороже»... [9] Въ рукописи: «мелкому ращету». (sic!)

Стр. 357. [1] Прежде было: «скорѣе». [2] Прежде было: «сочиненія». [3] Зачеркнуты слова: «гораздо»... «10 печатныхъ листовъ къ»... «такихъ»... [4] Слово: «болѣе» вѣроятно, по ошибкѣ *не* зачеркнуто авторомъ. [5] Послѣ этого зачеркнуто: «издатели классиковъ». [6] Въ рукописи: «печатать». [7] Въ рукописи здѣсь пропускъ слова. [8] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [9] Передъ словомъ: «путешествія» зачеркнуто: «для нашего народа». [10] Прежде было: «вообще имѣютъ». [11] Слова: «въ нашемъ народѣ» написаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «дѣйствія».

Стр. 358. [1] Въ рукописи: «которая — читается». [2] Это слово въ рукописи пропущено. [3] Зачеркнута фраза: «предметы вообще драгоцѣнные для нихъ, къ которымъ какъ будто они чувствуютъ уже невольное». [4] Прежде было: «въ русской природѣ». [5] Слова эти написаны сверху строки; прежде было: «которой получили мы оттуда». [6] Послѣ этого зачеркнуто: «наслышавшись и начитавшись». [7] Въ рукописи можно прочесть съ нѣкоторой увѣренностью только первое изъ этихъ словъ; второе слово вѣроятно: «дѣла» или «семью». [8] Послѣ этого зачеркнуто: «у него на плечахъ». [9] Зачеркнуто: «написаны красныя... въ толстую краску»; конецъ предыдущей фразы, начиная отъ словъ: «пропуская множество картинъ...», приписанъ отдѣльно, внизу страницы. [10] Послѣ этого зачеркнуто: «читаютъ». [11] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [12] Слово неразборчивое: въ случаѣ или въ слухъ? Кажется — «въ случаѣ». [13] Послѣ этого зачеркнуто: «то, что».

[14] Въ рукописи: «по вергамъ» (sic). [15] Зачеркнуто: «не полонъ». [16] Включени? [17] Зачеркнуто: «являются». [18] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты.

Стр. 359. [1] Зачеркнуто: «одно изъ», т.-е. замѣчательныхъ явленій. [2] Зачеркнута недописанная фраза: «нашего же писа(теля)». [3] Зачеркнуто: «исторіи поэзіи всѣхъ вѣко(въ)...» [4] Въ рукописи: «мыслячимъ». [5] Зачеркнуты фразы: «нашихъ, когда-либо существовавшихъ (участвовавшихъ) критическихъ писателей бывшихъ», «нашихъ критическихъ» писателей». [6] Сверху приписано: «писателей нашихъ преимущественно...» Слѣдующія два зачеркнутыхъ слова не прочитаны. [7] Зачеркнуто: «объ это(мъ)». [8] Прежде было: «времени». Послѣ этого зачеркнута слѣдующая фраза: «Въ скоромъ времени надѣемся представить». [9] Зачеркнуто: «больше». [10] Зачеркнуто: «они обыкновенно». [11] Въ рукописи: «сужетъ» (sic). [12] Послѣ этого прежде стояло слово: «далѣе». [13] Послѣ этого зачеркнуто: «Многіе изъ нихъ, какъ видно»... «Герои обыкновенно говорятъ». [14] Зачеркнуто: «уже». [15] Въ рукописи: «времени». Послѣ этого зачеркнуто: «которое можно назвать временемъ русскихъ». [16] Теперь(шняго). [17] Зачеркнуты фразы: «произвела нѣкоторое вліяніе»... «оказавшая». [18] Не разобрано нѣсколько словъ, изъ которыхъ послѣднія два, кажется: «на колѣни» (колени — sic) или «на каменьи».

Стр. 360. [1] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [2] Послѣ этого зачеркнуты фразы: «Эти мужички, которые, когда чита(ютъ)»... «(къ) необыкновенному изумленію читателя». [3] Зачеркнуто: «онъ». [4] Послѣ этого зачеркнуто: «не говоря». [5] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [6] Передъ этими словами прежде было написано: «въ нихъ вездѣ...» Эти строки приписаны на предыдущей страницѣ. [7] Зачеркнуто: «Ничего у него нѣтъ такого, которое бываетъ». [8] Прежде было: «цѣлой». [9] Въ рукописи это слово зачеркнуто. [10] Зачеркнуто: «одно довольно прочитать». [11] Привесть. [12] Все это мѣсто, начиная отъ словъ: «общій характеръ этихъ маленькихъ романовъ», находится въ рукописи съ боку на чистой страницѣ (на оборотѣ страницы). [13] Зачеркнуто: «сказано о нихъ вообще нѣсколько словъ, чтобы избѣгнуть». [14] Слово при въ рукописи пропущено.

Стр. 361. [1] Зачеркнуто: «разныя». [2] Прежде было: «Русская». [3] Трактата. [4] Послѣ этого зачеркнуто: «Многіе ученые утрачиваютъ подъ собою ученость». [5] Послѣ этого зачеркнуты слова: «а я не знаю, что сказать». [6] Въ рукописи это слово не дописано. [7] Это слово въ рукописи зачеркнуто. [8] Передъ этимъ зачеркнуты слова: «для многихъ»... «бросимъ».

Стр. 362. [1] Прежде было: «гдѣ должны». [2] Эти строки рецензіи, заключенныя въ скобки, написаны на оборотѣ 16 страницы, тогда какъ вся остальная рецензія на оборотѣ 21 и на 22 листа. [3] Въ рукописи описка: «умѣнія». [4] Слово: «частью» въ рукописи пропущено. [5] Послѣ этихъ словъ въ рукописи сверху написано: «раздвигаясь по мѣрѣ приближенія». [6] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [7] Послѣ этого зачеркнута начатая фраза: «какова почва и земля этихъ». [8] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [9] Сверху написано: «видимо отдѣльныя». [10] Зачеркнуто: «земли». [11] Это слово прежде было написано (и ниже) — вмѣсто слова: «имѣній». [12] Послѣ этого зачеркнуто слово: «воздѣлка». [13] Въ рукописи: «углубляющій».

[14] Имѣнія. [15] Обширнихъ. [16] Послѣ этого зачеркнута недописанная фраза: «степная природа мечетъ раст(енія)...» [17] Хотя это слово не разборчиво, но, вчитавшись, можно ясно видѣть: — «кормовыя»; написано вмѣсто зачеркнутаго: «разнообраз(ныя)». [18] Слово: «пространство» въ рукописи въ концѣ строки не дописано. [19] Множество. [20] Зачеркнуто: «само собой дастъ».

Стр. 363. [1] Въ рукописи раньше стоитъ слово: «книгѣ», а потомъ: «замѣчательной», но первое слово зачеркнуто; кромѣ того, зачеркнуто слово: «любопытной». [2] Слово: «книгѣ» въ рукописи зачеркнуто. Передъ этимъ словомъ зачеркнуто: «средства»; послѣ него: «людей». [3] Зачеркнуто: «вообще». [4] Послѣ этого зачеркнуто: «старый». [5] Слово: «привычка» въ рукописи въ концѣ строки не дописано. [6] Послѣ этого зачеркнуто: «еще не изгнанный косою». [7] Зачеркнуто: «быстрою». [8] Слова: «почти не дѣйствуютъ» въ рукописи зачеркнути; вмѣсто нихъ приписано сбоку нѣсколько неразборчивыхъ словъ. [9] Зачеркнуто: «количество». [10] Сверху приписано неразборчивое слово. [11] «Самою» или «силы»? [12] Въ рукописи двѣ описки: «безблотна». [13] Усовершенствуетъ. [14] Въ рукописи: «слѣдствіе». [15] Люди. [16] Слово не дописано; внизу вмѣсто: «развитіе» стоитъ: «смѣтливость». [17] Слово: «средства» въ рукописи зачеркнуто. [18] Зачеркнуты слова: «должны итти медленно». [19] Зачеркнуто: «не часто». [20] Сверху строки написаны слова: «по полю». [21] Слово: «жизнь» не дописано.

Стр. 364. [1] Въ рукописи описка: «естъ». [2] Зачеркнуто: «низкая». [3] Можетъ. [4] Въ рукописи: «тогда». [5] Слово не дописано. [6] Послѣ этого зачеркнути фразы: «быстрые его успѣхи въ этомъ промыслѣ»..., «его живая, хлопотливая природа». [7] Слово не дописано. [8] Зачеркнуто недописанное слово: «мно(го)». [9] Слово въ концѣ строки не дописано. [10] Въ рукописи: «что сумѣемъ», «что мы можемъ». [11] Слова, поставленныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [12] Слово въ концѣ строки не дописано. [13] Послѣ этого зачеркнуто: «купецъ». [14] Слово въ рукописи не дописано. [15] Эти слова въ рукописи написаны два раза; впрочемъ, одно слово въ концѣ строки не дописано: можетъ-быть, слѣдуетъ читать вторую фразу такъ: «рем(есленникъ) человѣкъ продажный». [16] Въ рукописи описка: «земледческій». [17] Въ рукописи въ этомъ словѣ есть лишній слогъ.

Стр. 365. [1] Потребность. [2] Къ длиннымъ. [3] Послѣ этого зачеркнуто:... «являвшія(ся)». [4] Послѣднее предложеніе написано съ боку, на чистой страницѣ (на оборотѣ 14 листа). [5] Это слово написано сверху строки. [6] Зачеркнуто: «нѣмецкія?». [7] Величавый. [8] Сверху приписано: «нужно» [9] Слова: «подъ рукою» написаны сверху строки. [10] Зачеркнуто: «что теперь даже»... Послѣ слова: «который» зачеркнуто: «признали». [11] Въ рукописи: «бросили». [12] Прежде было: «вмѣстѣ». [13] Это слово написано сверху строки. [14] Послѣ этого зачеркнуто: «въ своихъ домашнихъ дѣлахъ». [15] Зачеркнуто: «чрезвычайно». [16] Послѣ этого зачеркнуто: «ихъ мнѣнія». [17] Сверху приписано какое-то неразборчивое слово.

Стр. 366. [1] Слово: «*великую*» приписано сверху строки. [2] Слово неразборчивое; кажется: «разсѣиваться». [3] Надъ послѣдними словами, зачеркнутыми въ рукописи, сверху строки надписано: «идемъ разположивать» (sic). [4] Прежде было: «употребительнимъ». [5] Слова: «какъ прекрасную эпоху» приписаны

сверху. [6] Въ рукописи: «начинающее». [7] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [8] Слово неразборчивое. [9] Всего. [10] Слова: «на землѣ» въ рукописи зачеркнуты. [11] Прежде было: «глубокую». [12] Послѣ этого зачеркнуты слова: «все это мы говоримъ къ тому...» [13] Въ рукописи здѣсь стоятъ рядомъ два равнозначащихъ слова: «соединенія» и потомъ «соединиться». [14] Слово въ концѣ строки написано неразборчиво.

Коляска (въ первоначальной редакціи). (Стр. 367—378.)

Текстъ первоначальной редакціи «Коляски», внесенный авторомъ въ записную книгу, (пожертвованную по завѣщанію вдовы И.С.Аксакова въ Московскій Публичный и Румянцовскій Музей и обозначаемую въ настоящемъ изданіи вездѣ буквами Р. А.) замѣтно отличается отъ печатныхъ редакцій, начиная съ первой, помѣщенной въ Пушкинскомъ «Современникѣ» (1836, III, стр. 170—190). Особенно подверглось передѣлкѣ описаніе послѣобѣденнаго настроенія и разговоровъ всего общества, собравшагося у генерала, послѣ приглашенія Чертокуцкимъ къ себѣ какъ генераловъ, такъ и офицеровъ; здѣсь въ значительной степени переработана цѣлая страница рукописнаго текста. Въ остальныхъ мѣстахъ исправленія довольно незначительны, но ихъ такъ много, что полное перечисленіе и указаніе ихъ въ варіантахъ представляется неудобоисполнимымъ. Въ виду этого первоначальная редакція повѣсти помѣщается цѣликомъ въ настоящемъ томѣ; первоначально же она была напечатана Н. С. Тихонравовымъ въ «Сборникѣ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891 годъ». Большая часть передѣлокъ, заключающихъ въ себѣ какъ сокращеніе, такъ и распространеніе первоначальнаго текста, судя по отсутствію въ бумагахъ Гоголя другихъ, такъ сказать, промежуточныхъ редакцій и особенно по незначительности срока, отдѣляющаго печатную редакцію отъ рукописной, были сдѣланы частью въ перебѣленномъ для журнала оригиналѣ, частью же при корректурахъ. (О корректурныхъ измѣненіяхъ въ печатномъ текстѣ мы, конечно, не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній; но о томъ, что Гоголь во время печатанія имѣлъ обыкновеніе дѣлать ихъ, и притомъ также именно въ этотъ петербургскій періодъ его жизни, мы имѣемъ между прочимъ наивный разсказъ его слуги Якима, который говорилъ объ этомъ такъ: «Прочтетъ Николай Васильевичъ, *вписываетъ еще на печатныхъ листахъ*, тогда несетъ обратно»[1]).

[1]) «Русскій Архивъ», 1893, III, 303—304.

Болѣе существенныя измѣненія касаются, во-первыхъ, объясненія въ повѣсти причины, благодаря которой Чертокуцкій, не смотря на благоразумное рѣшеніе послѣ сдѣланнаго имъ приглашенія къ себѣ гостей не засиживаться у генерала и поскорѣе ѣхать домой, чтобы успѣть сдѣлать необходимыя распоряженія къ завтрашнему обѣду, — неожиданно для самого себя, поступаетъ какъ разъ наоборотъ, незамѣтно оставшись на цѣлый вечеръ за вистомъ и вернувшись домой уже поздно и въ нетрезвомъ видѣ. Гоголь здѣсь въ печатной редакціи отчасти сокращаетъ разсказъ, отчасти сгущаетъ краски, чтобы усилить комизмъ въ положеніи своего героя, представляя его оплошность невольнымъ результатомъ именно старанія побольше угодить и прислужиться тѣмъ самымъ «господамъ офицерамъ», которымъ онъ причинилъ потомъ невольное оскорбленіе. Согласно съ этимъ пропущено слѣдующее мѣсто рукописнаго текста: «Однакожъ», подумалъ про себя Крапушкинъ, «мнѣ нечего здѣсь сидѣть. Я немножко посидѣть, да и домой поскорѣй — приказать заранѣе, чтобы все приготовить съ вечера». Между тѣмъ солнце *незамѣтно* начало садиться ниже. Генералъ и гости возвратились въ комнаты, гдѣ разставлены были карточные столы. „Ну что̀жъ“, подумалъ онъ, «въ вистунъ можно сыграть робертика два, такъ только для виду, *да сію минуту и домой*». Въ печатной редакціи вмѣсто этого читаемъ: «онъ взялъ было ужъ и шляпу въ руки, но какъ-то такъ странно случилось, что онъ остался еще на нѣсколько времени»[1]). Затѣмъ опущена слѣдующая подробность рукописнаго текста: «Два роберта, на которые сѣлъ Крапушкинъ, кончились въ одну минуту. «Ну, что̀жъ, за эти нечего и садиться; еще четыре можно сыграть». Въ печатной редакціи это мѣсто измѣнено такъ: «Чертокуцкій долго не зналъ, садиться или не садиться ему за вистъ. *Но какъ господа офицеры начали приглашать*, то ему показалось очень несогласно съ правилами общежитія отказаться — онъ *присѣлъ*»[2]). Затѣмъ тутъ же пропущено все касающееся шулера-майора, какъ не связанное съ главной нитью разсказа и постороннее его общему содержанію. Далѣе весь разсказъ сильно измѣненъ до новаго отдѣла, начинающагося словами: «Словомъ, пиръ былъ на чудо» и проч. Наконецъ въ печатной редакціи сглажены нѣкоторые карикатурные

---

[1]) См. выше, стр. 373 и т. II, стр. 123.

[2]) См. настоящаго изд. т. II, стр. 123.

штрихи и мелкія подробности, напр. о томъ, какъ заспанный камердинеръ, встрѣчая барина, «отеръ, какъ попало, глаза свои», о томъ, какъ Крапушкинъ, войдя въ гостиную, спросилъ: «отчего криво выстроена комната?» Съ другой стороны прибавлено, что именно «движеніе, произведенное паденіемъ супруга на кровать, разбудило жену Чертокуцкаго»[1]).

Затѣмъ болѣе замѣтному измѣненію подвергся смыслъ разговора объ экипажѣ: въ первоначальной редакціи желаніе генерала пріобрѣсти коляску и хвастливая услужливость Чертокуцкаго представляются недостаточно мотивированными и такимъ образомъ все происшествіе съ коляской является виной исключительно опрометчивости Чертокуцкаго, тогда какъ, напротивъ, въ исправленной редакціи разговоръ, въ значительной степени уже независимо отъ Чертокуцкаго, принимаетъ случайно такой оборотъ, послѣ котораго все послѣдующее является его естественнымъ результатомъ. Въ первоначальной редакціи, на вопросъ объ экипажахъ, генералъ отвѣчаетъ: «экипажей *у меня достаточно, коляски только нѣтъ. Мнѣ хотѣлось бы достать новую*»; въ печатной: «Ну экипажей у *меня не слишкомъ достаточно.* Мнѣ, признаться вамъ сказать, *давно хочется имѣть нынѣшнюю коляску*»[2]). Затѣмъ вмѣсто прежняго: «Я впрочемъ объ этомъ писалъ къ брату моему, и *онъ, вѣрно, мнѣ вышлетъ въ будущемъ мѣсяцѣ*» въ печатной редакціи читаемъ: «Я писалъ объ этомъ къ брату моему, который теперь въ Петербургѣ, *да не знаю, пришлетъ ли онъ, или нѣтъ?*»[3]). Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Чертокуцкій хвалитъ помѣстительность своей коляски, на первый планъ выдвинуто, что, когда онъ служилъ, то у него въ ящикѣ помѣщалось десять бутылокъ рому и двадцать фунтовъ табаку, а подробности, касающіяся укладки мундировъ и бѣлья, уже слѣдуютъ за этимъ, тогда какъ въ рукописномъ текстѣ было наоборотъ.

Далѣе при подробномъ сравненіи первоначальнаго текста съ печатнымъ, мы замѣчаемъ всюду множество стилистическихъ поправокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя могли быть сдѣланы не безъ участія Пушкина. Извѣстно, что Пушкинъ находилъ языкъ Гоголя крайне неправильнымъ и даже выражался по этому поводу такъ: «Про-

---

[1]) Т. II, стр. 125.

[2]) Ср. т. II, стр. 122 и выше, стр. 372.

[3]) См. тѣ же страницы.

зой пишу я неправильно, а говорю еще хуже, *и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь*»[1]). При корректурѣ Гоголемъ исправлялись такія неправильныя выраженія, какъ «бѣгня за зайцами», «побѣжалъ спрятаться въ экипажный сарай, *почитая тамъ гораздо безопаснѣе*»[2]), однообразное повтореніе генераломъ слова «конечно» во время разговора о неожиданномъ обманѣ пригласившаго его на обѣдъ Чертокуцкаго и проч. Съ другой стороны только въ печатной редакціи прибавлено поясненіе о томъ, что генералъ имѣлъ обыкновеніе всегда произносить вопросительную частицу («что?»), когда говорилъ съ оберъ-офицеромъ»[3]).

Далѣе обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ противоположность не только остальнымъ помѣщеннымъ въ «Современникѣ» статьямъ и произведеніямъ Гоголя, но и вообще почти всѣмъ созданіямъ его творчества, печатная редакція «Коляски» представляетъ собою не столько сокращеніе, сколько, напротивъ, нѣкоторое *распространеніе* рукописнаго текста. Минуя незначительныя поправки и измѣненія стилистическаго характера (напр. вмѣсто выраженія печатной редакціи: «до того времени *было*» скучно въ городкѣ Б.» — въ первоначальномъ текстѣ: «*бывало*») съ первыхъ же строкъ повѣсти замѣтны передѣлки; напр. вмѣсто: «когда бывало, проѣзжаешь его» (городокъ Б.) «и взглянешь на низенькіе мазанные домики, которые смотрятъ на улицу до невѣроятности кисло» — въ первоначальной редакціи было: «Бывало проѣзжаешь, невольно чувствуешь какую-то невольную тоску. Домики низенькіе, мазанные; (иной) глядитъ на улицу такъ кисло»[4]), послѣ чего въ редакціи, напечатанной въ «Современникѣ», находимъ уже довольно значительную вставку: «невозможно выразить, что дѣлается тогда на сердцѣ: тоска такая, какъ будто бы или проигрался, или отпустилъ некстати какую-нибудь глупость, — однимъ словомъ: нехорошо»[5]). Такое настроеніе при видѣ пошлаго убожества захолустныхъ мѣстечекъ охватывало Гоголя, по его собственному свидѣтельству, съ тѣхъ поръ какъ, по миновaніи ранней юности, стало его «охлажденному взору непріютно» и онъ сталъ уже «рав-

---

[1]) Соч. Пушкина, изд. Литер. Фонда, т. V, стр. 135.

[2]) См. выше, стр. 368 и 377.

[3]) Т. II, стр. 128.

[4]) Ср. т. II, стр. 117 и наст. томъ, стр. 367.

[5]) «Современникъ», 1836, III, и настоящаго изданія, т. II, стр. 117.

нодушно подъѣзжать ко всякой незнакомой деревнѣ и равнодушно глядѣть на ея пошлую наружность»[1]).

Чтобы ближе познакомиться съ пріемами, употребленными Гоголемъ при распространеніи текста повѣсти, обратимъ вниманіе на слѣдующую подробность: передъ началомъ повѣсти, занимающей въ записной тетради полулисты седьмой, восьмой и часть девятаго листа, находимъ внизу страницы слѣдующую собственноручную приписку автора: «да какой-нибудь помѣщикъ въ нанковомъ сюртукѣ тащится вмѣстѣ [съ] своими мѣшками въ какой-[то] полубричкѣ и полуповозкѣ на *инъдой кобылѣ* съ бѣгущимъ лошакомъ»[2]. Слова эти въ рукописномъ текстѣ не приведены въ связь съ остальнымъ изложеніемъ, и потому не включены въ первоначальную редакцію повѣсти; но, на основаніи этой приписки, свидѣтельствующей о внезапно мелькнувшей въ воображеніи автора новой картинѣ, въ печатной редакціи является уже нѣсколько новыхъ предложеній. Гоголь въ ней такъ измѣняетъ конецъ предыдущаго періода: вмѣсто: «*прохожій* слышитъ такое странное хрюканье, съ которымъ никогда не сравнится звукъ, издаваемый городничимъ во время сна послѣобѣденнаго»[3] — въ редакціи, напечатанной въ «Современникѣ» послѣ словъ: «дородными животными», мимоходомъ вставлено: «которыхъ городничій называетъ французами»[4]) и затѣмъ *прохожій* замѣняется *проѣзжающимъ*, при чемъ Гоголь дѣлаетъ уже такое измѣненіе на основаніи выше приведенныхъ наскоро набросанныхъ строкъ: «Выставивъ серьезныя морды изъ своихъ ваннъ, онѣ подымаютъ такое хрюканье, что *проѣзжающему* остается только погонять лошадей поскорѣе. Впрочемъ, проѣзжающаго трудно встрѣтить въ городкѣ Б. Рѣдко, очень рѣдко *какой-нибудь помѣщикъ*, имѣющій одиннадцать душъ крестьянъ, *въ нанковомъ сюртукѣ*, тарабанитъ по мостовой въ *какой-то полубричкѣ* и полутелѣжкѣ, выглядывая изъ-за наваленныхъ мучныхъ *мѣшковъ* и пристегивая *инъдую кобылу*, вслѣдъ за которою бѣжитъ жеребенокъ». (Мы подчеркнули здѣсь слова и выраженія, почти буквально перенесенныя Гоголемъ въ печатный текстъ повѣсти изъ вышеприведенной приписки на свободной страницѣ рукописи; остальныя

---

[1]) Т. III, стр. 108.
[2]) См. т. II, стр. 620.
[3]) Т. II, стр. 117 и выше 367.
[4]) Тамъ же.

также представляютъ весьма замѣтное сходство). Этой новой картиной Гоголь, очевидно, имѣлъ въ виду ярче обрисовать безлюдье и мертвенную заброшенность уѣзднаго городка. Далѣе мы находимъ ясное указаніе на то, что въ данномъ случаѣ Гоголь пользовался впечатлѣніями, вынесенными имъ еще изъ ранняго дѣтства, но получившими впослѣдствіи иную окраску. Вспоминая о своей воспріимчивости къ впечатлѣніямъ внѣшняго міра въ дѣтствѣ, Гоголь, какъ извѣстно, говоритъ, что тогда, ничто не ускользало отъ его свѣжаго, тонкаго вниманія, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, онъ глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и *на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки* вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфетъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ какой губерніи, на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ...» Въ «Коляскѣ» совершенно тотъ же образъ: «посреди площади самыя маленькія лавочки: въ нихъ всегда можно замѣтить связку баранковъ, бабу въ красномъ платкѣ, *пудъ мыла*, нѣсколько фунтовъ горькаго миндалю» и проч. Нельзя не принять въ соображеніе также поразительное сходство изображенія пошлой и прозаической обстановки уѣзднаго городка Б. и такого же изображенія заштатнаго городишка Погара въ началѣ неоконченной повѣсти (см. выше, стр. 449) и, наконецъ, губернскаго города NN въ началѣ перваго тома «Мертвыхъ Душъ». Рисуя сходные предметы, Гоголь въ описаніи ихъ невольно повторялъ буквально сходныя черты даже въ мелочахъ, что̀ показываетъ наглядно, насколько эти черты, по закону ассоціаціи представленій, сливались въ его воображеніи съ самыми изображаемыми предметами. Въ началѣ неоконченной повѣсти, среди безжизненной спячки заштатнаго городка, также единственнымъ возможнымъ нарушеніемъ постоянной тишины предполагается неожиданное появленіе пріѣзжаго дворянина «въ коляскѣ покойной, глубокой, какъ арбузъ, изъ которой смотрятъ *хлѣбъ*, няньки, подушки»[1]). Нѣсколькими строками ниже мы снова встрѣчаемъ художественный штрихъ, повторенный

[1]) См. выше, стр. 449. Ср. описаніе пріѣзда Коробочки въ губернскій городъ NN и описаніе ея экипажа: «арбузъ былъ наполненъ ситцевыми подушками въ видѣ кисетовъ, валиковъ и просто подушекъ» и проч. (см. т. III, стр. 175—176).

въ «Портретѣ» и отчасти въ «Ревизорѣ». Ср. въ «Колескѣ»: «На лобномъ мѣстѣ ужъ, вѣрно, солдатъ усатый мылилъ бороду мужика, который, сидя молчаливо, разсуждалъ объ остротѣ бритвы служиваго». Въ «Портретѣ»: «передъ нимъ» (лакеемъ) «уже, вѣрно, стоитъ въ шинели солдатъ, этотъ кавалеръ толкучаго рынка, продающій два перочинные ножика». (Въ «Ревизорѣ»: «тамъ» (въ лавочкѣ) «тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявитъ, что всякая звѣзда значитъ на небѣ»[1]. Далѣе слѣдующія слова въ «Колескѣ»: «Черезъ улицу офицеръ въ треугольной шляпѣ съ перьями шелъ на квартиру къ другому поговорить о производствѣ, объ отличнѣйшемъ табакѣ» и проч. снова напоминаютъ въ шестой главѣ перваго тома «Мертвыхъ Душъ» признаніе автора, что часто онъ въ дѣтствѣ имѣлъ обыкновеніе уноситься мысленно за шедшимъ пѣхотнымъ офицеромъ и проѣзжавшимъ купцомъ «въ бѣдную жизнь ихъ». Ср. въ «Шинели»)[2]. Такимъ образомъ, впечатлѣнія, глубоко запавшія въ душу поэта еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, постепенно видоизмѣняясь и расширяясь, давали впослѣдствіи обильную пищу его творчеству, и сообщали послѣднему извѣстную окраску. Юмористическій тонъ въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя обусловливался и предрѣшался въ значительной степени уже самымъ характеромъ представленій, жившихъ въ душѣ автора; если впослѣдствіи образовавшіеся такимъ путемъ художественные образы должны были служить уже не одной забавѣ и легкому юмору, то основа ихъ, а часто и самая канва, оставались, по крайней мѣрѣ долго, неизмѣнными; при этомъ, замѣчая иногда невольное сходство въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ штрихахъ своихъ произведеній, Гоголь старался ихъ разнообразить или, случалось, пропускалъ вовсе, или же переносилъ цѣлыя предложенія изъ однихъ произведеній въ другія; такъ, въ данномъ случаѣ указанныя выше слова: «на лобномъ мѣстѣ ужъ, вѣрно, солдатъ» и проч. изъ первоначальнаго текста не внесены въ печатный.

Обращаемся затѣмъ къ послѣдовательному указанію болѣе существенныхъ корректурныхъ измѣненій, сдѣланныхъ Гоголемъ во время приготовленія повѣсти къ печати. Такъ, слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя прибавки, сдѣланныя, очевидно, при корректурѣ ради

---

[1]) Ср. выше, стр. 368, т. II, стр. 80, т. V, стр. 155 и т. II, стр. 216—217.

[2]) Т. II, стр. 90 (размышленія Гоголя о времяпровожденіи чиновниковъ въ свободные отъ службы часы).

усиленія комизма или для того, чтобы внести какую-нибудь новую подробность, напр., послѣ упоминанія о заборѣ, «выкрашенномъ сѣрою краскою» прибавлено: «подъ цвѣтъ грязи»; слово «выстроенъ», сказанное о томъ же заборѣ, замѣнено вносящимъ легкій юмористическій оттѣнокъ словомъ: «воздвигъ»; за поясненіемъ о томъ, что заборъ этотъ былъ выстроенъ городничимъ, когда онъ «не имѣлъ еще обыкновенія спать тотчасъ послѣ обѣда» (вмѣсто выраженія рукописнаго текста: «не имѣлъ обыкновенія играть въ бостонъ и отдыхать послѣ обѣда») слѣдуетъ прибавка: «и пить на ночь какой-то декоктъ, заправленный сухимъ крыжовникомъ». Къ такимъ же корректурнымъ измѣненіямъ и прибавкамъ, несомнѣнно, принадлежала и слѣдующая фраза печатной редакціи, отсутствующая въ рукописномъ текстѣ: «сѣрая шинель» (солдата) «торчала непремѣнно гдѣ-нибудь на воротахъ»; эти слова соотвѣтствуютъ въ рукописномъ текстѣ, нѣсколько дальше, выраженію: «*Посмотришь на ворота какого-нибудь дома:* на дворѣ усы лежатъ *противъ самаго солнца* и грѣются». Слова: «противъ самаго солнца», соотвѣтственно этому измѣненію, перенесены въ одно изъ предшествующихъ предложеній: «деревянный плетень между домами весь былъ усѣянъ *висѣвшими на солнцѣ* солдатскими фуражками» (въ рукописномъ текстѣ: «деревянный плетень былъ весь убранъ солдатскими фуражками»). Выраженіе первоначальнаго текста: «Словомъ, городокъ Б. сдѣлался усатымъ городомъ» переставлено на одно предложеніе впередъ въ слѣдующемъ измѣненномъ видѣ: «усы эти были видны во всѣхъ мѣстахъ». Далѣе, выраженіе рукописнаго текста: «городничаго разсудительнаго человѣка, но спавшаго рѣшительно весь день, начиная отъ обѣда, который былъ въ одиннадцать часовъ утра» — въ «Современникѣ» получило уже такую редакцію: «городничаго, разсудительнаго человѣка, но спавшаго рѣшительно весь день — отъ обѣда до вечера и отъ вечера до обѣда». Выраженіе въ «Современникѣ»: «банчикъ, который уже чрезвычайно темно грезился въ головѣ ихъ» (окружныхъ помѣщиковъ), «захлопотанной посѣвами, женинными порученіями и зайцами» явилось вмѣсто прежняго: «банчикъ, который чрезвычайно уже темно рисовался въ ихъ умѣ, закиданномъ посѣвами и [бѣгней] за зайцами». Затѣмъ сдѣлана корректурная поправка послѣ словъ: «Очень жаль, что не могу припомнить, по какому обстоятельству случилось бригадному генералу давать большой обѣдъ»; въ первоначальной редакціи было нѣсколько иначе: «одинъ разъ случился у генерала обѣдъ, большой

обѣдъ — событіе для уѣзднаго городка». Послѣ этого описаніе въ первоначальной редакціи хозяйственныхъ хлопотъ, предшествовавшихъ обѣду: «два солдата съ страшными усами гонялись цѣлое утро за двумя избѣжавшими цыпленками. Поваръ бѣгалъ взадъ и впередъ по небольшому двору, въ которомъ была помѣщена квартира генерала» измѣнено такимъ образомъ: «заготовленіе къ обѣду было сдѣлано огромное; стукъ поварскихъ ножей на генеральской кухнѣ былъ слышенъ еще близъ городской заставы»; а послѣ словъ: «весь рынокъ былъ забратъ на генеральскую кухню» вмѣсто словъ первоначальной редакціи: «и два солдата гонялись цѣлое утро за двумя избѣжавшими цыпленками» — въ печатномъ текстѣ послѣднія слова замѣнены слѣдующими: «такъ что судья съ своею дьяконицею долженъ былъ ѣсть однѣ только лепешки изъ гречневой муки да крахмальный кисель». Затѣмъ пропущено неправильное выраженіе первоначальнаго текста: «его видали во многихъ собраніяхъ, раскиданныхъ по всей безконечной Руси». Выраженіе: «*онъ бы, можетъ быть, и болѣе былъ бы* извѣстенъ, если бы не вышелъ въ отставку по одному случаю, который обыкновенно называютъ «непріятной исторіей» — въ печатномъ текстѣ измѣнено такъ: «Весьма можетъ быть, что онъ и распустилъ бы и въ прочихъ губерніяхъ выгодную для себя славу, если бы»... Послѣ перечисленія экипажей, въ которыхъ съѣзжались на ярмарки помѣщики, въ печатной редакціи прибавлена еще фраза: «какія и во снѣ никому не снились»; вмѣсто: «узнавши, гдѣ стоитъ кавалерійскій полкъ»: — «онъ пронюхивалъ носомъ» и проч. Замѣтимъ кстати, что послѣднее выраженіе нѣсколько напоминаетъ такое же о Ноздревѣ: «чуткій носъ его слышалъ за нѣсколько десятковъ верстъ»[1]). Затѣмъ опущено выраженіе: «Словомъ, онъ испытывалъ во всей силѣ непостоянства колеса фортуны». Затѣмъ, какъ сказано выше, все мѣсто, начиная отъ словъ: «въ прошлые выборы далъ онъ дворянству прекрасный обѣдъ» до: «вотъ ее можно теперь посмотрѣть» сильно измѣнено; частныя же измѣненія здѣсь слѣдующія; вмѣсто: «вообще велъ себя солидно» въ печатной редакціи: «вообще велъ себя по-барски, какъ выражаются въ уѣздахъ и губерніяхъ»; при перечисленіи предметовъ и вещей, на которыя былъ издержанъ капиталъ Чертокуцкаго, пропущены слова: «на коляску, карету, пару чрезвычайно рѣдкихъ собакъ»; затѣмъ пропущено: «Однимъ

[1]) См. т. III, стр. 67.

словомъ, онъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ помѣщиковъ, къ которымъ мелкопомѣстные подступаютъ робко и всегда почтительно кланяются, а имѣющіе большія помѣстья и служившіе за Екатерину поглядываютъ отчасти сардонически». Пропущено дальше и замѣчаніе двухъ помѣщиковъ объ эполетахъ офицеровъ. Послѣ словъ: «говорилъ онъ» (генералъ) пропущено: «какъ говорятъ всѣ генералы». Послѣ перечисленія кушаній пропущено: «вина было тоже вдоволь». Вмѣсто: «однимъ словомъ, все доказывало, что поваръ еще со вчерашняго вечера не бралъ въ ротъ хмельнаго» — въ печатномъ текстѣ: «поваръ еще со вчерашняго дня не бралъ въ ротъ горячаго». Выраженіе: «уютный широкій фракъ» замѣнено выраженіемъ: «укладистый фракъ». Потомъ пропущено выраженіе: «все споспѣшествовало (и отвѣчало одно другому) и не мѣшало всеобщему разговору, который былъ довольно шуменъ и шелъ объ разныхъ исторіяхъ, о которыхъ, право, никакъ нельзя вспомнить послѣ обѣда» и дальше: «у генерала, полковника и даже маіора мундиры были вовсе разстегнуты, такъ что видны были слегка благородныя подтяжки изъ шелковой матеріи; но господа офицеры, сохраняя должное уваженіе, пребыли застегнутыми, выключая трехъ послѣднихъ пуговицъ». Далѣе въ выраженіи: «Показался» (другой солдатъ) «въ бѣломъ балахонѣ съ черными окунутыми въ ваксу усами» пропущено: «окунутыми въ ваксу». Въ словахъ Кропушкина вмѣсто: «манера превосходная» въ печатной редакціи: «статистая лошадь!» и затѣмъ вопросъ: «сколько ей лѣтъ?», замѣняется другимъ: «какъ она ходитъ?» и, соотвѣтственно этому, измѣнены слѣдующія строки. Остальныя измѣненія незначительны: въ печатной редакціи пропущено: «уже толстый дворецкій французъ объѣлся, какъ порядочная бочка, и шелъ, покачиваясь, черезъ дворъ съ ключами въ рукахъ.» Послѣ словъ: «неужели это къ намъ?» подумала хозяйка. «Ахъ, Боже!» — пропущено: «Въ самомъ дѣлѣ къ намъ!» Послѣ словъ: «душенька, вставай» сказала она ему дергая его за руку,» пропущено: «Въ отвѣтъ на это Крапушкинъ, не открывая глазъ, пробормоталъ какую-то безсмыслицу несвязную.» Съ другой стороны, въ печатномъ текстѣ послѣ вопроса Чертокуцкаго: «Гости? какіе гости?» прибавлено: «сказавши это, онъ испустилъ небольшое мычаніе, какое издаетъ теленокъ, когда ищетъ мордою сосцовъ своей матери;» потомъ о Чертокуцкомъ прибавлено также, что онъ, *вытаращивъ глаза,* минуту лежалъ на постели. Значительно распространено все мѣсто, гдѣ описывается,

какъ Чертокуцкій спрятался въ коляску. Въ концѣ послѣ словъ: «господамъ офицерамъ предсталъ Чертокуцкій, сидящій въ халатѣ» прибавлено: «и согнувшійся необыкновеннымъ образомъ.»

Въ варіантахъ мы вездѣ обозначаемъ «Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности» за 1891 г. буквами: СОЛРС.

Стр. 367. [1] Предлогъ *до* въ рукописи пропущенъ. [2] СОЛРС: «низенькія мазанки». [3] Слово: «иной» въ рукописи зачеркнуто. [4] Въ рукописи: «очертанны»; также СОЛРС. [5] Передъ этимъ зачеркнуто: «улицу». [6] Прежде было: «или въ $1^1/_2$ аршина грязи». [7] Передъ словомъ *при* стоитъ не дописанное зачеркнутое слово: «въ одн...» (въ одномъ?). [8] Зачеркнуто: «толстыми». [9] Прежде было: «съ которымъ никогда бы не сравнилось (sic) звукъ, который бы издали если...» [10] Зачеркнуто: «не игралъ въ босто(нъ)». [11] Послѣ этого стояло: «По срединѣ площади маленькія ла(вочки)...»

Стр. 368. [1] Въ СОЛРС въ предыдущей фразѣ пропущено довольно неразборчивое слово: «брелъ» и вмѣсто: «треугольный» — стоитъ: «трехъугольный». [2] Зачеркнуто: «и загнуть». [3] Зачеркнуто: «и разныхъ сортовъ нитки, какихъ...» Немного выше, передъ словомъ: *солдатъ* стояло зачеркнутое: «*такіе*». [4] Слово довольно неразборчиво. [5] Прежде было: «брилъ мужика, который...» [6] Въ рукописи: «еще болѣе сдѣлалось занимательнѣе». [7] Слово *до* въ рукописи пропущено. [8] Въ СОЛРС послѣ этого слова стоитъ отсутствующее въ рукописи слово: «занятомъ». [9] Прежде было: «постройками и бѣгнею» (Написано «бегнею» [sic]). Слово: «бегнею» въ рукописи зачеркнуто. [10] Такъ въ рукописи.

Стр. 369. [1] Прежде было: «одинъ довольно». [2] Въ рукописи это слово написано неразборчиво: «пріѣхалъ» или «пріѣзжалъ (безъ буквы *ж*). Въ СОЛРС стоитъ: «пріѣзжалъ». Согласно этому чтенію, и мы удерживаемъ ту же форму. [3] Зачеркнуто: «который». [4] Зачеркнуто недописанное слово: «уѣзд(ныхъ)». [5] Прежде было: «ничего не знаю». Въ СОЛРС въ этомъ предложеніи пропущено: «и». [6] Въ рукописи стоитъ: «елку приказал(и)»; затѣмъ слово: «приказали» зачеркнуто и приписано далѣе: «попросили». [7] Слово въ концѣ строки написано неразборчиво. [8] Слово: «высокою» написано сверху незачеркнутаго: «короткою». [9] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [10] Зачеркнуто недописанное слово: «прид(анаго)». [11] Въ рукописи: «капиталъ». [12] Слово написано не совсѣмъ разборчиво. [13] Слова: «вышолоченныя ручки къ дверямъ» приписаны сверху строки.

Стр. 370. [1] Слова: «изъ рыбъ» приписаны сверху. [2] Въ рукописи: «фрикасѣи (sic) и желѣи (sic).» [3] Слово: *кто* въ рукописи пропущено. [4] Въ СОЛРС: «долгошейный»; но въ рукописи: «длинношейный». Притомъ послѣднее слово вообще встрѣчается въ сочиненіяхъ Гоголя; напр. «длинношейный гусь» (См. настоящаго изданія т. 1, стр. 123—124). [5] Прежде было: «помѣщико(въ)». [6] Помогало.

Стр. 371. [1] Слово: «еще» опущено въ СОЛРС. [2] Зачеркнуто: «куплена». [3] Зачеркнуто: «а учить ее...» «А объѣзживать изволили здѣсь уже, или?...» [4] Зачеркнуто: «здѣсь». [5] Зачеркнуто: «какъ вакса». [6] Прежде было: «дро-

жавшую». [7] Зачеркнуто: «солдата». [8] Слово *съ* въ рукописи пропущено. [9] Прежде было просто: «полковникъ». [10] Слова: «пощупалъ хвостъ» надписаны сверху строки. [11] Лицо это называется въ рукописи различно: «Кропотовъ», «Храпушкинъ», «Крапушкинъ», «Крапунъ», и проч. Вообще у Гоголя фамиліи дѣйствующихъ лицъ въ черновыхъ рукописяхъ часто бываютъ не установлены. Передъ словомъ *Храпушкинъ* въ рукописи зачеркнуто: «солдатъ». [12] Послѣ этихъ словъ въ рукописи зачеркнуто: «У ней два зуба недавно прорѣзались, да притомъ она ихъ простудила...»

Стр. 372. [1] Передъ этимъ словомъ зачеркнуто: «экипажей». [2] Слово: «достать» въ концѣ строки не дописано. [3] Зачеркнуто: «для». [4] Слово: *на* въ рукописи пропущено. [5] Прежде было: «подушка, какъ пуховикъ; кажется, потонешь въ нихъ...» [6] Слова: «кожанный сзади» написаны довольно неразборчиво сверху строки. [7] Передъ словами: «я служилъ» въ рукописи стоитъ еще зачеркнутое: «какъ». [8] Слово: «одинъ» приписано сверху. [9] Слова: «старый другъ» написаны сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «купилъ ее въ Вѣнѣ». [10] Предлогъ *у* въ рукописи пропущенъ. [11] Выигралъ.

Стр. 373. [1] Прежде было: «губи». [2] Передъ словомъ: «полковникъ» зачеркнуто на ходу письма слово: «офи(церы)». [3] Зачеркнуто какое-то не дописанное слово: «я остав...». [4] СОЛРС: «сидѣть»; но въ рукописи ясно: «отдихать». [5] Въ рукописи: «поразсѣли». [6] Въ СОЛРС это слово, вѣроятно, по ошибкѣ пропущено.

Стр. 374. [1] Рюмкахъ. [2] Предлогъ *на* въ рукописи пропущенъ. [3] Слова: «въ глаза». въ рукописи пропущены. [4] Слово: «пиръ» написано не совсѣмъ разборчиво. [5] Слово: «усахъ» въ рукописи пропущено. [6] Слово: «два» переправлено изъ «три». [7] Прежде было: «и больше ничего». [8] Зачеркнуто: «открыла». [9] Въ рукописи вмѣсто *раза* стоитъ: «ива». [10] Зачеркнуто: «Крапушкинъ (sic) грянулся на кровать».

Стр. 375. [1] Прежде было: «мужъ». [2] Подсѣла. [3] Послѣ слова: «туалету» зачеркнуты слова: «на это». [4] Прежде было: «напла». [5] Зачеркнуто: «лишнихъ». [6] Слово неразборчивое; кажется: «въ рукахъ». Также СОЛРС (см. стр. 48). [7] Слова: «крѣпостнымъ свиньямъ» приписаны очень неразборчиво и пропущены въ СОЛРС. [8] Зачеркнуто: «на откр(итомъ)...» [9] Въ рукописи: «показывавшая». [10] Въ рукописи: «какіе». [11] Въ рукописи описка: «дружки». [12] Въ рукописи: «въ которыхъ». [13] Въ рукописи неразборчиво написано начало этого слова, какъ будто: «не владѣлъ»; можетъ быть: «овладѣлъ». Мы удерживаемъ чтеніе, принятое Н. С. Тихонравовымъ (см. СОЛРС. 1891, стр. 64). Такое же чтеніе во всѣхъ другихъ печатныхъ текстахъ.

Стр. 376. [1] Зачеркнуто: «ѣхали»; слово: «рисовались» приписано сверху. Зачеркнуто: «мой». [2] Въ рукописи: «безсмыслицу несвязную» съ цифрами наверху, показывающими, что слова эти должны быть переставлены. [3] Нѣсколько словъ неразобрано: «вставай: не рано: LZ» Буквы эль и зетъ не были ли какія-нибудь условныя обозначенія пропущенныхъ словъ?? [4] Въ концѣ строки не дописано. [5] Зачеркнуто: «они ужъ на мосту». [6] Эти слова неясно написаны и послѣднее не дописано; послѣ этого зачеркнуто: «вѣдь я заказалъ обѣдъ». [7] Не дописано послѣднее слово. [8] Зачеркнуто: «вовсе». [9] Эти слова написаны сверху зачеркнутыхъ: «гдѣ они?» [10] Къ овину, послѣ слова: «мельница» стоитъ зачеркнутое: «ты». [11] «Меня».

Стр. 377. [1] Слово неразборчивое и, кажется, не дописанное (въ концѣ строки). Н. С. Тихонравовъ въ СОЛРС. читаетъ по предположенію: «снскать», обозначая неразборчивость слова условными скобками; намъ кажется, что это неразборчивое слово не «снскать», а «найти», но рѣшить это трудно. Вмѣсто «шельмовство» въ рукописи описка: «шеновольство» (см. СОЛРС, 1891, 65, примѣч.). [2] Это слово приписано сверху. [3] Въ рукописи: «подъ саблей». Ср. СОЛРС. стр. 65, 3 примѣч. [4] Слова, заключенныя въ скобки, приписаны сверху строки. [5] Въ рукописи: «рисовавшія ихъ» (ср. СОЛРС. стр. 65, примѣч. 4). [6] Зачеркнуто: «врадъ». [7] Въ рукописи странная описка: «гововo» (sic).

Стр. 378. [1] Не дописано: «колиск(и)». [2] Послѣ слова «прибавилъ» зачеркнуто: «молодой». [3] Зачеркнуто: «всего».

Сганарель, или мужъ, думающій, что онъ обманутъ женою. (Стр. 378—379.)

Въ полномъ собраніи сочиненій Гоголя, безъ сомнѣнія, должны найти мѣсто также двѣ переводныя пьесы, въ окончательной редакціи которыхъ нашъ писатель принималъ довольно дѣятельное непосредственное участіе. Одна изъ этихъ пьесъ: «Дядька въ затруднительномъ положеніи» Джіованни Жи́ро — «L'ajo nell' imbarazzo» — напечатана во второмъ томѣ настоящаго изданія (въ приложеніи, стр. 527—564), другая, напечатанная въ настоящемъ томѣ, — комедія Мольера «Сганарель» («Sganarel, ou le cocu imaginaire»). Переводъ обѣихъ пьесъ былъ сдѣланъ Гоголемъ для Щепкина, котораго, при всемъ расположеніи къ своему другу и самомъ искреннемъ и горячемъ желаніи исполнить его неоднократныя настойчивыя просьбы о новыхъ пьесахъ, Гоголь слишкомъ часто оставлялъ неудовлетвореннымъ въ его ожиданіяхъ. Надежды Щепкина на оживленіе комедіями Гоголя современнаго ему безжизненнаго театральнаго репертуара начались съ тѣхъ поръ, какъ онъ слышалъ въ чтеніи самого автора первоначальные наброски «Жениховъ». До чего онъ былъ обрадованъ извѣстіемъ о предполагаемой постановкѣ на сцену «Ревизора», мы узнаемъ изъ письма его къ артисту И. И. Сосницкому отъ 28-го апрѣля 1836 года [1]). Вскорѣ Гоголь въ одномъ изъ писемъ обѣщалъ Щепкину пріѣхать въ Москву прочесть ему и другимъ актерамъ пьесу передъ постановкой ея на московской сценѣ, но потомъ намѣреніе это было оставлено [2]).

---

[1]) См. «Записки и письма» М. С. Щепкина, стр. 179—181.

[2]) См. Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 252 и 254; «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. III, стр. 461—464.

Съ тѣхъ поръ Гоголь постоянно оставался должникомъ Щепкина въ отношеніи обѣщанныхъ пьесъ, и это его сильно безпокоило. Такъ какъ исполненіе сдѣланныхъ обѣщаній сильно затягивалось, то Гоголь во время пріѣзда своего въ Россію въ 1839—1840 г. бился даже съ Щепкинымъ, *для успокоенія послѣдняго*, объ закладѣ, повидимому, о томъ, что отдастъ ему свои пьесы для бенефиса, когда онѣ будутъ готовы, и что, въ виду непріятнаго для Щепкина промедленія, приготовитъ еще раньше что-нибудь, хотя бы переводное, для его бенефиса. «Ну, Михаилъ Семеновичъ, любезнѣйшій моему сердцу!» писалъ ему Гоголь въ 1840 г.: «половина заклада выиграна: комедія готова!»[1]) Нѣсколько позднѣйшее письмо Гоголя къ Щепкину показываетъ ясно, какъ этотъ симпатичный и геніальный артистъ, внѣ себя отъ нетерпѣнія, иногда былъ не прочь даже немного поторопить Гоголя. Конечно, при личныхъ свиданіяхъ онъ дѣйствовалъ еще энергичнѣе, а Гоголь, не любившій вообще настойчивой притязательности, охотно прощалъ ее своему дорогому земляку за его талантъ и горячую преданность искусству.

Пьеса, по сохранившимся указаніямъ, переведена была въ 1839 г., а на сцену поставлена въ началѣ 1840 г. Въ № 10-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» 1840 года находимъ слѣдующую афишу спектакля (выписываемъ относящееся къ пьесѣ «Сганарель»):

«Въ Большомъ Театрѣ, въ пятницу, 9 Февраля, Императорскими русскими актерами представлено будетъ въ пользу актера г. Щепкина: «Сганарель, или мужъ думающій, что онъ обманутъ женой». Комедія въ одномъ дѣйствіи. Соч. Мольера. Переводъ съ французскаго.

Въ оной комедіи будутъ играть роли:

Жены Сганареля	дѣвица Щепкина 1-я.
Целіи	дѣвица Щепкина 2-я.

Дѣйствующіе:

Горгибусъ, мѣщанинъ	г. Потанчиковъ.
Целія, дочь его	дѣвица Щепкина 2-я.
Лелій, влюбленный въ Целію	г. Ленскій.
Гро-Рене, слуга Лелія	г. В. Степановъ.
Сганарель, мѣщанинъ	г. Щепкинъ.
Жена его	дѣвица Щепкина 1-я.
Виллебрекенъ, отецъ Валерія. . . .	г. Ѳ. Сахаровъ.
Горничная Целіи	г-жа Степанова.
Родственникъ жены Сганареля . . .	г. Максинъ 2-й».

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 410.

Первоначально переводъ комедіи «Сганарель» сдѣланъ былъ друзьями Щепкина, но Гоголь взялся исправить этотъ переводъ и передѣлалъ почти каждую фразу. [1]) Переводъ былъ обработанъ Гоголемъ въ концѣ 1839 года. Къ сожалѣнію, во всей перепискѣ Гоголя мы не находимъ никакихъ намековъ или указаній на этотъ переводъ, что̀ и понятно, въ виду того, что переводъ относится ко времени жизни Гоголя въ Москвѣ, когда въ перепискѣ его съ Щепкинымъ произошелъ естественный перерывъ.

Переводъ въ общемъ представляетъ слѣдующія особенности: онъ далеко не отличается точностью и иногда даже весьма не вѣренъ, но вездѣ замѣтно стремленіе пользоваться чисто русскими выраженіями; кромѣ того, во многихъ случаяхъ замѣчается сокращеніе подлинника (опускаются выраженія близкія по смыслу къ предыдущимъ стихамъ, нѣкоторыя фразы, не имѣющія существеннаго значенія, но, по нѣсколько своеобразнымъ выраженіямъ, представляющія затрудненія при переводѣ; допускаются пропуски одного или нѣсколькихъ стиховъ, и изрѣдка даже вставляются отъ переводчиковъ одна или двѣ фразы).

Піеса: «Сганарель, или мужъ думающій, что онъ обманутъ женою» впервые была напечатана съ копіи, принадлежащей Московскому Малому театру, Н. С. Тихонравовымъ въ «Царѣ-Колоколѣ», въ 1892 г. (т. III, стр. 33 — 60), откуда и перепечатывается въ настоящемъ изданіи.

На заглавномъ листѣ рукописи Малаго театра обозначенъ 1841 годъ и выставленъ № 76; затѣмъ слѣдуетъ заглавіе піесы: «Сганарель, или мужъ думающій, что онъ обманутъ женою.» Комедія въ одномъ дѣйствіи. Соч. Мольера. Переводъ съ французскаго. Изъ Библіотеки Императорскаго Московскаго Театра. (Суфлеру)».

На слѣдующей страницѣ приведенъ перечень дѣйствующихъ лицъ съ обозначеніемъ (карандашомъ) фамилій исполнителей каждой роли на сценѣ Московскаго Малаго театра въ началѣ сороковыхъ годовъ, именно:

Горгибусъ, мѣщанинъ. .	Дмитр..... Потанчиковъ.
Целія, дочь его. . . .	дѣв. Щепкина 2. Левина. Сабурова 2.
Лелій, влюбленный въ Целію.	Алекс. 3. Ленскій.
Гро-Рене, слуга Лелія. .	Владиміровъ. В. Степановъ.

[1]) См. «Русскій Вѣстникъ», 1872, кн. 8-я, стр. 75—76. Ср. статью А. Н. Аѳанасьева: «М. С. Щепкинъ и его записки», («Библіотека для чтенія», 1864 г., № 2, стр. 9).

Сганарель, мѣщанинъ. . .	Садовскій. Щепкинъ.
Жена его.	Щепкина 1. Медвѣдева. Панова.
Виллебрекенъ, отецъ Валерія	Милл. Ѳ. Сахаровъ.
Родственникъ жены Сганареля	Никит. Максинъ.

Въ театральной рукописи впослѣдствіи, по сценическимъ соображеніямъ, были допущены незначительныя передѣлки и сокращенія, сдѣланныя карандашомъ; хотя онѣ, по всей вѣроятности, не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія собственно къ Гоголевскому тексту, но приводятся ниже въ виду нѣкоторой, хотя и незначительной и, вѣроятно, случайной, разницы между театральной копіей и текстомъ пьесы въ «Царѣ-Колоколѣ.» Такъ есть даже одно лишнее предложеніе противъ текста въ «Царѣ-Колоколѣ.» Чтобы наши объясненія по этому поводу не имѣли характера произвольныхъ личныхъ соображеній, мы сочли не лишнимъ указать и всѣ другія измѣненія въ театральной копіи, сопровождая эти указанія каждый разъ точнымъ обозначеніемъ того, были ли отмѣчаемыя измѣненія сдѣланы въ послѣдней, при первоначальномъ снятіи копіи, (при чемъ нѣкоторыя поправки дѣлались, повидимому, на ходу письма), — въ качествѣ любопытныхъ данныхъ о томъ, какимъ образомъ пользовалась дирекція театра при исполненіи піесы переводомъ, сдѣланнымъ подъ редакціей Гоголя. Въ бумагахъ Н. С. Тихонравова найдена копія съ этой рукописи, съ которой и печаталась комедія въ «Царѣ-Колоколѣ», разумѣется съ полнымъ сохраненіемъ первоначальнаго текста; на обложкѣ этой копіи воспроизведено приведенное выше заглавіе рукописи Московскаго Малаго театра и выставленъ тотъ же № и годъ.

Въ варіантахъ эта рукопись обозначается буквами Т. Р. Редакцію, напечатанную Н. С. Тихонравовымъ въ «Царѣ-Колоколѣ», обозначаемъ буквами Ц. К.

Стр. 379. [1] При переводѣ пропущены слова: «et son père la suivant». [2] Въ подлинникѣ: «Et, par sottes raisons, votre jeune cervelle voudrait régler ici la raison paternelle? Qui de nous deux à l'autre a droit de faire loi? A votre avis, qui mieux, ou de vous, ou de moi, o sotte! peut juger ce qui vous est utile?» Въ переводѣ все приведенное мѣсто значительно сокращено. Въ Т. Р. послѣднее предложеніе: «Глупая, неужели ты лучше меня знаешь?» и пр. впослѣдствіи зачеркнуто. [3] «Sans beaucoup de longueur» перенесено въ слѣдующую фразу. [4] Въ подлинникѣ здѣсь еще: «votre plus court sera». [5] Этого обращенія въ подлинникѣ нѣтъ. [6] Переводъ не совсѣмъ точенъ; въ подлинникѣ это мѣсто читается такъ: «Informé du grand bien qui lui tombe en

partage, dois-je prendre le soin d'en savoir davantage?» [7] Въ Т. Р. слова: «ручаюсь, что,...» впослѣдствіи зачеркнуты карандашомъ. [8] Въ подлинникѣ: «Très-honnête homme».

Стр. 380. [1] «Клелія» — романъ г-жи Скюдери. [2] Въ Т. Р. зачеркнуты слова: «Нѣтъ, сударыня, въ огонь, въ огонь всѣ эти вредныя книги, которыя съ каждымъ днемъ развращаютъ больше и больше умовъ». [3] Въ Т. Р. ошибка: «Поброка». [4] Слова: «четверостишія Поброка да ученыя таблицы совѣтника Матье» въ Т. Р. зачеркнуты. [5] Въ Т. Р. слово: «эти» зачеркнуто и вмѣсто него приписано сверху строки: «какія-нибудь». [6] Въ Т. Р. послѣ слова: «сочиненія» вставлено: «ихъ» и затѣмъ зачеркнуты слова: «стоитъ выучить наизусть» и далѣе, кончая словами: «какъ должно жить». [7] Въ Т. Р. зачеркнуто и сверху написано: «книгами». [8] Въ подлинникѣ: «vous prétendez». [9] Вся фраза сокращена; въ подлинникѣ: «Quoi! vous prétendez donc, mon père, que j'oublie la constante amitié que je dois à Lélie»? [5] Въ подлинникѣ соотвѣтствующаго слова нѣтъ. [10] Въ подлинникѣ: «Lui fût-elle engagée encore davantage...» [11] Въ подлинникѣ: «une triste affaire». [12] Не совсѣмъ точный переводъ; въ подлинникѣ стоитъ: «plus que l'on ne le croit, ce nom d'époux engage». [13] Въ переводѣ это мѣсто передано сокращенно; въ подлинникѣ: «Trêve donc, je vous prie, à vos impertinences. Que je n'entende plus vos sottes doléances». [14] Въ подлинникѣ: «Manquez un peu, manquez à le bien recevoir: si je ne vous lui vois faire fort-bon visage, je vous...» [15] Въ переводѣ это мѣсто сокращено; въ подлинникѣ: «Quoi! refuser, madame, avec cette rigueur, ce que tant d'autres gens voudraient de tout leur coeur! A des offres d'hymen répondre par des larmes». [16] Оставленъ безъ перевода стихъ: «Ce ne serait pas moi qui se ferait prier».

Стр. 381. [1] Оставлено безъ перевода: «nous discourant des choses de la terre». [2] Въ Т. Р. измѣненъ порядокъ словъ: «рѣшительно ничего не значитъ, когда отдѣлится отъ него». [3] Оставлены безъ перевода слова: «je l'éprouve en moi, ma très-chère maîtresse». [4] Въ подлинникѣ: «J'avais, lui vivant, le teint d'un chérubin». [5] Въ Ц. К.: «чихнешь»; Т. Р.: «чихнешь»; но затѣмъ основательно исправлено: «чихнетъ». [6] Въ переводѣ сокращено; въ подлинникѣ читаемъ: «Ils jurent à mon coeur d'éternelles ardeurs; je veux croire, après tout, qu'ils ne sont pas menteurs».

Стр. 382. [1] Соотвѣтствующаго выраженія въ подлинникѣ нѣтъ. Вообще слова Сганареля переведены здѣсь весьма неточно. Нѣтъ также въ подлинникѣ ремарки: «нагибается щекой къ губамъ ея». Съ другой стороны оставленъ безъ перевода стихъ: «Approchons-nous pour voir si sa bouche respire». [2] Оставлено безъ перевода: «Mais je m'en vais descendre». [3] Неточный переводъ словъ: «Il la porte chez elle avec un homme que la suivante amène». [4] Здѣсь сильное сокращеніе подлинника: четыре стиха переданы двумя предложеніями. [5] Въ Т. Р. слова: «цѣломудренную страсть» зачеркнуты и вмѣсто нихъ поставлено сверху: «любовь»; также въ рукописной копіи Н. С. Тихонравова—вмѣсто: страсть: «любовь», но въ Ц.-К., согласно первоначальному тексту, возстановлено: «цѣломудренную страсть». Мы также сохраняемъ послѣднее чтеніе — въ виду того, что поправка въ Т. Р. во всякомъ случаѣ была сдѣлана не Гоголемъ. [6] Оставленъ безъ перевода стихъ: «Et nourrit leurs plaisirs par le jeûne des nôtres» [7] Въ Т. Р. послѣ словъ: «таковы-то всѣ мужья» позднѣе текстъ былъ измѣненъ такъ:

«имъ какъ разъ надоѣдаетъ законное». Послѣднее слово стоитъ вмѣсто слова первоначальнаго текста: «позволенное», и затѣмъ зачеркнуто: «они скоро относятъ въ другое мѣсто то, что̀ должно бы оставлять дома». [8] Эта фраза прибавлена противъ подлинника. [9] Очень неточный переводъ словъ: «Cela serait commode; et j'en sais telle ici qui, comme moi, ma foi, le voudrait bien aussi». [10] Сокращенный переводъ словъ: «Mais quel est ce bijou que le sort me présente?» [11] «Медальонъ» здѣсь: «la gravure charmante».

Стр. 383. [1] Оставлено безъ перевода: «D'un fort vilain sourçon, je me sens l'âme émue». Въ Т. Р. впослѣдствіи въ этой фразѣ былъ измѣненъ порядокъ словъ: «Тутъ я не вижу ничего хорошаго для моей чести». [2] Оставленъ безъ перевода стихъ: «Le travail plus que l'or s'en doit encore priser». [3] Пропущено: «въ сторону»; въ подлинникѣ: «à part». [4] Въ подлинникѣ: «Ah, j'en tiens!». Это мѣсто въ подлинникѣ, вѣроятно, было не совсѣмъ понятно переводчикамъ, такъ какъ выраженіе: «Ah, j'en tiens!» имѣетъ смыслъ равносильный съ выраженіемъ: «je suis sou», т.-е. «я держу» или «имѣю» — подразумѣвается: рога. Въ Т. Р. слово: «варварка» было впослѣдствіи зачеркнуто и замѣнено словомъ: «злодѣйка». [5] Въ подлинникѣ: «продолжаетъ» — «poursuit». [6] Въ подлинникѣ: «homme ainsi fait». [7] Не переведенъ стихъ: «Et que s'il en contait avec attention». Слова: «такъ непреодолимо» въ Т. Р. впослѣдствіи были зачеркнуты. [8] Въ Т. Р. выраженіе: «попались въ злоумышленіи на мою личность» измѣнено: «попались въ злоумышленіи на мою честь». [9] Въ подлинникѣ: «Ô ma trop digne femme». [10] Въ подлинникѣ: «Monsieur, tout bien compté, ne vaut pas bien madame»?. Послѣ этого въ Т. Р. зачеркнуто нѣсколько строкъ до словъ: «(А) этотъ, напримѣръ, станъ...» [11] Неточный переводъ стиха: «pour qui mille beautés soupirent nuit et jour»; послѣ этого въ Т. Р. зачеркнуто до словъ: «волчій аппетитъ» и потомъ продолжается такъ: «А вамъ мало мужа...». [12] Въ подлинникѣ фраза докончена: «Un bon certificat du mal dont je me plains». [13] Въ подлинникѣ: «*тебѣ*» («je songe *à te* rompre le cou»). Слѣдовало бы обратить вниманіе на этотъ оттѣнокъ: Сганарель всюду въ обращеніи къ женѣ употребляетъ множественное число, тогда какъ въ данномъ случаѣ онъ пользуется единственнымъ. Въ Т. Р. здѣсь слово: «Вамъ» совершенно произвольно, вѣроятно, по невѣрной догадкѣ, основанной на связи съ послѣдующей фразой, замѣнено: «ему». [14] Оставлено безъ перевода: «Doux objet de mes voeux». [15] Въ подлинникѣ: «J'ai grand tort de crier» Въ Т. Р. эта фраза зачеркнута. [16] Сильно сокращенный переводъ стиховъ: «Le voilà, le beau fils, le mignon de couchette, le malheureux tison de ta flamme secrète, le drôle avec lequel...».

Стр. 384. [1] Въ Т. Р. зачеркнуто: «а я между тѣмъ». [2] Пропущена брань: «madame la carogne». [3] Въ Т. Р. послѣдняя фраза, начиная отъ словъ: «отнынѣ Сганарель», зачеркнута. [4] Въ Т. Р. слова: «а тебѣ я» впослѣдствіи зачеркнуты. [5] Въ подлинникѣ повторены тѣ же слова: «Et quels diables de tours?» [6] Въ Т. Р: «Э, нѣтъ пустое!». Въ Ц. К: «э, нѣтъ постой». Въ подлинникѣ: «Oui, tu crois m'échapper». Послѣдній изъ двухъ приведенныхъ выше переводовъ точнѣе; въ виду этого, но особенно въ виду возможной ошибки при перепискѣ въ театральной копіи, сохраняемъ чтеніе Н. С. Тихонравова (см. «Царь-Колоколъ» 1892, III, 42). [7] Въ подлинникѣ ремарка стоитъ *передъ* словами Сганареля. [8] Въ подлинникѣ: «pour ne

pas succomber à de pareils efforts?». [9] Въ подлинникѣ не переведено: «avec vos longues traites», и вообще все это мѣсто переведено весьма неточно.

Стр. 385. [1] Не переведено: «Ce grand empressement n'est point digne de blâme». [2] Этой фразы въ подлинникѣ нѣтъ. [3] Начиная со словъ: «ей Богу», неточный переводъ стиховъ: «Et votre coeur, sans doute, en deviendrait plus fort pour pouvoir résister aux attaques du sort». [4] Въ подлинникѣ: «Les plus grands revers n'en viendraient pas à bout». [5] Оставлено безъ перевода: «bourrez — vous, et sans réserve aucune, contre les coups que peut vous porter la fortune». [6] Въ подлинникѣ только: «я теперь не въ состояніи ѣсть» («je ne saurais manger»). [7] Въ подлинникѣ этого восклицанія нѣтъ. [8] Совершенно неточный и произвольный переводъ; въ подлинникѣ: «et de l' inquiétude de voir qu' un sot amour fait toute votre étude». [9] Неточный переводъ словъ: «Laisse-moi m' informer de l' objet de mes voeux». [10] Эта ремарка въ подлинникѣ отсутствуетъ. [11] Весь монологъ Лелія переведенъ неточно.

Стр. 386. [1] Пропущена ремарка: «въ сторону» («à part»). [2] Тоже. [3] Въ подлинникѣ: «Cet homme est curieux». [4] Пропущена ремарка: «à part, s'éloignant encore». [5] Въ подлинникѣ: «Mais je m'avise ici»; затѣмъ слѣдуетъ неточный переводъ словъ: «Que me veut-il conter?» [6] Въ переводѣ сокращено: «Ah! ma foi, me voilà de son trouble éclairci! Sa surprise à présent n'étonne plus mon âme». [7] Въ переводѣ сокращено: «Et ce n' est pas un fait qui soit secret pour nous que les douces ardeurs de la dame et de vous». — Слѣдующія строки въ Т. Р. впослѣдствіи зачеркнуты до словъ: («Но) прошу васъ вспомнить: священныя узы брака...» При этой передѣлкѣ прибавленъ союзъ: «но» и послѣ «вспомнить» опущено: «что». [8] Въ Т. Р. просто: «избавить меня чести».

Стр. 387. [1] Переводъ невѣренъ; въ подлинникѣ: «mari très marri» т.-е. огорченный. Слово marri значитъ то же, что fâché, chagrin. Странно, что въ переводѣ Сганарель хвалится и хочетъ угрожать тѣмъ, что онъ духомъ *не дюжъ* (?!). — Въ Т. Р. послѣ этого зачеркнути впослѣдствіи карандашомъ слова: «а почему вы знаете?». [2] Этой ремарки въ подлинникѣ нѣтъ. [3] Все это начало 10 явленія представляетъ значительное сокращеніе подлинника. [4] Въ подлинникѣ соотвѣтствующей фразы нѣтъ. [5] «Здѣсь» написано сверху, вмѣсто зачеркнутаго чернилами: «въ домъ». Н. С. Тихонравовъ обратилъ вниманіе на эту поправку, сдѣланную, очевидно, въ самомъ началѣ, при списываніи подлинной рукописи переводчиковъ, и отмѣтилъ это извѣстіе въ собственной копіи (такъ мы называемъ упомянутую выше копію, найденную въ его бумагахъ, хотя списанную и *не имъ лично*). Переводъ: «здѣсь», безъ сомнѣнія, точнѣе; въ подлинникѣ: «ici». [6] Оставленъ безъ перевода галлицизмъ: «Mais c'est prendre la chèvre un peu bien vite aussi», что значитъ: «сердиться попустому, изъ-за вздора».

Стр. 388. [1] Ремарки въ подлинникѣ нѣтъ. [2] Соотвѣтствующей фразы въ подлинникѣ нѣтъ. [3] Пропущено: «замѣтивъ ихъ» («les voyant»). [4] Оставлено не переведеннымъ: «Envions seulement le bonheur de sa flamme». [5] Пропущена ремарка: «одинъ» («seul»). Въ Т. Р. начало этой сцены впослѣдствіи зачеркнуто; она открывается уже словами Целіи: «Что это значитъ» и проч. Въ концѣ предыдущаго явленія прибавлена карандашомъ ремарка: «уходитъ».

Стр. 389. [1] Послѣднія слова текста: «Cet étrange propos me rend aussi confus

que s'il m'était venu des cornes à la tête» перенесени здѣсь въ ремарку. [2] Весьма неточный переводъ стиховъ: «Malheureux bien plutôt de l'avoir cette infâme, dont le coupable feu, trop bien vérifié, sans respect ni demi nous a cocufié». [3] Въ Т. Р. слово: «винель» зачеркнуто, и вмѣсто него впослѣдствіи вписано: «платье». [4] Пропущены слова: «чтобы заговорить съ нимъ, когда его вспышка кончится» («et attend, pour lui parler, que son transport soit fini»). [5] Пропущено: «и который съ вами говорилъ» («Et qui vous a parlé»). [6] Послѣ этого въ Т. Р. впослѣдствіи зачеркнуто нѣсколько предложеній, до словъ: «у бѣднаго Сганареля». [7] Слова: «да этого еще мало, что честь» пропущены въ Ц.-К.; но мы ихъ возстановляемъ въ виду того, что въ данномъ мѣстѣ какъ это предложеніе, такъ и два раза послѣ того повторенное слово: «репутація» зачеркнуты въ Т. Р. *карандашомъ*, — слѣдовательно уже впослѣдствіи, тогда какъ они были въ первоначальной редакціи и опущены были потомъ, какъ это видно изъ театральной копіи для суфлера, явившейся уже *впослѣдствіи*, при сокращеніяхъ, сдѣланныхъ для сцены. [8] Въ переводѣ значительно усиленъ смыслъ этого мѣста. [9] Вся эта рѣчь Сганареля передана чрезвычайно неточно. Кромѣ указанныхъ выше отступленій еще въ концѣ этихъ словъ Сганареля послѣ: «у бѣднаго Сганареля крадутъ» въ Т. Р. зачеркнуто карандашомъ: «грабятъ». [10] Въ Т. Р. впослѣдствіи исправлено: «испугалась».

Стр. 390. [1] Вся рѣчь Целіи значительно сокращена. [2] Въ подлинникѣ: «Et vous me percez l'âme». [3] Этой ремарки въ подлинникѣ нѣтъ. [4] Въ Т. Р.: «возбуждаемое»; Ц. К.: «возбужденное». — Любопытно, что весь почти монологъ Сганареля на сценѣ опускался, начиная отъ словъ: «однакожъ, негодованіе» — до словъ въ концѣ монолога: «однакожъ, я чувствую». Въ Т. Р. кромѣ того зачеркнуто чернилами одно предложеніе въ серединѣ монолога: «которые боятся колики». Въ виду того, что всѣ позднѣйшія сокращенія для сцены были намѣчены карандашомъ, возможно допустить, что оно было зачеркнуто и списано по ошибкѣ при самомъ снятіи копіи съ подлиннаго перевода, сдѣланнаго подъ редакціею Гоголя. При невозможности, за несохраненіемъ подлинной рукописи, рѣшить этотъ вопросъ, мы удержали это выраженіе, слѣдуя авторитетному примѣру Н. С. Тихонравова (См. «Царь-Колоколъ», 1892, III, стр. 51.). Карандашомъ же прибавлено въ Т. Р. слово «же» въ предложеніи: «Но зачѣмъ мнѣ плакать» и пр. — Передъ монологомъ Сганареля въ Т. Р., въ концѣ словъ Целіи, зачеркнуто: «воспрепятствовать» и написано сверху карандашомъ: «помѣшать». [5] Оставлено безъ перевода: «qui m'affronte». [6] Въ подлинникѣ: «faire cocus les gens». Послѣ этого въ переводѣ пропущена ремарка: «il revient après avoir fait quelques pas».

Стр. 391. [1] Невѣрно переведено: «les esprits colériques». [2] Слова: «какъ крысу» прибавлены противъ подлинника. [3] Оставлены безъ перевода стихи: «Puisqu'on tient, à bon droit, tout crime personnel, que fait là notre honneur pour être criminel»? [4] Ц. К. просто: «чортъ знаетъ чѣмъ»; въ Т. Р.: «еще чортъ знаетъ чѣмъ». Такъ какъ въ копіи, найденной въ бумагахъ Н. С. Тихонравова, слово: «еще» не пропущено, то возстановляемъ это чтеніе, согласно театральной копіи, изъ которой, какъ уже сказано, вся піеса была перепечатана въ «Царѣ-Колоколѣ». [5] Въ Т. Р.: «но зачѣмъ же»; но такъ какъ *же* приписано позднѣе карандашомъ и въ Ц. К. стоитъ просто: «зачѣмъ»,

то мы и удерживаемъ это чтеніе. [6] Въ Т. Р.: «изъ такой драни». Ц. К.: «изъ-за такой дряни». [7] Слово: «дѣяніе» въ Т. Р. впослѣдствіи было зачеркнуто и замѣнено словомъ: «дѣло». [8] Въ Т. Р. было первоначально, повидимому: «совѣстно», но затѣмъ зачеркнуто и замѣнено словомъ: «слишкомъ»; исправленіе сдѣлано чернилами, при первоначальномъ снятіи копіи: поэтому и удерживаемъ это чтеніе. Въ Ц. К. также: «слишкомъ».

Стр. 392. [1] Въ Т. Р. слово: «говорю» замѣнено впослѣдствіи словомъ: «разскажу». [2] Этой ремарки въ подлинникѣ нѣтъ. [3] Не переведены стихи: «A suivre mon devoir je suis déterminée; je prétends gourmander mes propres sentiments, et me soumettre en tout à vos commandements». [4] Не переведено: «de parler de la sorte». [5] Въ Т. Р. послѣднія строки зачеркнуты, начиная отъ словъ: «отецъ вѣдь всегда можетъ поцѣловать дочь свою»; послѣ словъ: «дай мнѣ поцѣловать тебя» тамъ читается такъ: «ты мнѣ доставила удовольствіе своимъ послушаніемъ», при чемъ слово: «удовольствіе» приписано сверху карандашомъ. Всѣ эти поправки позднѣйшія. [6] Въ подлинникѣ: «Je m'éloigne de vous»; такимъ образомъ переводъ: «оставляю навсегда *этотъ городъ*» не можетъ быть названъ точнымъ. [7] Соотвѣтствующей фразы въ подлинникѣ нѣтъ. [8] Такъ въ Ц. К.; въ Т. Р. слова *я* нѣтъ. [9] Въ Т. Р. послѣднія два предложенія зачеркнуты и измѣнены впослѣдствіи такъ: «какъ я буду рада, если ты будешь досадовать».

Стр. 393. [1] Переводъ слишкомъ буквальенъ; въ Т. Р. впослѣдствіи измѣнено такъ: «этого предмета достаточно»... Также въ слѣдующихъ словахъ Лелія въ Т. Р. сдѣлано такое измѣненіе: «но его еще болѣе достаточно, чтобъ заставить васъ краснѣть». [2] Измѣненіе подлинника: «on verra du carnage»— въ духѣ Гоголевскаго стиля. [3] Въ Т. Р. впослѣдствіи измѣнено: «какое же мнѣ будетъ удовольствіе убить его!»

Стр. 394. [1] Въ Т. Р. впослѣдствіи: «такой поступокъ, милостивый государь, совершенно незаконный». [2] Въ Т. Р. впослѣдствіи: «ужаснаго». [3] Въ Т. Р. впослѣдствіи измѣнено: «что она моя жена». [4] Въ Т. Р. впослѣдствіи: «желаніе». [5] Въ Т. Р. выраженіе: «сдѣлать ее въ моихъ глазахъ вашимъ достояніемъ» впослѣдствіи измѣнено: «своей собственностью». [6] Въ подлинникѣ соотвѣтствующей фразы нѣтъ. [7] Въ подлинникѣ: «et du biais qu'il faut vous prenez cette affaire». [8] Не переведенъ стихъ: «Il est de certains feux de fort mauvaise grâce».

Стр. 395. [1] Не переведено ругательство: «carogne». [2] Слова: «Tu vois si c'est mensonge» переведены двумя фразами: «Ну, что же права я? Неужели и теперь вы станете притворяться?» [3] Въ Т. Р. впослѣдствіи измѣнено: «приходится». [4] Пропущено: «безпримѣрной» («sans égal»). [5] Неточный переводъ словъ: «Que me viens-tu conter par ta plainte importune?»

Стр. 396. [1] Не переведенъ стихъ: «à Sganarele: «Qui m'a fait par vos soins remettre à la maison». [2] Совершенно невѣрно переведено, съ искаженіемъ смысла: вмѣсто: «вы имѣли бы нужду въ чемеринѣ» — въ этомъ переводѣ: «все моя чемерица»! Въ Т. Р. эти послѣднія слова впослѣдствіи зачеркнуты. [3] Пропущена ремарка: «въ сторону» («à part»). [4] Неточно переведены стихи: «Ma crainte toutefois n'est pas trop dissipée, et, doux que soit le mal, je crains d'être trompée». [5] Такъ переведены слова: «Eh! mutuellement, croyons-nous gens de bien». [6] Въ подлинникѣ: «Accepte sans façon le marché qu'on propose». [7] Вся рѣчь Лелія переведена очень далеко отъ

подлинника. [8]Въ подлинникѣ фраза окончена; не переведены слова: «les lois».

Стр. 397. [1]Въ подлинникѣ: «Est-ce répondre en fille à mes commandements?» [2]Въ Т. Р.: «нынче»; П. К.: «нынѣ». [3]Оставлены безъ перевода стихи: «Et comme des parents le bien et la naissance m'ôtent tout le pouvoir de casser l'alliance. Je vous viens». [4]Оставлены безъ перевода слова: «sans votre congé» и «Et que, riche en vertu, son retour aujourd'hui m'empêche d'agréer un autre époux que lui». Кромѣ того, въ подлинникѣ передъ именемъ Лелія нѣтъ слова: «господинъ». [5]Здѣсь слишкомъ сокращено соотвѣтствующее выраженіе подлинника: «Et cette juste envie d'un bonheur éternel va couronner ma vie». [6]Соотвѣтствующей ремарки въ подлинникѣ нѣтъ. [7]Эти четыре строки соотвѣтствуютъ въ подлинникѣ одному стиху: «A-t-on mieux cru jamais être cocu que moi?». [8]Послѣдній монологъ Сганарели въ театральной копіи впослѣдствіи былъ совершенно измѣненъ; онъ весь зачеркнутъ, и вмѣсто прежняго текста въ концѣ приписано карандашомъ: «Былъ ли кто въ жизни такъ сильно увѣренъ въ томъ, что онъ обманутъ женой, какъ я? Вы видите, что въ дѣлѣ этого рода самыя вѣрныя улики могутъ ввести въ заблужденіе! Припоминайте же себѣ хорошенько этотъ случай, и если увидите» (зачеркнуто на ходу письма: «совершенно все такъ»), «что ужъ, кажется, все ясно, не вѣрьте ничему! Не вѣрьте! Право, не вѣрьте!»...

Мериме (Стр. 398—399).

Печатается съ копіи Трушковскаго, какъ и въ невышедшемъ въ свѣтъ № журнала «Царь-Колоколъ». Время напечатанія отрывка неизвѣстно. См. выше (стр. 681) примѣчанія къ статьѣ: «Александръ».

Стр. 398 [1]Это слово зачеркнуто. [2]Пропускъ въ копіи.

Учебная книга словесности. (401 — 425).

Текстъ «Учебной книги словесности» внесенъ въ двѣ небольшія тетрадки въ восьмушку на сѣрой бумагѣ, безъ всякихъ водяныхъ или иныхъ фабричныхъ знаковъ, по которымъ можно было бы опредѣлить съ точностью время ея написанія. Покойный Н. С. Тихонравовъ въ примѣчаніяхъ къ статьѣ: «Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?», приведя слова Гоголя въ письмѣ къ Плетневу отъ 16 октября 1846 г., гдѣ авторъ говоритъ, что названную статью о поэзіи онъ писалъ въ три эпохи своей жизни «и вновь сожигалъ», — высказываетъ довольно опредѣленное предположеніе о томъ, что именно *въ первую* изъ этихъ эпохъ, обнимавшую весь петербургскій періодъ жизни нашего писателя, отъ 1829 г. до самаго выѣзда за границу въ іюнѣ 1836 г., была, кромѣ статьи о Пушкинѣ и стихотворе-

реніяхъ Козлова, [1]) также написана и «Учебная книга словесности». Покойный ученый, къ сожалѣнію, не высказалъ основаній, въ силу которыхъ онъ пришелъ къ данному выводу; но, повидимому, такимъ основаніемъ могло служить то обстоятельство, что въ отдѣлѣ примѣровъ Гоголь приводитъ преимущественно, и даже почти исключительно, произведенія, не восходящія далѣе начала тридцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка: здѣсь мы находимъ больше всего примѣры изъ Ломоносова, Державина, Нелединскаго-Мелецкаго, Капниста и проч. (Странно, напримѣръ, что въ примѣрахъ мы не находимъ *ни одного* стихотворенія Кольцова, который, впрочемъ, и вообще нигдѣ не упоминается въ произведеніяхъ Гоголя). Но, къ сожалѣнію, на этотъ разъ мы не можемъ согласиться съ названнымъ заключеніемъ Н. С. Тихонравова — на томъ основаніи, что въ «Учебной книгѣ словесности» упоминается *уже въ самомъ текстѣ* «Споръ» Лермонтова, стихотвореніе 1841 года, а въ примѣрахъ — Лермонтова же «Пѣсня про купца Калашникова» и «Завѣщаніе», изъ которыхъ первое относится къ 1837 г., второе — къ 1840 г.; также одно изъ позднѣйшихъ стихотвореній Языкова первой половины сороковыхъ годовъ: «Къ не нашимъ», приложенное далѣе въ той же тетради съ помѣткой Языкова: декабрь 1844 г. Объ этомъ стихотвореніи Гоголь упоминаетъ въ письмѣ къ Языкову отъ 5 апрѣля 1845 г. (См. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 178). Такимъ образомъ мы должны отнести «Учебную книгу» къ промежутку отъ 1844 до 1846 г. Она написана была притомъ, безъ сомнѣнія, *именно* за границей: на это указываетъ крайняя неточность заглавій въ приводимыхъ примѣрахъ: случалось, что Гоголь, приводя стихотвореніе на память, выписываетъ вмѣсто начальнаго стиха, напримѣръ, третій или начальный стихъ второй строфы и проч. (см. варіанты). Книгъ подъ руками у него, очевидно, не было, а нѣкоторыя стихотворенія, упомянутыя въ приложеніяхъ, мы находимъ списанными тутъ же, вѣроятно, въ качествѣ вновь появившихся или же вновь узнанныхъ; таковы именно стихотворенія: «Недугъ» Шевырева и «Къ не нашимъ» Языкова (написанное рукою самого автора), на другомъ листкѣ: «Воззваніе» и «Вѣкъ ума» Лихониной; на третьемъ — на первой страницѣ «Недугъ» Шевырева и «Лучшій перлъ таится» Жадовской; черезъ страницу: «Пришли и стали тѣни ночи» Я. Полонскаго. Затѣмъ на слѣдующемъ листкѣ значится только: «Біографія Тихона, писанная его

---

[1]) См. эти статьи выше, стр. 2—4 и т. V, стр. 207—218.

секретаремъ Чеботаревымъ въ «Маякѣ» № 21 (затѣмъ зачеркнуто слово: «двадцать») въ Смѣси, стр. 37. На тетради стоитъ № 5.

«Учебная книга словесности» въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ее въ бумагахъ Гоголя, представляетъ собой, очевидно, лишь первоначальный набросокъ, на который никакъ нельзя смотрѣть какъ на нѣчто законченное и цѣльное. Какъ видно изъ плана, или, какъ выражается Гоголь, «проспекта», авторомъ былъ задуманъ довольно большой трудъ въ объемѣ двухъ томовъ. Правда, печать въ этой книгѣ, предназначавшейся для юношества, предполагалась крупная, предполагались «пробѣлы» и «разстановки»; тѣмъ не менѣе ясно, что сначала Гоголь имѣлъ въ виду никакъ не тотъ объемъ, который соотвѣтствуетъ у насъ полутора печатнымъ листамъ. Мало того, не можетъ быть сомнѣнія, что передъ нами лишь очень небольшая часть задуманнаго труда, — *уже потому*, что въ бумагахъ Гоголя нѣтъ и слѣда, (и не только теперь, но не было и въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ, когда Трушковскій для своего изданія сочиненій Гоголя снялъ копію съ «Учебной книги», хранящуюся въ бумагахъ Н. С. Тихонравова) цѣлаго отдѣла, или какъ выразился Гоголь, «*части* прозаической», которая, однако, должна была составить *весь второй томъ*. Затѣмъ и поэтическую часть мы находимъ лишь начерно и наскоро набросанной въ настоящемъ видѣ; она скорѣе представляетъ только канву для предполагавшейся, какъ можно думать, дальнѣйшей обработки труда. Изъ упомянутыхъ нами двухъ тетрадей, составляющихъ непосредственно продолженіе одна другой, первая заключаетъ въ себѣ замѣчанія, касающіяся лирической, вторая—повѣствовательной или драматической поэзіи и затѣмъ примѣры на оба рода словесности (тутъ же приложены и списанныя Гоголемъ упомянутыя выше стихотворенія). Сравнивая соотвѣтствующіе отдѣлы въ текстѣ «Учебной книги» и въ примѣрахъ къ ней, мы убѣждаемся, что съ одной стороны послѣдніе, несомнѣнно, *не доведены до конца*, потому что они относятся *исключительно* къ лирической поэзіи, хотя и помѣщены уже во второй тетради, *по окончаніи теоретическаго отдѣла*, тогда какъ съ другой стороны въ первой тетради, посвященной обзору лирической поэзіи, мы не находимъ отдѣла антологическихъ стихотвореній, на которыя приведена потомъ цѣлая страница примѣровъ. Всѣ указанныя обстоятельства могутъ быть объяснены тѣмъ соображеніемъ, что Гоголь, вѣроятно, предполагалъ *впослѣдствіи* пополнить недостающіе пробѣлы въ изложеніи,— въ существованіи же ихъ сомнѣваться невозможно въ виду совершеннаго отсутствія главъ

о драмѣ, трагедіи и комедіи, хотя именно разработка этихъ отдѣловъ являлась наиболѣе облегченной для Гоголя его предшествующими статьями и произведеніями («О движеніи журнальной литературы», «Театральный разъѣздъ» и проч.),—при чемъ возможно допустить, что первая тетрадь именно потому и не дописана Гоголемъ (въ ней оставлены въ концѣ свободные листы), что трудъ долженъ былъ продолжаться. Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманіе на набросокъ въ концѣ теоретическаго обзора, гдѣ нѣсколько словъ посвящено ученымъ разсужденіямъ, или трактатамъ: Гоголь не далъ этому отрывку особаго заглавія, хотя и отдѣлилъ его отъ предыдущей главы, въ которой рѣчь идетъ о сказкахъ (отрывокъ написанъ на особомъ листкѣ); тѣмъ не менѣе очевидно, что этотъ набросокъ долженъ быть отнесенъ уже къ «части прозаической», о которой кромѣ этого почти нигдѣ нѣтъ даже никакого упоминанія.

Впрочемъ, и вообще у Гоголя въ томъ видѣ, въ какомъ имѣемъ «Учебную книгу словесности», эти двѣ части въ сущности не отдѣлены другъ отъ друга: такъ, въ самомъ началѣ «Учебной книги» глава о наукѣ должна, несомнѣнно, относиться къ «прозаической части». Едва ли можно допустить, чтобы Гоголь въ данномъ случаѣ неправильно представлялъ себѣ дѣло, хотя мы и встрѣчаемъ у него странное смѣшеніе поэзіи драматической съ повѣствовательной и подобныя ошибки въ другихъ случаяхъ.

Въ «Учебной книгѣ» нерѣдко встрѣчаемъ мысли, которыя занимали Гоголя въ сороковыхъ годахъ и не разъ были выражены имъ тогда въ его письмахъ и сочиненіяхъ. Такъ, въ самомъ началѣ ея, въ главѣ о наукѣ, читаемъ: «Въ трудахъ нашихъ ученыхъ также раздаются не переварившіяся европейскія мнѣнія, и такими же торчатъ яркими заплатами ихъ собственныя мысли, какъ все это раздается въ нашихъ гостинныхъ спорахъ и разговорахъ: всего нанесено и все не переварилось»[1]). Въ «Перепискѣ съ друзьями» въ статьѣ: «Споръ» находимъ сходныя мысли; между прочимъ тамъ, по поводу пререканій «славянистовъ», съ «европеистами», сказано: «всѣ эти споры еще ничего, если бы только они оставались *въ гостиныхъ* да въ журналахъ»[2]). Въ противоположность тѣмъ людямъ, которые любятъ вести такіе безплодные гостинные споры, Гоголь въ одномъ письмѣ къ Языкову называетъ А. П. Толстаго «человѣ-

[1]) Выше, стр. 403.
[2]) т. IV, стр. 54.

комъ замѣчательнымъ», потому что онъ «принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые способны сдѣлать у насъ много добра, который не съ европейской заносчивой высоты, а прямо *съ русской здравой середины* видитъ вещь»[1]). Съ другой стороны конецъ приведеннаго нами выраженія чрезвычайно сильно напоминаетъ также характеристику свѣтскаго человѣка въ концѣ VIII главы первой части «Мертвыхъ душъ»: «Послѣ разговора съ нимъ — просто ничего: всего онъ наговоритъ, всего коснется слегка, все скажетъ, что̀ понадергалъ изъ книжекъ: пестро, красно, а въ головѣ хоть бы что-нибудь изъ того вынесъ; и видишь потомъ, какъ даже разговоръ съ пустымъ купцомъ, знающимъ одно свое дѣло, но знающимъ его твердо и опытно, лучше всѣхъ этихъ побрякушекъ»[2]). О томъ же мнѣніи Гоголя говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Л. И. Арнольди[3]). Нѣсколько дальше, въ той же главѣ о наукѣ, Гоголь говоритъ о способности русскихъ «схватывать живо малѣйшіе оттѣнки другихъ націй и, наконецъ, живое и мѣткое наше слово, не *описывающее*, но *отражающее*, какъ въ зеркалѣ, предметъ»[4]). Эти слова, безъ сомнѣнія, напомнятъ читателю сходныя размышленія Гоголя въ концѣ V главы первой части «Мертвыхъ душъ»[5]). Затѣмъ слова: «прослѣди лучше нашъ ученый самъ въ себѣ науку, прежде чѣмъ сталъ ее проповѣдывать; проживи такъ въ бесѣдѣ съ нею, какъ монахъ живетъ съ Богомъ, наложивъ молчаніе на уста свои» представляютъ нѣкоторое, впрочемъ отдаленное, сходство съ нѣкоторыми совѣтами и наставленіями Гоголя К. С. Аксакову въ письмахъ его къ С. Т. Аксакову, тамъ, гдѣ Гоголь говоритъ, что «диссертацію, вмѣсто того, чтобы переписывать на-бѣло, слѣдуетъ просто положить подъ спудъ на нѣсколько лѣтъ» и проч. Гораздо очевиднѣе сходство въ слѣдующихъ мыслях: въ «Учебной книгѣ» читаемъ: «нѣмцу, о чемъ бы онъ ни говорилъ, не отрѣшиться отъ нѣмца» и проч. и далѣе: «Намъ не нужно то постепенное, медленное развитіе мыслей, не прерывающійся исходъ и выводъ одного изъ другаго, безъ котораго нѣмецъ не ступитъ шага и не пойдетъ по дорогѣ» и проч.[6]) и въ названномъ письмѣ Гоголя къ С. Т. Аксакову (отъ 22 ноября 1844 г.): «Еще Кон(стан-

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 113.
[2]) Настоящаго изд. т. III, стр. 174.
[3]) «Русскій Вѣстникъ», 1862 г., т. I, стр. 87.
[4]) См. выше, стр. 404.
[5]) См. т. III, стр. 106. См. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 186.
[6]) См. выше, стр. 404.

тинъ) Серг(ѣевичъ) не смекаетъ, что въ эту пору лѣтъ, въ какой онъ (находится), не слѣдуетъ вовсе заботиться о логической послѣдовательности всякаго рода развитій. Для это(го) нужно быть или вовсе старику, или вовсе нѣмцу, у котораго бы въ жилахъ текла картофельная кровь, а не та горячая и живая, какъ у русскаго человѣка»[1]) и проч.

Стр. 403. [1] Слова: «часть поэтическая и часть прозаическая», а также выше слово: «проспектъ», подчеркнуты въ рукописи. [2] Зачеркнуто: «текстъ или». [3] Въ рукописи конецъ слова не дописанъ: «напечата(но)». [4] Въ рукописи: «чоткими». [5] Послѣ этого зачеркнуто: «съ бо...» [6] Въ рукописи: «вокрухъ». [7] Въ рукописи это слово не дописано: «разстановка(ми)». [8] Въ рукописи: «мѣлкимъ» (sic). [9] Въ рукописи: «штрифтомъ». [10] Въ рукописи опять: «вокрухъ». [11] Въ рукописи: «раздѣленія и заглавія»; первыя два слова зачеркнуты. [12] Въ рукописи: «должны бы занумерованы». [13] Не дописано: «примѣры». Также выше: «номера(ми)». [14] Въ рукописи слово: «нашихъ» повторено два раза (во второй разъ зачеркнуто). [15] Въ рукописи: «нанесенно». [16] Гоголь вездѣ пишетъ это слово такъ: «Рускій». [17] Скобки въ рукописи. [18] Прежде было начато, но не дописано слово: «впечатлѣній». [19] Въ рукописи описка: «народъ».

Стр. 404. [1] Въ рукописи: «присовукопить» (sic). [2] Въ рукописи это слово искажено: «свхатныхъ». [3] Прежде было: «мѣтко и живо». [4] Послѣ этого зачеркнуто: «потомъ». [5] Прежде было написано: «развитія». [6] Слово и написано вмѣсто зачеркнутыхъ: «то есть». [7] Прежде было: «и не всякими по примѣненіямъ». [8] Послѣднее предложеніе «къ тому, что»... и проч. приписано сверху—вмѣсто зачеркнутаго: «къ современному интересу, который въ модѣ», но послѣднее слово по ошибкѣ осталось не зачеркнутымъ. — Слово: «моду» написано не вполнѣ разборчиво. [9] Прежде было: «и всяк(ій) вообще». [10] Это слово приписано сверху строки. [11] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [12] Тоже. [13] Слова: «и симъ только станетъ» написаны вмѣсто зачеркнутыхъ: «и станетъ чрезъ то». [14] Прежде было: «равно всѣмъ». Послѣ этого слово: «простолюдиму» (sic) не дописано. [15] Прежде было: «уму высокому, образованному, и простому здоровому разсудку простолюдима (sic)». [16] Слова: «сколько мнѣ кажется», и кромѣ того: «врядъ», а также въ предыдущемъ предложеніи союзъ *а* приписаны сверху строки. [17] Въ рукописи: «наше». [18] Послѣднее предложеніе приписано сверху строки. [19] Передъ словомъ: «мыслей» зачеркнуто: «который». [20] Въ рукописи это слово не дописано и искажено: «непрывающій» (sic). [21] Въ концѣ строки не дописано. [22] Это слово приписано сверху строки. [23] Въ концѣ строки не дописано слово крайне неразборчивое: «слишкомъ»; кажется написано: «слишко(мъ)». [24] Въ рукописи прежде было: «долгую инструкцію». [25] Послѣ этого зачеркнуто: «нужно». [26] Слова: «шагъ за шагомъ, такъ, какъ идетъ» приписаны сверху строки — вмѣсто зачеркнутыхъ: «медленно, какъ». [27] Прежде было: «поэтом(у)». [28] Въ рукописи: «ученный» (sic). [29] Не дописано въ концѣ строки. [30] Тоже. [31] Передъ этимъ зачеркнуто: «уже она». [32] Слова: «наука въ одно» написаны

[1]) Соч. и письма, т. VI, стр. 136.

сверху строки. [33] Послѣ этого зачеркнуто: «всю». [34] Это слово написано сверху строки. [35] Прежде было: «отверзвуть». [36] Послѣ этого зачеркнуто начатое: «преди...» (или: плести?). Послѣ этого слова: «плестись» не вполнѣ разборчиво; написано: «плестить» (sic). [37] Эти слова: «не бойсь» приписаны сверху строки. [38] Въ рукописи: «голосѣ». [39] Слово неразборчивое.

Стр. 405. [1] Слова: «не усиливая и не замедляя» поставлены сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «за тобою, пропуская мѣлкій (sic) дрязгъ». [2] Прежде было: «ихъ». [3] Не дописано въ концѣ строки. Потомъ слово: «несется» приписано сверху строки. [4] Слова: «не сломя голову» приписаны вмѣсто зачеркнутыхъ: «чтобы свернуть себѣ». [5] Въ концѣ строки не дописано. [6] Эта фраза приписана сверху строки. [7] Въ рукописи: «какъ сказочному коню»; прежде было: «и ты подобно нашему сказочному коню», при чемъ послѣднія слова остались неизмѣненными послѣ этой поправки между строкъ. Послѣ этого въ рукописи дважды повторено слово: «мѣлкій» (sic). [8] Въ рукописи описка: «тревникъ». [9] Послѣднія три слова приписаны сверху строки. [10] Конецъ фразы, начиная со словъ: «говоришь ты русскимъ» въ рукописи зачеркнутъ. [11] Эти слова: «не заботься: тебя поймутъ» приписаны между строкъ. [12] Зачеркнуто: «первое». [13] Прежде вмѣсто словъ: «давно живетъ» было: «не даромъ есть». [14] Прежде было: «поэтому». [15] Слова: «модный людъ» написаны неразборчиво. Зачеркнута недописанная фраза: «что способно воспи(тать)». [16] Это слово въ рукописи не дописано. [17] Зачеркнуто: «всякой». [18] Это слово въ рукописи пропущено. Передъ этимъ словомъ, въ выраженіи: «потребности внутренней передать» — слово: «внутренней» въ концѣ строки не дописано. [19] Слова: «чтобы писать» въ рукописи пропущены. [20] Прежде было: «или». [21] Послѣ этого зачеркнуто: «или много». [22] Слово: «области» въ концѣ строки не дописано. [23] Прежде было: «много». [24] Зачеркнуто: «практической». [25] Послѣ этого написано: «безъ», «у него». [26] Въ концѣ строки не дописано. [27] Въ рукописи описка: «словеснось» (sic). [28] Въ рукописи слово: «образъ» подчеркнуто; передъ этимъ слово: «только» приписано сверху строки.

Стр. 406. [1] Слова: «какъ» и «такъ» приписаны сверху строки. [2] Зачеркнуто не дописанное слово: «св(оей)». [3] Прежде было: «постигнуть»; потомъ это слово зачеркнуто и замѣнено словомъ: «открытіемъ». [4] Прежде вмѣсто: «передаванія» было: «*этого* живаго *преподаванія всѣмъ*»; изъ всѣхъ этихъ словъ потомъ удержано только: «живаго». [5] Въ подлинной рукописи послѣднія два слова подчеркнуты. [6] Послѣ слова: «научиться» зачеркнуто: «изъ теоріи». [7] Слова: «чтобы быть мастеромъ», приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ строкъ: «это не... она есть искусство, до котораго достига(ть) легко... Искусству нельзя, такъ же нельзя выучиться такъ, какъ слѣдуетъ, дабы сдѣлаться великимъ мастеромъ». Сверхъ того, надъ первой изъ этихъ зачеркнутыхъ строкъ приписано еще: «постигнуть эту тайну и выучиться ей». [7] Зачеркнуто: «простымъ». [8] Послѣднее предложеніе приписано сверху строки. [9] Слово: «Словесности» приписано сверху строки. [10] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты, какъ и предыдущія: «нужна пото(му)». [11] Послѣ этого зачеркнуты слова: «порядокъ и ходъ». Въ слѣдующей строкѣ по ошибкѣ повторено слово: «точно». [12] Послѣ этого зачеркнуто: «быстрѣй», — слово, почти тотчасъ послѣ того написанное снова сверху строки. [13] Прежде было: «увидѣлъ». [14] Въ концѣ строки

не дописано. [15] Послѣ этого зачеркнуто: «какъ не помѣ...». [16] Слова: «за други(ми)» приписаны сверху строки. [17] Въ рукописи: «принимать». [18] Слова: «за ея роды» написаны сверху зачеркнутыхъ: «за дѣло огромное, не по его силамъ». [19] Прежде было: «силамъ». [20] Слово написано сверху строки. [21] Это слово въ рукописи написано дважды, при чемъ между двумя этими словами: «который» стоятъ еще зачеркнутыя слова: «сколько-нибудь». [22] Слово: «ея» написано сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго слова: «словесности» («рода словесности»). [23] Послѣ этого зачеркнуто: «онъ сколько-нибудь можетъ удержать». [24] Слово въ концѣ строки не дописано. [25] Вмѣсто: «языка словесности» прежде было: «рода выраженій». [26] Слово: «который» въ данномъ мѣстѣ въ рукописи зачеркнуто и потомъ приписано снова. [27] Начиная отъ словъ: «который не только живымъ, картиннымъ представленіемъ», вся фраза приписана сверху строки. [28] Зачеркнуто: «всякаго...», «изображаемаго». [29] Слово: «родъ» приписано сверху строки. [30] Послѣ этого, кончая словами: «настроенія чувствъ», приписано съ боку, на оборотѣ предыдущаго листка. [31] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [32] Это слово въ концѣ строки не дописано. [33] Послѣ этого всѣ слова до точки приписаны сверху строки. [34] Зачеркнуто неразборчивое слово. [35] Слово: «картинности» приписано сверху строки. [36] Въ рукописи не дописано: «предающій». [37] Въ рукописи: «въ самихъ».

Стр. 407. [1] Слова: «родъ прозаическій. Онъ всѣмъ....» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «всѣмъ почти». [2] Прежде было: «могущій». [3] Прежде было: «непринужденно». [4] Слово: «гармоніи» въ концѣ строки не дописано. [5] Это слово въ рукописи пропущено. [6] Въ концѣ строки не дописано, а также, въ предыдущей строкѣ, слово: «растроганному». [7] Послѣ этого въ рукописи слѣдуетъ незначительный пропускъ или, можетъ-быть, случайный пробѣлъ — слова въ два. [8] Въ рукописи: «такъ и въ этомъ». [9] Прежде было: «ступеней» (въ рукописи здѣсь описка: «ступей»). [10] Въ концѣ строки не дописано. [11] Послѣднія два слова написаны подъ послѣдней строкой въ концѣ страницы. [12] Слово это приписано сверху строки. [13] Въ рукописи: «величья поэтическаго». [14] Въ концѣ строки не дописано. [15] Эти слова: «при видѣ красоты» написаны сверху зачеркнутыхъ: «отъ прикосновенія къ красотѣ». [16] Въ концѣ строки не дописано. [17] Зачеркнуто: «ея». [18] Послѣ этого зачеркнуто: «потому». [19] Слово: «только» написано сверху зачеркнутаго: «есть». [20] Слово: «самое» приписано сверху строки. [21] Слово: «ему» въ рукописи зачеркнуто, а затѣмъ все заключенное въ скобки зачеркнуто одной общей чертой. [22] Послѣ этого зачеркнуто: «Два главные образа его (sic) дѣйствованія рѣчи». [23] Въ рукописи: «очущенія» (sic). [24] Послѣднее предложеніе приписано сверху строки. [25] Слова: «тогда поэзія его» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «отсюда и два рода поэзіи: или лирическая, или...». [26] Въ рукописи: «драмматическая (такъ обыкновенно писалъ Гоголь это слово, но изрѣдка писалъ и: «драматическая»). [27] Послѣ этого зачеркнуто: «и описательная». [27] Въ рукописи, какъ и всегда у Гоголя: — «повѣтствующая» (sic). Послѣ этого зачеркнуто начатое слово: «драм....». [28] Въ рукописи описка: «сама по себѣ». [29] Послѣ этого зачеркнуто слово: «однимъ».

Стр. 408. [1] Послѣ этого зачеркнуто: «самого поэта». [2] Эти слова: «отраженіе и зеркало» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «есть отра-

женіе его собственныхъ чувствъ и его....». [3] Слово: «высшихъ» приписано сверху строки. [4] Слово: «поэта» приписано сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ фразъ: «въ ней портретъ...», «они есть отраженіе и зеркало его природы, отражающее природу его самого». [5] Это слово написано сверху зачеркнутаго: «собственныя». [6] Послѣднія два слова приписаны сверху строки. [7] Слова: «она есть, начиная...» приписаны сверху строки. [8] Послѣ этого зачеркнуто: «она есть». [10] Слово: «онъ» въ концѣ строки не дописано. [11] Въ рукописи, по обыкновенію Гоголя: «повѣтствуетъ» (sic). [12] Зачеркнуто: «она повѣтству(етъ)». [13] Это слово приписано сверху строки. [14] Два послѣднія слова («словомъ, она») приписаны сверху строки. [15] Послѣ этого зачеркнуто: «всякая». [16] Слова: «лирической поэзіи» написаны сверху зачеркнутыхъ: «въ ней». Далѣе послѣ слова: «опасна» зачеркнуто: «какъ вездѣ». [17] Прежде было: «объемлетъ». [18] Прежде было: «поэта». [19] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты, именно: «въ немъ небесное происхожденіе» и далѣе: «и до самыхъ обыкновенныхъ, обличающихъ его чувственное происхожденіе». [20] Тоже. Слѣдующія строки приписаны послѣ, другими чернилами. [21] Послѣднія два слова не дописаны. [22] Слово: «лирическое» написано сверху зачеркнутаго слова: «возвыше(нное)». [23] Передъ словами: «поэту, какъ бы великъ онъ ни былъ» прежде было написано: «безъ котораго она не возможна». Послѣ словъ: «поэту, какъ бы великъ онъ ни былъ» прежде было: «написать оды». [24] Зачеркнуто: «лучшіе». [25] Прежде было: «къ Нему» (т.-е. къ Богу). [26] Слово: «святыней» приписано сверху строки. Передъ этимъ слово: «проникнуту» въ концѣ строки не дописано. [27] Послѣ этого зачеркнуто: «своего». [28] Слова: «въ себѣ самомъ высокій предметъ» и «сродниться съ нимъ» приписаны сверху строки съ двухъ сторонъ — вмѣсто зачеркнутаго: «нужно». [29] Въ рукописи: «облагоухать». [30] Слово: «произвесть» въ концѣ строки не дописано. [31] Слово: «торжественнаго» въ концѣ строки не дописано.

Стр. 409. [1] Прежде было написано: «она вся на равной высотѣ...». [2] Это слово приписано сверху строки. [3] Послѣ этого зачеркнуто: «того порядка и...». [4] Слово: «чувствъ» въ концѣ строки не дописано. [5] Такъ въ рукописи. [6] Зачеркнуто: «безпорядочнѣе оды. Може(тъ)...». [7] Это слово приписано сверху строки. [8] Послѣ этого зачеркнуто: «съ чего бы начать?». Затѣмъ, послѣ слова: «откуда» по ошибкѣ написано слово: «при»; вѣроятно, это начало недописаннаго слова: «причемъ» (см. продолженіе фразы). [9] Въ рукописи не дописано: «начинаетъ». [10] Написано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «ему». [11] Слово: «рѣдко» написано сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «не опредѣляетъ себѣ». [12] Слово: «границами» въ концѣ строки не дописано. [13] Слово: «но» приписано сверху строки. [14] Это слово приписано сверху строки. Въ рукописи здѣсь описка: «безстровно» (sic). [15] Зачеркнуто: «онъ есть». [16] Послѣ этого зачеркнуто: «есть средина». [17] Въ рукописи описка: «принадлежатъ». [18] Послѣ слова: «родъ» зачеркнуто: «менѣе»; нѣсколько выше можно отмѣтить не дописанное и не вполнѣ разборчивое слово: «только», а также — передъ словомъ: «строфы» — зачеркнуто: «число». [19] Зачеркнуто: «всѣхъ». [20] Послѣ этого зачеркнуто слово: «мелодическое». [21] Прежде было: «глубоко поэтическаго». [22] Слово не дописано.

Стр. 410. [1] Послѣ этого зачеркнуто не дописанное: «составляя», сверху котораго приписано: «когда». [2] Это предложеніе («не переходя въ письменность») приписано сверху строки. [3] Въ рукописи: «наши». [4] Послѣднее слово приписано сверху строки. [5] Зачеркнуто не дописанное слово: «общихъ». [6] Это слово приписано сверху строки. [7] Прежде было: «обнимавшихъ»; послѣ этого слова («которыя») зачеркнуты слова: «когда-либо». [8] Прежде было: «какъ». [9] Послѣ этого зачеркнуто: «были». [10] Въ концѣ строки не дописано. [11] Послѣ этого зачеркнуто: «часто». [12] Въ концѣ строки не дописано. [13] Тоже. [14] Въ рукописи описка: «у Пушкина». [15] Слово: «этой» приписано сверху строки; прежде было: «среди этой». [16] Зачеркнуто: «стихотвореніе». [17] Въ рукописи описка: «мызыку» (sic). [18] Вмѣсто предлога «отъ» прежде было: «но». [19] Послѣ этого зачеркнуто: «пѣсни». Вслѣдствіе этого въ слѣдующемъ затѣмъ перечнѣ фамилій извѣстныхъ поэтовъ въ рукописи поставленныя прежде формы родительнаго падежа должны были бы быть измѣнены въ формы именительнаго падежа, но по торопливости автора оставлены безъ измѣненія. [20] Послѣ этого зачеркнуто недописанное: «созда(ли)». [21] Зачеркнуто: «разныхъ пѣся...». [22] Въ рукописи это слово не дописано. [23] Тоже. [24] Прежде было написано какое-то неразборчивое слово; оно зачеркнуто и замѣнено словомъ: «веселье». [25] Прежде было: «элегическаго чувства». Послѣднія слова, начиная отъ слова: «романсѣ», въ рукописи приписаны сверху строки. [26] Передъ этимъ зачеркнуто: «все», тотчасъ же возстановленное послѣ: «словомъ». [27] Слово: «настроенному» въ концѣ строки не дописано. [28] Прежде было: «души». [29] Всѣ предыдущія строки, начиная съ словъ: «хотя она не есть» приписаны сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ строкъ: «Само...» «въ самомъ на(чалѣ)...» [29] Это слово приписано сверху строки. [30] Въ рукописи слово: «произведшаго» по ошибкѣ зачеркнуто вмѣстѣ съ предшествующимъ: «очущенія» (sic), а сверху написано: «служившаго», но это послѣднее слово не можетъ быть сохранено въ текстѣ въ виду того, что авторъ забылъ сдѣлать соотвѣтствующее измѣненіе во всей фразѣ. [31] Слово: «восторгъ» въ концѣ строки не дописано. [32] Прежде было: «въ своихъ». [33] Въ рукописи: «щастливыя». [34] Слѣдующія слова написаны уже на другой страницѣ; здѣсь приписка обозначена знакомъ +.

Стр. 411. [1] Слово: «тоже» приписано сверху строки. [2] Послѣ этого зачеркнуто: «и не можетъ быть». [3] Слово: «бы» (какъ бы) приписано сверху строки. [4] Всѣ эти строки, начиная отъ слова: «сочиняющій», приписаны сверху зачеркнутыхъ: «Грусть выливается также пѣснью и также обыкновенно горазло послѣ случившагося событія и также находитъ отраду въ самыхъ звукахъ, въ повтореніи и возвращеніи къ тому же, какъ бы нѣжась мелодіей самой грусти». [5] Послѣ этого зачеркнуто: «самна». [6] Послѣ этого зачеркнуты слова: «когда пѣлись». [7] Слово: «невыразимо» приписано сверху строки. [8] Слово: «прелесть» въ рукописи не дописано. [9] Послѣ этого зачеркнуто: «романсъ отличается отъ пѣсни тѣмъ». Сверху строки приписано еще: «Онъ» (нѣсколько) «пѣсни нѣсколько». «Романсъ (уже потому, что онъ не такъ...) соединенными голосами многихъ (несетъ) дружное ликованіе (многихъ) общест...., но принадлежитъ одному, заключаетъ какъ бы элегическое, болѣе утонченное...» [10] Прежде было: «въ самыхъ даже». [11] Послѣ этого зачерк-

нуто: «изгибы», тотчасъ же возстановленное въ выраженіи: «внутренніе изгибы». [12] Зачеркнуто: «тихое». [13] Эти строки, начиная отъ словъ: «не тѣхъ», приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «чувствъ тѣхъ также, которыя содержатся въ душѣ, какъ великая святыня и...». [14] Слово: «великіе» приписано сверху строки. [15] Послѣ этого зачеркнуто: «какъ бы». [16] Слово: «лирическій» не дописано. [17] Въ рукописи: «описательное». [18] Прежде было: «элегія почти дидактическое и описательное сочиненіе, но (она) потому только не переходитъ въ дидактическое, а остается въ области лирической, что описываетъ слишкомъ близкое душѣ своей, что̀ никакъ не можетъ описываться...» [19] Слово: «душевной» не дописано. [20] Зачеркнуто: «возглашается крикомъ», «восклицаетъ». [21] Послѣднія слова: «взываетъ какъ бы громомъ гремящаго оркестра» приписаны сверху строки. [22] Въ рукописи: «въ пѣсни». Передъ словомъ: «въ ней» зачеркнуто: «то». [23] Прежде было: «она какъ». [24] Въ рукописи: «сердечное письмо». [25] Въ рукописи это слово пропущено. [26] Слова: «скупа на слова» приписаны сверху строки. Послѣ этого зачеркнуто: «и описываетъ».

Стр. 412. [1] Слова: «и неистощимо говорливы» приписаны сверху строки. [2] Послѣ этого зачеркнуто: «она». [3] Слово: «меланхолическую» въ концѣ строки не дописано. [4] Эти два слова приписаны сверху строки. [5] Въ рукописи: «сердца». [6] Слово: «сѣверныхъ» приписано сверху строки. [7] Въ рукописи не дописано: «избираетъ» (sic). Послѣ этого зачеркнуто: «предметы». [8] Послѣ этого зачеркнуто: «происшествіе». [9] Прежде было: «сохранявшееся». [10] Въ рукописной копіи «Учебной книги словесности», снятой г. Кулишомъ и предназначавшейся имъ въ свое время для напечатанія въ его изданіи «Сочиненій и писемъ Гоголя», рукою г. Кулиша, къ словамъ: «Думы могутъ быть только объ однихъ историческихъ лицахъ» сдѣлана подстрочная выноска: «Напротивъ, во многихъ малороссійскихъ думахъ воспѣваются лица вовсе не историческія и событія жизни семейной тѣмъ же самымъ складомъ, что̀ и герои старины». [11] Прежде было: «ихъ бы». [12] Прежде было: «пѣлись». [13] Прежде было: «какъ пѣсни». [14] Прежде было: «изъ». [15] Слово: «гармоническое» приписано сверху строки. [16] Послѣ слова: «поэзія» въ рукописи зачеркнуто: «есть». [17] Зачеркнуто: «они». [18] Зачеркнуто: «красотою же». [19] Слова: «за лицами, имъ выведен(ными)» въ рукописи приписаны сверху строки. [20] Слово: «живѣе» приписано сверху строки. [21] Въ концѣ строки не дописано.

Отр. 413. [1] Послѣ слова: «тѣмъ» зачеркнуто слово: «всякій»; передъ нимъ слово: «собственности» въ концѣ строки не дописано. [2] Послѣ этого въ рукописи: «когда». [3] Послѣ этого было: «имѣетъ». [4] Эти слова приписаны сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «и приводитъ къ тому все дѣйствіе» (зачеркнуто недописанное слово: «лиц(ъ)»), «изображени(ихъ) имъ лицъ». Послѣ этого еще зачеркнуто: «ее». [5] Прежде было: «въ дѣйствіи живыхъ лицъ». [6] Слово: «разыгрывая» въ рукописи не дописано. [7] Въ рукописи описка: «данною». [8] Слово: «мѣрѣ» въ концѣ строки не дописано. [9] Слова: «все происшествіе» приписаны сверху строки. [10] Въ рукописи: «внутренно». [11] Слово: «двинуто» приписано сверху строки. [12] Слово *и* въ рукописи по ошибкѣ зачеркнуто. [13] Слово: «драматической» въ концѣ строки не дописано. [14] Въ рукописи: «повѣств(овательной)»; слово это не дописано.

[15] Слова: «значительную и сильную» приписаны сверху строки. [16] Послѣ этого зачеркнуто: «для которой». [17] Прежде было: «того». Затѣмъ послѣ этого слова: «тогда» зачеркнуты слова: «живость, достоинство и...». [18] Слово: «только» приписано сверху строки. [19] Послѣ этого зачеркнуто: «которая не». [20] Слово: «происшествіи» въ концѣ строки не дописано. [21] Приписано сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «только». [22] Въ рукописи описка: «велика». [23] Слово: «безчисленные» въ концѣ строки не дописано. [24] Слово: «величайшее» въ рукописи не дописано. [25] Слово: «драматическо» приписано сверху строки, а «повѣствовательны(хъ)» не дописано. [26] Въ рукописи: «въ герой» (sic). [27] Послѣ этого зачеркнуто: «слишкомъ». [28] Слово: «значительное» въ концѣ строки не дописано. Послѣ этого зачеркнуто: «въ героѣ». [29] Слово: «отношеніяхъ» въ концѣ строки не дописано.

Стр. 414. [1] Слова: «необходимо долженъ» приписаны сверху строки. [2] Въ рукописи: «созидается». [3] Слово: «объемлетъ» въ концѣ строки не дописано. Послѣ этого зачеркнуто: «всю эпоху не такъ, какъ романъ». [4] Послѣ этого зачеркнуто: «того времени». [5] Вмѣсто слова: «того» сверху приписано: «времен(и)». [6] Прежде было: «знаній». [7] Сперва было начато: «од(но)», но зачеркнуто на ходу письма и потомъ это же слово возстановлено вновь. [8] Такъ въ рукописи: «а и часто и многіе народы» и проч. (sic). [9] Слово: «совокупляются» въ концѣ строки не дописано. [10] Слово: «точно» приписано сверху строки. [11] Послѣ этого зачеркнуто: «въ какомъ». [12] Слово: «представляетъ» въ концѣ строки не дописано. [13] Послѣ слова: «есть» зачеркнуто: «творені(е)». [14] Слово: «народамъ» въ концѣ строки не дописано. [15] Слово: «старѣющееся» въ концѣ строки не дописано. [16] Послѣ этого зачеркнуто: «живущее». [17] Слово: «совершенство» въ концѣ строки не дописано. [18] Слово: «эти» не дописано и зачеркнуто на ходу письма слово: «рѣ(дко)». [19] Послѣ этого зачеркнуто: «его». [20] Послѣ этого зачеркнуто не дописанное: «соотвѣтствую(щіе)». [21] Слово: «многостороняость» въ концѣ строки не дописано. [22] Въ рукописи не дописано: «сравнив....». [23] Слово: «стѣсняютъ» въ концѣ строки не дописано. [24] Въ рукописи: «свое и», при чемъ приписано сверху строки: «слово», а «и» зачеркнуто. [25] Въ рукописи: «значенье». [26] Послѣ этого зачеркнуто: «обращая ихъ». [27] Слово: «и» приписано сверху строки. [28] Передъ этимъ зачеркнуто: «его»; послѣ этого: «какъ». [29] Прежде было: «сіяетъ». [30] Послѣ этого зачеркнуто: «тѣмъ же свѣтомъ и тѣмъ же солнцемъ» и «освѣщеніемъ». [31] Послѣ этого въ рукописи зачеркнуто: «этой всемірности нѣтъ ни въ одной изъ новѣйшихъ эпопей, исключая, можетъ быть, только одного Данта, у котораго» (въ рукописи описка: «которая») «она является отчасти но» (послѣ этого зачеркнуто: «слишкомъ условленная» (зачеркнуто: «ограниченныхъ условій») «временемъ и личнымъ взглядомъ самого поэта». [32] Слова: «какъ бы» приписаны сверху строки. [33] Прежде было: «предметомъ». [34] Окончаніе написано неразборчиво; повидимому, описка: «который»; видно, что Гоголь колебался, — согласовать ли мѣстоименіе съ словомъ: «романомъ», или «эпопеей». [35] Слово: «хотя» приписано сверху строки. [36] Слова: «невидное лицо» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «иногда даже не сов(сѣмъ)». Послѣ этого зачеркнуто: «въ нѣкоторыхъ» и «во

многихъ». [37] Прежде было: «изобразить». [38] Слово: «картину» въ концѣ строки не дописано.

Стр. 415. [1] Всѣ эти слова, начиная отъ словъ: «всего значительнаго», приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «развитія человѣческаго». [2] Слово: «времени» подписано внизу строки. [3] Послѣ этого зачеркнуто: «поро(ковъ)». [4] Послѣ этого зачеркнуто: «человѣка». [5] Опять зачеркнуто слово: «человѣка». [6] Зачеркнуто: «уроко(въ)». [7] Въ рукописи описка: «причислить». [8] Въ концѣ строки не дописано. [9] Слово: «поэтическимъ» не дописано. Послѣ этого зачеркнуто: «какъ напримѣръ Сервантесовъ «Донъ Кихотъ», отчасти романы Фильдинга и наконецъ множество другихъ.», «Или беретъ, или почти типографія его, изображеніе жизни...» [10] Слово: «эпическій» приписано сверху строки. [11] Послѣ этого зачеркнуто: «довольно». [12] Въ рукописи описка: «частный явленій» (sic). [13] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [14] Послѣ этого зачеркнуто: «и когда переходитъ въ слишкомъ обыкновенную жизнь». [9] Слово: «приключеніямъ» въ концѣ строки не дописано. [15] Слово: «нѣкоторыхъ» въ концѣ строки не дописано. [16] Слово: «самый» въ концѣ строки не дописано. [17] Слово: «святою» въ концѣ строки не дописано. [18] Зачеркнуто: «сквозитъ». [19] Слово: «малый» приписано сверху строки. [20] Сначала Гоголь написалъ было въ заглавіи: «идиллія». [21] Въ рукописи описка: «котораго». [22] Послѣднія два слова не дописаны, и все предложеніе, начиная словомъ: «которыя», приписано сверху строки.

Стр. 416. [1] Это слово въ рукописи пропущено. [2] Прежде было: «съ этихъ поръ». [3] Слово: «понятіяхъ» не дописано. [4] Послѣ этого зачеркнуто: «лица беру(щіяся)». [5] Послѣ этого зачеркнуто: «или же просто». [6] Слово: «собственно» въ концѣ строки не дописано; передъ этимъ вмѣсто *себя* описка: «своихъ». [7] Зачеркнуто: «повѣт(ствуютъ)» (такъ Гоголь писалъ обыкновенно это слово). [8] Опять зачеркнуто: «повѣтствуетъ». [9] Въ рукописи: «повѣтствуютъ. [10] Послѣднія три слова: «иногда даже вовсе» приписаны сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «и какъ бы». [11] Слово: «стихотвореніе» въ концѣ строки не дописано. [12] Въ рукописи: «назваться»; передъ этимъ слово: «эклогою» не дописано. [13] Въ концѣ строки не дописано; потомъ зачеркнуто: «Ерм(ака)». [14] Въ рукописи описка: «Дмитріевой» (sic). [15] Слово: «Катенина» въ концѣ строки не дописано. [16] Въ концѣ строки не дописано слово: «состязаются». [17] Зачеркнуто: «стихотвор(енія)». [18] Зачеркнуто: «начали упот(ребляться)». [19] Послѣднія четыре слова: «которыя имѣютъ наружный видъ» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «имѣющія видъ споровъ». [20] Зачеркнуто: «и». [21] Въ рукописи: «неотдушевленными» (sic). [22] Въ рукописи: «отдушевляетъ». [23] Послѣ словъ: «къ проявленію» зачеркнуто: «и къ». [24] Въ рукописи описка: «Лермонтовъ» [25] Въ рукописи это слово пропущено. [26] Зачеркнуто: «которыя какъ бы на». [27] Въ рукописи: «отдушевленныхъ».

Стр. 417. [1] Гоголь вездѣ пишетъ это слово неправильно: «идилія» (sic). [2] Послѣ этого зачеркнуто: «всегда». [3] Прежде было: «соединяется». [4] Въ рукописи описка: «ширѣ» (sic). [5] Слова: «если только» приписаны сверху зачеркнутыхъ: «съ...» «когда». [6] Слово: «неразлучны» въ концѣ строки не дописано. [7] Въ рукописи явная описка: «проста». [8] Въ рукописи послѣ этого

зачеркнуто еще: «тихій». [9] Послѣ этого зачеркнуто: «она хотя». [10] Слово: «мелка» въ концѣ строки не дописано. [11] Послѣ этого зачеркнуто: «описанія». [12] Здѣсь въ рукописи, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ: «драматическаго». [13] Слово: «потрясающаго» приписано сверху строки. [14] Слово: «наши» въ концѣ строки не дописано. [15] Слово: «ошибется» въ концѣ строки не дописано. [16] Прежде было: «сверхъ (того)....». [17] Въ рукописи эти слова пропущены. [18] Въ рукописи: «удобнѣйшей формы». [19] Въ концѣ строки не дописано. [20] Тоже. [21] Не дописано. [22] Въ концѣ строки не дописано. [23] Въ рукописи: «понравившаго(ся)» написано сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго слова: «прекрас(наго)». [24] Въ рукописи: «висѣвшему». [25] Послѣднее предложеніе приписано сверху строки. [26] Послѣ этого зачеркнуто: «быта». [27] Прежде было написано: «сказочнаго». [28] Послѣднія три слова приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «она есть». [29] Въ концѣ строки не дописано. [30] Слова: «ею избираемымъ» приписаны сверху строки. [31] Въ рукописи: «фламанскою» (sic). [32] Въ концѣ строки не дописано.

Стр. 418. [1] Тоже. [2] Зачеркнуто недописанное слово: «зава(зку)». [3] Зачеркнуто: «взяты до межд...». [4] Въ концѣ строки не дописано. [5] Въ рукописи: «заранѣ». [6] Послѣ этого зачеркнуто: «всѣхъ миліо(новъ)...» и надстрочная приписка: «во множествѣ». [7] Слова: «и во множествѣ въ видѣ» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «пері...»; послѣ нихъ также сверху строки приписано: «мимо»; мы не вносимъ это слово въ текстъ въ виду того, что Гоголь, очевидно, забылъ его зачеркнуть и немного далѣе вновь внесъ его въ текстъ. [8] Въ рукописи: «мимо явленія». Гоголь здѣсь, прибавивъ слова: «во множествѣ» и «въ видѣ», забылъ измѣнить окончанія слѣдующихъ словъ. Слово: «мимо» въ концѣ строки не дописано. [9] Въ рукописи: «всякъ». [10] Въ рукописи: «незначительное». [11] Въ рукописи: «его о участіи». Эта описка произошла вслѣдствіе того, что слово *о* приписано насюро сверху строки. [12] Въ концѣ строки не дописано. [13] Тоже. [14] Послѣ этого зачеркнуто: «дальнія». [15] Зачеркнуто: «въ». [16] Зачеркнуто: «обраща(етъ)». [17] Въ рукописи: «она летитъ какъ драма». [18] Приписано сверху строки. [19] Зачеркнуто: «лицъ». [20] Это слово приписано сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «какъ лицъ, такъ и характеровъ». [21] Зачеркнуто: «они всѣ». [22] Слово приписано сверху строки и при томъ не дописано. [23] Приписано сверху строки и опять не дописано. Послѣ этого зачеркнуто: «свое». [24] Послѣ этого зачеркнуто: «себя болѣе и болѣ(е) характеры и притомъ съ быстротой». Кромѣ того, зачеркнуто слово, приписанное сверху: «быстро». [25] Слова: «обнаруживать сильнѣй» приписаны сверху строки. Послѣ: «сильнѣй» зачеркнуто на ходу письма еще разъ: «и сильнѣ(й)». [26] Зачеркнуто: «завлекая читателя». [27] Зачеркнуто: «хотя и». [28] Въ концѣ строки не дописано. [29] Зачеркнуто: «какъ эпопея». [30] Въ концѣ строки не дописано. [31] Здѣсь въ рукописи заглавіе не выставлено. [32] Послѣ этого въ рукописи стоитъ: «бывшій или могущій и его». [33] Зачеркнуто: «или поуче(віе)». [34] Слова: «мыслящаго или наблюдателя» приписаны сверху строки. [35] Зачеркнуто: «можетъ». [36] Слово: «то» приписано сверху строки. [37] Послѣ этого: «похоже(е) на кот(орое)»... [38] Въ рукописи не дописано: «отдаленность» вмѣсто: «отдаленностью». [39] Въ концѣ строки не дописано. [40] Прежде было: «оно».

Стр. 419. [1] Не дописано. [2] Въ концѣ строки не дописано. [3] Въ концѣ строки не дописано; послѣ этого зачеркнуто: «называетъ». [4] Слова: «съ начала до конца» приписаны сверху строки; внизу, подъ этими словами, зачеркнуто: «всю». [5] Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма только-что начатое слово. [6] Слова: «картинный случай» приписаны сверху строки. [7] Окончанія не дописаны. [8] Послѣ этого зачеркнуто: «можетъ быть, даже». [9] Въ рукописи описка: «значительныхъ» [10] Въ рукописи: «мѣлочь». [11] Эта фамилія въ рукописи пропущена. [12] Послѣ этого зачеркнуто: «или же самъ». [13] Слова: «какую-нибудь отдѣльную картину» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «картину времени и нравовъ или же собственной фантазіи и чув(ства)» (Послѣднее слово въ концѣ строки не дописано). [14] Въ концѣ строки не дописано. [15] Заглавіе въ рукописи не выставлено. [16] Зачеркнуто: «разсказаннымъ простымъ событіемъ обнаруживаетъ». [17] Прежде было: «пріемлетъ аллегорическую одежду». Это слово: «пріемлетъ» не зачеркнуто, но сверху приписано: «служитъ». Вмѣсто слова: «одежду» стоитъ: «одежда» и далѣе: «облекающая». [18] Приписано сверху строки вмѣсто зачеркнутаго: «и». [19] Въ концѣ строки не дописано. [20] Въ рукописи описка: «простолюду» (sic). [21] Это предложеніе приписано сверху строки, при чемъ нѣкоторыя слова не дописаны. [22] Въ рукописи описка: «по своему содержаніе». [23] Это слово приписано сверху строки. [24] Зачеркнуто: «умѣетъ захватить»; послѣ этого описка: «возлѣетъ» вмѣсто: «возлелѣетъ». [25] Слова: «и развьетъ, какъ поэму» приписаны сверху строки. [26] Эти слова приписаны сверху строки. [27] Въ рукописи: «когда». Здѣсь первоначально было: «когда созданы всѣ народомъ»; приписавъ сверху слова: «когда содержаніе», Гоголь забылъ измѣнить примѣнительно къ нимъ написанное прежде. [28] Въ концѣ строки не дописано. [29] Послѣднія четыре слова приписаны сверху строки; внизу стоитъ еще зачеркнутое слово: «оды». [30] Это предложеніе стоитъ сверху строки. [31] Въ концѣ строки не дописано. [32] Тоже. [33] Слово не дописано. [34] Эта фамилія приписана сверху строки. Слово и по ошибкѣ пропущено.

Стр. 420. [1] Въ рукописи: «Берендѣе». [2] Не дописано. [3] Заглавіе въ рукописи не выставлено. [4] Зачеркнуто: «неопредѣленно. [5] Зачеркнуто: «(и) безъ того»; но «и» по ошибкѣ осталось не зачеркнутымъ. [6] Слово въ концѣ строки не дописано. [7] Тоже. [8] Зачеркнуто: «что». [9] Не дописано. [10] Тоже. [11] Въ концѣ строки не дописано. [12] Слово это въ рукописи пропущено. [13] Не дописано. [14] Въ рукописи: «тракта». [15] Въ концѣ строки не дописано. [16] Не дописано. [17] Заглавіе въ рукописи не выставлено. [18] Не дописано, какъ и далѣе въ большинствѣ фамилій. [19] Быть можетъ, Гоголь разумѣлъ здѣсь «Стансы»: «Въ часы забавъ иль праздной скуки», такъ какъ стихотворенія съ даннымъ заглавіемъ: «Пастырь» въ стихотвореніяхъ Пушкина не имѣется. [20] Послѣ «Подражаніе Іову» Ломоносова зачеркнуто: «Осень во время осады Очакова» Держ(авина). [21] Заглавіе приведено неточно. Полное и точное заглавіе оды слѣдующее: «Ода Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, Самодержицѣ Всероссійской и Наслѣднику Ея Величества, Внуку Петра Великаго, Пресвѣтлѣйшему Государю, Великому Князю Петру Ѳеодоровичу и Супругѣ Его, Пресвѣтлѣйшей Государынѣ, Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ на всево-

жделѣнное рожденіе Пресвѣтлаго Государя Великаго Князя, Павла Петровича, сентября 20 дня 1754 года, съ искреннимъ усердіемъ и ревностью принесенная отъ всеподданнѣйшаго раба Михаила Ломоносова». Въ академическомъ изданіи эта ода помѣщена во второмъ томѣ (стр. 117—125). Основная мысль стихотворенія, на которую обращаетъ вниманіе Гоголь въ подстрочномъ примѣчаніи, выражена особенно въ слѣдующихъ словахъ олицетворенной Москвы:

«Теперь мнѣ небо утверждаетъ,
Что домъ Петровъ не будетъ пустъ!
Онъ въ немъ во вѣки водворится;
Премудрость, мужество, покой
И судъ и правда водарится;
Онъ рогъ до звѣздъ возноситъ свой»...

И далѣе — о Петрѣ Великомъ:

«Онъ паки нынѣ воскресаетъ,
Что въ Правнукѣ своемъ дыхаетъ,
И родъ въ немъ возставляетъ свой».

Выражая далѣе надежды на свѣтлое будущее Россіи, поэтъ снова прибавляетъ:

«Сіе все можетъ совершиться
Петрова Племени рукой».

[22] Выноска написана на отдѣльной страничкѣ. [23] Слово: «императора» въ концѣ строки не дописано. [24] Тоже. [25] Прежде было: «почти съ пророчески(мъ)». [26] Такъ въ рукописи. [27] Въ рукописи: «которыхъ». [28] Зачеркнуто: «какъ бы». [29] Послѣ этого зачеркнуто: «въ немъ поля(леніе)». [30] Зачеркнуто: «и сильно». [31] Послѣ этого зачеркнуто: «мір(у)».

Стр. 421. [1] Фамилія автора оды въ рукописи не обозначена. [2] Здѣсь, очевидно, разумѣется стихотвореніе: «Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ», о которомъ, какъ извѣстно, Гоголь упоминаетъ въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» въ статьѣ: «О лиризмѣ нашихъ поэтовъ» (см. настоящаго изданія т. IV, стр. 44—45). [3] Передъ этимъ зачеркнуто начатое слово: «Россія». Въ рукописи описка: «Давиду» — вмѣсто: «Давидову». [4] Потомъ зачеркнуто: «Под...» [5] Эти слова приписаны сверху зачеркнутыхъ: «На взятіе Измаила». [6] Послѣ этого зачеркнуто: «Клевет(никамъ)», т.-е. «Клеветникамъ Россіи». [7] Повтореніе въ подлинной рукописи; см. выше. [8] Точное заглавіе: «На кончину графа Орлова» (академич. изд., т. I, стр. 506). [9] Копія этого извѣстнаго стихотворенія Языкова тутъ же приложена, въ той же тетради, въ которую вписана «Учебная книга Словесности». Къ сожалѣнію, оно пропущено въ извѣстномъ изданіи Перевлѣсскаго. Оно было не разъ напечатано. [10] Заглавіе указано неточно; подлинное заглавіе: «Къ Красавцу» (см. академическое изданіе сочиненій Державина, т. I, стр. 419). Заглавіе этого стихотворенія приписано вмѣсто зачеркнутаго: «Мой истуканъ» Державин(а)». [11] Кажется, Гоголь разумѣлъ здѣсь «Думу» Лермонтова. Далѣе «Къ XIX вѣку» Лихонина носитъ названіе собственно: «Вѣкъ ума» (это стихотвореніе оказалось въ числѣ приложеннихъ Гого-

лемъ въ концѣ тетради; см. выше). [12] Послѣ этого зачеркнуто: «Памятникъ» Пушкина. [13] Гоголь не обозначаетъ, какую именно оду Ломоносова онъ имѣлъ здѣсь въ виду. [14] Здѣсь снова зачеркнуто: «Памятникъ» Пушкин(а). [15] Точное заглавіе: «На смерть Юліи». [16] Точное заглавіе: «Пѣсня». «Кудри, кудри шелковыя» — третій стихъ «Пѣсни». Вотъ ея начало:

На яву и въ сладкомъ снѣ
Все мечтаетесь вы мнѣ,
Кудри, кудри шелковыя,
Юныхъ персей красота,
Прелесть, очи и уста
И лобзанія живыя» и проч.

Послѣ этого зачеркнуто: «Тройка». [17] Точное заглавіе стихотворенія: «Зимняя дорога». Гоголь приводитъ здѣсь начальный стихъ второй строфы. [18] Точное заглавіе: «Пѣсня». См. въ седьмомъ изданіи собранія сочиненій Жуковскаго (т. II, стр. 391).

Стр. 422. [1] Точное заглавіе стихотворенія: «Плѣнный». [2] Опять выставлено на память неточное заглавіе; въ изданіи стихотвореній Языкова стихотвореніе озаглавлено: «Моя родина» (см. изд. Перевлѣсскаго, т. I, стр. 5). [3] Заглавіе этого стихотворенія: «Водопадъ» (изд. Перевлѣсскаго, т. II, стр. 5—6). Гоголь неточно приводитъ на память первый стихъ; стихотвореніе начинается такъ:

«Море блеска, гулъ, удары,
И земля потрясена».

Въ рукописи послѣднее слово стиха: «удары» написано не вполнѣ отчетливо. [4] Послѣ слова: «Ночь» зачеркнуто: «Языкова». Быть можетъ, сомнѣвалсь въ точности заглавія, Гоголь рѣшилъ привести еще начальный стихъ. [5] Точное заглавіе стихотворенія: «Мысль о югѣ». [6] Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто недописанное слово: «Пѣс(ня)», — новое доказательство, что Гоголь указывалъ заглавія на память. [7] Послѣ этого зачеркнуто: «Пѣсни» Дельвига, «Давид...» [8] Послѣ этого зачеркнуто: «Давидова пѣсня». [9] Въ сочиненіяхъ Пушкина это стихотвореніе озаглавлено: «Примѣты» (изд. Литер. Фонда, т. II, стр. 62); его не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ стихотвореніемъ, имѣющимъ то же заглавіе, и начинающимся такъ: «Старайся наблюдать» (см. тамъ же, т. I, стр. 272). [10] Точное заглавіе: «Пѣснь Гаральда Смѣлаго» (Соч. Батюшкова, изд. П. Н. Батюшкова (1887 г.), т. I, стр. 238). [11] Стихотвореніе, посвященное будущей супругѣ (второй) Державина, Д. А. Дьяковой (см. академич. изд., т. I, стр. 409). [12] Эта строка приписана сверху. [13] Послѣ этого зачеркнуто слово: «Державина», относящееся къ слѣдующему стихотворенію. [14] Стихотвореніе это озаглавливается: «Зима» (П. Л. Вельяминову). «Что ты, муза, такъ печальна?» — первый стихъ (см. академич. изд., т. II, стр. 331). [15] Особаго заглавія это стихотвореніе не имѣетъ; его первые стихи:

Предъ испанкой благородной
Двое рыцарей стоятъ.

[16] Точное заглавіе: «Пажъ, или пятнадцатый годъ». [17] Въ виду отсутствія этого стихотворенія въ нѣкоторыхъ изданіяхъ (напр. въ шестомъ, 1823 г., указываемъ страницу, на которой оно напечатано въ четвертомъ изданіи 1814 г. (ч. II, стр. 50). [18] Точное заглавіе: «Сельская элегія». [19] Точное заглавіе: «Многолѣтіе».

Стр. 423. [1] Точное заглавіе: «Пѣсня». [2] Въ четвертомъ изданіи стихотвореній Дмитріева см. ч. II, стр. 87 (см. 17 примѣч. къ стр. 422). [3] Точное заглавіе: «Чувства въ разлукѣ». [4] Въ собраніи сочиненій Жуковскаго это стихотвореніе озаглавлено: «Пѣсня» (см. изд. VII, гл. I, стр. 470). Въ слѣдующей строкѣ фамилія Нелединскаго-Мелецкаго написана такъ: «Нелѣдицкого-Мелецкого» (sic). [5] Точное заглавіе стихотворенія: «Вздохъ». [6] Послѣ этого въ рукописи зачеркнуто: «Легкій, легкій вѣтеръ...» [7] Точное заглавіе: «19 октября 1825 г.» (изд. Литер. Фонда, т. I, стр. 355). [8] Прежде было написано: «Жуковскаго». [9] Это стихотвореніе обыкновенно озаглавливается: «*На кончину* королевы Виртембергской». [10] Точное заглавіе: «Памяти А. И. Одоевскаго». [11] Гоголь неправильно раздѣляетъ здѣсь на два стиха, начальный стихъ извѣстнаго стихотворенія Пушкина:

«Ненастный день потухъ, ненастной ночи мгла...»

[12] Пропущено: «элегіи». Очевидно, Гоголь разумѣетъ здѣсь второй переводъ элегіи Грея: «Сельское кладбище», т.-е. переводъ 1839 года. [13] Точное заглавіе стихотворенія: «Тѣнь друга». Прежде Гоголь вмѣсто перваго стиха написалъ просто: «Элегія». [14] Стихотворенія этого мы не нашли у Плетнева. [15] Гоголь разумѣетъ здѣсь, вѣроятно, стихотвореніе Языкова, написанное во время тоски его по родинѣ въ годы студенчества въ Дерптѣ (нынѣшнемъ Юрьевѣ), или, можетъ быть:
«И тѣсно и душно мнѣ въ области горъ» (Соч. Языкова, изд. Перевл., т. II, стр. 242), или же, наконецъ, элегію, начинающуюся стихомъ:

«Толпа ли дѣвочекъ крикливая, живая» (т. II, 175).

Вообще же въ виду того, что не указанъ первый стихъ, точное названіе стихотворенія опредѣлить невозможно.

Стр. 424. [1] Точное заглавіе стихотворенія: «Просьба». [2] Точное заглавіе стихотворенія: «Воспоминаніе» (изд. Литерат. Фонда, т. I, стр. 37). [3] Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ изданіяхъ это извѣстное стихотвореніе, начинающееся стихомъ:

«Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый»,

озаглавливается: «Шалость» (см. изд. Литер. Фонда, т. II, стр. 101). [4] Вѣроятно: «Эклога»: Катенина (Эклоги: «Ермакъ» у Катенина *нѣтъ*). [5] Точное заглавіе: «Отставной солдатъ». [6] Точное заглавіе: «Деревенскій сторожъ въ полночь». [7] Вѣроятно: «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» или «Олеговъ щитъ». [8] Точное заглавіе: «Пиръ Петра Великаго». [9] Это названіе вписано между строкъ. Самое стихотвореніе, списанное на отдѣльной страничкѣ, приложено къ «Учебной книгѣ словесности». [10] См. пятую «Надпись къ статуѣ Петра Великаго» (см. академич. изд., т. I, стр. 207). [11] Точное заглавіе: «Обуховка».

Стр. 425. [1] Прежде было по ошибкѣ написано: «Языкова». [2] См. академич. изд., т. I, стр. 318. [3] Здѣсь разумѣется стихотвореніе Пушкина 1836 года: «На статую мальчика, играющаго въ бабки» (см. над. Литер. Фонда, II, 190—191). Статуя принадлежала художнику Логановскому, о которомъ Гоголь упоминаетъ въ одномъ изъ писемъ къ А. С. Даниловскому (отъ 2 февраля 1838 г., см. Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 301). [4] Гоголь разумѣетъ здѣсь извѣстное двустишіе:

«Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой».

[5] Такого стихотворенія въ полномъ собраніи сочиненій Батюшкова нѣтъ. [6] Вѣроятно, Гоголь ошибся, написавъ: «О милыхъ призракахъ» вмѣсто: «О милыхъ спутникахъ». Точное заглавіе: «Воспоминаніе». «О милыхъ спутникахъ, которые намъ свѣтъ Своимъ сочувствіемъ для насъ животворили». [7] Стихотвореніе начинается такъ: «Его стиховъ плѣнительная сладость». [8] Точное заглавіе стихотворенія: «Послѣдніе стихи»; начинается такъ:

«Люби питомца вдохновенья».

[9] Точное заглавіе: «Наяда» [10] Гоголь имѣетъ въ виду извѣстное стихотвореніе:

«Рѣка временъ въ своемъ стремленьѣ
Уноситъ всѣ дѣла людей»...

[11] Гоголь, вѣроятно, разумѣетъ здѣсь стихотвореніе: «Крейцнахскія соленарни», гдѣ Языковъ между прочимъ жалуется:

«Скучный видъ! Вотъ гдѣ я нынѣ!
Въ щели горъ, въ глухой лощинѣ,
На лѣкарственныхъ водахъ!
Жду отъ нихъ себѣ помоги!» и проч.

1846 годъ (стр. 426).

Есть основаніе думать, что Гоголь имѣлъ обыкновеніе передъ наступленіемъ каждаго новаго года писать небольшія записки, въ которыхъ высказывалъ самыя завѣтныя мечты и желанія вмѣстѣ съ мольбой объ ихъ исполненіи. Такія же записочки писалъ онъ иногда и въ другихъ важныхъ случаяхъ; такъ, нѣсколько подобныхъ записокъ онъ набросалъ незадолго до кончины (см. стр. 454). До насъ дошла, конечно, только весьма незначительная часть такихъ бѣглыхъ набросковъ, сохранившихся совершенно случайно. Обращеніе къ 1834 году, полное восторженнаго настроенія и довольно значительное по объему, составляло, вѣроятно, исключеніе въ ряду такихъ бѣглыхъ набросковъ (см. настоящаго изданія т. V, стр. 105—106). Обращеніе къ 1846 году печатается по копіи Трушковскаго, приготовленной для предположеннаго г. Кулишомъ седьмаго тома сочиненій Гоголя [1]).

[1]) Это предположеніе потомъ было оставлено.

О сословіяхъ въ государствѣ (стр. 427—432).

Статья: «О сословіяхъ въ государствѣ» написана была Гоголемъ начерно на нѣсколькихъ листкахъ почтовой бумаги, безъ всякой даты. По содержанію статьи видно, что этотъ набросокъ принадлежитъ послѣднимъ годамъ его литературной дѣятельности. Вопросы, которые затрогиваются здѣсь, занимали Гоголя особенно въ то время, когда онъ работалъ надъ вторымъ томомъ «Мертвыхъ душъ». Кромѣ того, въ нѣсколькихъ мѣстахъ статьи мы находимъ мысли, почти тождественныя съ тѣми, которыя онъ высказывалъ въ своихъ письмахъ и сочиненіяхъ вообще въ сороковыхъ годахъ. Прежде всего, мысль о высокомъ призваніи монарха, стоящаго внѣ сословій и заботящагося одинаково о благѣ каждаго изъ нихъ, выражена также въ записной книжкѣ 1842 г. («соединяя въ лицѣ званіе Верховнаго хранителя и блюстителя церкви, изъ которой исходитъ свѣтъ просвѣщенія и которая неумолкаемо молится о свѣтѣ просвѣщенія, Государь у насъ стремится къ свѣту» и проч.). [1] Далѣе Гоголь говоритъ: «въ воспитанье человѣка, съ самаго начала, должны войти обязанности того сословія, къ которому онъ принадлежитъ, чтобы онъ съ самаго начала почувствовалъ, что онъ гражданинъ и не безъ мѣста въ своемъ государствѣ». Намъ хорошо извѣстно, что Гоголь въ сороковыхъ годахъ придавалъ особенное значеніе познанію коренныхъ свойствъ русскаго человѣка и заботился самъ о пріобрѣтеніи этого познанія. Любопытны въ этомъ отношеніи также заботы Гоголя о его племянникѣ Н. П. Трушковскомъ, когда послѣдній былъ отрокомъ. Въ письмѣ къ сестрѣ своей, Аннѣ Васильевнѣ, онъ говоритъ между прочимъ: «пусть онъ» (племянникъ, Трушковскій) «разспрашиваетъ и узнаетъ про всякое сословіе въ Россіи, начиная съ собственной губерніи и уѣзда» [2] и проч. Затѣмъ мысли, высказанныя въ данной статьѣ о значеніи и преимуществахъ дворянскаго сословія, очевидно, имѣютъ самое близкое отношеніе къ наброску, озаглавленному: «Помѣщики». [3] Такъ, въ статьѣ: «О сословіяхъ въ государствѣ» Гоголь говоритъ, что «дворянство есть цвѣтъ нашего населенія» и что оно заявило себя заслугами передъ царемъ; то же самое читаемъ въ статьѣ: «Помѣщики», гдѣ авторъ утверждаетъ, что

[1] См. выше, стр. 497.

[2] Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 416 и 435.

[3] См. выше, стр. 451—452.

помѣщики лучше другихъ воспитали въ себѣ понятіе о чести и что именно изъ среды дворянства выходили Суворовы, Мордвиновы, Чичаговы и другіе. И тамъ и здѣсь Гоголь придаетъ гораздо больше значенія внутреннему голосу благородства въ дворянахъ, нежели бюрократическому контролю надъ ними. Въ статьѣ: «О сословіяхъ въ государствѣ» читаемъ: «Такой человѣкъ, кто лучше другихъ понялъ высокія чувства и назначеніе, можетъ лучше править, чѣмъ какой-нибудь простой чиновникъ, выбираемый въ засѣдатели или капитанъ-исправники»; въ статьѣ: «Помѣщики» Гоголь высказывается противъ ограниченія помѣщиковъ «мелочными чиновниками».

Разница замѣчается только въ томъ, что въ статьѣ: «Помѣщики» Гоголь выражаетъ несочувствіе власти за недостатокъ довѣрія ея къ благородству помѣщиковъ, тогда какъ въ статьѣ: «О сословіяхъ въ государствѣ» онъ говоритъ напротивъ: «Вольно было помѣщикамъ, позабывши высокую обязанность, глядѣть на крестьянъ, какъ на предметъ только дохода для своей роскоши и увеселеній. Этимъ они ничуть не доказали, что государи были неправы; а доказали только, что они сами уронили званье помѣщика». Въ виду во всякомъ случаѣ очевиднаго сходства между названными статьями не лишнимъ будетъ обратить вниманіе на слѣдующія слова, сказанныя управителю въ статьѣ: «Помѣщики»: «Какое бы было тебѣ дѣло обращать вниманіе, какъ издержитъ твои деньги земной помѣщикъ, когда у тебя Небесный Помѣщикъ?!» Эти слова опять говорятъ въ пользу того, что статья: «О сословіяхъ въ государствѣ» была написана *въ сороковыхъ годахъ*, въ тотъ періодъ, когда писался второй томъ «Мертвыхъ душъ» и «Переписка съ друзьями». Наконецъ самое важное сопоставленіе слѣдуетъ отмѣтить въ заключительныхъ строкахъ втораго тома «Мертвыхъ Душъ», въ призывѣ генералъ-губернатора къ русскому чувству и къ благородству присутствующихъ, причемъ прямо высказана мысль, что «никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ [ни] ограничивай онъ въ дѣйствіяхъ дутыхъ чиновниковъ приставленьемъ въ надзиратели другихъ чиновниковъ» (см. т. III, стр. 411).

Во всякомъ случаѣ, такъ какъ свѣдѣнія о разныхъ сословіяхъ Гоголь собиралъ преимущественно въ 1845 и 1846 годахъ, то, конечно, къ этому времени, или нѣсколько позднѣйшему, должна быть отнесена статья: «О сословіяхъ въ государствѣ» (27 января 1846 года

Гоголь писалъ Смирновой, только-что пріѣхавшей въ Калугу, гдѣ мужъ ея получилъ мѣсто губернатора: «Напишите мнѣ, что̀ такое служащіе ваши, что̀ такое помѣщики и что̀ такое купеческія жены», и проч. Наконецъ въ томъ же нашемъ предположеніи удостовѣряетъ насъ особенно слѣдующій черновой набросокъ, найденный нами въ бумагахъ Гоголя: «Васъ удивляетъ, почему я съ[1] такимъ стараніемъ стараюсь себѣ опредѣлить всякую должность въ Россіи, почему я хочу[2] узнать, въ чемъ ея существо. Говорю вамъ: мнѣ это нужно для моего[3] сочиненья, для этихъ[4] самыхъ «Мертвыхъ душъ», которыя начались мелочами[5] и секретарями, это познанье[6] точное и вѣрное должностей въ томъ[7], въ какомъ они должны у насъ[8] въ Россіи быть. Мнѣ бы не хотѣлось дать промаха и погрѣшить противъ правды тѣмъ болѣе, (что)[9] характер(ы)[10] и люди въ остальныхъ двухъ частяхъ выходятъ[11] покрупнѣе обыкновенныхъ и въ значительныхъ должностяхъ. Я васъ очень благодарю, что вы объяснили[12] должность генералъ-губернатора. Я только съ вашихъ словъ узналъ, (какъ она)[13] велика и (какъ)[14] нужна въ Россіи. Прежде мнѣ казалось, что и безъ нея организмъ управленія губерніи совершенно полонъ. Кстати[15] разсмотримъ[16] этотъ организмъ, чтобы видѣть, такъ ли точно я его понимаю, какъ есть. Мнѣ кажется, что онъ очень умно[17] соображенъ въ частяхъ,

---

1) Сверху написано: „так...“

2) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: „имени(о)“.

3) Прежде было: „того“.

4) Прежде было: „которыя“.

5) Прежде было: „такою тѣсною картиною. Мнѣ...“ Въ словѣ: „мелочами“ обычная ошибка: „мѣлочами“.

6) Сверху приписано: „ни долженъ начать (необходимо)... должно, но...“

7) Сверху приписано: „должностямъ повыше“.

8) Надъ словами: „должны у насъ“ приписано: „установлено быть“.

9) Это слово Гоголемъ пропущено.

10) Слово не дописано.

11) Послѣ этого зачеркнуто: „находятъ“.

12) Прежде было: „меня ввели въ познанье“. Послѣ этого еще приписано сверху: „можно было“.

13) Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты.

14) Тоже.

15) Это слово приписано сверху строки.

16) Послѣ этого зачеркнуто: „нарочно весь“.

17) Эти слова: „очень умно“ приписаны сверху строки.

соотвѣтствуетъ духу земли и[18]) обнаруживаетъ[19]) въ государынѣ Екатеринѣ большое пониманіе потребностей нашихъ»[20]).

Судя по содержанію приведеннаго отрывка, онъ относится къ графу А. П. Толстому. Какъ видно, Гоголь обращался и къ нему, какъ къ другимъ своимъ друзьямъ, съ просьбой о доставленіи ему необходимыхъ свѣдѣній для втораго тома «Мертвыхъ душъ». Въ одномъ изъ писемъ къ Шевыреву (отъ 2 декабря 1847 года) Гоголь жаловался на то, что ему «*никто* не хотѣлъ помочь въ этомъ самомъ дѣлѣ, котораго ждетъ»[21]), вслѣдствіе чего онъ заявляетъ, что «на всѣ эти ребяческія ожиданія и требованія 2 тома глядѣть нечего». Было бы рискованно, однако, на одномъ этомъ основаніи относить безъ колебаній приведенный отрывокъ ко времени сравнительно *позднѣйшему* съ «Перепиской», когда Гоголь, получивъ нѣкоторыя свѣдѣнія отъ Толстаго, не имѣлъ уже основанія утверждать безусловно, что «никто не хотѣлъ помочь» ему.

Стр. 427. [1] Слова: «разнаго рода» приписаны сверху строки. [2] Слово: «бывшими» въ концѣ строки не дописано. [3] Слово: «аристократію» въ концѣ строки не дописано. [4] Пропускъ въ подлинникѣ. [5] Слово: «сочиняется» въ концѣ строки не дописано. [6] Слово: «нечувствительно» въ концѣ строки не дописано. [7] Эти слова: «изъ духа и свойства самого народа» приписаны сверху строки. [8] Слово: «показива(етъ)» прибавлено сверху строки, но не дописано. [9] Послѣ слова: «глубокомысленному» зачеркнуто: «от... свойства». [10] Слово: «случаяхъ» въ концѣ строки не дописано. Послѣ него зачеркнуто на ходу письма: «пост...». [11] Послѣ этого зачеркнуто: «и выводитъ изъ этого». [12] Прежде было: «открывается». [13] Слово: «добровольнымъ» въ концѣ строки не дописано. [14] Послѣ этого зачеркнуто: «власти». [15] Въ рукописи описка: «слово». [16] Въ рукописи стояло прежде: «слово эти (sic) произносили люди вольныхъ городовъ»; потомъ сверху строки приписана поправка: «были произнесены». Послѣ этого зачеркнуто: «стало быть, Монархъ въ Россіи утв(ержденъ)»... Первыя два слова эти («стало быть») приписаны и зачеркнуты дважды. [17] Послѣ этого сверху строки приписано слово: «и». [18] Слова: «съ тѣмъ, чтобы» приписаны сверху строки; тамъ же прибавленъ слогъ «раз» передъ глаголомъ: «судить». Слово: «нелицепріятно» зачеркнуто. [19] Это слово въ рукописи зачеркнуто и надъ нимъ надписано: «понятная». [20] Послѣ этого зачеркнуто: «изъ среды». [21] Слово: «гдѣ» приписано сверху строки. [22] Слово: «минуты» въ концѣ строки не дописано. [23] Слово: «высокая» приписано сверху строки. [24] Слова: «монарха-самодержца» приписаны сверху строки. Передъ ними зачеркнуто на ходу письма не дописанное слово: «сам(одержца)».

[18]) Слово: „и“ приписано сверху строки.

[19]) Въ концѣ строки не дописано.

[20]) Этотъ отрывокъ см. также въ VII т., стр. 450—451.

[21]) См. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 431.

Стр. 428. [1] Послѣ этого зачеркнуто: «всѣ признали»; написано: «все (sic) признали». [2] Слово не вполнѣ разборчивое; оно приписано сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «еще». [3] Слово: «безначаліемъ» въ рукописи въ концѣ строки не дописано. [4] Послѣ этого зачеркнуто: «ихъ». [5] Послѣднія слова: «личною выгодою» приписаны сверху строки. [6] Слово: «сословія» въ рукописи не дописано. [7] Слова: «власти старцевъ» въ рукописи зачеркнуты. [8] Слово: «человѣка» въ концѣ строки не дописано. [9] Все это предложеніе вписано между строками, начиная съ слова: «законность». [10] Слово: «единогласно» не дописано. [11] Слово: «правленія» приписано сверху строки. [12] Зачеркнуто: «демократическое». [13] Слово: «анархіей» въ концѣ строки не дописано. Далѣе слово: «полнымъ» приписано сверху строки. [14] Слово: «правленія» въ рукописи не дописано. [15] Въ рукописи описка: «согласное». [16] Слово: «монархическое» въ концѣ строки не дописано. [17] Въ рукописи описка: «воспитавшемся». [18] Слово: «государство» въ концѣ строки не дописано. [19] Слово: «которыхъ» въ концѣ строки не дописано. [20] Въ рукописи описка: «образовывала». Послѣ этого, повидимому, описка: «необыкновенное» [21] Послѣднія два слова: «народное участіе» приписаны сверху строки. [22] Слово: «случаяхъ» въ концѣ строки не дописано, а также выше слово: «слѣдуетъ». [23] Послѣднія пять словъ: «участвовані(е) коронъ и правительствующаго корпуса» приписаны сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «коронное» и «монархическое». [24] Слово: «монарха» въ концѣ строки не дописано и зачеркнуто и затѣмъ снова приписано на слѣдующей строкѣ сверху строки. [25] Въ рукописи описка: «близко». [26] Въ рукописи: «потданныхъ» (такъ Гоголь обыкновенно писалъ это слово). [27] Слово: «собственности» въ рукописи не дописано. [28] Послѣдняя фраза, начиная отъ словъ: «это лицо». «Каково же», приписана съ боку страницы. Въ этой припискѣ послѣ словъ: «Каково же» слово «и» приписано сверху строки; послѣ слова зачеркнуто: «какими».

Стр. 429. [1] Послѣ этого зачеркнуто слово: «полезна». [2] Слово въ рукописи искаженное, не дописанное и не отчетливо написанное: «урода...». [3] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова, написаннаго взамѣнъ зачеркнутыхъ: «наложить на...». [4] Зачеркнуто: «положа на каждую душу по рублю». [5] Слово: «сложивши» въ концѣ строки не дописано. [6] Послѣ этого зачеркнуто: «всѣхъ». [7] Послѣ этого зачеркнуты слова: «выйдетъ, принимая». [8] Слово: «должна» въ концѣ строки не дописано. [9] Въ рукописи описка: «это сумма». [10] Слово: «государства» въ концѣ строки не дописано. [11] Зачеркнуты недописанныя слова: «пребываніемъ... знаніемъ личности». [12] Эта строка, начиная отъ слова: «по службѣ», приписана сверху страницы. [13] Въ рукописи слова: «къ тому, какъ тамъ» зачеркнуты. [14] Послѣ этого зачеркнуто: «могутъ». [15] «Къ» въ рукописи пропущено; слово: «исключительно» въ концѣ строки не дописано; далѣе въ рукописи описка: «вечна» (sic); передъ этимъ словомъ: «необремѣнительнѣй» (sic). [17] Послѣ этого зачеркнуто: «не должно дѣла(ть)...». [18] Слово: «не» приписано сверху строки. [19] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. Сверху приписано: «дѣла порознь», хотя слѣдующая строка начинается снова словомъ: «порознь». [20] См. конецъ предыдущаго замѣчанія. [21] Слово: «сословіи» приписано сверху строки и не дописано; прежде было: «съ этимъ сосло-

віемъ». [22] Это слово въ рукописи пропущено. [23] Слово: «тамъ» здѣсь по ошибкѣ повторено два раза. [24] Въ рукописи описка: «никого». [25] Слово: «жалованья» въ рукописи не дописано. [26] Всѣ эти слова, начиная отъ словъ: «не требовать», приписаны сверху строки. [27] Прежде было: «до выдачи». [28] Слово: «непреложно» въ концѣ строки не дописано. Послѣ этого въ словѣ: «скрѣплено» описка: «скреплено».

Стр. 430. [1] Слово: «необходимыя» въ рукописи не дописано. [2] Слово: «требованія» не дописано. [3] Послѣ этого зачеркнуто: «если они». [4] Прежде было: «никто». [5] Слово искажено; написано: «опеляцѣ» (sic). [6] Послѣ словъ: «правда должна» зачеркнуто начатое: «сто...» [7] Пропускъ въ подлинникѣ. [8] Слово: «должны» въ концѣ строки не дописано. [9] Слово: «вочувствовалъ» въ концѣ строки не дописано. [10] Пропускъ въ рукописи: слова: «имѣть» въ рукописи нѣтъ. [11] Слово: «краевъ» приписано сверху строки. Немного передъ этимъ въ словѣ: «чѣмъ» — описка: «чемъ». [12] Въ рукописи окончаніе нелсно: «образовали?..» [13] Прежде было: «чужестранцевъ», причемъ зачеркнута лишь не перенесенная на новую строку вторая половина слова: «странцевъ». [14] Слово: «народовъ» не дописано. [15] Прежде было: «ихъ въ». [16] Слово: «вассаловъ» въ концѣ строки не дописано. [17] Это слово не дописано. [18] Приписано сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «нвъ». [19] Слово въ концѣ строки не дописано. [20] Послѣ этого зачеркнуто: «людей». [21] Зачеркнуты слова: «дано (sic) имъ вслѣдствіе». [22] Передъ этимъ сначала было: «за достоинство личное». [23] Въ концѣ строки не дописано. [24] Тоже. [25] Слово: «назначеніе» не дописано. [26] Въ рукописи: «чемъ». [27] Это слово въ концѣ строки не дописано. [28] Зачеркнуто: «самимъ позабыть». [29] Слово: «глядѣть» не дописано. [30] Слово: «увеселеній» не дописано.

Стр. 431. [1] Слово: «помѣщика» не дописано. [2] Слово: «прекрасная» въ концѣ строки не дописано. [3] Послѣ этого зачеркнуто: «быть». [4] Слово: «благосостояніи» не дописано. [5] Пропускъ въ рукописи. Послѣ этого слова: «Монархъ подѣлился съ ними своимъ попеченьемъ» зачеркнуты. Слова: «вотъ первое» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «главное». [7] Сверху приписано не разборчивое слово. [8] Странная описка: «чувствовато» (sic). [9] Пропускъ въ рукописи. Слово: «самой» повторено въ рукописи по ошибкѣ два раза. [10] Слово: «имѣть» въ концѣ строки не дописано. [11] Слово: «должны» въ концѣ строки не дописано. [12] Слово: «помѣщика» въ концѣ строки не дописано. [13] Послѣ этого зачеркнуто: «а потому». [14] Слово: «поступить» въ концѣ строки не дописано. [15] Слово: «приказывать» въ концѣ строки не дописано. [16] Въ рукописи: «ничемъ». [17] Слово: «опредѣленія» въ концѣ строки не дописано. Послѣ этого зачеркнуты слова: «словомъ, совѣщаніе о томъ, какъ быть съ крестьян(ами), равно»... [18] Слово въ концѣ строки не дописано. [19] Въ рукописи описка: «рыцари». [20] Передъ этимъ зачеркнуто не дописанное: «дорож(ить)». [21] Слово: «хвастаютъ» въ концѣ строки не дописано. [22] Слово: «происхожденіемъ» не дописано. [23] Въ рукописи: «какимъ». [24] Слово: «къ сожалѣнію» не дописано. [25] Слово: «высокихъ» не дописано. [26] Въ рукописи слогъ пропущенъ: «са(—) пожертвованій». [27] Слово: «должно» въ концѣ строки не дописано. [28] Слово: «многочис(ленный)» приписано сверху строки. [29] Послѣ слова: «тоже» въ рукописи зачеркнуто: «свое». [30] Послѣ этого зачеркнуто: «съ дохода».

[31] Слово не вполнѣ разборчивое. [32] Слово: «совсѣмъ» въ рукописи зачеркнуто. [33] Слово: «принести» въ концѣ строки не дописано. [34] Пропускъ въ рукописи. [35] Первоначально было: «самое разнохарактерное». [36] Слово не дописано. [37] Тоже. [38] Въ концѣ строки не дописано. Въ рукописи приписано сверху строки: «самое разнохарактерное должно непремѣнно возвыситься до понятія». [39] Слова: «получившее опредѣленное выраженіе» въ рукописи зачеркнуты. [40] Въ концѣ строки не дописано.

Стр. 432. [1] Слова: «должно непремѣнно» (написано: «непременно») «возвыситься до понятія» написаны вмѣсто зачеркнутыхъ: «получившее опредѣленное выраженіе». [2] Въ концѣ строки не дописано. [3] Первоначально вмѣсто: «не будетъ» стояло: «можетъ». [4] Пропускъ въ рукописи. [5] Послѣ этого зачеркнуто: «потому», и вскорѣ повторены по ошибкѣ слова: «въ Англіи». [6] Въ концѣ строки не дописано. [7] Тоже. [8] Слова: «также точно» неразборчиво написаны, какъ будто: «такое того». [9] Въ концѣ строки не дописано. [10] Послѣ этого зачеркнуто: «такимъ образомъ».

Объявленіе объ изданіи русскаго словаря. (Стр. 433—434).

Написано не ранѣе 1847 г., что̀ показываетъ ссылка на «Словарь Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ», вышедшій въ 1847 г. Печатается съ копіи Трушковскаго. См. въ VII томѣ о словарѣ Гоголя.

Стр. 433. [1] Н. С. Тихонравовъ, печатая это «Объявленіе объ изданіи русскаго словаря» въ «Сборникѣ Общества Любителей Россійской Словесности за 1891 г.» дѣлаетъ здѣсь слѣдующее примѣчаніе: «Гоголь разумѣетъ два изданія «Словаря *Академіи Россійской*» и «Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, *изданный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ*» (См. «Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности за 1891 годъ», стр. 118, 5 примѣч.). [2] Такъ стоитъ въ копіи, снятой Трушковскимъ; въ «Сборникѣ Общества Любителей Россійской Словесности» за 1891 г. напечатано: «лингвистическихъ» (стр. 114).

Стр. 434. [1] Слово «какъ» Гоголемъ пропущено (см. «Сборн. Общ. Люб. Россійской Слов.» за 1891 годъ, стр. 114).

Наброски изъ древней исторіи. (Стр. 435 — 438).

Эти наброски были составлены Гоголемъ по выпискамъ, сдѣланнымъ имъ изъ исторіи Геродота. Въ записныхъ книгахъ его осталось много замѣтокъ и набросковъ, касающихся исторіи, преимущественно средней. Весь этотъ матеріалъ, необходимый для историческихъ занятій автора, можетъ быть раздѣленъ, главнымъ образомъ, на двѣ категоріи: на сплошныя выписки изъ разныхъ историческихъ источниковъ и на собственныя замѣтки или даже небольшія обработанныя статьи, основанныя частью на тѣхъ же выпискахъ. Занимаясь исторіей, Гоголь преимущественно работалъ надъ тѣми ея отдѣлами, которые долженъ былъ излагать въ сво-

ихъ лекціяхъ, вслѣдствіе чего значительная часть его замѣтокъ и статей относится именно къ средневѣковой исторіи; но въ то же время мы встрѣчаемъ у него изрѣдка наброски, касающіеся и другихъ отдѣловъ исторіи, напр. русской. Что касается набросковъ изъ древней исторіи, то они были составлены Гоголемъ изъ прежнихъ черновыхъ выписокъ едва ли не въ то время, когда онъ былъ вынужденъ читать лекціи въ университетѣ и по древней исторіи. Объ этихъ чтеніяхъ мы почти не имѣемъ опредѣленныхъ данныхъ, такъ какъ въ архивѣ С.-Петербургскаго университета не сохранилось относящихся сюда документовъ, но есть два свидѣтельства, устраняющія всякое сомнѣніе въ томъ, что хотя бы самое короткое время Гоголь читалъ въ университетѣ также *древнюю* исторію. Такъ, прежде всего мы читаемъ въ его собственномъ письмѣ къ Погодину отъ 14 декабря 1834 г.: «На меня взвалили теперь и древнюю исторію, отъ которой я прежде было и руками и ногами, а теперь поставленъ въ такія обстоятельства, что долженъ принять по неволѣ *послѣ новаго года!*»[1]) Что предположеніе это дѣйствительно состоялось, мы убѣждаемся изъ воспоминаній г-на М. въ «Русской Старинѣ», гдѣ авторъ вспоминаетъ о краснорѣчивомъ изложеніи Гоголя въ тѣхъ лекціяхъ, «которыя посвящены были идеальному быту и чистотѣ воззрѣній аѳинянъ.»[2]) Записная книга, въ которую были внесены наброски изъ древней исторіи, и слѣдовательно самые наброски, по мнѣнію Н. С. Тихонравова, относятся къ 1835 году. Матеріаловъ для исторіи аѳинянъ мы, однако, нигдѣ не находимъ въ записныхъ тетрадяхъ, что, вѣроятно, происходило отъ застигшей Гоголя внезапности, не позволившей ему подготовить матеріалъ для лекціи болѣе систематическимъ образомъ, тогда какъ для набросковъ о Мидіи матеріалъ у него уже былъ готовъ случайно: у него еще въ 1832 г., во время учительства въ Патріотическомъ институтѣ, были сдѣланы кое-какія выписки изъ Геродота. Приводимъ ихъ какъ примѣръ того, какъ Гоголь пользовался выписками для составленія собственныхъ небольшихъ очерковъ.

Мидія. «Какъ отдалившійся полудикій народъ, подъ правленіемъ собственной тиранніи терпитъ неустройство. Дейокъ, мудрѣйшій изъ своего сословія, становится нечувствительно, справедливыми рѣше-

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 228—229.

[2]) См. «Русская Старина», 1881, V, стр. 157—158.

ніями и совѣтами, судьей, получаетъ вѣсъ и значительность и избирается въ цари. Новый царь учреждаетъ и строитъ столицу и заключаетъ ее въ стѣны, обступающія въ семь рядовъ кругъ города. Весь городъ на огромномъ холмѣ и окружія стѣнъ постепенно спускаются до (по) отлогости на равнину, выходятъ одно изъ другихъ раскатами. Нижнія стѣны бѣлыя...[1]), верхнія черныя, *третья* — красная, 4 голубая, пятая сандараковая, 6 серебряная, 7 вызолоченная. Для сообщенія вѣсу и важности самъ дѣлалъ себя невидимымъ, но изъ внутренности своего дворца зналъ народъ и дѣлалъ расправу справедливую.

Мидяне состояли изъ разныхъ племенъ: Вусы, Паритакины, Струхаты, Аризанты, Будіи, Маги.

Сынъ его, Фраортъ, воюетъ, подводитъ подъ власть свою племена персовъ, идетъ на жителей Ниневіи. На войнѣ погибаетъ.

Кіаксаръ, его сынъ, раздѣляетъ азійскія войска свои на полки, отдѣляетъ копьеносцевъ, стрѣлковъ и конницу, которые до того времени были вмѣстѣ смѣшаны; покорилъ Азію выше рѣки Алиса, побѣдилъ ассиріянъ и осаждалъ Ниневію. Но въ то время скиѳы ворвались въ Мидію, разбили Кіаксара, покорили часть Азіи и направили на Египетъ, но Псаметихъ отклонилъ ихъ дарами. Двадцать восемь лѣтъ владѣли скиѳы Азіей тягостно для жителей, наложили поголовную дань и дѣлали наѣзды на лошадяхъ. Но Кіаксаръ и мидяне ихъ преодолѣли наконецъ. Потомъ Кіаксаръ взялъ Ниневію, покорилъ власти своей Ассирію.... области вавилонской. Послѣ 70-лѣтняго царствованія скончался».

Персы (Геродотъ). «Поклоняются стихіямъ: солнцу, лунѣ, землѣ, огню, вѣтрамъ и водѣ; приносятъ жертву на высочайшихъ горахъ Зевсу, называя Зевсомъ весь кругъ небесный. Послѣ отъ аравитянъ и ассиріанъ научились приносить жертву Уранія.

Приносящій жертву выводитъ ее на чистое поле и закалаетъ, взывая къ богу и, увѣнчавши тіару свою миртою, разрѣзываетъ, варитъ, разстилаетъ по травѣ больше трилистника. Приходитъ волхвъ воспѣвать Ѳеогонію (богорожденье). Потомъ принесшій уноситъ жертву, употребляетъ ее на что угодно.

Изъ всѣхъ дней наиболѣе почитаютъ тотъ, въ который родились. Тогда празднуется пиръ. Богатые предлагаютъ цѣлаго жареная быка, когда [воротятся?], бѣдные — мелкій скотъ. Напившись,

[1]) Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова.

разсуждаютъ объ важныхъ дѣлахъ, которыя пересуживаютъ протрезвившись.

Встрѣтившись, равнаго состоянія цѣлуются въ уста; когда одинъ изъ нихъ нѣсколько ниже, — въ щеки; когда же большая разница, то низшій повергается на землю. Какъ всѣ восточные народы, почитаютъ больше сосѣдей близкихъ, меньше — отдаленныхъ.

Персы иностранные обычаи принимаютъ охотнѣе всѣхъ народовъ. Одежду носятъ мидійскую, часто мѣняютъ на другую. Склонны къ роскоши. Имѣютъ женъ и наложницъ. Послѣ храбрости въ сраженіи достоинство мужчины измѣряется количествомъ дѣтей. Наиболѣе произведшему царь посылаетъ подарки. Это они почитаютъ знакомъ крѣпости силъ. Дѣтей отъ 5 до 20 лѣтъ учатъ 3 предметамъ: ѣздить верхомъ, стрѣлять и говорить правду.

До пяти лѣтъ сынъ живетъ у женщинъ и не показывается отцу. Замѣчательно установленіе, что за одну вину никто, даже самъ государь, не имѣетъ права казнить смертью, а другой произноситъ наказаніе, по разсмотрѣніи всѣхъ прежнихъ его дѣлъ, и когда его заслуги не приняты, тогда только имѣетъ право. Вторымъ поступкомъ послѣ... почитаютъ быть въ долгахъ. (Въ рѣки не мочатся, не плюютъ, не моютъ даже рукъ, но почитаютъ ихъ священными). Благородство и гордость отличаютъ этихъ сильныхъ горцевъ».

Обѣ эти выписки сдѣланы на полулистѣ, разорванномъ на двѣ части, изъ которыхъ на одной половинѣ стоятъ цифры: 18, а на другой — 32 и фабричный знакъ ФГ. Итакъ обѣ выписки были сдѣланы не ранѣе 1832 г. Самые наброски о Мидіи, Вавилонѣ и проч. находятся въ записной книгѣ Гоголя, наполненной выписками по средней исторіи съ водяными знаками: AFRali. На послѣдней страницѣ изображеніе льва съ подписью: «pro patria».

Обѣ приведенныя выдержки не представляютъ собой сплошнаго заимствованія изъ Геродота, но выписываются отрывками съ пропусками, именно отрывокъ о Мидіи выбранъ изъ 95 — 106, а о Персіи — изъ 131—139 главъ первой книги Геродота. Съ характеромъ составленія выдержекъ можно познакомиться по нижеприводимымъ примѣрамъ. Укажемъ строки, послужившія матеріаломъ для сокращенныхъ выписокъ изъ перваго отрывка (о Мидянахъ): «*Ἐόντων δὲ αὐτονόμων πάντων ἀνὰ τὴν ἤπειρον ὧδε αὖτις ἐς τυραννίδας περιῆλθον. Ἀνὴρ ἐν τοῖσι Μήδοισι ἐγένετο σοφός, τῷ οὔνομα ἦν Δηιόκης, παῖς δὲ ἦν Φραόρτεω. Οὗτος ὁ Δηιόκης ἐρασθεὶς τυραννίδος ἐποίεε τοιάδε· κατοικημένων τῶν Μήδων κατὰ κώμας, ἐν τῇ ἑωυτοῦ ἐὼν καὶ πρό-*

τερον δόκιμος καὶ μᾶλλόν τι καὶ προθυμότερον δικαιοσύνην ἐπιθέμενος ἤσκεε· καὶ ταῦτα μέντοι ἐούσης ἀτομίης πολλῆς ἀνὰ πᾶσαν τὴν Μηδικὴν ἐποίεε, ἐπιστάμενος, ὅτι τῷ δικαίῳ τὸ ἄδικον πολέμιόν ἐστι. Οἱ δ' ἐκ τῆς αὐτῆς κώμης Μῆδοι ὁρέοντες αὐτοῦ τοὺς τρόπους δικαστὴν μιν ἑωυτῶν αἱρέοντο..... Πειθομένων δὲ καὶ ταῦτα τῶν Μήδων οἰκοδομέει τείχεα μεγάλα τε καὶ καρτερά, ταῦτα τὰ νῦν Ἀγβάτανα κέκληται, ἕτερον ἑτέρῳ κύκλῳ ἐνεστεῶτα...

Μεμηχάνηται δὲ οὕτω τοῦτο τὸ τεῖχος, ὥστε ὁ ἕτερος τοῦ ἑτέρου κύκλος τοῖσι προμαχεῶσι μούνοισί ἐστι ὑψηλότερος. Τὸ μὲν κού τι καὶ τὸ χωρίον συμμαχέει κολωνὸς ἐὸν ὥστε τοιοῦτο εἶναι, τὸ δὲ καὶ μᾶλλόν τι ἐπετηδεύθη κύκλων ἐόντων τῶν συναπάντων ἑπτά....

Τοῦ μὲν δὴ πρώτου κύκλου οἱ προμαχεῶτές εἰσι λευκοί, τοῦ δὲ δευτέρου μέλανες, τρίτου δὲ κύκλου φοινίκεοι, τετάρτου δὲ κυάνεοι, πέμπτου δὲ σανδαράκινοι. Οὕτω πάντων τῶν κύκλων οἱ προμαχεῶτες ἠνθισμένοι εἰσὶ φαρμάκοισι· δύο δὲ οἱ τελευταῖοί εἰσι ὁ μὲν καταργυρωμένους, ὁ δὲ κατακεχρυσωμένους ἔχων τοὺς προμαχεῶτας»....,

Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ переводными выдержками [1]), тогда какъ наброски, напечатанные въ самомъ текстѣ книги, представляютъ собою самостоятельную, хотя и черновую, обработку изложенія историческихъ фактовъ, принадлежащую уже Гоголю.

Стр. 435. [1] Слово неразборчивое; ясно видны послѣднія буквы: «вшія». [2] Въ рукописи описка: «книги» (sic). [3] Слово не дописано. [4] Одно слово передъ словами: «по Геродоту» не прочитано. [5] Въ рукописи: «освобождаютъ». [6] Въ рукописи: «Дейокѣ». [7] Въ рукописи обозначеніе года смерти Дейока поставлено въ концѣ предложенія. [8] Въ рукописи: «Экватану». [9] Въ рукописи предлогъ *при* по ошибкѣ повторенъ два раза. [10] Слово въ концѣ строки не дописано. [11] Въ рукописи по ошибкѣ оставленъ не зачеркнутымъ предлогъ *при*, ставшій лишнимъ при перемѣнѣ конструкціи. [12] Передъ словомъ: «обучаются» зачеркнуты на ходу письма недописанныя слова: «упражня(ются)» и «станова(тся)». [13] Слова: «полагаютъ границею» въ рукописи написаны весьма неразборчиво. [14] Въ рукописи написано: «Еврата» (sic). [15] Слова: «покоряетъ ассиріанъ, потомъ» приписаны сверху строки. [16] Въ концѣ строки не дописано. [17] Слово написано крайне неразборчиво; извѣстно изъ исторіи, что каналъ, прорытый Навуходоносоромъ, назывался Царскимъ; но, кажется, здѣсь написано: «въ Вавилонѣ». [18] Слово написано неразборчиво. [19] Въ рукописи сначала было написано: «при Тиглассарѣ-Евильмеродахѣ». [20] Слова, поставленныя въ скобки, написаны крайне неразборчиво. [21] Слово написано неразборчиво, но, кажется, слѣдуетъ читать: «Ѳракскія». [22] Слово весьма неразборчивое. [23] Предлогъ *на* въ рукописи пропущенъ.

[1]) Разумѣется, не прямо съ греческаго языка, котораго Гоголь, какъ извѣстно, не зналъ вовсе.

Стр. 486. [1] Слова: «два государства извѣстны» приписаны сверху строки, при чемъ послѣ слова: «два» еще зачеркнуто: «небольшія». [2] Слова эти написаны не вполнѣ разборчиво. [3] Прежде было: «вѣтвь, отпрыскъ». [4] Въ рукописи: «Садіатѣ» и «Аліатѣ»; цари мидійскіе Садіаттъ (*Σαδυάττης*) и Аліаттъ (*Ἀλυάττης*) упоминаются въ первой книгѣ Исторіи Геродота. [5] Слово въ концѣ строки не дописано. [6] Передъ словами: «положеніе земли» и проч. зачеркнуто: «жизнь». [7] Слова: «береговое плаванье» приписаны сверху. [8] Это слово не прочитано. [9] Эти слова написаны довольно неразборчиво. [10] Въ концѣ строки не дописано. [11] Тоже. [12] Прежде было написано: «богатство»... [13] Неразборчивое слово. [14] Тоже. [15] Тоже. [16] Послѣ этого зачеркнуто: «изгоняем(ыхъ).» [17] Слово не вполнѣ разборчивое. [18] Эти острова извѣстны подъ названіемъ Барейскихъ. [19] Это слово приписано сверху строки и не дописано. [20] Въ рукописи: «европейская торговля». [21] Въ рукописи: «этимъ самимъ».

Стр. 487. [1] Слово: «между» въ данномъ мѣстѣ въ рукописи зачеркнуто. [2] Слово въ концѣ строки не дописано. [3] Тоже. [4] Послѣ этого было: «предметы товаровъ были хлѣбъ и золото». [5] Въ рукописи: «предмети». Въ слѣдующей строкѣ слова: «въ гораздо большемъ употребленіи» написаны вмѣсто незачеркнутыхъ: «въ гораздо большей надобности». [6] Послѣ этого зачеркнуто: «но это золо(то)». [7] Слова: «изъ горъ на» приписаны сверху строки. [8] Въ рукописи описка: «при такомъ употребляетъ». [9] Въ рукописи описка: «чрезвычайно принадлежность». [10] Въ этомъ предложеніи слово: «украшеніе» въ концѣ строки не дописано; послѣ этого неразборчиво написано: «царскіе» или «царскихъ»? [11] Слово не вполнѣ разборчивое. Передъ этимъ описка въ словѣ: «жемчугъ»; написано: «жемчухъ» (sic). [12] Скобки въ подлинникѣ. [13] Окончаніе написано не ясно. [14] Вѣроятно, слово: «третья» по ошибкѣ не зачеркнуто авторомъ; оно передѣлано изъ слова: «одна», которое потомъ снова поставлено далѣе. [15] Слѣдующія слова: «ладанъ, смирна, муро, корица, гвоздика» приписаны сбоку, на поляхъ. [16] Послѣ этого зачеркнуто: «которымъ Индія». Послѣ слова: «наряды» скобокъ въ подлинникѣ нѣтъ. [17] Послѣ этого зачеркнуто неразборчивое слово. [18] Въ рукописи: «во время». [19] Послѣдняя буква не дописана. [20] Предлогъ *съ* въ рукописи пропущенъ. [21] Окончаніе въ концѣ строки не ясно. [22] Скобки въ подлинникѣ.

Стр. 488. [1] Всѣ эти строки, отъ слова: «Итакъ» и кончая словомъ: «нетронутыми», приписаны на поляхъ. [2] Слово *но* въ рукописи пропущено; передъ этимъ слово: «была» въ рукописи зачеркнуто. [3] Слово не вполнѣ разборчивое. [4] Окончаніе не ясно. [5] Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «сторон(у)». [6] Въ рукописи описка: «бездна». [7] Пропускъ въ рукописи. [8] Въ рукописи: «востокомъ». [9] Послѣ этого зачеркнуто: «съ помощью». [10] Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова. [11] Слова: «на западѣ» приписаны сверху строки. [12] Послѣ этого зачеркнуто: «проникаютъ». [13] Слово не вполнѣ разборчивое. [14] Слова: «уже въ древности» приписаны на поляхъ. [15] Передъ этимъ словомъ и послѣ него зачеркнуто: «всей». [16] Слово: «городѣ» въ рукописи зачеркнуто. [17] Послѣ этого зачеркнуто одно слово. [18] Окончаніе въ концѣ строки не дописано. [19] Причастіе настоящаго времени удержано, согласно рукописи; въ словѣ: «ткани» окончаніе не ясно. [20] Слово не дописано. [21] Въ рукописи описка: «щотъ». [22] Окончаніе не дописано.

Черновые наброски и выписки, относящіеся къ русской исторіи. (Стр. 439 — 448.)

Въ этомъ отдѣлѣ нами соединены всѣ тѣ черновые наброски Гоголя, относящіеся къ русской исторіи, которыя, не составляя какихъ-либо законченныхъ статей, были имъ или записаны для памяти, будучи составляемы по источникамъ, или же заключали въ себѣ размышленія автора и, вѣроятно, предназначались для дальнѣйшей разработки въ будущемъ. Къ первому разряду слѣдуетъ отнести первые четыре отрывка, ко второму — три послѣдніе. Первый отрывокъ «Лѣтопись» — написанъ на полулистѣ писчей бумаги съ водянымъ знакомъ ВФКИ и обозначеніемъ года 1829 (небольшой кусокъ внизу оборотной страницы оторванъ, и потому видны только двѣ послѣднія цифры: 29), при чемъ тотчасъ послѣ заглавія, — какъ видно, безъ всякаго пропуска, — написано: «И тѣ лѣтописи писались на пергаментѣ», и проч. Во многихъ мѣстахъ замѣтки Гоголь, за недостаткомъ точныхъ данныхъ, не доканчиваетъ фразы; въ другихъ мѣстахъ онъ прямо ставитъ вопросительный знакъ или дѣлаетъ замѣтку, чтобы лучше справиться и провѣрить. Мы сочли умѣстнымъ включить этотъ черновой отрывокъ въ изданіе, отличая его отъ простыхъ механическихъ выписокъ, часто встрѣчающихся въ разныхъ мѣстахъ въ записныхъ книжкахъ Гоголя. Что̀ касается втораго отрывка, то здѣсь помѣщены «Особыя замѣтки» (заглавіе это дано самимъ Гоголемъ), состоящія изъ простыхъ выписокъ — на томъ основаніи, что онѣ составляютъ одно цѣлое и написаны на одномъ листѣ съ «Мыслями и замѣтками собственными»; уже неудобство сохраненія даннаго Гоголемъ заглавія: «Мысли и замѣтки *собственныя*», безъ помѣщенія предыдущаго отрывка, побудило насъ на этотъ разъ напечатать мелкимъ шрифтомъ и сдѣланныя передъ тѣмъ Гоголемъ выписки. — Фабричные знаки тѣ же, какіе и въ наброскѣ «Лѣтопись», и то же обозначеніе года. —

Третій отрывокъ — «Земля Галичская» — написанъ на полулистѣ сѣрой бумаги, съ гербомъ въ серединѣ, изображающимъ льва съ мечомъ и подписью: «Pro patria», при чемъ замѣтка о берендѣяхъ и торкахъ помѣщена отдѣльно на оборотной страницѣ (Гоголь всегда употреблялъ форму: «Галичская» (земля); ср. т. I, стр. 177, 180 и пр.).

Четвертый отрывокъ — «О покупкѣ князьями селъ у бояръ» — написанъ на безпорядочно оторванномъ клокѣ бумаги, представляющемъ

нижнюю часть полулиста, съ водяными знаками: Б У 1835. Онъ, очевидно, основанъ на выпискахъ изъ старинныхъ грамотъ, изъ которыхъ нѣкоторыя тутъ же и приводятся.

Пятый отрывокъ—«Объ отношеніяхъ литовцевъ къ южной Россіи»—былъ написанъ Гоголемъ въ 1839 году, что видно изъ штемпеля на бумагѣ: J. Whatmann Turkey Mill. 1838. Всѣ статьи и наброски съ такимъ штемпелемъ были написаны Гоголемъ именно въ 1839 г. въ Вѣнѣ. По замѣчанію Н. С. Тихонравова, «весь этотъ набросокъ основанъ на разсказѣ, или, по выраженію Карамзина, на «пустыхъ догадкахъ» Стрыйковскаго. Хотя отрывокъ этотъ уже напечатанъ въ примѣчаніяхъ къ «Тарасу Бульбѣ»; тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ, по нашему мнѣнію, не менѣе важное самостоятельное значеніе, какъ и другіе, вслѣдствіе чего мы и позволили себѣ помѣстить его на страницахъ настоящаго тома, уже *въ самомъ текстѣ книги* (Объ этомъ отрывкѣ см. кромѣ того въ V томѣ, стр. 675). Набросокъ написанъ на второй страницѣ перваго полулиста, тогда какъ на первой страницѣ написанъ отрывокъ изъ неоконченной повѣсти («Дѣвицы Чабловы»). Заглавія отрывокъ не имѣетъ, но онъ названъ такъ уже Н. С. Тихонравовымъ на стр. 675 V тома. По мнѣнію Н. С. Тихонравова, этотъ отрывокъ, какъ и другіе, принадлежащіе къ 1838 г., кромѣ отрывка: «Дѣвицы Чабловы», имѣетъ отношеніе къ «Тарасу Бульбѣ».

Шестой отрывокъ—«Отношенія казаковъ въ Россіи при Петрѣ»—написанъ на четвертушкѣ писчей бумаги съ водянымъ знакомъ 29 (у верхняго бока страницы) и, очевидно, представляетъ собою случайно уцѣлѣвшій отрывокъ изъ середины какого-то разсказа. Самое начало отрывка какъ по своему смыслу, такъ и по внѣшнимъ признакамъ, является несомнѣнно уже *продолженіемъ*, а не *началомъ*.

Послѣдній отрывокъ — «Разсмотрѣніе хода просвѣщенія въ Россіи»—находится въ одной изъ записныхъ книжекъ Гоголя, именно 1846 года. Онъ былъ впервые напечатанъ Н. С. Тихонравовымъ въ «Царѣ-Колоколѣ» (1892, III), за исключеніемъ нѣсколькихъ послѣднихъ строкъ, въ которыхъ текстъ представляется испорченнымъ. Записная книжка, откуда взята эта статья, списана рукою Трушковскаго, и копія не свободна отъ ошибокъ. Слѣдуя примѣру Н. С. Тихонравова, мы также не помѣстили въ текстѣ эти послѣднія строки, сообщая ихъ здѣсь въ примѣчаніяхъ. Вотъ онѣ: «И стали вмѣшиваться въ такія дѣла, которыя совершенно принадлежатъ частному человѣку. Отъ этого и...[1]) внесло сложность необык-

[1]) Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова.

новенную въ государственное правл(еніе). Множество коммиссій, комит(етовъ) увеличило сложность, упавшую тяжелымъ бременемъ. Посреди всего этого всякое чувство экономіи потерялось; трата денегъ страшная». Послѣднія строки снова напоминаютъ заключительныя строки втораго тома «Мертвыхъ Душъ» (т. III, стр. 411).

Основная мысль, высказанная въ этой статьѣ, имѣетъ много общаго съ слѣдующими строками письма къ Языкову отъ 5 апрѣля 1845 года, гдѣ Гоголь высказываетъ взглядъ на такъ называемыхъ западниковъ, въ свою очередь, разъясняя его полнѣе и опредѣленнѣе: «Преступленіе ихъ въ томъ, что они нѣкоторыя *частности* распространяютъ на *общее*, исключенья выставляютъ въ правила, временныя болѣзни принимаютъ за коренныя, во всякомъ предметѣ видятъ *тѣло* его, а не *духъ*, и, близоруко руководствуясь аналогіей видимаго, дерзаютъ произносить свои сужденія о томъ, что духомъ своимъ отлично отъ всего того, въ чемъ они сравниваютъ его. Слѣдовало бы, по настоящему вооружиться противъ сихъ заблужденій, разъять ихъ спокойно и показать ихъ несообразность, но съ тѣмъ вмѣстѣ поступить такимъ образомъ, чтобы въ то же время и тутъ имъ самимъ дать возможность выдти не совсѣмъ безчестно изъ своего труднаго положенія»[1]).—Съ другой стороны недостатки во мнѣніяхъ славянофильскихъ указаны Гоголемъ позднѣе, также въ письмѣ къ Языкову, отъ 5 октября 1846 г.[2]). Гоголь былъ по серединѣ двухъ противоположныхъ теорій; съ первыми славянофилами онъ существенно расходился, главнымъ образомъ, въ томъ, что совершенно не сочувствовалъ ихъ отрицательному взгляду на значеніе дѣятельности Петра Великаго, реформу котораго онъ, напротивъ, считалъ необходимой для Россіи, но отчасти искаженной потомъ невоздержностью русскаго народа, впавшаго въ крайности. Кромѣ того, Гоголь осуждалъ излишнее пристрастіе славянофиловъ къ нѣкоторымъ внѣшнимъ формамъ.

Стр. 439. [1] Послѣ этого зачеркнуто: «были». [2] Въ подлинникѣ: «пергаминтѣ» (sic). [3] Прежде было: «и теперь». [4] Зачеркнуто: «нечетко». [5] Въ рукописи описка: «незвязно» (sic). [6] Передъ этимъ зачеркнуто: «какъ». [7] Слово: «Королевичѣ» въ концѣ строки не дописано. [8] Не дописано. [9] Въ рукописи описка: «не писании»; послѣ этого зачеркнуто: «и нужно быть большему». [10] Въ концѣ строки не дописано. [11] Послѣ этого было: «отчего» (вторая

[1]) Соч. и письма Гоголя, VI, 179.
[2]) Тамъ же, стр. 267.

половина слова зачеркнута). [12] Слово: «тогда» приписано сверху строки. [13] Въ рукописи описка: «какъ». [14] Въ концѣ строки не дописано. [15] Не дописано. [16] Въ рукописи: «цѣхъ». [17] Слово: «монахи» приписано сверху строки; прежде было: «люди всякаго званія». [18] Въ рукописи: «неученные». [19] Въ концѣ строки не дописано; притомъ слово вообще написано неотчетливо. [20] Въ рукописи описка: «тридились». [21] Слово: «своихъ» приписано сверху строки. [22] Эти слова: «какъ у турковъ» также приписаны сверху строки. [23] Послѣ этого зачеркнуто: «мы».

Стр. 440. [1] Въ концѣ строки не дописано. [2] Не дописано. [3] Здѣсь текстъ въ подлинникѣ обрывается. [4] Послѣ слова: «правдивъ» приписано сверху строки и потомъ зачеркнуты слова: «не смотрѣлъ». [5] Передъ словомъ: «списковъ» зачеркнуто: «Несторъ». [6] Слово: «множество» въ концѣ строки не дописано. [7] Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «мудрыми вельм(ожами)?» [8] Слово написано неразборчиво и притомъ не дописано. [9] Слово: «монастыряхъ» въ концѣ строки не дописано. [11] Прежде было: «славянской». [11] Слово: «чернила(ми)» не дописано. [12] Фамилія написана неотчетливо. [13] Въ рукописи: «къ нещастью». [14] Знакъ вопросительный стоитъ *въ рукописи*. [15] Слово: «переводомъ» написано неразборчиво и въ концѣ строки не дописано; въ предыдущей строкѣ слово: «откуда» въ подлинникѣ зачеркнуто. [16] Въ рукописи описка: «здѣлавъ».

Стр. 441. [1] Въ рукописи: «ученные». [2] Зачеркнуто: «особенный». [3] Это слово написано сверху, вмѣсто слова: «суще(ствуетъ)», которое зачеркнуто на ходу письма. [4] Послѣ этого зачеркнуто: «особенно». [5] Въ рукописи: «уклонявшаго». Нѣсколько ниже, послѣ слова: «нежели», зачеркнуто на ходу письма: «русск(ій)». [6] Въ концѣ строки не дописано. [7] Въ рукописи: «въ покое» (sic).

Стр. 442. [1] Послѣ этого зачеркнуто: «перенесъ свою». [2] Прежде было: «своихъ». [3] Слѣдующія строки приписаны подъ чертой. [4] Здѣсь отрывокъ обрывается. Слѣдующая затѣмъ приписка сдѣлана послѣ нѣкотораго пробѣла. [5] Эта замѣтка прибавлена на слѣдующей страницѣ. [6] Слово не вполнѣ разборчивое. [7] Въ рукописи описка: «примѣры». [8] Слово въ рукописи не дописано. [9] Послѣ этого зачеркнуто: «своимъ».

Стр. 443. [1] Послѣ этого зачеркнуто: «тщательно». [2] Прежде было: «царскія». [3] Послѣ этого зачеркнуто: «сами»(?). [4] Въ рукописи: «сжегъ», въ значеніи дѣепричастія, т.-е. «сжегши».

Стр. 444. [1] Въ рукописи: «робишъ», «орешъ». [2] Слово: «ихъ» приписано сверху строки. [3] Окончанія въ рукописи не дописаны. [4] Прежде было: «лѣтопись русская, начина(я) отъ...». [5] Послѣ этого зачеркнуто: «Въ битвахъ сихъ укрѣп(лялись)». [6] Слово: «литовцевъ» въ подлинникѣ въ концѣ строки не дописано. [7] Послѣ этого зачеркнуто: «былъ». [8] Слова неразборчивыя. Въ предыдущей строкѣ слово: «безпорядочныхъ» приписано сверху строки. [9] Послѣ этого зачеркнуто: «дѣла». [10] Это слово въ рукописи зачеркнуто. [11] Слово въ концѣ строки не дописано. [12] Слова неразборчивыя. [13] Потомъ надъ словомъ: «татаръ» было приписано: «погромъ», но фраза не измѣнена соотвѣтственно этой поправкѣ. [14] Прежде было: «темная». [15] Въ рукописи описка: «цепью» (sic). [16] Въ рукописи: «произшествіе» (sic). [17] Слово: «безпрекословно» приписано сверху строки. [18] Слово: «тѣмъ» приписано сверху строки. [19] Это слово въ рукописи зачеркнуто на ходу

письма (въ концѣ строки); написано: «побѣжденн(ыхъ)». [20] Послѣ этого зачеркнуто какое-то неразборчивое слово. [21] Слово не дописано. [22] Въ рукописи описка: «нѣкоторые» (sic). [23] Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «возставшій».

Стр. 445. [1] Пропускъ неразборчиваго слова. [2] Здѣсь отрывокъ обрывается и потомъ продолжается на другомъ листкѣ. [3] Послѣ этого зачеркнуто: «они съ». [4] Такъ въ рукописи; не: «южноруссами», но: «южными русскими». [5] Послѣ этого зачеркнуто неразобранное слово. [6] Слово въ концѣ строки не дописано. [7] Послѣ этого зачеркнуто: «условія не тяжелы». [8] Слово не вполнѣ разборчивое. Послѣ этого по ошибкѣ повторено слово: «даже». [9] Слово въ концѣ строки не дописано. Нѣсколько далѣе слово: «безуспѣшно» приписано сверху строки. [10] Это слово въ рукописи зачеркнуто. [11] Въ рукописи описка: «навела». [12] Зачеркнуто: «привыкш(ій)...» «закаленный въ»... Здѣсь же сверху приписано и снова зачеркнуто: «униженный». Послѣ этого осталось незачеркнуто: «рабствомъ и деспотизмомъ» (прежде было: «униженный рабствомъ и деспотизмомъ»). Затѣмъ остаются приписанныя сверху строки слова: «потерявшій характеръ». Слово: «деспотизмомъ» зачеркнуто. [13] Послѣ этого зачеркнуто: «это было». [14] Въ рукописи явная описка: «полѣ» (sic.). [15] Слово: «необыкновенный» въ концѣ строки не дописано. Послѣ этого слова: «слишкомъ сильныя» написаны не вполнѣ отчетливо. [16] Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто было одно слово; должно быть: «дыш(авшему)». Это слово мы дѣйствительно находимъ спустя нѣсколько строкъ. Послѣ слова: «такъ» прежде было: «несходному». [17] Послѣ этого зачеркнуто: «ему предс(тояла)». «Оставилъ ли бы Великій Преобразователь при прежнихъ правахъ народъ». [18] Въ рукописи: «трата».

Стр. 446. [1] Слова: «большее или меньшее» приписаны сверху строки. [2] Прежде было: «уравновѣшеніе». [3] Изъ словъ: «а безъ этого» слово *безъ* въ подлинникѣ зачеркнуто, а послѣ «этого» поставлена скобка. Сверху приписаны слова неоконченной фразы: «ея дѣловаго....». [4] Далѣе слѣдуетъ: «Петръ не дѣйствовалъ бы на нихъ», при чемъ надъ зачеркнутымъ словомъ *не* стоитъ: «не могъ». [5] Слово неразборчивое. [6] Въ концѣ строки не дописано. [7] Такъ въ рукописи. [8] Въ рукописи: «превозгласить» (sic). [9] Это слово приписано сверху строки. [10] Послѣ этого въ рукописи незначительный промежутокъ въ одно слово. Слово: «дерзко» въ рукописи написано: «дерзско» (sic); это слово приписано сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго неразборчиваго слова. Въ словѣ: «буйная» въ рукописи описка: «буная». [11] Эти слова приписаны сверху строки. [12] Слова не разборчивыя. [13] Послѣ этого зачеркнуто: «поло...». [14] Слово: «могъ» въ рукописи зачеркнуто. [15] Слово написано не вполнѣ отчетливо. [16] Слово: «отчета» въ концѣ строки не дописано. Послѣ этого зачеркнуто: «въ такихъ размышлен(іяхъ)». [17] Слова не вполнѣ разборчивыя. [18] Не дописано. [19] Прежде было: «защитить». [20] Слово неразборчивое и не дописано. [21] Прежде было: «зданіе». [22] Переправлено изъ слова: «гибели». [23] Послѣ этого зачеркнуто: «и вмѣсто». [24] Передъ этимъ зачеркнуто слово: «король». [25] Въ рукописи: «непокорны». [26] Въ концѣ строки не дописано. [27] Прежде было: «слѣдовательно, дѣйствовать рѣшительно оно не могло». Потомъ эти слова были зачеркнуты и

надъ ними приписано: «и потому Польша дѣйствовать рѣшительно....» Слова «не могла» не дописаны; мы ихъ беремъ изъ зачеркнутаго предложенія. [28] Прежде было: «оставался народъ». [29] Въ рукописи, повидимому, «котораго». [30] Послѣ этого зачеркнуто: «притомъ короли». [31] Слово: «уже» въ рукописи зачеркнуто. [32] Слово: «могли» въ рукописи зачеркнуто. [33] Слѣдующія строки приписаны позднѣе и другими чернилами. [34] Прежде было «обстоя(тельствахъ)».

Стр. 447. [1] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова.

Стр. 448. [1] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [2] Тоже. Послѣ этого въ копіи Кулиша слѣдуютъ еще нѣсколько строкъ, не включенныхъ Н. С. Тихонравовымъ въ «Царь-Колоколъ» — вѣроятно, по неисправности текста. Вотъ онѣ: «И стали вмѣшиваться въ такія дѣла, которыя совершенно принадлежатъ частному человѣку. Отъ этого и... внесло сложность необыкновенную въ государств(енное) прав(ленiе). Множество коммиссій, комитетовъ увеличило сложность, упавшую тяжелымъ бременемъ... Посреди всего этого всякое чувство экономіи потерялось; трата денегъ страшная» (см. стр. 794).

Отрывокъ изъ неоконченной повѣсти. (Стр. 449.)

Этотъ отрывокъ относится къ августу или началу сентября 1839 года, т.-е. къ тому времени, когда Гоголь жилъ въ Вѣнѣ передъ поѣздкой въ началѣ слѣдующаго мѣсяца въ Россію. Основаніемъ для такого заключенія служитъ то соображеніе, что на другой же страницѣ листка мы находимъ его замѣтки «Объ отношеніяхъ литовцевъ къ Россіи» (см. выше, стр. 443—445 и стр. 793). Н. С. Тихонравовъ въ примѣчаніяхъ къ «Тарасу Бульбѣ» (см. настоящаго изд. т. I, стр. 626) относитъ этотъ отрывокъ и другіе со штемпелемъ на бумагѣ: «(J. What) mann Turkey Mill. 1838» — къ сентябрю 1839 года. Но если принять въ соображеніе разницу въ стиляхъ и то обстоятельство, что уже въ *началѣ* сентября Гоголь выѣхалъ изъ Вѣны, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ свѣдѣній, заключающихся въ путевыхъ запискахъ Погодина подъ заглавіемъ: «Годъ въ чужихъ краяхъ», — то можно съ большею увѣренностью отнести эти отрывки не къ сентябрю, а скорѣе къ концу августа 1839 года. Разница, конечно, незначительная. Причиной сбивчивости въ данномъ случаѣ является отчасти та странная мистификація, о которой мы говорили въ третьемъ томѣ «Матеріаловъ для біографіи Гоголя»[1]), состоявшая въ томъ, что Гоголь, находясь уже въ Россіи, надписывалъ на письмахъ невѣрныя обозначенія городовъ, откуда они писались. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что одно письмо

[1]) Т. III, стр. 292—295 и сборникъ «Памяти Н. С. Тихонравова», стр. 104—105.

къ Жуковскому изъ Варшавы помѣчено уже *12 сентября* 1839 года. («Русск. Арх.» 1871, 4—5, стр. 0935). Н. С. Тихонравовъ и указываетъ на эту мистификацію въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 625 перваго тома, гдѣ онъ обращаетъ вниманіе читателей между прочимъ на то, что «послѣднее письмо Гоголя къ Шевыреву изъ Вѣны, писанное на самомъ выѣздѣ, помѣчено 21 сентября», но по старому стилю это письмо слѣдовательно написано было 9 сентября, тогда какъ 12-го мы видимъ Гоголя за русской границей. Считая по новому стилю, Гоголь пробылъ въ Вѣнѣ конецъ августа и почти весь сентябрь 1839 г., тогда какъ, переведя на старый стиль, мы должны отнести его пребываніе въ Вѣнѣ ко второй половинѣ августа (и даже раньше, — не позднѣе 13 августа) и только самому началу сентября.

Стр. 449. [1] Прежде было: «небогатыхъ». [2] Послѣ этого зачеркнуто: «большаго». [3] Слово: «быть» въ концѣ строки не дописано. [4] Послѣ этого зачеркнуто: «эти». [5] Слово: «задумались» въ концѣ строки не дописано. [6] Слово: «вѣтренная» въ концѣ строки не дописано. [7] Въ «Царь-Колоколѣ»: «для самихъ себя», но въ рукописи: «для себя самихъ». [8] Послѣ этого зачеркнуто: «какъ по кото...».

Начало неоконченной повѣсти. (Стр. 449—450.)

Мы не имѣемъ точныхъ данныхъ для опредѣленія времени, къ которому относится этотъ отрывокъ, но мы встрѣчаемъ въ немъ художественные образы, повторяющіеся также въ другихъ произведеніяхъ Гоголя. Нѣкоторые изъ нихъ уже указаны выше (см. выше примѣчанія къ «Колясцѣ», стр. 744—746), а то мѣсто, гдѣ авторъ разсказываетъ, какъ Семенъ Семеновичъ имѣлъ обыкновеніе давать благоразумные совѣты, когда столкнутся два воза, сильно напоминаетъ сцену въ «Мертвыхъ душахъ» съ дядей Митяемъ и дядей Миняемъ. Судя по аналогіи съ другими подобными случаями, Гоголь воспользовался въ «Мертвыхъ душахъ» уже готовымъ отрывкомъ, который потомъ потерялъ интересъ для автора и былъ имъ оставленъ. Если это предположеніе справедливо, то надо допустить, что Гоголь написалъ этотъ отрывокъ *до* созданія первой части «Мертвыхъ душъ», — вѣроятно, во второй половинѣ 30 годовъ. Въ «Царѣ-Колоколѣ» Н. С. Тихонравовъ не даетъ никакой даты для опредѣленія времени этого отрывка (см. 1892, т. III, стр. 107), а въ примѣчаніяхъ редактора къ XI изданію сочиненій Гоголя (см. т. I, стр. 486) прямо говоритъ: «время написанія неизвѣ-

стно». — Написанъ этотъ отрывокъ на оторванномъ кускѣ бумаги съ изображеніемъ льва и подписью внизу: «Concorde» и водянымъ фабричнымъ знакомъ FW.

Стр. 450. [9] Въ подлинникѣ: «городишку». [10] Это слово приписано сверху строки [11] Слова: «безъ всякихъ рябинъ» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «и приличное». Кромѣ того, зачеркнуты приписанныя сверху слова: «гладкое», «очень, безъ одной...» [12] Послѣднія три слова приписаны сверху строки. [13] Прежде было: «цвѣта свѣжей, еще не поношенной подошвы». [14] Прежде было: «всегда глядѣть». [15] Послѣ слова: «обыкновеніе» зачеркнуто: «всегда». [16] Слова: «ни есть» (въ рукописи описка: «ни ѣсть» (sic!)) приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «ни дѣлается». [17] Слова: «можетъ быть, тоже» приписаны сверху строки карандашомъ, рукою Гоголя; карандашомъ же зачеркнуто слово: «то же» — передъ словомъ: «дворянинъ». [18] Въ рукописи описка: «коласка» (sic). [19] Послѣ этого зачеркнуто: «дѣти».

Стр. 450. [1] Пропущено какое-то слово; вѣроятно: «кибиткѣ». (Примѣч. Н. С. Тихонравова въ «Царь-Колоколѣ»). [2] Слова: «военныя и партикулярныя» приписаны сверху зачеркнутыхъ: «въ приличныхъ» (т.-е. платьяхъ). [3] Въ рукописи это слово искажено: «фигремъ» (sic). [4] Слово: «тройкѣ» не вполнѣ разборчиво приписано сверху строки. [5] Слово неудобное для печати. [6] Въ рукописи описка: «проедетъ» (sic). [7] Слово: «это» приписано сверху строки. [8] Н. С. Тихонравовъ въ «Царь-Колоколѣ» читаетъ здѣсь: «гусыню», но въ рукописи ясно написано: «чушку». [9] Слово: «внимательно» въ концѣ строки не дописано. [10] Этого слова въ рукописи нѣтъ; но оно, очевидно, подразумѣвается, — и возстановлено въ «Царь-Колоколѣ» (см. стр. 108). [11] Слово: «проходящему» въ концѣ строки не дописано. [12] Слово: «быстрыхъ» въ концѣ строки не дописано; приписано позднѣе, другими чернилами, вмѣсто зачеркнутаго: «глазъ». [13] Слово: «мальчишка» въ концѣ строки не дописано. [14] Поправлено рукою Гоголя карандашомъ вмѣсто (незачеркнутаго) слова: «рисуетъ». [15] Слово: «подзываетъ» въ концѣ строки не дописано. [16] Здѣсь пропущено по ошибкѣ еще лишній разъ написанное авторомъ слово: «потомъ». [17] Слова: «это(го) бѣдна(го)» приписаны сверху строки. [18] Въ подлинникѣ: «сертуку». [19] Слова: «тутъ же изъ окна» приписаны сверху строки. [20] Предлогъ *въ* въ рукописи пропущенъ. [21] Въ рукописи описка: «съ военный воротникъ». [22] Въ рукописи описка: «обоихъ мужикъ». Послѣ этого слово: «придерживать» въ концѣ строки не дописано. [23] Тоже. Послѣ этого зачеркнуто: «Но... это, вѣроятно...». [24] Послѣ этого зачеркнуто: «только». [25] Слова: «такъ знакомое заштатному городишкѣ» приписаны снизу, вмѣсто зачеркнутыхъ: «(знакомое лицо) цвѣту св(ѣжей) (новой) еще (подошвы)». Въ скобкахъ здѣсь поставлены слова зачеркнутыя въ рукописи; но вся фраза не зачеркнута. [26] Въ рукописи описка: «ношной» (sic).

Замѣтки о сельскомъ хозяйствѣ. (Стр. 450 — 451.)

Печатается по копіи Трушковскаго. Время написанія въ точности не извѣстно, но по тѣсной связи содержанія этого отрывка съ слѣ-

дующимъ отрывкомъ: «Помѣщики» и по самому характеру вопроса, которымъ интересуется здѣсь авторъ, его слѣдуетъ отнести къ половинѣ сороковыхъ годовъ (см. выше примѣчанія къ статьѣ: «О сословіяхъ въ государствѣ»). Сходство по мысли съ статьей: «Помѣщики» обнаруживается въ томъ мѣстѣ, гдѣ Гоголь жалуется на помѣщиковъ, что они бросили имѣнья, отдали земли въ руки управителей и наемниковъ, которые заботятся только о своихъ выгодахъ. Въ статьѣ: «Помѣщики» Гоголь изображаетъ смущеніе одного изъ такихъ управителей при напоминаніи ему о своемъ долгѣ. Въ слѣдующихъ строкахъ статьи: «О сельскомъ хозяйствѣ» нельзя не замѣтить сходства съ статьей: «Разсмотрѣніе хода просвѣщенія въ Россіи». Ср. жалобы Гоголя въ «Замѣткѣ о сельскомъ хозяйствѣ» на то, что все выводится и ничего не насаждается, что вырубаются лѣса и мелѣютъ рѣки, и слѣдующее мѣсто въ «Разсмотрѣніи хода просвѣщенія въ Россіи»: — «хозяйство не ушло впередъ... земли стали еще безплоднѣе..., потому что никогда въ Россіи не было вырублено столько лѣса, какъ въ это время ломокъ (при Петрѣ) перестроекъ, вѣчныхъ переправокъ и передѣлокъ. Отъ того засухи стали сильнѣе; высохнувшія рѣчки перестали разливаться и... орошать поля». — Судя по большей опредѣленности и обстоятельности развитія мыслей въ послѣдней статьѣ, относящейся къ 1846 г., можно предполагать, что «Замѣтка о сельскомъ хозяйствѣ» была написана нѣсколько раньше.

Занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ Гоголь всегда придавалъ большое значеніе (см. нашу статью о второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» въ «Починѣ (1895, стр. 109—110) и Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 446)», а особенно въ сороковыхъ годахъ (см. письмо къ Данилевскому отъ 7 августа 1841 года) и больше всего въ періодъ «Переписки съ друзьями» и втораго тома «Мертвыхъ душъ».

Стр. 450. [27] Слово не дописано.

Стр. 451. [1] Послѣ этого въ копіи Трушковскаго пробѣлъ въ полстроки. [2] Слово не прочитано. [3] Слово не дописано.

Помѣщики. (Стр. 451—452.)

Этотъ, очевидно черновой, набросокъ написанъ на 3 страницахъ перегнутаго въ восьмую долю полъ-листа бумаги, при чемъ на первой страницѣ находится начало, а на третьей — продолженіе наброска; остальныя страницы оставлены чистыми. Очевидно, обѣ части

наброска не случайно оказались въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, но имѣютъ между собою самую тѣсную непосредственную связь. При этомъ любопытно, что во второй половинѣ Гоголь уже придаетъ наброску художественную форму, вѣроятно, предполагая включить его во второй томъ «Мертвыхъ душъ». Такой переходъ отъ черноваго прозаическаго наброска къ небольшому художественному эскизу ясно указываетъ на то, что здѣсь было только намѣчено кое-что для дальнѣйшей обработки. О сходствѣ въ нѣкоторыхъ мысляхъ съ статьей: «О сословіяхъ въ государствѣ» см. выше, въ примѣчаніяхъ къ послѣдней статьѣ.— Время написанія отрывка въ точности неизвѣстно и на бумагѣ нѣтъ никакого штемпеля или водянаго знака; но по характеру содержанія эта статья, имѣющая тѣсную связь съ статьями: «Замѣтка о сельскомъ хозяйствѣ» и «О сословіяхъ въ государствѣ», а также со второй частью «Мертвыхъ душъ», должна быть отнесена ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ.

Стр. 451. [4] Слово: «напоминать» въ концѣ строки не дописано. [5] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [6] Въ рукописи описка: «мѣлочными» (sic). [7] Слово: «чиновниками» въ концѣ строки не дописано. [8] Слово не разборчивое, и притомъ, по обыкновенію, въ концѣ строки не дописанное. [9] Слово не дописано. [10] Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. [11] Прежде было: «воспрiимчива душа»; затѣмъ вмѣсто: «воспрiимчива» переправлено: «воспрiимчивѣе», а сверху зачеркнутаго: «душа» написано: «была». [12] Слово: «была» написано не вполнѣ отчетливо. [13] Послѣднія три слова написаны весьма неразборчиво. [14] Прежде было: «тѣхъ». [15] Слово: «мелькнули» написано не вполнѣ отчетливо. [16] Фамилія не дописана. [17] Въ рукописи: «Чичаховы» (sic).

Стр. 452. [1] Здѣсь въ рукописи пробѣлъ въ нѣсколько строкъ. [2] Послѣ этого по ошибкѣ еще разъ повторено: «нашъ». [3] Послѣ этого зачеркнуто: «тебя». [4] Послѣ этого зачеркнуто: «Зачѣмъ ты, не смущаясь, не шелъ до конца, закрывши глаза на людей и смотря только....?». [5] Въ рукописи стоитъ только: «обр....»; вѣроятно, Гоголь хотѣлъ написать: «обращаешь вниманіе». [6] Въ рукописи описка: «какое?»... [7] Послѣ этого зачеркнуто: «еслибы». [8] Слово: «ты» въ рукописи пропущено. [9] Слово не дописано. [10] Въ концѣ строки не дописано. Послѣ этого зачеркнуто: «ты бы оставилъ...» [11] Такъ въ рукописи. [12] Послѣ этого зачеркнуто: «чтобы». [13] Послѣ этого прежде было: «рыдать гото(внимъ)...». [14] Слово неразборчивое. Точки на мѣстѣ непрочитанныхъ словъ; послѣ нихъ зачеркнуто: «почувств(овать?) да(й?)...». [15] Неразборчивыя слова. [16] Слово: «чиновниковъ» вписано сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «понурили головы». [17] Снова зачеркнуто: «понуривши». [18] Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова.

Трудъ. (452 — 453.)

Эта небольшая статья написана на отдѣльномъ кускѣ бумаги, вырѣзанномъ изъ середины листа, размѣромъ немного больше четвертушки. По содержанію она должна быть отнесена къ послѣднимъ годамъ литературной дѣятельности Гоголя, и, вѣроятно, даже позже «Переписки съ друзьями», такъ какъ иначе едва ли Гоголь не помѣстилъ бы ее въ этой книгѣ. Особенно здѣсь заслуживаютъ вниманія слова: «Всякую работу дѣлай такъ, какъ бы ее заказалъ тебѣ Богъ, а не человѣкъ. Еслибъ и не наградилъ тебя человѣкъ здѣсь — не ропчи (sic); зато больше наградитъ тебя Богъ». Кромѣ сходства этой мысли съ слѣдующей мыслью статьи «Помѣщики»: «Какое бы было тебѣ дѣло обращать вниманіе, какъ издержитъ твои деньги земной помѣщикъ, когда у тебя Небесный Помѣщикъ?!» слѣдуетъ припомнить здѣсь выработавшееся въ Гоголѣ въ послѣдніе годы твердое религіозное убѣжденіе, что каждый трудъ долженъ вдохновляться особенно мыслью о служеніи Богу, и его размышленія о трудѣ въ письмахъ къ Иванову, гдѣ Гоголь упоминаетъ объ «истинномъ художникѣ, взглянувшемъ на трудъ, какъ на святое дѣло»; наконецъ его письмо къ М. Ю. Віельгорскому (въ «Выбранныхъ мѣстахъ») «Историческій живописецъ Ивановъ» и мысли Гоголя о значеніи труда въ письмѣ къ А. С. Данилевскому (Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 433).

Стр. 452. [19] Въ рукописи въ словѣ: «рая» стоитъ прописная буква. [20] Слова: «кто уклоняется отъ труда» приписаны сверху строки. [21] Послѣ этого въ рукописи стоитъ союзъ *и;* но, повидимому, Гоголь только по ошибкѣ не зачеркнулъ его; прежде за словомъ: «грѣшитъ» слѣдовали слова: «и виноватъ». [22] Слова: «еслибъ и» приписаны сверху строки; послѣ этого зачеркнуто вторично написанное: «не награ(дитъ)». [23] Слово: «здѣсь» приписано сверху строки. [24] Прежде было: «Всякая...», «Всѣхъ работъ почтеннѣе...». Надъ зачеркнутымъ словомъ: «всякая» приписано: «важнѣе». [25] Слово: «земледѣльца» въ концѣ строки не дописано. [26] Слово: «тотъ» въ рукописи по ошибкѣ зачеркнуто. [27] Слово: «пожмешь» въ рукописи написано неразборчиво.

Стр. 453. [1] Слово *о* здѣсь ясно передѣлано изъ *у*. [2] Слова: «всякомъ» и «случаѣ» въ подлинникѣ не дописаны. [3] Слово: «выгода» приписано сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «будетъ хорошо». [4] Слово: «только» приписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «словомъ». [5] Слово: «мыслью» въ концѣ строки не дописано. [6] Въ рукописи: «и не человѣка». [7] Слово *до* въ рукописи пропущено. [8] Слово: «нараб(оталъ)» въ рукописи не дописано. [9] Послѣ словъ: «и пропало» сверху приписано: «и неурожаи». [10] Послѣ этого въ рукописи зачеркнуто на ходу письма слово: «схор(онено?)».

[11] Въ подлинникѣ описка: «на работу». [12] Это слово переправлено изъ другаго, — повидимому: «мѣстѣ». [13] Въ рукописи описка: «сдѣсь» (sic). [14] Это слово въ рукописи пропущено. [15] Въ подлинникѣ описка: «небесного» (sic). Передъ этимъ словомъ описка: «и сдѣсь». [16] Послѣ этого зачеркнуто: «и за всякимъ дѣломъ руки гово(ря)...». [17] Въ подлинникѣ неясныя слова, какъ будто: «Господи помя(луй), помоги?». [18] Послѣ этого зачеркнуто: «меи(я)». [19] Слово: «мыслях» въ концѣ строки не дописано. [20] Въ подлинникѣ описка: «въ церковь». [21] Слово: «услышалъ» въ концѣ строки не дописано. [22] Послѣднее предложеніе: «чтобы во взаимной любви всѣхъ совершалось дѣло» приписано сверху строки. [23] Это слово въ подлинникѣ зачеркнуто и сверху приписано: «если». Въ копіи Трушковскаго въ этомъ мѣстѣ читается: «Тогда, такая работа» и проч. Мы, съ своей стороны, также удерживаемъ это чтеніе въ виду того, что соотвѣтствующее начатому условному предложенію Гоголь написать потомъ позабылъ.

Дружеское шутливое пари. (Стр. 453 — 454.)

Эта шутка относится къ 1835 году или къ первой половинѣ 1836 г. Время написанія этого пари можетъ быть опредѣлено по слѣдующимъ соображеніямъ: когда А. С. Данилевскій въ 1831 году уѣхалъ изъ Петербурга на Кавказъ, Прокоповичъ еще не былъ женатъ и слѣдовательно самаго пари тогда быть не могло. Послѣ этого Данилевскій пріѣхалъ опять въ Петербургъ только въ 1835 г. и снова уѣхалъ изъ него съ Гоголемъ за границу въ началѣ іюня 1836 года[1]).— «Пари» написано на несложенномъ полулистѣ бумаги.

Стр. 453. [24] Въ подлинникѣ: «родить». [25] Въ подлинникѣ: «чтобы». [26] Слово: «себѣ» приписано сверху строки. [27] Въ подлинникѣ: «до вкусу».

Стр. 454. [1] На оборотѣ были написаны еще и потомъ зачеркнуты слѣдующія строки: «Къ двумъ вышеупомянутымъ закладодержателямъ присоединились и мы, нижеподписавшіеся, съ бутылкою шампанскаго: первый — къ Гоголь (sic) Яновскому, а второй — къ сиротѣ Пащенкѣ. В. Прокоповичъ. Алек. Данилевскій».

Объявленіе о выѣздѣ. (Стр. 454.)

Эта публикація была напечатана въ прибавленіи къ № 28 «Московскихъ Вѣдомостей» (6 апрѣля, второе отдѣленіе, объявленія частныя, № 90, стр. 426). Она относится къ тому времени, когда Гоголь, взявъ своихъ сестеръ изъ института и устроивъ ихъ дѣла, неудержимо стремился снова въ Италію. Какъ извѣстно, друзья сдѣлали для него заемъ, но препятствій было все-таки не мало: нуженъ былъ экипажъ до Вѣны. Первоначальная черновая

[1]) См. «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. III, стр. 540 и 152.

редакція, помѣщенная нами въ выноскѣ на той же 454 страницѣ, представляетъ собою, очевидно, тотъ домашній чернякъ, который былъ потомъ измѣненъ Гоголемъ — самимъ или по совѣту Погодина — при отдачѣ въ печать. Этотъ первоначальный, черновой текстъ публикаціи впервые былъ напечатанъ въ Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1889 г., стр. 36 (въ отдѣлѣ пріобрѣтеній библіотеки).

Альбомная замѣтка. (Стр. 454.)

Эта замѣтка была написана Гоголемъ въ 1826 г. въ альбомъ его старшаго лицейскаго товарища Любича-Романовича и впервые напечатана Н. В. Гербелемъ въ «Библіографическихъ запискахъ» 1858 года (стр. 492) и затѣмъ перепечатана въ нашихъ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя» (т. I, стр. 121—122, примѣч.).

Строки, написанныя за нѣсколько дней до кончины. (Стр. 454.)

Эти строки написаны на небольшихъ отдѣльныхъ записочкахъ и были прежде напечатаны Н. С. Тихонравовымъ въ «Царѣ-Колоколѣ» (1892, III, 105 — 106).

Полный текстъ карманныхъ записныхъ книжекъ Н. В. Гоголя. (Стр. 455—541.)

Послѣ Гоголя, кромѣ переплетенныхъ записныхъ книгъ большаго формата, предназначавшихся для вписыванія какъ сочиненій, такъ и необходимыхъ для нихъ матеріаловъ, а въ короткое время профессуры — и университетскихъ чтеній нашего писателя, сохранились еще его записныя книжки, текстъ которыхъ напечатанъ выше. Привычка пользоваться записными книгами замѣчается у Гоголя очень рано: уже шестнадцатилѣтнимъ юношей онъ велъ такую книгу, въ которой дѣлались разныя замѣтки и выписки относительно интересовавшихъ его предметовъ; но эта книга, заведенная въ 1826 г., еще не имѣетъ пока никакого отношенія къ его литературной дѣятельности. Съ содержаніемъ этой книги можно отчасти познакомиться по описанію г. Кулиша въ первой части «Записокъ о жизни Гоголя» (стр. 54 — 57); подробное же описаніе ея читатель найдетъ въ слѣдующемъ томѣ — въ отдѣлѣ описанія рукописей. Послѣ этого, по крайней мѣрѣ начиная уже съ петербургскаго періода его жизни, Гоголь постоянно чувствовалъ необходимость въ записныхъ книгахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя также описаны

у г. Кулиша (см. первую часть «Записокъ о жизни Гоголя», стр. 161—175). Но это описаніе не коснулось, однако, именно *карманныхъ записныхъ книжекъ* Гоголя, которыя предположено было сначала помѣстить, вмѣстѣ со многими другими матеріалами, въ особомъ (дополнительномъ) седьмомъ томѣ изданія г. Кулиша, какъ на это указываетъ написанный г. Кулишомъ заглавный листъ рукописи и нѣкоторыя страницы изъ нея, заключающія въ себѣ именно выдержки изъ записной книжки 1846 г., напечатанныя у насъ на страницахъ 524—526. Все остальное переписано рукой Н. П. Трушковскаго, съ копіи котораго и печатается здѣсь. (Не знаемъ, имѣлъ ли Н. С. Тихонравовъ подъ рукой самые подлинники, но въ его бумагахъ ихъ не оказалось). Вслѣдствіе отмѣны первоначальнаго намѣренія г. Кулиша напечатать весь матеріалъ, предназначавшійся для седьмаго тома, куда между прочимъ должна была войти и «Учебная книга русской словесности» и многое другое, мы нигдѣ не находимъ въ его изданіяхъ никакого упоминанія о записныхъ книжкахъ, съ которыми впервые познакомилъ русское общество покойный Н. С. Тихонравовъ въ «Царѣ-Колоколѣ» (1892, III), но пока лишь отчасти, — въ *выдержкахъ*, тогда какъ напечатаніе полнаго текста было отложено до настоящаго изданія.

Текстъ записныхъ книжекъ, очевидно не предназначавшихся авторомъ для печати, представляетъ собою мѣстами безпорядочный брульонъ: нѣкоторыя слова Гоголь пропускалъ вовсе, предполагая впослѣдствіи пополнить пропуски или просто довольствуясь сокращенной записью; многое другое требовало тщательныхъ справокъ и провѣрокъ. Въ виду неразборчивости почерка Гоголя послужившаго причиною нѣкоторыхъ неточностей въ копіи Трушковскаго, а также въ виду малоизвѣстности многихъ областныхъ словъ, внесенныхъ Гоголемъ въ его записныя книжки, мы сочли своей обязанностью повѣрять каждое такое слово по словарю Даля и другимъ, при чемъ мы позволяемъ себѣ сообщить (въ отдѣлѣ варіантовъ, потому что этотъ способъ *удобнѣе для отыскиванія нужныхъ свѣдѣній)* результаты нашихъ справокъ. Это казалось намъ тѣмъ необходимѣе, что даже у такого авторитетнѣйшаго ученаго издателя, какъ Н. С. Тихонравовъ, вкралась, вслѣдствіе неисправности подлинника, ошибка, состоящая въ неправильной передачѣ слова: глохтить[1]) (напечатано: «шохтить» — совершенно такъ, какъ по

[1]) См. выше, стр. 506 и «Царь-Колоколъ», 1892, т. III, стр. 88.

недоразумѣнію скопировано было Н. П. Трушковскимъ). Само собой разумѣется, что мы пользовались словарями исключительно для провѣрки, необходимой особенно въ такихъ случаяхъ, гдѣ можно было невѣрно прочитать какое-нибудь слово, напр. очуряться вмѣсто: огуряться; но въ случаѣ неточностей, допущенныхъ Гоголемъ, напр. въ латинскомъ названіи рѣдьки bunias orientalis (у Гоголя: «punias orientalis») слѣдовали тексту Гоголя, неточности же отмѣчали въ варіантахъ. Въ порядкѣ печатанія записныхъ книжекъ мы слѣдовали плану Н. С. Тихонравова и соображались съ расположеніемъ напечатанныхъ имъ выдержекъ въ «Царѣ-Колоколѣ».

Обращаясь къ частностямъ, отмѣтимъ, что въ началѣ первой изъ записныхъ книгъ (1841—1842 г.) въ копіи Н. С. Тихонравова стоитъ помѣтка: «Петру Михалочу» (sic). Этой помѣтки, какъ не находящейся въ копіи Трушковскаго, съ которой печатается весь текстъ, мы не внесли, но она любопытна для насъ, объясняя намъ, какой характеръ и назначеніе имѣли замѣтки Гоголя въ самомъ началѣ его записной книги. Петръ Михайловичъ — очевидно, Языковъ, братъ поэта Николая Михайловича. Гоголь сблизился съ обоими братьями именно во время своей поѣздки въ Россію въ 1841—1842 годахъ. Съ Петромъ Михайловичемъ онъ встрѣчался въ 1841 г. Далѣе послѣ словъ: «всѣ тряпья» въ той же копіи Н. С. Тихонравова значится:

«Съ Михал. Петров. (т.-е. съ М. П. Погодинымъ).

О Копѣйкинѣ. Адресъ Никитенка.

Уварову объ отношеніи.

Экземпляръ Посошкова.

Ивану Яковлевичу — о бумагѣ.

Наборщику — опустить ниже заголовки.

Литографщику — за[1]) буквы и картину».

Очевидно изъ всѣхъ этихъ замѣтокъ, что онѣ были сдѣланы въ тотъ же указанный нами промежутокъ времени, когда Гоголь заботился объ изданіи перваго тома «Мертвыхъ душъ». Несомнѣнно сюда же относится и замѣтка: «развить статью о воспитаніи во второй части»[2]). На то же самое время указываютъ косвеннымъ образомъ и замѣтки, касающіяся разныхъ техническихъ выраженій, употребляемыхъ въ карточной игрѣ и у охотниковъ, нужныхъ Гоголю для «Игроковъ» и той главы «Мертвыхъ душъ», гдѣ выве-

[1]) Малороссіанизмъ.

[2]) Т.-е. «Мертвыхъ душъ»; см. выше, стр. 457.

день Ноздревъ. Въ первой части «Мертвыхъ душъ», именно въ окончательной, печатной ихъ редакціи, встрѣчаются слова и выраженія, заимствованныя изъ записныхъ книжекъ, напр. «верескъ» (т. III,стр. 17), «іора» (т. III, 184), «подмикитки и подсочельникъ» (т. III, стр. 193), «корявый» (т. III, стр. 292), «зиберъ и клеръ» (названія сортовъ суконъ — т. IV, стр. 379). Въ спискѣ словъ, отмѣченныхъ въ этой записной книжкѣ, также обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что многія изъ нихъ особенно употребительны въ симбирской губерніи, въ чемъ можно убѣдиться изъ словаря Даля; они, конечно, также были записаны со словъ П. М. или Н. М. Языкова, какъ симбирскихъ уроженцевъ. Въ самомъ текстѣ записныхъ книжекъ находимъ много другихъ косвенныхъ указаній на этотъ источникъ свѣдѣній, отмѣченныхъ Гоголемъ. Сюда относятся такія его замѣтки, какъ напр. о томъ, что въ Симбирскѣ прозвали одного нѣмца «тараканьими мощами», названія камней въ симбирской губерніи и проч. Весьма возможно, что и слова, употребляемыя въ казанской губерніи, записаны отъ Языковыхъ. Любопытно между прочимъ, что Гоголь записалъ также слово «пикоть», часто употребляемое въ семействѣ Языковыхъ, какъ это видно уже изъ того, что даже одна изъ сестеръ Языковыхъ, Прасковья Михайловна, носила почему-то семейное прозвище «Пикоть».

Въ записной книгѣ 1842 года въ копіи Трушковскаго послѣ первыхъ трехъ страницъ текстъ продолжается на пятой; на четвертой находится совершенно другаго содержанія запись (объ экземплярахъ «Мертвыхъ душъ»). Такъ же было, вѣроятно, и въ самомъ подлинникѣ. Въ виду неудобства печатанія въ такомъ порядкѣ, мы помѣстили замѣтку объ экземплярахъ «Мертвыхъ душъ» въ концѣ замѣтки № 2 (см. выше, стр. 498).

Записная книжка 1846 года (у насъ №. 3), какъ сказано выше, переписана рукой г. Кулиша, а содержаніе послѣдней, подаренной Гоголю Жуковскимъ въ концѣ 1846 г., ясно указываетъ на то, что она наполнялась позднѣе, т.-е. въ 1847, а, можетъ быть, и въ началѣ 1848 года.

Затѣмъ намъ остается указать, что нѣкоторыя изъ словъ, отмѣченныхъ въ записныхъ книжкахъ Гоголя, были внесены и въ его Словарь; таковы напр.: грудастый, колотырникъ, кочедыкъ, кулганъ, мальга, обнизь (bis), отопокъ, плутоносъ, пустельга, пырей, сбой, сбойничать, сусѣкъ, сычугъ, треухъ, шилохвостъ, шишимора, шугай, бахилы, вилокъ, валюга, вабить, дикуша, косачъ, косникъ,

куканъ, мигачъ (см. т. III, 91), перелогъ (т. III, 71), опашень и проч. Объ этомъ подробнѣе въ слѣдующемъ томѣ. (См. всѣ указанныя слова въ Словарѣ Гоголя въ Сборникѣ Общ. Люб. Росс. Слов. 1891 г., 24—54).

Въ послѣднихъ редакціяхъ, начиная съ заграничной НР, встрѣчаются слова: «привередливый» (т. III, стр. 16), «верескъ» (т. III, стр. 17), «клячъ» (т. III, стр. 19, въ варіантахъ въ VII томѣ къ стр. 167 и выше, стр. 480); пряженцы (т. III, стр. 41 и 147), «сочни» (тамъ же); «шанишки» (т. III, стр. 53), «пряглы» (тамъ же), «побратима» (т. III, стр. 54 и 114), «загнуть утку» (ср. т. III, 61 и выше, стр. 459), «жидоморъ» (т. III, стр. 63), «щитокъ», «правило»—(т. III, стр. 70); «порхлица» (тамъ же); «Софронъ» (т. III, стр. 71); затѣмъ хотя слова: «логъ» у Гоголя нѣтъ (см. стр. 490), но есть слово: «перелогъ» (т. III, стр. 71 и т. VII, стр. 216), «сколдырникъ» (см. т. III, стр. 76 и въ варіантахъ къ стр. 221. Слова: «См. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 274), «кирченыя стѣны» (т. III, стр. 90), «няня» (т. III, стр. 95), «уголъ» (102) «чапыжникъ» (т. III, стр. 110, и т. VII, примѣч. 29 къ стр. 165), «губина» (т. III, стр. 114), «сушила» (т. III, стр. 114), «лагунъ» (т. III, стр. 114), «жбанъ» (т. III, стр. 114), «мыкальникъ» (т. III, стр. 114), «суряки» (т. III, стр. 137), «хапуга» (т. III, стр. 144), «сѣменить» (т. III, стр. 164), «клѣтухъ» (т. III, стр. 176), «пирогъ разсольникъ» (т. III, стр. 176), «іора» (т. III, стр. 184), «спорынья», «подмикитки и подсочельникъ» (т. III, стр. 193), «наянъ» (т. III, 203), «поддедюлить» (т. III, стр. 214, и выше, стр. 519); «шибель» (т. III, стр. 216), «черемуха» (223), «пиголица» (т. III, стр. 224), «треухъ» (т. III, стр. 227), «клекнуть» (т. III, стр. 239), «корявая» (т. III, стр. 292), «чапоруха» (т. III, стр. 293), «шушера» (т. III, стр. 312), «телепень» (т. III, стр. 325, а также выше, стр. 47 и 179), «промзглый» (т. III, стр. 395 и т. IV, стр. 390), «пронизки» (т. VII, стр. 165), «егоза» (см. выше, стр. 584), «гоголь» (т. II, стр. 47), «зиберъ и клеръ» (названія сортовъ суконъ—т. IV, стр. 379). Кромѣ того, въ «Страницахъ, передѣланныхъ по выходѣ въ свѣтъ перваго тома «Мертвыхъ душъ» (см. т. VII, стр. 438) заслуживаютъ вниманія слова: «турухтанъ», когда приходитъ время любви, расцвѣтаетъ вдругъ такими яркими цвѣтами, какихъ прежде не было»: эти слова основаны на слѣдующей замѣткѣ въ записной книгѣ 1841—1842 г.: «весной, когда понимаетъ, турухтанъ играетъ яркими цвѣтами» (см. выше, стр. 466). Гоголь воспользовался даже отмѣченной въ записной книжкѣ фамиліей мужика: «Милушкинъ» стр. 482 и т. III, стр. 99). Любопытно затѣмъ, что многія выраже-

нія, не будучи отмѣчены въ записныхъ книжкахъ, употреблены, однако, Гоголемъ въ «Мертвыхъ душахъ», напр. «взъерепенить», «пирогъ-курникъ» (т. III, стр. 176) «лыстье» (см. т. VII, примѣч. 2 къ стр. 137; этого слова у Даля нѣтъ, (т. II, 282), «припертѣнь» (т. III, стр. 246) и многія другія. Послѣднее изъ этихъ словъ, по объясненію Даля (см. т. III, стр. 448), означаетъ: притѣснитель, прижимщикъ, обидчикъ, наступникъ. Слѣдуетъ отмѣтить еще записанное Гоголемъ выраженіе: «мошинальный человѣкъ» въ значеніи: «мошенникъ» (см. стр. 510). По образцу этой игры словъ Гоголь составилъ соотвѣтствующую во второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ» (слово: «пролетарій»; см. т. IV, стр. 379). Наконецъ онъ вноситъ въ текстъ «Мертвыхъ душъ» цѣлую фразу: «чортъ по ночамъ горохъ молотилъ на рожѣ» (см. выше стр. 510 и т. III, стр. 230) и отъ сходнаго слова производитъ фамилію: «Вышнепокромовъ» (315).

Стр. 457. [1] Пропускъ на мѣстѣ не прочитаннаго слова. Далѣе послѣ словъ: «всѣ тряпья» въ той же копіи стоитъ: «съ Михайлом(ъ) Петров: О Копѣйкинѣ. Адресъ Никитенка. Уварову объ отношеніи. Экземпляръ Посошкова. Ивану Яковлевичу: о бумагѣ. Наборщику: опустить ниже заголовки; литографщику: за буквы и корректуры». Передъ этимъ въ копіи Н. С. Тихонравова написано: «Петру Михайловичу» (sic), т.-е. Языкову, брату поэта. [2] Очевидно, Гоголь говоритъ здѣсь о второй части «Мертвыхъ душъ». [3] Пропускъ въ копіи Трушковскаго. [4] См. «Толковый Словарь живаго великорусскаго языка» *Даля*, изд. 1881—1882 гг., т. IV, стр. 282 и т. I, стр. 138 (подъ словомъ: «будра»); также т. II, стр. 358 (подъ словомъ: «мотылекъ»). [5] Вѣроятно, слѣдуетъ подразумѣвать: спросить Заблоцкаго обо всемъ, что̀ перечисляется далѣе. [6] См. объ этомъ словѣ ниже, стр. 465. [7] По Далю: «Бершъ» (см. т. I, стр. 86). [8] Этого слова у Даля нѣтъ. [9] См. Даля, т. 1, стр. 160.

Стр. 458. [1] См. Даля, т. I, стр. 221. [2] Вѣроятно, слѣдуетъ читать *напротивъ*: «не назначенный» (см. Даля, т. I, стр. 599). [3] У Даля: «сѣчище» (см. т. IV, стр. 392). [4] У Гоголя вмѣсто: «галицкій» — всегда: «галичскій»; см. выше, стр. 442, т. I, стр. 177, 180 и проч.

Стр. 459. [1] У Даля это слово записано въ формѣ: «*умительный*» (см. т. IV, стр. 510). [2] Этого слова у Даля нѣтъ. [3] Плесна — то же, что̀ плюсна (см. Даля т. III, стр. 126 и 134 и Академическій Словарь 1847 г., т. III, стр. 227 и 233). Въ «Царь-Колоколѣ» (1892, III, стр. 61) было напечатано: «плѣснѣ». [4] Изреченіе взято изъ «Псалтири». [5] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова (ср. «Царь-Колоколъ», 1892, III, стр. 62). Выраженіемъ: «загнуть утку» Гоголь воспользовался въ «Мертвыхъ душахъ» (см. т. III, стр. 61). [6] Ср. «Царь-Колоколъ», 1892, III, стр. 62. Этого слова: «кирченая» и слѣдующаго далѣе глагола «кирчить» въ Словарѣ Даля нѣтъ. Гоголь воспользовался этимъ словомъ въ первомъ томѣ «Мертвыхъ душъ» (см. т. III, стр. 90). [7] Ср. Словарь Даля, т. IV, стр. 413. [8] У Даля это слово указано только въ слѣдующемъ значеніи: *волжск.* гористый, обрубистый, крутоярый мысъ; отвѣсный, крутой берегъ; выдавшаяся скала (см.

т. II, стр. 265). [9] Этого слова ни въ Акад. Словарѣ, ни у Даля нѣтъ. [10] См. у Даля т. I, стр. 663. [11] См. у Даля т. II, стр. 156. [12] Данное значеніе этого слова у Даля не указано (см. т. IV, стр. 459).

Стр. 460. [1] См. Даля т. III, стр. 165. (У Даля ударепіе не обозначено; въ записной книжкѣ стоитъ: по́двалка). [2] У Даля другое объясненіе: «прикладка — каменный прикладъ» (см. т. III, стр. 432). [3] Даль, т. III, стр. 122. [4] Нѣкоторыми изъ приведенныхъ здѣсь названій и кличекъ собачьихъ породъ Гоголь воспользовался въ первомъ томѣ «Мертвыхъ душъ», въ главѣ о Ноздревѣ (см. настоящаго изданія т. III, стр. 70). [5] Ср. т. III, стр. 77. [6] Тамъ же, стр. 70.

Стр. 461. [1] Ср. т. III, стр. 77. [2] Примѣчаніе Н. С. Тихонравова въ «Царь-Колоколѣ» (1892, III, стр. 64): — «слѣдуетъ»: «Крамза». [3] Кромѣ этихъ собачьихъ кличекъ, вписанныхъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о собакахъ Ноздрева, тамъ прибавлено еще одно, не названное въ записной книжкѣ: «попечительница» (см. т. III, стр. 70).

Стр. 462. [1] Это значеніе указано и у Даля (т. II, стр. 751). [2] Это значеніе также указано у Даля (т. II, стр. 393). [3] По Далю, «называть гончихъ» — значитъ: «скликать, созывать» (см. т. II, стр. 427). [4] По Далю: лежать на мѣстѣ, отдыхать сытимъ (т. I, стр. 559). [5] По Далю: жиры — лисьи, заячьи — жировой нарыскъ, маликъ, гдѣ онъ жировалъ, набѣгалъ слѣдъ. (т. II, стр. 558 — 559). [6] По Далю: *стайно* отъ *стая* (см. т. IV, стр. 320 и 327). [7] У Даля другое объясненіе: «собаки снѣютъ по зайцу» (охоти.) — насѣваютъ, доходятъ, дотекаютъ (т. IV, стр. 310). [8] Этого слова у Даля нѣтъ. [9] По Далю, *рыскъ* (т. IV, стр. 120) у охоти. — нѣсколько своръ гончихъ, при одномъ охотникѣ. [10] По Далю, значеніе этого слова иное, именно: «пріучать собаку къ сворѣ, высворить» (см. слѣд. примѣчаніе) — т. III, стр. 456. [11] По Далю, *высворить* борзую — пріучить къ сворѣ, чтобы не попадала подъ лошадь, не металась безъ толку, была *вьжмива* (послушна) и знала всѣ покрики (т. I, стр. 320). [12] По Далю, *отопать* зайца отъ опушки — отогнать, отпугать, воротить въ поле (см. т. II, стр. 788). [13] По Далю, *лазъ* у охотниковъ — мѣсто, гдѣ проходятъ ночему-либо звѣри, обычный путь ихъ (см. т. II, стр. 238). [14] См. у Даля, (т. I, стр. 303). [15] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. III, стр. 177); но см. подзирать (стр. 178).

Стр. 463. [1] См. Даля т. II, стр. 298. [2] У Даля при словѣ: «*тропа*» объяснено: «лазъ животнаго, звѣря = заячья тропа» (т. IV, стр. 445). Въ другомъ мѣстѣ Даль указываетъ другое слово для обозначенія волчьяго слѣда, именно: сакма́ (см. т. II, стр. 477), но подъ словомъ: «сакма́» (т. IV, стр. 131) читаемъ: «лѣтній слѣдъ звѣря, ломъ, лазъ, особ. *медвѣдя*». [3] См. Даля, т. II, стр. 477. [4] Этого слова у Даля нѣтъ. [5] У Даля, чернотропъ = черностопъ, лѣтній путь, по голу (черностопъ — осенніе холода, безъ снѣгу; см. Даля, т. IV, стр. 614). [6] Брызги, по Далю, первая весенняя ростепель: «охотиться на зайцевъ по брызга́мъ». (См. т. I, стр. 134.) [7] См. Даля, т. II, стр. 491. [8] По Далю, *садкой* карбасъ, паволокъ — значитъ: глубоко сидящій, грузный на ходу. Другихъ значеній этого слова у Даля нѣтъ (см. т. IV, стр. 130). [9] См. Даля, т. II, стр. 311. [10] См. Даля, т. III, стр. 418. [11] По Далю — листопадникъ (т. II, стр. 260). [12] Точки на мѣстѣ слова неудобнаго для печати.

Стр. 464. [1] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [2] Данное значеніе этого слова у Даля не указано. [3] См. *Даля*, т. II, стр. 315. [4] Въ данной формѣ это слово у Даля не указано (см. т. II, стр. 698); но форма «опояска» у него есть (см. тамъ же, стр. 706). [5] См. *Даля*, т. IV, стр. 580. [6] См. *Даля*, т. IV, стр. 63. [7] См. *Даля*, т. II, стр. 232; но данное значеніе этого слова тамъ не указано. [8] См. *Даля*, т. II, стр. 183. [9] См. *Даля*, т. III, стр. 569. [10] Этого слова у Даля нѣтъ. [11] Не прочитанное слово. [12] Это слово въ томъ же значеніи употребляется и въ пензенской губерніи (см. *Даля*, т. I, стр. 537). [13] Этого слова у Даля нѣтъ. Гоголь имъ воспользовался въ первой главѣ втораго тома «Мертвыхъ душъ» (см. наст. изд. т. III, стр. 293). [14] По Далю, (т. II, стр. 188) красовуль, или красоуля — монастырская чаша; стопа, большая кружка, ковшъ, братина. [15] Слово не совсѣмъ удобное для печати. [16] По Далю, (т. I, стр. 207) визиръ = прицѣлъ, мишень, зарóкъ, наводка. [17] По Далю, *стечка* у собаки — тихое бѣшенство (т. IV, стр. 329). [18] См. *Даля*, т. III, стр. 126. [19] См. *Даля*, т. IV, стр. 206. Этимъ словомъ Гоголь воспользовался въ «Мертвыхъ душахъ» (см. т. III, стр. 76, и т. VII въ отдѣлѣ варіантовъ къ стр. 219). [20] Слово неудобное для печати. [21] См. *Даля*, т. II, стр. 246.

Стр. 465. [1] По Далю, гýбина и губинá — губье, съѣдомые грибы; но затѣмъ и вообще всякаго рода овощъ, приварокъ, даже всѣ ягоды, не исключая рябины и черемухи. Гоголь воспользовался этимъ словомъ въ «Мертвыхъ душахъ» (см. т. III, стр. 114). [2] См. выше, стр. 457. Объясненіе этого слова встрѣчается здѣсь уже вторично. [3] См. у *Даля*, — площица (см. *Даля*, т. III, стр. 132). [4] См. *Даля*, т. IV, стр. 166. [5] См. *Даля*, т. I, стр. 574. [6] Этимъ словомъ Гоголь воспользовался въ «Мертвыхъ душахъ» въ главѣ о Ноздревѣ (см. настоящ. изд. т. III, стр. 71). [7] См. *Даля*, т. IV, стр. 350. [8] См. *Даля*, т. I, стр. 165. [9] См. *Даля*, т. IV, стр. 185. [10] См. *Даля*, т. II, стр. 352. [11] См. *Даля*, т. II, стр. 581.

Стр. 466. [1] Это значеніе даннаго слова у Даля не указано (см. т. IV, стр. 457). [2] См. *Даля*, т. I. стр. 378. [3] См. *Даля*, т. IV, стр. 415. [4] Въ копіи Трушковскаго здѣсь есть пропущенныя слова и текстъ испорченъ. [5] Также. [6] У Даля: «ветютень» (см. т. I, стр. 191). [7] См. *Даля*, т. II, стр. 73. [8] См. *Даля*, т. IV, стр. 196. [9] Тамъ же, стр. 218. [10] Слово не дописано.

Стр. 467. [1] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. I, стр. 207). [2] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. IV, стр. 204). [3] Въ «Царь-Колоколѣ» напечатано: «наплекой». При этомъ словѣ въ «Ц.-К.» (1892, т. III, стр. 68) стоитъ слѣдующее примѣчаніе Н. С. Тихонравова: «Въ Словарѣ Даля: «одноплекій». См. *Даля*, т. II, стр. 463, подъ словомъ: «наплекій» — нестроплечій; иногда: *одноплекій*, объ одномъ разноперомъ плечѣ. [4] См. *Даля*, т. I, стр. 201. [5] Этого слова у Даля нѣтъ. Гоголь воспользовался имъ, образовавъ отъ него фамилію одного изъ второстепенныхъ лицъ втораго тома «Мертвыхъ душъ»: «Вышнепокромовъ (см. настоящаго изданія т. III, стр. 315 и проч.). [6] Этого слова у Даля нѣтъ. [7] См. *Даля*, т. IV, стр. 597. [8] Не дописано; ср. «Царь-Колоколъ», 1892, т. III, стр. 69, примѣч. [9] У Даля указано другое значеніе этого слова (т. IV, стр. 336). [10] Это выраженіе у Даля не приведено.

Стр. 468. [1] При этомъ словѣ Н. С. Тихонравовъ въ «Царь-Колоколѣ» поставилъ вопросительный знакъ (см. «Ц.-К.», 1892, т. III, стр. 69); но слово

это указано у Даля (см. т. III, стр. 420). [2] Этого слова у Даля нѣтъ. [3] Въ копіи Трушковскаго и, несомнѣнно, также у Гоголя: «Ярионки» (ср. «Ц.-К.», гдѣ встрѣчается это слово, что̀ будетъ отмѣчено ниже). [4] Боровокъ — берестяная кубышка (см. Даля, т. I. стр. 117). [5] Пронизка — по Далю — буса, бисерина, стеклярусъ; продырявленный шелегъ, камешекъ, стекляшка, королекъ и пр. для украшенья, наряда (см. Даля, т. III, стр. 518). Словомъ: «пронизка» Гоголь воспользовался въ заграничной редакціи (Н. Р.) «Мертвыхъ душъ» (см. VII, 165 стр.). [6] См. Даля, т. II, стр. 243: Ластовицы, ластовки — платочекъ, четыреугольныя, разноцвѣтныя вставки подъ мышкою у русскихъ мужскихъ рубахъ, — «Русская рубаха безъ цвѣтныхъ ластовокъ неживетъ» (словарь Даля, т. II, стр. 243). [7] См. Даля, т. I, стр. 505. [8] По Далю, сборникъ — родъ кокошничка со сборками назади; морщенникъ, волосникъ. подъ повязку, шапочка подъ фату (т. IV, стр. 144). [9] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [10] См. Даля, т. I, стр. 141. [11] Тамъ же.

Стр. 469. [1] По Далю, *отбучить* бѣлье — вымочить въ букѣ хорошенько, какъ должно; кончить бучку (см. т. II, стр. 736). Значенія, указываемаго Гоголемъ, Даль не приводитъ. [2] Этого значенія даннаго слова Даль не указываетъ (см. Даля, т. II, стр. 143). [3] Это значеніе см. также у Даля, (т. II, стр. 78 и 147). [4] См. у Даля, т. IV, стр. 668. [5] См. у Даля слово «касандрейка», или «александрейка» — красная бумажная полосушка, на рубахи (т. II, стр. 95). [6] Пропускъ въ копіи Трушковскаго. [7] У Даля это значеніе даннаго слова не указано. [8] По Далю, гуляфная вода — розановая, перегнанная на лепесткахъ розы, шиповника (см. т. I, стр. 418). [9] См. у Даля, т. II, стр. 799. [10] У Даля, *жагра* — (въ костромск. нарѣчіи) — пивогоръ, трутъ, древесная губа, на трутъ и жженое тряпье. Въ симб. губ.: нагорѣвшая свѣтильня (см. Даля, т. I, стр. 539). [11] Это значеніе слова у Даля не указано. [12] См. у Даля, т. IV, стр. 435. [13] Этого слова у Даля нѣтъ. [14] См. у Даля т. IV, стр. 450. [15] По Далю, *цыба* — вообще кличка козы (см. т. IV, стр. 592). [16] См. у Даля, т. IV, стр. 406 и 415. [17] Тамъ же, стр. 656. [18] Этимъ словомъ Гоголь воспользовался въ началѣ втораго тома «Мертвыхъ душъ» (т. III, стр. 294). См. это слово у Даля во второмъ томѣ, на страницѣ 307. [19] См. у Даля, т. I, стр. 40.

Стр. 470. [1] «Тулаемъ» — по Далю — слово восточное, именно татарское, и значитъ: оптомъ, огуломъ, гуртомъ (см. Даля, т. IV, стр. 453). [2] По Далю, колобъ, колобокъ, колобанъ — скатанный комъ, шаръ, груда, валенецъ, катанецъ; небольшой круглый хлѣбецъ и проч. (см. т. II, стр. 139). [3] По Далю, щека — каждая изъ боковыхъ частей жома, тисковъ; боковые бруски мялки, мялицы (см. т. IV, стр. 673). [4] По Далю, *кошель* — мельничный рукавъ, сито *кошелемъ*, чрезъ которое идетъ *кошельная*, рукавная мука (т. II, стр. 184). [5] См. у Даля, т. III, стр. 343.

Стр. 471. [1] Это слово въ рукописи пропущено. [2] См. у Даля, т. IV, стр. 373 Собственно сурякъ (отъ слова *Сура*) — западный вѣтеръ отъ Суры. Гоголь воспользовался этимъ словомъ въ «Мертвыхъ душахъ» (см. т. III, стр. 187).

Стр. 472. [1] По Далю, *карча* или *карша* — слово восточное и значитъ: коряга, корга и проч.; потомъ: замонна, замытое въ пескѣ подъ водою дерево, опасное для рыболововъ и для судовъ (т. II, стр. 95). [2] См. у Даля,

т. IV, стр. 273. [3] По Далю, сало сырецъ — чистое, всплывшее при первой, легкой топкѣ (т. IV, стр. 385). [4] См. у Даля, т. II, стр. 550. [5] По Далю, крылена, ватеръ — изъ сѣти, верша — изъ лыкъ и хвороста. См. Даля, т. II, стр. 208. [6] Словъ, заключенныхъ въ скобки, въ рукописи нѣтъ; въ копіи Трушковскаго здѣсь пропускъ. [7] По Далю, *волокуша* — слово волжское — прямолока, неводъ безъ матни (см. слѣд. примѣч.), длиною отъ 50 до 100 сажень (см. т. I, стр. 241). — Странно это противорѣчіе: по Гоголю, *волокуша* — неводъ *съ матней*, тогда какъ по Далю: — *безъ матни*. [8] Матня — по Далю — кошель у невода, кутецъ (см. т. II, стр. 313). [9] См. Даля, т. I, стр. 128. [10] См. у Даля, т. II, стр. 531. [11] См. у Даля, т. IV, стр. 131. [12] Этого слова у Даля нѣтъ. [13] Слово пропущено. [14] Въ копіи Трушковскаго: «пролубь» (sic). [15] Грузило — по Далю — всякая тяжесть, привѣшиваемая къ чему-либо для огрузки, осадки въ воду; *грузила* (камешки, глиняныя и свинцовыя гирьки) бываютъ на неводахъ, по нижней кромкѣ (а по верхней — поплавки, балберки), — на удахъ (см. у Даля, т. I, стр. 411).

Стр. 473. [1] См. у Даля, т. I, стр. 550. [2] Это производное слово у Даля не указано. [3] Этого слова у Даля нѣтъ. [4] По Далю, *смолье* — смолистыя дрова, лучина для свѣту, *для ученья рыбы*, для выкурки смолы и проч. (см. т. IV, стр. 242). [5] По Далю, глаголъ *стражить* имѣетъ совсѣмъ иное значеніе (см. Даля, т. IV, стр. 343). Здѣсь слѣдуетъ: «*острожить*» (См. Даля, т. II, стр. 730). [6] См. у Даля, т. IV, стр. 425.

Стр. 474. [1] См. Даля, т. IV, стр. 524. [2] Слова: *алибухара* у Даля нѣтъ, но его слѣдуетъ смотрѣть подъ словомъ: бухара, гдѣ мимоходомъ поясняется, что алибухара — родъ сушеныхъ сливъ изъ Бухаріи (см. т. I, стр. 148). Самое же слово *алибухара* въ словарѣ пропущено (см. т. I, стр. 11). [3] По Далю, манна *бухарская* — сгущенный сокъ винограда (см. т. II, стр. 303). [4] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [5] См. Даля, т. IV, стр. 648. [6] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [7] По Далю, индиго — синь, кубовая краска, синяя краска изъ перегнойки растенія Indigofera (см. т. II, стр. 42). [8] Послѣ этого въ копіи Трушковскаго пропускъ. [9] См. Даля, т. IV, стр. 639. [10] По Далю, *курмышъ* — рядъ избъ, поселокъ, порядокъ, одна сторона улицы (т. II, стр. 226). [11] См. у Даля, т. II, стр. 146—147.

Стр. 475. [1] См. Даля, т. II, стр. 149. [2] Тамъ же, стр. 345. Словомъ: «промзглый» Гоголь воспользовался въ «Мертвыхъ душахъ»; см. т. IV, стр. 390 и т. III, стр. 395. [3] Это неприличное слово въ Словарь Даля не внесено. [4] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [5] См. Даля, т. II, стр. 644. [6] См. Даля, т. I, стр. 671. [7] Этого слова у Даля нѣтъ. [8] Тоже. [9] Слова: «однобылка» у Даля нѣтъ; но оно, несомнѣнно, происходитъ отъ *быліе* (см. т. I, стр. 152). [9] Это выраженіе у Даля не указано; но у него приведено объ овсѣ другое, болѣе употребительное и сходное: «*выметывается*» (см. т. I, стр. 307); выметывать — (объ *овсѣ* и другихъ хлѣбахъ) — начинать колоситься.

Стр. 476. [1] Это выраженіе у Даля не указано. [2] См. у Даля, т. II, стр. 112. [3] См. у Даля, т. I, стр. 378. [4] См. у Даля, т. IV, стр. 101 и 304. [5] По Далю, *брунѣть* или *бренѣть*: 1) звенѣть, 2) наливаться, рдѣть, спѣть (см. т. I, стр. 133). [6] По Далю — *козелецъ* (см. т. II, стр. 183), а не

козлецъ. [7] См. Даля, т. III, стр. 106. [8] См. т. I, стр. 417. [9] Тамъ же, стр. 117.

Стр. 477. [1] См. у Даля, т. IV, стр. 341. [2] Этого слова въ данномъ значеніи въ Словарѣ Даля нѣтъ; см. ниже, 482, II примѣч. [3] См. у Даля, т. II, стр. 728. [4] Этого слова у Даля нѣтъ. [5] См. у Даля, т. IV, стр. 270. Этимъ словомъ Гоголь воспользовался въ одномъ изъ варіантовъ къ «Мертвымъ душамъ» (см. т. VII, примѣч. 3 къ 199 стр.). [6] См. у Даля, т. II, стр. 246. [7] Тамъ же, стр. 78. [8] См. Даля, т. III, стр. 552. Этимъ словомъ Гоголь воспользовался въ «Мертвыхъ душахъ» (см. настоящаго изданія т. III, стр. 41 и 147).

Стр. 478. [1] См. у Даля, т. III, стр. 89. [2] Тамъ же, т. II, стр. 236. Этимъ словомъ Гоголь воспользовался въ «Мертвыхъ душахъ» (см. т. III, стр. 114) [3] Тамъ же, т. I, стр. 544. Этимъ словомъ Гоголь также воспользовался въ «Мертвыхъ душахъ» (т. III, стр. 114). [4] По Далю, лада — бочарная дощечка, клепка, самая щель, пазъ, фуга, при сліоченіи двухъ досокъ (т. II, стр. 237). [5] По Далю, слаживать — изладить, сдѣлать, исправить, изготовить совсѣмъ къ дѣлу (т. IV, стр. 223). [6] См. т. I, стр. 678. [7] Сходныя значенія указаны и у Даля (см. т. IV, стр. 320). [8] По Далю, побратима — коновка, ендова, братина, большая стопа (т. III, стр. 139). Этимъ словомъ Гоголь воспользовался въ «Мертвыхъ душахъ» (т. III, стр. 114 и 54). [9] У Даля, (т. I, стр. 490) досканецъ — ящикъ, ларецъ, укладка. Съ тѣмъ же удареніемъ употребляетъ это слово и Державинъ въ извѣстномъ стихотвореніи: «Видѣніе Мурзы»: — «И въ досканцахъ червонцы шлютъ» (см. академич. изд., т. I, стр. 108). [10] Здѣсь въ копіи Трушковскаго пропускъ: судя по смыслу, пропущено слово: «досканцы». [11] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [12] Коробья или коробейка — по Далю — гнутый, обычно изъ осиновой обечайки, коробъ, либо сундукъ, съ напускною крышкою, круглый или съ четырьмя тупыми углами (т. II, стр. 168). [13] У Даля этого слова нѣтъ. [14] См. Даля, т. II, стр. 277. [15] Т. II, стр. 216. [16] У Даля, т. I, стр. 144. [17] Даля, т. IV, стр. 377. Этимъ словомъ Гоголь воспользовался въ «Мертвыхъ душахъ» (см. т. III, стр. 114). [18] У Даля, т. II, стр. 161. [19] См. Даля, т. II, стр. 372. Гоголь воспользовался этимъ словомъ въ «Мертвыхъ душахъ» (см. т. III, стр. 114). [20] Эта именно форма слова у Даля не указана (см. т. I, стр. 587); пригорода — по Далю — колда, карда, базъ или базокъ, скотный дворикъ (см. т. III, стр. 422). [21] См. т. II, стр. 169. [22] Это значеніе слова у Даля не указано (см. т. II, стр. 122) [23] По Далю — погребница (см. т. III, стр. 160).

Стр. 479. [1] См. Даля, т. IV, стр. 249. [2] См. у Даля, т. IV, стр. 82. [3] См. всѣ предыдущія слова у Даля т. III, стр. 126—127; т. I, стр. 390; т. IV, стр. 459; т. IV, стр. 601 и т. II, стр. 89. [4] У Даля этого названія нѣтъ (см. т. I, стр. 408). [5] См. Даля, т. IV, стр. 642. [6] Здѣсь въ копіи Трушковскаго пробѣлъ (ср. въ «Царь-Колоколѣ», 1892, III, стр. 75); вѣроятно, слѣдуетъ читать: «мякины».

Стр. 480. Нѣкоторыя изъ значеній этого слова, приведенныхъ Гоголемъ, у Даля не указаны (см. т. IV, стр. 291). [2] По Далю, клячъ — именно: шестикъ поперекъ бредня (т. II, стр. 125). Этимъ словомъ Гоголь воспользовался въ одномъ изъ варіантовъ заграничной рукописи «Мертвыхъ душъ»

Н.Р. (см. прим. 3-е, къ 167 стр.). и въ т. III, стр. 19 [3] См. Даля, т. IV, стр. 358. [4] По Далю, просто: «овчинный полушубокъ» (см. т. IV, стр. 667). [5] Этимъ словомъ Гоголь воспользовался въ одномъ изъ варіантовъ «Женитьбы» (см. выше, 584). См. Даля, т. I, стр. 529. [6] У Даля указаны совсѣмъ иныя значенія этого слова: «слабый, хилый, хворый, безвременно одряхлѣвшій, тщедушный» (см. т. II, стр. 345). [7] По Далю: «свѣжій, расторопный»; впрочемъ, также: «дюжій, крѣпкій, дородный, видный или статный» (см. т. IV, стр. 149). [8] См. Даля, т. II, стр. 217. [9] Точки на мѣстѣ слова, пропущеннаго въ копіи Трушковскаго. [10] Этого слова у Даля нѣтъ (См. т. III, стр. 378). Не есть ли это искаженное слово: «похверкъ», которое, по Далю, означаетъ: «толчея» (впрочемъ для толченья руды)? См. Даля, т. III, стр. 378. Впрочемъ, Гоголь, употребляя это слово уже въ Н.Р., пишетъ его такъ: «порхвица», производя его отъ: «порхать». [11] По Далю, *лонскій* и *лонской* — перегодовалый; также *лончакъ* и *лыщакъ* (но не *лонщакъ*) — *перегодовалое* животное (или: ребенокъ), но не *трехлѣтнее* (см. т. II, стр. 271). [12] Этого слова у Даля нѣтъ. [13] По Далю, *отскочища* — изба въ сторонѣ, особнякомъ, не въ ряду, не въ порядкѣ (см. т. II, стр. 782). [14] По Далю: *чехомъ* — «оптомъ, гулбомъ, валомъ, тулáемъ (см. выше, стр. 470, примѣч. 1); круглымъ, общимъ счетомъ, какъ есть, безъ выбора и не раздробляя» (т. IV, стр. 627). [15] По Далю: *трефной* (у жидовъ) — поганый, не дозволенный по Ветхому Завѣту на пищу, некашерный (см. т. IV, стр. 441). Слово: «кашерный» у Даля пропущено (см. т. II, стр. 100—101), но смыслъ его ясенъ. [16] См. Даля, т. III, стр. 104. [17] Т.-е. у Петра Михайловича Языкова, брата поэта, спеціалиста по минералогіи (см. выше, въ примѣчан.; стр. 806).

Стр. 481. [1] Melilotus officinalis, spiraea filipendula (т. I, стр. 481). [2] У Гоголя въ другихъ мѣстахъ обыкновенно *кануперъ* (см. настоящ. изд., т. I, стр. 414, 500 и проч.) [3] См. выше, стр. 480, прим. 3. [4] См. Даля, т. II, стр. 185 (кошмá; во множ. ч.: «кóшмы»). [5] См. т. IV, стр. 182. [6] Мѣшковины — рѣдина, грубый холстъ изъ выческовъ, на мѣшки (т. II, стр. 380). [7] По Далю: нестредь, затрапезина, полосатая цвѣтная ткань, обычно — пеньковая, а лучшая — посконная (т. III, стр. 272).

Стр. 482. [1] По Далю, *чапыжникъ* или *чепыжникъ* — кустъ Caragana fruticosa; частый кустарникъ, непроходимая роща (см. т. IV, стр. 199). Гоголь воспользовался этимъ словомъ при описаніи сада Плюшкина (см. настоящаго изданія т. III, стр. 110; VII т. примѣч. 29 къ стр. 165). [2] Это значеніе у Даля не указано (см. т. IV, стр. 223). [3] Это значеніе у Даля не указано (см. т. I, стр. 288). [4] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. II, стр. 115). [5] См. Даля, т. II, стр. 278. [6] Слова: «шабарской» у Даля нѣтъ; но указанъ глаголъ *шабаршить* (ряз.) — ѣсть, хлебать нехотя, какъ сытый, или когда ѣда не по нутру, не по вкусу; суетиться, хлопотать о пустякахъ; ворчать, брюзжать; тамб. — пустословить, молоть вздоръ. Шабарша — бормотунъ, воркотунъ, брюзгунъ и проч. (см. т. IV, стр. 686). [7] См. Даля, т. II, стр. 148 и 476, прим. 7-е. [8] См. Даля, т. I, стр. 186. [9] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. II, стр. 367). [10] По Далю, сыромолотъ — хлѣбъ, овесъ, обмолоченный на скорую руку, или безъ овинной сушки (т. IV, стр. 386). [11] По Далю, *шишъ* — островерхая куча, ворохъ, насыпь, постройка; кукишъ, фига,

дуля; копёшка сѣна; островерхій шалашъ, балаганъ или вѣжка, изъ составленныхъ сахарной головой и покрытыхъ соломой жердей; симб., неизв., сар. — родъ самаго простаго овина, особ. для сушки конопли (т. IV, стр. 656). См. выше, стр. 477, 2 примѣч.

Стр. 483. [1] См. Даля, т. III, стр. 394. [2] По Далю, не *диоли*, а *диоли* (см. т I, стр. 447) — растеніе Valeriana, мяунъ, кошкина трава, земляной ладанъ. [3] По Далю: «борщевникъ — пучки, бодранъ, роженецъ, опалъ, вонючка, коего стебли ѣдятъ сырьемъ; болячечная трава» (т. I, стр. 120). [4] Коровка — раст. Archangelica offic.; владим. — грибъ боровикъ; коровка, раст. коровникъ — дягель, дягильникъ (т. II, стр. 169). [5] Шкерда — Crepis sibirica (Даля, т. IV, стр. 657) и «скерда» (т. IV, стр. 200). [6] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. II, стр. 97—98). [7] Песика — Barbarea vulgaris — сурѣпица, сверѣна, клячъ, рапсъ, песиха (см. т. III, стр. 106). Выше «punias orientalis» — ошибка подлинника; вмѣсто: «bunias orientalis». [8] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. IV, стр. 256). [9] См. т. II, стр. 331. Гоголь воспользовался этимъ словомъ въ «Мертвыхъ душахъ», см. т. III, 193. [10] См. т. IV, стр. 131. [11] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. III, стр. 111). [12] По Далю, кобелъ — короткая свая, пень, колъ, тумба, столбикъ для причала или охраны чего (см. т. II, стр. 69). [13] Этого значенія у Даля нѣтъ (см. т. IV, стр. 325). [14] См. Даля, т. III, стр. 539. [15] См. т. II, стр. 143. [16] Въ копіи Трушковскаго — «верестъ». Вересъ, верескъ, вересокъ — по Далю — боровой верескъ, растеніе Erica sive Caltuna vulgaris (т. I, стр. 182). Словомъ: «верескъ» Гоголь воспользовался въ первой части «Мертвыхъ душъ» (см. т. III, стр. 17).

Стр. 484. [1] См. Даля, т. II, стр. 188. [2] См, т. IV, стр. 181. [4] По Далю, просто: «качанъ капусты» (т. I, стр. 207). [4] См. Даля, т. II, стр. 183. [5] У Даля этого слова въ формѣ женскаго рода нѣтъ (см. т. II, стр. 267). Гоголь употребляетъ въ «Мертвыхъ душахъ» выраженіе: «перелогъ» (см. т. III, 71 и VII, 216). Ср. послѣдующее объясненіе и описаніе въ «Мертвыхъ душахъ». [6] У Даля указано это значеніе слова (т. III, стр. 367). [7] «Пасма» — см. у Даля, т. III, стр. 18. [8] Это значеніе у Даля не указано (см. т. III, стр. 352).

Стр. 485. [1] По Далю: «ястребокъ, Falco tinnunculus, который ловитъ только мышей и насѣкомыхъ» (см. т. III, стр. 561). [2] «Полунощница», по Далю — летучая мышь, кожанъ, нетопырь (см. т. III, стр. 259). [3] Это значеніе у Даля не указано (см. т. IV, стр. 250). [4] Это значеніе у Даля не указано (см. т. I, стр. 223). [5] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. IV, стр. 660); но по прилагательному: «шмачный» слѣдуетъ здѣсь предположить ошибку вмѣсто *шмакъ*, что въ олонецкой губерніи означаетъ воронку съ желобомъ для отливки оружій (см. т. IV, стр. 660).

Стр. 486. [1] См. Даля, т. II, стр. 733. [2] Этого значенія у Даля нѣтъ (см. т. III, стр. 9). [3] Этого слова у Даля нѣтъ; но есть: «бусырь, бусоръ — хламъ, дрянь» (см. т. I, стр. 147). [4] Взмѣряться — замахиваясь, какъ бы намѣреваясь ударить (см. т. I, стр. 202).

Стр. 487. [1] Черемха или черемуха; у Гоголя обыкновенно: черемуха (см. настоящ. изд. т. I, стр. 223). [2] Этимъ выраженіемъ Гоголь не воспользовался въ «Мертвыхъ душахъ». [3] Слово: «расшива» — по Далю — большое парусное

судно, на Каспійскомъ морѣ, а плоскодонной постройки и на Волгѣ, и проч. (см. т. IV, стр. 85). [4] См. т. I, стр. 578.

Стр. 489. [1] Здѣсь оставлено въ записной книжкѣ пустое мѣсто.

Стр. 492. [1] Скобки въ подлинникѣ (ср. «Ц.-К.», 1892, III, стр. 83).

Стр. 494. [1] Не дописано.

Стр. 495. [1] Слово: «что» въ рукописи пропущено. [2] Окончанія двухъ послѣднихъ словъ не ясны; можно читать и такъ: «Генералъ-губернатору Муравовъ». Скобки въ рукописи.

Стр. 496. [1] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [2] Не дописано. [3] Тоже.

Стр. 497. [1] Въ копіи Трушковскаго здѣсь сдѣлана помѣтка: «начало, какъ видно, вырвано». [2] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [3] Тоже.— Слово: «строже» добавлено по смыслу. [4] Въ копіи: «нѣкогда дѣла(тъ)». [5] Слово: «которое» въ рукописи пропущено. [6] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова.

Стр. 498. [1] Предлогъ *съ* пропущенъ. [2] Не дописано. [3] Конецъ этого слова и слѣдующаго написанъ неясно. [4] По Далю, *нефритъ* — зеленоватый камень, зеленчакъ, идущій на мелкія подѣлки; походитъ на змѣевикъ (см. т. II, стр. 558). [5] Пробѣлъ въ копіи Трушковскаго.

Стр. 499. [1] Въ копіи Трушковскаго не дописано; вѣроятно: «во всякой». [2] Ярески — имѣнье Трощинскихъ, по сосѣдству съ Гоголевскимъ имѣньемъ Васильевкой (см. мой «Указатель къ письмамъ Гоголя», изд. 2, стр. 80). [3] Въ копіи Трушковскаго написано неразборчиво: Пацiора или Пацюра? [4] Эта фамилія также написана не ясно: Горченко или Юрченко?

Стр. 500. [1] Здѣсь текстъ замѣтки о театрѣ прерывается. [2] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [3] Тоже.

Стр. 501. [1] Весь предыдущій отрывокъ въ копіи Трушковскаго находится на 4-й стр., тогда какъ текстъ третьей продолжается на пятой. Мы помѣстили все написанное на четвертой страницѣ въ концѣ отдѣла, отмѣченнаго знакомъ: № 2. [2] См. Даля, т. IV, стр. 655. [3] *Косуля*, по Далю — сѣверовосточная (sic) соха; тяжелая соха или легкій плугъ, съ однимъ лемехомъ, съ отрѣзомъ и отваломъ (полицею) (см. т. II, стр. 176). [4] *Дерба*, по Далю — новина или цѣлина, нѣкогда паханная (т. I, стр. 440).

Стр. 502. [1] Здѣсь въ копіи Трушковскаго пробѣлъ въ одно слово. [2] *Объярь* или *объярь* — по Далю — всякая волнистая или струистая ткань, муаре, накатная. Объярь есть шелковая ткань, со струею золотою или серебряною (см. т. II, стр. 657). См. также у Саввантова: «Описаніе царскихъ утварей», стр. 226. [3] По Далю, становой кафтанъ — исподній; онъ обтяжной, съ перехватомъ по стану (см. т. IV, стр. 321). См. у Саввантова, стр. 192 — 198. [4] Кизилбашскій — персидскій (см. Энциклопедич. Слов. Березина, т. III). [5] Горлатный — по Далю — горловой, душатый (о мѣхахъ). См. Даля, т. I, стр. 389; у Саввантова стр. 308. [6] Зипунъ — см. Даля, т. I, стр. 706; Саввантова, стр. 174. Обнизь — по Далю — низенькое ожерелье, борóкъ; обнизокъ — низанная оборка, бахрома (см. т. II, стр. 625); у Саввантова говорится о подизи (см. стр. 242). [7] Однорядка — по Далю — долгополый кафтанъ, безъ ворота, съ прямымъ запáхомъ и пуговками, однобортний; въ перм. нарѣчіи — чернаго, домашняго сукна рабочій кафтанъ; въ калужскомъ — суконный, и обычно зеленый, женскій кафтанъ особаго покроя съ пуговочками (т. II, стр. 675). См. у Савван-

това, стр. 226 — 227. [8] См. Даля, т. IV, стр. 550. [9] Трава по ткани, травка — по Далю — мелкіе узоры, разводы (т. IV, стр. 435). [10] Ферязь или ферезь — по Далю — мужское долгое платье съ длинными рукавами, безъ воротника и перехвата; женское платье, застегнутое до низу (т.-е. сарафанъ); мѣщанскій, городской сарафанъ съ лифомъ; нарядный, безъ пуговицъ (т. IV, стр. 549). См. Саввантова, стр. 292 и выше, 516, прим. 24.

Стр. 503. [1] Собственно этого слова у Даля нѣтъ; но есть слова: «куфта» (свертокъ мочекъ, кудели, отъ пятка до десятка; мотокъ или цѣвка тесемокъ; мотокъ шелку, золота, серебра); «куфтырь» и «кухта» (то же, что кужель, т.-е. свертокъ, 5—10 мочекъ льну, конопли (см. Даля, т. II, стр. 232 и 216). У Саввантова — куфтерь (сортъ камки) — стр. 209. [2] Камка травная, т.-е. травчатая, т.-е. похожая на траву (см. т. IV, стр. 435). [3] Платно — по Далю — полотно, тонкій холстъ; платье, портъ, одежда; стар. короткая ферязь на застежкахъ (т. III, стр. 123); у Саввантова, стр. 240. [4] Опашень — по Далю — верхняя мужская одежда; широкій, долгополый кафтанъ, какъ ферязь, но съ короткими широкими рукавами (т. II, стр. 699). Подробнѣе у Саввантова, стр. 232. [5] Подпушка — по Далю — мѣховая опушка (см. т. III, стр. 203). [6] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [7] Чернь — родъ черной финифти по серебру, черное серебро (см. Даля, т. IV, стр. 612) (См. т. III, стр. 503). [8] По Далю, *ходимая* одежа — будничная, носильная, обиходная. Даль приводитъ и это выраженіе: «Зипунъ съ обнизью ходильной» съ пояснѣніемъ: «былъ на царѣ» (т. IV, стр. 573). [9] По Далю, волочить золото, желѣзо, проволоку — тянут,ь вытягивать въ въ нитку (см. т. I, стр. 240). [10] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [11] Не дописано. [12] Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова. [13] Въ копіи Трушковскаго написана только начальная буква этого слова.

Стр. 504. [1] Выраженіе: «витое дѣло» у Даля встрѣчается вскользь и безъ объясненія при словѣ *витница* — витье въ значеньи витыхъ вещей и *дела*: веревки, канаты, веревочное производство (см. т. I, стр. 211). [2] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [3] Этого слова у Даля нѣтъ. [4] Закрѣпка — по Далю — всякая вещь, связующая, прикрѣпляющая что-нб.; гвоздь, заклепка, зарубка на деревянномъ, сварка на желѣзномъ обручѣ (см. т. I, стр. 610). [4] Точки на мѣстѣ непрочитанныхъ словъ.

Стр. 505. [1] Предложеніе не дописано.

Стр. 506. [1] Канифасъ — хорошая парусина, на паруса; устарѣлое названіе льняной, весьма прочной, полосатой ткани (см. Даля, т. II, стр. 85). [2] Облѣпиха — ягода въ родѣ рябины. У Даля, дереза, тарновникъ (см. т. II, стр. 615). Послѣ этого, очевидно, пропущены слова: «за здоровье». [3] Глохтить и глошить (ряз.) — по Далю — жадно глотать, особ. пить, пьянствовать, упиваться (т. I, стр. 366). Въ копіи Трушковскаго это слово написано весьма похоже на шохтить и такъ же прочиталъ Н. С. Тихонравовъ (см. «Царь-Колоколъ», 1892, т. III, стр. 88). Но слова *шохтить* у Даля нѣтъ, и притомъ, отыскавъ слово *глохтить* именно въ значеніи: *пить*, едва ли возможно сомнѣваться относительно значенія этого слова. [4] См. Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, т. I, стр. 114: въ простонародной карточной игрѣ — *(хлюстъ или три листа)* — король черной масти; см. также

Даля, т. I, стр. 49. Гоголю, очевидно, недостаточно точно было извѣстно значеніе этого слова; но, вѣроятно, *бардадымъ* все-таки чаще употребляется больше въ значеніи *трефоваго* короля, судя по объясненію слова: бардáшка — трефовый, крестовый, жлудевый король (тамъ же). [5] Извѣстное слово, постоянно встрѣчающееся въ былинахъ; см. у Даля, т. IV, стр. 606: одинокій поводъ уздечки, за который водятъ верховаго коня, привязываютъ или даютъ валяться. [6] Вабить (стар.) — приглашать, призывать; 2) въ охотничьемъ языкѣ — приманить къ себѣ вабиломъ птицъ, въ томъ числѣ и ловчихъ, къ послѣднимъ относится слѣдующее опредѣленіе С. Т. Аксакова: «звать, манить, почмокивая и посвистывая (см. Академич. Словарь русскаго языка» т. I, стр. 327; также Даля, т. I, стр. 161). [7] Въ копіи Трушковскаго: «naziомъ» (sic). Наземъ — по Далю — удобренье, тукъ, все, чѣмъ сдабриваютъ землю, навозъ (см. т. II, стр. 425). [8] Треска — жердь, шестъ или палка (см. Даля, т. IV, стр. 440). [9] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. IV, стр. 130). [10] Въ копіи Трушковскаго это слово не дописано; но, кажется, слѣдуетъ читать: «бутузъ». По опредѣленію академическаго «Словаря русскаго языка», бутузъ — коротышъ, приземокъ; неповоротливый толстякъ; толстощекій, маленькій, толстенькій мальчикъ. «Экій бутузъ!» снисходительно проговорилъ Павелъ Петровичъ» («Отцы и дѣти»). См. «Словарь русскаго языка», т. I, стр. 300; Даля, т. I, 148, гдѣ начертаніе слова: «бутусъ» (sic). [11] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. IV, стр. 451).

Стр. 507. [1] Казарá, казáрка — по Далю — малый дикій гусь, тонконосый (см. т. II, стр. 73). [2] Кряква — кряковная утка, которая крячетъ, кряхуша (см. Даля, т. II, стр. 195 — подъ глаголомъ: «кретать»). [3] Заключенныя въ скобки слова въ копіи Трушковскаго не дописаны. [4] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. III, стр. 274). [5] Это слово у Даля есть (см. т. IV, стр. 655 и выше, пр. 5). [6] Свіязь — по Далю — красноголовка, бѣлобрюшка, шилунъ, свистокрылъ; утка, схожая съ широхвостью, но безъ долгаго пера въ хвостѣ; носъ синій (см. Даля, т. IV, стр. 154). Выше «плутоносъ» — anas clypeata; см. Даля, т. III, стр. 132. [7] Утка шилунъ — anas moschata, китайская (ее держатъ въ домахъ). См. Даля, т. IV, стр. 653. [8] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [9] Крохаль — Mergus merganser (см. Даля, т. II, стр. 202) [10] Гоголь — anas clangula («Словарь русскаго языка», т. II, стр. 835; Даля, т. I, стр. 374). Гоголь воспользовался этимъ словомъ въ «Портретѣ» (см. т. II, стр. 47). [11] Лысуха — большая черная водяная курица, fulica atra (см. Даля, т. II, стр. 282). [12] Вальдшнепъ — salopax rusticola (Даля, т. I, стр. 165) — красный куликъ. [13] Слука — боровой куликъ, вальдшнепъ (Даля, т. IV, стр. 230). [14] Лежанка — дупель, дупельшнепъ (scolopax rusticola). См. Даля, т. II, стр. 249. [15] Стучекъ (польск.) — лежанка, подкопытень, заморозокъ, гаршнепъ, самый малый и самый поздній по осени изъ всѣхъ бекасовъ (т. IV, стр. 358). [16] См. Даля, т. IV, стр. 421.

Стр. 508. [1] Гаршнепъ, по Далю (см. т. I, стр. 355) — самый малый видъ бекаса, заморозокъ, подкопытникъ. [2] Нетягель (въ копіи Трушковскаго: «нетягиль») — см. Даля, т. II, стр. 555 — кулик-веретенникъ, клянча, улитка, большой (съ голуба) болотный куликъ. Веретенникъ — см. т. I, стр. 183. [3] Травникъ — болотный красноклювый куликъ, со скворца; зовутъ

такъ и другой видъ, поменьше, черноклювый (т. IV, стр. 485); см. соч. Аксакова, т. VI, стр. 76. [4] Поручейникъ — куличокъ съ темною спинкою, бѣловатымъ брюшкомъ, зеленоватыми ножками и роговымъ клювомъ; поменьше и посвѣтлѣе травника (т. III, стр. 334; см. Аксакова, т. VI, стр. 70). [5] Не прочитанное слово. [6] См. Даля, т. I, стр. 720; Аксак., т. VI, стр. 88. [7] См. Аксакова, т. VI, стр. 83. [8] Погоныш, по Далю, малая болотная курочка (см. т. III, стр. 155). Аксаковъ о ней не говоритъ. [9] См. выше, примѣч. 6-е къ стр. 466. Припутень — см. т. III, стр. 452. [10] Клинтухъ — по Далю — дикій голубь (т. II, стр. 119). [11] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. I, стр. 532). [12] Шилохвостъ — утка, у которой въ хвостѣ четыре долгихъ пера — anas acuta (т. IV, стр. 655); чернетъ — утка — чернь, головань; черная толстоголовая круглая утка (т. IV, стр. 613); коксунъ — anas clupeata (т. II, стр. 186); свищъ — утка свистуха; дикій гусь (anas penelope). См. Даля, т. IV, стр. 154; у Аксакова: чернетъ (см. т. IV, стр. 61).

Стр. 509. [1] Степушка — по Далю — птица между кулика и бекаса (scolopax limosa). См. т. IV, стр. 330. [2] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [3] См. Даля, т. IV, стр. 480. Гоголь воспользовался этимъ словомъ въ первой части «Мертвыхъ душъ» (т. III, стр. 102). [4] Это объясненіе въ копіи Трушковскаго пропущено и оставленъ пробѣлъ; см. т. IV, стр. 514 и 545. [5] См. Даля, т. IV, стр. 594. [6] Хабалка — по Далю (т. IV, стр. 556) — бранчивая баба. [7] См. Даля, т. IV, стр. 651. Этимъ словомъ Гоголь воспользовался въ первой части «Мертвыхъ душъ» (т. III, стр. 216). [8] См. Даля, т. I, стр. 370. [9] Подъемцы — III, стр. 194 — по Далю — вилы, а не вилки. [10] См. Даля, т. I, стр. 622. [11] Дикуша и дикуша — см. Даля, т. I, стр. 448. [12] См. т. III, стр. 172. [13] Даля, т. I, стр. 527. [14] Это значеніе у Даля не указано (т. IV, стр. 28). [15] См. т. I, стр. 714. [16] См. Даля, т. II, стр. 283. [17] Слово, очевидно, исправленное и употребленное въ шутку. [18] Тоже. [19] См. т. IV, стр. 261. [20] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. I, стр. 408). [21] См. т. I, стр. 454. [22] См. т. I, стр. 721. [23] Куманика — по Далю — ягода морошка, моховая смородина — rubus chamaemorus; ежевика — rubus fruticosus; см. т. II, стр. 221. [24] Ледащій — тамъ же, стр. 248. [25] См. т. II, стр. 356. [26] См. Даля, т. III, стр. 162.

Стр. 510. [1] Этого значенія у Даля нѣтъ; см. тамъ же. [2] См. т. I, стр. 163. [3] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. II, стр. 331). [4] Въ копіи Трушковскаго и въ «Царь-Колоколѣ»: «чорти»; здѣсь, вѣроятно, описка въ копіи. [5] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [6] Это значеніе даннаго слова у Даля не показано. [7] Этимъ выраженіемъ Гоголь воспользовался въ первомъ томѣ «Мертвыхъ душъ» (см. настоящаго изданія т. III, стр. 230). [8] Гоголь подражалъ подобнымъ выраженіямъ во 2 томѣ «Мертвыхъ душъ»: «Пролетарій» (см. т. IV, стр. 379).

Стр. 511. [1] Это слово въ данномъ значеніи у Даля не указано (см. т. II, стр. 278). [2] Тоже (см. т. II, стр. 406). [3] Въ копіи не дописано. [4] См. т. II, стр. 150. [5] См. т. I, стр. 418 и 419.

Стр. 512. [1] По Далю (см. т. II, стр. 804) — передъ грозою, когда воздухъ душенъ. [2] См. Даля, т. II, стр. 86 и 433. Даль при словѣ *накипь* поясняетъ, что это значитъ: каменистые наросты въ пещерахъ, отъ просачивающейся жидкости, сталактитъ (если же отъ капельника сверху, то это

накать). [8] Слово не дописано. [4] См. Даля, т. I, стр. 48; но слова *зеленика* у него нѣтъ (см. т. I, стр. 699 и 700). [5] Слова *жизнуха* у Даля нѣтъ (см. т. II, стр. 294), хотя указано много сходныхъ словъ. [6] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [7] Слова: «синеголовникъ» у Даля нѣтъ (см. т. IV, стр. 190 — 191); дурничникъ — по Далю — дурманъ (см. т. I, стр. 517). [8] См. «сатирій» (*σατύριον*) въ «Полномъ зоологическомъ и ботаническомъ словарѣ» Эртеля, 1843 г., стр. 342; сесели (sésĕli) тамъ же, стр. 351. [9] См. т. IV, стр. 654. [10] См. т. II, стр. 161. [11] Это значеніе у Даля указано (см. т. I, стр. 351). [12] Вины — пики. См. т. I, стр. 209. [13] См. т. IV, стр. 477. [14] Это слово у Даля есть (см. т. II, стр. 349); слѣдующее слово «нары» см. тамъ же, стр. 476. [15] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. IV, стр. 632). [16] См. т. IV, стр. 670. Гоголь воспользовался этимъ словомъ въ «Мертвыхъ душахъ» (т. III, стр. 212). [17] Тамъ же, стр. 406. Этимъ словомъ Гоголь не разъ пользовался въ своихъ сочиненіяхъ; см. напр. т. III, стр. 325 («Телепень Ѳома меньшой»); выше, стр. 47 и 179: «телепень-помѣщикъ». [18] Тягунъ (тамъ же, стр. 465). [19] Тамъ же, стр. 453. [20] Тамъ же, стр. 336.

Стр. 513. [1] Сбрить въ значеніи «украсть» у Даля не указано, но отмѣчено въ значеніи сорвать, взять вынужденно лишнее или взятку (т. IV, стр. 145). [2] См. тамъ же, стр. 675. [3] По Далю, чакрыжить или чекрижить — см. т. IV, стр. 598. [4] Къ сожалѣнію, у Гоголя не указано значеніе этихъ словъ; но можно почти съ увѣренностью утверждать, что Гоголь имѣлъ въ виду оба слова въ значеніи «щипцы», особенно въ виду слѣдующихъ словъ Даля: «сорвачи» яросл. — срывцы, съемы, щипцы (т. IV, стр. 318), тогда какъ съемы, съемцы (IV, 252) — свѣчные щипцы. [5] См. т. IV, стр. 142; въ копіи Трушковскаго явная ошибка: сбрердить (sic). [6] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. IV, стр. 353 и т. II, стр. 344). [7] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. IV, стр. 639). [8] См. т. IV, стр. 8. Послѣ этого слово: «видный» въ копіи Трушковскаго написано дважды. [9] Подробное объясненіе этого слова у Даля см. т. III, стр. 335. [10] У Даля указано болѣе точное значеніе этого слова (т. II, стр. 635) — недоуздокъ, конская узда съ однимъ поводомъ, для привязи. [11] Это значеніе у Даля не указано (см. т. III, стр. 106—107). [12] Тамъ же, стр. 436. [13] У Даля приведенъ именно тотъ же самый примѣръ, указанный Гоголемъ (т. III, стр. 248). Слово: «поклянный» очень часто встрѣчается въ народной поэзіи. [14] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [15] Коромысло — libellula — стрекоза (т. II, стр. 170). [16] Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова.

Стр. 514. [1] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [2] Жерехъ — рыба syngnatus hyppocampus (т. I, стр. 550); см. о рыбахъ выше, стр. 457, примѣч. 7. «Синецъ» (т. IV, стр. 191) — Cyprinus ballĕrus; густера (т. I, стр. 421) — рыба селява или тарань, которая ходитъ рунами, Cyprinus Vimba, лещедка. [3] Слова: «чехоша» у Даля нѣтъ, но есть чехонь, рыба чеша (см. т. IV, стр. 621 — pelecus cultratus. [4] Бадяга — водяное растеніе Spongia или Badiga fluviatilis (т. I, стр. 37) (См. наст. изд. т. III, стр. 288). [5] Бабашки — оладьи (см. ниже, объясненіе Гоголя и примѣч.; также, стр. 516, примѣч. 10).

Стр. 515. [1] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. [2] Пыща — по Далю — пыжъ, пыжина, конопляная мякина (т. III, стр. 570). Н. С. Тихонравовъ объясняетъ здѣсь слово: пыпъ («Ц.-К.», 1892, III, стр. 91) — мякина, лузга конопляная (см. Даля, т. III, стр. 570). [3] См. т. I, стр. 574. [4] Въ копіи Трушков-

ского — затерюха, но изъ объясненія совершенно очевидно, что слово происходитъ отъ глагола *тереть;* у Даля есть слово *затируха* — пшеничная саламата, болтушка (см. т. I, стр. 670). [5] Солодуха — по Далю т. IV, стр. 273) — соложеное тѣсто, опара. [6] Т. IV, стр. 387. Это слово съ тѣмъ же объясненіемъ отмѣчено въ Словарѣ Гоголя, напечатанномъ Н. С. Тихонравовымъ въ «Сборникѣ Общества Любителей Россійской Словесности» за 1891 г., стр. 38. [7] У Даля это слово указано въ формахъ: шанька, шанежка, шанечка (см. т. IV, стр. 640). Гоголь воспользовался имъ въ главѣ о Коробочкѣ (см. т. III, стр. 58). [8] Пріемецъ — по Далю — столовая вилка (т. III, стр. 479). [9] См. т. III, стр. 128.

Стр. 516. [1] См. т. III, стр. 548. [2] См. т. III, стр. 552. Пряжа одного происхожденія съ словомъ «пряженецъ»; см. выше. Гоголь воспользовался этимъ словомъ въ главѣ о Коробочкѣ (т. III, стр. 53). [3] См. т. II, стр. 308—309. [4] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. II, стр. 108). [5] См. т. IV, стр. 18. [6] См. т. II, стр. 645. Слово «отопки» и «отопочки» очень часто встрѣчается въ народной поэзіи. [7] См. т. I, стр. 121. [8] Это значеніе указано и у Даля. См. т. II, стр. 566. [9] См. у Даля, т. II, стр. 621. По Далю: обмешулиться и обмишулиться. Колобъ — см. Даля, т. II, стр. 189. [10] По Далю, бабашки — пышки, оладьи; гречневые блины, лепешки (т. I, стр. 34). [11] Кольца — по Далю — родъ пирожнаго, пряженое въ родѣ колецъ; бублики (т. II, стр. 146). [12] Конитца — по Далю (т. II, стр. 161) — пряженое пирожное въ видѣ копыта; тоболка — ватрушка, левашникъ, пирогъ съ начинкой (т. IV, стр. 419). Далѣе — кулейка, тортоноша — см. т. II, стр. 219 (кулейка) и т. IV, стр. 432 (тортоноша). [13] Довольно подробное объясненіе этого слова см. у Даля, т. II, стр. 218. [14] По Далю, мука съ водой въ желтой замѣскѣ (т. I, стр. 113). [15] По Далю — щелкунцы (яросл.); см. т. IV, стр. 674. [16] Тѣльное — см. т. IV, стр. 460 — рыбное кушанье, котлеты, колобки изъ рыбьяго мяса, изъ рыбы, очищенной отъ костей; толченики — тамъ же, стр. 428 — родъ колобковъ, кледокъ съ рыбою, въ ухѣ. [17] Огуряться — по Далю (т. II, стр. 670) — отнѣкиваться, отдѣлываться, лынять, лытать, отлынивать, отыгрываться, бѣгать дѣла, уходить отъ работы; упрямиться отъ лѣни и своеволія. [18] Оцапить см. т. II, стр. 802. [19] Слово «жирникъ» у Гоголя не объяснено; но Даль указываетъ нѣсколько значеній этого слова, именно: *камень жировикъ,* бѣлесоватый, зеленоватый, жирный на видъ и на ощупь, изъ котораго особенно китайцы работаютъ рѣзныя вещицы; горшокъ для топки масла; блюдо, кушанье изъ каши, съ рубленными грибами на маслѣ, на жиру (см. т. I, стр. стр. 559). [20] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. Слово «котловина» см. т. II, стр. 181. [21] Это значеніе у Даля не указано; онъ приводитъ другія значенія слова: поббчень — сосѣдъ и побочень — боковой вѣтеръ для судна; отлогій, чистый и широкій берегъ моря (т. III, стр. 189). [22] Это слово вторично записано здѣсь Гоголемъ (см. выше, стр. 516, примѣч. 1-е); у Даля, III, 548). [23] Т. IV, стр. 142. [24] Это слово также указано здѣсь вторично (см. выше, стр. 502, примѣч. 10). [25] Поднизь — по Далю — рыска, жемчужная или бисерная сѣтка, бахрома, на женскомъ головномъ нарядѣ; иногда зовутъ такъ: «решеекъ дѣвичьей косы» (т. III, стр. 193).

Стр. 517. [1] Черпакъ — см. т. IV, стр. 614; слова «корчикъ», столь извѣстнаго,

къ удивленію, у Даля не находимъ (см. т. II, стр. 173). Это разные виды ковшей. [2] Слово: «малахай» имѣетъ и другое значеніе, именно: кафтанъ въ накидку (см. т. II, стр. 297); треухъ — см. т. IV, стр. 444 — теплая шапка съ тремя опускными лопастями, на бока и на затылокъ, съ ушами и задникомъ; малахай. Слово «треухъ» Гоголь употребляетъ въ XI гл. первой части «Мертвыхъ душъ» (см. т. III, стр. 227). [3] См. т. IV, стр. 373. [4] См. т. IV, стр. 479. Это слово употребляется въ томъ же значеніи въ нѣкоторыхъ губерніяхъ также въ мужескомъ родѣ. [5] См. т. IV, стр. 611. [6] Харапай — т. IV, стр. 558 — крестьянскій халатъ, азямъ. [7] Цапля, цапельникъ, чапельникъ (т. IV, стр. 587) — сковородникъ. [8] У Даля: *соянъ* и *саянъ* (т. IV, стр. 292) — родъ верхней женской одежи, сарафанъ, болѣе открытый, распашной, растегай. [9] Сорока — по Далю (т. IV, стр. 281) — родъ кички, на челѣ пониже, а съ боковъ повыше; иногда по такому волосничку только повязывается шитая ширинка. [10] По объясненію Даля, слово: *обрѣзъ* вовсе не означаетъ кадку, но развѣзъ, пересѣкъ, полубочье, одна изъ кадокъ, *половинокъ* распиленной поперекъ бочки (т. II, стр. 687). [11] Кулганъ, кубганъ, кумганъ — по Далю (см. т. II, стр. 218, 219 и 221) — мѣдный кувшинъ съ рыльцемъ, ручкою и крышкой; рукомойникъ, квасной кувшинъ. [12] См. т. II, стр. 101: именно — горшокъ для крутой каши, средней руки. [13] По Далю — (т. II, стр. 186) — кокуй то же, что̀ кокошникъ, т.-е. народный головной уборъ русскихъ женщинъ, въ видѣ опахала или округлаго щита вкругъ головы. [14] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. IV, стр. 668). [15] См. т. II, стр. 175. [16] Костычъ — (т. II, стр. 178) — короткій, будничный, повитковый кафтанъ. Озямъ и азямъ см. т. II, стр. 682 и т. I, стр. 7. [17] Чамчуры — (т. IV, стр. 600) и чамчуры (599) — женскіе высокіе башмаки, пониже котовъ, почти какъ бахилки, но обычно безъ оторочки. [18] Чапанъ — т. IV, стр. 599 — азямъ, крестьянскій верхній кафтанъ. [19] Катанцы и катанки — т. II, стр. 97 — валенки; въ копіи Трушковскаго ошибка: котонци (sic). [20] Шушпанъ — т. IV, стр. 670 — мордовскій балахонъ; влгд. и вят. — крашенинный сарафанъ особаго покроя: съ рукавами, безъ боковъ назади. [21] См. выше, стр. 517, примѣч. 2 [22] Харпай — по Далю (т. IV, стр. 559) — опашень, зипунъ, понитникъ, а харапай (стр. 558) — крестьянскій халатъ, азямъ. [24] Это значеніе у Даля не указано (см. т. III, стр. 76). [24] Пропускъ въ копіи Трушковскаго.

Стр. 518. [1] Гоголь, повидимому, смѣшиваетъ здѣсь, считая равнозначащими два совершенно различныхъ слова, съ разными значеніями: *подволока* дѣйствительно значитъ: верхъ, вышка, чердакъ (см. т. III, стр. 168), тогда какъ подвалка — почти то же, что̀ подвалъ, значитъ: подклѣть, нижнее жилье, отчасти врытое въ землю (см. т. III, стр. 165). Это слово приводится здѣсь уже вторично (см. выше, 460, примѣч. 1-е). [2] Это значеніе указано и у Даля (см. мальга и малишъ у Даля, т. II, стр. 299). [3] У Даля этого слова нѣтъ (см. т. IV, стр. 664). [4] Сравнивая объясненіе словъ: *сподручный* и *сподручный*, можно думать, что значенія ихъ различны — по Далю это синонимы (т. IV, стр. 304). [5] См. т. IV, стр. 668. [6] Хвостить (т. IV, стр. 563) — врать, лгать, насказать, наплетничать, наговаривать, ябедничать, сплетничать. [7] Это значеніе у Даля не указано (т. II, стр. 228), но общій смыслъ слова объясненъ сходно: мелочной воришка, взяточникъ,

урывай — алтынникъ; также: ястребъ, курятникъ. [8] Это значеніе указано и у Даля (см. т. IV, стр. 462); также: тѣшить (=кормить грудью дитя). [9] Это значеніе указано и у Даля (напр.: «одно трости: Господи, прости!») — см. т. IV, стр. 446. Слово: «татарка» см. у Даля, т. IV, стр. 402—403.

Стр. 519. [1] См. т. IV, стр. 566 (у Даля не отмѣчена только означаемая этимъ словомъ *внезапность* удара). [2] См. т. IV, стр. 25. Кромѣ этого слово «*раздряга*» означаетъ: вялый, лѣнтяй. [3] Отымалка — т. II, стр. 766 — ветошка, тряпица, которою снимаютъ горшокъ съ пылу. Словомъ: «поддедюлить» Гоголь воспользовался въ «Мертвыхъ душахъ» (т. III, стр. 214 и т. VII, стр. 519). [4] См. т. II, стр. 639 и 640. [5] См. т. II, стр. 681; послѣ этого: линять (т. II, стр. 281). [6] Это значеніе у Даля не указано (см. т. I, стр. 590). [7] Собственно: шишиморничать (см. т. IV, стр. 656). Любопытство, что слово шишимора происходитъ отъ кикимора. [8] Это значеніе указано также у Даля (см. т. I, стр. 195). [9] Слово: *валюга* у Даля пропущено, но оно указано какъ синонимъ, при словѣ: валуй (см. т. I, стр. 164). [10] См. т. II, стр. 716. [11] По Далю, щепоть и щепотка (т. IV, стр. 678) — два либо три первые пальца, сложенные для ухвата чего-либо; сколько порошку можно захватить этими перстами. [12] Не дописано. [13] Этого значенія у Даля не указано (см. т. II, стр. 351). [14] Ториться — по Далю (т. IV, стр. 430) = тереться, толкаться. [15] Въ копіи Трушковскаго здѣсь описка: толчите (sic.). [16] См. Даля, т. IV, стр. 538.

Стр. 520. [1] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. IV, стр. 542). [2] Этого слова также нѣтъ (см. т. II, стр. 226). [3] См. т. II, стр. 162. — Этимъ словомъ Гоголь воспользовался въ началѣ втораго тома «Мертвыхъ душъ» (см. т. III, стр. 292). [4] Этого значенія у Даля нѣтъ, но есть сходныя (см. т. II, стр. 266). [5] Не дописано. [6] Въ этой фразѣ въ копіи Трушковскаго много не прочитанныхъ словъ. Иванъ Григорьевичъ Кольчугинъ — извѣстный московскій книгопродавецъ; торговалъ на Никольской возлѣ Казанскаго собора (примѣч. Н. С. Тихонравова: см. «Ц.-К.», 1892, III, 91). [8] Загоскина. [9] Не разобрано одно слово; ср. примѣч. Н. С. Тихонравова («Ц.-К.», 1892, III, 91, 4-ое примѣч.).

Стр. 521. [1] Въ копіи Трушковскаго не дописано. [2] Тоже. [3] Это значеніе у Даля не указано (см. т. II, стр. 276). [4] Въ сущности оба эти слова имѣютъ общее значеніе, именно: «переполошиться вообще» (см. Даля, т. I, стр. 194). [5] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. I, стр. 275). [6] Это слово здѣсь вторично приводится (см. выше, стр. 509, примѣч. 19). [7] См. т. IV, стр. 368. [8] Тамъ же, стр. 599. [9] По объясненію Даля, подача — косякъ съ ходовымъ якоремъ; снарядъ для ходу противъ воды; самая тяга по завозу. Подачей идутъ особенно коноводки, таща за собою цѣлый хвостъ подчалковъ (см. т. III, стр. 162). [10] Это значеніе указано и у Даля (см. т. IV, стр. 120). [11] По Далю, порубень — (см. т. III, стр. 333) — толстый поясъ, толстый обшивной брусъ (изъ развала) на баркахъ, который кладется по осадкѣ, по чертѣ полной огрузки. [12] Это значеніе у Даля не указано, но есть слово: «губа» (см. т. I, стр. 415). [13] Даль дѣлаетъ слѣдующія объясненія этого волжскаго термина: *на Волгѣ* — 1) ванты съ юнферами, смоляныя снасти, держащія мачту съ боковъ, 2) западины, ящики лопастей наливнаго колеса, 3) бороздки, жолоба въ столпахъ, колоннахъ, канелюры (см. т. II, стр. 268). [14] Болѣе полное объясненіе у Даля: косякъ по Волгѣ и на Каспійскомъ

морѣ означаетъ толстую веревку, ходовой канатъ, на которомъ тянется судно (мѣра веревки — 12 саженъ). См. Даля т. II, стр. 177. [15] Этого слова у Даля нѣтъ (т. IV, стр. 558). [16] Это значеніе у Даля не указано (т. IV, стр. 399). [17] См. т. II, стр. 16. [18] Тамъ же, стр. 139. [19] Тамъ же, стр. 216; но у Даля: кужелъ. Это слово у Гоголя повторяется здѣсь въ другой разъ; см. выше, стр. 503, примѣч. 1. [20] Этого слова у Даля нѣтъ, но есть глаголъ *отсмокотать*, т.-е. отсосать, отжамкать губами (см. т. II, стр. 782).

Стр. 522. [1] Въ копіи Трушковскаго: «подтибурить», но см. подтибрить (т. III, стр. 216) и подсебривать, подсебрить, подсебренить (см. т. III, стр. 208). [2] См. т. III, стр. 559. [3] См. т. IV, стр. 633 (по объясненію Даля, ~~чуприсмуть~~ происходитъ будто бъ отъ слова :«чуприна»). [4] По Далю (т. IV, стр. 415) — тигусить: истязать, мучить, тиранить. [5] Это значеніе указано и у Даля, но при немъ поставленъ почему-то вопросительный знакъ (слово это употребляется въ тверскомъ нарѣчіи) (см. т. II, стр. 710). [6] Даль указываетъ совершенно иное значеніе слова: облупа — кабакъ на вынѣздѣ, ошара, гдѣ грабятъ пьяныхъ; значеніе же этого слова, отмѣченное Гоголемъ, указано подъ словомъ: «облутошить» (см. т. II, стр. 616). [7] См. т. II, стр. 516—517. Этимъ словомъ воспользовался Гоголь въ «Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ» (см. настоящаго изданія т. III, стр. 208). [8] См. т. IV, стр. 315. Словомъ: «хапуга» Гоголь воспользовался въ «Мертвыхъ душахъ» (см. т. III, стр. 144). [9] По Далю, поготово — давно, пуще (т. III, стр. 159); голомя — см. т. I, стр. 379. [10] У Гоголя отмѣчено одно изъ многихъ значеній этого слова; такъ ѣдоха значитъ ѣдунъ и знатокъ, мастеръ (Даля, т. IV, стр. 680). [11] См. т. IV, стр. 370. [12] Этого слова у Даля нѣтъ въ данномъ значеніи, но есть околка — ломоть во всю ковригу (см. т. II, стр. 687). [13] См. т. III, стр. 159. [14] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. II, стр. 142). [15] У Даля — узерка (см. т. IV, стр. 492) — стрѣльба зайцевъ по черностопу, отыскивая ихъ глазами на логовѣ, что дѣлается поздней осенью, но еще по снѣгу. [16] Точки на мѣстѣ не прочитаннаго слова. Объясненіе слова «черностопъ» — осенніе холода безъ снѣгу см. въ т. IV, стр. 614. Слово: «черностопъ» см. на стр. 463, примѣч. 5. [17] Въ копіи Трушковскаго не разобрано: «на..зился, назгонился (sic). См. Даля, т. II, стр. 422. [18] См. т. IV, стр. 430. [19] У Даля указаны другіе оттѣнки значеній этого слова, именно: «фуфыря» — капризный человѣкъ; фуфырки — раст. купырь, дягиль (см. т. IV, стр. 556). [20] См. т. IV, стр. 441. [21] Это значеніе приводится и у Даля (т. IV, стр. 376). [22] См. т. II, стр. 331 и т. IV, стр. 270; но данное значеніе слова *сочельникъ* не указано. См. наст. изд. т. III, стр. 193 и выше, 488 стр. примѣч. 9 и стр. 816.

Стр. 523. [1] Слово не дописано. [2] См. т. I, стр. 146. [3] По Далю (см. т. I, стр. 149) — брюква; также толстая *женщина*. [4] По Далю (см. т. I, стр. 161) = бухать, бросать, ронять со стукомъ, грохотомъ. [5] Слово: «бухилы» имѣетъ гораздо болѣе разнообразное значеніе, нежели какое указано Гоголемъ (см. т. I, стр. 56); чарыки см. т. IV, стр. 600. [6] По Далю, какъ болобанъ (т. I, 112), такъ и балабанъ (I, 41). [7] Это второе значеніе слова, тогда какъ настоящее значеніе его — зорко и неподвижно смотрѣть, стойко уставить въ кого или во что глаза (т. I, стр. 205). [8] По Далю, выварить — высѣчь (т. I, стр. 295), а взварить — бить, ударять

(т. I, стр. 195). [9] У Даля, воскорица (т. I, стр. 252) — оструха, бойкая дѣвка, бабенка. [10] Въ копіи Трушковскаго: взризовать (см. Даля, т. I, стр. 204). [11] См. т. I, стр. 444. [12] Мы оставляемъ здѣсь правописаніе Гоголя, чтобы не нарушать его алфавитную систему. Странно, что у Даля указано совершенно противоположное значеніе этого слова; такъ, сбойничать — по Далю — значитъ: разстраивать чужія дѣла вмѣшательствомъ своимъ, отговаривая кого-либо отъ участія или согласія (т. IV, стр. 143). [13] См. т. II, стр. 34, при чемъ Даль отмѣчаетъ, что шестить въ значеніи умереть употребляется въ *Владимірской* губерніи. [14] См. это слово выше; стр. 517, примѣч. 16. [15] Объясненіе этого слова у Даля нѣсколько иное; именно: колотырница — сплетница (т. II, стр. 143). [16] У Даля, кувыркаться и проч. (см. т. II, стр. 214). Это слово см. у Даля, т. II, стр. 221 и раскумекать (т. IV, стр. 63). Слово: «раскумекать» было уже раньше (см. 464, 6 примѣч.). [17] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. II. стр. 134). [18] Здѣсь указано второстепенное значеніе этого слова, а главное: икнуть, невольно вскрикнуть (т. II, стр. 105); также: «клекнуть» (II, 117). Гоголь воспользовался словомъ: «клекнуть» въ формѣ: «заклекнуть» въ одиннадцатой главѣ перваго тома «Мертвыхъ душъ» (см. т. III, стр. 239). [19] Это значеніе указано у Даля (т. II, 237). [20] См. т. II, стр. 278; лотошить и латошить — плескать, какъ вода на мельницѣ и проч.

Стр. 524. [1] Маклевать и маклачить — см. т. II, стр. 296. [2] См. т. II, стр. 352; мнвгать — см. т. II, стр. 371. [3] См. т. II, стр. 428. [4] См. т. III, стр. 546. [5] См. т. III, стр. 480. Слѣдующими словами: «пиголица» и «привередливый» Гоголь воспользовался въ «Мертвыхъ душахъ», именно — первымъ на стр. 224, а вторымъ на стр. 16 перваго тома. [6] См. т. IV, стр. 80. [7] Т.-е. своеобычный (см. т. IV, стр. 155). [8] См. т. IV, стр. 198. [9] Этого слова у Даля нѣтъ (см. т. IV, стр. 410). [10] По Далю, терюхъ — безтолковый человѣкъ (т. IV, стр. 418). Даль отмѣчаетъ, что это слово употребляется во владимірской губерніи. [11] См. т. IV, стр. 600. Здѣсь снова отмѣчено употребленіе этого слова во владимірской губерніи. Послѣ этого слово: «шумера» повторено въ другой разъ (см. выше, стр. 512, примѣч. 16) [12] Шибарша — см. т. IV, стр. 651. Въ копіи Трушковскаго ошибка: шибарта (см. выше, 482, прим. 6). [13] Это значеніе приведено и у Даля (см. т. IV, стр. 10). [14] См. т. IV, стр. 667 и 670. [15] См. т. II, стр. 679. [16] Тамъ же, стр. 774. [17] Тамъ же, стр. 807.

Стр. 525. [1] Это выраженіе см. въ «Развязкѣ Ревизора». (см. настоящаго изд. т. II, стр. 846). Словомъ: «іора» (см. выше) Гоголь воспользовался въ «Мертвыхъ душахъ» (см. т. III, стр. 184). Пропусвъ въ подлинникѣ.

Стр. 527. [1] Эта записная книжка была подарена Гоголю Жуковскимъ въ день ихъ разлуки на продолжительное время во Франкфуртѣ на Майнѣ 8/20 октября 1846 года. 24-го мы застаемъ его уже въ Страсбургѣ на пути въ Неаполь[1]. Въ началѣ ея написано крупными буквами: «До свиданья» и подъ этимъ выставлена названная дата отдѣльной строкой: Франкфуртъ на Майнѣ. 1846 8/20 октября. Потомъ на слѣдующей строкѣ стоитъ: «Да не смущается сердце ваше» и подъ этимъ: Іоаннъ, XIV, 1.

Стр. 532. [1] Слово: «всего» зачеркнуто Гоголемъ.

---

[1] См. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 274.

Стр. 533. [1] Поставленное въ скобки зачеркнуто Гоголемъ. [2] Эти слова пропущены въ «Ц.-К.». [3] Въ рукописи: «не имѣющій». [4] Одно слово не разобрано. [5] Точки на мѣстѣ не разобраннаго слова. [6] Вѣроятно, этотъ набросокъ назначался для втораго тома «Мертвыхъ душъ» и составлялъ часть воспоминаній генерала Betрищева о 12 годѣ (примѣч. Н. С. Тихонравова въ «Царь-Колоколѣ». 1892, III, стр. 96. примѣч. 2-е. Ему принадлежатъ шесть также предшествующихъ примѣчаній).

Стр. 534. [1] Примѣч. Н. С. Тихонравова въ «Царь-Колоколѣ» (1892, III, стр. 97, примѣч. 1-ое): «Эта фраза, повидимому, должна была замѣнить въ новой редакціи второй части «Мертвыхъ душъ» слѣдующую строку: «Въ деревнѣ пошли хороводы. Гуляньо былъ просторъ». См. настоящаго изданія т. IV, стр. 361. [2] Точки на мѣстѣ не разобранныхъ словъ.

Стр. 535. [1] Точки на мѣстѣ не разобранныхъ словъ. [2] Тоже. [3] Точками обозначены здѣсь пустыя мѣста, оставленныя Гоголемъ для позднѣйшаго восполненія наброска. [4] Тоже.

Стр. 536. [1] Тоже [2] Не дописано. [3] Точки для обозначенія пропуска.

Стр. 540. [1] Не дописано.

Стр. 541. [1] Не дописано. [2] Этими выраженіями Гоголь воспользовался во второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ» (см. настоящаго изданія т. IV, стр. 379). Словъ: «зиберъ» и «клеръ» въ Словарѣ Даля нѣтъ (см. т. I, стр. 704 и т. II, стр. 118); слово: «*клеръ*», правда, отмѣчено, но совершенно въ другомъ значеніи; это, вѣроятно, только омонимъ отмѣченнаго Гоголемъ: по Далю клеръ — чистая, промытая, костяная зола. [3] Перналь — по Далю — бумажная, бѣлая, простая ткань, коленкоръ (см. т. III, стр. 102). [4] Словъ: «муслинъ» и «бумусетъ» у Даля нѣтъ; см. т. II, стр. 368 и т. I, стр. 143, [5] У Гоголя здѣсь стоитъ: «уваль».

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ:

На стр. 558 (20 строка сверху) вмѣсто словъ: «подаренной вдовой И. Є. Аксакову Московскому Публичному и Румянцовскому Музею записной книги» слѣдуетъ читать: «въ Ивановской рукописи, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ».

На стр. 515, 10 стр. снизу: «рубленой свининой», а не «рубли свиноуеной»

На стр. 599, въ примѣч. 4, вмѣсто: «роль этого» слѣдуетъ читать: «послѣ этого».

На стр. 544 слѣдуетъ дополнить при объясненіи статьи: «Хромой чортъ», что этотъ анекдотъ, вѣроятно, былъ написанъ одновременно или незадолго до повѣсти: «Ночь передъ Рождествомъ» (см. т. I, стр. 553, примѣч. 1-е). Въ перечнѣ словъ, внесенныхъ Гоголемъ въ его сочиненія изъ записныхъ книжекъ, пропущены слова: «бадяга» (т. III, стр. 288), «киститься» (стр. 293), «шишъ» (стр. 294), «чернь» (стр. 304), «чагравый» (стр. 327), «сичугъ» (стр. 337), «тягло» (стр. 354), «егоза» (стр. 370), «ксандрейка» (стр. 372); также слово: «сорока» въ значеніи: «кичка» и проч. Подробнѣе объ этихъ словахъ въ VII томѣ (въ исторіи текста «Мертвыхъ Душъ».

КОНЕЦЪ ШЕСТАГО ТОМА.

СПИСОКЪ ПРИЛОЖЕНІЙ КЪ ШЕСТОМУ ТОМУ:

1. Портретъ Гоголя.
2. Три снимка съ рисунковъ Гоголя, относящихся къ послѣдней сценѣ „Ревизора“.

Марья Антоновна и Марья Андреевна.

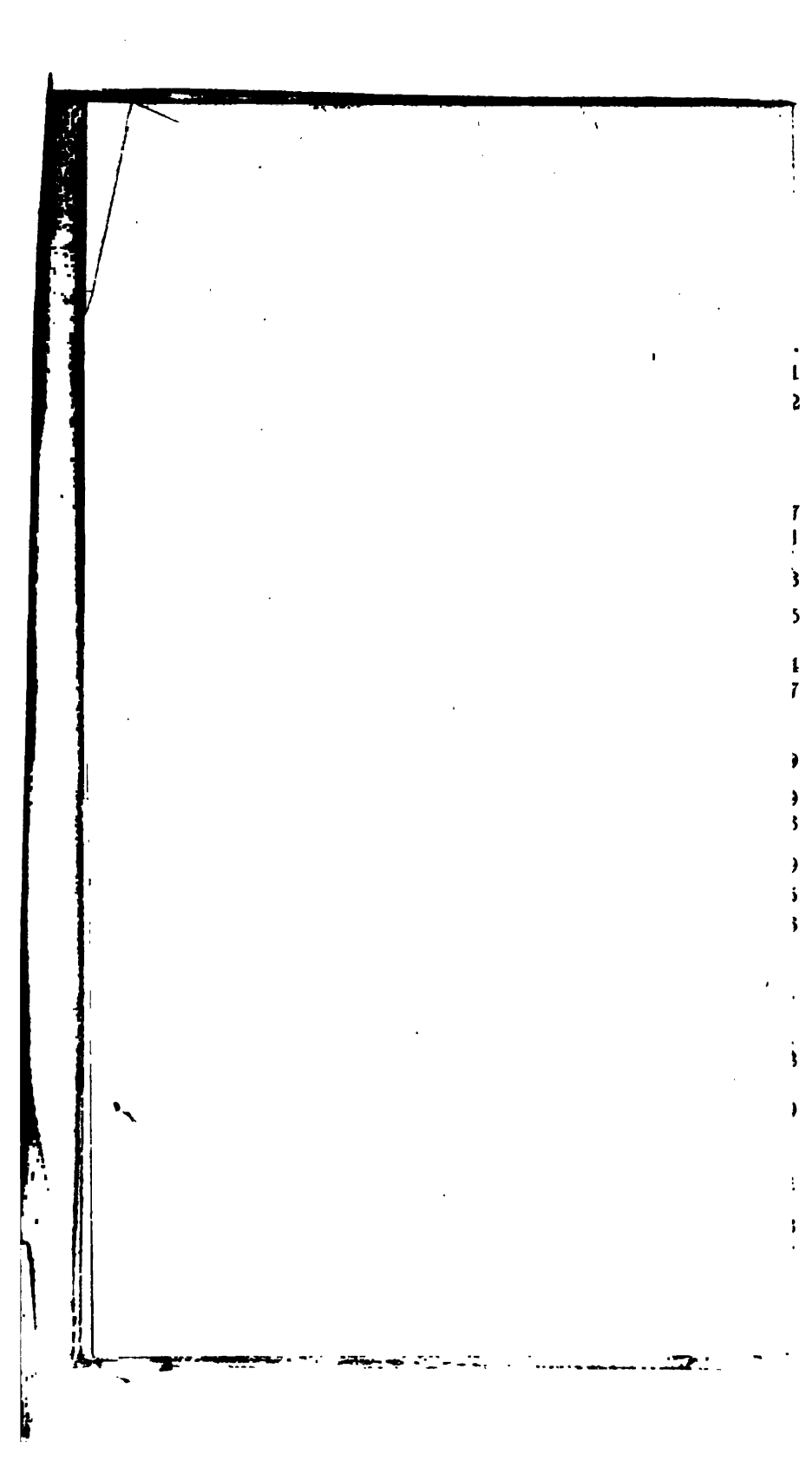
Собственноручный рисунокъ *Н. Гоголя* къ послѣдней сценѣ „Ревизора“.

Дозволено цензурою. Тип. А. Ф. Маркса, Средн. Подъяческая № 1.

«Ревизора».

Дозволено цензурою.

Тип. А. Ф. Маркса, Средн. Подъяческая № 1.



ОГЛАВЛЕНІЕ ШЕСТАГО ТОМА.

Стран.

Непогода 1

Хромой чортъ 2

О поэзіи Козлова ..... —

Къ исторіи текста комедіи: „Женитьба“:

I. „Женихи“. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ 7
II. „Женихи“. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ 21

Къ исторіи текста комедіи „Ревизоръ“ 63

I. Первоначальный набросокъ „Ревизора“ 65
II. Наброски, дополняющіе или замѣняющіе отдѣльныя сцены предшествующаго текста 144
III. „Ревизоръ“. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ 157

Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы съиграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора“ 249

I. Полный черновой текстъ 249
II. Начальныя страницы, переписанныя набѣло 256

Дополненіе къ „Развязкѣ Ревизора“ 259

Александръ 265

Программа лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ 266

Часть первая. До крестовыхъ походовъ.
Отдѣленіе I. Отъ разрушенія Западной Имперіи до Карла и Гарунъ-аль-Рашида ..... —
Отдѣленіе II. Вѣкъ Аравійскаго просвѣщенія отъ Карла и Гарунъ-аль-Рашида до крестовыхъ походовъ 268
Часть вторая. Отъ крестовыхъ походовъ до открытія Америки и сокрушенія папской власти 270
Отдѣленіе I. До окончанія крестовыхъ походовъ и появленія Монголовъ ..... —
Отдѣленіе II. До сокрушенія папской власти 271

Библіографія среднихъ вѣковъ 273

Выдержки изъ лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ 277

Стран.

I. Взглядъ на состояніе римской имперіи въ послѣднее время ея существованія и на причины, произведшія разрушеніе ея ..... —
II. О движеніяхъ народовъ германскихъ, причинившихъ разрушеніе западной римской имперіи 231
III. Взглядъ на земли западной имперіи по занятіи ихъ народами германскими. Отношенія германцевъ къ оставшимся римлянамъ и первыя стихіи новой жизни 288
IV. Состояніе Италіи подъ владычествомъ готовъ, греческаго экзархата, ломбардовъ; ихъ вліянія и отношенія къ римлянамъ 292
V. Взглядъ на состояніе Рима и начало духовной и свѣтской власти папъ 295
VI. Состояніе франковъ подъ начальствомъ королей-предводителей. Ихъ отношенія къ завоеваннымъ провинціямъ. Анархія при неимѣющихъ власти корольяхъ и владычество меровъ 296
VII. Состояніе королевства вестготовъ въ Испаніи и завоеваніе ихъ арабами 299
VIII. Состояніе Европы неримской и народовъ, основавшихся на земляхъ, не принадлежавшихъ римской имперіи 301
IX. Состояніе восточной римской имперіи во время религіозныхъ споровъ, битвъ съ персами и завладѣній арабовъ. 303
X. Первобытная жизнь арабовъ. Переворотъ на образованіе націи, произведенный Магометомъ, и завоеванія ихъ... 309

Петербургская сцена въ 183⅚ г. 316
Черновые наброски статьи: „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 г.“ 327

1. Наброски первоначальные ..... —
2. Наброски позднѣйшіе 348

Рецензіи, написанныя для Пушкинскаго „Современника“ ... 354
Коляска (въ первоначальной редакціи) 367
Сганарель, или мужъ, думающій, что онъ обманутъ женою. 379
Мериме 398
Учебная книга словесности для русскаго юношества 401

Проспектъ 403
О наукѣ ..... —
Что̀ такое слово и словесность? 405
О поэзіи 407
О поэзіи лирической 408
Оды, гимны и лирическія воззванія ..... —
Пѣсня 409
Элегія 411

Стран.
Дума ... 412
Поэзія повѣствовательная и драматическая ... —
Эпопея ... 413
Меньшіе роды поэзіи ... 414
Эклога и идиллія ... 415
Эклога ... —
Идиллія ... 417
Романъ ... —
Повѣсть ... 418
Сказка ... 419

Ученыя разсужденія и трактаты ... 420

Примѣры ... —
Оды ... —
Пѣсни ... 421
Элегіи ... 423
Эклоги. Идилліи. Думы. Антологическія стихотворенія ... 424

1846 годъ ... 426
О сословіяхъ въ государствѣ ... 427
Объявленіе объ изданіи русскаго словаря ... 433
Отрывки и наброски разныхъ лѣтъ. 435

I. Наброски изъ древней исторіи (1835 года) ... 435

1. Мидія ... —
2. Вавилонъ ... —
3. Малая Азія ... —
4. Финикіяне ... 436

II. Черновые наброски, замѣтки и выписки, относящіеся къ русской исторіи ... 439

1. Лѣтописи ... —
2. Особыя замѣтки ... 440
Мысли и замѣтки собственныя ... 441
3. Земля Галичская. — Берендѣи и торки ... 442
4. О покупкѣ великими князьями селъ у бояръ. О имѣніяхъ и доходахъ. —
5. Объ отношеніяхъ литовцевъ къ южной Россіи ... 443
6. Отношенія козаковъ въ Россіи при Петрѣ ... 445
7. Разсмотрѣніе хода просвѣщенія въ Россіи ... 447

III. Отрывокъ изъ неоконченной повѣсти ... 449
IV. Начало неоконченной повѣсти ... —
V. Замѣтки о сельскомъ хозяйствѣ ... 450
VI. Помѣщики ... 451
VII. Трудъ ... 452
VIII. Дружеское шутливое пари ... 453
IX. Объявленіе о выѣздѣ ... 454

Стран.

X. Альбомная замѣтка 1826 г..... —
XI. Строки, написанныя за нѣсколько дней до кончины..... —

Приложенія.

Полный текстъ карманныхъ записныхъ книжекъ Н. В. Гоголя.. 455
1. Изъ записной книжки 1841—1842 гг..... 457
2. Изъ записной книжки 1842 года..... 497
3. Изъ записной книжки 1846 года..... 525
4. Изъ записной книжки, подаренной Гоголю Жуковскимъ во Франкфуртѣ на Майнѣ 8/20 октября 1846 г..... 527

Примѣчанія редактора и варіанты..... 542
Списокъ приложеній къ шестому тому..... 828

3701